

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXVIII.

1893.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	3
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	1
В. А. Семеновъ. Греческій источникъ „Иреченій Ионхія“	84
В. О. Миллеръ. Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ	94
Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русокаго права (продолженіе).	104
Л. Таллоцъ. Исторія сѣверо-восточной Европы и новѣйшая мадьяр- ская историографія.	186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Дьяконовъ. <i>И. Миланковъ</i> . Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. С.-Пб. 1892	202
Ө. И. Успенскій и А. И. Кириничниковъ. Византійскій Жур- наль, издаваемый профессоромъ Крумбачеромъ	231
Е. И. Ковалевскій. Школьные сады Екатеринбургской губерніи съ 1890—1892 гг. Отчеты и докладъ г. Лисицына. Екате- ринбургъ. 1892.	273
Н. Н. Дебольскій. <i>И. Е. Германъ</i> . Исторія межеваго законода- тельства отъ Уложенія до генеральнаго межеванія (1649— 1765). М. 1893.	277
А. И. Браудо. Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній	282
— Книжныя новости	297
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1890 году	1
Ю. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Яковъ Карловичъ Гротъ (некрологъ).	12

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. И. Крашенинниковъ. Эпиграфическіе этюды (продолженіе).	1
Н. Д. Первовъ. } Метафизика Аристотеля (продолженіе)	47
В. В. Розановъ. }	

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го июля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXVIII.

1893.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

Свб. Историч. изд., т. 50.
2045.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го апрѣля 1893 года). *О расходѣ на содержаніе дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о расходѣ на содержаніе дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписать: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о расходѣ на содержаніе дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, *мнѣніемъ положилъ*:

І. Отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1894 года, на содержаніе дополнительнаго класса при Рижскомъ реальномъ училищѣ, *взакѣнъ ассигнуемой на этотъ предметъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 30-го декабря 1889 года, суммы (1.580 р.), по двѣ тысячи тридцати рублей въ годъ, со внесеніемъ означенной суммы въ подлежащія подраздѣленія сметы министерства народнаго просвѣщенія.*

и II. Дополнительный на ту же надобность въ текущемъ году расходъ, въ размѣрѣ *четырехъ сотъ пятидесяти* рублей, обратить на счетъ ожидаемыхъ сбереженій отъ кредита, ассигнованнаго по § 7 смѣты того же вѣдомства 1893 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (17-го апрѣля 1893 года). *О преобразованіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Проекты: положенія объ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи и штата этого учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Исчисленную по штату (отд. I) сумму на содержаніе означеннаго института, въ размѣрѣ *ста тридцати двухъ тысячъ девяностъ семидесяти* рублей, вносить, начиная съ 1-го января 1894 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, въ текущемъ же году отпустить на указанную надобность, дополнительно, *сорокъ шесть тысячъ четыреста сорокъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на кредитъ въ равной суммѣ, назначенный къ условному отпуску по ст. 1 и 2 § 12 дѣйствующей смѣты названнаго министерства.

III. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, приобретаемыхъ окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, представить лицамъ, удостоеннымъ институтомъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи званія агронома или лѣсовода пер-

ваго разряда, при вступленіи въ государственную службу на штатныя должности техниковъ, по соотвѣтственной спеціальности, всѣ права, предоставленныя лицамъ, получающимъ дипломъ первой степени отъ экзаменаціонныхъ комиссій при Императорскихъ университетахъ; удостоеннымъ званій агронома или лѣсовода второго разряда—права лицъ, получающихъ дипломъ второй степени отъ тѣхъ же комиссій; поступившимъ же на преподавательскія должности въ спеціальныя и промышленныя учебныя заведенія—служебныя преимущества, опредѣленныя уставами сихъ заведеній, для преподавателей оныхъ.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Ливадіи 17-го апрѣля 1893 года.

Положеніе объ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Цѣль и средства института.

1. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи имѣетъ цѣлью доставлять учащимся въ немъ высшее образованіе по сельскохозяйственнымъ и лѣснымъ наукамъ. Сообразно съ симъ, институтъ подраздѣляется на два отдѣленія: сельскохозяйственное и лѣсное.

2. Средства института составляютъ: а) штатныя суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ казны; б) сборъ за слушаніе лекцій; в) доходы отъ имѣнія, фермы, садовыхъ и другихъ хозяйственныхъ учрежденій института.

Примѣчаніе. Сборъ за слушаніе лекцій, а также доходы отъ хозяйственныхъ учрежденій института, причисляются къ спеціальнымъ средствамъ этого учебнаго заведенія и расходуются на развитіе его ученой дѣятельности, на улучшеніе хозяйства въ имѣніяхъ, а равно на пособіе преподавателямъ и учащимся.

Учебная часть.

3. Учебный курсъ института продолжается четыре года и раздѣляется на четыре годовичныхъ курса.

4. Преподаваніе теоретическихъ предметовъ въ институтѣ начинается 1-го сентября и оканчивается 1-го апрѣля. Время съ 1-го апрѣля по 15-е мая назначается для экзаменовъ, которые продолжаются не долѣе 4 недѣль. Практическія занятія продолжаются въ теченіе лѣта по 1-е августа.

5. На вакаціи назначается время отъ 1-го августа по 1-е сентября и отъ 6-го декабря по 7-е января.

6. Въ институтѣ преподаются: 1) русская литература; 2) новые языки (французскій и нѣмецкій); 3) физика съ метеорологією; 4) химія; 5) ботаника; 6) физиологія растений съ ученіемъ о микроорганизмахъ; 7) зоологія; 8) прикладная зоологія; 9) минералогія съ геологією; 10) почвовѣдѣніе; 11) низшая геодезія; 12) основы политической экономіи и статистика: сельскохозяйственная и лѣсная; 13) строительное и инженерное искусства, примѣнительно къ сельскому и лѣсному хозяйству; 14) законовѣдѣніе; 15) земледѣліе; 16) лѣсоводство, и 17) технологія. Кромя этихъ общихъ для обонхъ отдѣленій предметовъ, въ каждомъ изъ отдѣленій преподаются спеціальныя предметы: а) *въ сельскохозяйственномъ*: 1) земледѣліе частное; 2) сельскохозяйственный химическій анализъ; 3) зоотехнія общая и частная; 4) физиологія животныхъ; 5) ветеринарія; 6) сельскохозяйственная экономія; 7) сельскохозяйственные машины и орудія; 8) законовѣдѣніе въ объемѣ, необходимомъ для сельскаго хозяина; б) *въ лѣсномъ*: 1) дендрологія; 2) лѣсная таксація; 3) лѣсоустройство; 4) лѣсоупотребленіе; 5) лѣсные законы и лѣсоуправленіе.

7. Сверхъ теоретическаго (лекціоннаго) преподаванія по подлежащимъ предметамъ ведутся обязательныя практическія занятія.

8. Для теоретическихъ и практическихъ занятій учащихся при институтѣ имѣются: бібліотека, лабораторіи, кабинеты съ учебными коллекціями, имѣніе, опытная ферма, ботаническій садъ съ оранжереями и питомниками и другія учебно-вспомогательныя учрежденія.

Учущіеся.

9. Число студентовъ института (комплектъ) опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

10. Въ студенты института принимаются: а) имѣющіе аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) получившіе аттестаты или свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, а равно свидѣтельства

объ успѣшномъ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ при нихъ классомъ и въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ которыхъ признается министромъ народнаго просвѣщенія достаточнымъ для поступленія въ институтъ.

Примѣчаніе 1. Если число желающихъ поступить въ институтъ и представившихъ надлежащіе аттестаты или свидѣтельства будетъ превышать число свободныхъ вакансій, то, прежде всего, въ студенты института принимаются лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; между остальными кандидатами открывается состязательный экзаменъ изъ математики, физики и русскаго языка, въ предѣлахъ гимназическаго курса, и затѣмъ право на занятіе вакансій предоставляется получившимъ на семъ экзаменѣ большее число балловъ.

Примѣчаніе 2. Лица, окончившія курсъ въ Императорскихъ университетахъ по физико-математическому факультету, зачисляются студентами на одинъ изъ высшихъ курсовъ института, по усмотрѣнію совѣта онаго.

11. Студентамъ института присвоивается форменная одежда установленнаго образца.

12. Студенты института уплачиваютъ за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ по двадцати пяти рублей впередъ за каждое учебное полугодіе. Въ случаѣ выхода студента изъ института до окончанія полугодія, деньги эти не возвращаются.

13. Отличившіе по успѣхамъ и поведенію изъ недостаточныхъ студентовъ института, русскихъ подданныхъ, христіанскихъ исповѣданій, могутъ получать стипендіи или быть освобождаемы отъ взноса платы за ученіе. Съ этою цѣлью въ институтѣ полагается десять стипендій, по триста рублей въ годъ каждая, и 10% изъ общаго числа учащихся могутъ пользоваться бесплатнымъ обученіемъ. Могушіе образоваться отъ суммы на содержаніе стипендіатовъ остатки обращаются на выдачу единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ слушателямъ. Студенты института, получавшіе упомянутыя стипендіи, обязываются государственною службою, по одному году за каждый годъ полученія стипендіи, въ томъ случаѣ, если при самомъ окончаніи этими стипендіатами курса въ институтѣ имъ будетъ заявлено, что правительство встрѣчаетъ надобность воспользоваться ихъ спеціальными познаніями.

14. При институтѣ могутъ быть учреждаемы стипендіи, какъ

частными лицами, такъ равно обществами и вѣдомствами на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены учредителями, съ тѣмъ, однако, чтобы эти условія не противорѣчили настоящему положенію и общимъ законамъ и были одобрены министромъ народнаго просвѣщенія.

15. Для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ совѣтъ института ежегодно предлагаетъ, по каждому отдѣленію, задачи изъ специальныхъ предметовъ преподаванія и за лучшія рѣшенія оныхъ назначаетъ золотыя и серебряныя медали и почетные отзывы.

16. Въ концѣ учебнаго года учащіеся подвергаются экзаменамъ по предметамъ преподаванія на каждомъ курсѣ, и на основаніи результатовъ экзаменовъ, а равно и контроля за практическими занятіями въ теченіе учебнаго года, или удостоиваются перевода въ слѣдующій курсъ, или увольняются изъ института. Оставленіе на второй годъ въ томъ же курсѣ можетъ имѣть мѣсто только по особо уважительнымъ причинамъ и при томъ не можетъ повторяться болѣе двухъ разъ во все время пребыванія учащагося въ институтѣ. Оставленіе учащагося на третій годъ въ одномъ и томъ же курсѣ не дозволяется.

17. О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ внѣ института, полиція немедленно увѣдомляетъ директора. Въ случаѣ полученія директоромъ свѣдѣнія о студентахъ, подвергшихся изысканіямъ по приговору суда, директоръ доноситъ попечителю округа, который или предлагаетъ на обсужденіе совѣта института, или рѣшаетъ самъ вопросъ о томъ, не подлежитъ ли виновный увольненію или исключенію изъ института. Такой же порядокъ соблюдается и относительно совершенныхъ студентами внѣ института проступковъ, которые имѣютъ вообще предосудительный характеръ.

18. Студенты, прошедшіе успѣшно полный курсъ наукъ въ институтѣ, подвергаются испытанію въ особыхъ экзаменаціонныхъ комиссияхъ, члены конхъ ежегодно назначаются министромъ народнаго просвѣщенія. Программы и правила этихъ испытаній утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. Студенты, успѣшно выдержавшіе таковое испытаніе, допускаются въ теченіе лѣта къ практическимъ занятіямъ и только тѣ изъ нихъ удостоиваются дипломовъ, которые, по надлежащей повѣркѣ этихъ занятій, будутъ признаны выполненными таковыя удовлетворительно. Огличайшіе изъ нихъ получаютъ званіе агронома или лѣсовода перваго разряда, а всѣ остальные— званіе агронома или лѣсовода втораго разряда. Тѣ и другіе получаютъ право носить особый знакъ, по установленному образцу.

19. Постороннія лица допускаются къ испытанію въ означенныхъ въ ст. 18 комиссіяхъ лишь на званіе агронома или лѣсовода перваго разряда.

Желающіе подвергнуться сему испытанію должны представить: а) свидѣтельство о своемъ образованіи, дающее право на поступленіе въ институтъ, и б) удостовѣреніе отъ какого либо изъ извѣстныхъ институту имѣній въ томъ, что они имѣютъ достаточный навыкъ въ практическихъ занятіяхъ. Не представившіе такого удостовѣренія (п. б) могутъ быть подвергаемы соотвѣстственному испытанію въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ института (ст. 8).

20. Агрономы и лѣсоводы перваго и втораго разряда, не имѣющіе, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, причисляются къ личному почетному гражданству, безъ взиманія установленной за грамоты пошлины.

21. Агрономы и лѣсоводы перваго и втораго разряда пользуются, относительно отбыванія воинской повинности, правами, опредѣленными въ уставѣ о сей повинности.

Управленіе институтомъ.

22. Институтъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

23. Управленіе институтомъ вѣрается директору, при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ, совѣта, правленія и сельскохозяйственнаго комитета.

24. Директоръ института избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, извѣстныхъ своею ученою и преподавательскою дѣятельностію, и опредѣляется Высочайшею властію.

Примѣчаніе. Должность директора, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть соединена съ должностію профессора. Въ семъ случаѣ директору производится, сверхъ штатнаго его оклада, добавочное жалованье, въ размѣрѣ 1.200 р. въ годъ.

25. Директору, какъ ближайшему начальнику института, подчиняются всѣ служащіе и учащіеся въ ономъ лица.

26. Въ помощь директору института, по учебной части, назначается помощникъ директора, а по завѣдыванію дѣлами совѣта — секретарь, опредѣляемые на два года министромъ народнаго просвѣ-

щенія изъ профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ института, по представленію директора, чрезъ попечителя учебнаго округа.

27. Для управленія институтскимъ имѣніемъ назначается, по представленію директора, попечителемъ учебнаго округа управляющій изъ лицъ, получившихъ высшее сельско-хозяйственное образованіе. При управляющемъ состоитъ помощникъ.

28. Совѣтъ института состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ.

29. Вѣдомству совѣта подлежатъ: I. Дѣла, представляемыя на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія: а) составленіе плановъ и программъ теоретическаго и практическаго преподаванія въ институтѣ; б) распредѣленіе, на основаніи утвержденныхъ плановъ и программъ, преподаванія и практическихъ занятій по курсамъ и учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, съ назначеніемъ для каждаго предмета необходимаго учебнаго времени; в) составленіе предположеній о производствѣ окончательныхъ испытаній и программъ для нихъ испытаній; г) разсмотрѣніе и обсужденіе годичнаго отчета по учебной части института; д) составленіе предположеній о распредѣленіи суммъ, назначенныхъ на учебную часть института; е) составленіе предположеній о порядкѣ контроля за занятіями учащихся и о производствѣ испытаній, какъ по теоретическому преподаванію, такъ и по практическимъ занятіямъ; ж) обсужденіе мѣръ къ временному замѣщенію учебныхъ должностей; з) избраніе почетныхъ членовъ. II. Дѣла, представляемыя на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа: и) разсмотрѣніе инструкцій для завѣдывающихъ отдѣльными отраслями хозяйства на институтскихъ земляхъ; і) составленіе предположеній о предоставленіи, на основаніи утвержденныхъ министромъ правилъ, учащимся стипендій и безплатныхъ вакансій, а равно о лишеніи учащихся этихъ преимуществъ; к) составленіе правилъ для пользованія бібліотекою, учебными коллекціями и прочими учебными пособиями, а равно правилъ для пополненія бібліотекъ, учебныхъ коллекцій и учебныхъ пособій; л) обсужденіе достоинствъ кандидатовъ на должности преподавателей; м) обсужденіе всѣхъ вообще во-просовъ, предлагаемыхъ попечителемъ округа. III. Дѣла, рѣшаемыя собственною властію совѣта: н) касающіяся пріема, переводныхъ экзаменовъ, выдачи удостовѣреній объ успѣшности практическихъ занятій оканчивающимъ курсъ въ институтѣ и дипломовъ на основаніи постановленій экзаменаціонныхъ комиссій, разсмотрѣнія сочиненій,

предполагаемыхъ къ печатанію отъ имени или на счетъ института, утвержденія темъ для ежегоднаго соисканія студентами медалей и присужденія медалей и почетныхъ отзывать.

30. Сельскохозяйственный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ профессоровъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, управляющаго имѣніемъ и завѣдывающаго лѣсомъ.

31. Въ кругъ обязанностей сельскохозяйственнаго комитета входятъ: а) выработка организаціоннаго плана и смѣтъ по веденію сельскаго и лѣснаго хозяйства въ имѣніи; б) составленіе плана дѣятельности опытной фермы, и в) составленіе инструкцій для завѣдывающихъ отдѣльными отраслями хозяйства на институтскихъ земляхъ.

32. Преподаваніе всѣхъ предметовъ, помѣнованныхъ въ ст. 6, возлагается на профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ, за исключеніемъ русской литературы, новыхъ языковъ и ветеринаріи, поручаемыхъ преподавателямъ.

33. Въ помощь профессорамъ и адъюнкты-профессорамъ при теоретическомъ преподаваніи и веденіи практическихъ занятій полагаются ассистенты.

34. Профессоромъ и адъюнкты-профессоромъ не можетъ быть лицо, не имѣющее ученой степени доктора или магистра. Но по тѣмъ предметамъ, по которымъ сихъ ученыхъ степеней не установлено, профессорами и адъюнкты-профессорами могутъ быть лица, получившія высшее по этимъ предметамъ образованіе, удостоенныя званія, соотвѣтствующаго такому образованію и заявившія себя печатными учеными трудами.

35. Ассистентами и преподавателями могутъ быть лица, получившія высшее образованіе по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ спеціальность ихъ занятій въ институтѣ, и удостоенныя соотвѣтствующаго такому образованію диплома или свидѣтельства.

36. Надзоръ за поведеніемъ учащихся и за сохраненіемъ надлежащаго порядка въ зданіяхъ института возлагается на инспектора съ его помощникомъ.

37. Инспекторъ и его помощникъ избираются директоромъ института, первый изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, а второй — изъ окончившихъ курсъ не ниже средняго учебнаго заведенія.

38. Правленіе института состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ его помощника, инспектора и двухъ членовъ, определяемыхъ, по представленію директора, попечителемъ учебнаго округа на два года изъ лицъ, преподающихъ въ институтѣ.

39. Къ предметамъ вѣдѣнія правленія относятся: I. Дѣла, представляемыя черезъ попечителя учебнаго округа на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія: 1) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ института, въ размѣрѣ свыше тысячи рублей въ годъ на одинъ предметъ; 2) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму свыше семи тысячъ рублей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. II. Дѣла, представляемыя на утвержденіе попечителя учебнаго округа: 1) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ института, въ размѣрѣ не свыше тысячи рублей въ годъ на одинъ предметъ; 2) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму не свыше семи тысячъ рублей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; 3) предложенія объ улучшеніи хозяйственной части института; 4) распределеніе институтскихъ номѣщеній подъ учебно-вспомогательныя учрежденія и подъ квартиры должностнымъ лицамъ и измѣненія въ семъ распределеніи. III. Дѣла, представляемыя въ совѣтъ: составленіе ежегодныхъ росписаній о доходахъ и расходахъ института. IV. Дѣла, разрѣшаемыя собственною властью правленія: 1) распоряженіе суммами, назначенными на содержаніе института, согласно штату онаго; 2) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ института, въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей въ годъ на одинъ предметъ; 3) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму не свыше пяти тысячъ рублей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; 4) распоряженіе по напечатанію ученыхъ сочиненій, одобренныхъ совѣтомъ и предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени института; 5) разбирательство по студенческимъ дѣламъ и наложеніе взысканій на виновныхъ.

40. Профессоры, адъюнкты-профессоры, помощники директора и инспекторы опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія. Прочіе чины института, занимающіе штатныя должности, опредѣляются попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора. Всѣ служащіе по найму опредѣляются директоромъ института.

41. Профессоры, адъюнкты-профессоры и прочія служащіе въ институтѣ лица пользуются правами службы, а также пенсіями и единовременными пособіями изъ государственнаго казначейства или изъ эмеритальнаго фонда Царства Польскаго, на основаніи дѣйствующихъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ узаконеній. Пенсія директору института назначается изъ оклада въ 3.500 рублей.

Права института.

42. Институтъ имѣетъ печать, утвержденнаго для губернскихъ установленій образца, съ надписью вокругъ государственнаго герба: „Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства“.

43. Льготы, которыми пользуется институтъ относительно платежа пошлинъ, гербоваго и иныхъ сборовъ, а также по отправленію государственныхъ, земскихъ и городскихъ повинностей, опредѣляются въ подлежащихъ уставахъ.

44. Изданія, выходящія отъ имени института съ его одобренія, и вообще все, отъ имени института печатаемое, не подлежитъ, при какомъ бы то ни было объемѣ, предварительной цензурѣ.

45. Приобрѣтаемыя для института за границею книги, рукописи и повременныя изданія ученаго содержанія не подлежатъ разсмотрѣнію комитета иностранной цензуры.

46. Институтъ имѣетъ право безплатно выписывать изъ-за границы для своихъ надобностей всякія учебныя пособія, не исключая машинъ и земледѣльческихъ орудій. Книги и ящики съ сими вещами, адресованныя въ институтъ, въ пограничныхъ таможенныхъ не вскрываются, а только пломбируются и потомъ свидѣлствуются въ институтѣ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

47. Институту предоставляется пересылать слѣдующіе по дѣламъ его пакеты, посылки и тюки, вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинномъ Собственнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:
„Быть по сему“.

Въ Ливадіи.

17-го апрѣля 1893 года.

Ш Т А Т Ъ

института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одно-му.	Всѣмъ.	По долж-ности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
Директоръ.	1	5.000	5.000	IV	IV	По учебной службѣ.
Профессоровъ	11	3.000	33.000	V	V	
Адъюнктовъ	11	2.000	22.000	VI	VI	
Ассистентовъ.	11	800	8.800	VII	VII	
Преподавателей	4	1.000	4.000	VII	VII	
Помощнику директора (изъ профессоръ) добавочныхъ	—	600	600			По учебной службѣ.
Секретарю совѣта (изъ профессоръ) добавочныхъ	—	400	400			
Завѣдывающему опытною фермою (изъ профессоръ) добавочныхъ.	—	500	500			
Помощникъ завѣдывающаго опытною фермою	1	800	800	VII	VII	
Управляющій нѣтніемъ	1	1.500	1.500	VI	VI	
Помощникъ управляющаго нѣтніемъ	1	800	800	VII	VII	По учебной службѣ.
Библіотекаръ .	1	1.000	1.000	VIII	VIII	
Инспекторъ	1	2.000	2.000	V	V	
Помощникъ инспектора	1	1.200	1.200	VII	VII	
Дѣлопроизводитель .	1	1.000	1.000	VII	VII	
Бухгалтеръ и казначей.	1	1.000	1.000	VII	VII	IV
Смотритель зданія и экзекуторъ.	1	500	500	IX	IX	VII
На вознагражденіе лѣсничаго за практическія занятія .	—	—	800			

На наемъ механика.	—	—	720			
На вознагражденіе ветеринара и арин- тектора .	—	—	600			
На наемъ ученаго садовника и его по- мощника.	—	—	1.800			
Врачъ	1	300	300	VIII	VIII	По ме- длц. службѣ.
	—	—	88.320			

	Рубл.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ.	
На канцелярскіе расходы и писцовъ	1.000
„ содержаніе церкви	500
„ бібліотеку	4.000
„ кабинеты и лабораторіи	11.000
„ содержаніе парка, сада и оранжерей .	2.500
„ содержаніе опытной фермы и лѣсныхъ работъ .	2.500
„ стипендіи институту и пособія учащимся.	3.000
На лѣтнія занятія студентовъ съемкою и наблюденія на ме- теорологической станціи .	1.000
На учебныя пособія, печатаніе научныхъ статей и отчетовъ и медалей.	3.000
На учебныя экскурсіи профессоровъ со студентами.	2.500
„ прислугу, полевыхъ и лѣсныхъ сторожей	4.000
„ содержаніе въ чистотѣ и ремонтъ зданій, водопровода и усадебъ .	5.000
На освѣщеніе и отопленіе	4.500
Въ больницу святаго Карла .	150
	44.650
Всего	132.970

Примѣчаніе. Директоръ, инспекторъ, управляющій имѣніемъ, заведывающій опытною фермою и нѣхъ помощники, заведывающіе садовыми учрежденіями, метеорологической станціей и химической лабораторіей, а также дѣлопроизводитель и смотритель зданій обязательно пользуются казенными квартирами. Профессорамъ и другимъ служащимъ въ институтѣ лицамъ могутъ быть отводимы казенныя квартиры, если позволить номѣщеніе, при чемъ преимущественное право на оныя предоставляется: бібліотекарю, бухгалтеру и врачу.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

3. (23-го апрѣля 1893 года). *Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института, *мнѣніемъ положила:*

1. Статьи 5, 8, 10 и 12 Высочайше утвержденного, 18-мал 1885 г., положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны (Собр. узак. и расп. прав. 1885 г., № 58, ст. 495) изложить слѣдующимъ образомъ:

Ст. 5. Попечительный комитетъ составляютъ: предсѣдатель, членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, директоръ института, одинъ изъ штатныхъ профессоровъ клиническихъ отдѣленій по назначенію попечительнаго комитета, одинъ изъ консультантовъ и четыре члена, назначаемые изъ числа благотворителей или другихъ лицъ, могущихъ быть полезными институту. Сверхъ того, въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы предсѣдателемъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, другія лица, извѣстныя своими спеціальными знаніями и опытностью.

Ст. 8. Директоръ избирается совѣтомъ управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ, установленнымъ статьею 14, и извѣстныхъ своею опытностію въ клиническомъ преподаваніи. Онъ утверждается въ должности покровителемъ (или покровительницею).

Ст. 10. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора исполненіе его обязанностей возлагается: а) по должности директора—на одного

изъ штатныхъ профессоровъ клиническихъ отдѣленій, по опредѣленію попечительнаго комитета, и б) по заведыванію клиническимъ отдѣленіемъ—на старшаго его ассистента.

Ст. 12. Директору и профессорамъ вѣняется въ обязанность чтеніе практическихъ курсовъ и руководство научными занятіями врачей вѣреннаго имъ отдѣленія. Директоръ и профессора, заведывающіе клиническими отдѣленіями института, обязаны преподавать до трехъ разъ въ недѣлю, безъ особаго за то вознагражденія.

II. Въ Высочайше утвержденномъ, 18-го мая 1885 г., штатѣ названнаго института сдѣлать слѣдующія измѣненія:

1) Директору института присвоить годовой окладъ содержанія въ 3.000 рублей (въ томъ числѣ: 2.200 рублей жалованья и 800 рублей столовыхъ), V классъ по должности, V разрядъ по шитью на мундирѣ и пенсію по учебной службѣ.

2) Двумъ профессорамъ клиническихъ отдѣленій присвоить каждому годовой окладъ содержанія въ 2.400 рублей (въ томъ числѣ: 1.600 рублей жалованья и 800 рублей столовыхъ), V классъ по должности, V разрядъ по шитью на мундирѣ и пенсію по учебной службѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (23-го апрѣля 1893 года). *О переводѣ стипендіи имени императора Александра II изъ Жиздринской мужской прогимназіи въ мѣстную женскую прогимназію.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день апрѣля 1893 г., Высочайше соизволилъ на переводѣ стипендіи имени императора Александра II изъ Жиздринской мужской прогимназіи въ мѣстную женскую прогимназію, впредь до устройства, взамѣнъ упраздненной нынѣ мужской прогимназіи, соотвѣтственнаго учебнаго заведенія.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи министръ народнаго просвѣщенія, 6-го мая 1893 г., донесъ Правительствующему Сенату, приговоруя, что означенная стипендія была учреждена Высочайшимъ повелѣніемъ 3-го февраля 1883 года, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго государя императора.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го мая 1893 года. *Утверждены:* помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Латышевъ* и адъюнктъ Императорской академіи наукъ, палатный совѣтникъ *Плеске* — академиками сей академіи: первый — ординарнымъ по классической филологіи и археологіи, съ 1-го мая и второй — экстраординарнымъ по зоологіи, съ 19-го мая 1893 года; корнетъ кавалергардскаго Ея Величества полка *Демидовъ* — почетнымъ попечителемъ Демидовскаго юридическаго лицея; почетными попечителями на три года: Таганрогской гимназіи — губерпскій секретарь *Зарудный*; реальныхъ училищъ: Воронежскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лисаневичъ*, Исконскаго Сергіевскаго — порховской уѣздный предводитель дворянства, капитанъ 2-го ранга графъ *Строгановъ*; Мелитопольскаго — въ званіи камеръ-юнкера *Иваненко* и Астраханскаго — астраханскій первый гильдіи купецъ *Часовниковъ*.

Назначенъ инспекторъ народныхъ училищъ Владимирской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Ершовъ* — чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Продолженъ срокъ командировки, за границу съ ученою цѣлью, магистру римской словесности Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Красенинникову* по 1-е января 1894 года.

Командированы съ ученою цѣлью: а) въ Россіи, директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Бриджинъ* съ 1-го по 20-е іюня 1893 года; б) въ Россіи и за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, князь *Арутинскій-Долгоруковъ* по 20-е августа 1893 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Тумасъ* до конца лѣтняго вакаціоннаго премеіи 1893 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска, съ 5-го апрѣля сего же года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Родзевскій* — на лѣтнее вакаціонное время 1893 года и 28 дней; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Лютославскій* — на два года, съ 1-го іюля 1893 года; и в) за границу: ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣт-

никъ *Ковалевскій* и статскій совѣтникъ *Данилевскій*, съ 18-го августа по 5-е сентября 1893 года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левшинъ* и св. Владиміра—статскій совѣтникъ *Сусловъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, надворный совѣтникъ *Тимманъ* и доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій секретарь *Зянецъ*—на одинъ мѣсяцъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—тайный совѣтникъ *Склифасовскій*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эрисманъ* и статскій совѣтникъ *Остроумовъ* и Варшавскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: *Бродовскій* и *Косинскій*, экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета, статскіе совѣтники: *Снегиревъ*, *Бобровъ*, *Синицынъ*, *Шеринскій*, *Кузьминъ*, *Богословскій*, *Постыловъ* и *Макликовъ* и коллежскій совѣтникъ *Филатовъ*, прозекторъ сего университета, надворный совѣтникъ *Губиревъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ *Васильевъ* и ординаторъ при хирургической госпитальной клиникѣ сего университета, лѣкарь *Борсукъ* съ 20-го августа по 1-е октября 1893 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Спиро*—на полтора мѣсяца, съ 1-го сентября 1893 года; ординаторъ при хирургической факультетской клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь *Сольманъ* съ 1-го іюня по 1-е августа 1893 года; исправляющій должность директора Уральскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Корсаковский* съ 15-го іюня по 15-е августа 1893 года; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Мендельсонъ* на іюль и августъ мѣсяцы 1893 года; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра *Троцкий* съ 25-го іюли по 25-е сентября 1893 года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *фонъ-Траунбергъ* и св. Владиміра—статскій совѣтникъ *Коротневъ* съ 1-го августа по 1-е октября 1893 года; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ *Витрамъ*—на два съ половиною мѣсяца; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Рейбель*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—*Аппельманъ* и св. Владиміра—статскіе совѣтники: *Шаллеръ*, *Черевъ*, *Лень* и *Сикорскій*, экстраординарные профессора того же университета, коллежскіе совѣтники: *Шодансоуцкій*, *Черновъ* и *Шавловскій* и

коллежскій ассессоръ *Бубновъ*: по С.-Петербургскому практическому технологическому институту: директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головинъ*, профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крунскій* и адъюнктъ-профессоръ, коллежскій совѣтникъ *Гатцукъ*, приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго — *Базинеръ* и Московскаго — *Щенкинъ* и *Яковкинъ*, штатный ассистентъ при глазной клиникѣ сего университета, докторъ медицины *Евсѣевъ* и сверхштатный учитель Варшавской второй женской гимназіи *Францевъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1893 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дювернуа* и лекторъ англійскаго языка Императорскаго Казанскаго университета *Михайловскій* по 1-е сентября 1893 года, съ зачетомъ первому въ сію командировку разрѣшеннаго на лѣтнее вакаціонное время и 15 дней заграничнаго отпуска; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ *Есинъ* на лѣтнее вакаціонное время 1893 года и 10 дней; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Вернадскій* — съ 15-го іюня по 15-е сентября 1893 года; вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Соколовъ* — на три мѣсяца; директоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Киртичевъ* съ 12-го мая по 15-е августа 1893 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грьбъ* по 20-е августа 1893 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска, съ 8-го мая того же года; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Шефферъ* съ 1-го іюня по 13-е сентября 1893 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Венюковъ*, экстраординарный профессоръ того же университета *Гилларовъ*, исправляющій должности экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Муркосъ* и приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго — *Ивановскій* и св. Владиміра — *Навалуцкій* на лѣтнее вакаціонное время 1893 года и 28 дней; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовления къ профессорскому званію по кафедрѣ физики, *Гершунъ* по 15-е августа 1893 года, съ за-

четомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему, съ 25-го апрѣля сего же года, заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бецъ* по 1-е октябрю 1893 года; сверхштатный ординаторъ при пропедевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Малютинъ* съ 15-го сентября 1893 года по 15-е января 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Лушинъ* съ 1-го іюня по 15-е ноября 1893 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Шмурло* и исправляющій должность доцента сего университета, надворный совѣтникъ *Зичинскій* съ 10-го іюня 1893 года по 20-е января 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра *Челпановъ* и окончившій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Бартеневъ*—на одинъ годъ; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Малладинъ* съ 1-го іюля 1893 года по 1-е сентября 1894 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Хвостовъ*—на два года, съ 1-го сентября 1893 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: тайные совѣтники: директоры: департамента народнаго просвѣщенія *Аничковъ*, съ 12-го іюня и Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Вредихинъ*, съ 20-го іюня 1893 года, оба на два мѣсяца и попечители учебныхъ округовъ: Московскаго—графъ *Кипица*, съ 3-го іюня и Казанскаго—*Потановъ*, съ 15-го іюня, оба—по 10-е августа 1893 года; б) въ Россіи и за границу, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Корниловъ*—на четыре мѣсяца, и в) за границу: тайные совѣтники: попечители учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—*Капустинъ* и Кіевскаго—*Вельяминовъ-Зерновъ*—на два мѣсяца.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени доктора медицины статскаго совѣтника Г. Г. Циммерманъ при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго Юрьевскому университету вдовою статскаго совѣтника Елизаветою Ивановною Циммерманъ, учреждается при названномъ университетѣ одна стипендія имени умершаго мужа ея, доктора медицины статскаго совѣтника Густава Густавовича Циммерманъ.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ $4\frac{1}{2}\%$ облигаціяхъ внутренняго консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа 1-го выпуска на сумму 6.300 рублей по нарицательной цѣнѣ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ университета.

§ 3. Стипендія назначается, на основаніи общихъ на этотъ предметъ правилъ, студентамъ медицинскаго факультета.

§ 4. Стипендія не палагаетъ на получившихъ ее никакихъ обязательствъ.

2. (22-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи при Валуйской Маріинской женской прогимназіи, въ память двадцатипятилѣтія этого учебнаго заведенія.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 10 мая 1893 года, при Валуйской Маріинской женской прогимназіи учреждается стипендія, въ память двадцатипятилѣтія этого учебнаго заведенія, на счетъ процентовъ съ собраннаго по подпискѣ капитала въ одну тысячу сто тридцать семь рублей пятнадцать коп.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, долженъ храниться въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20 мая 1885 года отчисленію въ казну,

выдаются двумъ бѣднымъ ученицамъ прогимназіи поровну, безъ различія сословій, если онѣ отличаются успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется попечительному совету, по представленію педагогическаго совета прогимназіи. Отъ попечительнаго же совета зависитъ освобожденіе стипендіатовъ отъ платы за ученіе, а равно и лишеніе ихъ стипендій.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ, и выданныя стипендіатамъ деньги не возвращаются.

§ 6. Проценты, могущіе оказаться свободными въ случаѣ взысканія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія стипендій.

§ 7. Если кто либо изъ окончившихъ курсъ въ прогимназіи пожелаетъ сдѣлать пожертвованіе для той же цѣли, то таковыя пожертвованія причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. При преобразованіи Валуйской Маріинской женской прогимназіи въ другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее для прежняго назначенія.

3. (30-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени вдовы штабсъ-капитана Варвары Алексѣевны Ленартовичъ, по первому мужу Апехтиной.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, образующагося изъ доходовъ отъ заложенной вдовой штабсъ-капитана Варварой Алексѣевной Ленартовичъ, по первому мужу Апехтиной, земли въ количествѣ 137 десятинъ 1420 квад. саж. при селѣ Русскомъ Бурнашевъ, Свияжскаго уѣзда, Казанской губерніи, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ стипендія имени вдовы штабсъ-капитана Варвары Алексѣевны Ленартовичъ, по первому мужу Апехтиной.

§ 2. Стипендія опредѣляется въ размѣрѣ 150 рублей въ годъ, сообразно количеству процентонъ съ капитала въ 3.400 рублей, образовавшагося до настоящаго времени изъ доходовъ съ земли, пожертвованной В. А. Ленартовичъ, и обращеннаго въ государственныя процентныя бумаги. Вновь поступающіе доходы съ земли, равно какъ могущіе образоваться остатки отъ взысканія стипендіи или по какой либо другой причинѣ, по обращеніи ихъ въ государственныя про-

центныя бумаги, присоединяются къ основному капиталу въ 3.400 рублей. Какъ скоро проценты съ капитала позволятъ, размѣръ стипендіи опредѣляется послѣдовательно въ 250 рублей и 400 рублей. Послѣ того новыя приращенія основнаго капитала послужать для образованія второй и слѣдующихъ стипендій имени В. А. Ленартовичъ въ размѣръ 400 р. въ годъ.

§ 3. Стипендія имени В. А. Ленартовичъ, согласно ея духовному завѣщанію, учреждается для студентовъ физико-математическаго факультета отдѣленія естественныхъ наукъ, преимущественно изъ родственниковъ какъ перваго ея мужа Апехтина, такъ и втораго Ленартовича, до окончанія ими курса въ университетѣ.

§ 4. Назначеніе стипендіи имени В. А. Ленартовичъ, а равно и продолженіе ея на слѣдующіе годы, до окончанія стипендіатомъ курса, дѣлается на основаніи дѣйствующихъ правилъ о назначеніи студентамъ казенныхъ стипендій. Объ освобожденіи стипендіи пріавленіе университета увѣдомляетъ физико-математическій факультетъ.

§ 5. Студенты, получающіе стипендію В. А. Ленартовичъ, именуются во время пользованія ею стипендіатами вдовы штабсъ-капитана Варвары Алексѣевны Ленартовичъ и никакой обязательной службы за пользованіе стипендіей не подлежатъ.

4. (31-го мая 1893 года). *Положеніе о капиталѣ Якова Васильевича Тарновскаго, пожертвованномъ имъ университету св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Землепладѣльцемъ юго-западнаго кралъ Яковомъ Васильевичемъ Тарновскимъ, въ видахъ содѣйствія научному развитію медицины и спеціально разработкѣ и усовершенствованію патологій заразныхъ и вообще наиболее тяжкихъ для человѣка болѣзней, пожертвовано университету св. Владиміра *десять тысячъ* (10.000) рублей наличными деньгами, которыя правленіемъ университета должны быть содержимы въ гарантированныхъ правительствомъ $\frac{1}{2}\%$ бумагахъ для постепеннаго полученія процентовъ на удовлетвореніе указанной жертвователемъ потребности.

§ 2. Капиталъ сей остается навсегда неприкосновеннымъ, подъ названіемъ: „капиталъ Якова Васильевича Тарновскаго для лабораторіи общей патологій при университетѣ св. Владиміра на преміи за ученіе трудн“, и хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ

въ числѣ специальныхъ средствъ сего университета, составляя неотъемлемую его собственность.

§ 3. Проценты употребляются на ученые труды по означенному предмету и распределяются такимъ образомъ: одна половина ихъ назначается на выдачу премій за научныя сочиненія по патологій различнымъ и вообще наиболѣе тяжкихъ для человѣка болѣзней, а другая—на предоставленіе возможности лабораторіи производить работы по предмету премій, при чемъ премія имени М. В. Тарновскаго за ученый трудъ выдается чрезъ каждые два года, а проценты, назначаемые на усиленіе средствъ лабораторіи, расходуются ежегодно.

§ 4. Размѣръ премій опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ капитала процентовъ.

§ 5. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій на конкурсъ полагается 1-е мая того года, на который назначенъ конкурсъ, при чемъ первый конкурсъ назначается на 1895 годъ.

§ 6. На конкурсъ представляются сочиненія печатныя и рукописныя на русскомъ языкѣ, но могутъ быть представлены и на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Представленное въ рукописи сочиненіе можетъ быть напечатано въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, если будетъ удостоено факультетомъ преміи.

§ 7. Въ конкурсѣ могутъ участвовать только лица христіанскаго вѣроисповѣданія, получившія образованіе въ университетѣ св. Владиміра и имѣющія уже званіе врача; но профессора медицинскаго факультета не участвуютъ въ этомъ конкурсѣ.

§ 8. Представленныя на конкурсъ сочиненія разсматриваются особо комиссіею, въ составъ которой два члена избираются медицинскимъ факультетомъ, а одинъ входитъ обязательно по званію профессора университета по кафедрѣ общей патологій, который выстѣ состоитъ ея предсѣдателемъ. Члены комиссіи избираются въ одномъ изъ засѣданій факультета въ маѣ конкурснаго года.

§ 9. Докладъ свой о результатѣ разсмотрѣнія сочиненій комиссія представляетъ медицинскому факультету не позже 1-го декабря конкурснаго года, а присужденіе премій факультетомъ производится въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій сего въ осеннемъ полугодіи того же года. О присужденіи премій объявляется на торжественномъ актѣ университета, и отчетъ о семъ присужденіи печатается въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, гдѣ также объявляется о срокахъ и условіяхъ конкурса.

§ 10. Въ случаѣ непредставленія сочиненій на конкурсъ въ по-

ложенный для него срокъ или непризнаніи представленныхъ сочиненій соотвѣствующими условіямъ конкурса, оставшаяся свободною преміальная сумма, по усмотрѣнію жертвователя, можетъ быть назначена или на вторую премію въ послѣдующій срокъ конкурса или на усиленіе средствъ лабораторіи. По смерти жертвователя, если имъ не будетъ сдѣлано особаго распоряженія по сему предмету, свободной суммѣ преміи то или другое назначеніе изъ двухъ указанныхъ дается по усмотрѣнію медицинскаго факультета.

5. (13-го іюня 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра имени потомственнаго почетнаго гражданина Лазаря Израилевича Бродскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ (5.000) рублей, собраннаго служащими въ 10-ти принадлежащихъ потомственному почетному гражданину Лазарю Бродскому или завѣдуемыхъ имъ фабрично-промышленныхъ учрежденіяхъ, — учреждается при университетѣ св. Владиміра для студентовъ медицинскаго факультета одна „стипендія имени Лазаря Израилевича Бродскаго“ въ память всегдашней заботливости его о нуждахъ лицъ, служащихъ въ названныхъ учрежденіяхъ.

§ 2. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ ежегодно получаемыхъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, который для сего долженъ заключаться въ болѣе доходныхъ государственныхъ бумагахъ подъ наименованіемъ „неприкосновеннаго капитала лицъ, служащихъ въ фабрично-промышленныхъ учрежденіяхъ Лазаря Бродскаго для стипендіи его имени при университетѣ св. Владиміра“.

§ 3. Стипендіатомъ можетъ быть каждый студентъ медицинскаго факультета безъ различія происхожденія и національности.

§ 4. Стипендіатъ избирается университетскимъ начальствомъ общеустановленнымъ порядкомъ; но о каждомъ избранномъ сообщается Лазарю Израилевичу Бродскому.

§ 5. Зачисленный, съ утвержденія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, на стипендію имени Бродскаго студентъ относительно своихъ научныхъ занятій подчиняется правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія, и получаетъ содержаніе въ сроки, назначенные правилами для прочихъ стипендіатовъ университета.

§ 6. Выдача стипендіи прекращается стипендіату съ окончаніемъ полного курса университета, или съ выбытіемъ изъ онаго до окончанія курса, или за малоуспѣшностію; но стипендіату, по болѣзни не удовлетворившему требованіямъ правилъ о зачетѣ полугодій, стипендія можетъ быть сохранена по ходатайству факультета.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки процентовъ съ пожертвованнаго капитала выдаются въ единовременное пособіе стипендіату при окончаніи курса университета въ полугодишномъ размѣрѣ стипендіи.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го мая 1893 г. *Утверждены:* исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій ассесоръ *Филипповъ*—проректоромъ сего университета, на три года, съ 19-го февраля 1893 г.; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета *Керстенъ* и экстраординарный профессоръ того же университета, коллежскій совѣтникъ *Левинсонъ-Лессингъ*—деканами факультетовъ сего университета на четыре года съ 5-го апрѣля 1893 г., первый—богословскаго и послѣдній—физико-математическаго; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—надворный совѣтникъ *Шулцъ* и *Собьстіанскій* и Томскаго—коллежскій совѣтникъ *Анфимовъ* и надворные совѣтники: *Ерофьевъ* и *Грамматикати*—ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедрамъ: первый—классической филологіи, съ 15-го февраля, второй—исторіи русскаго права, съ 1-го апрѣля, третій—нервныхъ и душевныхъ болѣзней, четвертый—офтальмологіи и пятый—акушерства и женскихъ болѣзней, послѣдніе трое съ 15-го марта 1893 г.; экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князи Безбородко въ Нѣжинѣ, статскій совѣтникъ *Филель*—ординарнымъ профессоромъ сего института по предмету римской словесности, съ 12-го февраля 1893 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета *Мальбергъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и археологіи, съ 25-го января 1893 г.; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ *Зальтесскій*—доцентомъ сего училища по строительному искусству, съ

8-го декабря 1892 г.; исполняющій должность директора Мелитопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Зайкевичъ* въ сей должности, съ 24-го марта 1893 г.; коллежскій ассесоръ *Тевляновъ*, титулярный совѣтникъ *Метелевъ*, отставной гвардіи штабсъ-капитанъ *Швейцера* и потомственный почетный гражданинъ *Дуванъ*—почетными попечителями прогимназій на три года: первый—Острогожской, второй—Азовской, третій—Алатырской и четвертый—Евпаторійской; отставной штабсъ-капитанъ гвардіи *Швейцера* и купецъ *Замяткинъ*—почетными попечителями учительскихъ семинарій на три года: первый—Порѣцкой и послѣдній—Тотемской; исправляющіе должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія коллежскіе секретари *Александровскій* и *Смирновъ*—въ сей должности: первый—съ 8-го февраля и послѣдній—съ 1-го апрѣля 1893 года.

Назначены: приватъ-доцентъ Императорскаго университета съ *Владимира Образцова* и докторъ медицины князь *Арутинскій-Долгоруковъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—съ *Владимира*, по кафедрѣ частной патологіи и терапіи, съ 20-го февраля и второй—*Казанскаго*, по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, съ 20-го апрѣля 1893 года; приватъ-доценты Императорскаго Харьковскаго университета *Лейкфельдъ* и *Штелевичъ*—исправляющими должность экстраординарнаго профессора сего университета по кафедрамъ: первый—философіи и второй—западно-европейскихъ литературъ, оба съ 27-го февраля 1893 года; дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія: статскій совѣтникъ *Лаутеръ*, коллежскіе совѣтники: *Ивановъ*, *Бѣликовъ* и *Потѣхинъ* и титулярный совѣтникъ *Ишерскій*—дѣлопроизводителями VI класса, первые четверо того же департамента—*Лаутеръ* съ 1-го мая, *Ивановъ*, *Бѣликовъ* и *Потѣхинъ* съ 21-го марта и *Ишерскій* особаго отдѣленія упомянутаго департамента для заведыванія промышленными училищами, съ 8-го февраля 1893 года; помощникъ прозектора Юрьевскаго ветеринарнаго института *Вальдманъ*—сверхштатнымъ доцентомъ сего института, съ 27-го февраля 1893 года.

Определены: бывшій инспекторъ студентовъ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Альбрехтъ*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, съ 1-го марта 1893 года; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тавилдаровъ* и инспекторъ Ремесленнаго училища Цесаревича *Николая*, надворный совѣтникъ *Гессе*—членами особаго отдѣ-

ленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію: первый съ 26-го и второй съ 11-го марта 1893 года; дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскіе ассесоры *Елюровъ* и *Манна*—дѣлопроизводители VII класса сего департамента, съ 21-го марта 1893 г.; занимающійся дѣлопроизводствомъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, инженеръ-технологъ *Рубакинъ*, на службу въ особое отдѣленіе сего департамента для заведыванія промышленными училищами, дѣлопроизводителемъ VIII класса, съ 8-го февраля 1893 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Тихановъ*—сотрудникомъ археографической комиссіи сего министерства, съ 1-го марта 1893 г.; исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, неизмѣннѣй чина *Ольговскій*—помощникомъ дѣлопроизводителя особаго отдѣленія сего департамента, для заведыванія промышленными училищами, съ 8-го февраля 1893 г.; изъ отставныхъ: тайный совѣтникъ князь *Дабиза* и статскій совѣтникъ *Дмитревскій* вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первый—съ 19-го февраля 1893 г. и второй—съ 5-го ноября 1892 г.; кандидатъ Императорскаго университета св. Владимира Михаилъ *Гребенниковъ* и окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ второй степени Михаилъ *Образцовъ*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія причисленными къ оному: первый съ 11-го апрѣля и второй съ 27 февраля 1893 г.; занимающійся по вольному найму въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, сынъ статскаго совѣтника Николай *Тискинъ* на службу въ сей департаментъ канцелярскимъ служителемъ со 2-го марта 1893 года.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: старшій ординаторъ С.-Петербургскаго Семеновскаго Александровскаго военнаго госпиталя, статскій совѣтникъ *Максимовъ* и причисленный къ первому департаменту министерства юстиціи, коллежскій ассессоръ *Есиповъ*, съ назначеніемъ экстраординарными профессорами Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрамъ: первый—оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, съ 5-го марта, и второй—уголовнаго права, съ 26 марта 1893 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: помощникъ дѣлопроизводителя VII класса канцеляріи государственнаго контроля, надворный совѣтникъ *Делоне*, съ оставленіемъ въ настоящей долж-

ности и съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ 14-го апрѣля 1893 года.

Оставлены на службѣ: директоръ Виленскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Голубиновъ*, съ 19-го марта, и директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, статскій совѣтникъ *Екимецкій*, съ 19-го февраля 1893 года, оба на два года; директоръ Александровской Гельсингфорсской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Аршауловъ*, съ 27-го января 1893 г., на три года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—тайный совѣтникъ *Муртенсъ*, съ 15 марта, и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иностранцевъ*, съ 18 марта, и Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Левшина*, съ 13-го февраля; директоръ Ставропольской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гинновъ*, съ 19-го января, и директора реальныхъ училищъ: Минскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Самойло*, со 2-го марта 1893 года, и Пермскаго Алексіевскаго—статскій совѣтникъ *Дмитріевскій*, съ 11-го августа 1892 г., все шестеро на пять лѣтъ.

Командированы съ ученою цѣлью: сверхштатный ассистентъ при астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета *Покровский*—въ Пулково, съ 1-го іюня по 10-е іюля 1893 года; лаборантъ при зоологическомъ кабинетѣ Императорскаго университета св. Владиміра *Совинскій*—въ С.-Петербургъ и Москву, на полтора мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Надлеръ*—въ С.-Петербургъ и Москву; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета коллежскій ассесоръ *Филипповъ*—въ Москву и принять-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—надворный совѣтникъ *Срезневскій* въ С.-Петербургскую губернію и Юрьевскаго—*Шлотеръ* внутри Имперіи, все четверо на лѣтнее вакаціонное время 1893 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Висковитовъ*—внутри Имперіи, съ 10-го іюня по 10-е сентября, экстраординарный профессоръ сего университета коллежскій совѣтникъ *Дьяконовъ*—въ Москву, съ 1-го іюня по 1-е сентября; принять-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Марръ*—въ Эриванскую губернію и Карсскую область, съ 10 мая по 10-е августа и консерваторъ ботаническаго сада Императорскаго университета св. Владиміра *Тинскій* на Кавказъ по 1-е іюля;

сверхплатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета *Бартеневъ* въ разные города Россіи съ 10-го мая по 1-е сентября; хранитель кабинета физической географіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Барановскій*—въ Самарскую, Саратовскую и Екатеринославскую губерніи, по 31-е августа; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица *Берендсъ*—въ С.-Петербургъ и Гельсингфорсъ, по 1-е сентября; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, действительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—въ Крымъ и на Кавказъ, по 15-е сентября 1893 г. и приватъ-доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Рязанцевъ*—въ С.-Петербургъ, на одинъ годъ.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, действительный статскій совѣтникъ *Повицкій* и директоръ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, статскій совѣтникъ *Екимецкій*, оба на два мѣсяца; директоры гимназій: действительные статскіе совѣтники: Московской 4-й—*Кульчицкій*, Казанской 3-й—*Иноземцевъ* и Елисаветпольской—*Старицкій*, и статскіе совѣтники: Самарской—*Рудниковъ* и Александровской Мариупольской—*Тимошевскій*, начальница Бакинской Мариинской женской гимназій *Латкина*, директоръ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ, действительный статскій совѣтникъ *Верландеръ*; статскіе совѣтники, директора реальныхъ училищъ: Херсонскаго—*Месиневъ*, Урюпинскаго—*Ренчикискій*, Шушинскаго—*Тарасовъ* и Александровскаго Тюменскаго—*Словцовъ*, исправляющій должность директора Камератскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Клосовскій* и директоръ Закавказской учительской семинаріи, действительный статскій совѣтникъ *Стрѣлецкій*, всѣ тринадцать на лѣтнее ваканціонное время 1893 г.; директоръ Астраханской гимназій, статскій совѣтникъ *Котловицковъ*—на лѣтнее ваканціонное время 1893 г. и 20 дней; директоръ Вѣлгородской ево королевскаго высочества Герцога Единбургскаго гимназій статскій совѣтникъ *Тихомировъ*—на лѣтнее ваканціонное время 1893 г. и 28 дней и директоръ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Тюменцевъ*—на четыре мѣсяца, съ 15-го мая 1893 г.; б) въ Россіи и за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, действительный статскій совѣтникъ *Драгендорфъ* и директоръ Симферопольской гимназій, статскій совѣтникъ *Бороничевскій*—на лѣтнее ваканціонное время 1893 г.; директоръ Императорскаго лицея въ память Цесаре-

вича Николая, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Станишевъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 28 дней; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Финиеръ-фонъ-Вальдгеймъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 29 дней, съ 24-го мая, и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безсоновъ*, по 12-е августа 1893 г.; и в) за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира статскій совѣтникъ *Венюковъ*—на одинъ мѣсяцъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Есиповъ*—по 18-е юли 1893 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Шпановскій*, врачъ Кутанской гимназіи коллежскій совѣтникъ *Вороновъ*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Вилекинъ*, помощникъ директора Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи, титулярный совѣтникъ *Мюллеръ* и преподавательница С.-Петербургской частной женской гимназіи Гедда—*Эйнзидель*, всѣ пятеро на два мѣсяца; врачъ Александровской Гельсингфорской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Хозяиновъ*—на время лѣтнихъ въ гимназіи вакацій 1893 г.; на лѣтнее вакаціонное время 1893 г.: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цитовичъ*, Юрьевского: дѣйствительные статскіе совѣтники *Гершельманъ* и *Фолькъ* и статскіе совѣтники: *фонъ-Кеннелъ*, *Кюбертъ* и *Гауссмейтеръ* и Харьковскаго, статскій совѣтникъ *Гаттенбергеръ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Марксвицъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Шеруль*, экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Везбородко въ Нѣжинѣ, коллежскій совѣтникъ *Пытуховъ*, доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Штадельманъ*, профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петровъ*, статскіе совѣтники *Юлли* и *Щелыевъ* и доцентъ сего училища, коллежскій секретарь *Павловъ*, начальница Петропавловской женской гимназіи въ Москвѣ *Керберъ*, директоръ Егорьевской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Долежелъ*, директоры училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: главнаго нѣмецкаго св. Петра *Фризендорфъ* и св. Анны, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кенигъ*, директоръ Рижскаго политехническаго училища

Гренбергъ, инспекторы гимназій: Московской второй статскій совѣтникъ *Венеръ* и Орловской—статскій совѣтникъ *Гавелько*, инспекторъ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Кохъ*, старшій учитель Императорскаго лицея Цесаревича Николая, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гринмутъ*, наставникъ-руководитель гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, коллежскій совѣтникъ *Добіашъ*, воспитатель и преподаватель коллегіи Паула Галагана въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Гордіевичъ*, преподаватели Рижскаго политехническаго училища; *Кизерицкій*, *Ловисъ*, *Мольтъ*, *Бекъ*, *Мельхеръ*, *Глазенапъ*, *Томсъ*, *Ливенталь*, *Пфуль*, *фонъ-Кипримъ*, *Кохъ*, *Грюблеръ*, *Бишофъ* и *Шиндлеръ*, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: 2-й—*Де-ла-Дроантьеръ* и *Розовъ*, 3-й—статскій совѣтникъ *Райманъ* и *Гюттине*, Ларинской—*Ольшевскій* и Введенской—*Влашижскій*, Московскихъ: 1-й—статскій совѣтникъ *Каленовъ* и *Лановой* и 6-й—*Вильоме*, Рязанской—статскіе совѣтники *Рейнеръ* и *Мейеръ*, Орловской—статскій совѣтникъ *Мало*, Нижегородской—коллежскій совѣтникъ *Ржиза*, Харьковской 3-й—статскій совѣтникъ *Левенштейнъ*, Кіевскихъ: первой—статскій совѣтникъ *Черкуновъ* и коллежскій ассесоръ *Ремме* и второй—*Яновскій*, Бѣлоцерковской—*Лебединцевъ*, Полтавской—*Метсе*, Керченской Александровской—статскій совѣтникъ *Шкуртиль*, Симферопольской—статскій совѣтникъ *Каштаръ*, Бердянской—статскій совѣтникъ *Янъ*, Херсонской—статскій совѣтникъ *Марекъ*, Митавской—статскій совѣтникъ *Гижницкій*, Рижской городской—коллежскій совѣтникъ *Боке*, Елисаветградской—коллежскій совѣтникъ *Кончинскій*, Владикавказской—*Григоровичъ*, Екатеринославской—*Шумахеръ* и Ставропольской—*Юртела*; учителя женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской—*Шервинскій*, Севастопольской—коллежскій совѣтникъ *Елисафовъ* и состоящій при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, надворный совѣтникъ *Титце* и коллежскій ассесоръ *Вѣлеръ*, надзирательница сей гимназіи *Бюрки*, надзирательница Херсонской Маріинской женской гимназіи *Иленко*; учителя прогимназій: Петергофской императора Александра II—*Ламизъ*, Александровской Борисоглѣбской—надворный совѣтникъ *Гедригъ*, Одесской—исправляющій должность *Линъ* и Херсонской—коллежскій совѣтникъ *Индра*, учительница Херсонской Маріинско-Александровской женской прогимназіи *Крыжановская*; учителя реальныхъ училищъ: Ейскаго—статскій совѣтникъ *Сукунъ*, Полтавскаго Александровскаго—статскій совѣтникъ *Вельяръ*, Муромскаго—статскій со-

вѣтникъ *Фогль*, Костромскаго—статскій совѣтникъ *Фарванъ*, Севастопольскаго—статскій совѣтникъ *Бьлусовъ*, Кишиневскаго—статскіе совѣтники: *Аалендорфъ* и *Зедировъ*, Каиратскаго—*Якоби*, *Семеновъ* и *Донатъ*, Рижскаго императора Петра I—коллежскій совѣтникъ *Штенекъ* и *Бояриновъ*. Рижскаго городского—статскій совѣтникъ *Эккардтъ* и надворный совѣтникъ *Вассеръ*, Ровенскаго—надворный совѣтникъ *Фуксъ*, Урюпинскаго—*Гнатовичъ* и Севастопольскаго—*Драгановъ*, исправляющій должность учителя Воронежскаго реальнаго училища *Поль*, учителя главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: *Гольманъ*, *Анспахъ*, *Бекманъ*, *Бонжуръ*, *Вороновичъ*, *Глассе*, *Зейботъ* и *Фремонъ*, учителя училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ: *Шнейдеръ*, *Мансъ* и *Кальницъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ сего училища *Шмидтъ*, учителя училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, статскіе совѣтники *Гае* и *Нерлинъ*; учителя мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ: статскій совѣтникъ *Кремеръ*, надворные совѣтники *Дайъ* и *Галле*, помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реальнаго училища императора Петра I *Остроузовъ*, учитель Московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Варава*, учитель Болградскаго трехкласснаго городского училища *Родославскій*, учителя Верроскаго городского училища *Величко* и *Простаковъ*, учитель Харьковской второй гимназій, статскій совѣтникъ *Шемо*, на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 5 дней; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сергѣевичъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Ротертъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 8 дней; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Федоровъ* на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 10 дней; учитель Николаевской Маріинской женской гимназій, коллежскій ассессоръ *Емельяновъ*, съ 1-го іюня по 15-е августа 1893 г.; исправляющій должность директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Зайкевичъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 28 дней; учитель Кіево-печерской гимназій *Ляскоронскій*, воспитательница и учительница С.-Петербургской частной женской княгини Оболенской гимназій—*Герстфельдъ*, учительница С.-Петербургской частной Гедда гимназій—*Молленгауеръ*, учитель Болградскаго втораго приходскаго училища *Барциковскій* и учительница Болградскаго одно-

класснаго женскаго училища *Гуцева*, всѣ пятеро на три мѣсяца; учитель Ейскаго реальнаго училища *Болотовъ*, съ 20-го мая по 1-е сентября 1893 года и надзирательница Болградской женской гимназіи *Начева*, съ 1-го мая по 1-е сентября 1893 года.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: надворный совѣтникъ *Карскій* и губернский секретарь *фонъ-Клостерманъ*, по случаю назначенія: перваго—лекторомъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета съ 1-го и по случаю перевода втораго на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, съ 10-го февраля 1893 года.

Уволены, согласно прошеніямъ, отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ*, съ 14-го января, инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цивильковъ*, съ 1-го марта, директоръ Читинской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бирманъ*, съ 12-го апрѣля, и инспекторъ-воспитатель татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Черниговскій*, съ 11-го марта 1893 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Пензенской первой гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ловинову*, за пожертвованіе его въ пользу сей гимназіи; директору народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, статскому совѣтнику *Малевицкому*, за дѣятельное его участіе при устройствѣ лѣсныхъ и садовыхъ питомниковъ при школахъ Екатеринославской губерніи; инспектору чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, коллежскому секретарю *Яковлеву*, за труды его и личныя пожертвованія по возведенію пристройки къ зданію Симбирской чувашской учительской школы; непрѣмѣнному члену Мозырскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, надворному совѣтнику *Родендорфу* и попечительницѣ Большесельскаго начальнаго училища, Цронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, *Ржевской*—за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія; архитектору Императорской академіи наукъ, коллежскому ассессору *Марфельду*—за полезную и усердную его дѣятельность по возведенію новыхъ построекъ при главной физической обсерваторіи; вдовѣ потомственнаго почетнаго гражданина *Щеголевой*—за сдѣланное ею пожертвованіе на устройство въ селѣ Шумордашахъ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, инородческаго училища министерства народнаго просвѣщенія.

Исключены изъ списковъ умершіе: статскіе совѣтники: директоръ Вологодской гимназіи *Исполатовъ*, директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ *Николаевскій* и директоръ Пркутской учительской семинаріи *Любимовъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено.

— Книгу: „*T. Livii ab urbe condita liber V.* Римской исторіи *Тита Ливія* книга V. Съ объясненіями и введеніемъ, составленными *И. Страховымъ*. Москва. 1893, стр. X+119. Цѣна 65 коп.“—одобрить, какъ учебное пособіе по латинскому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Ф. Гизо. Исторія цивилизаціи въ Европѣ (Histoire de la civilisation en Europe).* Переводъ съ французскаго, съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности *Ф. Гизо*. С.-Пб. 1892. Стр. VI+262. Цѣна 1 рубль“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: „*Чудеса древней страны пирамидъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Сочиненіе д-ра Карла Оптеля.* Переводъ съ нѣмецкаго, со 2-го исправленнаго изданія, *Н. Страхова*. Въ двухъ частяхъ. С.-Пб. 1883. Стр. X+480. Цѣна 3 рубля 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „*Сочиненія Т. Н. Грановскаго* (въ двухъ частяхъ). Третье, дополненное изданіе. Москва. 1892. Стр. XVI+427+541. Цѣна за двѣ части 4 рубля“—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей: 1) *Émile Souvestre. A coin du feu.* Текстъ съ введеніемъ-примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *В. М. Баралеваскій*. Царское Село. 1892. Стр. 78, въ словарѣ 30, въ 12-ю д. л. Цѣна 30 коп.; 2) *Eugène Scribe. La camaraderie ou la courte échelle.* Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *К. Л. Фелии*. Царское Село. 1892. Стр. 124, въ словарѣ 17, въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ учебныхъ пособій при препода-

даваніи французскаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ, министерства народнаго просвѣщенія—первую въ среднихъ (4, 5 и 6-мъ) классахъ, а вторую въ двухъ старшихъ (7 и 8-мъ) классахъ.

— Книжку: „Избранныя произведенія вѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Octave Feuillet. Le village.* Объяснилъ *В. С. Игнатовичъ.* Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Изданіе *С. А. Манштейна.* С.-Пб. 1893. Стр. 51+31. Цѣна съ словаремъ 30 коп.“—рекомендовать, какъ весьма полезное пособие при преподаваніи французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназій.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Ф. Крейсбергъ.* Часть II. Тифлисъ. 1892. Стр. 140. Цѣна 65 коп.“—допустить, какъ учебное пособие для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни *И. И. Познякова.* Съ рисунками *Никитина.* С.-Пб. Стр. 252. Цѣна 2 рубля.“—одобрить для ученическихъ младшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: „Техническій сборникъ и Вѣстникъ Промышленности“, издаваемый подъ редакціей инженеръ-механика *Казначеева*,—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки техническихъ, промышленныхъ и т. п. учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Журналъ: „Вѣстникъ Винодѣлія“, ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, издаваемый подъ редакціей *Василія Таирова*, подписная цѣна съ доставкою и пересылкою по 6 рублей въ годъ, а для начальныхъ училищъ по 4 рубля 50 коп.,—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки техническихъ училищъ, учительскихъ семинарій и начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Руководство къ обработкѣ стекла на напольномъ столѣ. Для студентовъ, изучающихъ искусство производить научные опыты. Составили лаборанты Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Д. Н. Дюжоновъ* и *В. В. Лермонтовъ.* 1892. Стр. XII+161, съ 30 рисунками. Цѣна 1 рубль“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ вообще всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ преподается физика или химія.

— Изданныя г-жею *М. Р.* брошюры: 1) „Краткое руководство къ разведенію фруктовыхъ садовъ и огородовъ въ Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1892. 22 стр. въ 8-ю д. л. Цѣна 40 коп.“—одобрить для приобрѣтенія въ ученическія библіотеки какъ сельскихъ училищъ,

такъ и учительскихъ семинарій южной части Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ; 2) „Краткое наставленіе къ разведенію лѣсовъ въ Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1892, въ 16 д. л., 34 стр.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ, сельскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ восточной и юго-восточной Россіи и 3) „Краткое наставленіе къ разведенію пчелъ въ рамочномъ ульѣ. Оренбургъ. 1892. 8°. 51 стр. съ 2 табл. рис.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Составленные ученымъ рисовальщикомъ *А. Н. Смирновымъ* брошюры: 1) „Стѣнные таблицы для преподаванія начального рисованія, текстъ. С.-Пб. 1892. 8°. 28 стр., съ 4 прил. и 20 табл. р.“—рекомендовать для низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ руководства и 2) „Систематическій курсъ рисованія по сѣткѣ. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 рубль“—рекомендовать для начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ въ качествѣ руководства.

— Книгу: „*Юл. М. Гинтервальднеръ*. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Переводъ подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи профессора *Э. Ю. Петри*, „Антропологическія коллекціи и наблюденія.“ Съ 125-ю рисунками. С.-Пб. 1892. Стр. VIII+350+20. Цѣна 3 рубля“—рекомендовать въ фундаментальныя и учебныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Новая элементарная французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Составилъ *А. Пашалери*, учитель гимназій. (Nouvelle grammaire élémentaire avec la traduction russe en regard, par *A. Paschaléry*, maître de gymnase). Одесса. 1892. Стр. 130+IV. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ старшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Три публичныя лекціи ординарнаго профессора Казанскаго университета *Н. М. Любимова*: 1) „Чихотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Казань. 1893. Стр. 84. Цѣна 30 коп.“—2) „Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Казань. 1893. Стр. 102. Цѣна 30 коп.“—3) „О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Казань. 1893. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Притчи Соломоновы. (Для евреевъ). Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ и обширнымъ комментариемъ на еврейскомъ языкѣ. Перевелъ и объяснилъ рижскій раввинъ *А. Л. Пумлинскій*. С.-Пб. 1891. Стр. 110. Цѣна 75 коп.“—рекомендовать для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія для учениковъ-евреевъ среднихъ учебныхъ заведеній и еврейскихъ училищъ при обученіи закону ихъ вѣры.

— Издаваемыя учебнымъ магазиномъ: „Начальная школа“ *Тихомировой*, брошюры: 1) профессора *Линдемана* „О главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ. Москва. 1893. 16°. 58 стр. Цѣна 10 коп.“ и 2) *его же* „Итальянская саранча и мѣры къ ея истребленію. Москва. 1893. 16°. 45 стр. Цѣна 8 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія; 3) *П. В. Ростовцева* „Смородина и способы разведенія ея. Москва. 1891 г. 16°. 37 стр. Цѣна 10 коп.“, 4) *его же* „Воздѣлываніе льна на сѣмя и волокно“ и 5) *В. Шимановскаго* „Садъ крестьянина. Москва. 1892. 16°. 62 стр., съ рисунками. Цѣна 12 коп.“—допустить для приобрѣтенія въ учительскія библіотеки народныхъ школъ.

— Книгу: „Краткая грамматика латинскаго языка. Признательно къ учебнымъ гимназическимъ программамъ составилъ *Н. Санчурскій*. С.-Пб. 1893. Стр. 73—130. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить, какъ руководство для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „*А. Приселковъ*, преподаватель Тифлисской 1-й гимназій. Отрывки изъ греческихъ писателей для письменныхъ работъ въ восьмомъ классѣ. Тифлисъ. 1893. Стр. 109. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для восьмага класса гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Психологія. Систематическій курсъ чтеній по психологіи. Профессора Казанской духовной академіи *В. А. Сисирева*. Харьковъ. 1893. Стр. 700—XXV. Цѣна 5 рублей (съ портретомъ автора)“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Введеніе въ астрономію. Составилъ *К. Шарниортъ*, ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1893. Стр. V+371. Цѣна 2 р. 50 коп.“—рекомендовать въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Чтенія *Б. Ю.*

Колбс, преподавателя физики въ училищѣ св. Анны въ С.-Петербургѣ. I. Статическое электричество. Съ 75 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1893. Стр. VIII+150. Цѣна 1 р. 20 коп.“—рекомендовать для основныхъ и ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжку: „Повторительный курсъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ *А. И. Кузнецовъ*, преподаватель Маріинской Донской женской гимназіи. Новочеркасскъ. 1892. Стр. II+148. Цѣна 50 коп.“—допустить, какъ учебное пособие для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій и учебное пособие для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Выпускъ III. Древняя Русь. Составилъ *Евстаіи Крыловъ*. Москва. 1893. Стр. VIII+152. Цѣна 65 коп.“—одобрить, какъ учебное пособие для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Краткій курсъ русской исторіи съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и восьми картъ. Составили *П. Либенъ* и *А. Шуйская*. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1893. Стр. V+48. Цѣна 50 коп.“—допустить, какъ руководство для III класса гимназій и реальныхъ училищъ, и одобрить для начальныхъ училищъ.

— Книги: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга VI. С.-Пб. 1892. Стр. XII+401. Книга VII. С.-Пб. 1893. Стр. XVI+603. Цѣна каждой по 2 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшихъ классовъ) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Двѣ стѣнные географическія карты *К. Д. Малашкина*: 1) Германія и 2) Балканскій полуостровъ, составленныя по Кипперту и др.—одобрить въ видѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Мизантропъ. Комедія *Мольера*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1666). Переводъ съ французскаго развѣромъ подлинника *Льва Поливанова*. Съ очеркомъ жизни *Мольера*, объяснительными статьями и съ тремя портретами. Москва. 1893. Стр. 4+160. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книги: „Сочиненія *Г. П. Данилевскаго* (1847—1890). Изданіе

7-е, посмертное, въ девяти томахъ, съ портретомъ автора. С.-Пб. 1892—1893. Цѣна 15 рублей"—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Мысли о музыкѣ писателей древнихъ и новыхъ. Съ двумя гравюрами. Составила А. Турмыгина. С.-Пб. 1890. 8°. Стр. 166. Цѣна 2 рубля"—допустить въ ученическія библіотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Н. В. Горлево. Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Тифлисъ. 1892. Стр. III+256+XXXVI. Цѣна 1 р. 60 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ ариметическихъ задачъ, съ изложеніемъ всѣхъ новыхъ опредѣленій и правилъ, и съ объясненіемъ образцовыхъ способовъ рѣшенія задачъ. Составили: П. А. Шапошниковъ, профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, и Н. К. Валуцовъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1893. (Въ двухъ частяхъ). Часть I. Цѣлыя отвлеченныя и именованныя числа. Стр. VI+152. Цѣна 40 коп.—Часть II. Теорія дробей и общія правила. Стр. 204. Цѣна 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи арифметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

— Брошюру: „Ключъ къ рѣшенію ариметическихъ задачъ на всѣ правила. Составилъ Н. В. Шапошничъ. Кіевъ. 1893. Стр. 39"—допустить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи арифметики въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Курсъ дополнительныхъ статей алгебры, съ приложеніемъ 140 задачъ. По новой программѣ реальныхъ училищъ, составилъ П. С. Флеровъ. Москва. 1892. Стр. VIII+152. Цѣна 1 рубль"—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Часть первая. Приложеніе алгебры къ геометріи. Стр. VII+138. Цѣна 90 к.—Часть вторая. Собраніе геометрическихъ задачъ на построеніе, расположенныхъ по системѣ, свойственной алгебраическому методу рѣшенія ихъ. Стр. VIII+220. Цѣна 1 р. 30 коп. П. А. Некрасова, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. М. 1892"—одобрить первую часть въ качествѣ руководства при прохожденіи „приложенія алгебры къ геомет-

рін⁴ въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ, а вторую часть въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и рекомендовать обѣ части въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechnen. Von *Richard Kalnin*. Erstes Heft. Стр. 59. Цѣна 25 к.—Drittes Heft. Стр. 78. Цѣна 40 к.—Viertes Heft. Стр. 85+XVIII. Цѣна 50 к. St.-Petersburg. 1892”—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи ариметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Lehrbuch der Algebra nebst einer Sammlung von Übungsaufgaben für Gymnasien und Realschulen, bearbeitet von *A. Belikow* und *A. Natting*. St.-Petersburg. 1893. Стр. VI+213+17”—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи алгебры въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „*П. Полевой*. Иллюстрированныя рассказы изъ отечественной исторіи, съ портретами и картинами въ текстѣ, для начальныхъ школъ. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1893. Стр. 68. Цѣна 45 коп.”—допустить въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для употребленія въ качествѣ учебнаго пособия въ III классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткій учебникъ русской исторіи въ біографическихъ очеркахъ. (Курсъ младшаго возраста). Составилъ *А. Н. Сальниковъ*. Изданіе 2-е, исправленное, съ картами въ текстѣ. С.-Пб. 1893. Стр. VII+122. Цѣна 50 коп.”—допустить въ качествѣ руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „23.000 миль на яхтѣ „Тамара“. Путешествіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Александра и Сергія Михайловичей въ 1890—1891 гг. Путевыя впечатлѣнія д-ра *Г. И. Радде*. Томы I и II. С.-Пб. 1893. Стр. въ I т. 226+XXXII; во II т. 211+XXXV”—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (для средняго и старшаго возраста) бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для награды ученикамъ за успѣхи въ наукахъ.

— Книгу: „Систематика растений, д-ра *Варминна*, профессора ботаники въ Копенгагенскомъ университетѣ. Переводъ съ 3-го датскаго изданія *С. Ростовцева* и *М. Голенкина*. Съ предисловіемъ профессора *К. А. Тимирязева*. 645 политцажей. Москва. 1893. Стр. VIII+

624. Цѣна 5 рублей"—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Вѣстникъ естествознанія. Изданіе С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, подъ редакціей Ф. Овсянникова, за 1891 и 1892 гг. и №№ 1 и 2 за 1893 г.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Наука и жизнь. Общепонятно-научный иллюстрированный журналъ, 1892 г., №№ 1—52. Москва. 8°. Стр. 328“—одобрить для приобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній для старшаго возраста и для бесплатныхъ народныхъ читалень.

— Книги: 1) „Французская элементарная грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Шалландъ. Часть I. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1893. Стр. 95. Цѣна 40 коп.“ — 2) „Французская грамматика для среднихъ и высшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Шалландъ. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1893. Стр. 94. Цѣна 45 коп.“—3) „Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шалландъ. Первый годъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1893. Стр. 79. Цѣна 35 коп.“ — Второй годъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1893. Стр. 99. Цѣна 50 коп.“ — первую часть французской грамматики въ 5-мъ изданіи и вторую часть въ 4-мъ изданіи одобрить въ качествѣ учебной грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а полный курсъ французскаго языка въ 3-мъ изданіи одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Докт. медиц. М. М. Кенигсбергъ. Основы анатоміи, фізіологіи и гігіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ 38 рис. въ текстѣ. Оренбургъ. 1893. Стр. 290“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: „Мольера: 1) L'Avare, 2) Le Misanthrope, 3) Le Bourgeois и 4) Les femmes savantes, Корнели: 5) Le Cid и 6) Horace, Расина: 7) Esther и 8) Athalie“, составленныя В. С. Пшатовичемъ изъ разброшированныхъ 4-хъ выпусковъ его изданій французскихъ классиковъ, одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Т. Вишневскій*. Изданіе 3-е, перепечатанное безъ перемѣнъ съ 1-го изданія. Казань. 1893. 8°. 123 стр. Цѣна 35 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи ариѳметики въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. Составилъ *Т. Лубенецъ*. Изданіе 12-е. С.-Пб. 1893. Въ трехъ выпускахъ: годъ I, 48 стр.—12 коп.; годъ II, 66 стр.—15 коп.; годъ III, 93 стр.—20 коп. (То же въ одной книгѣ — 40 коп.)“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Составленную *Т. Лубенцемъ* „Таблицу мѣръ, пособие къ Сборнику ариѳметическихъ задачъ, на листѣ большого формата. Изданіе 2-е, исправленное. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ народныя училища въ качествѣ учебнаго пособия съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы указанныя ученымъ комитетомъ исправленія.

— Книгу: „Сборникъ геометрическихъ задачъ въ объемѣ курса городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года. Составилъ *А. Въресскій*. Киевъ. 1891. 8°. 128 стр. Цѣна 60 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи геометріи въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено открыть въ г. Ржевѣ, съ 189²/₄ учебнаго года, женскую прогимназію, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе оной расхода на средства, отпускаемыя мѣстнымъ обществомъ.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, 5-го марта сего года послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія на станціи „Одесса-Товарная“ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ при 96-ти учащихся.

— По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, 7-го января текущаго года послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Свѣтломъ-Ярѣ, Черноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи, при 56-ти учащихся.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ ¹⁾.

(1544—1648).

ГЛАВА V.

Значеніе дворцоваго переворота въ Швеціи.—Роскильдскій конгрессъ.—Новыя недоразумѣнія между Швеціей и Даніей.—Сѣверная война съ 1568 по 1570 годъ.—Штеттинскій миръ.—Событія въ Ливоніи съ 1568 года.—Сближеніе Магнуса съ Москвою.—Роль Фридриха II въ этомъ сближеніи.—Августъ Саксонскій и Магнусъ. Польша и ея отношеніе къ союзу Магнуса съ Грознымъ.—Швеверскій рейхстагъ.—Балтійская политика Максимиліана.—Вопросъ объ адмиралтействѣ на Балтійскомъ морѣ.—Осада Ревеля въ 1570—1571 г.—Данія и Москва.—Любекъ и Швеція.—Воспнія событія въ Ливоніи до 1572 года.—Значеніе польскихъ изобразій на ходъ войны.—Георихъ Лижуйскій.—Максимиліанъ.—Ливонскій проектъ Франціи.—Баторій.—Борьба Дашича съ Баторіемъ.—Сближеніе Вѣны съ Москвою.—Воспнія событія въ Ливоніи до 1577 года.—Баторій и его первые походы противъ русскихъ.—Имперія и ея отношенія къ Ливоніи при Рудольфѣ.—Любекъ и его отношенія къ Іоанну III съ 1575 по 1579 годъ.—Политика Даніи въ Ливоніи, послѣ измѣны Магнуса Москвѣ.—Дипломатическое сближеніе Швеціи съ Испаніей.—Походы Делагарды.—Посевинъ.—Соперничество Швеціи и Польши.—Ямъ-Запольскій миръ.—Швеція и Москва.—Разрѣшеніе балтійскаго вопроса въ сѣверной Европѣ въ исходѣ XVI столѣтія.

Переворотъ, происшедшій въ Швеціи въ сентябрѣ 1568 года, начинается собою третій періодъ балтійской или ливонской войны. Сверженіе Эрика съ трона, совершившееся съ такою поразительною легкостью и быстротою, и вступленіе на него Іоанна III — это фактъ глубокой исторической важности въ разбираемомъ нами вопросѣ. Новый король Швеціи былъ родственникомъ Польскаго дома; отсюда необходимость союза Швеціи съ Польшей; Іоаннъ требовалъ помощи Польши противъ Даніи, Сигизмундъ II Августъ—общихъ дѣйствій противъ Москвы; необходимости воспользоваться одновременно и съ Швеціей, и съ Рос-

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

сией, что такъ не поспѣвало Сигизмунду, о чемъ онъ такъ скорбѣлъ, теперь не стало. У Москвы былъ новый врагъ—Іоаннъ шведскій; вступленіе Іоанна на шведскій престолъ не могло не отразиться и на отношеніяхъ Польши къ Даніи; договоръ 1563 года теперь потерялъ свою силу, и Сигизмундъ сталъ требовать, чтобы Фридрихъ II прекратилъ свою борьбу съ родственной ему державой и соединился съ нѣмъ противъ Москвы, склонивши къ союзу противъ послѣдней ганзейскіе города; помогать Даніи теперь, когда отстраненъ былъ главный врагъ Эрикъ XIV, не имѣло для Польши никакого смысла. Важность *соеур d'état* въ Швеціи для нашего вопроса я сводится главнымъ образомъ, къ тому, что съ этихъ поръ *вся прежняя схема союзовъ и договоровъ съ самаго 1563 года необходимо рушилась*: дипломатія перемѣнила нарядъ. Женатый на Екатериѣ Ягеллонкѣ Іоаннъ III при своей безхарактерности рано или поздно становился орудіемъ католической реакціи, въ его сынѣ католики нашли одного изъ самыхъ усердныхъ ревнителей іезуитизма. Родственное сближеніе новаго короля Швеціи съ Польшей шло рознь и въ самый домъ Вазы, что, какъ увидимъ, не замедлило обнаружиться въ Ливоніи.

Мы уже имѣли случай охарактеризовать новаго короля Швеціи; мы не станемъ возвращаться къ сказанному и отмѣтимъ лишь его отношенія къ Балтійскому вопросу; важность этого вопроса Іоаннъ на столько же цѣнилъ и понималъ, какъ его предшественникъ, и заслуги его въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще не оцѣнены съ достаточною безпристрастностью. Какъ-то невольно переносили на Іоанна крупныя недостатки его сына, ихъ соединяли и рассматривали какъ одно лицо, чуждое традиціямъ интересовъ Вазы, ревностное орудіе реакціи. Ультрамонтанскіе историки слишкомъ грубо искалѣчиваютъ факты и выставляютъ Іоанна и Сигизмунда чуть-ли не святыми королями; изъ такого отношенія къ нимъ ультрамонтанскихъ историковъ возникло и враждебное отношеніе къ обоимъ этимъ королямъ протестантскихъ историковъ, тогда какъ между отцомъ и сыномъ цѣлая пропасть: Іоаннъ еще шведъ, Сигизмундъ же III—не принадлежалъ ни къ какой національности, онъ убѣжденный папистъ эпохи реакціи, онъ не служилъ ни польскимъ интересамъ, ни шведскимъ, а интересамъ Рима; это настоящій сынъ римской курии, аффилированный членъ іезуитскаго ордена. Высокія дарованія, свойственныя дому Вазы, сказались и въ Іоаннѣ III; рѣдко кто съ такою блестящей виртуозностью и устно, и письменно отстаивалъ свое королевское величіе и достоинство; въ цѣломъ рядѣ запутанныхъ и слож-

ныхъ вопросовъ онъ обнаруживалъ здравый смыслъ и политическій тактъ, умѣлъ себя сдерживать, но только не въ переговорахъ съ ганзейскими городами, былъ талантливымъ эпистолографомъ, могъ въ этомъ отношеніи поспорить съ Іоанномъ московскимъ, не поддавался Баторію. При всемъ томъ, въ Іоаннѣ всегда преобладалъ прекрасный теоретикъ, а не практикъ; недостатка въ идеяхъ въ его вышней политикѣ не было, но осуществить ихъ ему рѣдко удавалось. Вообще безхарактерный, поддававшійся лести и вліянію, онъ обнаружилъ необыкновенную силу, выдержанность и твердость въ преслѣдованіи балтійскаго господства; его онъ понималъ и уклонился отъ всякихъ компромиссовъ, могущихъ повредить дѣлу. Его борьба съ Москвою составляетъ важнѣйшій моментъ всего его царствованія, она научила шведовъ военному искусству, иллюстраціей котораго могутъ служить двѣ мужественныя обороны Ревеля въ 1570—1571 и 1577 годахъ и блестящая битва при Венденѣ, „открывшая собою рядъ величайшихъ побѣдъ шведскаго оружія, закончившихся Полтавою“. Свѣдѣнія самого Іоанна въ военномъ дѣлѣ также были очень значительны, хотя и въ нихъ теорія перевѣшывала практику ¹⁾.

Съ большою энергіей Іоаннъ въ первый же годъ своего царствованія отдался вышней политикѣ. Вниманіе его было поглощено прежде всего отношеніями къ Даніи и къ Москвѣ въ Ливоніи. Онъ обратился съ письмомъ къ Фридриху II, въ которомъ, извѣщая его о своемъ вступленіи на престолъ, просилъ временно прекратить военныя дѣйствія; на перемиріе Фридрихъ II согласія не далъ, но велѣлъ своимъ войскамъ остановить дальнѣйшее движеніе впередъ. Чѣмъ объяснить такую уступчивость Фридриха? Почему онъ не воспользовался выгодною своего положенія? Или онъ надѣлся на то, что Іоаннъ подтвердитъ прелиминарныя мирныя условія, выработанныя на конгрессѣ въ Роскильдѣ? Или онъ опасался рѣшительно дѣйствовать, потерявъ одного изъ своихъ союзниковъ—Польшу? Въронтнѣе всего, уступчивость Фридриха была вызвана незнаніемъ всѣхъ обстоятельствъ изложенія Эрика и быстрымъ окончаніемъ этого дѣла, придавшимъ ему что-то загадочное ²⁾.

Еще за годъ до шведской придворной революціи иностранная дипломатія энергично изыалась за дѣло мира на скандинавскомъ сѣверѣ.

¹⁾ Заслуга вѣрнаго пониманія Іоанновой политики всецѣло принадлежитъ ученому *Hammar skjöld'u*, стр. 214, и мы рады, что можемъ вѣрными данными подтвердить его взглядъ.

²⁾ Ср. *Th. Annerstedt*, Resningen 1568. En Historisk studie. Göteborg, 1880.

Съ миссией императорскаго посла фонъ Берге въ Данію совпадала и дипломатическая дѣятельность Данса въ Любекѣ и Стокгольмѣ. Ловкій французъ мечталъ о новомъ мирномъ конгрессѣ въ Стральзундѣ, но не успѣлъ ничего: въ Швецію наступилъ тотъ политическій хаосъ, при которомъ не могло быть и рѣчи о какой-либо здоровой политической системѣ. Герцоги, какъ мы видѣли, возстали противъ короля. Іоаннъ III зналъ, что съ внутренними партіями онъ справится только при условіи временнаго мира съ Даніей; потъ почему онъ и начинаетъ переписку съ Фридрихомъ II, старается задобрить его, склоняетъ къ временному перемирію; своего брата онъ обнялъ въ совершенномъ непониманіи интересовъ государства, себя выставявъ миролюбивымъ. Іоаннъ обращался съ письмомъ и къ датскому дворянству, добивался его содѣйствія къ заключенію перемирія.

Фридрихъ II согласился пойдти въ переговоры съ Швеціей о мирѣ; они начались въ Роскильдѣ. 14-го сентября 1568 года Іоаннъ далъ подробную инструкцію своимъ посламъ (Гюлленшерна, Бьэльке, Іонсонъ) на конгрессѣ. Имъ надлежало прежде всего извѣстить всю массу начавшейся войны на Эрика XIV; Іоаннъ, Король и все дворянство съ самаго начала не одобряли ея. Іоаннъ готовъ возстановитъ договоръ Густава I и Христіана III.

Относительно условій мира Іоаннъ уполномочилъ своихъ пословъ соглашаться на уступку Даніи Варберга, если за Швеціей будутъ оставлены Эльфсборгъ, Готландъ, Іемтландъ и Герьедаленъ и Викенъ въ Липоніи. Только въ крайнемъ случаѣ послы могли уступить Даніи и Іемтландъ и Герьедаленъ; Готландъ, Эльфсборгъ и Викенъ должны принадлежать Швеціи. Еслибъ Фридрихъ II предложилъ какія-нибудь болѣе тяжкія условія, то послы должны были извѣстить о нихъ короля и только съ его согласія и полномочія продолжать переговоры. Еслибы имъ не удалось добиться мира, то король согласенъ и на временное перемиріе съ Даніей. Въ кредитивѣ Іоанна къ Фридриху II первый проситъ втораго питать полную вѣру къ посламъ, „какъ сильны мы были на ихъ мѣстѣ“ — гласятъ слова Іоанна, но онъ не давалъ посламъ полномочія отклоняться отъ инструкции и продолжать переговоры по своему личному усмотрѣнію¹⁾.

22-го октября шведскіе послы были въ Роскильдѣ, на слѣдующій день ихъ принялъ Фридрихъ II. Онъ прежде всего предложилъ обмѣнъ плѣнныхъ, соглашался за Варбергъ уступить Эльфсборгъ и воз-

¹⁾ Westling, 48—49.

становить договоръ Густава I и Христіана III. Отъ трехъ королей Швеція, по его мнѣнію, должна была отказаться. Когда Фридрихъ II узналъ, что въ инструкціи пословъ ни словомъ не упоминалось о Любекѣ и ливонскихъ дѣлахъ, онъ заявилъ имъ, что считаетъ невозможнымъ далѣе продолжать переговоры. Съ самаго начала Роскильдскихъ переговоровъ датчане старались напугать на шведовъ страхъ, запугивали ихъ русскимъ нашествіемъ, сами грозили предпринять новое вторженіе, и эта тактика производила дѣйствіе. Шведскіе послы не загнулись даже о Готландѣ, писали королю о вопиющемъ настроеніи датчанъ и просили его въ виду ненадежности Россіи принять всѣ условія Фридриха II.

29-го октября въ Роскильде явились представители Любека, и переговоры приняли большое оживленіе. Шведскіе послы передали датскимъ комиссарамъ копію съ ихъ инструкцій; датчане были недовольны заключавшимися въ инструкціи условіями мира и, однако, запретили шведамъ отправить кого-нибудь изъ своей среды къ королю въ Стокгольмъ для полученія новыхъ полномочій. Шведскіе послы, по нерѣшительности своей и запуганные датчанами, приняли всѣ условія послѣднихъ, и 18-го ноября мирный договоръ былъ подписанъ. Въ силу Роскильдскаго договора шведскій король обязывался сложить три короны, отказаться отъ всякихъ притязаній на Норвегію, Галландъ, Сконе, Блекинге и Готландъ. Возвращались всѣ завоеванія и всѣ захваченные корабли и пушки. Относительно Ливоніи постановлялось, что за Даніей должны остаться: Эзель, Зоненбургъ, Викенъ и Падисъ и епископство Ревельское и Куурляндское. Швеція должна была отказаться и отъ Пернова. Нарвское плаваніе объявлялось свободнымъ. Наконецъ, датчане настояли и на денежномъ вознагражденіи, сумма котораго должна была быть опредѣлена 6 третейскими судьями.

24-го ноября Фридрихъ II и его рать ратификовали Роскильдскій договоръ; ¹⁾ перваго января предполагался обмѣнъ ратификацій.

Черезъ четыре дня послѣ заключенія мира Данія съ Швеціей заключенъ былъ и миръ Любека съ Швеціей. Датскіе комиссары явились посредниками между Любекомъ и Швеціей, о безпристрастїи не могло быть, значить, и рѣчи. Шведскіе послы, въ инструкціи которыхъ ни единымъ словомъ не упоминалось о Любекѣ, на свой страхъ подписали и съ нимъ договоръ, въ силу котораго за Любе-

¹⁾ А не 21, какъ у *Girardet*, 28. *Wentling*, 52—53.

комъ подтверждались привилегія, дарованныя ему Густавомъ I Ваза; долгъ шведскихъ королей долженъ былъ быть уплаченъ городу, торговля любчанъ объявлялась свободною, сношенія съ Россіей—безпрятственными; исключеніе дѣлалось для запрещенныхъ товаровъ — оружія и военныхъ снарядовъ. Обмѣнъ ратификацій предполагался также 1-го января 1569 года.

Шведскіе послы, подписавши оба договора, вернулись въ Шнецію, гдѣ ихъ ожидала достойная награда за превышеніе полномочій.

Іоаннъ III успѣлъ удачно окончить борьбу съ Эрикомъ, побѣда была на его сторонѣ и въ ноябрѣ онъ писалъ посламъ, чтобы они не очень добивались мира, такъ какъ это могло-бы обнаружить тяжелое и крайнее положеніе шведовъ; если датчане не согласятся на его условія, онъ думаетъ продолжать съ ними войну. Русскіе послы утѣрили Іоанна въ миролюбіи ихъ государя, значить и съ этой стороны Іоанну нечего было опасаться, и онъ, дѣйствительно, сталъ дѣлать приготовления къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

При такомъ благополучномъ для Іоанна положеніи дѣлъ, при такомъ энергичномъ настроеніи его — къ нему приходитъ письмо изъ Роскильде, открывавшее ему все малодушіе, все самопоольство его пословъ.

30-го ноября король узналъ, что послы переступили его полномочія, 18-го декабря, что они приняли всѣ унизительныя для Швеціи условія мира, предложенныя имъ Фридрихомъ II. Въ Іоаннѣ закипѣла кровь Вазы. Онъ тотчасъ созвалъ свой рать и представилъ ему положеніе дѣлъ. 29-го декабря рать подалъ мнѣніе о невозможности ратификаціи Роскильдскаго договора; то-же рѣшилъ и Іоаннъ. 25-го января Іоаннъ представилъ условія мира 18 ноября сословіямъ; онъ высчиталъ, что одні военныя контрибуціи достигнутъ 6 бочекъ золота. Всѣ въ одинъ голосъ потребовали продолженія войны; мирныя условія были отвергнуты. Іоаннъ, не желая такъ рѣзко порывать съ Данией, обратился къ дипломатическимъ переговорамъ.

Какъ скоро Фридрихъ II убѣдился, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ на миролюбіе Іоанна, онъ съ прежней энергіей сталъ готовиться къ войнѣ ¹⁾. Іоаннъ III не желалъ подчиняться Роскильд-

¹⁾ 23-го апрѣля онъ писалъ Августу о нежеланіи Іоанна ратифицировать договоръ: „Sondern sich viel mehr beflissen vnd angelegen sein lassen, denselben durch allerlei dartzu gesuchte vnerhebliche behelff gantzlich zuhinterziehen vnd zuuernichtigenn, vnd die sachen, darin wir auf ihr ausuchen in gutem christli-

скому рѣшенію, не желалъ и войны съ Даніей, имѣя въ виду главнымъ образомъ восточное побережье Балтійскаго моря, и вотъ онъ вступаетъ на поприще дипломатической переписки, дипломатическихъ переговоровъ. Въ письмѣ къ Фридриху II отъ 19-го января 1569 года онъ старается оправдать свое поведеніе относительно Роскильдскаго договора. Какъ только онъ узналъ содержаніе его, онъ созвалъ рейхстагъ, чтобы узнать мнѣнія всѣхъ сословій относительно принятыхъ въ Роскильдѣ мирныхъ постановленій. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ оказалось, что многіе пункты въ роскильдскихъ прелиминаріяхъ прямо умаляли достоинство шведской короны; принимать ихъ не позволяла честь короля. Такъ, напримѣръ, требованіе, предъявленное Даніей, чтобы шведы возвратили ей все, что завоевано стараніями шведскаго народа, что стоило ему не мало жертвъ и крови — это требованіе король, разумѣется, принять не можетъ. Также отвергаетъ Іоаннъ и требованіе Фридриха II о вознагражденіи Даніи за всѣ ею понесенные расходы на содержаніе и наемъ войска. Выборные отъ всѣхъ сословій объявили на рейхстагѣ, что прелиминарныя условія Роскильдскаго конгресса были составлены исключительно только къ одной выгодѣ Даніи, съ цѣлью достигнуть совершеннаго униженія Шнеци, поэтому принимать эти условія рѣшительно невозможно. Кромѣ того, — на это Іоаннъ въ особенности напиралъ, — онъ, король, не уполномочивалъ своихъ пословъ въ Роскильдѣ принимать (*bestettigen vnd zubekrefftigen*) такихъ унижительныхъ для Шнеци условій, они обошли королевскія инструкціи и дѣйствовали вопреки желанію и полномочію своего государя ¹⁾). Если Фридрихъ II желаетъ, то Іоаннъ готовъ отравить своихъ уполномоченныхъ на новый конгрессъ, чтобы еще разъ разсмотрѣть взаимныя отношенія къ Даніи; быть можетъ, еще и удастся предупредить борьбу, быть можетъ, новый конгрессъ утѣчается болѣе благоприятными и справедливыми условіями ²⁾).

chen Konninglichen Vertrauen die handlung eingeräumt, auf ferner zusammenschickung, oder, dahin wir's vielmehr vorstellen müssen, zu voriger weitlenftigkeit vnd thätlicher kriegshandlung zustellen" (Дрезд. арх.).

¹⁾ ...Was vonn vnsern abgesandten, vber vnd wieder vnsern willen vnd beuhell gelobt vnd zugesagt haben.

²⁾ Дрезд. арх. Das zehende denische Buch. Іоаннъ III къ Фридриху II, 29-го января и 19-го февраля. Въ первомъ мы читаемъ: können darauff E. L. freundlich nicht verhalten, das nach dem jun derselbigen fridehandlung etzlich Punct verfaasset, die vnns vnd dem reich Schweden zu nachteil vnd schaden zugerei-

Началась любопытная переписка обоихъ скандинавскихъ государей. Фридрихъ писалъ Іоанну 7-го марта, что прекращаетъ съ нимъ всякіе переговоры. Іоаннъ требовалъ „ревинзіи“ всего мирнаго трактата; онъ обратился къ посредничеству Сигизмунда II Августа. Польскій король согласился разыграть роль посредника и отправилъ пословъ въ Копенгагенъ. Оба скандинавскихъ короля соглашались на новый съездъ, хотя въ душѣ рѣшили продолжать войну; съездъ не состоялся только потому, что датчане не приняли мѣста, указанного Іоанномъ, а шведы отказались прибыть въ Ульфсбекъ или Кнередъ, отмѣченные Фридрихомъ II. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ приказаніе своимъ адмираламъ держать курсъ на Ревель. Союзный флотъ явился въ виду этого города, сжегъ часть шведскихъ кораблей, многіе увезъ съ собою, но существеннаго вреда онъ не могъ нанести городу. Тѣмъ не менѣе праждебная диверсія датско-любекскаго флота встревожила Іоанна. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ онъ все еще обсуждалъ съ своимъ ратомъ и Карломъ Сѣдерманландскимъ условія Роскильдскаго мира, проектировалъ новыя условія, предлагалъ сдѣлать Ревель и Выборгъ стапельными пунктами на востокъ, запрещалъ русскую торговлю. Относительно Любека—король требовалъ для своихъ подданныхъ такихъ же привилегій въ ганзейскихъ городахъ, какихъ ганзейцы домогались въ Швеціи.

Фридрихъ II стоялъ на роскильдскихъ требованіяхъ и не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Ясно, что всѣ новые съезды, переговоры, переписка—были напрасны; они любопытны только со стороны дипломатической полемики XVI столѣтія.

Іоаннъ III тѣмъ не менѣе снарядилъ въ Данію новое посольство, представители котораго должны были доказатьъ Фридриху II всю не-

chenn, auch vast verweisslich seinn, vnder denen dann sein, das wir nicht allein sollen wiedergebenn alles was bey diesem Krieg mit gewaldt vnd grossen vncosten auch verliering mennigen ehrliehen Mannes lehen, ahn die Cron Schweden gewonnen, es seie ahn Schlosser, Vesten, Landt vnd Leuthen, Schieffen, vnd geschultz, sonndern auch noch daruber E. L. krigesvolck, vonn der zeitt ahnn, das wir E. L. erstmals vmb gleidt vor vnserenn abgefertigten gesandtenn geschriben, besolden sollten... Weill dan die gemeinen des Reichs Schweden stennenden daraua gungsam zuernehmenn, das mit solcher friedtshandlung nicht anders, als des Reichs Dennemark nutz, vorthieill vnd vermehrung, des Reichs Schweden aber vnderdruckung, schaden vund verderb gesucht, habenn sie derwegenn jnn solchen vnneidlichen Puncten nicht konnen oder wollen bewilligenn vnd volwortten.

возможность требованій датскаго короля ¹⁾). Протесты шведскихъ пословъ, прибывшихъ въ Данію, касались главнымъ образомъ 4, 8, 10 и 12 пунктовъ roskildeскихъ прелиминаріевъ. Первый касался вопроса о трехъ коронахъ, три послѣдніе—торговли съ Россіей и Ливоніей.

Въ силу § 8 шведы должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи; послы Іоанна заявили, что этого пункта государь ихъ принять не могъ, поперныхъ, потому, что утвержденіе шведовъ въ Ливоніи стоило имъ не мало денегъ и людей, а воторыхъ, и потому, что шведское правительство не по своей волѣ имѣшалось въ дѣла Ливоніи, а было призвано къ участию въ нихъ самими ливонцами, молившими о помощи противъ русскихъ. Эрикъ XIV далъ своимъ полководцамъ приказаніе перейти къ наступленію только послѣ того, какъ датскій король объявилъ Швеціи войну.

10 и 12 §§ постановляли свободное плаваніе на Нарву. Шведскіе послы указывали датскимъ комиссарамъ, что допустить нарвское плаваніе или, что равносильно, согласиться на свободныя торговныя сношенія Россіи съ Западною Европою государь ихъ не можетъ, такъ какъ результатъ этихъ сношеній—усиленіе Россіи какъ военной и морской державы—непримѣнно вредно отразится на благосостояніи Польши, родственной и союзной съ Швеціей державы. Ловкій маневръ! Не въ своихъ интересахъ, а въ интересахъ Польши Швеція не можетъ согласиться на выполненіе соответствующихъ §§ roskildeскаго договора.

Черезъ два дня, 3-го августа, датскіе комиссары, собравшись въ Кнерёдѣ, отвѣчали пунктъ за пунктомъ шведскимъ посламъ ²⁾). Они утверждали, что Эрикъ XIV, взявши Ревель подъ свое покровительство, нарушилъ мирный трактатъ въ Бремсебю, по которому Христіанъ III и Густавъ Ваза обязывались не заключать никакихъ договоровъ, не предупредивши одинъ другаго. Между тѣмъ Эрикъ не удовольствовался занятіемъ Ревеля, онъ пошелъ еще дальше:

¹⁾ Дрезд. арх. Das zehende danische Buch. Der Schwedischen Gesandtenn erklärung vf etliche Punctenn, welche in der beschwerlichen vernottlung begriffen seindt, die da jungst zu Rotaschildt wieder K. M. zu Schweden Beuhell bewilligt worden, Actum Sunderbo, 1 Aug. 1569.

²⁾ Дрезд. арх. Der K. M. zu Dennemark Gesandtenn orklärung vf alle artickeln darinnen die Schwedische Gesandtenn sich von wegen der Rotaschildt vernottlung beschwert finden, welche erstlich muntlich furgetragen, vund hernacher in Schriften vbergeben worden. Knerodt, 3 Aug. 1569.

онъ старался поднять население Гарріи и Виррланда противъ датскаго короля, законнаго государя этихъ областей.

Всѣмъ извѣстно, говорили послы Фридриха II, что государи Даніи издавна мечемъ покорили себѣ всю Эстляндію и часть Лифляндіи, они ввели въ этихъ провинціяхъ христіанство и основали здѣсь нѣсколько епископствъ, Ревельское, Эзельское и др.

Хотя они вполнѣдствіи и уступили эти земли Ливонскому ордену, но съ сохраненіемъ за собою верховнаго господства (die höchste Obrigkeit) надъ ними. Это было подтверждено за Христіаномъ III императоромъ Карломъ V на шпейерскомъ конгрессѣ. Послѣдній магистръ Ливонскаго ордена обращался къ датскому королю за помощью противъ русскихъ, какъ къ своему протектору. Все это, заключили свою рѣчь датскіе послы, можетъ быть доказано подлинными грамотами и актами. Еслибы шведскіе послы потребовали послѣдняго, они поставили бы датскихъ пословъ въ очень затруднительное положеніе, потому что заявленіе датчанъ было лишено всякой фактической почвы; все, что они говорили въ защиту правъ Даніи на Эстляндію, чистѣйшій вымыселъ; мы уже знаемъ, что фактъ присвоенія себѣ датскими королями верховной власти надъ Эстляндіей—мистификація, идущая въ разрѣзъ съ историческою истиною ¹⁾.

Датскіе послы, желавшіе свалить всю вину враждебныхъ отношеній своего государя съ Швеціей на Эрика XIV, не успѣли въ этомъ; доводы ихъ не убѣдили шведовъ; они категорически отказывались выполнить § 8, называвшіе требованіе датчанъ беззаконнымъ ²⁾: они говорили, что государь ихъ не согласится отказаться отъ своихъ завоеваній уже и потому, что тогда явится возможность захвата ихъ московскимъ царемъ; кто не знаетъ злостныхъ „практикъ“, къ какимъ этотъ варваръ прибѣгаетъ, онъ не замедлитъ воспользоваться замѣшательствомъ въ Липоніи и навѣрное утвердится во всей Эстоніи ³⁾.

И относительно нарвской торговли шведскіе послы продолжали стоять на своемъ; они говорили: „ни императоръ, ни Польша, ни

¹⁾ См. главу первую.

²⁾ Der Schwedischen Gesandten Replica oder wiedererclerung vf dasjenige, so von den denischen verordenten geantwortet wordenn, Actum Fieratt, 6 Aug.

³⁾ ...das solches nicht dem Grosfursten in der Muskow zu handen einigen nutz oder vortheil kommen soll, dan es ist nicht gnugsam bewust, was fur Practiken ehr in dieser vergangener Zeitt, vnnd nun itzo vnlangst mitt etlichenn furgehabt hatt, dieser sachenn halb in Lifflandt, vnnd ist fast wunderlich aldar getrieben wordenn.

имперія, ни другіе государи ничего не имѣють противъ запрещенія нарвской торговли, по преимуществу выгодной для однихъ только русскихъ, слѣдовательно нечего возражать противъ этого и датскому королю ¹⁾“. Датскіе послы находили, что шведскій король не долженъ былъ бы стѣснять датчанъ на пути ихъ въ Нарву уже и потому, что шведовъ же пропускають черезъ Эрезундъ. Съ этимъ возраженіемъ вступили на очень скользкій путь; шведы могли указать на рядъ случаевъ захвата шведскихъ кораблей и кораблей ихъ союзниковъ въ Зундѣ и Бельтахъ. Вопросъ этотъ вызвалъ долгія пренія. Эти переговоры тянулись до 19-го августа; они ясно показали, что войнѣ суждено было еще протянуться нѣкоторое время. Ни шведы, ни датчане не шли на компромиссъ.

Отказъ Іоанна ратификовать Роскильдскій прелиминарный мирный трактатъ произвелъ сильное впечатлѣніе на союзниковъ Дании, Любекъ и Польшу. Любекъ теперь уже не желалъ продолжать войны съ Швеціей и совѣтовалъ Фридриху еще разъ попытаться мирными переговорами окончить тягостную для всѣхъ войну. Населеніе Швеціи, писалъ любекскій рать Фридриху II, страстно желаетъ мира, такъ какъ силы его совершенно истощены. Если же война возобновится, то шведы будутъ вести ее съ тѣмъ большею энергіей, что терять имъ уже нечего, позорному миру они предпочтутъ смерть. Швеція поможетъ Польша, а съ ней и Ливонія, Данцигъ, Померанія, Пруссія и Мекленбургъ; вести войну, стало быть, будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ ранѣе въ царствованіе Эрнка, когда можно было рассчитывать на Сигизмунда Польскаго ²⁾. Неутомимый Дансэ

¹⁾ So wollen die K. M. sich nicht darwieder setzenn, oder etwas lassen thun oder furnehmen.

²⁾ Дрезд. арх. Vund wan gleich alle Sachenn also geschafft, das man gnugsame vrsachen finden mochte den Krieg zu renouiren, so werde es etwas heftiger zugehenn, dan niemals, Dan zubesorgen, das die Ausgangene Mandata, wie es etlich mall bey K. Erichs zeiten, darauff gestandenn, auff anhalten schwedischer freundschaft vund gonner, moechten retractirt werdenn, so stunde Irer K. W. gantz Liefflandt Preussen Dantzig Pommern vund Mекленбург, vnd also die gantze Ostsee offenn, so woll auch der Pass ann der Westsee, dadurch sich jre K. W. villeicht auch vortroster hülffe von allen orten zuuersiehenn, Was es fur sorge, mühe vund arbeit gekostet hatt, die auffsicthung bey Zeitt der werdenden Mandatenn, da sich jederman scheuwenn vund furchten mussenn, was wurde es vor arbeit gestohenn, wann es jederman freij vund offen stunde, zu dem das auch Polenn mit Irer K. W. gefreundett, danor sich K. Erich auf der einen seitenn zum hefftigsten zubefahreun hatt.

также продолжалъ склонять скандинавскихъ государей къ миру. 25-го августа уполномоченные съ обѣихъ сторонъ собрались въ послѣдній разъ, и этотъ съѣздъ оказался столь же безплоднымъ, какъ и всѣ предшествующіе. 26-го августа шведскіе послы уѣхали въ Стокгольмъ. Война разгорѣлась съ новою силой ¹⁾. Датчане двинулись къ Варбергу; послѣ непродолжительной осады городъ капитулировалъ (13—14 ноября). Взятіе Варберга стоило Фридриху жизни двухъ его лучшихъ полководцевъ—Рантцау и Брокенгуза. Шведы еще въ октябрѣ вторглись въ Сконе съ цѣлью отвлечь датчанъ отъ Варберга и послѣ страшныхъ опустошеній и разореній вернулись въ шведскіе предѣлы. Любопытно, что датчане теперь распространяли извѣстіе, что они явились освободить несчастнаго короля Эрика, незаконно свергнутаго и заключеннаго.

1569 годъ окончился взаимными опустошеніями, слѣдующій 1570 начался такими же ²⁾! Шведы перенесли норвежскую границу и дошли до Трондъема. но должны были скорѣ отступить; не удалось и вторженіе шведовъ въ Норвегію со стороны Акерсгуза. Къ концу зимы они вторглись въ Богусъ, гдѣ путь ихъ также обозначился разбоемъ и огнемъ, но утвердиться въ Норвегіи имъ все-таки не пришлось.

Швеція сильно терпѣла отъ продолженія войны; начались волненія. ропотъ слышался всего сильнѣе въ пограничныхъ провинціяхъ Швеціи; въ низшихъ слояхъ населенія Вестерготланда оно, напри- мѣръ, достигло такихъ размѣровъ, что приходилось прибѣгать къ угрозамъ военною расправою. Іоаннъ имѣлъ полное основаніе опасаться этихъ движеній. такъ какъ молва ставила ихъ въ связь съ интригами и стараніями Эрика XIV вернуть себѣ шведскій престолъ, и прибѣгъ къ даровой раздачѣ хлѣба и пониженію податей.

Не лучше было и положеніе Даніи. Ясно, что война не могла долго продолжаться. Фридриху не доставало средствъ для новыхъ пооруженій; въ 1570 году онъ былъ въ состояніи организовать только одно вторженіе въ Швецію; оно было направлено на Смоландъ и является послѣднимъ наступательнымъ фактомъ войны. Морскія событія за два послѣднихъ года были совершенно незначительны. Іоаннъ больше Фридриха желалъ покончить войну на западѣ, чтобы сосредоточить и силы и вниманіе на восточныхъ, ливонскихъ событіяхъ. принимавшихъ угрожающій для Швеціи характеръ съ 1570 года.

¹⁾ Для военныхъ событій ср. *Westling* 78 и далѣе.

²⁾ *Westling*, 76.

Общее утомленіе обѣихъ воевавшихъ сторонъ, желаніе ихъ заключить миръ, совершенное истощеніе силъ скандинавскихъ народовъ— все это не укрылось отъ вниманія неутомимыхъ посредниковъ мира— Франціи, Польши и Саксоніи—и, съ начала 1570 года, дипломатія дѣйствуетъ уже съ болѣе большими шансами на успѣхъ, нежели въ первые годы послѣ шведскаго переворота.

Не смотря на неудачу переговоровъ 1569 года, Дансэ снова предлагалъ собраться въ Ростокѣ ¹⁾. И Польша и Данія соглашались принять участіе въ новомъ сѣздѣ, Іоаннъ же III выставлялъ рядъ причинъ, по которымъ его участіе было невозможно. Дансэ говорилъ польскимъ посламъ, что шведскій король одинъ виноватъ въ томъ, что конгрессъ въ Ростокѣ не состоялся. Сигизмундъ II Августъ отпирывалъ тогда своихъ пословъ къ Іоанну въ Стенборгъ, гдѣ они убѣждали его принять участіе въ переговорахъ о мирѣ, какъ скоро состоится новый сѣздъ. Мѣстомъ его назначили Штеттинъ. На Фридриха производили давленіе съ двухъ сторонъ: со стороны Польши и императора, и, долго не соглашався участвовать въ новомъ конгрессѣ, онъ въ концѣ концовъ сдался на убѣжденія пословъ. За императоромъ въ пользу мира всѣхъ энергичнѣе ратовалъ Августъ Саксонскій; онъ убѣждалъ императора взять на себя посредничество, онъ настроивалъ и Фридриха въ пользу мира. Уже въ мѣсяцъ Максимилиана Минквицъ былъ въ Даніи; Фридрихъ II со своей стороны согласился даже на перемиріе съ 16-го іюня по 31-го іюля, если только и Іоаннъ III приметъ его. Но шведскій король и братъ его Карлъ отвѣтили, что согласятся на перемиріе только въ томъ случаѣ, если оно будетъ заключено на шесть лѣтъ. Минквицъ не могъ склонить Іоанна къ уступкамъ; онъ жаловался, что и въ Даніи, и въ Швеціи настроеніе очень не дружественное: Данія не желаетъ разставаться съ своими сухонутными побѣдами, Швеція ожидаетъ морскихъ триумфовъ для своего флота. Рѣшено было и безъ заключенія перемирія собраться въ Штеттинъ. Шведскимъ посламъ король предписалъ, тотчасъ же по прибытіи въ Штеттинъ, начать переговоры съ польскими депутатами; Іоаннъ III надѣялся на поддержку Польши не только въ виду родства обонхъ королей, но главнымъ образомъ въ виду сближенія датскаго принца Магнуса съ московскимъ царемъ. Шведскіе послы должны были предъ посредниками раскрыть враждебныя поступки Даніи по отношенію къ Швеціи, выставить Данію ви-

¹⁾ Westling, II, 83 и далѣе.

новницей войны и особенно подчеркнуть дружелюбныя отношенія Даниі къ Москвѣ. Іоаннъ былъ увѣренъ, что посредники, прослышавъ обо всемъ этомъ, тотчасъ же перейдутъ на его сторону ¹⁾. Наконецъ, до начала переговоровъ, шведскимъ посламъ надеялось узнать, намѣрены ли датчане отстаивать свои прежнія на Роскильдскомъ съѣздѣ предъявленныя требованія или нѣтъ, и въ случаѣ они узнаютъ, что датчане уступокъ не сдѣлаютъ, они должны были тотчасъ покинуть съѣздъ. На перемиріе они могли согласиться только въ томъ случаѣ, если оно заключится на одинъ или два года. Требованія Іоанна были—заставить Фридриха отказаться отъ трехъ коронъ, удержать притязанія на Галландъ, Сконе, Готландъ и Норвегію, настаивать на уступкѣ Іемтланда, Герьсдалена, Ливоніи и Эльфсборга, заплатить 100.000 талеровъ и тотчасъ передать шведамъ Викингъ въ Норвегіи и Готландъ. Любчане не должны пользоваться большими правами, чѣмъ остальные торговцы.

Таковы были высшія требованія шведовъ. Смотра по обстоятельствамъ послы могли мало по малу сбавлять, уступать; такъ первая уступка касалась трехъ коронъ, второй притязанія на Норвегію, Галландъ, Сконе и Готландъ; за Эльфсборгъ Іоаннъ соглашался передать датчанамъ Галсаль, Лоде, Лесаль и Зоннебургъ, въ крайнемъ случаѣ даже Нерновъ и 100.000 талеровъ въ придачу; разрѣшалось оставить притязанія на Іемтландъ и Герьсдаленъ. Относительно нарвскаго плаванія Даниа и Любекъ должны были пойдти въ переговоры съ германскимъ императоромъ. Польскимъ депутатамъ король обѣщалъ сдѣлать нѣкоторыя уступки въ Викингѣ, если только они помогутъ его посламъ удержать за нимъ Эльфсборгъ.

Такимъ образомъ Іоаннъ III, какъ видно, всего выше цѣнилъ пріобрѣтеніе Эльфсборга, ради него отказывался отъ всѣхъ своихъ прочихъ притязаній; Эльфсборгъ дѣлалъ для него ненужнымъ плаваніе чрезъ Зундъ, сношенія съ западною Европою могли существовать безъ посредничества Даниі.

17-го іюля шведскіе послы прибыли въ Штеттинъ, гдѣ уже были депутаты Фридриха II и Любека. Фридрихъ въ инструкціи, данной имъ своимъ посламъ, настаивалъ на трехъ коронахъ и на возвращеніе Даниі отнятыхъ у нея кораблей и, по совѣту Августа Саксонскаго, отказывался уступить шведамъ Эльфсборгъ. Король предупредилъ однако пословъ, чтобы они не проявляли слишкомъ много гор-

¹⁾ Ibid. 87.

досты и настойчивости, такъ какъ для продленія войны у государства нѣтъ средствъ ¹⁾).

Въ Штеттинѣ явился Дансэ, уполномоченный отъ Августа Саксонскаго. Ожидали еще пословъ отъ императора и Польши.

Общею темою служили каперства московитовъ и сближеніе Магнуса съ царемъ.

Только въ августѣ съѣхались всѣ депутаты; переговоры начались. Какъ и можно было ожидать, Саксонія горячо отстаивала во время преній интересы Даніи, Польша интересы Швеціи; но самое заступничество Польши за Швецію не было безкорыстнымъ. „Польскій король выступилъ не только какъ посредникъ, но и какъ заинтересованный участникъ въ борьбѣ“. Императорскіе послы явно не обнаруживали еще своихъ симпатій ни шведамъ, ни датчанамъ. Сближеніе Магнуса съ Москвою много портитъ дѣло датчанъ ²⁾. 5-го сентября начались съѣзды комиссаровъ. Переговоры велись на нѣмецкомъ языкѣ; сначала требованія сторонъ высказывались устно, затѣмъ уже письменно. Сначала разрѣшено было выслушать датчанъ, затѣмъ представителей Любека и Швеціи. На заявленія своихъ враговъ шведы отвѣчали, что за любчанами никогда не были юридически подтверждены ихъ привилегіи въ Швеціи; нарвское же плаваніе шведскіе короли закрывали имъ по просьбѣ императора Фердинанда. Денежныя требованія любчанъ они считаютъ незаконными, государь ихъ рѣшительно отказывается отъ нихъ. Отъ датчанъ потребовали, чтобъ они отказались отъ трехъ коронъ, возвратили Швеціи Эльфсборгъ и не претендовали на какія либо земли въ Ливоніи. Они продолжали принимать противъ Даніи иностранныхъ пословъ указаніемъ на дружбу Даніи съ Москвою, они показывали кони съ писемъ Магнуса, въ которыхъ онъ признавалъ царя своимъ господиномъ и съ писемъ Фридриха II, въ которыхъ король, повидимому, одобрялъ каперства московитовъ. И не смотря на это, общее настроеніе комиссаровъ все болѣе и болѣе клонилось въ пользу Даніи.

Переговоры затягивались, посредникамъ приходилось не легко, нужна была большая дипломатическая опытность, чтобы снова не опустить разрыва; между тѣмъ въ виду новаго столкновенія съ

¹⁾ Изъ одной замѣтки къ инструкціи датскихъ пословъ курфюрсту саксонскому видно, что Фридрихъ II былъ долженъ одному Августу 87797 талеровъ и 1430 золотыхъ гульденовъ.—Дрезд. арх. Das Zehende denische Buch.

²⁾ Westling, II, 91—92.

Москвою, Іоаннъ далъ знать своимъ посламъ, чтобы они не возвращались домой безъ мира, и шведскіе послы почли минуту удобною для ряда уступокъ. Уступки эти привели, наконецъ, къ соглашенію Швеціи съ Даніей, подписанному 2-го декабря. Прежде всего обѣ стороны сошлись на томъ, чтобы миръ былъ вѣчнымъ. Затѣмъ—датчане совершенно отказывались отъ военной контрибуціи, на которой сначала такъ сильно настаивали ¹⁾. Возстановлялись границы временъ Густава I и Христіана III, а въ Норвегіи границы, существовавшія съ незапамятныхъ временъ. Окончательно этотъ пунктъ былъ такъ сформулированъ: оба сѣверныхъ короля прекращаютъ между собою всякую вражду, несогласіе, споры; война совершенно утихаетъ и приостанавливается; оба короля заключаютъ между собою прочный, постоянный, вѣчный, непоколебимый миръ, дружбу и сосѣдство. Все, что можетъ быть предимъ или опаснымъ для подданныхъ того и другого государства, отиѣшается; каждый государь долженъ по мѣрѣ силъ отстаивать честь, пользу и интересы своего королевства, своимъ подданныхъ, онъ долженъ сообщать своему союзнику и другу обо всемъ, что ему придется слышать, будетъ ли это заговоръ, злые умыслы и т. д.

Очень продолжительны были пренія изъ за Эльфсборга. Для Швеціи обладаніе этимъ городомъ было вопросомъ жизни, такъ какъ это былъ единственный пунктъ на Каттегатѣ и Бѣмоцкомъ морѣ. Іоаннъ далъ своимъ посламъ полномочіе за Эльфсборгъ уступить Даніи Іементландъ и Герьедаленъ. Фридрихъ, въ виду такой важности для Швеціи этой крѣпости, не желалъ ее уступать. Послы Августа Саксонскаго помогли дѣлу, убѣдивши датскихъ комиссаровъ въ необходимости пойти на компромиссъ. Тогда Фридрихъ II запросилъ за Эльфсборгъ 400.000 талеровъ, разрѣшивъ, впрочемъ, своимъ посламъ понизить эту сумму до 100.000. Ловкіе агенты Фридриха II медленно уступали и добились-таки 150.000 талеровъ за спорную крѣпость: 7-го іюня 1571 года она должна была перейти къ Швеции со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Кромѣ денегъ датчане настояли еще и на уступкѣ нѣхъ Іементландъ и Герьедалена, на позарощеніи нѣхъ всѣхъ захваченныхъ въ войнѣ кораблей и пушекъ. Протесты шведскихъ комиссаровъ были напрасны на сторонѣ датчанъ были и посредники.

Не мало дебатировали также и вопросъ о трехъ коронахъ. Въ

¹⁾ Ibid. 96.

концѣ концовъ рѣшено было, что въ будущемъ оба короля—датскій и шведскій—могутъ носить изображеніе ихъ, но помнить, что съ этимъ не связаны никакія права на возстановленіе уни; на случай какихъ либо новыхъ споровъ весь вопросъ о коронахъ долженъ быть предоставленъ третейскому суду императора, курфюрста саксонскаго, герцога брауншвейгскаго, курфюрста бранденбургскаго и пфальцграфа Георга Іоанна и представителей обоихъ скандинавскихъ государствъ.

Сложнѣе другихъ былъ ливонскій вопросъ: онъ затрагивалъ не только шведскіе и датскіе, польскіе и русскіе интересы, но и общевропейскіе. Всѣ комиссары съ необычайною живостью отнеслись къ нему; это былъ сложный вопросъ, касавшійся и политической, и коммерціальной будущности воевавшихъ державъ. Мы подробнѣе остановимся на немъ, его рѣшеніе было вѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніемъ вопроса о *Dominium maris balthici*. Дипломатическій конфликтъ разгорѣлся прежде всего между скандинавскими государствами и Польшей. Положеніе, принятое послами Сигизмунда II Августа, сразу сдѣлалось вызывающимъ. Они передали шведскимъ посламъ письмо своего государя, въ которомъ тотъ требовалъ отъ шведовъ, чтобы они отказались отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, соединились съ Польшей противъ Россіи и содѣйствовали прекращенію нарвской торговли. Такое требованіе польскаго короля было тѣмъ удивительнѣе и неожиданнѣе, что самъ онъ, не обращая вниманія на интересы Швеціи, недавно заключилъ трехлѣтнее перемиріе съ Москвою, предоставивъ царю возможность поддерживать Магнуса противъ шведовъ ¹⁾. Шведскіе послы, какъ и можно было ожидать, рѣшительно отвергли такое незаконное требованіе, отношенія становились очень натянутыми.

По отношенію къ Даніи польскіе легаты также приняли враждебный тонъ; они начали съ жалобъ на захватъ датчанами данцигскихъ кораблей; указывали, что въ Ливоніи поляки не пользовались никакою помощью датчанъ, хотя по договору 1563 года датчане и обязались дѣйствовать заодно съ поляками противъ шведовъ и *противъ русскихъ*. Польскіе легаты искажали текстъ договора, и это легко было доказать имъ, какъ ссылакою на договоръ, такъ и письмами Сигизмунда II Августа послѣ 1568 года. Отношенія Даніи къ Польшѣ ухудшились въ значительной степени послѣ договора Магнуса съ царемъ, который польскіе послы не иначе толковали, какъ договоръ

¹⁾ Westling, 101.

Даніи съ Москвою. Когда выдвинули дѣло Магнуса, за Польшу поднялись и голоса императорскихъ комиссаровъ. Тема была старая: русскіе въ Ливоніи, русскіе господа Балтійскаго моря—это сѣмимомъ скорого, неминуемаго паденія всѣхъ приморскихъ нѣмецкихъ княжествъ. Ливонія не должна быть отторгнута отъ имперіи, а составлять съ нею одно цѣловъ. Сколько разъ повторялось это желаніе, сколько разъ выискивались средства къ выполнению его—и всегда все кончалось протестами, угрозами, чернильною войною.

Рѣшено было пойти въ переговоры съ функционировавшимъ тогда въ Шнейерѣ рейхстагомъ; переписка штеттинскихъ комиссаровъ съ императорскими депутатами въ Шнейерѣ затягивала ходъ переговоровъ, время уходило, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мира.

Естественно, что датчане стояли за то, чтобы Магнусу были возвращены всѣ у него отнятыя земли, но согласно инструкціи Фридриха II они изъ-за Ливоніи не должны были тянуть дѣло, и датскіе депутаты въ этомъ отношеніи готовы были на рядъ компромиссовъ.

Шведскіе депутаты получили отъ своего государя цѣлый рядъ указаній относительно Ливоніи. Іоаннъ началъ съ того, что находилъ вышестательство Даніи въ дѣла Ливоніи совершенно неумѣстнымъ съ тѣхъ норъ, какъ царь пріялъ Магнуса подъ свое покровительство и пожаловалъ его всею Ливоніей. Если иностранные посредники пожелаютъ вознаградить датчанъ, то онъ—Іоаннъ—согласенъ уступить имъ Гансаль, Моде и Леаль. Своимъ посламъ и Іоаннъ разрѣшалъ дѣлать уступки, но во всякомъ случаѣ отстоять за Шпеціей Ревель, Падисъ, Виттенштейнъ и Каркусъ. Іоаннъ допускалъ возможность уступить эти города только Польшѣ, и то если послѣдняя заключить съ нимъ наступательный союзъ противъ Россіи и заплатить ему милліонъ талеровъ.

Уже 20-го сентября Іоаннъ прислалъ своимъ депутатамъ новое полномочіе, по которому они не должны были вступать въ переговоры о Ливоніи съ поляками; датчанамъ они могли сдѣлать рядъ обѣщаній, только удостовѣрившись, что союзъ Магнуса съ царемъ не направленъ противъ шведовъ.

Въ третьей инструкціи отъ 2-го октября Іоаннъ уполномочиваетъ своихъ пословъ предложить всѣ владѣнія шведовъ въ Ливоніи императору за денежное вознагражденіе въ 100.000 талеровъ или за уступку шведамъ Эзеля, Дагё и другихъ острововъ, заселенныхъ шведами. Еслибы императоръ не пожелалъ лично принять Ливонію подъ свою власть, онъ могъ бы назначить леннымъ владѣлемъ какого нибудь

шведскаго принца или другаго князя съ обязательствомъ заключить съ Швеціей договоръ противъ Россіи. Датчанамъ шведскіе комиссары могли сдѣлать уступки только съ условіемъ, чтобы уступленныя земли не были переданы Магнусу и Москвѣ. Наконецъ, еслибы императоръ совершенно отказался отъ всякаго рода сдѣлокъ съ Ливоніей, король разрѣшалъ предложить ее за денежное вознагражденіе Польшѣ, съ тѣмъ, чтобы Польша порвала свой договоръ съ Даніей и заодно съ шведами дѣйствовала противъ Москвы.

Послѣ долгихъ преній рѣшено было ливонскій вопросъ рассмотреть на особомъ конгрессѣ въ Ростоки, 24-го мая 1571 года, на которомъ должны были съѣхаться депутаты отъ Швеціи, Даніи и германскаго императора. На этомъ конгрессѣ Іоаннъ долженъ былъ передать свои ливонскія владѣнія императору; императорскіе комиссары тутъ же уступали Даніи Эзельскую и Ревельскую епархіи—къ послѣдней городъ Ревель не принадлежалъ—съ правомъ передать ихъ Магнусу, какъ скоро онъ порветъ свой договоръ съ Москвою. Остальные пункты—Ревель, Виттенштейнъ и др.—императоръ уступалъ въ ленное владѣніе Іоанну, обѣщая уплатить ему военные расходы, понесенные Швеціею.

Слѣдовалъ вопросъ о нарвской торговлѣ. Шведы стояли за закрытіе плаванія на Нарву до окончанія ливонской войны. Польскіе и императорскіе депутаты присоединились въ этомъ вопросѣ къ шведскимъ. Датчане и Любекъ рѣшительно протестовали противъ закрытія сношеній съ русскими; за нихъ были представители Франціи и курфюрста Саксонскаго. Съ необыкновенною твердостью и энергіей датскіе и любекскіе депутаты требовали свободныхъ сношеній съ Россіей; они прямо заявляли, что не будутъ продолжать переговоры о мирѣ, если нарвскій вопросъ не будетъ рѣшенъ согласно ихъ требованіямъ. Всѣ пріемы польскихъ и шведскихъ дипломатовъ разбивались о непреклонность датчанъ и Любека; первые должны были уступить: нарвское плаваніе было объявлено свободнымъ, датчане и любчане могли ѣздить въ Швецію и Россію, шведы свободно проѣзжать Зундъ. Фридрихъ II за уступку въ нарвскомъ вопросѣ обѣщалъ шведамъ свое посредничество и примиреніе ихъ съ царемъ и Магнусомъ. Поляки протестовали противъ принятаго рѣшенія, императорскіе послы удерживали за своимъ государемъ право съ согласія нѣмцевъ и иностранныхъ князей вносить новые параграфы и дѣлать въ этомъ отношеніи новыя постановленія на пользу всего христіанства.

Остальные пункты мирнаго договора касались мелкихъ вопросовъ

объ обмѣнѣ плѣнныхъ и пр., что преній не вызывало. Кто изъ державъ нарушитъ миръ, подлежитъ штрафу въ одинъ милліонъ золотомъ. Въ штеттинскій договоръ Швеціи съ Даніей рѣшено было включить со стороны Даніи императора, но такъ „чтобы это не повліяло на дружескія отношенія Даніи къ Франціи, Испаніи, Англіи, Польшѣ и Шотландіи“. курфюрстовъ саксонскаго, бранденбургскаго, пфальцскаго, герцоговъ брауншвейгскаго, люнебургскаго, померанскихъ, мекленбургскаго, шлезвигъ-голштинскаго, прусскаго, курляндскаго, бургомистра, рать и общины Любека; со стороны Швеціи—императора, Францію, Испанію, Польшу, Англію, Шотландію, курфюрста бранденбургскаго, архіепископа бременскаго, епископовъ мюнстерскаго, оснабрюкскаго и надерборнскаго, пфальцграфа Георга Ганса, герцоговъ Юлиха и Клеве, герцоговъ померанскаго, саксонскаго, Энгериъ и Вестфаленъ, герцога прусскаго, маркграфа баденскаго, Мекленбургъ, Курляндію, графа остфрисландскаго и подданныхъ всѣхъ поименованныхъ государей.

Договоръ 1570 года былъ скрѣпленъ 23 печатями. 25-го января 1571 года послѣдовала ратификація его со стороны Фридриха II, 24-го февраля со стороны Іоанна III и Карла Сёдерманландскаго. Осталось примирить Швецію съ Любекомъ, за что посредники принялись съ такою же готовностью и рѣшимостью довести переговоры до конца, какъ и въ дѣлѣ примиренія Даніи съ Швеціей.

Всего сложнее оказался вопросъ о привилегіяхъ Любека въ Швеціи. Шведскіе послы настаивали на томъ, что привилегіи любчанъ въ Швеціи были вынуждены у Густава Вазы въ тяжелую пору шведскаго государства, да и кромѣ того, любчане разнаго рода злоупотребленіями сами потеряли право на пользованіе ими. Поэтому шведы предлагали совершенно оставить старыя привилегіи и повести переговоры о новыхъ. Любекъ же и посредники настаивали на томъ, чтобы исходною точкою именно и служили привилегіи временъ Густава I. Нѣкоторые пункты въ старыхъ привилегіяхъ были совершенно вычеркнуты, напримѣръ, запрещеніе шведамъ вѣздить въ Нѣмецкое море черезъ Зундъ и Бельты, право Любека переносить свои привилегіи и на другіе вендскіе города и пр. Постановлено было, что любчане могутъ торговать во нѣхъ городахъ Швеціи; принудительныя таксы отменялись; шведамъ не удалось провести пунктъ о томъ, что привилегіи имѣютъ силу только пока любчане въ мирѣ со шведами; онѣ сохраняли силу и въ мирное и въ военное время.

Послѣ привилегій слѣдовалъ вопросъ о денежномъ вознагражденіи

любчанъ; они требовали уплаты долговъ Густава I и уплаты за захваченные корабли. Шведы отъ долговъ Густава I отказывались, возвратить захваченные до войны корабли они соглашались, если и Любекъ отдастъ имъ захваченные. Любчанамъ пришлось сильно поубавить свои требованія. Посредники постановили, что шведское правительство въ общей сложности должно въ семилѣтній срокъ уплатить Любеку 75.000 талеровъ. Захваченные корабли возвращались съ той и съ другой стороны. Всякія недоразумѣнія, могущія въ будущемъ возникнуть, должны быть рассмотрѣны 8 третейскими судьями, по четыре съ каждой стороны.

Мирный договоръ Швеціи съ Любекомъ былъ подписанъ 13-го декабря 1570 г. Іоаннъ ратификовалъ его 24-го февраля 1571, Любекъ—16-го января.

Семилѣтняя сѣверная война окончилась. Главный иниціаторъ этой борьбы Любекъ не достигъ въ ней того, на что рассчитывалъ. Хотя Швеція и обязалась не стѣснять болѣе нарвскаго плаванія и выплатить Любеку свой долгъ, но она не исполнила ни того, ни другаго; благосостоянію Любека нанесенъ былъ смертельный ударъ, и городъ этотъ уже никогда не игралъ той роли въ сѣверной исторіи, какую онъ игралъ въ предшествовавшія столѣтія. Постановленіи о Ливоніи также оставались мертвою буквою: императоры никогда серьезно не помышляли выкупить у Швеціи занятые ею части Ливоніи, да и Ливонія никогда не признавала протектората имперіи. Одна Данія вынесла болѣе существенныя выгоды изъ войны, и съ этихъ поръ преимущество на Балтійскомъ морѣ и скандинавскомъ сѣверѣ безусловно принадлежало ей. Это не значитъ еще, чтобы борьба о *dominium maris* была окончена. Іоаннъ III слишкомъ высоко цѣнилъ важность на очереди стоявшаго балтійскаго вопроса, и раздѣлавшись съ Даніей, еще болѣе десяти лѣтъ велъ борьбу съ Москвою и Польшею о преобладаніи на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Штеттинскій миръ имѣлъ важное значеніе на ходъ собственно ливонской войны; теперь съ примиреніемъ на западѣ — вниманіе всѣхъ сосредоточивалось на востокѣ, всѣ ищутъ своихъ выгодъ; положеніе Магнуса значительно ухудшилось, такъ какъ съ заключеніемъ штеттинскаго мира онъ не имѣлъ собственно уже основаній воевать съ Іоанномъ III, да и отъ Даніи не могъ ожидать помощи. Тогда-то онъ рѣшается на роковое сближеніе съ Москвою.

Мы въ предшествовавшей главѣ довели обзоръ ливонскихъ событій до 1568 года. Съ этого года начинается новый, четвертый пе-

ріодъ войны, непродолжительный, но въ высшей степени важный по своему значенію.

Россия достигаетъ апогея своего роста въ Ливоніи; она близка уже къ осуществленію своихъ стремленій къ Балтійскому морю, но встрѣчаетъ неожиданный отпоръ при осадѣ Ревеля, того пункта, который бы, такъ-сказать, заполнялъ собою русское завоеваніе Ливоніи. Съ 1571 по 1577 годъ было временемъ самыхъ опустошительныхъ походовъ и набѣговъ; побѣды доставались безъ особеннаго труда; Польша дѣйствовала вяло въ виду переворотовъ внутри; прусскіе города возстали противъ нея; но вотъ на престолѣ утверждается Баторій, — начинается послѣдній періодъ двадцатипятилѣтней борьбы; Россію тѣснятъ два лучшихъ полководца вѣка — Баторій и Делагарди, и обезсиленный гигантъ, предъ которымъ Европа трепетала въ продолженіе трехъ десятилѣтій, складываетъ оружіе, съ тяжелымъ чувствомъ расстаётся съ своими завоеваніями, а въ особенности съ Нарвою, и черезъ два года сходитъ въ могилу.

Въ 1568 году въ управленіи Польскою Ливоніей произошла перемѣна: мѣсто Кетлера занялъ Ходкевичъ. Польша помышляла о реальной уніи съ Литвой; Рига протестовала; въ ней начались движенія и смуты, которыми задумалъ воспользоваться Магнусъ; одновременно и шведы дѣлають попытку захватить Перновъ; оба предпріятія, однако, окончились неудачей.

Съ 1568 года и въ шведскихъ владѣніяхъ административная власть переходитъ къ новому лицу — Габріэлю Оксеншерпѣ. Война велась сначала главнымъ образомъ противъ Магнуса и датчанъ. Шведскій флотъ занялъ лѣтомъ фарватеръ между Эзелемъ и материкомъ Курляндіи; жители острова нѣсколько разъ взывали къ Фридриху II за помощью, говоря, что съ Эзелемъ будетъ то же, что съ Ревелемъ, если помощи не подосилятъ во-время ¹⁾. Магнусъ и Фридрихъ II обращались за помощью къ Данигугу и Польшѣ, указывая имъ на договоръ 1563 года ²⁾, но съ вступленіемъ Іоанна на шведскій престолъ — договоръ потерялъ для Сигизмунда II всякую обязательную силу, и онъ въ помощи отказалъ. Они рѣшились за-одно съ шведами дѣйствовать про-

¹⁾ Копенг. арх. Фридриху II его штатгальтеръ на Эзелѣ, 16-го августа. Datum jlemtz Piltten in Churland. Cp. тамъ же, Lifl., Anno 1568 den 19 Aug. Reinoldi Szoien bericht, wie es sich vnd nicht anderst mit dem vbergab der verbrannten vnd kurtz eingeuommenen Sonenburg zugetragen — gescheheenn.

²⁾ Данц. арх. Urk. Saml. XCV, B. 143. 22178 и XC, 85. 22120. Шведы на-мѣрены „dasselbige Insel sampt dem loblichen Fürst in jre gewalld zu brengende.

тивъ московитовъ; его сильно тревожили слухи о морскихъ предпріятіяхъ русскихъ.

Изъ Данцига къ нему приходили извѣстія о сильныхъ вооруженіяхъ москвитя на морѣ и о намѣреніи его подойти къ Ригѣ ¹⁾. Онъ сколько могъ помогалъ Іоанну противъ датчанъ и Магнуса. 19-го апрѣля 1569 года регенты и ратманы Аренсбурга сообщали Фридриху II, что шведы получаютъ помощь изъ Пруссіи и Польши. Фридрихъ рѣшился снова послать союзный флотъ къ Ревелю; 30 кораблей явились 9-го іюля въ виду ревелскаго рейда; вслѣдствіе сильнаго тумана ихъ не замѣтила стража, и союзники могли бы внезапнымъ нападеніемъ захватить городъ, но экипажъ былъ слишкомъ незначительный, и удобнымъ случаемъ нельзя было воспользоваться ²⁾. За то они ограбили многіе корабли, нѣкоторые сожгли, а шведскіе корабли, плывшіе въ Ревель изъ Гельсінгборга съ мѣдью и другими товарами, все попали въ ихъ руки.

Успѣхи русскихъ были также очень значительны; польскіе мушкетеры доносили въ Римъ, что Польша едва ли устоятъ противъ Москвы: расходы королевства все увеличивались, энергія исчезла, а изъ Москвы все пребываютъ новыя силы ³⁾.

Въ актахъ 1569 и 1570 годовъ часто упоминается о московскихъ пиратахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Карстенъ Роде. Снарядилъ ихъ царь съ цѣлью вредить Польшѣ; самъ Іоаннъ не называлъ ихъ пиратами, а въ письмѣ къ Фридриху II говорить о нихъ, какъ о своихъ слугахъ; все, что ими дѣлается, дѣлается съ его, царя, вѣдома, съ цѣлью вредить подданнымъ польскаго короля ⁴⁾. 30-го марта 1570 года царь далъ Карстену Роде жалованную грамоту, предоставляющую ему дѣйствовать на морѣ противъ короля польскаго, „его подданныхъ, помощниковъ, нособниковъ и друзей“, съ тѣмъ, чтобы въ пользу царя постунали третій корабль и лучшая пушка съ cadaго изъ остальныхъ захваченныхъ Роде судовъ ⁵⁾. Карстенъ въ силу этой жало-

¹⁾ Данц. арх. Acta Intern. IX vol. 18.

²⁾ *Hjärn*, 274. *Gudebusch*, II, 113.

³⁾ Bibl. Barberini, *Relatione copiosissima del regno di Polonia riferita dall' Abbate Ruggiero a Pio V ritornando Nuntio del Re Sigismondo Augusto nel anno 1568...* „Non potendo il Re piu lungamente resistere a cosi eccessiva spese, et difficilmente difendersi da cosi gagliardo nemico“. Cp. Bibl. Vatic. Ottoboniana, 2433, p. 178 и д.

⁴⁾ Копен. арх. Въ Берл. арх. Musconitischer Bestallung auf Kersten Rhode. 30-го марта 1570 г. Здѣсь онъ названъ „Unser Kaiserlicher Hauptman“.

⁵⁾ *Щербачевъ (Извѣстия, 1893)*, 66.

вапной грамоты имѣлъ право уполномочивать на канерство другихъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Клаусомъ Тоде, Гансомъ Дитмерскеномъ и др. Данцигъ на столько придавалъ значеніе московскимъ пиратамъ, что обращался къ Любеку. съ тѣмъ, чтобы соединенными силами искоренить это „морское разбойничанье“; никогда раньше, писалъ Данцигъ Любеку, не слышно было о появленіи москвитовъ на морѣ. Данцигъ выставилъ нѣсколько военныхъ судовъ на Балтійскомъ морѣ для защиты своихъ торговцевъ; одинъ изъ нихъ, лежавшій у Борнгольма, былъ захваченъ датчанами и отправленъ въ Копенгагенъ. Этого было достаточно для обвиненія Фридриха II въ симпатіяхъ къ Москвѣ, въ поддержкѣ московскихъ пиратовъ. Къ Фридриху стали обращаться съ жалобою на пиратство Карстена, который у Готланда и Борнгольма нападалъ на купеческіе корабли и препятствовалъ свободному плаванію на Балтійскомъ морѣ. И говорить нечего, что эти обвиненія датскаго короля не имѣли никакого основанія. Фридрихъ II писалъ Грозному, что Роде надо захватить, арестовать, онъ вредитъ и датскимъ купцамъ. Въ октябрѣ онъ даетъ приказаніе своимъ людямъ схватить Карстена, но не сажать его въ тюрьму ¹⁾. Данцигъ на эту же тему пишетъ Іоанну Фридриху Померанскому; изъ ихъ письма, 31-го іюля 1570, видно, что пираты Карстена доходили до самаго Данцига и захватывали всѣхъ, кто съ товарами направлялся къ Польшѣ. Если царь по своей волѣ будетъ распоряжаться на морѣ, пишутъ бургомистры Данцига, то это скоро вредно отзовется на всѣхъ прибалтійскихъ государствахъ. Необходимо предотвратить господство москвиты на морѣ, пока это зло еще не успѣло пустить слишкомъ глубокихъ корней (*tieffer einwurtzeln*) ²⁾. Подаль же померанскій герцогъ поощряетъ Данцигу противъ московскихъ пиратовъ—остается неизвѣстнымъ. Еще сильнѣе было негодованіе ³⁾ всѣхъ при-

¹⁾ Консиг. арх., Russland, 10 b.

²⁾ Берл. арх. Rep. XI. Russland. 1-e. Dem durchleuchtigen hochgebornen Fürsten und Herrn Johan Friederichen Hertzogenn zu Stetin Pommern der Cassuben und Wenden Fürsten zu Rügen etc... „Was grosser vnd abscheulige gefahrlichkeit nicht allein dieser statt. Sunder allen andern anrinnenden und benachbarten Potentaten Fürstenn Landenn vnd Statten an der Ostsee belegenn, künfftig zu erwartenn, wenn der grausame Feindt der Muscouiter welcher ohne dass all zu starck (?) auch zu der See einen Fuhs setzen vnd seines gefallens dominiren sollte.

³⁾ Данц. арх. Intern. IX. Том 21. 4. Ein gross geschrei—говорится въ носеніи данцигскихъ пословъ.

балтійскихъ князей и городовъ, когда они узнали, что Карстенъ Роде-
лѣтомъ 1570 года былъ въ Копенгагенѣ, гдѣ ему доставляли все
нужное.

Въ донесеніяхъ того времени нерѣдко смѣшиваются польскіе и
московскіе пираты; первые, носившіе названіе королевскихъ спеку-
ляторовъ, приносили гораздо болѣе вреда, чѣмъ вторые, о которыхъ
уже въ слѣдующемъ году прекращаются всякіе слухи. Карстенъ былъ
схваченъ по приказанію Фридриха II.

Отношенія Москвы къ Швеціи оставались вполне дружественныя
въ первые два года царствованія Іоанна III. Когда Карлъ и Іоаннъ
заняли Стокгольмъ, ихъ войны, между прочимъ, сдѣлали вторженіе
въ домъ, гдѣ находились русскіе послы, съ цѣлью пограбить; они
думали этимъ выслужиться передъ Іоанномъ. Какъ только узналъ объ
этомъ Карлъ, онъ тотчасъ же явился въ помѣщеніе русскихъ, велѣлъ
солдатамъ отдать все награбленное, вознаграждалъ пословъ за всѣ при-
чиненныя имъ убытки, а шведскихъ кнехтовъ наказалъ. Элофсонъ
говорить, что московскій царь съ большимъ уваженіемъ отзывался о
Карлѣ; такого же мнѣнія держался и сынъ царя—(Федоръ ¹⁾).

Занявъ Стокгольмъ, король тотчасъ же отправилъ письмо къ Гроз-
ному и просилъ его сохранить къ Швеціи миръ и дружбу. Новый
король Швеціи рѣшилъ не отпускать московскихъ пословъ раньше,
чѣмъ получитъ отвѣтъ царя. Іоаннъ Грозный далъ знать Іоанну III,
что согласенъ начать съ нимъ переговоры о мирѣ, и Іоаннъ лѣтомъ
1569 года снарядилъ въ Москву новое посольство; его сопровождали
и московскіе послы, пробывшіе въ Швеціи около двухъ лѣтъ. Судьба
этого шведскаго посольства извѣстна. Царь Іоаннъ Грозный былъ въ
сильномъ гнѣвѣ по случаю отказа шведскаго правительства выпол-
нить договоръ 16-го февраля и оскорбленъ долгою задержкою своихъ
пословъ въ Швеціи, и поэтому велѣлъ бросить въ темницу пословъ
Іоанна; только въ 1572 году они получили свободу.

Что Іоаннъ Грозный тогда еще не желалъ рывать дружескія отно-
шенія съ Швеціей, не подлежитъ сомнѣнію. Между нимъ и шведскимъ
королемъ завязывается съ перваго же года царствованія послѣднѣйшаго—
любопытная перениска. Оба государя были прекрасные стилисты, оба
любимы выставлять наружу свою правоту, оба отличались мнитель-
ностью; Іоаннъ Грозный предвидѣлъ, что требованіе его о выдачѣ
Екатерины, жены его, вызоветъ въ Іоаннѣ шведскомъ сильное него-

¹⁾ Paralipomena, 167.

дованіе, и поэтому въ первомъ же письмѣ къ королю онъ мотивируетъ свое требованіе слухомъ о смерти Іоанна въ темницѣ; думая, что Екатерина продолжаетъ жить узницей, онъ желалъ освободить ее и препроводить къ ея брату королю Польши ¹⁾).

Въ слѣдующихъ письмахъ тонъ становится болѣе враждебнымъ. Грозный говорилъ, что послѣдствіе брака короля на Екатерину Ягеллонку онъ, царь, не могъ изгнать поляковъ изъ Ливоніи. Не лишентъ же онъ разума, продолжаетъ Грозный, чтобы просить жены живаго мужа. Смерть Іоанна подтвердилъ еще посолъ Эрика—Гансъ Ларсонъ; послѣдовавшіе за нимъ послы уже прямо предлагали царю выдать ему Екатерину. Стало быть, послы солгали.

На требованіе Іоанна спосаться прямо съ царемъ, а не съ Новгородомъ, царь отвѣчалъ отказомъ. Это затронуло честолюбіе шведскаго короля. Въ 1569 году до короля дошелъ слухъ о сношеніяхъ съ царемъ Эрика XIV. Въ это же время онъ узнаетъ о сближеніи Магнуса съ Грознымъ. Всѣ эти обстоятельства должны были способствовать охлажденію обоихъ государей и сближенію Швеціи съ Польшей.

Знаменитое, поднявшее столько шума, сближеніе Магнуса съ Московскимъ тираномъ—было дѣломъ двухъ ливонскихъ ренегатовъ, Элерта Таубе и Іоанна Крузе.

Оба они принадлежали къ очень древнимъ фамиліямъ, упоминаемымъ еще въ XIV столѣтіи; они были въ родствѣ съ Анрепами, Искулими, Тизенгаузенами и др.

Таубе и Крузе мы первоначально встрѣчаемъ на службѣ у Дерптскаго епископа. Крузе былъ штифтофохтомъ Дерпта, а затѣмъ перешелъ къ дипломатической и военной дѣятельности. Человѣкъ очень образованный и краснорѣчивый, онъ искусно владѣлъ какъ мечемъ, такъ и перомъ. Въ 1557 году онъ участвовалъ въ ливонскомъ посольствѣ въ Москву. Когда Дерптъ палъ подъ власть русскихъ, Крузе тамъ не было; онъ успѣлъ бѣжать въ Викинъ и поселился въ Гапсаль, гдѣ ожидалъ результатовъ переговоровъ магистра съ Даніей; отсюда, отчаявшись въ помощи отъ Даніи, онъ бѣжалъ въ Черновъ; намѣреваясь дальнѣе проплыть въ Ригу, онъ въ декабрѣ 1560 года

¹⁾ Слухъ нашъ дошелъ, что тебя въ поиманье у Ирика короля въ животѣ не стало, а дѣтей намъ въ тебя не сказали, а короля польскаго сестра Катарина также сидитъ у него въ поиманье безлебѣ. И мы о томъ ссылались сыркомъ королевемъ; что бѣ у него польскаго короля сестра напрасно не слѣдила, а отдали бы еѣ намъ, а мы бы еѣ отдали брату еѣ польскому королю, а черезъ неѣ бы съ братомъ еѣ польскимъ королевемъ миръ учинили.

попался въ плѣнъ къ русскимъ. 6 недѣль его продержали въ заключеніи въ Вейсенштейнѣ, затѣмъ въ Дерптѣ, откуда чрезъ Псковъ и Новгородъ отправили въ Москву. Московскій царь какъ разъ въ это время заключилъ договоръ съ Дашей, въ Эстляндіи рѣшено было провести границу датскихъ и русскихъ владѣній; такъ какъ въ Москвѣ не было человѣка знакомаго съ Эстляндіей, то одинъ нѣмецъ, состоявшій на службѣ у цари, Каспаръ Оберфельдъ, указалъ царю на Крузе. Ему предложили перейти на службу къ царю, и онъ безъ колебанія принялъ предложенныя ему условія. Онъ сохранилъ свободу вѣроисповѣданія, ему возвратили его жену и дѣтей и обѣщали употреблять его только для честныхъ дѣлъ (*zu ehrbaren sachen*). Крузе сдѣлали богатые подарки, назначили жалованье, пожаловали имѣніе, каменный домъ и такъ далѣе; кушанья стали подавать ему съ царскаго стола, онъ могъ пользоваться царскою конюшнею и проч. Ясно, что эти милости царь жаловалъ ему не за такое ничтожное дѣло, какъ указаніе границъ Эстляндіи, царь надѣялся воспользоваться имъ въ своихъ ливонскихъ проектахъ. Крузе получилъ жизнь, свободу и семью за потерю чести; онъ сдѣлался изгнанныкомъ отечества. До 1565 года мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Крузе; болѣе систематическую московитофильскую политику начинаетъ онъ проявлять съ тѣхъ поръ, какъ соединился съ другимъ ливонскимъ ренегатомъ Іоанномъ Таубе. Совѣтникъ дерптскаго епископа Таубе также принималъ участіе въ несчастномъ посольствѣ въ Москву 1557 года; послѣ паденія Дерпта и епископъ Германъ, и его совѣтникъ были отправлены въ Москву, гдѣ ихъ заключили. Всѣ сдѣланныя ими попытки бѣжать изъ плѣна были неудачны. Прошло 4 года; Таубе отказывался поступить на русскую службу и былъ отправленъ въ Владиміръ, гдѣ цѣлыхъ 32 недѣли провелъ въ заточеніи. Освобожденный отсюда по просьбѣ Германа, онъ послѣ смерти послѣдняго снова былъ привлеченъ къ суду, такъ какъ его обвиняли въ присвоеніи себѣ части наслѣдства епископа. Грозный, выслушавъ дѣло Таубе, призналъ его невиновнымъ, но не освободилъ изъ заточенія. Пожизненное заключеніе стало пугать Таубе, и съ осени 1563 года онъ самъ сталъ уже предлагать свои услуги московскому правительству; но теперь и къ его просьбамъ оставались глухи, и только благодаря подкупамъ ему удалось, наконецъ, получить свободу. Ему дали большія земли въ Ризанской области, нѣсколько имѣній въ Дерптской епископіи, ежегодную пенсію въ 200 рублей, платье и пр. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно обязательствъ, взя-

тѣхъ на себя Таубе, когда онъ былъ отлученъ въ Дерптъ, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что царь и съ него потребовалъ дорогой цѣны—служить русскимъ интересамъ въ Ливоніи¹⁾).

Явившись въ Ливонію, Таубе самъ повсюду распространялъ мысль, что единственное средство спасти погибающую Ливонію—это признать надъ собою власть московскаго царя; свои аргументаціи онъ сопровождалъ разнаго рода иллюстраціями, тайно показывалъ ливонцамъ письма императора къ папѣ, исполненные однихъ пустыхъ обѣщаній, выдвигалъ наружу всю ненадежность и непрочность польскаго или скандинавскаго протектората; царь, говорилъ онъ, одинъ удержитъ за ливонцами и ихъ свободу и ихъ религію. Соединившись съ Крузе—оба они стали дѣйствовать по одному плану, по одной программѣ. Послѣ обѣщанія передать царю всю Ливонію, имъ некогда было бездѣйствовать; они широко раскинули свои дипломатическія сѣти; въ случаѣ удачи своихъ агитацій, они мечтали о еще болѣешихъ отличіяхъ. Вліяніе ихъ въ Ливоніи распространялось; изъ Дерпта они вошли въ сношеніе съ Ригой, доносили обо всемъ въ Москву, а въ 1569 году оба отправились туда для переговоровъ съ царемъ о помощи, обѣщанной ему прусскимъ герцогомъ противъ Польши. Въ виду имѣлась антипольская коалиція; она, какъ извѣстно, не осуществилась, но отсюда мы видимъ, какъ сильна была еще традиція прусско-московскаго сближенія; она вела свое начало съ Альбрехта и Василія III. На случай побѣды надъ Польшей, Ливонія безъ сомнѣнія отошла бы къ Москвѣ, а не къ Пруссіи, напрасно мечтавшей распространять свои владѣнія на все Балтійское побережье, къ Москвѣ, въ виду того твердаго положенія, какое она уже занимала въ Ливоніи²⁾). Іоаннъ Грозный, не смотря на неудачу проекта сближенія съ Пруссіей, тѣмъ не менѣе щедро награждалъ обонхъ ливонцевъ: Таубе пожалованъ былъ въ князья, а Крузе въ великіе бояре; оба они получили привилегію на винокуреніе. Новую услугу оказали оба ливонца царю, создавши проектъ ливонскаго королевства подъ протекторатомъ Россіи. Еще въ 1567 году, не безъ вліянія Таубе и Крузе, Іоаннъ Грозный, въ виду трудности одновременной борьбы съ Польшей и Швеціей, пришелъ къ мысли сдѣлать одного изъ прежнихъ орденскихъ дѣятелей правителемъ всей Ливоніи, но не поставить этого правителя въ ленныя къ

¹⁾ Schieman, Charaktere, 6, 13.

²⁾ Причины неудачи прусско-московскаго союза еще неизвѣстны; быть можетъ, какой нибудь изъ ливонскихъ архивовъ скрываетъ ихъ въ своихъ актахъ.

себѣ отношенія; такой правитель долженъ былъ присягнуть московскому царю на вѣрность, какъ прежніе магистры присягали германскимъ императорамъ; еслибы такой проектъ удался, вдоль Балтійскаго побережья возникъ бы рядъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, какъ герцогъ прусскій, герцогъ курляндскій, эзельскій и такъ далѣе, обязанныхъ ленною присягою одинъ Польшѣ, другой Даніи, Швеціи, Москвѣ и такъ далѣе. Сначала Іоаннъ Грозный обратился съ своимъ проектомъ къ Фюрстенбергу, но онъ отказался быть орудіемъ царя. Тогда присутствовавшіе при переговорахъ Іоанна съ Фюрстенбергомъ Таубе и Крузе предложили Іоанну войти по этому дѣлу въ сношенія съ Кетлеромъ и Магнусомъ. Царь съ радостью согласился на это, и щедро награжденные дипломаты уѣхали въ Ливонію. Но Кетлеръ не поддался ихъ предложенію и, какъ вѣрный вассалъ Сигизмунда II польскаго, послалъ къ нему письмо, полученное имъ отъ Крузе и Таубе. Третій кандидатъ за то сразу согласился на заманчивое предложеніе ливонскихъ дипломатовъ; этотъ кандидатъ былъ Магнусъ. Въ концѣ апрѣля къ нему обратился Таубе, а въ іюнѣ и Крузе, съ просьбою прибыть въ Дерптъ для переговоровъ съ великокняжескими послами. Царскіе агенты извѣщали Эзельскаго герцога о намѣреніи царя пожаловать герцога всей Ливоніей и убѣждали его принять это пожалованіе. Они просили Магнуса совершенно положиться на царя и безъ страха явиться въ Дерптъ; въ принятіи леннаго пожалованія московскаго царя—не только залогъ безконечнаго благоденствія Ливоніи, писали Магнусу оба дипломата, но и великая услуга Даніи предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что датскій король сочувственно отнесется къ новому проекту и будетъ очень недоволенъ, если будетъ упушенъ такой „небывалый, Богомъ ниспосланный случай.“ „Счастье въ вашихъ рукахъ“, „васъ ожидаетъ ливонская корона“—вотъ заключительныя слова обоимъ дипломатамъ¹⁾.

Магнусъ, положеніе котораго въ Ливоніи со дня на день ухудшалось, не замедлил отвѣтить Таубе и Крузе, что вполне вѣрить искренности намѣренія царя, но ни на что не можетъ согласиться,

¹⁾ Дрезд. арх. 12-го іюня 1569: nicht allein Liffland vnaussaglicher Heit vund wolstandt erwachsenn vnd erfolgt, sondern auch der hochlöblichen Cron zu Denemarck vund der gantzen Christenheit darmit gedient vund zu allen guten gedeiet vnd gereicht als werden vil mehr die K. W. zu Denemarck einen missgefallen haben, wan solch vnaufsaglich von Gott gegebener handell vund gnad vonn E. F. G. versumbt... Derwegen I. F. habenn itzo das glück in jren furstlichen henden, etwa ein Herr vund Konuig vber gantz Lifflandt vund mehr.

не снесишься предварительно съ своимъ братомъ, датскимъ королемъ¹⁾.
Одного онъ уже теперь требовалъ отъ московскихъ агентовъ, а именно права сохранить за собою протестантское вѣроисповѣданіе.

Изъ отвѣта Магнуса Таубе и Крузе уже заключили, что ихъ старанія увѣнчаются успѣхомъ. Магнусъ еще въ апрѣлѣ обращался къ своему брату за помощью противъ шведовъ, такъ какъ на польскую помощь рѣшительно нельзя было надѣяться²⁾; поляки давно уже не исполняли принятыхъ на себя въ штеттинскомъ договорѣ обязательства, они все только обѣщали, и Магнусу пришлось одному выдерживать непосильную борьбу со шведами. Съ вступленіемъ Іоанна на шведскій престолъ его положеніе еще ухудшилось, такъ какъ шведы и поляки изъ враговъ становились союзниками. Шведы, писалъ Магнусъ къ своему брату, намѣрены утвердиться въ Арелсбургѣ, откуда уже не трудно завоевать и Готландъ. Проектъ, предложенный ему теперь царскими агентами, явился столь неожиданнымъ и великимъ для него благодѣяніемъ, что онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться съ нимъ съ Фридрихомъ II. Любопытно подробнѣе прослѣдить отношенія обоихъ братьевъ за это время, такъ какъ они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на ливонскую политику Фридриха II. Фридрихъ II вовсе не безучастно относился къ балтійскому вопросу на постокѣ, какъ это ошибочно предполагали до послѣдняго времени, напротивъ—онъ имѣлъ для него великое меркантильное значеніе; въ душѣ онъ одобрялъ сближеніе Магнуса съ Москвою, но скрывалъ это отъ европейскихъ государей, боясь прослыть въ ихъ глазахъ другомъ, союзникомъ и родственникомъ царя схизматика.

Переписка Магнуса съ Фридрихомъ II обнимаетъ время отъ іюля 1569 года до 1578 г.³⁾, когда Магнусъ порвалъ съ Москвою и перешелъ на сторону Польши.

Развивая предъ своимъ братомъ королемъ проектъ, предложенный

¹⁾ Mit vorwissen, willen, mit beliebung vnd ratification der K. Würde zu Denemarck.

²⁾ Копенг. арх. Liff. 22. Магнусъ Фридриху, Newenhausen, 5 апр. 1569: Vñ die Polnische hulff habenn wir vass weinig zuuorlassen, dan vber vielfeltiges vñsers fleissiges suchen vnd pitten, wir derselheun bis daher gar selten vnd mit keinem ernst genossen.

³⁾ Она отчасти напечатана въ первомъ томѣ приложеній (Акты и Письма, №№ 54, 56, 57, 58, 60, 63, 65, 71, 73). Значеніе этихъ актовъ, впервые изданныхъ нами, *Th. Schiemann* опредѣляетъ въ критическомъ разборѣ перваго выпуска нашихъ актовъ. *Sybel, Histor. Zeitschrift*, 1890, II, 379—382.

ему Таубе и Крузе, Магнусъ говоритъ, что не счелъ возможнымъ не принять его изъ двухъ соображеній ¹⁾. Вопервыхъ, съ осуществленіемъ его Ливонія будетъ спасена отъ совершеннаго порабоженія ея москвитями, восторыхъ, съ проектомъ Таубе и Крузе связаны интересы датскаго господства на Балтійскомъ морѣ. Магнусъ общается своему брату прежде всего настоять на правѣ для датскихъ королей назначать въ ливонскіе короли исключительно принцевъ изъ голштинскаго дома, затѣмъ безъ вѣдома Даніи не заключать никакихъ договоровъ съ царемъ, постоянно соблюдать датскіе интересы и, наконецъ, предоставить Фридриху II главное руководительство и направление всѣми своими дѣйствіями въ Ливоніи и Москвѣ ²⁾. Магнусъ обѣщаетъ, что ни одно постановленіе въ новомъ королевствѣ не будетъ имѣть силы безъ одобренія и ратификаціи его датскимъ правительствомъ. Съ осуществленіемъ проекта Ливонско-Московского королевства границы Даніи значительно расширятся на востокъ Балтики. увеличится и количество населенія Датскаго королевства ³⁾ (Dadurch wir zu erweiterung vnd vermehrung Landt vnd Leuth kommen). Резюмируя въ заключеніи своего перваго письма (отъ 6-го іюля) всѣ доводы въ пользу принятія проекта Таубе и Крузе, Магнусъ говорить, что все новое предпріятіе Москвы высоко подниметъ значеніе Даніи и ея короли.

Не получивъ еще отвѣта отъ своего брата, все вниманіе котораго было поглощено борьбою съ Швеціей на скандинавскомъ материкѣ и Балтійскомъ морѣ, Магнусъ въ сентябрѣ отправилъ своихъ пословъ въ Москву. Пословъ приняли съ большимъ почетомъ; условія, предложенныя чрезъ нихъ Магнусу, вполнѣ удовлетворили послѣдняго. Получая титулъ Ливонскаго короля, Магнусъ становился ленникомъ царя, облызался служить ему на войнѣ и платитъ незначительную дань. Послы Магнуса вернулись въ Архенбургъ 27-го января 1570 г. 13-го марта Магнусъ извѣщалъ уже Фридриха о результатахъ ихъ миссіи. Великій князь, пишетъ Магнусъ, рѣшительно заявилъ его, Магнусовымъ, посламъ, что не желаетъ имѣть своими сосѣдями въ

¹⁾ 6-го іюля, Нильсрѣгъ: so haben wir vns gedancken lassenn, das vns nicht geburen wolle, die gelegenheit vnd erreichtes glück vmb errettung der armen lande vund beträchten Christen willenn zuorseumen oder ausszuschlagen.

²⁾ Sondern soll alles vf mitbeliebung, bewilligung vund ratification E. K. W. vund vusers fürstlichen hauses vnd stammen Holstein dirigirt und gerichtet werden.

³⁾ За этимъ слѣд. декоративная фраза: Vnd viell armer Christen aus der Dienstbarkeit, Elendt, jammer vnd nott errettet werden können.

Ливоніи ни королей польскаго, ни шведскаго, готовъ продолжать борьбу съ ними еще 20 лѣтъ, чтобы только достигнуть своей цѣли. Все, что ему удастся покорить въ Ливоніи, царь уступаетъ Магнусу; затѣмъ онъ обѣщаетъ вывести изъ Ливоніи всѣхъ русскихъ, предоставить нѣмцамъ всѣ права торговли, помочь Магнусу покорить Ригу, Ревель и др. города, и всѣ свои завоеванія поставить подъ управленіе Магнуса. Свое покровительство царь обѣщаетъ не только Магнусу, но и наслѣдникамъ его; когда же потомство Магнуса вымретъ, право наслѣдованія въ Ливоніи будетъ принадлежать датской коронѣ. Такимъ образомъ, въ будущемъ рисовалась картина династическаго соединенія Датско-Норвежскаго королевства съ Ливонскимъ. Магнусъ просилъ своего брата глубже вникнуть въ дѣло, всесторонне разсмотрѣть его и не оставлять его своимъ совѣтами. О своемъ соглашеніи съ царемъ онъ, Магнусъ, не могъ раньше извѣстить короля какъ изъ-за зимней поры года, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ нападеній, дѣлаемыхъ на датскія владѣнія польскими пиратами, занявшими фактически между Эзелемъ и Данией.

Сообщивъ Фридриху II условія своей ленной присяги Юлину Грозному, Магнусъ въ послѣднія недѣли великаго поста самъ отправился въ Москву ¹⁾. Своему брату онъ писалъ, что не только Таубе и Крузе умоляли его безъ отлагательствъ ѣхать въ Москву и тамъ покончить въ личныхъ переговорахъ съ царемъ все дѣло, но его побуждало къ этому и все населеніе Ливоніи, обращая къ нему ежедневно молибы и просьбы: побѣдка герцога въ Москву, говорили въ Ливоніи, единственное средство прекратить бѣдствія, перетерпѣваемые ливонцами. Магнусъ прибылъ въ Москву въ маѣ 1570 года; его удостили самаго роскошнаго и торжественнаго приема. Очевидецъ, Шульце, говорить, что царь пожаловалъ герцога богатыми дарами, каждому изъ 400 слугъ его далъ по 150 золотыхъ, кромѣ того соболья мѣха, серебряныя вещи и т. д. Царь, говорить Шульце, обратился къ Магнусу съ слѣдующими словами: за твое довѣріе ко мнѣ, любезный братъ, я назначаю тебя и твоихъ наслѣдниковъ правителями всей страны (Ливоніи), хотя и самъ имѣю двухъ сыновей. Вы сродни мнѣ по крови, ибо я нѣмецкаго происхожденія. Своихъ непокорныхъ подданныхъ я унижу, смирю и буду попирать ногами ²⁾.

¹⁾ Великій постъ въ 1570 году начался 5-го февраля, пасха была 26-го марта (*Fleischhauer*, 57).

²⁾ Конег. арх. Lifland, 27. Bericht eines Burgers von Dantzic, den 11 Sept. Gunstiger Freundt, Ich kann euch nicht verhalten, dass hantse Schultze Burger zu

Изъ нѣскольکو дней переговоры Магнуса съ царемъ были окончены, и онъ былъ провозглашенъ королемъ Ливоніи подъ протекторатомъ московскаго государя; союзъ ихъ скрѣплялся еще родственною связью: Магнусъ далъ Іоанну обѣщаніе жениться на Евфиміи, племянницѣ царя, въ приданое за которой царь давалъ 5 бочекъ золота. За Ливоніей Іоаннъ Грозный обѣщалъ сохранить вѣроисповѣдную свободу, оставить всѣ нѣмецкія учрежденія, на должности не назначать русскихъ. Кромѣ того, какъ уже утверждалъ Магнусъ, Іоаннъ обѣщалъ помочь датскому королю восстановить калмарскую унію, подчинить себѣ Швецію. „Царь не желаетъ имѣть лучшаго союза, чѣмъ датскій король; пусть Фридрихъ II, поэтому, только выразить свое согласіе принять предложеніе царя, и онъ тотчасъ же поспѣшитъ привести его въ исполненіе; онъ уже отправилъ свои войска къ границамъ и намѣренъ зимою лично принять начальство надъ ними. Этимъ путемъ и осада Ревеля пойдетъ успешнѣе—шведскій король будетъ вынужденъ раздѣлить свои силы, да и Фридриху II оказана будетъ не маловажная помощь къ подчиненію себѣ Швеціи. Датскую корону ожидаетъ великая честь, имя ея будетъ безсмертно“. Наконецъ, изъ сообщенія Магнуса, доставленнаго имъ датскому королю, видно, что московскій царь обѣщалъ также заключить съ германскимъ императоромъ союзъ противъ турокъ¹⁾. Нѣтъ сомнѣ-

Dantzig heut widerumb auss der Moschow alhier ankommen, ist nuhr sechs wochen vnterwegen gewesen, hat auch seinen gefangnen diener, welcher demselbigen herrn Heinrich von Dohna 2000 thaler vorgestreckt, durch vorbitt Hertz. Magui lookommen vnd mit sich bracht, berichtet, das H. Magnus vom Moschowitter stadtlich empfangen, wol gehalten vnd gar ehrlich begabt vnd widerumb abgefertigt sein solle, wie er der Schultze von anfang biss zu ende den Triumpf selbst angesehen, Dan er sich leibes gefahr zu uermeiden vmb Hertz. Magnuss halten, vnd vor der seinen einen bekennen müssen. Слова царя при расставаніи съ Магнусомъ. Въ Кепл. арх. Реп. XI. Russland, I-e. Da er der Grossfürst hertzog Magnum im abschied bey ihm stehen gehapt, soll er ihm in beysein aller seiner Herrn Rhete auf die schultern geschlagen vnd gesagt haben: Lieber Bruder, dieweil Ihr vnd die deutschen mir trawet auch dass ich den deutschen gewogou dan ich selbst deutscher herkunft vnd von sechsischem geblute sey, unangesehen das ich zweue sohne habe... (darvon der eine von 17 der ander von 13 farren ist, Кепл. арх.). Wan ich mein heut lege, sollen Ewer Liebe, Herr vnd Erben zu meinem lande sein, vnd wil meine vntrewе vnterthanen so aussrotten vnd demutigen, das ich mit fussen vber sie gehen wil. Solches hat H. Schultze alles mit angehoret.

¹⁾ Дрезд. арх. Магнусъ Фридриху, Ревель, 21-го окт. 1570... Wir wissen gar woll, das S. L. (царь) viel lieber E. L., dan den König von Schweden zum nachbarn haben, vnd E. L. zu der Cron Schweden gerne vorhelffen wollen, wan

нія въ томъ, что Магнусъ отъ себя много прибавилъ къ обѣщаніямъ царя, чтобы въ тѣмъ болѣе выгодномъ свѣтѣ выставить свое сближеніе съ нимъ; это скажется изъ дальнѣйшихъ переговоровъ царя съ Фридрихомъ II.

Итакъ, Ливонія получила своего короля, но въ ту именно минуту, когда весь общественный, социальный строй ея былъ до корня растапанъ, когда уже лучшія части ея—Эстляндія и Ливонія—были расхищены услужливыми сосѣдями. Шиманъ видитъ въ этомъ „злую иронию судьбы“. Судьба, дѣйствительно, точно посмѣялась надъ несчастною страной. Не прочною, не спасительною оказалась „ливонская корона“ въ рукахъ почти мальчика, легкомысленнаго, безъ знаній и опыта, добивавшагося популярности безумною расточительностью, искавшаго всегда случая какъ можно дороже продать свое участіе въ борьбѣ трехъ балтійскихъ соперницъ, Польши, Швеции и Россіи, „короля-прожектера“, безразсудно мѣнявшаго свои убѣжденія, переходившаго отъ одной политической партіи къ другой и дипломатическими интригами въ концѣ запутавшаго свое и такъ уже непрочное и ложное положеніе.

Вѣсть о союзѣ Магнуса и московскаго царя быстро облетѣла всѣ европейскіе дворы; когда тамъ узнали объ осуществленіи проекта Ливонскаго королевства подъ протекторатомъ Москвы, всѣ забыли тревогу. Всѣхъ болѣе напугалъ Сигизмундъ II Августъ, а за нимъ мелкіе пѣмецкіе князья, герцоги Померанскіи, Прусскій и др. Союзъ Магнуса съ московскимъ тиранномъ—потъ главный предметъ дипло-

sein Lieb den durchbeschickung oder auch nur durch ein Post vnd schreiben darumb were ersucht worden, oder noch ersucht würde, vnd dass der Grossfürst itz sein Kriegsvolck in Fiulandt nach Wiborch verordnet vnd diesen winter daselbst den Krieg zu continuiren gedencket, ist nicht allein vmb vnsernt willen, dass wir der vehsten Reuel vmb soniel ehrmechtig werden mugen, sondern auch E. L. mit zum besten geschehen, dass dieselb vmb soniel mehr vorteil hetten schwedenreich glücklich zubekriegen vnd vnter ire gewalt von regirung zu bringen. 24-го мая 1671 года Магнусъ писалъ Фридриху:... „Was nuu aber fur ein vnsterblicher Name, hoheit, nutz vund frommen der Cronen Dennemarcken, dass die selbe durch diese vorgeschlagne handell hette das gantzen Schweden Reichs mechtig mugen werden, hieraus entstanden, vund was fur bluttvergiessen, vncostenn vund geldtspilderung bisanhero geschehen; Itzo in einer summan wiedergeniessen vund einnehmen mugen, were alles, wie wir normercken, durch vnserer wiederwertigen vund feinden Practicken vnd List gehindertt vund jres gefallens dass Redlein biss auss zill getrieben, aber wie wir verhoffenn, noch nicht gantz vund allerdings erreicht“.

матической переписки нѣмецкихъ князей, Польши и Швеціи; этотъ же вопросъ послужилъ новою, обильной темою на „скупныхъ“ нѣмецкихъ рейхстагахъ. Во всѣхъ современныхъ политическихъ листкахъ, въ открытыхъ письмахъ и плакатахъ только и было рѣчи объ утвержденіи Московскаго „кровопійцы“ на Балтійскомъ морѣ. Страхъ Европы обратился въ ужасъ, когда Іоаннъ Грозный началъ осаду Ренели, въ которомъ, онъ зналъ, будетъ приобретѣнъ важный въ торговомъ отношеніи пунктъ и откуда иинется возможность безъ большаго труда и риска распространить свою власть по всей восточной линіи Балтійскаго моря до Риги. Отъ успѣха осады зависѣло все: неудача этого предпріятія, какъ мы увидимъ, стала равносильною совершенному пораженію всего липонскаго проекта.

Сигизмундъ II Августъ, узнавъ еще весною 1569 года о переговорахъ, возникшихъ между Магнусомъ и Москвою, обратился къ Фридриху II, побуждая его прекратить войну съ Швеціей и дѣятельнѣе направить свое вниманіе на московскаго царя ¹⁾. Онъ началъ съ того, что просилъ Фридриха II временно запретить своимъ подданнымъ плаваніе на Нарву. Получая отъ иностранныхъ торговцевъ все нужное ему для войны, Московить, писалъ король, тѣмъ скорѣе и легче достигнеть своей цѣли; въ Московское государство доставляютъ теперь такое оружіе, употребленіе котораго до этого было совершенно неизвѣстно русскимъ; къ русскимъ нанимаются и иностранные моряки, учащіе ихъ морскому дѣлу. Проидеть немного времени, русскіе не будутъ болѣе пужаться въ помощи иностранцевъ, и всѣ, кто теперь помогаетъ московитамъ, сами готовятъ себѣ большой вредъ. Разъ русскіе научатся морскому дѣлу, они захватятъ въ свои руки господство на Балтійскомъ морѣ и будутъ препятствовать свободному плаванію на немъ; они не будутъ спокойно пользоваться плодами своей морской торговли, а — какъ варвары — начнутъ захватывать всѣ корабли, какія только завидятъ на Балтійскомъ морѣ; никто не будетъ спокоенъ, какъ скоро русскіе утвердятся на морѣ, каждое приморское государство должно быть на-готовѣ отразить ихъ нападеніе. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, продолжаетъ Сигизмундъ II Августъ, необходимо теперь уже, пока пламя не успѣло еще распространиться, подумать о средствахъ къ погашенію его; разъ будетъ упущено время, и прибалтійскіе государи не найдутъ болѣе спасенія. Только ради общей пользы

¹⁾ Акты, I, № 50.

польскій король предлагаетъ Фридриху II сосредоточить иѣновую торговлю или въ Польнѣ, или въ Ливоніи, но только не въ Нарвѣ. Ясно, что Сигизмунду II всего важнѣе было не допустить русскихъ до непосредственныхъ сношеній съ иностранцами и самому стать посредникомъ этихъ сношеній. Для всего христіанскаго міра настаетъ лучшая пора, онъ извлечетъ величайшую пользу, какъ скоро съ русскими будутъ прекращены всякія торговыя сношенія—вотъ заключительныя слова длиннаго письма Сигизмунда II.

6-го апрѣля неутомимый король Польши обратился съ открытымъ плакатомъ ¹⁾ ко всѣмъ европейскимъ государямъ съ просьбою—порвать торговыя сношенія съ Россіей, не доставлять русскимъ ни пороху, ни дрови, ни сѣры, ни салитры, ни съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ они только готовятъ дальнѣйшіе успѣхи москвитей въ войнѣ. Въ виду того, что подвозъ его врагу всѣхъ нужныхъ для войны предметовъ усиливаетъ его, онъ—король—рѣшился выставить въ морѣ нѣсколько вооруженныхъ кораблей для захвата всѣхъ торговцевъ, направляющихся въ Нарву; и это король будетъ практиковать до окончанія войны съ русскими; десятую часть всего захваченнаго король будетъ оставлять себѣ. Вотъ неприкрашенная программа дѣйствій польскаго правительствa, оно рѣшается устанавливать законное и правильное каперство на Балтійскомъ морѣ безъ различія государствъ, не обращая вниманіе на то, нейтральны они или нѣтъ; тутъ уже не упоминается объ участіи короля ко всему христіанству, король на мгновеніе забылъ свою маску, онъ проговорился. Обвиня русскихъ въ захватѣ иностранныхъ кучковъ, предсказывая въ будущемъ рѣшительную невозможность торговать на Балтійскомъ морѣ, если Россія утвердится на немъ, Сигизмундъ II, сердцу котораго такъ будто бы близки были интересы сосѣднихъ съ нимъ державъ, а въ особенности Ливоніи, теперь самъ принялся приводить въ дѣйствіе систему каперства на варвскомъ фарватерѣ; мало того: отъ варвскаго фарватера польскіе пираты перешли мало по малу на все Балтійское море; ихъ встрѣчали у Давица, они попадались и у померанскихъ береговъ. Эта варварская система пиратства была причиною рѣшительной вражды къ Польшѣ всѣхъ европейскихъ державъ, что рельефнѣе скажется въ событіяхъ слѣдующихъ лѣтъ.

Фридрихъ II, на что мы уже неоднократно указывали, во все свое царствованіе не оставлялъ мысли упрочить дружескія отношенія

¹⁾ Акты, I, № 54.

къ Москвѣ и усердно добивался для своихъ подданныхъ права безпрепятственно торговать въ обширныхъ владѣніяхъ Московскаго царя. Чѣмъ больше прибывало въ Зундъ иностранныхъ кораблей, направлявшихся на востокъ, въ Нарву, тѣмъ выгодиѣе это было для короля: въ его казну шли обильные источники доходовъ отъ транзитной и ластовой пошлины. Сближеніе съ Москвою, выдвинемъ этотъ фактъ еще разъ, имѣло въ глазахъ Фридриха II несомнѣнно и политическую важность; всѣ его предшественники съ Іоанна II сознавали важность политическаго сближенія съ Россіей въ виду Швеціи; съ конца XV столѣтія союзъ съ Россіей становится политическою, историческою задачей Даніи. Датскіе короли готовы были забыть свои счеты съ Москвою въ Норвегіи, чтобы только сохранить столь важный для нихъ торгово-политическій союзъ. Для Фридриха II, которому въ продолженіе семи лѣтъ приходилось бороться съ Швеціей, стало въ высшей степени необходимо обезпечить себя со стороны Россіи полнымъ миромъ; онъ могъ сосредоточить всѣ свои силы противъ шведовъ въ Скандинавіи, не трати, не разбрасывая ихъ въ Ливоніи. Тамъ, зная король, русскіе не тронутъ датчанъ и ихъ владѣній; пораженія, изрѣдка наносимыя тамъ датчанамъ шведами, въ достаточной степени вознаграждаются торговыми выгодами, какія датчане извлекали изъ нарвской, русской торговли.

Въ виду вышесказанныхъ фактовъ намъ не должно удивить спокойный, рѣшительный тонъ, съ которымъ Фридрихъ II отвѣчалъ польскому королю, взывавшему къ антимосковской лигѣ ¹⁾. Фридрихъ II наотрѣзъ отказался исполнить желаніе Сигизмунда. Съ вступленіемъ на шведскій престолъ Іоанна III взаимныя отношенія ихъ непремѣнно мѣнялись: изъ союзника Даніи Сигизмундъ становился союзникомъ Швеціи, поэтому Фридрихъ II нисколько не затруднился дать отвѣтъ польскимъ посламъ. Онъ сказалъ имъ, что въ виду своихъ договоровъ съ нѣмецкими и другими христіанскими государствами, а также и съ Московскимъ царемъ, онъ не можетъ, онъ не въ правѣ препятствовать плаванію на Нарву. Торговля съ русскими на столько выгодна всѣмъ европейскимъ государствамъ, что приостановить ее значило бы нанести себѣ враговъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Еслибы всѣ приморскія государства просили короля закрыть Зундъ, тогда бы онъ могъ исполнить это, но не иначе.

¹⁾ Акты, I, 51, 52 и 53.

Этого мало: дать такой отвѣтъ польскимъ посламъ, Фридрихъ обратился съ категорическимъ требованіемъ къ Сигизмунду отнѣсти канерство и пиратство на Балтійскомъ морѣ и не пренятствовать нарискому плаванію. Человѣкъ дѣла, а не словъ. Фридрихъ II. не найдя въ Сигизмундѣ готовности исполнить его требованіе, самъ обратился къ репрессаліямъ и сталъ задерживать въ Зундѣ всѣ корабли Данцига и другихъ прусскихъ городовъ.

Насталъ 1570 годъ; политическое и родственное сближеніе Магнуса съ Московскимъ царемъ было уже фактомъ совершившимся, и вотъ Сигизмундъ II Августъ снова обращается къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Конснгагенскимъ дворомъ; вступаетъ въ переписку и съ Августомъ Саксонскимъ ¹⁾; въ яркихъ краскахъ рисуетъ весь вредъ для Даніи отъ сближенія съ Москвою, предсказываетъ окончательную гибель всей Ливоніи, ждетъ бѣды и для своихъ подданныхъ. Ему было, поэтому, очень важно узнать, съ согласія ли датскаго короля рѣшился Магнусъ на такой безразсудный шагъ, или нѣтъ ²⁾. Сигизмундъ былъ убѣжденъ въ солидарности возрѣній обоихъ братьевъ. Фридрихъ II неоднократно уже обнаруживалъ, какъ дешево онъ цѣнилъ польскій союзъ; между датскимъ и польскимъ правительствами стали все чаще возникать преніяательства и по вопросамъ торговымъ и по вопросамъ религіознымъ. Католическая партія значительно усилилась въ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда II Августа, и король, прежде равнодушно относившійся къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, теперь явно сталъ клониться на сторону католиковъ. Узнавши, что католическіе священники были захвачены въ Даніи на пути ихъ въ Швецію и заклю-

¹⁾ Дрезд. арх. Письмо его отъ 19-го іюня Люблинъ, 10-го ноября Книшинъ и 19-го января 1570 Варшава.

²⁾ Сигизмундъ II Августъ Фридриху II, 20-го января 1570: *Sed uicissim a Ser—te Vestra peramanter ac fraterne quaeri ius, quoniam Illust. Ducem Magnum Ser—tis V—rae fratrem cum Moschorum principe hoste nostro secreta consilia inire et nonnullas quasdam practicas de terris Liuoniae moliri, non tantum crebris litteris atque actis ad nos perfertur, sed etiam multis et magnis indicijs comprobatur. Dubium autem nobis non sit. eam ipsam rem cum ad nostrarum prouinciarum tum vero ad Reip. Christianae detrimentum spectare: num Illust. Dux Magnus ea quae molitur, consilio atque voluntate Ser—tis V—rae molitur, aut num quae de amico speranda sunt, ea omnia de illo et sperare et nobis polliceri debeamus.* Дрезд. арх. Das ciltfte denische Buch.

чены въ темницу, Сигизмундъ энергично потребовалъ освобожденіи ихъ и свободнаго пропуска въ Швецію ¹⁾).

Когда Сигизмундъ узналъ о поѣздкѣ Магнуса въ Москву, для него не оставалось уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Фридрихъ II благосклонно и съ участіемъ относится къ Магнусу и царю; онъ прямо обвинялъ датскаго короля въ подстрекательствѣ, въ поддержкѣ Магнуса. Видя, что отъ Дании ему уже нечего ждать, Сигизмундъ въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ сталъ жаловаться на притѣсненія католиковъ въ Дании и на нападенія, какими со стороны датскихъ моряковъ стали подвергаться его „спекуляторы“, оберегавшіе, какъ утверждалъ король, Балтійское море и преніяствовавшіе вредному парвскому плаванію. Магнусъ, говоритъ Сигизмундъ, заключилъ союзъ съ Москвою противъ Польши ²⁾. Сильно возставаъ Сигизмундъ противъ Дании и на Шпейерскомъ рейхстагѣ, который мы ниже разберемъ. Къ Сигизмунду примкнулъ и родственникъ его Іоаннъ III шведскій.

Какъ же на дѣлѣ относился къ сближенію Магнуса съ Москвою Фридрихъ II? Ему было важнѣе, чѣмъ Магнусу, оправдать себя въ глазахъ Европы отъ обвиненій въ дружественныхъ отношеніяхъ къ *неизвестному* всей Европѣ Московиту. Во всѣхъ дѣйствіяхъ, словахъ и дипломатическихъ пріемахъ датскаго короля съ этихъ поръ замѣчается какая-то двойственность, неискренность, стремленіе замаскировать свои настоящія намеренія и планы. (Обращаясь къ Европѣ, Фридрихъ II удачно и съ успѣхомъ отклонялъ отъ себя всякое участіе въ дѣлѣ датско-русскаго союза; онъ утверждалъ даже, что союзъ этотъ заключенъ противъ его воли. Въ интимной же перепискѣ его съ Магнусомъ и его министрами, какъ и въ письмахъ его къ Іоанну Грозному, звучитъ уже иная нота, сильно диссонирующая съ тономъ писемъ, обращенныхъ, напримѣръ, къ императору и курфюрстамъ; въ этой перепискѣ — ключъ къ настоящей оцѣнкѣ русскои политики

¹⁾ Сигизмундъ II Августъ Фридриху II, 29-го января. *Postulamus a S—e V—a maiorem in modum, ut Sacerdotes praedictos, non tantum libere in Suetiam cum navij et rebus eorum omnibus dimittij jubeat, sed etiam ne eisdem quidquam impedimentis atque molestiae in posterum exhiberij permittat.*

²⁾ *Plurimorum nuncijs et literis certissimisq; indicijs comprobatur Ducem Magnum... consilio, uti dicitur, Serenitatis Vestrae ad Moschorum principem profectum, nova et pernicioosa contra nos et Livoniam consilia inire, novas practicas et machinationes struere, idque non tantum ad occupandum, quem ipse sibj finxit principatum, quantum ad Universae Christianae Reipublicae pestem inferendum.*

Фридриха II. Среди документовъ этого времени, хранящихся въ дрезденскомъ архивѣ, попадается одинъ „*sine loco et dato*“, разбирающій вопросъ, имѣлъ ли Магнусъ право заключить договоръ съ московскимъ царемъ, не только не равнымъ германскому императору, но не признаннымъ даже среди христіанскихъ государей ¹⁾. и принять изъ его рукъ Ливонію, часть Римской ²⁾ имперіи, въ ленное владѣніе; не подалъ ли онъ этимъ поступкомъ гибельнѣйшій примѣръ отпаденія отъ имперіи искони принадлежавшихъ ей леновъ! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это небольшое разсужденіе вышло изъ-подъ пера голштинскихъ агентовъ; въ немъ за Магнусомъ признавалось и право союза съ Москвою и право принятія въ ленъ Ливоніи, и вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) Магнусъ въ тѣхъ земляхъ, какія онъ получилъ въ ленъ отъ московскаго царя не полновластный владѣтель, у него нѣтъ въ нихъ ничего своего, ни замковъ, ни людей ³⁾. 2) Хотя московскія земли нѣкогда и принадлежали германской имперіи, но въ настоящее время онѣ—*jure belli*—во власти московскаго царя, а не императора. 3) Императоръ самъ виновенъ въ потери Ливоніи, и ливонцевъ нельзя винить въ измѣнѣ ему; они неоднократно обращались къ нему за помощью, но никогда не находили въ немъ сочувствія къ себѣ. Много претерпѣвъ отъ враговъ, они, наконецъ, были вынуждены отдаться иноземному государю и промѣнить свободу на рабство ⁴⁾. 4) Спасити ливонцевъ Магнусъ могъ только принятиемъ земли ихъ въ ленъ отъ настоящаго владѣтеля ихъ—царя московскаго. 5) Поступокъ Магнуса имѣлъ свой antecedentъ въ Пруссіи, герцогъ которой отдался подъ покровительство Польши и сдѣлался ленникомъ ея, въ чемъ, однако никто изъ имперскихъ

¹⁾ Der als angegebenn schutzherr nicht allein kein Römischer Kayser, sondern auch wohl nicht vnter die Zahl Christlicher Potentatem gesetzt oder gerechnet wirdt.

²⁾ Nicht alleine der Deutschen, sondern auch der gantzenn Christenheit ein neues hochbedenckliches schedliches exempell, vnd aller handt beschwerliche dinge, darauf jtziger Zeit nicht gedacht werden magt, erfolgen konnten.

³⁾ Obwohl S. Fürstl. Gn. der gesampten belehnung halben ein fürst des Reichs zuachtenn Das doch S. F. Gn. weder Lande noch leute darjn habe, vnd der anwartung halben in solcher weidtleufigkeit stehe, das sich S. F. G. solcher mit belehnung halben weinick zugetroestenn.

⁴⁾ Das das Reich abn solcher verlust derselbenn Lande selbst schuldigh und den Vnderthannen gantz keine defection oder Rebellion zugemessenn werden kan... vnd sie also mit schrecklichem bluetvergiessen vnd vorherung Lande vnd Leute entlich in frembde gewalt gerathenn, vnd sich wider jhren willen auss foriger freijheit in erbermliche Dienstbarkeit ergeben haben mussenn.

князей не требовалъ отъ него отчета. Другія государства также расширяютъ свои владѣнія на счетъ имперіи (намекъ на Францію) и даже самъ императоръ вынужденъ платить дань туркамъ и оказывать имъ всевозможный почетъ (*vörehngung*), чтобы обезпечить свои владѣнія отъ ихъ вторженій ¹⁾). Очень любопытно, что всѣ эти мотивы встрѣчаются и въ письмахъ Фридриха, и въ письмахъ Магнуса.

По поводу родственнаго и политическаго сближенія Магнуса съ Москвою Фридрихъ II прежде всего обратился къ курфюрсту Августу Саксонскому ²⁾).

Этотъ дальновидѣйшій изъ европейскихъ государей второй половины XVI столѣтія меньше другихъ шумѣлъ по поводу неслыханнаго поступка Магнуса, но върѣе всѣхъ понялъ всю важность совершившагося факта. Фридрихъ, сообщая ему о союзѣ Магнуса съ Москвою, называетъ это дѣло очень важнымъ, необыкновеннымъ, оно открываетъ широкіе выходы, но оно и опасно и можетъ вызвать много толковъ и рго и contra. Августу Фридрихъ представляетъ все это дѣло такъ, какъ будто Магнусъ безъ всякаго съ его стороны вліянія вошелъ въ переговоры съ царемъ въ виду, главнымъ образомъ, враждебныхъ отношеній къ себѣ польскаго правительства, которое, вопреки договоровъ съ Даніей, всѣми силами притѣсняетъ Магнуса, отпиранияетъ вооруженные отряды въ его владѣнія, и эти отряды безпощадно жгутъ и грабятъ все, что только попадаетъ имъ навстрѣчу, жителей убиваютъ и отводятъ въ плѣнъ ³⁾). Фридрихъ далѣе увѣряетъ Августа, что ни въ письмахъ, ни путемъ посольствъ не свосился по этому дѣлу съ царемъ, и до сихъ поръ непрестанно предостерегаетъ своего брата отъ сношеній съ московскимъ государемъ, совѣтуетъ до какого-бы то ни было рѣшенія всесторонне и зрѣло обдумать свое положеніе и на первомъ мѣстѣ поддерживать честь

¹⁾ Дрезд. арх. *Etliche schriften, den Herzog Magnus zu Holstein und die ländischen Lande betr. 1569—1573. Antwort auf die Frage ob N*, die angebottene Lande vnd leutte von N' als einem schutzherrn ohne vorweiss zw lehen empfangen oder annehmen könde.* (N*—Магнусъ; N'—Іоаннъ Грозный).

²⁾ Ему онъ писалъ: *Vund obwoill der Handell an jm selbst vast wichtig, selten vnd gar weit vnd gferlich aussicht, vnd pro et contra zu disputiren macht.* Отношенія Магнуса къ Москвѣ вызываютъ „allerley argwohn vnd verdacht“.

³⁾ ... dass er (Magnus) mer durch die Polnische bedrangung, vnd lässigkeit in verfolgung der mitt vnns auffgerichtenn bundtnus, also durch einigen vnsern Rath vnd anschaffung dem Moschowitzischen anbieten stadt zugebenn, bewogen worden.

датскаго королевства и озаботиться о сохраненіи дружескихъ отношеній къ Германской имперіи и Польшѣ.

Августъ, отвѣчая Фридриху II, настаиваетъ на томъ, что московскій царь затѣялъ родство съ Магнусомъ исключительно только съ цѣлью утвердиться на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, и если онъ достигнетъ своей цѣли, то германское вліяніе на востокъ Балтики безусловно падетъ и уничтожится; о выгодахъ-же Магнуса царь—это ясно для Августа—нисколько не помышляетъ ¹⁾.

Зная близость отношеній Саксоніи съ Даніей, и Магнусъ обратился къ Августу; свой союзъ съ Москвою онъ оправдывалъ главнымъ образомъ желаніемъ подворить дружескія отношенія между Москвою и Германской имперіей; союзъ съ царемъ—писалъ Магнусъ—принесетъ имперіи значительную выгоду, такъ какъ онъ обѣщалъ предпринять походъ противъ турецкаго султана, а военныя силы его такъ значительны, что онъ, безъ сомнѣнія, одолѣетъ султана.

Такимъ увѣреніямъ Магнуса Августъ не придавалъ никакой вѣры. Такимъ образомъ о своихъ собственныхъ выгодахъ отъ союза съ Москвою ни Фридрихъ, ни Магнусъ ничего не говорятъ. Сдѣлавши шагъ къ союзу съ Россіей, они какъ будто сами этого испугались и принялись создавать самыя странныя комбинаціи. въ родѣ вышеупомянутаго обѣщанія царя пойдти походомъ на турокъ, чтобы только помирить Европу съ фактомъ датско-московскаго родства. Магнусъ въ письмѣ къ Ульриху Мекленбургскому такъ увлекся, что утверждалъ, будто-бы въ Москвѣ онъ умолялъ царя пощадить его отъ высокой чести быть ливонскимъ королемъ, но царь рѣшительно не внималъ его просьбамъ, и его, Магнуса, принудили принять на себя титулъ короля Ливоніи. Не смотря на вынужденное согласіе соединиться съ московскимъ царемъ, онъ тѣмъ не менѣе твердо будетъ

¹⁾ Письмо Августа отъ 7-го іюня 1570, Heidelberg. То-же, Torgau, 8-го октября: Der Moschowiter werde unter solcher hülfe vnd erhöhung E. L. Bruder seinen vorthail auch suchen, ob ehr mit der Zeit der liefländischen steten vnd also der sehe kundigt vnd mechtigt werden möchte, darauss künftigt der ganzen Christenheit sonderlich aber den angesessenen treffliche gefahr entstehen vnd erfolgen wolte. Въ 1571 г., 7-го сентября, Августъ изъ Шенбена ind. Marke писалъ Фридриху, что необходимо исходить дѣла предоставлять Bory: den aussgang Got dem allmechtigen beuhelen, gleichwol aber wirt gutes aufnehmen von nöten sein, wor mit der Moschowiter umbehe vnd das ehr den fuss nicht zu weit ins Reich setze... Dan solte ehr (царь) der stadt Reuel oder andere pässe ahn der seche mechtig werden, zu besorgen, dass ehr jme gelust... lassen wurde, von jaren zu jare weiter zugreifen.

помнить объ интересахъ Германіи и вѣрно сохранять свои прежнія отношенія къ императору и князьямъ; онъ будетъ стремиться лишь къ одной цѣли — освободить Ливонію отъ *шведскаго* владычества. Магнусъ призываетъ Бога въ свидѣтели своей невинности и своихъ всегда благонамѣренныхъ отношеній къ Германской имперіи, ради пользы которой онъ единственно только и рѣшился на союзъ съ царемъ ¹⁾).

Несвицность Магнуса и вынужденное принятіе имъ ливонской короны всего лучше опровергается письмомъ къ Фридриху II Юанна Грознаго отъ 26-го сентября 1579 года Въ немъ мы читаемъ:

„Вашъ братъ былъ у насъ и *просилъ* насъ уступить ему нашу прародительскую землю Лифляндію съ городами Ревелемъ, Ригою и другими, которые еще во власти Швеціи и Польши. Мы Божьей милостью Царь и Великій князь — почтили Вашего брата и сдѣлали его королемъ Лифляндіи, короновали его и обязали вѣрно намъ служить. Магнусъ поклялся намъ въ вѣрности и подтвердилъ свою клятву крестнымъ цѣлованіемъ; онъ обязался вѣрно служить намъ и дѣтиямъ нашимъ и дѣтямъ дѣтей нашихъ противъ всѣхъ нашихъ враговъ; онъ поклялся, что будетъ имѣть съ нами однихъ друзей и недруговъ, за что мы и почтили его и даровали въ наследственное владѣніе Лифляндію, съ городами Ригой, Ревелемъ и др., которые нами еще будутъ покорены. Къ Вамъ, какъ другу и доброму сосѣду, мы посылаемъ пословъ, которые и извѣстятъ Васъ подробнѣе обо всемъ случившемся. По смерти Магнуса правителемъ Ливоніи назначается одинъ изъ датскихъ принцевъ, который долженъ клятвенно присягнуть на вѣрную службу намъ и нашему потомству. Вы — король Фридрихъ — должны быть съ нами въ союзѣ противъ нашихъ враговъ Польши, Литвы и Швеціи и прислать намъ Вашихъ пословъ, которые все нами заключенное должны подтвердить. Если король на это не согласенъ, то въ Ливоніи не бывать королей изъ датскаго дома“ ²⁾).

¹⁾ Дрезд. арх. Магнусъ Ульриху, Оберпаленъ, 25-го іюля 1571... Ob wir woll jre Kays. M. (царя) dienstlich gebetenn, jre Keys. M. vnns mit sollichen hohen ehren (то-есть, пожалованіе въ хорюги Ливоніи) zuuerschonen, haben jre Mait. sollichs vns in nichts erlassen wollen.

²⁾ Дрезд. арх. Переводъ (Ungefährliche verdeutschte translation) письма Грознаго къ Фридриху II, Москва, 1579, 26-го сентября. — Es war bey vns eur Bruder — vnd hatt vns darumb, das ich jne gonnen vund verehren wolte mein vätterlich landt jnn Liffland, die Stadt Riga, Stadt Renell, vund alle die anndern,

Фридрихъ отвѣчалъ Гюзному 5-го апрѣля 1571 года изъ Фридрихсборга. Онъ выражалъ радость и удовольствіе по поводу союза и родства его брата съ царемъ. Онъ желаетъ имъ полного успѣха въ борьбѣ съ Швеціей и Польшей; не смотря на все свое

so noch vbrig seindt jnn Liffland, vnder Polen vnd Schwedenn, vnnnd wir vonn gotts gnaden grosser Herr Keyser — — verehrten eurem Brudern Hertzog Magnus vnnnd machten vnnnd setzten jnen zum Konnige vber Liffland vnnnd krönete vnnnd gab jme aus meynen — — Hand, Das er soll sein vnnnder vns jnn Regimend vnd eur Bruder Konnig vber Liffland, Hertzog Magnus, diss nachfolgendes zu regieren, Ozell, wyck, vnnnd Herr vber die Churische Lande, vnnnd halter vber das Reuelsche gebietze, wan es eröbert, Erbe zu Norwegenn, Hertzog zu Schleswig Holsteinn, Stormarn vnnnd der Dittmarschenn, Graffe zu Oldenburg vnd Delmenhorst, thate vnnssere Keys. Grossmechtigkeit eidtliche huldigung vnnnd kussete das Kreutz darauff, das er soll vnder vnnser Regierung seinn vnnnd vns dienen, vnnnd vnnsern Keyserlichen Kindern, vnnnd derselben Kindern, mit trewen vnnnd Rechtfertigkeit gegen vnnser Vheinde, vnnnd vns beystehen widderall vnnser vnnfreunde vor eins vnnnd wer vnnser Keys. grossmechtigkeit freundt ist, der soll auch K. Herz. Magnus freundt seinn, vnnnd der da ist vnser — — vnfreund, der soll auch Kon. Hertz. Magnus vnfreundt sein, vnnnd wer da ist — — Magnusen freund, der ist auch gleicher gestaltdt mein — — freundt, vnnnd wer da ist — — Magnusen vnfreundt, der ist auch mein vnfreundt, vnnnd verebren also eurem Bruder dem Liffland. Kon. Hertz. Magnuso, vnd gaben jme vnd seinen Kindern vnd Söhnen, erblich vnd endtlich zubesitzenn, vnnser gewonnen landt in Liffland, Stedte, Stad Riga, vnd die Stad Renell, vnd alle die andern so noch vbrig sein jnn Liffland vnter Polenn, Littawen vnd vnnnder dem Schwed. Konnige, sampt allen denn Stedten so gewesen sein, vnnnder euch dem K. zu Denemark vnd verehren euch dem K. zu Denemark. wir vonn vnnser Keys. Grossmechtigkeit, durch endtliche Briefliche verschreibung mit diessen Stedten vnnnder euch, vnd nuhn diese Stedte nicht zu Kauffe vnnnder eurem Bruder — —, das Schloss Pijllhen (?), Schloss Yettualin, Schl. Angermunde, Schl. Dondangen, Schl. Nijuta, Stadt Ambotten, Stadt Aren (?), Kauffstedlein Saken, vnnnd den Stedten jnn Liffland vnnnder eurem Bruder — — zu sein, als jhr jme vnnndergeben vnd nicht zukauffen, Stad Arensburg, St. Sonnenburg, vnnnd jnn Wijkschen Lande die St. Habsell, Schl. Leall, Schl. Lode, Schl. Feckill, Schl. Foltks, Schl. Kast, die St. alte Pernow, vnnnd vnnnder dem Reuelschen gebietze, St. Podeck, Schl. Tegesewr, auff Rensisch Rijuegell vnnnd wir mit diesen Stedten verehren euren Brudern — —, Darauff wir dann vor vnnser Keys. Grossmechtigkeit schicken vnnsern Bottenn zu euch, als vnnserm bestenn vnd warhaftigenn freundt vnd nachbarn. Kon. Fried. zu D., zuuernehmen vnnssere lieb vnd freundschaft an denselben Stedten vnnnder eurem Bruder — — nach vnnser verehrung. Wan eurem Bruder — — mit alter oder schwachheit beladen, oder seine Kinder vnnnd Erben entlich abgingen, als dann soll aus dem Konnigreich D. vnnnd auss keinem anderm Stammen erwehlet werden ein Herre vber die Liffland. Lande, so noch vbrig sein vnd vnnser Keys. Grossmecht. vnd vnnsern Kindern, Keyserlichen söhnen, vnnnd derselben Kindts Kindern, also gehalten, vnnnd durch die Kreutzkhsnnng beschworen werdenn, mit Recht vnd Rechtfertigkeit

желаніе соединиться съ ними теперь-же король этого не можетъ, такъ какъ явился-бы нарушителемъ недавно заключеннаго съ Швеціей мира въ Штеттинѣ. Что Фридрихъ въ письмѣ къ Грозному говорилъ истину, не представляеть никакого сомнѣнія; мы видѣли уже, сколько выгодъ представляло ему поддерживать традиціонную дружбу съ Россіей; по мѣрѣ силъ своихъ онъ помогалъ Магнусу; такъ есть извѣстіе о томъ, что Фридрихъ II велѣлъ отправить въ 1570 году въ Аренсбургъ соли и др. съѣстные принасы. Просилъ Магнусъ у короля и денежной помощи, но оказать ее было трудно именно въ это время, такъ какъ семилѣтняя война съ Швеціей страшно истощила все королевство ¹⁾). По окончаніи этой войны все

zu dienenn, gegen vnser vnd vnser Reiche vheinde, ohne alle argelist vnd betrug, vnd jr Konnig Fr. zu D. wegen vnser Keyn. Grom. mit vnns vereinet sein, wider vnser Polnischenn, Lettowischen vnd Schwedischen vnfrende vor eins zu bestehen, vnd euere gesandten an vnns abzufertigenn, solchs mit vnns endtlich zuschliessenn vnd zubefestigenn, des gleichen auch das anndere Konnige zu D. mit vnnaern geschlecht vor eins stehenn wollen gegen Littowen vnnnd Schweden, wann aber die Konnige aus dem Reich D. nicht vor eins mit beistehen wollenn, so soll auch kein Horre aus D. erwohlt oder angenommen worden zu einem Herrn der vbrigen Lande zu Lifland, vnnnd jr mein wahrhaftiger des freundt vnnnd nachbar, Kon. Fr. zu D., werdet zu vns schicken eure Gesandten vnuerhindert, vnd jnen beuehlenn, da jr mit vnns beständige Nachbar vnd freundschaft vnd Liebe zuerhalten, vnd gegen vnser Poln., Littauw., vnd Schwed. Vnnfremde vor eins beizustehenn geneigt, solchs mit vnns endtlich zubeschlossen vnd zubeuestigenn.

¹⁾ Финансовое состояніе Даніи въ 7-лѣтнюю стѣрную войну было весьма тяжелое, безотрадное. За семь лѣтъ войны государство нарасходовало всего 4.762.380 талеровъ, или ежегодно по 680.340 тал., тогда какъ до войны ежегодный расходъ равнялся 230.330 тал., меньше на 450,010 тал. Расходи, такимъ образомъ, утроились, при чемъ на войско уходило $\frac{2}{3}$ всей суммы, $\frac{1}{3}$ —на содержаніе двора, флота и пр.; такъ что въ общемъ войнѣ поглотила у Даніи 4.176.540 тал. (въ годъ 596.650). Доходы королевства равнялись 100.320 тал. въ годъ, что далеко не хватало на покрытие военныхъ расходовъ. Приходилось прибѣгать къ разнаго рода искусственнымъ мѣрамъ, займамъ и пр., чтобы пополнить недоставашіе 580,020 талеровъ. Одни займы давали въ годъ до 457.000 тал.; деньги ссужали курфюрстъ саксонскій, бюргеры, духовенство, крестьяне, отдѣльные богачи капиталисты, ганзейскіе города. Экстренные налоги доходили до 265.940. Благодаря этимъ мѣрамъ правительство имѣло возможность расходовать ежегодно до 670.420 талеровъ.

Послѣ семилѣтней войны расходы снова уменьшились до 223.700 тал.; такъ что Фридрихъ II могъ, вошедшихъ, дѣйствовать менѣе энергично въ Зундѣ, а имѣть и оказывать помощь своему брату въ Ливоніи. Долги выплачивались медленно, военные расходы окончившейся войнѣ поглотили всѣ государственные доходы за 50 лѣтъ.

вниманіе Фридриха было занято внутренними вопросами королевства; такъ, напримѣръ, вопросомъ о герцогствахъ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ. объ отношеніяхъ къ своему второму брату Іоанну и т. д. Въ виду этихъ внутреннихъ дѣлъ, онъ и не могъ отдаться ливонскимъ дѣламъ и вообще внѣшней политикѣ съ тою энергіей, какъ-бы онъ самъ желалъ; эти внутреннія дѣла—единственная причина кажущейся только безучастности его къ балтійско-московскому вопросу. Это обыкновенно упускаютъ изъ вида и готовы думать, что Фридрихъ II совершенно игнорировалъ ливонскія событія. На самомъ-же дѣлѣ этого не было. Могъ-ли онъ съ свойственной ему энергіей думать о Магнусѣ, когда отношенія его къ Адольфу голштинскому ухудшились на столько, что послѣдній сталъ искать возможности захватить себѣ норвежскую корону? Окончились эти натянутыя къ Гольштейнѣ отношенія въ 1580 г., когда умеръ Іоаннъ Младшій и когда Фридрихъ II окончательно подѣлилъ герцогство между собою и Адольфомъ. Отстранены были эти внутреннія, семейныя смуты въ Гольштейнскомъ домѣ—и мы снова видимъ, съ какимъ участіемъ Фридрихъ II относится къ ливонскому вопросу, какъ его озабочиваютъ успѣхи польскаго короля, введеннаго въ Ливонію іезуитовъ и покровительствовавшаго имъ, какъ онъ старался отстоять свои владѣнія на Эзелѣ и противоположащемъ материкѣ. И не смотря на то, что Фридрихъ II былъ занятъ у себя внутренними дѣлами, мы увидимъ, что онъ время отъ времени снова обращался на востокъ, входилъ въ переговоры съ имперскими князьями по ливонскому вопросу и т. д. Еще въ 1571 году—лѣтомъ—есть извѣстіе о сильныхъ вооруженіяхъ на сушѣ и на морѣ, дѣлаемыхъ въ Даніи; о цѣли ихъ иностранные послы ничего опредѣлительнаго сказать не могли, но очень вѣроятно, что они готовились для защиты датскихъ владѣній въ Ливоніи, для защиты датско-норвежской торговли ¹⁾.

Союзъ Магнуса съ Москвою сдѣлался также однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ на шпейерскомъ рейхстагѣ, открытомъ императоромъ Максимилианомъ II 13 июля 1570 года ²⁾. Цѣль созыва этого рейхстага заключалась въ примиреніи протестантовъ съ католиками, въ разсмотрѣніи судьбы кальвинистовъ и турецкаго вопроса ³⁾. импера-

¹⁾ Данцигскій архивъ.

²⁾ *Häberlin*, VIII, 74 и д. *Hiörn*, 276.

³⁾ Ср. *Ritter*, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges*. 1555—1648. Stuttgart, 1889, I, 432.

торъ явился на рейхстагъ въ сопровожденіи своихъ сыновей, трехъ духовныхъ курфюрстовъ и одного свѣтскаго—пфальцграфа Фридриха; Августъ Саксонскій прислалъ вмѣсто себя шесть депутатовъ, среди которыхъ главное мѣсто занималъ Генрихъ Людовигъ фонъ Эберштейнъ. Курфюрстъ Бранденбургскій также послѣдствіе болѣзни не могъ лично присутствовать на рейхстагѣ; среди его четырехъ представителей выделялся Георгъ Гансъ Путлицъ. Въ Шпейеръ явились и представители отъ Польши, отъ ганзейскихъ городовъ, герцога прусскаго, администратора прусскаго ордена и короля датскаго. Каждый изъ нихъ представлялъ собранію положеніе дѣлъ въ Ливоніи съ точки зрѣнія своей выгоды ¹⁾. Представители отъ администратора прусскаго ордена ²⁾ указывали, между прочимъ, на большую опасность для Германской имперіи отъ союза датскаго принца съ московскимъ царемъ; долѣ имперскихъ князей и самого императора принять участіе въ судьбѣ Ливоніи и настоять на удаленіи изъ нея всѣхъ иноземныхъ войскъ ³⁾. Польскіе послы добились на рейхстагѣ отдѣльной аудіенціи у императора и въ сильныхъ выраженіяхъ представили полную ужаса картину московскаго господства въ Ливоніи; осуждали поступокъ Магнуса, рѣшившагося на союзъ съ Москвою; сношеній иностранныхъ государей съ Москвою только усиливаютъ этихъ варваровъ московитовъ, ихъ пираты теперь уже появляются на Балтійскомъ морѣ; пусть всѣ имперскіе князья выйдутъ въ эти обстоятельства, и они увидятъ, какая опасность грозитъ всей Германской имперіи. Ливонскія событія—это общее дѣло всѣхъ государей; они поэтому должны общими усиліями добиться прекращенія торговыхъ сношеній съ русскими Любека и др. городовъ. Теперь же, съ союзомъ Магнуса съ Москвою—Ливонія на вѣчныя времена отпадаетъ отъ Германской имперіи и становится датско-московскою провинціей ⁴⁾.

Уполномоченные отъ германскаго императора въ Штеттинѣ также прислали въ Шпейеръ донесеніе о ливонскихъ дѣлахъ ⁵⁾. Всѣ они вы-

¹⁾ Дрезденскій архивъ заключаетъ въ себѣ интересныя данныя для разбора рейхстага.

²⁾ Supplication an die Rom. K. M. vnsern allergnedigsten Herrn, hern George Administrator, den vberlestigen Zustandt der landt Lieffhandt betreffendt. Lectum Nou.

³⁾ Liffendische Reuss Handlung aufm Reichstage zu Speyer.

⁴⁾ Koenrgr. арх. Лифляндія, 26.

⁵⁾ Extract auss der Kays. Commissarien Schreiben aus Stettin, 13 oct 1570. lectum 11 Nou.

ражаютъ опасеніе, какъ-бы москвитамъ не удалось захватить Ревель; владѣи такимъ важнѣйшимъ приморскимъ пунктомъ, московскій царь будетъ полнымъ властителемъ Балтійскаго моря; отъ Ревеля ему всего 3 дня пути до Помераніи и др. имперскихъ земель и опъ съ свойственной ему страстью къ приобрѣтеніямъ и завоеваніямъ не ограничится одною Ливоніей; весь союзъ его съ Магнусомъ и предпринять главнымъ образомъ изъ желанія добиться господства на Балтійскомъ морѣ, доступна къ нему своихъ подданныхъ и расширенія своихъ владѣній вдоль приморской полосы восточной Балтики ¹⁾. Если московскій царь добьется этого, то онъ будетъ абсолютнымъ господиномъ всего сѣвера Европы. Въ виду всего этого необходимо снарядить посольство въ къ Магнусу и къ московскому царю и потребовать отъ нихъ, что-бы они оставили осаду Ревеля ²⁾. Магнусу слѣдуетъ поставить на видъ, что онъ—какъ голштинскій князь—ленникъ императора, а потому и не имѣетъ права признавать надъ собою ленное господство Москвы; къ тому-же ему слѣдуетъ указать, что московскій царь мало заботится о его интересахъ; какъ скоро онъ достигнетъ своей цѣли—господства на Балтійскомъ морѣ—онъ уже и не будетъ цѣнить союза съ Магнусомъ. Дѣла приняли въ сѣверной Европѣ такой угрожающій характеръ, что всѣмъ приморскимъ городамъ слѣдовало-бы укрѣпить свои гавани и крѣпости ³⁾.

Длинное донесеніе датскихъ пословъ ⁴⁾ заключало въ себѣ оправданіе ихъ короли въ обвиненіяхъ, взыденныхъ на него за союзъ съ Россіей и сочувствіе начинаніямъ Магнуса. Послы возражали противъ того, будто-бы Фридрихъ II дѣйствовалъ въ Ливоніи за-одно съ московскимъ царемъ, помогать деньгами и войскомъ Магнусу, оказывать въ спомъ королевствѣ покровительство московскимъ пиратамъ. Они заявили представителямъ рейхстага, что датскіе короли съ незапамятныхъ временъ были въ дружескихъ отношеніяхъ съ московскими князьями, заключали съ ними договоры, и никто отъ этого не страдалъ. Соприкасаясь въ своихъ владѣніяхъ съ московскимъ государ-

¹⁾ dadurch dan die Moscowiter einen freien pass zu der Ostsee vnd daruber zu dominiren erlangen mochten.

²⁾ denn Liefeland dem Reich vnuermeynlich zugehörig.

³⁾ Дрезден. арх. Es hetten auch Ire Mai. den Ständen des heil. Reichs zu befehlen ire Portus an der Ostsee mit gutter Behutt zu bewahren vnd zuuersehen.

⁴⁾ Der Königl. Dhenischen Commissarien antwort vnd gegenbericht auff die fürgehaltene zeitung vnd erjnnernung der hern Kays. Königl. vnd Churfurst. Commissarien. lectum 9 und 10 Nou. Къ этому акту присоединено 12 приложеній.

ствомъ, датскій король высоко цѣнить дружбу и миръ съ нимъ; они обезпечиваютъ за норвежцами полную безопасность. Еслибы король норвалъ свои дружескія отношенія къ Москвѣ, его подданные въ Норвегій много пострадали-бы. Защитить ихъ королю было-бы очень трудно въ виду отдаленности его столицы отъ сѣверной Норвегій. Если союзъ съ московскимъ государемъ кажется нѣкоторымъ правителямъ Европы предосудительнымъ, то что-же сказать о тѣхъ, которые заключаютъ дружескіе договоры съ турецкимъ султаномъ¹⁾.

Не отъ московитовъ тернить приморскіе государи и города, а отъ польскихъ пиратовъ; на нихъ жаловались и Любекъ, и Померанскіе города, къ нимъ присоединяется теперь и король датскій. Все же, что распускаютъ о московскихъ пиратахъ преувеличено, о нихъ даже и не слышно на Балтійскомъ морѣ²⁾. Если-же въ Копенгагенѣ и скрывались нѣкоторые изъ нихъ, то это не можетъ быть вытѣнено въ виду королю: въ Копенгагенѣ лѣтомъ, при громадномъ стеченіи иностранцевъ, трудно за всѣми услѣдить; можетъ быть, въ городѣ и скрывалось нѣсколько русскихъ.

Представители Любека, которые, согласно своей инструкціи, должны были главнымъ образомъ отстаивать свободу нарвскаго плаванія, указывая на стѣсненіи, претерпѣваемыя ими отъ шведскаго и польскаго королей³⁾. Любекъ, хотя и имперскій городъ, но лишенъ всякой свободы на Балтійскомъ морѣ, почему городской совѣтъ его и обращается

¹⁾ Die Könige von Dennemarck haben von *undenklichen jaren* hero also lang Dennemarck vnd Norttwegen vnder einem hern gewesen, vnd zuuor die Konige zu Norttwegen fur sich selbst mit dem Muscawittischen Grossfursten friedensbunduuss gehabt vnd gehalten, wie auch nach oder(?) niemandts zuwider oder nachteil, vnd ist die K. M. zu Dennemarck — — hoch vnd viel daran gelegen, das solche friedtsbunduuss vnuorrückt bleibe, so fern Ihre Maiest. derselben arme vnderthanen des orts oder auch des gantzen reich Norttwegen wider jhr gewissen, vnd wagentdt(?) Kon. Ampt, ohne not, nicht wollen in eusserste gefahr vnd vorderbe setzenn, welches jhm souiel desto weniger von Ihrer May. zu uerheugen, alsz mehr es war ist, das berurte ortt der Nordwegischen vnd Muscawitterischen Grenitz von Coppen lagen in die 300 meilen abgelegen ist, vnd desshalben in eil wenig entsatzung daher zugewarten hatt, vnd ist nicht neu, das Christliche Potentaten dergleichen fridtsbunduuss mit dem allerhessigsten feinde, dem Turcken machen vnd halten.

²⁾ das man von dieser zeit in der Ostsee von Muscawitterischen freibeutter nichts gehört oder gewust habe.

³⁾ Eines erbarn Rathis der Stadt Lubeck gesandten Anttwortt, auf der hern Commissarien gethane Proposition wegen des Grossfursten Freibuttereij vnd anderen Lieffendischen angebrachter handel. Lectum, 10 Nouemb.

за помощью къ императору и князьямъ, чтобы добиться своихъ прежнихъ привилегій и выйти изъ своего стѣсненнаго положенія.

Затѣмъ представители Любека замѣтили, что хотя московить и опасный врагъ, по Германіи не слѣдуетъ изъ-за частныхъ интересовъ нѣкоторыхъ округовъ начинать съ нимъ войну, тѣмъ болѣе, что война съ нимъ Германіи не по силамъ ¹⁾; враговъ Германія найдетъ и въ Даніи, и въ Польшѣ, и въ Магнусѣ. Изъ тому же московскій царь *никогда* еще не обнаруживалъ вражды къ имперіи ²⁾. Политическое положеніе имперіи такъ ненадежно, что, по мнѣнію Любека, ей невозможно брать на себя еще новыя обязательства. Майнцскій депутатъ также поднялъ вопросъ о Любекѣ; городъ этотъ, говорилъ онъ въ своемъ депешеніи, лежитъ у самаго Балтійскаго моря, составляющаго владѣніе императора; при свободномъ плаваніи на этомъ морѣ Любекъ производитъ широкіе торговые обороты, выгодные и имперіи; а теперь-же вся торговля города, его жизненный нервъ, уничтожена благодаря Швеции и Польшѣ, плуты которыхъ слѣдятъ бдительно за тѣмъ, чтобы никого не допустить до плаванія въ Нарву.

Вотъ съ какими противорѣчивыми донесеніями императору и князьямъ пришлось считаться. На рейстагѣ по рукамъ ходило любопытное разсужденіе на тему „о страшномъ вредѣ и великой опасности для всего христіанства, а въ особенности Германской имперіи и всѣхъ прилежащихъ королевствъ и земель, какъ скоро московить утвердятся въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ“ ³⁾. По враждебному тону къ Россіи, которымъ это разсужденіе проникнуто, можно предположить, что авторъ его—ливонецъ, шведъ или полякъ; это подтверждается еще и тѣмъ, что удовольствіемъ, какое обнаруживается авторомъ къ русской политикѣ Фридриха II и Магнуса, полятикъ совершенно „своекорыстной“.

Начинается наше любопытное разсужденіе съ положенія, что уже издавна сношенія западныхъ народовъ съ варварскими націями запрещались подъ страхомъ высокихъ пеней и даже казни; варварамъ нельзя было доставлять ни оружія, ни военныхъ снарядовъ, ни матеріаловъ для постройки кораблей. Теперь же, не смотря на такое запрещеніе, московскому царю доставляютъ изъ Германіи, а въ осо-

¹⁾ Ср. Koch, II, 55. Wegen etlicher Particular Stände einen so mächtigen Potentaten anzugreifen.

²⁾ Nie als offener Reichsfeind declarirt.

³⁾ См. Акты и Письма, № 10. Оригиналъ въ Берл. арх.

белости изъ Франціи, Англіи, Шотландіи и Шидерландъ, разнаго рода оружіе, панцири, мечи, алебарды и пр., а также и съѣстные припасы, соль, сельдѣй, патоку, разныя вина, подки и припоси. Всего важнѣе для русскихъ—соль; не получая ее въ такомъ количествѣ отъ западныхъ народовъ, они бы не могли продолжать войны и скоро запросили бы мира. Въ Москву провозятъ кромѣ того разнаго рода полотна, шелковыя и бархатныя матеріи. Русскіе, до этого не умѣвшие выдѣлывать никакихъ тканей, теперь сами научаются всему и, конечно, разбогачиваются. Много доставляютъ царю и золотой и серебряной утвари, драгоценныя металлы въ Германіи истощаются и сильно поднимаются въ цѣнѣ. Не имѣетъ царь недостатка и въ мѣди, оловѣ, свинцѣ, сѣрѣ, селитрѣ, пуляхъ и порохѣ,—эти предметы въ избыткѣ привозятся въ Россію изъ сосѣднихъ государствъ; скоро московскій князь столько соберетъ военныхъ снарядовъ, что будетъ сильнѣе всѣхъ другихъ. Всего же опаснѣе то обстоятельство, что многіе государи доставляютъ московитамъ опытныхъ кораблестроителей, знающихъ морское дѣло и искусныхъ въ сооруженіи гаваней, портовъ, бастионовъ и крѣпостей, затѣмъ оружейныхъ мастеровъ, умѣющихъ лить пушки, готовить порохъ, бумагу, прополоку, строить полпривальныхъ мельницы, наконецъ и разныхъ другихъ мастеровъ, красильщиковъ и опытныхъ моряковъ, которыми хорошо знакомо Балтійское море, его теченіе, гавани и пр. Всѣ эти сношенія Европы съ царемъ придали ему мужества, и онъ такъ уже усилился, что всѣ сосѣднія государства должны его страшиться. Теперь всѣ его стремленія клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться господиномъ Балтійскаго моря; достигнуть этого ему не трудно, вонеримыхъ, въ виду изобилія лѣса въ Россіи для постройки кораблей, желѣза для литья якорей и различныхъ другихъ матеріаловъ для корабельныхъ снарядовъ, парусовъ, талька, дегтю и т. д. Къ тому же страша его изобилуетъ населеніемъ, и онъ безъ труда наберетъ людей для экипажа. Русскіе—крѣпкіе, сильные и отважны и, навѣрно, будутъ отличные мореходцы. Много у царя и купеческихъ товаровъ, такъ что онъ можетъ повести мѣшную торговлю съ иностранными государствами и отъ нихъ получать все нужное.

Въ виду всего этого, говоритъ авторъ „Diskurs'a“, не найдутъ никакого оправданія тѣ государи, которые ко вреду всего христіанства, а въ особенности Германіи, поддерживаютъ гибельныя сношенія съ московскимъ царемъ и посылаютъ въ Нарву своихъ торговыхъ людей. Сильный подрывъ будетъ нанесенъ всѣмъ прибалтійскимъ городамъ

и государствамъ, какъ скоро московскій царь завяжетъ самостоятельныя торговыя сношенія съ Западною Европою, на своихъ корабляхъ станетъ доставлять на западъ продукты и произведенія своей страны. Сразу сократятся доходы нѣмецкихъ княжествъ, а вслѣдствіе этого и доходы всей имперіи; на ярмаркахъ не будетъ прежняго оживленія, поднимутся въ цѣнѣ всѣ товары, тысяча людей, занимавшихся раскладкою и разпозкою товаровъ, останется безъ занятія и заработка. Прежній торговый путь черезъ Люблинъ, Варшаву, Познань и Бреславль въ Австрію, а оттуда въ Лейпцигъ—потеряетъ свое значеніе. Значеніе ганзейскихъ городовъ, имѣвшихъ свои „конторы“ и „резиденціи“ въ многочисленныхъ городахъ Европы—Лондонѣ, Брюгге, Бергенѣ, Новгородѣ—сведется къ полному ничтожеству, какъ скоро царь сдѣлается господиномъ Балтійскаго моря. Страшно вспомнить о судьбѣ новгородской конторы, продолжаетъ нашъ авторъ; царь какъ варваръ и язычникъ поступилъ съ нѣмцами: однихъ онъ сослалъ, другихъ размѣстилъ по тюрьмамъ. Послѣ этой катастрофы нѣмцы сосредоточили свою торговлю въ Ревелѣ и отсюда внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не обходилъ этого стратегическаго пункта; не ѣздилъ ни въ Выборгъ, ни въ Нарву, ни въ другія гавани и не доставлялъ русскимъ *запрещенныхъ* товаровъ; и что же: не смотря за запрещенія, не смотря на угрозы—нѣмцы сносятся съ москвитами, и эти варвары, безчеловѣчнѣе турокъ, получаютъ все нужное и ко вреду христіанства усиливаются!

Сожалѣнія достойно, что своекорыстіе на столько всѣмъ овладѣло, что ради собственныхъ выгодъ позабываютъ объ общемъ благѣ; руководимые единственно такими низкими чувствами, люди ввѣряются царю, который никогда не сдерживалъ своего слова, своей клятвы даже по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ заключалъ договоры и союзы; достаточно вспомнить его расправу съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ, Кіевомъ, Полоцкомъ и Дерптомъ, его постонокъ съ Вильгельмомъ Фюрстенбергомъ, у котораго онъ отнялъ Нарву, Fellinъ и большую часть Ливоніи. Можетъ ли понимать силу клятвы, силу честнаго слова тотъ, въ комъ нѣтъ ни истинной религіи, ни чести, ни воспитанія ¹⁾).

Отъ такого тираниа императоръ и князья должны оградить себя и не забывать, что ихъ ожидаетъ, какъ скоро царь снарядитъ многочисленный флотъ и высадится съ нимъ гдѣ-нибудь въ Ливоніи,

¹⁾ Акті, стр. 18.

Пруссіи или Помераніи, произведетъ опустошеніе, отисдеть людей и корабли. Всѣ сосѣднія государства поймутъ опасность для себя, когда царь овладѣетъ всею Ливоніей, ся прекрасными гаванями. до этого какъ стѣна, защищавшими Западную Европу отъ вторженія варваровъ. Чего онъ не добился открытою силою, онъ легко достигнетъ хитрыми „практиками“ и подкупами. При пожарѣ сосѣдняго дома надо заботиться, какъ бы не сгорѣлъ собственный домъ. „*pe quod mihi hodie cras tibi*“. Царь умѣетъ награждать довѣрчивыхъ нѣмцевъ! Онъ какъ нельзя лучше „водитъ ихъ за носъ“ и въ концѣ концовъ отправить противъ турокъ, гдѣ всѣ они погибнуть, а въ завоеванные города онъ вмѣсто нѣмцевъ отправитъ словъхъ „звѣрскихъ“ подданныхъ, какъ онъ сдѣлалъ съ Новгородомъ.

Быть можетъ, скажутъ нѣкоторые, судьба Ливоніи не можетъ интересоватъ Пруссію, Померанію или вообще Германію; этой последней нечего опасаться усиленія Москвы; они забываютъ, однако, совершенно, что царь, усилившись въ Ливоніи, захочетъ распространить свои владѣнія дальше и непремѣнно столкнется съ нѣмецкими прибалтійскими княжествами. Если московскій царь въ настоящее время въ дружбѣ съ датскимъ королемъ, то только изъ своекорыстныхъ видовъ: черезъ Зундъ онъ теперь можетъ посылать свои корабли во Францію, Англію и Нидерланды и оттуда вывозить нужные ему товары. Своекорыстные интересы связывали царя и съ Шведціей. Чтобы безпрепятственно воевать Ливонію, царь заключилъ миръ съ турками и татарами. Союзъ царя съ турками грозитъ совершенною гибелью Европѣ.

Все это говорилось авторомъ для того, чтобы императоръ и князья не забывали Ливоніи. больше заботились о ней, чѣмъ до настоящаго времени, не допускали сношеній западныхъ государей съ Москвою. Отъ наръской торговли всего больше терпитъ польскій король; онъ поставилъ на морѣ нѣсколько военныхъ кораблей, которые должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы къ русскимъ не провозили запрещенныхъ товаровъ. Успѣшнымъ дѣйствіямъ поляковъ пренитетствуютъ датчане, захватывающіе польскихъ спекуляторовъ и доставляющіе ихъ въ Копенгагенъ. Данія всего важнѣе было бы вынудить, чтобы она отказалась для общей пользы отъ сношеній съ русскими. Данія ничего не потеряетъ отъ того, что стапельнымъ пунктомъ сдѣлается Ревель. Союзъ съ московскимъ царемъ навлечетъ на короля только неудобольствіе и вражду всего христіанскаго міра. Другое дѣло польскій король: онъ имѣетъ въ виду единственно только общую пользу; ради

нея онъ готовъ даже отказаться отъ своихъ владѣній въ Ливоніи, какъ скоро ему заплатятъ за всѣ военные расходы.

Всѣ европейскіе государи должны бы дѣйствовать съ такимъ же безкорыстіемъ, соединиться для общаго блага и спаси Ливонію. Изъ исторіи видно, какъ не прочны были всѣ союзы, заключенные съ Москвою. Датскій король долженъ былъ бы послѣдовать примѣру Іоанна I, который отвергнулъ союзъ и сближеніе съ Москвою (!); его обязанность остановить и Магнуса, предупредить роковой шагъ къ сближенію съ царемъ и убѣдить его, что цѣль царя при помощи Магнуса утвердиться въ Ливоніи и на Балтійскомъ морѣ; слѣдуетъ, наконецъ, предупредить разъединеніе, замѣчаемое между Польшей и нѣмецкими князьями, потому что чѣмъ согласнѣе всѣ будутъ дѣйствовать, тѣмъ труднѣе будетъ царю достигнуть господства на морѣ. Если Магнусъ не измѣнитъ своей политики, онъ навѣдетъ себѣ прагю на всѣхъ прибалтійскихъ государяхъ, которые не пожелаютъ долѣе сносить держимыхъ наустунковъ московскихъ пиратовъ; главный изъ этихъ пиратовъ—Карстенъ Роде—имѣетъ свободный доступъ въ датскую столицу, закупаетъ тамъ корабли и затѣмъ захватываетъ попадающіеся ему на встрѣчу торговые суда; такъ онъ недавно захватилъ нѣсколько данцигскихъ кораблей. Другой нѣмецъ—Сильвстръ Франкъ—вѣтъ изъ Даніи помощъ Магнусу и москвитамъ въ Аренсбургъ. И это не изирая на то, что въ силу договора 1563 года Данія обязана помогать Польшѣ противъ Москвы, воевать съ царемъ, какъ врагомъ всего христіанства, препятствовать гибельной для всѣхъ нарвской торговлѣ и преслѣдовать московскихъ пиратовъ. Ганзейскіе города, настаивающіе на свободѣ нарвской торговли, должны бы понять, что въ концѣ концовъ она обратится къ ихъ же гибели, такъ какъ создастъ Россіи флотъ и моряковъ. Въ старину вся восточная торговля производилась въ Ревелѣ; въ 1299 г. магистръ даровалъ ганзейскимъ городамъ особыя привилегіи въ этомъ городѣ. Исторія показываетъ, что ганзейскіе города не дѣйствовали прежде крѣпко, не преслѣдовали каждый своихъ интересовъ; они были сильны своимъ единствомъ, помогали своимъ собратьямъ въ Ливоніи, оберегали ихъ отъ русскихъ. Теперь по винѣ городовъ христіанская провинція снова подпадаетъ подъ власть варваровъ, не смотря на все ея желаніе остаться въ зависимости отъ императора и имперіи. Царь сразу подмѣтилъ несогласіе, возникшее между ливонскими и ганзейскими городами, съ высокоуміемъ принялъ посольство любчанъ, съ презрѣніемъ отвергъ предложенія ливонскихъ пословъ; между тѣмъ

не далѣе какъ 68 лѣтъ назадъ Любекъ помогъ ордену добиться мира съ Москвою, нарушеннаго только настоящею губительною войною. Какъ-то не вѣрится, чтобы Любекъ, теперь допускающій московитовъ къ утверждению на Балтійскомъ морѣ, когда-то готовъ былъ объявить войну голландцамъ только вслѣдствіе ихъ желанія пріѣзжать въ Балтійское море, пользоваться балтійскою торговлею, что грозило подорвать благосостояніе ганзейскихъ городовъ. Какъ теперь согласить съ такимъ поведеніемъ Любека его просьбы и мольбы къ императору — не допускать сношеній съ Москвою французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ и другихъ купцовъ; запрещая другимъ государствамъ торговлю съ русскими, Любекъ самъ доставляетъ въ Москву все, что необходимо русскимъ, помогаетъ имъ въ войнѣ и содѣйствуетъ ихъ усилению. Съ нарвскимъ плаваніемъ въ Россію стали ѣздить ремесленники, обучающіе русскихъ разнаго рода издѣліямъ, которые прежде шли въ Россію изъ Европы. Мало по малу русскіе уже не будутъ пужаться въ европейскихъ издѣліяхъ. Выходить, такимъ образомъ, что европейскіе государства себѣ же вредятъ; торговля сношенія ихъ съ русскими сдѣлаютъ русскихъ равными имъ, и Россія будетъ страна для своихъ соседей—Швеціи и Польши. Въ предупрежденіе этого слѣдуетъ разрѣшить ганзейскимъ городамъ пользоваться правомъ торговли въ ливонскихъ городахъ, закрыть, запретить нарвскую торговлю. „Всевышній не оставитъ вѣмцевъ своею помощію“.

Вотъ—краткое содержаніе знаменитаго „дискурса“ о московитахъ. Онъ весь проникнутъ несправедливою и непримиримою враждою къ Россіи; авторъ не постѣснился по мѣстамъ жертвовать и историческою истиною ради своей тенденціи; это полонофилъ, пруссакъ или бранденбуржецъ, имѣющій въ виду только и единственно интересы Польши и прусскихъ городовъ. Пусть-ка онъ въ ходъ свое разсужденіе съ цѣлью остановить нарвское плаваніе, прекратить сношенія западныхъ народовъ съ московитами. Авторъ не достигъ своей цѣли; его попытка испугать Западную Европу—уже не первая, и всѣ они оканчивались неудачею.

Всего менѣе обратилъ вниманіи на „дискурсъ“ императоръ Максимиліанъ II.

Максимиліанъ II съ самаго вступленія своего на престолъ внимательно слѣдилъ, какъ мы видѣли, за событіями на Балтійскомъ морѣ и Скандинавскомъ сѣверѣ. Онъ не желалъ допустить отпаденія Ливоніи отъ Германской имперіи. Онъ понималъ всю паж-

ность сохранить плініе на всемъ южномъ и восточномъ побережьи Балтики. Выслушавъ всѣ представленія о ливонскихъ дѣлахъ—онъ, безъ сомнѣнія, сумѣлъ замѣтить небольшую долю истины въ докладахъ польскихъ и прусскихъ пословъ, какъ и своихъ уполномоченнымъ изъ Штеттина. Сознавая, какъ важны для имперіи торговля сношенія съ русскими, онъ никакъ не могъ согласиться съ необходимостью закрытія нарвскаго плаванія, и датскіе и любекскіе послы находили у него болѣе сочувствія, нежели послы Сигизмунда II Августа или Іоанна III шведскаго. Онъ видѣлъ, что какъ скоро Любекъ лишень будетъ права торговать съ русскими, этою торговлею завладѣють иностранцы и въ убыткъ останутся его же подданные. Союзъ Магнуса съ Грознымъ, кажется, не испугалъ его, и онъ поддерживалъ, какъ извѣстно, мирныя отношенія съ Россіей, отъ которой не переставалъ надѣяться получить помощь противъ турокъ. Ничего опредѣленнаго на шнейперскомъ рейхстагѣ въ пользу ливонцевъ или вѣрнѣе Польши—не достигли. Важность представленій на этомъ рейхстагѣ о ливонско-литовскихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе, очень велика; Максимиліанъ II, ближе ознакомившись съ положеніемъ дѣла на сѣверо-востокѣ Европы, съ болѣе явнымъ интересомъ сталъ относиться ко всѣмъ событіямъ въ этой мало знакомой части Германской имперіи.

Послѣ Штеттинскаго мира Максимиліанъ II уже рѣшительнѣе хлопоталъ за Любекъ и другіе города и требуетъ, чтобы плаваніе на Нарву было свободно. Онъ составилъ любопытный планъ сдѣлать Германскую имперію морскою державою. Всѣ государства, владѣя береговыми линіями, имѣютъ на моряхъ своихъ адмираловъ, которые наблюдаютъ за ихъ правами и интересами, римская же имперія, омываемая столькими морями, лишилась всякаго значенія на морѣ; она не имѣетъ ни гаваней, ни флота; отсюда и торговля ея не производится въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Императоръ долженъ платить большія деньги за товары, получаемые имъ при посредничествѣ иноземныхъ купцовъ. Имперскіе города лишаются своихъ прежнихъ торговыхъ льготъ и привилегій, и иностранные государи захватываютъ въ свои руки и самую прибыльную торговлю съ Москвою ¹⁾. Изъ такого ненормальнаго положе-

¹⁾ Konenr. arch. Liff. 27. Extr. der K. M. Gesandten Resolution schreibens, dat. 9 sept. 1570. Was der K. von Polen auff itzigem Reichstage suche und furdere wider vns Herrn Hertzoge Magnum und sonsten der freyen schiffart halben, solchs haben E. K. M. hierneben auch auss dem extract Doctor Vehlings schreibens an die von Lubeck gnedigst zuerfaren. *Extract. Ex graunoneinibus quae Regis Polo-*

нія дѣлъ Максимилианъ хотѣлъ выйти; онъ рѣшилъ, поэтому, назначить особаго адмирала на Балтійскомъ морѣ, съ тѣмъ чтобы онъ возстановилъ на немъ прежнее положеніе дѣлъ и, наблюдая за интересами имперскихъ городовъ, обо всемъ доносилъ. Адмиралу слѣдовало заняться розысканіемъ такихъ вопросовъ, какъ напримѣръ относительно права плаванія и торговли на Балтійскомъ морѣ имперскихъ городовъ въ прежнія времена, относительно прерогативъ самихъ императоровъ на этомъ морѣ, какъ далеко простиралась власть императора, каковы были причины упадка императорскаго авторитета въ тѣхъ мѣстностяхъ и какія, по его мнѣнію, слѣдовало-бы предпринять мѣры, чтобы снова утвердить вліяніе императора на Балтійскомъ побережьи. Съ запасомъ такихъ свѣдѣній императоръ имѣлъ въ виду поднять балтійскій вопросъ сначала на рейхстагѣ, а затѣмъ и на деютаціонстагахъ, всесторонне рассмотреть его вмѣстѣ съ членами имперіи, дать ему ту или другую форму и тотчасъ приступить къ возстановленію значенія Германской имперіи на Балтійскомъ морѣ. Главною цѣлью при назначеніи новаго административнаго лица на Балтійскомъ морѣ было поддержать репутацію и права императора на

niae Commissarij danicis proposuerunt. Ill-mus Dux Magnus, ser. mi Daniae Regis frater, conjungit se cum Moscho hoste omnium communi, idque fortasse non sine ser-mi Daniae Regis scientia. Notandum, Articulo V adiectum fuisse, famam increbescere, Reualiam a Duce Magno obsideri, quae ad Polonos ex foedere redire debeat.

Extract aus der K. M. gesandten vberackichten protocollu vom 10 biss auff den 21 sept. war da furgelassen sein. — Im grundt ist es hierumb also geschaffen das die Polnischen gesandten sollen anfenglich bey dem hertzogen Pommern folgendes auch bei den andern Keys. Commissarien, aufsonderliche erlangte Audients gar hoch vnd hefftig Hertz. Magnus verstendnuuss mit dem Moscowitter vnd. S. F. G. gegenwertige expedition in Lieflandt dessgleichen die Moscowittische Freybuterey auff der Ostsee angezogen, vnd was fur eine gefahr diesen aureinenden landen vnd letzlich dem gantzen Rom. Reich deutscher Nation darauff stunde, den Herrn zu gemuete gefuret, vnd dabey gesucht haben, diesem angehenden fewr als einer gemeinen sachen bey zeiten zu weren, vnd das es eine notturfft sein solle, solchs an alle stunde auf gemeinen Reichstage zu Spoier versambltet, gelangou zulassen, bey gehörtem furbringen, so wol der Mosch. verstendnuuss, als der freibutereij halber hette ein schwerer Verdacht Ewer K. M. vnd von wegen der freibutereij auch denen von Lubeck, durch die Polnischen wellen zugeschoben werden.

Dies ist an den kon. Fiscal nach Dantzig geschickt, welcher es ferner an die Herrn Kon. Commissarien vbersandt, dieselbe es der Rom. Keys. M. commissarien vnd Rethen verreichen lassen.

южномъ и восточномъ берегахъ его. При адмиралѣ должны были находиться 4 комиссара¹⁾).

Таковы были намѣренія Максимилиана II относительно Балтійскаго вопроса. Живно интересуясь имъ, императоръ, однако, далѣе плановъ ничего не сдѣлать. въ чемъ, впрочемъ, не его вина. Положеніе германскаго императора становилось все затруднительнѣе, пока не рѣшенъ былъ религіозный вопросъ, волновавшій имперію, и пока Испанія имѣла такое сильное вліяніе на австрійскую вѣтвь Габсбургской линіи: она тянула Германію на религіозную борьбу, на борьбу съ Турціей; она закликала ее не дѣлать уступокъ протестантамъ; а всѣ прибалтійскіе княжества и города были ревностными сторонниками лютеранства. Затѣмъ — авторитетъ императора былъ слишкомъ ничтожнымъ; территоріальная княжеская власть все расширялась, и императоръ всецѣло находился въ ея рукахъ; между князьями же не было согласія: одни были за Любекъ и Данію, другіе за Швецію. Императоръ во всѣхъ своихъ планахъ наталкивался на ихъ упорство; политическая ограниченность князей, или, какъ проницательно замѣчаетъ одинъ историкъ, ихъ слишкомъ всеохватывающая ширина — вотъ что, между прочимъ, мѣшало улучшиться и строю всей имперіи.

Доля вины падаетъ и на личныя качества Максимилиана II. обнаруживавшаго и во внѣшней политикѣ не больше твердости, послѣдовательности и систематичности, чѣмъ по внутренней. И тутъ на всѣхъ предпріятіяхъ его лежить отпечатокъ нерѣшительности, мелочности и своекорыстія. Нѣмецкихъ, общенациональных интересовъ онъ не понималъ и упускалъ не разъ случай воспользоваться политическими комбинаціями въ сосѣднихъ государствахъ ради интересовъ имперіи; такъ, внутреннія неурядицы во Франціи давали ему возможность возвратити Германіи нѣсколько присвоенныхъ Франціей епископствъ; въ борьбѣ Испаніи съ Нидерландами ему слѣдовало бы рѣшительно стать на сторону возставшихъ штатовъ и тогда бы ему, весьма вѣроятно, удалось лишить испанскихъ Габсбурговъ владѣнія Нидерландами: они снова сдѣлались бы достояніемъ старшей. нѣмецкой линіи и скоро подвляли бы благосостояніе имперіи, расширили ея торговлю, обогатили бы казну. Къ ливонскимъ событіямъ — то же нерѣшительное отношеніе. А какъ бы онъ могъ помочь ливонцамъ, еслибы располагалъ морскими силами Нидерландъ и еслибы соединился съ національною нѣмецкою партіей въ Германіи.

¹⁾ Мюнхен. арх.

Выигравъ хоть одно предпріятіе во внѣшней политикѣ, онъ сразу выросъ бы въ глазахъ своихъ подданныхъ и явился бы центральной личностью въ объединенной Германіи, измѣнивъ испанской традиціи и рѣзко перейдя къ національной партіи. Только тамъ, гдѣ интересы имперіи совпадали съ его династическими интересами, Максимилианъ I обнаруживалъ энергію и стойкость, напримѣръ въ отношеніи къ туркамъ, но и тутъ результаты весьма плачевные: туркамъ уступлена была нѣкоторая часть венгерскихъ владѣній императора и онъ продолжалъ оставаться данникомъ султана, какъ и Фердинандъ I. Уже съ начала своего царствованія связанный дружбою съ Испаніей и напистской реакціей, женатый на сестрѣ Филиппа II, а въ 1568 году выдавши за Филиппа свою дочь Анну, Максимилианъ послѣ смерти-Донъ Карлоса совершенно отдался своей фантастической Габсбургской политикѣ: ему рисовалась въ перспективѣ возможность соединить въ однихъ рукахъ владѣнія обѣихъ Габсбургскихъ линій и возстановить универсализмъ Карла V ¹⁾.

Увлекаясь универсальными планами, Максимилианъ забывалъ о насущныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ. Не надо упускать изъ виду, наконецъ, и отношеній Максимилиана въ Польшѣ; тамъ для него открылась широкая перспектива. Занявъ польскій престолъ или посадивъ на него одного изъ габсбургскихъ принцевъ, онъ достигъ бы еще большихъ династическихъ выгодъ; польская часть Ливоніи признала бы его своимъ господиномъ, а также и Пруссія. Достиженіе польскаго престола обезпечило бы за имперіей и почетное положеніе на Балтійскомъ морѣ; съ такими гаванями, какъ Данцигъ и Рига, императоръ легко бы усилился въ Ливоніи, вытѣснилъ бы изъ нея какъ датчанъ, такъ и шведовъ.

На имперскомъ рейхстагѣ рѣшено было отираниить посольства и къ царю, и къ Магнусу; еслибы посольства ничего не достигли, то можно будетъ—говорилось въ рецессѣ рейхстага—прибѣгнуть къ оружію (*Waffengewalt*). Княжеская коллегія высказалась за то, чтобы Магнусу, если онъ не порветъ своихъ отношеній къ Москвѣ, пригрозить лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ, какія онъ имѣлъ какъ дѣшникъ императора; затѣмъ эта же коллегія считала необходимымъ сманить Фридриха датскаго къ посредничеству между имперіей и Магнусомъ. Далѣе, большинствомъ представителей рейхстага рѣшено было снова запретить сношенія съ русскими; съ иностранными дер-

¹⁾ *Droysen, Das Zeitalter des 30-jährigen Krieges, I, 36* и далѣе.

жавами слѣдовало войти по этому вопросу въ сношенія. На послѣднее рѣшеніе имѣло сильное вліяніе вѣсть о взятіи русскими Ревеля. кѣмъ-то пущенная и дошедшая до Шпейера. и о появленіи 40 русскихъ галерей у южнаго побережья Балтійскаго моря. Эта вѣсть произвела необычайное волненіе, многіе хотѣли бѣжать изъ Шпейера. Когда на рейхстагѣ убѣдились, что вѣсть о паденіи Ревеля—выдумка и всѣ нѣсколько успокоились, снова вернулись къ вопросу о посольствѣ въ Москву.

Курфюретская коллегія, всегда болѣе здраво и спокойно относившаяся къ сѣвернымъ событіямъ, кромѣ того и сочувствовавшая Данин, рѣшила 29-го декабря прибѣгнуть къ мирному посольству въ Москву, такъ какъ ни Магнусъ, ни царь не враги имперіи (Reichsfeinde); если результаты посольства не будутъ соответствовать ожиданіямъ князей, то необходимо создать депутационетагъ.

Вопросъ объ учрежденіи на Балтійскомъ морѣ адмиралтейства сильно занималъ умы послѣ шпейерскаго рейхстага, былъ темою разныхъ летучихъ листовъ, брошюръ, меморіаловъ; въ нихъ указывали на печальную роль императора и имперскихъ городовъ на Балтійскомъ морѣ; убытки, какіе города терпятъ вслѣдствіе торговыхъ преимуществъ иностранцевъ на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, опредѣлялись въ нѣсколько бочекъ золота; нѣмцамъ приходилось покупать всѣ товары за гораздо болѣе дорогую цѣну. Если въ-время не останovitъ такого положенія дѣлъ, иностранцы еще болѣе усилятся, усилятся и московскій царь, безпрепятственно сносившійся съ Западною Европою. На Балтійскомъ морѣ, продолжаетъ одно политическое донесеніе, никто въ настоящее время не огражденъ отъ самоволія русскихъ пиратовъ, котораго не искоренили ни указы, ни письма, ни дипломатическія обращенія; для отстраненія этого зла — необходимо административное лицо, адмиралъ, уполномоченный отъ императора для активнаго преслѣдованія пиратовъ. Поручить обязанности адмирала необходимо человѣку испытанному, къ которому императоръ могъ бы имѣть полное довѣріе; одну треть конфискованныхъ товаровъ слѣдовало бы уступить ему, $\frac{1}{4}$ часть отдѣлять для расходовъ по судебнымъ слѣдствіямъ. Смотря по усердію и энергіи адмирала, императоръ могъ бы назначить ему еще спеціальное познагражденіе.

Адмиралу слѣдовало бы прежде всего нанести рядъ справокъ, какъ то: узнать, какими привилегіями въ прежнія времена ганзейскіе города пользовались въ Швеціи, Давіи, Польшѣ, Нидерландахъ, Норвегіи и Россіи, сколько у нихъ было конторъ, въ какихъ городахъ

онѣ были расположены, сколько времени города пользовались своими привилегіями и кѣмъ и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ они лишились ихъ. Важнѣе всего справки о главнѣйшихъ конторахъ въ Новгородѣ, Бергенѣ, Лондонѣ и Антверпенѣ. Необходимо точно узнать привилегіи каждаго ганзейскаго города въ отдѣльности, какіе были предметы его торговли, сколько онъ потерпѣлъ отъ пиратовъ, число захваченныхъ у каждаго города кораблей, затѣмъ, опредѣлить количество зундскихъ пошаницъ; весьма важно, наконецъ, знать и число кораблей, появляющихся на Балтійскомъ морѣ отъ каждаго иностраннаго государства, таксу, примѣняемую къ нимъ въ Зундѣ, на сколько они заинтересованы въ вопросѣ о морскомъ господствѣ. Однимъ словомъ *in genere et specie* слѣдуетъ все обсудить до деталей.

Съ заключеніемъ Штеттинскаго мира, говорится въ одномъ разсужденіи, городамъ были обѣщаны ихъ привилегіи въ Швеціи и Даніи; получить же вознагражденіе за захваченные корабли и товары имъ не удалось. Датскіе уполномоченные говорили, что еслибы они вздумали заплатить за всѣ захваченные и конфискованные ими товары, имъ пришлось бы заложить свое королевство, всѣ земли свои, людей своихъ. Голландцы одинъ опредѣляли убытокъ, причисленный ими къ Зундѣ, въ 7 бочекъ золота. Въ послѣдней войнѣ между городами царьло также разьединеніе: одни служили датскимъ интересамъ, другіе шведскимъ; этого бы, конечно, не было, еслибы у городовъ былъ одинъ глава, одинъ государь. Кто, говорилъ одинъ дипломатъ, останется слѣпымъ и къ такимъ яснымъ „демонстраціямъ“, съ тѣмъ, очевидно, ужъ ничего не подѣлаешь. Изъ мелкихъ пфѣмцкихъ князей большимъ сторонникомъ новаго проекта былъ пфальцграфъ Гансъ Георгъ, графъ Veldenz'a. Онъ былъ родственникомъ шведскихъ Вазъ, хватался за каждый проектъ, сколько нибудь обезпечивавшій его разстроенное матеріальное состояніе, увлекался, былъ одаренъ краснорѣчіемъ и весьма обширною фантазіей, помогавшей ему иногда увлечь за собою легковѣрныхъ, начитанъ, знакомъ съ исторіей Ганзы и Скандинавскаго сѣвера, притворный патриотъ, ненавистникъ Москвы, индеферентель въ религій, мотъ, самолюбивый эгоистъ, врагъ курфюрстовъ.

Этотъ человекъ и взялся съ наибольшей энергіей за распространеніе новой идеи и за осуществленіе ея. Вопросъ объ адмиральствѣ разсматривался на двухъ рейхстагахъ, на нѣсколькихъ депутаціонетагахъ и ганзетагахъ.

На Шнейерскомъ рейхстагѣ онъ обсуждался въ коллегіи курфюр-

ство и въ коллегіи князей. Почти все князья согласились въ необходимости новаго учрежденія, сознавали пользу его для всей имперіи. Медлить, по ихъ мнѣнію, нельзя, необходимо тотчасъ же осуществить проектъ. Курфюрсты обнаружили гораздо меньше энергіи и интереса къ дѣлу. Императоръ, предлагая новый вопросъ на обсужденіе, ставилъ его въ тѣсную связь съ ливонскимъ. Нѣкоторые подали мнѣніе за то, чтобы вопросъ объ адмиралтействѣ отложить по его важности и предварительно рассмотреть его на депутаціонетагѣ въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Большинство же высказалось за то, чтобы вопросъ объ адмиралтействѣ былъ всецѣло предоставленъ императору. Принявъ сторону тѣхъ, которые предлагали отложить разсмотрѣніе вопроса до слѣдующаго депутаціонетага, Максимилианъ просилъ въ предстоищій промежутокъ времени навести все нужныя справки о морской, береговой линіи, о гаваняхъ и прочее.

До Франкфуртскаго депутаціонетага представители Бургундскаго, Вестфальскаго и Нижнесаксонскаго округовъ собрались въ Гронингенѣ. Здѣсь главнымъ агитаторомъ, двигателемъ новаго морскаго проекта былъ Гансъ Георгъ. Въ Гронингенѣ были выработаны слѣдующія постановленія. 1) Составить особую комиссію для разслѣдованія вопроса, разослать по имперіи строгіе указы о томъ, чтобы никто подѣ страхомъ наказанія не поддерживалъ пиратовъ, не пускалъ ихъ въ свои гавани и воды, не разрѣшалъ имъ продавать захваченные товары въ своихъ земляхъ, а захватывать и задерживать пиратовъ, строго ихъ наказывать, а найденные у нихъ товары возвращать по принадлежности. 2) Отрядить въ балтійскіе города—Любекъ, Ростокъ и Стральзундъ, а также и въ Бременъ, Гамбургъ и Эмденъ, по одному комиссару, которые должны слѣдить за выполненіемъ императорскаго указа. Какъ скоро комиссары узнаютъ о нарушеніи его, они должны донести объ этомъ имперскому фискальному камерпрокуратору. 3) Императоръ долженъ кассировать постановленія принца Оранскаго и его родственниковъ, направленные противъ императорскаго мандата. 4) Императоръ долженъ обратиться къ Франціи, Англіи, Шотландіи, Дании и Голландіи съ просьбою содѣйствовать искорененію пиратовъ и не принимать ихъ въ свои гавани, а задерживать и выдавать. 5) Направить 20 кораблей съ специальною цѣлью—слѣдить за безопасностью плаванія на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ (предложено Бургундскимъ округомъ). 6) Убѣдить кого нибудь изъ князей прибалтійскихъ или князей при Нѣмецкомъ морѣ взять на себя должность „Обриста адмирала“, къ которому въ качествѣ совѣтниковъ должны быть постав-

лены еще нѣсколько приморскихъ князей. 7) Настоятъ на томъ, чтобы Бременъ и Гамбургъ соорудили четыре военныхъ корабля въ 200 и 100 ластвъ, Ростокъ и Висмаръ по одному въ 150 ластвъ, Любекъ— два корабля въ 200 и 100 ластвъ, и снабдили ихъ всѣмъ пужнымъ, оружіемъ, съѣстными принасами и прочее. Расходы должны быть распредѣлены между всѣми сословіями имперіи.

Въ маѣ 1571 года проектъ адмиралтейства разсматривался рейнскими курфюрстами въ Бингенѣ. въ августѣ и сентябрѣ на Франкфуртскомъ депутаціонстагѣ. Здѣсь весь новый проектъ разсматривался въ связи съ стремленіями московитовъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ. „Если не поставитъ предѣла самоволіи московскихъ и другихъ пиратовъ, то на Балтійскомъ морѣ повторится времена Виталиеиъ, грозившихъ скандинавскимъ государствамъ; прерваны будутъ торговныя сношенія, остановлена навигація, настанетъ дороговизна провіанта. обнаружится недостатокъ во всѣхъ нужныхъ товарахъ, не станетъ сбыта мѣстныхъ производствъ. Учрежденіе адмиралтейства сразу измѣнитъ все положеніе вещей“.

26-го сентября Гансъ Георгъ сдѣлавъ собранію подробное донесеніе объ адмиралтействѣ. Онъ началъ съ того, что указалъ, что однихъ указовъ и комиссій мало для осуществленія поставленнаго вопроса. необходимо командировать въ балтійскія государства какое-нибудь довѣрія заслуживающее лице, который бы наблюдалъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается; ex longo pсу онъ лучше отмѣтитъ и выдѣлитъ насущныя нужды имперіи въ этой части ея. Необходима постоянная „бдительная инстанція“. Мало *только* разсматривать тотъ или другой вопросъ, только говорить о немъ, необходимо слова сопротождать дѣломъ. Адмиралъ, по мнѣнію импальграфа, долженъ явиться этою активною силою. Дѣйствуя во всемъ съ согласіемъ сословій, онъ не можетъ безъ ихъ совѣта вводить какихъ-либо нововведеній, въ каждомъ возникающемъ дѣлѣ онъ привлекаетъ къ участию 4 комиссаровъ, съ которыми и долженъ рѣшить: назначать ли провинившемуся арестъ, или денежный штрафъ, или прибѣгнуть къ иного рода наказанію.

Содержаніе адмирала обеспечивается конфискованными товарами. Въ заключеніи своего доклада импальграфъ подчеркнул, что весь адмиралтейскій вопросъ чуждъ какой бы то ни было религіозной подкладки, не связанъ ни съ какими вѣроисповѣдными выгодами или невыгодами.

На Франкфуртскомъ депутаціонстагѣ новый проектъ не былъ

встрѣченъ съ сочувствіемъ. Всѣ находили, что осуществленіе его потребуеъ слишкомъ большихъ расходовъ; въ имперіи о такомъ учрежденіи, какъ адмиралтейство, прежде не было слышно; о новыхъ наборахъ нечего и думать, такъ какъ сословія и безъ того отягчены ими. Необходимо выслушать по этому вопросу мнѣнія всѣхъ приморскихъ городовъ, имѣющихъ гавани на Балтійскомъ и Пѣмекскомъ моряхъ. „so portus in mari habet“. Опасно также давать такое неограниченное полномочіе на морѣ одному лицу. Собравшіеся пожелали узнать, кто иниціаторъ всего проекта, настаивали на томъ, чтобы на спѣхъ ничего не рѣшали, а мирно, спокойно обсудили предварительно всѣ стороны вопроса. Приморскимъ городамъ и князьямъ легко справиться съ пиратами и безъ всякаго адмиралтейства; такъ Гамбургъ и Любекъ до сихъ поръ удачно справлялись съ ними.

Акты, разбирающіе Франкфуртскій депутаціонетагъ, даютъ намъ понять, что собравшіеся въ Франкфуртъ князья склонны были приписать инициативу всего новаго проекта Бургундіи; было бы интересно опредѣлить, какъ Испанія относилась къ проекту, не боялись ли князья, чтобы съ осуществленіемъ проекта не усилилось вліяніе Испаніи на Балтійскомъ морѣ. Последнее—проскальзываетъ кое-гдѣ въ актахъ, сохранившихся до насъ о новомъ проектѣ.

Какіе бы, однако, мотивы ни руководили князьями, не подлежитъ сомнѣнію, что самыя серьезныя препятствія представились съ ихъ стороны; они не одобряли новаго проекта, не потому, чтобы они не сочувствовали идеѣ, а потому единственно, что осуществленіе его требовало извѣстныхъ затратъ для *общей* пользы, а ея то она и не признавали. Каждый проектъ, не обѣщавшій имъ прямыхъ выгодъ, рѣдко проходилъ черезъ ихъ коллегію.

Неудачи не останавливали Ганса Георга, этого дипломата прожектера *par excellence*. Онъ выработалъ обстоятельный меморіаль, въ которомъ разсматривалось, на что адмиралу слѣдовало всего болѣе обратить вниманіе, каковы его функціи и какихъ результатовъ можно ожидать отъ новаго учрежденія.—Авторъ меморіала указываетъ прежде всего на то, что учрежденіемъ адмиралтейства не только стало бы возможно возвращеніе къ имперіи Ливоніи, но и Данцига, Гамбурга и др. городовъ, безнаказанно тѣснимыхъ датскимъ правительствомъ; прекратились бы стѣсненія въ Зундѣ, теперь „*tacite*“ практикуемыя датскимъ королемъ, отчего нѣмецкіе города въ конецъ разорились ¹⁾).

¹⁾ So were schon Danzig vnd ein gut teil anderer stette beim reich, da sie jetzunder Dennemarkt fur ein schirmherrn hat augenomen, vnd so also Ham-

Имперіи важнѣе всего не дать утвердиться въ Ливоніи ни королю Даніи, ни Магнусу, такъ какъ оба они въ мирѣ и союзѣ съ московскимъ царемъ, (in ewiger bundnus und correspondenz), поддерживаютъ его въ надеждѣ „tacite“ присоединить всю область себѣ. Въ соединеніи съ Москвою они еще надѣются осилить Швецію и возстановить скандинавскую унию. Царю будутъ доставлять оружія и разные военные снаряды, нарвское плаваніе приметъ широкіе размѣры, русскіе безъ труда утвердятся въ Финляндіи, и у Швеціи не будетъ уже соединительнаго звена съ Ливоніей. Царь не удовольствуется Балтійскимъ моремъ и будетъ стараться проникнуть въ Нѣмецкое. На дружбу московскаго царя нечего полагаться, она направлена лишь къ собственнымъ выгодамъ. Договоръ его съ Магнусомъ—хитрый маневръ съ цѣлью завлечь его въ свои сѣти и присоединить себѣ всю приморскую область нѣмецкаго ордена.

Еслибы въ Ливоніи было учреждено адмиралтейство — все бы сразу видоизмѣнилось. Гансъ Георгъ не скрываетъ своего желанія быть назначеннымъ адмираломъ именно въ Ливоніи. Онъ составилъ новый ливонскій проектъ. Швеція, разсуждая оны, будетъ на его сторонѣ, какъ родственная держава и въ силу дружескаго договора его съ Эрикомъ XIV въ 1562 году. Если династія Ваза вымретъ, престолъ наследуетъ Анна, дочь Густана I, жена Ганса Георга. Швеція охотно, въ виду такихъ отношеній ея къ нидерландцу, поможетъ ему осуществить планъ адмиралтейства; содѣйствія оны можетъ смѣло ждать и отъ ганзейскихъ городовъ. Швеція всегда возставала противъ нарвскаго плананія; а такъ какъ съ учрежденіемъ адмиралтейства оно необходимо прекратится, то Швеція въ благодарность за это согласится уступить императору свою часть въ Ливоніи. Устроивъ адмиралтейство въ Ливоніи, легко будетъ уничтожить зундскія стѣсненія. Можно всего лучше заставить Данію прекратить ихъ, приостановивши съ ней на время всякія торговныя сношенія (mit gegenverbiethung der commercien). Разъ за императора будетъ Швеція

burg, auch von wegen des herzogthums Holstein im rechten gewant vnd von keinem grossere beschwernus dem reich vnd sonderlich den geistlichen chur- vnd fursten, so am Rein gesessen, mit dem unleidlichen zoll im Sunde tut, vnd was Liefflands halben von herzog Magnussen wegen vnd des konigs von Dennemark practicken zu besorgen, das wirdt man, so mans jetzt nit glauben wil, mit schaden erfahren. Es ist aber ein jar etliche zu tun, so schlegt er wieder ein taler auf die last, und also tacite allen umbliegenden königreichen tribut geben müssen und unser vaterland schendlich aussaugen lassen.

и ганзейскіе города. можно было бы сдѣлать попытку передать Зундъ въ вѣдѣніе городовъ. Всѣ знаютъ какую силу представляютъ ганзейскіе города. когда дѣйствуютъ съ единствомъ и единодушіемъ. Разъ императоръ будетъ въ состояніи гарантировать за бургундскими городами плаваніе въ Зундѣ. и они станутъ на его сторону ¹⁾. А Зундъ дастъ датскому правительству ежегодно отъ 24 до 30 бочекъ золота. За проектъ ифальцграфа стоитъ Данингъ и другіе прусскіе города. уже и раньше выражавшіе ему согласіе признать надъ собою власть императора. Польша при такихъ обстоятельствахъ будетъ вынуждена отказаться какъ отъ Ливоніи. такъ и отъ Пруссіи. Есть надежда, что отъ Польши отпадутъ и литовцы, которые также передадутся императору.

Все это блестящее политическое и коммерціальное будущее имперіи будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если во главѣ всего дѣла будетъ поставленъ ифальцграфъ ²⁾. Городамъ нечего опасаться за свою свободу: адмиралъ всегда будетъ соображаться съ ихъ привилегіями, онъ стремится освободить ихъ отъ рабства. а не наоборотъ.

До 1575 года Гансъ Георгъ переѣзжаетъ изъ одного города въ другой. отъ одного князя къ другому: всѣ остаются глухи къ его проекту. не смотря на то, что онъ красокъ не жалѣлъ и блестяще прежнего рисовалъ будущее. Максимилиану онъ предлагалъ свои услуги возвратитъ имперіи шесть или семь замковъ въ курляндской епископіи. принадлежащихъ Магнусу; онъ брался также вернуть имперіи Ригу.

¹⁾ Mittheilungen, 35: Dan was macht bei den seestetten, da sie einig und bei einander gehalten, mit entsetzung und einsetzung der königen sie gehabt, das beweisen die historien. Wil geschweigen, die Burgundischen eben so wenig in die hart solche beschwerens im Sund leiden und sich der sachen annehmen werden. Dan mit was gewissen ein jede obrigkeit, sonderlich das reich, solches leiden könne, das man sol den sechzehenden pfennig aller waaren, so deren zu meer komen und im reich gebraucht werden, bezalen, und was das fur ein grausame exaction sei und ob das heisse das reich gemehret, geb ich menniglich zu bedenken. Und ist der konig in Schweden von wegen S. kon. W. undertanen dessen alles frei, zalt auch am zoll weiters dan von alters nicht sonder schutzet sie fur solche exaction. Derohalben ein schand, das es das reich leidet, dessen undertanen nicht so wol als andere schirmen können bei altem herkommen.

²⁾ weil ich die sachen vermutlich besser als ein ander incorporirt und tuen wurde. Въ другомъ мѣстѣ: Darmit aber doch Liefland zum amiralwerk gebracht werde und dem reich zu gutem komme, so ist kein ander mittel als durch mein person und aus nachvolgenden persuasionibus.

Эти города послужать прекраснымъ фундаментомъ для адмиралтейства, мысль о которомъ постоянно всплываетъ наружу до самаго конца ливонской войны. Владѣя Ригею, не трудно будетъ завоевать польскую часть Ливоніи. Максимиліанъ, занятый въ это время отношеніями къ Испаніи, отвѣчалъ-пфальцграфу на всѣ его предложенія, что и они, и самый проектъ адмиралтейства на столько сложны и важны, что необходимо ихъ обсудить на новомъ рейхстагѣ. Онъ присоединялъ къ этому еще, что проектъ былъ безъ сочувствія встрѣченъ на франкфуртскомъ денутаціонстагѣ, что это дѣло новое, небывалое. Самъ онъ продолжаетъ сочувствовать проекту и съ своей стороны готовъ всѣми силами содѣйствовать его выполнению.

Въ 1575 году Гансъ Георгъ посѣдѣшилъ извѣстити императора, что онъ заручился одобреніемъ и сочувствіемъ своему проекту всѣхъ курфюрстовъ. Императоръ отвѣчалъ, что это дѣло слѣдуетъ отложить до рейхстага и высказывалъ предположеніе, что изъ всего проекта ничего не выйдетъ. Дѣйствительно, на рейхстагѣ 1576 года проектъ объ адмиралтействѣ былъ отвергнутъ. Пфальцграфъ горько жаловался на безучастіе князей къ его проекту, не могъ забыть такого отношенія до конца войны; видя безучастіе князей, онъ на ганзетагѣ 1581 года обратился со своимъ проектомъ къ ганзейскимъ городамъ, но и тутъ онъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; обращенія его къ отдѣльнымъ городамъ также оставались безплодными, хотя онъ представлялъ имъ, что какъ скоро они бы выбрали себѣ покровителя и государя, они могли бы поставить ему рядъ условій, напримѣръ, сохранить за ними ихъ внутреннее самоуправленіе, привилегіи и т. д. Онъ былъ бы ихъ „*executor et sollicitator*“, сообщилъ бы имъ единство, далъ бы средства къ борьбѣ съ Даніей, у которой на морѣ не болѣе 100 кораблей, экипажъ же весь состоитъ изъ иностранцевъ, которыхъ города легко привлекутъ на свою сторону. Соединеннымъ городамъ легко будетъ въ 5 или 6 дней захватить въ свои руки Гельсингеръ и Эльсборгъ. Это единственные сильныя крѣпости Дании; Копенгагенъ, какъ таковая уже не имѣетъ значенія. При отсутствіи единства Данія подчинитъ себѣ и Гамбургъ и Любекъ: свобода плаванія на Балтійскомъ морѣ исчезнетъ.

Послѣ сближенія Магнуса съ московскимъ царемъ, послѣдній рѣшился приступить къ осадѣ Ревеля.

Политическій переворотъ, происшедшій въ Швеции въ 1568 и 1569 годахъ, уже возбудилъ въ Грозномъ надежды на возможность

захватить Ревель. Моментъ былъ избранъ какъ нельзя болѣе удачно. Іоаннъ Грозный основательно предполагалъ, что губернаторъ Ревеля, преданный Эрику XIV, не согласится присягнуть Іоанну III; произойдетъ возстаніе—и городу не устоять противъ многочисленныхъ московскихъ полчищъ. Союзъ съ Магнусомъ подавалъ Грозному надежду и на помощь Даніи. Онъ зналъ, что въ Ревелѣ—главная опора шведскаго владычества въ Ливоніи; успешное предпріятіе противъ этого города равносильно совершенному наденію шведскаго вліянія; въ Ревелѣ онъ приобрететъ важный въ торговомъ отношеніи морской пунктъ, откуда, дѣйствуя съ войскомъ и флотомъ, не трудно распространить свою власть на всю восточную линію Балтійскаго моря до самой Риги. Сознавая великую важность захвата Ревеля, Іоаннъ Грозный рѣшился все поставить на карту, чтобы только достигнуть намѣченной цѣли. Онъ зналъ, что неудача предпріятія будетъ равносильна совершенному пораженію русской политики.

Таубе и Крузе, желавшіе снискать расположеніе царя и его понаго ленника—Магнуса Голштинскаго, сдѣлали попытку путемъ дипломатическихъ переговоровъ склонить ревельцевъ на сторону „ливонскаго короля“. Искусные дипломаты, ловкіе и находчивые интриганы—они еще въ началѣ 1569 года обратились къ ревельскому рату, побуждая его отпасть отъ Швеціи. Выставляя себя ревностными и горячими патріотами, они указывали рату, что все ихъ прошлое связано съ Ливоніей, она ихъ общая родина; проникнутые безкорыстною любовью къ ней, они уже много ради ея благоденствія перенесли и выстрадали. Богъ внялъ ихъ мольбамъ, оказалъ имъ свою милость: московскій царь по ихъ ходатайству отпустилъ многихъ плѣнныхъ ливонцевъ домой. Теперь и Ревелю представляется случай сбросить съ себя чужеземное владычество и вернуться къ прежней самостоятельности и свободѣ. Пусть городской совѣтъ, писали Таубе и Крузе, приметъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ въ Дерптъ, Нарву, Везенбергъ или какой-нибудь другой городъ; имъ необходимо тамъ переговорить съ ними по общему, всѣхъ касающемуся дѣлу. Ревельцы, не видѣвшіе въ предложеніи Таубе и Крузе ничего для себя опаснаго, согласились вступить съ ними въ переговоры и предложили мѣстомъ ихъ городокъ Альне, къ юго-востоку отъ Ревеля на полпути отъ Везенберга. Городской совѣтъ не скрылъ предложенія Таубе и Крузе и отъ шведскаго губернатора. Таубе и Крузе со своей стороны выбрали Везенбергъ и просили ревельцевъ явиться туда къ началу апрѣля; они отправили въ городъ и охрап-

ную грамоту, составленную ими отъ имени московскаго царя. Ревельцы приняли и мѣсто, и время переговоровъ. Они происходили 5-го и 6-го апрѣля въ Везенбергъ ¹⁾; со стороны Ревеля явились Конрадъ Деллипгаузенъ, Фридрихъ Замдстедте, Дидрихъ Кауеръ и Генрихъ Рутенъ. Таубе обратился съ витѣватою рѣчью къ ревельскимъ посланцѣмъ; въ ней онъ обращаетъ ихъ вниманіе на безнадежное положеніе Ливоніи, раздираемой внутренними несогласіями и смутами, на войну съ Москвою, которую сами же ливонцы вызвали, и на твердую рѣшимость царя—подчинить себѣ всѣ еще непокоренные города и мѣстечки въ Ливоніи, издавна вѣковы его вѣтчины. Помощи ливонцамъ ждать не откуда, говорилъ Таубе: императоръ уже показывать ливонцамъ, чего отъ него ждать; онъ ограничивается лишь безплодными посольствами къ московскому царю. Датскій король не захочетъ нарушить своихъ дружественныхъ отношеній къ Москвѣ; Польша достаточно уже обнаружилась свою своскорыстную политику въ Ливоніи; города, подчинившіеся польскому правительству, терпятъ отъ непосильныхъ наборовъ; поляки напрасно выставляютъ себя добрыми христіанами, русскихъ же нехристіани и варварами. Обратное положеніе гораздо ближе соотвѣтствовало бы истинѣ. Польски оклеветали московскаго государя въ глазахъ ливонцевъ, поэтому они и представляютъ его себѣ далеко не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ; война разгорѣлась между Польшей и Москвою изъ-за слишкомъ неумѣренныхъ требованій Сигизмунда II Августа; когда московскій государь сваталъ его сестру, то онъ соглашался на это не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы дѣти отъ его сестры считались единственно законными наследниками московскаго престола. Въ войнѣ сразу обнаружилась вся слабость Польши; русскіе отняли у нихъ Полоцкъ и такъ стѣснили ихъ, что поляки могли даровать имъ миръ и соглашались уступить всѣ ливонскія земли и Кіевъ. Московскій царь въ свою очередь не принялъ этихъ условій и, узнавши о смерти оанна финляндскаго и желая отомстить польскому королю, требовалъ, чтобы то ни стало выдачи себѣ Екатерины.

Московскій царь—такъ заключилъ Таубе свою длинную рѣчь—ни что не отступитъ отъ своего плана покорить себѣ Гаррію и Ревель и уже дѣлаетъ большіи приготовленія для осады города; любящимцевъ, онъ охотнѣе всего избѣгъ бы кровопролитія и даровалъ бы имъ свободу отъ господства шведовъ, поляковъ и литонцевъ, еслибы

¹⁾ *Чтенія*, 1891, 11—12.

ревельцы и другіе ему добровольно подчинились. Царь даже согласенъ вовсе удалить русскихъ изъ Ливоніи и предоставить нѣмцамъ полное самоуправленіе, такъ какъ русскій народъ грубый и необразованный, и самъ царь не питаетъ къ нему довѣрія. Правитель онъ справедливый и умный, онъ готовъ расширить привилегіи Ревеля, и городъ этотъ подъ его покровительствомъ превзойдетъ своимъ богатствомъ всѣ другіе торговые города. Ревельскіе послы выразили Таубе свою благодарность и удовольствіе за его доброе къ нимъ расположеніе; намѣреніе московскаго царя ихъ изумило; они думали, что везенбергскіе переговоры имѣли цѣлью водворить миръ между шведами и русскими, а имъ предлагаютъ признать московское господство. Неуполномоченные городскимъ совѣтомъ вести подобные переговоры, они уклонились отъ рѣшительнаго отвѣта и обѣщали обо всемъ довести рату. 6-го апрѣля переговоры возобновились.

Таубе сказалъ ревельскимъ посламъ, что съ сверженіемъ Эрика XIV не можетъ быть и рѣчи о примиреніи Москвы съ Швеціей, и напрасны будутъ всякія посольства Іоанна III въ Москву, съ какими бы великолѣніемъ и торжественностью они ни были бы обставлены. Царь не положить оружія, пока Ревель не сброситъ съ себя шведскаго господства и не сдѣлается свободнымъ городомъ. Если дѣло дойдетъ до осады, онъ не пощадитъ ни женщинъ, ни дѣтей. Добровольное же признаніе царскаго протектората поведетъ за собою увеличеніе и расширеніе льготъ и привилегій; благосостояніе города быстро возрастетъ и по богатству онъ не будетъ имѣть себѣ равнаго въ мірѣ. Ревель свободенъ отъ присяги шведской коронѣ съ той минуты, какъ Іоаннъ III силою захватилъ престолъ; московскій царь желаетъ, чтобы Ревель впредь могъ титуловаться вольнымъ царскимъ городомъ; онъ даруетъ ему свободу выбора должностныхъ лицъ, освобождаетъ его отъ налоговъ и податей, во время вѣншинихъ войнъ отъ военного постоя и обязательства доставлять военную помощь, какъ это было при шведскомъ владычествѣ. Ревель сдѣлается единственнымъ центромъ и станционнымъ пунктомъ на всемъ востокѣ. Царь требуетъ не подчиненія, а только признанія его протектората, его покровительства, за что будетъ постоянно оберегать его отъ вѣншинихъ враговъ. Царь даже готовъ предоставить Ревелю право избирать себѣ въ правители какого-нибудь нѣмецкаго князя или дворянина, который уже отъ себя присягнетъ царю на вѣрность, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе курфюреты по отношенію къ императору. Онъ готовъ всячески сблизиться съ нѣмцами, женить своихъ сыновей на нѣмец-

нихъ принцессахъ, заключить вѣчный миръ съ Германскою имперіей, пойти войною на турецкаго султана, изгнать невѣрныхъ изъ Европы и доставить христіанской церкви полное торжество. Царь поклянется со всѣмъ своимъ духовенствомъ, что вѣрно выполнить все имъ обѣщанное.

Мы не знаемъ, имѣли ли ливонскіе дипломаты полномочіе отъ царя такъ далеко доводить его уступчивость; едва ли. Не номинальнаго господства добивался Грозный, а реальнаго; какъ ни расположенъ былъ онъ къ нѣмцамъ, онъ однако всего болѣе добивался для своихъ подданныхъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Западною Европою. Таубе и Крузе также преувеличивали, какъ и Магнусъ, когда онъ доносилъ своему брату и Августу Саксонскому о своемъ союзѣ съ Москвою. На этотъ разъ однако ихъ краснорѣчіе оказалось напраснымъ. Много потратили они словъ, но ревелскіе послы устояли отъ великаго соблазна, снова благодарили обоихъ дипломатовъ за ихъ заботливость и любовь къ общему отечеству, но откладывали всякое рѣшеніе до свиданія съ ратомъ; они просили Таубе и Крузе употребить все ихъ вліяніе къ тому, чтобы предупредить враждебныя намѣренія царя относительно Ревеля и Ливоніи.

Такъ окончились знаменитые везенбергскіе переговоры. Таубе и Крузе не теряли еще надежды поднять ревелынецъ противъ шведскаго короля. Узурпаторы и письменно продолжали обращаться то къ городскому совѣту, то къ гильдіямъ, то къ бюргерамъ, привлекая и заманивая ихъ различными обѣщаніями. Не прошло и двухъ недѣль послѣ везенбергскихъ переговоровъ, какъ они отправили городскому совѣту Ревеля проектъ подчиненія московскому царю, состоявшій изъ 12 §§, по содержанию сходныхъ съ тѣмъ, что они предлагали въ Везенбергѣ. Городской рать отправилъ этотъ проектъ въ Стокгольмъ, не скрывъ отъ короля и своихъ переговоровъ съ московскими совѣтниками; онъ рѣшился начать ихъ съ цѣлью выиграть время и лучше приготовиться къ оборонѣ¹⁾; это же было и причиною долгихъ споровъ ихъ о мѣстѣ переговоровъ. Въ виду враждебныхъ намѣреній московскаго царя рать просилъ короля помочь ему войскомъ, деньгами, провіантомъ и военными снарядами.

¹⁾ Um den Feind aufzuhalten und den harten Winter vorübergehen zu lassen. Ср. *Hjärn*, 268—274. *Gadebusch*, II, 111. *Руссовъ*, G. von *Hansen*, 271. Подробное и обстоятельное изложеніе везенбергскихъ переговоровъ—въ *Beiträge Pubst'a*, III, 349 и далѣе.

1570 годъ начался для Ренсля при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменаніяхъ; произошло возстаніе кнехтовъ, начались заразные болѣзни, смертность возрастала съ каждымъ днемъ ¹⁾. Въ виду внутреннихъ волненій въ Швеціи и войны съ Даніей, Іоаннъ III не могъ съ достаточнымъ вниманіемъ слѣдить за ливонскими событіями, и Ренель былъ предоставленъ самъ себѣ. Таубе и Крузе все это знали; вскорѣ мягкій и заяскивающий тонъ ихъ писемъ уступилъ мѣсто угрозамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ревельцы задержали у себя одного изъ русскихъ пословъ. Въ началѣ 1570 года дерптцы, — рать и гильдія. — по побужденію обояхъ ренегатовъ, отъ себя обратились къ Ревелю и склоняли его отдаться Магнусу, избранному королю Ливоніи. Дерптцы представили имъ картину своего прошлаго, указывали на невзгоды и несчастія, какія имъ пришлось вынести и противопоставляли этому свое нынѣшнее благосостояніе и счастье. Дерптцы отвергали ходячіе толки о варварствѣ московитовъ и призывали Бога въ свидѣтели, что русскіе никого не лишали свободы, никого не притѣсняли налогами и десятинами; государь ихъ щедръ на милости, любитъ иностранцевъ, а изъ нихъ всего болѣе нѣмцевъ, изъ одного расположенія къ нимъ онъ взялъ Магнуса подъ свое покровительство, даровалъ ему въ наслѣдственное владѣніе всѣ земли, покоренныя имъ въ Ливоніи. Еслибы Ревель согласился отдаться покровительству царю, онъ сохранилъ бы свою самостоятельность и въ союзѣ съ Москвою сталъ бы процвѣтать на ряду съ другими ганзейскими городами. Магнусъ даровалъ бы ревельцамъ защиту отъ вѣншихъ враговъ.

Дерптцамъ повезло не болѣе, чѣмъ ливонскимъ ренегатамъ: Ревельскій рать твердо и рѣшительно отказывался вступить въ какія-бы то ни было сношенія съ Магнусомъ и Москвою. Въ Ревелѣ, между тѣмъ, произошло событіе, обѣщавшее Магнусу успѣхъ: Курссель, начальникъ наемныхъ кнехтовъ, внезапнымъ нападеніемъ на ревельскій кремль успѣлъ захватить его, а губернатора заключить. Таубе и Крузе торжествовали; снова началась переписка съ ратомъ. Нѣмцамъ легко будетъ, утвердившись въ крѣпости города, вытѣснить изъ него всѣхъ шведовъ, — писали они; Ревель безъ труда вернетъ себѣ свою прежнюю свободу; въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ они представляли будущее Ревеля, какъ скоро онъ сброситъ съ себя иноземное иго; подъ русскимъ покровительствомъ, въ мирѣ съ сосѣдними

¹⁾ *Hjärn*, 281.

государями, Ревель распространить свою торговлю на всю Европу, Россію, Гирканію, Мидію, Арменію и Персію. Пусть же городъ, по-
этому, не отвергнетъ предлагаемаго пути къ спасенію и приметь его.

Торжество Таубе и Крузе оказалось преждевременнымъ; Курссель не долго удержался въ ревельскомъ кремлѣ. Шведы, съ Нильсомъ Доббелеромъ во главѣ, ворвались ночью на страстную пятницу, 24-го марта, въ кремль и частью избили, частью взяли въ плѣнъ наемниковъ Курсселя. Самъ Курссель былъ въ числѣ послѣднихъ; Ходкевичъ совѣтовалъ шведамъ казнить его. Негодование ревельцевъ противъ Москвы и Магнуса теперь еще болѣе усилилось; жители готовились съ мужествомъ встрѣтить враговъ и рѣшили скорѣе погибнуть, чѣмъ оставить оборону города. 14-го августа Магнусъ сдѣлалъ воззваніе къ эстонцамъ и латышамъ, призывая ихъ соединиться съ русскими противъ непокорнаго города, подвластнаго шведамъ, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Тогда-то рейтеры его, раздѣленные на три роты, и кнехты, числомъ до 1000, соединились съ 25000 отрядомъ русскихъ и заняли Ierwen и Wirland ¹⁾. Не мало присоединилось къ нимъ ливонцевъ, надѣявшихся найти въ Магнусѣ защитника своихъ мѣстныхъ нѣмецкихъ интересовъ и протестантской церкви; они готовы были видѣть въ королѣ-мальчикѣ надежную поддержку нѣмецкой колоніи на востокѣ; и думали съ его помощью изгнать изъ Ливоніи чужеземцевъ. При поискѣ Магнуса находились неотлучно его проповѣдникъ и ближайшій совѣтникъ—Христианъ Шранферъ, о которомъ Фридрихъ II говорилъ, что онъ больше интересуется свѣтскими дѣлами и политикою, нежели своею паствою, Таубе, Крузе и нѣсколько знатныхъ ливонцевъ. Русскими предводительствовали Иванъ Хиронъ Петровичъ Яковлевъ, Михаилъ Юрьевичъ Лыковъ и Никита ²⁾ Ивановичъ Крапоткинъ. За мѣсяцъ до осады царь велѣлъ „подѣлать города по Колыванской дорогѣ и отъ Шебора, а для береженія были воеводы, какъ городъ дѣлали, изъ земскаго Яковлевъ, изъ опричнины окольничій и воевода Василий Ивановичъ Умной Колычовъ. А городъ дѣлали воеводы Романъ Алферьевъ да Дмитрій Шефериновъ Пушкинъ да Аѳонасій Новокщеновъ“ ³⁾. Осада Ревеля началась 21-го августа

¹⁾ Вернувшись изъ Москвы, Магнусъ сталъ собирать рейтеровъ въ Оберн-ленъ, Дертъ и Везенбергъ.

²⁾ Въ *Beiträge*, а въ *Ученіяхъ* Николай.

³⁾ Симб. Сбор. Разряды 14, 26. *Renner*, 361. *Chytraeus*, 658. *Hjärn*, 279. *Nyenstedt*, 70. Ср. *Annerstedt*, 57. *Beiträge Pabst'a*, III, 281 и д.

и продолжалась 30 недѣль ¹⁾. Она совпадаетъ съ шнейерскимъ рейхстагомъ и имѣла большое влияние на ходъ преній въ рейхстагѣ. Во главѣ ревельской городской милиціи стоялъ штатгалтеръ шведскаго короля Карлъ Генриксонъ Горнъ, Микель Слойеръ и нѣкоторые другіе. Въ защитѣ города принимали участіе всѣ три городскія гильдіи. Вся городовая милиція Ревеля распадалась на 34 роты; численность каждой роты не была точно опредѣлена; кромѣ того въ городѣ стояло 15 ротъ ландскнехтовъ. Шведскій гарнизонъ былъ очень незначителенъ, и ревельцы неоднократно жаловались, что шведскій король оставляетъ ихъ безъ всякой помощи. По отношенію къ наемникамъ примѣнялась самая строгая дисциплина, выработанная была особая инструкция изъ 10 §§, преступить которые никто не могъ подъ страхомъ смертной казни ²⁾. На сторонѣ Ревеля было огромное преимущество: со стороны моря онъ могъ получать постоянныя подвозы съѣстныхъ припасовъ, оружія и пороху. Фридрихъ II и Любекъ были связаны постановленіями штеттинскаго договора; да къ тому-же — продолжительная война съ Швеціей въ конецъ разорила ихъ. Все вниманіе Фридриха II было обращено съ этого времени на голштинскія дѣла, давно уже стоявшія на очереди. Любекъ-же употреблялъ все свое усиліе, чтобы вернуть себѣ свободу плаванія на Нарву; этотъ городъ скорѣе склонился къ союзу съ Москвою, чѣмъ къ союзу съ Швеціей.

Въ первые дни осады русскія и нѣмецкія войска заняли каменный госпиталь св. Іоанна; они рѣшили отсюда начать бомбардированіе города, но осажденные сдѣлали удачную вылазку, отбили у русскихъ госпиталь св. Іоанна, сожгли предмѣстья города со всѣми домами, мельницами и т. д. Послѣ первой-же неудачи Магнусъ, титуловавшій себя „Божьей милостью король лифляндскій, господинъ эстовъ и леттовъ, наслѣдникъ Норвегіи, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгоретскій“, обратился 23-го августа къ ревельцамъ съ новымъ воззваніемъ; онъ все еще надѣялся склонить ихъ къ добровольной сдачѣ, указывая, какъ въроломно шведы обошлись съ нимъ, вторгшись въ его владѣнія на Эзелѣ и предавши тамъ все огню; теперь ему, Маг-

¹⁾ Объ осадѣ Ревеля, кромѣ Beiträge, см. *Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи*. 1891, II, Чушкинъ. Осада Ревеля (1570 — 1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ Липонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго.

²⁾ Инструкция въ Beiträge, III, 286.

нусу, удалось склонить на свою сторону московскаго государя — вѣрующаго христіанина, расположеннаго къ нѣмцамъ. Онъ даровалъ Магнусу Ревель и др. города Ливоніи въ наслѣдственное владѣніе; дарственная грамота его скрѣплена золотомъ печатью. Ревельскій рать долженъ помнить, что Ревель основанъ датчанами, датскими королямъ обязанъ своими привилегіями и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подчинялся имъ; все это даетъ ему право теперь требовать себѣ, какъ родственнику датскаго короля, покорности; пусть городъ присягнетъ ему на вѣрность и изгонитъ шведовъ, или онъ силою заставитъ его подчиниться своимъ требованіямъ. Магнусъ даетъ городу нѣсколько дней на размышленіе и предупреждаетъ его, что отказъ повлечетъ за собою осаду, при чемъ его войны не пощадятъ ни женъ, ни дѣтей. „Какъ ни увлекательны были звуки Магнусовой флейты. говорить Нјагн, ревельцы не захотѣли плясать по ней“ ¹⁾.

Въ послѣдніе дни августа произошло нѣсколько незначительныхъ схватокъ между осаждавшими и осажденными. 2-го сентября къ русскимъ явилось подкрѣпленіе изъ Нарвы, ожидалось также прибытіе князя Юрія съ новыми силами и большими запасами пороку и различныхъ военныхъ снарядовъ. Около этого-же времени въ Ревель пришло открытое воззваніе Магнуса, въ 19 пунктовъ, въ которомъ онъ обращается ко всей ревельской общинѣ. Тема обращенія старая, варіація ея новая. Все въ немъ сводилось къ необходимости рано или поздно сбросить шведское иго и возвратиться къ прежней свободѣ. Русскіе и Магнусъ—согласно § 15—имѣютъ въ виду изгнать шведовъ не изъ одной только Ливоніи, но и изъ Финляндіи; это тѣмъ легче, что съ Польшей они заключили трехлѣтнее перемиріе ²⁾.

Съ познаніями Магнуса въ Ревель приходили познанія и съ дру-

¹⁾ *Hjärn*, 275—279. *Annerstedt*, 53. Beiträge, III, 282 и д. Данц. арх. Acta Internunciorum, IX.

²⁾ Вѣст 15 §§ въ Beiträge, III, 284 и приложение 5-е. У Рюссона пронумерованы §§ 9, 14 и 15. Ср. Берлинскій архивъ. Herzog Magnus Abschiedsbrief an die Stadt Reuell, 23 августа 1570. Тутъ говорится: Dieweill Statt Reuel von der Chron Dennemareck fundirt vnd stattlich priuilegirt vnd für etlichen hundert jahren der Chron zuuerleibt gewesen. Copia Herzog Magnus Schreiben an die Landschaft in Liefelandt. Въ этомъ письмѣ читаемъ: So seint wir nicht destoweniger mit vnsern biss her habenden Deutschenn vnd zusamt den von der Reussischen Kays. Mayt. zugeordneten Kriegsvolck erstes tages fortzurücken die Stadt Reuell zubelegern, vnd den Schwedischen feindt durch hilff vnd zuftügen des allerhoechsten Gottes mit gantz ernst anzugreifen geutzlich daraus zuentheben, vnd die Estnischen Lande widerumb zu vnser Regiment zupringen entschlossen.

гихъ государствъ, но съ совершенно противоположнымъ содержаніемъ. Такъ Сигизмундъ II Августъ, родственникъ новаго короля Швеціи, побуждалъ ревелъцевъ остаться вѣрными своей присягѣ шведской коронѣ и не вѣрить никакимъ обѣщаніямъ Магнуса, такъ какъ войну не деть не оуъ. а московскій государь, съ которымъ имъ и придется имѣть дѣло. Ревельцы съ своей стороны просили Магнуса не беспокоить ихъ болыше своими воззваніями, такъ какъ они не въ какомъ случаѣ не имѣли своей присягѣ Швеціи. Это не остановило Магнуса: черезъ недѣлю онъ пишетъ городскому совѣту новое письмо, полное угрозъ и застрашиваній; вина будущаго кровопролитія ляжетъ на ревелъцевъ ¹⁾.

Съ Магнусомъ чередовались Таубе и Крузе; и они продолжали обращаться къ Ревелю съ длинными письмами, въ которыхъ въ тысячахъ оборотахъ представляли имъ всѣ выгоды союза съ Москвою и повторяли то, что уже и раньше говорилось въ ихъ обращеніяхъ къ городу. 27-го октября въ Ревель пришла грамота отъ воеводъ Ивана Петровича Яковлева и Василія Ивановича Умнова; въ ней они убѣждали ревелъскій рать и бургомистровъ признать Магнуса королемъ Ливоніи и передать ему, какъ вассалу московскаго государя, городъ ²⁾.

Къ октябрю русскія войска все тѣснѣе стягивались къ городскимъ стѣнамъ; окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, они надѣялись вынудить сдачу его голодомъ. Но для этого Грозному и Магнусу необходимъ былъ флотъ, дабы занять фарватеръ и не допускать сношеній Ревеля съ ея метрополіей. Последняя моремъ доставляла осажденнымъ провіантъ и военные снаряды какъ изъ Швеціи, такъ и изъ Финляндіи.

Численность московскихъ полчищъ все возрастала, о чемъ неутомимый Магнусъ снѣшалъ доносить осажденнымъ; величая себя „избранникомъ короля Ливоніи“, онъ доказывалъ ревелъцамъ, что сопротивленіе напрасно: онъ не отступитъ раньше, чѣмъ не овладѣетъ крѣпостью и не очиститъ ее отъ шведовъ ³⁾. Ревельцы, замѣчая, что враги стягиваютъ свои многочисленныя силы все ближе къ городу, рѣшили пожертвовать еще однимъ предместьемъ Fischermai; сожжено было до 200 домовъ. Многіе ливонцы, бывшіе въ рядахъ московскихъ войскъ, просили воеводъ еще разъ обратиться отъ себя къ

¹⁾ См. приложение VII въ Beiträge.

²⁾ Hansen, № 94.

³⁾ Beiträge, прил. VII.

осажденнымъ и убѣдить ихъ остановить напрасное сопротивленіе и кронопролитіе. Должны же они видѣть, говорили ливонцы, — что воля цари всегда исполняется и сопротивленіе, оказываемое ему, напрасно; также и теперь: рано или поздно Ревель перейдетъ въ его руки; Швещи не устоятъ противъ него, почему городу и слѣдуетъ признать Магнуса, которому царь оказываетъ особенное покровительство. Въ отвѣтъ на это воззваніе ревельцы указывали, что миръ Швеціи съ Москвою еще продолжается и требованія цари — явное нарушение его; они сомнѣваются, чтобы осаду началъ московскій царь; отдаться Магнусу они не могутъ въ виду присяги шведскому правительству. Московскіе бояре, замѣтили ревельцы въ заключеніи, не уступили бы и самой незначительной деревушки изъ царскихъ владѣній, еслибы кто-нибудь сталъ у нихъ требовать. Если московскій государь дѣйствительно желаетъ пожаловать Магнуса землями, то пусть жалуетъ его своими московскими владѣніями. Ревельцы же не пожалѣютъ своей жизни и останутся вѣрными своей присягѣ. „Пусть ливонцы, предавшіеся Москвѣ, знаютъ, что ревельцы не желаютъ прослыть безчестными негодяями“¹⁾.

Въ исходѣ одиннадцатой недѣли осады ревельцы обратились за помощью къ Іоанну ІІІ; они указывали ему на совершенное истощеніе хлѣбныхъ запасовъ; нивы затоптаны и выжжены, писали они, — враги намѣрены отрѣзать имъ и подвозъ воды; въ городѣ свирѣпствуютъ заразные болѣзни. Обращались ревельцы и къ императору Максимилиану ІІ; они просили его запретить плаваніе на Нарву, отъ которой русскіе извлекаютъ большую выгоду; нѣмецкіе и другіе кунцы могли бы привозить свои товары въ Ревель и Выборгъ. Нарву слѣдуетъ во чтобы то ни стало лишить ея торговаго значенія; пока русскіе владѣютъ этимъ городомъ, они не перестанутъ добиваться господства на Балтійскомъ морѣ. Любекъ наиболѣе дѣятельно поддерживаетъ торговые сношенія съ москвитями, писалъ ревельскій ратъ императору; осенью 1570 года 40 любекскихъ кораблей прибыло въ Нарву съ солью, сельдями, хлѣбомъ и др. продуктами; еслибы не постоянный подвозъ русскимъ и Магнусу съѣстныхъ припасовъ со стороны Любека — имъ бы не удержаться долго подъ стѣнами Ревеля. Императоръ могъ бы побудить любчанъ доставлять нужные товары, какъ хлѣбъ, соль и пр. ревельцамъ, которые много терпятъ отъ голода и небывалой дороговизны жизненныхъ продуктовъ; онъ

¹⁾ Beitrage, III, 291.

могъ бы указомъ временно запретить ¹⁾ ганзейскимъ городамъ всякія сношенія съ Нарвой. Если—говорилось въ заключеніи—императоръ не поможетъ Ревелю, то вся Ливонія будетъ вынуждена отпасть отъ имперіи; онъ долженъ знать привычку московитовъ: захватомъ Ревеля они не удовольствуются, а распространять свое господство дальше по всему восточному побережью Балтійскаго моря до Риги. Магнусъ искалъ помощи у Фридриха II. Онъ проситъ и денегъ въ размѣръ 20.000 талеровъ и доставки съѣстныхъ припасовъ. Последнюю просьбу король исполнилъ: въ Аренсбургъ было отправлено значительное количество соли и другихъ товаровъ ²⁾.

Какъ и можно было ожидать—Максимилианъ II многое обѣщалъ Ревелю, но ни одного изъ своихъ обѣщаній не исполнилъ; побуждая ревелъцевъ крѣпко держаться противъ русскихъ и рекомендуя имъ стойкость и мужество, онъ съ негодованіемъ опровергалъ слухъ о томъ, будто бы осада начата съ его вѣдома, затѣмъ перечислялъ все, что имъ сдѣлано для пользы Ливоніи; онъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу, что созвалъ шпейерскій рейхстагъ, что *побуждалъ* Іоанна III защищать Ревель и *разрушалъ* ему временное покровительство надъ нимъ. Максимилианъ называлъ Ревель своимъ имперскимъ леннымъ городомъ. Въ заключеніи его письма—новыя обѣщанія заступничества, скорый подвозъ провіанту и т. д. ³⁾.

Обращались ревелцы за помощью и къ Польшѣ, и къ ганзейскимъ городамъ, и къ герцогамъ Померанскимъ ⁴⁾. Первое обращеніе очень обстоятельное. Благодаривъ польскаго короля за доброе и сочувственное отношеніе къ городу и за обѣщанную помощь, они въ яркихъ краскахъ рисуютъ свое тяжелое положеніе. Московиты построили шанцы и блокаузы уже у самаго моря, чтобы отсюда

¹⁾ Mandat или sendschreiben. Въ Берл. арх. есть также копія письма Ревеля къ императору отъ 1570 г., но безъ чясла; въ немъ говорится: so weye doch die Schiffart gegen der Narwa keins wegs zudedulden, dieweill der Muscoviter, als dess heiligen Reich auch des Kunnigs zu Polen offentlicher Feindt, dadurch mit zufuhr nicht allein allerhandt Kriegarüstung sonder auch getreides, saltzes, hering, honich, Tuch, wartz, kupffer, zinn, bley etc. wider die christenheit zum höchsten gesterckt vnd gefurdert. Если русскіе удержатъ въ своей власти Нарву, то у нихъ будетъ „occasion nitt allein zu einnehmung dess übrigen theils zu Liefflandt, sonder auch sich daneben zum *herra der Ostsee* zu machen guthen gewünschte gelegenheit an der handt gegeben würde werden.

²⁾ Дрезд. арх. Zwölf Bücher Dänischer Geschichte.

³⁾ Письма императора Максимилиана II въ Inland, Dorpat, 1547, № 38.

⁴⁾ Берл. арх.

препятствовать свободному плаванію въ ревелскомъ рейдѣ. Если московскому царю удастся утвердиться въ Ревелѣ, то у него будетъ надежная опора для дальнѣйшихъ завоеваній и для захвата балтійскаго господства. Отъ сосѣднихъ городовъ помощи нѣтъ, мало того: ревелцы узнали, что Рига и Перновъ даже поддерживали торговые сношенія съ русскими и доставляли въ ихъ лагерь съѣстные припасы. То же дѣлаютъ и прусскіе города. Сигизмундъ II Августъ могъ бы своимъ авторитетомъ, который однако ревелцы цѣнили слишкомъ высоко, запретить прусскимъ городамъ сношенія съ русскими. Всего болѣе городъ пуждается въ хлѣбѣ, о доставкѣ котораго онъ и проситъ короля. Судьба Ревеля связана и съ судьбою Польни: московскій царь не ограничится униженіемъ одной Швеціи, онъ стремится подчинить себѣ и Польшу; Магнуса онъ хочетъ поставить господиномъ надъ эстами и латышами, „украсить его чужими перьями“. Если царская торговля останется свободной, Ревель не устоитъ противъ русскихъ.

Въ ноябрѣ ревелцы обратились къ Висмару, Ростоку, Стральзунду и Штеттину съ просьбою доставить имъ военные снаряды, а затѣмъ и ржи, пшеницы, солоду, пива и др.

Просьбы ревелцевъ производили мало впечатлѣнія; ганзейскіе города заняты были своими интересами; сосѣдніе государи, не сочувствуя успѣхамъ русскихъ, не помогали однако осажденному городу: все вниманіе ихъ поглощено было религіозными и дипломатическими вопросами. Положеніе осажденных между тѣмъ становилось все безотраднѣе; въ исходѣ 1570 года въ городѣ начались заразительныя болѣзни, унесшія множество жертвъ; крестьяне называли новую болѣзнь „русскимъ бичемъ“. Къ счастью для ревелцевъ, недостатокъ въ провіантѣ чувствовался и у противниковъ, и они, долго щадившіе одинъ госпиталь близъ ревелской гавани, расхитили все имущество его, унесли подушки, тюфяки и пр. Магнусъ самъ отвергаетъ истину этого факта и въ отвѣтъ на обвиненія своихъ новыхъ союзниковъ въ жестокости приводитъ рядъ фактовъ, рисующихъ зѣбрство шведовъ при занятіи Гансалы и Пернова. Самозванный король Ливонии сталъ уже обнаруживать неудовольствіе по поводу безуспѣшно затѣянной осады; ропотъ стали и служившіе ему ливонцы; или надо отступитъ, говорили они, или признать городъ неприступнымъ, или болѣе энергично вести дѣло.

Ревельцы дѣйствовали съ необычнымъ единодушіемъ; ссорамъ и своекорыстію не было мѣста. Ничего не щадя для защиты роднаго

города, они собрали 23.170 марокъ деньгами и предоставили эту сумму шведскому губернатору для уплаты жалованья наемнымъ кнехтамъ ¹⁾. Дисциплина въ городѣ была образцовая; за малѣйшій нарушеніемъ ей слѣдовало строгое наказаніе; одинъ барабанщикъ, дважды опоздавшій при тревогахъ на свой постъ, былъ 22-го января 1571 года присужденъ къ смертной казни. Успѣшно ревелъцы разрушали шанцы и блокгаузы, построенные русскими; вылазки ихъ не мало предвѣсти осаждавшимъ. Магнусъ сдѣлалъ еще разъ попытку дипломатическаго маневра; сначала онъ 10-го декабря прислалъ въ городъ письмо, полное угрозъ, въ которомъ требовалъ, во первыхъ, выдачи двухъ ревелскихъ бюргеровъ—Германа Тиммермана и Маре Бретгольца, виновныхъ въ томъ, что въ Ливоніи и Германіи распространяли разные ложные слухи о немъ, а затѣмъ грозилъ городу судьбою Иерусалима, если жители не сдадутся на глѣвъ или милость; при этомъ онъ обѣщалъ, что не впуститъ въ городъ болѣе 8 или 9 чело-вѣкъ русскихъ ²⁾.

Письмо, конечно, впечатлѣнія не произвело, и вотъ Магнусъ старается вселить раздоры среди самихъ бюргеровъ Ревели и поднять бюргеровъ противъ рата. Онъ указывалъ на 4 ревелцевъ ³⁾, выразившихъ будто бы въ Везелбергѣ готовность служить московскому царю и сдать ему крѣпость города подъ условіемъ, что Магнусъ будетъ править городомъ подъ протекторатомъ царя. Только понабѣдившись на ихъ обѣщаніе, Магнусъ и поѣхалъ въ Москву, гдѣ царь пожаловалъ его Ревелемъ и другими землями. Въ доказательство истинности своего сообщенія Магнусъ согласенъ доставить ревелскому рату копію съ обѣщанія, даннаго 4 вышеупомянутыми бюргерами. Далѣе Магнусъ доноситъ рату о сношеніяхъ, начатыхъ нѣкоторыми ревелцами съ московскими воеводами ⁴⁾. Не помогла и эта мѣра; грубый вымыселъ всего сообщеннаго былъ слишкомъ очевиденъ.

13-го января русскіе начали бомбардировать городъ, но большаго

¹⁾ Beiträge, III, 295.

²⁾ Beiträge, III, прилож. XI.

³⁾ Конрадъ Деллинггаузенъ, Фридрихъ Стандстеде, Генрихъ Руте и Дидрихъ Кауеръ.

⁴⁾ Ревельцы, говоритъ Магнусъ, нѣрѣдко вливали печати, поддѣлывая подписи и т. д.

вреда они городу не наносили. 17-го января ревельцы сдѣлали очень удачную вылазку, отгѣснили русскихъ отъ каменнаго госпиталя у гавани и разрушили часть ихъ укрѣпленій. Къ концу января они сожгли дома и селенія около Фишермаля. Слухъ о новыхъ подкрѣпленіяхъ, идущихъ на помощь русскимъ, испугалъ защитниковъ Ревеля. Они снова обратились за помощью къ Польшѣ; утѣшительныя посланія императора только озлобляли ихъ. Заключеніе штеттинскаго мира и полное примиреніе Швеціи съ Даніей явились за то гарантіей скорой помощи со стороны Іоанна III; рать Ревеля могъ теперь надѣяться и на то, что Магнусъ, не включенный въ мирный трактатъ, покинутый Даніей и Польшей, вынужденъ будетъ оставить свое предпріятіе и приложить все свое стараніе къ возстановленію своихъ прежнихъ отношеній къ брату и его союзнику—королю Сигизмунду II Августу.

5-го марта ревельцы сдѣлали еще одну вылазку, при чемъ разрушили три вновь построенныхъ русскими блокауза у Калькофена. На этотъ разъ схватка была очень рѣшительною, и ревельцы вышли изъ нея побѣдителями. Магнусъ приходилъ въ совершенное отчаяніе и рѣшился еще разъ—но уже въ послѣдній—испробовать мирныя переговоры; онъ отправилъ къ городскимъ воротамъ своего духовника Христіана Шрапфера, который и вызывалъ кого либо изъ ратмановъ для переговоровъ. Ловкій и хитрый духовникъ недалекаго Магнуса началъ свою рѣчь въ чисто евангельскомъ тонѣ; онъ упрекнулъ жителей въ тяжкомъ грѣхѣ за то, что они рѣшились распространить рядъ ложныхъ извѣстій о Магнусѣ и московскомъ государѣ; онъ склонялъ ихъ къ сдачѣ, открылъ имъ наущеніе Іоанна Грознаго перейти въ католицизмъ, а потомъ принять и ученіе Лютера; всѣ слухи о тиранинѣ царя ложны: онъ государь доблестный и сильный, истинный христіанинъ. Переговоры съ ревельцами доказали неудачному дипломату, такъ безцеремонно искажавшему истину, что они убѣждены въ совершенно противоположъ, какъ относительно царя, такъ и относительно Магнуса. Шрапферъ долженъ былъ поспѣшить удалиться, потому что раздраженные ревельцы грозили ему силою.

Въ послѣдніе дни осады начались переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ. Таубе и Крузе обрушились на ревельцевъ съ новыми обвиненіями въ забвеніи общей пользы; городской совѣтъ виновенъ во всемъ, такъ какъ не внялъ просьбамъ и угрозамъ Магнуса и обоихъ непріазненныхъ ливонскихъ патріотовъ. Теперь они сознали, что всѣ труды ихъ

напрасны: съ слѣпцами не много нанижешь бисеру и глухихъ напрасно читать проповѣди ¹⁾).

Въ ночь на 16-е марта 1571 года Магнусъ сжегъ свой лагерь; утромъ того же числа онъ снялъ осаду города и отступилъ. Русскіе направились къ Нарвѣ, нѣмцы къ Вейссенштейну; попытка ихъ занять этотъ городъ не удалась, благодаря мужественной защитѣ его Флеммингомъ. Магнусъ уѣхалъ въ Оберпаленъ.

30-ть недѣль продолжалась разказанная нами первая осада Ревеля. Рѣшительная неудача этого предпріятія была роковымъ ударомъ для новаго короля Ливоніи и его протектора. Они потратили свои лучшія силы и все-таки должны были признать превосходство своихъ противниковъ. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что Фридрихъ II однимъ движеніемъ своего сильнаго флота сразу могъ бы помочь дѣлу Магнуса и Грознаго. Но онъ не только не сдѣлалъ этого, но и заключилъ еще миръ съ Іоанномъ шведскимъ, давъ послѣднему полную возможность сосредоточить всѣ силы свои, все свое вниманіе на Ревелѣ. Не могъ же Фридрихъ II думать, что Максимилианъ II дѣйствительно выкупитъ у Іоана всѣ его владѣнія въ Эстляндіи и Лифляндіи. Акты умалчиваютъ о мотивахъ страннаго равнодушія и бездѣйствія со стороны Фридриха II. Глубоко заинтересованный въ судьбѣ Ливоніи, онъ долженъ былъ понять, что въ Ревелѣ—у него ключъ къ господству на Балтійскомъ морѣ. Отнять этотъ ключъ у шведовъ было теперь гораздо легче, чѣмъ при Эрикѣ XIV. Правда, что Польша съ 1568 года находилась въ дружбѣ съ Швеціей, правда и то, что Любекъ, совершенно истощивъ свои средства въ семилѣтней сѣверной войнѣ, не могъ бы помочь Фридриху ни флотомъ, ни деньгами; за то у Даніи теперь новый союзникъ—московскій царь, громадными силами котораго она отлично могла бы воспользоваться для ослабленія шведовъ. Поддерживая нарвское плаваніе, она довела бы до нуля торговлю Ревеля и другихъ ливонскихъ городовъ; занявъ Ревельскій рейдъ, она отрѣзала бы сообщеніе его съ Швеціей. Польша была совершенно неопасна. Сухопутныя силы ея могли бы быть отбиты русскими, а флота у Польши не было; Сигизмундъ II Августъ напрасно взывалъ къ Дашцигу о помощи кораблями и матросами: отношенія польскаго короля къ своимъ прусскимъ городамъ грозили перейти въ открытую вражду. Итакъ, судьбу Ревеля могъ бы всецѣло рѣшить Фридрихъ II;

¹⁾ Es ist aber mit blinden nicht gutt Perlen sticken, also woll vnnutz vnd forgebens fur tauben menschen zupredigen.

его бездѣйствіе въ данномъ случаѣ свидѣтельствуешь только о политической близорукости его и можетъ быть объяснено развѣ только совершеннымъ истощеніемъ, предшествовавшими тяжелыми годами и желаніемъ выяснитъ свои отношенія къ Голштиніи.

Неудавшаяся осада Ревеля Магнусовыми и московскими войсками и отступление ихъ составляетъ поворотный пунктъ не только въ жизни ливонскихъ ренегатовъ Крузе и Таубе, но и въ исторіи самой ливонской войны ¹⁾. Магнусъ обвинялъ ихъ въ неудачѣ осады, они увѣрили, ручались ему въ полномъ успѣхѣ и легкости предпріятія. Оба ренегата дѣлають съ тѣхъ поръ попытку перейти на службу къ польскому королю.

Иоанна Грознаго неудача подъ Ревелемъ не смутила, и въ дальѣйшемъ ходѣ войны мы еще встрѣтимся съ двумя попытками его подчинить себѣ этотъ городъ, значеніе котораго онъ, безъ сомнѣнія, также хорошо понималъ, какъ и значеніе Нарвы.

Нарвская торговля шла бы еще успѣшнѣе, еслибы не каперства шведовъ и ревельцевъ. Иоаннъ Грозный былъ совершенно правъ, когда въ своихъ неудачахъ подъ Ревелемъ обвинялъ Фридриха II. Вѣсть о заключеніи мира съ Швеціей какъ разъ въ моментъ осады Ревеля какъ громомъ поразила его.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Schieman, 19.

ГРЕЧЕСКИЙ ИСТОЧНИКЪ „ИЗРЕЧЕНІЙ ИСИХІА“.

Небольшое собраніе изреченій, извѣстное подъ названіемъ „наказаніе“ или „словца избрана“ и приписываемое, по книжному преданію, св. Исихію, пресвятеру іерусалимскому, появляется въ русской письменности вмѣстѣ съ древнѣйшими памятниками переводной славянской литературы. Свидѣтелемъ служить Святославовъ изборникъ 1076 года, гдѣ, на лл. 64 об. — 79 об., Исихій читается въ количествѣ 103 изреченій. Рано попадаютъ „словца избрана“ и въ списки Пчелы, въ составъ дополнительныхъ статей, какъ это видно изъ пергаменнаго списка древней русской Пчелы. Эта вторая редакція нѣсколько отличается отъ первой, древнѣйшей: прежде всего, она значительно короче и имѣетъ свои особенности въ языкѣ. (Объ редакціи были напечатаны нами въ Памятникахъ древней письменности за прошлый годъ (№ ХСII), при чемъ мы должны были ограничиться только сообщеніемъ имѣвшихся у насъ русскихъ текстовъ, такъ какъ не могли въ свое время напасть на греческій текстъ, съ котораго сдѣланы были славянскій переводъ.

Въ настоящее время намъ посчастливилось отыскать источникъ такъ называемаго Исихія, и при томъ тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали: мы нашли его въ сочиненіяхъ св. Нила Синайскаго (ум. въ 450 г.). Такимъ образомъ, имя Исихія, епископа іерусалимскаго, въ заглавіи нашего памятника является слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія¹⁾: можетъ быть, это результатъ случайнаго недосмотра въ той рукописи, отъ которой ведутъ свое начало русскіе списки нашихъ изреченій. Изъ

¹⁾ Это недоразумѣніе отразилось, между прочимъ, и въ русской Пчелѣ, гдѣ изреченія, несомнѣнно Ниловы, приписываются иногда Исихію. См., напримѣръ, 9 мѣсто 52 главы, отвѣчающее 43 язъ „Исихія“ по списку пергаменной Пчелы и 31 Изборника 1076 г.

изданіяхъ сочиненій св. Нила, какъ извѣстно, помѣщается нѣсколько статей, относящихся къ разряду гимнологій и состоящихъ изъ довольно значительнаго числа болѣе или менѣе краткихъ наставленій нравственнаго характера. Для объясненія русскаго Исихія слѣдуетъ обратиться къ двумъ изъ этихъ статей: обѣ онѣ, въ существенныхъ своихъ частяхъ, съ полнымъ основаніемъ должны быть приписаны перу св. Нила (см. Ios. Fessler. *Institutiones patrologiae*. Osnipont. M.DCCCLI. Tom. II, pars prior, pag. 602 — 603). Одна изъ этихъ статей (139 изреченій) носитъ названіе: *Κεφάλαια ἢ παραίνεσις* ¹⁾; она распадается на двѣ части: первая (24 изреченія, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ), по словамъ Fessler'a, не принадлежатъ Нилу и для насъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; вторая же (115 изреченій), начинающаяся словами: *Φόβον ἔχε Θεοῦ* и т. д. и, по мнѣнію того же ученаго, принадлежащая несомнѣнно св. Нилу, соответствуетъ первой половинѣ „наказанія Исихія“ по списку 1076 года ²⁾; „словца избрана“ пергаментной Пчелы объясняются этою статьею вполне. Другая Нилова статья называется: *Γυνῶμαι ἀπάγουσαι τὼν φθαρτῶν καὶ κολλῶσαι τοῖς ἀφθάρτοις τὸν ἄνθρωπον* ³⁾; въ ней до 135 изреченій, изъ которыхъ, однако, Нилу могутъ быть приписаны только первые 98. *Γυνῶμαι ἀπάγουσαι*, нѣроизно, непосредственно примыкали къ первой названной нами статьѣ Нила ⁴⁾; въ русскомъ текстѣ „Исихія“, по сп. 1076 г., она соответствуетъ второй половинѣ изреченій и объясняютъ все ихъ содержаніе. Изъ сличенія греческаго текста съ обѣими редакціями русскаго „Исихія“ оказывается, что ни та, ни другая не представляетъ полнаго перевода Ниловыхъ статей. Можно, однако, думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ переводъ былъ полнѣе. Нѣкоторые указанія на это, повидимому, даетъ извѣстный сербскій „сборникъ попа Драголи“ XIII—XIV вѣковъ, въ которомъ, между прочимъ, читается небольшой отрывокъ гимнологія св. Нила (въ русскомъ текстѣ 1076 года

¹⁾ *Migne*, *Patrolog. curs. compl. ser. gr.* 79, col. 1249—1262; русскій переводъ въ *Теоретикѣ св. отцовъ* 1858 г., кн. 4., стр. 233—245.

²⁾ Только къ двумъ изреченіямъ (41 и 42) мы не нашли соответствующихъ въ греческомъ текстѣ.

³⁾ *Migne*, l. c., col. 1239 — 1250; русскій переводъ въ *Теоретикѣ св. отцовъ* 1858 г., кн. 4, стр. 246—256.

⁴⁾ *Κεφάλαια* заканчиваются такъ: *ἀνὶ προκόπτειν ἐν τοῖς ἀγαθοῖς ἔργοις σκοποῦσι· ὁδὸς γὰρ εἰς ἀρετὴν ἡ τοῦ βίου φυγή*. *Γυνῶμαι* начинаются тѣми же словами: *ὁδὸς εἰς ἀρετὴν ἡ τοῦ βίου φυγή, ἀγαθὴ τε καὶ σύντομος*.

этому отрывку соответствуют ст. 51—95). Здѣсь мы находим нѣсколько сентенцій, опущенныхъ въ извѣстныхъ намъ русскихъ спискахъ ¹⁾. (Опоставленіе русскаго текста съ греческимъ даетъ, кромѣ того, возможность обнаружить, что въ наказаніи Исихія (Святославовъ изборникъ 1076) не достаѣтъ конца: изреченія 104—112 (см. Памятники древней письменности, ХСН, стр. 25) представляютъ собою отрывокъ изъ книги премудрости Іисуса сына Сираха ²⁾). Если теперь принять въ расчетъ, что изреченіе 103 заканчивается собою оборотъ л. 79, а изреченіемъ 104-мъ начинается л. 80, и что передъ новою статьею обыкновенно помѣщается заглавіе, то становится, кажется, возможнымъ предположеніе, что послѣ л. 79 въ Святославовомъ изборникѣ утрачено нѣсколько листовъ, не менѣе трехъ: на двухъ изъ нихъ, вѣроятно, и помѣщался конецъ „наказанія“, соответствующій заключительнымъ 14 изреченіямъ второй Пиловой статьи.

Оставляя открытымъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ редакцій русскаго „Исихія“, мы должны сознаться, что въ виду неполноты извѣстныхъ намъ списковъ, отношенія эти пока представляются не совсѣмъ ясными.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести греческій текстъ, объясняющій „Исихія“ и извлеченный нами изъ упомянутыхъ выше статей св. Писа. (Первая цифра обозначаетъ мѣсто того или другаго изреченія въ оригинальномъ текстѣ; въ скобкахъ обозначены соответственные мѣста русскихъ текстовъ, по изданію въ Пам. др. писм., при чемъ цифра съ помѣткою Сб. обозначаетъ „Исихія“ по списку 1076 года, а цифра безъ помѣтки—„слопца избрана“ редакціи пергамской Печлы).

I. Изъ статьи: Κεφάλαια ἡ παραίνεσις

(Migne, tom. 79, col. 1249—1262).

25 (1—Сб. 1). Φόβον ἔχε Θεοῦ, καὶ πόθον, καὶ κατὰρὸν πρὸς πάντας τῷ μαρτυρίῳ τοῦ συνειδότος κέρησος.

¹⁾ Изреченія эти слѣдующія: когда те горе, то рад(о)уи се, аще без-ума, изада ти ксть, аще ли не без-оума, грѣхъ ти се праша (ср. Κεφάλαια, 122). къ сѣни и къ колеси печаль и радость приложи. іако сѣнь расходит се (ср. Κεφάλ., 123). не любн благихъ, нхже потреба множдеть ти, а мѣтлне погнѣвать (Γωφραι, 4.). блажено ксть страд(а)ти, наче неже иному творити стр(а)сти (Γωφραι, 47.). добро алычимъ х(лѣ)бъ, нмже похотнаго кла(са) правдоуимы (Γωφραι, 49.). (Споменикъ, XIII, стр. 22—23).

²⁾ Главы III ст. 30 и главы IV ст. 1—9.

26 (2—C6. 2). Αὐτὸν ἐφεστάναι τὸν Θεὸν πίστευε, ἐν οἷς πράττεις ἐκάστοτε.

27 (3). Φεῦγε τοὺς ἐπαίνους, αἰσχύνου δὲ τοὺς φόγους.

28 (4—C6. 3). Χαίρου, τὴν ἀρετὴν ἡνίκα πράττεις· ἀλλὰ μὴ ἐπαίρου, μήποτε τὸ ναυάγιον ἐν τῷ λιμένι γένηται.

29 (5—C6. 4). Ὅσον ἐν τῷ νόμῳ προκόπτεις, ἀπολείπεσθαι τῆς τελειότητος γίνωσκε.

30 (5—C6. 5). Πάσης πράξεως τὸ τέλος πρὸ τῆς ἀρχῆς ἐτάταζε.

31 (6—C6. 5). Νύκτωρ καὶ μεθήμεραν πρὸς τὴν ἡμέραν τὴν ἐσχάτην ἀπόβλεπε.

32 (7—C6. 6). Μὴ ἀναμίγνυστο τούτῳ, ὃν παρὰ τῶν ἀγαθῶν θεωρεῖς λοιδορούμενον.

33 (8—C6. 7). Σπεῦδε μηδενὶ βλάβην, ἐν οἷς πράττεις, ἢ λέγεις, ἢ φιλοσοφεῖς, γενέσθαι.

34 (9—C6. 8). Μὴ εὐφραίνου τοῖς ἀνθηροῖς τοῦ βίου· τὸ γὰρ χόρτινον ἄνθος, ὡς ψηλαφᾷς, μαραίνεται.

35 (10—C6. 9). Ἐν τοῖς λυπηροῖς εὐχαρίσται, καὶ ὁ ζυγὸς τῶν ἁμαρτιῶν κουφίζεται.

36 (11). Ἐν τοῖς πειρασμοῖς ἀσφαλίζου· πολλοὺς γὰρ καὶ μειζόνων ἤλεγξαν.

37 (12). Μὴ μέμφου τὴν τοῦ Θεοῦ μακροθυμίαν· κοινὸν γάρ ἐστι φάρμακον. (He радѹща чюжемоу паденію—очевидно, позднѣвшая при-
бавка, ср. C6. 66).

38 (13). Μίσει τὸ ἀνώμαλον τοῦ βίου, ἐπ' αὐτὸ δὲ τὸν Θεὸν μὴ διάβαλλε.

39. (14—C6. 10). Προσέχωμεν ἑαυτοῖς, καὶ ἄλλους οὐ σκώφομεν.

40 (14—C6. 10). Πολλὰ γὰρ ἐν ἡμῖν, ἀφ' ὧν τοὺς ἄλλους σκώπτομεν.

41 (15—C6. 11). Ψαλμὸς ἔστω σοι εὐχῆς ἐν τῷ στομάτι σου· Θεὸς γὰρ ὀνομαζόμενος φυγαδεύει τοὺς δαίμονας.

42 (16—C6. 12). Προσευχὴ μετὰ νήψεως γενέσθω, ἵνα μὴ τὸν Θεὸν αἰτοῦμεν, οἷς αὐτὸς οὐκ ἀρέσκειται.

43 (17—C6. 13). Ἀεὶ μνημόνευε τοῦ Θεοῦ, καὶ οὐρανὸς ἡ διάνοιά σου γίνηται.

44 (18). Χαλίνου τὸν ὀφθαλμόν· ὡς γὰρ οὐκ οἶδας, ῥέμβεται. (Оυχο
слѣдоваю бы нзмѣнить въ око).

45 (19—C6. 14). Φεῖδου τῆς γλώττης· πολλάκις γὰρ προφέρει, ἅπερ ἄμεινον κρύπτεσθαι.

46 (20). Γεώργει τῇ μελέτῃ τοῦ νόμου, τὴν διάνοιαν· ἐκτίλλει γὰρ τῶν λογισμῶν τοὺς πονηροὺς, συνεχῶς μελετώμενος.

47 (21—C6. 15). Τὰς ἀρετὰς κρύπτει· μάρτυρας δὲ τοῦ βίου πολλοὺς κέκτηται.

48 (22). Μίσει τὰς ἡδονὰς τῆς σαρκός· ῥοπαρὰν γὰρ μετὰ τοῦ σώματος τὴν ψυχὴν ἐργάζονται.

49 (23—C6. 16). Μόνα δίδου τῇ σαρκὶ ὅσα χρῆζει λαβεῖν, οὐχ ὅσα βούλεται.

50 (23—C6. 17). Μὴ ἀγάπα τὸ τρυφᾶν· φιλίαν γὰρ πρὸς τὸν βίον ἐμποιεῖ. ἔχθρα δὲ πρὸς τὸν Θεὸν ἐκατέρου τίττεται.

51 (24—C6. 18). Ἀποστρέφου τὴν ἐν τῷ βίῳ χαρὰν· αὕτη γὰρ ὀλισθαίνει καὶ σκελίζει τοὺς τρέχοντας.

52 (25). Πλοῦτον εἰ μὲν ἔχεις, σκέρπτει. Εἰ δ' οὐκ ἔχεις, μὴ σύναγε.

53 (26). Ὅπλον ἡγοῦ τὴν νηστείαν, καὶ τὴν προσευχὴν τείχος, καὶ λουτήρα τὰ δάκρυα.

54 (27—C6. 19). Ὅσα ἐξημαρτες, πάντα μετὰ στεναγμῶν μέμνησο· γίνεται γὰρ ἐντεῦθεν τῇ ψυχῇ διηλεκτικὴ κατάνυξις.

55 (28). Περιποιῶ τοὺς πτωχοὺς· οὗτοι γὰρ ἡμῖν τὸν Κριτὴν καταλλάττουσι.

56 (20—C6. 20). Ταῖς χρεαῖαις τῶν ἀγίων κοινώνει· δι' αὐτῶν γὰρ σοι κοινωνία πρὸς τὸν Θεὸν γίνεται.

57 (30—C6. 21). Τὴν ἐκκλησίαν ὡς οὐρανὸνπάτει· καὶ μηδὲν ἐν αὐτῇ μηδὲ λέγει, μηδὲ λογίζου γήινον.

58 (31—C6. 22). Ἀναγκαῖαν νόμιζε τὴν αὐτάρκειαν, παραχώρει δὲ τῷ Θεῷ τὴν ὑπὲρ ταύτης μέριμναν.

59 (32—C6. 23). Κύλλα τὴν σάρκα ἀγαθοῖς πόνοις. παντελῶς δὲ αὐτὴν μὴ καταπιοσὲν φρόντιζε.

60 (33—C6. 24). Πίνει τὸν οἶνον ἐλάχιστον· ὅσον γὰρ κολοβοῦται, εὐεργετεῖ τοὺς πίνοντας.

61 (34—C6. 25). Κόλαζε τὸν θυμὸν· μανίας γὰρ ἐστὶ πατὴρ, τὸ μέτρον ἐξερχόμενος.

62 (35—C6. 26). Ἐν ταῖς νόσοις, τῇ προσευχῇ πρὸ τῶν ἱατρῶν καὶ φαρμάκων κέχρησο.

63 (36—C6. 27). Τοὺς ἱερεῖς πάντας μὲν τίμα, τοῖς ἀγαθοῖς δὲ πρόστρεχε.

64 (37—C6. 28). Ἀγάπα τοῦ Θεοῦ τοὺς οἴκος, οἶκον δὲ Θεοῦ καὶ αὐτὸν κατασκεύασον.

65 (38—C6. 29). Εἰς τὴν ἐκκλησίαν σύχναζε· θορύβων γὰρ ἡμᾶς καὶ ζάλης ἀπαλλάττει τῶν ἐξωθεν.

66 (39). Ὅσα ἐν τῇ γῇ, πρόσκαιρα· μὴ σε νῦν λύπει τὸ χωρίζόμενον.

67 (40). Ὅταν σοι λογισμὸς ἡδουπαθείας ἐγγένηται, ἀντίστησον αὐτῷ τὴν τῶν ἀνθρώπων αἰσχύνην, καὶ τὴν τοῦ Θεοῦ πρόσκρουσιν.

68 (41). Ἀσφαλίζου τὴν ἀκοὴν καὶ τοὺς ὀφθαλμούς· δι' αὐτῶν γὰρ πάντα τὰ βέλη τῆς κακίας εἰσέρχονται.

69 (42—C6. 30). Ἦνίκα προσεύχῃ, τὸν λογισμὸν πρὸς Θεὸν ἀνάγαγε, καὶ περιπασθεὶς κατέλθῃ, πάλιν αὐτὸν ἀνάγαγε.

70 (43—C6. 31). Οὐ παύεται (λογισμοὺς. Max. Conf. I. oc. commun. p. 669) ἡ διάνοια τίκτουσα· οὐ δὲ τοὺς μὲν φαύλους ἔκτειλε, τοὺς δὲ ἀγαθοὺς γεώργησον.

71 (44—C6. 32). Χαίρε τῇ ταπεινώσει· τὸ γὰρ ἐξ αὐτῆς ὕψος πολὺ, καὶ πεσεῖν μὴ δυνάμενον.

72 (45—C6. 33). Ἀσκει τοσοῦτον, ὅσον χαλάσαι τῆς σαρκὸς τὰ κινήματα· καὶ ἀσθενήσῃ, πρὸς ὑγίαν τὸ σῶμα μὴ πρὸς τρυφὴν θεράπευσον.

73 (46). Τοὺς πονηροὺς τῶν λογισμῶν λογισμοῖς ἐτέροις ἀναμόχλευε.

74 (47—C6. 34). Δογίζου τῶν οὐρανῶν ἀγαθῶν τὴν εὐπρέπειαν· καὶ πάθος οὐδὲν σοι τῆς γῆς, ἣ τῶν ἐκ ταύτης τερπνῶν ἐπεισέρχεται. Вѣсто πάθος вострѣчается чтеніе πόθος (см. переводъ Ниловыхъ изреченій, въ Твор. св. отцевъ, 1858, IV, стр. 237).

75 (48). Ἦνίκα τι περὶ Θεοῦ ἐπέρχεται σοι νοεῖν, μὴ τὸν Θεόν· ἀλλὰ σαυτὸν· οὐδὲν γὰρ ἀσφαλές, ὑπὲρ τὸ μέτρον, ὅπερ χωροῦμεν, ἐπέρχεται.

76 (49—C6. 35). Τὰς φαύλους ἐνθυμήσεις σπόρον εἶναι τοῦ διαβόλου πίστευε· οὕτω γὰρ αὐταὶ παύονται, ὁ δὲ σπορευὺς αἰσχύνεται.

77 (50—C6. 36). Φεΐδου τὰ πολλὰ γέλωτος· χαυνοὶ γὰρ τὴν ψυχὴν. Χαυνωθεῖσα δὲ τῷ τοῦ νόμου χαλινῷ εὐχερῶς ἀποδύεται.

78 (51—C6. 37). Εἰς ἔργα δεῖ τὴν ψυχὴν καὶ προσευχὰς μερίζεσθαι· οὕτω γὰρ οὐ πολλὰς εὕρισκε πρὸς ἡμᾶς τὰς εἰσόδους ὁ διαβόλος.

79 (52—C6. 38). Ἔργον εἶναι τοῦ νόμου τὴν ἀνάγνωσιν νόμιζε, εἴταν μετὰ τῆς γλώττης ὁ νοὺς τρυγῇται τι θέλων, ἐν ταῖς βίβλοις ἐργάζεται.

80 (53, 54—C6. 39). Ἐὰν εἰς ἔργα τὴν χεῖρα κινήῃς, ἡ γλώττα ψαλλέτω, καὶ ὁ νοὺς προσευχέσθω· ἀπαιτεῖ γὰρ αἱ παρ' ἐμῶν ὁ Θεὸς μνημονεύεσθαι.

81 (55—C6. 40). Πᾶσαν μὲν πρᾶξιν διὰ προσευχῆς σφράγιζε· ταύτην δὲ μάλιστα, ἐφ' ἣν τὸν λογισμὸν θεωρεῖς ἀμφιβάλλοντα.

82 (C6. 44). Εἰ βούλει τὰ τῶν χειρῶν ἔργα, θεῖά σοι καὶ μὴ χοικὰ γίνεσθαι, κοινά σοι τὰ ἐξ αὐτῶν γένεσθω πρὸς τοὺς χρήζοντας.

83 (56—C6. 45). Χαίρει τῇ τῶν ἀγίων ἐντεύξει· δι' αὐτῶν γὰρ ὁ Θεὸς ἐμφανίζεται.

84 (57—C6. 45). Τοὺς ἀληθῶς ἀγίους ἀπο τῶν ἔργων διάκρινε. Ἐκαστον γὰρ δένδρον ἐκ τοῦ καρποῦ γινώσκεται.

86 (58—C6. 46). Ἀκακίαν δοκεῖ τῇ καρδίᾳ, καὶ ἀγνείαν τῷ σώματι· ταῦτα γὰρ ἄμφω σε Θεοῦ ναὸν ἀπεργάζεται.

87 (59—C6. 46). Οὕτως οὖν φύλαττε τὸν ναὸν, ὡς τοῦ Κτίσαντος καὶ κρίναι μέλλοντος, καὶ τὴν εἰκόνα σε (τὴν ἑαυτοῦ) καθαρὰν μεθοδεύοντος.

88 (60). Αἱ τῶν βιωτικῶν ὁμιλίαι τὸν λογισμὸν ἀπὸ Θεοῦ χωρίζουσι. διόπερ αὐταῖς μηδὲ συλλάλει, καὶ τοὺς λαλοῦντας ἐκκλινε.

89 (61—C6. 47). Ὅταν λοιδορηθῇ, σκόπει μὴ τί σοι τῆς λοιδορίας πέπρακται ἄξιον· εἰ δὲ οὐ πέπρακται, καπνὸν εἶναι φεύγοντα τὴν λοιδορίαν νόμιζε.

90 (62—86. 48). Ἐν οἷς ἀδικῇ, τῇ ὁπομονῇ πρόσφεογε, καὶ πρὸς τοὺς ἀδικούντας ἡ βλάβη μεθίσταται.

91 (63—C6. 49). Ἦνίκα πλοῦτον ἢ δόξαν ὀρέῃ, ἡ βιωτικὴν δοναστείαν, λογίζου τὸ ἐν αὐτοῖς φθαρτὸν, καὶ διαφεύγεις τὸ δόλαιον.

92 (64—C6. 50). Καρτέρει τὰς θλίψεις· ἐν αὐταῖς γὰρ αἱ ἀρεταί, καθάπερ ἐν ἀκάνθαις ῥόδα, φύονται τε καὶ τρέφονται.

93 (65). Μηδὲν εἶναι τῆς ἀρετῆς ἴσον εἰς ἀξίωμα νόμιζε. Ὅψις γὰρ ἐστὶ Θεοῦ· διόπερ ἐστί, καθὰ καὶ αὐτός, ἄτρεπτος.

94 (66—C6. 51). Θρήνη τὸν ἀμαρτωλὸν εὐθηνοῦντα· τὸ εἶφος γὰρ αὐτῷ τῆς δίκης ἐπιτείνεται.

95 (67—C6. 48). Μητέρα κακῶν τὴν ῥαθυμίαν νόμιζε. Ἀγαθὰ γὰρ ἂ μὲν ἔχεις, σულᾶ· ἂ δὲ οὐκ εἴς προσκτήσασθαι.

96 (68, 69—C6. 51). Ὅταν φαῦλα πράττων, ἐπ' αὐτοῖς μὴ αἰσχύνεται, βρεῖται τὸ τραῦμα, καὶ τὸ πτώμα εἰς ἀπόγνωσιν ἔρχεται.

97 (70—C6. 52). Ὅσakis ἀθυμαῖς, λογίζου πόσα τοῖς πιστοῖς παρασκεύασται, καὶ ὁ καρπὸς σοι τοῦ πνεύματος εὐχαρῶς παραγίνεται ¹⁾.

¹⁾ Ποσὰ παραγίνεται во одноѣ рукописи сочиненіи Нмла читается: Кі γὰρ μὴ πρότερον ἐν πολλῇ γυμνασίᾳ γένηται καὶ εἰς κόποις καὶ εἰς πολέμοις εὐδοκίμησεν, πείρα ἐπιθεϊσάμενος τὴν νίκην καὶ τροπαία κατὰ τῶν ἐναντίων φέρων· πόση μᾶλλον ἐπὶ τῷ ἐπουρανίῳ καὶ ἀληθινῷ βασιλεῖ· τὰς δὲ δωρεὰς τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐπουρανίους οὐδεὶς καταξιοῦται λαβεῖν, εἰ μὴ πρότερον γυμνασθεῖν ἐν τῇ μελέτῃ τῶν ἁγίων ἐντολῶν καὶ οὕτω λαμβάνων ὅπλον ἐπουρανίον αὐτὴν τὴν χάριν, ἀγωνίζεται κατὰ τῶν πνευμάτων τῆς πονηρίας· ὅσον γὰρ τις προσκόπεται εἰς τὸν πνευματικὸν ἀγῶνα, ἀκμὴν λαμβάνει τῶν τοῦ πνεύματος μυστηρίων καὶ τῶν τῆς σοφίας θησαυρῶν, καὶ ὅσον ἐν τῇ χάριτι αὐξάνει, τοσοῦτον προκόπτει εἰς τὸ γινώσκειν τὰ τῆς κακίας νοήματα, τοῦ δεσπότου Χριστοῦ βοηθοῦντος αὐτῷ, ὃ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν (Migne, l. c., col. 1257). Место это соответствует гламъ четыремъ (71, 72, 73 и 74) изреченіямъ, которыми заканчивается „Нечаянъ“ въ спискѣ пергаминной Печелы; списокъ Святославова Изборника 1076 г. ихъ не знаетъ.

98 (71—C6. 53). Χρή τὸν πιστὸν ταπεινοῦσθαι πρὸς πάντας· τὸ γὰρ πρὸς ἐνίους ταπεινοῦσθαι, πεπλανημένην τὴν ταπείνωσιν κέκτῃται.

101 (C6. 54). Μὴ συνηγόρει τοῖς κακοῖς· αὐτοὺς μὲν γὰρ εἰς κακίαν ἀλείφεις, οὐ δὲ μολύνῃ τῇ κοινωνίᾳ τοῦ πράγματος.

103 (C6. 55). Ἀκούειν αἰεὶ καὶ λαλεῖν τὰ τῶν ἀγίων σπουδάζε· εἰς ζῆλον γὰρ ἀγαθὸν τὴν ψυχὴν ἐραθίζουσι.

104 (C6. 56). Εἰ Ἐκκλησίαν κατ' οἶκον ἕκαστος τὴν διάνοιαν ἔχομεν, καὶ τελεῖν ἐν αὐτῇ τοὺς θεσμοὺς τῆς Ἐκκλησίας ὀφείλομεν.

107 (C6. 57). Τὴν κακίαν πότε μισήσεις, ὅταν λογίσῃ, δαιμόνων ὅτι ἐστὶ καθ' ἡμῶν στυλβομένη μάχαιρα.

109 (C6. 58). Ὅταν ἐν ἀγίοις λαλεῖς, ἐρώτα τὰ τοῦ πνεύματος· ὅταν δὲ μὴ τοιούτοις λαλεῖς, οὐ ταῦτα λάλει.

119 (C6. 59). Τὸν ἀμελῶς βιοῦντα, μὴ προσλάβῃς σύμβουλον· ὁ γὰρ τοῖς κακοῖς χαίρων, ἀγαπᾷ καὶ μισεῖν καὶ συμβουλεύειν οὐκ ἀνέχεται.

125 (C6. 60). Εἰ βούλει τῆς κολάσεως ἐκφυγεῖν τὸ ἐπίπονον, μηδένα ποτὲ λοιδορήσῃς· ἐκ τούτου γὰρ τὸ Θεῖον παροξύνεται.

127 (C6. 61). Εἰ θέλεις πάσης ἀμαρτίας ἀνώτερος εἶναι, πράξεις ἀλλοτρίας μὴ καταμάνθῃς· πολλὰ γὰρ εἰσὶν ἐν σοί, ἀφ' ὧν ἕτερον ὑπολαμβάνεις.

128 (C6. 62). Φεῦγε τὴν ὑπερηφανίαν, ὡ ἄνθρωπε, κἂν πλούσιος ᾖ, μήποτε τὸν Θεὸν ἀντιτασσόμενον ἔξεις.

129 (C6. 63). Φίλει τὴν ταπεινοφροσύνην, κἂν μέγας ὑπάρχῃς, ἵνα ὑψωθῇς ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως.

130 (C6. 64). Μὴ σκώψῃς ἄνθρωπον, καὶ μῶμον οὐχ ἔξεις ἐν πάσῃ ζωῇ σου.

131 (C6. 65). Ὅταν ἐν Ἐκκλησίᾳ ὑπάρχῃς, μὴ μεταωρίζου· ἐνώπιον γὰρ βασιλέως οἱ ἱερεῖς, οὔτε γελῶσιν, οὔτε μεταωρίζονται.

136 (C6. 66). Μὴ γελάσῃς ἐπὶ πτώματι ἐτέρου, ἵνα μὴ γελασθῇς ὑφ' ὧν οὐ θέλεις.

137 (C6. 67). Φύλασσε τὰς παραινέσεις ταύτας, ἵνα στέφανον δόξης προξενήσωσί σοι.

138 (C6. 68, 69). Γενοῦ ἐγκρατὴς τῶν ἐντολῶν τούτων, ἵνα προσάξωσί σε ἐμφανῇ τοῖς ἀνθρώποις, καὶ εὐάρεστον Θεῷ· οὕτω γὰρ ἡδέεται τὸ Θεῖον καὶ τοιούτοις κατορθώμασι θεραπεύεται ὁ Θεός.

II. Изъ статьи: Гνώμαι ἀπάγουσαι η τ. δ.

(Migne, I. c., col. 1239—1250).

β' (C6. 70). Χρή τὸν ἐπιθυμοῦντα τῶν ἀφθάρτων, ἀντ' οὐδενὸς ἡγεῖσθαι τὰ φθειρόμενα.

γ' (C6. 71). Εἰ τὴν ζωὴν τὴν ὄντως ποθεῖς, αἰ προσδέχου τὸν ἀνθρώπινον θάνατον.

δ' (C6. 72). Μίσει τὸν παρόντα βίον. ὁρᾷς γὰρ αὐτοῦ τὸν τροχὸν ἀτάκτως κινούμενον.

η' (C6. 73, 74). Πάντων προτίμα τὴν ψυχὴν, καὶ τῆς ἀρετῆς ὁ δρόμος ἀκαμάτως ἀνύεται· πάντα γὰρ φθαρτὰ, ἡ δὲ ψυχὴ ἀθάνατος· προτιμᾶσθαι τοίνυν τῶν φθαρτῶν τὴν ἀθάνατον προσηκεν.

ι' (C6. 75). Μὴ ζητεῖ παρὰ Θεοῦ τὰ ἡδέα, μόνα δὲ τὰ συμφέροντα, ἐκεῖνα γὰρ αἰτηθεῖς, οὐ δίδωσιν, εἰ δὲ καὶ λάβῃς φθείρονται.

ιβ' (C6. 76). Μὴ εὐφραίνου πλούτῳ, αἱ περὶ γὰρ αὐτοῦ φροντίδες χωρίζουσιν ὡς τὰ πολλὰ, καὶ παρὰ γνώμην τὸν ἄνθρωπον ἀπὸ τοῦ Θεοῦ.

κβ' (C6. 77). Μηδέποτε πτωχὸν παρίδης· διακρύοντα, ἵνα μὴ παροφθῇ τῆς σῆς προσεσχῆς τὰ δάκρυα.

κς' (C6. 78). Παραιτεῖσθαι δεῖ τὸ τρυφᾶν, ἔλκει γὰρ εἰς πράξεις, ἀφ' ὧν στεναγμοὶ μετὰ τὴν νῆψιν γίνονται.

λς' (C6. 79). Τοὺς λογισμοὺς ἄμεινον τοὺς φιλοσάρκους βδελύττεσθαι, φθείρουσι γὰρ τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν μολύνουσιν.

κη' (C6. 80). Οὐδὲ τὰ τῆς γῆς ἀγαθὰ χωρὶς κόπων ἀνύεται, ἀνθ' ὅτου τὰ οὐράνια, διὰ τὸν μόχθον, ἐκκλίνουмен.

κθ' (C6. 81). Βούλει τὴν ἀρετὴν κόπου χωρὶς ἐργάζεσθαι; λογίζου τὸν κόπον, ὅτι πρόσκαιρος, καὶ τὸν μισθὸν ὡς αἰώνιον.

μ' (C6. 82). Ἄγιος ὁ τῆς προσεσχῆς βωμὸς, ἔλκει γὰρ πρὸς ἡμᾶς τὸν τῶν ἁγίων Ἄγιον.

μβ' (C6. 83). Εἰ σπεύρεις πτωχοῖς, τὰ σαυτοῦ σπεῖρον, τὰ γὰρ ἀλλότρια, ζιζανίων πικρότερα.

μς' (C6. 84). Εἰ τὸν οὐρανὸν ποθεῖς, μηδὲν σοι καὶ τῇ γῇ· οὐκ ἐφ' γὰρ ἐκεῖνη πρὸς ἐκεῖνον ἀνίστασθαι.

ν' (C6. 85). Πατέρας τῶν ἀρετῶν ἀγνεία, καὶ συμπάθεια, οὐ τοίνυν ἐνὶ τῷ Χριστῷ δίχα ταύτης ἡ ἐκεῖνης στρατεύεσθαι.

να' (C6. 86, 87). Μὴ ἀμέλει τῆς συμπαθείας· [αὕτη γὰρ τὸν ἀγαθὸν Δεσπότην ἐξ οὐρανοῦ κατήγαγεν. Μὴ καταφρόνει τῆς ἀγνείας] τὸ γὰρ ἐξ αὐτῆς ὄργανον τὸν δι' ἡμᾶς σαρκαθέντα τοῖς ἀνθρώποις παρέστησεν. См. у Мигно'я (col. 1245) гипотезу къ изреченію 51-м у.

νγ' (C6. 88). Μὴ βούλου πλουτεῖν, μὴ δοξάζεσθαι, φθορὰ γὰρ ταῦτα τοῦ βίου, ἡμεῖς δὲ οὐκ ἴσμεν ὡς οἱ φθειρόμενοι.

νδ' (C6. 89). Ἐκὶ νεκρῷ μὴ θρῆναι, κοινὴ γὰρ ἡ ὁδός· ὁ δὲ φθάνων μακάριος.

νε' (C6. 90). Τὸν ἀμαρτάνοντα πένθησον, οὐχὶ δὲ τὸν πτωχεύοντα, στεφανοῦται γὰρ αὐτός, ἐκείνος δὲ κολάζεται.

νς' (C6. 91). Λάλει τῷ Θεῷ πολλά, καὶ τοῖς ἀνθρώποις ἐλάχιστα, τῇ μελέτῃ δὲ τοῦ νόμου κατορθώσεις ἐκότερα.

νη' (C6. 92). Λουτήρ ἀγαθός τῇ ψυχῇ τὸ τῆς προσευχῆς δάκρυον, ἀλλὰ μετὰ τὴν προσευχὴν μέμνησο τίνος χάριν ἐδάκρυσας.

νθ' (C6. 93). Τοὺς δυνατοὺς τοῦ βίου μὴ μακάριζε, δυνατοὶ γὰρ δυνατοὶς ἐτασθήσονται· ὅθεν αὐτοὶ τὸν κριτὴν αὐστηρότερον ἔξουσιν.

ξγ' (C6. 94). Ἐαυτοὺς κρίνωμεν, καὶ ὁ Κριτὴς κατήλλακται· χαίρει γὰρ ὡς ἀγαθός, τὸν ἀμαρτωλὸν θεωρῶν τὸ φορτίον σκορπίζοντα.

ξς' (C6. 95). Ὡσπερ δυσχερῶς οἱ δεσμῶται βαδίζουσιν, οὕτως τὸν δρόμον τῆς ἀρετῆς οἱ συμπλακέντες τῷ βίῳ καθαρὸν οὐκ ἀνύουσιν.

ος' (C6. 96). Πᾶσα πονηρὰ πρᾶξις ὀπλίζει τὸν διάβολον, ὀπλισθεὶς δὲ χαλεπῶς τοῖς ὀπλίασιν κέχρηται.

οζ' (C6. 97). Βούλει τὸν ἐχθρὸν ἀσθενεῖν, τὴν ἀμαρτίαν περικόπτε, καὶ γυμνωθεὶς τῶν πτερῶν, ὡς στρουθίον, ἐμπαίζεται.

οθ' (C6. 98). Οὐαὶ τῷ βλασφήμῳ, δεσμεῖται γὰρ τὴν γλῶτταν, καὶ πῶς ἀπολογεῖσθαι πρὸς τὸν Κριτὴν οὐ δύναται.

οη' (C6. 99). Οὐαὶ ἀσεβεῖ, ὅτι, ὅταν πάντες φωτίζονται, τότε ἐκείνος σκοτιάζεται.

π' (C6. 100). Οὐαὶ τῷ ἀνόμῳ, πρὸς Κριτὴν γὰρ αὐστηρόν τε καὶ δίκαιον τὸν νομοθέτην ἀπέρχεται.

π' (C6. 101). Οὐαὶ τῷ πλεονέκτῃ, ὁ πλοῦτος αὐτὸν φεύγει καὶ τὸ πῦρ ὑποδέχεται.

πβ' (102). Οὐαὶ τῷ βαθύμῳ, ζητήσῃ τὸν καιρὸν, ὃν κακῶς ἐδαπάνησεν.

πδ' (103). Οὐαὶ τῷ φιλοπόρνῳ, ῥυποῦνται στολὴν νυμφικὴν, καὶ τοῦ βαπτικῆς γάμου μετ' αἰσχύνῃς ἐκβάλλεται.

Викторъ Семеновъ.

Гельсингфорсъ.

27-го марта.

ОТГОЛОСКИ АПОКРИФОВЪ ВЪ КАВКАЗСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНИЯХЪ.

Изученіе апокрифической литературы въ Арменіи и Грузіи едва только началось. Арменисты и иберисты (гг. Эминъ, Марръ, Хахановъ, Цагарели) указываютъ на существованіе многочисленныхъ рукописей апокрифическаго содержанія, хранящихся въ разныхъ, преимущественно монастырскихъ, бібліотекахъ и въ частныхъ собраніяхъ ¹⁾ но до сихъ поръ лишь незначительное число армянскихъ и грузинскихъ апокрифическихъ произведеній стало доступно неспеціалистамъ, благодаря переводамъ или выдержкамъ, сдѣланнымъ нѣкоторыми учеными ²⁾ Крайне мало извѣстно о *ветхозавѣтныхъ* апокрифахъ, которые, однако пользовались въ Закавказьѣ (Арменіи, Грузіи) не меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ странахъ. Подтвержденіемъ этому служитъ то, что въ нѣкоторыхъ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ можно указать отдѣльные мотивы, зашедшіе въ нихъ изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Такъ, въ своей статьѣ: „Къ вопросу дуалистическихъ космогонійхъ“, академикъ Веселовскій отиѣтилъ въ грузинскомъ и сванетскомъ сказаніи о созданіи міра черты, являющіяся извѣстными апокрифомъ ³⁾. Думаемъ, что при болѣе вниматель-

¹⁾ См., напримѣръ, статьи г. Марра: „Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію“, в *Запискахъ Восточ. Отд. Императ. Русск. Арх. Общ.*, томы V и VI.

²⁾ См. Эминъ, Моисей Хоренскій (о сношеніяхъ армянскаго эдесскаго царя Авгара со Спасителемъ), кн. II, гл. 26—34; *сю же*: Апокр. сказаніе объ успеніи Іоанна Богослова, М., 1876; *сю же*: О преставленіи Богородицы въ „*Православномъ Обзорникѣ*“, 1874 г.; *сю же*: Сказанія о святыхъ Таддѣѣ и Варооломѣѣ М., 1877; Марръ, Изъ лѣтней поѣздки въ Арменію въ *Зап. вост. отд. И. Р. А. Общ.*, т. VI; Хахановъ, Грузинск. изводъ сказанія о св. Георгіи, М., 1892, и дру-

³⁾ См. *Этнографическое Обзорніе*, кн. V, стр. 38—42.

номъ просмотрѣ кавказскихъ народныхъ сказокъ и легендъ число такихъ указаній можетъ быть значительно увеличено, и въ видѣ перваго опыта приведемъ нѣкоторые встрѣтившіеся намъ, повидимому, апокрифическіе мотивы въ нартскихъ (богатырскихъ) сказаніяхъ.

Въ извѣстномъ широко распространенномъ среди осетинъ сказаніи о Батразѣ (Батырадзѣ) этотъ нартъ представляется не только самымъ могучимъ среди людей, но и соперникомъ небесныхъ духовъ—уастырджіевъ и уацилловъ. Ангелы жалуются на него Богу, но Богъ ихъ не слушаетъ. Тогда они снова нападаютъ на богатыря, но онъ опять убиваетъ четырехъ уастырджіевъ и трехъ уацилловъ. Послѣ повторительной жалобы ангеловъ Богъ рѣшаетъ, что пора покончить съ Батразомъ, и посылаетъ на него какое-то чудесное Балсагово колесо, которое его убиваетъ. „Вотъ Богъ сказалъ: „я своего *сына* самъ убилъ, кто теперь его снесетъ въ Софійскій склепъ?“ И сказалъ Богъ ангеламъ: „Хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь и отнесите его въ Софійскій склепъ“. Когда они сошли, то онъ пустилъ на нихъ свой духъ (дыханье), и шестьдесятъ ангеловъ упали, а тѣ, что въ живыхъ остались, пошли къ Богу и пожаловались: „Эхъ, его жизнь намъ что сдѣлала? Но его смерть насъ перебила!“ Богъ имъ сказалъ: „это было мое рѣшеніе, что онъ духъ свой на васъ испуститъ, теперь же ступайте, отнесите его и погребите въ Софійскомъ склепѣ“. И сказали ангелы: „Мы съ нимъ не справимся. Богъ имъ сказалъ: „Это мое дѣло!“ Когда они отнесли (его) къ Софійскому склепу, Батразъ уперся ногами въ склепъ и не поддавался. И сказали ему ангелы: „отчего ты не хочешь въ склепъ?“. Батразъ сказалъ: „какъ мнѣ хотѣть, когда я Бога не вижу?“ Вотъ пришелъ Богъ къ нему и сказалъ ему: „мой названный сынъ, чего ты не слушаешься?“— „Потому, что тебя я не видѣлъ!“ Тогда Богъ три слезы на него выронилъ, и изъ нихъ одна была Таранджелось, другая стала Мыкалыгабыртъ, а третья—Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ, и теперь онъ тамъ находится“ ¹⁾. Другое преданіе рассказываетъ, что Батразъ за борьбу съ *еліями* (св. Ілья во множественномъ числѣ) былъ убитъ громомъ. „На томъ мѣстѣ, гдѣ пало его тѣло, распространилось такое зловошіе, что птицы падали мертвыми. Богъ послалъ ворона узнать о причинѣ зловошія: воронъ вернулся и сказалъ: „тамъ на полѣ какой-то трупъ“. За это Богъ проклялъ ворона: „будь хуже

¹⁾ Осетинскіе этюды, I, стр. 25 и слѣд. Ср. Осет. тексты, *Шифнера*, стр. 49 и слѣд.

всѣхъ птицъ и шатайся безсланнымъ". Затѣмъ послалъ Богъ ласточку, и она принесла вѣрную вѣсть: „на полѣ лежитъ мертвый человѣкъ". Богъ послалъ пахомпаровъ ¹⁾, чтобъ они выпустили душу изъ тѣла Батраза и внесли его въ небесный *сонійскій* склепъ. Пахомпары внесли Батраза въ *сонійскій* склепъ и тамъ положили. Теперь Батраза зовутъ Уаскиргіемъ (св. Георгіемъ) ²⁾.

Обратимъ вниманіе сначала на нѣкоторыя детали этихъ сказаній.

Изъ слезъ, пролитыхъ Богомъ, образовались три святини: Таранджелось (неизвѣстный намъ), Мыкалыгабыртъ (такъ называютъ осетины дзуаръ Михаила и Гавріила, сливши имена архангеловъ въ одно названіе) и Рекомъ (извѣстный дзуаръ осетинъ близъ Цейскаго ледника съ деревянной церковью въ честь св. Георгія). Въ параллель мотиву о слезахъ Господа можно привести грузинскую легенду о созданіи міра, въ которой разказывается, что Богу, спустившемуся въ воду, покрывавшую всю вселенную, стало холодно; онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила ³⁾. Тотъ же мотивъ о происхожденіи обоихъ архангеловъ изъ слезъ Господа содержитъ сванетская легенда, поясняющая, что Богъ, скучая въ созданномъ имъ мірѣ по отсутствію живыхъ существъ, выронилъ двѣ слезинки: слезинка изъ праваго глаза стала Михаиломъ архангеломъ, слезинка изъ лѣваго—Гавріиломъ архангеломъ ⁴⁾. Такимъ образомъ въ приведенномъ осетинскомъ сказаніи находимъ тотъ же апокрифическій мотивъ, но прикрѣпленный къ имени національнаго богатыря Батраза и вплетенный въ сказаніе о его смерти.

Другая черта, встрѣчающаяся въ разсматриваемомъ сказаніи,—посыланіе Богомъ порона и голубя,—очевидно искаженный отголосокъ библейскаго разказа о Ноѣ. Эта черта вошла съ нѣкоторыми измѣненіями и въ другія кавказскія сказанія. Такъ, въ сказаніи (грузинскомъ) объ Амирапѣ, изложенномъ г. Хахановымъ, мы встрѣчаемъ тотъ же мотивъ, прикрѣпленный къ разказу о смерти Амирапа. Когда

¹⁾ Пахомпаръ—пророкъ, съ перс. пейгамбаръ.

²⁾ См. Осет. этюды, I, стр. 149 и 150. Вариантъ этого же сказанія, при чемъ умирающій богатырь называется Сосруко, см. въ Сборн. свѣд. о кавказ. горахъ, V, Осет. сказ., стр. 10 и 11. Другой вариантъ у *Ифаффа*, въ Путешествіи по ущельямъ сѣверной Осетіи, въ Сборн. свѣд. о Кавказѣ, т. I, стр. 169.

³⁾ Сборн. матер. для описанія вѣстностей и племенъ Кавказа, X, отд. I, стр. LXXV.

⁴⁾ Тамъ же, отд. II, стр. 247.

этотъ богатырь, избѣвъ своихъ враговъ и въ томъ числѣ отца одной красавицы, самъ былъ убитъ нечестно внезапно подкравшимся къ нему лицомъ, Богъ прислалъ ворона узнать, чтѣ случилось. „Воронъ, насытившись на трупахъ, прилетѣлъ къ Богу съ ложною вѣстью, что люди запрягли плугъ. Второй разъ то же самое доложилъ воронъ. Тогда былъ отпращенъ голубь. Голубь, спустившись, видитъ много убитыхъ и передъ однимъ изъ нихъ плачущую красавицу. Голубь, намочивъ ноги въ крови, прилетѣлъ къ Богу и разказалъ, какъ убитого несправедливо герои оплакиваетъ красавица. Богъ разгнѣвался на ворона и бросилъ въ него горящую головню, и потому онъ сдѣлался такъ черенъ, а прежде онъ былъ бѣлаго цвѣта. Затѣмъ Богъ благословилъ голубя и дозволилъ его употреблять въ пищу и жертвовать для душъ усопшихъ“ ¹⁾. Такое же осложненіе библейскаго мотива другимъ, имѣющимъ въ виду объяснить чернѣйшаго ворона, находимъ въ народныхъ легендахъ малорусской, польской, великорусской и хорутанской ²⁾.

Такимъ образомъ въ окончаніе осетинскихъ сказаній о смерти парта Батраза влетены два апокрифическіе мотива, вырванные изъ ветхозавѣтныхъ легендъ о созданіи міра и о потопѣ. Это уже показываетъ, какъ свободно народная фантазія пользуется отдѣльными апокрифическими лоскутками и пришиваетъ ихъ къ другимъ мотивамъ, составляя пестрые и прихотливые узоры. Ищемъ теперь въ апокрифической литературѣ такихъ мотивовъ, которые представляли бы аналогію состязанію Батраза съ ангелами, смерти Батраза, связанной съ рѣшеніемъ Бога, желанію умирающаго парта видѣть Бога и скорби Бога о смерти своего „названнаго“ сына. Намъ кажется, что въ перечисленныхъ чертахъ можно видѣть смутные и искаженные отголоски іудейскихъ апокрифовъ о смерти Моисея.

Въ этихъ обширныхъ апокрифахъ, переведенныхъ по-латыни въ сборникъ Гфррера ³⁾, разказывается цѣлый рядъ неизвѣстныхъ Библии подробностей о смерти Моисея, о продолжительныхъ бесѣдахъ Моисея съ Богомъ, въ которыхъ Моисей проситъ продлить ему жизнь, ссылаясь на свои заслуги, о сопротивленіи Моисея ангеламъ, кото-

¹⁾ См. статью А. С. Хачикова: Грузинскій изводъ сказанія о святомъ Гергѣ, Приложение въ *Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1891 г., кн. IV, стр. 42.

²⁾ См. статью проф. Н. О. Сумцова: Воронъ въ народной словесности, въ *Этнографическомъ Обзорѣ*, кн. IV, стр. 66 и слѣд.

³⁾ *Prophetarum veteres pseudopigraphi*, 1840, стр. 318—362.

рмъ онъ былъ страшенъ своимъ блескомъ, и о послѣднихъ минутахъ его жизни. Опишемъ здѣсь нѣкоторыя интересныя подробности.

Такъ, узнавъ, что ему опредѣлено умереть, Моисей началъ поститься и молиться о продленіи жизни, но Богъ всѣмъ чинамъ ангельскимъ объявилъ, чтобы никто не принималъ и не приносилъ къ Нему молитвы Моисея, потому что Онъ опредѣлилъ ему умереть. Ангелы спускаются и забираютъ *врата Олимпа*, чтобы не вошли туда молитвы Моисея, но онъ все-таки проникли въ высшія сферы неба, потрясли небесныя врата и основанія тверди; онъ были подобны мечу, все разсѣкающему, потому что содержали въ себѣ неизреченное имя Божіе, употребленію котораго Моисей научился отъ Зингіеля.... Когда небеса и высшіе серафимы увидѣли, что молитвы Моисея не приняты, и отринуты его прошеніе о продленіи жизни, то сказали: благословенъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія!...

Далѣе идетъ еще длиннѣйшій разговоръ Моисея съ Господомъ, въ которомъ Моисей проситъ дозволенія увидѣть землю обѣтованную, но напрасно. Приближающейся смерти Моисей радуется князь злыхъ духовъ Самаэль и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда ему можно будетъ взять его душу; но архангелъ Михаилъ прогоняетъ Самаэля словами: „Непотребный! я плачу, а ты радуешься“. Далѣе они слышатся предемертныя распоряженія Моисея и его согласіе умереть, выражаемое словами: „Господи! до сихъ поръ я просилъ о жизни: теперь, душа моя въ твоей власти!“ Какъ только сказалъ это Моисей, Богъ приказываетъ ангелу Гавріилу принести его душу. Тотъ проситъ освободить его отъ этого порученія, говоря: „могу ли я устоять противъ него?“. Также отказываются Михаилъ и Зингіель, и Богъ посылаетъ Самаэля, который, опоясавшись мечемъ, пошелъ съ великою радостью, но устранился, увидѣвъ Моисея. Моисей говорить про себя, что онъ сильнѣе всѣхъ тварей, перечисляетъ свои дѣла и прогоняетъ Самаэля. Тотъ въ испугѣ возвращается къ Богу и проситъ не посылать его за душою Моисея. Богъ посылаетъ его вторично, и Самаэль снова устремляется съ мечомъ на Моисея, но тотъ ударилъ его жезломъ, на которомъ было написано имя Божіе, и ослабилъ его свѣтомъ своей славы. Затѣмъ Моисей проситъ, чтобы Господь не предавалъ его ангелу смерти, и Богъ рѣшаетъ: „Я самъ сойду и похороню тебя“. Съ Богомъ сошли три ангела—Гавріиль, Михаилъ и Зингіель, изъ которыхъ первый приготовлялъ одру для Моисея, второй—порфиру, третій—одежду. Затѣмъ Михаилъ сталъ около головы Моисея, а Гавріиль въ ногахъ. Богъ повѣлываетъ души.

Моисея выйти изъ его тѣла; душа просить отсрочки, но Господь настаиваетъ и цѣлуетъ Моисея въ уста, чрезъ что душа его покидаетъ тѣло. Затѣмъ поднимается плачь по Моисею, и первый заплакалъ самъ Господь, говоря: „Кто теперь предстанетъ предо Мною, когда согрѣшатъ дѣти мои, кто будетъ просить за нихъ?“¹⁾ Плачутъ и ангелы, и земля, и звѣзды, солнце и луна и т. д. ²⁾).

Кто наблюдалъ за тѣмъ, на сколько искажаются и видоизмѣняются въ деталяхъ литературные сюжеты, переходя въ народныя разказы и бродя въ теченіе многихъ поколѣній въ устной передачѣ, тому не покажется страннымъ, что мы видимъ отраженія этого талмудическаго апокрифа въ осетинскомъ сказаніи о смерти Батраза. Вспомнимъ, что Батразъ страшенъ небеснымъ духамъ, какъ Моисей ангеламъ, что онъ сокрушаетъ ихъ, какъ Моисей ударомъ жезла прогоняетъ Самаэля, что небесные духи несутъ тѣло Батраза въ какой-то софійскій склепъ, подобно тому, какъ Михаилъ, Гавриилъ и Зингилъ убираютъ умирающаго Моисея и изготовляютъ ему одръ, что Батразъ покоряется только подъ условіемъ, что къ нему явится самъ Богъ, подобно тому, какъ Богъ лично является, чтобы принять Моисея; вспомнимъ и плачь Бога объ умершемъ Батразѣ, представляющій параллель плачу Бога о Моисеѣ. Наконецъ, въ обоихъ сказаніяхъ, хотя въ разныхъ комбинаціяхъ, упоминаются Михаилъ и Гавриилъ (осет. Мугалугабурт), при чемъ въ осетинскомъ сказаніи припуталась изъ другаго апокрифа деталь о происхожденіи Михаила и Гавриила изъ слезъ Господа.

Если указанныя нами аналогіи не чистая случайность, то онѣ свидѣтельствовали бы о томъ, что на Кавказѣ былъ распространенъ талмудическій апокрифъ о смерти Моисея, зашедшій туда, вѣроятно, изъ Сиріи чрезъ посредство Арменій. Быть можетъ, въ многочисленныхъ рукописяхъ армянскихъ и грузинскихъ и окажется письменная версія этого апокрифа.

Приведемъ изъ кавказскихъ сказаній еще нѣкоторые отдѣльные мотивы, которые напоминаютъ ветхозавѣтные апокрифы.

Въ сказаніяхъ о великанахъ, весьма распространенныхъ на Кавказѣ, нерѣдко встрѣчается та подробность, что *нарты*, застигнутые ночью, входятъ въ пещеру, гдѣ и проводятъ ночь. На утро же оказывается, что это была не пещера, а гигантскій человѣчскій черепъ ³⁾).

¹⁾ См. изложеніе апокрифовъ о Моисеѣ въ книгѣ *Порфириева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ*, стр. 55—67.

²⁾ См. Осетинскіе этюды, ч. I, стр. 61, 137.

Это напоминает ветхозавѣтный апокрифъ о головѣ Адама, разказывающій, что однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ и узнать, что это голова Адамова. Ее перенесли въ Иерусалимъ и засыпали камнями, изъ коихъ образовалась Голгова ¹⁾).

Въ кавказскихъ сказаніяхъ встрѣчается и тотъ мотивъ, что Богъ, во прослѣ партонъ, воскрешаетъ на время черепъ и одѣваетъ его плотию. Великанъ разказываетъ партамъ о прежнемъ житіи и затѣмъ разсыпается въ прахъ. Нѣчто подобное мы находимъ въ мусульманскихъ легендахъ о Христѣ. Одна изъ нихъ разказываетъ, что однажды Иса, странствуя съ учениками близъ Мертваго моря, наткнулся на человѣческой черепъ, и ученики просили его воскресить этого человека. Христосъ помолился Богу и, обратившись къ черепу, сказалъ: „воскреси по волѣ Господа и разкажи намъ, какъ постигла тебя смерть, и что ты испыталъ въ загробномъ мірѣ“. Черепъ принялъ видъ живой головы, которая разказала о томъ, что спрашивалъ Христосъ ²⁾).

Среди партскихъ осетинскихъ сказаній встрѣчается весьма странный разказъ о чудесномъ рожденіи одной вѣщей дѣвочки отъ мертвой матери. Небесный духъ Уастырджи соблазняетъ одну замужнюю женщину Сасану, но она остается вѣрна своему мужу (который въ разказѣ не названъ). Когда Сасана умираетъ, она призываетъ своихъ сыновей Хамыца, Урызмага и Созрыко и умоляетъ ихъ караулить ея тѣло, опасаясь насилія отъ Уастырджи. Двое сыновей прокараулили тѣло матери дѣи ночи, не смыкая глазъ; на третью ночь, когда могли караулить третій сынъ (Хамыцъ), Уастырджи пришелъ въ полночь и произвелъ рассвѣтъ, такъ что обманутый Хамыцъ ушелъ отъ могилы. Тогда Уастырджи спустился въ склепъ къ тѣлу Сасаны, и послѣдствіемъ этого было то, что мертвая зачала и родила дѣвочку Сатану, которую взрестилъ партъ Урызмагъ ³⁾). Имя мертвой женщины, родившей въ могилѣ,—Сасана, не звучитъ по-осетински и напоминаетъ что-то кинжовое. Дѣйствительно, нѣчто подобное разказы-

¹⁾ *Порфиросъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 112. Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 8 (о главѣ Адамовѣ).

²⁾ *Weil*, Biblische Legenden der Muselmänner, p. 286 и слѣд.

³⁾ См. Осетинскіе этюды, I, 47 и слѣд.

наеть ветхозавѣтный апокрифъ о женѣ патриарха Нира *Сооонин*, также родившей чуднаго ребенка уже послѣ смерти. Приведемъ нѣкоторыя мѣста этого апокрифа въ церковно-славянскомъ текстѣ, изданномъ Н. С. Тихонравовымъ ¹⁾: „У Нира же бысть жена; имя ей Сооонин. Призва ея побѣсѣдовати к себѣ, и вѣсгда ея пришедши к Ниру бѣсѣдовати и видѣ ю неспраздну—се имущи въ чрепѣ въ время рожденія; и срамно бысть Ниру и рече: что посрамила мя еси, жено? Имиѣ отъиди отъ мене, идеже еси зачала. И рече Сооонин мужени своему: се, господи, въ время старости моея и не бысть во мнѣ уноства, и не вѣмъ, како зачател безлобіе чрева моего. И не вѣрова Ниръ женѣ своея и глагола ея второе: иди отъ мене, да не погубяю тя злѣ. И паде Сооонин у ногу Нирову и умре“. Тогда огорченный Ниръ выѣстѣ съ братомъ своимъ Посмъ положили мертвую на одръ и тайно вырыли ей могилу. Когда же они отошли къ могилѣ, „и изидѣ отрокъ изъ мертвы Сооонинны и сѣднше на одрѣ“. Тогда Ниръ и Ной омыли отрока, облекли его въ ризы святительства и дали ему „хлѣбъ благословешъ и парекоша имъ ему Меахисѣдѣкъ. И омыста тѣло Сооонин и облекоста в ризы свѣтлыи и изрядныи и създаста ей гробъ прукрашенъ. И идѣ Ной и Ниръ и Меахисѣдекъ и погребоста ю лѣвъ“. При всемъ несходствѣ въ частности осетинское сказаніе и библейскій апокрифъ совпадаютъ въ одной изъ высшей степени странной чертѣ—рожденіи ребенка отъ мертвой матери, при чемъ отецъ ребенка не простой смертный. Сасана зачала отъ небснаго духа Уастырджи; Сооонин (или Сооонимъ) сама не знаетъ, отъ кого зачала, но не отъ мужа, который и не вѣрить ея словамъ. Когда же чудесный ребенокъ рождается отъ мертвой, Ной говоритъ брату: „се отъ Бога, брате мой, печать святительства на персехъ его и славонъ взоромъ и се обновляетъ (Господь) кровь священія по насъ“ ²⁾. Такимъ образомъ здѣсь признается небесное происхожденіе ребенка. Если мы отыщемъ далѣе, что и имя осетинской мертвой матери Сасана сильно напоминаетъ имя апокрифической Сооонин ³⁾, то связь осетинскаго сказанія съ ветхозавѣтнымъ апокрифомъ представляется довольно вѣроятной, не смотря на осложненіе въ осетинскомъ разказѣ этого сюжета извѣстнымъ сказочнымъ мотивомъ о трехъ сыновьяхъ, по очереди караулящихъ по желанію родителя его могилу.

¹⁾ Памятники отреченной русской литературы, т. I, стр. 26—27.

²⁾ Тамъ же, стр. 27 и 29.

³⁾ Срав. новогреческое произношеніе θ какъ междузубнаго свистящаго въ родѣ англійскаго th.

Выше мы видѣли, что въ осетинскомъ сказаніи о смерти Батразъ отразились нѣкоторыя черты іудейскаго апокрифа о Моисеѣ. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить и то, что библейскій разказъ объ оставленіи Моисея-ребенка его матерью въ корзинкѣ въ водѣ и нахожденіи его дочерью фараона встрѣчается въ кавказскихъ сказаніяхъ въ прикрѣпленіи къ разнымъ богатырямъ. Такъ, по грузинскому сказанію мать богатыря Амирапа поставила люльку съ нимъ у источника нѣкоего Имана ¹⁾; по кабардинскому—мать Адемирана спустила въ море ящикъ съ малюткой-сыномъ, а этотъ ящикъ по прошествіи дня былъ найденъ кабардинской княгиней Адемировой, купавшейся въ морѣ съ своими подругами. Сжалившись надъ ребенкомъ, княгиня отнесла его къ мужу и съ его согласія оставила его на воспитаніе у себя, передавъ его призванной кормилицѣ ²⁾.

Въ осетинскомъ сказаніи о Батразѣ, этомъ сильнѣйшемъ изъ всѣхъ людей, встрѣчается тотъ мотивъ, что Батразъ, желая закалить себя, какъ сталь, проситъ небеснаго кузнеца Курдалагона бросить его въ огонь. Тотъ говоритъ ему, что онъ сгоритъ въ огнѣ, но Батразъ настаиваетъ и цѣлю педѣлю сидитъ въ огнѣ. Курдалаговъ, думая, что Батразъ сгорѣлъ, приходитъ, чтобы выбросить его кости, но съ удивленіемъ видитъ, что Батразъ сидитъ въ огнѣ цѣль и невредимъ ³⁾. Этотъ разказъ до нѣкоторой степени напоминаетъ еврейскій талмудическій апокрифъ объ Авраамѣ, котораго Иммродъ бросаетъ въ разжигнутую печь, изъ которой Авраамъ выходитъ невредимъ (Мидрашъ) ⁴⁾. Въ мусульманскомъ изводѣ этого апокрифа встрѣчается при этомъ еще та любопытная подробность, что Иммродъ велитъ бросить Авраама въ огонь посредствомъ метательной машины, которую ему устроилъ дьяволъ. Но по молитвѣ Авраама ему въ огнѣ стало такъ холодно, что онъ чуть не замерзъ ⁵⁾. Подобно этому Батразъ, сидя въ огнѣ, говоритъ Курдалагону: „будь милостивъ, не *холоди* меня, брось меня въ море“ ⁶⁾. Быть можетъ, и метательный снарядъ, посредствомъ ко-

¹⁾ *Хазановъ*, Грузинскій изводъ сказанія о Георгіи, Приложение, стр. 34. Сравни. Сборн. Матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, X, отд. 3, стр. 6.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, отд. 2, стр. 36.

³⁾ См. Осетинскіе этюды, I, стр. 19.

⁴⁾ См. *Порфириевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 45.

⁵⁾ См. *Weil*, Bibl. Legendes der Muselmänner, стр. 74 и 75.

⁶⁾ Осетинскіе этюды, I, стр. 19.

того Пимвродъ бросаетъ Авраама, найдется въ осетинскомъ сказаніи о томъ же Батразѣ, хотя въ другомъ примѣненіи. Въ согласіи съ тѣмъ, что Батразъ самъ проситъ бросить его въ огонь, онъ же, въ другомъ сказаніи, самъ проситъ зарядить имъ пушку и выстрѣлить имъ въ городъ Тынту, который онъ осаждалъ съ своею дружиной. Батразомъ зарядили пушку, выстрѣлили, и онъ очутился въ городѣ, гдѣ разрушилъ всѣ дома ¹⁾. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, изъ какого источника проникъ въ мусульманскую легенду любопытный мотивъ о мстительномъ спаридѣ, употребленномъ Пимвродомъ.

Заключивъ на первый разъ эти параллели между кавказскими сказаніями и ветхозавѣтными апокрифами, надѣемся въ послѣдствіи еще разъ вернуться къ этому вопросу въ виду того, что, повидимому, въ этомъ направленіи есть надежда найти объясненіе нѣкоторымъ мотивамъ кавказскаго нартеккаго эпоса, представляющимися на первый взглядъ совершенно своеобразными. Дальнѣйшее изслѣдованіе, вѣроятно, выяснитъ точнѣе, какимъ путемъ распространились талмудическіе и христіанскіе апокрифическіе мотивы въ населеніи Кавказа. Съ своей стороны указаніемъ этихъ мотивовъ въ народныхъ сказаніяхъ мы хотѣли бы обратить вниманіе армянстовъ и иберистовъ на интересъ, который можетъ представить изученіе рукописныхъ апокрифовъ армянскихъ и грузинскихъ для исторіи распространенія странствующихъ сказаній.

Всес. Миллеръ.

¹⁾ Осетинскіе этюды, I, 23. Что стрѣліи Батразомъ находилось въ связи съ его заведеніемъ, какъ въ мусульманской легендѣ, на это, кажется, есть указаніе въ осетинскомъ же вариантѣ сказанія о Батразѣ, записанномъ г. Пфаффовъ. Здѣсь разсказывается, что Батразъ потребовалъ, чтобы его положили на лукъ и выстрѣлили имъ въ черное море. Когда онъ очутился въ морѣ, то сказалъ: „теперь изъ моего желѣза уже сдѣлался булатъ“. См. статью *Пфаффа*: Путешествіе по ущельямъ сѣверной Осетіи, въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 168.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ПРАВА ¹⁾.

III.

Перейдемъ теперь къ *русскимъ областямъ*, принадлежавшимъ къ великому княжеству Литовскому. Области эти, обнимавшія западную половину Русской земли, постепенно колонизовались отдѣльными племенными группами русскихъ славянъ. Начальная лѣтопись довольно точно опредѣляетъ племенной составъ славянъ, жившихъ въ IX вѣкѣ въ западной половинѣ русской территоріи и вошедшихъ позже въ составъ Литовско-Русскаго государства.

Сѣверо-западную часть русской территоріи, въ ближайшемъ со-сѣдствѣ съ Литовскою землею, занимали изстари поселенія двухъ славянскихъ племенъ: *кривичей*, колонизовавшихся по Западной Двинѣ и верховьямъ Волги, Днѣпра, Березины и Нѣмана, и *дреговичей*, поселившихся къ югу отъ кривичей, отъ Березины до Припяти, по обѣимъ сторонамъ последней. Крайнюю западную группу русскихъ славянъ, по лѣтописи, составляли *хорваты*, сидѣвшіе въ Подкарпатскомъ краѣ и послужившіе кореннымъ ядромъ образованія позднѣйшей Галицкой (Червоной) Руси ²⁾. Вторая западная же группа состояла изъ *дубьбовъ-волынянъ* (*бужанъ*—по Западному Бугу, *лучанъ*—по р. Стыри и Горыни). Къ этой же группѣ принадлежали *древляне*, обитавшіе по истокамъ Припяти до Днѣпра. Въ ближайшемъ сосѣд-

¹⁾ *Продолженіе*. См. нартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ На Угорской сторонѣ Карпатъ сидѣли погоряне, или угорская русь, некогда не участвовавшая въ общихъ историческихъ судьбахъ остальныхъ русскихъ земель.

ствѣ съ древлѣнами и волянѣнами (къ востоку) колонизовались *поляне*, занявшіе западную сторону Днѣпра, отъ Припяти до Роси. Изъ славянскихъ народовъ, основавшихъ свои поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра, къ Литовско-Русскому государству примкнули *сѣверяне*—въ бассейнѣ Десны до Сулы, *радимичи*—между Днѣпромъ и Сожью и часть *вятичей* (позднѣйшая Брянская земля, по истокамъ Оки). Наконецъ, въ составъ территоріи Литовско-Русскаго государства входили нѣкоторое время земли, простиравшіяся къ югу отъ поселеній волянѣнъ и полянъ до Черноморскаго побережья, гдѣ въ древнее время жили *тиверцы* и *уличи* (уличи).

Славянскія племена, по своей политической культурѣ, въ пору присоединенія ихъ къ Литѣ, стояли на гораздо высшей ступени развитія сравнительно съ племенами литовскими, которыя, какъ мы видѣли, вплоть до XIII вѣка представляли „народы“ лишь въ этнографическомъ смыслѣ, составляли каждый въ отдѣльности разбросанную массу независимыхъ одна отъ другой сельскихъ общинъ и волостей, безъ всякихъ политическихъ связей между собою. У славянъ еще въ доисторическія времена стала развиваться и устанавливаться та самая земская организація, какая существовала вездѣ на Руси въ XI и XII вѣкахъ. Исторія застаётъ у славянъ русскихъ уже вполне сложившееся понятіе о землѣ, какъ политически организованномъ, территоріальномъ союзѣ, съ самобытною земскою властью (вѣчевою и княжескою) и съ общими земскими центрами-общинами, къ которымъ тянуло въ бытовомъ и административномъ отношеніи все населеніе данной земли. „Племена, перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть земли-княженія, большею частію, тѣ же, какія мы находимъ въ XI и XII вѣкахъ“ ¹⁾. Земли Деревская (Древлянская), Кривичская, Польская (Кіевская) и т. д.—столь же древнія понятія, какъ и древляне, поляне и кривичи; въ начальной лѣтописи тѣ и другія названія употребляются совершенно безразлично. Тѣ же самыя земли, какъ видно изъ разказа лѣтописца о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, имѣли уже на первыхъ историческихъ порахъ значеніе „княженій“, то-есть, областей, состоявшихъ во всемъ своемъ составѣ подъ нарядомъ земскихъ князей ²⁾. Такимъ же доисторическимъ явле-

¹⁾ *Владимірскій-Гудановъ*, Обзоръ ист. р. пр., I, 4.

²⁾ „И по сихъ братѣмъ (кіевскихъ князей) держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ (у полянъ), въ Деревляхъ—свое (княженіе), а словени — свое Новѣгородѣ, а другое (княженіе) по Пологѣмъ, нже положане“ (Н. С. Р. Л., I, 5).

лиемъ нужно считать и понятие волости ¹⁾. Характерный ея признакъ заключается въ административномъ устройствѣ земли, какъ территоріальнаго союза, состоявшаго подъ княжескою или вѣчевою властію старшей, центральной общины. Эти-то центральныя общины (городскія или сельскія — безразлично) исторія застаётъ во всѣхъ русскихъ земляхъ; уже въ доисторическое время существовали такіе племенные центры, какъ Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ и пр. Ко времени князей Рюриковичей (въ IX вѣкѣ) были на Руси въ наличности всѣ основныя начала земскаго устройства, какими характеризуется политическій бытъ Руси вплоть до образованія изъ отдѣльныхъ земель-волостей цѣльнаго государства.

Затѣмъ, еще въ доисторическое время отдѣльные народцы русскихъ славянъ стали комбинироваться въ разноплеменные территоріальные союзы. Въ эпоху призванія князей кривичи разбивались уже на отдѣльныя земли—Полоцкую и Смоленскую; часть кривичей (на сѣверѣ—Изборскъ, позже Псковъ) стояла въ связи съ словенами (Новгородскою землею). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что раздѣленіе кривичей на отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, земли совершилось въ доисторическое время, гораздо раньше эпохи призванія князей. Въ историческое время ни одна западно-русская земля не сохранила въ полной неприкосновенности своихъ племенно-территоріальныхъ границъ, представляла, въ большей или меньшей степени, помѣсь различныхъ племенныхъ частей, а нѣкоторые племена и вовсе утратили свою земскую самобытность. Уже въ половинѣ X вѣка древяне входили въ составъ Кіевской земли. Дреговичи, разбившіеся въ XI вѣкѣ на отдѣльныя земли-княженія (княжества Пинское и Туровское), находились въ зависимости отъ Кіева; часть (сѣверная) дреговичей отошла къ Полоцкой землѣ. Подобныхъ же образомъ радимичи вошли въ составъ частью Сѣверской, частью Кривичской (Минской) земель.

Въ быту западно-русскихъ земель, вплоть до присоединенія ихъ къ Литвѣ, воспроизводится съ особенной рѣзкостью одно изъ наиболее характерныхъ явленій стараго земскаго строя русскаго народа, — именно стремленіе общины къ территоріальному дробленію, къ обо-

¹⁾ См. классическое мѣсто лѣтописи: „Новгородцы бо *вначалѣ* и смоляне, и кыяне, и полоцкяне, и вси власти (волости) яко же на думу на вѣща сходятся; на что же старѣйшіе (главные города) сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“ (И. С. Р. Л., I, 160).

собленію волостей въ независимые территориальныя союзы. Въ этомъ стремленіи, главнымъ образомъ, крестяся корень той удѣльной разобщенности и политической розни, какая въ равной мѣрѣ господствовала въ старое время въ западной и восточной половинахъ древней Руси. Для примѣра укажемъ на Кривичскую землю. Къ XIII вѣку она усилила, подобно другимъ русскимъ землямъ, раздробиться на многочисленныя удѣлы, не имѣвшіе между собой никакихъ прочныхъ, политическихъ связей. Кромѣ земель Полоцкой и Смоленской, обособившихся, какъ замѣчено, еще въ доисторическія времена, въ источникахъ находимъ указанія на удѣльныхъ князей въ Минскѣ, Витебскѣ, Изяславѣ, Логойскѣ, Друцкѣ, Слуцкѣ, Стрѣжевѣ, Клецкѣ, Оршѣ, Свислочѣ, Лукомѣ, Кокеигаузенѣ и Герцикѣ. Подобное же дробленіе территоріи совершалось и въ другихъ земляхъ западной и южной Руси—Сѣверской, Черниговской, Кіевской и пр. ¹⁾

Правда, къ XIII вѣку начинаетъ намѣчаться въ жизни южно-русскихъ земель новое движеніе, которое, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, могло бы, само собой, привести къ установленію государственнаго единства русскихъ земель. Такова именно группировка земель и удѣловъ въ болѣе крупныя политическія единицы, какъ это ясно обозначилось въ южной Руси, при Романѣ, въ фактѣ соединенія Волыни съ Галиціей, къ которымъ, при сынѣ его Данилѣ, примыкаетъ и Кіевская земля ²⁾. Но такая политическая комбинація не нашла себѣ поддержки въ остальныхъ западно-русскихъ земляхъ; общественныя силы ихъ истрачивались по мелочамъ въ постоянной внутренней борьбѣ, конечнымъ результатомъ которой могло быть лишь дробленіе территоріи, установленіе земской обособленности, а не государственнаго единства народа. При такихъ условіяхъ политической жизни Западной Руси, татарскій погромъ, разразившійся надъ всей Русской землей и въ корнѣ опустошившій большую поло-

¹⁾ В. Антоновичъ, Мон., I, 20. Въ землѣ древнихъ сѣверянъ и прикичушскихъ къ ней позже соседнихъ волостяхъ ридичей и иятичей образуется цѣлый рядъ удѣловъ—Черниговскій, Переяславскій, Новгородскій, Стародубскій, Брянскій, Гѣлевскій и пр. Волынская земля дѣлится также на нѣсколько земель-удѣловъ: Владимірско-Луцкій, Бельскій, Холмскій и пр.

²⁾ Аналогическое же движеніе замѣчается и на сѣверо-востоцѣ русской территоріи: тамъ образуется группа суздальско-рязанскихъ земель, съ замѣтной тенденціей итти въ ту же группу Новгородъ и Псковъ; начавшаяся съ XIII вѣка группировка восточно-русскихъ земель закончилась къ концу XV вѣка образованіемъ большаго государства Московскаго.

нину Западной Руси, выѣтъ съ начинавшимъ еще раньше нашествіемъ кривичей съ сѣвера на литовскія и сосѣднія русскія области, была могучимъ толчкомъ къ собиранію западно-русскихъ и литовскихъ земель, къ подчиненію ихъ одной общей верховной власти „господарей“ вновь возникавшаго государства — великаго княжества Литовскаго.

Первыя литовскія владѣнія на Руси, послужившія исходнымъ пунктомъ образованія Литовско-Русскаго государства, основываются въ первой половинѣ XIII вѣка въ *Кривичской землѣ*. Страна эта изстари разбивалась на двѣ неровныя половины — на Черную и Бѣлую Русь. Присоединеніе русскихъ земель къ Литвѣ началось съ Черной Руси, а затѣмъ вскорѣ распространилось и на Бѣлоруссію.

Черная Русь, удерживавшая за собою до половины XIV вѣка по преимуществу названіе „Кривичской“ земли, занимала территорію, граничившую съ южными литовскими областями, по лѣвой сторонѣ верхняго теченія Пѣмана и по сосѣднимъ притокамъ Припяти. — территорію позднѣйшаго Новгородскаго поеводства съ частями Трокскаго (около Городно) и Минскаго. Предъ присоединеніемъ Черной Руси къ Литвѣ она разбивалась на отдѣльныя владѣнія русскихъ удѣльных князей: въ Городнѣ (Гродно) и Новгородѣ, съ принадлежавшими къ нимъ притородами: Слонимомъ, Здитовымъ и Волковыскомъ. Вскорѣ, послѣ разгрома и опустошенія этихъ областей Батыевой ордой (около 1241 г.), вся Черная Русь была занята литовцами. Вышніе русскіе удѣлы перешли съ этихъ поръ во владѣніе литовскихъ удѣльных князей, подъ главенствомъ Миндовга и послѣдующихъ великихъ князей литовскихъ. Старая система удѣловъ оставалась долго на прежнемъ основаніи и послѣ присоединенія Черной Руси къ Литвѣ.

Черная Русь въ литовскую эпоху заключала въ себѣ слѣдующія области ¹⁾.

¹⁾ *Sulimierski*; *Stowa*, I, 739. *Daliński*, IV, 97, 290, 496, 504, 528, 537, 549. *В. Антоновичъ*, *Монгр.*, I, 20, 23 — 25, 45. *Ср. Коллонтай*, *Лекціи по исторіи Западной Россіи* (1863—1865). *И. Бѣляевъ*, *Очеркъ исторіи сѣверо-западной Россіи* (1867). *И. Дашкевичъ*, *Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства* (1885). *А. Брѣшевскій*, *Очеркъ литовско-русс. исторіи* (1891). *Довнар-Запольскій*, *Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель* (1891). *И. Бобровскій*, *Истор.-статист. описаніе Гродненской губ.* (1863). *Замѣтки о западной части Гродненской губ.* (*Этногр. Сборн.*, 1858, III). *И. Меліоранскій*, *О русской Гродненской старинѣ* (*Литовск. Епарх. Вѣд.* за 1888 г.). *Paźowski*, *Novogrodecum* (1759). *Łachnicki*, *Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieńskiej* (1817), *М. Димитріевъ*, *Нѣсколько*

Гродненское княжество, съ главнымъ городомъ Гродно (Гродно), занимало западную окраину Черной Руси, по лѣвой сторонѣ средняго теченія Нѣмана. Въ древнее время область эта составляла удѣлъ русскихъ князей, зависѣвшихъ то отъ Кіевской, то отъ Волынской земли. Послѣ татарскаго нашествія (въ 40-хъ годахъ XIII вѣка) княжество было вскорѣ занято Литвою. При раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедимина, Гродненская земля, вмѣстѣ съ Трокскимъ княжествомъ и Берестемъ, перешла въ удѣлъ Кейстута ¹⁾. Около 1347 г. Гродненскимъ княжествомъ управлялъ старшій сынъ Кейстута, Патыргъ или Патрыкъ; въ хроникахъ онъ называется *rex de Garthen*, или *Karten* ²⁾. Въ концѣ XIV вѣка (въ 1382 г.) Ягелло отдалъ эту область брату Скиргайлу; вскорѣ затѣмъ (въ 1384 г.), по соглашенію Ягеллы съ Витовтомъ Кейстutowичемъ, послѣдній получилъ Гродненское княжество вмѣстѣ съ Берестемъ и остальной Подлихіей, взмѣнивъ отцовскихъ отчинъ-княжествъ Трокаго и Жмудскаго ³⁾. Въ 1392 Гродненская область окончательно теряетъ удѣльный характеръ, становится провинціей, принадлежавшей къ великокняжескимъ владѣніямъ, позже къ Троцкому воеводству ⁴⁾.

Новгородское (Новогродское) княжество, занимавшее центръ Черной Руси (въ верховьяхъ Нѣмана), составляло одно изъ древнихъ владѣній русскихъ удѣльныхъ князей. Послѣ татарскаго погрома областью этой владѣль литовскій вождь Миндовгъ, учредившій свою резиденцію въ стольномъ городѣ княжества — Новгородѣ Литовскомъ (Новогродкѣ). При Гедиминѣ Новгородскимъ княжествомъ владѣлъ его сынъ — Коріать; въ его же удѣлъ досталось это княжество по смерти отца (въ 1340 г.). Кромѣ Новгорода Литовскаго, Коріать вла-

словъ краткаго историч. обзорѣмъ лит.-русскаго Новогрудка отъ 1116 г. до конца XIV столѣтія (*Вистн. Им. Русск. Геогр. Общ.*, 1858, № 12). *I. Latkowski, Mendog (Rozprawy Akad. Krakow. Wydział hist.-filos. 1892, t. XXVIII). A. Lewicki, Powstanie Świdrigiełły (ibid., t. XXIX). F. Konieczny, Jagiełło i Witold (Przewodnik nauk. i liter. 1892, zeszyt. I—XII).*

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 77.

²⁾ *Stadnicki, Olgerd*, 207. Послѣ Патырга (ок. 1364) Гродненскій удѣлъ перешелъ было на нѣкоторое время къ Витовту (*Przewodnik*, 1892, I, 12).

³⁾ *Skarbiec*, № 498. Ср. *Zbiór pr. Lit.*, p. I. Въ одной поручной записи 1387 г. Витовтъ называется княземъ брестскимъ и гродненскимъ (*Wolff, Röd. Ged.*, 16; *Stadnicki, Syn. Ged.*, II, 164; *Bracia*, 272, 274. *Konieczny, Przewodnik*, 1892, II, 107).

⁴⁾ *Sulimierski, Słown.*, II, 881. *Baliński*, IV, 290. А. З. Р., I, №№ 202, 203, 226 и др. Ср. *Lewicki, Rozprawy*, XXIX, 143.

дѣль Волковыскомъ и Мстиславомъ¹⁾). Изъ записи Витовта 1401 г.²⁾ видно, что послѣ Коріата Новгородомъ Литовскимъ владѣли сперва Войдаты Кейстутовичъ (ум. 1362 г.) и его сынъ Юрій³⁾, потомъ Товтивилъ Кейстутовичъ (умеръ 1390 г.)⁴⁾. Затѣмъ, удѣль этотъ снова перешелъ въ родъ Коріата—къ его сыну Огедору. Въ 1401 г. Новгородъ былъ отобранъ отъ него Витовтомъ и предоставленъ брату—Сигизмунду Кейстутовичу⁵⁾. Присяжной записью того же года Витовтъ заявляетъ, что по его смерти должно отойти къ Польшѣ все Литовское княжество, кромѣ Новгорода съ волостями, отданными въ удѣль Сигизмунду Кейстутовичу.—владѣніе это отойдетъ къ коронѣ лишь по смерти владѣльца⁶⁾. Какъ извѣстно, записъ Витовта осталась не исполненной: Литва не утрачивала своей самостоятельности еще долго послѣ Витовта, какъ и Новгородъ Литовскій продолжалъ составлять литовское владѣніе. Есть извѣстіе, что еще при Витовтѣ (около 1406 г.) Новгородское княжество, за переводомъ Сигизмунда Кейстутовича въ Сѣверщину (въ Стародубъ), поступило въ составъ непосредственныхъ владѣній великихъ князей литовскихъ⁷⁾. Въ 1428 г. восстанавливается удѣльное значеніе Новгорода Литовскаго, отданнаго Витовтомъ его женѣ Ульянѣ въ качествѣ вѣна („*dotacii dicti vulgariter wyano*“)⁸⁾. Новгородскій удѣль находился во владѣніи княгини Ульяны, впрочемъ, не долго; вскорѣ послѣ смерти Витовта (съ 1431 г.) Новгородъ окончательно перешелъ въ управленіе великокняжескихъ наместниковъ⁹⁾.

Слѣдуетъ принадлежавшій первоначально къ числу новгородскихъ пригородовъ, вскорѣ послѣ присоединенія Черной Руси къ Литвѣ, былъ захваченъ (въ 1252 г.) галицкимъ княземъ Львомъ Давыдови-

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изданіе. *Wolff*, Ród Ged., 70. *Łaskowski*, *Mendog*, 312 и слѣд.

²⁾ *Prochaska*, Cod., № 233.

³⁾ Сынъ Войдаты Юрій назывался *Herzog zu Nogarten* (*Wolff*, Ród Ged., 55); нужно думать, что послѣ отца Юрій владѣлъ Новгородомъ, и только послѣ него этотъ удѣль перешелъ къ Товтивилу Кейстутовичу (*Skarbicec*, № 492).

⁴⁾ *Wolff*, Ród Ged., 55, 60. *Konecny*, *Przewodn.*, II, 12. Ср. *Булгарск.* 22. *Prochaska*, Cod., № 233.

⁵⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., 179—180.

⁶⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., № 233.

⁷⁾ См. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, VII. 255. *Baliński*, *Star. Pol.*, IV. 497—499.

⁸⁾ *Prochaska*, Cod., 793.

⁹⁾ *Lewicki*, *Rozprawy Krak. Ak.*, t. XXIX, p. 169. Ср. *Narbutt*, *Dzieje nar. Lit.*, t. VI, p. 562.

чемъ; съ 1258 г., по договору Давида съ Миндовгомъ. Слонимъ остался за Литвою въ значеніи новгородскаго пригорода. Значеніе особаго удѣла Слонимъ приобрѣлъ въ концѣ XIII столѣтія, когда Гедиминъ предоставилъ Слонимъ выѣсть съ Керновымъ въ удѣлъ старшему своему сыну Моввиду. Послѣ бездѣтной смерти послѣдняго Слонимскій удѣлъ достался Кейстуту. Удѣльное значеніе Слонимъ удерживалъ до времени Витовта ¹⁾).

Кромѣ княжествъ Городнскаго, Новгородскаго и Слонимскаго, въ Черной Руси существовали въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія мелкія удѣльныя волости, какъ это было во всѣхъ западно-русскихъ земляхъ почти вплоть до Люблинской униі. Въ источникахъ сохранились извѣстія о волостяхъ, принадлежавшихъ въ бывшей Черной Руси князьямъ Крошинскимъ, Путятямъ, королевѣ Бонѣ, также князьямъ Тверскимъ, позже Глинскимъ и Чарторыскимъ.

Исследователи не безъ основанія полагаютъ, что первоначально удѣльныя владѣнія князей *Крошинскихъ* сосредоточивались въ Новгородскомъ новѣтѣ бывшей Черной Руси. Какъ видно изъ самаго названія этихъ князей, они владѣли въ этомъ новѣтѣ Крошиномъ (на р. Щарѣ, притокѣ Пѣманы) съ тянувшей къ нему волостью. Въ источникахъ, впрочемъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, когда именно князья Крошинскіе владѣли старою своею Новгородскою отчиною; въ актахъ со второй половины XV и въ XVI столѣтіи князья эти упоминаются въ ряду „отничей“ Смоленской земли ²⁾. Старое удѣльное значеніе Крошина восстанавливается въ 1499 г., когда этотъ господарскій дворъ былъ пожалованъ великимъ княземъ Александромъ кievскому поеводѣ, князю Дмитрію Ивановичу *Путятичу*. Во владѣніи Путятичей Крошинъ оставался въ теченіе XVI столѣтія до прекращенія рода этихъ князей ³⁾.

Вскорѣ послѣ назначенія князю Путятичу удѣла въ бывшей Черной Руси получаютъ тамъ же владѣнія и старые новгородскіе отчичи, князья *Крошинскіе*. Взамѣнъ Смоленской ихъ отчины, ото-

¹⁾ *Baliński*, *Staroż. Polski*, IV, 549. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, X, 824. *K. Stadnicki*, *Syn. Ged.*, I, 2-е изд., 3, 140. *Wolff*, *Röd Ged.*, 10. Ср. Ревизія пущъ, стр. 194—205.

²⁾ О князьяхъ Крошинскихъ, смоленскихъ отчичахъ, см. ниже — о Смоленской землѣ.

³⁾ *Bonicki*, *Poczet ród.*, 156, 266. О кн. Путятяхъ см. ниже — объ удѣльныхъ княжествахъ въ Витебской землѣ.

шедшей къ Москвѣ ¹⁾, великій князь Александръ далъ князю Константину Ѳеодоровичу Крошинскому „на хлѣбокормленье“ дворъ *Побоево* въ Волковѣйскомъ повѣтѣ. Вскорѣ затѣмъ оказалось, что князь Крошинскій „на томъ ся не масть чинъ пожинати“; по его челобитью, вмѣсто Побоева, взятаго на господаря, великій князь въ 1503 г. далъ ему господарскій дворъ *Дубно* (близъ Нѣмана, при впаденіи въ него р. Роси) въ Городенскомъ повѣтѣ, съ людьми, землями, вѣсьми дапами и доходами, „со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ былъ на насъ держанъ, до тыхъ часовъ, поки отчизну ихъ очистимъ“, съ тѣмъ, чтобы староста городенскій „въ тотъ дворъ и въ люди не вступалъ“ ²⁾. Очищенія Смоленской отчины князей Крошинскихъ не было, и потому они продолжали владѣть волостью Дубенской на общемъ удѣльномъ положеніи. При королѣ Сигизмундѣ нѣсколько разъ (въ 1506, 1509 и 1512 гг.) давались князю Константину Крошинскому и его дѣтямъ подтвердительные привилеи на Дубенскій удѣлъ, каждый разъ до „очищенія“ ихъ отчпны и выслуги ³⁾. Послѣ смерти кн. Константина Ѳеодоровича Крошинскаго (ок. 1523 г.) король Сигизмундъ оставилъ этотъ удѣлъ во владѣніи вдовы покойнаго князя, княгини Анны, занявшей въ 1531 г., съ дозволенія короля, Дубенскій дворъ *королевы Бонѣ*. По смерти княгини Крошинской, дочери ея удержали за собой новые дворы и села, заведенные на пустыхъ земляхъ Дубенскихъ; старыл же владѣніи Дубенскаго удѣла отошли, по записи княгини Крошинской, къ королевѣ Бонѣ, владѣвшей Дубенскою волостью вмѣстѣ съ другими своими удѣлами до выѣзда изъ Литвы въ 1556 г. ⁴⁾.

Во второй половинѣ XV столѣтія выдѣляется въ Слонимскомъ повѣтѣ волость *Лососино*, пожалованная князю Михаилу Борисовичу, сыну московскаго выходца (съ 1393 г.), *тверскаю* князя Бориса Александровича. Въ началѣ XVI столѣтія (въ 1504 г.) волость эта перешла во владѣніе князей *Глинскихъ*, а послѣ ухода ихъ въ Москву (въ 1508 г.) была пожалована въ качествѣ наследственной вот-

¹⁾ Привилей вел. кн. Александра, 1503 г.: „Билъ намъ чоломъ князичей смоленскій кн. Костянтинъ Крошинскій и повѣдалъ передъ нами, штожъ отчизну его всю и нашу данину непріятель нашъ вел. князь Московскій забрать и посылъ, и не маеть ся гдѣ съ жоною и зъ дѣтми своими подѣтца“ (А. З. Р., I. № 202).

²⁾ А. З. Р., I, № 202.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 50.

⁴⁾ *Boniecki*, *Poczet ródow*, 157. *Лубаскій*, *Области. дѣленіе*, 177. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, II. 197.

чины князю Семену Александровичу *Чарторыскому*. Въ родѣ послѣдняго волость эта оставалась во все послѣдующее время ¹⁾).

Изъ изложеннаго видно, что раздѣленіе территорій бывшей Черной Руси на удѣльные княженія со времени присоединенія ея къ Литвѣ имѣло въ своей основѣ старую систему русскихъ удѣловъ. Удѣльная рознь окончательно исчезаетъ въ Черной Руси лишь въ XVI столѣтіи.

Въ административномъ отношеніи области, образовавшіяся на территоріи Черной Руси, въ XV столѣтіи (съ 1413 г.) тинули къ Троцкому воеводству. Въ 1500 г. изъ него выдѣлилось особое Новгородское воеводство; въ составѣ Троцкого воеводства остался лишь одинъ Городненскій повѣтъ. Новгородское воеводство образовалось изъ трехъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Бывшее Новгородское княжество было раздѣлено на два повѣта: восточная половина его, со включеніемъ сосѣднихъ областей сѣвернаго Полѣсья (княжества Слуцкаго, Клецкаго и Несвижскаго), составила повѣтъ Новгородскій; западная половина, съ Волковысскомъ во главѣ, отчислена въ особый повѣтъ. Бывшій Слонимскій удѣлъ образовалъ третій повѣтъ ²⁾).

Въ такомъ составѣ Черная Русь принадлежала къ великому княжеству Литовскому до позднѣйшаго времени. Ниже будетъ рѣчь о томъ, на сколько вообще „спаялись“ русскія области съ Литвой. Теперь сдѣлаемъ замѣтку о предполагаемой Любавскимъ инкорпорации Черной Руси съ Литвой ³⁾. Онъ утверждаетъ, что Городно съ конца XIV столѣтія считался „частью собственности Литовской земли“, и ссылается на одинъ нѣмецкій актъ, именно на договоръ 1379 года ⁴⁾. Но, по справедливому замѣчанію Конечнаго ⁵⁾, Городно (*Garten*) въ нѣмецкихъ актахъ всегда называется „русскимъ“ городомъ. Перемиріе (*pokoj, rozejm*, собственно средневѣковый институтъ „*paх Dei*“—отмѣна *Faustrecht* на опредѣленное время для извѣстныхъ мѣстностей или лицъ), установленное договоромъ 1379 года, касалось пограничныхъ земель Прусскаго Ордена и Литовскаго княжества. И вотъ какъ опредѣляется территориальный составъ мѣстностей, нейтрализуемыхъ по договору 1379 года: „*My iagel etc. uczyniliśmy pokoj na rzecz niektórych naszych krain ruskich, oraz ich ziem pruskich...*

¹⁾ А. Ю. З. Р., I, № 56. *Boniecki*, 33, 64, 354.

²⁾ А. З. Р., II, № 7. *Baliński*, *Staroż. Polska*, IV, 496.

³⁾ Областное дѣленіе, 3, 4, 7.

⁴⁾ *Skarbiec*, № 464.

⁵⁾ *Przewodnik*, 1892, VII, 687.

*pasze kraje ruskie, po częsci nad Niemnem leżące ku pruskiéj stronie, jako to: Wilkowiez (Волковыискъ). Saras (Суражъ) etc. i kraj Garten (Городно). mieć mają pokoju“ etc. Русскими землями названы не только мѣстности Подлянскія (Суражъ, Дрогичинъ и пр.), лежашія по правымъ притокамъ Западнаго Буга, но и специально города Черной Руси, Волковыискъ и Городно, находившіеся именно въ бассейнѣ Немана съ прусской стороны. Затѣмъ, касательно прусскихъ земель, прилегающихъ не къ одной Подляхи и Черной Руси, но и къ чисто литовской землѣ—Трокской, въ договорѣ постановлено: „Nawzajem zażywać będą pokoju kraje zakonu: Osterrode etc. od Litwinów (то-есть, жителей Трокской земли) i Rusinów“ (жителей Подляхи и Черной Руси). Нарушеніе „мира“ въ прусскихъ земляхъ могло быть также со стороны населенія внутреннихъ или болѣе отдаленныхъ (*dalszych*) областей Литвы (Жмуды, Виленской земли) и Руси (Волини, Полѣсья); на такіе случаи мира прусскихъ земель и гарантируется слѣдующей затѣмъ статьею договора, по которой „*zabroniony przystęp (въ прусскія земли) dalszym Litwinom i Rusinom*“. Изъ сказаннаго, кажется, явствуется, что договоръ 1379 года именуетъ русскими землями въ одинаковой мѣрѣ мѣстности Подлянскія и Городненскія, ни разу не замѣняетъ Городненской земли и городяныя словомъ „Литва“, какъ утверждаетъ г. Любавскій. Не убѣдительно также ссылка на судебный актъ 1532 года, въ которомъ Городно именуются „*panstwem Litowskim*“; такимъ же панствомъ называются въ этомъ актѣ и Ляховичи, находившіеся въ Полѣсьи ¹⁾,—Полѣсье же едва ли когда либо считалось „частью собственности Литовской земли“. Что касается избранія Новгорода Черной Руси господарской резиденціей при Миндовгѣ, то оно вовсе не означало превращенія Новгорода въ литовскій городъ. Луцкъ, бывшая резиденція Витонта, точно также не считался литовскимъ городомъ. Пазнаніе „литовскій“, по словамъ самого Любавскаго, дано было Новгороду Черной Руси „въ отличіе“ его отъ Новгорода Сѣверскаго. Таково же происхожденіе „Литовской Руси“, „Литовскаго Полѣсья“. „Врестъ-Литовска“, литовскаго Суража или Брянска (въ Подляхи) и пр. Напрасно также Любавскій ссылается на судебный вырокъ 1499 года. Въ данномъ случаѣ шелъ споръ на судѣ между писаремъ Оедькой Григор. Хрептовичемъ и паномъ Гаштольдомъ изъ-за ловозъ, принадлежавшихъ къ имѣнію перваго, Любчу. Поселеніе это находилось въ Новгородскомъ повѣтѣ, на лѣвой сторонѣ*

¹⁾ *Baliński*, IV, 530, 655.

Пѣмана; на правомъ берегу этой рѣки была уже Литва; тамъ начинались литовскіи владѣнія Гаштольдъ, простиравшіеся далеко къ сѣверу, до Ошминны и Мѣдниковъ. Сосѣднія русскіи волости на лѣвомъ берегу Пѣмана, въ томъ числѣ и Любчъ, приобрѣтены Гаштольдами лишь въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія¹⁾. Господарскій вырокъ 1499 года, присудившій лова Хрептовичу и мотивированный тѣмъ, что „по всему великому княжеству нигдѣ напскіе мужики довоиъ своихъ не имаютъ, а наиболѣй въ Литовъ“, цѣлкомъ направленъ противъ показанія Гаштольда, литовскаго землевладѣльца, заявившаго на судѣ, что спорные лова принадлежали „людямъ одного его сельца“. Подъ „Литвой“ въ вырокѣ разумѣются литовскіи владѣнія Гаштольда, а не Любчъ и вообще русскіи волости, тинущія къ Новгороду. Въ заключеніе Любавскій касается вопроса о литовской колонизаціи Черной Руси и самъ замѣчаетъ, что о ея размѣрахъ судить довольно трудно; между тѣмъ именно лишь при наличности несомнѣнныхъ доказательствъ широкаго развитія въ Черной Руси литовской колонизаціи можно говорить о Черной Руси, какъ о „части собственной Литовской земли“. Доказательства литовской колонизаціи въ Черной Руси Любавскій видитъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ ея округовъ („Литовскій“ десятокъ въ Сланинскомъ повѣтѣ, „Комонскій“—въ Волковийскомъ). Но такіе названія, сами по себѣ, еще ничего не доказываютъ. Раньше приведено указаніе лѣтописи на „Литву“, смѣшную въ Смоленскѣ въ началѣ XIII столѣтія, и на „татарскихъ людей“ Подолімъ въ XIV столѣтіи; какъ мы знаемъ, въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о русскихъ людяхъ, а не литвинахъ и татарахъ. Любавскій ссылается, затѣмъ, на указанія источниковъ—на военнослужилую колонизацію въ Черной Руси, на существованіе въ ней „множества нѣмѣній литовскихъ князей, наповъ и бояръ“, на сосредоточеніе (хотя и не замкнуто) землевладѣнія въ военнослужиломъ классѣ, „вышедшемъ изъ литовскаго племени“, на занятіе „всѣхъ высшихъ и низшихъ правительственныхъ должностей членами этого класса“ и пр.²⁾ Сколько намъ извѣстно, рѣшительно нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыя могли бы уполномочивать изслѣдователя съ полной основательностью утверждать о сосредоточеніи въ Черной Руси землевладѣнія въ рукахъ литвиновъ не только въ такую раннюю эпоху, какъ XIII—XIV столѣтія, но и въ XV и первой

¹⁾ О владѣніяхъ Гаштольдъ и Хрептовичей см. *Boniecki*, 27—30, 56—60. *Вайнъскі*, IV, 524.

²⁾ *Областн. дѣленіе*, 7.

половинѣ XVI столѣтія. Указанія на военнотружливую колонизацію и на существованіе множества имѣній литовскихъ князей и пановъ можно прослѣдить по памятникамъ, иногда весьма раннимъ, по всѣхъ русскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Литовскаго государства; но отсюда еще весьма далеко до заключенія о литовской ихъ инкорпорации. Затѣмъ, если дѣйствительно въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія высшіе и низшіе уряды занимались литвинами, при томъ не въ одной Черной Руси, но и въ другихъ областяхъ Кривичской земли, то это нисколько не было результатомъ литовской колонизаціи, какъ думаетъ Любавскій. Обстоятельство это объясняется извѣстнымъ направленіемъ административной политики, ставшимъ обозначаться въ Литовскомъ государствѣ со временъ Владислава-Игеллы (съ политико-религіозной унии, нашедшей сторонниковъ, главнымъ образомъ, въ средѣ литовскихъ пановъ) и, въ концѣ концовъ, выразившимся въ положеніи Городельскаго привилея 1413 года о донушеніи къ урядамъ высшимъ и низшимъ только католиковъ, сопричислившихся къ „польскимъ гербамъ“. Какъ извѣстно, положеніе это отмѣнено сеймовою конституціей 1563 года ¹⁾.

Бѣлая Русь (Бѣлоруссія) обнимала въ литовскую эпоху восточную половину Кривичской земли, прилегавшую къ границамъ Литвы и располагавшуюся по Западной Двинѣ и верховьямъ Волги, Днѣпра и Березины. Бѣлорусская территорія заключала въ себѣ послѣднія литовскія воеводства: Полоцкое, Смоленское, Витебское и Мстиславское съ частію Минскаго, и разбивалась на цѣлый рядъ удѣльных княженій, какъ и въ Черной Руси, берущихъ свое начало въ древнерусской удѣльной системѣ. Главныя княженія, на какія разбивалась Бѣлая Русь, въ литовскій періодъ представляли собой княжескіе удѣлы, образовавшіеся далеко раньше присоединенія Бѣлоруссіи къ Литвѣ. Сосѣднія съ послѣдней бѣлорусскія области (земля Полоцкая) были заняты Литвою почти въ одно время съ Черной Русью (въ половинѣ XIII вѣка); остальные части Бѣлоруссіи присоединялись къ Литвѣ въ теченіе XIV вѣка. Самымъ позднимъ приобрѣтеніемъ Литвы въ этомъ краѣ была Смоленская земля, окончательно присоединенная къ великому княжеству Литовскому въ началѣ XV вѣка ²⁾.

¹⁾ Zbiór praw lit., 7 — 12. А. З. Р., III, стр. 118. А. Ю.-З. Р., III, 168. Ср. также предисловіе къ Литовск. Статуту 1566 (*Временн. Моск. Общ. Истор. и Древн.*, кн. 28, отд. II, стр. 2—3).

²⁾ См. *Sulimierski, Słown. geogr.*, I, 193. *A. Rypński, Białorusia* (1840). *М. Белькоринскій*, Историч. свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи

Территория Бѣлоруссiи въ литовскую эпоху раздѣлялась на слѣдующія земли-княженія, изъ коихъ въ XV — XVI вѣкахъ образовались отдѣльныя литовскія воеводства.

Полоцкая земля, главная бѣлорусская область (въ бассейнѣ Западной Двины), обособляется раньше другихъ русскихъ земель. Въ началѣ XII в. она становится совершенно независимымъ княжествомъ. Мѣстные князья (въ родѣ Изяслава Владиміровича) дробятъ Полоцкую землю на нѣсколько удѣловъ; возникаетъ обычай въ удѣльную пору убоища князей и общинъ за преобладаніе; для соседней Литвы открывается широкое поле для вѣнательства по внутренній дѣла Полоцка. Велѣдъ за Черной Русью, въ половинѣ XIII в. (около 1241 г.), Полоцкая земля становится владѣніемъ литовскихъ князей (въ родѣ Миндовга). Вскорѣ, впрочемъ, Полоцкъ, съ своимъ княземъ Орденемъ, отдѣляется отъ Литвы и только при Витенѣ (около 1307 г.) окончательно присоединяется къ ней. При Гедиминѣ Полоцкъ поступилъ въ удѣлъ его брата—Вонна; послѣ его смерти (въ 1342 г.) княженіе Полоцкое перешло къ Андрею Ольгердовичу ¹⁾. Изъ приписной записи смоленскаго князя Юрія Святославича 1386 г. видно, что въ этомъ году Андрей еще сидѣлъ въ Полоцкѣ ²⁾. Лишь въ слѣдующемъ

съ древнѣйшихъ временъ (1857). *Д. Иаовайскій*, Вел. Новгородъ и Бѣлоруссiя (*Русск. Вѣстн.*, 1864, № 8). *М. Кукольникъ*, Историч. замѣтки о сѣверо-западн. краѣ Россiи (*Вѣстн. юго-западн. и западн. Россiи*, 1867, I; 1868, VIII). *Н. Петровъ*, Бѣлоруссiя и Литва. Историч. судьбы сѣв.-русск. края. Издано *П. Вяткинскимъ* (1890). *И. Биллетъ*, Исторiя Полоцка, или сѣверо-западн. Руси (Разысканія изъ русской исторiи, 1872, IV). *Семеновскій*, Этнографич. обзоръ Витебск. губ. *А. Синюговъ*, Витебская старина (1883). *Зеленскій*, Минская губернія (Матеріалы для геогр. и статист. Россiи, 1864). Архив. *Никомей*, Истор.-статист. описаніе Минской епархіи (1864). *А. Дембовецкій*, Опытъ описанiя Могилевской губерніи (1882). Краткое описаніе Ковенской губ. (1888). *А. Слунскій*, Изяславъ и Туровъ (Сѣверо-западн. вѣстн. на 1888 г.). *Мирзакевичъ*, Исторiя Смоленска (1818). *Ц-брыковъ*, Смоленск. губ. (1862). *Kottubaj*, Odsiecz Smoleńska i pokój Polanowski (1858). *Opis Mściśława (Tygodn. Ilustr.*, 1872, № 245).

¹⁾ Сохранился записъ этого князя отъ 1386 г., въ которой онъ такъ выражается о пожалованіи ему Полоцкаго удѣла: „Totum regnum Plescoviense, quod pater noster Algirde nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris obitum fratres nostri nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus litteris clarius apparet“ (*Voigt, Cod. dipl. Pruss.*, IV, 39). Сохранились двѣ грамоты полоцкихъ князей: Андрея Ольгердовича и „Анофренъ“ (А. З. Р., I, №№ 13 и 14). Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ грамоты принадлежать одному князю — Андрею. (См. *Konczny, Przegląd.*, 1892, II, 112).

²⁾ Въ приписной грамотѣ князя смоленскаго, данной на вѣрность королю Владиславу и великому князю литовскому Скиргайду, между прочимъ, смолен-

году, послѣ того, какъ Полоцкъ былъ влѣтъ вооруженною силой, Ягелло особымъ привилеемъ¹⁾ призналъ Скиргайла полоцкимъ княземъ. Впрочемъ, онъ недолго держался въ своемъ удѣлѣ: первымъ дѣломъ Витовта послѣ того, какъ онъ сдѣлался великимъ княземъ, было удаленіе Скиргайла изъ Полоцкаго удѣла и присоединеніе его къ короннымъ владѣніямъ, съ подчиненіемъ Полоцка непосредственному управленію великокняжескихъ наместниковъ²⁾. Въ 1500 г. было образовано Полоцкое воеводство, существовавшее до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г.³⁾

Витебская земля въ древнее время входила въ составъ полоцкихъ волостей. Витебскъ, считавшійся старѣйшимъ полоцкимъ пригородомъ, отдѣлился отъ Полоцка въ XII в., съ нѣсколькими подчиненными ему пригородами, и сталъ по главѣ отдѣльной земли, съ своимъ независимымъ плѣчемъ и своимъ удѣльными князьями. Последнимъ русскимъ княземъ въ Витебской землѣ былъ Ярославъ Васильевичъ, выдавшій въ 1318 г. свою дочь, единственную наследницу Витебскаго удѣла, за крепскаго князя Ольгерда. По смерти Ярослава (въ 1320 г.) Ольгердъ совершенно мирнымъ путемъ вступилъ во владѣніе Витебскою землею, въ качествѣ вѣна его жены⁴⁾. Позже Витебскіе составляли удѣлы Ягеллы, а затѣмъ въ значеніи подопечей „оправы“ перешелъ къ князю Юліану, вдовѣ Ольгерда⁵⁾. По смерти послѣдней въ 1392 г., Свидригайло-Болеславъ, не желавшій учинить Витовту „покоры“, лишается отцовскаго удѣла. Завязавшаяся затѣмъ борьба изъ-за обладанія Витебскимъ княжествомъ окончилась въ

скій князь обязывается: „с кимъ король (и великій князь) не миреть, и съ тымъ миру не держати ми, и со *Одрсею Полоцкимъ* и с *полоцаны* миру не держати ми, и ни слатися“ (Archivum Sangusz., I, № IV).

¹⁾ Skarbiec, № 542. Cod. epist. saec. XV, t. I, №№ 9 и 10.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 64, 81.

³⁾ До 1500 г. Полоцкъ управлялся наместниками. См., напр., А. З. Р., I, № 147 и др. В. Антоновичъ, Моногр., I, 19, 45. *Stadnicki*, Bracia Iagielly, 16, 20, 26, 32. *Wolff*, Röd Ced., 6, 146. *Smolka*, Kiejstat, 9, 28, 59. *Baliński*, Star. Pol., 2-е изд., IV, 481. *Slowin. geogr.*, VIII, 714. *Петровъ*, Бѣлоруссія, стр. 26—27, 30, 32 — 36. П. Даниловичъ, Княженіе Данила Галицкаго, 119. *Latkowski*, Mendog (*rozprawu Krak. Ak.*, XXVIII, 328, 395, 371). *Конечный*, Iagiello i Witold (*Przewodn.*, 1892, II, 107; VI, 485 — 487; VIII, 686 — 689). Ср. Новг. лѣт., изд. 1888, стр. 274, 283. Волинск. лѣт., изд. 1871, стр. 541. Плат. лѣт., изд. 1871, стр. 569. П. С. Р. Л., VII, 151. *Наніевскій*, Русско-лив. акты, № 25.

⁴⁾ Латор. *Даниловичъ*, 27. Хроника *Виховна*, 17, 84.

⁵⁾ Княгиня Юліанъ принадлежатъ жалованныя грамоты одной изъ мѣстныхъ церквей (А. З. Р., I, № 5).

1396 г. полнымъ присоединеніемъ его къ короннымъ владѣніямъ. Въ началѣ XVI в. (1506 г.) Витебскъ съ его областію становится отдѣльнымъ поеводствомъ, существовавшимъ до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г.¹⁾

Въ составъ Витебской земли входило нѣсколько волостей русскихъ удѣльныхъ князей, сидѣвшихъ въ Оршѣ, Друцкѣ, Лукомѣ и пр.²⁾. Тѣ же удѣлы удерживались и въ литовскую эпоху.

Орна составляла одинъ изъ старыхъ полоцкихъ пригородовъ; въ русскихъ лѣтописяхъ она упоминается уже подъ 1116 годомъ. Орна при Миндовѣ (въ половинѣ XIII в.) составляла волость одного изъ его сыновей—Товтвила. О посѣдующихъ князьяхъ орнанскихъ сохранилось мало свѣдѣній. Известно только, что въ концѣ XIV столѣтія въ Оршѣ, какъ и въ соседнемъ Друцкѣ, сидѣли какіе-то мѣстные князья. Въ 1393 г. князья эти безъ сопротивленія подчинились Витовту во время его похода противъ Свидригайла, засѣвшего въ Витебскѣ. Съ этихъ поръ Орнанское княжество, по всему видно, вошло въ составъ коронныхъ владѣній³⁾.

Друцкъ (Одруцко) — извѣстный полоцкій пригородъ, составлявшій въ XIII столѣтіи удѣлъ Друцкихъ князей. Послѣ присоединенія Бѣлороссіи къ Литвѣ въ Друцкѣ удержались старые русскіе князья⁴⁾. въ качествѣ подручниковъ литовскихъ князей. О князьяхъ Друцкихъ сохранилось мало документальныхъ свѣдѣній. Видно, впрочемъ, что удѣльные князья держались въ Друцкѣ до конца XV или даже начала XVI столѣтія. Во второй половинѣ XIV столѣтія источники упоминаютъ о нѣсколькихъ Друцкихъ князьяхъ, пользовавшихся пра-

¹⁾ До 1506 г. Витебскъ управлялся наместниками (см., напр., А. З. Р., I, № 127). См. *Ильинскій*, Исторія Россіи, II, 182. *Самуиловъ*, Витебск. старина, I, 567. *Антоновичъ*, Моногр., I, 25, 46. *Молчановскій*, Очеркъ извѣстій о Подольск. землѣ, 232. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30—34, 96. *Stadnicki*, Syn. Ged., I (1881), 75. *Ею же*, *Olgerd.*, 23 и сл. *Ею же*, *Bracia Jagielly*, 10, 16, 306, 309. *Wolff*, *Ród Ged.*, 26. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 566. *Caro*, *Gesch.*, III, 189. *Le-wicki*, 177. *Koneczny*, IV, 297.

²⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20.

³⁾ *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 307. *Sulimierski*, *Slown.*, VII, 596. *Baliński*, IV, 574. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30.

⁴⁾ См. *Антоновичъ*, въ *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. VI, т. II, стр. 9. Родоначальникомъ князей Друцкихъ старые геральдики польскіе считаютъ Михаила, сына галицко-владимірскаго князя Романа. По другой традиціи, родъ князей Друцкихъ происходитъ отъ Судислава, сына великаго князя кievскаго Владиміра св. (*Niesiecki*, III, 409; VI, 140).

нами удѣльныхъ владѣтелей. Въ половинѣ этого столѣтія были извѣстны князья Друцкіе: Дмитрій Васильевичъ и его сыновья—Андрей и Василій ¹⁾. Въ одной изъ грамотъ Витовта (1384 г.) упоминается князь Лесь Друцкій, женившійся на одной изъ дочерей Кейстута, почему Витовтъ называетъ его своимъ шнагеромъ ²⁾. Въ Литовской лѣтописи, подъ 1392 г. упоминаются князья Друцкіе, „ударившіе челомъ у службу“ Витовту ³⁾. Договоръ литовскихъ князей съ Ордеюмъ 1398 г. подписанъ, въ числѣ другихъ князей, также княземъ Иваномъ „de Druczki“ ⁴⁾. Въ спискѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г., упоминается князь Андрей Друцкій ⁵⁾. Есть также свѣдѣнія объ удѣльныхъ Друцкихъ князьяхъ XV столѣтія. Въ 1443 г. Клецкій удѣлъ достался одному изъ Друцкихъ князей—Ивану Семеновичу Друцкому-Бабѣ ⁶⁾. Друцкій князь Семенъ Дмитріевичъ далъ присягу вѣрности королю Владиславу ⁷⁾. Еще въ началѣ XVI ст. Друцкъ принадлежалъ мѣстнымъ князьямъ на удѣльномъ положеніи, какъ это видно изъ извѣстія о повстаніи князя Глинскаго въ 1508 г., когда князья Друцкіе, по собственной волѣ, передали ему замокъ Друцкъ ⁸⁾. Съ XV ст. родъ князей Друцкихъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣльныхъ линій. Кромѣ Друцкихъ-Бабъ, о которыхъ сказано выше, сюда принадлежатъ князья Друцкіе-Горскіе, Друцкіе-Любецкіе, имѣвшіе позже владѣнія на Волини, и пр.

Въ 40-хъ годахъ XVI ст. Друцкъ находился во владѣніи одного изъ сосѣднихъ князей, Семена Ямуптовича Подберезскаго, рода старыхъ князей Клецкихъ (см. ниже). Родовое гнѣздо князей Друцкихъ досталось ему, повидимому, послѣдствіемъ родственныхъ связей (скорѣе всего по браку) съ послѣдними владѣльцами Друцкаго удѣла. По смерти князя Семена Ямуптовича (около 1541 г.) Друцкія владѣнія

¹⁾ Хмаришъ, Алфавитн. справочн. перечень удѣльныхъ князей, № 287.

²⁾ Prochaska, Cod. epist. Vit., стр. 4 и 32.

³⁾ Лѣт., изд. Поповичъ, стр. 39.

⁴⁾ Skarbies, № 695. Raczynski, Cod., 256.

⁵⁾ П. С. Р. Л., IV, 104, 142.

⁶⁾ Wolff, Röd Ged., 35. Въ 1423 г. Витовтъ послалъ противъ татаръ рать съ Друцкимъ княземъ Иваномъ Бабой (Карамзинъ, V, прим. 214). Онъ же участвовалъ въ московскомъ походѣ 1434 г. (ib., прим. 238).

⁷⁾ Сборн. Мухомова, № 350, Cod. epistol. заес. XV, № 30.

⁸⁾ Słown. geogr., II. 164.

были раздѣлены между представителями отдѣльных отраслей рода князей Друцких¹⁾.

Лукомъ (позднѣйшая *Лукомля*), къ западу отъ Орши, на р. Ула, въ XIII в. составлялъ удѣлъ русскихъ князей, тянувшихъ къ Полоцку. Въ литовскую эпоху Лукомскіе князья упоминаются въ источникахъ до половины XVI в. Происхожденіе ихъ съ точностью неизвѣстно²⁾. Сохранилось извѣстіе, что братъ Ягеллы, князь Андрей-Вигунтъ, бывшій полоцкій князь, удалился было князей Лукомскихъ изъ ихъ удѣла (въ 1386 г.); но затѣмъ они вскорѣ получили его обратно отъ Ягеллы³⁾. Въ актахъ XV ст. находимъ подписи князей Лукомскихъ на различныхъ актахъ. Такъ, въ одномъ актѣ князя Юрія Васильевича Острожскаго, 1448 г., встрѣчается подпись князя Василя Лукомскаго; въ другомъ актѣ конца того же вѣка находится подпись князя Ивана Ивановича Лукомскаго⁴⁾. Нарбутъ сообщаетъ, что въ 1473 г. одинъ изъ князей Лукомскихъ добровольно ушелъ въ Москву⁵⁾. Сохранилось литовское извѣстіе о другомъ князѣ Луком-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, №№ 3, 11, 15. А. З. Р., I, № 145. *Boniecki*, 51. О князьяхъ Друцкихъ см. *Slown. geogr.*, II, 161. *Nirsiecki*, *Herbarz Polski*, II, 49; III, 409; IV, 1378; VI, 40; VII, 218; VIII, 443. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 307. *Wolff*, *Rdd Ged.*, 36, 51, 153. *Arch. Sangusz*, I, 142, 143; III, 24, 30, 268, 323, 400; IV, 483. *Петровъ*, *Бѣлоруссія*, 30, 32—34. Руководясь показаніями, главнымъ образомъ, Литовской Метрики, Бонецкій различаетъ слѣдующіи линіи рода князей Друцкихъ: Горскіе, Любенкіе (или Виденешіе, Видиньскіе), Одицевичи (Гальновскіе и Вакриновскіе), Озеренкіе, Пуцаты, Соколинскіе (Бабы или Бабичи и Комолы) и Толочинскіе (*Poczet rodów*, 3, 4, 50—51, 76, 89, 138, 165, 215, 322, 50). Родъ князей Пуцатъ въ половинѣ XVI ст. прекратился; они не упомянуты въ числѣ князей Друцкихъ, записанныхъ въ 1548 г. по родству права на вѣнчорочныя владѣнія князей Подберезскихъ (ib., 50). Последннихъ Бонецкій правильно относитъ къ роду князей Друцкихъ; какъ увидимъ ниже, они принадлежали къ старымъ Клецкимъ князьямъ — Ямунтовичамъ, не русскаго, а литовскаго происхожденія. Любанскій въ Друцкимъ же относитъ Пуцатъ, Зубровицкихъ и Шиншевскихъ (Обл. дѣленіе, 253); но на это нѣтъ указаній у Бонецкаго, на котораго ссылается Любанскій.

²⁾ Въ польскихъ гербовникахъ князья Лукомскіе причисляются къ литовскимъ князьямъ Гедиминовичамъ. *Околяскій* (*Orbis Polon.*, II, 206) полагаетъ, что Лукомскіе происходятъ отъ Андрея Ольгердовича; *Коллотицъ* и *Ниссецкій* (*Herb.*, VI, 289) причисляютъ ихъ къ роду одной изъ сестеръ Ягеллы. Польскіе историки все это считаютъ предположеніями, не подтверждающимися документальными данными (*Stadnicki*, *Bracia*, 40; *Wolff*, 89).

³⁾ *Dlugosz*, III, 463. *Slown. geogr.*, V, 819. *Лопесану*, V, 336.

⁴⁾ *Arch. Sangusz*, I, №№ XLVI, XLII.

⁵⁾ *Narbutt*, *Dzieje Lit.*, VIII, 275.*

скомъ, котораго король Казиміръ послать въ 1493 г. въ Москву съ цѣлью убійства великаго князя московскаго ¹⁾. Князья Лукомскіе упоминаются еще въ памятникахъ половины XVI вѣка ²⁾. Въ началѣ этого столѣтія Лукомъ причисленъ къ Витебскому воеводству ³⁾.

Въ составъ Витебскаго воеводства входилъ первоначально *Могилевъ* на Днѣпрѣ, имѣвшій въ литовскую эпоху особыхъ удѣльных князей, подчинявшихся литовскимъ господамъ. Въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (въ 1386 г.), упоминается могилевскій князь Андрей Владиміровичъ, принявшій тутъ же, вмѣстѣ съ Ягеллой, католицизмъ ⁴⁾. Въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія Могилевъ съ волостью принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ, въ качествѣ вѣна, полученнаго ею отъ мужа Владислава-Ягеллы. Съ Витовта Могилевъ управлялся великокняжескими намѣстниками. При великомъ князѣ Александрѣ было на время восстановлено удѣльное значеніе Могилева: въ 1503 г. этотъ замокъ съ волостями, всѣмъ данями и доходами поступилъ въ „дожivotъ“ женѣ великаго князя Еленѣ. Послѣ нея окончательно устанавливается намѣстническое управленіе Могилевскимъ повѣтомъ. Въ 1569 г. Могилевъ съ повѣтомъ вошелъ въ составъ Мстиславскаго воеводства ⁵⁾.

Кромѣ старыхъ княженій, въ Витебской землѣ выдѣлялись съ половины XV столѣтія мелкія удѣльныя владѣнія, нѣзъ конхъ нѣкоторые удѣрживались до второй половины XVI столѣтія. Въ современныхъ памятникахъ упоминаются слѣдующія удѣльныя волости.

Княжичи и *Тетеринъ*—бывшіе господарскіе дворы, пожалованные при Казимірѣ Івану Юрьевичу, князю Мстиславскому, владѣвшему ими до смерти (около 1495 г.). Въ 1501 г. великій князь Александръ отдалъ эти волости „напомиъ дѣдичнымъ“ женѣ своей Еленѣ съ потомствомъ ⁶⁾.

¹⁾ Н. С. Р. Л., VIII, 225. *Карамзинъ*, VI, прим. 222.

²⁾ Arch. Sangusz., IV, 532.

³⁾ О Лукомѣ и Лукомскихъ князьяхъ см. В. Антоновичъ, Моногр., I, 20. *Stadnicki*, *Biencia Ingielly*, 31, 40, 199, 200. *Wolff*, *Röd Ged.*, 89. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, V, 819. *Baliński*, IV, 581. *Niesiecki*, *Herb.*, VI, 289. *Петровъ*, *Бѣлоруссія*, 30. *Bonicki*, 171.

⁴⁾ Андрей Владиміровичъ—сынъ бывшаго кievскаго, а затѣмъ слудкаго князя Владиміра Ольгердовича (*Бызовенъ*, 29; *Baliński*, IV, 659).

⁵⁾ *Skarbiec.*, № 2153. А. Ю.-З. Р., I, № 45. А. З. Р., I, № 91. *Археогр. Сборн.*, III, № 1. *Sulimierski*, *Slown. geogr.*, VI, 612. *Baliński*, *Star. Polska*, IV, 659. *Bonicki*, 181.

⁶⁾ *Археогр. Сборн.*, II, № 2. *Skarbiec*, № 2186.

Смольяны съ тѣнувшими къ этой волости дворами при Казиміръ же выдѣлились изъ состава господарскихъ волостей въ значеніи удѣльнаго владѣнія князей Бѣльскихъ. Послѣ ухода въ Москву князя Семена Бѣльскаго, его волость перешла къ великой княгинѣ Еленѣ, а послѣ нея сначала къ князю Константину Ивановичу Острожскому („до дву животовъ“—его и сына), а затѣмъ къ королевѣ Бонѣ, отдавшей въ 1543 г. князю Василю Сангушкѣ эту волость вмѣстѣ съ другими за уступленный ей Ковель ¹⁾,

Волости *Черчинъ*, *Гридице* и *Лосичи* первоначально составляли вмѣстѣ съ Смольянами владѣніе князей Бѣльскихъ, а затѣмъ въ началѣ XVI столѣтія перешли къ великой княгинѣ Еленѣ ²⁾.

Волость *Оболыцъ* составляла при Казиміръ „держанье“ московскихъ выходцевъ, князей Семена Шемячича и его сына Василя. Въ 1506 г. волость эта дана была въ пожизненный удѣлъ великой княгинѣ Еленѣ, а послѣ ея смерти перешла вмѣстѣ съ волостью Горвольской къ королевѣ Бонѣ и управлялась отъ нея именіи особымъ державцемъ. Въ 1543 г. королева отдала эти волости князю Василю Сангушкѣ взаменъ уступленнаго ей Ковеля ³⁾.

Къ самымъ позднимъ удѣльнымъ владѣніямъ, образовавшимся на восточной окраинѣ Витебской земли, принадлежать волости, тѣнувшія къ замкамъ *Усяты* и *Озериче* (оба—къ сѣверу отъ Витебска, близъ Смоленской границы). Усяты упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще въ половинѣ XIII столѣтія въ числѣ значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ западной Руси. Въ 1526 г. оба замка съ ихъ волостями были пожалованы одному изъ потомковъ старыхъ князей Клецкихъ, Семену Яхуповичу-Подбережскому. Вскорѣ, впрочемъ, обѣ волости были отобраны отъ него и отданы королевѣ Бонѣ, владѣвшей ими до выѣзда изъ Литвы въ 1556 г. ⁴⁾.

¹⁾ Arch. Sang., I, № 136. Skarbiec, № 2136. А. З. Р., II, № 118. *Boniecki* 291.

²⁾ Skarbiec, № 2136.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 236. *Boniecki*, 294. *Любавскій*, Области дѣленіе, 124.

⁴⁾ *Baliński*, Star. Polska, IV, 572. Писцов. книги, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., II, 433. *Любавскій*, 250. *Лонецкій* (стр. 181, 350) извлечъ изъ Литовской Метрики свидѣнія о владѣніяхъ въ Витебской землѣ, кромѣ перечисленныхъ князей, также князи Матѣи *Микитинича* (волости Ездо, Книжичи, замки *Перщичъ* и пр.) и кн. *Толочко* (двор. *Добрѣвскъ*, *Барсуковский*). *Лонецкій* полагаетъ, что князь Микитиничъ прибылъ въ Литву изъ Москвы съ великой княгиней Еленой (дочерью великаго князя московскаго Ивана III, бывшей замужемъ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ). Сохранились двѣ грамоты на вотчинны князи Матѣи Микитинича. Одна грамота дана великимъ княземъ Але-

На территоріи Витебской земли, въ Оршанскомъ повѣтѣ, находились владѣнія стараго рода мѣстныхъ князей *Путятъ* (Путятичей). Территоріальный составъ принадлежавшей имъ отчины съ точностію неизвѣстенъ. Свѣдѣнія объ этомъ сохранились лишь со второй половины XV и начала XVI столѣтій, когда главной отчиной Путятъ считалась Слободка съ нѣсколькими селами, лежавшими между Друцкою и Оршей ¹⁾. Кроме того, какъ раньше замѣчено, князья Путятичи получили въ 1499 г. отъ великаго князя Александра дворъ Крошинъ въ Новгородскомъ повѣтѣ. Затѣмъ, около половины XVI столѣтія, какъ видно изъ описи польскихъ замковъ 1545 г., князь Иванъ Путята владѣлъ въ Луцкомъ повѣтѣ, по пожалованію, имѣніемъ Мозоръ ²⁾. Вотъ все, что извѣстно по актамъ о старыхъ владѣніяхъ князей Путятъ. Дѣло въ томъ, что князья эти въ XV вѣкѣ и позже являлись нерѣдко въ составѣ членовъ господарской рады, занимали уряды старость, воеводъ и пр. Такая дѣятельность князей Путятъ предполагаетъ довольно сложный составъ принадлежавшихъ имъ владѣній, которыя должны были, во всякомъ случаѣ, превышать въ значительной степени сравнительно небольшія ихъ владѣнія, упоминающіяся въ актахъ. Неизвѣстно также съ полною достовѣрностію происхожденіе князей Путятъ. На принадлежность ихъ къ литовскимъ князьямъ нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ. По всей вѣроятности, князья Путятичи, какъ и ихъ сосѣди, князья Друцкіе, принадлежали къ потомкамъ древнихъ русскихъ князей ³⁾, удержавшихся

Александръ въ 1502 г. на полость съ дворцами Струна и Стояншия въ Виленскомъ повѣтѣ, даннымъ князю Микитиничу въ качествѣ наследственной вотчины „со всемъ правомъ, панствомъ и пожиткомъ, ничого не оставляючи на насъ и на нашихъ наследѣки“. Другая грамота 1507 г. дана тому же князю королевой Еленой и на томъ же правѣ на дворцы: Едино, Ганусовскій и Шлягеронскій (А. Ю.-З. Р., I, №№ 37 и 45).

¹⁾ *Лубацкій*, Области, дѣленіе, 253. *Niesiecki*, Herb., VII, 578. Сохранилась мѣшковая записъ (1467 г.) князя Дмитрія Ивановича Путятяча, изъ которой видно, что ему принадлежало въ Оршанскомъ повѣтѣ, близъ Друцка, нѣсколько селъ, уступленныхъ имъ по записи пану Илминичу (Arch. Sang., I, № 138).

²⁾ Памяти. Кіевск. Комм., IV, отд. 2, стр. 185. Въ XVII столѣтіи Путаты имѣли владѣнія также въ Брицлавщинѣ и Виленскомъ воеводствѣ (*Niesiecki*, VII, 574).

³⁾ На древнее, чисто-русское происхожденіе князей Путятичей, между прочимъ, намеклетъ народное преданіе, сохранившееся въ одной изъ былинъ Кіевского цикла. Въ былинѣ „Соловей Будимировичъ“ говорится о пріѣздѣ его изъ заморскаго города „Гедениа къ князю Владиміру и о женитьбѣ его на племянницѣ Владиміра, на „княженецкой племянницѣ, молодой Запавѣ Путятяшнѣ“.

въ своихъ удѣлахъ и послѣ присоединенія западной Руси къ Литовскому княжеству ¹⁾). Исторически достоиными родоначальниками князей Путятъ нужно считать князя Ивана Путятю, принадлежавшаго къ числу литовскихъ и русскихъ князей великокняжеской рады при Витовтѣ. Иванъ Путята впервые упоминается въ Мельницкомъ трактатѣ Владислава-Игеллы и Витовта, заключенномъ въ 1422 г. съ Нѣмецкимъ Орденомъ: „Ivan Putiata“ подписалъ этотъ трактатъ въ числѣ другихъ князей литовскихъ и русскихъ (*duces de terris Lithuaniae et Russiae*) ²⁾). Повидному, тотъ же князь (Иванъ Семеновичъ Путята) является въ составѣ рады Свидригайла, въ бытность его великимъ княземъ литовскимъ, а затѣмъ княземъ волынскимъ и кievскимъ ³⁾). Какъ видно по всему, князь Путята являлся въ южной Руси иирымъ сторонникомъ Свидригайла до самой смерти послѣдняго. И позже князья Путятичи являются дѣйствующими лицами на Волыни и въ другихъ южнорусскихъ земляхъ ⁴⁾). Есть также акты, указывающіе на дѣятельность князей Путятичей въ значеніи князей бѣлорусскихъ ⁵⁾). Подобно другимъ литовскимъ князьямъ, Путятичи пользовались обычными правами удѣльныхъ владѣтелей, титуловались въ своихъ грамотахъ „милостію Божьею“ ⁶⁾). позже занимали высшіе уряды—воеводы ⁷⁾ и пр. Путяты упоминаются еще въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія ⁸⁾). Кромѣ князей Путятъ, въ источникахъ конца XV и начала XVI столѣтія встрѣчаются Путяты и Пути-

¹⁾ Выше замѣчено, что *Любимскій* (стр. 253) относитъ Путятичей къ роду князей Друцкихъ. Основаніемъ для этого, какъ кажется, послужило лѣтописное извѣстіе о томъ, что въ 1423 г. Витовтъ выслалъ противъ татаръ, обложившихъ Одолевъ, рать съ двумя Друцкими князьями, изъ коихъ одинъ называется Иванъ Баба, другой—*Путятъ* (*Карамзинъ*, V, стр. 214). Какъ сказано выше, родъ Путятъ прекратился въ половинѣ XVI столѣтія. Въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ Бонеекимъ о князьяхъ Путятахъ, нѣтъ никакихъ указаній на связь ихъ съ князьями Друцкими (*Росет*, 266).

²⁾ *Dogiel*, Cod. dipl., IV, стр. 110—115. *Napierski*, Index, № 1020. *Skarbiec*, № 1359.

³⁾ *Нapierski*, Русско-лит. акты, № 190. *Его же*, Index, №№ 1299, 1324. *Skarbiec*, №№ 1545, 1562, 1603. А. Ю.-З. Р., I, № 19. *Arch. Sang.*, I, стр. 33.

⁴⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 50, 61, 70, 85 и др. А. З. Р., I, №№ 107, 224. *Памяти. Кіевск. Комм.*, IV, отд. 1, стр. 33.

⁵⁾ *Arch. Sang.*, I, стр. 138. А. Ю.-З. Р., II, № 72.

⁶⁾ См., напримѣръ, *Arch. Sang.*, I, стр. 138.

⁷⁾ *Boniecki*, *Росет*, стр. 266. А. З. Р., I, №№ 107, 224; примѣч. № 81.

⁸⁾ См., напримѣръ, *Памяти. Кіевск. Комм.*, II, отд. I, стр. 17. *Niesiecki*, *Herb.*, VII, 574.

тичи. безъ княжескаго титула, принадлежавшіе къ боярамъ смоленскимъ ¹⁾). Въ этихъ боярахъ, какъ кажется, нужно видѣть захудалую отрасль стараго владѣтельнаго рода Путятъ, рано потерявшую удѣльные права. быть можетъ, еще при первомъ занятіи страны литовцами; въ XV столѣтіи представители этой отрасли Путятъ уже вполне вошли въ составъ мѣстныхъ боярскихъ родовъ.

Въ томъ же Оршанскомъ повѣтѣ находилась волость Подбережье, принадлежавшая князьямъ *Имунтовичамъ-Подбережскимъ*, составлявшимъ особую отрасль старыхъ литовскихъ князей, родоначальникомъ которыхъ считается клецкій князь Имунтъ Тулутовичъ, жившій во второй половинѣ XIV столѣтія ²⁾). Въ числѣ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ въ 1399 г., упоминаются князья Михаилъ и Александръ Подбережскіе ³⁾). Князья Подбережскіе затѣмъ упоминаются въ актахъ до конца первой половины XVI столѣтія, и именно въ значеніи удѣльныхъ князей. Кромѣ родовой отчины, князья Подбережскіе владѣли также господарскими выслугами. Послѣдній ихъ представитель, князь Семень Имунтовичъ, получая отъ короля Сигизмунда, въ 1522 г., въ пожизненное владѣніе Керновское староство въ собственной Литвѣ; въ 1526 г. ему пожалованы витебскія волости, тянувшія къ замкамъ Усвяты и Озернице ⁴⁾). Какъ замѣчено раньше, князь Семень Имунтовичъ-Подбережскій владѣлъ также Друцкимъ удѣломъ, какъ видно, по родству съ послѣдними владѣльцами этого удѣла. Князь Семень Имунтовичъ былъ послѣднимъ представителемъ рода князей Подбережскихъ. Послѣ безпотошной его смерти (около 1541 г.), родовая его отчина досталась, по его лѣнковой записи, его вдовѣ, княгинѣ Федорѣ (Федѣ) Богдановнѣ (урожденной кн. Заславской) ⁵⁾). Въ первой половинѣ XVI столѣтія упоминаются въ источникахъ Иванъ и Григорій Яцковичи Подбережскіе—представители, очевидно, захудалаго рода Подбережскихъ, утратившіе, подобно Путятамъ, княжескій титулъ и числив-

¹⁾ *Bonicki*, стр. 265—266.

²⁾ О происхожденіи князей Имунтовичей—Клецкихъ и Подбережскихъ см. ниже о Клецкомъ княжествѣ въ Литовскомъ Полѣсьи. *Несвѣтскій* (Herb., VII, 340) ошибочно считаетъ князей Подбережскихъ особой отраслью князей Друцкихъ; ту же ошибку повторяютъ *Бонекскій* (стр. 250) и *Лубаскскій* (стр. 253). Болѣе правильно поставленъ вопросъ *Вольфомъ* (Röd, 35). Ср. *Stadnicki*, Synowie, I, 81, пр. 148.

³⁾ *Wolff*, 36.

⁴⁾ *Bonicki*, 250. *Лубаскскій*, 253.

⁵⁾ *Bonicki*, 250. *Wolff*, 36, 41.

шіеся въ XVI столѣтіи господарскими дворянами. Ихъ владѣніе Басѣя (Basteja), повидимому, находилось въ сосѣдствѣ съ удѣломъ князей Подберезжскихъ. По смерти князя Семена Ямунтовича Яцковичи, по родству, заявили свои права на отчину этого князя и, какъ кажется, получили ее послѣ вдовы князя Семена Ямунтовича, но, понятно, безъ владѣтельныхъ правъ, какими несомнѣнно пользовались бывшіе князья Подберезжскіе ¹⁾.

Среднюю часть Кривичской территоріи въ Днѣпровскомъ бассейнѣ, по притокамъ Березины и Припяти (Свислочи и Птичу), между Черной Русью и сѣверной Бѣлоруссіей, занимала *Минская земля* съ принадлежавшими къ ней мелкими удѣлами и полостями. Минская земля изстари принадлежала къ Полоцкому княжеству. Есть основаніе полагать, что еще при первыхъ князьяхъ Рюриконичахъ земля эта входила въ составъ Полоцкаго княжества ²⁾. Въ XII столѣтіи Минская земля выдѣляется въ особую область, съ своими мѣстными князьями, зависѣвшими то отъ Кіева, то отъ Полоцка. Въ половинѣ XIII столѣтія Минская земля, одновременно съ Черной Русью и Полоцкой землей, присоединяется къ владѣніямъ Миндовга ³⁾. Впрочемъ, послѣ него ослабляется власть Литвы надъ этой областью; она окончательно присоединяется къ Литвѣ лишь при Витенѣ (около 1300 г.). При Гедиминѣ Минскомъ владѣлъ (ок. 1326 г.) одинъ изъ русскихъ князей (кн. Василій), признавшій себя подручникомъ великаго князя ⁴⁾. При раздѣлѣ литовскихъ владѣній между сыновьями Гедимина, территорія Минской земли не принадлежала къ составу волостей собственно литовскихъ князей: тамъ оставались удѣльные русскіе князья, въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Нѣкоторые изъ такихъ князей удерживали за собой владѣнія до XVI вѣка. Въ самомъ Минскѣ удѣльные князья, какъ видно изъ актовъ, держались до начала XV столѣтія ⁵⁾. Удѣлы, входившіе въ составъ Минской земли.

¹⁾ Boniecki, 51, 250

²⁾ С. Соловьевъ, Исторія Россіи, I, 12. К. Вестужецъ-Прюминъ, Русск. исторія, I, 149.

³⁾ Latkowski, Mendog (Rozprawy Kruk. Ak., t. XXVIII, p. 304 и слѣд.).

⁴⁾ Н. С. Р. А., VI, 139. Ср. Апполоновичъ, Мон., I, 45.

⁵⁾ Укажемъ, напримѣръ, на привилей короля Владислава-Игеллы 1387 г. предоставленіи брату Скиргайлу въ удѣлъ, кромѣ Трокскаго княжества, также цѣлаго ряда городовъ и волостей въ Бѣлоруссіи, въ томъ числѣ и Менеска (Минска) со всеми землями, податками, доходами и служилыми князьями (Skarbies, № 542). Въ 1408 г. съ Свидригайломъ ушелъ въ Москву князь минскій Урустай (Lewicki, 185).

въ началѣ XV вѣка въ большинствѣ были присоединены къ короннымъ владѣніямъ и, по рѣшенію Городельскаго сейма 1413 г., составили отдѣльное намістничество ¹⁾. Окончательная организація его въ воеводство принадлежитъ 1500 г., когда область эта была раздѣлена на новѣты, съ введеніемъ въ нихъ земскихъ учрежденій, общинныхъ для всѣхъ литовскихъ областей ²⁾. На территоріи Минской земли располагался въ литовскую эпоху цѣлый рядъ княжествъ и волостей, бывшихъ во владѣніи различныхъ удѣльныхъ князей: Заславъ, Логойскъ, Гродекъ Соломерецкій, Свислочь, Койдановъ, Глускъ, Рогачовъ и др.

Къ минскимъ областямъ, удерживавшимъ до конца 40-хъ годовъ XVI столѣтія относительную самостоятельность въ значеніи удѣльныхъ владѣній литовскихъ князей, относится княжество *Заславское*. къ сѣверу отъ Минска между рѣкою Свислочью и Черницей. Въ XIII вѣкѣ, предъ присоединеніемъ Кривичской земли къ Литвѣ Изяславъ составлялъ удѣлъ полоцкихъ князей ³⁾. Въ источникахъ литовской эпохи удѣльные князья, владѣвшіе Заславомъ, упоминаются лишь съ половины XIV столѣтія ⁴⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ заславскимъ считается сынъ Гедимина—Евнутъ, которому въ 1345 г. Кейстутъ и Ольгердъ вѣсто великокняжескаго удѣла, назначеннаго ему отцомъ, дали во владѣніе Заславъ ⁵⁾. Всѣ послѣдующіе потомки Ев-

¹⁾ Минскіе намістники упоминаются до конца XV столѣтія (А. Ю.-З. Р., I, 31).

²⁾ *Waliński*, IV, 665. *Sulimierski*, VI, 453. *Антоновичъ*, Моногр., I, 45, 77. *Петроль*, Бѣлоруссія, 26, 30, 32, 63.

³⁾ *Антоновичъ*, Моногр., I, 20. *Петроль*, Бѣлоруссія, 30. Въ русскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе объ основаніи Заслава (Изяслава) въ Кривичской землѣ еще въ X вѣкѣ, при великомъ князѣ кievскомъ Владимірѣ. Удаливъ изъ Кіева жену свою Рогнеду (дочь полоцкаго князя Всеволода) съ сыномъ Изяславомъ, Владиміръ далъ имъ удѣлъ на сѣверѣ, въ землѣ кривичей, гдѣ около 986 г. и былъ основанъ городъ Изяславъ (*Карамзинъ*, Ист., I, стр. 189, примѣч. 440).

⁴⁾ Въ источникахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о Заславѣ со времени присоединенія Бѣлоруссіи къ Литвѣ вплоть до назначенія Евнута Гедиминовича заславскимъ удѣльнымъ княземъ. Остались ли старые русскіе князья въ Заславѣ въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ, или же ихъ удѣлъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ сосѣднихъ литовскихъ князей,—попробъ этотъ остается нерѣшеннымъ.

⁵⁾ См. *Латор. Даниловича*, 29: „Последи (Кейстутъ) его (Ольгерда) на великомъ княженіи Вялини, а Инутю далъ Изяславъ“. Ср. *K. Stodnicki*, *Syn. Ged.*, I, 2-е изд., 76 — 79. *Wolff. Ród Ged.*, 34. *Smolka*, *Kiejstut*, 6, 10. *Bołniewski*, стр. 397.

нута оставались Заславскими¹⁾ удѣльными князьями до прекращения ихъ рода въ XVI столѣтіи. Въ современныхъ актахъ довольно точно опредѣляется послѣдовательный составъ князей Заславскихъ, происходящихъ отъ общаго ихъ родоначальника—Евнута Гедиминовича²⁾. Его сынъ Михаилъ, по документальнымъ даннымъ, яв-

¹⁾ Въ актахъ князья Заславскіе носятъ разные наименованія: Заславскихъ, Жаславскихъ, Жославскихъ, Жеславскихъ, Нижеславскихъ и пр.

²⁾ По словамъ *Балимская* (IV, 675), Заславъ Минскій мастеръ составилъ удѣлъ князей Заславскихъ, имѣвшихъ свои главные владѣнія на Волыни; но, какъ увидимъ ниже, этотъ родъ Волынскихъ князей не имѣетъ ничего общаго съ князьями того же имени, владѣвшими Заславомъ Минскимъ. Происхождение послѣднихъ и затѣмъ родословная преемственность ихъ опредѣляется довольно точно родословными, помѣщенными въ Воскресенской лѣтописи (II. С. Р. Л., VII, стр. 51) и *Времечникъ* (Общ. Исторіи (X, 81), а главнымъ образомъ различными актами XIV—XVI вѣковъ, напечатанными въ Актахъ Зап. Росс., Акт. Юго-Зап. Росс., также въ сборникахъ Даниловича (Skarbice), Прохаски (Cod.), Архивъ Сангушевъ и пр. Сохранился въ особенности одинъ актъ XVI столѣтія, въ которомъ прямо указывается на Евнута Гедиминовича, какъ на родоначальника князей Заславскихъ и ихъ отрасли—позднѣйшихъ князей Мстиславскихъ (о послѣднихъ см. ниже). Въ 1567 г. король Сигизмундъ-Августъ приглашалъ возвратиться въ Литву на особый удѣлъ князя Ивана Федоровича Мстиславскаго, одного изъ потомковъ литовскихъ князей, владѣвшихъ въ началѣ XVI столѣтія Мстиславомъ въ Заславомъ, именно сына Федора Михайловича Мстиславскаго, уведеннаго въ Москву въ 20-хъ годахъ того же столѣтія (см. Skarbice, №№ 2316 и 2317). Князь Мстиславскій, въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе короля, мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что ему не пригоже быть подданнымъ короля—своего же брата Гедиминовича. «Великое княжество Литовское было нашей родиной. Нашего прародителя *Нонута* живинически удалили съ престола его братья Ольгердъ и Кейстутъ и какъ бы какому бѣдняку дали на прожитіе Новогородскъ Литовскій (?) и другія убогія мѣста, гдѣ неустанно тѣснили нашу родъ. Какіи только несчастіи не испытывали нашу *Дюль Михаилъ, сынъ Ивана Жаславскаго* (о чемъ не только писать, но и вспоминать страшно), которому дана была такая бѣдная вотчина (удѣлъ), что намъ не хватало на кашу. И это называется честью?.. Немного принесло намъ чести пребывать въ твоёмъ государствѣ удѣльнымъ княземъ, потому что какими образомъ, спрашиваю, твои братья могутъ оставаться потомъ подданными? И я ты *происхождю* отъ Гедимины, ты въ 5-мъ, а въ 7-мъ поколѣніи» (Skarbice, № 2374; см. Древн. Росс. Вѣст. *Новоскиа*, т. XV, № 3). На основаніи документальныхъ данныхъ Стадницкій и Вольфъ довольно точно опредѣляютъ послѣдовательную преемственность Заславскихъ князей до полного прекращенія ихъ рода. Послѣ Евнута Гедиминовича владѣли Заславомъ слѣдующіи поколѣнія князей Заславскихъ: а) сынъ Евнута — *Михаилъ*, нашедшій въ бѣгѣ на Вorskлѣ въ 1399 г. (относящіеся къ нему акты см. *Raczinski*, Codex, 64, 253; Skarbice, №№ 516, 694, 695; *Prochaska*, Cod. Epist., 8, 52; A. Ю.-З. Р., I, № 2; *Pascko*, Hist., II, стр. 368; *Haniercki*, Русско-лит. акты, №№ 525, 528, 910; II. С. Р. Л., IV,

ляется такимъ же удѣльнымъ княземъ, какъ и другіе Гедиминичи. Онъ два раза участвуетъ, наравнѣ съ другими удѣльными князьями, въ заключеніи трактатовъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ ¹⁾. Въ трактатахъ князь Заславскій именуется „Michael Dei gratia dux Zaslaviensis“. „князь Михаилъ, сынъ Яноты“. „Михаилъ, князь на Заславѣ“ ²⁾. Подъ именемъ „князя Михаила Евиутевича“, повидимому, тотъ же Заславскій князь, вмѣстѣ съ другими литовскими князьями, участвуетъ (ок. 1390 г.) въ поручительствахъ, данномъ великому князю Скиргайлу за Гридку Константиновича ³⁾. Въ числѣ литовскихъ князей, явившихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами надъ рѣкой Ворсклой, упоминается „князь Михайло Евиутевичъ“ ⁴⁾. Его сыновья, Юрій и Андрей, наследовавшие Заславское княжество, даютъ въ 1401 г. записъ въ томъ, что по смерти всякаго князя Витонта не будутъ искать иного „господаря“, кромѣ короля Владислава и и короны польской ⁵⁾. Изъ актовъ, хранящихся въ Литовской Метрицкѣ, видно, что князья Юрій и Андрей владѣли Заславскимъ княжествомъ по „долямъ“. Послѣ безпотошной смерти Андрея, великій князь Казимиръ въ 1440 г. далъ князю Юрію долю умершаго брата, состоявшую изъ Гоневце, Опанова, Подоходова, Бушкевича и Лучяна ⁶⁾. Къ удѣлу того же князя была вскорѣ (1443 г.) прибавлена волость Красное Село ⁷⁾. При слѣдующемъ князѣ (Иванѣ Юрьевичѣ) За-

104, 142); 6) *Андрей и Юрій Михайловичи*: перв. ум. 1440, втор. въ половинѣ XV столѣтія (А. З. Р., I, № 19; *Prochaska*, Cod., 75; Skarbiec, №№ 593 и 737; другіе акты, хранящіеся въ Литовской Метрицкѣ, указаны *Вольфомъ*—Röd Ged., 37); в) *Иванъ Юрьевичъ*, ум. 1501 (Археогр. Сборн. док., VI, № 1; Skarbiec, № 2136); г) *Богдору, Богданъ, Иванъ и Михаилъ* Ивановичи: 1-й ум. 1539, 2-й 1530 г. Михаилъ въ 1492 г. перешелъ въ княжество Мстиславское (см. ниже); Иванъ упоминается только въ концѣ XVI столѣтія въ должности намісника минскаго, потомъ ротскаго (А. Ю.-З. Р., I, 31; *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 88). Богданъ и Богдору—послѣдніе Заславскіе князья (см. А. З. Р., I, 119, 127, 172, 206; II. 10. 75; А. Ю.-З. Р., II, 10, 81, 93; Skarbiec, № 2208; Arch. Sang., I, стр. 96; III. 21; IV, 36; 45 и пр.).

¹⁾ *Raczinski*, Cod. dipl. Lith., 64, 223; *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 52; *Наніерскій*, Акты, № 525; Skarbiec, 694, 695.

²⁾ См. предидущ. примѣч.

³⁾ А. Ю.-З. Р. I, № 2.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 104, 142.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 19; *Prochaska*, 75; Skarbiec, 593 (ошибочно 1390 г.) и 737.

⁶⁾ См. *Вольфа*, Röd Ged., 37, гдѣ приводятся данныя изъ рук. Литовской Метрики.

⁷⁾ Тамъ же.

славский удѣлъ расширился новыми королевскими пожалованіемъ, состоявшимъ изъ замка Попова Гора съ дворами: Княжичи и Тетеринъ, и волостями надъ рѣкою Прудъ ¹⁾. Кроме того, князь Иванъ Юрьевичъ и его сыновья были „державцами“, а затѣмъ наместниками въ Минскѣ, Витебскѣ, Роси, Брянскѣ и другихъ городахъ ²⁾. Съ смертію въ 1539 г. послѣдняго заславскаго князя Оедора Ивановича прекратился родъ Гедиминовичей, владѣвшихъ Заславскимъ удѣломъ. По праву выморочности Заславъ отошелъ въ распоряженіе великаго князя литовскаго, оставившаго его въ качествѣ простой вотчины за дочерью-наслѣдницей послѣдняго заславскаго князя ³⁾.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Заславскимъ княжествомъ, на рубежахъ Литвы и Черной Руси, располагалась истарая волость *Логойска*, составлявшая отдѣльное княженіе до начала XVI столѣтія. Логожескъ (Логойскъ, Логойско, Логойскъ), по литовскимъ, относится къ числу самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, учреждавшихся на литовскихъ рубежахъ. Уже въ XII вѣкѣ существовалъ городъ этого названія, въ значеніи Полоцкаго пригорода. Въ 1128 г. Логожескъ былъ занятъ однимъ изъ кievскихъ князей — Изяславомъ, братомъ великаго князя кievскаго Мстислава ⁴⁾. Въ началѣ XIII вѣка, предъ присоединеніемъ бѣлорусскихъ областей въ Литву, Логойскъ принадлежалъ къ числу Полоцкихъ удѣльныхъ княжествъ ⁵⁾. Въ литовскую эпоху извѣстія о Логойскѣ начинаются, сколько извѣстно, съ послѣдней четверти XIV столѣтія. Въ 1387 г. король Владиславъ-Ягелло предоставилъ своему стороннику, брату Скригайлу Ольгердовичу, въ удѣлъ большую половину Бѣлоруссіи — Полоцкъ, Минскъ и тянувшіе къ нимъ пригороды и волости. Въ составъ этого

¹⁾ Впрочемъ, послѣднее пожалованіе, данное, очевидно, только въ „доживотъ“, по смерти Заславскаго князя (1501 г.) было причислено къ короннымъ владѣніямъ и затѣмъ поступило въ удѣлъ королевы Елены (Skarbice, № 2136).

²⁾ А. З. Р., I, 119, 127, 206; II, 10, 76; Arch. Sangusz., I, стр. 91; А. К. З. Р., II, 10, 81, 93 и пр.

³⁾ Около половины XVI столѣтія Заславъ былъ пожалованъ воеводѣ трокскому Яну Габовичу, въ значеніи вѣна его жены, послѣдней княжны Заславской. Въ послѣдней четверти XVII столѣтія тоже путемъ брачныхъ связей Заславъ перешелъ отъ Габовичей въ родъ Санѣговъ. См. *Baliński, Staroż. Pol.*, 2-е изд., IV, 674. *Niesiecki, Herb.*, III, 81; X, 98. *K. Stadnick Syn. Ged.* I, 2-е изд., 88. *Wolff, Röd. Ged.*, 34—42.

⁴⁾ *Кирязинъ, Истор.* (изд. 1843 г.), II, 157, 250.

⁵⁾ *Димоничъ, Монорг.*, I, 20. *Петровъ, Бѣлоруссіа*, 26, 30, 34.

удѣла входилъ и „весь“ Логожскъ, „съ данями, людьми и доходы“¹⁾. Изъ источниковъ не видно, какъ долго Логойскъ находился во владѣніи Скиргайла Ольгердовича. Но всей вѣроятности, Логойская волость отошла отъ Скиргайла одновременно съ Полоцкомъ и другими бѣлорусскими волостями, вскорѣ послѣ того, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ (см. выше о Полоцкомъ княжествѣ). При Витовтѣ Логойская волость, въ значеніи „данья“, перешла въ родъ другого Ольгердовича—къ князю Андрею Владиміровичу, сыну бывшаго кіевскаго, а затѣмъ слуцко-копыльскаго князя Владиміра Ольгердовича. Изъ завѣщанія, составленнаго въ 1446 г. Андреемъ Владиміровичемъ, видно, что въ это время ему принадлежалъ на удѣльных правахъ Логожскъ съ нѣкими рядомъ городовъ и волостей: Айна, Словенскъ, Могильное, Каменецъ, Илемница и Полоное²⁾. Завѣщатель заявляетъ, что принадлежащая ему „отчина“ составляеть „выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ государехъ своею вѣрною службою, на великомъ князи Витовтѣ и на великомъ князи Жигимонтѣ, и на своемъ господари великомъ князи Казиміръ“³⁾. Изъ другаго акта послѣдней четверти того же столѣтія видно, что „тые имѣнья князю Андрею подавалъ князь великій Витовтъ“, „тые имѣнья князю Андрею Володиміровичу—данье великаго князя Витовта и держалъ тые имѣнья князь Андрей ажъ до смерти“⁴⁾. Логойская волость Андрея Владиміровича не сразу опредѣлилась въ томъ составѣ, въ какомъ о ней говорится въ завѣщаніи 1446 г. Въ Метрицѣ Литовской (рукоп.) сохранился привилей, данный Казиміромъ Андрею Владиміровичу на Каменецъ (Камень) съ „подданными“ значить, при Витовтѣ Камень еще не входилъ въ составъ волости логойскаго князя⁵⁾. Андрей Владиміровичъ упо-

¹⁾ Skarbice, № 542.

²⁾ А. З. Р., I, № 46. Все эти поселенія находились на территоріи Минской земли (*Stadnicki, Bzacin, 121*). Объ Айнѣ (поздѣйшемъ Гайнѣ) см. *Balinski, Star. Pol., IV, 679*; Логойскъ—*ib., 680*; Каменецъ (собств. Камень, въ змладу отъ Минска, около Заслава) и Могильный—*ib., 677*. О Полономъ, Словенскѣ и Илемницѣ см. *Sulimierski, Słown. geogr. zabyt. wose.* Отъ Бѣлорускаго Полонаго отличалось Полоное, имѣвше въ Луцкомъ повѣтѣ на Воляни и въ Пивскомъ Польскѣ, принадлежавшее въ XVI столѣтіи Радзивилламъ (См. Памяти. Кіевск. Коми., III, отд. II).

³⁾ А. З. Р., I, № 46.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 85, „вырокъ“ великаго князя Казиміра, 1484 г.

⁵⁾ Привилей Казиміра на Каменецъ открытъ въ Литовской Метрицѣ *Волянь* (с. его *Ród Ged., 192*).

минается въ источникахъ еще до полученія Логойской волости¹⁾. Въ качествѣ логойскаго князя Андрей Владиміровичъ пользовался всѣми правами удѣльныхъ князей. Чуть ли не до самой смерти онъ принадлежалъ къ числу главныхъ членовъ велико-княжеской рады, и въ этомъ званіи его поднимъ встрѣчается на нѣсколькихъ актахъ дипломатическихъ и законодательныхъ²⁾. Своею волостью князь Андрей Владиміровичъ распоряжается совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія въ этомъ со стороны великаго князя литовскаго. Въ 1446 г., въ бытность свою въ Кіевѣ (куда Андрей Владиміровичъ прѣбывалъ для поклоненія праху предковъ, поконившихъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ), логойскій князь составляетъ завѣщаніе, которымъ всю свою волость назначаетъ, по своей смерти, жентѣ и дѣтямъ³⁾. За два года до смерти (въ 1455 г.) тотъ же князь даетъ грамоту на Полоное съ волостью своему сыну Сеньку Ипановичу⁴⁾. Съ смертію князя Андрея прекратилось мужское поколѣніе князей Логойскихъ⁵⁾; его волость, согласно съ оставленнымъ имъ завѣщаніемъ, перешла во владѣніе сначала его вдовы и сына Глѣба, а затѣмъ дочери и, наконецъ, внуки (Оедоры), бывшій замужемъ за однимъ изъ князей Кобринскихъ (Иваномъ Семен.). Въ концѣ XV столѣтія большая часть бывшаго Логойскаго удѣла вошла въ составъ владѣній Кобринскихъ (см. выше)⁶⁾. Какъ видно изъ „вырока“

¹⁾ Въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы въ 1386 г., *Бытошча* (стр. 29) упоминаетъ также объ Андрѣ Владиміровичѣ, князѣ *Монилевскомъ*. Нѣтърность послѣдняго показанія доказана *Вольфомъ* (*Röd Ged.*, 103. Ср. *Stadnicki*, Bracia, 120).

²⁾ Въ 1422 г. кн. Андрей Владиміровичъ подписываетъ договоръ литовскихъ князей съ пѣцями (*Skarbiec*, № 1359). Его же поднимъ встрѣчается въ трактатахъ 1431 и 1435 г. (*Skarbiec*, 1562; *Vol. leg.*, I, № 114, 138). Въ 1432 г., вмѣстѣ съ другими литовскими князьями, Андрей Владиміровичъ даетъ пѣцямъ ручательство въ томъ, что Свентригайло будетъ исполнять заключенный съ пѣцями трактатъ (*Skarbiec*, № 1562). Въ королевскихъ жалованныхъ грамотахъ (1452 г.) данныхъ съ участіемъ рады, упоминается въ составѣ вѣстей двѣнадцать литовскихъ князьевъ и Андрей Владиміровичъ (*А. Ю.-З. Р.*, I, 28 и 29).

³⁾ *А. З. Р.*, I, 46.

⁴⁾ *А. З. Р.*, II, № 72.

⁵⁾ Единственный сынъ Андрея Владиміровича, Глѣбъ, умеръ почти въ одно время съ отцомъ (*Wolff*, *Röd Ged.*, 102).

⁶⁾ О судьбѣ волостей бывшаго князя Логойскаго свидѣлствуютъ современные акты, изъ которыхъ видно, что пѣцямъ, оставшимся послѣ смерти Андрея Владиміровича, „книгини его держала тежъ ажъ до смерти“, послѣ нея дочь, бывшая замужемъ за пѣцями Рогитинскими, затѣмъ внука—жена князя Ивана Кобринскаго (*А. З. Р.*, I, 85; *Stadnicki*, Bracia Iagielly, 121; *Wolff*, *Röd*, 103).

(1484 г.) короля Казимира, присудившаго ипучкѣ князя Логойскаго, княгинѣ Кобринской, „держать имѣніе (дѣда) вѣчно, какъ держалъ князь Андрей Володимировичъ“ ¹⁾. въ составъ этого имѣнія не входилъ Логойскъ. О судьбѣ его, по смерти князя Андрея Владиміровича, мало сохранилось документальныхъ извѣстій. Извѣстно только, что въ концѣ XV столѣтія Логойскъ находился во владѣніи князей Чарторыхскихъ по пожалованію короля Казимира. Въ 1496 г. великій князь Александръ подтвердилъ владѣніе этимъ удѣломъ „на вѣчность“ сыну князя Чарторыхскаго, Семену Александровичу, вмѣстѣ съ выслугою его отца въ Новгородскомъ повѣтѣ—Осташинымъ и Спорымымъ. Послѣ смерти князя Семена Логожескъ перешелъ къ его дочери, въ родѣ которой владѣніе это и осталось ²⁾. Что касается волостей, тянувшихъ къ Логойску, то волость Айна, послѣ бездѣтной смерти княгини Офоры (ок. 1512 г.), отошла къ господарю; Илемница, Словенескъ и Полоное перешли во владѣніе къ князю Константину Острожскому, по родству его (по женской линіи) съ княземъ Андреемъ Владиміровичемъ ³⁾.

Къ сѣверо-западу отъ Заславскаго княженія (выше Логойскихъ волостей) располагались изстаринныя владѣнія князей *Соломерецкихъ*, какъ полагаютъ, потомковъ данихъ удѣльныхъ князей Рюриковичей, удерживавшихъ за собой удѣлъ (Соломеречь, или Гродекъ Соломерецкій, и Гродекъ Семковскій) и послѣ присоединенія Бѣлорусіи къ Литвѣ. Польскіе геральдики выводятъ этотъ родъ литовскихъ удѣльныхъ князей также отъ Кейстута; но это не подтверждается повѣшшими изслѣдованіями исторіи рода Гедиминовичей (Стадницкаго, Вольфа, Смольки и другихъ). Еще въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія князья Соломерецкіе имѣли своихъ намѣстниковъ въ „Соломиричѣ“, давали жалованныя грамоты монастырямъ, съ правомъ суда и серебрицны съ крестьянъ ⁴⁾. Собственно лишь въ половинѣ XVI столѣтія Соломеречь окончательно утрачиваетъ старый удѣльный характеръ ⁵⁾.

¹⁾ А. З. Р. I, № 86. *Либавскій*, 114.

²⁾ *Baliński*, *Star. Pol.*, IV, 680. Ср. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 120—122. *Wolff*, *Röd Ged.*, 102—103.

³⁾ *Wolff*, *Röd*, 134, 137.

⁴⁾ Археогр. Сборн. I, 7, 29. А. Ю.-З. Р., I, № 136; III, № 56.

⁵⁾ *Sulimierski*, *Stown. geogr.*, II, 826; V, 682; XI, 60. *Niesiecki*, *Herbarz*, VIII, 456. *Baliński*, IV, 683. *Arch. Sangusz.*, III, 405. *Doniecki*, 328—330.

Въ памятникахъ XV вѣка упоминается особый удѣль въ Минской области—*Койдановъ* (близъ Минска, къ югу отъ него), составившій, по пожалованію великаго князя Казимира Ягеллона, часть владѣній литовскаго князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстутвича ¹⁾. Послѣ бѣгства князя Михаила въ Москву Койдановъ съ другими волостями (Уса, Старинки, Иселочъ и др.) былъ пожалованъ въ 1484 г. московскому выходцу, князю Михаилу Васильевичу Верейскому, что было подтверждено великимъ княземъ Александромъ въ 1499 г. По смерти князя Верейскаго и его жены, Койдановская волость перешла (въ 1506 г.) къ принцу Альбрехту Гантояду „по близкости напее его (жены) къ тымъ имѣньямъ“²⁾. При Сигизмундѣ-Августѣ Койдановъ сдѣлался потомственнымъ владѣніемъ князей Радзивилловъ ³⁾.

Кромѣ удѣльныхъ княженій и волостей, располагавшихся въ западной половинѣ Минской земли, источники указываютъ на новый рядъ удѣльныхъ княженій въ восточной половинѣ той же земли, въ Придвѣпровьи, въ бассейнѣ рѣкъ Березины и Припяти съ ихъ притоками. Къ главнѣйшимъ изъ такихъ княженій и волостей относились: Свислочьское княжество, располагавшееся по среднему теченію Березины, Глуская волость—въ бассейнѣ Припяти и, наконецъ, самый крайній (къ востоку) минскій удѣль—Рогачовъ на Днѣпрѣ.

Свислочь (на рѣкѣ Березинѣ, при впаденіи въ нее притока Свислочи) принадлежалъ къ удѣльнымъ владѣніямъ еще до присоединенія западно-русскихъ областей къ Литвѣ. Въ числѣ бѣлорусскихъ городовъ, имѣвшихъ своихъ удѣльныхъ князей предъ литовскимъ занятіемъ страны, упоминается Свислочь ⁴⁾. Что касается послѣдующей судьбы Свислочьскаго княжества въ Литовскую эпоху, то касательно этого сохранились лишь немногія достовѣрные свидѣтельства. О литовскихъ князьяхъ, сидѣвшихъ въ Свислочи, упоминаютъ лѣтописи литовскія и русскія впервые при Ольгердѣ, въ половинѣ XIV столѣтія. По лѣтописному извѣстію, великій князь литовскій Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ татарамъ посольство изъ литовскихъ князей: Михаила-Коріата, Семена Свислочьскаго и какого-то Айкшу. Посланцы литовскіе были задержаны въ татарской полѣ; только благодаря

¹⁾ См. Хрон. *Вихованіе*, 66. Wolff, Röd, 165.

²⁾ Sulimierski, Słown. geogr. IV, 246. Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 676. Wolff, Röd Ged., 65. Любимскій, 114. Boniecki, 366.

³⁾ Антоновичъ, Монарх., I, 20. Пятковъ, Бѣлорусск., 30.

посредничеству великаго князя московскаго Семена Ивановича, литовскими пѣшениками удалось получить свободу и возвратиться на родину ¹⁾. Другое документально-достоверное свидѣтельство о Свислочи, какъ удѣльномъ владѣнн, находимъ въ привилеѣ, данномъ въ 1387 г. королемъ Владиславомъ-Игеллой его брату Скиргайлу на цѣлый рядъ удѣльныхъ владѣнн въ Бѣлоруссін, къ составу которыхъ принадлежалъ и городъ Свислочь „съ данью, землями, людьми и доходами“ ²⁾. (О судьбѣ Свислочскаго удѣла въ слѣдующемъ столѣтнн, повиднмому, нѣтъ никакихъ документальныхъ свѣдѣннй. Изъ актахъ XVI столѣтнн упоминаются свислочкие „державцы“ и, слѣдовательно, въ это время Свислочь окончательно утратилъ старый свой удѣльный характеръ ³⁾. Вотъ всѣ достоверныя данныя о Свислочи и свислочскихъ князьяхъ. Есть, правда, еще одно темное указаніе на какого-то князя Семена, который въ 1389 г. далъ присягу вѣрности королю Владиславу-Игеллѣ ⁴⁾; но былъ ли это именно князь свислочскій, или же иной удѣльный князь съ тѣмъ же именемъ, нельзя сказать ничего вполнѣ вѣрнаго ⁵⁾. То же самое нужно сказать и по вопросу о томъ, къ какому именно роду Гедиминовичей принадлежалъ князь Семень Свислочскій, участвовавшій въ 1349 г. въ Ольгердовомъ посольствѣ къ татарамъ. Стадницкій счтаетъ правдоподобнымъ предположеніе Нарбута о томъ, что княземъ Свислочскимъ въ половинѣ XV столѣтнн могъ быть Семень Евнутовичъ (сынъ Евнута Гедиминовича, сидѣвшаго въ одномъ изъ минскихъ же княжествъ—въ Заславѣ) ⁶⁾. По мнѣнію Вольфа, раздѣляемому также Смолькой ⁷⁾, княземъ Свислочскимъ могъ быть другой Гедиминовичъ—Семень Наримунтовичъ (сынъ Наримунта Гедиминовича, владѣвшаго Турово-Пинскимъ княжествомъ, умершій

¹⁾ Н. С. Р. Л., IV, 59. *Литов. Даниловича*, 171.

²⁾ Skarbacie, № 542. Раньше 1387 г. „Логойской данью съ людьми и доходами“, какъ говорится въ привилеѣ, владѣлъ какой-то Wojazwill (ibid).

³⁾ См. напр., А. Ю.-З. Р., I, № 72, актъ 1522 г., въ которомъ упоминается державца свислочскій—поповъ кіевскій, павъ Андрей Немировичъ.

⁴⁾ Skarbacie, № 566.

⁵⁾ Даниловичъ познать (с предмд. примѣч.), что князь Семень, давшій въ 1389 г. присягу вѣрности польскому королю, былъ Семень, сынъ Евнута Гедиминовича; но, по справедливому замѣчанію К. Стадницкаго, это одно только предположеніе, не подтверждающееся никакими достоверными свидѣтельствами (*Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 82).

⁶⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., I, 2-е изд., 82.

⁷⁾ *Wolff*, Ród Ged., 25. *Smolka*, Kiejstut, 10.

безнотомно, когда—неизвѣстно)¹⁾. Оба предположенія остаются только личными догадками, не подтверждаются никакими достовѣрными данными²⁾. Намъ кажется, что можно допустить еще одну догадку въ такой же мѣрѣ вѣроятную, какъ и приведенныя выше предположенія польскихъ историковъ. Можно допустить, что князья, сидѣвшіе въ Свислочи въ первой половинѣ XIV столѣтія, вовсе не принадлежали къ Гедиминовичамъ, могли представлять собой потомковъ старыхъ русскихъ князей, владѣвшихъ Свислочемъ до литовскаго занятія бѣло-русскихъ областей и удерживавшихъ за собой старый удѣлъ и послѣ этого событія (какъ это было въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси) въ качествѣ подручниковъ великихъ князей литовскихъ. Предположеніе о русскомъ происхожденіи Свислочскихъ князей можно считать въ такой же степени правдоподобнымъ, какъ и предположеніе о принадлежности Свислочскаго княжества Гедиминовичамъ рода Енуита или Наримунта³⁾.

¹⁾ См. Родословную князей Литовскихъ, помѣщенн. въ *Время*, X, стр. 80. 136, 222.

²⁾ Семенъ Енутовичъ, отождествляемый съ Семеномъ Свислочскимъ, еще жилъ въ Минской землѣ (въ Заславѣ) въ 1387 г., когда Свислочь была отдана польскимъ королемъ во владѣніе Скиргайлу (Семенъ Енутовичъ попалъ въ плѣнъ въ крестоносцамъ въ 1390 г., и съ тѣхъ поръ о немъ ничего неизвѣстно, *Лѣт. динлоуичи*, 45). Въ привилеѣ 1387 г. говорится только о Wojazwill'e, владѣвшемъ раньше Логойской днью съ людьми и доходомъ, — ни о какомъ князѣ Семенѣ нѣтъ ни слова. Очевидно, Логойскъ потерялъ своихъ князей далеко раньше изданія привилея 1387 г. Но точно также нѣтъ никакихъ документальныхъ указаній и на Семена Наримунтовича, какъ свислочскаго князя.

³⁾ Въ пользу русскаго происхожденія Свислочскихъ князей можно, между прочимъ, привести слѣдующее, какъ кажется, не лишнее основаніе, соображеніе. Какъ не разъ замѣчено раньше, русская удѣльная система не отиѣнялась въ западно-русскихъ областяхъ послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ; старые удѣльные города болѣею частью продолжали быть таковыми и въ литовскую эпоху. Разъ же допустить, что Свислочь, подобно другимъ русскимъ волостямъ, извѣвшимъ своихъ князей въ пору присоединенія страны къ Литвѣ, не переставать быть удѣльнымъ же владѣніемъ и въ литовскую эпоху, лишь съ замѣной русскихъ князей литовскими, становится мало понятнымъ молчаніе о нихъ со стороны лѣтописей и другихъ источниковъ. Удѣльные князья литовскіе, сидѣвшіе продолжительное время въ своихъ удѣлахъ, обыкновенно принимали, какъ члены одного и того же рода литовскихъ „господирей“, болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ судьбахъ не только своего удѣла, но и всего государства, участвовали въ государственныхъ радѣ, оставляли свои подписи на дипломатическихъ и разныхъ законодательныхъ актахъ и пр. Все это, естественно, не могло ускользнуть отъ вниманія лѣтописцевъ, заносившихъ въ свои хроники имена всѣхъ Гедиминовичей, такъ или

Къ югу отъ Свислочьскаго княжества располагалась, по теченію рѣки Птичи, притока Припечи, большая удѣльная волость, извѣстная подъ именемъ *Глуской*. На картѣ старой Польши, составленной въ 1772 г. при Станиславѣ-Августѣ ¹⁾, по среднему теченію рѣки Птича обозначены два поселенія: Глускъ и затѣмъ ниже его Глускъ-Дубровицкій. Эти два поселенія составляли изстари центры двухъ половинъ Глуской волости. Последняя первоначально принадлежала литовскимъ князьямъ Ольгимунтовичамъ, имѣвшимъ главный свой удѣлъ въ собственной Литвѣ—въ Гольшанахъ (смотри выше). Съ раздѣленіемъ рода Ольгимунтовичей на двѣ отдѣльныя линіи—князей Гольшанскихъ и Дубровицкихъ (последніе владѣли особымъ удѣломъ—Дубровицей, въ Волинскомъ Полѣсьи, смотри ниже), Глуская волость раздѣлилась также на двѣ „доли“: сѣверная половина, съ старымъ центральнымъ мѣстомъ Глускомъ, осталась въ составѣ удѣла князей Гольшанскихъ; южная половина Глуской волости отошла къ князьямъ Дубровицкимъ. Съ этого-то времени, какъ нужно полагать, въ южной части Глуской волости появилось новое центральное поселеніе Глускъ-Дубровицкій (по Балинскому—Глуско Дубровицкое). О Глуской волости находимъ свѣдѣнія въ нѣсколькихъ актахъ до половины XVI столѣтія. Изъ такихъ актовъ видно, что волость эта еще во второй половинѣ XIV столѣтія принадлежала князьямъ Гольшанскимъ и удерживалась въ нихъ

иначе, но всегда оставлявшихъ болѣе или менѣе крупныя слѣды въ исторіи страны. Въ inomъ положеніи находились русскіе князья, остававшіеся въ спомыхъ удѣлахъ подручными великихъ князей литовскихъ: ихъ дѣятельность была гораздо скромнѣе, но болѣею чѣсти, не выходила за предѣлы принадлежавшихъ имъ удѣловъ, почему многіе изъ нихъ остались вовсе не отмѣченными ни въ мѣстныхъ хроникахъ, ни въ дипломатическихъ и законодательныхъ актахъ. Въ данномъ случаѣ во главѣ посольства 1349 г. стоялъ извѣстный въ то время по своей политической дѣятельности Михаилъ-Коріатъ, сынъ Гедимина, получившій еще при жизни отца одинъ изъ лучшихъ литовскихъ удѣловъ, съ бывшей (при Миндоугѣ) столицей возникшаго государства—Новгородомъ Литовскимъ, и цѣлымъ рядомъ пригородовъ и волостей. При Коріатѣ Гедиминовичѣ игралъ въ татарскомъ посольствѣ историческую, мало значительную, роль другіе два посланца: князь Свислочьскій и Аинка (ими не литовское и не русское, скорѣе всего какой либо татарскій выходецъ-князь); лѣтописецъ не позаботился даже точно обозначить родовое ихъ происхожденіе—отъ русскихъ, литовскихъ или татарскихъ князей. Будъ князь Свислочьскій родной племянникъ Коріата, лѣтописецъ едва ли бы оставилъ это обстоятельство безъ вниманія, точнѣе обозначилъ бы близкое родство князя Свислочьскаго съ главой посольства, чего, по всему видно, на дѣлѣ вовсе не было.

¹⁾ Издана въ 1887 г. Ольгербрандомъ въ приложеніи ко второму изданію соч. Балинскаго: *Sprache Polska*, IV, 720.

владѣніи до половинѣ XVI столѣтія, когда, по завѣщанію одного изъ князей Гольшанскихъ, Глуская волость отошла къ непосредственнымъ владѣніямъ Сигизмунда-Августа ¹⁾. Что касается Глуска Дубровицкаго, то онъ еще въ концѣ первой четверти XVI столѣтія принадлежалъ князьямъ Дубровицкимъ и лишь по прекращеніи рода перешелъ къ старымъ своимъ владѣльцамъ—князьямъ Гольшанскимъ ²⁾.

Восточную окраину бывшаго Минскаго воеводства составляла *Рогачевская* земля, съ главнымъ городомъ Рогачевомъ на Днѣпрѣ (при впаденіи въ него рѣки Друць). Земли эта выдѣляется въ значеніи удѣльнаго владѣнія во второй половинѣ XV столѣтія, при королѣ Казимирѣ, предоставившемъ въ удѣлъ московскому выходцу, князю Ивану Васильевичу Прославичу (сыну боролескаго удѣльнаго князя Василія Прославича), нѣсколько городовъ въ Литовскомъ Полѣсьи и Минской землѣ, въ томъ числѣ и Рогачевъ на Днѣпрѣ. Владѣніе Рогачевомъ было утверждено за тѣмъ же княземъ въ 1499 г. великимъ княземъ Александромъ ³⁾. Послѣдній владѣлецъ Рогачевской земли, сынъ упомянутаго князя, Оедоръ Иван. Прославичъ, далъ въ 1509 г. отказную запись (на случай своей смерти) въ пользу короля на всѣ свои владѣнія. Въ силу упомянутой записи владѣніи эти дѣйствительно отошли въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія въ составъ коронныхъ волостей, а затѣмъ вскорѣ были пожалованы королевѣ Контѣ ⁴⁾.

¹⁾ Изъ жалованной грамоты Юрія Семеновича Гольшанскаго видно, что еще князь Иванъ Ольгимунтовичъ (сынъ основателя рода ки. Гольшанскихъ—князя Ольгимунта Гольшанскаго, см. выше), жившій во второй половинѣ XIV ст., далъ Кіево-Печерскому монастырю земли въ принадлежавшей ему Глуской волости; около 1480 г. одинъ изъ тогдашнихъ владѣльцевъ Гольшанскаго удѣла, князь Юрій Семеновичъ, далъ тому же монастырю подтврдительную жалованную грамоту на имѣніе въ Глускѣ (А. З. Р., I, № 72). Въ 1483 г. сынъ упомянутаго князя, Семенъ Юрьевичъ, записалъ своей жентѣ Настасѣ „противъ ея отчизны у нѣсе“ 2 тысячи копъ на своихъ имѣніяхъ „на Барани на Луску“ (Arch. Sangusz., I, стр. 82). Затѣмъ въ 1501 г. князь Грегоръ (Юрій?) Иван. Юрьевичъ Гольшанскій записалъ своей жентѣ Василісѣ 500 копъ „на Глуску и Гольшаннахъ, какъ опрану и посажѣ“ (актъ этотъ открытъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ, см. Ród Ged., 80, прим. 6). Въ 1551 г. князь Гольшанскій Павелъ (бывшій епископъ Виленскій) записалъ по завѣщанію Глускую волость Сигизмунду-Августу, которымъ искорѣ она была пожалована жмудскому старостѣ Ходкевичу (*Baliński*, Star. Pol., IV, 693).

²⁾ *Baliński*, Star. Pol., 2-е изд., IV, 693.

³⁾ *Wolff*, Ród Ged., 29—30.

⁴⁾ *Wolff*, Ród Ged., 29, 30, 110. *Baliński*, Star. Polska, IV, 695. См. Ревизія лущъ, стр. 153, 338 и др.

Сѣверо-восточную часть территоріи Кривичской земли, въ верховьяхъ Западной Двины. Днѣпра и Волги, занимала *Смоленская земля*. Территориальное положеніе этой области, обладавшей ключевыми главными въ старину торговыхъ путей западной и восточной Руси, обуславливало важное историческое значеніе этого Кривичскаго края. Изъ-за обладанія которымъ велась изстари упорная борьба между русскими князьями, какъ и позже между государствами Московскимъ и Литовскимъ. Въ кіевскую эпоху утвердилось въ Смоленской землѣ потомство Мономаха. Съ XII вѣка (1127 г.) эта область обособляется въ независимое княжество, составлявшее волость мѣстныхъ князей рода Ростислава Мстиславича вплоть до присоединенія Смоленска къ Литвѣ. Съ XIII столѣтія Смоленская земля, подобно другимъ областямъ сѣверо-западной Руси, начинаетъ постепенно втягиваться въ сферу литовскихъ вліяній, окончившихся къ началу XV вѣка присоединеніемъ этой области къ Литвѣ. Первая попытка поставить Смоленскую землю въ прямую зависимость отъ Литвы является еще при литовскомъ князѣ Миндовгѣ, въ пору татарскаго нашествія на русскія земли ¹⁾. Собственно же съ половины XIV вѣка начинается и болѣе и болѣе усиливается подчиненіе Смоленска литовскимъ князьямъ ²⁾. Окончательное присоединеніе Смоленской земли къ Литовскому государству принадлежитъ времени Витовта (1404 г.) ³⁾. По смерти Сигизмунда смоленские (въ 1440 г.) призвали было къ себѣ на княжій столъ мстиславскаго князя Юрія Лугвеневича; но чрезъ два года

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 26.

²⁾ Документальнымъ актомъ такого подчиненія служить, напримѣръ, присяжный листъ 1386 г. смоленскаго великаго князя Юрія Святославича на вѣрность королю Владиславу „съ своими князьями“ (удѣльными) и со всей землей (см. А. Ю. З. Р., II, № 63; Arch. Sangusz. т. I, № 4). При Ольгердѣ, въ 1359—1363 г., присоединяются къ Литвѣ Мстиславъ, Могилевъ и рядъ пограничныхъ городовъ (со стороны Витебскаго княжества) — Бѣлгородъ, Хорлячъ, Рудня и Ржевъ (*Каримъ*, Ист., V, прил. 395; *Stadnicki*, Olgerd, 134; *Smolka*, Kiejstut, 6). Въ 1359 г. Смоленскомъ управлялъ Святославъ Ивановичъ, вѣрно служившій Ольгерду (о Смоленскѣ при Ольгердѣ см. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., I, 432; *Антоновичъ*, Моногр., I, 110—113). Владевшій Смоленскомъ при Владиславѣ-Лгеллѣ великій князь Юрій Святославичъ явился уже вполне удѣльнымъ княземъ, подчиненнымъ литовскому господарю, какъ это ясно показываетъ приведенный выше присяжный листъ 1386 г.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист., IV, 29 — 35. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 40. *Центровъ*, Бѣлоруссія, 102. *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 289. П. С. Р. Л., VIII, 76. Никон. лѣт., IV, 310. Ср. *Leicki*, *Rozprawy*, XXIX, 181—183.

Смоленскъ подчинился Казимиру ¹⁾. Съ этихъ поръ Смоленская земля вошла въ составъ литовскихъ провинцій и управлялась наместниками; были и воеводы, но лишь въ значеніи замѣстителей послѣднихъ и вообще подчиненныхъ имъ органовъ ²⁾. Зависимости Смоленска отъ Литвы продолжалась до 1514 г., когда онъ отошелъ къ Москвѣ. Въ смутное время Московскаго государства Смоленскъ опять было достался (ок. 1611 г.) Литовскому государству. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Смоленскъ былъ взятъ русскими въ 1654 г.; по Андрусовскому договору 1667 г. Смоленскъ уступленъ Россіи на 13 лѣтъ; наконецъ, по договору 1686 г. навсегда перешелъ подъ власть московскихъ государей ³⁾.

Старая русская система удѣловъ удерживалась въ Смоленской землѣ и послѣ присоединенія ея къ Литовскому государству. въ особенности же въ древнихъ волостяхъ смоленскихъ князей — *Вязьмы* и *Торопца*, нѣкѣхъ изъ старинныхъ удѣльныхъ князей. Вяземскій удѣлъ возникъ въ половинѣ XIII столѣтія. Родоначальникомъ вяземскихъ князей считается Андрей Владиміровичъ, по прозванію Долгая Рука, сынъ смоленскаго князя Владиміра Рюриковича (ум. въ 1239 г.) ⁴⁾. Выступъ съ великимъ княземъ литовскимъ (Юриемъ Святославичемъ) далъ въ 1386 г. присягу подчиненія королю Владиславу вяземскій князь — Михаилъ Ивановичъ ⁵⁾. Послѣ окончательнаго присоединенія къ Литвѣ Смоленска, а съ нимъ Вязьмы и Торопца, ихъ старые князья продолжали владѣть своими удѣлами на прежнихъ основаніяхъ ⁶⁾. Изъ-за этихъ-то областей смоленскихъ, граничившихъ съ владѣніями Московскаго государства, завязывается въ послѣдней чет-

¹⁾ Литов. *Даниловича*, 66—69. *Быловецъ*, 54. П. С. Р. Л., III, 113. *Stadnicki* Bracia, 297—298. А. З. Р., I, № 213.

²⁾ А. З. Р., I, №№ 78, 108, 128, 160 и др.

³⁾ *Петровъ*, Вѣлоруссія, 150. *Ясинскій*, Уст. земск. грамоты, 57. *М. Владиміръ-Будановъ*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Унив. Изв.*, 1882; отд. 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, Staroż. Polska, IV, 478. *Slown. geogr.*, X, 97. Ср. *Kottubaj*, Odsiecz Smoleńska i pokój Polanowski (1658). *Цейбриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятная книжка Смоленской губ. на 1857 годъ. *Муромовъ*, Исторія Смоленска (1848).

⁴⁾ П. С. Р. Л., VII, 182. *Временн.*, X, 145. *Карамзинъ*, III, прим. 347.

⁵⁾ Arch. Sangusz., I, № IV. А. Ю.-З. Р., I, № 63. *Boniecki*, 365.

⁶⁾ Есть, впрочемъ, нѣкоторыя, что въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XV столѣтія Вяземскій удѣлъ владѣли нѣкоторые члены литовскіе князья изъ рода Гольшанскихъ. См. *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 189—190, 235, 333. П. С. Р. Л., VIII, 76. *Карамзинъ*, V, прим. 191. *Boniecki*, 365.

верти XV вѣка споръ между великими князьями литовскими и московскими ¹⁾. Споръ этотъ закончился лишь въ началѣ XVI столѣтія, когда волюсти, отошедшія раньше къ Москвѣ, были навсегда присоединены къ ней въ качествѣ простыхъ провинцій ²⁾.

Такимъ же предметомъ споровъ между Москвой и Литвой служили другія дѣлѣ пограничныя смоленскія области—*Великія Луки* и *Ржева* (сѣверныя окраины Смоленской земли), издавна составлявшія *общее владѣніе* литовскихъ князей сперва съ Великимъ Новгородомъ, а затѣмъ съ Москвой, послѣ присоединенія къ ней Новгорода. При невозможности установить въ обѣихъ пограничныхъ областяхъ прочныя территоріальныя границы владѣній Литовскихъ и Новгородскихъ, изъ нихъ посылались, по язтари установившемуся обычаю, наѣзтники или данщичники литовскіе и новгородскіе; обомъ сосѣдямъ платили эти области дань ³⁾. Спорное положеніе пограничныхъ областей продолжалось и послѣ присоединенія Новгородской земли къ Московскому государству. Въ 80-хъ годахъ XV вѣка Ржевой и Луками уже вполне владѣлъ московскій великій князь Илья III. Не смотря на постоянные протесты литовскаго великаго князя Казимира, спорныя области оставались въ исключительномъ обладаніи Москвы, что окончательно было утверждено договоромъ 1494 г. ⁴⁾.

Кромѣ г. Вязьмы съ непосредственно тянувшими къ нему волостями, къ вяземскимъ „отчинамъ“ относился цѣлый рядъ мелкихъ удѣльныхъ волостей, владѣльцы которыхъ были „изъ старины вязем-

¹⁾ См. А. З. Р., I, №№ 109, 114. Въ 1492 или въ 1493 г. князья Андрей и Василий Юрьевичи Вяземскіе (вмѣстѣ съ князьями сѣверскими—Воротынскими, Бѣлевскими и Мезецкими) перешли съ своими удѣлами на службу къ великому князю московскому Ивану III Васильевичу. Изъ-за этого завязалась переписка между литовскимъ и московскимъ государями (см. Сборникъ *Мушанова*, №№ 35, 36; *Skarh.*, №№ 2055, 2057. *Вопросы*, 365).

²⁾ *Сборн. Им. Русск. Геогр. Общ.*, XXXV, №№ 4, 8, 14, 124—129. Ср. *Владимирскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 8—9. По договору 1503 г. Вязьма оставлена за Литвой; присоединена къ Москвѣ вмѣстѣ съ Смоленскомъ въ 1514 г. Въ концѣ XV столѣтія Торонецъ также числился за Литвой и управлялся наѣзтиками великихъ князей литовскихъ (см., напримѣръ, А. З. Р., I, №№ 39 и 146); къ Москвѣ присоединенъ лишь въ 1503 г. (*Сборн. Им. Русск. Геогр. Общ.*, XXV, 35. *Skarh.*, №№ 2067 и 2156. См. *Stadnicki*, *Bracia*, 209).

³⁾ См. А. З. Р., I, № 79, запись (ок. 1479 г.) о Ржевской дани, платившейся Новгороду и великимъ князьямъ литовскому и московскому.

⁴⁾ *Сборн. Им. Русск. Геогр. Общ.*, XXXV, №№ 4, 8, 14, 124—129. *Skarh.*, № 2067. Ср. *Владимирскій-Будановъ*, Государства Московское и Литовское, 4.

скіе", тянули къ Вязьмѣ. Указанія на такія волости и ихъ владѣльцевъ находимъ въ актахъ конца XV столѣтія, относящихся къ перепиiskъ московскаго и литовскаго правительствъ касательно пограничныхъ смоленскихъ владѣній. Таковы слѣдующія вяземскія волости: *Великое Поле* и *Волста Верхняя*—отчина князя Василя Дерачина; *Середее*—отчина князей Желтыхъ; *Хлепень*, *Волючека Вяземскій*, *Мошленъ* и др.—отчина князя Михаила Вяземскаго; въ договорѣ 1494 г. упоминается удѣль князя Александра Борисовича Хлепенскаго (удѣль этотъ отошелъ къ Москвѣ); *Неюмиръ* и *Сочовки*—отчина князя Василя Бывалицкаго; *Козлово*—отчина князей Козловскихъ; *Глинки*—отчина князей Глинскихъ. Въ докончальной грамотѣ 1494 г. упоминаются также тивувшіе, повидному, къ Вязьмѣ удѣлы князей Будонныхъ и Ромейковичей. Источники не даютъ точныхъ указаній, въ какихъ именно отношеніяхъ находились „отчины“ отдѣльныхъ волостей къ „головнымъ“ вяземскимъ князьямъ. По договору 1494 г. перечисленные волости отошли къ Москвѣ вмѣстѣ съ Вязьмой ¹⁾.

Въ связи съ Вяземскимъ княжествомъ, какъ кажется, стояло княжество *Юминско-Березуйское*. Въ договорѣ 1494 г. князь Романъ Юминскій упоминается рядомъ съ княземъ Хлепенскимъ и другими князьями, удѣлы которыхъ тянули къ Вязьмѣ. Княжество Юминское (къ сѣверу отъ Вязьмы) выдѣлилось еще въ до-литовское время. Какъ видно изъ родословной древнерусскихъ князей, князья Юминскіе принадлежали къ удѣльнымъ смоленскимъ князьямъ. Зависимость этого удѣла отъ Литвы установилась въ концѣ XIV столѣтія: есть извѣстіе о томъ, что, при первомъ занятіи Смоленска Витовтомъ, къ послѣднему „приложился“ князь Юминскій съ другими пограничными князьями. Въ 1449 г., на основаніи договора великаго князя московскаго Василя Ивановича съ королемъ Казиміромъ, удѣлы князей Юминскихъ отошелъ къ Москвѣ. Принадлежность этого удѣла къ московскимъ владѣніямъ окончательно признана договоромъ 1494 г. ²⁾.

Къ сѣвернымъ окраинамъ Смоленской земли относилась волость *Вѣльская*, съ главнымъ городомъ Вѣльмъ (древній Вѣлгородъ, Вѣлая, Вѣлое), къ западу отъ Ржевы, на р. Межи-Обиѣ (притокъ Занадной (вины). Волость эта отошла къ Литвѣ въ 1359 г. при Ольгердѣ, вмѣстѣ съ другими пограничными смоленскими городами ³⁾. Вѣльская

¹⁾ *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 2, 3, 9, 16, 20, 31, 37, 24—129, 136, 151.

²⁾ *Ibid.*, 124—129. А. З. Р., I, № 50. *Любавскій*, Областное дѣленіе, 254.

³⁾ *Карамзинъ*, V, прим. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiejstut, 6.

волость выдѣляется въ значеніи удѣльнаго княжества при Ягеллѣ, предоставившемъ г. Бѣлый въ удѣлъ князю Ивану Владиміровичу (сыну бывшаго кievскаго князя Владиміра Ольгердовича), родоначальнику всѣхъ нѣслѣдующихъ князей Бѣльскихъ, жившихъ въ послѣдующее время въ Литовской и Московской Руси ¹⁾). Позже (въ 1484 г.) къ Бѣльскому удѣлу былъ присоединенъ г. Смольняны ²⁾). Съ 80-хъ годовъ Бѣльскіе князья начинаютъ отъѣзжать въ Москву съ своими „дѣльнянами“ ³⁾); ихъ волость окончательно отошла къ Москвѣ вмѣстѣ со всей Смоленской землей въ 1514 году ⁴⁾.

Кромѣ перечисленныхъ княжествъ, въ Литовской Смоленщинѣ были также другія мелкія владѣнія, принадлежавшія различнымъ литовскимъ князьямъ. Таковы князья *Крошискіе*, владѣвшіе „отчинами“ въ Смоленской землѣ до начала XVI столѣтія ⁵⁾. а также

¹⁾ *Бызовецъ*, 29. II. С. Р. Л., VII, 265. *Stadnicki*, Bracia Jagielly, 188, 191. *Wolff*, Rod, 103. Первый князь Бѣльскій, Иванъ Владиміровичъ, упоминается въ числѣ литовскихъ князей, присутствовавшихъ въ 1386 г. въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (*Wolff*, 103). Его же подпись встрѣчается на дипломатическихъ и другихъ актахъ 1422—1432 г. *Skarbiec*, №№ 1562, 1603. *Dogiel*, Cod. diplom., IV, 115. Supplementa ad histor. Russ. monum., I, 306, 517. *Наніерскіе*, Русско-литовск. акты, 190. Ср. *Роміеcki*, 7—9.

²⁾ *Wolff*, Rod Ged., 104.

³⁾ Бѣльскій князь Федоръ Ивановичъ, участвовавшій съ князьями Гольшанскимъ и Олельковичемъ въ заговорѣ объ отторженіи отъ Литвы, бѣжалъ въ 1482 г. въ Москву; его дѣльняны дана была брату его Семену (II. С. Р. Л., VI, 233. А. З. Р. I, № 126. *Stadnicki*, Bracia, 193, 202. *Wolff*, 106). Въ 1500 г. московскій великій князь тайно сносится съ княземъ Бѣльскимъ, Семеномъ Ивановичемъ, и другими пограничными литовскими князьями, съ приглашеніемъ „отступиться отъ Литвы съ волостями и городами“ (*Бызовецъ*, 67; *Stadnicki*, Bracia, 26); князь Бѣльскій вскорѣ отложился отъ Литвы съ своей „дѣльняной“, по договору 1503 г. окончательно утвержденной за Москвой (*Бызовецъ*, 68. II. С. Р. Л., VIII, 238; VI, 46. *Skarbiec*, №№ 2136, 2156. *Stadnicki*, Bracia, 207).

⁴⁾ Впрочемъ, и послѣ того нѣкоторые изъ князей Бѣльскихъ оставались въ Литвѣ. Въ 1524 г. одинъ изъ нихъ, Дмитрій Федоровичъ, отошелъ въ Москву (*Skarbiec*, № 2297); въ Литвѣ остались его братья—Семенъ и Иванъ (А. З. Р., II, № 224). Сигизмундъ Августъ 1567 г. дѣлалъ попытку перевзвать въ Литву одного изъ князей Бѣльскихъ, служившихъ въ Москвѣ; но попытка эта осталась безъ результата (*Skarbiec*, № 2373).

⁵⁾ Князья Крошискіе впервые упоминаются въ источникахъ въ концѣ XV столѣтія; по всему видно, что они принадлежали къ старымъ русскимъ князьямъ. Происхожденіе ихъ съ точностію неизвѣстно. Польскіе историки и генеалоги считаютъ ихъ родоначальникомъ то Войдата Кейстутовича, то Вигунта Кейстутовича, но все это лишь простыя догадки (см. *Wolff*, Rod Ged., 54). Удѣлы князей Крошискихъ состояли изъ цѣлаго ряда смоленскихъ волостей: Тѣпи-

князя *Киндиры* (или *Киндеровичи*), упоминающіеся въ числѣ литовскихъ князей съ конца XIV до половины XV столѣтія и имѣвшие свои владѣнія также въ Смоленщинѣ ¹⁾).

Въ юго-западной части территории бывшей Смоленской земли (въ Задѣлпровьѣ, по верхнему теченію р. Сожи) располагалось значительное княжество *Мстиславское*, граничившее съ Сѣверскою, Минскою и Витебскою землями. Въ концѣ XII столѣтія Мстиславъ (на р. Вихрь, притокъ Сожи) выдѣляется изъ Смоленской земли въ значеніи самостоятельной волости одного изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей (какъ полагаютъ, Мстислава Романовича). Позже Мстиславское княженіе становится въ зависимость отъ сѣверныхъ русскихъ князей, въ особенности сѣверскихъ и кіевскихъ ²⁾. Въ составъ Литовскаго государства Мстиславское княжество вошло при Ольгердѣ въ началѣ второй половины XIV столѣтія (около 1359 г.), вмѣстѣ

нова, Мониково, Волсты, Бѣлицкой, Буйгородской и др. (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 3, 7. *Bonieski*, *Poczet rod.*, 156—157. *Любавскій*, *Области. дѣленіе*, 274—276). Тѣмъ же князьямъ принадлежали „длинны“, жаловавшимся Казиміромъ и Александромъ въ концѣ XV столѣтія: Болваничи (на р. Сожи), Чернигичи, Бабичичи и др. Въ 1502 г. данъ великимъ княземъ Александромъ князьямъ Крошинскимъ подтвердительный привилей на слѣдующія владѣнія: Тѣшиновъ, Сукромно, Заозеле, Мошково, Гнездиловъ, Чернигичи, Бибичичи, Чертину, Ожарово, Пловуче и Новогородкъ (тѣхъ въ Смоленскомъ пойдѣ). Вскорѣ затѣмъ смоленскіи имѣнія Крошинскихъ отошли въ Москву; какъ замѣчено раньше, въ 1503 г. въ замѣтъ утраченныхъ починки и выслуги, Крошинскимъ данъ „на хлѣбокормленіе“ дворъ Лубно въ Героденскомъ пойдѣ, отошедшій въ началѣ 30-хъ годовъ XVI столѣтія къ королевѣмъ Понѣ (см. выше). Кромѣ того, князья Крошинскіе въ XVI столѣтіи получали даншны въ собственной Лявъ—Ракишки, Буйицу и др. Въ 1522 г. князь Иванъ Филипповичъ Крошинскій продалъ владѣнія князюмъ Гаштольдамъ (*Bonieski*, 157).

¹⁾ Пронесхожденіе князей Киндеровичей, какъ и Крошинскихъ, съ точностію не извѣстно. Польскіе историки причисляютъ князей Киндировъ не къ Гедиминичамъ, но къ потомкамъ другихъ княжескихъ литовскихъ родовъ стараго времени (*Wolff*, 49). Въ числѣ литовскихъ князей, нашедшихъ въ 1399 г. въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ, упоминается князь Иванъ Дмитріевичъ Киндиръ (Н. С. Р. I., IV, 101, 142). Его сынъ Гитбъ Киндеровичъ участвовалъ въ 1432 г. съ другими литовскими князьями въ поручительствѣ за Синдигаюла въ томъ, что послѣдній будетъ точно исполнять заключенный имъ съ Орденомъ договоръ (*Наніерскій*, *Русско-литовск. акты*, 190; *Skarbiec*, № 1608). Извѣстно затѣмъ, что въ 40-хъ годахъ XV столѣтія князь Александръ Киндеровичъ (другой сынъ князя Ивана Киндира) владѣлъ въ Смоленщинѣ селомъ Слободкой, а княгиня Киндерова—Отпѣвомъ (*Wolff*, 49).

²⁾ *Sulimierski*, *Słown. geogr.* VI, 771; *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 656.

съ Могилевомъ, Бѣлгородомъ (Бѣлымъ) и другими пограничными смоленскими городами ¹⁾). Исторія Мстиславскаго княжества въ литовскую эпоху довольно точно опредѣляется по сохранившимся документальнымъ даннымъ. Мы остановимся на немъ съ болѣею подробностью, въ виду того, что въ судьбахъ этого княжества воспроизводятся всѣ главные явленія, характеризующія вообще удѣльный бытъ литовскихъ областей стараго времени.

Мстиславское княжество первоначально слагалось изъ главнаго города Мстислава съ тянувшими къ нему издавна волостями. Въ теченіе XV и особенно въ первой половинѣ XVI столѣтія территориальный составъ Мстиславскаго княжества постепенно расширялся путемъ королевскихъ пожалованій мѣстнымъ князьямъ замковъ, двorcовъ и волостей, принадлежавшихъ къ сосѣднимъ областямъ — Смоленской, Сѣверской и пр. Въ пору принадлежности Мстиславскаго княжества Лигвиновичамъ оно состояло изъ стольнаго города Мстислава и нѣсколькихъ пригородовъ, лежавшихъ на территоріи сосѣдней Сѣверщины: Мглина, Хотимля, Дрокова и Поповой Горы, съ тянувшими къ нимъ волостями. Въ концѣ XV столѣтія, когда прекратился старый родъ мѣстныхъ князей (потомковъ Лигвиена Ольгердовича), и княжество Мстиславское поступило въ удѣлъ одного изъ заславскихъ князей (рода Евнута Гедиминовича), княжество это состояло изъ двухъ замковъ: Мстислава и Мглина, принадлежавшаго къ Сѣверскимъ городамъ (въ сосѣдней съ Мстиславскимъ княжествомъ верхней части Сѣверщины), съ цѣлымъ рядомъ дворцовъ (Красное, Рясна, Доброе, Людогощъ, Порадино, Михайловское, Колодязи, Будогощъ) и волостей ²⁾. Всѣ эти замки, дворцы и волости составляли извѣстную „отчину“ князей Мстиславскихъ. Кромѣ Мстиславской отчины, образовавшейся, какъ видно изъ актовъ, еще при первыхъ князьяхъ Лигвиновичахъ, послѣдніе владѣли также

¹⁾ Карамзинъ, Ист., V, прим. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiejstut, 6. *Boniecki*, 191—194.

²⁾ А. З. Р., I, № 172. Ср. ib., №№ 43, 62, 65, 66, 82 и др. Дроковъ и другіе пригороды отошли въ это время на господа. Изъ нихъ замокъ Попова Гора пожалованъ въ 1501 г. великимъ княземъ Александромъ его женѣ Еленѣ. Волость Хотимль съ другими сѣверскими городами (Карачовомъ, Черниговомъ и др.) отошла около 1496 г. къ князю „смену Михайловичу Можайскому сначала „до воли“ господарской, а съ 1499 г. — въ потомственную вотчину. По трактату 1503 г. Дроковъ и другіе сѣверскіе города, бывшіе во владѣніи князей Мстиславскихъ, отошли къ Москвѣ (А. З. Р., I, №№ 139, 167, 192, стр. 288. Сборникъ *Мушанова*, № 58. *Skarbiec*, №№ 2107, 2136, 2156. См. *Любавскій*, 136).

„данинами“, получавшимися въ качествѣ „выслугъ“ отъ великихъ князей литовскихъ. Въ концѣ XV столѣтія, съ прекращеніемъ рода князей Липовцовичей, и принадлежащіе имъ „данины“ отошли къ короннымъ владѣніямъ ¹⁾. Въ XVI столѣтіи присоединяются къ Мстиславскому княжеству новыя владѣнія. Въ 1503 г. замокъ Мглинъ, съ нѣкоторыми другими сѣверскими городами, отошелъ къ Москвѣ; взаимѣ утраченной волости мстиславскіе князья получаютъ отъ великаго князя Александра волостку Снеглыны въ Кревскомъ повѣтѣ (въ собственной Литвѣ, см. выше Кревское княжество), пока Мглинъ не будетъ возвращенъ отъ Москвы ²⁾. Въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія Кревская волость считалась „выслугою“ мстиславскихъ князей и состояла изъ замка на Ласѣ, двухъ дворцовъ — Снагло и Ожуничей, и изъ „купленнаго“ — дворца Сырмажа ³⁾. Затѣмъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ приобрѣтенія Кревской волости, при великомъ князѣ Александрѣ къ Мстиславскому княжеству присоединяется замокъ Радомль, одинъ изъ сосѣднихъ смоленскихъ городовъ ⁴⁾. Въ концѣ XV или началѣ XVI столѣтія въ составъ Мстиславскаго княжества входитъ замокъ Молодеченскій (Молодечно), данный мстиславскимъ князьямъ сначала въ „дожivotъ“, а затѣмъ (въ 1511 г.) въ потомственную вотчину ⁵⁾. Какъ видно изъ актовъ XV столѣтія, княжество Мстиславское раздѣлялось первоначально на два повѣта: Мстиславскій и Мглинскій, а въ XVI столѣтіи на повѣтъ сѣверный — Мстиславскій (съ

¹⁾ Ibid., I, № 131. Источники не указываютъ точно на территориальный составъ „данинъ“, отошедшихъ въ концѣ XV столѣтія отъ Мстиславскаго княжества.

²⁾ А. З. Р., I, № 205.

³⁾ А. З. Р., II, № 107.

⁴⁾ Въ привилеѣ короля Сигизмунда, 1507 г., говорится о Радомлѣ, какъ о волости, приобрѣтенной мстиславскими князьями при прежнемъ великомъ князѣ: привилеѣ 1507 г. только подтверждаетъ за ними владѣніе Радомлемъ. Этой привилеѣ открытъ Вольфъ въ Литовской Метрицѣ (см. Röd Ged., 13). Въ 1525 г. мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ уступаетъ въ „хлѣбокормленіе“ замокъ Радомль съ тянувшими къ нему дворцами и волостями сыну своему Огдору Михайловичу, что было утверждено королемъ, пока онъ не „осмотритъ“ князя Огдора какими либо нѣмъ „державълемъ“ (А. З. Р., II, № 136). Изъ грамоты 1527 г. видно, что въ это время Радомль опять отошелъ въ общій составъ Мстиславскихъ волостей; въ это время сынъ мстиславскаго князя Огдоръ Михайловичъ отъѣхалъ въ Москву (А. З. Р., II, № 148).

⁵⁾ А. З. Р., II, № 69. Въ 1525 г. Молодечно и „купленнаго“ Данилевскаго дна княземъ Михаиломъ Ивановичемъ въ вѣно дочерямъ (ibid., № 133). Къ пожалованіямъ же принадлежалъ замокъ Городокъ (*Сборн. Им. Русск. Гроу. Общ.*, XXXV, стр. 637 и сл.).

замками Мстиславомъ и Радомлемъ) и южный—Рясненскій (съ замкомъ Рясна), управлявшіеся княжескими наместниками, тивунами и другими урядниками ¹⁾. Кромѣ замковъ, дворцовъ и волостей, составлявшихъ отчину, выслуги или купленыны мстиславскихъ князей, на территории ихъ княженія находились также вотчины монастырей, церквей и мѣстныхъ пановъ-боярь. Земскимъ боярамъ, служилымъ людямъ также давались князьями изъ состава княжескихъ волостей „выслуги“ подъ условіемъ „послушанія“ и „службы“ князьямъ ²⁾.

Личный составъ удѣльныхъ князей, владѣвшихъ Мстиславскимъ княжествомъ въ литовскую эпоху, опредѣляется (хотя не всегда точно) въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и актахъ. Въ одной фундушевой записи 1576 года находимъ указаніе на перваго „пана“ мстиславскаго — Василя Михайловича Наримунта, князя пинскаго (внука Наримунта Гедиминовича), который въ 1355 году (будучи будто бы мстиславскимъ „паномъ“) основалъ въ Кореницѣ Ошмянскаго повѣта церковь Божьей Матери ³⁾. По показаніе это едва ли можно признать исторически достовѣрнымъ: въ 1355 году Мстиславъ вовсе не входилъ въ составъ Литовскаго государства и потому не могъ подчиняться союзннымъ литовскимъ князьямъ ⁴⁾. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Мстиславъ запятъ былъ великимъ княземъ Ольгердомъ по смерти послѣдняго смоленскаго князя, около 1359 года, и оставался затѣмъ подъ непосредственною властью Ольгерда ⁵⁾. Первымъ удѣльнымъ княземъ, владѣвшимъ Мстиславомъ, считается сынъ Ольгерда—Корейло, Василий—Казиміръ, получившій въ управленіе Мстиславъ отъ

¹⁾ А. З. Р., I, №№ 43, 177; II, №№ 27, 136. Археогр. Сборн., II, № 8.

²⁾ О пожалованіи монастырямъ и церквамъ земель и разныхъ доходовъ на ихъ содержаніе см. А. З. Р., I, №№ 43, 62, 66 и др. О пожалованіи выслугъ князьямъ служилымъ людямъ см. *ibid.*, II, 52. О боярскихъ выслугахъ: Стржежевича, *ibid.*, II, № 70; Федоронича, *ibid.*, 75; Толкачевича—Археогр. Сборн., VII, 3—6 и др.

³⁾ Акты Виленск. Коми., XI, № 18, стр. 42.

⁴⁾ Составитель фундушевой записи 1576 г., королевскій писарь и референдарій великаго княжества Литовскаго, Гавріилъ Войта, владѣвшій мѣстномъ Куренномъ въ послѣдней четверти XVI столѣтія, едва ли могъ имѣть точныя свѣдѣнія о первыхъ фундаторахъ мѣстной церкви, основавшихъ ее назадь тому два вѣка,—могъ ошибочно, руководясь державшимся въ то время темнымъ преданіемъ, назвать перваго фундатора церкви, пинскаго князя, „паномъ“ мстиславскимъ, чего на дѣлѣ вовсе не было. Если въ XVI столѣтіи впадали въ грубыя историческія ошибки составители лѣтописныхъ сводовъ и гербовниковъ, то тѣмъ болѣе возможны были подобныя же ошибки со стороны составителей частныхъ записей.

⁵⁾ *Корейло*, Ист. V, примѣч. 395. *Stadnicki*, Olgerd, 134. *Smolka*, Kiej-stut, 6.

брата Владислава-Ягеллы. Съ точностію не извѣстно, когда именно Корягейло вступилъ въ управленіе Мстиславомъ. Извѣстно только, что въ 1386 году онъ сидѣлъ въ Мстиславѣ во время осады послѣдняго войскомъ смоленскаго князя Юрія ¹⁾. Мстиславъ находился во владѣніи Корягейла до 1390 года, когда этотъ князь палъ въ битвѣ съ нѣмцами ²⁾. Родоначальникомъ послѣдующихъ князей мстиславскихъ считается другой сынъ Ольгерда, Лингвентъ-Семень, сдѣлавшійся удѣльнымъ княземъ въ Мстиславѣ въ 1392 году ³⁾. Мстиславское княжество перешло послѣ Лингвента Ольгердовича (ум. около 1431 года), по наследственному порядку въ нисходящей линіи, сперва къ его сыну Юрію ⁴⁾, а затѣмъ къ внуку—Ивану Юрьевичу ⁵⁾, бывшему послѣднимъ мстиславскимъ княземъ изъ рода Лингвента Ольгердовича. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе о томъ, что въ началѣ 30-хъ годовъ XV стол. Мстиславъ вышелъ было на нѣкоторое время изъ владѣнія Лингвеновичей. Въ 1432 г. княжество Мстиславское взято было великимъ княземъ Сигизмундомъ у князей-отчичей, державшихъ сторону Свидригайла. Князь Юрій Лингвеновичъ получилъ свою отчину обратно лишь при Казимирѣ и вступилъ въ управленіе удѣломъ въ 1442 г. Къ этому времени относится жалованная грамота (1443 г.) князя Юрія Онуфриеву монастырю. Чрезъ два года тотъ же князь снова лишается удѣла за участіе въ заговорѣ князя Михаила Сигизмундовича, добивавшагося великокняжескаго стола ⁶⁾. Казимиръ взялъ Мстиславъ въ свое распоряженіе и въ 1446 г. отдалъ

¹⁾ Лѣт. Даниловича, 42. II. С. Р. Л., IV, 92. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 31, 252. *Konesta*, III, 203; IV, 297.

²⁾ Лѣт. Даниловича, 49. *Chron. Wigand'a*, 330. *Chron. Anthonia Giesensky* (*Sommersberg*, II, 154). *Stadnicki*, *Bracia*, 252.

³⁾ Лѣт. Даниловича, 210. II. С. Р. Л., III, 96; VI, 124; *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 287. *Wolff*, *Röd Ged.*, 43. *Lewicki*, 195. Документальныя свидѣнія о князѣ Лингвентѣ см. А. З. Р., I, № 10. Археогр. Сборн. докум., VII, № 4. *Rasclinski*, *Cod. dipl. Lith.*, 132, 138. *Dogiel*, *Cod.*, IV, 115. *Prochaska*, *Cod. epist. Vit.*, 17. *Akta Grodzkie*, VII, 50. *Sokolowski-Szujski*, *Cod. epist. saec.* XV, 5, 13. *Skarbiec*, № 1545.

⁴⁾ Умеръ послѣ 1456 года. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 293. *Wolff*, *Röd Ged.*, 160. *Długoss*, IV, 42. А. З. Р., I, № 43. Археогр. Сборн., VII, 3—5. А. Н., I, № 46. *Skarbiec*, № 2013. Древн. Росс. Вмѣл., XIV, 33.

⁵⁾ Умеръ около 1489 года. *Stadnicki*, *Bracia*, 301 и слѣд. *Wolff*, 160. Жал. грамоты Ивана Юрьевича и его жены Юліаны: А. З. Р., I, №№ 62, 65, 66, 68, 82. Археогр. Сборн. докум., II, № 2. Бѣлорусск. архивъ *Гуморевича*, № 2.

⁶⁾ Лѣт. Даниловича, 56, 68. *Бизовенъ*, 64. А. З. Р., I, № 73. *Stadnicki*, *Bracia*, 293—299.

его въ удѣлѣ русскому князю Василію Ярославичу Боровскому. Мстиславъ, однако, не долго находился во владѣніи Ярославича: чрезъ два года Мстиславъ возвращенъ былъ старому удѣльному князю въ качествѣ его отчины: въ 1448 году Юрій Лигвеновичъ опять становится мстиславскимъ княземъ и присутствуетъ на Люблинскомъ сеймѣ этого года въ качествѣ посла отъ Литвы¹⁾. По смерти Юрія (послѣ 1456 г.) Мстиславское княжество, какъ раньше замѣчено, переходитъ къ его сыну, Ивану Юрьевичу (последнему мстиславскому князю изъ рода Лигвена Ольгердовича, умершему ок. 1489 г.), а послѣ него къ послѣдникамъ по женской линіи, сперва къ женѣ умершаго князя (умерш. ок. 1495 г.), а затѣмъ къ его дочерямъ²⁾. Великій князь Александръ привилеемъ 1495 г. предоставлялъ мстиславскимъ княжнамъ „мѣняти на отчинѣ споей, пока ихъ милости дастъ Богъ облюбенцовъ (женеховъ)—княжатъ, которые будутъ *равни* имъ; тогда господарь хочеть о ихъ милости мыслити, а ихъ не хочеть опустити, яко кровныхъ своихъ; а боярамъ всимъ казаль ихъ милости послушными быти во всемъ такъ, какъ то *господаринъ* своихъ“³⁾. Облюбенцевъ, „равный“ княжнамъ, вскорѣ нашелся: заславскій князь Михаилъ Ивановичъ (изъ рода Енута Гедиминовича, см. выше о заславскихъ князьяхъ). Сохранился два привилея великаго князя Александра, данные въ 1499 году заславскому князю. Въ одномъ изъ нихъ пожалованіе ему Мстиславскаго княжества обуславливается бракомъ съ княжной Юліаной, послѣдницею послѣдняго мстиславскаго князя⁴⁾; затѣмъ, въ другомъ привилееѣ формулируется самое пожалованіе княжества. По этому привилею заславскому князю дается Мстиславское княжество въ полномъ его составѣ, со всѣми замками, дворцами и волостями, съ боярами и ихъ вѣнчальниками, „со всимъ правомъ и папствомъ, ничего на насъ не оставляючи, со всимъ, потому что здавна къ тымъ замкомъ и дворомъ прислухало, подлугъ того, какъ тыи замки держали князь Юрей Лынгвеневиць, а потомъ сынъ его князь Иванъ. А дали то сего ему у вотчину, вѣчно, на вѣки вѣчнымъ, и его княгини, и ихъ дѣтемъ, и потомъ будущимъ ихъ счадкомъ: полещь онъ то отдати, и продати, и замѣняти, и къ своему

¹⁾ *Dlugosz*, V, 42. Въ 1455—1456 гг. тотъ же мстиславскій князь издаетъ жалованныя грамоты (Археогр. Сборн., VII, 3—5).

²⁾ *Wolff*, *Röd Ged.*, 161.

³⁾ А. З. Р., I, № 131.

⁴⁾ Этотъ привилей нигдѣ не напечатанъ. Свѣдѣнія о немъ изъ Литовской Метрики сообщаетъ *Вольфъ* (*Röd Ged.*, 42).

вжиточному обернути, какъ самъ наизвѣстный разумѣючи“¹⁾). Слѣдующій литовскій господарь Сигизмундъ I, въ 1507 году, далъ мстиславскому князю подтвердительный привилей на владѣніе принадлежащими ему княжествомъ на прежнихъ основаніяхъ²⁾). Какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ, принадлежащихъ мстиславскому князю Михаилу Ивановичу³⁾, онъ долго пользовался общими правами удѣльныхъ князей. Въ своихъ грамотахъ мстиславскій князь титулуется: „Божьей милостью“ (обычная формула титула всѣхъ удѣльныхъ князей), имѣеть своихъ думцевъ-бояръ⁴⁾, управляетъ княжествомъ, подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, совершенно самостоятельно, чрезъ своихъ намѣстниковъ, тивуновъ, заказниковъ, дѣцкихъ и другихъ урядниковъ⁵⁾). Во время войны съ московскимъ великимъ княземъ, въ 1514 году, мстиславскій князь поддается съ своей отчиной-княжествомъ московскому государю, но затѣмъ, послѣ битвы подъ Оршей, обратно отходить къ литовскому господарю, который особымъ привилеемъ принимаетъ его въ прежнюю „ласку“, безъ всякой „мерзячки“ и „шкеры“ для его чести, въ виду того, что поступленіе въ московскую службу сдѣлано было мстиславскимъ княземъ „отъ неволи“⁶⁾). Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Мстиславскомъ княжествѣ и князьяхъ до начала 1526 г. Еще въ февралѣ и маѣ этого года мстиславскій князь даетъ жалованныя грамоты Пустынскому монастырю на земли, съ дозволеніемъ заселенія пустошей и съ освобожденіемъ послѣднихъ отъ суда и наряда всѣхъ мѣстныхъ вридниковъ⁷⁾). Въ данномъ случаѣ мстиславскій князь пользовался такими же владѣтельными пра-

¹⁾ Что касается мстиславскихъ бояръ, получавшихъ „мыслуги“ и „данничи“ отъ прежнихъ мстиславскихъ князей, то имъ предоставлено владѣть своими имѣніями: „имѣють имѣня свои держати, и съ тыхъ имѣній ему (помому князю) мають служити и во всемъ его мають послушни быти, потому, какъ и предкомъ его служили; а онъ ихъ безъ вины не мають съ имѣній рушати... а который бы бояре съ нихъ мстиславскіи и мглинскіи не хотѣли ему служити, ино пачѣ бѣхати прочѣ вольно, со всеми своими статки, куды хотятъ, а имѣнья оставишъ“ (А. З. Р., I, 172. *Stadnicki*, Syn. Ged., 90—99. *Ево же*, Brasia, 302. *Wolff*, 42, 161).

²⁾ Привилей 1507 года открытъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ (см. *Wolff*, 43).

³⁾ Сохранился довольно длинный списокъ такихъ грамотъ. См. А. З. Р., I, №№ 177, 211, 215, 217; II, 21, 27, 63, 94, 104, 107, 132, 142. А. Ю. З. Р., I, №№ 35, 52, 58, 70, 75. *Arch. Sangusz.*, III, 23. *Археогр. Сборн.*, II, №№ 3, 4, 6—10.

⁴⁾ См., напр., *Археогр. Сборн.*, II, № 8. А. З. Р., II, № 27.

⁵⁾ А. З. Р., I, №№ 43, 82, 177; II, 27, 142; *Археогр. Сборн.*, II, № 8.

⁶⁾ II. С. Р. Л., VI, 255. *Карамзинъ*, Ист., VII, прилѣч. 294. *Бестужевъ-Рюминъ*, Ист., II, 185. А. З. Р., II, № 92.

⁷⁾ А. З. Р., II, № 142. *Археогр. Сборн. докум.*, II, № 10.

вами, какъ и всякій независимый „господарь“ въ своемъ княженіи. Между тѣмъ, чрезъ мѣсяцъ (въ іюнѣ того же года) положеніе дѣлъ въ Мстиславскомъ княжествѣ радикально измѣняется: князь лишается удѣла, послѣдній превращается въ обыкновенное староство. Въ управленіе бывшимъ княжествомъ вступаетъ маршалокъ господарскій, панъ Глѣбовичъ, назначенный „z gamienia królewskiego“ державцемъ мстиславскимъ и радомскимъ ¹⁾. Съ этою катастрофой, очевидно, стоитъ въ связи отъѣздъ въ томъ же году въ Москву сына мстиславскаго князя Оедора Михайловича ²⁾. Источники мало объясняютъ обстоятельства, при какихъ мстиславскій князь лишенъ былъ удѣла; судя по аналогическимъ случаямъ того времени, можно полагать, что причиной лишенія удѣла былъ отказъ мстиславскаго князя въ „покорѣ“ литовскому господарю. Какъ бы то ни было, но отъѣздъ въ Москву сына мстиславскаго князя, а затѣмъ, вѣроятно, и замышлявшійся послѣднимъ отъѣздъ туда же побудили короля идти на мировую съ опаснымъ княземъ: въ слѣдующемъ (1527) году князю Михаилу Ивановичу возвращается его старая отчина, но уже далеко не на прежнихъ удѣльныхъ правахъ. Въ записи, данной по этому поводу княземъ мстиславскимъ ³⁾, послѣдній отдаетъ себя въ опеку и послушаніе королю и беретъ себѣ „за мѣсто сына“ королевича Сигизмунда, съ тѣмъ, чтобы, по смерти его, мстиславскаго князя, королевичъ, по иралу умиршавшаго, вступилъ во владѣніе „на вѣчные часы“ всѣми замками, дворами и волостями, принадлежавшими къ Мстиславскому княжеству. Тогда же королевичу была переданы всѣ старыя „привиліа“ литовскихъ господарей, на основаніи которыхъ мстиславскіе князья владѣли своею отчиною удѣломъ, вмѣстѣ со всѣми записными листами самихъ мстиславскихъ князей ⁴⁾. Вслѣдъ за этой записью послѣдовала привилія короля о предоставленіи мстиславскому князю старыхъ его замковъ съ дворцами и волостями „въ держаніе до его живота, отдавая (бывшую отчину) отъ всихъ при-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ Вольфъ, на основаніи актовъ, открытых имъ въ Литовской Метрицѣ (*Wolff, Ród, 43*).

²⁾ *Карамзинъ*, Ист., VII, прим. 94. См. *Skarbiesz*, №№ 2316 и 2317.

³⁾ Нужно полагать, что записи эта дана мстиславскимъ княземъ „отъ неволи“; условія ея, по всему видно, были продиктованы королемъ. Содержаніе записи, хранящейся въ Литовской Метрицѣ, объясняется отчасти въ сообщеніи о ней *Вольфа* (*Ród, 43*), отчасти же въ господарскомъ привиліи, данномомъ въ томъ же году; здѣсь приводятся главныя условія записи мстиславскаго князя (*А. З. Р., II, № 148*).

⁴⁾ *А. З. Р., II, № 148*.

роженцовъ мстиславскихъ". Князю предоставлено пользоваться данями со всеми „приходами и вжитками“, держать отъ себя урядниковъ ¹⁾, известное число драговъ (солдатъ, въ числѣ 50-ти, не больше) и „слугъ своихъ почеть не малый“. Въ заключеніе король обязывается: князя Михаила „не масмъ съ тыхъ замковъ рушити, а ни подь нимъ кому ихъ отдавати ажъ до его жинота“ ²⁾. Изъ изложеннаго ясно видно, что за бывшимъ удѣльнымъ владѣтелемъ Мстисланомъ остался лишь одинъ титулъ князя, безъ стараго владѣтельнаго характера; удѣльный князь превратился въ простаго державца-урядника господарскаго. И самое обязательство не „рушить“ князя изъ данныхъ ему замковъ до его смерти вскорѣ затѣмъ было нарушено: чрезъ годъ мстиславскій князь вовсе удаляется изъ его державы, управленіе имъ всецѣло предоставлено новому державцу—господарскому намѣстнику Яну Ильичу. Связь князя мстиславскаго съ бывшимъ его удѣломъ удержалась лишь въ выдачѣ ему намѣстникомъ мстиславскимъ половины даней, слѣдовавшихъ въ господарскую казну изъ сборовъ съ бывшаго Мстиславскаго удѣла ³⁾. Въ XVII ст. изъ Мстиславскаго староства образуется отдѣльное воеводство, существовавшее до присоединенія его къ Россіи въ 1772 г. ⁴⁾.

Къ сѣверо-востоку отъ Смоленска располагался удѣлъ старыхъ *Дорогубужскихъ князей*, съ главнымъ городомъ Дорогубужемъ на Днѣпрѣ. Въ лѣтописи, подь 1300 г., Дорогубужъ упоминается въ значеніи удѣла князя Андрея Владиміровича, по прозванію Долган Рука (сына смоленскаго князя Владиміра Рюриковича), родоначальника князей Вяземскихъ ⁵⁾. Въ 1404 г. Дорогубужскій удѣлъ вошелъ въ составъ владѣній Витовта и, какъ кажется, продолжалъ управляться

¹⁾ Но это уже не старыя князие „слуги“, знавшіе только своего мѣстнаго князя, служившіе ему лично, какъ вѣрные его бояре и служилые люди. Князь, по королевскому призыву, можетъ назначать только такихъ урядниковъ, которые бы „нашъ, господарю, и къ великому князеству Литовскому вѣрны и справедливо служили“.

²⁾ А. З. Р., II, № 148.

³⁾ А. З. Р., II, №№ 155, 162 и др.

⁴⁾ *Sulimierski*, *Stow. geogr.*, VI, 774. *Buliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 656. Булинскій полагаетъ, что Мстиславское воеводство образовалось вскорѣ послѣ Люблинской уніи 1569 года, но изъ актовъ видно, что Мстиславское староство существовало еще въ 1614 году; воеводы и другіе замковые и земскіе уряды поименно въ Мстиславѣ, но въѣмъ видности, не раньше половины XVII столѣтія. (См., напримѣръ, *Археогр. Сборн.*, II, №№ 25, 62 и др.).

⁵⁾ П. С. Р. А., VII, 182. *Карамзинъ*, III, прим. 347.

старыми своими князьями, сдѣлавшимися подручниками великаго князя литовскаго. Въ начальные годы правленія Казимира (въ 40-хъ годахъ XV ст.) Дорогобужскій удѣлъ отошелъ къ господарскимъ волостямъ и былъ пожалованъ королемъ пану Кгастовичу. Выѣстъ съ нѣкоторыми пограничными городами Смоленщины, по договору 1503 г., Дорогобужъ отошелъ къ Москвѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, во время московскихъ самозванцевъ и междоусобицъ, Дорогобужъ, подобно другимъ смоленскимъ городамъ, переходилъ то къ Литвѣ, то къ Москвѣ; по Деулинскому трактату 1618 г. Дорогобужъ отошелъ къ королю Владиславу IV, затѣмъ въ 1632 г. снова взятъ русскими. По Поляновскому трактату 1634 г. Дорогобужъ еще разъ отошелъ къ польскому королю и, наконецъ, Андрусовскимъ миромъ 1667 г. окончательно закрѣпленъ за Россіей¹⁾.

Къ Дорогобужскимъ волостямъ относились въ литовскую эпоху владѣнія князей Жилинскихъ и Глазынничей-Пузынниковъ.

Жилинь (Жулинь), одна изъ Дорогобужскихъ волостей, составляла во второй половинѣ XV столѣтія „родовое гнѣздо“ мѣстныхъ князей *Жилинскихъ*. Изъ договора 1494 г. видно, что въ это время отчина князей Жилинскихъ числилась еще въ составѣ литовскихъ владѣній; Жилинь отошелъ къ Москвѣ въ 1503 г. Тѣмъ же князьямъ принадлежали въ XVI столѣтіи господарскія „данины“ въ новѣтахъ Смоленскомъ (Елино у истоковъ Десны, также Ветлины), Виленскомъ (Гайдуиники, Туденишки и пр.), Вилькомирскомъ (Рогово)²⁾ и пр.

Другой родъ удѣльныхъ дорогобужскихъ князей—*Глазыны* (Глазыничь) и ихъ отрасль *Пузыны* (Пузынны). Ихъ отчинами считались: Мстиславецъ и волости (Приселья и др.), тянувшія къ Лучинскому Городку. Своими волостями князья эти владѣли по особымъ „дѣльницамъ“. Въ концѣ XV вѣка Мстиславецъ составлялъ дѣльницу князя Ивана Глазыны; послѣ ухода его въ Москву принадлежавшая ему дѣльница была отдана великимъ княземъ Александромъ, въ 1496 году, его брату, Олехѣ Глазынѣ, „отдавши (отъ владѣнія отцовской дѣльницей) дѣти князи Иванови“. Выѣстъ съ тѣмъ дѣльница князя Олехны, состоявшая изъ волостей Лучина Городка, была пожалована князю Ивану Константиновичу Вяземскому, въ замѣлъ его старой отчины, отошедшей къ Москвѣ. Кромѣ отчины, князья Глазыничь получали въ разное время господарскія „данины“. Въ послѣд-

¹⁾ Skarbiec, № 2156. *Sulimierski*, Słown. geogr., II, 123. *Любовский*, 274.

²⁾ Skarbiec, №№ 2067, 2156. *Boniecki*, 424—425. *Любовский*, 284.

ней четверти XV столѣтія упоминаются въ источникахъ: выслуги Глазыничей въ Смоленскомъ (Бугино, вол. Катунская, Щебнилицы. Кожуховъ, Козинъ и пр.) и Слонимскомъ (вол. Мамаевская) повѣтахъ. По трактату 1503 г. отошли къ Москвѣ Мстиславецъ, Лучинъ и другія пограничныя отчины и выслуги князей Глазыней. Въ источникахъ нѣтъ указаній на особую отчину-дѣльницу князей Пузыниныхъ; видно только, что имъ принадлежала какой-то удѣлъ: въ началѣ XVI столѣтія князья эти ставили въ походъ 8 коней изъ своей дѣльницы. Въ замѣтъ послѣдней, отошедшей къ Москвѣ, король Сигизмундъ въ 1516 г. далъ князьямъ Пузынинымъ дворъ Носово въ Мельницкомъ повѣтѣ; данна эта была подтверждена въ 1520 году. Происхожденіе князей этого рода не опредѣляется въ источникахъ. Есть основаніе предполагать русское ихъ происхожденіе, какъ и большинства другихъ удѣльныхъ князей смоленскихъ. На русское происхожденіе Глазыней и Пузыней, между прочимъ, намекаетъ древній синодикъ Супрасльскаго монастыря, гдѣ въ ряду старыхъ удѣльныхъ князей смоленскихъ упоминается „родъ князя Глазынича и его брата, князя Ивана Пузынина“. Въ источникахъ латонской эпохи князья этого рода упоминаются до конца XVI столѣтія ¹⁾.

На территоріи Смоленской земли существовали, какъ видно, главныя образцы со временъ Казимира удѣльныя владѣнія сосѣднихъ князей сѣверскихъ (верховскихъ). Въ источникахъ упоминаются въ особенности смоленскіе удѣлы князей *Одоевскихъ*, *Воротынскихъ*, *Масальскихъ*, *Мезецкихъ* и *Перемишльскихъ*. Въ XV и началѣ XVI столѣтія они приобрѣли, на положеніи господарскихъ выслугъ и данинъ, различныя смоленскія волости, большею частію прилегавшія къ сосѣднимъ рубежамъ Сѣверщины ²⁾.

¹⁾ Археогр. Сборн., IX, 457. А. З. Р., I, № 128. Skarbicz, № 2156. *Boniński*, Rocznik rod., 75, 266. Любавскій, Области. дѣленіе, 274. Особой отраслью князей Пузынь считаются князья *Олимские* (*Boniński*, 217).

²⁾ Такимъ образомъ, князья *Одоевскіе* получили при Казимирѣ смоленскую волость Болваничи. Имъ же принадлежала волость Чернятиничи, въ 1496 г. отошедшая къ князьямъ Крошнискимъ. Около 1495 г. князь Михаилъ Ивановичъ Одоевскій получилъ Жаринъ (*Boniński*, 214). Князьямъ *Воротынскимъ*: пожалованы въ 1447 г. въ держаніе волости „у Смоленской державѣ“: дворъ Пѣмичиневскій, Городецна, Ужепередъ, Комылна, Демянъ съ Снопотомъ. Держаніе это въ 1455 году было подтверждено за княземъ Федоромъ Воротынскимъ „у потчину“ ему и его дѣтямъ. Въ грамотѣ, данной по этому поводу, точно опредѣляется составъ вотчины: пожалованы „волости, на имя: Демена и Городецныя съ Ужыперенетомъ, Комылна, Крайшино по обѣ стороны Васы рѣки (притока Оки), Кципъ, Озерескъ,

Въ источникахъ XV и первой половины XVI столѣтія упоминаются, наконецъ, мелкія владѣнія разныхъ мѣстныхъ князей, главнымъ образомъ, въ Смоленской и Витебской земляхъ. Большинство такихъ князей принадлежало, поподиному, къ потомкамъ старыхъ русскихъ князей, удержавшихъ за собой отчины при Гедиминовичахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, за отходомъ ихъ отчины къ Москвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, получали отъ великихъ князей литовскихъ новыя владѣнія въ разныхъ мѣстахъ Литовской Руси ¹⁾.

IV.

Перейдемъ къ исторіи литовскихъ областей, образовавшихся на территоріи бывшей земли *дреговичей* (позднѣйшаго *Литовскаго Полѣся*), занимавшей бассейнъ рѣки Припяти, по обѣимъ ея сторонамъ, отъ истоковъ до впаденія ея въ Днѣпръ. Земля Дреговичская, вслѣдъ за Древлянской, еще при первыхъ кievскихъ князьяхъ, составляла одну изъ кievскихъ волостей; сѣверная часть Полѣся (княжества Клецкое и Слуцкое) подпала зависимости отъ полоцкихъ князей. Съ XII столѣтія начинается вліяніе на Полѣсье волинскихъ, а затѣмъ литовскихъ князей. Мѣстные преданія говорить о литовскихъ набѣ-

Югинецкѣ, Нѣмчиновскій дворъ нашъ въ Смоленску¹⁾. Въ „держанья“ тѣхъ же князей, по пожалованію, были другіе пограничныя смоленскіе пригороды и волости: Пустой Мошницъ, Вѣжична, Заложонье, Волста Нижняя и др. (А. З. Р., I, № 57. *Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, №№ 3, 6, 7, 9, 115, 136. *Любавскій*, 278—280). Точно также князья *Мосальскіе* получали въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія цѣлый рядъ смоленскихъ волостей: Площове, Мартиново, Радощино, Болшово, Броникова, Ршанова, Коптева, Мочулова, Ондиміалова, Дуровицы (дворецъ), Жолтопосовичи, Горки, Жуково и др. (*Воніескі*, 175. *Любавскій*, 275, 279). Князь *Мезецкіе* владѣли, по пожалованію, волостью Городечны („до поля“), также нѣкоторыми изъ волостей, тянувшихся къ пригороду Акдыреву (*Любавскій*, 278, 280). Наконецъ, князья *Переминьскіе* въ XV столѣтіи имѣли въ „держанья“ смоленскія волости: Тарбѣнь и Олензль (*Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. XXXV, 136).

¹⁾ Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о такихъ князьяхъ собраны Воніескимъ, главнымъ образомъ, въ Литовской Метрицѣ. Къ такимъ князьямъ относятся: Вулгакъ (къ кому подагаютъ, потомки князей Писскихъ-Наримунтовичей), Бурневскіе, Юрскіе, Коркордины, Мошванскіе, Мунча, Осовицкіе, Ростиницкіе, Губянины-Ростовскіе, Сенскіе, Шимевскіе, Туча, Уваровичи-Очитовскіе, Вдача, Зубревичицкіе и Зиземскіе (*Воніескі*, *Poczet rodów*, стр. 17, 115, 145 и др.).

дахъ въ Пинское Полѣсье еще во второй половинѣ XII столѣтія ¹⁾. Прямая зависимость Полѣсья отъ Литвы, какъ замѣчено раньше, началась еще съ Миндовга и закончилась при Гедиминѣ смѣной въ главныхъ волостяхъ русскихъ удѣльныхъ князей литовскими ²⁾. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ вѣковъ (съ XIV до половины XVI столѣтій) Литовское Полѣсье разбивалось на отдѣльныя княженія, бывшія въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ. Удѣльныя владѣнія исчезаютъ въ этомъ краѣ лишь въ началѣ третьей четверти XVI столѣтія ³⁾. Полѣсье сѣверное, граничившее съ областями Черной Руси и Минской земли, состояло изъ отдѣльныхъ волостей и удѣловъ, тянувшихъ съ полоцкими и минскими областями сначала къ воеводству Виленскому и позже образовавшихся съ сосѣдними землями Черной Руси особое Новгородское воеводство. Пинское Полѣсье тянуло первоначально къ Трокскому воеводству; значеніе отдѣльнаго воеводства оно приобретаетъ съ 1564 года, когда, вмѣстѣ съ бывшей Берестейской землей, Полѣсье составило воеводство Брестъ-Литовское ⁴⁾.

Территорія Литовскаго Полѣсья, послѣ присоединенія этого края при Гедиминѣ къ неликому княжеству Литовскому, разбивалась на нѣсколько княженій: Пинское, Туровское, Городецкое, Клецкое, Слуцкое и Несвижское.

Пинскъ (Пинескъ лѣтописей и актовъ), на р. Пинѣ (одномъ изъ

¹⁾ Литовскіи преданія относятъ къ 1160 г. первое появленіе въ Полѣсьи литовцевъ, подъ предводительствомъ вожди Скирмунта, одержавшаго побѣду надъ Мстиславомъ, княземъ волынскимъ и туровскимъ (*Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 641, 663).

²⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 26, 46.

³⁾ Послѣдній привилей королевы Бонны, выданный ею въ качествѣ удѣльной княгини писмской и городечкой, принадлежитъ 1556 г. (Ревизія нущъ и переходовъ зѣбринъ въ бышемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, стр. 118).

⁴⁾ *Sylwesterski, Słown. geogr.*, VIII, 679, 641; *Baliński, Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 582, 641 и слѣд. В. Антоновичъ, Моногр., I, 28, 25, 46, 76. *Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 201. *Есцукъ*, *Powaz.*, t. XX, 727. *Stadnicki, Syn. Ged.*, I (2-е изд.), 9, 62, 76; II, 24, 127. *Его же*, *Brucia Ingietty*, 153. *Wolff, Rod Ged.*, 13—23, 30, 108—111. Ср. В. *Завицкеничъ*, Область дреговичей (*Труды Киевск. Духовн. Акад.*, 1886, авг.). *Дюпартъ-Запольскій*, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель (1891). *Еремичъ*, Очерки Бѣлорускаго Полѣсья (1868). Н. *Малишевскій*, Очеркъ исторіи Турова (Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго, 1880). *Жирковъ*, Литовское и Бѣлорусское Полѣсье (Живниси. Русск., подъ редакціей И. Семенова, 1882, III). *Пьяжикъ*, Полѣсье (1883). *Rehman, Kotlina Przypreci i blota Poleskie (Ateneum*, 1886, тт. II и IV).

истоковъ, образующихъ р. Припеть), упоминается въ Несторовой лѣтописи впервые подъ 1097 г. На сколько можно судить по источникамъ, область, тянувшая къ Пинску, составляла съ XII вѣка удѣлъ кievскихъ, а затѣмъ волынскихъ князей. Въ пору присоединенія Полѣсья къ Литвѣ при Гедиминѣ, Пинское княженіе составляло владѣніе мѣстныхъ удѣльныхъ князей волынскихъ, ставшихъ въ зависимость отъ Литвы. какъ замѣчено раньше, еще при Миндовгѣ и затѣмъ окончательно вытѣсненныхъ изъ Полѣсья при Гедиминѣ ¹⁾.

При какихъ именно обстоятельствахъ совершилась въ Пинскомъ Полѣсьи при Гедиминѣ смѣна русскихъ князей литовскими, вмѣстѣ съ окончательнымъ присоединеніемъ Пинскаго княжества къ Литвѣ (1315—1320 гг.), источники не даютъ точныхъ и подробныхъ указаній. Извѣстно только съ полной достовѣрностью, что Пинскъ и другіе полѣсскіе города при Гедиминѣ уже входили въ составъ литовскихъ областей ²⁾. Судя по темнымъ преданіямъ, записаннымъ въ литовскихъ лѣтописяхъ, можно думать, что установленіе въ Полѣсьи при Гедиминѣ непосредственнаго режима литовскихъ князей, смѣнившихъ собой старыхъ волынскихъ князей, не обошлось безъ борьбы съ Гедиминомъ ³⁾; но на сколько въ такой борьбѣ активно участвовало самое населеніе страны, трудно, конечно, судить по недостатку достовѣрныхъ и точныхъ указаній. Судя, впрочемъ, потому, какъ въ соседнихъ областяхъ (подлинскихъ), зависѣвшихъ тоже отъ волынскихъ князей въ пору присоединенія этихъ областей къ владѣніямъ Гедиминца, населеніе относилось къ своимъ мѣстнымъ князьямъ и къ ихъ борьбѣ съ Гедиминомъ ⁴⁾, можно съ нѣкоторой вѣроятностью

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 25, 46. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 24. Въ послѣдней четверти XIII и началѣ XIV столѣтія Полѣсье составляло владѣнія Юрія Владиміровича, князя волынскаго, съ его сыновьями Дмитріемъ и братомъ Демидомъ (Н. С. Р. Э., II, 226). При Дмитріѣ Юрьевичѣ Полѣсье перешло подъ власть Гедимина. Послѣдующая судьба пинскихъ князей мало извѣстна. Какъ полагаетъ *Максимовичъ* (Письма о князьяхъ Острожскихъ, въ „Собр. сочин.“, I, 166), пинскіе князья, вытѣсненные изъ Полѣсья Гедиминомъ, дали начало роду князей Острожскихъ на Волыни; но это предположеніе опровергается польскими историками (см. *Kulikowski i Radziwiński*, *Kniaziowie i Szlachta*, 14; ср. *Wolff*, *Ród Ged.*, 19). Мнѣніе Максимовича раздѣляетъ профессоръ *В. Антоновичъ* (Моногр., I, 46) и, кажется, Бартошевичъ (см. *Dziela I. Bartoszewicza*, t. III, 369, 389 и пр.).

²⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 46.

³⁾ Андриашевъ, Очеркъ исторіи Волынк. земли, 201.

⁴⁾ См. *Андриашевъ*, Очеркъ исторіи Волынк. земли, 95. Ср. выше о присоединеніи къ Литвѣ западно-русскихъ областей.

полагать, что при таких же условиях могло имѣть мѣсто и окончательное присоединеніе къ Литвѣ Пинскаго Полѣсья. Здѣсь, какъ и въ Подляхѣхъ, волинскіе князья своею внутренней политикой могли издавна возбуждать недовольство въ населеніи; въ Полѣсьи, какъ и въ сосѣдней Подляхѣхъ, Гедиминовичи, поэтому, вести борьбу не столько съ самимъ населеніемъ, сколько лишь съ князьями волинскими ¹⁾). Мѣстные князья безъ поддержки населенія, естественно, не могли успѣшно вести борьбу съ литовскими вождемъ: дѣло кончилось подчиненіемъ Турово-Пинской земли Гедиминовичу, вмѣстѣ съ смѣною русскихъ удѣльных князей литовскими ²⁾).

По свидѣтельству лѣтописей, Полѣсье еще при жизни Гедиминовича поступило въ удѣлъ его сына Наримонта-Глѣба ³⁾, въ видѣ обширной области — отъ истоковъ р. Припяти до Днѣпра, со включеніемъ Пинской, Туровской, Мозырской земель и значительной части Волинскаго Полѣсья ⁴⁾. Исторіи послѣдующихъ пинскихъ князей до послѣдняго времени была весьма мало извѣстна. Лишь благодаря тщательному ознакомленію съ сборниками актовъ, изданныхъ въ Россіи ⁵⁾, а также непосредственному изученію актовъ книгъ Литовской Метрики (по рукописямъ), польскими историками послѣдняго времени ⁶⁾ удалось собрать и въ достаточной степени выяснить всѣ

¹⁾ На борьбу, главнымъ образомъ, съ мѣстными князьями намекаетъ и *Смрыковскій* (I, 381): „Pinsko ze wszystkich okoliczności przyczyną nad Przypięcią rzeką aż dosięgającemi dostał był Gedymin wojną pod Władzimirzem, ruskim kniazem“.

²⁾ *Андріашевъ*, Очеркъ, 201.

³⁾ Лѣтоп., изд. *Даниловичемъ*, стр. 27. Лѣтоп. *Быховца*, 17. См. *Антоновичъ*, Моногр., I, 76. *Stadnicki*, Syn. Ged., I (2-е изд.), 9, 75; II, 24. *Wolff*, Ród Ged., 13, 19.

⁴⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 24. *Baliński*, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 641. Наримонтъ (Наримунтъ), какъ полагаютъ, умеръ около 1348 г. (Гедиминъ умеръ 1341 г.) и, слѣдовательно, владѣлъ Литовскимъ Полѣсьемъ при жизни отца и послѣ него весьма продолжительное время, около 30-ти лѣтъ (*Wolff*, 19). Много мнѣнія авторъ статьи о Пинскѣ въ *Басуки. Rozwaz.*, т. XX, 727.

⁵⁾ Археогр. комиссіями: Петербургской, Виленской и Кіевской. По исторіи Пинскаго и другихъ полѣвскихъ повѣтовъ важны въ особенности акты, издаваемые Виленск. Комм. въ „Ревизіи пущъ и переходовъ зѣбринныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ (1867); здѣсь содержится масса привилегій Пинскихъ князей XIV и въ особенности XV и XVI столѣтій.

⁶⁾ Стадницкому и въ особенности Вольфу. См. его сжатый, но весьма обстоятельный и богатый новыми данными этюдъ: „Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł Hr. K. Stadnickiego: Synowie Gedimina“ etc. 1886.

главныя документальныя данныя по исторіи Пинскаго княжества. Мы сдѣлаемъ сводку главныхъ свѣдѣній объ этомъ княжествѣ, вывѣсть съ разъясненіемъ хронологическихъ источниковъ, встрѣчающихся въ изслѣдованіяхъ по исторіи Пинскаго княжества.

Между изслѣдователями исторіи Пинскаго княжества господствовало до послѣдняго времени не мотивированное, впрочемъ, никакими документальными данными убѣжденіе въ томъ, что, по смерти пераго же удѣльнаго князя пинскаго—Наримонта Гедиминовича, его удѣлъ перешелъ въ другіе княжескіе роды¹⁾. Вольфу удалось доказать, что это случилось лишь спустя столѣтіе (во второй половинѣ XV столѣтія). Дѣйствительно, документальныя данныя съ достаточной убѣдительностью говорятъ, что послѣ Наримонта Пинскій удѣлъ перешелъ къ его сыну Михаилу, родоначальнику всѣхъ послѣдующихъ пинскихъ князей рода Наримонтовичей²⁾. Объ этомъ князѣ сохранилось мало свѣдѣній³⁾. Гораздо больше документальныхъ данныхъ имѣется о слѣдующемъ пинскомъ князѣ—Василіѣ Михайловичѣ Наримонтѣ или Наримонтовичѣ⁴⁾. Въ фундаментальной записи XVI вѣка находимъ свидѣтельство о томъ, что въ 1355 году „Васылъ Михайловичъ Наримонтъ, князь пинскій“⁵⁾, основалъ церковь въ Куренцѣ Ошмянской волости⁶⁾. Князь Василій „Наримонтовичъ“ имѣяется съ Павломъ Котовичемъ землями (островами) въ Пинской волости⁷⁾. „Князь Василь Пинскій“ даетъ въ 1386 году присягу вѣрности королю Владиславу и коронѣ

¹⁾ *Stadnicki*, Syn. Ged., I (2-е изд.), 9, 62, 69. Ср. *Baliński*, *Staroż. Polska*, IV, 642.

²⁾ *Wolff*, *Ród Ged.*, стр. V—VI, 14, 16, 19—21. *Smolka*, *Kiejstat*, 10.

³⁾ Его существованіе подтверждается наименованіемъ слѣдующаго Пинскаго князя—Василія Михайловича Наримонта, или Наримонтовича, то-есть, сына Михаила Наримонтовича,—первое наименованіе по отцу, второе по дѣду (см. Матеріалы для геогр. и статист. Россіи, *Зеленская*: Минск. губ., I, 22). Вольфъ не безъ основанія полагаетъ, что пинскимъ княземъ можно считать „князя Михаила“, который, съ нѣсколькими другими литовскими князьями, числится въ составѣ посольства, отправленнаго въ 1340 г. Витовтомъ къ татарамъ (II. С. Р. Л., IV, 59; VII, 215. *Афган*, изд. *Даниловичемъ*, 171. Ср. *Wolff*, 40).

⁴⁾ Подумать, что здѣсь нужно разумѣть Наримонта, сына Ольгерда, брата Ягеллы, а не Наримонта Гедиминовича (*Encykl. Powzeczna*, XX, 727; *Baliński*, *Star. Pol.*, IV, 642). Но Вольфъ доказалъ, что въ числѣ сыновей Ольгерда вовсе не было князя съ именемъ Наримонтъ: такое имя принадлежало лишь одному сыну Гедимина—пинскому князю (*Wolff*, *Ród*, 79—87).

⁵⁾ Акты Вил. Коммисс., XI, № 18.

⁶⁾ Рензія пуць, стр. 232. Сынъ князя „Федюшко“ приложилъ къ мѣновому листу отцовскую печать.

Польской¹⁾). Въ слѣдующемъ году онъ же съ другими мѣстными князьями даетъ ручательство Бенедикту, воеводѣ галицкому²⁾, помогаетъ, затѣмъ, Витовту въ войнѣ съ Польшей, сдаетъ Владиславу-Ягеллѣ Галичъ³⁾ и, наконецъ, около того же времени даетъ Скиргайлу поручительство за Гридка Константиновича⁴⁾.

По смерти Василя Михайловича (въ концѣ XIV столѣтія) Пинское княжество переходитъ къ его сыну Юрію⁵⁾ и затѣмъ послѣ него утрачиваетъ свою самостоятельность. Не извѣстно съ точностью, когда именно и по какимъ причинамъ Пинскъ вышелъ было изъ-подъ власти своихъ удѣльныхъ князей—при жизни ли Юрія Васильевича, или позже. Назначеніе этого князя псковскимъ намѣстникомъ въ 1410 году, повидимому, указываетъ на то, что Витовтъ, именно взявъ въ утраченного удѣла, могъ дать князю Юрію намѣстничество въ Псковѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что сынъ Юрія Васильевича—Александръ Носъ, не владѣлъ Пинскомъ; при великомъ князѣ Свидригайлѣ князь Носъ (его ревностный сторонникъ) получилъ въ управленіе Луцкъ⁶⁾. При великихъ князьяхъ Сигизмундѣ-Войдатѣ и Казимирѣ Ягеллонѣ бывшее Пинское княжество управлялось великокняжескими намѣстниками⁷⁾.

¹⁾ *Prochaska*, Cod. epist. Vit., 10. Skarbiec, № 534. См. *Konecny, I'rzewodn.*, 1892, VIII, 686.

²⁾ *Prochaska*, Cod., 19.

³⁾ *Нарушевичъ*, Hist., VI, 85. *Stadnicki*, Syn. Ged., II, 127.

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 2.

⁵⁾ Подобно ему, онъ также оставилъ слѣды въ дипломатическихъ актахъ и въ литовскихъ. Въ 1398 г. онъ подписалъ трактатъ Витовта съ Орденомъ (*Racynski*, Cod. dipl. Lith., 256; Skarbiec, № 695; *Налиевскій*, Русско-лит. акты, 528; ср. № 910; въ изданіи Луки Давида, VII, 39—44, приведены всѣ подписи трактата). Въ литовск. *Бѣлосѣчи* (стр. 38) сохранилось извѣстіе о Юріѣ, князѣ пинскомъ, по прозванію Носъ, который отъ имени Витовта былъ въ 1400 г. въ Псковѣ намѣстникомъ. *Балинскій* полагаетъ (IV, 642), что въ концѣ XIV ст. (именно въ то время, когда удѣльнымъ княземъ въ Пинскѣ несомнѣнно былъ еще Юрій Наримонтовичъ) Пинскомъ могъ владѣть стародубскій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ (братъ Витовта), на томъ основаніи, что въ 1396 г. онъ былъ фундаментомъ францисканской коллегии въ Пинскѣ; но подобная фундація могла быть частнымъ дѣломъ всякаго ревностнаго католика и помимо мѣстнаго князя. Въ половинѣ XIV ст., какъ замѣчено выше, кн. Василій Наримонтовичъ основалъ церковь въ Ошмянской волости, а между тѣмъ не видно, чтобы онъ былъ удѣльнымъ владѣтелемъ этой волости.

⁶⁾ *Dlugosz*, Dzieje Pol., IV, 200. *Wolff*, 20.

⁷⁾ Сохранилась грамота великаго князя Сигизмунда (1432—1440) напу Андрею, намѣстнику пинскому, объ отводѣ Михаилу Ляху пожалованныхъ ему дачниковъ

Впрочемъ, Пинскъ не долго оставался безъ удѣльнаго князя: при Казиміръ же (около половины XV столѣтія) старые пинские князья возвращаются въ свой удѣлъ въ лицѣ князя Юрія Семеновича¹⁾. Въ пинскихъ актахъ половины XV столѣтія этотъ князь является со всеми владѣтельными правами: онъ даетъ жалованныя грамоты церквямъ на имѣнія, распоряжается повинностями пинскаго населенія и проч.²⁾, Юрій Семеновичъ умеръ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ въ своемъ родѣ. Пинское княжество, какъ выморочное владѣніе, пошло въ составъ великокняжескихъ волостей³⁾.

Въ началѣ 70-хъ годовъ XV столѣтія Пинскій удѣлъ снова становится въ другомъ родѣ литовскихъ князей Гедиминовичей. Какъ замѣчено раньше, по смерти (въ 1470 году) кievскаго князя Семена Ольельковича (изъ рода Ольгерда) его удѣлъ препрращается въ староство; вдовѣ и дѣтямъ умершаго князя вѣнчанъ Кіева назначенъ былъ другой удѣлъ — Пинскъ съ тѣнувшими къ нему полѣскими волостями. Условія такого пожалованія точно опредѣляются привилеемъ Казиміра, даннымъ въ 1471 году князю Марію Семено-

съ землей (Резиція пуць, стр. 123). Точно также Казиміръ, въ привилеѣ (безъ даты) на имя пинскаго намѣстника *князя Юрія*, приказываетъ оставить за Сыропатою имѣніе въ Пинскѣ, каковыя онъ владѣлъ при „дядѣ“ Казиміра — великомъ князѣ Сигизмундѣ (*ibid.*, см. также А. З. Р., I, № 190).

¹⁾ Внука Василя Михайловича (*Wolff*, 21). Изъ предыдущаго примѣчанія видно, что при томъ же Казиміръ былъ въ Пинскѣ намѣстникомъ князь Юрій. По всей вѣроятности, это и есть князь Юрій Семеновичъ, которому Казиміръ возвратилъ потомъ удѣлъ его предковъ.

²⁾ Одна изъ жалованныхъ грамотъ этого князя (безъ даты) сохранилась въ „Резиція пуць“ (стр. 252). Изъ другаго позднѣйшаго акта видно, какъ самостоятельно распоряжался тотъ же князь повинностями населенія (*ibid.*, стр. 265). Самый приписей о возстановленіи удѣльныхъ правъ пинскаго князя не извѣстенъ; сохранился только приписей Казиміра, данный князю Юрію Семеновичу на вотчину изъ нѣсколькихъ селъ (изъ Метрики, у *Вольфа*, стр. 23). Этотъ же князь упоминается въ числѣ лицъ, бывшихъ въ 1452 году въ Луцкѣ по случаю смерти Свидригайла (*Długosz*, V, 97. См. *Wolff*, *Röd*, 24).

³⁾ Изъ одного приписей Сигизмунда-Августа (безъ даты) видно, что бывшій князь пинскій Юрій Семеновичъ „привернулъ“ было въ тяжелой службѣ бояръ пинскихъ Прасоловича и Сочковича; отъ этой службы освободилъ ихъ позже Казиміръ, когда Пинскъ перешелъ подъ его власть послѣ Юрія Семеновича (Резиція пуць, стр. 255). Въ актахъ первой половины XV столѣтія упоминается пинскій князь Михаилъ Константиновичъ (А. З. Р., I, № 96 и пр.), но онъ не владѣлъ Пинскомъ, жилъ въ Луцкѣ на Волынѣ (*Wolff*, *Röd*, 24). Позднѣе, Михаилъ Константиновичъ потомокъ одного изъ Наримонтовичей, Александра Носа, получившаго при Свидригайлѣ въ управленіе Луцкъ (*Wolff*, 22).

пой на владѣніе Пинскомъ¹⁾. Стадницкій полагаетъ, что Пинскъ съ волостями данъ княгинѣ Маріи и ея дѣтямъ лишь въ пожизненное владѣніе (*dożywotne posiadanie*)²⁾; но это не оправдывается документальными данными. Въ привилей 1471 года говорится о пожалованіи Пинска княгинѣ Маріи и ея „потомству“, при чемъ также выговаривается для господаря право „взяти Пинескъ опять къ своей руцѣ“, съ тѣмъ, чтобы дано было вмѣсто него другое „такъ доброе имѣніе, какъ и Пинескъ“³⁾. Изъ актовъ видно, что Пинскъ составлялъ общее владѣніе семьи кievскаго князя, то-есть, не только княгини Маріи, но и ея сына и дочери съ ихъ потомствомъ. Первоначально всѣ привилеи писались отъ имени княгини и ея сына, князя Василія Семеновича; распоряженія по удѣлу дѣлались княгиней пинской не иначе, какъ „досмотрѣвши того съ сыномъ своимъ“⁴⁾. Затѣмъ, по смерти

¹⁾ Привилей 1471 г. нигдѣ не напечатанъ. Свидѣніи о немъ сообщаетъ *Вольфъ* по Литовской Метрицѣ (*Ród*, 17, 26 и 108).

²⁾ См. *Stadnicki*, *Bracia Jagielly*, 163. Стадницкій имѣлъ въ виду господарскій вырокъ, данный въ 1499 г. по случаю притязаній княгини Маріи на участіе во владѣніи Слуцкомъ (удѣломъ брата ея мужа): случившійся князь Семенъ Михайловичъ показалъ, между прочимъ, что „господарь король е. м. граничную землю Кіевъ на себе взялъ, а ея хлѣбокормленіе противъ того тобѣ (княгинѣ Маріи) и дѣтемъ твоимъ далъ его милость городъ Пинескъ“ (*А. З. Р.*, I, № 163). „Хлѣбокормленіе“, по старой правовой терминологіи, означало „право пользованія и распоряженія“; подъ понятіе хлѣбокормленія входило пожалованіе и „до живота“, и „въ вотчину“. Понятіе „*dożywotnego posiadania*“ выражалось другимъ техническимъ терминомъ: „наданіе до живота“, пожалованіи въ „доживотье“. Въ памятникахъ доживотье строго отличается отъ срочнаго, временнаго пожалованія „до воли“ господаря и отъ пожалованія наследственнаго—„въ отчину“ дѣтямъ и всѣмъ „будущимъ напотомъ счадкимъ“ и пр. Доживотье и вотчина могли обусловливаться правомъ господаря взять послѣ „до своихъ рукъ“ доживотье и вотчину, но всегда съ пожалованіемъ много, равнаго отобранию „добра“. Хлѣбокормленіе и доживотье—два существенно различныя понятія: первое составляетъ одинъ изъ моментовъ понятія *права собственности*, второе входитъ въ ученіе о *правѣ владѣнія по времени*, обозначаетъ владѣніе не безсрочное, потомственное (отчину), но лишь владѣніе „до живота“—пожизненное владѣніе, до смерти того, кому дано пожалованіе. Что въ данномъ случаѣ пинская княгиня Маріи получила Пинскъ съ волостями не въ пожизненное, а потомственное владѣніе, подтверждается, какъ нельзя лучше, суднымъ листомъ великаго князя Александра 1501 г., въ которомъ говорится о пожалованіи Пинска съ волостями „у отчину“ князю Иославлучу, его женѣ и дѣтямъ, „потому какъ былъ далъ отецъ нашъ, король е. м., *теми ея княгини Семеновой*“ (*А. З. Р.*, I, № 191).

³⁾ *Wolff*, *Ród*, 108. Ср. *А. З. Р.*, I, № 163, вырокъ 1499 г., гдѣ въ извлеченіи приводится привилей 1471 г.

⁴⁾ См., наприм., Ревизія пуцъ, стр. 282.

послѣдняго (въ 1496 году), въ управленіи княжествомъ принимаетъ участіе вмѣстѣ съ княгинею пинской и ея дочь, княжна Александра¹⁾. Владѣтели Пинскаго удѣла, какъ видно изъ актовъ, имѣли значеніе такихъ же „господарей“²⁾, какъ и другіе литовскіе удѣльные князья. Въ Пинскихъ привилеяхъ, изданныхъ княгинею Маріей съ дѣтьми, она постоянно титулуется: „Божьею милостью“³⁾, управляетъ волостями чрезъ намѣстниковъ и другихъ урядниковъ⁴⁾ и издаетъ привилеи и листы⁵⁾, главнымъ образомъ, на пожалованіе имѣній и земель своимъ служилымъ людямъ. Кромѣ того, есть привилеи на покупку слугой дворища у мѣщанина⁶⁾ и на льготы отъ мѣстныхъ службъ и повинностей⁷⁾. Всѣ привилеи и листы пинской княгини носятъ совершенно самостоятельный характеръ: не видно, чтобы требовалось утвержденіе ихъ великимъ княземъ литовскимъ⁸⁾. Съ дру-

¹⁾ См. Ревизія пущъ, приписан въ 1496 г., стр. 84, 95, 118, 128, 217, 290. Есть только два привилеи начала 1496 г., составленные одною княгиней пинской, безъ участія ея дочери (ib., стр. 105, 287).

²⁾ Въ листѣ великаго князя литовскаго Александра, данномъ въ 1501 году (еще при жизни княгини Маріи) пинскимъ мѣщанамъ, между прочимъ, говорится: „а *господаромъ* пинскимъ (то-есть, мѣстнымъ князьямъ) держати ихъ (жителей Пинска) по тому, какъ бывало за великаго князя Витовта“ и пр. (А. З. Р., I, № 190).

³⁾ См. Ревизія, стр. 63, 78 и др.

⁴⁾ А. З. Р., I, № 190.

⁵⁾ Княгинѣ Маріи принадлежить до 25 грамотъ, помѣщенныхъ въ „Ревизіи пущъ“, см. стр. 63, 76, 79, 84, 95 и пр.

⁶⁾ „Докладывать насъ слуга нашъ намъ Оехъко Тинковичъ, што быхмо ему пригноили дворищо въ мѣщанина нашего Войпатка Розбесавча купити въ Зяполья; и мы пригноили ему тое дворищо купити и Ивашку мѣщанину нашему тежъ есмо пригноили ему продати .. а Ивашко такъ ему продать, какъ самъ былъ купилъ“ (Ревизія пущъ, стр. 287).

⁷⁾ Привилей 1488 г.: „Билъ намъ человекъ Зиновъ Лозичъ, чтожъ были носадилъ ихъ на служебной землѣ. И мы есмо и зъ сыномъ своихъ того досмотрѣли, штожъ онъ сынъ боярскій есть, и мы есмо все ему то отпустили; не давати ему ни сѣна, ни овса, илично, ни подъ порога ему не пойти и на каждое дѣло не имать тежъ пойти, нишли онъ бояринъ естъ, какъ который“ (Ревизія, стр. 282). Привилей 1494 г.: „Были намъ человекъ Ицковичъ о сѣно и о опесъ и о *полюдь* и о каждое дѣло, пжъ быхмо имъ отпустили, и мы есмо имъ тое отпустили илично и непорочно и дѣтиамъ, пжъ имъ овса и сѣна не давати и полюды и на каждое дѣло имъ не пойти ни съ топоромъ, ани съ сохомъ“ (ibid., стр. 285).

⁸⁾ Есть только одинъ случай, когда привилей пинской княгини былъ подтвержденъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Но это не было общимъ правиломъ: въ данномъ случаѣ лицо, получившее отъ пинской княгини привилей на имѣніе въ ея удѣлѣ, считалось бояриномъ „господарскимъ“, а не княжескимъ,

гой стороны, „господарство“ литовских владѣтелей имѣло извѣстные предѣлы: удѣлъ долженъ былъ управляться „подавному“, какъ было при старыхъ господахъ, безъ „кривды“ для населенія и безъ введенія „новинны“. Судей такихъ новинъ, нарушавшихъ интересы и права удѣльнаго населенія, являлся общій господарь всѣхъ литовско-русскихъ областей—великій князь литовскій; въ силу своего верховнаго „господарства“ онъ могъ быть въ потребныхъ случаяхъ единственнымъ компетентнымъ посредникомъ между удѣльными „господарями“ и подчиненнымъ имъ населеніемъ¹⁾.

Какъ видно изъ сохранившихся литовскихъ грамотъ, относящихся ко времени княгини Маріи, она управляла удѣломъ вмѣстѣ съ сыномъ до половины 1495 года, когда послѣдовала смерть послѣдняго²⁾.

и потому, естественно, для полной силы полученнаго имъ пожалованія должно было само позаботиться объ утвержденіи привилей своимъ непосредственнымъ господаремъ—великимъ княземъ литовскимъ (см. Ревизія пущъ, стр. 103—105).

¹⁾ Такъ было, напримѣръ, въ 1501 г. (еще при жизни литовской княгини Маріи Семеновой), когда великому князю литовскому Александру били челомъ юнѣ и всѣ мѣщане литовскіе о томъ, что „княгини Семенова Александровича, княгиня Марья, кривды имъ вчинила и новинны ввела: подюды у нихъ брала, верховны и возовы, и посылала на свои дѣла, гдѣ хотѣла“ и пр., чего жители Литвы „здавна не давали“. Въ удостовѣреніе своихъ правъ княгиня представила господарю литовскому льготные листы великихъ князей Сигизмунда и Казимира. Александръ предписалъ литовскимъ наместникамъ (княгини Маріи) и ихъ служивымъ людямъ брать съ жителей сборы и облагать ихъ новинностями „подавному“, безъ всякихъ „новинъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено „господаромъ“ литовскимъ (то-есть, княгини Маріи и ея дочери съ зитомъ) держать ихъ (литовскихъ мѣщанъ) по тому, какъ бывало за великаго князя Витовта и за Жигимонта, и перу сего за отца нашего короля его милости“ (А. З. Р., I, № 190). Подобное же внимательство великаго князя литовскаго во внутренній дѣла Литовскаго княжества мы встрѣтимъ и позже, при слѣдующемъ князѣ Фёдорѣ Ивановичѣ Ярославичѣ (см. ниже).

²⁾ Послѣдній листъ съ именемъ князя Василія Семеновича относится къ 3-му юлю 1495 г. (Ревизія, стр. 218). Затѣмъ 23-го февраля 1496 г. появляется привилей уже съ именемъ княжны Александры (ibid., 128 и 290). Къ прояснутку времени между 3-мъ юлемъ 1495 г. и 23-мъ февралемъ 1496 г. и слѣдуетъ отнести смерть литовскаго князя. Между тѣмъ, въ числѣ литовскихъ грамотъ находимъ листъ, отъ 29-го юля 1503 г., „княгини Семеновы Александровича, княгини Марьи и зъ сыномъ своимъ съ княземъ Василіемъ Семеновичемъ“ (Ревизія, стр. 96). Выходитъ, что въ 1503 г. находились еще въ живыхъ не только княгиня Марія, но и ея сынъ. Чтобы объяснить происхожденіе листа 1503 г. и достовѣрность заключающейся въ немъ даты, обратимся вообще исторіи актовъ, помѣщенныхъ въ упомянутомъ сборникѣ литовскихъ привилеевъ. Дѣло въ томъ, что сборникъ, изданный въ 1867 г. подъ названіемъ „Ревизія пущъ“ и пр., состоитъ изъ

Владѣльцами Пинскаго княжества остались старая княгиня и ея дочь, владѣвшая собою удѣломъ Пинскимъ до 1498 года¹⁾, когда состоялся бракъ дочери пинской княгини съ княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ²⁾. Въ слѣдующемъ году княгиня Марія испросила у великаго князя Александра подтвержденія привилея, даннаго ей Калиміромъ на владѣніе Пинскомъ³⁾, что Вольфъ объясняетъ нежеланіемъ княгини раздѣлять власть съ зятемъ. Между тѣмъ изъ актовъ видно, что не только въ томъ же году (20-го апрѣля 1498 года), когда состоялся бракъ дочери княгини Маріи, ея зять принимаетъ участіе въ дѣлахъ Пинскаго княжества (въ качествѣ мѣстнаго князя разбираетъ поземельные споры жителей), но и послѣ привилея 1499 года, при жизни тещи, "даетъ отъ своего имени и жены Олены жалованныя грамоты на земли и другія угодья въ Пинскомъ удѣлѣ

двухъ отдѣльныхъ частей: въ первой содержится самая опись пущъ 1559 г. съ документами, представленными владѣльцами пущъ писцу Воловичу на мѣстѣ, при самомъ производствѣ описи; вторая же—заключаетъ въ себѣ особую актовую книгу пинскаго городского суда (книга помѣчена 1554 г.). Книга эта образовалась изъ актовъ, представленныхъ пинскими землепавѣльцами по время измѣненія пинскихъ воюекъ, предпринятаго послѣднимъ владѣльцемъ Пинскаго удѣла, королемъ Боной, римле 1555 г. (см. Ревизія, стр. 87—88). Изъ эту-то книгу или „реестръ наданія замку Пинскаго“, державца рогачевскій панъ Матей Войтѣховичъ „оказалъ“ для записи, между прочимъ, привилей бывшей княгини пинской Маріи и ея сына Василия Семеновича, подъ датой: „іюля 29-й день, въ лѣто 6996 (1488), индикта 6“ (см. Ревизія, стр. 216—217). По время послѣдовавшей затѣи описи пинскихъ пущъ въ 1559 г. панъ Мартинъ Войтѣховичъ „покладаетъ“ предъ писчикомъ Воловичемъ хранившійся у него привилей, по содержанію рѣшительно тождественный съ тѣмъ, какой еще при королѣ Боной, по время измѣненія ея воюекъ, былъ „оказанъ“ для внесенія въ книгу пинскаго городского суда державцемъ рогачевскимъ Матвѣемъ Войтѣховичемъ. Оба привилея разнятся только въ датѣ: привилей городской книги 1555 г. имѣетъ дату—6996 г. по лѣтосчисленію отъ сотворенія міра, а привилей, представленный въ 1559 г. писцу Воловичу, обозначенъ датой 1503 г. по лѣтосчисленію отъ Р. Хр. Несомнѣнно, позднѣйшій актъ есть не больше, какъ конія, снятая изъ актовой книги пинскаго городского суда позднѣйшимъ владѣльцемъ пущи, но съ ошибочнымъ переводомъ подлинной даты (6996 г.) на новое лѣтосчисленіе (мѣсто 1488 г.—1508 г.). Въ 1503 г. не было въ живыхъ ни княгини Маріи, ни ея сына; Пинскимъ удѣломъ управлялъ въ это время вполне самостоятельно зять покойной княгини, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ (см. ниже).

¹⁾ См. Ревизія пущъ, стр. 84, 95, 113, 128, 217 и 290. *Wolff*, 109.

²⁾ *Wolff*, 109. Ѳеодоръ Ярославичъ—внукъ Василия Ярославича, удѣльнаго князя боронскаго, ушедшаго изъ Москвы въ 1446 г. и получившаго въ удѣлъ Мстиславское княжество (см. выше).

³⁾ Привилей 1499 г. находится въ Литовской Метрицѣ (*Wolff*, 109).

своими слугамъ и мѣстными церквамъ¹⁾. Въ писскихъ актахъ говорится, что „князь Оеодоръ Ивановичъ Ярославичъ дочку ея милости (княгини Маріи) съ *тѣмъ замкомъ Пинскомъ* понялъ“²⁾. Здѣсь заключается, кажется, прямой намекъ на то, что главнымъ брачнымъ условіемъ въ данномъ случаѣ было предоставленіе князю Ярославичу Пинскаго удѣла, какъ вѣна его жены. Привилей 1499 года вызванъ былъ, можно думать, не столько желаніемъ старой княгини сохранить за собой всецѣло власть надъ княжествомъ, сколько необходимостью для нея оградить себя отъ опасности полного устраненія отъ власти, въ виду притязаній, несомнѣнно обнаруженныхъ ея зятемъ, какъ видно по всему, тотчасъ же вслѣдъ за заключеніемъ брака съ княжною пинской. Привилей 1499 года могъ имѣть цѣлью только огражденіе правъ княгини, а не устраненіе зятя отъ участія въ управленіи княжествомъ на правахъ удѣльнаго князя.

Смерть пинской княгини Маріи, послѣдовавшая въ 1501 г.³⁾, ни въ чемъ не измѣнила положенія дѣла въ Пинскѣ. Князь Оеодоръ Ивановичъ Ярославичъ принималъ, какъ только-что замѣчено, участіе въ управленіи Пинскимъ удѣломъ на общемъ положеніи удѣльнаго князя еще со времени его брака съ пинскою княжною. Вслѣдъ за смертію старой княгини онъ издаетъ жалованныя грамоты, какъ уже вполнѣ самостоятельный князь⁴⁾. Историки полагаютъ, что *тотчасъ* послѣ смерти княгини Маріи (весной 1501 г.)⁵⁾ король Александръ далъ особый привилей на Пинскъ съ тянувшими къ нему волостями дочери умершей княгини и ея мужу, князю Оеодору Ивановичу Ярославичу⁶⁾; но положеніе это вовсе не подтверждается документальными данными. Самый актъ о пожалованіи Пинска зятю умершей княгини не сохранился ни въ Литовской Метрицѣ, ни въ мѣстныхъ актовыхъ книгахъ. Единственное указаніе на „листъ“ (безъ обозначенія даты) великаго князя Александра о „подтвержденіи“ за княземъ Ярославичемъ

¹⁾ Ревизія, стр. 277 (1498 г.), 107 и 220 (1500 г.).

²⁾ Ревизія, стр. 79, 317.

³⁾ Wolff, 109.

⁴⁾ Ревизія пушч., стр. 271 (грамота 26-го мая 1501 г.), 239 (гр. 12-го іюля 1501 г.) и ир.

⁵⁾ Она жила еще 24-го марта 1501 г., когда пинскіе мѣщане жаловались на ея „жривды“ королю (А. З. Р., I, № 190); 10-го іюня того же года мѣщане обращаются къ королю съ такою же жалобой на князя Оеодора Ивановича Ярославича, въ то время уже самостоятельно управлявшаго Пинскимъ княжествомъ (ib., № 191).

⁶⁾ Wolff, 109—110.

чемъ, его женой и дѣтьми права на владѣніе Пинскомъ находимъ въ судной грамотѣ великаго князя Александра отъ 10-го іюня 1501 г., данной пинскимъ мѣщанамъ по поводу ихъ жалобъ на „кривды“ и „новины“, введившіяся ихъ „господаремъ“—княземъ Ярославичемъ ¹⁾. Разъ допустимъ, что бывшая пинская владѣтельница, княгиня Марія, умерла тотчасъ послѣ изданія грамоты отъ 24-го марта 1501 г., въ которой говорится о ней, какъ о находившейся еще тогда въ живыхъ владѣтельница Пинска ²⁾, мы должны имѣть съ тѣмъ признать, что князь Ярославичъ, вступившій тотчасъ же въ управление Пинскимъ княжествомъ на основаніи даннаго ему великокняжескаго привилея, успѣлъ затѣмъ въ теченіе одного-двухъ мѣсяцевъ натворить столько „кривдъ“ и ввести столько „новины“ по управленію своимъ удѣломъ, что пинчане уже въ началѣ іюня того же года (то-есть, чрезъ мѣсяцъ или полтора послѣ предполагаемаго полученія княземъ Ярославичемъ привилея на владѣніе Пинскимъ княжествомъ) вынуждены были обратиться къ литовскому государю съ челобитьемъ о защитѣ ихъ отъ несправдъ и притѣсненій со стороны мѣстнаго ихъ князя. Думается намъ, что на дѣлѣ данный вопросъ стоялъ нѣсколько иначе. Внимательное изученіе челобитья пинскихъ мѣщанъ и вообще содержанія даннаго по его поводу судебнаго листа великаго князя Александра отъ 10-го іюня 1501 г. приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что въ этомъ листѣ говорится о пожалованіи князю Ярославичу Пинска съ полостями не какъ о только-что совершившемся фактѣ, но именно какъ о дѣлѣ довольно давнемъ, и что, съ другой стороны, только продолжительная практика „кривдъ“ и „новины“, неуклонно вводимыхъ и поддерживавшихся княземъ Ярославичемъ, могла вызвать рѣшимость пинчанъ обратиться къ литовскому государю съ челобитьемъ о защитѣ. Есть основаніе полагать, что упомянутый листъ великаго князя Александра относится не ко времени, послѣдовавшему за смертію княгини Маріи, а къ 1498 г., когда состоялся бракъ ея дочери съ княземъ Ярославичемъ. „Подтвержденіе“ великимъ княземъ Александромъ правъ князя Ярослава и его жены на владѣніе Пинскимъ княжествомъ, по всему видно, стоитъ въ тѣсной связи съ условіями состоявшагося между ними брака: князь Ярославичъ, по выраженію современныхъ актовъ, „съ тѣмъ замкомъ Пинскимъ поималъ“ дочь княгини Маріи ³⁾ и, какъ

¹⁾ А. З. Р., I, № 191.

²⁾ Ibid., № 190.

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 79, 317, см. выше.

показано раньше, дѣйствительно сталъ осуществлять свое право на обладаніе Пинскимъ удѣломъ еще при жизни тещи; „подтвержденіе“ такого обладанія вслѣдъ за бракомъ князя и могло быть главною задачею господарскаго привилея. Возможность такой постановки вопроса подтверждается, какъ намъ кажется, совершенно апалогическимъ случаемъ, имѣвшимъ мѣсто въ Мстиславскомъ княжествѣ въ слѣдующемъ 1499 г. Въ концѣ XV столѣтія Мстиславское княжество, за прекращеніемъ мужской линіи мѣстнаго княжескаго рода, перешло въ женскую его линію—къ дочеримъ послѣдняго мстиславскаго князя. Одна изъ нихъ въ 1499 г. вышла замужъ за Михаила Ивановича, князя Заславскаго. Вслѣдъ за ихъ бракомъ и данъ былъ великимъ княземъ Александромъ князю Заславскому привилей на обладаніе Мстиславскимъ княжествомъ въ качествѣ родовой „вотчины“ его жены, единственной наслѣдницы бывшихъ мстиславскихъ князей ¹⁾. Такъ несомнѣнно было и въ Пинскомъ княжествѣ въ 1498 г.: по установившимся изстари въ Литовскомъ государствѣ обычаямъ преемства удѣльныхъ столовъ, всякая перемѣна въ личномъ составѣ княжескихъ родовъ, для своей полной юридической силы, должна была непременно получать окончательную санкцію со стороны верховной власти всего государства, что и формулировалось въ особыхъ привилеяхъ великихъ князей литовскихъ.

Дальнѣйшая судьба Пинскаго княжества во многомъ сходна съ судьбой княжества Мстиславскаго при послѣднемъ князѣ Михаилѣ Ивановичѣ Заславскомъ: та же первоначальная полнота владѣтельныхъ правъ мѣстнаго „господаря-отчича“, та же, затѣмъ, уступка владѣтельныхъ правъ литовскому господарю, наконецъ, то же самое лишеніе удѣла еще при жизни бывшего когда-то полновластнаго его владѣтеля.

По источникамъ, касающимся первой половины княженія Оедора Ивановича Ярославича, Пинскъ съ его волостями составляетъ „землю“ „княжество“, „вотчину“. Владѣтель этой земли-вотчины титулуется „господаремъ отчиннымъ“, „отчинемъ“ ²⁾, со всей совокупностью правъ и полномочій, какими въ Литовскомъ государствѣ въ старое время вообще пользовались все удѣльные князья. Пинскій князь, какъ высшій судья въ своемъ удѣлѣ, вершитъ поземельныя и иные дѣла подвластнаго ему населенія ³⁾, даетъ привилеи и листы на

¹⁾ А. З. Р., I, № 172. См. ниже о Мстиславскомъ княжествѣ.

²⁾ См., напримѣръ, А. З. Р., I, № 191. Ревизія пущъ, стр. 321 и пр.

³⁾ Ревизія, стр. 222, 277.

земли и другія угодья церквамъ ¹⁾, въ особенности же служилымъ людямъ (иссѣгда подѣ условіемъ „службы“) ²⁾, также „на боярство“ ³⁾, освобожденіе населенія отъ разныхъ сборовъ и повинностей, отпускъ челяди на волю ⁴⁾ и пр. Пинскій князь предоставляетъ мѣстнымъ (пинскимъ) жидамъ права и льготы, какими въ то время пользовались евреи въ Берестѣи и другихъ литовскихъ городахъ ⁵⁾. Князь управляетъ своей волостью самъ или чрезъ намѣстника, „держашаго“ его именемъ городъ ⁶⁾, пользуется мѣстными сборами и даними и пр. Вообще, какъ выражается грамота 1501 г., князь „маеть держати (свою вотчину) такъ, какъ то отчичъ, прибавляючи и розшириваючи, какъ то самъ налѣпей разумѣючи, какъ то господарь отчинный свое имѣнье возенъ къ своему вжитку обернути, какъ онъ всхоchetъ“ ⁷⁾.

Но тутъ же намѣчаются и предѣлы власти удѣльнаго князя. Кромѣ „покоры“ литовскому господарю, на общемъ основаніи съ другими удѣльными князьями, для пинскаго князя, по актамъ, обязательна также покора „старинѣ“, исконному обычаю. Въ управленіи княжествомъ онъ долженъ дѣйствовать „постарому“, „какъ здавна бывало“, „подлугъ господарскихъ данинъ и листовъ“, по которымъ князья его рода получили право на удѣлъ и пр. ⁸⁾. При всякой „новинѣ“ и „кривдѣ“ со стороны мѣстнаго князя, при всякомъ произвольномъ нарушеніи старины и притѣсненіи населенія, послѣднее уполномочивалось самими обычаями искать защиты у литовскаго господаря. Своими властными листомъ, а въ важныхъ случаяхъ и „господарскимъ“ судомъ съ панами-радою литовскій великій князь отмѣнялъ мѣропріятія мѣстнаго князя, шедшія въ разрѣзъ съ стариной, освобождалъ населеніе отъ необычныхъ сборовъ и налоговъ, установившихся мѣстнымъ княземъ не постарому, не такъ, какъ „здавна бывало“. и т. п. ⁹⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 321.

²⁾ Ibid., 239, 274, 311, 319.

³⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 40.

⁴⁾ Ревизія пущъ, стр. 304.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 227. Arch. Sangusz., I, стр. 134.

⁶⁾ А. З. Р., I, № 191: „имъ (Пинскомъ) маеть намѣстникъ его (князя Федора Ивановича Прославича) держати, который будетъ отъ него городъ держати“.

⁷⁾ А. З. Р., I, № 191.

⁸⁾ См. А. З. Р., I, № 191.

⁹⁾ При князѣ Прославичѣ было нѣсколько случаевъ подобнаго вмѣшательства великаго князя литовскаго во внутреннія дѣла Пинскаго княжества (см., напримѣръ, А. З. Р., I, № 191. А. Ю.-З. Р., I, № 54. Ревизія пущъ, стр. 304).

Въ концѣ перваго десятилѣтія XVI столѣтія болѣе рѣзко и рѣшительно обозначается поворотный пунктъ въ исторіи пинскихъ князей: ихъ старая вотчина превращается въ „доживотье“, съ кореннымъ ограниченіемъ владѣтельныхъ правъ князя и съ яодчиненіемъ его личной зависимости отъ великаго князя литовскаго. Это было дѣломъ „соглашенія“ ¹⁾ князя пинскаго Ярославича съ королемъ Сигизмундомъ I, который привилеемъ 1509 г. установилъ положеніе пинскаго князя на совершенно новыхъ основаніяхъ. Въ своемъ привилеѣ король заявляетъ, что, во первыхъ, онъ принимаетъ князя Оедора Ивановича Ярославича съ женой подъ свою защиту ²⁾ и обязуется до ихъ смерти не трогать ихъ владѣній, и, повторыхъ, князь пинскій, на случай смерти своей и жены, записываетъ королю всѣ свои владѣнія и „скарбы“ и обязывается, безъ разрѣшенія короля, ничего не раздавать изъ своихъ владѣній ³⁾. Въ то же время всѣ наданія и принятыя на владѣнія, принадлежавшія князю Ярославичу, были сданы для храненія въ Любельскую ратушу ⁴⁾.

Съ этихъ поръ, понятно само собою, какъ должно было усиливаться внимательство литовскаго господара во внутреннія дѣла княжества. Хотя номинально князь пинскій не переставалъ считаться удѣльнымъ владѣтелемъ, но на дѣлѣ это былъ только пожизненный носитель, а не старый „господарь-отчичъ“; въ своихъ владѣтельныхъ правахъ князь подчинился весьма существенному ограниченію, именно въ правѣ пожалованія имѣній изъ пинскихъ волостей не иначе, какъ съ согласія короля ⁵⁾. По смерти (въ 1518 г.) княгини Олены,

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, полагають польскіе историки (см. *Wolff*, 110). Намъ думается, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто только въ болѣе мягкой формѣ та же исторія, уступки королю владѣній „отъ неволи“, каковы имѣли мѣсто позже въ 1526 г. съ мстиславскимъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Заславскимъ, записавшимъ всѣ свои владѣнія королевичу Сигизмунду (см. выше о Мстиславскомъ княжествѣ). Если въ 1509 г. и существовало соглашеніе, то едва ли можетъ быть рѣчь о добровольномъ принятіи его княземъ Ярославичемъ: по всему видю, условія такого соглашенія были продиктованы одною стороною — княземъ волей Сигизмунда I.

²⁾ У *Балинского* — „pod opieką“ (IV, 642).

³⁾ *Wolff*, 30, 110. *Rykowski*, Inventarium, 385. См. *Baliński*, Str. Polska, 3-е изд., IV, 642. *Encykl. Powszechna*, XX, 727. *Skarbiec*, № 2197 (здѣсь, впрочемъ, изложено лишь краткое сообщеніе о владѣніяхъ пинскихъ, уступленныхъ королю).

⁴⁾ Сообщено Вольфомъ по Литовской Метрицѣ (*Wolff*, 110).

⁵⁾ Привилеѣ на земли и пр. издавался пинскимъ княземъ и послѣ акта 1509 г., но, понятно, лишь подъ упомянутымъ въ этомъ актѣ условіемъ. Есть привилеѣ позднѣйшаго времени, въ которыхъ земельное пожалованіе князя, обу-

жены князя Ярославича, права послѣдняго на владѣніе Пинскою съ волостями были обезпечены, съ одной стороны, завѣщаніемъ его жены, какъ законной наслѣдницы бывшихъ пинскихъ князей, а съ другой — новымъ привилеемъ короля, обязавшагося не отбирать у князя Пинскъ до его смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминавшаго ему о старомъ его обязательствѣ беречь, а не растрачивать „скарбъ“ и волости пинскія ¹⁾).

Смерть князя Ярославича послѣдовала въ 1521 г. ²⁾). Историки полагаютъ, что этотъ князь до самой смерти владѣлъ въ цѣлости своею пинскою носсессіей; послѣдняя лишь съ 1521 г. становится непосредственною королевскою волостью, которая затѣмъ особымъ привилеемъ 1523 г. дана была во владѣніе королевѣ Бонѣ ³⁾). Положеніе это, какъ оказывается, далеко не оправдывается документальными данными. сохранившимися въ современныхъ пинскихъ актахъ. Сохранились двѣ грамоты королевы Боны, данныя ею въ качествѣ „господарини Пинскаго княжества“ раньше привилея 1523 г. ⁴⁾). Изъ этихъ грамотъ видно, что королева Бона была „господаринею“ Пинскаго княжества (по другой грамотѣ — повѣта) уже въ 1520 г. (въ октябрѣ), то-есть, еще при жизни князя Ярославича. Одновременно съ королевскою и послѣдній даетъ записи на земли ⁵⁾), по уже, оче-

словенное обыною „службой“, оговаривается въ томъ смыслѣ, что, по смерти князя пинскаго, служба съ пожалованнаго лѣвня должна отправляться въ пользу великаго князя литовскаго, къ которому переходятъ всѣ пинскія владѣнія (Ревизія пущъ, 72, 288).

¹⁾ Wolff, 110—111.

²⁾ Послѣдняя его грамота относится къ 17-му декабря индикта 9-го, то-есть, 1520 г. (Ревизія пущъ, стр. 222). Въ грамотѣ 16-го мая 1522 г. и 22-го декабря того же года (индикта 10-го) король Сигизмундъ называетъ князя Федора Ивановича „небожникомъ“—покойникомъ (ibid., стр. 324, 225). Ср. Wolff, 111.

³⁾ Wolff, 111—112.

⁴⁾ Одна грамота послана королевой изъ Кракова еще въ октябрѣ 1520 г. „держанца нашему князюта нашего Пинского Ивану Михайловичу“ о назначеніи Богданца на его отцовскій приходъ Пинской церкви св. Юрія, вмѣсто пола, опредѣленнаго раньше княземъ Ярославичемъ (Ревизія пущъ, стр. 252). Другая грамотою 23-го фебраля 1522 г. королева Бона заявляетъ: „была памѣ чоломъ боярыни нашей пинскай Анна Василевская и просила, абыхмо ей съ ласки наше на хлѣбокормленье дали двѣ дворяща въ поветѣ нашомъ Пинскомъ... котерые дворяща мужъ ее небожника Василевскій за листомъ нашимъ до воли и ласки наше держалъ, и на нихъ ее отумеръ, на которыхъ она до сего часу спокойне сѣживала“, королева дала ей лѣвнѣ мужа „до воли и ласка наше юснодарское“ (ibid., стр. 242).

⁵⁾ Послѣдняя записъ князя Ярославича относится къ 17-му декабря 1520 г. Ревизія, стр. 222).

видно, въ качествѣ не стараго удѣльнаго князя, а лишь частнаго владѣльца, за которымъ оставлены были ради „хлѣбокормленія“ лишь нѣкоторыя имѣнія въ принадлежавшемъ ему нѣкогда княжествѣ. Первоначальный привилей, полученный въ 1520 г. (а можетъ быть, и раньше) королевой Боной на „господарство“ въ Пинскомъ княжествѣ, какъ видно, не сохранился въ Литовской Метрицѣ; господарскій привилей 1523 г., открытый Вольфомъ въ Метрицѣ ¹⁾, по всѣмъ видимостямъ, представляетъ подтвердительный актъ первоначальнаго привилея, въ силу котораго королева Бона, какъ оказывается, была „господарыней“ Пинскаго княжества еще въ 1520—1522 годахъ.

Королева Бона, въ качествѣ удѣльной владѣтельницы Пинской земли, выдала въ послѣдній разъ свой господарскій привилей въ началѣ 1556 г. ²⁾. Послѣ выѣзда ея изъ Литвы въ томъ же году Пинское княжество навсегда утратило былую удѣльную самостоятельность, окончательно вошло въ составъ коронныхъ волостей ³⁾.

Въ тѣсной связи съ Пинскимъ княжествомъ находилась съ древняго времени другая польская область—княжество *Туровское*, располагавшееся по среднему теченію р. Припяти. Въ лѣтописяхъ уже въ X столѣтіи упоминается г. Туровъ (на р. Припяти), древнѣйшій центръ Турово-Пинской земли. По преданію Рогволодь, одинъ изъ старыхъ полоцкихъ князей временъ Игоря, утвердился было въ Туровской области, бывшей вообще въ зависимости отъ Кіева. При великомъ князѣ Владимірѣ Туровъ сначала составлялъ удѣлъ его сына Святослава, а затѣмъ управлялся намістникомъ Владиміровымъ. Съ Ярославичей Туровъ постепенно обособляется отъ Кіева; съ 1157 г. онъ дѣлается центромъ самостоятельнаго удѣльнаго княжества съ своими особыми князьями, между которыми распределялась Турово-Пинская область на разныя удѣльныя волости. Туровомъ преемственно владѣли сыновья и внуки Ярослава; въ XII вѣкѣ онъ составлялъ удѣлъ Мономаховичей. Во второй половинѣ этого столѣтія въ Туровскомъ княжествѣ утверждается одинъ изъ Изяславичей (рода старшаго сына Ярослава), князь Юрій Ярославичъ съ потомствомъ. При нихъ Турово-Пинская область окончательно выдѣляется изъ состава кіевскихъ волостей и становится позже въ извѣстную зависимость отъ галицко-волынскихъ князей. Съ Мнидонта начинаются на Полѣсѣ литовскіи

¹⁾ Wolff, *Röd Ged.*, стр. 112.

²⁾ Ревизинъ нущъ, стр. 118.

³⁾ Sulimierski, *Słown. geogr.*, VIII, 167. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 641.

вліянія, закончившіяся при Гедиминѣ смѣною мѣстныхъ князей литовскими, именно въ лицѣ Паримонта Гедиминовича и его преемниковъ ¹⁾. Сохранилось, впрочемъ, преданіе, что при Гедиминѣ въ Туровѣ сидѣли еще мѣстные князья, въ качествѣ подручниковъ великаго князя литовскаго ²⁾. При Гедиминовичахъ Туровъ совершенно заслонялся Пяньскомъ, сдѣлавшимся главнымъ центромъ Литовскаго Полѣся. Туровъ и Давидовъ Городокъ, по всему видно, составляли до второй половины XV столѣтія одно удѣльное владѣніе, сначала Давида Дмитриевича, потомъ его сына Митка (см. ниже о городенскихъ князьяхъ). По смерти послѣдняго (въ 1440 г.) оба города съ ихъ волостями перешли къ Свидригайлу и находились въ его владѣніи до смерти (1451 г.) ³⁾. Послѣ Свидригайла Туровомъ управлялъ въ качествѣ великокняжескаго наместника князь Василій Оedorовичъ Острожскій ⁴⁾. Очевидно, въ это время Туровъ вовсе вышелъ изъ состава волостей пянскихъ князей, сдѣлался короннымъ владѣніемъ великихъ князей литовскихъ. При великомъ князѣ Александрѣ Туровская волость была пожалована въ потчину князю Михаилу Львовичу Глинскому, имѣвшему главныя свои владѣнія въ Киевской землѣ ⁵⁾. При королѣ Сигизмундѣ I, послѣ измѣны Гляпскаго и ухода его въ Москву (въ 1508 г.) ⁶⁾, Туровъ былъ пожалованъ князю Константину Ивановичу Острожскому и его женѣ. По смерти послѣдней, въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія, Туровъ отошелъ къ короннымъ владѣніямъ ⁷⁾.

Гораздо больше извѣстій сохранилось въ источникахъ касательно исторіи третьей полѣсской области—княжества *Городецкаго*, располагавшагося по сосѣдству съ Туровскимъ княжествомъ, по южнымъ его

¹⁾ В. Антоновичъ, Монегр., I, 76. Соловьевъ, II, 255 и слѣд. Давныя касательно древней исторіи Турова сгруппированы въ монографіяхъ А. Слукканъ „Изяславъ и Туропъ“ (Сѣверо-Западн. Календарь за 1888 г.) и Я. Малишевсканъ „Очеркъ исторіи Турова“ (въ сочиненіи: „Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго“, Киевъ, 1880). Къ сожалѣнію, я не могъ имѣть подъ рукою этихъ монографій и ознакомился съ ними лишь по извлеченіямъ, сдѣланнымъ въ сочиненіи П. Петрова: Бѣлоруссія и Литва, 1890, стр. 12, 14, 37—39.

²⁾ Baliński, Staroż. Polska, 2-е изд., IV, 662.

³⁾ Ревизія пущъ, 327. Arch. Sang., I, № 47.

⁴⁾ Boniecki, Poczet, 230.

⁵⁾ А. З. Р., I, № 222. Boniecki, 63.

⁶⁾ См. А. З. Р., II, №№ 33, 36. Ср. Бестужевъ-Рюминъ, Ист., II, 177—178. Encykl. Powszechna, X, стр. 8.

⁷⁾ А. З. Р., I, №№ 93; II, 105, 157. Kulikowski, Kniaziowie, p. 56.

рубежамъ. Князья Городецкіе становятся извѣстными по смерти Ольгерда (1377 г.). Мѣстные лѣтописи сообщаютъ, что одна изъ дочерей Ольгерда (Марія) вышла замужъ (позже 1382 г.) за „князя Давида“ ¹⁾. Историки не безъ основанія отождествляютъ его съ „княземъ Давидомъ Дмитріевичемъ Городецкимъ, записаннымъ съ княгиней своей Маріей“ въ синодикъ Любечскій ²⁾. Главнымъ городомъ принадлежавшей князю волости считается Городекъ (Городецъ на одномъ изъ притоковъ р. Припяти, ниже Турова), называвшійся, какъ полагаютъ, по имени основателя Городекомъ Давидовымъ (позднѣйшій Давидгородекъ) ³⁾. Одновременно съ княземъ Давидомъ Городецкимъ упоминаются въ источникахъ (около 1390 г.) „князь Иванъ Городецкій и его братъ князь Юрій“, которые вмѣстѣ съ другими князьями давали великому князю ручательство за Гридка Константиновича, обвинявшагося въ побѣгѣ и иномъ „дѣлѣхъ“ ⁴⁾. Всѣ эти князья, можно думать, сообщали владѣли (до начала XV столѣтія) Городецкимъ княжествомъ. Въ источникахъ вѣтъ точныхъ указаній на происхожденіе князей Городецкихъ. Одно несомнѣнно: нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ принадлежности этихъ князей къ Гедиминичамъ, какъ и къ литовскимъ князьямъ другихъ родовъ (напримѣръ, Ямунтовичамъ). Остается одно весьма вѣроятное предположеніе: князья Городецкіе, сидѣвшіе во второй половинѣ XIV столѣтія въ Городекѣ съ тѣнувшими къ нему волостями, были потомками старыхъ русскихъ, турово-пинскихъ

¹⁾ Лѣтоп., изд. *Данилосиничемъ*, 30.

²⁾ *Wolff*, 31. Ср. *Милорадовичъ*, Любечъ, 1871, 38. Стадницкій ошибочно называетъ мужа Маріи старостой гродненскимъ (Olgerd, 172); по указанію Вольфа, Стадницкій въ данномъ случаѣ говоритъ о зятѣ Гедимина, также Давидѣ, но только не князѣ (*Wolff*, 31).

³⁾ *Buliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 652. Сохранилось мѣстное преданіе о томъ, что Давидовъ Городекъ, еще въ древнія времена, въ кіевскую эпоху, основанъ однимъ изъ союзниковъ туронскаго князя Тура—ятвяжскимъ княземъ, принявшимъ въ крещеніи имя Давида (*Петровъ*, Вѣлоруссія, 18). Въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ въ 1005 г. къ составу Туровской епархіи, упоминается Городекъ (*ibid.*, 17); быть можетъ, это позднѣйшій Давидгородекъ. Къ числу тѣхъ же городовъ принадлежалъ и *Городемъ* (ниже Пинска), выдѣлившійся съ своею волостью въ XII столѣтіи, послѣ Мономаха, въ особый удѣлъ (Городенскій), стоявшій въ связи съ удѣлами Туровскимъ и Пинскимъ (*Петровъ*, Вѣлоруссія, 30, 37, 39). Въ литовскую эпоху Городень входила, кажется, въ составъ Пинскаго княжества (Ревизія пущъ, 171 и слѣд.). Въ первой половинѣ XVI столѣтія Городень вмѣстѣ съ Пинскомъ принадлежалъ къ владѣніямъ королены Юрия (Ревизія пущъ, стр. 174, 179).

⁴⁾ А. Ю.-З. Р., I, № 2.

князей. Ни откуда не видно, чтобы „господаря“ Городка временъ Ягеллы, Скиргайла и Витовта приобрѣли Городецкую волость въ видѣ новаго пожалованія отъ кого либо изъ Гедиминовичей. Дочь Ольгерда имѣла мужемъ князя Давида, несомнѣнно, бывшаго городецкихъ владѣтелемъ раньше брака съ нею. Разъ предположимъ, что князь Давидъ сталъ владѣть Городкомъ лишь послѣ брака съ княгиней Ольгердовной, въ качествѣ вѣна послѣдней, станетъ мало понятнымъ, почему другіе князья Иванъ и Юрій тоже считались князьями Городецкими ¹⁾. Остается предположить, что Городецкая волость была изстариною „вотчиною“ Давида Дмитріевича, какъ и князей Ивана и Юрія. Намъ представляется настоящій вопросъ въ такомъ видѣ: русскіе князья турово-пинскіе, въ пору окончательнаго присоединенія Полѣсья къ Литвѣ, не повсе были вытѣснены изъ своихъ удѣловъ Гедиминомъ и послѣдующими литовскими владѣтелями полѣскихъ областей. Уступивъ главные части удѣла (Пинскъ, Туровъ и пр.) Наримонту Гедиминовичу и его потомству, старые русскіе князья могли, однако, удержаться въ Полѣсьи (какъ это было и въ другихъ областяхъ Литовской Руси), именно въ южныхъ волостяхъ бывшаго Туровскаго княжества, и основать здѣсь, если не при Наримонтѣ, то при его преемникахъ, Городокъ—новый центръ своей волости. Въ первой половинѣ XV столѣтія (до 1440 г.) Городецкимъ княжествомъ владѣлъ сынъ Давида Дмитріевича, князь Митко Давидовичъ, называющійся въ современныхъ актахъ „сестренцемъ“ великаго князя Свидригайла Ольгердовича, „господаремъ“ Городецкой волости ²⁾. Послѣдующая владѣтельница Городка, великая княгиня Свидригайлونا, говоритъ въ одной изъ своихъ записей (1492 г.), что король Казиміръ пожаловалъ ей Городецкое княжество на такомъ же положеніи, на какомъ его „держалъ“ князь Митко: подобно всѣмъ „господарямъ“ литовскимъ, великимъ и удѣльнымъ, онъ „былъ воленъ, кого хотѣлъ, пожаловати (земскимъ имѣніемъ подлѣ условіемъ службы) своихъ слугъ, того жаловалъ“ ³⁾. Кромѣ своего княжества, князь Митко могъ оказывать извѣстное вліяніе и на общія дѣла государства: вмѣстѣ съ другими князьями онъ принималъ участіе (въ теченіе 1412—1416 гг.) въ днор-

¹⁾ Оба князя около 1390 г. участвовали въ порукѣ за Гридка Константиновича; они принадлежали, слѣдовательно, къ одному поколѣнію съ Давидомъ; второе поколѣніе (князь Митко, сынъ Давида) дѣйствуетъ позже, въ 10—30-хъ годахъ слѣдующаго столѣтія.

²⁾ Ревизія пущъ, стр. 327.

³⁾ Ibid., стр. 330.

цовой жизни короля Игеллы, получалъ отъ него земельныя владѣнія въ Полѣсьи и въ другихъ мѣстахъ и пр. ¹⁾). Князь Митко Давидовичъ оставался „господаремъ“ своей волости до смерти (1440) ²⁾). Съ нимъ прекратился, какъ мы полагаемъ, одинъ изъ старыхъ родовъ русскихъ князей, владѣвшихъ когда-то веѣмъ Полѣсьемъ. Ихъ волость перешла было послѣ князя Митка въ родъ Ольгерда, именно къ его сыну Свидригайлу-Болеславу ³⁾, но затѣмъ опять получила владѣтелей чисто русскаго происхожденія. Преемницей Свидригайла, послѣ его смерти въ 1451 г., была русская княжна Анна Ивановна Тверская (двоюродная сестра Бориса Александровича, князя тверскаго), бывшая съ 1431 г. замужемъ за Свидригайломъ ⁴⁾). Кроме Городка, княгиня Свидригайлова получила отъ короля Казимира также волости въ повѣтахъ Слонимскомъ (Здитовъ) ⁵⁾ и Пинскомъ (Дворцы) ⁶⁾). Княгинѣ Аннѣ Свидригайловой принадлежить нѣсколько привилеевъ и записей, данныхъ ею мѣстной церкви и служилымъ людямъ на имѣнія, также на освобожденіе мѣстныхъ жителей отъ повинностей ⁷⁾). Изъ этихъ записей двѣ обозначены подъ 1492 г. ⁸⁾). Можно думать, что Городокъ, еще при жизни княгини Анны, отошелъ въ распоряженіе короля; за ней остались только нѣкоторыя волости, въ зна-

¹⁾ *Wolff*, 31.

²⁾ Обстоятельства его смерти записаны въ грамотѣ (1451 г.) Свидригайла. Князь Городецкій, вслѣдствіе навіѣта одного изъ своихъ служилыхъ людей, Радивила, по приказу Сигизмунда, былъ лишенъ свободы, а затѣмъ и жизни. П извѣстнѣе, очевидно, вскорѣ послѣ того уличенный въ клеветѣ, долженъ былъ бѣжать въ Подолію, гдѣ и умеръ; его имѣніе было конфисковано княземъ (Ревизія пущь, 327).

³⁾ Ревизія пущь, стр. 327, привилей Свидригайла, изданный имъ въ качествѣ городецкаго князя въ годъ его смерти (1451).

⁴⁾ *Wolff*, 165.

⁵⁾ *Baliński*, *Staroż. Polsku*, 2-е изд., IV, 562.

⁶⁾ Ревизія пущь, стр. 334. Привилей короля Казимира находится въ Литовской Метрицѣ (см. *Wolff*, 166).

⁷⁾ Ревизія пущь, стр. 330, 334, 340, 342, 358. *Круповичъ*, Собраніе грамотъ и пр., стр. 20. Упомянутыя и др. записи, данныя княгиней Свидригайловой (см., напримѣръ, Ревизія пущь, 329).

⁸⁾ Ревизія пущь, стр. 330 и 358. Вольфъ полагаетъ, что княгиня Анна уже не жила въ 1486 г., когда король Казимиръ далъ Федковичу, ключнику луцкому, с. Привередовъ, выслуженный имъ у „небожницы“ княгини Свидригайловой. Привилей короля по этому вопросу найденъ Вольфомъ въ Литовской Метрицѣ безъ точнаго обозначенія даты, указавъ только „индиктъ 4“ (*Wolff*, 167). Тотъ же привилей упоминается въ сборникѣ *Даниловича* подъ 1393 г. (*Skarbice*, № 644) и въ Акт. Зап. Россіи подъ 1456—1471 гг. (I, № 59).

ченіи „хлѣбокормленія до живота“ ¹⁾). При жизни же княгини Анны (около 1492 г.) ²⁾ Городецкое княженіе было пожаловано королемъ Казиміромъ выходцу изъ Москвы—князю Ивану Васильевичу Ярославичу (сыну удѣльнаго князя Боровскаго, Василя Ярославича ³⁾), получившему во владѣніе, кромѣ Городка Давидова, также Клецкъ и Рогачовъ ⁴⁾. Пожалованіе это было, затѣмъ, подтверждено въ 1499 г. королемъ Александромъ ⁵⁾. Въ управленіи Городецкою волостью участвовала вся семья князя Ивана Ярославича ⁶⁾. Грамоты выдаются городецкимъ княземъ при „боярахъ нашихъ“ ⁷⁾. Въ качествѣ удѣльнаго владѣтеля, князь Иванъ Васильевичъ выдаетъ выроки по спорамъ между мѣстными жителями ⁸⁾, даетъ церквамъ земли и часть своихъ сборовъ (татарщины и пр.) на содержаніе причта ⁹⁾, жалуетъ нѣкіихъ спомѣ служилымъ людямъ ¹⁰⁾ и освобождаетъ жителей отъ повинностей ¹¹⁾. Последняя записъ, данная княземъ Иваномъ Васильевичемъ Ярославичемъ, принадлежитъ 1507 г. ¹²⁾. По смерти князя Ивана Васильевича Ярославича (1508 г.), его владѣнія, вмѣстѣ съ Городецкою волостью, перешли къ сыну его Оедору, владѣвшему въ то время Пинскимъ княжествомъ по браку съ наследницею послѣдняго пинскаго князя ¹³⁾. Оедоръ Ярославичъ, впрочемъ, недолго владѣлъ Городецкою волостью на полныхъ удѣльныхъ правахъ. Черезъ

¹⁾ На это указываетъ грамота короля Казиміра отъ 1490 г. (индикта 8) ил-мѣстнику городецкому пану Судивоевичу объ отводѣ земли ключнику городецкому Васку Александровичу (Ревизія пущъ, стр. 172).

²⁾ Князю Ивану Вас. Ярославичу принадлежать двѣ грамоты 1492 г. (Ревизія, 329 и 358).

³⁾ Князь Василій Ярославичъ еще раньше сына (въ 1446 г.) ушелъ изъ Москвы въ Литву и получалъ здѣсь въ удѣлъ Мстиславъ, также сѣверные города — Бринскъ, Гомель и Стародубъ (*Wolff*, 29; см. выше о Мстиславскихъ князьяхъ).

⁴⁾ *Wolff*, 29. См. выше о Клецкѣ и Рогачовѣ.

⁵⁾ Привилей 1499 г. открытъ Вольфомъ въ Метрикѣ Литовской (*Wolff*, 29).

⁶⁾ Грамоты даются княземъ Иваномъ Васильевичемъ, „помысливши“ съ княгиней (его женой) Ендокіей, сыномъ Оедоромъ „и со князянами нашими“ (Ревизія, 358), или съ однимъ сыномъ Оедоромъ (*ibid.*, 388).

⁷⁾ Въ одной грамотѣ указано 5 бояръ, очевидно, составлявшихъ „раду“ князя (Ревизія, 348).

⁸⁾ Ревизія, стр. 342.

⁹⁾ *Ibid.*, 348, 358.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 329, 342; см. также А. Н. Р., I, № 214.

¹¹⁾ *Ibid.*, 334.

¹²⁾ *Ibid.*, 348.

¹³⁾ *Wolff*, 30, 110. См. выше.

годъ послѣ вступленія его во владѣніе Городецкимъ удѣломъ (1509 г.) онъ записалъ, на случай своей смерти, всѣ свои владѣнія королю Сигизмунду. На основаніи тогда же издавнаго королевскаго привилея, князь Ярославичъ владѣлъ съ тѣхъ поръ Городкомъ, какъ и остальными волостями, лишь въ качествѣ „доживотья“, безъ права самостоятельнаго отчужденія волостей въ постороннее владѣніе ¹⁾). Какъ видно изъ современныхъ актовъ, князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ еще при жизни былъ устраненъ отъ управления Городецкой волостью: во второй половинѣ 1520 г. Городекъ Давидовъ находится уже въ непосредственномъ владѣніи короля Сигизмунда I ²⁾), распоряжавшагося Городецкой волостью чрезъ назначенныхъ имъ старостъ-наѣстныхниковъ ³⁾). Грамоты Сигизмунда I по управленію всей Городецкой волостью доходятъ до 1523 г. Въ слѣдующемъ году „господариней“ Городка съ тянувшими къ нему волостями становится королева Бона, послѣдняя городецкая княгиня. Съ ея выздомъ изъ Литвы (въ 1556 г.) княжество Городецкое, вмѣстѣ съ Пинскими и другими ея владѣніями, окончательно утрачиваетъ свой удѣльный характеръ, навсегда отходя въ составъ коронныхъ волостей ⁴⁾).

¹⁾ На этомъ основаніи всѣ привилеи и записи князя Федора Ивановича Ярославича, выданные имъ послѣ 1509 г. (Ревизія пущъ, стр. 320, 330, 332, 385, 336, 341, 342, 349, 356), признавались недействительными послѣдующими владѣтелями Городка—королемъ Сигизмундомъ I и королевой Боной. Въ ихъ подтвердительныхъ привилеяхъ на наданія Федора Ярославича постоянно встрѣчаемъ такую цитату: „ащъ князь Федоръ, колецнвшисъ намъ съ имѣньи своимъ, не мѣлъ мочи подданнымъ своимъ записывати и раздавати“ (Ревизія пущъ, стр. 333, 339, 345, 356).

²⁾ Послѣдняя запись, принадлежащая князю Ярославичу по управленію Городецкимъ княжествомъ, выдана имъ 24-го іюня 1520 г. (Ревизія пущъ, стр. 342). Презъ три съ половиной мѣсяца, съ 6-го октябри того же года, король Сигизмундъ уже непосредственно распорядился Городецкой волостью, дасть мѣстнымъ боярамъ привилеи на имѣнья и пр. (*ibid.*, 184; ср. стр. 178, 350, 185, 339, 344).

³⁾ Ревизія пущъ, стр. 178.

⁴⁾ Изъ сооставленія датъ послѣднихъ (по времени) грамотъ Сигизмунда I по управленію Городецкой волостью и первыхъ грамотъ королевы Боны выходитъ, что въ промежутокъ времени отъ 1524 до 1528 г. (исключительно) Городекъ съ волостями управлялся одновременно Сигизмундомъ I и королевой Боной. Первому принадлежать отъ этого времени датъ грамоты: 1525 и 1528 г. (Ревизія, 171 и 173; быть можетъ, сюда относится также грамота на стр. 350). Тому же времени принадлежитъ пять грамотъ королевы Боны (*ibid.*, 337, 339, 345, 356). (Обстоятельно это мы объясняемъ въ такомъ смыслѣ, что первоначально королева Бона получила въ управленіе Городецкое княжество въ неполномъ составѣ,—часть волостей оставалась въ непосредственномъ распорядкѣ Сигизмунда I. Съ 1529 г. Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ его составѣ.

Клеикъ (Клеческъ) на р. Верхней Лани принадлежитъ къ числу старыхъ западно-русскихъ городовъ; въ XI и XII столѣтіяхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ Дреговичской земли ¹⁾. Въ числѣ удѣльныхъ князей, сидѣвшихъ въ западно-русскихъ городахъ до присоединенія русскихъ земель къ Литвѣ, упоминаются, между прочимъ, князья клецкіе ²⁾. Ничего не извѣстно о судьбѣ этихъ князей и ихъ удѣла въ пору присоединенія Полѣся къ Литвѣ. Можно, однако, догадываться, что на первыхъ порахъ старые клецкіе князья продолжали сидѣть въ своемъ удѣлѣ подъ главенствомъ и въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ. Догадка эта имѣетъ нѣкоторое основаніе въ виду общей политики Гедимина и его преемниковъ, какой они держались въ дѣлѣ присоединенія къ Литвѣ русскихъ областей. Отдавая области, присоединившіяся къ Литовскому княжеству, въ цѣломъ ихъ составѣ въ управленіе литовскихъ князей, великіе князья литовскіе оставляли въ мелкихъ удѣлахъ старыхъ русскихъ князей, съ подчиненіемъ ихъ мѣстнымъ литовскимъ князьямъ, сидѣвшимъ въ центральныхъ городахъ присоединенныхъ къ Литвѣ областей. Русскіе князья, затѣмъ, замѣнялись князьями литовскими, при отказѣ ихъ въ „покорѣ“, или же удѣлы ихъ отходили въ распоряженіе великихъ князей литовскихъ по праву выморочности и пр. Первые свѣдѣнія о клецкихъ князьяхъ литовскаго происхожденія находимъ въ источникахъ второй половины XIV столѣтія. Литовскія и русскія лѣтописи сообщаютъ подъ 1396 г. извѣстіе о „князѣ Ямонтѣ“ (Имунтѣ), которому Витовтъ предоставилъ Смоленскую землю въ качествѣ наместничества ³⁾. Черезъ два года тотъ же самый князь подписался на трактатъ съ Орденомъ, какъ князь клецкій—„Jatunius de Kleczko“ ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году въ битвѣ съ татарами на р. Ворсклѣ налѣ, въ числѣ другихъ литовскихъ князей, и „князь Имунтъ Тулутовичъ“. бывший смоленскій наместникъ ⁵⁾. Этого-то

¹⁾ *Baliński*, IV, 528.

²⁾ *В. Антоновичъ*. Мопогр., I, 20. *Петровъ*, Бѣлоруссія, 30. *Полюдинъ*, Изслѣдованія и лекціи, т. VI, стр. 41—42.

³⁾ *Латор. Даниловича*, 48, 213. *Быховецъ*, 35. П. С. Р. Л., IV, 101, 142.

⁴⁾ *Raczyński*, Cod. dipl. Lith., 253. *Skarbiec*, 695. Ср. *Wolff*, 34, 36.

⁵⁾ Въ лѣтописныхъ спискахъ литовскихъ князей, павшихъ въ битвѣ 1399 г., князь клецкій упоминается подъ разными названіями: „князь Ямонтъ Тулутовичъ“, „князь Ямонтъ Тулутовичъ“, „князь Ямонтъ, нже въ Смоленску бѣ“, „князь Ямонтоничъ“, „князи Ямонгъ, наместникъ смоленскій“ (П. С. Р. Л., II, 852; III, 104; IV, 104, 142; V, 251; VIII, 73; XV, 458. *Латор. Даниловича*, 218. *Быховецъ*, 36. Ср. *Wolff*, 36).

князь Ямуитъ Тулутовичъ и считается родоначальникомъ литовскихъ князей, известныхъ позже подъ именемъ Ямунтовичей, князей клецкихъ и подберезжскихъ, но принадлежавшихъ къ потомкамъ Гедиминовичей, но представлявшихъ собой отрасль особаго рода литовскихъ князей, какихъ было не мало въ Литвѣ въ эпоху образованія Литовско-Русскаго государства ¹⁾. Сыновья князя Ямуита—Семень и Михаилъ Ямунтовичи, какъ видно изъ документальныхъ источниковъ, продолжали считаться князьими клецкими. Семень (Сенько) Ямунтовичъ подписался на актѣ унии Литвы съ Польшею 1401 г. и на Торунскомъ трактатѣ съ Орденомъ 1411 г., подъ именемъ „Syenco filius Jamunth, Litwaniæ dux“ ²⁾. Другой сынъ Ямуита, князь Михаилъ Ямунтовичъ, владѣлъ отцовскимъ удѣломъ, повидимому, до начала 40-хъ годовъ XV столѣтія, когда Клецкъ поступилъ въ распоряженіе великаго князя литовскаго ³⁾. Потомки того же князя Ямуита Тулутовича образовали другую линію Ямунтовичей, известныхъ подъ именемъ князей Подберезжскихъ. Какъ замѣчено раньше, родовой отчиной ихъ было Подберезье въ Оршанскомъ повѣтѣ Витебской земли. Было ли Клецкое княжество общей отчиною обѣихъ линій князей Ямунтовичей, или же князья Подберезжскіе владѣли только Витебскимъ удѣломъ,—вопросъ этотъ остается совершенно невыясненнымъ.

¹⁾ Прежнимъ польскимъ геральдикомъ и историкомъ изъ князей рода Ямунтовичей былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, сынъ Ямуита Тулутовича—князь Семень Ямунтовичъ, подписавшій въ 1411 г. трактатъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ подъ именемъ: „Syenco filius Jamunth, Lithuaniae dux“ (*Raczynski*, Cod. dipl. Lith., стр. 129—138). Старые геральдики (Кояловичъ) полагали, что Семень Ямунтовичъ, какъ и другіе Ямунтовичи, жившіе въ старой Литвѣ, принадлежали къ особому роду литовскихъ князей, но происхожденію своему не принадлежавшихъ къ потомкамъ Гедиминовичей. К. Стадницкій не соглашается съ этою догадкой; онъ отождествляетъ Семена Ямуита, подписавшаго трактатъ 1411 г., съ Семеномъ, сыномъ Евуита Гедиминовича; другимъ же Ямунтовичамъ отказываетъ вообще въ княжескомъ происхожденіи и считаетъ ихъ простыми шляхетскимъ родомъ (*K. Stadnicki*, Syn. Ged., 2-е изд., 81). Въ новѣйшее время вопросъ о князьяхъ Ямунтовичахъ былъ подвергнутъ новому пересмотру польскимъ историкомъ І. Вольфомъ. На основаніи документальныхъ источниковъ, неизвѣстныхъ Стадницкому, Вольфъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, совершенно неопровержимо основательность догадки старыхъ польскихъ геральдиковъ о томъ, что князья Ямунтовичи не принадлежали къ Гедиминовичамъ, а представляли потомковъ самостоятельнаго рода литовскихъ князей (*I. Wolff*, 84—85, 37, 41).

²⁾ *Raczynski*, Cod. dipl. Lith., стр. 132. *Prochaska*, Cod. epist. Vit., стр. 73. Ср. *Wolff*, 34.

³⁾ *Wolff*, 85.

Съ прекращеніемъ рода князей Имунтовичей Клецкій удѣлъ не скоро, однако, утратилъ свою самостоятельность. Есть извѣстіе о томъ, что въ 1442 г. Клецкое княжество, вмѣстѣ съ сѣверскими городами, поступило (по пожалованію) во владѣніе одного изъ Гедиминовичей — князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстutowича ¹⁾, а въ слѣдующемъ году было пожаловано Бабичову, одному изъ сыновей Ивана Семеновича, удѣльнаго князя Друцкаго-Бабы ²⁾. Около 1492 г. Клецкъ съ городомъ Рогачевомъ (въ Минской землѣ) становится, по пожалованію Казимира, удѣломъ московскаго выходца — Ивана Васильевича Ярославича (сына бывшаго боровскаго князя Василя Ярославича, потомка Дмитрія Донскаго). Великій князь Александръ позже подтвердилъ Клецкій удѣлъ за Ярославичемъ. По его смерти (въ 1508 г.) Клецкъ съ другими владѣніями перешелъ къ его сыну Федору Ивановичу Ярославичу съ женой, составившимъ тогда же запись о переходѣ ихъ удѣла въ распоряженіе короля послѣ ихъ смерти ³⁾. Въ силу этой-то записи Клецкій удѣлъ въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія отошелъ къ господарскимъ владѣніямъ ⁴⁾. При Сигизмундѣ I еще разъ возобновляется Клецкій удѣлъ путемъ пожалованія его королевѣ Бонѣ ⁵⁾. Лишь въ началѣ второй половины XVI столѣтія, съ отъѣздомъ Боны изъ Литвы, Клецкъ окончательно утрачиваетъ удѣльную самостоятельность ⁶⁾.

Случкъ, главный городъ Случкаго княжества, располагавшагося на Случи и Оресѣ, притокахъ Припяти, выделялся въ значеніи

¹⁾ Хрон. *Бытоуца*, 55. *Wolff*, 65. *Baliński*, *Staroż. Polska*, 2-е изд., IV, 528.

²⁾ *Wolff*, 35. О князьяхъ Друцкихъ, владѣвшихъ однимъ изъ бѣлорусскихъ удѣловъ, — см. выше.

³⁾ *Skarbiec*, № 2197. *Wolff*, *Röd*, 29, 30, 100. Ревизія пущъ, стр. 360.

⁴⁾ О князьяхъ клецкихъ рода Ярославичей см. довольно подробныя свѣдѣнія въ соч. *Вольфа*: *Röd Ged.*, 29 — 30. Акты, касающіеся князей Ярославичей, помѣщ. въ А. З. Р., I, №№ 190, 191, 227; II, 101, 108; *Skarbiec*, № 2197. Приписки Пинскаго повѣта въ прилож. къ „Ревизіи пущъ в. княж. Лит.“, I, № 328, 329, 334, 358 и ил. др.; *Arch. Sangusz.*, I, 194 и пр. Писл. князя Пинск. и Клецк. княж., 416, 419, 426 и пр.

⁵⁾ Отъ этой послѣдней удѣльной владѣтельницы Клецкаго княжества дошла жалованная подтверждающая грамота 1524 г. боярину клецкому Горюну на пѣніе, пожалованное ему прежними клецкими князьями (А. Ю.-З. Р., I, № 77). Въ грамотѣ находятъ несомнѣныя указанія на отношенія мѣстныхъ земле-владѣльцевъ къ своимъ удѣльнымъ князьямъ, на ихъ поземельныя права, повинности и пр. Ср. Ревизія пущъ, стр. 361—363, 346, 353.

⁶⁾ *Baliński*, *Staroż. Pol.*, 2-е изд., IV, 528. *Sulimierski*, *Stown. geogr.*, IV, 122.

особаго удѣла еще до присоединенія Полѣсьи къ Литвѣ ¹⁾. Первое упоминаніе въ литовскую эпоху о случкихъ князьяхъ находимъ въ одной изъ поручныхъ записей (1387 г.) Витовта и другихъ литовскихъ князей, въ томъ числѣ и князя Юрія Слуцкаго ²⁾, какъ полагають, принадлежавшаго къ роду Наримунта Гедиминовича ³⁾. Съ конца XIV столѣтія удѣлъ этотъ переходитъ къ Владимиру Ольгердовичу и затѣмъ держится въ потомствѣ до конца XVI столѣтія. Удаливши въ 1395 г. изъ Кіева Владимира Ольгердовича (см. выше), Витовтъ предоставилъ ему во владѣніе замокъ *Коньмъ*, съ значительной волостью, простиравшейся отъ истоковъ Нѣмана до впаденія р. Случи въ Днѣпръ; въ составъ этой волости входилъ Слуцкъ съ нѣсколькими пригородами: Романовомъ, Старобиномъ, Пясечкою, Любаней и пр. ⁴⁾. Слуцкъ становится стольнымъ городомъ княжества при сынѣ, Владимира — Александрѣ (Олелькѣ, откуда наименованіе всего его потомства Олельковичами) ⁵⁾. Князья Слуцкіе-Олельковичи весьма долго, не только въ XV, но и въ XVI столѣтіи, удерживали за собой значеніе удѣльныхъ владѣтелей. Родъ Олельковичей-Слуцкихъ прекратился въ концѣ XVI вѣка ⁶⁾.

¹⁾ В. Антоновичъ, *Монogr.*, I, 20.

²⁾ „Dux Georgius Slucensis“ (*Prochaska*, Cod. epist. Vit., 13).

³⁾ Такого мнѣнія держится *Вольфъ* (*Röd.*, 20). Онъ полагаетъ, что Юрій Слуцкій могъ быть братомъ князя нинскаго—Василія Мих. (сына Нарим. Гедим.), именно въ виду близкаго соудѣства Слуцка съ Нинскомъ. Стадницкій полагаетъ, что Юрій Слуцкій—братъ Игеллы и Витовта, не подтверждая, однако, своего мнѣнія никакимъ документальнымъ доказательствомъ (*Syn. Ged.*, 21, 127; *Gracia*, 83).

⁴⁾ По *Стрыйковскому* (стр. 133), Коньмальскій удѣлъ обнималъ значительное пространство: „отъ того мѣста, гдѣ начинается Нѣманъ, до мѣстечка Пшотрковичъ, гдѣ Случь въ Припѣть, а Припѣть въ Днѣпръ впадаетъ, въ сопокуности въ длину и ширину болѣе 300 миль“. Изъ одного акта 1499 г. видно, что въ это время княжество раздѣлилось на два новѣта: *Слуцкій*, съ гор. Случескомъ и танувшими къ нему „дворами“ (Ншань, Ногостъ и Ольговичи), и новѣтъ Коньмальскій (А. З. Р., I, № 163).

⁵⁾ См. „Потоки вел. князя Ольгерда—Олельковичи“ (*Вѣстн. Юго-Зап. Росс.*, 1868, кн. 6). Въ XV вѣкѣ Олельковичи играли въ Литовскомъ государствѣ важную роль представителей русской народности (В. Антоновичъ, *Монogr.*, I, 232, 237—241). Известно, что при Казимирѣ существовалъ проектъ избранія одного изъ Олельковичей въ великіе князья литовскіе (Памятн. русск. старинн, вѣн. VIII, 125).

⁶⁾ По смерти послѣдняго случкаго князя—Михаила Юрьевича, его владѣніи перешли къ одному изъ князей Радзивилловъ, въ качествѣ вѣна его жены, дочери случкаго князя. По опредѣленіи *Вольфа* (*Röd. Gel.*, 111 — 114), преемственность князей случкихъ шла въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Владимиръ Ольгер-

Несвижъ съ его волостями, располагавшіеся у истоковъ Нѣмана, къ юго-востоку отъ Новгорода Литовскаго, еще до присоединенія къ Литвѣ принадлежалъ къ числу мелкихъ удѣльныхъ владѣній мѣстныхъ русскихъ князей. Къ такимъ князьямъ относится Юрій Несвижскій, навиній съ другими русскими князьями въ битвѣ съ татарами на р. Калкѣ въ 1223 г. ¹⁾ Потомки этихъ-то русскихъ князей, какъ полагаютъ, продолжали держаться въ Несвижскомъ удѣлѣ и послѣ присоединенія Западной Руси къ Литвѣ ²⁾. Въ актахъ конца XIV и начала XV столѣтія упоминается князь Иванъ Несвижскій въ значеніи удѣльнаго владѣтеля Несвижа въ сѣверномъ Полѣсьи ³⁾. Кроме Полѣскаго удѣла, князья Несвижскіе въ концѣ XIV столѣтія имѣли владѣнія также въ Сѣверщинѣ. Изъ современныхъ актовъ видно, что въ составѣ рады новгородъ-сѣверскаго князя Дмитрія-Корыбута числились князья Григорій и Иванъ Несвижскіе, владѣвшіе въ Сѣверщинѣ „людьми, землями и городами“ ⁴⁾. Сохранилось затѣмъ извѣстіе о томъ, что „князь Ѳедко“, по всей вѣроятности, сынъ упомянутаго выше князя Ивана Несвижскаго, еще въ 1430 г. владѣлъ Несвижемъ въ сѣверномъ Полѣсьи ⁵⁾. Съ этого же года князь Ѳедко Несвижскій является сподвижникомъ Свидригайла; вмѣстѣ съ нимъ князь Ѳедко вскорѣ перешелъ на Волины, гдѣ и сдѣлался родоначальникомъ волинскихъ князей Несвижскихъ, ставшихъ позже называться князьями Жбаражскими, Вишневецкими и пр. ⁶⁾. Нѣтъ точ-

доничъ (съ 1395—1398); 2) Озелько Влад. (ум. 1454); 3) Михайлъ Озелькоичъ (ум. 1481); 4) Семень I Млх. (ум. 1503); 5) Юрій I Семен. (ум. 1542); 6) Юрій II Юрьев. (ум. 1579). Въ концѣ XVI столѣтія съ смертію сыновей Юрія II родъ Озелькоичей прекращается. О слѣдующихъ князьяхъ см.: *Колосовичъ, Чтенія*, 124 и др.; *Бестужевъ-Туминъ*, II, 36; *Нловайтскій*, Пет. Россія, II, 177 и слѣд.; *Петровъ*, Вѣлоруссія, 96; *K. Stadnicki*, Syn. Ged., II, 21, 127; *то же*, *Bracia łag.*, 33, 118, 123—124, 149, 154, 178; *Wolff*, Ród Ged., 16, 21, 101, 102, 109, 111—112, 114; *Baliński*, *Star. Pol.*, 2-е изд., IV, 537; *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, IV, 386, X, 837; *Niesiecki*, *Herb.*, изд. 1839, VII, 69. Ср. А. З. Р., I, №№ 28, 46, 56, 83, 94, 98, 99, 163, 165; II, 101, 190, 230. А. Ю.-З. Р., I, №№ 44, 49, 76, 232. А. II. I, 94. *Arch. Sangsz.*, I, 111; III, 49.

¹⁾ Н. С. Р. I, I, стр. 219.

²⁾ *Baliński*, IV, стр. 505.

³⁾ *Sokotowski-Szujski*, *Cod. epist. snec.* XV, 12, 23. *Rykaczewski*, *Inventar.*, 271. *Prochaska*, *Cod.*, 92. *Wolff*, 119. *Kulikowski*, *Kniaziowe*, 35.

⁴⁾ *Arch. Sangz.*, I, стр. 8—9. *Skarbiec*, № 555. *Rykaczewski*, 375. *Baliński*, IV, 504.

⁵⁾ *Baliński*, IV, 505. *Sulimierski*, *Słown. geogr.*, VII, 118.

⁶⁾ *Skarbiec*, №№ 1562, 1592, 1603. *Наніерскій*, Русско-лив. акты, № 1304. *Wolff*, 158. О князьяхъ Несвижскихъ на Волини см. ниже—о Волинской землѣ.

ныхъ свѣдѣній о томъ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ князья Несвижскіе утратили старую свою отчину въ сѣверномъ Полѣсьи. Извѣстно только, что въ XV столѣтіи (съ 40-хъ годовъ) Несвижъ находился въ частномъ владѣніи пановъ Кишковъ; позже Несвижъ перешелъ отъ нихъ по праву „близкости“ къ князьямъ Радзивилламъ ¹⁾. Есть, наконецъ, извѣстіе о томъ, что еще въ началѣ XVI столѣтія князья Несвижскіе имѣли владѣнія въ сосѣднемъ съ Несвижемъ Слонимскомъ повѣтѣ ²⁾. Понидимому, въ этихъ князьяхъ нужно видѣть особую отрасль старыхъ владѣтелей Полѣскаго Несвижа, какъ видно, еще въ первой половинѣ XV столѣтія (когда Несвижъ отошелъ въ частное владѣніе) перешедшихъ въ сосѣдній Слонимскій повѣтъ и основавшихъ здѣсь свою осѣдность.

Ф. Лесотвичъ.

¹⁾ Съ 1547 г. князья Радзивиллы, на основаніи особаго королевскаго привилея, стали титуловаться князьями Несвижскими. См. *Baliński*, IV, 505. *Sulimierski*, Słown., VII, 118. О родѣ князей Несвижскихъ см. *Wolff*, 119, 158. *Boniecki*, Poczet, 209.

²⁾ Въ источникахъ упоминается князь Борисъ Несвижскій, владѣвшій въ началѣ XVI столѣтія имѣніемъ въ Слонимскомъ повѣтѣ. Имѣніе это, какъ видно, послѣ бездѣтной смерти князя Несвижскаго, отошло къ господарскимъ волостямъ и въ 1530 г. было пожаловано королемъ Сигизмундомъ пану Бокіеву. См. *Boniecki*, Poczet rodów, p. 212.

ИСТОРИЯ СЪВЕРОВО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НОВѢЙШАЯ МАДЬЯРСКАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Въ послѣднее время мадьярская историческая литература обратила особое вниманіе на изученіе международных сношеній прежняго Седьмиградскаго княжества. Главная заслуга въ этомъ направленіи принадлежит почтенному Александру Силадьи (Szilágyi), товарищу председателя Мадьярскаго Историческаго Общества ¹⁾ и директору бібліотеки Будапештскаго университета, одному изъ лучшихъ мадьярскихъ историковъ, посвятившему всю свою научную дѣятельность именно Седьмиградіи. Такъ, имъ написаны біографіи Сигизмунда и Георгія II Ракоціевъ, напечатанныя Мадьярскимъ Историческимъ Обществомъ въ серіи издаваемыхъ Обществомъ популярно-научныхъ „Мадьярскихъ Историческихъ Біографій“ ²⁾. Біографія Сигизмунда Ракоціи имѣетъ мало общенсторическаго интереса и можетъ привлечь читателя лишь драматизмомъ судьбы этого преждевременно погибшаго князя. Для иностранца наиболее важны будутъ страницы, посвященныя изображенію дѣятельности Яна Амоса Коменскаго въ Угріи.

Жизнь Георгія II Ракоціи болѣе втянута была въ общеевропейскія отношенія, и поэтому и біографія его имѣетъ больше значенія. Монографіи Силадьи проникнуты чувствомъ теплой симпатіи къ его героямъ; Силадьи знакомитъ насъ съ ихъ характерами, съ ихъ семейными, частными отношеніями, съ ихъ домашней обстановкой. Онъ переноситъ самъ и переноситъ читателя вполне въ тогдашнюю эпоху и этимъ производитъ сильное и художественное впечатлѣніе.

¹⁾ Magyar történelmi Társulat, основано въ 1867, считаетъ теперь около 2.000 членовъ, издаетъ журналъ Századok (Вѣка) и Történelmi Tár (Историческій Архивъ).

²⁾ Magyar történelmi Életrajzok.

При всемъ своемъ популярномъ характерѣ монографіи Силады имѣютъ и серьезное научное значеніе, будучи основаны на обстоятельномъ изученіи архивнаго матеріала. Этотъ архивный матеріалъ собранъ и изданъ преимущественно тѣмъ же Силады при щедрой поддержкѣ Мадьярской Академіи Наукъ. Изъ такихъ изданій надобно отмѣтить: „Письма и документы по исторіи сношеній съ востокомъ Георгія I Ракоція, 1883 г.“¹⁾ — изъ Государственнаго Архива въ Будапештѣ.

Спустя пять лѣтъ нашлась въ архивѣ Карлсбургскаго капитула въ Седьмиградѣи другая часть документовъ, касающихся Георгія I Ракоція, и издана Мадьярской Академіей подъ названіемъ: „Георгій I Ракоцій и Порта“²⁾. Для времени Георгія II еще въ 1874 году изданъ „Сборникъ дипломатическихъ сношеній Георгія II Ракоція“³⁾. Въ 1875 г. издавъ сборникъ: „Семейная переписка Георгія II Ракоція“⁴⁾. Матеріалъ для этихъ изданій былъ доставленъ архивами Угрии, преимущественно государственнымъ въ Будапештѣ и семейнымъ архивомъ графовъ Эрдѣи въ Верешварѣ (Эйзенбургскій комитатъ). Къ фамиліи графовъ Эрдѣи, находившейся въ родствѣ съ домоу Ракоціевъ, перешла и часть архива послѣднихъ.

Съ теченіемъ времени Силады удалось пополнить матеріалы многочисленными документами изъ заграничныхъ архивовъ и библіотекъ: Института Оссолинскихъ во Львовѣ, государственныхъ архивовъ въ Вѣнѣ, Стокгольмѣ и Москвѣ.

Собранныя Силады документы изданы на счетъ Мадьярской Академіи въ 1890—1891 г. въ двухъ томахъ подъ названіемъ: „Седьмиградія и сѣверо-восточная война. Письма и акты“⁵⁾, содержащихъ многія важныя, доселѣ неизвѣстныя данныя для вѣдѣній исторіи сѣверо-востока Европы: Россіи, Польши, Швеціи и Угрии за періодъ 1648—1660 гг.

Какъ и всѣ изданія Силады, такъ и это послѣднее (наиболѣе важное) удовлетворить въполнѣ современнымъ требованіямъ исторіографіи. Документы изданы весьма тщательно, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, но съ соблюденіемъ внутренней группировки

¹⁾ Levelek I Rákóczi György keleti összeköttetéeseinek történetéhez, 1883.

²⁾ I Rákóczi György és a Porta, 1888.

³⁾ Okmánytár II Rákóczi György diplomáciai összeköttetéeseinek történetéhez 1874.

⁴⁾ II Rákóczi György fejedelem családi levelezése, 1875.

⁵⁾ Erdély és az északkeleti háború. Sevelek és okiratok. I—1890, II—1891 г.

но тѣмъ или другимъ политическимъ вопросамъ, и снабжены цѣнными комментаріями. Передъ каждымъ годомъ помѣщено введеніе, освѣщающее связь событій, дающее свѣдѣнія о предлагаемомъ матеріалѣ и о литературѣ предмета. Конечно, значеніе этихъ общихъ введеній возросло бы, еслибы Силадь могъ въ надлежащей полнотѣ воспользоваться относящимися сюда русскими и польскими сочиненіями. Но этого можно ожидать лишь отъ болѣе молодаго поколѣнія историковъ при условіи научнаго сближенія мадьярскихъ и русскихъ ученыхъ, сближенія, которое и крайне необходимо для тѣхъ и для другихъ, сознание чего все усиливается въ мадьярскомъ обществѣ.

Тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что и теперь выводы Силадь въ общемъ справедливы, и новые матеріалы и изслѣдованія могутъ ихъ пополнить, подтвердить или исправить лишь въ частностяхъ. Для иностранцевъ пользованіе изданіями и изслѣдованіями Силадь затрудняется, конечно, тѣмъ, что они написаны по-мадьярски. Также и документы, кромѣ латинскихъ, напечатаны также на мадьярскомъ языкѣ. Впрочемъ, для большинства документовъ мадьярскій языкъ—это языкъ оригиналовъ. Дипломатія Седьмиградія въ XVII в. была чисто мадьярская. Послы писали клязымъ по-мадьярски, и донесенія чужія были также нереподимы ими на мадьярскій языкъ. Сношенія съ Польшей велись на языкѣ латинскомъ¹⁾.

Подобно тому, какъ донесенія венеціанскихъ пословъ имѣютъ существенное значеніе для исторій средней и западной Европы, такъ донесенія седьмиградскихъ пословъ бросаютъ, такъ сказать, новый свѣтъ на исторію сѣверо-восточной. Седьмиградскіе дипломаты находились въ весьма выгодныхъ условіяхъ. Они знали и должны были хорошо знать и турецкій языкъ и турецкія дѣла, они изучали также языки румынскій, болгарскій, польскій, южно-русскій. Латинскимъ языкомъ владѣлъ, конечно, всякій, какъ роднымъ. Положеніе сравнительно слабой Седьмиградіи между опасными сосѣдями вырабатывало въ ея государственныхъ людяхъ дипломатическую ловкость и наблюдательность. Не только крупныя событія, но и мелкія подробности жизни сосѣднихъ народовъ и правительствъ должны были не ускользнуть и не ускользали отъ ихъ вниманія. Поэтому до-

¹⁾ Документы на шведскомъ языкѣ изданы Силадь въ мадьярскомъ переводѣ. Впрочемъ, они напечатаны и по-нѣмецки въ *Ungarische Revue*, 1890, X: *Berichte des schwedischen Geschäftsträger Benedikt Skytte aus Siebenbürgen*, 1651—1652.

несенія ихъ чрезвычайно подробны, мозаичны, переполнены фактами и свѣдѣніями и въ большинствѣ случаевъ достовѣрны и безпристрастны. Трудъ изученія мадьярскаго языка, несомнѣнно, окупится важностью различныхъ новыхъ данныхъ.

Въ виду значенія указанныхъ изданій .Силадьи и для русской исторической науки, мы предполагаемъ здѣсь представить краткій очеркъ ихъ содержанія, касаясь попутно и другихъ мадьярскихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ затрогиваемымъ нами вопросамъ. Знакома съ этими изданіями русскую публику, мы съ одной стороны желали бы привлечь на нихъ ея вниманіе и этимъ оказать какъ бы нравственную поддержку подобнаго рода работамъ, съ другой—содѣйствовать столь необходимому, какъ мы уже говорили, сближенію мадьярской и русской науки,—сближенію, которое несомнѣнно окажетъ громадные услуги въ изысканіи и уясненіи истины.

Угорское королевство по смерти Людовика II распалось окончательно въ 1541 г. на три части: западная часть подпала господству Габсбурговъ, южная съ престольнымъ городомъ Будой была присоединена непосредственно къ Турціи, а Седьмиградія, восточный бастионъ стараго Угорскаго королевства, перейдя подъ верховное владычество турецкаго султана, сохранила, однако, своихъ выборныхъ князей и внутреннюю автономію. Въ исторіи Угрии замѣчательно наглядно проявилась центростремительная сила географическаго единства и общности историческихъ традицій. Каждая часть Угрии жила съ 1541 года особою политическою жизнью; каждая имѣла свой центр тяготѣнія. Тѣмъ не менѣе, послѣ изгнанія турокъ первоначальное единство восстанавливается. Первенствующую роль въ турецкую эпоху играла Седьмиградія, въ которой непрерывно поддерживались и старыя политическія угорскія преданія, конституціонная свобода въ ея среднѣековомъ, конечно, смыслѣ.

Седьмиградія не была областью рабски послушной туркамъ и враждебною христіанской Европѣ. Она хранила тѣ политическія идеи, которымъ великіе седьмиградскіе дѣятели, прилагавшя къ политическимъ обстоятельствамъ, наконецъ, доставили побѣду.

Тройкая задача лежала на Седьмиградіи. По отношенію къ Западу она являлась защитницей протестантства, защитницей религіозной свободы, защитницей угорской конституціи. По отношенію къ Портѣ ей приходилось ловкими дипломатическими шагами обезпечивать свою независимость. На востокъ ее ожидала борьба съ силами, которыя не ограничивались одною обороною противъ турокъ, какъ нѣмцы, но

стремились къ наступленію. Такія силы представляли государства Русское и Польское, воеводства Молдавія и Валахія и казачество. Казачество, само по себѣ не имѣвшее необходимыхъ условий для образованія самостоятельнаго государства, тѣмъ не менѣе, представляло страшное оружіе противъ турокъ, хотя главнымъ образомъ и не непосредственно, а своею успѣшною борьбой съ татарами, обеспечивавшими Турцію съ сѣверо-востока.

Только то государство могло рассчитывать на окончательную побѣду, которому бы удалось связать съ собою этихъ отважныхъ воиновъ. Поэтому необходимо должна была возникнуть борьба соединенныхъ государствъ изъ-за обладанія Малороссіей, — борьба, въ которой дѣятельное участіе приняла и Седьмиградія.

Династія Габсбурговъ съ XVI по XVIII в. не могла утвердить своей власти въ восточныхъ частяхъ Угрии. Послѣ побѣды турокъ при Могачѣ (1526 г.) достигла здѣсь господства династія Запольевъ, находившаяся въ родствѣ съ польскимъ королевскимъ домомъ. Жена короля Яна (1526—1540), Изабелла, была сестрою короля Сигизмунда Августа II. Сынъ Яна и Изабеллы Янъ-Сигизмундъ (1540 — 1571) выступаетъ, какъ претендентъ на польскую корону. По прекращеніи династіи Запольевъ во главѣ восточной Угрии стали Баторіи, какъ выборы князья, между ними первымъ является Стефанъ Баторій¹⁾.

Стефанъ Баторій, сдѣлавшись королемъ польскимъ, возвысилъ значеніе Польши, о раздѣленіи которой, повидному, уже тогда помышлялъ царь Иванъ Грозный²⁾. Баторій организовалъ казаковъ, какъ передовой отрядъ Польскаго государства; галицкіе русскіе питали къ нему симпатіи³⁾, онъ первый возымѣлъ мысль воспользоваться малороссами противъ Москвы.

Со времени Баторія еще болѣе укрѣпляются старинныя связи Польши и Угрии. Общность многихъ интересовъ, сходство въ развитіи гражданскаго и государственнаго права, аристократическій характеръ

¹⁾ Магьярская исторіографія останавливалась также и на этой личности. Такъ, въ 1887 г. издано *Л. Садцкимъ* (теперь проф. въ Коложварѣ) сочиненіе: *Выборъ Стефана Баторія въ польскіе короли 1574—1576 (Báthory István lengyel királyulá választása 1574—1576)*, состоящее изъ 312 стр. текста и 142 стр. грамотъ. Оно заключаетъ въ себѣ много новыхъ архивныхъ матеріаловъ и приготовлено было къ печати г. Садецимъ сообща съ г. Полковскимъ, членомъ Краковской Академіи.

²⁾ *Садцкій*, стр. 293.

³⁾ *Ibid.*, 296.

того и другаго государства, наконецъ, торговыя сношенія—все это давно уже сближало Угрію съ Польшей. Тому же способствовали и случаи личной унии этихъ государствъ при Людовикѣ Анжуйскомъ, Владиславѣ I, а также господство въ Угріи угро-чешской линіи Мгеллоновъ. Блескъ польской короны Стефана Баторія привлекалъ и его преемниковъ, и они ставили обладаніе этою короной конечною цѣлью своей дѣятельности.

Впрочемъ, скоро по смерти Стефана Баторія Седьмиградія падаетъ. Сигизмундъ Баторій, человекъ хотя весьма даровитый, но не уравновѣшенный, близкій къ помѣшательству, носится въ 1591 г. съ широкими планами устройства общеевропейской лиги противъ турокъ, но терпитъ неудачу. Лишь при Гавріилѣ Ветленѣ Седьмиградія вновь поднимается.

Стефанъ Баторій вѣрно оцѣнилъ силы и значеніе казачества, какъ орудіе для вѣдшей борьбы. Но казачество представляло обоюдоострый мечъ, который могъ сдѣлаться опаснымъ и для Польши, притѣснявшей православную вѣру и этимъ возстановлявшей противъ себя казаковъ.

При императорскомъ дворѣ въ Прагѣ также хорошо понимаютъ значеніе казаковъ и уже въ 1595 г. возбуждаютъ ихъ съ одной стороны противъ турокъ, съ другой противъ Польши, желая этимъ сначала только погугать поляковъ. Видя, что могущественный императоръ посылаетъ имъ знамена и деньги и одобряетъ ихъ противъ поляковъ, ненавидящихъ ихъ вѣру, казаки охотно слушали его, можетъ быть, не подозрѣвая, что этотъ императоръ, ханжа Рудольфъ, былъ болѣе католикомъ, чѣмъ сами поляки.

Симпатія казаковъ къ императорскому дому растетъ особенно, когда въ 1617 г. польское угнетеніе дало себя сильнѣе чувствовать. Удалой характеръ казаковъ ищетъ войны; и, подобно швейцарцамъ въ среднихъ вѣкахъ или седьмиградскимъ секлерамъ, они не заботятся о международныхъ отношеніяхъ; они ищутъ въ войнѣ преимущественно добычи. Уже въ началѣ Тридцатилѣтней войны мы видимъ казаковъ въ императорскихъ войскахъ; въ 1620 г. они дѣлаютъ набѣгъ въ Моравію и распространяютъ тамъ страхъ и трепетъ ¹⁾.

Около 15.000 человекъ переходятъ границу, большею частью молодежь, съ замѣчательною хитростью обходя защищенные проходы,

¹⁾ *Gindely, Acta et documenta, historiam Gabrielis Bethlen, Transsylvaniae principis, illustrantia*, стр. 90, 92, 188, 149, 169, 222, 246.

ночью непроходимыми дорогами перебираются они через горы. Отдельные отряды бросаются на моравскую столицу и, хотя многие изъ нихъ погибають, все-таки около 1.000 человекъ проникаетъ къ императорскимъ войскамъ и сражается подъ начальствомъ маршала Дампера.

Гавриилъ Бетленъ, главный герой Тридцатилѣтней войны на востокѣ, понимать, подобно Стефану Баторію, силу казачества и желалъ ею воспользоваться. Въ то же время онъ цѣнилъ и значеніе Москвы и стремился къ союзу съ ней. Личность Гавриила Бетлена въ высшей степени интересна и доселѣ мало выяснена. Очеркъ его жизни, составленный Гинделя и напечатанный въ 1890 г. въ „Мадьярскихъ Историческихъ Біографіяхъ“, далеко не можетъ считаться исчерпывающимъ предметъ. Политическіе проекты Бетлена, правда, довольно запутанные, могутъ быть правильно поняты лишь при условіи ихъ опѣнки съ точки зрѣнія восточныхъ отношеній. Его протестантизмъ не тождествененъ съ западнымъ протестантизмомъ, съ этою реакціей римскому формальному католицизму, реакціей, часто не уступавшей по своей нетерпимости папизму. Протестантизмъ Бетлена носилъ особый характеръ, вытекающій изъ условій мадьярской жизни. Бетленъ въ интересахъ протестантизма беретъ за оружіе противъ императора и въ то же время даетъ деньги на переводъ въ первый разъ католической библіи на мадьярскій языкъ. Бетленъ намѣревался обратить православныхъ румынъ въ протестанство и ради этого 2-го марта 1629 г. обращается къ константинопольскому патріарху Кириллу.

Какъ мы уже сказали, Бетленъ искалъ союза съ русскимъ царемъ. Въ началѣ 1629 г. прибылъ къ двору Гавриила Бетлена въ Фогарашъ два французскихъ дипломата, Карлъ Талейранъ и Яковъ Руссель, и князь далъ имъ 1-го марта того же года полномочіе заключить отъ его имени союзъ съ царемъ Михаиломъ Оеодоровичемъ и привлечь его на сторону протестантскихъ державъ. Союзъ былъ направленъ, съ одной стороны, противъ Польши, съ другой—разумѣется, тайно—и противъ Турціи. Благословеніе этому союзу далъ константинопольскій патріархъ, пступившій въ сношенія съ московскимъ патріархомъ Филаретомъ. Англійскій король также поддерживалъ такой планъ. Подозрѣнія Порты удалось устранивъ увѣреніями, что этотъ союзъ будто направленъ только противъ Польши; и такимъ образомъ хотѣли достигнуть одобренія султаномъ сближенія Москвы съ казаками. Оба посла прибыли изъ Царьграда прямо въ Москву и

представились въ іюлѣ мѣсяцѣ 1630 г. царю. Но смерть Бетлена въ 1629 г. разстроила эти планы ¹⁾.

Послѣ смерти Гавріила Бетлена вступила на престолъ Седьмиградін династія Ракоціевъ, происходившая изъ средняго дворянства и достигшая власти, благодаря природнымъ дарованіямъ, энергій и вышнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Еще въ 1607 году Сигизмундъ Ракоцій овладѣлъ престоломъ, но скоро отказался, чувствуя тяжесть лежащихъ на немъ задачъ, и умеръ въ 1609 году.

По смерти Бетлена достигъ престола другой представитель фамиліи Ракоціевъ, Георгій I, человѣкъ не только талантливый, но и благоразумный, осмотрительный и въ то же время увѣренный и въ своихъ силахъ и въ своемъ счастьи.

Георгій I Ракоцій продолжалъ политику Бетлена, но только дѣйствовала медленнѣе и осторожнѣе, а потому и имѣлъ больше успѣха.

При вступленіи своемъ на престолъ Георгій I Ракоцій имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ Стефана Бетлена, и такъ какъ послѣдній привлекъ на свою сторону находившихся въ Угріи начальниковъ турецкихъ войскъ, Ракоцій очутился въ опасномъ положеніи. Поэтому послалъ онъ Стефана Сентпали къ казакамъ, чтобы тамъ набербовать нѣсколько тысячъ. Сентпали принятъ былъ казаками весьма дружественно, и гетманъ обѣщалъ—разумѣется, за приличную плату и съ дозволенія короля—прійти, какъ онъ выражался, „если будетъ нужно, хоть съ 500.000 человѣкъ, не для того, чтобы опустошать чужіе карманы, но чтобы познакомиться съ мадьярами“; пусть только князь, котораго онъ уважаетъ, заблаговременно извѣститъ его и пошлетъ денегъ на дорогу. Довѣщеніе Сентпали писано изъ Устья-Жаврона надъ Днѣстромъ 13-го августа 1636 года. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Ракоцій примирился съ своими про-

¹⁾ Документы о мадьярско-русскихъ сношеніяхъ хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. Командированные Мадьярской Академіей Паукъ въ началѣ 70-хъ годовъ Францъ Сушала и Коломанъ Герешъ списали ихъ, и часть была издана Герешъ въ 1879 году въ Századok: „Дипломатическія сношенія короля Матіаша Гуніада съ царемъ Иваномъ III“ (Hunyadi Mátyás király diplomatai összeköttetési III Iván Vasziljevics orosz szágtal). Документы о сношеніяхъ Бетлена съ Михаиломъ Феодоровичемъ изданы въ 1886 г. Силахъ въ сборникѣ: „Переписка князя Гавріила Бетлена“ (Bethlen Gábor fejedelem levelezése), стр. 411—436. Нѣкоторыя данныя о томъ же, а, кромѣ того, извѣстія, касающіяся внутреннихъ дѣлъ Малороссіи, могутъ быть найдены въ изданіи Овари: *Diplomatorium relationum Gabrielis Bethlen cum Venetorum republica*, 1886.

тивниками, но, благодаря этому посольству, завязались прямые сношенія Седьмиградія съ казаками ¹⁾).

По смерти польскаго короля Владислава IV Георгій I дѣлалъ попытки пропести свою кандидатуру на польскій тронъ. Онъ отира-
влялъ съ этою цѣлью посольство въ Польшу и къ казакамъ и при-
влекалъ на свою сторону Богдана Хмельницкаго. Гетманъ въ письмѣ
отъ 14-го ноября 1648 г. дѣлаетъ особенное удареніе на томъ, что
именно Стефанъ Баторій даровалъ казакамъ привилегіи и „принялъ
ихъ, какъ собственныхъ дѣтей, подъ свои милостивыя крылья“, и что
уже поэтому онъ желаетъ видѣть седьмиградскаго князя своимъ ко-
ролемъ и приглашаетъ его явиться съ войскомъ въ Польшу. Но еще
за мѣсяць до отправления этого письма Георгій I умеръ (17-го ок-
тябри), и послы казакіе съ письмомъ Хмельницкаго пришли лишь
къ гробу Георгія. А въ тотъ самый день, какъ Хмельницкій при-
гласилъ седьмиградскаго князя на престолъ, былъ выбранъ польскіимъ
королемъ Янъ-Казимиръ.

Избраніе Яна-Казимира не могло успокоить Малороссію. Право-
славный элементъ не желалъ уже примиренія съ утѣснительницею
православія—Польшей, хотя со стороны казацкой старшины и бы-
вали такія попытки. Только польскіе диссиденты да протестанты
Ракочи были естественными союзниками православныхъ. Отмѣтимъ
заставъ одинъ мало разработанный, но весьма интересный вопросъ—
именно о нѣкоторыхъ симпатіяхъ, которыя питали Ракочи къ пра-
вославію, и о той поддержкѣ, которую они ему оказывали. Надо бы
при разсѣдованіи этого подробнѣе остановиться на исторіи румын-
ской церкви и литературы въ Угріи, но это отвлекло бы насъ слиш-
комъ далеко. Во всякомъ случаѣ можно предполагать у Ракочіевъ
стремленіе соединить или хотя сблизить протестантское ученіе съ
православнымъ.

Понимая, что съ Польшей полное примиреніе невозможно, Хмель-
ницкій возмѣлъ мысль объ основаніи особаго казацкаго Малорус-
скаго королевства. Сначала его взоры остановились на Сигизмундѣ
Ракочи, младшемъ братѣ Георгія II, весьма образованномъ и сим-

¹⁾ Объ этомъ посольствѣ см. „Письма и грамоты“, стр. 300—314, и „Геор-
гій I Ракочи и Порта“, стр. 188—190. Вообще въ этихъ двухъ сборникахъ на-
ходятся весьма интересные матеріалы о русско-гурацкихъ отношеніяхъ 1631—
1648 годовъ: „Письма и грамоты“, стр. 99, 198, 246, 549, 688, 891—896, 202, 237,
249, 300; „Георгій I Ракочи и Порта“, стр. 27, 81, 354, 392, 412, 541, 791, 794,
810—811, 901

патичномъ молодомъ челоѣкѣ. Заведены были переговоры, и казакія посольства часто являлись въ Карлсбургъ, тогдашнюю столицу Сѣдмиградскаго княжества. Георгій II Ракоцій вполнѣ соглашался съ планомъ Хмельницкаго и задумывалъ устроить въ интересѣ этого плана бракъ своего брата съ Ириною, дочерью тогдашняго молдавскаго господара Лупула. Привлеченіе на свою сторону Молдавіи, раздѣлявшей Малороссію и Сѣдмиградію, было бы уже значительнымъ успѣхомъ. Также и для Лупула представлялъ этотъ бракъ большія выгоды, такъ какъ Лупулъ, находясь между Польшею, казаками, татарами, турками, только подобными связями могъ обезпечить свое положеніе. Предполагаемый бракъ, однако, разстроился. И Сигизмунду не понравилась подкрашенная невѣста, и ея похожіе на цыганокъ фрейлины; и Лупулъ сталъ дѣлать препятствія, указывая на неудобства того, что женихъ и невѣста разнаго вѣроисповѣданія. Наконецъ, переговоры были прерваны. Сигизмундъ пересталъ интересоваться казаками, а Лупулъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отдать свою дочь за Тимофея Хмельницкаго.

Между тѣмъ процессъ отдѣленія Малороссіи отъ Польши шель своимъ порядкомъ. Непрочность Зборовскаго трактата скоро обнаружилась. Предвидя грозящія опасности, Хмельницкій въ 1651 г. открыто и прямо предложилъ Георгію II корону надъ казаками. Надо замѣтить, однако, что то же самое онъ предлагалъ ранѣе Радивилу, зятю господара Лупула. Эти колебанія показываютъ намъ, что казаки не желали безусловно отдаваться кому либо, а предпочитали сохранить для себя наибольшую свободу дѣйствій.

По случаю такого предложенія Георгій Ракоцій писалъ своему брату слѣдующее: „Мы принимали посольство отъ казаковъ, которые хотятъ признать насъ своимъ королемъ и присягаютъ на вѣрность до смерти. По ихъ словамъ, они лучше готовы погибнуть, чѣмъ терпѣть своимъ королемъ Казимира“. И князю Георгію весьма понравился этотъ планъ. Сперва Георгій былъ остороженъ и откладывалъ отвѣтъ со дня на день; но хотя онъ видѣлъ множество предстоящихъ затрудненій, все-таки его мысль постоянно возвращалась къ этому плану. Но пока Георгій колебался, поляки побѣдили гетмана при Берестечкѣ, сожгли Кіевъ, и казаки должны были заключить 25 сентября того же года невыгодный для себя миръ при Вѣлой Церкви. Однако этотъ миръ не сломилъ ихъ. Хмельницкій, этотъ отъ природы дѣйствительно удивительный дипломатъ, ясно понималъ, что его споръ съ поляками можетъ кончиться только совершеннымъ уничто-

женіемъ той или другой стороны. Потому, съ одной стороны, онъ принуждалъ воеводу Лупула выдать дочь за Тимоою, а съ другой началъ вести переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, прося сначала только о его покровительствѣ. Вмѣнательство Московскаго государства въ польско-казацкій споръ составляетъ поворотный пунктъ въ развитіи вопроса. Каковы бы ни были соображенія и планы Хмельницкаго и другихъ казацкихъ предводителей, казачество само по себѣ не могло обезпечить себѣ самостоятельнаго существованія, особенно въ виду того, что Малороссія находилась какъ разъ между враждебными и имѣющими противоположные интересы, сильными государствами—Москвою и Польшей.

Шансы Ракоціи собственно были не велики. Масса населенія тянула къ единовѣрной Москвѣ. Ракоція въ этомъ отношеніи былъ чуждъ, да и вообще стоялъ довольно далеко отъ казаковъ. Правда, знали, что онъ не былъ другомъ польскихъ пановъ. Но легко можно было предвидѣть, что и къ казакамъ онъ не отнесется вполне безкорыстно, что казачество было бы для него только ступенью, вѣдущею къ польскому королевскому престолу. А польская корона со времени Баторія была любимой мечтой всѣхъ седьмиградскихъ князей, часто жертвовавшихъ для этой химерической мечты своими насущными интересами.

Въ 1653 году изъ-за молдавскихъ дѣлъ измѣнились отношенія Хмельницкаго къ Ракоціи. Лупулъ, не довольствуясь Молдавией, стремился завладѣть и Валахией и Седьмиградіей. Георгій Ракоція поспѣшилъ его предупредить, вторгся во владѣнія Лупула, разбилъ его войско, осадилъ Сочаву, объявилъ Лупула низверженнымъ съ престола. Господаремъ былъ провозглашенъ Стефанъ Гиргиче ¹⁾).

Лупулу далъ помощь зять его Тимоей съ отрядомъ казаковъ, къ Ракоціи пришли польскіе отряды. Во время осады Сочавы Тимооей былъ убитъ, послѣ чего Сочава сдалась. Лупулъ же былъ захваченъ татарскимъ ханомъ и отправленъ въ цѣняхъ къ Портѣ.

Смерть сына сильно поразила Хмельницкаго и вызвала охлажденіе къ Ракоціи. Неприятно было Хмельницкому также и то, что въ молдавскихъ дѣлахъ Ракоція дѣйствовалъ заодно съ поляками. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обстоятельства значительно повліяли на Хмельницкаго въ дѣлѣ принятія московскаго подданства.

¹⁾ См. объ этомъ періодѣ весьма интересныя записки Стефана Кемени, бывшаго впоследствии седьмиградскимъ княземъ. Написаны онѣ по-мадьярски.

Когда совершилось принятіе Малороссіи въ московское подданство, Ракоціи, раньше оказавшіи полякамъ нѣсколько услугъ, рѣшились сохранить пока свободныя руки, понимая, какъ теперь возвысилась цѣна того, кого и поляки и русскіе хотѣли привлечь каждый на свою сторону. Подать помощь Польшѣ, онъ явился бы ея спасителемъ. Соединившись съ казаками, онъ открывалъ себѣ дорогу къ польскому трону. Хмельницкій, смотрѣвшій на подданство Москвѣ, какъ на палативную мѣру, и желавшій сохранить за Малороссіей наибольшую самостоятельность, а также опасавшійся татаръ, отложилъ свое негодование на Ракоцію. Когда началась русско-польская война, Хмельницкій вступилъ съ Ракоціемъ въ частыя сношенія. Поляки, терпя неудачи, также домогались помощи отъ Ракоціи. Этотъ моментъ былъ самымъ благоприятнымъ для выступленія Ракоціи, и въ его власти было дать перевѣсъ той или другой сторонѣ. Но Ракоціи этотъ моментъ упустилъ и долго не могъ ни на что рѣшиться. Угрожаемый татарами, онъ, правда, обѣщалъ помочь Польшѣ, но въ то же время, не желая разрывать съ Хмельницкимъ, отправилъ къ нему посла, предлагая себя въ посредники для заключенія мира, но, конечно, безуспѣшно. Происшедшій въ Валахи бунтъ сейменовъ,—болгарско-сербской лейб-гвардіи господаря,—который былъ усмирень при помощи Ракоціи, далъ ему предлогъ оправдывать себя передъ поляками въ томъ, что не подаетъ обѣщанной помощи.

Чтобы заручиться нравственною поддержкою протестантскихъ государствъ и вообще развѣдать почву, Ракоція послалъ Константина Шаума ко дворамъ Даніи, Англіи, Голландіи и Швеціи. Въ это время уже готовилась Швеція къ войнѣ съ Польшей. Но посолъ Ракоціи этого не зналъ. Между тѣмъ война началась. 20-го августа 1655 г. Карлъ X занялъ уже Варшаву, его посолъ Готгардъ Веллингъ, котораго Карлъ X еще 8-го мая, до объявленія войны, отправилъ къ Ракоцію, 23-го августа представлялся князю въ Карлсбургѣ.

Ракоція ранѣе рассчитывалъ, что шведы ему помогутъ достигнуть польскаго престола. Поэтому онъ былъ непріятно пораженъ, когда узналъ отъ Веллинга, что Карлъ X предлагаетъ ему держаться дружественнаго нейтралитета и просить о разрѣшеніи вербовать войска въ его владѣніяхъ. Ссылаясь на опасность враждебныхъ дѣйствій со стороны валаховъ, Ракоція отказалъ въ этомъ шведамъ.

Находившіеся въ бѣдственномъ положеніи поляки также обратились къ Ракоцію. Король Зигъ-Казимиръ послалъ къ нему Яна Шамовскаго (Szamowski); кievскій палатникъ Станиславъ Потоцкій—Кос-

сакопскаго (23-го августа 1655 г.). Послу короля Ракоцій отвѣчалъ только фразами. По предложеніи кіевскаго палатина, общавшаго, что, если Ракоцій поможетъ полякамъ деньгами и войскомъ, то будетъ избранъ въ короли, были, конечно, весьма ему по душѣ. Между тѣмъ шведы захватываютъ почти всю Польшу, Хмельницкій доходить до Львова, Литва занята московскими войсками. Въ такомъ критическомъ положеніи магнаты Малой Польши съ палатиномъ Велепольскимъ во главѣ и съ своей стороны предлагаютъ Ракоцію корону. Тогда всѣ говорили въ Польшѣ: „Если уже долженъ быть чужеземецъ королемъ, то пусть это будетъ Ракоцій, его мы хорошо знаемъ“. Однако, если внимательно пересмотрѣть мадьярскія и польскія ссвременныя донесенія, мы убѣдимся, что такія заявленія не были выраженіемъ твердыхъ желаній, а были вызваны лишь временнымъ чувствомъ отчаянія. Между тѣмъ Ракоцій считалъ это настроеніе серьезнымъ и хотѣлъ имъ воспользоваться. Желая, однако, раньше выяснить, какъ отнесутся къ этому шведы, онъ послалъ къ Карлу X Шебеши и Якобфальви, чтобы они уговорили Карла помочь Ракоцію въ достиженіи польскаго престола. Ракоцій рассчитывалъ, что король-протестантъ отнесется къ нему, протестантскому князю, также сочувственно, и вообще возлагалъ на шведовъ большія надежды, чѣмъ слѣдовало. Хладнокровный, расчетливый политикъ Карлъ X, конечно, не могъ соблазниться идеей вытаскивать для Ракоція каштаны изъ огня. Выслушавъ пословъ, онъ не далъ никакихъ положительныхъ обѣщаній. Съ другой стороны, дипломаты Ракоціи въ Турціи должны были постоянно маскировать планы Ракоціи и успокаивать подозрительность Порты, уже знавшей о стремленіяхъ Ракоціи къ польскому престолу, говорить, что еслибы это и было правда, „то будетъ онъ и въ Польшѣ свѣточемъ великаго царя“, то-есть, султана. Но, не смотря на всѣ ихъ усилія, Порты все-таки продолжала съ недоувѣрчивостью слѣдить за дѣятельностью Ракоціи.

Когда Инъ-Казимиръ, принужденный раньше покинуть Польшу, вновь вступилъ въ нее и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, поляки уже стали не такъ уступчивы по отношенію къ Ракоцію. Требуя отъ него денегъ и войска, они манили его, какъ и другихъ, впрочемъ, государей, надеждой выбора на престолъ по смерти бездѣтнаго Яна-Казимира, но при этомъ ставили *conditio sine qua non*—переходъ въ католичество. Ракоцію это не понравилось. Когда Хмельницкій узналъ о переговорахъ поляковъ съ Ракоціемъ, онъ послалъ съ своей стороны Брюховецкаго въ Сѣмьиградію. Ракоцій, все еще ни на что не

рѣшаясь, продолжаетъ вести переговоры съ Хмельницкимъ. съ московскимъ царемъ и съ шведами. Въ юнѣ 1656 года посылаетъ къ гетману и къ царю Георгію Раца и Данила Тевини, прося у царя дружбы, а съ гетманомъ желая достигнуть болѣе положительнаго соглашенія. 4-го августа послы были милостиво приняты царемъ и отпущены съ увѣреніями дружбы. Между тѣмъ Карлъ X постепенно убѣдился, что только тогда можетъ имѣть успѣхъ, если будетъ дѣйствовать заодно съ Ракоціемъ и казаками.

8-го мая 1656 г. онъ послалъ къ Ракоцію Готгарда Веллингга и Целестина Штернбаха. Они предложили Ракоцію отъ имени своего государя, чтобы Ракоцій доставилъ войска, за что получить въ ленное владѣніе Спишскіе города и съ титуломъ галичскаго герцога восточную Галичину съ западною частью Подолія; вольности казаковъ должны быть обезначены. Долго Ракоцій раздумывалъ, но, наконецъ, рѣшилъ, что на предложенныхъ условіяхъ онъ не согласится вступить въ союзъ, хотя у него давно уже укоренилось мнѣніе, что онъ своей цѣли можетъ достигнуть лишь съ помощью шведовъ. Во время переговоровъ вернулся въ Сѣмьмиградію Шебеши съ послами Хмельницкаго.

Надо замѣтить, что польскіе планы Ракоція далеко не были популярны въ Сѣмьмиградіи. Собственная семья Ракоція была противъ этого. Дворянство также не сочувствовало его стремленіямъ, опасаясь турокъ. Послы сѣмьмиградскіе доносили Ракоцію, что Порта ему оковчательно перестала вѣрить. Но погоня за польскою короною сдѣлалась для Ракоція маніей.

Долговременная нерѣшительность и колебаніе привели его, наконецъ, къ такому психологическому моменту, когда человѣкъ готовъ во что бы ни стало начать дѣйствовать, хотя бы и при неблагоприятныхъ условіяхъ, но только чтобы выйти изъ мучительныхъ колебаній.

Шведскіе послы, имѣвшіе полномочіе короля, который, однако, сохранилъ за собою право ратификовать договоръ или нѣтъ, наконецъ, согласились, чтобы польскія области, при раздѣлѣ, достались Ракоцію съ королевскимъ достоинствомъ. Съ другой стороны, Ракоцій заключилъ и съ Хмельницкимъ союзъ, и гетманъ призналъ Ракоція польскимъ королемъ, разумѣется, при гарантіи казацкихъ вольностей; при посредствѣ Ракоція заключенъ также союзъ между шведами и казаками. По окончаніи этихъ переговоровъ согласились, наконецъ, послѣ большихъ настояній Ракоція, также и сѣмьмиградскія сословія

на войну, и 6-го января 1657 г. началъ Ракоцій свой походъ, чтобы получить на дѣлѣ то, что получилъ на бумагѣ.

Смѣлымъ движеніемъ перешелъ Ракоцій Карпаты и явился неожиданно въ Польшу. 2-го февраля былъ онъ уже въ Стрыѣ и 18-го февраля собралъ онъ все свое войско: 18.000 человекъ конницы, 5.000 человекъ мадырской, 6.000 человекъ валашской пѣхоты и 20.000 казаковъ; это было хорошо вооруженное и дисциплинированное войско. Много было обстоятельствъ, не благоприятствовавшихъ Ракоцію. Поляки встрѣтили его враждебно, какъ вторгнувшагося иностранца, и оказывали ему пассивное сопротивленіе; шведы не принесли никакой помощи, дороги были плохи, мѣстность не хорошо извѣстна. Затѣмъ, не было настоящаго, талантливаго полководца. Правда, одинъ изъ вождей. Инъ Кемени, былъ именно такимъ, но въ присутствіи самого князя не могъ дѣйствовать самостоятельно. Ракоцій писалъ своей матери: „Не непріятельское оружіе предило намъ, но Богъ; плохія дороги, которыхъ мы не знали, и къ тому еще казаки“. Дѣйствительно, казаки, незнакомые съ дисциплиной, не могли сойтись съ войскомъ Ракоція, не повиновались и пренятствовали его распоряженіямъ. Вскорѣ оставилъ его шведскій король, а затѣмъ и казаки. Покинула его и вѣра въ свое счастье. Семь мѣсяцевъ продолжалась война; и 22-го мая 1657 г. Ракоцій долженъ былъ заключить въ Черномъ Островѣ унизительный миръ съ поляками, которые два года тому назадъ смиренно просили у него помощи. 27-го іюля самъ онъ оставилъ войско, чтобы не попасться въ плѣнъ; четыре дня спустя, набросались татары на утомленные остатки войска, побѣдили ихъ послѣ храбраго сопротивленія и захватили уцѣлѣвшихъ въ плѣнъ.

Тогда поднялись всѣ противъ Ракоція: турки, вѣнецкій императоръ, поляки и казаки. Только русскій царь оказывалъ ему до смерти благоволеніе. 2-го октября 1656 г. посылаетъ ему царь черезъ своего посла Григорія Васильевича Волкова изъ Риги соболенъ мѣха и убѣждаетъ его не заключать дружбы съ шведами и его врагами. Ракоцій отрицалъ 17-го января 1657 г. всякій союзъ съ шведами. Послѣ, когда Ракоцій стоялъ на Литовской землѣ, послалъ царь пословъ къ нему (Ивана Лопаньскаго Желябужскаго, Алексѣя Титова и, какъ толмача, Дмитрія Остафьева) и совѣтовалъ ему расторгнуть шведскій союзъ. Но когда Желябужскій уже приближался къ Ракоцію, онъ услышалъ о печальномъ концѣ предпріятія. Хмельницкій, скончавшійся 27-го іюля того же года, также не пережилъ паденія своего союзника.

Польскіе сны Ракоція стояли ему престола; но, что было еще печальнѣе, и Трансильванія пала вмѣстѣ съ нимъ. Онъ жилъ еще три года послѣ своего несчастнаго польскаго похода и боролся мужественно. Его предпримчивый умъ, его способности и ловкость не оставляли его даже послѣ катастрофы; но ему уже не доставало довѣрія народа, и неудача предпріятія въ Польшѣ сильно тяготѣла надъ нимъ. Въ апрѣлѣ 1660 г. писалъ онъ русскому царю, что цѣль его жизни только въ борьбѣ съ врагами христіанства. Онъ порвалъ совершенно съ турками. 22-го мая того же года получилъ онъ въ битвѣ при Дялѣ смертельную рану и искупилъ свою смертью все то, въ чемъ онъ провинился противъ своего края и самого себя.

Оканчиваемъ этихъ нашъ очеркъ. Читатель можетъ уже изъ этихъ строкъ увидѣть, что эти сборники документовъ, содержаніе которыхъ мы могли только слегка очертить, имѣютъ не только мѣстный интересъ, но и очень важное значеніе для всеобщей исторіи; и эти сочиненія, на основаніи которыхъ мы старались охарактеризовать личность Георгія Ракоція II и его планы, заслуживаютъ того, чтобы они были отмѣчены въ исторической литературѣ. Мы желаемъ этого не только въ интересѣ предмета, но и потому, что русская литература въ состояніи дополнить этотъ матеріалъ съ ея точки зрѣнія и подвергнуть суду критики то, что авторъ вывелъ на основаніи мадьярскихъ и западныхъ источниковъ. можетъ быть, только односторонне.

Новѣйшія мадьярскія изданія представляютъ, впрочемъ, очень много интереснаго для европейской всеобщей исторіи. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть *Archivum Rakocianum*, большое и широко задуманное предпріятіе, которое освѣщаетъ исторію послѣдняго Ракоціи Франца II и содержитъ очень много интересныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Франца Ракоція къ Русскому государству и особенно къ царю Петру.

Л. Таллози.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

II. Милуковъ. Спорные вопросы финансовой истории Московскаго государства. (Рецензія на соч. А. С. Лаппо-Данилевскаго: Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ). С.-Пб. 1892.

Финансовой исторіи Московскаго государства особенно посчастливилось за послѣдніе три-четыре года. Ей посвящены двѣ наиболѣе крупныхъ историческихъ диссертациі: А. С. Лаппо-Данилевскаго— „Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“ и П. Н. Милукова— „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“. Хотя по заглавію послѣднее изслѣдованіе выходитъ за рамки московскаго періода, но по содержанію, по крайней мѣрѣ, добрая четверть этой обширной работы посвящена выясненію основныхъ чертъ московскаго государственнаго хозяйства въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе послѣдняго изъ названныхъ авторовъ подъ выписаннымъ въ заголовкѣ названіемъ является весьма важнымъ дополненіемъ какъ къ его собственному труду, такъ и къ диссертациі А. С. Лаппо-Данилевскаго. Въ качествѣ академической рецензіи „Спорные вопросы“ интересны не только какъ отзывъ спеціалиста о трудѣ ближайшаго своего предшественника по изученію одного и того же вопроса, но и какъ опытъ изученія цѣлаго ряда явленій, вовсе не затронутыхъ или недостаточно выясненныхъ въ предшествующей исторической литературѣ.

Выступая рецензентомъ сочиненія г. Лаппо-Данилевскаго, П. Н. Милуковъ занималъ очень выгодную позицію. Эта выгода заключалась не только въ томъ, что онъ могъ воспользоваться выводами своего предшественника при составленіи своей диссертациі и избѣжать многихъ промаховъ, но еще и въ томъ главнымъ образомъ, что могъ и

успѣлъ ознакомиться съ богатыми данными архивныхъ источниковъ. Уже въ первомъ своемъ обширномъ изслѣдованіи онъ обнаружилъ и завидную начитанность въ архивномъ матеріалѣ и замѣчательное умѣнье разобраться въ этой подавляющей массѣ сырыхъ фактовъ, которые даже въ обработкѣ и системѣ подчасъ подавляютъ читателя своимъ множествомъ. Но и эта выдающаяся подготовка не удовлетворила рецензента. Получивъ порученіе Академіи Наукъ, онъ разработалъ вновь при составленіи рецензіи „грамоты Коллегіи Экономіи (Архивъ Министерства Юстиціи), давшія весьма цѣнные свѣдѣнія для времени, предшествующаго XVII вѣку, и значительную часть актоваго матеріала Московскаго Румянцевскаго Музея, частію принадлежащаго къ той же категоріи (грамоты, относящіяся къ монастырскимъ и патріаршимъ землямъ въ собраніи Бѣляева), частію составляющаго единственное въ своемъ родѣ собраніе финансовыхъ документовъ, относящихся къ служилому и посадскому землевладѣнію (отписки Гарелина)“ (стр. I).

Эти преимущества въ положеніи, выдвигающіи автора „Спорныхъ вопросовъ“ въ рядъ первыхъ знатоковъ нашихъ архивныхъ источниковъ, едва ли, однако, даютъ ему право ставить въ вину другимъ изслѣдователямъ, не стоящимъ въ такихъ же благоприятныхъ условіяхъ, ихъ опыты такъ или иначе осмыслить доступный ихъ наблюденію неполный и случайный матеріалъ. Между тѣмъ именно обвиненіемъ или упрекомъ звучатъ слова рецензента, когда онъ отмѣчаетъ обычный пріемъ критикуемаго имъ автора—постройки вывода на подборъ единичныхъ фактовъ. „Авторъ и здѣсь накопилъ весьма значительную массу единичныхъ фактовъ, но не занялся ихъ предварительной критикой, отдѣленіемъ въ нихъ индивидуальныхъ чертъ отъ общихъ и ограничился простымъ сопоставленіемъ ихъ“ (132); или: „авторъ дѣлаетъ заключенія объ установленномъ порядкѣ по единичнымъ случаямъ, подборъ которыхъ всегда будетъ не полонъ, сколько бы авторъ ни накапливалъ ихъ, и пользоваться которыми имѣтъ надобности при существованіи болѣе надежныхъ источниковъ“ (141). Въ результатѣ такого пріема, по мнѣнію рецензента, авторъ „слишкомъ часто приходится къ заключенію, что искомый имъ порядокъ заключался въ полномъ безпорядкѣ, а описываемые имъ факты сводились къ полной безформенности“ (8).

Не говоря уже о томъ, что приведенныя слова могутъ подать поводъ къ методологическимъ недоумѣніямъ (мы не знаемъ много способа изучать тотъ или иной порядокъ, какъ путемъ наблюденія

практики, то-есть, изученія отдѣльных фактовъ),—этотъ упрекъ можно бы признать правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы рецензенту удалось доказать, что критикуемый имъ авторъ могъ получить болѣе правильные выводы на основаніи доступнаго его наблюденіямъ матеріала. По нашему мнѣнію, односторонность и неправильность заключеній автора „Организаціи прямого обложенія“ гораздо чаще стоятъ въ зависимости отъ исполноты бывшихъ изъ его распоряженій источниковъ, а не отъ ошибочныхъ методологическихъ пріемовъ. И удалось ли г. Милюкову по всѣмъ вопросамъ найти и лучшіе источники и придти къ болѣе безспорнымъ выводамъ? Даже при его выдающейся эрудиціи ему хорошо извѣстно, въ какой мѣрѣ, при настоящемъ положеніи архивныхъ источниковъ, случася матеріалъ изслѣдователя, имѣющаго возможность лишь отчасти освѣжать печатный матеріалъ архивными свѣдѣніями; а потому онъ охотно признаетъ, что окончательный приговоръ по поводу обсуждаемыхъ имъ спорныхъ пунктовъ принадлежитъ третьимъ лицамъ (133, 154).

Входить здѣсь во всѣ детали „спорныхъ вопросовъ“ нѣтъ возможности. Мы ограничимся лишь указаніемъ на болѣе важные, по нашему мнѣнію, выводы, предлагаемые въ рецензіи, и отмѣтимъ нѣкоторыя изъ спорныхъ положеній, которыя оказались намъ еще недостаточно выясненными.

Главною заслугой рецензента является то, что онъ направилъ свои изысканія по финансовой исторіи на XVI вѣкъ, оставшіяся не изученнымъ въ двухъ вышеуказанныхъ диссертацияхъ. И здѣсь автору посчастливилось подобрать такой матеріалъ, который натолкнулъ его на нѣсколько совершенно оригинальныхъ выводовъ.

Наиболѣе цѣнными кажутся намъ полученные авторомъ результаты по исторіи податнаго обложенія, именно по исторіи окладныхъ единицъ—сохи и живущей четверти. Авторъ начинаетъ эту исторію съ татарскихъ переписей и не колеблясь признаетъ вслѣдъ за Бѣляевымъ, что соха была единицею обложенія уже при первой татарской переписи (18); но значеніе сохи до замѣны ся живущей четвертью въ первой половинѣ XVII вѣка оставалось не одинаковымъ. И раньше не одинъ разъ высказывалось мнѣніе, принятое и авторомъ „Организаціи прямого обложенія“, что размѣры сохи опредѣлялись свачаза количествомъ труда, нужнаго для обработки пашни, затѣмъ количествомъ посѣва и, наконецъ, размѣромъ земельной площади ¹⁾. Г. Милюковъ

¹⁾ См., напримѣръ, В. А. Незабытовскій, Собраніе сочиненій, 7.

думаетъ, что „всѣ существовавшія опредѣленія сохи сводятся или къ количеству труда, или къ размѣру земельной площади; размѣры же нѣства принимаются въ расчетъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ“ (35). Опредѣленіе сохи по количеству труда существовало, начиная съ XIII до послѣдней четверти XV вѣка. Но эта мѣра сохи можетъ быть выражена и въ единицахъ нѣстной мѣры соотвѣственно колебаніямъ единицы рабочей силы. Такъ новгородская обжа, выраженная въ единицахъ труда, равнилась участку, обрабатываемому однимъ человѣкомъ на одной лошади (при Иванѣ III); а выраженная въ единицахъ нѣстной мѣры варьировалась, такъ какъ на обжу выставлялось отъ 2 до 7 коробей. Эти колеблющіеся размѣры выставляемыхъ на обжу или на соху единицъ сѣва указываютъ, что въ ту пору обжа и соха и не представляли постоянной величины площадей.

Но въ XVI вѣкѣ наступаетъ моментъ, когда обжа и соха начинаютъ измѣряться единицами сѣва и превращаются такимъ образомъ въ геометрическія плоскости. Заслугой автора и является указаніе на этотъ моментъ и отчасти на обстоятельства, при которыхъ произошло упомянутое превращеніе. Подобравъ значительное число „сопныхъ выписей“ XVI вѣка, то-есть, выдержекъ изъ писцовыхъ книгъ¹⁾, авторъ отмѣтилъ два типа ихъ. „Первый болѣе древній типъ обык-

¹⁾ „Платежная связь членовъ волостной сотни сохранилась въ любопытномъ названіи, которое носилъ отрывокъ изъ „данской (позднѣ писцовой) книги“, обнимающей описаніе всѣхъ тянувшихъ къ одному сотскому хозяйству. Отрывокъ этотъ назывался *сотиницей*, позднѣ *сотной выписью*“ (Спорные вопросы, 21). Сотная выпись выдавалась въ XVI вѣкѣ на данный тяглый округъ, который отдѣльно уплачивалъ причитающіеся съ него сборы, быть выписанъ въ сошное письмо „себѣ статью“. Въ этомъ смыслѣ сотинная выпись играли роль „платежиницы“. По ридомъ съ этимъ она получаетъ характеръ „крѣпости“, подтверждающей право на владѣніе описанными въ сотной недвижимыми имуществомъ. Поэтому писцы по наказу государя выдаютъ лицу или учрежденію сотную выпись съ книгъ писема своего ихъ владѣнныя селамъ и деревнямъ... не дали, и имъ де оброковъ за намѣстничъ доходъ и всякихъ государевыхъ доходовъ платити не по чему... окрѣ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ“ (тамъ же, № 13933). Пѣта 7099 дек. въ 31 день дѣля Андрей Пѣлказовъ далъ Успенію Пречистымъ Богородицы строителю Трифону съ братією сотную грамоту съ писцовыхъ книгъ, „почему имъ монастырская вотчинна пѣдати и на монастырь доходы собирать“ (тамъ же, Хлыновскаго уѣзда, № 14160).

повенно сообщать свидѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ мужскомъ рабочемъ населеніи и о количествѣ сошного писья, но никогда не даетъ указаній на то, какое количество писья переводится на соотвѣтствующее количество сошного писья. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество писни. почти всегда характеризуетъ ея качество (добрая, середняя, худая) и болѣею частью совершаетъ переводъ ея на сошное писмо по опредѣленной нормѣ. Эта смѣна типовъ сотныхъ выписей знаменуетъ перемену въ характерѣ окладной единицы. Въ сотныхъ перваго типа соха не стоитъ ни въ какомъ отношеніи ни къ числу дворовъ (на соху выпадаетъ отъ 12 до 156 дворовъ), ни къ численности населенія (на соху отъ 12 до 156 человекъ), ни къ количеству четвертей писни (въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ сотныхъ находятся о томъ упоминанія). О мѣрѣ сохи сотныя этого типа не даютъ никакихъ указаній. И авторъ не угадалъ этой мѣры. Правда, онъ сослался на одинъ случай, когда по сотной 1544 г. деревня Кучино Владимірскаго уѣзда „въ соху положена одноколыщемъ попополчети сохи“, то-есть, $\frac{1}{32}$ сохи измѣряется одноколыщемъ, или коннымъ рабочимъ (одноколецъ, по объясненію автора, владѣлецъ одной колышки, или телѣги), а соха приравнивается 32 одноколыцамъ. Значитъ, она въ 16 разъ больше древней сохи, если считать въ ней два конныхъ рабочихъ (по грамотѣ 1437 г.), или въ $10\frac{2}{3}$ раза больше погородской сохи конца XV вѣка, которая во второй половинѣ XVI вѣка была приравнена $\frac{1}{16}$ сохи московской. Подобныя же малые размѣры сохи встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ древнихъ выписяхъ наряду съ сохами большаго размѣра. „Когда и при какихъ условіяхъ совершилось это увеличеніе размѣровъ древней сохи, для насъ самихъ пока составитъ загадку, — говоритъ авторъ, — несомнѣннымъ кажется намъ только одно, что, и увеличившись въ размѣрѣ, соха продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы“ (43—45).

Эта послѣдняя догадка, однако, едва ли такъ несомнѣнна, какъ думаетъ авторъ. На чемъ она построена? Кромѣ одного указаннаго случая положенія въ соху деревни Кучино, авторъ не можетъ привести никакихъ соображеній въ подтвержденіе своей догадки. Между тѣмъ указанныя имъ же данныя, число которыхъ можно въ значительной мѣрѣ увеличить, идутъ въ разрѣзъ съ этою догадкой. Такъ, если соха измѣряется рабочей силой, то-есть, трудомъ пѣшихъ и конныхъ работниковъ, то размѣры ея должны стоять въ прямой зависимости отъ численности рабочаго населенія и даже отъ числа дво-

ровъ, такъ какъ количество мужскаго рабочаго населенія по сотнымъ ХVІ в. очень мало отличается отъ числа дворовъ, лишь незначительно превосходя ихъ по итогамъ, да и то далеко не во всѣхъ случаяхъ. Въ большей же части крестьянскихъ хозяйствъ на дворъ приходился одинъ работникъ. Но на стр. 42-й авторъ далъ двѣ таблицы о соотношеніяхъ сохи къ числу дворовъ и къ числу людей въ нихъ и изъ этихъ таблицъ получилъ вполнѣ отрицательный выводъ: „соха не измѣрялась ни количествомъ дворовъ, ни количествомъ людей“. Значить, прибавимъ отъ себя, не продолжала измѣряться количествомъ рабочей силы.

Къ этому соображенію можно прибавить и другое. Пока соха до конца ХV в. измѣрялась количествомъ труда, потребнаго для обработки земли, то раскладка податей стояла въ зависимости отъ размѣра наличныхъ рабочихъ силъ даннаго тяглаго округа. Подати и повинности улачивались по размѣрамъ силъ. Такъ это и засвидѣтельствовано современными памятниками. Въ многочисленныхъ жалованныхъ грамотахъ на податныя привилегіи тяглое населеніе получаетъ льготы отъ податей на определенное число лѣтъ. Великъ за перечисленіемъ этихъ льготъ стоитъ обычная прибавка: „а отсидитъ урочные годы и они потянутъ въ нашу дань *по силѣ*“. Это выраженіе, столь обычное для жалованныхъ грамотъ ХV в. ¹⁾, къ концу его начинаетъ вытѣсняться другимъ: „и они потянутъ въ нашу дань *по кнѣжествѣ*“; или: „чѣмъ обложить мой великаго князя нисецъ“; или: „потянутъ съ тяглыми людьми *повытно*“ ²⁾. Полагаемъ, что въ связи съ измѣненіемъ терминологіи стоитъ перемѣна и по существу дѣла. Но въ чемъ она заключалась, не знаемъ ³⁾.

Перейдя къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ сотныхъ выписей втораго типа (45—52), который встрѣчается со середины столѣтія, авторъ чувствуетъ себя на болѣе твердой почвѣ. Въ сотныхъ этого типа разлѣчается тройное *качество* земли (добрая, средняя и худая), и въ соху кладется определенное *количество* четвертей земли cadaго сорта съ такимъ расчетомъ, что „недостатокъ въ *качествѣ* земли вознаграждается или прибавкой ея количества или приравненіемъ ея

¹⁾ Горбунъ, Лготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ, въ Арх. историч. и практич. свѣдѣній 1860—61 гг., кн. V, стр. 39—40.

²⁾ Арх. Мин. Юст., Переясл. у., №№ $\frac{62}{8756}$ (1525) и $\frac{141}{8805}$ (1544); А. Э., I, № 385 (1524).

³⁾ См. ниже о выгяхъ, стр. 210, примѣч.

меньшему количеству земли писаного сорта; техническій терминъ для перваго способа есть *наддаци*, для втораго — *одабриваніе*¹⁾. Согласно принципу наддаци 1 четверть доброй земли приравнена 1 $\frac{1}{4}$ средней или 1 $\frac{1}{2}$ четвертямъ худой земли, а по принципу одабриванія 1 четверть худой земли равна $\frac{3}{4}$ доброй, а 1 четверть средней равна $\frac{4}{5}$ доброй земли. Соответственно этому соха дворцовой, помѣстной и вотчинной земли равнялась: 800 четвертямъ доброй, 1000 четв. средней и 1200 четв. худой земли. Для монастырскихъ сохъ по финансовымъ соображеніямъ соответственныя размѣры установлены въ 600, 700 (вмѣсто 750) и въ 800 (вмѣсто 900) четвертей. Приведенные авторомъ многочисленныя факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что „въ началѣ второй половины XVI в. произошелъ въ исторіи сошнаго письма переломъ, смыслъ котораго заключается въ опредѣленіи сохи, какъ единицы распаханной напши, и въ установленіи ея размѣровъ обратно пропорціонально качеству земель и степени участія разныхъ сословій въ платежъ государственныхъ податей“. Моментъ этого перелома авторъ весьма удачно связалъ съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ¹⁾. Благодаря этимъ выводамъ автора, можетъ считаться устраненнымъ господствовавшее въ нашей литературѣ со времени Бѣляева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрѣ сохъ въ теченіе всего XVI вѣка.

Авторъ не ограничился этими результатами. Онъ поставилъ себѣ цѣлью допытаться, какими правительственными распоряженіями проектъ генеральной переписи приведенъ былъ въ исполненіе, и для того предлагаетъ очень детальнѣйшій анализъ „руководства къ сошному обложенію“, или „книги сошнаго письма“ (52—65). Нужно признать, что авторомъ потрачено на составленіе этого отдѣла не мало времени, трудолюбія и искусства. Но при всемъ томъ полученные результаты свидѣтельствуютъ главнымъ образомъ о замѣчательномъ умѣньи автора обращаться съ древними текстами и все-же не прибавляютъ чего либо существенно новаго къ исторіи вопроса. вопреки утверженію автора, будто „изученіе текстовъ сошнаго руководства можетъ дать немаловажныя указанія для исторіи самого сошнаго обложенія“. Текстовъ этого руководства за XVI в. не сохранилось; самыя ранніе изъ нихъ восходятъ только къ 20-мъ годамъ XVII вѣка и не перестаютъ перерабатываться въ теченіе всего XVII в. и даже

¹⁾ Н. Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, см. Журн. Минист. Народн. Просв., 1876, іюль, 64.

начала XVIII в. Авторъ утверждаетъ, что текстъ XVI в. и не существуетъ, и даже называетъ указаніе Татищева на писцовый наказъ временъ Грознаго только ученой конъектурой, хотя Татищевъ совершенно опредѣленно указываетъ даже годъ этого наказа¹⁾. Возстановить по путаннымъ текстамъ XVII в. первоначальную редакцію „царева уложенія“ о сошномъ измѣреніи и прослѣдить въ предѣлахъ XVI в. „довольно длинную исторію“ сошныхъ текстъ — такова неблагодарная задача, предпринятая авторомъ. Исторія эта сводится къ тому, что въ первоначальномъ текстѣ царева уложенія не было ни правилъ одабриванія, ни перевода вытнаго письма на сошное. Приемы, съ помощью которыхъ авторъ пришелъ къ этимъ выводамъ, представляются намъ столь тонкими и техническими, что только спеціалисты по разбору древнихъ текстъ могутъ быть здѣсь судьями. Позволимъ себѣ, однако, замѣтить, что все изложеніе автора много выиграло бы и въ убѣдительности и въ ясности, еслибы онъ приложилъ къ своему изслѣдованію тексты первой и второй редакціи сошныхъ книгъ и далъ бы сводный ихъ текстъ. Повторимъ, для исторіи сошнаго обложенія мы не сумѣли почерпнуть изъ изложенія автора о сошныхъ книгахъ ничего любопытнаго и новаго. Правила вытнаго измѣренія, присоединенныя, по утверженію автора, уже позднѣе къ тексту царева уложенія, возникли, однако, раньше новыхъ правилъ сошнаго измѣренія и на дворцовыхъ и монастырскихъ земляхъ принялись уже съ самаго начала XVI в., какъ объ этомъ очень обстоятельно разказано авторомъ раньше (31—34). Изъ указанныхъ авторомъ примѣровъ, которые можно бы увеличить и еще нѣсколькими аналогичными подтвержденіями, явствуетъ, что выть равнялась сначала 5 десятинамъ крестьянской запашки безъ обозначенія качества земли²⁾; а когда стали различать качество, то выть приравнена 5 десятинамъ доброй, 6 средней и 7 десятинамъ худой земли или соотвѣтственно 10, 12 и 14 четвертямъ, при чемъ на выть надавалось по 1 десятинѣ для посоннаго хлѣба въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ взымался. Съ опредѣленіемъ размѣровъ сохи въ четвертяхъ соотно-

¹⁾ Судебникъ, изд. 2, стр. 139.

²⁾ Авторъ приводитъ цѣлкомъ любопытную грамоту митр. Симона 1498—1510 гг., указавшую въ выдержкахъ еще Бѣляевымъ: „...землю бы есте во всѣхъ трехъ поѣхъ перемерили, да далъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ нахати шестую десятину“. Впрочемъ, эта грамота цѣлкомъ была напечатана въ приложенияхъ къ соч. проф. М. И. Горчакова: О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, стр. 41.

шеніе сохи къ выти установилось само собой. Но каково было отношеніе выти къ сохѣ до реформы 1551 г.? На этотъ вопросъ не находимъ у автора никакого отвѣта. Не имѣя данныхъ для его разрѣшенія, мы, однако, позволили себѣ его поставить, такъ какъ въ одной грамотѣ князя Юрья Ивановича 7035 г. августа 19-го Калязинскому монастырю находимъ сопоставленіе вытей съ сохами, изъ котораго явствуетъ, что соха составляла около 32 вытей ¹⁾.

Гораздо поучительнѣе указанія автора о геодезическомъ руководствѣ, составлявшемъ приложеніе къ сошнымъ книгамъ, которое имѣло свою собственную независимую отъ сошной книги исторію. Въ немъ рѣчь идетъ объ измѣреніи полей въ десятинахъ, четвертяхъ и саженьяхъ. Авторъ высказываетъ догадку и подкрѣпляетъ ее цѣлымъ рядомъ песьма любопытныхъ соображеній, что это руководство къ землеустрою возникло не безъ вліянія византійскихъ геодезическихъ приемовъ и руководствъ (65—72). Онъ не останавливается и на этомъ и идетъ дальше, выставляя догадку, что „новая сошная система, основанная на различіи земель по тремъ качествамъ и на податномъ уравненіи платежныхъ участковъ по количеству, обратно пропорціо-пально ихъ качеству, не находится ли въ несомнѣнной связи съ фискальными приемами византійскаго кадастра“? Въ подтвержденіе этой догадки, высказываемой уже и раньше, авторъ приводитъ свидѣтельство найденнаго имъ памятника, представляющаго просктъ новаго приема измѣренія участковъ въ цѣляхъ улучшенія податной и служилой организаціи и по времени относящагося къ эпохѣ реформъ 1550-хъ годовъ. Разборъ содержанія этого памятника и сопоставленіе предлагаемыхъ имъ мѣръ съ нѣкоторыми византійскими порядками составлять одну изъ интереснѣйшихъ частей „Спорныхъ вопросовъ“ (73—76).

Въ заключеніе обзора добытыхъ авторомъ выводовъ о введеніи

¹⁾ Въ грамотѣ читаемъ: „Что ихъ села и деревни монастырскія въ моей отчинѣ въ Кашиинскомъ уѣздѣ, въ Перехотскомъ стану, село Ушаково съ деревнями, и въ томъ селѣ и въ деревняхъ опустѣло тридцать шесть вытей, а пашни въ нихъ сошной соха и полчетверти; да въ Жабнѣ село Пырогово съ деревнями жъ и опустѣло у нихъ въ томъ селѣ и деревняхъ двадцать и одна выть; да въ селѣ Костянтиновскомъ, да въ селѣ въ Свасскомъ съ деревнями жъ опустѣло у нихъ тридцать и полторы выти, а пашни въ нихъ сошной полторы сохи и полнополтрети“ (Арх. Мин. Юст., Кашиинск. у., № ¹⁷/₆₇₁₂). Выше указанъ приведенный авторомъ случай измѣренія сохи 32 одноколемцами во Владимірскомъ уѣздѣ. Не равнялся ли одноколець выти?

нового сошного измѣренія въ половинѣ XVI вѣка позволимъ себѣ отмѣтить нѣкоторые моменты этой реформы. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что новый порядокъ сошного измѣренія и обложения вводится по государеву указу и называется „царевымъ уложеніемъ“. Вышеуказанные размѣры сохъ для земель разныхъ качествъ и различныхъ категорій владѣльцевъ неоднократно обозначаются установленными по государеву указу ¹⁾. Сначала этотъ порядокъ не былъ примѣненъ по всей территоріи Московскаго государства. Такъ, въ погородскихъ владѣніяхъ сохранялся нѣкоторое время старый порядокъ обложения по обжамъ и сошкамъ (изъ трехъ обожъ). Хотя позднѣе четвертное измѣреніе было примѣнено и къ обжажному счету, но съ существенными отклоненіями, какъ сейчасъ будетъ указано. Кромѣ того, и на остальной территоріи допускались нѣкоторыя частныя изыятія изъ общаго порядка, не иначе, впрочемъ, какъ по особымъ каждый разъ государевымъ указамъ. Отмѣтимъ прежде всего для примѣра извѣстные намъ случаи такихъ изыятій. Такъ, въ 1597 г. по указу царя Федора Ивановича „Троицкаго Ипатцкаго монастыря вотчина въ сошное письмо кладена противъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель середніе земли по 1000 чети, а худые земли по тысячи по двѣсти чети, а доброю землею по восьмисотъ чети въ соху, а не противъ монастырскихъ земель, какъ *кладутся по государеву указу въ сошное письмо монастырскія земли*“ ¹⁾. Также въ 1598 г. царь Борисъ пожаловалъ Троицкаго Сергіева монастыря архимандрита Кириллу съ братіею, „велѣлъ Троицкую Сергіева монастыря вотчину въ Московскомъ уѣздѣ (и въ иныхъ городахъ) монастырскую и крестьянскую пашню живущую и пустую положить въ сошное письмо противъ помѣстныхъ земель: добрые земли по 800 чети въ соху, а середніе по 1000 чети, а худые по 1000 по 200 чети“. Эта льгота была, однако, видоизмѣнена при Михаилѣ Федоровичѣ, который 31-го декабря 1613 г. указалъ „вотчину Троицы Сергіева монастыря въ Московскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городѣхъ крестьянскую пашню и что служки на себя пашутъ живущую и пустую велѣлъ положить въ сошное письмо про-

¹⁾ „А положено въ соху пашни (вотчины Троицкаго Сергіева монастыря въ 1592—1593 г.), по государеву наказу, худые земли по 800 чети“. Писц. ви. I, 1, 776. „А по нашему указу въ московскихъ городѣхъ монастырскихъ земель добрые земли кладено въ соху на 600 чети“. Арх. Мин. Юстиціи, Хлыновск. у., № 14171.

²⁾ Арх. Мин. Юст., Костр. у., № 5147 ¹⁸⁰ (сошная 1600 г.); ср. ib., № 5144 ¹⁷⁷.

тивъ боярскихъ и дворянскихъ и дѣтей боярскихъ вотчинныхъ земель добрую и середнюю и худую землю въ рядъ безъ наддачи по 800 четъи въ соху, а монастырскую папню... велѣлъ обѣляти и изъ сошнаго писъма выложити" ¹⁾). Подобныя льготныя изъятія могли быть сдѣланы и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, что необходимо имѣть въ виду при изученіи писцовыхъ книгъ.

Распространеніе сошнаго измѣренія на области бывшей Новгородской земли представляетъ нѣкоторыя особенности. Установившейся здѣсь единицей обложенія съ момента присоединенія Новгорода къ территоріи Московскаго государства были обжа и соха, состоявшая изъ трехъ обожъ. Это соотношеніе, совершенно постоянное съ конца XV вѣка и позднѣе, нѣсколько раньше, повидному, колебалось. Косвенное подтвержденіе этому отмѣчено уже въ литературѣ на основаніи указанія Никоновской лѣтописи, которая при перечисленіи конфискованныхъ монастырскихъ имѣній разиѣры ихъ считаетъ то на обжа, то на сохи ²⁾). Прямое свидѣтельство такого колебанія мы встрѣтили въ писцовыхъ дворцовыхъ книгахъ Вѣжецкой пятны, составленныхъ около 1500 г. Здѣсь, при описи волости Бѣлой въ Никольскомъ погостѣ, принадлежавшей прежде новгородскому владыкѣ, показано въ итогѣ по старому писъму 630 обожъ. Эти 630 обожъ стараго писъма не перенесены въ сохи по пориѣ 3 обжа въ соху, какъ это сдѣлано въ новомъ писъмѣ („а обжа у нихъ 673, а сохъ 224 съ третью сохи"), но вслѣдъ за указаніемъ числа обожъ прибавлено: „А въ Бѣлой при владыцѣ было 30 сохъ", то-есть, приходилось по 21 обжѣ въ соху ³⁾).

Эти колебанія, значенію которыхъ предстоитъ еще выяснить, уступили мѣсто нормальному отношенію обжа къ сохѣ, какъ 3: 1. Эти единицы обложенія въ первой половинѣ XVI вѣка не имѣли значенія пространственныхъ единицъ, а являлись единицами хозяйственного труда: „ обжа одипъ человекъ на одной лошади ореть, а кто на трехъ лошадахъ и самъ третей ореть, ино то соха" ⁴⁾). Разиѣры

¹⁾ Арх. Мин. Юст., Колом. у., № ⁵⁸/₆₃₆₈, л. 23—25; Малояросл. у., № ³⁴/₇₇₁₄, л. 19; Новг. у., № ¹/₈₄₄₃, л. 33—37.

²⁾ В. Владиславовъ, *Обжа*, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г., авг., 227.

³⁾ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, книга по Новгороду, № 4: „книга дворцова Бѣжецкія пятны писъма Вас. Грлг. Наумова да Семена Вахарыина сына Дятлова", лл. 30—39.

⁴⁾ Н. С. Р. Л., VIII, 195.

участковъ, обрабатываемыхъ указанными рабочими силами, могли колебаться, что видно изъ того, напримѣръ, что на обжу высѣвалось, какъ указано выше, въ разныхъ пятинахъ Повгородской земли отъ 2 до 7 коробей. Чѣмъ обуславливалось такое различіе участковъ? Недавно высказана догадка, что на это различіе оказали вліяніе такіе элементы, которые не попали подъ примы указанія описи, и на первомъ мѣстѣ инвентарныя особенности каждаго хозяйства и особенно количество рабочаго скота, затѣмъ выгоды положенія данныхъ участковъ при большихъ дорогахъ, рѣкахъ, расположеніе пахоты, куда слѣдуетъ, между прочимъ, включить и достоинство почвы и сѣнокосовъ¹⁾. Мы думаемъ, что довольно рискованно при современномъ знакомствѣ съ условіями сельско-хозяйственной жизни столь отдаленныхъ эпохъ угадывать то, о чемъ не говорятъ памятники, и въ частности полагаемъ, что указанная догадка предполагаетъ столь тонкіе техническіе приемы земельнаго кадастра, что на производствѣ его не хватило бы ни средствъ, ни умѣнья у органовъ московской администраціи. Проще и потому правильнѣе объяснить П. Н. Милюковъ эти колебанія въ размѣрахъ засѣваемыхъ участковъ соотвѣтственно колебаніямъ единицы рабочей силы. Къ этому слѣдуетъ добавить, что болѣе поздніи писцовыя книги (около половины XVI вѣка) присоединяють къ этому еще оцѣнку качества почвы и наличность или отсутствіе угодій. Такъ, въ книгѣ Бѣжецкой пятины около 7059 г. сказано, что по старому письму Ивана Даниловича Вельяминова „кладено въ обжу пашни по полчетыре коробы и по три коробы и по полтри коробы. А по Иванову письму Чиркина да подьячаго Оедора Оатыннаго... помѣчено въ обжу прибылыя пашни по полвосми коробей, а старыя обжи помѣчены по старому“. Такое различіе въ размѣрѣ обожъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ книги объяснено именно разницею въ качествахъ почвы и наличностью угодій: „положено въ обжу по полвосми коробей въ полѣ, потому что земля худа (или добре худа), камениста и песчата, и безсѣнна, и безлѣсна, и безводна“²⁾.

Уравниеніе новгородскихъ порядковъ обожнаго счета съ московскимъ четвертнымъ измѣреніемъ началось, повидимому, съ замѣны коробы четвертью. По указу 1556 г. предписано выдавать хлѣбное жалованье служилымъ людямъ по прибору „въ новую мѣру четвертью, а не ко-

¹⁾ В. Владиславцевъ, I. с., 230—231.

²⁾ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, книга по Новгороду, № 4. Новая писцовая начинается съ листа 91 безъ начала, лл. 191—194, 102, 113, 120, 161, 178 и проч.

рублями". Но отношеніе четверти къ коробѣ, кажется, еще не было установлено, такъ какъ вѣрно было выдавать вмѣсто 12 коробей по 12 четвертей хлѣба въ предположеніи какъ бы небольшой разницы въ объемѣ этихъ мѣръ; хотя изъ той же грамоты видно, что четверть была меньше коробы, такъ какъ предписано доправить лишки съ тѣхъ, кто успѣлъ уже получить жалованье въ старую мѣру ¹⁾. Это отношеніе продолжало колебаться и позднѣе. По крайней мѣрѣ, изъ книги Бѣжецкой пятины 7074 г. видно, что коробы то приравниваются двумъ четвертямъ, то стоятъ къ четверти въ иномъ отношеніи ²⁾. Въ книгѣ той же пятины 7076 г. коробы приравниваются 1 1/2 четверти ³⁾. Уже изъ этого можно заключить, что измѣреніе обжи четвертями по установленной нормѣ не могло начаться съ половины XVI вѣка или даже въ 1555—1556 г., какъ утверждаетъ г. Владиславлевъ ⁴⁾. Гораздо вѣрнѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Милуковъ, указавъ, что постоянный размѣръ обжи изъ 10 четвертей установленъ распоряженіями московскаго правительства позднѣе; „еще въ половинѣ XVI вѣка размѣръ ея продолжаетъ колебаться". Но авторъ не привелъ никакихъ прямыхъ указаній на характеръ этихъ колебаній ⁵⁾. Между тѣмъ безынтересно отиѣтить, что московское правительство, повидимому, не сразу остановилось на размѣрахъ обжи изъ 10 четвертей и въ отдѣльных случаяхъ пробовало установить иныя нормы перепода обожъ въ четверти. Такъ, по приправочнымъ книгамъ Бѣжецкой пятины 7074 г. розысканы за помѣщиками утаенныя и обводныя земли, „и тѣ прибылыя земли и новоприбылыя починки въ обжи помѣчены добрыя земли по 12 четьи, а середніе земли по 16 четьи, а худыя земли по 20 чети въ обжу" ⁶⁾. Точно также по книгамъ той же пятины 7076 г. „по наказу на выть положено середніе земли по штинадцати четвертей, а худыя земли положено на выть по 20 четвертей, а добрыя земли въ тѣхъ погостѣхъ у помѣщиковъ не наѣхали" ⁷⁾. Хотя здѣсь даже самый терминъ обжи замѣненъ въ заголовкѣ московскимъ терминомъ выти, но въ самомъ текстѣ книги земля по преж-

¹⁾ Д. къ А. II., I, № 91, III.

²⁾ Арх. Мин. Ин. Д., книга по Новгороду, № 4, лл. 210—282.

³⁾ Тамъ же, л. 602 и слѣд.

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г. авг., стр. 234 и 237.

⁵⁾ Ссылка на Новг. писц. кн., т. IV, и Д. къ А. II., I, стр. 90, не доказываетъ этого утвержденія ни съ какой стороны.

⁶⁾ Арх. Мин. Ин. Д., книга по Новгороду, № 4, лл. 210—211.

⁷⁾ Тамъ же, л. 602.

нему кладется въ обжи, а не въ выти. Судя по этимъ приправочнымъ книгамъ, московское правительство предполагало ввести измѣненіе обжи четвертями соотвѣтственно качеству почвы. Этотъ измѣненный путь въ порядкѣ земельного кадастра былъ оставленъ, вѣроятно, не безъ вліянія настоятельной нужды подвести по возможности скорѣе итоги платежной способности новгородскихъ пятинь послѣ войнъ съ Литвой и Швеціей. Поэтому, когда была предпринята общая перепись всѣхъ пятинь въ 1581—1582 гг., то „по приговору бояръ князя Федора Михайловича Трубецкаго съ товарищи, да думныхъ дворянъ и дьяковъ Ондreja Щелкалова да Ооонасіи Демьянова съ товарищи писано на обжу по 10 четѣ“¹⁾ безъ всякаго различія земель по качеству почвы и по категоріямъ владѣльцевъ.

Отношеніе обжи къ новгородской сохѣ осталось прежнее, такъ что въ соху клалось теперь по 30 четвертей. Отношеніе же новгородской сохи къ московской пробовали опредѣлить еще раньше: уже въ 1555 г. предписано было окладъ съ московской сохи приравнять окладу съ десяти сохъ новгородскихъ²⁾. Очень возможно, что такое отношеніе между сохами удержалось съ указаннаго времени, но это „не мѣшаетъ земельной площади новгородской сохи колебаться вплоть до 1581—1582 г.“³⁾. Съ этого же времени, когда новгородская соха въ предѣлахъ новгородскихъ пятинь стала равняться 300 четвертямъ, и окладное ея значеніе оказалось здѣсь совершенно особымъ.

Своеобразный сошный счетъ существовалъ, наконецъ, судя по даннымъ конца XVI вѣка. и въ предѣлахъ Витекой земли. Тамъ соха измѣрялась вытями, при чемъ въ соху было положено по 10 вытей. Выти же различались по качеству земли: на выть положено, какъ и вездѣ, доброй земли по 10 четей, средней по 12, худой по 14³⁾. Отсюда соотвѣтственные размѣры сохъ въ 100, 120 и 140 четвертей. Имѣли ли эти сохи самостоятельное окладное значеніе, сказать съ увѣренностью не беремся. Повидимому, и онѣ приравнивались москов-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., кн. 301 (Вотская пятина), л. 1; кн. 136 (№ 720) (Бѣжецкая пятина), л. 1; *Временникъ*, VI, 58 (Обонежская пятина).

²⁾ Д. кн. А. И., I, № 78.

³⁾ По книгѣ 109 г. письма и дозору хлыновскаго городоваго прикащика за Успенскимъ монастыремъ въ Хлыновѣ и въ Слободскомъ въ живущемъ столько-то. „А въ выть кладено доброй земли по 10 четей, средней земли по 12 четей, а худые земли по 14 четей, а въ соху положено по 10 вытей“ (Арх. Мин. Юст., Хлын. у., № $\frac{19}{14175}$; ср. ib., № $\frac{8}{14171}$, и Слоб. у., № $\frac{4}{10982}$).

ской большой сохѣ, по отношенію между этими сохами памѣ не вполне ясно ¹⁾).

Эти сопоставленія указываютъ, что во второй половинѣ XVI вѣка существовало рядомъ нѣсколько типовъ сошнаго писема, которые, по-видимому, не исчерпываются даже вышеуказанными. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые частные примѣры не могутъ быть подведены ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ намъ типовъ. Такъ сотныя конца XVI вѣка по Бѣлозерскому уѣзду представляютъ особенности въ сошномъ счетѣ. Одна изъ такихъ сотныхъ 7095 г. выдана волости Надпорожскаго стана, что была вотчина боярина Ивана Петровича Федорова—село Богоявленское. Въ волости показано пашни наханой средней земли 138 четей съ осьминою, переложной пашни 191 четверть съ осьминою. „А вытей въ живущемъ 11 вытей съ полвытью и полнополтрети выти, а въ пустѣ 19 вытей съ полвытью безъ полнополтрети выти. На выть положено середніе земля по 12 четъи. А сошнаго писема въ живущемъ четъ и полнополчети сохи. а въ пустѣ полсохи и полнополтрети сохи. *Въ соху положено середніе земли по 400 четъи*“ ²⁾). По другой сотной съ книгъ Леонтія Ошанина (годъ?) на вотчину Кириллова монастыря Словенской Волочекъ значится: на Волочку на Словенскомъ на Большомъ пашни живущіе 688 четъи въ полѣ, а въ дву потому жъ, а пашни въ пустѣ 186 четъи въ полѣ, а въ дву потому жъ. „А по нынѣшней описи и по дозору Леонтія Ошанина на Словенскомъ Волочку на Большомъ разведено живущее и пустое порознь сошное писмо по четвертной пашнѣ. И въ живущемъ имется сошнаго писема 3 сохи, а въ пустѣ соха“ ³⁾). Если только мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ частными случаями изыятій, аналогичныхъ вышеприведеннымъ, то для Бѣлозерскаго уѣзда нужно признать существованіе особаго вида сошнаго счета.

¹⁾ Вотъ извѣстный намъ случай перехода: въ монастырской Вобловницкой волости живущей пашни считалось—средней земля 333 чети съ осьминою, да худой 7 чети; „а вытей въ живущемъ 28 съ полутретью выти; а сошнаго писема въ живущемъ 3 сохи безъ полчети сохи; да на погостѣ сошнаго писема... А нялось по четвертной пашнѣ по 120 чети въ соху. А по пашному указу въ московскихъ городѣхъ монастырскихъ земель добрые земли кладено въ соху по 600 четъи. И того въ той волости Вобловцахъ по четвертной пашнѣ имется и съ погостомъ противъ нашихъ московскихъ городоу соха безъ трети сохи“ (Арх. Мин. Юст., Хлынвскаго уѣзда, № $\frac{8}{14171}$).

²⁾ Арх. Мин. Юст., Бѣлозерск. у. № $\frac{165}{856}$, ср. № $\frac{156}{857}$ (см. ниже).

³⁾ Тамъ же, № $\frac{175}{876}$.

Итакъ, соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразования 1551 г., представляла значительныя колебанія и, кромѣ той разницы въ ея размѣрахъ для земель разныхъ качествъ и различныхъ категорій владѣльцевъ, какая была установлена въ „царевомъ уложеніи“. Но и этимъ дѣло не ограничивалось. Извѣстно, что соха въ качествѣ окладной единицы могла измѣряться не только даннымъ количествомъ четвертей пахотной земли и обжаъ, но еще и количествомъ дворовъ. Извѣстны для XVI вѣка данныя о числѣ дворовъ, положенныхъ въ соху ¹⁾, представляютъ еще недостаточно выясненную схему сошнаго счета въ примѣненіи его къ дворовому счисленію. Авторъ „Спорныхъ вопросовъ“ не даетъ никакихъ новыхъ разъясненій по этой темѣ.

Такое разнообразіе въ составѣ окладной единицы еще болѣе осложняется въ XVII вѣкѣ, когда возникаетъ новый приемъ обложения по „живущимъ четвертямъ“. А. С. Ланно-Данилевскій первый предложилъ подробное объясненіе этой новой системы обложения, указавъ, что живущая четверть явилась переходной стадіею отъ сошнаго обложения къ подворному. „Слишкомъ рѣзкій переходъ отъ сохи къ двору смягчился тѣмъ, что облагаться стало не каждое отдѣльное хозяйство, а небольшая сумма такихъ хозяйствъ.“ (245). къ этому объясненію П. Н. Милюковъ предложилъ существенную поправку еще въ своемъ обширномъ трудѣ о государственномъ хозяйствѣ Россіи. Тамъ онъ отмѣтилъ, что живущая четверть стоитъ въ тѣсной связи съ сошнымъ обложениемъ и составляетъ одинъ изъ видовъ примѣненія сошнаго нисѣма, „именно одинъ изъ *способовъ ея раскладки*, хотя далеко не повсемѣстный“, а потому не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ дворовому обложению, которое возникло позднѣе и примѣнялось къ особымъ категоріямъ сборовъ (17—23). Въ своей рецензіи, полториничъ свои прежніе выводы, авторъ прибавилъ къ нимъ нѣсколько новыхъ соображеній и формулировалъ значеніе живущей четверти слѣдующимъ образомъ: „московское правительство оставило старое названіе „живущей четверти пашни“, но приравняло его опредѣленному количеству дворовъ и такимъ образомъ получило *новую окладную единицу*, столь же мало похожую на прежнюю, какъ мало походила соха, опредѣленная извѣстнымъ количествомъ четвертей, на старую соху—единицу рабочей силы“ (117).

¹⁾ Незабитовскій, Собран. сочиненій, 49—60; Н. Чечулинъ, О городахъ въ XVI вѣкѣ, 60, 73, 111, 169, 171—178, 283, 318 и др.

Но смотря на очень многія заслуги г. Милюкова въ выясненіи спорнаго вопроса о живущей четверти, едва ли этотъ вопросъ можно считатьъ по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ рѣшеннымъ. Многое и въ изложеніи автора побуждаетъ недоразумѣнія. Если мы рѣшаемся указать здѣсь на эти неясныя для насъ стороны вопроса, то лишь въ надеждѣ, что наши замѣчанія могутъ вызвать разъясненія со стороны лицъ, болѣе насъ компетентныхъ въ исторіи финансоваго права.

Прежде всего въ опредѣленіяхъ автора живущей четверти намъ остается неяснымъ, какъ же слѣдуетъ смотрѣть на нее—какъ на раскладочную или какъ на окладную единицу. Является ли она лишь „способомъ раскладки“ окладовъ по сошному письму, или „новой окладной единицей?“ Этотъ вопросъ имѣетъ не только формальное значеніе. Изъ всего сказаннаго авторомъ о сборахъ съ живущей четверти по писцовымъ книгамъ, составленнымъ по правиламъ сошняго письма, кажется, слѣдуетъ заключить, что единицею оклада по прежнему остается соха, хотя теперь вводится новое измѣреніе сохъ по числу дворовъ, приравниваемыхъ четвертямъ пашни. Но если дѣло обстоитъ именно такъ, то можно думать, что и самый приемъ новаго измѣренія сохъ не являлся въ XVII вѣкѣ новостью. И прежде, въ XVI вѣкѣ, на посадахъ соха измѣрялась количествомъ дворовъ, и какъ прежде дворъ приравниваемъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обжа, такъ теперь четверть пашни была приравнена извѣстному количеству дворовъ. Новостью являются лишь подробности въ примѣненіи этого приема къ измѣренію сохъ въ уѣздахъ и при томъ лишь на земляхъ нѣкоторыхъ категорій владѣльцевъ.

Затѣмъ много загадочнаго остается и въ выясненіи условій, при которыхъ возникло понятіе о живущей четверти. Объясненіе, предложенное г. Лалпо-Данилевскимъ, хотя и страдало нѣкоторой схематичностью, но рельефно отнѣтило ту практическую почву, на которой могла дѣйствительно зародиться идея о необходимости перенести тяжесть податнаго бремени съ земли на дворъ: серьезнымъ препятствіемъ къ увеличенію запашекъ, столь необходимому послѣ опустошеній смутнаго времени, являлось опасеніе, что съ cadaго вновь распаханнаго клочка земли необходимо платить лишніе сборы ¹⁾. Чтобы устранить это препятствіе къ развитію народнаго земледѣльческаго хозяйства, была введена живущая четверть. Г. Милюковъ находитъ

¹⁾ Организація прямого облож., 243—245.

такое объяснение невѣрнымъ, во первыхъ, потому, что живущая четверть вводится по указамъ 1630 — 1631 гг., когда земледѣльческая культура успѣла уже значительно оправиться послѣ смуты, и, во вторыхъ, потому, что причиной, вызвавшей реформу, нужно считать не уменьшеніе запасекъ и упадокъ земледѣлія, а какъ разъ обратныя явленія — подъемъ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ частности увеличеніе запасекъ ¹⁾).

Остановимся прежде всего на хронологическихъ соображеніяхъ. Возражая г. Лаппо-Данилевскому, авторъ „Спорныхъ вопросовъ“ замѣчаетъ: „трудно понять, какъ могла оказать въ 1615—1628 гг. вліяніе реформа, которая только введена была въ 1630—1631 гг.; здѣсь, какъ и при вычисленіи разбѣровъ живущей четверти, авторъ какъ бы игнорируетъ законодательныя распоряженія, приведенныя имъ (съ таблицей В. Н. Сторожева) въ приложеніи VIII; кажется, впрочемъ, и въ этомъ приложеніи указы 1630 и 1631 гг. не представляются ему новыми распоряженіями; но тогда къ какому же именно моменту приурочиваетъ онъ введеніе подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ?“ (123). Мы тоже полагаемъ, что опредѣленіе живущей четверти дано впервые въ указами 1630 — 1631 гг., а раньше, и въ этомъ смыслѣ называть эти указы новыми и связывать съ ними реформу было бы неправильно. Г. Милюкову хорошо извѣстно, что въ указѣ 1630 г. сказано: „а за монастыри указали класть въ живущую пашню противъ прежнему своего государева указу“ ²⁾. Когда былъ изданъ этотъ прежній указъ, не извѣстно. Но, благодаря указаніямъ самого г. Милюкова, мы знаемъ о существованіи писцовыхъ книгъ, „составленныхъ, повидному, раньше указовъ, но оставившихъ пробѣлы для внесенія перевода на живущія четверти и внесшихъ этотъ переводъ позднѣе“. Въ числѣ такихъ книгъ имъ указана книга 1624 г. (118). Заключаемъ отсюда, что распоряженіе класть въ живущія чети дворы дано было еще раньше, лишь не указаны были нормы перевода, то-есть, не опредѣлены были размѣры живущей четверти, по крайней мѣрѣ, не на всѣ случаи. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того, что въ выписи изъ писцовыхъ нижегородскихъ книгъ 131 и 132 гг. (1623 — 1624) на вотчины Благовѣщенскаго монастыря въ Курмышскомъ уѣздѣ послѣ итога четвертной пашни читаемъ: „А по государеву цареву и

¹⁾ Спорные вопросы, 114, 122—123.

²⁾ Указанная книга помѣстного приказа, изд. В. Н. Сторожевымъ, стр. 101; Государственное хозяйство, стр. 21, прим. 2.

великаго князя Михаила Федоровича всея Руси и отца его государя великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича патріарха московскаго и всея Руси указу въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ монастырскихъ вотчинныхъ земляхъ положено въ сошное письмо въ живущіе крестьянскіе пашни добрые земли по шти сотъ чети въ соху, а на четверть пашни по 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ. И по государеву указу съ села Плюшинскаго да съ села Мигина съ деревнями платити живущаго съ полнопретри сохи и съ дву четвертей пашни опричь лготы¹⁾. Значить, въ 1623 г. и, можетъ быть, даже раньше, даны были частные указы, опредѣляющіе новое значеніе живущей четверти. Быть можетъ, было бы всего естественнѣе возводить самую реформу къ 1619 году, когда земскій соборъ постановилъ во всеѣ города послать писцовъ и дозорниковъ, „давъ имъ полные наказы, чтобъ они описали и дозрили всеѣ города вправду безъ посуловъ“²⁾.

Причины, вызвавшія появленіе такой счетной единицы, какъ живущая четверть, представляются намъ недостаточно выясненными авторомъ. Онъ думаетъ, что живущая четверть, какъ платежная единица, вовсе не была новостью въ моментъ реформы 1630—1631 гг. Она появилась сначала на помѣстныхъ земляхъ окраинныхъ уѣздовъ еще въ концѣ XVI вѣка, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ размѣръ распаханной помѣщичьей пашни, съ которой только и взимались подати, былъ столь незначителенъ (отъ одной до четырехъ четвертей), что „его нельзя было выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи“. Поэтому въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка Медынскаго, Орловскаго, Тульскаго и др. уѣздовъ постоянно встрѣчается платежъ „съ живущаго, со столькохъ-то четей“. „При разореніи смутнаго времени на положеніи окраинъ оказались и центральныя мѣстности, и въ виду запустѣнія земель не только служилаго класса, но и духовенства и дворцовыхъ, пришлось и здѣсь различать живущее отъ пустаго и разбѣшивать послѣ спеціального дозора платежи съ одного живущаго“³⁾. Но затѣмъ при измѣненіи условій, когда окраины перестали быть таковыми, а центральныя мѣстности оправлялись послѣ разоренія, указанныя льготы потеряли свое значеніе. Правительство

¹⁾ Румянцевскій музей, сборникъ Бѣляева, № 1621, л. 398.

²⁾ Разрядн. книга, I, 614. Проф. В. О. Ключевскій догадывается даже, что мысль о реформѣ и первый опытъ ея относятся къ правленію Бориса Годунова, *Русская Мысль*, 1885 г., окт., стр. 13.

³⁾ Госуд. хоз., 20—21; Спорные вопросы, 116—117.

могло бы вернуться къ прежнему обложению *полного* сошного письма, но не сдѣлало этого изъ боязни слишкомъ обременить плательщиковъ: „если оно не могло, даѣе, отдѣлать дѣйствительно обработанной земли отъ несомнѣнно пустой по недостатку точныхъ данныхъ“, то оставался, думаетъ авторъ, одинъ способъ выйти изъ затрудненія: положить въ живущія чети опредѣленное количество дворовъ.

Такое объясненіе кажется намъ недостаточно празумительнымъ, такъ какъ въ концѣ концовъ естественно возникаетъ вопросъ: почему же правительство, вмѣсто того, чтобы добыть свѣдѣнія о размѣрахъ дѣйствительно обработанной земли, сочло нужнымъ добыть свѣдѣнія о количествѣ вновь созданныхъ имъ платежныхъ единицъ? Если объясненіе г. Лаппо-Данилевскаго „бѣтъ мимо цѣли“, какъ выражается авторъ, то его объясненіе, по нашему мнѣнію, не достигаетъ цѣли. Отмѣченный имъ фактъ, изъ котораго онъ ведетъ свое объясненіе, дѣйствительно существовалъ въ XVI вѣкѣ: тогда, и при томъ не только на югѣ, но и въ центрѣ, несомнѣнно существовали хозяйства такихъ небольшихъ размѣровъ, что каждое изъ нихъ выразить въ дробныхъ доляхъ сохи не было возможности. Вотъ примѣръ для потчины Троицкаго Сергіева монастыря въ Вѣлосерскомъ уѣздѣ по выписи 1580 года. Здѣсь стоитъ особо, послѣ описанія Заболотской волости, деревня Нюхово и при ней пашни доброй земли 8 чегей да въ пустѣ 4 чети. „А въ ней сошного письма по платежницѣ полполполчети сохи, а по дозору треть въ пустѣ. И сошнымъ письмомъ живущаго и пустаго росписать нельзя, и для угодей положена вся въ живущемъ полполполчети сохи, тоже что и въ платежницѣ“¹⁾. Подобные случаи, вѣроятно, встрѣчались нерѣдко, и на югѣ, быть можетъ, чаще, чѣмъ въ центрѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Авторъ, повидимому, думаетъ, что непримѣнимость къ такимъ хозяйствамъ сошного письма затрудняла опредѣленіе ихъ платежной способности, что и повело за собой положеніе въ окладъ живущей четверти пашни. Но такое толкованіе цѣликомъ построено на предположеніи, что каждое хозяйство, какъ бы оно мало ни было, являлось самостоятельнымъ податнымъ округомъ. Авторъ, очевидно, не сомнѣвается въ повсемѣстномъ существованіи такого порядка. По крайней мѣрѣ, едва ли иначе можно истолковать слѣдующее его утвержденіе. Тамъ, гдѣ подать разводилась предварительно выборными людьми на

¹⁾ Арх. Мин. Юст., Вѣлос. у., № ¹⁵⁶/₁₅₇. См. выше о размѣрахъ сохи въ Вѣлосерскомъ уѣздѣ.

отдѣльныя полости и деревни, и гдѣ соху можно было раздѣлять на равныя части (выти),—въ такой искусственной единицѣ, какой была живущая четверть, не было никакой надобности... Напротивъ, въ владѣльческихъ земляхъ (которыя тоже дѣлились на выти за рѣдкими исключеніями, замѣтимъ отъ себя), при отсутствіи общаго разлада и при наличности искусственныхъ комплексовъ крестьянскихъ и боярскихъ дворовъ, объединявшихся случайнымъ фактомъ принадлежности одному лицу и замыкавшихся отъ всякаго развода и разрыва съ сосѣдними владѣльцами, правительство должно было взять этотъ разводъ на себя и посредствомъ живущей четверти установить размѣръ участія каждаго владѣльца въ платежѣ съ сошнаго письма¹⁾ Но такое утвержденіе нуждается въ специальномъ изслѣдованіи вопроса, чего мы не находимъ у автора. Замѣтимъ съ своей стороны, что нѣсколько помѣстныхъ хозяйствъ могли быть спасены выѣт-сошнымъ письмомъ и, стало быть, входили въ составъ одного податнаго округа²⁾.

Вторая посылка автора сводится къ тому, что въ XVI вѣкѣ въ окраинныхъ уѣздахъ, а послѣ смуты и въ центральныхъ, разрѣшенъ были платежи только съ одной обработанной (живущей) пашни. Изъ это утвержденіе представляется намъ не менѣе спорнымъ. Мы полагаемъ, что этотъ порядокъ существовалъ, какъ общее правило, повсюду со второй половины XVI вѣка. Еще и раньше можно указать рядъ челобитій со стороны заинтересованныхъ о податныхъ льготахъ вслѣдствіе запустѣнія по разнымъ причинамъ ихъ имѣній. И тогда уже правительство не оставалось глухо къ подобнымъ просьбамъ, предоставляло просятелямъ льготы на опредѣленный срокъ, чтобы можно было „на пусто“ назвать и посадить жильцовъ. Во второй ж половинѣ XVI вѣка, когда запустѣніе, вслѣдствіе отхлынувшей колонизаціи на юго-востокъ, сдѣлалось доволно общимъ явленіемъ, временныя льготы не могли помочь дѣлу, а потому возникаетъ правило по которому подати уплачиваются только съ живущей пашни. Только наличностью такого правила можно объяснить тотъ фактъ, что за немногими лишь исключеніями во всѣхъ писцовыхъ книгахъ и сотныхъ выписяхъ второй половины XVI вѣка считается особо обработанная и запущенная пашня, и въ итогѣ подводится особо сошное писемъ въ живущемъ и въ пустѣ. При каждой послѣдующей описи или сп-

¹⁾ Госуд. хозяйство, 20.

²⁾ А. II., I, № 195 (1576).

ціальному дозорѣ обыкновенно отмѣчалось, сколько за данный періодъ времени убыло изъ живущаго въ пусто или перешло изъ пуста въ живущее. Помимо этого общаго соображенія, въ подтвержденіе указаннаго правила можно привести еще и другой фактъ, а именно: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пустующая пашня составляла громадный процентъ въ сравненіи съ обработанной, превосходила по размѣрамъ послѣднюю въ нѣсколько разъ. Краснорѣчивые итоги новгородскихъ писцовыхъ книгъ 1582—1583 гг. съ достаточной убѣдительностью доказываютъ невозможность предположенія объ уплатѣ податей и съ земля, лежащей въ пустѣ. Въ Шелонской пятинѣ, наприхѣрь, на 409 обожъ живущихъ приходилось въ пустѣ 7.254 обжи, а въ Деревской пятинѣ на 184 живущихъ обжи—11.748 обожъ въ пустѣ¹⁾. Была ли какая нибудь фактическая возможность оплачивать съ живущихъ обожъ за всѣ пустыя обжи?

На основаніи только что сказаннаго и вторая посылка г. Милюкова кажется намъ недостаточно обоснованной и нуждается по меньшей мѣрѣ въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Указанными сомнѣніями не исчерпываются всѣ недоразумѣнія, возникающія по поводу толкованій автора о живущей четверти. Такъ, наприхѣрь, авторъ утверждаетъ, что счетъ живущими четвертями примѣнялся, за исключеніемъ черныхъ, ко всѣмъ прочимъ категориямъ земель, такъ какъ эти послѣднія преимущественно пользовались льготами. Относительно монастырскихъ земель, а также помѣстныхъ и вотчинныхъ, имѣются прямые указанія въ указахъ объ обложеніи ихъ по живущимъ четвертямъ. Но относительно дворцовыхъ и черныхъ земель намъ такіа указанія неизвѣстны. Еще г. Лаппо-Данілевскій высказалъ догадку, что къ послѣднимъ двумъ видамъ земель „счетъ живущими четвертями, повидимому, не примѣнялся“ (стр. 250, прим. 1). Но г. Милюковъ на это возразилъ, что „къ дворцовымъ селамъ этотъ счетъ, положимъ, примѣнялся, но къ чернымъ волостямъ не примѣнялся навѣрное“ (118). Къ сожалѣнію, оба эти положенія остаются безъ всякой мотивировки. Между тѣмъ въ изслѣдованіи самого автора находятся данныя о томъ, что въ 1637 г. деньги на городовое дѣло и на жалованье ратнымъ людямъ велѣно было собрать по писцовымъ книгамъ „съ живущихъ четьи“ съ посадовъ, дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, съ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель. Въ грамотѣ на Чердынъ предписано было собрать деньги „по пла-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., кн. № 8544 (пол. 2-я); кн. № 302 (№ $\frac{10}{14}$), л. 1019.

теплымъ книгамъ, по которымъ платять наши ямскіе деньги и стрѣleckіе кормы, противъ нашего указа, съ Пермь и съ Чердыни и Соли Камскія съ посаду и съ черныхъ волостей съ живущія четьи съ чети пашни по 16 алтынъ по 4 деньги" ¹⁾. Нѣсколько раньше, именно въ указѣ 1629 г., мы встрѣчаемъ указанія на то, что было велѣно „Чердынскій уѣздъ для платежу денежныхъ доходовъ и спибирскихъ отпусковъ росписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сошное письмо противъ указу дворами, по 392 двора въ соху, а не противъ четвертныя пашни" ²⁾. Конечно, отдѣльные факты еще не рѣшаютъ вопроса, но они стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ утвержденіемъ автора, которое остается не доказаннымъ, хотя авторъ сдѣлалъ изъ него и дальнѣйшій весьма важный выводъ: опъ указываетъ, что такъ какъ живущая четверть не примѣнялась къ чернымъ землямъ, послѣднія оказались обложенными въ 80—120 разъ (?) больше помѣстныхъ, монастырскихъ и дворцовыхъ земель, чѣмъ и слѣдуетъ, по его мнѣнію, объяснить первостепенную финансовую роль сѣвера и завѣдывавшихъ имъ четвертей—новгородской и устюжской (119). Но первый выводъ нуждается по меньшей мѣрѣ въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, а послѣдній, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить гораздо проще сравнительной обширностью территорій, завѣдываемыхъ двумя упомянутыми четвертями.

Заканчивая на этомъ наши замѣчанія, спѣшимъ оговориться, что нами затронута лишь небольшая часть любопытныхъ „спорныхъ вопросовъ". Мы не упомянули многихъ другихъ, не менѣе важныхъ и интересныхъ. Таковы цѣнныя наблюденія автора о возникновеніи тяглої организаціи, объ общинѣ; его замѣчанія по исторіи нѣкоторыхъ разрядовъ тяглаго населенія и отдѣльныхъ видовъ податей. Съ нѣкоторыми догадками и выводами автора мы не вполне согласны и въ частности не убѣдились его возраженіями по вопросу о половникахъ. Но отлагаемъ свои замѣчанія по этимъ вопросамъ въ надеждѣ вернуться къ нимъ въ другое время.

Въ заключеніе предлагаемъ дополнительныя свѣдѣнія къ составленному П. Н. Милюковымъ списку писцовыхъ и дозорныхъ книгъ XV—XVI вѣка, хотя заранѣе знаемъ, что и послѣ нашего дополненія этотъ списокъ можетъ быть еще пополненъ ³⁾.

¹⁾ Госуд. хозяйство, 67; С. Г. Г. и Д., III, № 107; А. Э., III, № 268.

²⁾ А. Э., IV, № 6.

³⁾ Въ указаніи источниковъ мы слѣдовали порядку, принятому П. Н. Милюковымъ.

Годъ.	Уездъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источники.
6990	Бѣлозерскій.	Писцы бѣлозерскіе Мих. Дм. сынъ Гиббовъ, Ив. Голова Семеновъ и Зах. Микулинъ .	№ 858 (грам. Колл. Эк.).
7002	Дмитровскій.	*Книги письма Родіона Должикова.	№ 5129, л. 44.
до 7009	Новгородъ, Бѣжецк. пят.	*Книги дворцовыя письма Вас. Гр. Паумова и Сем. Захарьина Дятлова	Мин. Ин. Дѣлъ, книга по Новг., № 4, лл. 1—90.
7019	Нижегородскій.	Писецъ Иванъ Захарычъ и дѣякъ Сумароковъ Путятинъ судили судъ (въ грамотѣ упоминаются прежніе писцы Ив. Волынский и Фед. Киселевъ) .	№№ 7943, 7944 и 7967.
7026	Новгородъ, Бѣжецкая пятина.	*Никитины книги Зезевитова.	М. И. Д., кн. по Новг., № 4, л. 282.
до 7045	Переяславля Рязанскаго.	Книги писцовыя Вас. Андр. Коробова съ тов.	№ 9823.
7048	Коломна.	Писцы в. князя Андр. Ив. Писемской и Никита Фед. Овшаковъ раздѣлили межю .	№ 6367, л. 24.
7048	Торопецкій.	Книги письма Алд. Давыд. Ульянова и Тим. Степ. Бябикова.	Н. Чечулинъ, Города въ XVI в., 56 прим.
7050—7053	Новгородъ, Бѣжецкая пят.	*Письмо половины Бѣжецкой пятины Ив. Дан. Вельяминова, а дописывалъ Ао. Соловцовъ	М. И. Д., кн. по Новг., № 4, л. 194, и кн. № 6.
до 7051	Двинской (Холмогорскій).	Писцовыя книги письма Тим. Мих. Аеоунасьева съ тов. .	№ 14386.
7052	Ростовскій.	*Сотная писцовъ Ив. Алд. Плещеева и дѣяка Ив. Деи. Низовцова съ тов.	№ 10559.
7053	Нижегородскій.	Книги нижегородскихъ ключниковъ письма Вас. Осорьена и Посника Головина .	№ 7953; Сб. Бѣлиева, № 1621, л. 102; А. Ю. Б., № 30, IV.
7058	Звенигородскій.	По приказу Дмитровскаго дворецкаго писали монастырское село Гр. Гр. Неклюдовъ и подьячій Ореенца Максимовъ	№ 4694.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7058—7059	Новгородъ, Бѣжецкая пят.	*Книги письма Ивана Чиркина и подъяч. Ѳедора Фатьянова.	М. И. Д., кн. по Новг., № 4, лл. 91—210, лл. 191—194.
7059	Новгородъ.	*Отрывки писцовой книги 14 погостовъ письма Шемяки Вас. Благова	М. И. Д., кн. по Новг., № 4 (второй), листы не нумерованы.
7059	Коширский.	Писцовыя книги кн. Ѳедора Прозоровскаго съ тов. *Писцовыя книги Ив. Беклемишева.	№ 5774. Барсовъ, Палеостровъ, 69.
7059 и 7061	Рүзскій.	Приправочныя книги городскихъ приказчиковъ Ивашки Власьева и Игната Иванова.	№ 10293.
7059 и 7061	Переяславля Рязанскаго.	Писцовыя книги Михаила Годунова съ тов.	№ 9829.
7060	Галицкий.	Сотная Гр. Слязиева	№№ 3408 и 3409.
"	Московский.	*Книги государевыхъ писцовъ Услема Ив. Данилова и Ив. Гр. Беклемишева (дворецъ не писали)	№ 5129, л. 7 и 18 об.
	Серпуховскій.	*Книги письма кн. Вас. Сем. Фунякова съ тов.	Самсова, Исторія г. Серпухова, 311.
7061	Новгородъ, Кемьской волости.	*Новгородск. книги письма Пятаго Карташова, Вас. Мореза и подъяч. Дея Подосепова	№ 8447.
	Новгородъ, Бѣжецкая пят.	Приправочные писцы Ѳед. Нелединскій и Ѳед. Кулешовъ.	М. И. Д., кн. по Новг., № 4, лл. 256, 280 и 602.
7063	Устюжскій.	Пасецъ Юрій Алд. Самсоновъ.	№ 13227.
7064	Каргопольскій.	*Сотная съ каргопольскихъ и турчасовскихъ книгъ письма Ян. Ип. Сабурова и Ив. Андр. Кутузова съ тов.	№ 5909.
7066	Суздальскій.	Книги письма и мѣры Никиты Яхонтова.	Опшс. Шун, № 67.
7067	Московский.	*Книги письма и мѣры кн. Ди. Гагарина съ тов.	Русск. Ист. Библиот., II, 42.
	Тульскій.	*Книги писцовъ Мѣщанина Морозова съ тов.	№ 12308.

Годъ.	Уездъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7068	Костромской..	Писцы В. И. Наумовъ и Ив. Ив. Ордынцовъ.	ЖЖ 5035, 5043, 5044.
7069	Ростовскій.	Книги письма и мѣры Петра Коледиского съ тов.	Ж 7173, л. 80.
7069—7071	Переяславль Запѣсскій.	Переяславскіе писцы Услюй Ив. Даниловъ и Ив. Ив. Пущкинъ дають разѣвзжукъ.	ЖЖ 8917, 8925.
7070	Нижегородскій.	Писцы нижегородскіе Русинъ Никитинъ Пилипкинъ и Грибанъ Дмитріевъ дають на оброкъ.	Ж 7957.
		Нижегородскій писецъ дьякъ Демоній Слугинъ разѣвхалъ землю	Ж 7958.
до 7072	Муромскій.	*Въ выписи ссылка на письмо Мих. Ив. Колычева и Игнат. Тим. Загрязского съ тов.	Ж 7746.
7072	Шацкій.	Мещерскія оброчныя писцовыя книги Мѣшанина Морозова съ тов.	Ж 14469, Изв. Тамб. Арх. Комм., XIII, 18.
	Галицкій.	Книги письма кн. Ив. Ромодановскаго съ тов.	Ж 14553, лл. 14—17.
	Бѣлевскій.	*Выписъ писцовъ Сем. Гр. Савина, Андр. Игнат. Яхонтова и подьяч. Сем. Песедкаго.	ЖЖ 1461 и 1462.
7072—7073	Нижегородскій.	*Выписъ и книги письма нижегородскихъ писцовъ кн. Осипа Дм. Масальскаго, Мих. Матв. Ломатина и Лошука Володимерова	ЖЖ 7962 и 7965.
7073	Ярославскій.	Ростовскій дворцовыхъ селъ писецъ Никита Дав. Годуновъ и подьяч. Сем. Поздѣвъ Павловъ.	Ж 14770.
7074	Новгородъ, Бѣжецкая пят.	*Книги письма и мѣры подовины Бѣжецк. пятины Дм. Гр. Рязанова и подьяч. Як. Микитина.	М. И. Д., кн. по Повг. Ж 4, лл. 210—282.
7074—7075		*Книги письма и мѣры подовины Бѣжецк. пятины Ив. Гр. Мусяпа и подьяч. Як. Микитина.	Тамъ же, лл. 282—601.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7075	Владимірскій Галицкій Дмитровскій Московскій Переяславскій Костромской.	*Книги письма и мѣры и дозору Гр. Болтина съ тов. (Буслова Рогозина)	№ 5129, лл. 10, 11, 27, 27 об., 32 об.
7076	Новгородъ, Гѣжецкая пят.	*Книги письма и мѣры Курбата Андр. Измайлова и подъяч. Рудака Толмачева. Книги письма и мѣры сына боярскаго Целяба Шаранова Сарыхозина и подъяч. Ляпуна Добрынина	№ 5120, лл. 5—7. М. И. Д., кн. по Новг., № 4, л. 602.
7077	Владимірскій.	Сотная съ книгъ письма и мѣры Андр. Ив. Мятлева и Тим. Михайл. Судакова съ тов.	№ 1873.
	Ярославскій.	Послѣ Никиты Голунова писали Ярославль и уѣзд. Вас. Омины и Гр. Сукинъ съ тов.	№ 14772.
7080	Нижегородскій.	*Книги письма и дозору кн. Сем. Жужемскаго съ тов.	№№ 7989 и 8000.
	Оболянский.	Книги письма и дозору Фед. Крюкова да подъяч. Богдана Иванова	№ 7173, л. 96.
	Серпуховскій.	Посланы для описи и дозору въ Серпуховъ Фед. Ив. Крюковъ и подъяч. Богданъ Ивановъ	Симонъ, Ист. Серпухова, 183.
7081	Стародубскій.	*Книги письма и мѣры и отдѣлу Семейки Теляковского и подъяч. Ив. Поздѣева	№ 11850.
7082	Помеховскій.	Книги письма и дозору Ив. Коробова	Калачевъ, I, 2, 39.
	Тетюшскій.	*Книги письма и мѣры Вас. Соколова	Казанскіе акты Мельникова, № 1.
7083	Стародубскій.	*Книги письма и дозору Тучка Ратцова и подъяч. Ив. Окниеева	№ 11850.
	Клипскій.	*Книги письма и дозору Ив. Коротнева и подъяч. Старого Пантычина	№ 7173, л. 86.
до 7084	Нижегородскій.	*Книги письма и дозору Пятаго Андр. Тумскаго и подъяч. Семейки Панкрат. Олферьева.	№ 7969.
7085	Муромскій.	*Книги письма кн. Михаила Мезецкаго съ тов.	№ 7801.
	Бѣлозерскій.	*Книги письма и дозору Вас. Старого (сельца Вдома)	№ 855.
7086	Волоцкій.	Книги письма и мѣры Сем. Пушкпина да подъяч. Третьяка Десятаго	№ 7173, л. 66.

Годъ.	Уездъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7086	Юрьевскій.	Книги письма и мѣры Елизарья Кошкарова . . .	№ 14594, л. 97.
7089	Кашинскій.	Приправочныя книги подьячаго Семейки Кузьмина . . .	№ 7173, л. 56
до 7090	Хамновскій.	Вятскія писцовыя книги Никиты Яхонтова съ тов. . .	№ 14165.
7091	Новгородъ, Деревская пят.	Книги письма Дмитр. Замыцкого и подьяч. Третьяка Мокшева . . .	№ 8462.
7092	Переяславль Рязанскій. Устюжскій.	Книги письма Семейки Плещеева съ тов. . . Писцы Миня Сем. Нестеровъ и подьячье Вас. Павловъ и Влад. Ивановъ . . .	№ 9831. № 13166.
7092—7095	Ростовскій } Суздальскій }	*Книги письма и мѣры Андр. Оед. Мануйлова и Оед. Рогозина . . .	№ 5129, лл. 2, 7 и 9.
7093	Бѣлевскій.	*Выпись съ книгъ письма и мѣры Савина Гр. Площеева, Михаила Аксент. Зыбина и подьяч. Михаила Никитина . . . Писцы Бѣлевскихъ дворцовыхъ сель Никит Гр. Ржевскій съ тов. . .	№ 1462. № 1463.
	Владимірскій.	*Книги письма и мѣры кн. Дм. Барятинскаго съ тов. . .	№ 1875.
	Двинской.	*Выпись съ книгъ письма кн. Вас. Андр. Звенигородскаго и подьячихъ Степ. Воронова и Степ. Оедорова . . .	№ 4264.
7093—7094	Новгородскій.	*Книги Варзужскихъ писцовъ Посынка Балакшина и подьяч. Прокопья Яковлева . . .	№ 8466.
7094	Владимірскій } Дмитровскій } Кашинскій } Московскій }	*Книги письма и дозору Сем. Никитина и Перваго Сохарусова (дворцовыхъ сель не писали) . . .	№ 5129, лл. 8, 16 об., 37, 3 об., 7 и 18 об.
	Владимірскій } Костромской }	*Книги письма и мѣры Андр. Сурмина и Сем. Евреева . . .	№ 5129, лл. 13 об., 3 и 4.
	Галициій.	*Книги письма и дозору Юр. Нелодинскаго и подьяч. Леоптія Саеонова . . .	№ 14553, лл. 14—17.
	Московскій.	*Книги письма и мѣры Тим. Хлопова съ тов. . .	№ 14553, лл. 14—17.
	Темниковскій } Щацкій }	*Дозорныя книги письма и дозору Алексѣя Палицына . . .	№№ 12052, 14468, л. 8.

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7095	Бѣлозерскій.	*Сотная съ книгъ письма и дозору Ив. Алекс. Шетнева и под. Ждана Сафопова .	№ 866.
"	Костромской.	Переписныя книги губнаго старосты Селянина Дятлина .	№ 5127.
послѣ 7095 (?)	Бѣлозерскій.	*Выписъ съ книгъ письма Леонтия Опашкина .	№ 876.
7096	Зубцовскій.	*Книги письма и мѣры Ив. Оед. Елизарова, д. Салтана Куломзина и под. Сем. Давыдова .	№ 4836.
	Новоторжскій.	*Приправочныя книги кн. Меркуля Щербатова и д. Олф. Григорьева .	№ 8337.
7097	Бѣлевскій.	Книги письма и дозору Зах. Безобразова и под. Давида Осефиляева .	№ 1464.
	Каширскій.	*Книги письма и дозору Вас. Измайлова и под. Меньшаго Заморцева .	Бѣлев. Сб., № 1620, л. 443 об.
	Московский.	*Книги письма и дозору Вас. Тихацова .	№ 5129, л. 18.
		*Книги письма и дозору Елиз. Сабурова и под. Ив. Яковлева .	Бѣлев. Сб., № 1620, л. 440 об.
	Юрьевскій.	*Книги письма и дозору кн. Оед. Елецкаго съ тов. .	№ 14553, л. 14.
7098	Хлыновскій.	*Вятскія книги письма и дозору Богд. Григорьева и под. Савы Григорьева .	№№ 14169 и 14171.
7099	Суздальскій.	Книги письма Елиз. Новосильцова .	№ 14553, л. 14 и слѣд.
7100	Московский.	Переписныя книги под. Симона Давыдова .	№ 14533, л. 17.
7102	Арзамасскій.	Мѣрные книги городского приказника Умшана Лобанова .	№ 243.
7103	Костромской.	*Книги письма Ос. Оед. Плещеева, Мих. Ив. Протопопова и под. Посника Шипилина .	№ 5129.
до 7103	Нижегородскій.	Переписныя книги монастырей дьяка Третьяка Дубровина .	№ 7987.
7103	Хлыновскій.	Дозорныя книги (монастырскія) Вас. Овцына .	№ 14175, л. 83.
7104	Зубцовскій.	*Книги письма и мѣры лав-	

Годъ.	Уѣздъ.	Названіе книги и имена писцовъ.	Источникъ.
7104—7106	Костромской (луговой половины).	чаго Дм. Андр. Замыцкого и под. Симона Давыдова . *Книги письма и мѣры кн. Фед. Ив. Кривоборского и Арт. Ив. Колтовскаго съ тов.	ЖЖ 4837 и 4838.
	Костромской (нагорной половины).	*Книги письма и мѣры Вас. Аѳ. Вельяминова и Пант. Дм. Усова	ЖЖ 3392, 5142 и 5145.
7108	Хлыновскій.	Книги письма и дозору городского приказчика Федора Рязанцева	ЖЖ 5142 и 5144, 14553, лл. 14—17.
			ЖЖ 10982, 14173 и 14176.

М. Дьяконовъ.

Византийскій Журналъ, издаваемый профессоромъ *Крумбахеромъ* (Byzantinische Zeitschrift, herausgegeben. v. K. Krumbacher, 1-er Band, Leipzig, 1892).

Съ рѣдкой настойчивостью и замѣчательнымъ успѣхомъ профессоръ Крумбахеръ осуществилъ научное предпріятіе, постоянную потребность котораго чувствовали давно уже византилисты. Не раздѣляя мнѣнія большинства о непреодолимыхъ трудностяхъ, какія ожидаютъ редактора и издателя такого спеціальнаго журнала, какъ византийскій, проф. Крумбахеръ приступилъ къ изданію византийскаго органа самымъ простымъ и обычнымъ способомъ, практикующимся въ этомъ случаѣ въ Германіи. Не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ средствамъ, не рассчитывая ни на правительственную, ни на частныя субсидіи, онъ успѣлъ заинтересовать въ своемъ предпріятіи знаменитую книгопродавческую фирму Тейбнера въ Лейпцигѣ, которая нашла возможнымъ принять на себя веденіе хозяйственной части изданія. Когда было достигнуто соглашеніе съ фирмой Тейбнера, матеріальная сторона дѣла могла считаться обезпеченною. Что касается сотрудниковъ, то большинство европейскихъ византистовъ охотно согласились участвовать своими трудами въ журналѣ. Такимъ образомъ, въ той странѣ, которая держитъ научное знамя классической филологіи и исторіи и по справедливости признается очагомъ знанія и просвѣщенія, суждено было появиться первому журналу, посвященному византиновѣдѣнію.

Дѣло, повидимому, налажено хорошо. Въ настоящее время журналъ вступилъ во второй годъ своей жизни, и существуютъ признаки, позволяющіе думать, что онъ и впредь пойдетъ такъ же успѣшно, какъ успѣшно началъ. Позволяемъ себѣ думать, что журналъ *Byzantinische Zeitschrift* мало-по-малу долженъ овладѣть византійскими занятіями въ Европѣ и оказать большое вліяніе въ ближайшемъ будущемъ на направленіе означенныхъ занятій. Поэтому находимъ умѣстнымъ предложить въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, который удѣляетъ не мало мѣста византійскимъ изслѣдованіямъ, отчетъ о содержаніи византійскаго журнала за прошедшій годъ.

1. Цѣль изданія журнала и задачи византиновѣдѣнія.

Въ *Византійскомъ Обзорѣ* прежде всего обращаютъ на себя вниманіе двѣ статьи общаго характера, изъ коихъ одна принадлежитъ самому редактору, профессору Крумбахеру, и открываетъ собой журналъ (Vorwort. I, 1); другая—профессору Аѳинскаго Университета Спиридону Ламбросу и трактуетъ о задачахъ византиновѣдѣнія (*Byzantinische Desiderata*, I, 2). Эти статьи могутъ быть названы руководящими, характеризующими направленіе журнала. Въ нихъ, кромѣ того, высказано много общентересныхъ мыслей, которыя заслуживаютъ наибольшаго распространенія. Поэтому выдѣляемъ ихъ въ особую главу и останавливаемся на содержаніи ихъ больше, чѣмъ на статьяхъ спеціальнаго характера, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что въ нашей литературѣ нельзя указать такихъ статей по Византіи, которыя бы бросали общій взглядъ на византійскія занятія и знакомили съ тѣмъ обширнымъ кругомъ вѣдѣнія, который открывается предъ византинистомъ.

Во нѣкихъ областяхъ историко-филологическихъ наукъ, — говоритъ проф. Крумбахеръ, — накопилось въ послѣднія десятилѣтія такое обиліе матеріала, которое вызвало появленіе совершенно новыхъ научныхъ дисциплинъ. Только въ одной области греческой культуры доселѣ сохранилось единство, хотя оно объясняется не тѣмъ, что еллинисты занимаются обработкой всей исторіи греческаго языка и литературы; напротивъ, большинство изъ нихъ не простирается далѣе классической или александрійской эпохи, пренебрегая позднѣйшими временами. Можно, правда, указать частныя и отдѣльныя попытки и въ этомъ послѣднемъ направленіи, но имъ не достаетъ исторической перспективы, такъ какъ не было сознанія того, что весь періодъ позднѣйшаго елливизма, равно какъ византійскій и новогреческій, можетъ быть изу-

чаемъ, какъ самостоятельный и необходимый членъ въ исторіи чело-
вѣчества. Это можетъ быть объясняемо различными причинами. Визан-
тійцы и зависимые отъ нихъ въ культурномъ отношеніи народы по
своему церковному и политическому устройству такъ далеко и рѣзко
отдѣлились отъ западныхъ европейцевъ, что послѣдніе не признають
ихъ потомковъ за европейцевъ. Православный востокъ образуетъ са-
мостоятельный міръ между цивилизованою Европой и варварскою
Азіей. Этотъ міръ, служившій въ прошедшемъ защитой Европы про-
тивъ азіатскаго варварства и въ будущемъ предназначенный быть
культурнымъ мостомъ изъ Европы въ Азію, до самаго послѣдняго вре-
мени не былъ предметомъ достаточнаго вниманія. Даже славянская
филологія, въ значеніи которой въ настоящее время никто не сомнѣ-
вается, много терпѣла отъ этого пренебреженія къ востоку. Усиліями
Миклошича и Ягича она завоевала теперь подобающее ей мѣсто.

Въ области изученія восточной Европы византійскій міръ съ его
предвѣстниками и отпрысками составляетъ оригинальное и самобыт-
ное явленіе. Изученіе языка, литературы и искусства, религіознаго,
соціалнаго и политическаго быта народовъ, входившихъ въ составъ
Византійской имперіи, составляетъ такую область изслѣдованія, кото-
рая имѣетъ сношенія съ жизненною дисциплиною, нѣкую богатую
будущность. Признанію самостоятельнаго значенія за визан-
тійскою наукою (*die Selbständigkeit der Byzantinistik*) много вредитъ
глубоко укоренившееся заблужденіе, что все византійское только въ
томъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, на сколько оно служить къ
объясненію или классической древности, или какой либо другой спе-
ціальной области. Каждое проявленіе византійскаго духа въ области
литературы, въ художественной дѣятельности и т. п. можетъ быть
объектомъ научнаго изслѣдованія, какъ необходимый элементъ цѣлаго
организма. Для классическаго филолога памятникъ византійской ли-
тературы представляетъ предметъ изученія съ точки зрѣнія класси-
ческихъ идей и преданій, между тѣмъ для византиниста это будетъ
предметъ византійской духовной производительности, который должно
изучать съ точки зрѣнія времени и условій его происхожденія и на
основаніи котораго можно составить понятіе о культурныхъ условіяхъ
среды. При самостоятельномъ значеніи византинистики не должны
быть оставляемы безъ вниманія многообразныя отношенія ея къ осталь-
нымъ филологическимъ и историческимъ наукамъ. Съ этой точки зрѣ-
нія цѣли и задачи византійскихъ занятій и ихъ отношеніе къ смеж-
нымъ дисциплинамъ могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ.

Общезвѣстна и безспорна тѣсная связь среднегреческаго языка и литературы съ древностью; нѣтъ ни одной области въ древней филологіи, которая бы не извлекала пользы изъ спеціального изученія византійскаго міра. Греки до XV столѣтія сохраняли болѣе тѣсную связь съ древностью въ языкѣ и литературѣ, чѣмъ западно-европейцы. Вотъ почему занятія средне и новогреческимъ языкомъ, въ особенности простонароднымъ, заняли такое важное мѣсто въ филологіи. Въ литературѣ западно-европейскихъ средневѣковыхъ поэтѣй византійцы играютъ весьма важную роль въ передачѣ, обработкѣ и заимствованіи сюжетовъ и мотивовъ. Такъ какъ изслѣдованіе международныхъ взаимодействій составляетъ одинъ изъ отдѣловъ всеобщей исторіи литературы, то понятно значеніе византійскихъ занятій для романской филологіи. Эта послѣдняя въ особенности въ области языка получаетъ свѣтъ изъ византійскихъ изученій, такъ какъ романскіе языки и народный греческій пснители одинаковый процессъ развитія, и многія явленія въ обѣихъ группахъ могутъ быть разъяснены лишь при сравнительномъ изученіи. Ближайшую зависимость отъ византійской имѣетъ румынская филологія. Еще болѣе, чѣмъ романская, обличается съ византійскими занятіями славянская филологія. Не только литература и искусство южныхъ славянъ и русскихъ, но также политическая и церковная исторія ихъ не можетъ быть понята безъ глубокаго изученія Византіи. „Грекославянскій міръ“: это—боевое знамя въ историческихъ и филологическихъ работахъ южныхъ и восточныхъ славянъ, въ литературахъ которыхъ появилось много серьезныхъ и методически исполненныхъ сочиненій, къ сожалѣнію, въ большинствѣ неизвѣстныхъ въ Западной Европѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что связь византійскихъ занятій со славянскими выражается не въ томъ только, что Византія поясняетъ славянскія древности, но и въ томъ, что самый византійскій міръ находятъ себѣ объясненіе въ славянскомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ ученыхъ, изъ явившихъ согласіе принимать участіе въ византійскомъ журналѣ, русскіе и южные славяне представляютъ такое значительное число. Такъ какъ греки и византійцы стояли въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ восточными народами: съ армянами, евреями, сирійцами, арабами, египтянами, коптами, персами и индами, то византійскимъ занятіямъ не должны быть чужды и восточныя, которыя съ одной стороны могутъ бросить свѣтъ на Византію, съ другой и сами получаютъ объясненіе съ византійской точки зрѣнія.

Самый рѣзкій и выразительный признакъ, отличающій византій-

скую эпоху от древнегреческой и римской, заключается въ христіанствѣ, и самые оригинальные литературные роды византизма относятся къ церковной поэзіи и прозѣ. Въ этомъ основное значеніе Византии для богословской науки. Нѣтъ для этой области столь мало обработаннаго и столь общающаго поля, какое представляетъ византизмъ, который вслѣдствіе церковнаго раздѣленія остался мало извѣстнымъ Западу съ точки зрѣнія исторіи и литературы православной церкви. Западъ усюконлся на томъ предразсудкѣ, что со времени Іоанна Дамаскина погасъ геній греческой церкви; даже самый высокій въ эстетическомъ отношеніи родъ литературы—церковная поэзія—не больше двадцати лѣтъ назадъ открытъ былъ для Запада кардиналомъ Питрой. Рядомъ съ догматикой и литургикой, обширная область греческой агиографіи съ многообразными отношеніями къ литературѣ средневѣковыхъ романовъ и повѣстей заключаетъ неистощимый источникъ для интересныхъ темъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ византийскія занятія со стороны историковъ. Многіе византийскіе писатели имѣютъ высокое значеніе и для древней исторіи по сохранившимся у нихъ древнимъ источникамъ, но вполне необходимы они для изученія средневѣковой исторіи Римской имперіи и ея отношеній къ сосѣдямъ. Нельзя понять нынѣшній эллинистскій міръ безъ глубокаго изученія его средневѣковой исторіи, и даже между самими греками потеряла теперь кредитъ та точка зрѣнія, что въ греческой исторіи можно круто переходить отъ персидскихъ воѣнъ къ царствованію Оттона. Если въ Германіи знаютъ изъ византийской исторіи только имя Юстиніана и двукратное завоеваніе Царегграда латинянами и турками, то это есть лишь дальнѣйшее послѣдствіе, простицающееся изъ общаго предубѣжденія противъ востока. Хотя чрезъ труды Гиббона и Финлея средневѣковая исторія Римской имперіи сдѣлалась доступна западноевропейцамъ, но какъ недостаточно оцѣнено значеніе ея и по настоящее время, можно видѣть по школьнымъ руководствамъ, изъ коихъ большинство образованныхъ людей черпаетъ свои историческія свѣдѣнія: между тѣмъ какъ французская, англійская, итальянская и испанская исторіи представлены здѣсь въ довольно подробныхъ чертахъ и даже съ полнымъ перечнемъ государей, довольно значительные періоды византийской исторіи излагаются въ краткихъ и въ своемъ лаконизмѣ едва понятныхъ положеніяхъ. Изъ византийскихъ писателей, равно какъ изъ надписей, печатей и монетъ, получаютъ обильныя объясненія средне-

вѣковая географія, этнографія и топографія—Балканскаго полуострова, западной Азии, сѣверной Африки и южной Россіи.

До самаго послѣдняго времени господствовали самыя неясныя и ошибочныя представленія объ искусствѣ: то все средневѣковое искусство гуртомъ признавали византійскимъ, то сводили византійскіе элементы въ западномъ искусствѣ до минимума, то, наконецъ, принимали среднее положеніе между двумя крайними мнѣніями. Между тѣмъ какъ прежніе историки искусства занимались византійскими памятниками лишь мимоходомъ, теперь цѣлый рядъ изслѣдователей сдѣлалъ византійское искусство или исключительнымъ, или главнымъ предметомъ своихъ занятій. Результаты этого новаго направленія позволяютъ надѣяться, что исторія византійской архитектуры, пластики и живописи съ ея многообразными отношеніями къ восточному, славянскому и западному искусству скоро займѣтъ очень видное мѣсто.

Всего менѣе приверженцевъ въ Западной Европѣ имѣетъ византійское право. Правда, нельзя не видѣть, что для юридической догматики и экзегетики доселѣ мало пользы получено изъ Василіи и новеллъ византійскихъ царей. Тѣмъ не менѣе исторія византійскаго права, безъ котораго нельзя понять ни турецкаго, ни нынѣшняго греческаго, ни славянскаго права, представляетъ собой плодотворную и достойную серьезнаго труда область изслѣдованія.

Основаніе центральнаго органа, который долженъ сосредоточить въ себѣ занятія по намѣченнымъ отдѣламъ, знаменуетъ собой признаніе совершеннотѣлїи византійской науки. Она возводится этимъ въ самостоятельную область знанія, окончательно отдѣляясь отъ сосѣднихъ дисциплинъ, въ органахъ которыхъ, изрѣдка радушно принимаемая, а чаще только терпимая, была нахлѣбницей. Византійскій журналъ будетъ обнимать всѣ явленія греческой духовной жизни отъ конца древнихъ вѣковъ до новыхъ; онъ будетъ заниматься разработкой языка и литературы, философіи и богословія, внѣшней и внутренней исторіи, географіи и этнографіи, искусства и вспомогательныхъ областей, юриспруденціи, медицины и остальныхъ специальныхъ наукъ. Каждая книжка будетъ заключать три отдѣленія, изъ коихъ въ первомъ содержатся изслѣдованія, во второмъ критика, въ третьемъ библиографія. Въ первомъ отдѣленіи предположено также давать мѣсто болѣе важнымъ текстамъ, снабжая ихъ руководящимъ введеніемъ или объяснительнымъ комментариемъ. Такъ какъ журналъ въ научномъ и матеріальномъ отношеніи можетъ поддерживаться лишь участіемъ всѣхъ культурныхъ націй, то международный характеръ составляетъ основ-

ной пунктъ программы его: это относится и къ составу сотрудниковъ, и къ области распространенія, и къ обзору литературы по византиновѣдѣнію; этимъ же объясняется допущеніе пяти европейскихъ языковъ въ журналъ: нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго и новогреческаго.

„Я сознаю,—говорить проф. Крумбахеръ,—громадную ответственность, принимая на себя веденіе этого журнала, который въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно долженъ оказать вліяніе на методъ византийскихъ занятій и такимъ образомъ рядомъ съ чисто научнымъ имѣетъ и педагогическое значеніе. Я употребляю всѣ старанія, чтобы придать нашему органу чисто научный характеръ. Ибо нельзя скрывать, что много тяжкихъ грѣховъ тяготѣетъ въ этомъ именно отношеніи на византийскихъ и новогреческихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ безъ особеннаго напряженія можно открыть массу поверхностныхъ, ненаучныхъ, бесполезныхъ, даже вполнѣ неправильныхъ работъ. Какъ будто по молчаливому соглашенію, въ византийской области считается излишней роскошью примѣненіе основныхъ правилъ филологической критики. Сколько вреда принесло такое странное смѣшеніе понятій, это можно видѣть на Боннскомъ изданіи византийцевъ. Слишкомъ еще сильно распространенъ въ византийской наукѣ дилетантизмъ весьма много повиненъ въ томъ равнодушіи и нерасположеніи, съ которымъ относятся къ нашимъ занятіямъ нѣкоторые серьезные ученые. Организція византийской науки въ самостоятельную дисциплину и основаніе для нея научнаго органа, можетъ быть, принесетъ благодѣтельные плоды и въ методологическомъ отношеніи“.

Содержаніе статьи проф. Ламброса заключается въ слѣдующемъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія интересъ къ византийскимъ занятіямъ, казалось, совсѣмъ заглохъ. Слова Шлѣцера, обращенныя къ русскимъ историкамъ въ 1802 году на счетъ сладкаго сна, въ которомъ поконится византийская литература, съ одинаковымъ правомъ могли быть сказаны объ исторіи и искусствѣ византийскомъ. Въ Германіи и Россіи явились *первыя* попытки оживить интересъ къ Византии, въ послѣднее время съ большою ревностью вступили на тотъ же путь французы и греки. Но вмѣстѣ съ возрастающимъ интересомъ шло крайнее дробленіе отдѣльныхъ изученій; область изслѣдованія постепенно расширялась, а не доставало объединяющаго начала; изслѣдователи хотѣли, но не могли поддержать одинъ другаго. Поэтому не разъ высказывалась мысль объ основаніи международнаго органа, который бы принялъ на себя направленіе и руководство въ области

византійскихъ занятій. Подобная мысль назрѣла и въ Афинахъ, когда получено было изъ Мюнхена извѣстіе объ основаніи византійскаго журнала Крумбахеромъ. Привѣтствуя предприятие Крумбахера и усматривая счастливое предназначеніе въ томъ, что Германія, славная своими историками и филологами и по праву признаваемая представительницей филологической критики, принимаетъ на себя покровительство, направленіе и централизацію византійскихъ занятій, г. Ламбрось переходитъ къ своей темѣ, то-есть, къ изложенію ближайшихъ задачъ византиновѣдѣнія.

Эти задачи весьма обширны. Остаются неоткрытыми и неизслѣдованными источники, не примѣняются законы филологической критики при изданіи ихъ, можно даже сказать, что не приготовлена почва для занятій византійскою исторіей, литературой и искусствомъ. Всякому извѣстно, какими недостатками страдаютъ изданія византійскихъ источниковъ: какъ въ критическомъ, такъ и въ экзегетическомъ отношеніи они стоятъ гораздо ниже уровня изданій классическихъ писателей. Боннское изданіе советіи устарѣло, такихъ прекрасныхъ трудовъ, какъ Теофанъ Де-Боора, больше нѣтъ. Пора подумать о новомъ изданіи византійцевъ, при чемъ обязательно имѣть въ виду слѣдующее: во первыхъ, зависимость одного историка отъ другаго, что важно между прочимъ. для восстановленія текста, повторныхъ, справкахъ съ новогреческимъ языкомъ, такъ какъ большинство византійскихъ историковъ нельзя понять безъ новогреческаго. „Въ византійцѣ, хотя бы онъ являлся подъ античною маской, скрывается болѣе новогречъ, чѣмъ потомокъ Оукидида и Ксенофонта“.

Говоря о новомъ изданіи писателей, нельзя ограничиваться только большими историками. Наступило уже время подумать о собраніи и оцѣнкѣ всѣхъ ораторскихъ рѣчей, проповѣдей и писемъ историческаго содержанія. Программа Тафеля далеко еще въ этомъ отношеніи не выполнена. Для этого настоятъ необходимость привести въ извѣстность наличный матеріалъ, то-есть, составить каталогъ всѣмъ рукописямъ и дать полную византійскую библіографію. Правда, первое требованіе въ настоящее время въ значительной степени удовлетворено, но все-таки иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ библіографіи. Чувствуется потребность въ систематическомъ руководствѣ, въ *Bibliotheca Scriptorum Byzantinorum*, въ которомъ бы можно было находить указатель не только изданій отдѣльныхъ сочиненій каждаго автора, но также и относящихся сюда комментаріевъ и изслѣдованій. Особеннаго также вниманія заслуживаютъ парскіе хрисовулы и аргировулы греческихъ

деспотовъ, равно патріаршіе акты и грамоты. И въ этомъ отношеніи весьма много сдѣлано въ послѣднее время, но далеко не все, ибо въ восточныхъ монастыряхъ и въ архивахъ аѳонскихъ монастырей остается еще много цѣнныхъ документовъ. Задачи здѣсь не ограничиваются изданіемъ; не менѣе важно изученіе занимающихъ насъ актовъ, такъ какъ они имѣютъ значеніе для разрѣшенія географическихъ и топографическихъ вопросовъ, равно какъ для освѣщенія разныхъ сторонъ политической и социальной жизни византійцевъ. Сказанное приложимо къ жизнеописаніямъ святыхъ, которые имѣютъ громадный интересъ историческій и топографическій. О житіяхъ Димитрія Солунскаго, святаго Никона и патріарха Евонмія прямо можно утверждать, что они принадлежатъ къ важнѣйшимъ источникамъ византійской исторіи. И изъ другихъ житій можно заимствовать любопытныя свѣдѣнія по части вѣрованій, нравовъ и обычаевъ византійской эпохи; даже древности и исторіи искусства могутъ извлечь большую пользу изъ обработки житійнаго матеріала.

Собіраніе и опубликованіе византійскихъ народныхъ пѣсень, загадокъ, поговорокъ и сказокъ представляетъ двойкій научный интересъ. Изученіе византійскаго фольклора важно не только въ ретроспективномъ смыслѣ—по отношенію къ древнимъ грекамъ, даже индо-германцамъ, но только для пониманія новыхъ грековъ, оно имѣетъ глубокий интересъ и само по себѣ, для уразумѣнія внутренней жизни и культуры византійцевъ.

Громадную важность имѣетъ собраніе византійскихъ надписей. Предстоитъ задача собрать эти надписи, распределить ихъ по категориямъ и періодамъ и критически издать въ отдѣльномъ *Corpus Inscriptionum Byzantinarum*. Уже не мало надписей издано, но изданный матеріалъ слишкомъ разбѣянъ и почти пропадаетъ для изслѣдователей. Только по собраніи этого разбросаннаго по разнымъ изданіямъ матеріала можно будетъ составить идею о важности надписей для исторіи и культуры византійской. При критическомъ возстановленіи надписей прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что византійцы составляли свои надписи въ метрической формѣ, чаще всего употребляли холлабъ (*χολάβος*). Тотъ же принципъ долженъ быть наблюдаемъ при чтеніи надписей на свинцовыхъ печатяхъ. Изслѣдованіе этихъ памятниковъ обратило на себя вниманіе лишь въ послѣднія десятилѣтія и дало уже богатые результаты. Свинцовыя печати важны не для исторіи лишь искусства, онѣ бросаютъ свѣтъ на фамильную и церковную исторію, на титулы служилаго сословія и объясняютъ нѣкоторыя сто-

роны устройства имперіи. Недавно Мортманнъ съ помощію этого неважнаго на первый взглядъ матеріала разъяснилъ исторію постепеннаго распространенія церковнаго вліянія Константинопольскаго патріархата; пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, я имѣю въ виду, — говоритъ проф. Ламбросъ, — составить изслѣдованіе объ управленіи епископа Элада и Пелопоннеса. Византійская нумизматика также должна быть предметомъ новыхъ изученій. Съ расширеніемъ изученія сигиллографія, типы монетъ и проч. должны быть изслѣдованы съ художественной стороны. Предстоитъ проверить хронологію чеканки монеты, опредѣлить вѣсъ и содержаніе металла, собрать мѣста писателей, имѣющія отношеніе къ нумизматикѣ. Изученіе монеты принесетъ пользу, между прочимъ, для выясненія сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ византійскою короною. Кромѣ того, нумизматика должна дать матеріалъ для опредѣленія царскихъ изображеній. Какъ бы ни была дурна чеканка монеты, все же она даетъ портретъ: въ этомъ легко убѣдиться при сличеніи монеты съ описаніемъ даннаго царя у современниковъ или съ изображеніями въ миниатюрахъ, съ бюстами и статуями.

Византійская хронографія и хронологія также ожидаютъ новой обработки. Работа Муральта теперь устарѣла, и настоятеленъ пересмотръ всей византійской хронологіи. Пора освободиться отъ завѣдомо ошибочнаго приема переводить византійскую дату отъ сотворенія міра на дату отъ Р. Х. посредствомъ простаго вычета 5508, не прииная во вниманіе различія сентябрьскаго и мартовскаго счета; нужно также изслѣдовать во всѣхъ подробностяхъ отношеніе константинопольской эры къ alexandрійской; проверить, дѣйствительно ли иногда совпадаютъ указанные дни недѣли съ хронологіей по индиктамъ, мѣсяцамъ и т. п.

Изъ виду разнообразнаго вліянія, какое имѣли на политическую жизнь Византіи церковь и монашество, трудно даже выразить всю важность изученія исторіи церквей и монастырей. Константинополь и Афонъ, обратившіе уже на себя вниманіе ученыхъ, не исчерпываютъ еще научныхъ задачъ въ этой области. Литература и искусство, политика и церковь такъ переплетались въ Византіи съ монастырскою жизнью, что необходимо тщательное изученіе всѣхъ монастырей. Блжайшею задачею изслѣдованія должна быть топографія и исторія, библиотеки и архивы, управленіе и вліяніе каждого значительнаго монастыря на политическую, церковную и культурную жизнь Византіи и затѣмъ хотя бы перечисл. такихъ монастырей, которые пѣвѣсны только по имени. Также необходимы дополненія къ изданію Леккена: *Origens christianus*; матеріалъ съ тѣхъ поръ расширился новыми изслѣдова-

ниями и открытиями, цѣлыя сотни новыхъ епископскихъ именъ могутъ быть внесены въ *Orlens christianus* и многія даты исправлены. Появление *Notitiae episcopatum* заставляетъ желать переработки изданія Parthey.

Слѣдуетъ подумать объ изданіи словаря византійскихъ собственныхъ именъ, который можетъ оказать громадную услугу византійскимъ занятіямъ. Извѣстно, какъ неполны указатели именъ въ Парижскомъ и Боннскомъ изданіи. Въ этомъ словарѣ должны найдти мѣсто личные и мѣстные имена, извлеченныя не изъ историковъ только, но изъ документовъ всякаго рода, изъ житій святихъ и проч. Лишь при существованіи подобнаго словаря можно думать о составленіи византійскихъ генеалогій, значеніе которыхъ для исторіи громадно. На столько же необходимъ словарь географическихъ именъ.

Наконецъ, кто не сознаетъ пробѣла, служащаго тормазомъ въ византійскихъ историческихъ занятіяхъ и выражающагося въ отсутствіи руководства по византійскому государственному устройству и управленію? Правда, византійское государство по своей организаціи и правительственной системѣ есть продолженіе римскаго, по этимъ немногое объясняется. Генезисъ и паденіе Византійской имперіи нельзя вполнѣ понять и объяснить безъ исторіи учреждений. Но даже подготовительныхъ работъ въ этомъ отношеніи слишкомъ мало. За исключеніемъ исторіи права, остальные отдѣлы государственныхъ древностей Византіи остаются почти нетронутыми. Только въ самое послѣднее время начали интересоваться въ Россіи и Греціи экономическими вопросами, сельскимъ хозяйствомъ, феодализмомъ. Но можно сказать, что недостаетъ еще изслѣдованій о самыхъ важныхъ вопросахъ, на примѣръ, о происхожденіи устройства оемъ, о таможенной и податной системѣ, о придворныхъ чинахъ и др. Сказанное о государственныхъ древностяхъ имѣетъ приложеніе и къ частнымъ (*Privatalterthumer*). Одежда, домашняя жизнь, пиры, обряды при погребеніи—все это еще не было предметомъ специальныхъ изслѣдованій. Обширный матеріалъ для такихъ работъ представляютъ монеты, издѣлія изъ слоновой кости, скульптурныя произведенія, мозаики и миниатюры.

Я не имѣлъ въ виду,—заключаетъ авторъ,—дать систематическую программу византійскихъ занятій, мнѣ хотѣлось только изложить свои мысли о недостаточности нашихъ пособій и специальныхъ работъ. Многое, конечно, долго еще останется въ области благихъ пожеланій, но многое уже близко къ осуществленію. Намъ нужно лишь правильно поставить свои задачи.

II. Историческій отдѣлъ.

Переходя къ разбору изслѣдованій и сообщеній, помѣщенныхъ въ византійскомъ журналѣ, мы должны прежде всего отмѣтить то обстоятельство, что нѣмецкія работы занимають въ немъ господствующее положеніе какъ по своему количеству, такъ и по размѣрамъ. Преобладающая численность произведеній германской научной дѣятельности, можно сказать, даетъ опредѣленный характеръ и всему отдѣлу изслѣдованій въ журналѣ и служитъ выраженіемъ лучшихъ качествъ германской филологической и исторической школы. Бросая взглядъ на общее направленіе этихъ работъ, можно замѣтить, что Германія въ византійскихъ занятіяхъ предстоитъ занять свое особенное и очень важное мѣсто, на которомъ у нея не можетъ быть конкурентовъ. Это мѣсто не случайно, напротивъ, вполне соответствуетъ традиціямъ германской научной школы. Мы разумѣемъ критическую обработку источниковъ. Обиліе относящихся сюда изслѣдованій и глубокая научная важность ихъ припираеть къ русскаго византиниста съ мыслию, что византійскій журналъ появился не въ Россіи.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить статью *Де-Бора*: „Римская императорская исторія въ византійской обработкѣ“ (I, 13—33). Авторъ трактуетъ вопросъ о происхожденіи тѣхъ сухихъ и анекдотическихъ данныхъ, какія находятся о римскомъ императорскомъ періодѣ у Кедрына, Льва Грамматика, Зонары, Манассія и др. Извѣстно, что эти и подобныя сообщенія имѣють замѣчательное сродство съ отрывками объ императорской эпохѣ, помещенными въ составъ собранія Константина Порфиророднаго *Περὶ τῶν αἰώνων* и изданными подъ именемъ Діона Кассія. Такимъ образомъ, приобретаетъ громадное значеніе для византійской историографіи вопросъ объ авторѣ, которымъ пользовался для своего сборника Константинъ, объ его времени, объ его источникахъ и т. д. Кто былъ продолжатель Діона, — ибо такъ формулируется вопросъ въ настоящее время, — когда онъ жилъ и какими пользовался источниками: вотъ что составляетъ тему изслѣдованія Де-Бора. Прежніе изслѣдователи усматривали источникъ тѣхъ свѣдѣній византійскихъ писателей, которыя не могутъ быть объяснены изъ Діона, или въ Іоаннѣ Антиохійскомъ (Мани) или въ Петрѣ, современникѣ Юстиніана (Нибуръ); въ новѣйшее время этому вопросу данъ толчекъ Моммсеномъ (*Hermes*, VI), который раздѣлилъ его на двѣ части, доказавъ, что для республиканскаго времени византійцы пользовались

Діономъ, а что въ извлеченіяхъ объ императорскомъ періодѣ нужно видѣть другой источникъ, которымъ пользовался и Діонъ и за нимъ другіе писатели. Наконецъ, Сотириадисъ (*Jahrbücher für classische Philologie*, XVI Suppl.-Band) пришелъ къ заключенію, что неполный источникъ, которымъ пользовались позднѣйшіе византійцы, былъ лѣтописецъ, жившій не ранѣе IX вѣка.

Де-Бооръ исходитъ изъ теоріи Нибура, подкрѣпленной въ 1884 г. Буассевеномъ, о Петрѣ патриціѣ, какъ источникѣ, которымъ пользовались позднѣйшіе византійцы и который вошелъ въ историческую энциклопедію Константина. Его доказательства, во первыхъ, заимствуются изъ наблюденій надъ Ватиканскимъ кодексомъ, во вторыхъ, изъ тождества съ Петромъ патриціемъ того анонима, которымъ пользуется Зонара въ особенности для политической исторіи. Остроумныя соображенія относительно источниковъ Зонары составляютъ, на нашъ взглядъ, лучшую часть изслѣдованія Де-Боора, которое несомнѣнно составляетъ богатый вкладъ въ изученіе источниковъ и должно быть названо образцовымъ. Послѣ того какъ, — говоритъ авторъ въ заключеніе, — мы доказали тщетность попытокъ устранить права Петра патриція на авторство отрывковъ, вошедшихъ въ сборникъ *Περὶ τῶν αἰώνων*, считаемъ Нибуровскую гипотезу о тождествѣ Петра и анонима настолько твердой, что ее можно ввести въ рядъ научно обоснованныхъ фактовъ. Теперь предстоить внимательно изучить область вліянія, какое произведеніе Петра обнаружило на изображеніе римскаго императорскаго періода въ позднѣйшей византійской литературѣ, чтобы такимъ образомъ выяснитъ процессъ ея литературной исторіи.

Въ близкой связи съ предыдущей находится статья *Böttner-Wobst*. Вобста, посвященная исторіи текста Зонары (*Böttner-Wobst*, II, 202—244; III, 594—597). Авторъ прежде всего выясняетъ вопросъ о рукописяхъ, бывшихъ въ распоряженіи перваго издателя Зонары, Геронима Вольфа, и опредѣляетъ научную цѣнность Вольфовскаго изданія. Изучая судьбу рукописей, находившихся въ XVI вѣкѣ въ бібліотекѣ А. Фуггера и бывшихъ въ распоряженіи Вольфа, авторъ констатируетъ одно очень важное обстоятельство, которое столько же интересно съ точки зрѣнія исторіи рукописей Зонары, сколько для оцѣнки научныхъ пріемовъ Вольфа. На всѣхъ почти рукописяхъ, которыя были въ рукахъ Вольфа, замѣчены слѣды поправокъ и приписокъ его руки. Выяснивъ, что Вольфъ пользовался нѣсколькими (Вѣнская № 16, Мюнхенская 324, 325 и 93 и одна неотысканная), авторъ заключаетъ: Вольфъ вносилъ въ эти рукописи вставки

собственной рукой, переносилъ изъ одной въ другую чтенія, корректуры, дополненія. Такимъ образомъ, editio princeps въ научномъ смыслѣ ничтожно (der Quellenwert der editio princeps ist also... gleich Null). О второмъ изданіи Зонары, сдѣланномъ Дюканжемъ въ 1686 г. на основаніи парижскихъ рукописей, Бюттнеръ-Вобстъ также невысокаго мнѣнія. Въ основаніе изданія положенъ текстъ Вольфа, въ которомъ даже не исправлены опечатки; съ рукописями Дюканжъ сиранился весьма мало. Преимущество втораго изданія заключается, однако, въ особенностяхъ новыхъ рукописей, которыя были въ распоряженіи Дюканжа и которыя, какъ убѣдилъ автора его собственный наблюденія, представляютъ лучший матеріалъ для возстановленія текста Зонары. Авторъ, тщательно изучавшій рукописи для приготовления имъ новаго изданія Зонары, пришелъ къ выводу, что изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ рукописей (числомъ 19) Парижская № 1715 должна быть разсматриваема, какъ основная; но что Дюканжъ не воспользовался ею какъ слѣдуетъ. Для будущаго изданія Зонары онъ рекомендуетъ слѣдующія правила. Парижскій кодексъ № 1715 долженъ быть взятъ, какъ руководитель для всего текста. Въ частности. для 1 книги до 9. еще Вѣнскій 16, Мюнхенскій 324 и Парижскій 1717; для 10 — 12 книгъ, кромѣ названныхъ, Мюнхенскій 325; для византійской исторіи, то-есть, для 13—18 книгъ, кромѣ основной Парижской рукописи. Вѣнскій кодексъ 16, Мюнхенскій 324, 325 и 93.

Фриккъ помѣстилъ въ византійскомъ журналѣ статью: „Фасты Идація и пасхальная хроника“ (II, 283 — 292). Хроника Идація по своимъ источникамъ, почерпнутымъ изъ фастовъ, распадается на три части, изъ коихъ первая составлена въ Римѣ, вторая въ Константинополѣ, третья снова на Западѣ. Константинопольскій отдѣлъ хроники обнимаетъ событія отъ 330 по 395 годъ. Такъ какъ означенная хроника по своимъ первымъ двумъ частямъ совпадаетъ съ извѣстною пасхальной хроникой на греческомъ языкѣ, то авторъ задается вопросомъ опредѣлить взаимныя отношенія той и другой. Не подлежитъ сомнѣнію, что пасхальная хроника не происходитъ изъ хроники Идація, сходства между ними должны быть объяснены замѣстопазаніями изъ одного и того же источника. Но мнѣнію Моммсена, этотъ общій источникъ былъ написанъ на латинскомъ языкѣ. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какомъ видѣ переданъ этотъ источникъ въ хроникѣ Идація и въ пасхальной. Въ этомъ вопросѣ Фриккъ возражаетъ противъ мнѣнія Моммсена, которое состоитъ въ томъ, что Идацій и составитель пасхальной хроники писали подъ ру-

ками какую-то обширную лѣтопись, и что послѣдній дѣлаетъ изъ нея большіи извлеченія. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что большинство вставокъ и дополненій, встрѣчающихся въ пасхальной хроникѣ, заимствовано изъ хроники Іоанна Малалы и изъ Евсевія: сличенія мѣстъ и посвящена главная часть статьи Фрикка. Если, — говорить онъ въ заключеніе, — сравнить между собой латинскую и греческую версію фастовъ, то окажется, что обѣ онѣ въ общемъ гармонируются между собой, при чемъ въ частностяхъ одна отмѣчаетъ такіе черты, какихъ не находимъ въ другой, изъ чего слѣдуетъ заключать, что ни та, ни другая не воспроизводитъ вполнѣ первоначальнаго источника. Иногда можно признать болѣе точности за греческимъ изводомъ: такъ, подъ 365 и 366 годами Идацій говоритъ вообще о *hostis publicis*, между тѣмъ какъ составитель пасхальной хроники называетъ его по имени (Прокопій). Особенностью греческаго извода слѣдуетъ признать присоединеніе греческихъ датъ къ римскимъ.

Де-Вооръ напечаталъ: „Къ тексту Теофала“ (III, 591). Въ II томѣ журнала *Philologus* г. Горнъ обратилъ вниманіе на одно мѣсто хроники Теофала (ed. de Voog, p. 170. 24) и замѣтилъ, что это мѣсто должно быть относимо не къ Іустину, а къ Іустиніану, и что такимъ образомъ здѣсь нужно измѣнить *Ἰουστίνος* въ *Ἰουστινιανός* и перенести все это мѣсто на слѣдующія страницы (именно 173. 17). Де-Вооръ отстаиваетъ законность этого мѣста изъ той именно послѣдовательности, какъ оно находится въ лучшихъ рукописяхъ (Vaticanus 154).

Прегеръ: „Хронистъ Юлія Полидевка“ (I, 50—54). Въ этой небольшой статьѣ авторъ разоблачаетъ подлогъ, сдѣланный Андреемъ Дармаріемъ съ рукописью Юлія Поллукса, которую онъ при перепискѣ помѣтилъ именемъ Юлія Полидевка. Изслѣдованіе сдѣлано на основаніи ознакомленія съ рукописями, носящими въ оглавленіи приписки, сдѣланныя рукой Дармарія. Наблюденія Прегера дополнилъ Крумбахеръ новыми данными, почерпнутыми изъ cod. gr. Barberianus (II. 342).

Гельцеръ: „Неизданныя и малозвѣстныя переписи епископій восточной церкви“ (II, 245—282). Прекрасный знатокъ исторіи восточной церкви, авторъ даетъ здѣсь на основаніи рукописнаго матеріала, хранящагося въ Ватиканѣ (№№ 1455, 1897, 828) и въ Берлинѣ (cod. Philipp. 1477), весьма важныя дополненія къ изданію *Parthey*. Hieroclis Synecdemus: перечни епископій, подчиненныхъ Антиохійскому и Іерусалимскому патріархату; въ продолженіи общаются таковыя же перечни епископій Александрійскаго и Константинопольскаго па-

тріархатовъ. Самая интересная часть матеріаловъ, сопровождаемыхъ обширнымъ комментариемъ, обличающимъ глубокія знанія, именно перенесеніи епископій Балканскаго полуострова, издава въ первой книжкѣ журнала за 1893 годъ. Эти послѣднія, конечно, обратятъ на себя вниманіе русскихъ ученыхъ.

Изъ предыдущаго можно видѣть, какъ хорошо представленъ въ *Византійскомъ Обзорѣ* отдѣлъ критики источниковъ. Именно этотъ отдѣлъ, исключительно принадлежащій нѣмецкой наукѣ, можетъ оказать громадное регулирующее вліяніе на византійскія занятія.

Переходимъ къ собственно историческимъ статьямъ.

Нейманъ: „Документы, относящіеся къ исторіи византійско-венеціанскихъ отношеній“ (III. 366 — 378). Это небольшое, но прекрасное изслѣдованіе о формальной сторонѣ сохранившихся византійско-венеціанскихъ договоровъ заслуживаетъ полнаго вниманія, между прочимъ, и съ точки зрѣнія вопроса о договорахъ Руси съ греками. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ собраніи договоровъ Венеціи съ Византіей, изданныхъ Тафелемъ и Томасомъ въ *Fontes rerum austriacarum* (томъ XII) и перепечатанныхъ Цахаріэ въ *Jus graecoromanum*, III. Предполагая, что въ этихъ документахъ при переводѣ ихъ на латинскій пронозали нѣкоторыя измѣненія формы и сокращенія, авторъ пытается возстановить первоначальный officialный видъ ихъ на основаніи формы, соблюдаемой въ оригинальныхъ греческихъ актахъ, и сравненія раннихъ и болѣе позднихъ договоровъ. Такимъ образомъ, при изученіи хрисовуловъ 1187 и 1198 годовъ ему удается подмѣтить слѣды предварительнаго соглашенія между Венеціей и Византіей, на основаніи котораго составлены были и самые договоры. Это обстоятельство даетъ ему мысль искать такихъ указаній и въ болѣе раннихъ документахъ; въ хрисовулѣ 1126 года говорится именно о предварительной конвенціи въ такихъ выраженіяхъ: *secundum quod conventio* (συμφωνία) *a nunciis eorum facta de his latius narrat*.

Обоюдный характеръ въ договорахъ подтверждается доказательствами изъ сношеній франкскихъ королей съ папами, изъ сношеній между Восточной и Западной имперіей, такимъ же характеромъ должны отличаться и документы, касающіеся византійско-венеціанскихъ отношеній. Теперь спрашивается: какія вообще формальности соблюдались при составленіи актовъ международныхъ сношеній? Дѣло начиналось посылкой легатовъ, или апокрисіаріевъ, которымъ вручались двоякаго рода документы: грамота къ иностранному правительству и секретная инструкция. Указанія на первую можно видѣть въ

выраженіяхъ: *δῆλον, τὰ συνόμενα*, этотъ документъ для посла не имѣлъ большого значенія, онъ представлялъ шакішимъ требованій; второй, то-есть, секретная инструкция, имѣлъ весьма обязательное значеніе: посолъ давалъ присягу свято исполнить ее. Изъ этого документа излагалось, до какой степени посолъ можетъ дѣлать уступки противъ грамоты, врученной иностранному правительству. Разъ начатыя переговоры могли встрѣтить массу затрудненій, посолъ могъ требовать отъ своего правительства или измѣненій инструкции согласно ходу переговоровъ, или даже просить разрѣшенія совѣтъ прекратить переговоры. Если же дѣло шло благопріятно, то составлялся актъ, скрѣпленный присягой, называемый *ἐγγράφον σφραγιστον*, въ которомъ излагались взаимныя обязательства представителей той и другой стороны, скрѣпленные подписями и свидѣтельскими показаніями. Императорскій хрисовулъ составляемъ былъ уже на основаніи этого акта и послѣ присяги, взятой отъ иностраннаго посла. Договоръ изготовляемъ былъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ оставался въ Константинополѣ, другой назначался для иностранной державы и посылаемъ былъ вмѣстѣ съ хрисовуломъ, который являлся подтвержденіемъ договора. Форма ратификаціи выражалась при этомъ тѣмъ, что царское посольство отправлялось для врученія хрисовула и для полученія акта, которымъ иностранное правительство подтверждало договоръ, заключенный посломъ его. Но и этихъ не оканчивались всѣ формальности. Документъ вносился затѣмъ въ государственный архивъ, о немъ оновѣщались подлежащіе вѣдомства, которымъ надлежало сообразоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ особенности, если имѣлась въ виду уступка или передача недвижимыхъ имуществъ, что въ договорѣ обозначалось только въ общихъ чертахъ, за ратификаціей слѣдовалъ рядъ специальныхъ *πρωτοκόλλων*, касающихся измѣненія, размежеванія и передачи земельного участка. Протоколъ передачи (*πρωτόκολλον παραδόσεως*) также составлялся въ двухъ экземплярахъ. Разсмотрѣніе указанныхъ формъ дѣлопроизводства при заключеніи договоровъ съ иностранными государствами приводитъ автора къ выводу, что въ документахъ, касающихся византийско-венеціанскихъ отношеній, утратено весьма много существенныхъ актовъ, вслѣдствіе чего получается односторонній и не совсѣмъ правильный взглядъ на существенныя стороны въ исторіи этихъ отношеній.

Дрезеке: „Николай Меѳонскій“ (III, 438—478). Выясненіе ученой дѣятельности этого знаменитаго византийскаго богослова всецѣло принадлежитъ Дрезеке. Не такъ давно онъ же помѣстилъ двѣ статьи

о Николаѣ Меоонскомъ въ *Zeitschrift für Kirchengeschichte* (IX, 405. 565); настоящимъ изслѣдованіемъ онъ пытается опредѣлить богословское и философское направленіе того же писателя. Относительно жизни Николая теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что она падаетъ на первую, а не на вторую половину XII вѣка. Высшей славы онъ достигъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, то-есть, при царѣ Іоаннѣ Комнинѣ. не участвовалъ въ засѣданіяхъ соборовъ 1156 и 1158 годовъ, хотя и писалъ по поводу вопросовъ, занимавшихъ эти соборы, и, по всей вѣроятности, не доживъ до 1166 года. Особенно цѣпны наблюденія автора по отношенію къ общему направленію литературной дѣятельности Николая. Это былъ высокообразованный человѣкъ какъ въ философскомъ, такъ и въ богословскомъ смыслѣ. Онъ прекрасно знакомъ съ Платономъ и Аристотелемъ и объясняетъ христіанскіе догматы съ философской точки зрѣнія; богословскія его воззрѣнія находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Григорія Назіанзина и Діонисія, этого величайшаго мистика. Для оцѣнки философскаго направленія Николая главное значеніе имѣетъ его сочиненіе 'Ανάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοχαστικῆς Πρόβλεψις πλατωνικῆς φιλοσοφίας, написанное между 1125—1130 годами. Въ виду почти господствующаго воззрѣнія, которое въ послѣднее время нашло себѣ новаго защитника въ лицѣ Шульце, что новоплатонизмъ въ Византіи не имѣлъ большаго значенія въ исторіи борьбы язычества съ христіанствомъ, тема, трактующая Николаемъ, является полнымъ сюрпризомъ для первой половины XII вѣка. На самомъ дѣлѣ новоплатонизмъ оказывается большою силой, ведущей ожесточенную борьбу съ православіемъ на почвѣ еллинской науки. Этой мысли Дрезеке нельзя не придавать весьма важнаго значенія. потому что въ дѣйствительности вся школа I. Италы и большинство византійскихъ еретиковъ могутъ быть поняты только съ точки зрѣнія новоплатоновской философіи. Изъ предисловія Николая видно, что въ его время было много людей, которые издѣвались надъ христіанствомъ и вѣрой въ Распятая и которые, увлекаясь софистическими хитросплетеніями, почитали за истинную мудрость языческія воззрѣнія. Занившись анализомъ мыслей Николая о Богѣ, человѣкѣ, искупленіи, авторъ доказываетъ, что въ немъ мы имѣемъ весьма оригинальнаго представителя философскаго образованія той эпохи. Ученіе о лицѣ I. Христа и объ искупленіи вполнѣ представляетъ собой отголосокъ бури, волновавшей византійскую церковь въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Въ этомъ отношеніи 'Ανάπτυξις представляетъ собой прекрасный комментарий къ Синодику въ не-

дѣлю православія (Очерки по исторіи византійской образованности, гл. 3-я).

Далѣе, Николай принималъ участіе въ спорѣ съ римской церковью объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и о квасномъ хлѣбѣ. Въ царствованіе Мануила богословскіе вопросы занимали вниманіе всего высшаго общества; Николай Мевопскій принималъ въ разрѣшеніи ихъ весьма дѣятельное участіе. Евстацій Солунскій подводитъ богословскіе споры времени Мануила подъ слѣдующія три категоріи: 1) богомилское движеніе; 2) ересь Сотириха; 3) ересь Дмитрія изъ Лампы. Богомилское движеніе обнаружилось въ ученіи монаха Нифонта. Участіе Николая Мевопскаго въ обсужденіи этого вопроса видно изъ сочиненія его *Περὶ τῆς ἐκ τῆ κατὰστασας τοῦ πατριάρχου ἀντιλογίας*, написаннаго въ 1147 г., и въ сочиненіи *Πρὸς τοὺς διατάσσοντας καὶ λέγοντας*. Оба упомянутыя сочиненія дополняютъ наши свѣдѣнія о богомилахъ и могутъ быть изучаемы параллельно съ объясненіемъ пресвитера Космы. На политическія событія того же 1147 г. бросаетъ свѣтъ сочиненіе *Πρὸς τὸν μέγαν δорέοτιχον*. Здѣсь находимъ указанія на крестоносцевъ 3-го крестоваго похода. Стоитъ обратить особенное вниманіе на общій выводъ Дрезеке по отношенію къ богословскимъ трактатамъ нашего автора, что въ нихъ разсматриваются тѣ же вопросы, какіе трактуются и у западныхъ схоластиковъ (S. 472: *die theologischen Fragen gehen ins Kleinliche, Spitzfindige und haben unverkennbare Ähnlichkeit mit den uns von den abendländischen Scholastikern her bekannten*). Сочиненія Николая въ опроверженіе Сотириха мы можемъ здѣсь не реферировать, такъ какъ занимались подробнымъ разборомъ его въ сочиненіи „Очерки по исторіи византійской образованности“. Бросая общій взглядъ на литературную дѣятельность Николая Мевопскаго, авторъ заключаетъ, что если по его сочиненіямъ нельзя еще составить полное понятіе о состояніи византійскаго богословія въ XII вѣкѣ, то во всякомъ случаѣ выясненіе содержанія его произведеній и оцѣнка значенія и направленія Николая, какъ одного изъ важнѣйшихъ богослововъ времени Комниновъ, должны служить подготовкой къ рѣшенію проблемы, поставленной въ 1833 г. Уильямомъ въ *Theologische Studien und Kritiken*, Heft 3, Ss. 647—743.

Одна изъ болѣе значительныхъ статей, написанныхъ не на иѣжекомъ языкѣ, принадлежитъ аббату *Дюисену* и озаглавлена „*L'Élyricisme ecclésiastique*“ (III, 531—550). Это чуть ли не единственная статья съ другой стороны, о которой нельзя сказать, что выводы, къ

которымъ приходится въ ней авторъ, могутъ быть приняты наукой, какъ положительный и точный показатель современнаго состоянія вопроса. Аббатъ Дюшенъ трактуетъ весьма интересный вопросъ о власти Константинопольскаго патриархата въ Иллирикѣ и Далматинскомъ побережьи въ V и VI столѣтіяхъ. На основаніи древнѣйшихъ перечней епископій (Notitiae), равно какъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ VII вѣку, можно заключить, что Иллирикъ съ Солунью въ концѣ VI и въ VII вѣкѣ подчинялись римскому престолу. Съ другой стороны, существуютъ еще болѣе авторитетныя свидѣтельства о принадлежности этихъ областей къ Константинопольскому патриархату въ V и VI вѣкѣ (Кодексъ Феодосія, законъ отъ 14-го іюля 421 г., этотъ же законъ внесенъ въ Юстиніановскій кодексъ). Итакъ, является вопросъ, когда же и при какихъ обстоятельствахъ произошла перемѣна въ управленіи Иллирикомъ.

Авторъ вооруженъ чрезвычайно обильнымъ и частію новымъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ Ватиканскаго архива; методъ разработки поставленной темы—въ высшей степени соблазняющій въ пользу его, повидимому, съ логической необходимостью слѣдующихъ одно изъ другаго заключеній, а между тѣмъ чувствуется, что окончательный выводъ не вѣренъ. Этотъ выводъ заключается въ слѣдующемъ. Со времени Феодосія Великаго напa вручилъ солунскому епископу верховное управленіе всѣми епископіями Иллирика, назначивъ его своимъ викаріемъ; этотъ порядокъ вещей продолжался до смерти 484 года. Начиная съ 484 года, при царяхъ Зенонѣ и Анастасіѣ, власть римскаго епископа была ограничена, и о викаріатѣ солунскаго епископа не могло быть рѣчи. Но при Юстиніанѣ I возстановленъ прежній порядокъ съ такимъ видоизмѣненіемъ, что высшая церковная власть въ Иллирикѣ и Далматинскомъ побережьи раздѣлена между епископами Солуни и Первой Юстиніаны. Mais ce n'était guère qu'une qualification honorifique: le pape exerçait directement ses pouvoirs de patriarche (p. 550).—присоединяетъ авторъ. Увлечшись желаніемъ доказать во что бы то ни стало мысль о принадлежности Солуни римскому престолу въ первой половинѣ V вѣка, аббатъ Дюшенъ слишкомъ легко отнесся къ упомянутымъ выше законодательнымъ памятникамъ Феодосія II и Юстиніана: la loi Théodosienne, même corroborée par son insertion dans le Code, était en réalité contradictoire à la tradition (!) (p. 537).

Намъ кажется, что авторъ здѣсь допустилъ большую неосмотрительность, которую можемъ объяснить, во первыхъ, тѣмъ, что онъ не-

достаточно выдѣлялъ въ своихъ матеріалахъ мѣста, трактующія о восточномъ и западномъ Иллирикѣ, въ которыхъ, тѣмъ, что захотѣлъ рѣшить вопросъ о территориальныхъ владѣніяхъ римской и константинопольской церкви, не входя въ обсужденіе территориальныхъ споровъ и притязаній на восточный Иллирикъ со стороны Восточной и Западной имперіи. Что касается первой половины V вѣка, то зависимость восточнаго Иллирика отъ Восточной имперіи свидѣлствуется такимъ документомъ, какъ *Notitia dignitatum* (ed. Böcking, p. XLII, LV), рядомъ съ которымъ новелла Феодосія II и принятіе этой новеллы въ кодексъ Юстиніана, конечно, должны имѣть обязательное и неоспоримое значеніе. Дѣйствительная и фактическая уступка Восточной имперіи Далматискаго побережья до Панноніи и Носавской области имѣла мѣсто около 437 года (*Güldenpenning, Geschichte des Oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II*, Ss. 310—311, Anm. 23; *ibid.*, 267). Перенесеніе префектуры Иллирика изъ Сръма въ Солунь, а потомъ въ Первую Юстиніану, безъ сомнѣнія, должно было вызвать значительныя измѣненія въ церковной организаціи этихъ областей (новелла Юстиніана отъ 14-го апрѣля 535 г.), но не сопровождалось тѣми послѣдствіями, о которыхъ говоритъ аббат Дюшенъ (см. *Hertzberg, Die Gesch. Griechenlands unter der Herrschaft der Römer*, III, Ss. 435—437, 485).

Во всякомъ случаѣ вопросъ объ Иллирикѣ нуждается еще въ новыхъ изслѣдованіяхъ. У автора разсматриваемой статьи былъ въ распоряженіи новый матеріалъ, относящійся до исторіи Солуни и ея отношеній къ Константинопольскому патриархату: разумѣемъ *Жизнеописаніе* св. Давида Солунскаго, на которое сдѣлана ссылка (p. 546, примѣч.). Это жизнеописаніе, изданное въ 1887 году, дѣйствительно весьма интересно, о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ (*Rose, Leben des heiligen David von Thessalonike griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift herausgegeben*). Берлинскан рукопись, по которой сдѣлано изданіе, не можетъ быть названа единственною. Жизнь св. Давида находится, между прочимъ, въ Эскуриальской рукописи V, II, 3 fol. 290, также на о—тѣ Халки близъ Константинополя. Текстъ, изданный Розе, страдаетъ пропусками и неправильными чтеніями. Относящееся до интересующаго насъ вопроса мѣсто заключается въ слѣдующемъ:

χρόνων δὲ πλείστον διεληθόντων, ὄντας αὐτοῦ ἐν τῇ ἀγίᾳ κέλῃ, καὶ τῶν ἀθέων βαρβάρων παραγενομένων, τότε δὴ τότε ὁ τὴν ἐπαρχίαν διέπων τοῦ Ἰλλυρικοῦ στέλλει πρὸς τὸν ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον Ἀριστείδην ἣν γὰρ

μεταμείψας τὸν βίον ὁ ἐν ἁγίοις Δαρόθεος ἀρχιεπίσκοπος καὶ διεδέξατο τὸν ἠρόνον αὐτοῦ ὁ ἀγιώτατος Ἀριστείδης· καὶ στέλλει τριβούνους ὁ προλεχθεὶς ὑπάρχος πρὸς τὸν ἀγιώτατον ἀρχιεπίσκοπον ὅπως ἀνάγῃ τῷ εὐσεβεστάτῳ βασιλεῖ Ἰουστινιανῷ τὰ περὶ τῶν βαρβάρων καὶ ἵνα μεταστήσῃ τὴν ἐπαρχίαν ἐκ τοῦ Σηρμίου εἰς τὴν τῶν Θεσσαλονικέων πόλιν· ἐν γὰρ τοῖς καιροῖς ἐκείνοις ἡ ἐπαρχία καὶ ὁ στρατὸς ἐν τῷ Σηρμίῳ ὑπῆρχεν πράττων, βικάριον δὲ μόνον ἦν ἔχων ἐν ταύτῃ τῇ Θεσσαλονικέων πόλει. τότε οὖν ἀναγνοὺς ὁ ἀγιώτατος ἀρχιεπίσκοπος Ἀριστείδης τὰς τοῦ ὑπάρχου ἐπιστολάς, παρόντος τοῦ Θεοφιλοῦς κλήρου καὶ πάσης τῆς τάξεως, καὶ ὁποίας περιστάσεις ἔχει τὸ Σηρμιον καὶ ὅτι μέλλει ὁ Ἀβάρις καὶ τὸν Δανούβιον περνᾶν, εἶπεν ὁ ἀγιώτατος ἀρχιεπίσκοπος... далѣе повѣствуется о посольствѣ св. Давида въ Константинополь и о приѣмѣ, оказанномъ ему царицею Θεοδорой. Λοιπὸν δεξιόμενος ὁ Θεοφιλέστατος βασιλεὺς τὰς ἀναφοράς ἐκ τῶν ἁγίων αὐτοῦ χειρῶν καὶ καταμαθὼν αὐτάς καὶ τὸ διὰ ποῖον αἴτημα ἐκοπώθη ὁ ὅσιος Δαβὶδ πάντα προθύμως ὑπήκουσε τοῦ ὁσίου, καὶ ὅσα καὶ ἀπὸ στόματος ἡτήσατο παρέσχεν αὐτῷ μετὰ πάσης σπουδῆς καὶ γενναίων τῶν σάκρων μετὰ πολλῆς τῆς συντομίας δι' ὀλίγων ἡμερῶν ἀπέλυσεν αὐτοὺς μετὰ χαρᾶς μεγάλης, δοὺς αὐτῷ τὰς κελεύσεις αὐτοχειρώς.

Извѣстный англійскій византинистъ *Бэри*, авторъ *History of the later Roman empire*, въ статьѣ *The identity of Thomas the slavianian* (I, 54—60) представилъ разборъ извѣстій, касающихся мало выясненной личности *Θωмы*, игравшаго важную роль при царѣ *Μιχαήλ II*. *Θωма* принялъ на себя имя сына царицы *Ирины*, будто бы спасавшагося отъ убійцы, и поднялъ возмущеніе противъ *Μιχαήла II*. Въ „Очеркахъ по исторіи византийской образованности“ (стр. 71—80) мы пытались объяснить, что въ движеніи самозванца *Θωмы* столько же имѣютъ значеніе соціальныя мотивы, сколько религіозныя, такъ какъ онъ является выразителемъ протеста противъ иконоборческаго правительства. *Бэри* указываетъ, что по извѣстіямъ византийскихъ писателей трудно составить идею о личности *Θωмы*, эти извѣстія такъ запутаны и противорѣчивы, что повели изслѣдователей къ предположенію о двухъ и даже о трехъ лицахъ, носящихъ то же имя. Уже извѣстіе *Генесія*, приписывающаго *Θωμῳ* то скѣпское, то армянское происхожденіе, можетъ повести къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Изъ сопоставленія различныхъ данныхъ явствуетъ, что *Θωма* сначала служилъ у патриція *Вардана*, принималъ участіе въ возмущеніи его противъ верховной власти и имѣлъ случай выказать воинскія дарованія. Главное значеніе изслѣдованія *Бэри* состоитъ въ критикѣ мѣста продолжателя *Θеофана* (ed. *Вонн.*, p. 51) и *Генесія*: καὶ κολλη-

Θαίς τῶν τῶν πατριχίων. Первому неизвестно было имя патриция, у которого служил Θома, второй назвал это имя и назвал произвольно. Разъ введено было въ исторію Θомы имя Вардана, ничего не было легче, какъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ, что дѣло происходило въ царствованіе Никифора. Бэри устраняетъ имя Вардана изъ исторіи Θомы и получаетъ возможность объяснить всѣ недоразумѣнія, то-есть, примирить извѣстія о Оомѣ въ письмѣ Михаила II къ Людовику Благочестивому съ первою книгой Генесія и продолжателемъ Оеофана.

Ламбросъ: „Отреченіе патріарха Николая Мистика“ (III, 551). Въ извѣстіяхъ писателей объ удаленіи съ престола Николая Мистика въ 907 году не ясно представлены обстоятельства дѣла. Недавно изданная Де-Бооромъ біографія патріарха Евѣмія вноситъ новый свѣтъ въ событія этого времени и прямо говоритъ объ *отреченіи* патріарха Николая и сообщаетъ самый актъ отреченія. Теперь профессоръ Ламбросъ по Мюнхенской рукописи № 277 даетъ полный текстъ этого любопытнаго документа.

Иречекъ: „Документъ 1238—1240 года, относящійся къ исторіи Корфу“ (II, 336, 337). Это есть письмо отъ владѣтеля острова Корфу Калояна Комнина-Ватаццы къ Николаю Тошето, правителю Рагузы. На очень дурномъ латинскомъ языкѣ этимъ письмомъ утверждается дружба и союзъ между Корфу и Рагузой, и обезпечивается свобода для рагузинцевъ, приѣзжающихъ для торговыхъ цѣлей въ Корфу. Очевидно, документъ имѣетъ отношеніе къ акту, помѣщенному въ *Acta et diplomata graeca medii aevi*, III, 67.

Особенное мѣсто въ византійскомъ журналѣ занимаютъ статьи *Гельцера* и *Нёльдеке*, посвященныя исторіи монофизитовъ въ концѣ V и началѣ VI вѣка. Обѣ статьи (I, 34 — 49; II, 333 — 337) собственно пытаются точнѣе опредѣлить религіозныя воззрѣнія сирійскаго писателя Іозуа, прозваннаго Стилистомъ. Выходя изъ того положенія, что Іозуа съ одинаковымъ уваженіемъ упоминаетъ въ своей хроникѣ о завѣдомыхъ монофизитскихъ и о православныхъ епископахъ, Гельцеръ склоняется къ предположенію, что нашъ писатель принадлежалъ къ умѣренной партіи криптомонофизитовъ (S. 46). Въ высшей степени важны для исторіи религіознаго движенія на востокѣ новыя тексты, сообщаемые авторомъ: таковы извлеченія изъ контеско-арабскаго синтаксари, изъ церковной лѣтописи Захарія Митилеискаго (о соборахъ Сидонскомъ и Тирскомъ 512 и 513 годовъ). Въ той области, къ которой относится изслѣдованіе Гельцера, византійскій журналъ можетъ оказать громадную услугу византійскимъ

занятіямъ, если будетъ данаго мѣсто статьямъ оріенталистовъ, и такими образомъ поставить въ непосредственную связь оріенталистовъ съ византинистами.

III. Отдѣлъ литературы и искусства.

Статья молодого и много обещающаго историка византійскаго искусства *Іосифа Стржиговскаго* (Strzygowski), появившаяся въ № 1 журнала, уже и самымъ заглавіемъ: *Die byzantinische Kunst*, опредѣляетъ свой *руководящій* характеръ. Указавъ на значеніе органа профессора Крумбахера для изученія Византіи ради ея самой (не такъ, какъ ее изучали до сихъ поръ классики или слависты), авторъ высказываетъ убѣжденіе, что исторія византійскаго искусства до сихъ поръ поставлена значительно хуже, нежели другіе отдѣлы византиновѣдѣнія. „То, что мы находимъ въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и руководствахъ, основывается на нѣсколькихъ случайно извѣстныхъ памятникахъ, которые не могутъ къ тому же считаться руководящими для послѣдующаго времени“ (стр. 61). А между тѣмъ, пока исторія средневѣковаго искусства будетъ обходить Византію, она не можетъ имѣть строго научнаго характера (стр. 62).

Особенно горько жалуется Стржиговскій на недостатокъ серьезныхъ, на мѣстѣ проверенныхъ работъ по исторической топографіи Константинополя, безъ которыхъ невозможно прирученіе произведеній искусства; самые интересные памятники архитектуры остаются послѣдствіе этого безъ должной оцѣнки. Провинціи Византійской имперіи изслѣдованы еще менѣе, а между тѣмъ количество остатковъ христіанской старины въ нихъ уменьшается со дня на день, къ небольшому удонолѣстію турокъ. Не многимъ лучше стоитъ дѣло и въ нынѣшней Греціи, гдѣ огромное большинство мѣстныхъ и пришлыхъ силъ и средствъ устремлено на археологію классическую, а памятникамъ византійскимъ не достается и крупинокъ, падающихъ со стола господъ.

Авторъ несогласенъ съ Шпрингеромъ въ томъ, что исторію византійскаго искусства слѣдуетъ начинать только съ VII вѣка. По его убѣжденію, лишь до конца IV столѣтія искусство на востокѣ и на западѣ идетъ однимъ путемъ, а потомъ въ Константинополѣ возникаетъ новое искусство, достигающее во времена Юстиніана высокой степени развитія и всеобщаго господства.

Онъ доказываетъ, что слѣдуетъ различать: а) *древнехристіанское искусство*, которое идетъ рядомъ съ античнымъ и, подобно ему,

имѣть существенныя мѣстныя отличія при общей основѣ. Его характеръ—*наивно-символическій*; в) *древневизантійское искусство*, которое принимаетъ въ себя и перерабатываетъ античныя традиціи и подчиняетъ своему господству всѣ мѣстности, гдѣ когда-то процвѣтало искусство древнехристіанское. Его характеръ—*историко-догматическій*; день его рожденія—основаніе Константинополя (стр. 66); въ этомъ городѣ сосредоточили свои духовныя силы люди, сошедшіеся со всѣхъ сторонъ: римляне, греки, александрійцы, сирійцы, жители Малой Азіи; они нашли здѣсь средства выработать нѣчто общее и новое, удовлетворяющее потребностямъ новой религіи, но, конечно, генетически связанное съ античнымъ искусствомъ. „Подобно тому, какъ Византійская имперія при Юстиніанѣ обнимаетъ всѣ культурныя страны, византійское вліяніе въ искусствѣ простирается на всѣ берега Средиземнаго и Чернаго морей“ (стр. 68).

Для доказательства своего апіорнаго положенія авторъ выбираетъ одинъ примѣръ: развитіе византійской капители и специально такъ называемаго *кемифера* (Kämpfer), то-есть, вторичной капители изъ перевернутой усѣченной пирамиды, изобрѣтеніе котораго онъ приурочиваетъ именно къ 528 г. ¹⁾ Далѣе авторъ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній относительно восточныхъ элементовъ въ византійской архитектурѣ, которыя были бы очень цѣнны, еслибы были обставлены надлежащими фактическими доказательствами. Въ пластикѣ авторъ видитъ византійскій характеръ уже на Константиновой аркѣ въ Римѣ (стр. 71); въ древнѣйшей религіозной пластикѣ онъ признаетъ „древнехристіанскій духъ“, но въ памятникахъ свѣтскихъ въ V столѣтіи усматриваетъ „характеръ формализма и церемониальной торжественности искусства византійскаго“ (ibid.). Въ живописи Стшиговскій подчеркиваетъ то же явленіе на мозаикахъ триумфальной арки въ S. Maria Maggiore (вскорѣ послѣ 431 г.) и въ Равеннѣ, въ которой онъ не видитъ ничего самостоятельнаго, а только цѣнное доказательство вліянія Константинополя. Въ миниатюрѣ специально-византійскія черты, по его мнѣнію, ясны уже въ серединѣ IV вѣка.

Исслѣдованіе отдѣльных иконописныхъ сюжетовъ, по убѣжденію автора, даетъ рядъ математически-исныхъ доказательствъ для разграниченія символики древнехристіанской и исторической догматики

¹⁾ „Въ предѣлахъ настоящей статьи,—говоритъ авторъ,—я могу только представить результатъ моихъ изслѣдованій; доказательный матеріалъ лежитъ у меня готовый, ожидая издателя“ (стр. 69).

искусства византійскаго. Нѣтъ ни одного ряда изображеній, который не измѣнился бы существенно въ V вѣкѣ (стр. 72). Именно тогда вырабатывается типъ Богоматери, которая является въ сопровожденіи ангеловъ. Ангелы вводятся въ изображение крещенія Спасителя. Ради исторической обстоятельности апокрифическія черты вторгаются въ изображение Благовѣщенія, Рождества Христова, Путешествія въ Вифлеемъ и пр. Особенно наглядно начало новой эпохи въ изображеніи Страстей Господнихъ и мученій святыхъ.

Въ заключеніе авторъ вѣсто Шпрингераго дѣленія исторіи искусства (I. античное искусство; II. христіанское искусство: А. древнехристіанское, В. средневѣковое: а. византійское, б. магометанское, с. западное) предлагаетъ свое, какъ болѣе ясное и научное, по которому а) древнехристіанское и б) византійское искусства стоятъ самостоятельно между искусствомъ античнымъ, съ одной стороны, и средневѣковымъ—съ другой, и энергично высказывается противъ отдѣленія средневѣковаго византійскаго искусства отъ восточно-римскаго.

Статья Стигговскаго одна изъ самыхъ широкихъ по содержанію и живыхъ по изложенію статей журнала; къ сожалѣнію, въ ней больше отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ указаній.

Диль (Ch. Diehl) въ небольшой статьѣ: „Византійскія мозаики въ Никее“ (Mosaïques byzantines de Nicée, стр. 74—85), указавъ на жалкій видъ нынѣшней Никей, говоритъ о единственномъ остаткѣ ея прежняго блеска: небольшой церкви Успенія, находящейся въ южной части греческаго квартала. На основаніи очень остроумныхъ соображеній авторъ приурочиваетъ ея постройку къ XI столѣтію. Въ концѣ главной абсиды и другихъ мѣстахъ этой церкви имѣются отчасти любопытныя остатки древней мозаики, о которыхъ до сихъ поръ встрѣчались только упоминанія; ихъ-то и подвергаетъ Диль основательному обследованію. Онъ начинаетъ съ изображенія Богоматери (въ концѣ абсиды), которая здѣсь изображена не какъ ἡ ὑφ' ἡλότηρα τῶν οὐρανῶν (такъ въ Дафнѣ, въ Св. Лукѣ фокидскомъ и др.), но стоящую, съ младенцемъ Христомъ на рукахъ и съ надписью ἐκ γαστρὸς πρὸ Ἐσωφόρου ἐγέννησα αὐτῇ). Относительно типа Богоматери

¹⁾ Въ Кіевсофійскомъ соборѣ на этомъ мѣстѣ изображена Богоматерь-оранта съ надписью: ὁ θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ οὐκ ἀλλοιοῦνται· βοῶντες αὐτῇ ὁ θεὸς ἡμεῖς καὶ ἡμεῖς. См. Сементовскій, Кіевъ, 82—83; Айхаловъ и Ридимъ, Фрески Кіевсоф. соб., 40—42. Но по Хорикію (VI вѣка) въ алтарной абсидѣ св. Сергія была, какъ и здѣсь, изображена Богородица съ младенцемъ. См. Н. В. Покровский, Росписи, стр. 27.

авторъ колеблется между Одигитріей и Киріотиссой. Въ большой аркѣ, отдѣляющей входъ въ абсиду, изображена очень любопытная форма такъ называемой *этимасіи* (ἐπιμασία τοῦ θρόνου), съ четырьмя поклоняющимися ангелами, съ обозначеніемъ чиновъ послѣднихъ и съ текстомъ: καὶ προσκυνῶντες αὐτῷ πάντες ἄγγελοι.

Стиль этихъ изображеній укрѣпляетъ автора въ убѣжденіи, что церковь и построена и отдѣлана въ XI столѣтіи. Нѣсколько странную для этого времени надпись: στήλοϊ Νικηράτιος τὰς θείας εἰκόνας, Дилъ объясняетъ, какъ наименованіе художника.

Въ нартексѣ хорошо сохранилось только мозаичное изображение Богородицы—оранты надъ входной въ церковь дверью, и при немъ надпись: Κ(ύριε) βοήθει τῷ οἷ τοῦ Νικηφόρου πατριῆς καὶ πρωτοβεστυ καὶ μετὰ αὐτὸν ἐταρίάρχου. Изъ нея очевидно, что основателемъ никейской церкви былъ великій этеріархъ и протопестъ Никифоръ. Авторъ не рѣшается выбирать между многочисленными вѣроятностями этого имени, упоминаемыми въ памятникахъ, но мимоходомъ указываетъ на великаго этеріарха Никифора (X—XI вѣковъ), отъ котораго сохранилась свицовая булла, и на протовестіаріа Никифора, при Константинѣ VIII, о которомъ упоминаетъ Кедринъ (Вопн, II, 480).

Въ заключеніе авторъ высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что никейская церковь Успенія построена послѣ страшнаго землетрясенія при Константинѣ Дукѣ (1059—1067 г.), о которомъ говорить Аттالیотъ (Вопн, 91).

Статья Дила, не смотря на свой малый объемъ, представляетъ очень полную монографію о любопытномъ памятникѣ; но нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ не воспользовался прекраснымъ трудомъ Н. В. Покрискіа: „Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“ (М., 1890 г.), который далъ бы ему много интересныхъ параллелей, въ особенности для росписи абсиды.

Изъ этой статьи въ № 2 журнала (стр. 340—341) Стигмовскій дѣлаетъ нѣсколько мелкихъ, но не лишенныхъ интереса добавленій. Между прочимъ, онъ полагаетъ, что загадочная надпись: στήλοϊ Νικηράτιος и т. д., имѣетъ какое-то отношеніе (irgendwelchen Bezug) къ возстановленію иконъ послѣ иконоборства ¹⁾.

¹⁾ Дилъ въ № 3—4 (стр. 525—526) дѣлаетъ поправку къ добавленію Стигмовскаго въ одной изъ опубликованныхъ послѣднихъ монограммъ и склоняется въ загадочномъ Никиратіѣ видѣть заказчика мозаикъ абсиды (въ такомъ случаѣ етеріархъ Никифоръ пожертвовалъ только мозаики нартекса). (Le fait n'est point rare dans les églises byzantines.—прибавляетъ онъ).

Извѣстный византиистъ *Трей* (M. Treu) статью: *Mazaris und Holobolos* (стр. 86—97), посвящаетъ одному изъ интереснѣйшихъ памятниковъ византийской литературы XV вѣка—сатирическому схожденію Мазариса въ адъ съ его продолженіями ¹⁾. Мазарисъ, изданный первоначально Буассонадомъ и потомъ перепечатанный Эллисеномъ ²⁾, до сихъ поръ былъ извѣстенъ только по одной Парижской рукописи № 2991. Трей нашелъ другую редакцію въ Берлинской недавно приобрѣтенной рукописи (Codex Philippicus, № 1577),—редакцію, независимую отъ первой. Въ концѣ ея имѣется письмо автора къ императору, изъ котораго видно, что послѣдній былъ въ то время въ Целопонезѣ; авторъ проситъ властителя прочесть это сочиненіе, *составленное по его высочайшей волѣ* послѣ отъѣзда изъ Целопонеза, дабы не обидѣлись жители послѣдняго на морѣ Эвбейскомъ и Оессалійскомъ. Указаніе на обидное для целопонезцевъ сочиненіе не можетъ относиться къ самому Схожденію въ адъ, а только къ его 2-му продолженіямъ. Вслѣдствіе этого Трей приходитъ къ убѣжденію, что 2-я и 3-я части Мазариса составлены независимо отъ Схожденія и значительно послѣ него, черезъ 14—15 мѣсяцевъ, въ концѣ 1415 г. или въ самомъ началѣ 1416 г. Въ это время императоръ Мануиль II дѣйствительно находился въ Целопонезѣ, откуда вернулся въ Константинополь въ мартѣ 1416 г.; для его забавы во время скучнаго морскаго переезда, а не для дальнѣйшаго распространенія, не для публикаціи сочинены 2-я и 3-я части Мазариса.

Что же касается 1-ой части, или самаго Схожденія въ адъ, оно написано не для императора; но послѣдній читалъ его, очевидно, съ большимъ интересомъ и именно вслѣдствіе этого побуждалъ автора изобразить въ такомъ же духѣ жизнь и нравы целопонезцевъ. Но какъ императоръ примирился съ злыми выходками Схожденія противъ близкихъ ко двору людей, представляется загадкой. Не пытаясь разрѣшить ея, Трей дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ изслѣдованіе памятника раскрытіемъ нѣсколькихъ намековъ на личности, оставленныхъ безъ объясненія Буассонадомъ и Эллисеномъ, главнымъ образомъ при посредствѣ актовъ Константинопольскаго патріархата, изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ. Подлинность имени самого Мазариса Трей под-

¹⁾ См. о немъ *Krumbacher*, *Gesch. d. byz. Litt.*, 210—211.

²⁾ *Ellissen*, *Analekten*, IV, 187—364 (Лpz., 1860). Мазарисъ состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) собствен. Схожденіе, 2) *Ἐπερος πατὰ τὴν ἀναβίωσιν* и 3) 2 письма Голобола къ Пинифору Налеологу и отвѣтъ послѣдняго.

тверждает очень остроумными соображениями. Въ заключение онъ приводит in extenso письмо монаха Юсифа Вриеннія къ Мануилу Голоболу, „врачу, ритору и философу“, ставящее въ всякаго сомнѣнія историческую реальность важнѣйшаго дѣйствующаго лица знаменитой сатиры, котораго К. Крумбахеръ (о. с., 375) былъ склоненъ считать вымышленнымъ ¹⁾.

Хиджидаки (Hatzidakis) въ статьѣ: „Критическія замѣчанія къ нѣкоторымъ среднегреческимъ авторамъ“ (стр. 98—106), говоритъ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ восстановленіемъ текста византійскихъ писателей и на двухъ удачно выбранныхъ примѣрахъ показываетъ, какую роль въ этомъ дѣлѣ должно играть близкое знакомство съ текстомъ св. Писанія и съ живымъ греческимъ языкомъ. Исходя изъ убѣжденія, что въ огромномъ количествѣ случаевъ необходимости заставлятъ насъ прибѣгать къ опасной критикѣ предположеній (Konjekturalkritik), авторъ предлагаетъ нѣсколько очень удачныхъ конъектуръ для исправленія явно испорченныхъ мѣстъ изъ поэмы Спанеастъ, изъ Продрома, изъ Ровоама и изъ Глики.

Затѣмъ слѣдуетъ работа В. И. Лича: „Мудрый Акиръ, переведенный на нѣмецкій языкъ по древне-церковнославянскому переводу вѣсто неизвѣстнаго византійскаго оригинала“ (стр. 107—126). Цѣль статьи знаменитаго слависта—поощрить византиновѣдовъ востока и запада къ разысканію византійскаго Акира, а до тѣхъ поръ дать специалистамъ по средневѣковой литературѣ возможность пользоваться вліятельнымъ романомъ хотя бы въ переводѣ. Въ основу перевода положены тексты Е. В. Барсова (*Чтенія*, 1886 г., III) и позднѣйшіе югославянскіе; тамъ, гдѣ эти двѣ редакціи совпадаютъ, мы, конечно, въ полномъ правѣ предполагать искомый византійскій оригиналъ. Профессоръ Ягичъ не входитъ въ разсмотрѣніе источниковъ новѣсти и ограничивается перечисленіемъ славянскихъ текстовъ и указаніемъ на труды Пыпина и Веселовскаго.

Профессоръ Куль (Kuhn) въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Къ мудрому Акирію“ (*Zum weisen Akyrios*, 127—130), дѣлаетъ рядъ очень интересныхъ библиографическихъ указаній о восточныхъ текстахъ новѣсти и о генетически связанной съ нею греческой статьѣ: Βίος Αἰσώπου.

¹⁾ При этомъ Трей приводитъ заглавія и остальныхъ 15 писемъ Вриеннія. Считаю нужнымъ добавить, что у Фабриція-Гарлеса (Bibl. graeca, Hamburg., 1838, XI, 559—660) въ артиклѣ Iosephus Bryennius обозначены рукописи, извѣстныя въ то время, и изданіе Вриеннія 1768—1784, съ рецензіями на него.

Популярные въ средніе вѣка пересказчики Троянской войны Даресъ и Диктисъ—одинъ изъ тѣхъ научныхъ пунктовъ, которые одинаково важны и для византийцевъ, и для классиковъ, и для специалистовъ по исторіи германо-романской литературы. Патцигъ (E. Patzig) въ статьѣ: „Dictys Cretensis“ (131—153), вновь пересматриваетъ вопросъ объ источникахъ Диктиса. Такъ называемому „Дневнику“ Диктиса Критскаго предшествуетъ письмо пѣкоего Септимія къ Кв. Аркадію, въ которомъ онъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ найденъ греческій оригиналъ, и какъ Септимій перевелъ его на латинскій языкъ, сокративъ послѣднія 5 книгъ (по Свидѣ 4) о возвращеніи грековъ въ одну. Жюли въ 1871 г. (A. Joly: Benoit de S. More et le Roman de Troie) высказалъ свое убѣжденіе, что „Дневникъ“ Диктиса составленъ первоначально по-латыни, и греческій оригиналъ есть вымыселъ. Ему возражалъ извѣстный специалистъ по романскимъ нарѣчіямъ Густавъ Кёртингъ въ своей книгѣ: Dictys und Dares, въ 1874 году. H. Dunger, авторъ руководящей въ изученіи средневѣковыхъ разказовъ о Троянской войнѣ книги (Die Sage vom trojanischen Kriege, Lpz., 1869), возвратился къ этому вопросу въ 1878 г. въ статьѣ: Dictys-Septimius, и пришелъ такія, пошудимому, вѣскія доказательства въ пользу авторства Септимія, что вопросъ считался исчерпаннымъ; тамъ Патцигъ (въ статьѣ: Unerkant und unbekant gebliebene Malalas-Fragmente, 1891) высказался въ пользу мнѣнія Дунгера; но послѣ того, какъ онъ познакомился ближе съ изложеніемъ троянской саги у Кедрина и особенно въ 'Εκλογή 'Ιστορίων (изд. у Cramer'a въ Anecdota. 1839), у него возникли столь сильныя сомнѣнія въ латинскомъ происхожденіи Диктиса, что онъ рѣшился предложить ихъ на судъ специалистовъ.

'Εκλογή, какъ извѣстно, есть начало хроники, составленной около 889 г., и половина того, что мы имѣемъ въ ней, почерпнуто изъ Малалы. Но Малала дошелъ до насъ въ единственной (Оксфордской) рукописи, представляющей только сокращеніе, и къ тому же въ изложеніи троянской исторіи въ этой рукописи есть пропускъ приблизительно въ 31 стр. (ed. Bonn., 103). При сравненіи Эклоги съ нашими Малалой оказывается, что ся авторъ пользовался полнымъ текстомъ Малалы, до насъ не дошедшимъ, и что этотъ *настоящій* Малала въ изложеніи Троянской войны имѣлъ подъ руками оригиналъ Диктиса, вполнѣдствіи нѣсколько измѣненный Септиміемъ. Последнее положеніе Патцигъ обставляетъ безусловно убѣдительными доказательствами (стр. 144 и слѣд.), но едва ли можно считать въ такой же

мѣръ доказаннымъ его соображеніе о томъ, что Сентимій рядомъ съ Диктисомъ пользовался и самимъ Гомеромъ (146—147): въ IV столѣтіи, къ которому обыкновенно относятъ Сентимія, могло существовать нѣсколько редакцій Диктиса, сильно расходящихся.

Что касается до Кедрина, то онъ въ своемъ пересказѣ Троянской войны не только пользуется рядомъ съ Малазою другимъ источникомъ, дословно совпадающимъ съ Диктисомъ, но и прямо ссылается на правдивый разказъ „очевидца“ Диктиса (Вопп, I, 223)¹⁾. По мнѣнію Патцига, посредствующимъ звеномъ между Диктисомъ и Кедринимъ служилъ Іоаннъ Антиохійскій (VII вѣка), которымъ пользуются и позднѣйшіе византийцы: Манассія и Цецесь (139).

Въ заключеніе Патцигъ выставляетъ слѣдующіе два тезиса. 1) Правдивость письма Сентимія заподозрѣна напрасно: онъ дѣйствительно пользовался греческимъ оригиналомъ и сократилъ его послѣднія книги въ одну. 2) Но и въ первыхъ книгахъ онъ не переводилъ Диктиса дословно, а излагалъ по нему то, что считалъ наиболее интереснымъ (*quae bello contracta gestaque sunt*), и въ томъ порядкѣ, какой находилъ болѣе удобнымъ.

Къ этой статьѣ Патцига дѣлаетъ небольшое дополненіе Зонни (A. Sonni, изъ Кіева) въ № 3—4 (стр. 590), гдѣ онъ указываетъ на схолю архіепископа Ареопы (IX—X вѣковы) къ Діону Хризостому, упоминающую критянина Диктиса, который на мѣдныхъ доскахъ (*χαλκοῖς πλάται*) описалъ трояскія дѣянія и погребъ ихъ съ собою. Итакъ, —справедливо замѣчаетъ Зонни, — „противъ враговъ греческаго Диктиса выступаетъ новый византиецъ, знакомство котораго съ латинскимъ Дневникомъ будетъ не легко доказать“.

Чрезвычайно любопытно, что въ то время, какъ Патцигъ готовилъ свою статью о Диктисѣ для журнала Крумбахера, въ редакціи *Philologus*'а уже лежала статья Ферд. Ноака (Noack): „Греческій Диктисъ“, авторъ которой, пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, что и Патцигъ (на первомъ мѣстѣ и у лега Эклога, изданная Крамеромъ), пришелъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ. Прочитавъ статью Патцига, Ноакъ сдѣлалъ небольшое добавленіе къ своему изслѣдованію, чтобы высказать свое несогласіе съ Патцигомъ относительно роли Іоанна Антиохійскаго.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что и Малаза 7 разъ называетъ Диктиса и, разказывая о нахожденіи его текста (Вопп, 250), говоритъ только о его перепискѣ, но не о переводѣ.

ной исторіи императоровъ къ старопечатнымъ венеціанскимъ хронографамъ XVI и XVII вѣка, въ которыхъ подобныя бродячія повѣсти встрѣчаются въ большомъ количествѣ.

Шмиттъ (I. Schmitt) посвятилъ небольшое изслѣдованіе вопросу объ авторѣ такъ называемой Спанен (Über den Verfasser des Spanens). Дидактическая поэма, извѣстная подъ этимъ именемъ, издана въ первый разъ еще въ XVI столѣтіи въ Венеціи. Относительно автора ея, по выраженію Крумбахера (о. с., 397 и слѣд.), царить непроницаемый мракъ. Въ настоящее время она извѣстна въ 16 версіяхъ, изъ которыхъ изданы только 4. (Старше другихъ считается текстъ, изданный Леграномъ ¹⁾), но онъ представляетъ только отрывокъ; изъ остальныхъ ближе всего къ этому тексту подходятъ Ватиканскій № 1276 и Гротаферратскій. Въ нихъ введеніе сохранилось, по видимому, въ полной неприкосновенности, и по нему представляется возможность опредѣлить и автора и адресата. Вотъ что говоритъ это введеніе: „Писанія и стихи, поученія и слова наставленія блаженнаго того Алексѣя Комнина, великаго умомъ и всякимъ разуміемъ, къ сыну князя Комнина по матери, внуку благочестиваго короля Рожера, благороднаго и могучаго, великаго побѣдоносца, передъ которымъ трепетали всѣ западные королевства“ ²⁾.

На основаніи этого введенія Шмиттъ (согласно съ мнѣніемъ Саомы) утверждаетъ, что авторъ поэмы Алексѣй, сынъ императора Іоанна и соимператоръ, родившійся около 1106 г. и умершій еще при жизни отца въ 1142 г. Стало быть, стихотвореніе написано незадолго до 1142 г., а опубликовано вскорѣ послѣ смерти автора, судя по эпитету: τοῦ μακαρίου. Адресатомъ же былъ племянникъ Алексѣя, сестра котораго Марія была замужемъ за цезаремъ Іоанномъ Рожеромъ.

Шмиттъ, очевидно, правъ въ томъ отношеніи, что стихотвореніе не есть простое поученіе отъ отца къ сыну, а сочинено первоначально для какого-то лица царскаго, и именно Комнинова рода (330), и что редакція безличная суть виѣстѣ съ тѣмъ и неполная. Но онѣ

¹⁾ *Legrand*, Bibliothèque grecque vulgaire, I, 1—10.

²⁾ Γραφαὶ καὶ στίχοι διδασκῆς καὶ νοουθεσίας λέγει
Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ τοῦ μακαρίου ἑκείνου,
τοῦ ὄντος· μεγάλου εἰς φρόνησιν καὶ σύνεσιν παντοῖαν
πρὸς τὸν τοῦ πρίγκηπος υἱὸν καὶ Κομνηνὸν μητρόθεν,
ἔγγονον ὄντα εὐσεβοῦς ῥηγὸς τοῦ Ῥογερίου
τοῦ εὐγενοῦς· καὶ κραταιοῦ μεγάλου τροπαιούχου
τὸν ἔκρεμον τὰ δουκικὰ ἅπαντα τὰ ῥήγата.

не въ состояніи объяснить ни имени Снапен, ни отсутствія императорскаго титула при имени автора, ни печальнаго тона произведенія и намековъ на постигшее Алексѣя несчастье. При статьѣ Шмидта есть снимокъ съ миниатюры Ватиканской рукописи Ugb. 2, гдѣ Алексѣй изображенъ рядомъ съ отцомъ своимъ Іоанномъ въ императорскихъ регаліяхъ и съ надписью: Ἀλέξιος ἐν χριστῷ τῷ θεῷ πῶτος βασιλεὺς πορφυρογέννητος ὁ Κομνηνός, и факсимиле 1-ой страницы Ватиканскаго кодекса № 367, представляющаго передѣлку первоначальной редакціи.

Кстати замѣтимъ, что славянскому переводу этой поэмы, столь важной въ исторіи древнерусскихъ поученій отъ отца къ сыну, И. В. Ягичъ недавно посвятилъ чрезвычайно интересный докладъ въ Вѣнской Академіи (*Sitzungsber.*, CXXVII. Das byz. Lehrgedicht Spaneas in der kirchenslav. Uebersetzung), въ которомъ подробно сравнилъ съ опубликованными греческими редакціями 2 славянскіе текста: изъ рукописи Миклошича XVII вѣка (текстъ среднеболгарской редакціи) и изъ рукописи сербскаго митрополита Михаила (текстъ чисто сербскій, но основанный также, надо думать, на редакціи среднеболгарской).

Въ томъ же № *Максъ Трей*, въ небольшой замѣткѣ подѣ заглавіемъ: Michael Harluchleir (338—339), всѣми фактическими доказательствами подкрѣпляетъ высказанное имъ еще въ 1874 г. мнѣніе, что такъ называемый Психиръ, авторъ интереснаго стихотворенія: Δραχάτιον (о немъ см. *Krumbacher*, о. с., 373—374), есть Михаилъ Ἀκροπολίτης, лицо вполне историческое.

Тотъ же *М. Трей* въ № 3—4, въ небольшой замѣткѣ, подѣ скромнымъ заглавіемъ „Критикъ Тимаріона“, даетъ чрезвычайно рельефную характеристику типичнаго литератора конца XIII вѣка Константина Акрополита, пользуясь при этомъ отчасти новыми документами ¹⁾. Константинъ, сынъ вельможи и историка Георгія Акрополита (1220—1282 г.), бывшій самъ съ 1296 г. великимъ логооетомъ, въ противоположность „двойственнымъ“ византіяцамъ (*Doppelnatur*) XI вѣка и даже собственному брату Мелыхнесдеку, который подѣ монашескимъ клобукомъ скрывалъ независимый умъ и либеральныя въ церковномъ отношеніи убѣжденія, былъ церковникомъ самой чистой поды. Съ уда-

¹⁾ См. *Παναγιώτου-Κερμεвеса*: Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, I, 120 и слѣд. Ἀντίλετα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας I, 18¹, 15¹, 160, 405; Δαχάτιον, III, 445; IV, 35. Ср. *Migne*, CXL, 801 и слѣд. *Fabricius-Harles*, VII, 766—767; IX, 744; X, 261, 296, 335—336; XI, 268.

вительнымъ трудолюбіемъ и рѣдкимъ искусствомъ (Грей говоритъ, что изъ позднѣйшихъ византійцевъ онъ не знаетъ другаго, кто умѣлъ выражаться съ такою правильностью и естественностью на искусственномъ литературномъ языкѣ того времени) великій логоветъ работалъ надъ похвалами и житіями святыхъ и за то прозванъ былъ новымъ Метафрастомъ (*Fabr.*, VI, 649). Само собою разумѣется, что такой человѣкъ не могъ найти удовольствіи въ чтеніи рѣзкой и живой, по духу крайне скептической, но слогу почти народной сатиры, посланной названію „Тимаріонъ“. Въ письмѣ къ неизвѣстному пріятелю онъ называетъ интересный діалогъ пустословіемъ (*λτρωβία*), вреднымъ для читателей, и готовъ бы предать его огню; но, къ счастью для потомства, книга не ему принадлежала.

Статья Гесселинга (H. Hesseling) „О личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица въ среднегреческомъ“ (379—391) есть единственная за весь годъ статья по языку. Это происходитъ, безъ сомнѣнія, не отъ равнодушія редакціи къ этому важному отдѣлу византиновѣдѣнія, но оттого, что грамматическія изысканія могутъ найти себѣ мѣсто во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ; а, кромѣ того, и работники на этомъ поприщѣ еще слишкомъ мало.

Гесселингъ начинается съ указанія немногихъ случаевъ отклоняющихся отъ классической парадигмы формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ; затѣмъ изслѣдуетъ форму *οἱ*, встрѣчающуюся очень часто у Константина Порфиророднаго (онъ вполне справедливо видитъ въ ней новообразование множественнаго числа изъ единственнаго числа *οἱ* и остроумной аналогіей доказываетъ, что первоначально это *Ass.*, употребляющійся вмѣсто *Dat.*, который замѣтно слабѣетъ уже въ *κοινῇ*), затѣмъ аналогичную ей *ρᾱς* изъ *ρῆ*. Въ памятникѣ народнаго языка XI—XII вѣка онъ встрѣчаетъ уже почти всѣ новыя формы: *ἐξοῦ*, *ἐξοῦ*, *ἐρῆνα*, *ἐρῆνα*, *οἱς*, *ἐσῆς* и пр., объясняетъ ихъ исторически и прослѣживаетъ до XVI вѣка, привлекая къ дѣлу почти весь извѣстный въ печати матеріалъ. Изъ его таблицы явствуетъ, что до XV вѣка включительно форма множественнаго числа 1-го лица *Nom.* — *ἡμεῖς*, а не *ἐμεῖς*, что подвергаетъ законному сомнѣнію извѣстную грамматику Софіана.

Извѣстный классикъ Кёстлингъ (H. Köstlin) въ статьѣ: *Zu Phlogios und Platziaphlogia* (392—398), предлагаетъ рядъ поправокъ и толкованій къ тексту византійской поэмы, представляющей переложку романа о Флёртѣ и Бланшфлёртѣ, и отчасти къ Аполлонию Тирскому. Текстъ послѣдняго исправляя приблизительно въ то же время

русскій эллинизмъ О. Е. Коршъ (см. статью: Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніѣ Тирскомъ, по изданію Вагнера, во II томѣ *Дополненій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ*, 1892, стр. 107—155). Естественно, что Коршъ и Кѣстляниъ часто сходятся относительно того, какіе стихи требуютъ исправленія; но, къ сожалѣнію, не сходятся въ самыхъ исправленіяхъ, такъ какъ руководствуются разными основаніями: О. Е. Коршъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ стихосложеніе и, пользуясь своимъ, такъ сказать, чувствомъ языка, замѣняетъ явно испорченное чтеніе остроумными домыслами; Кѣстляниъ же старается всѣми мѣрами сохранить чтеніе рукописи, что ему иногда блистательно удается, между прочимъ, благодаря наблюденной имъ какъ въ Аполлоніѣ, такъ и въ Флёрѣ и Бланшфлёрѣ *фигуръ повторенія* (Palilogie). Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что Кѣстляниъ объ Аполлоніѣ говоритъ только мимоходомъ.

Очень остроумны помѣщенные Кѣстляномъ въ концѣ статьи объясненія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ изъ обѣихъ поэмъ.

Прехтеръ (Karl Praechter) предлагаетъ въ своей статьѣ: „Древніе источники Теофилакта Болгарскаго“ (*Antique Quellen des Theophylaktos von Bulgarien*, 399—414), одну изъ специальныхъ работъ, какія, по его убѣжденію, должна въ большомъ количествѣ вызвать прекрасная книга Крумбаха; общая задача ихъ будетъ опредѣлить степень вліянія древнихъ на византійскихъ писателей; специальная цѣль Прехтера въ данной статьѣ—доказать, что Теофилактъ Булгарскій, или Охридскій (XI—XII вѣковъ)¹⁾, пользовался Діономъ Хризостомомъ и Осмистіемъ, и сдѣлать вѣроятнымъ его знакомство съ Синезіемъ и даже Юліаномъ. На самомъ дѣлѣ Прехтеръ даетъ нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ; на сходной темѣ поученія къ царевичу онъ показываетъ различіе мировоззрѣнія домакедонскаго (строго-христіанскаго) и византійскаго возрожденія, и массой подробныхъ сличеній выясняетъ тѣсную связь автора „Поученія царскаго къ порфирородному Константину“ и панегирика Алексѣю Комнину съ философами языческой древности.

Результаты, имъ добытые, далеко небезынтересны и для древнерусской литературы поученій.

К. Ф. Мюллеръ еще въ 1876 г. установилъ личность писателя IX

¹⁾ Сочиненія его у *Migne*, 123—126. См. о немъ въ статьяхъ В. Г. Василевскаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1879 г., июль и августъ.

вѣка Игнатія дьякона, часто смѣшиваемаго съ другими Игнатіями той же эпохи, и пытался очистить текстъ двухъ его стихотворныхъ произведеній: „Стиховъ на Адама“ и „Язбическихъ четверостишіи“, представляющихъ передѣлку басенъ Эзона (*Ignatii tetrasticha jambica 53, versus in Adamum 143 rec. et brevi adnotatione instruxit Car. Frid. Müller. Kiel. Programm*)¹⁾. Съ тѣхъ поръ онъ не уныскалъ изъ виду своего Игнатія и коллекционировалъ, какія могъ найти, рукописи двухъ его вышеуказанныхъ произведеній. Теперь онъ выступаетъ съ обстоятельной статьей: *Handschriftliches zu Ignatius Diaconus (415—437)*, въ которой излагаетъ результатъ своей долготѣйшей работы. „Стихи на Адама“, этотъ „первый опытъ Потеряннаго рая“, по выраженію Маньена, онъ нашелъ только въ одной Парижской рукописи (*Suppl. 690*), но за то рукописи древней (XI—XII вѣка) и несомнѣнно послужившей оригиналомъ той рукописи XIV вѣка, по которой *Στίχοι εἰς τὸν Ἀδὰμ* изданы имъ въ 1876 г. Результатомъ изученія ея явился рядъ исправленій текста въ этой пьесѣ и нѣкоторое видоизмѣненіе во взглядѣ Мюллера на стиль и технику стиха Игнатія.

Последнее обстоятельство должно было бы въ значительной степени облегчить работу критики и надъ восстановленіемъ текста Четверостишіи; но они дошли до насъ въ такой массѣ рукописей и въ редакціяхъ до того несходныхъ, что эта работа еще очень, очень далека отъ конца. Мюллеръ внимательнѣйшимъ образомъ изучилъ 11 рукописей (6 парижскихъ, 2 вѣнскихъ, 1 копенгагенская, 1 лондонская, 1 вольфенбюттельская) и получилъ важные результаты (изъ 53-хъ Четверостишіи его изданія 1886 г. ему пришлось выкинуть 10 и прибавить 2 новыхъ); но 7 рукописей пока остаются неизслѣдованными. Общіе историко-литературные его выводы можно формулировать такимъ образомъ. Въ противоположность Вабрію, который распространяетъ басни Эзона, Игнатій сокращаетъ ихъ, но не ради того, чтобы придать имъ большую силу, а ради курьезнаго съ нашей точки зрѣнія стремленія уложить каждую басню въ что бы то ни стало въ 4 стиха. Эти четверостишія—юношеская работа Игнатія; она очень понравилась византийцамъ (очевидно, послѣдствіе, такъ сказать, педагогичности формы), и тѣ до XIV вѣка включительно не только переписывали, но и передѣлывали и добавляли

¹⁾ Объ Игнатіѣ см. *Krumpholtz*, о. с., 347—348. Текстъ у *Микк*, т. 117, стр. 1164—1176.

Четверостишія Игнатія; это-то обстоятельство и затрудняетъ изслѣдователей ихъ текста. Покамѣстъ. К. Ф. Мюллеръ считаетъ себя въ полномъ правѣ исключать, какъ псевдо-игнатьевы, тѣ басни, гдѣ не обращено никакого вниманія ни на hiatus'ы. ни на долготу и краткость слоговъ; послѣ приведенія въ извѣстность всѣхъ рукописей окажутся, конечно, и другія столь же несомнѣнные орудія критики.

Статья *Παναγορίῳ* (Πέτρος Νικ. Παπαγεωργίου; статья написана по-гречески): „Дрешія икона великомученика св. Димитрія, патрона города Солуни. на слоновой кости“ (479—487), представляетъ въ высшей степени интересный матеріалъ, обработанный, къ сожалѣнію, не съ достаточною полнотою и тщательностью ¹⁾. Солунскій любитель древностей Ζήσης Σαρρόπουλος приобрѣлъ недавно (откуда и какими образомъ, остается невыясненнымъ) чрезвычайно важную горельефную икону св. Димитрія (0.11 высоты, 0.07 ширины), на которой великомученикъ изображенъ стоящимъ лицомъ къ зрителю безъ шлема, но въ панцырѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами (то, что Панагеоріу принимаетъ за мечъ съ скрытою плащемъ рукояткой, по моему мнѣнію, есть скорѣе край щита). Эта икона со всѣхъ 4-хъ сторонъ обдѣлана въ серебряную пластинку, на которой выбиты изображенія 12 апостоловъ, а наверху такъ пазываемый *deisis*. Пластинка по стилю фигуры и буквъ относится приблизительно къ X столѣтію, а самая икона, какъ справедливо полагаетъ Панагеоріу, значительно древнѣе (она сильно напоминаетъ нѣкоторые изъ Эрунделевыхъ снимковъ VI—VIII вѣковъ). По поводу деисиса Панагеоріу сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о подобныхъ изображеніяхъ въ двухъ древнихъ домашнихъ церквахъ Солуни. только что откопанныхъ въ самое послѣднее время (одна въ ноябрѣ 1888 г., другая въ юнѣ 1892 г.). Матеріалъ, которымъ располагалъ авторъ для выясненія иконописнаго типа св. Димитрія, очень не обширенъ.

Даль въ довольно обширной французской статьѣ: „Ризница и библіотека Патмоса въ началѣ XIII вѣка“ (стр. 488—526), знакомитъ насъ съ чрезвычайно интереснымъ доселѣ неизданнымъ документомъ и даетъ къ нему обстоятельный комментарий; это пергаменный свитокъ 0.26 ширины, заключающій въ себѣ инвентарь иконъ, реликвій, св. сосудовъ и пр., а также пергаменныхъ и бож-

¹⁾ Самое описаніе иконы не вполне сходится съ фототипіей, здѣсь же, къ счастью, воспроизведенной.

бицинныхъ рукописей Патмосскаго монастыря, составленный несомненно въ первые годы XIII вѣка. Это самый древній каталогъ знаменитой Патмосской библіотеки и второй по древности изъ тѣхъ важныхъ документовъ, которые византійцы, по свидѣтельству Анны Комнины (ed. Вoppi., I, 276), называли βιβλίον. Изъ сожалѣнія, βιβλίον Патмосскаго монастыря очень кратко и необстоятельно: въ печати онъ занимаетъ всего 3 страницы, также какъ и подобный памятникъ 1077 г., напечатанный Саооу (Bibl. gr. med. aevi, I, 48—51), и только благодаря сопоставленіямъ Диля, онъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи византійскаго искусства и промышленности. Значительно больше данныхъ представляетъ отдѣлъ: Διά τὸν βιβλίον, при обследованіи котораго, кромѣ того, ученый издатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи позднѣйшіе каталоги Патмосской библіотеки и прекрасный трудъ покойнаго Сакелліона (Πατριάρχης βιβλιοθήκη. Αθήναι. 1890). Оказывается, что изъ 267 пергаменныхъ рукописей, которыми владѣлъ монастырь въ 1201 г., теперь осталось всего 108, да и изъ тѣхъ имѣвшія роскошныя оклады, въ большинствѣ случаевъ, лишлись ихъ. Правда, теперь на Патмосѣ 305 пергаменныхъ рукописей, но большинство ихъ позднѣйшаго сравнительно съ исчезнувшими происхожденія. Еще хуже судьба рукописей бомбицинныхъ: изъ 63 рукописей 1201 г. до насъ дошло всего 3. Дилъ по возможности указываетъ и причины исчезновенія рукописей и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ позднѣйшую ихъ участь. По содержанію, въ каталогѣ 1201 г. богослужебныя книги преобладаютъ надъ всѣми остальными, а сочиненія свѣтскія въ большемъ заголѣ: на 330 рукописей ихъ приходится всего 17. Въ XIII и первой половинѣ XIV вѣка библіотека обогащалась новыми приобрѣтеніями; въ это время являлись сравнительно въ большемъ количествѣ книги свѣтскія и даже рукописи классиковъ; но уже въ каталогѣ 1382 г. замѣчается сильная убыль (изъ 380 рукописей 1355 г. въ 1382 г. остается 300); особенно страдаютъ отъ небрежности обращенія свѣтскія сочиненія.

На поляхъ свитка и на обратной сторонѣ его есть записи нѣсколько позднѣйшаго времени (Дилъ съ достовѣрностью опредѣляетъ его первой половиной XIII вѣка) о книгахъ, выданныхъ изъ монастыря для временнаго пользованія. Оказывается, что Патмосская обитель снабжала своими духовными богатствами не только подчиненныя ей метохіи (метохіи Πιργαφазу выдано 11 рукописей, метохіи Κόσα—10), но и независимые отъ нея монастыри и даже свѣтскихъ священниковъ Самоса и другихъ лицъ. Изъ 45 выданныхъ рукописей

34 принадлежать къ числу богослужебныхъ, остальные—творенія св. отцевъ и учителей церкви.

Этими и подобными, такъ сказать, *вѣтными* выводами далеко не исчерпывается значеніе памятника, изданнаго Дидемъ; отнынѣ нельзя заниматься ни однимъ крупнымъ отдѣломъ духовной византійской литературы, не справившись съ драгоценнымъ аппендиксомъ къ статьѣ почтеннаго византиниста.

Г. Киртчикова въ небольшой замѣткѣ „Риомованная проза въ V столѣтіи“ приводитъ изъ слова св. Прокла, напечатаннаго въ LXV томѣ *Миня*, не замѣченный издателемъ *паримъ риомы* (безъ правильныхъ стиховъ), свидѣтельствующій съ большою вѣроятностью, что и въ то отдаленное время духовные ораторы въ лирическихъ мѣстахъ прибѣгали къ этому украшенію и превращали проповѣдь въ драматическій діалогъ. Это фактъ не безынтересный и для исторіи русскаго стихосложенія, гдѣ, какъ извѣстно, риомованная проза задолго предшествуетъ появленію топяческаго стиха.

Греческая статья извѣстнаго *Политиса* (N. Γ. Πολίτης): „Палеографическія мелочи изъ магическихъ книгъ“¹⁾, есть единственная статья по *фольклору*, которому сравнительно не везетъ въ журналѣ Крумбахера по тѣмъ же причинамъ, что и языковѣднію. Авторъ исходитъ изъ положенія, что между древнегреческими посвященными магін папирусами, которые изслѣдуютъ Leemans, Parthey, Wessely и Dietrich, и донныя сохранившимися въ народѣ суевѣрными „переживаниями“ должна быть генетическая связь и что связь эта имѣетъ свое выраженіе въ книгахъ въ родѣ *Ύμνος βίαι* и *αἱ Σολομνικάι*, которыя, безъ сомнѣнія, брали свое содержаніе изъ древнѣйшихъ источниковъ. Но, предоставляя себѣ уяснить эту связь и вліяніе, которое имѣли магическія книги на развитіе суевѣрія въ Эладѣ, въ особомъ изслѣдованіи, авторъ въ настоящей статьѣ ограничивается указаніемъ на помощь, оказываемую памятниками византійской магической литературы въ палеографическихъ вопросахъ. Онъ пользуется для этого 3-мя рукописями: изъ нихъ 2, XVI вѣка, а одна—начала XVIII (2 афонскія и 1 мюнхенская), и сопоставляетъ ихъ предписанія (также и тексты, изданные Лепраномъ во II т. *Bibl. Gr. vulg.*, II. 1—27) относительно матеріала, на которомъ слѣдуетъ писать заклинанія и которымъ слѣдуетъ писать ихъ, съ указаніями папиру-

¹⁾ Мы затрудняемся иначе передать гречизмъ: Πалеογραφικὴ σταχυολογία ἐκ τῶν μαγικῶν βιβλίων.

совъ. Дѣйствительно, отсюда получается рядъ очень интересныхъ добавленій къ соответствующимъ параграфамъ Гардтгаузена (о приготовленіи пергамента, чернилъ и красокъ для письма). Во второй половинѣ статьи авторъ дѣлаетъ нѣсколько очень удачныхъ и важныхъ поправокъ къ статьѣ T. W. Allen'a въ *Journal of the Hellenic Studies* (1890 г., XI, стр. 286 и слѣд.), который не вполне счастливо пытался разобрать скорописныя сокращенія въ ватиканской рукописи Regina 181 (нан. 1364 г.).

Едва ли нужно говорить о томъ, на сколько изслѣдованіе византійскихъ магическихъ книгъ важно для объясненія древне-русскихъ живыхъ молитвъ, астрологій, звѣздочетцевъ, зеленьяковъ и пр. и даже современныхъ суевѣрій. Къ сожалѣнію, обработка византійскаго фольклора есть почти всецѣло дѣло будущаго.

Стишовскій въ чрезвычайно интересной и живо, съ увлеченіемъ написанной статьѣ: „Древне-византійская пластика въ эпоху процвѣтанія“ (стр. 575—590), рассматриваетъ небольшой рядъ памятниковъ скульптуры, сохранившіеся въ оттоманскомъ музеѣ (въ Чинили-Кіоскѣ) и уясняющій отношеніе византійскаго искусства къ античному и древне-христіанскому. Это, во первыхъ, два обломка колонны украшенной виноградной лозой и сценами; во вторыхъ, рельефъ бюста на мраморѣ. Колонну авторъ относитъ ко времени между Феодосіемъ и Юстиніаномъ (стр. 580) и, стало быть, считаетъ приблизительно современною Максиміановой кафедрѣ въ Равеннѣ; но въ этой пресловутой кафедрѣ онъ видитъ руку провинціального ремесленника, а здѣсь—константинопольскаго художника. Въ одной изъ сценъ, изображенныхъ на этой колоннѣ (Крещеніе Спасителя, II, табл. № 1), авторъ видитъ важное посредствующее звено между древне-христіанскимъ типомъ и типомъ раненнскихъ (стр. 583). Что касается рельефа (табл. 3), Стишовскій рядомъ тонкихъ соображеній и точныхъ наблюденій доказываетъ, что онъ изображаетъ евангелиста Марка и предназначается для купольнаго пендентива; время его созданія приблизительно то же, что и колонны.

Оба памятника Стишовскій считаетъ очень характерными представителями византійскаго стиля лучшаго времени, когда въ архитектурѣ рождается купольная постройка, а въ скульптурѣ на первый планъ выступаетъ орнаментъ, вслѣдствіе чего въ немъ происходитъ регенерация натурализма, въ человѣческихъ же фигурахъ замѣчается нѣкоторая шаблонность (но антично-красивая) или чувствуется безпомощность художника (въ новыхъ образахъ); въ

изображеніи головъ священныхъ лицъ въ то же время выступаютъ впередъ портретныя черты, и вымираютъ древніе идеальныя типы. Въ заключеніи авторъ подводитъ къ тому же стилю цѣлый рядъ уже извѣстныхъ памятниковъ.

Всѣ работы Стшиговскаго свидѣтельствуютъ о его страстной любви къ избранной имъ области исторіи искусства. Если эта страстная любовь и бывасть иногда источникомъ увлеченій, то нѣтъ сомнѣнія, что она же приносить и огромную пользу дѣлу, и, надо надѣяться, поставить современнаго Стшиговскаго во главѣ цѣлой плодотворной школы.

Заканчивая обзоръ содержанія журнала *Byzantinische Zeitschrift*, позволяемъ себѣ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній. Профессоръ Крумбахеръ употребилъ всѣ средства, чтобы выполнить программу, изложенную имъ въ первой книжкѣ. Обиліе и разнообразіе статей, обширный кругъ сотрудниковъ, вносящихъ авторитетныя мнѣнія по разнымъ отдѣламъ византиновѣдѣнія, наконецъ, отзывчивость на всѣ новыя явленія въ области изученія Византіи—составляютъ безспорно положительныя качества византійскаго журнала. Съ точки зрѣнія научныхъ интересовъ византиновѣдѣнія органъ Крумбахера представляетъ собой явленіе громадной важности: централизуетъ византійскія изученія, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ преслѣдуемыя во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ задачей согласовать эти изученія, регулировать ихъ, внести въ нихъ болѣе совершенныя научныя методы и направлять ихъ къ одной цѣли. Ни для кого, однако, эти интересы не могутъ быть такъ дороги, какъ для русскихъ, для которыхъ съ понятіемъ Византіи соединяется кругъ идей о культурныхъ вліяніяхъ и заимствованіяхъ, между тѣмъ какъ для западно-европейцевъ Византія составляетъ отвлеченный принципъ, служащій объектомъ научнаго любопытства. Во имя этихъ особенныхъ отношеній мы горячо рекомендуемъ византійскій журналъ русской публикѣ, питая увѣренность, что византійскія занятія въ самой Россіи не могутъ остаться безъ воздѣйствія со стороны этого журнала, и что для удержанія за собою прежняго положенія въ области изученія Византіи намъ необходимо сообразоваться съ теченіями и направленіями, проводимыми въ журналѣ Крумбахера.

В. Успенскій.

А. Кирпичниковъ.

„Школьные сады Екатеринославской губернии“ съ 1890—1892 г.; шесть отчетов г. Лисицына объ осмотрѣ школьных садовъ и докладъ о курсахъ садоводства, лѣсоводства и огородничества для учителей народныхъ школъ Екатеринославской губерніи. Екатеринославль. 1892.

Лежащія передъ нами брошюры съ очевидностью доказываютъ, что школьнымъ садамъ посчастливилось въ Екатеринославской губерніи ¹⁾. Благодаря энергичной и компетентной поддержкѣ начальника губерніи В. К. Шампне, который извѣстенъ, какъ инициаторъ школьных садовъ въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи, гдѣ онъ былъ предводителемъ дворянства, мѣстное Общество садоводства имѣло возможность съ пользою заняться означенной дѣятельностью и въ короткое время (въ два съ чѣмъ-то года) добиться многихъ и очень хорошихъ результатовъ.

Исполнителемъ предначертаній В. К. Шампне, состоящаго председателемъ Общества садоводства, явился бывший учитель Ташировской сельской школы (Верейскаго уѣзда) г. Лисицынъ, приглашенный въ Екатеринославль въ качествѣ руководителя учителей, занимающихся садоводствомъ. Выборъ оказался очень удачнымъ. Г. Лисицынъ съ удивительной энергіей взялся за порученное ему дѣло: былъ лекторомъ на первыхъ курсахъ для учителей по садоводству, огородничеству и лѣсоводству, устроенныхъ въ концѣ 1890 года, привлекъ къ садовымъ занятіямъ учениковъ городскихъ училищъ и затѣмъ въ качествѣ наиболѣе дѣятельнаго члена принималъ участіе въ засѣданіяхъ и работахъ Общества и такъ называемаго школьнаго комитета, учрежденнаго для заведыванія и устройства школьных садовъ; велъ журналъ, писалъ отчеты, разсматривалъ сѣмена и проч. Мѣсто же г. Лисицынъ посвятилъ поѣздкамъ по губерніи, осматривалъ уже устроенные и вновь закладываемые питомники, сады, огороды, виноградники и т. п., давалъ нужные совѣты, указывалъ на замѣченные недостатки, и по мѣрѣ возможности оказывалъ учителямъ ту или другую помощь, прибѣгая, если нужно, въ силу даннаго ему полномочія къ содѣйствію земства, полиціи, земскихъ начальниковъ или сельскихъ властей. Попутно онъ посѣщаетъ и частные сады, изучая на практикѣ

¹⁾ Школьные сады Екатеринославской губ. удостоились Высочайшаго одобренія, о чемъ было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе на основаніи Высочайшаго утвержденнаго 26 декабря 1892 г. положенія комитета министровъ.

и собиравъ свѣдѣнія о садоводствѣ и другихъ интенсивныхъ сельскохозяйственныхъ отрасляхъ, существующихъ въ губерніи и старается извлечь изъ своихъ наблюденій что либо полезное для дѣятельности мѣстнаго отдѣла Общества садоводства. Отчеты г. Лисицына, въ виду этого, представляютъ очень много интереса и являются весьма цѣнными документами, характеризующими Екатеринбургскую губернію съ указанной точки зрѣнія.

Въ 1891 году практическія занятія садоводствомъ и огородничествомъ были начаты болѣе чѣмъ въ 60 училищахъ, а въ 1892 году заведены уже въ 140. Часть учителей, не бывшихъ на курсахъ, взяли за дѣло, руководствуясь книгами или совѣтами мѣстныхъ садоводовъ и своихъ товарищей, присутствовавшихъ на лекціяхъ.

Но не всѣ, однако, попытки оказались вполне удачны, до 40% садовъ можетъ быть признано удовлетворительными и даже хорошими, около 30% менѣе удовлетворительными, а остальные слабыми.

По убѣдамъ и своему относительному достоинству сады распределяются слѣдующимъ образомъ:

	Число всѣхъ садовъ.	Весьма удовлет.	Менѣе удовлет.	Слабыхъ.
1) Мариупольскій .	31	15	9	7
2) Екатеринбургскій	30	13	8	9
3) Александровскій	20	9	6	5
4) Верхнеднѣпровскій	19	6	6	7
5) Бахмутскій .	13	4	3	6
6) Новомосковскій	11	3	4	4
7) Павлоградскій.	10	4	2	4
8) Славянскербскій	6	2	2	2
Итого.	140	56	40	44

Успѣхъ занятій въ народныхъ школахъ садоводствомъ находится, по словамъ отчета, въ прямой зависимости отъ двухъ очень важныхъ условий: удобнаго мѣстоположенія и матеріальной помощи этому дѣлу со стороны мѣстнаго общества или другихъ учрежденій. При отсутствіи этихъ условий, учитель, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи поставить дѣло прочно, чтобы оно шло правильно, было поучительно для мѣстнаго населенія и содѣйствовало развитію садоводства въ селѣ.

Для практическихъ занятій садоводствомъ и огородничествомъ ми-

истерскія училища поставлены, сравнительно, лучше земскихъ, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и по своему мѣстоположенію.

При всѣхъ этихъ училищахъ имѣется не менѣ десятины земли, а отъ дирекціи народныхъ училищъ учителямъ выдаются изъ училищныхъ суммъ пособія для проѣзда на курсы, на приобретение сѣмянъ, инструментовъ и руководствъ, частью на устройство городьбы, колодцевъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ также на первоначальную обработку почвы. Учителю остается, говорить г. Лисицынъ, приложить только къ дѣлу свои силы и познанія и руководить трудами дѣтей, принимая съ ними участіе въ работѣ.

Описаніе сада при Мангушскомъ двухклассномъ министерскомъ училищѣ Мариупольскаго уѣзда показываетъ, какихъ прекрасныхъ результатовъ достигаютъ на этомъ поприщѣ нѣкоторые учителя. Мангушъ—огромное греческое село въ степи, съ пыльными улицами и домами, вокругъ которыхъ нигдѣ не видно ни садика, ни огорода, ни одного даже деревца. Во время лѣтнихъ жаровъ, по словамъ г. Лисицына, воздухъ становится здѣсь невыносимымъ, и село принимаетъ совершенно безжизненный видъ, по улицамъ и усадьбамъ разгуливаютъ свободно лишь одинъ степной знойный вѣтеръ, поднимая вверхъ цѣлыя тучи пыли. Между тѣмъ учителю г. Гаврилевичу удалось устроить здѣсь при школѣ цѣлое садовое заведеніе. Въ одной части сада имѣется цѣлая роща изъ 200 привитыхъ фруктовыхъ деревьевъ, между которыми вся почва сплошь покрыта свѣжею зеленью разныхъ огородныхъ растений; въ другомъ углу зеленѣетъ довольно обширный виноградникъ изъ 800 кустовъ; тамъ, съ одной стороны, цѣлый кварталъ занятъ тысячами сѣянцевъ и саженцевъ фруктовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ, а тутъ, съ другой стороны, красуются ученическія grids. тщательнo оберегаемыя своими хозяевами, маленькими работниками. и все это создано въ какихъ нибудь два года руками дѣтей и сельскаго учителя, не получившаго спеціального образованія по садоводству: помощь взрослыхъ рабочихъ потребовалась здѣсь только для устройства ограды и первоначальной обработки земли плугомъ подъ огородами, всѣ же остальные работы были исполнены самими учениками, какъ-то: приготовлено 15 канавъ подъ виноградникъ (въ 1 арш. ширины и глубины), 200 слишкомъ ямъ для привитыхъ (маточныхъ) фруктовыхъ деревьевъ (въ 1 арш. глубины и 2 арш. въ діаметрѣ), перештыковано болѣе 100 кв. саж. подъ питомникъ (на глубину $\frac{3}{4}$ арш.), устроено болѣе 50 grids для посѣва древесныхъ сѣмянъ и огородныхъ растений; вся площадь послѣ плужной обработки была

исторично перекопана лопатами (на глубину 6 вершков.); затѣмъ посадка 213 деревцевъ, 1.600 саженищъ и 800 чубуковъ винограда, посѣвы, чистка сорныхъ травъ, поливка, разрыхленіе почвы и пр.—однимъ словомъ, весь уходъ за такимъ довольно обширнымъ для сельской школы садомъ былъ возложенъ на учениковъ, и все было исполнено ими съ замѣчательною аккуратностію.

Въ прошломъ году лѣтомъ успѣли даже окулировать болѣе тысячи дичковъ яблонь, грушъ, сливъ и абрикосовъ. „Трудно было вѣрить,—говорить откровенно самъ учитель.—чтобы все это сдѣлали муравьи—ученики!“¹⁾.

Кромѣ садоводства, огородничества и лѣсоводства, школьный комитетъ взялъ на себя задачу распространенія среди учителей свѣдѣній и по виноградарству, ичеловодству, шелководству и хмелеводству. Предстоящимъ лѣтомъ предполагается устроить для учителей курсы по шелководству, а для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по хлѣбопашеству организовать при нѣсколькихъ школахъ опыты съ полевыми культурами. Виноградарство и ичеловодство начинаютъ тоже, какъ видно изъ отчетовъ, приживаться въ школахъ. Для облегченія учителямъ ихъ занятій, Общество издало популярную брошюру по садоводству и помогаетъ имъ, разсылая въ школы черенки, сѣмена и проч. При комитетѣ устроенъ сѣмянной складъ и справочное бюро. Наиболѣе отличившіеся учителя награждаются медалями.

Все сказанное въ отдѣльныхъ отчетахъ г. Лисицына резюмировано вкратцѣ въ указанной нами брошюру: „Школьные сады Екатеринославской губерніи“, составленной имъ же.

Всѣмъ интересующимся вопросами о привлеченіи народныхъ школъ къ распространенію сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній мы горячо советуемъ ознакомиться съ интересной брошюрой. Получить ее, я думаю, по всей вѣроятности, можно, адресуясь въ г. Екатеринославль, въ Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Общества Садоводства. Цѣна на обложкѣ не обозначена.

Вигоръ Копалевскій.

¹⁾ Школьные сады Екатеринославской губ., стр. 18—23

И. Е. Германъ. История межевого законодательства отъ Уложения до генеральнаго межеванія (1649—1765). М. 1893.

Исторія межевого законодательства, какъ указывается, между прочимъ, и авторъ, имѣть очень большое значеніе и для межевой практики и для теоріи. Но, кромѣ межевого дѣла, для котораго она представляется, конечно, предметомъ первостепенной важности, исторіи межевого законодательства разъяснить не мало вопросовъ въ гражданскомъ правѣ и въ исторіи. Такъ, напримѣръ, на межевыхъ указахъ основаны многіе законы о вещахъ главныхъ и придаточныхъ ¹⁾, а равно и наши законы о земской давности ²⁾; съ исторіей межевого дѣла нераздѣльно связаны и все изысканія о поземельныхъ владѣніяхъ, поземельныхъ налогахъ, экономическомъ бытѣ и т. д. ³⁾.

Г. Германъ предпосылаетъ своему сочиненію „Краткій очеркъ развитія межеванія въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до Уложенія 1649 г.“ (стр. 1—32). На этомъ очеркѣ и затѣмъ на пятой главѣ сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о техникахъ межеванія, мы и остановимъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе, такъ какъ эти части наиболѣе спорны и на нихъ наименѣе твердо установились взгляды науки. Остальное передадимъ въ краткихъ словахъ, дѣлан кое-гдѣ замѣчанія. Свой вступительный очеркъ авторъ начинаетъ указаніемъ, что въ періодъ до-монгольской вѣны межевого законодательства выражалось лишь въ карательныхъ мѣрахъ за нарушеніе межевыхъ знаковъ (стр. 1—5). Совершенно соглашаясь съ этимъ, мы не можемъ не указать, что забота Владимира Святославича „о устройствѣ землемъ, о ратѣхъ и о уставѣ землемъ“ не относится къ межеванію, а касается земскаго (общественнаго) устройства. Татарское иго, по мнѣнію автора, сильно повліяло на усиленіе и развитіе межевого дѣла (стр. 5—14). Этому способствовала и необходимость новой раскладки сборовъ вслѣдствіе прибавленія къ прежнимъ налогамъ татарской дани. и передача этой раскладки въ руки князей, и, наконецъ, большая сложность общественныхъ отношеній. При этомъ авторъ совершенно справедливо указываетъ на древность „сохи“. Можно замѣтить только, что

¹⁾ Св. Зак., т. X, ч. I (изд. 1837 г.). Св. Зак. Гражд., ст. 386 цит. а. 387 цит. а, 390 цит. а. Code civil, art. 664. Züricher Gesetzb., § 549, и Stobbe, Handb. d. Deutsch. Privatrechts, 2-ter Band, § 79, S. 56.

²⁾ Св. Зак., X., ст. 558 цит. а, и 559 цит. а.

³⁾ П. Миллюкъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Иб., 1892 г., стр. 35 и слѣд.

количество земли, входившей въ понятие сохи, было различно не только въ различныхъ княжествахъ, но даже въ разныхъ частяхъ одного и того же. Такъ, по словамъ *И. Милюкова* ¹⁾, въ 1490—1500 гг. въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ обжа (какъ извѣстно, $\frac{1}{3}$ сохи) равнялась въ каждой пятинѣ своему количеству коробей (коробь=2 чети=десятина): въ Деревской пятинѣ отъ $2\frac{1}{2}$ —3, въ Шелонской отъ 3—5 и т. д. Вообще же до XVI вѣка соха опредѣлялась чисто формально: то, что обрабатываютъ трое на трехъ коняхъ. Относительно московской четверти нужно сказать, что въ приводимомъ выше сочиненіи *И. Милюкова* ²⁾ указывается ошибочность взгляда на нее, какъ на не имѣющую значенія геометрической величины, и приводятся данныя, по которымъ можно заключить, что старая московская соха равнялась новгородской, а соха XVI столѣтія равнялась 10 новгородскимъ. Затѣмъ авторъ приводитъ постановленія Новгородской и Псковской грамотъ и переходитъ къ обзору успѣховъ межеванія въ Москвѣ. Ояъ говорить, что „первая причина къ распространенію московскаго межеванія заключалась въ стремленіи Іоанна III и его преемниковъ къ однообразной раскладкѣ денежныхъ и натуральныхъ повинностей какъ въ Московскомъ, такъ и въ другихъ, присоединенныхъ княжествахъ, гдѣ раньше дѣйствовали особые порядки на этотъ предметъ ³⁾“. Позволяемъ себѣ сказать, что этотъ процессъ ассимиляціи шелъ сомнѣнь не быстро: еще въ половинѣ XVI вѣка „не были выработаны не только оклады налоговъ, но сами налоги и подати, способы ихъ взиманія, нѣсколько не были приведены въ систему“ ⁴⁾. Второю дѣйствующею силою въ дѣлѣ развитія межеванія, по мнѣнію автора, слѣдуетъ признать помѣстную систему. Подъ вліяніемъ этихъ-то факторовъ явилась въ серединѣ XVI вѣка довольно сложная система органовъ, въ рукахъ которыхъ находилось государственное межеваніе; вмѣстѣ съ этимъ, развилась, сравнительно говоря, и техника межеваго дѣла. Надо прибавить, что размѣръ московской сохи въ XVI вѣкѣ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, три вида: монастырская соха, дворцовая соха и помѣстная и вотчинная соха ⁵⁾.

¹⁾ *Op. cit.*, стр. 36.

²⁾ *Ibid.*, стр. 43—44.

³⁾ Стр. 14.

⁴⁾ *С. Середонинъ*, Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“, какъ историческій источникъ, С.-Иб., 1891, стр. 310.

⁵⁾ *И. Милюковъ*, *op. cit.*, стр. 48—49.

Размѣръ первой былъ: 600 четвертей доброй земли, 700 средней, 800 худой и 900—1200 добре худой. Размѣръ второй—800 чети. доброй, 700—1000 средней и 800—1000 худой, и размѣръ третьей: 600—800 доброй, 1000 средней и 1200 худой, то-есть, не было разницы между XVI и XVII вв. Въ заключеніе вступительной главы г. Германъ указываетъ на тѣ акты, которые существовали въ Москвѣ для межеваго дѣла, и на законы судебниковъ и уставныхъ грамотъ. Первая глава сочиненія называется: „межеваніе въ царствованіе Алексея Михайловича“ (стр. 33—70). Тутъ авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что обзоръ межеванія этой эпохи нужно начинать съ Уложенія: до него не было ничего новаго сравнительно съ XVI вѣкомъ. Замѣтимъ лишь попутно, что подворная перенесъ 1646—1647 г. не имѣла цѣлю устанавливать повсюду живущую четверть, а только раскладку полониночныхъ денегъ ¹⁾. Живущая же четверть никогда не была введена повсемѣстно ²⁾. Послѣ того авторъ указываетъ, что достоинство межевыхъ законовъ Уложенія относительное, и что они разбросаны по всѣмъ главамъ. Удивляться этому нечего, такъ какъ и Уложеніе, какъ и предыдущіе памятники, не имѣло въ виду специально межевыхъ законовъ, а установило ихъ, когда того требовали финансовыя и другія соображенія. Затѣмъ авторъ приводитъ тѣ статьи Уложенія, гдѣ встрѣчаются межевые указы. Слѣдуетъ замѣтить, что изложенныя авторомъ ст. 234 и 235 главы X взяты изъ Литовскаго Статута, ст. 236 сочтена вновь, ст. 233 взята изъ Градскихъ законовъ, и лишь ст. 231 и 232 взяты изъ старыхъ указовъ и практики ³⁾. Въ заключеніе этой главы г. Германъ указываетъ, что дѣла межевыя получили по Уложенію окончательную связь съ дѣлами крѣпостными, такъ какъ вѣданы въ одномъ и томъ же помѣстномъ приказѣ. Происходила эта связь оттого, что, дѣла „справку“ помѣстья, приказъ сличалъ дачу съ документами (стр. 49—50). Наконецъ, г. Германъ приводитъ указы 1660 и 1672 г.; послѣдній—о раздачѣ въ помѣстья дикихъ заозкихъ полей. Вторая глава посвящается авторомъ „примѣрамъ межеваго дѣлопроизводства времени Уложенія“ (стр. 70—104). Эти примѣры взяты изъ Архива Мини-

¹⁾ П. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго, С.-Пб., 1892, стр. 72.

²⁾ П. Милюковъ, Сионные вопросы, стр. 116.

³⁾ Н. Забѣлина, Свѣд. о подлинн. Уложеніи, см. Арх. истор. и юрид. свѣдѣній, Калачова, 2 изд., 1876 г., кн. I, ч. 2, стр. 18—20.

стерства Юстиціи и представляютъ интересъ, какъ иллюстрація изложеннаго выше содержанія постановленій Уложенія о межеваніи. Глава третья имѣетъ предметомъ „межеваніе въ царствованіе Осодора Алексѣевича (1676—1682 г.)“ (стр. 104—140). Авторъ указываетъ, что межевое дѣло къ концу царствованія Алексѣя Михайловича пришло въ разстройство, такъ что при производствѣ государственныхъ межеваній возникали бунты и возстанія. Это подало мысль о повсемѣстномъ межеваніи земель, и было издано нѣсколько писцовыхъ наказовъ. Далѣе авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ межеваго дѣлопроизводства этого періода и кончаетъ главу общеою картиною производства паловыхъ межеваній въ царствованіе Осодора Алексѣевича, указывая, что нельзя не обратить вниманія на недостаточность техническихъ правилъ при ихъ исполненіи. Эта недостаточность сознавалась тогда и самимъ обществомъ, какъ свидѣлствуетъ книга *Посошкова* „О скудости и богатствѣ“. Четвертая глава говоритъ о межеваніи въ царствованіе государей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696) (стр. 141—184). Это время замѣчательно двумя писцовыми наказами: 1683 и 1684 гг., изъ которыхъ особенно достоинъ вниманія второй. Правда, указъ 1684 г. не имѣетъ ничего новаго въ дѣло межеванія и былъ лишь выводомъ изъ всѣхъ предыдущихъ, но цѣль его была нова: именно—генеральное межеваніе съ повѣркою существовавшихъ правъ на землю. Но необходимо замѣтить, что межеваніе и послѣ этого указа происходило также плохо съ технической стороны, какъ и раньше ¹⁾). Это мнѣніе о немъ *К. А. Неволіна*, которое мы привели, повторяетъ и г. Германъ. Затѣмъ, въ слѣдующихъ годахъ явилось нѣсколько наказовъ, имѣющихъ и отчасти отмѣняющихъ наказъ 1684 г. Ихъ всѣ приводитъ авторъ и кончаетъ главу описаніемъ помѣстнаго приказа и круга его дѣятельности. При этомъ было бы нелишнимъ упомянуть, что исторія знаетъ два помѣстныхъ приказа: старый, до пожара въ XVI вѣкѣ, и новый, послѣ пожара съ 1626 г. ²⁾). Слѣдующая глава, нѣкая, посвящена авторомъ технику межеванія въ концѣ XVII вѣка (стр. 184—219). Авторъ сперва указываетъ на неопредѣленность древнерусскихъ сажени и версты. Десятину онъ выводитъ изъ $\frac{1}{10}$ версты. Намъ кажется, что это очень птянуто. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ авторомъ, что десятина—мѣра

¹⁾ *Неволінъ*, Полн. собр. сочин., т. VI, стр. 499—500, изд. 1859 г

²⁾ *Владимірекій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русск. права, вып. III, изд. 1885 г., стр. 187, прил. 2.

очень древняя ¹⁾). Четверть, какъ совершенно справедливо указываетъ г. Германъ, явилась изъ мѣры посѣва. Но необходимо замѣтить, какъ уже сказано нами выше, что постепенно эта мѣра посѣва обратилась въ геометрическую. *II. Милюковъ* говоритъ ²⁾: „совершенно вѣрно, что древняя „четверть“ есть „четверть сѣну“, но это не мѣшасть ей, подобно новгородской коробѣ и византийской лятрѣ, въ то же время соответствовать извѣстной, точно определенной площади“. Затѣмъ г. Германъ переходитъ къ способу измѣренія площадей. Замѣтимъ тутъ, что существуетъ въ спискѣ XVII вѣка проектъ введенія новой земельной единицы—„поприща“ ³⁾. Хотя *II. Милюковъ* относитъ его ко времени до 1555 г., но существованіе списка XVII вѣка показываетъ, что этимъ интересовались и при реформахъ XVIII вѣка. Мѣра эта—квадратная верста, при чемъ верста=1.000 сажень, а сажень—2 аршинамъ. Еще прибавимъ, что авторъ ничего не говоритъ въ этой главѣ о вытѣхъ, хотя онѣ существовали и въ XVII столѣтіи и даже сохранили свой неустойчивый, зависящій отъ количества труда, характеръ ⁴⁾. Въ заключение г. Германъ разсматриваетъ способы измѣренія площадей и правила русскихъ геодезій того времени и приводитъ выдержки изъ писцовыхъ книгъ. Авторъ говоритъ о нихъ: „послуживъ къ появленію множества новыхъ документовъ и законно установленныхъ границъ, они закрѣпили и опредѣлили поземельныя права землевладѣльцевъ въ извѣстныхъ границахъ“ ⁵⁾. Слѣдующая, шестая, глава посвящена „вліянію общихъ реформъ первой половины XVIII вѣка на успѣхи межеванія“ (стр. 219—245). Тутъ указываются тѣ причины, которыя задержали государственное межеваніе въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины I. Приводятся указанія на успѣхи математическихъ наукъ, какъ на источники будущихъ успѣховъ межеванія, и, наконецъ, на тѣ реформы помѣстной системы, на маіораты, на учрежденіе вотчинной коллегіи, на отпѣну „справки“, которыя всѣ сильно повліяли на межевое дѣло. Глава седьмая говоритъ о съемочныхъ и картографическихъ работахъ въ Россіи въ первую половину XVIII вѣка (стр. 245—268). Глава вось-

¹⁾ *II. Милюковъ*, Спорные вопросы, стр. 40. Иного взгляда держится *В. И. Сергеевичъ*, Лекціи, изд. 1890 г., стр. 477.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 39.

³⁾ *II. Милюковъ*, *op. cit.*, стр. 74—76, и прил. II, стр. 176—179.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 108.

⁵⁾ Стр. 218.

мая—объ административныхъ межеваніяхъ (стр. 268—287) и глава девятая—о межеваніяхъ по частнымъ просьбамъ въ первую половину XVIII вѣка (стр. 287—307). Последняя вся посвящена примѣрамъ межевой практики. Наконецъ, заключительная, десятая, глава имѣетъ предметомъ: „валовыя межеванія при Аппѣ Іоанновѣ и Елисаветѣ Петровнѣ“ (стр. 308—380). Она передаетъ почти дословно межевыя инструкціи этихъ царствованій и кончается словами автора, что „юридическія начала ниспосланныхъ межеваній, на конхъ была построена межевая инструкція 1754 г., уже отжили свой вѣкъ и требовали коренныхъ реформъ, сообразно съ новыми условіями жизни“ ¹⁾. На этомъ мы кончаемъ свой разборъ. Не часто книга доставляетъ такое удовольствіе, какъ трудъ г. Германа: серьезное отношеніе къ дѣлу, детальное изученіе его со всѣхъ сторонъ, вѣрное изображеніе юридической стороны, какое сдѣлало бы честь и специалисту, и при этомъ простота и скромность изложенія—конечно, качества, которыя съ избыткомъ покрываютъ случайные недостатки.

Н. Н. Дебольскій.

Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній.

G. C. Uhlenbeck. VERSLAG AANGAANDE EEN ONDERZOEK IN DE ARCHIEVEN VAN RUSLAND TEN BATE DER NEDERLANDSCHE GESCHIEDENIS. Op last der regeering ingesteld. 'S Gravenhage, 1891, 279 стр. (На стр. 243—272: B. Cordt. Beiträge zu einer russisch-niederländischen Bibliographie).

Фактъ большого вліянія, которое представители западно-европейской культуры во многихъ отношеніяхъ оказывали на ходъ развитія русской жизни, въ общихъ чертахъ установленъ давно. Но далеко еще не изученъ на столько детально, какъ этого слѣдовало бы ожидать въ виду важности вопроса. Благодаря главнымъ образомъ изслѣдованіямъ профессора Цвѣтаева ²⁾, свѣдѣнія наши о иноземцахъ, а именно о представителяхъ протестантскаго Запада, въ Россіи, въ послѣднее время очень расширились, но всѣ изслѣдованія профессора Цвѣтаева направлены только въ одну сторону: онъ интересовался и изучалъ specially вопросъ объ условіяхъ жизни ино-

¹⁾ Стр. 380.

²⁾ Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Москва. 1890.

странцевъ въ Россіи, о свободѣ вѣроисповѣданія, которой они пользовались, о взаимныхъ ихъ между собой, къ правительству и коренному населенію отношеніяхъ, о пропагандѣ ими своего вѣроисповѣданія и борьбѣ съ этою пропагандой правительства, и все это только на время до конца XVII вѣка. Изъ 800 стр. только 30 уделены вопросам о вліяніи иностранцевъ на развитіе военнаго дѣла, промышленности, торговли и международныхъ сношеній; а между тѣмъ именно объ этихъ вопросахъ мы знаемъ сравнительно очень мало, меньше всего о томъ значеніи, которое голландцы имѣли въ исторіи развитія русской торговли и промышленности, не смотря на то, роль голландцевъ въ этомъ отношеніи несравненно важнѣе, чѣмъ роль ихъ постоянныхъ соперниковъ-англичанъ. Со времени появленія сочиненій Схеллемы¹⁾ мы не имѣемъ ни одного болѣе или менѣе цѣльнаго изслѣдованія по этому вопросу, ни одного сборника матеріаловъ, подобныхъ тѣмъ, какіе мы имѣемъ для исторіи нашихъ сношеній съ Англіей. Особенное право на наше вниманіе имѣетъ поэтому цитированный нами трудъ нидерландскаго ученаго, появившійся уже два года тому назадъ, но прошедшій у насъ незамѣченнымъ²⁾, который знакомитъ насъ съ богатыми матеріалами для исторіи русско-голландскихъ отношеній, хранящимися въ нашихъ архивахъ.

О происхожденіи своего труда г. Уленбекъ сообщаетъ очень мало; онъ былъ предпринятъ, какъ мы видимъ уже изъ заглавія, по порученію нидерландскаго правительства, которое командируетъ своихъ ученыхъ въ разныя государства для изслѣдованія и собиранія матеріаловъ по отечественной исторіи, хранящихся въ иностранныхъ архивахъ; сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о характерѣ этого порученія и о планѣ своей работы г. Уленбекъ не сообщаетъ, и это умолчаніе, къ сожалѣнію, не случайное; авторъ, какъ мы увидимъ, не составилъ себѣ точнаго плана ни относительно того, на какіе матеріалы онъ долженъ обращать особенное вниманіе, ни даже относительно той формы, въ которой должно происходить сообщеніе матеріала; эта неопредѣленность плана не преминула въ значительной степени отразиться на качествахъ самого труда. Уже почти къ концу его авторъ говоритъ, что ему поручили изслѣдованіе русскихъ ар-

¹⁾ „Husland in de Nederlanden“ и „Peter de Groote in Holland en te Zaandam“, Amsterdam, 1814—1819.

²⁾ Въ „Göttingische gelehrte Anzeiger“, 1892, стр. 697—709, проф. Юрьевскаго университета Р. Гаусманъ помѣстилъ рецензію о трудѣ г. Уленбека.

живныхъ матеріаловъ, относящихся до голландской исторіи ¹⁾). а между тѣмъ еще въ самомъ началѣ труда онъ дѣлаетъ оговорку, что ограничиваетъ свою задачу изслѣдованіемъ и сообщеніемъ матеріала лишь по исторіи политическихъ отношеній между обоими государствами; суживая такимъ образомъ рамки своего труда, г. Уленбекъ руководился, по его собственнымъ словамъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ по исторіи торговыхъ отношеній между Россіей и Голландіей подготавливается г. Уляницкимъ. Не говоря уже о томъ, что такое ограниченіе вообще нежелательно, оно въ данномъ случаѣ должно было поставить автора въ очень затруднительное положеніе; каждому извѣстно, какую громадную, преобладающую, можно сказать, роль играли всегда именно торговые интересы въ сношеніяхъ между государствами, какъ торговые интересы безпрестанно тѣсно перемѣшивались съ политическими; желаніе выдѣлить изъ найденнаго матеріала все касающееся политическихъ отношеній должно было неминуемо повести къ произволу, какъ это на самомъ дѣлѣ и случилось. Такъ, ничѣмъ рѣшительно нельзя объяснить, на какомъ основаніи г. Уленбекъ оставилъ неизслѣдованными хранящіеся въ Москвѣ письма ванъ-деръ Бурга и въ то же время приводитъ обширныя выписки изъ его писемъ, которыя оказались въ Петербургскомъ Архивѣ Морского Министерства.

Для собранія матеріала авторъ обратился къ Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Румянцевскому Музею, Императорской Публичной Библіотекѣ, Архиву Морского Министерства и Державской Университетской Библіотекѣ; но матеріалы, найденные авторомъ въ Державѣ, въ Публичной Библіотекѣ и Румянцевскомъ Музеѣ, оказались, съ одной стороны, очень скудными, а съ другой—были изслѣдованы авторомъ довольно поверхностно, такъ что онъ нашелъ возможнымъ обозрѣть ихъ въ небольшомъ предисловіи; такимъ образомъ матеріалами, вошедшими въ его трудъ, онъ обязанъ исключительно Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Петербургскому Морскому Министерству, главнымъ же образомъ первому изъ нихъ. Приступая къ изложенію матеріала, авторъ не считъ нужнымъ хотя бы что либо сообщить о его характерѣ, происхожденіи и состояніи, въ которомъ онъ находится. Сообщая въ предисловіи о томъ, что, благодаря прекрасному каталогу Архива Морского Министерства, пять частей ко-

¹⁾ maar het mij opgedragen onderzoek betrof de Russische archivalia, van belang voor de Nederlandsche geschiedenis... (Uhlenbeck, стр. 223).

того уже появились въ свѣтъ, ему въ теченіе одного мѣсяца удалось собрать все, касающееся голландской исторіи, авторъ умалчиваетъ о томъ, удалось ли ему воспользоваться хотя какимъ либо каталогомъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и только изъ совершенно случайнаго замѣчанія почти въ самомъ концѣ труда мы узнаемъ, что онъ дѣйствительно пользовался таковымъ ¹⁾. Описи хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ документовъ по исторіи сношеній нашихъ съ иностранными державами давно извѣстны въ литературѣ; онѣ были составлены въ самомъ началѣ текущаго столѣтія Бантышъ-Каменскимъ, и превосходящія ихъ качества не разъ были засвидѣтельствованы учеными, которымъ приходилось ими пользоваться ²⁾.

Копіи нѣкоторыхъ изъ этихъ описей имѣются въ Императорской Публичной Библиотекѣ, и между ними опись голландскихъ дѣлъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между Россійскими Монархами и Голландскою Республикою посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ съ 1606 по 1781, собранное Н. Бантышемъ-Каменскимъ, 1800 г.“ ³⁾. Эта опись, хотя и представляетъ собой только „Сокращенное Извѣстіе“, во многихъ отношеніяхъ, какъ мы увидимъ, должна быть поставлена выше труда г. Уленбека, несмотря на то, что послѣдній количествомъ зарегистрированныхъ документовъ и своимъ объемомъ превосходитъ ее въ нѣсколько разъ.

¹⁾ „Den catalogus der „Hollandsche Zaken“ van het Archief van Buitenlandsche zaken te Moskou heb ik niet verder van het 1742 nagegaan“ (Уленбекъ, стр. 223).

²⁾ „Какъ для этого историческаго очерка,—говоритъ проф. Мартенсъ,—такъ и для объясненія отдѣльных актовъ намъ была въ особенности полезна извлеченія изъ дипломатической переписки, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, сдѣланныя Бантышъ-Каменскимъ. Замѣчательная точность этихъ выписокъ всегда подтверждалась въ случаѣ обращеній къ самимъ подлинникамъ“ (Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. I, стр. XVI). „Составлены имъ самимъ и подъ его рукою подстроены многочисленныя описи,—говоритъ Н. П. Калайдовъ,—замѣчательны по своей тщательности и вѣрности, и мы думаемъ, что было бы очень полезно, несмотря на нѣкоторую устарѣлость ихъ въ слогѣ, издать ихъ въ свѣтъ“ (Н. Калайдовъ, Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, изъ Собраній Государств. Знаній, т. IV, стр. 212).

³⁾ F. IV. 263. 76 стр. in-folio. Страницы раздѣлены на два столбца, при чемъ излагаются параллельно договоры и переписка съ русской (на первомъ столбцѣ) и съ голландской (на второмъ столбцѣ) стороны.

Не составивъ себѣ, какъ мы уже указали, точнаго, опредѣленнаго плана относительно той формы, въ которой онъ намѣренъ былъ сообщать найденныя имъ матеріалы, авторъ самъ лишилъ свой трудъ очень и очень большой доли его значенія. Въ предисловіи мы находимъ, правда, замѣчаніе, въ которомъ авторъ высказывается относительно системы своего труда. „Въ общемъ. — говоритъ онъ, — я стремился скорѣе собрать наиболѣе важное въ цѣльномъ видѣ, чѣмъ дать обзоръ всего, что имѣется въ архивѣ относящагося до нашей исторіи“ ¹⁾). Противъ такой системы, строго придерживаясь которой авторъ сообщалъ бы намъ лишь важнѣйшіе изъ изслѣдованныхъ имъ матеріаловъ, трудно было бы возразить что либо. Но дѣло въ томъ, что трудъ г. Уленбека только въ одной своей части соотвѣтствуетъ выраженному авторомъ намѣренію; только частью онъ состоитъ изъ обширныхъ подлинныхъ выписокъ (въ переводѣ на голландскій языкъ). Другая же часть его составила изъ отдѣльных отрывочныхъ указаній на содержаніе изслѣдованныхъ матеріаловъ и является какъ бы описью этихъ послѣднихъ, къ которой можетъ быть, конечно, предъявлено требованіе, чтобы всѣ ея указанія давали точное понятіе о содержаніи регистрируемаго матеріала, ибо чисто формальныхъ указаній не для чего было бы и печатать; менѣе всего такія указанія могутъ принести пользы голландскимъ читателямъ; въ дѣйствительности большая часть ихъ составлена г. Уленбекомъ такъ, что они безъ всякаго почти ущерба для читателя могли бы остаться не напечатанными. Нѣсколькими примѣрами мы постараемся пояснить справедливость вышесказаннаго. Такъ, весьма трудно понять, какого рода услугу г. Уленбекъ желалъ оказать своимъ соотечественникамъ, интересующимся даннымъ вопросомъ, безпрестанными указаніями, въ родѣ слѣдующихъ: „Vertaling van een brief van de Staaten aan den Tsar“, „Vertaling van een brief aan de Staten van den Tsar“ или „Zending van een renbode naar Holland“. Какую пользу можемъ мы извлечь изъ отмітки: „Brief aan den Tsar betreffende verschillende inkooppen“ ²⁾, изъ которой мы не узнаемъ ни содержанія письма, ни даже имени автора? Указаніе „Brieven van den Tsar aan de wajewoden van Archangel en Kola en de antwoorden daarop“ ³⁾ соста-

¹⁾ „In het algemeen heb ik meer getracht het gewichtigste in zijn geheel te verzamelen, dan een volledig overzicht te geven van alles, wat er betreffende onze geschiedenis in dit Archief aanwezig is“ (Uhlenbeck, стр. 9).

²⁾ Uhlenbeck, стр. 43.

³⁾ Uhlenbeck, стр. 26.

нено такъ, что мы даже не знаемъ, на какомъ основаніи матеріалы, къ которымъ оно относится, попали въ голландскія дѣла. Точно также болѣе, чѣмъ недостаточно указаніе на то, что Статы жалуются на кольскаго воеводу князя Щербатова, безъ всякаго объясненія, въ чемъ же именно состояла жалоба ¹⁾. Такой же характеръ носить сообщенія о прибытіи отъ Статовъ посла къ Михаилу Ѳедоровичу и Филарету Никитичу, о письмахъ Массы къ Михаилу Ѳедоровичу и цѣлый рядъ имъ подобныхъ. Этотъ недостатокъ становится еще болѣе замѣтнымъ, если мы возьмемъ въ руки „Сокращенное извѣстіе“ Бантышъ-Каменскаго; при первомъ же сравненіи мы убѣждаемся, что объемистый по сравненію съ небольшою описью Бантышъ-Каменскаго трудъ г. Уленбека далеко не всегда дѣлаетъ первый излишнимъ. Такъ, г. Уленбекъ сообщаетъ о прибытіи въ 1633 г. голландскаго купца Joost Nijkerke съ просьбой о дозволеніи вывезти изъ Голландію отъ 5.000 до 6.000 четвертей ржи ²⁾, и, только благодаря Бантышъ-Каменскому, мы узнаемъ, что въ просьбѣ этой было отказано. Точно также и объ отказѣ въ просьбѣ нидерландскаго правительства возвратить купцамъ Фоглеру и Клинну взятыхъ съ нихъ пошлины мы узнаемъ только изъ Бантышъ-Каменскаго ³⁾. Такъ, если г. Уленбекъ отмѣчаетъ просто: „Verslag van den Renbode Matweij Paliwanoff“, то мы только изъ Бантышъ-Каменскаго узнаемъ, что Поливановъ былъ посланъ „съ жалобой на польскихъ королей Владислава и Казимира, допустившихъ печатать у себя книги съ великою о Россіи укоризною и тѣмъ обругавшихъ Русское государство“ ⁴⁾. Въ дополненіе и въ видѣ поправки къ сообщаемому г. Уленбекомъ указанію о состоявшейся въ 1666 г. посылкѣ въ Голландію гонцевъ съ жалобой на голландскія газеты, которыя называютъ Алексѣя Ми-

¹⁾ 1636. Dec. Vertaling van een brief der Staten aan den Tsaar (klacht tegen den wajewoda van Kola, prins Sjerbatof) (*Uhlenbeck*, стр. 25).

²⁾ *Uhlenbeck*, стр. 21.

³⁾ 1641, 1 Mei. Aankomst in Rusland van den Hollandschen koopman Jan van Dries met een brief van de Staten en den Stadhouder, waarin verzocht werd de bevestigingsbrieven aan de Vogelaers en Klein niet te vernietigen (*Uhlenbeck*, стр. 26). Бантышъ-Каменскій (стр. 18) прибавляетъ: „... и взятая пошлина возвращена бы была имъ. Мая 30-го отпущенъ онъ съ отказомъ относительно пошлины“. Изъ сообщенія же г. Уленбека мы не узнаемъ даже, что нидерландское правительство просило, кромѣ сохраненія жалованной грамоты, и о возвращеніи пошлины.

⁴⁾ *Uhlenbeck*, стр. 42.

хайловича не царемъ, а великимъ княземъ, Бантишь-Каменскій сообщаетъ намъ, что „голландскіе въ Москвѣ купцы упростили государя не посылать такой грамоты. взявъ на себя исхodataйствовать желаемое удовлетвореніе“ ¹⁾. Такъ, если г. Уленбекъ отмѣчаетъ только „Aankomst in Rusland van den Hollandschen koopman Zacharias Gortsen met brieven aan den Tsaar van de Staten en den Prins“, то Бантишь-Каменскій сообщаетъ намъ, что Гортсенъ прибылъ „съ двумя отъ Статовъ грамотами (отъ 7-го декабря 1648 и 2-го января 1649) о взысканіи съ російскихъ купцовъ долгу и объ отдачѣ онаго голландцамъ Лютпену и Рохусу деньгами и хлѣбомъ“ ²⁾. Въ то время, какъ г. Уленбекъ, говоря о посылкѣ въ Голландію гонца Амирова для покупки 20.000 мушкетовъ, отмѣчаетъ лишь „Antwoord der Staaten op dat verzoek“, Бантишь-Каменскій сообщаетъ намъ, что Амировъ и торговый иноземецъ Андрей Бушъ были въ октябрѣ въ Псковъ „съ отвѣтною (отъ 17-го сентября 1655 г.) грамотою, обѣщавшею всякое удовольствіе“ ³⁾. Виѣсто ничего не дающей намъ отмѣтки „Zending van Oekraijntsof naar Zweden, Denemarken en Holland“, мы находимъ у Бантишь-Каменскаго сообщеніе, что Украинцеву „предписано было просить вспоможенія Польшѣ, разоряемой отъ турокъ и татаръ. 20-го іюня, —продолжаетъ Бантишь-Каменскій,—Статы дали Украинцеву на сіе отвѣтъ неудовлетворительный“ ⁴⁾. Виѣсто совершенно для насъ бесполезной замятки „Over de aankomst van een Hollandschen koopman in Rusland met een brief van de Staaten aan den Tsaar“, мы находимъ въ „Сокращенномъ извѣстіи“ обстоятельное сообщеніе, что прибывшій въ Москву „амстердамской факторъ фонъ-Гервинперъ подалъ государю грамоту отъ Статовъ (отъ 8-го декабря 1672) съ жалобою на Російскаго Цолнера Панкратьева, причинившаго оному фактору въ Архангелгородѣ неспосную обиду“ ⁵⁾. Указаніями, подобными вышечисленнымъ, переполненъ весь трудъ г. Уленбека, но и приве-

¹⁾ 1666, 13 Juni. Zending van den tolk Angelaer aan de Staten met een brief, waarin bestraffing verzoekt wordt der Hollandsche courtantiers, die Alexis Grootvorst en niet Tsaar noemden (*Uhlenbeck*, стр. 47. *Бантишь-Каменскій*, стр. 34).

²⁾ *Uhlenbeck*, стр. 41. *Бантишь-Каменскій*, стр. 25.

³⁾ *Uhlenbeck*, стр. 43. *Бантишь-Каменскій*, стр. 29.

⁴⁾ *Uhlenbeck*, стр. 48. *Бантишь-Каменскій*, стр. 38.

⁵⁾ *Uhlenbeck*, стр. 48. *Бантишь-Каменскій*, стр. 38.

денныя достаточно уясняютъ, на сколько принятая авторомъ система умаляетъ значеніе его работы.

Къ недостаткамъ труда нельзя не отнести и того обстоятельства, что авторъ почти совершенно игнорировалъ какъ печатные матеріалы по исторіи русско-голландскихъ отношеній, такъ и литературу этого вопроса. Что для ученыхъ, особенно голландскихъ, и то и другое было бы очень и очень желательно, въ этомъ никто не усомнится, а что г. Уленбекъ не думалъ принципиально ограничиться только рукописными матеріалами, видно изъ того, что онъ самымъ тщательнымъ образомъ разыскалъ и зарегистрировалъ немногіе, имѣющіе отношеніе къ голландской исторіи, акты, которые попадаются въ 48, 51, 57 и 67 томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Почему авторъ не отыскалъ въ такомъ случаѣ тѣхъ не многихъ, но цѣнныхъ указаній, которые имѣются въ 38 томѣ того же Сборника, остается непонятнымъ. Или почему онъ, придавая, какъ мы увидимъ, особенное значеніе письмамъ Матвѣева изъ Голландіи, не указалъ на тѣ изъ нихъ, которыя сообщены были Устряловымъ въ приложеніи къ IV тому Исторіи Петра Великаго ¹⁾? Точно также совершенно случайны ссылки автора на литературу предмета: кромѣ постоянныхъ ссылокъ на сочиненіе Схемтемы „*Rusland en de Nederlanden*“, мы встрѣчаемъ нѣсколько ссылокъ на сочиненіе Масси „*Histoire des guerres de la Moscovie*“, изданное въ 1866 Оболенскимъ и ванъ-деръ Линде, двѣ ссылки на Котошихина ²⁾. На стр. 230 авторъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на изданное въ 1859 г. въ Петербургѣ сочиненіе „() вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ“, не упоминая о вышедшемъ въ 1884 сочиненіи Бергбома, трактующемъ о томъ же вопросѣ ³⁾.

Г. Уленбекъ чувствовалъ, быть можетъ, этотъ послѣдній недостатокъ и далъ поэтому въ своемъ трудѣ мѣсто не большой, но обстоятельной работѣ г. Кордта, которая знакомитъ насъ съ русскою литературою вопроса и къ которой мы еще возвратимся. Не понятно только, какими соображеніями руководился г. Уленбекъ, не упоминая о трудѣ г. Кордта ни на заглавномъ листѣ, ни въ предисловіи.

Трудъ г. Уленбека состоитъ изъ 4-хъ главъ, изъ которыхъ 1-я (13—57 стр.) обвиваетъ періодъ времени отъ 1600 до 1699 года,

¹⁾ Письма эти, числомъ 6, относятся къ 1700, 1701 и 1704 годамъ.

²⁾ *Uhlenbeck*, стр. 14, 28.

³⁾ *Bergbom*, Die bewaffnete Neutralität, Berlin, 1884.

то-есть, все XVII столѣтіе, вторая (57—106 стр.)—время отъ 1699 до 1711 года, третья (106—222 стр.)—отъ 1711 до 1725 г. и четвертая (222—242 стр.)—отъ 1725 до 1796 г. Такимъ образомъ изъ 279 стр. XVII столѣтію удѣлено 44 стр., Петровскому времени 165 (изъ которыхъ годы 1711—1725 занимаютъ 116 стр.) и остальнымъ годамъ XVIII столѣтія всего 20 страницъ. Эти 4 главы отличаются, впрочемъ, другъ отъ друга не только размѣрами; въ то время, какъ 1-я и 4-я составлены главнымъ образомъ изъ малоцѣнныхъ охарактеризованныхъ уже нами указаній, 2-я и 3-я состоятъ изъ цѣлаго ряда обширныхъ выписокъ. Весь центръ труда лежитъ такимъ образомъ въ Петровской эпохѣ; причинъ, побудившихъ автора къ такому неравномѣрному распределенію матеріала, онъ не объясняетъ. Относительно 4-й главы онъ дѣлаетъ, правда, оговорку, объясняя бѣдность матеріала тѣмъ обстоятельствомъ, что съ утратою Голландскою республикой политическаго значенія утратили значеніе и русско-голландскія отношенія. Но объясненіе это нискоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ XVII столѣтію, которому авторъ также удѣлялъ слишкомъ мало мѣста. Такъ какъ настоящей замѣткой мы имѣли лишь въ виду обратить вниманіе на трудъ г. Уленбека, то содержанія его мы коснемся въ немногихъ словахъ.

Характеръ русско-голландскихъ отношеній въ теченіе XVII столѣтія въ общихъ чертахъ достаточно извѣстенъ. Съ самого начала столѣтія относится извѣстная намъ изъ 38-го тома Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества грамота Бориса Годунова, которой разрѣшается „инымъ барабанскимъ, голанскимъ и недерланскимъ“ торговать въ Архангельскѣ, но запрещается ѣздить безъ царскаго указу къ Москвѣ и въ московскіе города, хотя бы у нихъ и были царскія „жалованныя грамоты“ (1601 г.)¹⁾. Г. Уленбекъ начинаетъ свой трудъ передачей содержанія относящихся къ тому же году просьбъ голландскихъ купцовъ van der Goes и Jurjen Jansz относительно разрѣшенія свободной торговли, на каковыя просьбы и послѣдовали удовлетворительные отвѣты. По вступленіи Михаила Федоровича на престолъ становятся особенно часты просьбы о разрѣшеніи свободной торговли, объ освобожденіи отъ уплаты долговъ, накопившихся вслѣдствіе убытковъ, понесенныхъ во время бѣдствій смутнаго времени, просьбы о защитѣ отъ притѣсненій воеводъ и т. п. Подъ 1613 г. Уленбекъ нѣсколько подробнѣе излагаетъ такіа просьбы купцовъ

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 38, стр. 423.

Клинка и Фоглера. Далѣ слѣдуетъ опять цѣлый рядъ просьбъ, какъ, напримѣръ, о разрѣшеніи торговать драгоценными каменными, о разрѣшеніи монополіи на добычу селитры и ржи, просьбы о позволеніи имѣть въ различныхъ мѣстахъ дворы, пріѣзжать въ Архангельскъ другимъ устьемъ Двины, вывозить рожь, выписывать на основанные ими заводы мастеровыхъ изъ Голландіи, безпрестанно регистрируются просьбы о подтвержденіи жалованныхъ грамотъ, извѣстія о пріѣздѣ различныхъ гошцевъ, жалобы на неплатежъ русскими купцами долговъ и просьбы о изысканіи таковыхъ; къ 1663 г. относятся просьбы голландскихъ купцовъ о томъ, чтобы они были подчинены исключительно посольскому приказу ¹⁾. Со стороны русскаго правительства г. Уленбекъ регистрируетъ цѣлый рядъ просьбъ, какъ, напримѣръ, просьбы о разрѣшеніи купить въ Голландіи и провезти безпошлинно большое количество мушкетовъ и пушекъ, порученія, даваемые Алексѣемъ Михайловичемъ голландскимъ купцамъ относительно различныхъ покупокъ за границей для его личныхъ потребностей, порученія приглашать офицеровъ, докторовъ, аптекарей, ремесленниковъ, просьбы русскихъ о запрещеніи голландцамъ производить мелочную торговлю; безпрестанно встрѣчаются извѣстія о посылкѣ въ Голландію гошцевъ для покупки и продажи различныхъ предметовъ, извѣстія о пріемѣ и отпускѣ гошцевъ и т. д. Интересна просьба русскаго правительства о томъ, чтобы голландское запретило своимъ подданнымъ дѣлать изъ ефимковъ рубли російскіе и привозить оныя въ Россію ²⁾; въ 1668 г. царь потребовалъ съ голландскаго правительства возвращенія задаточныхъ денегъ за ремесленниковъ, не пріѣхавшихъ въ Россію. Давая, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, всегда самыя общія формальныя указанія, г. Уленбекъ останавливается подробно только на посольствахъ Спиридонова (1645 г.), который долженъ былъ объявить о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, и Милославскаго и Байбакова (1646 г.), которые должны были „предложить Статамъ утвердить продолжающуюся доселѣ между ними и Россією дружбу и любовь, привлечь въ російскую службу военныхъ офицеровъ и разныхъ мастеровыхъ людей и изыскать жа-

¹⁾ Въ 1664 г. эта старая привилегія голландцевъ была дѣйствительно подтверждена (Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. IV, стр. 333—340).

²⁾ 1641, 30 Mei. Concept van een brief van den Tsaar aan de Staten, opdat deze het maken van roebels uit buitenlandsche munt verbieden (Uhlendek, стр. 27. Бакунинъ-Камскій, стр. 19).

лобу на тульскихъ заподниковъ Аксма и Марселеса" ¹⁾). Г. Уленбекъ даетъ подробныя выписки изъ статейныхъ списковъ этихъ пословъ, но смотритъ, какъ онъ самъ признается, на эти данныя, не какъ на матеріалъ „*vor de Hollandche Geschiedenis*“, и приводитъ ихъ только для того, чтобы дать понятіе своимъ читателямъ о своеобразныхъ дипломатическихъ приемахъ представителей русской дипломатіи того времени.

Съ эпохи Петра Великаго, главнымъ же образомъ съ 1699 г., когда отправился въ Голландію первый русскій постоянный резидентъ въ лицѣ Андрея Артамоновича Матвѣева, политическія отношенія между Голландіей и Россіей получаютъ особенное значеніе, и съ этого года сообщенія г. Уленбека становятся, какъ мы уже указывали, несравненно полнѣе и содержательнѣе: онъ сообщаетъ намъ цѣлкомъ и въ обширныхъ выдержкахъ массу писемъ Матвѣева къ Головину и Петру, письма Куракина къ Головину и отвѣтныя, реляціи Куракина, рескрипты ему. цѣлый рядъ писемъ агента *van der Burgh'a* къ Апраксину и много другихъ. Въ письмахъ Матвѣева къ Головину мы находимъ много интересныхъ данныхъ, освѣщающихъ отношенія наши къ Шлеціи, положеніе, которое Голландія занимала между обоими враждующими государствами, и характеризующихъ вообще положеніе Россіи въ средѣ европейскихъ государствъ. Кромѣ того, въ этихъ матеріалахъ мы находимъ данныя для исторіи торговыхъ сношеній; мы можемъ прослѣдить, какъ торговые интересы оказывали вліяніе на политическія отношенія и мало-по-малу заставляли голландцевъ склоняться на сторону Россіи.

Нѣкоторые годы и въ этой главѣ отличаются, впрочемъ, бѣдностью матеріала: это—тѣ, когда Матвѣевъ уѣзжалъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ Парижъ и Лондонъ, такъ какъ г. Уленбекъ не нашелъ пугнымъ сообщать письма и реляціи оставшихся во время отсутствія посла секретарей русскаго посольства, какъ, напримѣръ, Николая Швиммера. Съ 1706 г., по заключеніи Альтранштадтскаго мира, дѣятельность Матвѣева приобретаетъ особенное значеніе, ибо онъ долженъ былъ стараться поддѣйствовать на Англію, чтобы она задержала Карла XII на западѣ, и съ этой цѣлью пытался подкупить Марльборо. Но особенно подробны сообщенія автора послѣ 1711 года, когда мѣсто Матвѣева заступилъ князь Куракинъ, который долженъ былъ объявить Статамъ, что царь не будетъ вмѣши-

¹⁾ *Бантины-Каменискій*, стр. 20, 21.

ваться въ нихъ дѣла, если они, въ свою очередь, не будутъ препятствовать ему въ его планахъ: если французская война будетъ закончена раньше Сѣверной, то Голландія не должна препятствовать Петру продолжать Сѣверную войну и наоборотъ. Въ письмахъ Куракина и его корреспондентовъ затрогиваются самые разнообразные вопросы европейской политики, въ особенности же обсуждаются всевозможные проекты скорѣйшаго умиротворенія Европы, центромъ которыхъ является, конечно, стремленіе Петра добиться узаконенія со стороны западно-европейскихъ государствъ его пріобрѣтеній; такъ, очень интересны сообщенія о планахъ Петра относительно Лифляндіи, которую онъ одно время думалъ передать Польшѣ, а не много позже предлагалъ, въ случаѣ, еслибы первый планъ представилъ какія либо затрудненія, сдѣлать Ригу вольнымъ городомъ. Сообщаемыя г. Уленбекомъ въ этой главѣ данныя пріобрѣтаютъ особенное значеніе, благодаря тому обстоятельству, что этотъ второй періодъ Сѣверной войны, когда она приняла дѣйствительно обще-европейскій характеръ, намъ наименѣе извѣстенъ. Переворотъ, происшедшій, благодаря успѣхамъ Петра, въ политическомъ значеніи Россіи, приближеніе ея къ берегамъ Балтійскаго моря, не замедлили отразиться на характерѣ торговыхъ сношеній, которыя въ это время пріобрѣтаютъ особенное значеніе; кромѣ тѣхъ данныхъ для исторіи этихъ сношеній, которыя мы находимъ въ письмахъ Куракина, имъ главнымъ образомъ посвящены письма ванъ-деръ-Бурга къ Апраксину, изъ которыхъ г. Уленбекъ приводитъ обширныя выдержки, вопреки своему намѣренію излагать только матеріалы для исторіи политическихъ отношеній. Мы знакомимся съ стремленіями голландцевъ пріобрѣсти въ гаваняхъ Балтійскаго моря тѣ же привилегіи, какими они уже пользовались въ Архангельскѣ, и съ попытками Петра эксплуатировать эти стремленія въ свою пользу: царь обѣщалъ голландцамъ большія уступки и льготы по отношенію къ пошлинамъ и требовать, въ свою очередь, чтобы Статы гарантировали его пріобрѣтенія; только что возникшая торговля съ Петербургомъ, производившаяся къ тому же при особыхъ условіяхъ военнаго времени, когда шведы старались сколько возможно препятствовать ей, затрогнула массу интересовъ, возбуждала множество вопросовъ, которые все и обсуждались въ письмахъ Бурга. Въ письмахъ Матвѣева мы находимъ много данныхъ для исторіи дѣятельности Витзена и особенно Гаутмана (письма котораго къ Матвѣеву также приводятся г. Уленбекомъ), который подъ покровительствомъ Витзена занимался доставкой оружія для Россіи. Было бы.

однако, ошибочно думать, что все, сообщаемое въ этихъ двухъ наиболѣе цѣнныхъ главахъ интересующаго насъ труда, было до сихъ поръ намъ неизвѣстно. Голландскія дѣла Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ были, какъ извѣстно, разработаны Соловьевымъ, у котораго мы и находимъ частью въ выдержкахъ, частью въ пересказѣ многія изъ писемъ, сообщенныхъ г. Уленбекомъ, какъ, напримѣръ, письма Матѣева къ Головину, донесенія его царю отъ 1700 и 1701 годовъ и др., точно такъ же и нѣкоторыя изъ писемъ Куракина ¹⁾. Съ другой стороны, нѣкоторыя письма, имѣющіяся у Соловьева, выпущены г. Уленбекомъ. Съ 1721 г. авторъ опять ограничивается знакомили уже намъ лаконическими указаніями и отмѣчаетъ лишь реляціи Куракина, рескрипты ему, письма Петра къ Статамъ и наоборотъ, письма Куракина къ Долгорукому въ Парижъ, письма Львова къ Апраксину и разные матеріалы для исторіи голландцевъ, селившихся въ Россіи, и русскихъ, посылаемыхъ для обученія ремесламъ и морскому дѣлу въ Голландію. На времени послѣ 1725 г. авторъ, какъ мы уже говорили, не считаетъ нужнымъ останавливаться сколько нибудь подробно и регистрируетъ лишь документы, не приводя никакихъ выдержекъ. Послѣ 1747 г. онъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ документахъ, напечатанныхъ въ 48, 51, 57 и 67 томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, а затѣмъ сразу переходитъ къ 1779 г. и сообщаетъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ русскаго консула въ Амстердамъ Ольдекопа. 1796 годомъ, когда голландцамъ закрыты были русскія гавани, г. Уленбекъ заканчиваетъ свой трудъ ²⁾.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что должны смотрѣть на этотъ трудъ съ двухъ сторонъ. Та часть его, которая является описью архивнаго матеріала, оставляетъ, какъ мы видѣли, желать очень и очень многого; вторая же, въ которой авторъ сообщаетъ матеріалы въ цѣломъ видѣ, представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для интересующихся вопросомъ о русско-голландскихъ отношеніяхъ. Мы не можемъ не быть признательны автору, который изучилъ русскій языкъ, по его собственнымъ словамъ, столь же мало распространенный между его соотечественниками, какъ языкъ тунгузовъ и яку-

¹⁾ См. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 48, 49 и сл., т. XVII.

²⁾ „Сокращенное извѣстіе“ также доходитъ лишь до 1748 г.; послѣ этого года Бантышъ-Каменскій приводитъ лишь акты „присягнута Генееральныхъ Статъ“ къ вооруженному нейтралитету (1780).

товъ, но должны въ то же время пожалѣть, что онъ не на столько внимательно и обдуманно относится къ своей задачѣ¹⁾, какъ этого можно было бы требовать.

Помѣщенный на стр. 243—272, въ видѣ приложенія, трудъ г. Кордта раздѣленъ на 4 главы. Первая (*Geschichte Russlands im Allgemeinen*) и вторая (*Geschichte des russischen Handels*), главы, въ которыхъ авторъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ указываетъ на то, что мы можемъ найти по вопросу о русско-голландскихъ отношеніяхъ въ трудахъ Карамзина, Соловьева и Костомарова, не представляютъ для насъ интереса. 3-я глава, въ которой авторъ даетъ критическое обзорѣніе источниковъ, разбросанныхъ въ различныхъ изданіяхъ, является цѣнною не только для голландскихъ ученыхъ, но и для насъ; на нѣкоторыхъ выводахъ автора мы позволимъ себѣ остановить нѣсколько вниманіе читателей. Разсматривая главнымъ образомъ извѣстія, относящіеся къ торговымъ сношеніямъ Голландіи съ Московскимъ государствомъ, авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки къ ошибочнымъ взглядамъ, укоренившимся по отношенію къ этому вопросу въ нашей исторической литературѣ. Такова его попытка установить время перваго появленія голландскихъ купцовъ въ устьяхъ Сѣверной Двины. Въ показаніяхъ Александро-Невской лѣтописи о томъ, что Иванъ IV въ апрѣлѣ 1567 года послалъ купцовъ съ товарами въ Антверпенъ²⁾, и Simon'a von Salingen о томъ, что царь еще до 1566 года посылалъ туда же своихъ агентовъ за покупками, г. Кордтъ видитъ подтвержденіе разказовъ англичанъ (отъ 1553 года), что голландцы уже въ первой половинѣ XVI столѣтія вели значительную торговлю въ Новгородѣ. Что же касается появленія голландцевъ въ Архангельскѣ, то г. Кордтъ

¹⁾ Кромѣ всего вышесказаннаго, имѣются еще и нѣкоторые другіе признаки подобнаго отношенія автора къ своему труду. Такъ, очень не похвалъ именной указатель, составленный г. Уленбекомъ. При самомъ близкомъ просмотрѣ мы убѣждаемся, что въ него не вошли многія имена, какъ, напримѣръ, Gortsen (стр. 41), Sjoeren (стр. 43), Krapiwien (стр. 67), Fawdrof (стр. 67), Kranenburg (стр. 123), Timon Jansz (стр. 167), Melles (стр. 167), Bjelazeritski (стр. 196), Tzaréwitsj Alexis (стр. 197).

²⁾ „Того же дѣла и царь и великій князь отпустилъ со своимъ бологодѣтьемъ отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ номорскія государства: въ Антронъ къ бурмистромъ и къ ратманомъ послалъ гости Ивана Аеоуасена, да купца Тимофея“ (Русская Историческая Библиотека, т. III, стр. 292).

опровергаетъ, встрѣчающееся почти у всѣхъ русскихъ историковъ, утвержденіе, что голландскія суда уже въ 1555 г., то-есть, черезъ два года по прибытіи Челноора, торговали въ устьяхъ Двины. Это утвержденіе основывается на показаніи Двинской лѣтописи; ошибочность его доказывается слѣдующими соображеніями ¹⁾. Во время переговоровъ съ Писемскимъ, который былъ въ Лондонѣ въ 1582 году, королева Елизавета выражала свое неудовольствіе по поводу того, что голландецъ De Walle, прослѣдивъ открытый англичанами и поэтому имъ однимъ принадлежащій морской путь въ Россію, начинаетъ торговать въ Холмогорахъ. De Walle же, какъ намъ извѣстно, прибылъ къ устью Двины не въ 1555, а въ 1578 году. Столь раннее появленіе голландцевъ въ Архангельскѣ невѣроятно еще и потому, что англичане, уже въ 1566 году жаловавшіеся на привиллегіи, данныя голландцамъ для торговли черезъ Нарву, врядъ ли до 1582 г. терпѣли бы несравненно болѣе опасное для нихъ присутствіе ихъ въ Бѣломъ морѣ. Точно также невѣрно сообщеніе Двинской лѣтописи, что торговые склады голландцевъ находились въ Корельскомъ устьѣ Двины, то-есть, вмѣстѣ съ англійскими; не говоря уже о невѣроятности того предположенія, что такіе ярые противники, какими были англичане и голландцы, устроили вмѣстѣ свои склады, мы имѣемъ и прямое свидѣтельство, что дворы голландцевъ находились въ Пудожемскомъ устьѣ. Затѣмъ авторъ характеризуетъ дѣятельность упомянутого уже De Walle, пользовавшагося большимъ влияніемъ и уваженіемъ между русскими и бывшего какъ бы представителемъ голландскихъ купцовъ въ Россіи, и борьбу голландцевъ противъ привиллегій англичанъ въ царствованіе Федора Іоанновича; тутъ же онъ указываетъ на появленіе въ Россіи во второй половинѣ XVI вѣка первыхъ голландскихъ техникумовъ и останавливается на дѣятельности перваго голландскаго врача Эйлофа, который былъ близокъ къ Ивану Грозному. Первымъ аптекаремъ въ Россіи былъ,—доказываетъ г. Кордтъ на основаніи свидѣтельства Петрея и Буссова,—не англичанинъ Francham, какъ обыкновенно полагаютъ, а голландецъ Claessen, прибывшій въ Россію въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія. Переходя къ XVIII вѣку, авторъ переводитъ данную Михаиломъ Федоровичемъ „жалованную грамоту компаніи голландскихъ гостей Марка Девогларъ и Юрья Клинка“ ²⁾

¹⁾ „Того же году пришли Голландскія и Брабанскія земли корабли, а на нихъ торговые нѣмецки и съ русскими людьми торговали на Корельскомъ устьѣ по 95 годъ“ (Двинская лѣтопись, изд. Титовымъ, стр. 12, Москва, 1889).

²⁾ Акты Археографической Экспедиціи, т. III, № 17.

и затѣмъ излагаетъ вкратцѣ исторію борьбы русскихъ купцовъ противъ привилегій иностранцевъ и отношеніе къ этой борьбѣ правительства. Онъ излагаетъ поданную въ 1646 году „челобитную торговыхъ людей разныхъ городовъ о притѣсненіяхъ иноземцевъ, живущихъ въ русскихъ городахъ по торговымъ дѣламъ“¹⁾, а также обшуждавшуюся въ 1649 году „челобитную стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ людей о воспрещеніи иностраннымъ купцамъ торговать въ русскихъ городахъ, кромѣ Архангельска“²⁾.

Отмѣчая указъ о высылкѣ англичанъ изъ Россіи, г. Кордтъ обращаетъ вниманіе на то, что подобнаго указа по отношенію къ голландцамъ никогда издаваемо не было. Правительство поняло, очевидно, значеніе того обстоятельства, что голландцы не были, подобно большинству англичанъ, только временными гостями, которые приходили только для того, чтобы нажиться и затѣмъ исчезнуть, но что они въ большомъ количествѣ оставались на постоянное жительство въ Россіи и оказывали благотворное вліяніе въ качествѣ техниковъ и ученыхъ. Въ послѣдней главѣ авторъ обозрѣваетъ литературу вопроса. Эти двѣ послѣднія главы послужатъ, безъ сомнѣнія, полезнымъ подспорьемъ для интересующихся даннымъ вопросомъ.

А. Браудо.

Книжныя новости.

Енисейская губернія, кя прошлов и настоящек. Очеркъ *Н. В. Латкина*. С.-Пб. 1892.—Не смотря на несомнѣнную обширность печатнаго матеріала о Сибири, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ „Сибирская Библиографія“, составленная г. Межовымъ, немного можно указать такихъ сочиненій, въ которыхъ заключался бы сводъ главнѣйшихъ свѣдѣній вообще о Сибири или, по крайней мѣрѣ, объ отдѣльныхъ ея частяхъ. Для ознакомленія съ Сибирью разныхъ лицъ, почему либо интересующихся этимъ краемъ, такіе общедоступные, объединяющіе труды крайне необходимы. Н. В. Латкинъ, составляя свой очеркъ Енисейской губерніи, вѣроятно, имѣлъ въ виду именно эту цѣль. Всевозможныя свѣдѣнія объ Енисейскомъ краѣ, разбросанныя въ массѣ отдѣльныхъ сочиненій и статей, аккуратно собраны въ очеркъ и даютъ читателю довольно полное изображеніе этой губерніи въ различныхъ отношеніяхъ. Можно только упрекнуть автора, почему онъ не указываетъ литературныхъ источниковъ и пособій, доставившихъ ему матеріалъ для очерка. Авторъ упоминаетъ въ своемъ трудѣ, что во многихъ случаяхъ при составленіи очерка

¹⁾ Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 13.

²⁾ Сборникъ князя Хилкова, № 82.

онъ пользовался своими личными наблюденіями и свѣдѣніями, но несомнѣнно также, что г. Латкинъ многое заимствовалъ изъ печатныхъ трудовъ. Авторъ долженъ былъ подробно указать литературу предмета, какъ это дѣлается при всѣхъ серьезныхъ изслѣдованіяхъ. Содержаніе очерка „Енисейская губернія“ самое разнообразное; раздѣленъ онъ на двадцать одну главу, изъ которыхъ большая часть (19 главъ) говорятъ преимущественно о современномъ состояніи края, а историческому обозрѣнію посвящены только двѣ послѣднія главы. Въ очеркѣ приводятся свѣдѣнія о губерніи—географическія, земельныя, геологическія, свѣдѣнія о русскомъ народонаселеніи и инородцахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, разныхъ промыслахъ, о золотопромышленности, вообще о промышленности, ремеслахъ и торговлѣ. Далѣе сообщаются данныя о податяхъ, натуральныхъ повинностяхъ, народномъ образованіи, о медицинскомъ дѣлѣ, о преступленіяхъ, судѣ, тюрьмахъ, административномъ устройствѣ и, наконецъ, о путяхъ сообщенія въ губерніи. Всѣ перечисленные отдѣлы и еще нѣкоторые, не указанные здѣсь, главнымъ образомъ обрисовываютъ современное положеніе Енисейскаго края. Собственно историческому очерку края уделено въ книгѣ сравнительно немного мѣста (двѣ послѣднія главы). Безъ сомнѣнія, трудъ г. Латкина является очень полезнымъ сборникомъ свѣдѣній объ Енисейской губерніи—полезнымъ въ особенности для лицъ, практически заинтересованныхъ въ этомъ краѣ, какъ, напримѣръ, для коммерсантовъ, промышленниковъ разнаго рода, фабрикантовъ и т. п. Для большаго удобства въ пользованіи очеркомъ авторъ долженъ былъ приложить карту Енисейской губерніи, чего онъ, однако, не сдѣлалъ по мотивамъ не весьма основательнымъ. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что нѣтъ правильной карты, Енисейской губерніи. Трудно сказать, когда будетъ составлена вполнѣ вѣрная карта этого края, а пока, конечно, можно успѣшно пользоваться и такою какою есть.

Записка объ организаціи мѣръ предупрежденія слѣпоты и окулистической помощи для вольныхъ глазами. Приватъ-доцента Военно-Медицинской Академіи, доктора медицины Л. Г. *Белларминова*.—Въ брошюрѣ своей авторъ прежде всего говоритъ о различныхъ причинахъ, обуславливающихъ появленіе глазной болѣзни, изъ которыхъ главною является несовершенство, или полное отсутствіе предупредительныхъ мѣръ. Причина эта коренится въ низкомъ уровнѣ культуры большей части населенія, которому чужды самыя примитивныя понятія о чистотѣ, опрятности, гигиенѣ и о значеніи ихъ для предупрежденія болѣзней вообще, въ особенности же болѣзней глаза. Бѣдность, скученность и грязь въ жилищахъ, иногда совмѣстное обитаніе съ домашнимъ скотомъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи, фатализмъ, поиски за помощью у знахарей—цѣлителей: вотъ та обычная картина быта некультурнаго класса, изъ котораго слѣпота, роковымъ образомъ, выхватываетъ большую часть своихъ жертвъ. Авторъ предлагаетъ различныя мѣры, могущія ограничить развитіе глазныхъ болѣзней. Изъ предложенныхъ имъ мѣръ можно указать, напримѣръ, слѣдующія: 1) въ мѣстностяхъ съ особенно сильнымъ распространеніемъ болѣзней глазъ должны быть учреждены должности окружныхъ губернскихъ окулистовъ; 2) во всѣхъ губернскихъ городахъ при городскихъ больницахъ необходимо открытіе глазныхъ отдѣленій, заведываемыхъ специалистами; 3) для

врачей, состоящих на службѣ въ мѣстностяхъ съ сильнымъ распространеніемъ глазныхъ болѣзней и желающихъ усовершенствоваться въ офтальмологіи, должны быть разрѣшаемы продолжительныя командировки въ университеты, съ сохраненіемъ содержанія и съ обязательствомъ получить свидѣтельство объ усвѣнныхъ практическихъ занятіяхъ при глазной клиникѣ или больницѣ и т. д. Мотивируя предложенныя мѣры, авторъ приводитъ различныя статистическія данныя; наиримѣръ, онъ говоритъ о недостаточности у насъ, въ Россіи, окулистовъ и врачей, занимающихся леченіемъ глазъ: первыхъ считается не болѣе 139, а вторыхъ—283 человѣка. Поэтому, если народонаселеніе Россійской Имперіи положить въ 112.400.000, то 1 окулистъ-спеціалистъ придется на 562.000 человѣкъ и 1 врачъ, занимающийся вообще леченіемъ глазъ, — на 224.800 человѣкъ. Чтобы дать хотя слабое представленіе о томъ, на сколько велика потребность въ окулистахъ, авторъ приводитъ общія данныя о пользовавшихся имъ больныхъ при Нининской земской больницѣ въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Въ 1889 году въ теченіе мѣсяца больныхъ было 380, сдѣлавшихъ 555 посѣщеній. Въ 1890 г. также почти за мѣсяць пользовано 332 больныхъ, сдѣлавшихъ 639 посѣщеній. Въ 1891 г. съ 27-го іюня по 5-е августа принято больныхъ 398, сдѣлавшихъ 734 посѣщенія. Въ 1892 г. больныхъ было 441, сдѣлавшихъ 583 посѣщенія. Въ итогѣ за 4 года оказывается, что въ теченіе 4½ мѣсяцевъ, притомъ же такихъ, въ которые крестьяне обыкновенно не лечатся, благодаря страданной рабочей порѣ,—больныхъ явилось 1551, сдѣлавшихъ 2511 посѣщеній. Въ концѣ брошюры приложенъ подробный отчетъ о больныхъ, пользовавшихся авторомъ въ лѣтніе мѣсяцы 1889—1892 гг. при выше упомянутой земской больницѣ; затѣмъ—вѣдомость объ излеченно и неизлеченно сдѣлавшихъ за тотъ же періодъ времени, и, наконецъ, представленъ реестръ предметовъ, необходимыхъ для летучаго отряда, и ихъ стоимость.

Ир. Скворцовъ, профессоръ. Бѣсѣды о холерѣ. Харьковъ. 1893.—Названное сочиненіе представляетъ книжку небольшого формата въ 56 страницъ и состоитъ изъ 8 главъ и приложеній, содержащаго различныя «наставленія въ видахъ предохраненія отъ холеры и ея устраненія». Не смотря на нѣкоторые недостатки въ изложеніи (авторъ мѣстами выражается не ясно, иногда дѣлаетъ повторенія), книжка въ общемъ написана достаточно популярно и, конечно, принесетъ надлежащую пользу. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ говоритъ о холерѣ, какою она является на ея роднѣ, и о способахъ распространенія ея изъ одного мѣста въ другое. Затѣмъ онъ разбираетъ нѣкоторыя заразныя болѣзни, къ которымъ относятъ и холеру; говоритъ о томъ, что помогаетъ и что мешаетъ холерной заразы жить и развиваться какъ внѣ, такъ и внутри нашего тѣла. Въ связи съ этимъ онъ предлагаетъ различныя общія мѣры противодѣйствія распространенію холерной заразы внѣ нашего тѣла и рекомендуетъ частныя мѣры для предохраненія отъ заболѣванія холерою. Здѣсь довольно подробно говорится о жизнеспособности холерныхъ палочекъ въ нитѣхъ и нитѣхъ. Собообщивъ о признакахъ появленія холеры и о различныхъ видахъ этой болѣзни, авторъ объясняетъ, какой уходъ и какая помощь нужны заболѣвшимъ холерою. Въ заключеніе, сопоставивъ все, изложенное раньше, авторъ дѣлаетъ

главные выводы о холерѣ: 1) что это—за болѣзнь, и 2) что нужно дѣлать, чтобы успѣшно бороться съ эпидеміей. Къ книжкѣ приложено „Наставленіе въ видахъ предохраненія отъ холеры и ея устраненія“. Тутъ указаны болѣе или менѣе извѣстныя общественныя и личныя мѣры предохраненія отъ болѣзни, а также мѣры обеззараживанія (дезинфекціи), и представленъ небольшой списокъ тѣхъ медикаментовъ, которые необходимо имѣть въ каждомъ семействѣ на случай заболѣванія холерою.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1889 годъ, съ 68 политинажами. С.-Пб. 1892.

— Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1890 годъ, съ 91 политинажемъ. С.-Пб. 1893.

— Материалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссіею: № 10. Ядлинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи, изслѣдованіе *В. Н. Истрובה*. № 11. Древности юго-западнаго края. Раскопки въ странѣ древлянъ *В. Б. Антоновича*. С.-Пб. 1893.

— *В. К. Надлеръ*, проф. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса. 1893.

— *С. Л. Пташникій*. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута. Историко-библіографическая справка. С.-Пб. 1893.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ пятнадцатый. Тифлисъ. 1893.

— *Н. Моръ*. Книга упражненій по греческой этимологіи. Изданіе К. А. Риккера. С.-Пб. 1893.

— *Н. Т. Савенковъ*. Опытъ наставленія выпускнымъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій, начинающимъ сельскимъ учителямъ и учительницамъ о главнѣйшихъ обязанностяхъ народнаго учителя. (Приложеніе къ № 10 *Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1892 г.). Красноярскъ. 1892.

— Сборникъ вопросовъ по учебно-воспитательной практикѣ въ начальномъ училищѣ. Для воспитанниковъ учительскихъ семинарій, начинающихъ учителей и учительницъ народныхъ школъ. Подъ редакціею *Н. Т. Савенкова*, директора Красноярской учительской семинаріи, составленъ руководителями практическихъ занятій выпускныхъ воспитанниковъ въ начальной школѣ учительской семинаріи, наставниками: *Д. В. Никитскимъ*, *А. С. Елксвымъ*, *Н. С. Проскуряковымъ*, и учителями: *Е. Ф. Кудряцевымъ*, *М. П. Константиновымъ* и *Н. А. Бахиревымъ*. (Приложеніе къ *Енисейскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ* за 1893 г.). Красноярскъ. 1893.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Греческая хрестоматія для III, IV и V классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Часть I, II и III. Москва, 1892. Стр. 256. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Предлагаемая г. Семеновичемъ книга составлена на основаніи весьма хорошихъ учебниковъ нѣмецкихъ педагоговъ Гинтнера, Коли, Бахофа, Мейрера и Коха. Она дѣлится на три части, соотвѣтствующія нынѣ установившимся курсамъ III, IV и V классовъ нашихъ гимназій. Матеріалъ, предназначенный для переводовъ какъ на русскій, такъ и на греческій языкъ, группированъ по отдѣламъ этимологической части греческой грамматики; каждая группа заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей греческаго и русскаго текстовъ, за исключеніемъ III части, которая состоитъ изъ однихъ только статей русскаго текста. Такихъ статей въ I части заключается 78, во II—97, а въ III—40, всего 216 статей. Статьи снабжены подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ помѣщены или отдѣльныя слова, или синтаксическія указанія и обороты. Къ I-й и II-й частямъ приложено по одному vocabulaire, содержаніе котораго разбито по статьямъ, предполагаемымъ для перевода; кромѣ того, въ видѣ приложений помѣщены два общіе русско-греческихъ словари: одинъ къ I-й и II-й частямъ, а другой къ I, II и III частямъ книги; затѣмъ синтаксическія правила къ курсу IV класса, указатель неправильныхъ глаголовъ и указатель собственныхъ именъ. Статьи для переводовъ, бла-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

годы источники, выдаются своею содержательностью, а въ строгѣ рѣчи соблюдается надлежащая послѣдовательность синтаксическихъ трудностей. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Семеновича вполне удовлетворяетъ требованіямъ дидактики. Но устройство вокабуларіевъ и словарей, составленныхъ, впрочемъ, съ большою тщательностью, представляетъ немаловажное практическое неудобство. Руководясь тѣмъ предположеніемъ, что ученикъ, изучивши разъ слово, никогда не забудетъ его, г. Семеновичъ помѣстилъ каждое слово, смотря по мѣсту, занимаемому имъ въ первый разъ въ текстѣ, или въ вокабуларіѣ, или въ общихъ словаряхъ, или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ лишь одинъ разъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ученикъ, забывъ какое-либо слово, встрѣтившееся въ предыдущихъ статьяхъ,—а это будетъ часто случаться,—будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе; ему придется перерывать всѣ вокабуларіи, словари и примѣчанія, что отниметъ у него тѣмъ болѣе времени, что слова въ вокабуларіяхъ даже не расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что г. Семеновичу слѣдовало бы въ своей книгѣ приложить списокъ типографскихъ погрѣшностей, коихъ оказывается не мало.

- I. *Павсанія*. Описаніе Эллады или Путешествіе по Греціи во II вѣкѣ по Р. Х. Переводъ съ греческаго съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсанія; Краткій очеркъ исторіи греческаго искусства; Родословныя таблицы еллинскихъ династій и проч. *Г. Ячевецкаго*, директора Ревельской Александровской гимназіи. С.-Пб. 1837—1839. Стр. 839. Цѣна 5 руб.
- II. *Ф. А. Экштейнъ*. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ съ предисловіемъ *В. Шрадера*, попечителя Университета въ Галле. Переведено подъ редакціей *Г. Ячевецкаго*. Ревель. 1839. Стр. 132. Цѣна 3 руб.

I. Для ознакомленія съ топографіею древней Греціи и съ памятниками еллинскаго искусства ни одинъ изъ греческихъ писателей не имѣетъ болѣе важности, чѣмъ Павсанія, родомъ изъ Лидіи, жившій около середины втораго столѣтія по Р. Х. Обладая надлежащими для путешественника качествами, онъ предпринялъ странствованіе по всѣмъ областямъ Эллады, гдѣ не только тщательно осматривалъ и изучалъ всѣ города, храмы, горы, святилища и всякаго рода сохранившіеся до его времени памятники, но и съ замѣчательною заботливостью вездѣ собиралъ относящіеся къ нимъ сказанія и намѣчалъ данныя объ ихъ происхожденіи и значеніи. Всѣ добытыя имъ въ

этомъ путешествіи свѣдѣнія Павсанія внесъ въ сочиненіе, извѣстное подъ заглавіемъ: *Περὶ ἡρώων τῆς Ἑλλάδος*. Г. Яичевецкій къ своему русскому переводу этого труда, занимавшему его нѣсколько лѣтъ, въ видѣ введенія, приложилъ переведенныя также на русскій языкъ весьма поучительныя статьи нѣмецкихъ ученыхъ: Шуберта, Кекуле, Видама, и снабдилъ текстъ періегета цѣнными подстрочными примѣчаніями, заимствованными изъ изданій филологовъ Зибелиса и вышеупомянутаго Видама. Трудъ г. Яичевецкаго заслуживаетъ по сему сочувствія всѣхъ любителей классической древности, тѣмъ болѣе, что первый, изданный Академіею Наукъ, ровно 100 лѣтъ тому назадъ, русскій переводъ Павсанія, составленный по не исправленному еще греческому тексту, уже устарѣлъ по формѣ и при томъ передаетъ рѣчь греческаго автора въ искаженномъ видѣ.

II. Второй предлагаемый г. Яичевецкимъ трудъ содержитъ русскій переводъ капитальнаго для педагогическаго и дидактическаго сочиненія, изданнаго по смерти автора, знаменитаго филолога и педагога А. Ф. Экштейна. Въ этой переведенной книгѣ на русскій языкъ книгѣ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ знатоковъ дѣла, собравъ всѣ данныя по вопросу о преподаваніи обоимъ классическимъ языкамъ и подвергнувъ ихъ основательному обсужденію, создалъ, такъ сказать, истинное хранилище глубокихъ и остроумныхъ указаній на правильное усвоеніе учениками языковъ классическаго міра и оставилъ послѣ себя драгоцѣнный сборникъ дидактическихъ наставленій, вытекающихъ изъ законовъ практической психологіи и осязанныхъ духомъ полуѣтковаго личнаго опыта.

Переводъ г. Яичевецкаго, вѣрно передавая текстъ обоимъ подлинниковъ, можетъ считаться удовлетворительнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ не существенныхъ промаховъ, какъ напримѣръ: Павсанія, стр. 150: читается Фалириъ вмѣсто Фалиръ, Фалирскій вмѣсто Фалирскій, между тѣмъ какъ въ имени *Φάληρον* гласная *υ* не принадлежитъ къ корню слова. Страница 158: принята форма Аяксъ вмѣсто Эянтъ, не смотря на то, что г. переводчикъ при транскрипціи именъ собственныхъ съ особенною заботливостію придерживаясь новогреческаго произношенія, отвергаетъ обыкновенный способъ переложенія.

Экштейнъ, стр. 14-я, нѣмецкій текстъ: „Er bestätigt dieses durch die Tochter des Laellus, von der die *elegantia patris* auf die eignen Töchter, die *Muciae*, und die Enkelinnen, die *Liciniae* sich fortgepflanzt hat“—переведенъ слѣдующимъ образомъ: Онъ подтверждаетъ это на дочери Лелія—Муціи, отъ которой *elegantia patris* распро-

страшилась на собственныхъ дочерей—и на внучекъ—Лициній". Если это не опечатка, то слѣдуетъ замѣтить, что дочь Лелія называлась не Муціею, но Леліею по римскому обычаю; дочери же ея, по родовому имени отца, назывались Муціями, какъ внучки — Лициніями и т. д.

Если первый трудъ представляетъ собою необходимое для преподавателя исторіи древней Греціи пособие, то второй долженъ быть настольною книгою у каждаго преподавателя древнихъ языковъ.

Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Составилъ А. Ечкинъ. С.-Пб. 1892. Цѣна 45 коп.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ посвящаетъ свой трудъ „лицамъ, занимающимся иностранными языками, а также родителямъ, желающимъ дать своимъ дѣтямъ руководящую нить, по которой они могутъ легче достигъ желаемой цѣли". Прежде всего авторъ касается вопросовъ, на сколько успѣхи учениковъ зависятъ: отъ учителя, отъ начальства, отъ способностей самихъ учащихся, отъ воспитателей, отъ учебника и программы. По всѣмъ этимъ пунктамъ высказываются мысли вѣрныя, но обыкновенныя, ходячія и присущія сознанію каждаго преподавателя. Въ одномъ только пунктѣ нельзя согласиться съ авторомъ, именно въ томъ, что успѣхи учениковъ могутъ быть подняты, если каждому преподавателю будетъ предоставлено право употреблять всѣ зысканія, которыя, по гимназическимъ правиламъ, распределяются между преподавателемъ, класснымъ наставникомъ, инспекторомъ, совѣтомъ и т. д. Но замѣтимъ на это, что хорошій преподаватель мало нуждается въ карательныхъ мѣрахъ, а если онѣ необходимы въ отношеніи нѣкоторыхъ учениковъ, то авторитетъ его вовсе не упадетъ, если наказанія будутъ налагаемы другими, а не имъ самимъ; если же преподаватель не умѣетъ ни учить, ни поддерживать дисциплины, то помощь отъ другихъ со товарищей ему необходима и полезна, будутъ ли эти помощники молодые или даже его ученики, какъ то предполагаетъ авторъ и въ чемъ видитъ большое неудобство.

Далѣе слѣдуютъ §§: „Сущность языка" и „Законы мышленія". Эти §§ могли бы имѣть значеніе въ томъ случаѣ, еслибы авторъ остановился на дидактическомъ значеніи языкознанія, какъ это и слѣдуетъ въ методикѣ; но этого вопроса авторъ, можно сказать, не коснулся, если не имѣть въ виду нашедшихъ мѣсто въ книгѣ нѣ-

которых общих, всем известных мыслей, а равно некоторых изречений об образовательном значении языков, взятых из авторитетных ученых. Между этими изречениями есть одно, приписываемое философу Гамману, именно: вся наша философия заключается „болше в языкѣ, чѣмъ в разумѣ“, которое в своем истинном смысле может быть понято, только по связи с анти-рационалистическим учением философа; взятое же отдельно, оно может быть понимаемо такъ, какъ будто наше мышление вообще есть продуктъ языка.

Слѣдующіе §§: „Сложность и разнообразіе языка“ и „Разные центры“ совершенно бесполезны, такъ какъ в нихъ нѣтъ ничего такого, что не было бы известно преподавателю новыхъ языковъ, а многое известно и всякому образованному и мыслящему человеку. Въ § „Разные центры“ составитель попутно указываетъ, что будто гдѣ-то центрами преподаванія в школахъ были поставлены физиологія, психологія и сравнительное языковедіе. Мы не только не слышали о существованіи в Европѣ такой школы съ подобною концентраціею, но даже не можемъ указать ни на одного авторитетнаго педагога или философа, который предлагалъ бы сконцентрировать обучение на этихъ предметахъ, какъ вмѣстѣ взятыхъ, такъ и в отдельности.

Дальнѣйшій § „Количество словъ“, хотя имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ методикѣ, не безынтересенъ, такъ какъ изъ него читатель почерпаетъ свѣдѣнія о томъ, какимъ количествомъ словъ располагаетъ обыкновенный нѣмецкій крестьянинъ, ораторъ, сколько словъ в поэмѣ Мильтона, у Шекспира, у Цезаря и т. п.

Въ §§: „Разучиваніе словъ“, „Грамматическій методъ“, „Переводный методъ“ и „Методъ чтенія à livre ouvert“, заключаются позорныя только отрицательныя, одностороннія и, слѣдовательно, поверхностныя, что, конечно, происходитъ отъ того, что авторъ является протавникомъ существующаго теоретико—практическаго способа преподаванія новыхъ языковъ. Замѣтимъ еще, что употребленіе термина „методъ“ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ неумѣстно. Подъ словами „грамматическій методъ“ читатель будетъ понимать, такъ сказать, методъ изложенія грамматики, какъ науки, тогда какъ авторъ этими словами хотѣтъ выразить то направленіе, при которомъ грамматика лежала бы в центрѣ изученія иностранныхъ языковъ; точно также нельзя назвать методомъ переводовъ съ иностраннаго языка на рус-

скій и обратно, равно какъ и чтеніе à livre ouvert; все это не болѣе, какъ приемы обученія.

Тотъ способъ, который авторъ отстаиваетъ, у него названъ „разговорнымъ американскимъ методомъ“. Последнее названіе авторъ даетъ ему, вѣроятно, потому, что онъ примѣняется въ Америкѣ уже около 10 лѣтъ; но тамъ онъ называется не разговорнымъ, а „натуральнымъ, или реальнымъ“, первое названіе ему дано потому, что при этомъ способѣ ученики изучаютъ иностраннѣйшій языкъ, подобно тому, какъ въ дѣствѣи они изучали свой языкъ; названіе же реального произошло отъ того, что въ основѣ этого способа лежитъ наглядность; на этомъ же основаніи ему присволяется третье названіе — „интуитивнаго“. Для нашихъ учителей этотъ способъ не составляетъ новости, и они уже не разъ обмѣнивались въ педагогическихкихъ журнальныхъ собраніяхъ своими воззрѣніями по этому предмету. Появились уже учебники, составленные по этому способу, и авторъ одного изъ такихъ имѣющагося у насъ подъ руками учебниковъ, именно г. Фюмель, въ предисловіи говоритъ, что онъ примѣнялъ его съ успѣхомъ, не оставляющимъ никакого сомнѣнія, въ шестиклассномъ Одесскомъ городскомъ училищѣ. Слѣдовательно, г. Ечинацъ принялъ на себя защиту способа, имѣющаго уже на собою практическій опытъ даже у насъ. Правда, эта защита не особенно сильна и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой союзникъ даже можетъ скомпрометировать защищаемое имъ дѣло. Такъ, г. Ечинацъ признаетъ, что для осуществленія этого способа требуется искусный учитель, но въ то же время полагаетъ, что такому учителю вовсе не нужно знать латинскаго языка, чего, между прочимъ, Министерство требовало до сихъ поръ и будетъ, конечно, требовать впередъ. Но что особенно курьезно, это—утвержденіе автора, будто мимика, жесты и тѣлодвиженія при такомъ способѣ обученія могутъ оказать ученикамъ больше пользы, чѣмъ родной языкъ. „Мимическій языкъ“, утверждаетъ авторъ, „ближе къ предметамъ и понятіямъ, чѣмъ слова родного языка. Раньше чѣмъ былъ родной языкъ, былъ языкъ мимическій“ (стр. 52-я). Но жалъ, что авторъ, останавливаясь довольно долго въ § „Какова разговорнаго языка“ на значеніи мимики, какъ на средствѣ для выраженія своихъ мыслей и желаній и представляя по этому предмету выписки изъ разныхъ авторитетныхъ ученыхъ, не сказалъ ни слова о способѣ примѣненія мимики къ преподаванію, между тѣмъ это было бы весьма интересно и поучительно.

Последніе §§ посвящены разбору американскаго учебника по натуральному методу, Берлица, и выводамъ того, что было сказано авторомъ по поводу занимающаго г. Ечинаца предмета.

Судя по этимъ выводамъ и вообще по тону статьи, г. Ечинацъ приидеть натуральному методу такое большое педагогическое значеніе, что, по его мнѣнію, онъ можетъ быть примѣненъ во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Но по существу дѣла педагогическое значеніе этого метода почти ничтожное и въ точномъ смыслѣ этого слова его даже нельзя назвать методомъ, а простымъ приспособленіемъ къ усвоенію разговорнаго языка обь обыденныхъ предметахъ. Педагогическій методъ неминуемо преслѣдуетъ развитіе мышленія ученика; натуральный же методъ Ечинаца имѣетъ скорѣе подавляющее значеніе, давая только матеріалъ для механической памяти.

Если вообще при устномъ употребленіи иностраннаго языка даже и зрѣлымъ человекомъ вниманіе его часто менше сосредоточивается на содержаніи, чѣмъ на прискавіи словъ, формъ и оборотовъ, то что можно сказать объ ученикахъ, которые изучаютъ разговорный языкъ безъ одновременнаго ознакомленія съ грамматикою. При такомъ методѣ мышленіе учениковъ, находящееся въ постоянной зависимости отъ словъ, формъ и оборотовъ, ранѣе усвоенныхъ, будетъ постоянно стѣсняемо и задерживаемо. Положимъ, что въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскія гимназій, можно и не дорожить образовательнымъ значеніемъ новыхъ языковъ, такъ какъ и безъ нихъ есть другіе предметы съ болѣшимъ успѣхомъ преслѣдующіе эту цѣль. Но даже практическая цѣль метода — довести учениковъ до способности легко и свободно говорить на изучаемомъ языкѣ — недостижима, по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Главное условіе легкости и свободы разговорной рѣчи состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ мыслилъ на томъ же самомъ языкѣ; последнее при обычной для учениковъ классной и домашней обстановкѣ невозможно. Напримѣръ, на французскій языкъ въ гимназіяхъ употребляется въ теченіе всего курса 570 неполныхъ часовъ. Если допустить, что дома ученики занимаются среднимъ числомъ полчаса, то, слѣдовательно, на занятіе французскимъ языкомъ въ теченіе всего 7-ми-лѣтняго курса будетъ употреблено нѣсколько болѣе 850 неполныхъ часовъ. Всего же число уроковъ у ученика, полагаемъ на каждый предметъ по-полчаса домашняго занятія — 9090 учебныхъ часовъ въ теченіе 7-ми лѣтъ. Такимъ образомъ на обычное

мышление на русскомъ языкѣ ученикъ будетъ поддерживать времени въ 9 разъ больше, чѣмъ на французскій языкъ и само собою понятно, что при такихъ условіяхъ привычка мыслить на русскомъ языкѣ будетъ преобладающею, и французская разговорная рѣчь будетъ ничѣмъ инымъ, какъ умственнымъ переводомъ съ русскаго языка на французскій и обратно. На этомъ же основаніи совершенно нецѣлесообразно упразднить изъ преподаванія иностраннаго языка отечественный. Между тѣмъ упраздненіе это съ одной стороны заставляетъ преподавателя прибѣгать въ такимъ приемамъ, манипуляціямъ и движеніямъ, которые будутъ казаться ученикамъ средне-учебныхъ заведеній смѣшными, забавными, прямо наталикивающими ихъ на нарушеніе дисциплины; съ другой стороны, оно лишаетъ преподавателя такихъ методическихъ приемовъ, польза которыхъ уже доказана опытомъ, какъ переводы съ иностраннаго языка на отечественный, пересказъ прочитаннаго и т. п. Но едва ли не главное зло устраненія отечественнаго языка будетъ состоять въ томъ, что учебный курсъ, какъ уже это видно изъ учебной книги Фюмеля, неминуемо долженъ заключать въ себѣ матеріалъ самый обиходный и который ученикамъ средне-учебныхъ заведеній скоро надойдетъ и predispose къ скукѣ.

Кромѣ всего сказаннаго, собственно въ технику натурального метода есть одна сторона, дѣлающая его неудобнымъ, именно: имъ требуется, чтобы ученики внимательно слѣдили и заучивали предлагаемый изъ урока въ урокъ матеріалъ. Опущеніе какого-либо слова или формы поставить ученика въ безпомощное положеніе: самъ онъ по книгѣ повторить опущенное не можетъ, такъ какъ, не зная грамматики, онъ не въ состояніи будетъ даже пріискать незнакомое слово въ лексиконѣ; а если случайно знаетъ слово, то можетъ не знать формы, въ которой оно употреблено. Словомъ, этотъ методъ требуетъ непрерывнаго вниманія учениковъ. Но всякій ли преподаватель можетъ достигнуть этого въ классахъ, въ которыхъ находится до 40—50 воспитанниковъ? Правда, Жакото наирягалъ вниманіе своихъ учениковъ до того, что они были въ состояніи заучить 119 страницъ Телемака, Фенелона, не зная ни словъ, ни формъ. Но что дѣлалъ Жакото, не могъ сдѣлать ни одинъ нѣмецкій педагогъ, бравшійся за осуществленіе его метода. Не безъ основанія же Жакото говорилъ о себѣ *„La méthode c'est moi“*. Г. Ечинацъ надѣется поддержать вниманіе учениковъ разными дисциплинарными взыска-

ніями; но эта мѣра, какъ виѣшняя, не всегда надежна и можетъ повести къ совершенно противоположнымъ результатамъ.

Въ общемъ, пропагандируемый г. Ечинацемъ методъ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться пригоднымъ для гимназій и реальныхъ училищъ, задача которыхъ выше чѣмъ приобрѣтеніе навыка говорить на томъ или иномъ иностранномъ языкѣ. Извѣстный историкъ педагогики, Раумеръ, называлъ методы Жакото и Гамильтона, имѣющіе нѣкоторое сходство съ натуральнымъ методомъ, пригодными для *soin-ti-voageur*'овъ. По нашему мнѣнію, и методъ г. Ечинаца можетъ имѣть значеніе для какихъ-либо особыхъ практическихъ школъ и, можетъ быть, для низшихъ классовъ женскихъ гимназій, если только найдутся преподаватели виртуозы.

Русская Грамматика. Этимологія. Составилъ Н. Мировъ. Изданіе 2-е, вновь обработанное и дополненное. Изд. Ф. М. Трескиной. Рига, 1892 г. стр. 135. Ц. 65 коп.

Этимологія г. Н. Мировова, вышедшая вторымъ изданіемъ, не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ: объемъ, данный этому учебнику, вполне соразмѣренъ съ временемъ, которое отводится грамматикѣ русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; общій планъ учебника обдуманъ съ знаніемъ дѣла, съ большимъ вниманіемъ къ анализу элементовъ слова — приставокъ, флексій, суффиксовъ, но безъ излишествъ въ такомъ анализѣ, затруднительныхъ для учащихся; изложеніе систематично; излишняго расчета на навыкъ учащихся авторъ не возлагаетъ...

Но хорошо задуманный трудъ г. Мировова, повидимому, выполненъ и напечатанъ торопливо, и требуетъ серьезнаго пересмотра. Чуть ли не на каждой страницѣ найдется что переработать. Напримѣръ:

На стр. 2—3, нужны ли указанія на восходящіе и нисходящіе двугласные звуки, нужно-ли дѣленіе звуковъ по характеру произношенія (мгновенные, длительные) и по степени силы звука (голосовые, безголосные... при образованіи которыхъ будто-бы „голосъ не участвуетъ“)?

На стр. 7 поясненіе полногласной формы „ере“ славянскимъ „рѣ“ въ руководствѣ для младшихъ классовъ неумѣстно. Неудачно на той-же страницѣ указаніе, будто иностранное „ѣ“ (?) передается по-

средствомъ „до, ю“, особенно въ виду приведенныхъ примѣровъ „майоръ“ (а не „маюръ“?), „почтальонъ“, въ которыхъ никакого *ж* не передается.

На стр. 8 говорится о *широкомъ* произношеніи буквы *ъ*, „самое названіе которой — „ять“ — будто бы указываетъ на близость передаваемого ею звука къ *а* съ придыханіемъ“ (ай). Врядъ ли умѣстно и указаніе на то, что „въ древнемъ употребленіи буква *ъ* была твердой“, а еще менѣе — указаніе на *долготу* гласныхъ и согласныхъ въ русскомъ языкѣ (стр. 8 и 9); а тѣмъ болѣе — смѣшеніе долготы съ удареніемъ (стр. 8).

Данное на стр. 11 опредѣленіе корня („неизмѣняемые звуки слова называются корнемъ“) не точно.

Указаніе на стр. 12, будто „коренное слово не ведетъ своего происхожденія отъ *другихъ словъ*“, производныя же слова всегда образуются „отъ *коренныхъ словъ*“, искажаетъ ученіе о словообразованіи.

Опредѣленіе предмета на стр. 17 совсѣмъ не вѣрно: вѣншими чувствами познаются не только предметы. На той же страницѣ неудачно признаніе понятій „дѣйствительное“ и „чувственное“ за понятія тождественныя, а также признаніе „души“ только за предметами, признаваемыми вѣншими чувствами.

На стр. 17 читаетъ крайне странное указаніе: Каждый предметъ, кромѣ *названія* (имени), имѣетъ еще *признаки*. На той же страницѣ толкованіе синонимовъ *качество* и *свойство* совершенно произвольно.

При анализѣ понятій, выражаемыхъ частями рѣчи на стр. 16—20, упущены нѣзъ виду понятія о количествѣ и служебная роль мѣстоименій.

На стр. 20 очень странно опредѣленіе мѣстоименій: „М. указываетъ на предметъ или его признаки“... О *замѣнѣ* нарѣчій мѣстоименіями не упоминается.

На стр. 22—24. Въ редакціи ученія о членахъ предложенія (о сказуемомъ, объ обстоятельственныхъ словахъ, объ обращеніи) допущены большія неточности. Врядъ ли удобно понятію о слитномъ предложеніи давать широкое значеніе, которое — къ сожалѣнію, впрочемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими составителями учебниковъ послѣдняго времени — даетъ ему г. Мионовъ. Не знаемъ вообще зачѣмъ страницы 22—24 попали въ учебникъ этимологій?

На стр. 24 г. Мионовъ признаетъ „Существительныя чувственные“ въ названіяхъ предметовъ „видимаго“ міра...

Врядъ ли также каждое существительное нарицательное, какъ утверждаетъ г. Мионовъ, означаетъ „цѣлый рядъ“ предметовъ, да еще „одинаковыхъ“ (даже не „однородныхъ“)..

Не менѣ замѣчаній вызываютъ и дальнѣйшія страницы (напримѣръ, 25, 26, 27, 28, 31, 33, 35, 44, 55, 56, 58 и др.), но мы воздержимся отъ нихъ, такъ какъ сказанное, кажется, достаточно выясняетъ, на сколько г. Мионову полезно было бы пересмотрѣть свое изложеніе.

Важно также, чтобы учебный матеріалъ расположенъ былъ въ формѣ, возможно удобной для сосредоточенія вниманія учащихся, для обзора пройденнаго: чтобы для склоненій и спряженій даны были отчетливыя таблицы; чтобы менѣ важное отъ болѣе важнаго отдѣлено было шрифтомъ; чтобы формы, требующія особеннаго запоминанія также были наглядно отмѣчены. Указавъ, напр., шрифтомъ на флексіи, которыя особенно важно замѣтить во избѣжаніе орфографическихъ ошибокъ, удобно миновать указаніе на эти флексіи въ отдѣльных главахъ, въ отдѣльномъ изложеніи, всегда затрудняющемъ ученика, такъ какъ онъ путается въ нихъ, заучивая какъ бы новыя правила (см. въ „этимологіи“ хотя бы стр. 38, 53, 88).. А правилъ при русскихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ и такъ приходится заучивать слишкомъ много.

Г. Мионовъ какъ бы пренебрегалъ мелочною работою изложенія. Онъ въ предисловіи заявляетъ, что заботился „въ доступной“ для учащихся формѣ передать „важнѣйшіе факты языка, отмѣченіе и провѣренныя авторитетными представителями науки“, но именно о „доступной формѣ“ позаботился недостаточно. Что касается до авторитетныхъ представителей науки, то знакомство съ ними для всякаго преподавателя, тѣмъ болѣе для составителя учебника, конечно, полезно, и слѣды серьезнаго изученія языка, какъ уже отмѣчено выше, выгодно отзывались на общемъ тонѣ труда г. Мионова, но врядъ ли умѣстно въ элементарный курсъ этимологіи вносить развѣ ученыхъ изслѣдованій, еще не пришедшихъ къ соглашенію.

Въ учебникахъ послѣдняго времени, напримѣръ, указаніе на двѣ основы глагола (основа неопредѣленнаго наклоненія и основа настоящаго времени) встрѣчается, и розни въ преподаваніи не вноситъ, но умѣстно ли при этомъ принятое г. Мионовымъ „устраненіе“ общепринятой въ школахъ „теоріи о соединительной гласной“—еще большою вопросомъ. Отъ такого устраненія изложеніе ничего не выигрываетъ, а ученикъ подвергается большимъ неудобствамъ при обращеніи

къ другимъ руководствамъ, при переходѣ къ преподавателю, знакомому съ учебникомъ г. Миронова, и т. п. Мы признавали бы совершенно необходимымъ хотя въ выноскѣ дополнить ученіе о спряженіяхъ указаніемъ на „устраненную“ теорію. Это было бы во всякомъ случаѣ полезнѣе ненужной въ элементарной грамматикѣ таблицы глаголовъ, распределенныхъ на шесть классовъ по глагольнымъ примѣтамъ, согласно классификаціи Добровскаго, исправленной Миклошичемъ (стр. 78—80).

Въ элементарной грамматикѣ важнѣе всего толковое, ясное, возможно — полное, но вмѣстѣ и не запутанное излишними подробностями, изложеніе общепринятаго матеріала, а погоня за „последнимъ словомъ науки“ неумѣстна.

Очень желательно, чтобы г. Мироновъ внимательно пересмотрѣлъ свой трудъ, исправилъ его изложеніе, приложилъ къ нему болѣе наглядныя таблицы склоненій и спряженій, обогатилъ правила болѣе широкимъ количествомъ примѣровъ, ближе согласовалъ свой трудъ съ учебными планами, такъ какъ при такомъ пересмотрѣ его „этимологія“ можетъ выработаться въ учебникъ вполне удовлетворительный.

Русская грамматика Г. Блосфельда. Этимологія. Изд. 6-е; переработанъ и дополненъ Л. Шмидъ. Миттава, 1890. Стр. 138.

По заглавію трудно судить, является-ли эта книга 6-мъ изданіемъ переработки г. Шмидъ или 6-мъ переработаннымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ книги г. Блосфельда „Главнѣйшія правила русской грамматики“. Последнее вѣроятнѣе; грамматика Блосфельда — одно изъ руководствъ по русскому языку, наиболѣе распространенное въ Остзейскомъ краѣ.

Перерабатывая учебникъ г. Блосфельда г. Шмидъ главнымъ образомъ стремился довести его до такой полноты, чтобы преподавателямъ не приходилось уже добавлять ничего, такъ какъ, говоритъ онъ, „гораздо удобнѣе и легче пропускать кое-что въ учебникѣ, чѣмъ добавлять.“

Результатомъ такой переработки явился учебникъ — совершенно не примѣнный въ тѣхъ классахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходитъ этимологія. Множество мелкихъ правилъ сбиваютъ ученика съ толку, онъ въ нихъ не можетъ не потеряться. Этотъ недостатокъ еще усугубляется тѣмъ, что г. Шмидъ излагаетъ правила этимологіи безъ достаточнаго вниманія къ эле-

ментамъ слова, безъ разработки суффиксовъ и главныхъ фонетическихъ законовъ русскаго языка, — разработки, которая не должна занимать лишняго мѣста въ элементарныхъ, краткихъ курсахъ грамматики, но безъ которой (въ особенности въ языкѣ, подобно русскому, еще въ значительной степени сохранившемъ слѣды словосложенія) подробное изученіе этимологическихъ формъ почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, требуетъ крайняго напряженія памяти, механическаго, лишеннаго всякой руководящей нити, запоминанія мелкихъ буквенныхъ измѣненій.

Гораздо основательнѣе, по твердомъ усвоеніи ученикомъ главнѣйшихъ правилъ этимологій, знакомить его съ болѣе мелкими подробностями при случаѣ, при практическомъ ознакомленіи съ языкомъ. Дополненія къ пройденному элементарному курсу этимологій, которыми потребуются при этомъ, никакъ не могутъ замедлить преподаванія; во всякомъ случаѣ затруднять учителя и ученика несравненно менѣе, чѣмъ мертвое заучиванье безконечнаго ряда мелкихъ правилъ.

Грамматика древняго (цѣрковно)-славянскаго языка. Для среднеучебныхъ заведеній, составилъ П. Бранетеймеръ. Изданіе третье. Одесса. 1892. Стр. 56. Цѣна 35 коп.

Грамматика эта, по содержанію своему, не превосходитъ другихъ учебниковъ, какъ, на примѣръ, Колосова, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ достоинства, драгоцѣнныя для учащихся. Во первыхъ, она изложена точно и кратко, при чемъ въ составитель виднѣ основательное знаніе предмета и умѣніе кратко, ясно и просто излагать мысли. Авторъ имѣетъ обыкновеніе дѣлать въ концѣ параграфа выводъ изъ всего сказаннаго, а въ концѣ отдѣла (на примѣръ, фонетики) видимъ краткій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ положеній, равнѣе указанныхъ (стр. 14, 15, 16, 23). Особою заслугою автора можемъ назвать объясненіе пяти склоненій именъ существительныхъ, при чемъ весьма яснымъ представляется и склоненіе съ основою на *оу*, чего нельзя найти въ учебникахъ Вѣльяскаго, Колосова и даже Вуслаева. Другою похвальною особенностью можемъ назвать (стр. 47) сопоставленіе текста Остромирова евангелія съ текстомъ греческимъ. Для учебниковъ классическихъ гимназій это особенно важно.

Теперь обратимся къ недостаткамъ, устраненіе которыхъ возможно безъ нарушенія цѣлаго. Устранить эти недостатки въ новомъ изда-

нія, г. Бракепгеймеръ подарить учебный міръ уже совсѣмъ хорошимъ руководствомъ.

Недостатки эти можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни относятся до научнаго взгляда на древне-церковно-славянскій языкъ, другіе касаются практической стороны, главнымъ образомъ—наложенія. По первой категоріи въ глаза бросаются слѣдующія ошибки:

1) Допущеніе гласныхъ *по количеству* краткихъ и долгихъ не научно и не вѣрно (стр. 13, въ самомъ концѣ § 10, и пунктъ *д* въ § 19 на стр. 23).

2) Начертаніе многихъ словъ, выдаваемыхъ за церковно-славянскія, совсѣмъ не древне-церковно-славянское, напримѣръ: (на стр. 16) дѣта вм. дѣта; (на стр. 17) зеркало вм. зръцало, рѣщи вм. рѣшти, познапивати; на стр. 19 клюпѣти; на стр. 22 обзволакивати, гждѣти вм. гжсти и еще нѣкоторыя начертанія.

3) (На стр. 20) придыханія *ѡ* и *ѣ* названы приставками невѣрно въ словахъ: выкѣѣти, клень, кзѣро.

4) (На стр. 20 въ § 17) невѣрно включены въ согласные по органамъ произношенія шипящіе и плавные.

5) (На стр. 21 въ § 18) между звучными буквами указаны *и* и *ѡ*; тогда какъ въ § 17 на стр. 20 эти же самыя буквы названы отзвучными

Всѣ эти ошибки, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ не были бы ошибками, еслибы учебникъ не назывался грамматикой древне-(церковно)-славянскаго языка, а только грамматикой церковно-славянскаго языка. Нашъ церковно-славянскій языкъ подвергся сильно вліянію русскаго языка и въ теченіе столѣтій усвоилъ себѣ формы, которые чужды языку Остромирова евангелія или Маринскаго евангелія, или Саввиной книги. Въ IV классѣ гимназіи желательно ознакомить учениковъ со свойствами древне-церковно-славянскаго языка, а не позднѣйшаго. Это имѣютъ въ виду и новыя планы преподаванія.

Затѣмъ перейдемъ ко второй категоріи недостатковъ, а именно такихъ, которые имѣютъ за собою практическое неудобство и неловкость выраженія.

Забывая на этотъ разъ объ ученикѣ, которому необходимо часто справляться съ формами изучаемаго имъ языка, авторъ многое изъ этого необходимаго матеріала перенесъ въ примѣчанія подстрочныя. Такая судьба постигла даже окончанія и самыя склоненія причастій!

Отличаясь обстоятельностью изложения научнаго матеріала, грамматика г. Бракенгеймера оставляетъ читателя въ недоумѣніи: почему въ видѣ синтактическихъ особенностей по согласованію включены (§ 30. А) пункты: в) объ удержаніи въ церковно-славянскомъ языкѣ формы настоящаго времени глагола быть при сказуемомъ; д) о достигаемомъ наклоненіи при глаголахъ движенія; е) объ отдѣленіи са отъ глаголовъ. Это все относится къ словоуправленію, а не къ согласованію.

Затѣмъ крупныя редакціонныя недосмотры, которые желательно исправить:

§ 2 „отвѣты на многіе недоумѣвающие вопросы“.

§ 3 „языкъ является въ непорухенной чистотѣ“.

„Для избѣжанія зѣва вм. зіянiя“ (стр. 35).

§ 1 „человѣчество распадается на отличныя между собою группы“.

Обратимъ еще вниманіе на приложение А (стр. 46). Это приложение носитъ названіе „Упражненіе въ фонологическомъ разборѣ и этимологическомъ“, но представляетъ собою скорѣе сопоставленіе правописанія и сравненіе однозначащихъ словъ въ разныхъ памятникахъ и въ разныхъ языкахъ, при этомъ упоминаются совершенно не входящіе въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній памятники (Супрасльская рукопись) и языки санскритскій, литовскій и другіе. Для учениковъ такіа сближенія затруднительны и безцѣльны. Хотя это приложение А, какъ вѣтъ второстепенное, и напечатано мелкимъ шрифтомъ, но все-таки оно лишнее; лучше бы было вынести изъ-подъ строки и напечатать крупно, какъ слѣдуетъ, объ образованіи сравнительной степени, причастій и временъ глагола (стр. 29, 30, 35, 37).

Въ этомъ же приложеніи, а иногда и въ самой грамматикѣ, встречаемъ выраженія слишкомъ научныя и поэтому затруднительныя для учениковъ и для нихъ лишнія, пожалуй, и вредныя:

Консонантизмъ—вм. ученіе о согласныхъ, стр. 20.

Ринезмъ—вм. носовое прозвонженіе, стр. 23.

Морфологія—вм. ученіе о частяхъ рѣчи и словообразованіе.

Глаголы секундарныя вм. производныя, стр. 35.

Положимъ, что дѣленіе склоненій на именное, мѣстоименное и сложное вѣрно и научно, но для учениковъ IV класса оно сбивчиво, потому что ими усвоено другое дѣленіе, а это новое, не внося въ грамматическое ученіе ничего новаго, только обременяетъ память. Всѣ же выѣстъ взятые недостатки не на столько важны, чтобы могли

обдуманной, ясной и краткой (это одно изъ великихъ достоинствъ) грамматикѣ церковно-славянскаго языка преградить дорогу. Изложене въ общемъ правильное, не многословное. Всё, что нужно для курса, есть, но доступнѣе, нагляднѣе, чѣмъ въ другихъ грамматикахъ. Сверхъ того нельзя не повторить объ упомянутомъ выше особомъ достоинствѣ учебника, состоящемъ въ томъ, что въ концѣ каждаго параграфа находится выводъ изъ всего сказаннаго. Для учениковъ классическихъ гимназій весьма полезно и сдѣланное на стр. 47 сопоставленіе съ текстомъ Остромирова евангелія—греческаго текста.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1890 ГОДУ.

Внутренняя жизнь Императорской Публичной Библиотеки, какъ обширнаго учрежденія, имѣющаго строго опредѣленное назначеніе и твердо установленные порядки, не можетъ представлять рѣзкихъ измѣненій изъ года въ годъ; но даже въ обычномъ теченіи этой жизни могутъ быть отмѣчены отрадные и важныя явленія, свидѣтельствующія какъ о непрерывномъ развитіи нашего государственнаго книгохранилища, такъ и о постоянномъ возрастаніи приносимой ею пользы. Только что вышедшій отчетъ Библиотеки за 1890 годъ даетъ возможность указать главные факты ея существованія за это время.

Въ теченіе 1890 года скончались два почетные члена Библиотеки—графъ П. А. Валуевъ и И. Е. Бецкій, и почетный корреспондентъ ея А. И. Бутовскій. Изъ этихъ лицъ И. Е. Бецкій находился въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Библиотеккой. Питомецъ Московскаго университета, издатель харьковскаго альманаха „Молодикъ“ въ 1843 и 1844 годахъ, И. Е. Бецкій былъ страстнымъ библиофиломъ. Живя постоянно въ Флоренціи, онъ въ теченіе четверти вѣка дѣлательно снабжалъ Библиотеку сочиненіями на италіанскомъ языкѣ. За нѣсколько лѣтъ до своей кончины онъ сталъ собирать сочиненія, имѣющія отношеніе къ Флоренціи, гравюры и фотографіи съ ея художественныхъ памятниковъ, а равно все, что появлялось въ италіанской печати о Россіи. Это собраніе, которому онъ далъ названіе „Флорентинской Елки“, было принесено имъ въ даръ Библиотекѣ; краткое описаніе „Елки“, составленное самимъ Бецкимъ, печаталось въ приложеніяхъ къ ея отчетамъ, начиная съ 1882 года. Эта кол-

лекція занимаетъ нынѣ цѣлый отдѣльный шкафъ въ одной изъ залъ Библіотеки и заключаетъ въ себѣ между прочимъ нѣсколько сочиненій о Россіи, которыя Библіотека тщетно отыскивала въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Главнымъ измѣненіемъ во внутреннемъ устройствѣ Библіотеки было въ 1890 году введеніе въ ней электрическаго освѣщенія. Неудовлетворительность газоваго освѣщенія читальной залы, опасность его въ пожарномъ отношеніи, порча воздуха и чрезмѣрное возвышеніе температуры въ этой залѣ уже давно обращали на себя вниманіе начальства Библіотеки. По его предложенію, хозяйственный комитетъ ея занялся обсужденіемъ вопроса объ изысканіи улучшеннаго способа освѣщенія и пришелъ къ заключенію, что наиболѣе удобнымъ слѣдуетъ признать, какъ по безопасности, такъ и по простотѣ и легкости обращенія, освѣщеніе посредствомъ электрическихъ лампъ съ накаливаніемъ. Согласно съ тѣмъ, въ 1890 году инженеръ-технологу Папкову было поручено устройство такового освѣщенія въ зданіи Библіотеки при слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: для освѣщенія служить лампы накаливанія сіялоу свѣта въ 10 и 16 нормальныхъ свѣчей; электрическій токъ, потребный для питанія лампъ, возбуждается на станціи, помѣщенной внѣ пространства, занимаемаго Библіотекой; электрическія лампочки читальной залы во всякое время могутъ быть сняты и замѣнены газовыми горѣлками. Опытность свою въ дѣлѣ электротехники г. Папковъ обнаружилъ устройствомъ электрическаго освѣщенія въ Зимнемъ Дворцѣ и въ Государственномъ Банкѣ, а предложенныя имъ цѣны оказались достаточно выгодными, почему начальство Библіотеки и признало возможнымъ заключить съ нимъ контрактъ какъ на устройство, такъ и на эксплуатацію такого освѣщенія въ зданіяхъ Библіотеки. Къ концу 1890 года были окончены всѣ главныя работы по организаціи этого дѣла и произведены пробныя опыты; окончательное же введеніе новаго освѣщенія послѣдовало въ слѣдующемъ году.

Недостатокъ мѣста для расположенія книгъ давно уже ощущается въ залахъ Библіотеки. Въ 1890 году онъ оказался особенно чувствительнымъ въ ея рукописномъ отдѣленіи и вынудилъ къ постановкѣ въ немъ двухъ новыхъ большихъ шкафовъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ сказать, что этимъ сооруженіемъ значительно стѣснилось прекрасное помѣщеніе рукописнаго отдѣленія; но крайняя необходимость увеличить число шкафовъ объясняется многочисленными приобрѣтеніями, поступающими непрерывно въ означенное отдѣленіе.

Въ теченіе 1890 года приобрѣтенія Библіотеки отличались какъ обиліемъ, такъ и значительностью своею внутренняго достоинства,

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ Библіотеку поступили слѣдующія:

I. Собраніе рукописей, преимущественно относящихся до русскаго раскола, купленное у крестьянина Новгородской губерніи П. Д. Богданова. Оно заключаетъ въ себѣ 150 рукописей XVII—XIX вѣковъ и 31 рисунокъ. Раскольниковыя рукописи этой коллекціи могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому относятся рукописи, содержащія въ себѣ такіе сочиненія, какія уже имѣлись ранѣе въ Библіотекѣ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго рода тексты Богдановской коллекціи являются экземплярами лучшей сохранности, писанными болѣе тщательно и представляющими иногда болѣе полное и цѣльное изложеніе того, что въ другихъ раскольниковыхъ рукописяхъ Библіотеки сохранилось лишь въ отрывкахъ. Второю разрядъ рукописей Богдановской коллекціи, болѣе многочисленный и болѣе важный, составляютъ такіе рукописи, которые даютъ совершенно неизвѣстныя науки свѣдѣнія относительно раскола. Здѣсь изслѣдователь раскола найдетъ значительное количество новыхъ данныхъ, касающихся какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ общинъ раскольниковыхъ, отъ первыхъ временъ существованія раскола до нашихъ дней. Неизвѣстны житія нѣкоторыхъ лицъ, признаваемыхъ раскольниками за святыхъ, не издавшихъ или напечатанныхъ лишь въ отрывкахъ біографіи дѣятелей раскола, разныя сочиненія, вышедшія изъ-подъ ихъ пера, — вотъ то новое, что представляется въ Богдановской коллекціи по части раскола. Нѣкоторыя рукописи этой коллекціи даютъ возможность составить болѣе ясное и точное, чѣмъ прежде, понятіе представленіе о внутренней, умственной и нравственной жизни безпоповщины и — что особенно важно — одного изъ ея толковъ, еодосѣвщины, которая наименѣе извѣстна въ нашей литературѣ. Такъ, въ коллекціи имѣется значительное количество новыхъ, неизвѣстныхъ трактатовъ о бракѣ, антихристѣ, царемоленіи, титлахъ на крестѣ и проч. До сихъ поръ наша литература была такъ мало знакома съ еодосѣвскимъ бракоборнымъ ученіемъ, что для выясненія его прибѣгала къ произведеніямъ поморцевъ, литературныхъ противниковъ еодосѣвцевъ; Богдановское собраніе заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ сочиненій, написанныхъ самими еодосѣвцами въ защиту ихъ бракоборнаго ученія и въ опроверженіе ученія брачниковъ. Такимъ образомъ, коллекціи Богданова представляетъ обильные, цѣнные и оригинальные матеріалы по двумъ другимъ вопросамъ, нѣкогда вол-

попавшимъ уми оедосѣвцевъ,—о царемоленіи и титлахъ на крестѣ. Изъ рисунковъ этой коллекціи особенно любопытны портреты нѣкоторыхъ дѣятелей раскола, а также графическія изображенія оедосѣзскихъ ученій, представляющія наглядный и крайне своеобразный способъ распространенія раскольническихъ идей. Вообще слѣдуетъ сказать, что съ приобритеніемъ собранія П. Д. Богданова имѣвшійся въ Библіотекѣ отдѣлъ рукописей по расколу значительно пополнился и въ настоящее время по богатству матеріаловъ занимаетъ видное мѣсто среди другихъ отдѣловъ такого же состава въ нашихъ общественныхъ рукописныхъ собраніяхъ. Къ отчету Библіотеки за 1890 годъ приложенъ обстоятельный каталогъ раскольничьихъ рукописей Богдановской коллекціи, составленный хранителемъ рукописнаго отдѣленія Библіотeki И. А. Бычковымъ.

II. Коллекція изъ 95 русскихъ рукописей и 115 актовъ, переданная изъ Устьмысльскаго общественаго собранія въ обмѣнъ на уступленные ему Библіотекой имѣвшіеся въ ней дублетные экземпляры произведеній по изыскной словесности нѣкоторыхъ нашихъ писателей, въ числѣ 21 сочиненія въ 117 томахъ. Составъ этой коллекціи случайный; тѣмъ не менѣе, около половины входящихъ въ нее рукописей представляютъ нѣкоторый интересъ. Наибольше любопытны тѣ рукописи, которыя по своему содержанію относятся къ церковной и гражданской исторіи сѣверо-востока Россіи; таковы житія первыхъ епископовъ Устьмысльскихъ и Великопермскихъ; житія вятскихъ чудотворцевъ Трифона и Прокопія; отпосащаеся къ 1618 году описаніе Соловецкаго монастыря, съ весьма любопытными подробностями о приѣмѣ богомольцевъ; Устюжскій лѣтописецъ; отрывки лѣтописца Сольвычегодскаго; писцовыя и перенисныя книги Сысольской волости, XVI и XVII вѣковъ, и проч. Въ остальныхъ рукописяхъ, болѣею частью сборникахъ XVII и XVIII вѣковъ, находятся списки разныхъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній старинной русской письменности, повѣсти, рацы, канты и народныя пѣсни. Наконецъ, изъ актовъ этой коллекціи 62 писаны въ XVII вѣкѣ, а остальные въ XVIII; всѣ они относятся къ городу Яренску и Яренскому уѣзду и касаются преимущественно юридическаго и хозяйственнаго быта тамошняго и крестьянскаго населенія.

III. Принесенное въ даръ Библіотекѣ настоятелемъ Святогорской общежительной пустыни (Ижмьскаго уѣзда Харьковской губерніи) архимандритомъ Германомъ собраніе писемъ отъ владѣльца Святогорской вотчины тайнаго совѣтника Александра Михайловича Потемкина

и его жены Татьяны Борисовны, рожденной княжны Голицыной, возстановивших эту историческую обитель въ 1842 году. Собрание это было доставлено въ Библиотеку еще въ 1854 году въ запечатанномъ пакетѣ, съ условіемъ, чтобъ онъ не былъ вскрываемъ до кончины жертвователя; архимандритъ Германъ скончался 13 го апрѣля 1890 года, и послѣ того пакетъ былъ вскрытъ: въ немъ оказалось 366 собственноручныхъ писемъ Т. В. Потемкиной къ архимандриту Герману, 18 писемъ къ нему А. М. Потемкина и 7 писемъ къ нему же другихъ лицъ. Особенный интересъ представляютъ письма Т. В. Потемкиной, относящіеся къ 1860—1869 годамъ; въ большинствѣ ихъ излагаются распоряженія касательно благоустройства Святогорской обители, а также сообщаются свѣдѣнія объ отношеніяхъ писавшей къ Царскому Семейству и особенно къ императрицѣ Маріи Александровнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Т. В. Потемкина откровенно посвящала отца архимандрита въ событія своей внутренней, сердечной жизни; такимъ образомъ, письма эти представляютъ богатый матеріалъ для біографіи Т. В. Потемкиной и для исторіи ея отношеній къ Святогорской обители за время настоятельства въ ней архимандрита Германа.

IV. Переданное изъ хозяйственнаго управленія при свѣтѣйшемъ синодѣ небольшое собраніе книгъ церковно-славянской печати, преимущественно уніатскихъ, печатанныхъ въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ во Львовѣ, Почаевѣ, Супраслѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Изъ 43 книгъ этой коллекціи 26 не оказалось въ Библиотекѣ; притомъ двѣ изъ нихъ вовсе неизвѣстны бібліографамъ (Триодъ Цѣлтанъ. Львовъ. 1666, въ листъ, и Псалтырь. Львовъ 1667, въ 4-ку), а нѣкоторыя другія описаны въ бібліографическихъ трудахъ весьма не обстоятельно.

Кромѣ этихъ коллекцій, Библиотека получила въ даръ еще нѣсколько другихъ, меньшаго интереса, принесенныхъ ей въ даръ нѣкоторыми иностранными правительствами. Такъ, отъ англійскаго правительства получено продолженіе коллекціи патентовъ и привилегій на механическія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 256 томовъ; отъ германскаго правительства—продолженіе коллекціи выдаваемыхъ имъ привилегій на разныя изобрѣтенія, въ количествѣ 4239 томовъ; отъ правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—собрание его официальныхъ изданій, напечатанныхъ во второй половинѣ 1889 года и въ первой половинѣ 1890, въ количествѣ 378 томовъ.

Наконецъ, въ перечнѣ цѣлыхъ собраній, поступившихъ въ Биб-

библиотеку въ 1890 году, слѣдуетъ упомянуть о двухъ коллекціяхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ, полученныхъ отъ извѣстнаго изслѣдователя русскаго и западно-европейскаго искусства, сенатора Д. А. Ровинскаго. Въ октябрѣ 1890 года Д. А. Ровинскій выпустилъ въ свѣтъ свое высоко замѣчательное изданіе, подъ заглавіемъ: „Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разнициами въ отпечаткахъ. 1000 фототипій безъ ретушей“, съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе это, вскорѣ по своемъ появленіи, было раскуплено за границей, но одинъ изъ его экземпляровъ Д. А. Ровинскій принесъ въ даръ Библиотекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ей: 1) всѣ подлинныя фотографіи, по его порученію снятыя въ главнѣйшихъ художественныхъ центрахъ Европы съ рѣдчайшихъ оттисковъ Рембрантовскихъ гравюръ, и 2) стекла съ фотографическими снимками съ оригиналовъ, служившихъ для сдѣланнаго изданія. Д. А. Ровинскій три раза провѣрялъ составленный имъ каталогъ офортовъ Рембрандта по оригинальнымъ экземплярамъ восемнадцати общественныхъ и частныхъ собраній и лишь послѣ того рѣшился напечатать приготовленный изъ атласъ, воспроизводящій въ вѣрнѣйшихъ снимкахъ гениальныя гравюры произведенія великаго голландскаго художника; атласъ этотъ сопровождается подробнымъ каталогомъ воспроизведенныхъ гравюръ и обширною біографіей Рембрандта.

Отдѣльныя пріобрѣтенія Библиотеки въ 1890 году, подобно цѣлымъ коллекціямъ, относятся къ произведеніямъ печати и къ рукописямъ.

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволялъ передать на храненіе въ Библиотеку принадлежавшій императору Наполеону I переплетъ изъ голубаго бархата съ вышитыми золотомъ на обѣихъ сторонахъ переплета инициалами подъ короной Наполеона I, помѣщенными въ открытомъ вѣнкѣ изъ лавровыхъ вѣтвей; на углахъ переплета помѣщены вышитые золотомъ же одноглавыя орла, украшенные короной.

По назначенію императора Германскаго, короля Прусскаго Библиотека получила въ даръ экземпляръ роскошнаго изданія музыкальныхъ сочиненій Фридриха Великаго. Изданіе это было предпринято по волѣ покойнаго императора Вильгельма I, въ дополненіе къ роскошному изданію полнаго собранія литературныхъ произведеній Фридриха Великаго. Оно отпечатано въ количествѣ только ста экземпляровъ, которые не поступали въ продажу, но всѣ были разсылаемы царственнымъ особамъ и въ нѣкоторыя первоклассныя бібліотеки. Въ составъ

этого изданія вошли только избранныя музыкальныя сочиненія знаменитаго государя, именно — 25 сонатъ для флейты и 4 концерта для флейты же, съ аккомпанементомъ оркестра. Выборъ пьесъ и заглавие изданіемъ поручено было знатоку исторіи музыки, профессору Фридриху Спиттѣ; самое же изданіе печаталось въ Лейпцигѣ тамошнею фирмою музыкальныхъ издателей Брейткопфъ и Гертель.

Въ 1890 году Библиотека, согласно существующему закону, продолжала получать всѣ печатанныя въ предѣлахъ имперіи книги, брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, эстампы и хромолитографіи, которыя доставлялись ей цензурнымъ вѣдомствомъ, а равно другими учрежденіями, имѣющими право печатать книги подъ собственною отвѣтственностью. Кромѣ того, для пополненія отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ, Библиотека пріобрѣтала отъ антикварныхъ торговцевъ тѣ изъ русскихъ книгъ, изданныхъ въ прежнее время, которыхъ въ ней не доставало. Книги заграничнаго изданія пріобрѣтаемы были большею частью покупкой, чрезъ посредство русскихъ и иностранныхъ книгопродавцевъ, но отчасти поступали въ даръ отъ разныхъ учреждений и лицъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Изъ числа таковыхъ припошеній значительнѣйшія были: отъ Королевскаго Лондонскаго Общества (431 тт.), отъ почетнаго члена Библиотеки графа И. Д. Делянова (211 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библиотеки въ Лейпцигѣ Л. Креля (192 тт.), отъ Эрлангенскаго университета (188 тт.), отъ Французской комиссіи по международному обмѣну изданій (178 тт.), отъ Гамбургской городской библиотеки (176 тт.), отъ почетнаго члена Библиотеки Г. К. Рѣпинскаго (151 тт.), отъ Фрейбургскаго университета (133 тт.), отъ Италіанской комиссіи по международному обмѣну изданій (129 тт.) и отъ университетовъ Іенскаго (103 тт.) и Юннскаго (103 тт.).

Не входя въ перечисленіе даже важнѣйшихъ произведеній печати, полученныхъ Библиотекой либо въ даръ, либо путемъ покупки въ 1890 году, замѣтимъ только, что и за этотъ періодъ времени она обогатилась значительными пріобрѣтеніями русскихъ изданій по тѣмъ отдѣламъ, полнотой которыхъ она особенно дорожитъ, то-есть, по отдѣленіямъ книгъ церковной печати, книгъ на русскомъ языкѣ и книгъ иноязычныхъ о Россіи. Что же касается иноязычныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ, то Библиотека старалась пріобрѣтать тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ наибольшее научное значеніе, причемъ покупала не только вновь изданныя книги, но и такія

изданіи прежняго времени, которыхъ до сихъ поръ въ ней не имѣлось.

Немалочисленны были въ 1890 году и отдѣльными приобрѣтенія Библіотеки по ея рукописному отдѣленію, частію поступившія въ даръ, частію же полученныя путемъ покупки. Отмѣтимъ изъ нихъ важнѣйшія: собраніе 96 музыкальныхъ произведеній князя Петра Георгіевича Ольденбургскаго, исполненныхъ его высочествомъ частію совмѣстно съ А. Л. Гензельтомъ (поступило въ даръ отъ душеприкащика Гензельта А. А. Вагнера съ разрѣшенія его высочества князя Александра Петровича Ольденбургскаго); нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей со статьями религіозно-нравственнаго, историческаго и повѣствовательнаго содержанія; нѣсколько сборниковъ, нѣсенъ и кантоу XVIII вѣка; нѣсколько рукописей, принадлежавшихъ извѣстному мемуаристу А. Т. Болотову и его сыну П. А. Болотову, большею частію масонскаго содержанія; автографы императрицы Екатерины II и императора Павла; автографы Н. В. Гоголя, К. Д. Кавелина, Н. П. Минаева, А. Ѳ. Писемскаго, П. И. Прейса. А. С. Пушкина, А. С. Шишкова и др.

Въ общемъ выводѣ въ теченіе 1890 года въ Библіотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 29.484 сочиненія въ 33.320 томахъ; въ томъ числѣ:

по закону, цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено большею частію въ двухъ экземплярахъ	14.849	соч.	въ 15.820	тт.
по распоряженіямъ разныхъ учреждений	3.422	"	3.671	"
частныхъ приношеній отъ 247 лицъ и учреждений въ Россіи и за границей	7.526	"	"	8.324 "
куплено самою Библіотекою	3.058	"	"	4.572 "
б) рукописей, автографовъ и актовъ	1.014;	въ томъ числѣ:		
частныхъ приношеній отъ 27 лицъ	600			
куплено самою Библіотекою	414			
в) эстамповъ и фотографій (въ томъ числѣ 70 приношеній отъ 5 частныхъ лицъ)	1.033			
г) географическихъ картъ и плановъ (въ томъ числѣ 79 приношеній отъ 3 учреждений и 1 частнаго лица)	167			
д) нотъ	1.015			

Размѣщеніе и каталогизація вновь поступающихъ въ Библиотеку книгъ и рукописей производилась во всѣхъ отдѣленіяхъ безостановочно, и сверхъ того, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ дѣлалась повѣрка наличности книгъ съ инвентаремъ. Особенно значительныя работы по каталогизаціи потребовались въ отдѣленіи рукописей: бібліотекарь его И. А. Бычковъ составилъ описаніе всѣхъ рукописей, внесенныхъ въ отдѣленіе въ теченіе 1890 года, въ томъ числѣ подробный каталогъ Богдановской коллекціи, обработка котораго потребовала обширныхъ бібліографическихъ и историко-литературныхъ изысканій; а бібліотекарь А. Я. Гаркави продолжалъ описывать еврейско-арабскія рукописи изъ второй коллекціи Фирковичей, при чемъ занимался преимущественно изученіемъ рукописей и фрагментовъ, которые содержатъ въ себѣ сочиненія восточныхъ караймовъ, имѣющихъ большое значеніе для исторіи древняго караймства и его литературы.

О пользованіи Библиотекой въ 1890 году можно судить по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ:

Въ 1890 году выдано было билетовъ для занятій въ Библиотекѣ 11.565 (въ 1889 г. 11.356), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1.829 (въ 1889 г. 1.662). Читателей было въ общей читальной залѣ 108.971 (въ 1889 г. 103.286).

Въ требованіи книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, 141 томъ (въ 1889 г. 133 тома), на русскомъ языкѣ 41.256 томовъ (въ 1889 г. 37.415 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 15.038 томовъ (въ 1889 г. 16.146 томовъ); изъ бібліотеки при читальной залѣ 136.251 томъ (въ 1889 г. 129.236 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 126.186 томовъ (въ 1889 г. 119.360 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 10.065 томовъ (въ 1889 г. 9.876 томовъ).

Общее число взятыхъ посетителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ бібліотекѣ при читальной залѣ, было 192.686 томовъ (въ 1889 г. 182.930 томовъ), поврежденныхъ изданій 44.372 нумера (въ 1889 г. 48.821 нумеръ), а всего 237.058 томовъ и нумеровъ (въ 1889 г. 231.751 томъ и нумеръ).

Въ теченіе 1890 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 9.505 требованіямъ (въ 1889 г. по 10.485 требованіямъ). въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гра-

жданскимъ шрифтомъ, по 41 требованію (въ 1889 г. по 53 требованіямъ); въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 4.321 требованію (въ 1889 г. по 4.427 требованіямъ), въ отдѣленіяхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ по 5.143 требованіямъ (въ 1889 г. по 6.005 требованіямъ); въ бібліотеки при читальной залѣ по 7.978 требованіямъ (въ 1889 г. по 10.428 требованіямъ), въ томъ числѣ по 3.524 требованіямъ по временныхъ изданій (въ 1889 г. по 5.907 требованіямъ), и изъ нихъ по 3.062 требованіямъ русскихъ (въ 1889 г. по 5.129 требованіямъ) и по 462 требованіямъ иностранныхъ (въ 1889 г. по 778 требованіямъ) періодическихъ изданій. Позднее поступленіе русскихъ періодическихъ изданій изъ цензурныхъ учрежденій, а также одновременное заявленіе нѣсколькими лицами требованій на одни и тѣ же изданія являются причинами значительнаго количества отказовъ по выдачѣ русскихъ по временныхъ изданій.

Изъ отдѣленій было отказано: за неимѣніемъ сочиненій въ Библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 4.071 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 488 требованіямъ (въ 1889 г. по 4.181 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 413 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги по 841 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 567 требованіямъ (въ 1889 г. по 842 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 509 требованіямъ); за выдачею требуемыхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителемъ Библиотеки по 2.234 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 1.777 требованіямъ (въ 1889 г. по 3.004 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 2.036 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплетъ по 464 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 300 требованіямъ (въ 1889 году по 452 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 268 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 575 требованіямъ (въ 1889 г. по 357 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій, заказанныхъ за границею, по 140 требованіямъ (въ 1889 г. по 135 требованіямъ); по разнымъ причинамъ (напримѣръ, требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библиотеки, требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчивыя, за нахожденіемъ въ бібліотекѣ при читальной залѣ, и т. д.) по 1.139 требованіямъ

въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 777 требованіямъ (въ 1889 г. 1.461 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языкѣ по 1041 требованію).

Изъ 523 поврежденныхъ изданій на русскомъ языкѣ, имѣющихся въ читальной залѣ, требованы были 485 изданій, а изъ 195 таковыхъ же изданій на иностранныхъ языкахъ выданы были въ чтеніе 161.

Въ отдѣленіи рукописей занимались 84 лица, коими вытребовано въ чтеніе 1046 рукописей (въ 1889 году 93 лицамъ выдано въ чтеніе 1047 рукописей); въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ кирилловской печати 12 лицъ пользовались не выдаваемыми въ читальную залу рѣдкими изданіями, въ числѣ 91 тома (въ 1889 году 27 лицамъ выдано было въ чтеніе 137 томовъ).

Съ Высочайшаго соизволенія были высылаемы изъ Библиотеки рукописи восьми ученымъ учрежденіямъ въ Россіи и за границей, а печатными книгами, принадлежащими Библиотекѣ, пользовались въ ея шесть ученыхъ и административныхъ учрежденій и 11 лицъ.

Въ 1890 году обозрѣвали Библиотеку 2.213 человекъ (въ 1889 г. 2417).

ЯКОВЪ КАРЛОВИЧЪ ГРОТЪ.

(некрологъ).

24-го мая скоропостижно скончался вице-президентъ Академіи Наукъ Яковъ Карловичъ Гротъ. Не смотря на то, что Петербургъ уже начиналъ пустѣть въ это время, число лицъ, провожавшихъ покойнаго въ его послѣднее жилище, было очень многочисленно: тутъ были Августѣйшія особы—великіе князья Владимиръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ и сотоварищи его по Академіи, и лица высокопоставленные—члены государственнаго совѣта и министры, и литераторы и ученые, и воспитанники Александровскаго лицея, принадлежавшіе поклопиться праху бывшаго воспитанника лицея и впоследствии его преподавателя: не смотря на то, что уже много лѣтъ тому назадъ прекратилась его учебная дѣятельность, но память о ней сохранилась и у послѣдующихъ поколѣній; были и мало кому извѣстныя лица, которымъ онъ нѣкогда оказывалъ всякаго рода помощь, къ которымъ онъ всегда обращался съ словомъ сочувствія. Такимъ образомъ, въ этотъ день провожали не только виднаго ученаго дѣятеля, но и одного изъ благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ людей Русской земли. Когда вполнѣ будетъ разсказана его жизнь, она послужитъ примѣромъ и поученіемъ грядущимъ поколѣніямъ.

Яковъ Карловичъ дожилъ до глубокой старости: онъ родился 12-го декабря 1812 года. До кончины сохранилъ онъ бодрость духа и способность много работать: еще 22-го мая второе отдѣленіе Академіи разсматривало составленные имъ листы Словаря, а 24-го—его не стало. Такимъ образомъ кончина застала Грота за служеніемъ тому дѣлу, которому посвящена была вся его жизнь—русской литературѣ. Къ этому служенію онъ началъ готовиться съ раннихъ лѣтъ: въ 1823 году

поступилъ онъ въ пансіонъ при Царскосельскомъ лицѣѣ, откуда перешелъ въ лицей и кончилъ въ немъ курсъ въ 1832 году. Лицей еще былъ полонъ воспоминаній о Пушкинѣ, и то литературное направленіе, которыми отличалось при немъ это заведеніе, сохранилось и въ послѣдующіе годы. Гротъ въ лицѣѣ издавалъ, по примѣру первыхъ лицейстовъ, рукописный журналъ; выучился въ три мѣсяца по италіански и составилъ самостоятельную статью объ италіанскихъ глаголахъ; въ 1830 году перевелъ онъ италіанскую статью проф. Тилло о французской литературѣ и помѣстилъ ее въ *Литературной Газетѣ*, издававшейся Дельвигомъ. Впослѣдствіи Гротъ не разъ обращался къ раннимъ годамъ лицея. Рядъ его статей о Пушкинѣ и его товарищахъ появился въ 1887 году отдѣльною книжкой.

Кончивъ курсъ, Гротъ поступилъ на службу сначала въ канцелярію комитета министровъ, а потомъ въ государственную канцелярію, подъ начальство тогдашняго государственнаго секретаря барона М. А. Корфа, тоже лицомъ, известнаго своею любовью къ наукѣ. Гражданская служба мало удовлетворяла юношу; онъ находилъ отдыхъ отъ нея въ занятіяхъ литературныхъ: въ это время, кромѣ известныхъ уже ему языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и италіанскаго, онъ изучилъ еще англійскій, финскій, скандинавскій, славянскій и греческій. Тогда же перевелъ онъ стихами Байронова „Мазепу“ (напечатанъ въ *Современникѣ* 1838 года) и Тегнерова „Фритіофа“, который вышелъ отдѣльно въ 1841 году. Эти труды облизали его съ Плетневымъ, издававшимъ тогда „Современникъ“. „Фритіофъ“ былъ замѣченъ тогдашнею критикой и публикой: наше поколѣніе, узнавъ эту поэму по „Христоматіи“ Галахова и критикъ Вѣлишскаго, съ восторгомъ прочло ее вполнѣ. Въ поэтическомъ пересказѣ текста, изначию переданномъ на русскій языкъ, мы знакомимся впервые съ грандіознымъ міромъ скандинавскихъ сказаній. Жуковский, прочтя „Фритіофа“ въ рукописи, рекомендовалъ переводчика графу Ребиндеру, министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, который и предложилъ Якову Карловичу мѣсто профессора русскаго языка и исторіи въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ. Здѣсь онъ пробылъ двѣнадцать лѣтъ и, кромѣ лекцій, читанныхъ въ университетѣ на шведскомъ языкѣ, инспектировалъ преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ великаго княжества. Въ эти годы литературная дѣятельность Грота принесла много пользы сближенію Финляндіи съ Россіей; онъ составилъ на шведскомъ языкѣ учебникъ преподаваемыхъ тамъ предметовъ, редактировалъ шведско-рус-

скій словарь (1846—1847 гг.), издалъ „Альманахъ по случаю 200-лѣтняго юбіяя Александровскаго университета“ (Гельсингфорсъ. 1842), гдѣ помѣстилъ исторію университета. Альманахъ этотъ появился и въ шведскомъ переводѣ. Русскую публику знакомилъ онъ съ Финляндіей своею книгою: „Переѣзды по Финляндіи“ (С.-Пб. 1847) и рядомъ статей о шведской и финской литературахъ, появившихся въ *Современникѣ*, пачиная съ 1839 года. Тѣсная дружба соединяла Грота съ редакторомъ этого журнала П. А. Плетневымъ, памятникомъ которой остались верѣдкія воспоминанія о немъ въ отчетахъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, статьи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1866 года и *Русскомъ Архивѣ* 1869 г., а также и изданныя подъ редакціей Грота „Сочиненія П. А. Плетнева“ въ трехъ томахъ. Въ тѣ же годы много статей Грота появилось въ дѣтскомъ журналѣ *Земледочка*, издававшиса А. (І). Ишмоной. Выборъ статей и стихотвореній его изъ этого журнала до сихъ поръ читается дѣтьми съ большимъ удовольствіемъ.

Въ 1852 году Якову Карловичу предложена была кафедра русской словесности въ Александровскомъ лицей, и онъ занималъ ее до 1859 года. Въ то же время получилъ онъ приглашеніе принять участіе въ воспитаніи покойнаго Цесаревича Николая Александровича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Имъ преподавалъ онъ русскій языкъ, исторію, географію и нѣмецкій языкъ, а впоследствии занимался съ Цесаревичемъ и славянскимъ языкомъ. Сверхъ того, ему ввѣрена была должность инспектора преподаванія при великихъ князьяхъ Николаѣ, Александрѣ, Владимірѣ и Алексѣ Александровичахъ. Съ Цесаревичемъ Яковъ Карловичъ прошелъ весь гимназическій курсъ и оставилъ свою должность при дворѣ въ 1859 году. Отказавшись отъ предложенныхъ ему административныхъ постовъ, Гротъ съ тѣхъ поръ посвятилъ себя исключительно наукѣ.

Въ дѣйствительные члены Академіи Гротъ былъ выбранъ въ 1855 году (съ 1862 года онъ считался ея членомъ-корреспондентомъ). Академическіе труды его не только поражаютъ своею громадностію, но и высокими достоинствами: выдающійся филологъ, тщательный издатель и изыскательный объяснитель, Гротъ оставилъ много образцовыхъ изданій и изслѣдованій. Прежде всего упомянемъ его монументальное изданіе „Сочиненій Державина“ (9 томовъ. С.-Пб. 1864 — 1883; въ дешевомъ изданіи существуютъ только 7 первыхъ томовъ), послужившее образцомъ для другихъ ученыхъ изданій великихъ писателей. Въ изданіи Н. К. Грота мы

находимъ не только вѣрный текстъ, основанный на печатныхъ изданіяхъ и на рукописяхъ автора и сопровождаемый всѣми вариантами, но также исторію каждаго произведенія и всѣ нужныя объясненія, плодъ обширной начтванности и тщательныхъ розысканій: для этихъ объясненій составитель прибѣгалъ и къ личнымъ побѣдкамъ, и къ сношеніямъ съ лицами, обладающими какими-либо свѣдѣніями и документами, касавшимися интересовавшаго его предмета. Вотъ почему это изданіе, а въ особенности включенная въ него біографія Державина (т. VIII), служитъ важнымъ пособіемъ для изученія не только Державина, но и всего вѣка Екатерины. Для изучающихъ этотъ вѣкъ важны также издашныя Гротомъ для Русскаго Историческаго Общества: „Бумаги императрицы Екатерины II“ и „Переписка императрицы съ Гриммомъ“. Эта послѣдняя переписка подала Гроту поводъ написать любопытное сочиненіе о ней, изданное въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности“. Въ этомъ трудѣ сгруппированы по предметамъ мнѣнія Екатерины, и такимъ образомъ получается полное понятіе о томъ, что и какъ онъ хотѣла сообщить Гримму, и выѣстъ съ тѣмъ ясно рисуется образъ самой императрицы. Изъ писателей той же эпохи Гротомъ былъ изданъ еще Хемницеръ. Счастливый случай доставилъ въ его руки бумаги этого оригинальнаго писателя. Въ нихъ оказались и рукописи его сочиненій, и его переписка. Просмотрѣвъ эти рукописи, издатель убѣдился, что у насъ нѣтъ подлиннаго текста сочиненій Хемницера, что мы читаемъ его съ поправками постороннихъ лицъ. Новое изданіе дало впервые подлинный текстъ, а письма Хемницера и его дневникъ полнѣе освѣтили это еще малоизвѣстное лицо. Другимъ писателямъ (Ломоносову, Сумарокову, Карамзину, Жуковскому, Пушкину, Крылову и т. д.) Гротъ посвящала болѣе или менѣе подробныя этюды. Писателей русскихъ Иковъ Карловичъ изучалъ не только исторически, но и филологически. Результатомъ такого изученія явились „Филологическія разысканія“ (С.-Пб. 1873; 2-е изд. 1876) и основанное на этихъ изысканіяхъ „Русское правописаніе“ (было нѣсколько изданій, и каждое являлось дополненнымъ и исправленнымъ). Этимъ трудомъ авторъ старался установить русское правописаніе, подверженное сильнымъ и нерѣдко неосновательнымъ колебаніямъ. Если даже нѣкоторыя изъ его замѣчаній будутъ подвергнуты сомнѣнію, то все-таки большая часть ихъ должна быть сочтена вѣрною и послужить средствомъ къ окончательному установленію правописанія; поэтому-то „Правописаніе“ Грота введено и въ гим-

нази, какъ справочное пособіе. Филологическіе свои труды полагалъ покойный завершить редакторствомъ „Словаря русскаго языка“, предпринятаго отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, въ которомъ онъ былъ предсѣдательствующимъ. Къ труду этому онъ готовился не только изученіемъ писателей, но и ближайшимъ знакомствомъ со словарями, какъ русскими (обо многихъ онъ давалъ свой отзывъ, напримѣръ, о словарѣ Даля), такъ и иностранными. При преніяхъ о томъ или другомъ словѣ въ заведеніяхъ отдѣленія оказывалось не разъ близкое знакомство редактора съ Узбестеромъ, Литтре и т. д. Словарь этотъ долженъ быть собственно словаремъ литературнаго языка со времени Ломоносова; съ этой стороны онъ подвергался нападеніямъ: желали словаря историческаго, но нехотѣли согласиться съ мнѣніемъ А. Н. Пыпина, что такому словарю еще не настало время, и лексикографическій трудъ, начатый И. К. Гротомъ, долженъ послужить матеріаломъ этому будущему словарю; но и самъ по себѣ онъ приноситъ несомнѣнную пользу, знакомя съ современнымъ состояніемъ литературнаго языка. Вышло два выпуска; третій готовился, но кончина составителя остановила работу. Будемъ надѣяться, что дѣло не останется не конченнымъ: матеріала для него подготовлено много ¹⁾).

Русское общество высоко цѣнило И. К. Грота. Въ 1882 году отпразднованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности, а въ 1892 шестидесятилѣтній. Кто изъ пріѣхавшихъ къ покойному въ день его рожденія поздравить его съ восьмидесятилѣтнимъ возрастомъ, видя его живымъ и бодрымъ, могъ подумать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не станетъ? Тяжелая потеря долго еще оставалась незамѣненною; еще больше будетъ жить память объ этомъ неутомимомъ труженикѣ и высоко-благородномъ человѣкѣ. Дѣйствительно съ нравственной стороны онъ былъ безупреченъ. Строгій къ себѣ, неуклонно занятый исполненіемъ долга, какъ ученый и глава ученаго учрежденія, онъ былъ неизмѣнно благодушенъ къ другимъ: слова осужденія не слышалось отъ него никогда; если ему было нечего сказать хорошаго о человѣкѣ, онъ промолчить; но если онъ могъ оказать кому-нибудь помощь, онъ былъ готовъ во всякое время. Сколько ученыхъ трудовъ лаяли въ немъ поддержку, сколькомъ людямъ онъ

¹⁾ Списокъ трудовъ покойнаго, изданный 1883 г., составляетъ С. П. Ногодинъ и падаетъ въ „Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности“, т. XXXII. Вѣроятно, дополненіе къ нему появится въ томъ же изданіи.

доставилъ занятіе и направилъ ихъ на плодотворную дѣятельность! Позволю себѣ личное воспоминаніе: ближе я узналъ Я. К. Грота, когда въ 1869 году сталъ членомъ комитета общества вспомошествованія нуждающимся ученымъ и литераторамъ, гдѣ онъ тогда былъ председателемъ. Председатель онъ былъ идеальный: онъ умѣлъ руководить преніями, такъ, чтобъ избѣгать всякаго раздраженія, всякаго оскорбленія личнаго самолюбія, за то готовъ былъ всегда ходатайствовать за дѣйствительно нуждающагося. Такимъ же нашелъ я его, когда въ 1890 году сталъ членомъ Академіи Наукъ. Онъ умѣлъ возбудить къ себѣ уваженіе и любовь сотоварищей, какъ и всѣхъ, кто соприкасался съ его дѣятельностью: о Гротѣ существуетъ одно мнѣніе, начиная съ Царскихъ чертоговъ и оканчивая дружескими кружками. Это доказываютъ слова, начертанныя Государемъ Императоромъ на докладѣ г. министра народнаго просвѣщенія по случаю смерти Грота. Сочувствіе общества выразилось въ многочисленныхъ некрологахъ.

Въ заключеніе повторимъ уже приведенные А. О. Бычковымъ въ его рѣчи на юбилей 6-го сентября 1882 г. юношескіе стихи покойнаго:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пусть мой бѣлый гость обратно
Къ себѣ умчится помрачася,
И стихъ исчезнетъ благодатный.

Этому обѣту остался онъ вѣренъ до конца. Да служить же онъ благимъ примѣромъ будущимъ поколѣніямъ! Да хранитъ Господь Русскую землю и да посылаетъ ей всегда такихъ чистыхъ людей, на которыхъ зиждется нравственное значеніе страны!

К. Бестужевъ-Рюминъ.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ¹⁾.

10. C. I. L. IX n. 5041. Оригиналa этой надписи не сохранилось, она дошла до насъ только въ копіяхъ Соррихіа (Sorrichius) и Аллегранзы (Allegranza).

ANTERO . . . O · ET · C · VICIRIO · ERAFRO
DITO · FILIO · ET · CELERI · NEPOTI · VIVA · FECIT
QVID · TVA · COMMEMOREM · NIMIVM · CRVDELIS · INIQVA
FLETVS ET · CASVS · QVID · FACIS · INMERITEIS
5. NIC PVER INFIRMEIS · ETIAM NVNC VIRIBVS · VT · QVOI
OSTAYOM · INGREDIENS · SIDERA · CONFICERENT
ПОС · VIDVIS · MVNVS · MORS · INVIDA · FALLERE · COGIS
NEIMIS · VT · FACERET · AEQVIVS · ПОС · FVERAT

Начало первой строки надписи Моммзенъ даетъ въ *Corpus*’ѣ такъ, какъ оно читается въ рукописи Соррихіа: ANTEROTI SVO, но въ виду того, что рукописная копія послѣдняго не совсѣмъ свободна отъ болѣе или менѣе очевидныхъ интерпоцій (ср. критическій аппаратъ Моммзена къ 7 и 8 строкамъ), безопаснѣе, по видимому, прикинуть къ другой копіи Соррихіа, напечатанной въ газетѣ *Novelle Fiorentine* 1753 г. стр. 87 и тожественной съ копіей Аллегранзы, — то-есть предположить, что уже Соррихіи засталъ въ началѣ надписи только

ANTERO O,

что и дополнялъ — не совсѣмъ удачно. Въ виду слѣдующихъ *filio* и *nepoti* здѣсь естественнѣе всего дополнить

Antero[ti vir]o, или Antero[ti viro su]o.

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 годъ.

Остальную часть первой строки Аллегранза даетъ въ такомъ видѣ:

F RIO · ΕΡΑΠΗΡΟ,

что даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что граепомен и помен gentilicium Эпафродита Соррихій дополнялъ самъ.

Стихотвореніе, судя по примѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ Corpus'ѣ къ отдѣльнымъ стихамъ, транскрибируется издателемъ Corpus'a и Бюхелеромъ слѣдующимъ образомъ:

Quid tua commemorem nimium, crudelis, iniqua

Fletus et, Casus, quid facis inmeritis?

Hic puer infirmis etiam nunc viribus, ut quod

Octavum ingrediens sidera conficerent,

5. Hoc viduis munus (mors invida, fallere cogis)

N[obe]lis ut faceret, aequius hoc fuerat.

Crudelis въ первомъ стихѣ надо соединять съ *Casus* во второмъ, что указалъ уже Бюхелеръ присовокупляя: *hic appellatur ut Τόχη*; мы можемъ добавить сравненіе съ Anthol. Lat. 1222, 3 sq.: *sed prius eripuit matri, qui in omnia pollet, Crudelis casus filiolam e manibus*. Тотъ же ученый замѣчаетъ по поводу двухъ слѣдующихъ стиховъ: „*soloeca structura: ut quod vires et vitam, cum octavum appropinquaretur, sidera conficerent. Debuisset esse ingredienti*“ Но отъ обвиненія въ солецизмѣ эти стихи, по видимому, довольно удобно избавить позволяетъ предположеніе, что и здѣсь авторъ стихотворенія такъ же искусно разставилъ слова, какъ *crudelis* и *Casus* въ предыдущихъ стихахъ: иными словами это *octavum ingrediens* надо соединять съ *hic puer*, а не съ *conficerent*.

Въ послѣднемъ стихѣ *n[obe]lis* вмѣсто *neimis* предлагаетъ читать тоже Бюхелеръ, но это исправленіе намъ кажется совершенно излишнимъ: *nobis* весьма легко можетъ и подразумѣваться, — какъ и при *inmeritis* во второмъ стихѣ —, а потому, оставляя *neimis* безъ измѣненія, слѣдуетъ это слово относить къ *fallere* и читать такимъ образомъ:

hoc viduis munus (mors invida, fallere cogis

neimis!) ut faceret, aequius hoc fuerat.

Наконецъ слову *viduis* — по толкованію Бормана: „*id est aviae, quae conjugem ante amisisset*“ — можно придавать и болѣе общее значеніе („осиротѣлый“).

Въ просодическомъ отношеніи разбираемая эпиграфа отличается исправностью, за исключеніемъ только начала послѣдняго стиха, гдѣ

по требованію размѣра сдѣланъ долгимъ начальнымъ слогъ слова *neimis* ¹⁾: безъ сомнѣнія, именно это обстоятельство и побудило автора эпитафіи замаскировать просодическую погрѣшность неправильною архаизирующею ореографіей *neimis*, а Вюхелера — „исправить“ послѣдній стихъ посредствомъ замѣны упомянутого слова вовсе не необходимымъ *nobeis*. Аналогичное явленіе къ этому *neimis* встрѣчаемъ въ одной мавританской надписи (изъ Цезареи), гдѣ *i* въ начальномъ слогѣ слова *Simitum*, тоже краткое по природѣ, передается черезъ *ei*, впрочемъ не по требованію размѣра, а, по видимому; лишь по прихотѣ автора стихотворенія: *vixi ege bis denos annos tres atque seimitum* (Ephem. epigraph. VII n. 521, 3).

По поводу начала четвертаго стиха не безынтересно будетъ замѣтить, что почти такъ же начинается одинъ стихъ и въ севусіонской надписи, цитованной нами выше: *Anporum septem vixi dulcissima patri, Octavo ingredie(n)s animam deposui* (Corporis Inscr. Lat. supplém. Italica n. 1305) гдѣ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе и конструкція *anporum* (очевидно, вмѣсто *annos* — по требованію размѣра) *septem vixi*, могущая быть сопоставлена съ *anporum natus* (см. выше въ этой же главѣ—п. 7). Ср также С. I. L. V n. 4483 *Primo Valerio Magirrae — qui vixit ann. XXXIII, mens. II, dierum XXIII*.

11. С. I. L. X n. 672. Эту надпись, найденную въ Амальфи, сохранилъ только Камера, который даетъ ее въ такомъ видѣ:

EILNIIABO PRIVATVS LVCII IN
 ...NOS IVNCTOQVE SECVNDO SIMILES INCOLVMIS
 NIM:RES NVMATVS DEBITVM SVMP SIT PERPETV
 ...MANIVS PAEC SORS /// NEC TVCIT ALIQVIS IPSA
 5. ...IVS SILECTOR VIS NOMEN NOSSE SEPVLT I ORDIN
 ...VRSO A SVMMMA TIIIRA DISCIS COMPARI BENE.....
 ...QVI VIXIT ANNOS XXII MINVS VII MENSES
 ...XV DIES X KAL MAIAS POST CONSECRATIONEM
 FL GRATIANI AVGVSTI

Момизентъ ограничился слѣдующими дополненіями и возстановленіями въ этой надписи: въ началѣ 5 строки онъ дополняетъ [lu]-lus, въ началѣ шестой [s]urso, въ срединѣ той же строки возстановляетъ [1]i[te]ra disc[e]s, въ концѣ ея же дополняетъ bene[mer(enti)], наконецъ въ началѣ восьмой строки онъ дополняетъ [dies]. По по-

¹⁾ Напротивъ въ первомъ стихѣ другая форма того же слова, *nimium*, употреблена въ просодическомъ отношеніи совершенно правильно.

воду странной датировки *post consecrationem* (восьмая строка) онъ же, по всей вѣроятности, справедливо замѣчаетъ: „*videtur male soluta esse formula POST CONS*“ (то-есть, *post consulatum*).

Мыслимо впрочемъ и нѣсколько иное объясненіе этого *post CONSECRATIONEM Fl(avii) Gratiani Augusti*: за CONSECRATIONEM Камера могъ принять CONS [S]ACRAT D N IM[P] или же CON SACRAT D N IM[P], то-есть, датирована была надпись слѣдующимъ образомъ: *post cons(ulatum) [sa]crat(issim)l* — или *post con(sulatum) s[a]crati(ssim)l* — *d(omini) n(ostri) [i]m[p(eratoris) Fl(avii) Gratiani Augusti*.

Мы возстановляемъ надпись такъ:

[Aspice, pariteriens, bustum iuvenile: quiescit
Nuper crudel]i [t]abo pribat[us] lūci in[tus]
Ter nāt[us] septem an]nos iunctoque secundō simi[tur]
Incolumis[que] m[ō]res hūmatus debitūm sumpsit:

5. Perpetu[a o]mnibus haec sors nec [f]u[g]it alt[er]ius ipsa[m.]
[Hu]ius si, lector, vis nomen nosse sepult[us],
Ordin[e perc]urso a summa [l]i[tte]rā disc[e]s

Compari benef[erenti] ¹⁾, qui vixit annos XXII minus VII menses XV ²⁾ dies. X kal(ondas) Matas post cons[ulatum] Fl(avii) Gratiani Augusti.

Само собою разумѣется, что возстановленія первыхъ строкъ надписи предлагаются лишь для примѣра.

Въ IABO, которое дается копіей Камеры, скорѣе всего надо видѣть TABO, хотя нельзя отрицать и того, что Камера очень легко могъ принять п Е за О ³⁾. По поводу формы *tabo* слѣдуетъ замѣтить, что она упоминается нѣсколько разъ Харисіемъ ⁴⁾ и Диомедомъ ⁵⁾; въ другихъ косвенныхъ падежахъ это *tabit* или *tabus* ⁶⁾ употребляется у Лукана, въ трагедіяхъ Сенеки и въ декламацияхъ Псевдо-Квинтиліана ⁷⁾.

¹⁾ Или, конечно, *benef[erenti]*, какъ у Моммзена.

²⁾ Или [X]XV, ср. самый конецъ разбора этой надписи.

³⁾ Ср. для примѣра нашъ разборъ 11 стиха эпиграфн Номпонія Бассула (выше подъ п. 5).

⁴⁾ *Grammat. Lat. ed. H. Keil vol. I, p. 29, 26, 35, 28, 39, 1.*

⁵⁾ *Ibid. p. 309, 14.*

⁶⁾ Такъ даютъ именительный падежъ glossы Либбея.

⁷⁾ См. цитаты у Георгеса, *Lexikon der latein. Wortformen* (Lpz. 1890), столб. 678 в. в.

Возстановленіе предыдущаго слова, то-есть, начала надписи, конечно, не можетъ претендовать на несомнѣнность, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что это [C]RVDELI очень близко подходитъ къ чертамъ оригинала, насколько онѣ переданы копіей Камеры; для примѣра можно сравнить, какъ прочелъ Камера въ 6 строкѣ слово LITTERA. Къ фразеологій ср. Anthol. Lat. 1287, 4 M.: *crudelis tabes consortem sustulit unum*; ib. 1379, 5 *hanc audus declinus privavit munere lucis*; ib. 1528, 3 *flos aetatis hic iacet intus condita saxo*, и т. д. По поводу эллиптического употребленія *secundo* въ третьемъ стихѣ ¹⁾ можно до известной степени сравнить Anthol. Lat. 1250, 7 M.: *invida bis denos Lachesis consesserat annos, Non-dum a llo pleno quod dederat, rapuit* ²⁾.

Удержатъ *similes* (во 2 строкѣ) безъ измѣненія, на нашъ взглядъ, не представляется никакой возможности. Выѣсто *simi[tur]* можно бы, конечно, было предположить напримѣръ, *s[e]mi[sse]*, но, такъ какъ такое чтеніе влечетъ за собой необходимость передѣлать сообщаемое Камерой *secundo* въ *secund[i]*, то въ виду этого мы предпочли первое выраженіе, которое къ тому же ближе подходитъ къ данному чтенію; оно предпочтительнѣе, паконецъ, и потому, что малоупотребительное слово *simitur* рѣзчійскъ скорѣе могъ не понять и потому исказить.

Естественноѣ, впрочемъ, приписать это искаженіе самому списывателю надписи, то-есть, Камерѣ, такъ какъ онъ, очевидно, весьма легко могъ приять рѣдкое слово *SIMITVR* за *SIMILES*. Съ разбираемымъ третьимъ стихомъ невольно напрашивается на сравненіе тоже третій стихъ мавритаиска надписи, уже цитованной нами выше ³⁾ по другому поводу: *vixi ego bis denos annos tres atque seitutum* (Ephem. epigraph. VII n. 521, 3). Принимая во вниманіе черты оригинала, сохраненныя копіей Камеры, мы предпочитаемъ возстановить въ данномъ мѣстѣ эпитафію именно форму *simitur*, а не *simiti*, хотя послѣдняя форма употребляется—въ литературныхъ памятникахъ—чаще: ее мы находимъ у Плавта, Акція, Помпонія и Луцилія. *Simitur*, кромѣ нашей надписи, встрѣчается еще въ той же метрической эпитафіи, C. I. L. X n. 174 *abstulit una dies anima*

¹⁾ «Ter septem annos—secundo»: „двадцать одинъ годъ—(двадцать) второй“.

²⁾ Слова *alio pleno, quod* въ этомъ стихѣ г. Мейеръ считаетъ испорченными (Annot. ad secund. tom. Anthol. Lat. p. 77), вѣроятно, не понимая, какъ слѣдуетъ объяснить *alio*. Наше толкованіе этого слова дѣлаетъ излишнимъ предположеніе, что въ данномъ мѣстѣ текстъ испорченъ.

³⁾ См. конецъ разбора предыдущей надписи (n. 10).

(sic!) corpusq(ue) similitur, а кромѣ того весьма правдоподобно восстанавливается Ричемъ въ одномъ отрывкѣ изъ Волкація Седигита, fr. 4 Baehrens (Fragm. poet. Romanor. p. 280): simitur ¹⁾ Necura sexta, exilis fabula. Другую параллельную форму—*simutum* мы только что видѣли въ мавританской эпитафii.

Иные, впрочемъ, быть можетъ, предпочтутъ читать SINCERVS или SINCERE вмѣсто SIMILES, но вообще копія Камеры, по видимому, не заслуживаетъ такой слишкомъ произвольной передѣлки сообщаемыхъ ею чтеній. По тому же соображенію едва ли было бы умѣство и болѣе радикальное средство для восстановленія втораго стиха, а именно уничтоженіе этого *similes* и чтеніе:

[ter natus septenos an]nos iunctoque secundo,

или что либо въ такомъ же родѣ.

Съ четвертымъ стихомъ разбираемой эпитафii можно сопоставить C. I. L. II n. 1235, 4 sq.: Vixi parum dulcisq(ue) fui, dum vivo, parenti; Hoc titulo tegor, debita persolui.

Просодическія вольности дополненій оправдываются, конечно, такими же неисправностями въ сохранившейся части стихотворенія.

Въ началѣ третьей строки Камера прочелъ NIM, что, собственно, приводитъ къ дополненію [e]nim или [ete]nim, но чтеніе

incolumis [ete]nim res humatus debitum sumpsit

не представляетъ удовлетворительнаго смысла. Впрочемъ, принимая во вниманіе, что это стихотвореніе написано чуть не въ концѣ четвертаго вѣка по Р. Х., притомъ не особенно искуснымъ авторомъ, можно, собственно говоря, удовольствоваться и только что выписанной редакціей, допустивъ, что *etenim* авторъ вставилъ не столько по требованію смысла, сколько по требованію размѣра, для заполненія стиха, какъ п у насъ начинающіе поэты обыкновенно злоупотребляютъ частностями „вѣдь“, „же“ и т. п. ²⁾.

Въ *humatus* тогда придется видѣть уже не причастіе, а существительное (ἡλικί εἰρημεύων), и объяснять *res humatus*==*res humandi*, какъ *humationem*. что, очевидно, выходитъ слишкомъ натянутымъ, а потому и чтеніе [ETE]NIM нельзя назвать особенно вѣроятнымъ. Противъ этого же чтенія говоритъ и размѣръ лѣвсй лакуны, вмѣ-

¹⁾ Мнѣе удачна эиендація Бэренса: *removetur*; въ рукописяхъ читается *simitur*.

²⁾ Другимъ примѣромъ такой же заточки стиха, по видимому, является *etiam* нисе въ C. I. L. IX n. 5041 (см. выше п. 10).

щавшей или по одной (ср. строки 1 и 4, а также 9), или по двѣ буквы (стр. 2 и 5). Размѣръ лакуны говорить, напротивъ, въ пользу чтенія именно [Q]VE, предложеннаго нами выше, которое и палеографически близко къ чтенію Камеры.

Въ началѣ четвертаго стиха рѣзчикомъ, вѣроятно, было вырѣзано [O]MANIBVS вмѣсто OMNIBVS, если только вѣрна копія Камеры, который самъ легко могъ ошибиться, читая MANIBVS вмѣсто MNIBVS.

Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто [per]cursus можно читать, напริมѣръ, и [trans]cursus. Конецъ стихотворенія поясняетъ, что оно—акростихъ, и при нашемъ возстановленіи оказывается, что усопшаго звали Антифонтомъ (Antipho). Возможно однако и то, что его звали напрімѣръ Гнифономъ (Gnirho); въ такомъ случаѣ придется передѣлать начало надписи. Предоставляя другимъ возстановленіе перваго стиха, начинавшагося, очевидно, буквой G, замѣтимъ, что второй стихъ могъ бы тогда читаться приблизительно такъ:

[patūs tēr septem an]nos iunctoque secundo simi[tur]

или же:

[patūs vinti unum an]nos iunctoque secundō simi[tur].

По поводу формы vinti = viginti ср. Bormann, Ungedruckte latein. Inschriften (Berl. 1881) p. 5 n. 3, 4: et menses septem diebus cum vintiduobus, и ситифскую надпись C. I. L. VIII n. 8573: D(is) M(anibus) s(acrum). Caius Iulius Qu[il]etianus vixit annis viginti quattor, mensibus nove, diebus vinti quattor. Ср. и Ephem. epigr. VII n. 309 и 712.

Вѣроятноже, прочемъ, предположить, что умершаго скорѣе звали Антифонтомъ ¹⁾, чѣмъ Гнифономъ, то-есть, что имя его содержало болѣе шести буквъ (Gnirho), такъ какъ, судя по копіи Камеры, передъ первой строкой ея въ оригиналѣ была по крайнѣй мѣрѣ еще одна строка.

Наконецъ мыслимо, что умершаго звали Гросфомъ (Grosphus) ²⁾: въ такомъ случаѣ начальныя буквы стиховъ давали его имя въ дательномъ падежѣ: [Gro]spho, что можно было бы удобно соединить съ началомъ прозаической части эпитафіи: *compuri benemerenti*.

¹⁾ Или напрімѣръ, Каллифонтомъ (Callipho).

²⁾ Это соименіе встрѣчается въ помпейскихъ надписяхъ, см. указатель къ C. I. L. IV; а также De Vit., *Onomasticon*, s. v.

Четвертый съ конца стихъ, при томъ же предположеніи, очевидно, долженъ будетъ начинаться съ *simi[tur]*, и все начало эпиграфа потребуетъ новыхъ дополненій.

Не понимаемъ, для чего Моммзенъ дополняетъ еще [*dies*] въ началѣ предпоследней строки, когда въ той строкѣ уже стоитъ *dies*, очевидно, относящееся къ стоящему передъ нимъ XV, какъ даетъ понять предыдущее VII *mensis*. Относить сохраненное копией Камеры *dies* къ послѣдующей цифрѣ, то-есть, принимать это *dies* X *Kal. Maias* за *ante diem* X *Kal. Maias*, какъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду Моммзенъ, едва ли удобно; притомъ и разрывъ лѣвой лакуны надписи не допускаютъ дополненія DIES. Вообще, если въ лакунѣ предпоследней строки и пропало что, то это была, пожалуй, еще цифра X:—[X]XV.

12. C. I. L. X n. 1114. Эта надпись, найденная въ области древняго Абеллина (нынѣ Атрипальда близъ Авеллино), списана Моммзеномъ.

SILVANO SACR
M VICIRIVS RVFVS V S
QVOD LICVIT IVNIANOS
REPARARE PENATES·QVOD
QVE·TIBI·VOVI POSVI DE
MARMORE SIGNVM

То-есть, Silvano sacr(um). M(arcus) Vicirius Rufus v(otum) s(olv it)
Quod licuit [mihi] Iunianos reparare penates
Quodque tibi vovi, posui de marmore signum.

Вторую половину надписи Моммзенъ относитъ къ *carminum fragmenta incerta* (см. Corp. ind. p. 1165 col. 4), но, какъ показываетъ наше дополненіе, простой вставки одного слова, легко могла бытъ пропущеннымъ рѣзчикомъ надписи, достаточно для возведенія приведенныхъ стиховъ въ рангъ *carminum certorum*. Въ просодическомъ отношеніи они совершенно исправны. *Iunianos* приходится читать какъ трехсложное слово.

Съ этимъ двустишіемъ можно сопоставить C. I. L. X n. 3812: *Iustitiae, Nemesi. Fatis quam voverat aram, Numina sancta colens Cammarius posuit.*

13. C. I. L. X n. 3757. По поводу этой ацерской надписи, оригиналъ которой по счастью сохранился, слѣдуетъ повторить почти то же самое, что мы замѣтили въ свое время при обсужденіи вкланской

C. I. L. IX n. 1164 (см. выше n. 5): надъ списываніемъ съ камня и восстановленіемъ ея трудился не мало выдающихся эпиграфистовъ, но, несмотря на ихъ старанія, лакуны трехъ первыхъ строкъ до сихъ поръ дополнены не совсѣмъ удовлетворительно, что сознается и послѣднимъ издателемъ. „Post curas Hauptii (apud Nissenum *Hermes* I p. 152), говорить Моммзенъ въ *Corpus*’ѣ — et Buecheleri (anthol. spec. I n. 2, item in litteris ad me datis) aliorumque peritorum viro- rum nihilominus in tribus primis versibus adhuc parum constat, quomodo hiatus non magni explendi sint. Equidem satis habui adscribere adhuc inventa aut certa aut certe tolerabilia, addens mihi quidem agi videri de aedicula Laribus (= ἑρῶες, cf. Dion. 4, 14 et gloss. Cyrill.: *Lares* ἑρῶες) Augustis ita dedicata, ut sub eorum imaginibus C. et L. Caesares colerentur“.

Стихотвореніе транскрибируется и дополняется слѣдующимъ образомъ:

Templum hoc sacratum her[oi]bus, qui] quod ger[unt]
 Augusti nomen, felix [illis] remaneat,
 Stirpis suae laetetur u[bi] regno] pareus.
 Nam quom te, Caesar, tem[pus] exposcet deum
 Caeloque repetes sed[em, qua] mundum reges,
 Sint hei, tua quei sorte te[r]rae] huic imperent
 Regantque nos felicibus voteis suis.

Воспроизводимъ и тѣ начальныя строки надписи, дополненія которыхъ — по отзыву Моммзена — еще оставлять желать лучшаго.

TEMPLVM HOC SACRATVM HER
 QVOD GEI≡/// AVGVSTI NOMEN FELIX
 REMANEAT STIRPIS SVAE LAETETVR·V¹⁾
 PARENS и проч.

„Lapis, замѣчаетъ Моммзенъ, adhuc ita integer est ut fuit saeculo XVI, sed interim passim detritus“. Старинная копія, сохранившаяся въ одной флорентійской рукописи, извѣстной подъ именемъ codex Redianus, даетъ въ концѣ первой строки HERCVLI, но это чтеніе является просто контекстурой автора копіи. Въ началѣ второй строки та же рукопись даетъ QVOD GERM AVGVSTI, Аккурсіей прочель ///VOE CE///// AVGVSTI, а Мануціи разобралъ только AVGVSTI. „Litterae QVOD GE, говорить Моммзенъ, item punctum ante AVGVSTI certa sunt;

¹⁾ Отъ этого V сохранилась только лѣвая половина.

post ea quae sequuntur litterae mthi R I $\equiv$ visae sunt esse; Zange-
meister autem, qui a me rogatus accurate lapidem examinavit, ait in
tertia littera media cerni quidem lineolam quae speciem prae se fe-
rat ductus lateralis medii litterae R, sed posse eam item partem esse
ipsius hastae infra crassioris magisque sibi videri fuisse ibi N. Quae
sequuntur tres quattuorve litterae plane evanuerunt. GERMANICI
quod dedit Nissen, in lapide non fuisse certissimum est*.

Такъ какъ въ метрическомъ отношеніи разбираемое стихотворе-
ніе совершенно исправно, то для возстановленія втораго слова вто-
рой строки требуется подыскать слово, начинающееся съ gēp, —
если положиться на мнѣніе Цангемейстера, — или съ gēr, — если
больше вѣрить чтенію Моимзева. Просмотрѣвъ относящіяся сюда
слова по любому словарю ¹⁾, мы убѣдимся, что въ первомъ случаѣ
единственно подходящимъ словомъ является *genius*, во второмъ —
только *gero*.

Опираясь на изслѣдованіе камня Цангемейстеромъ, мы предла-
гаемъ слѣдующее возстановленіе начала надписи:

Templum hoc sacratum her[edit]bus—fert] quod gen[i]

Augusti nomen felix [faustum] remaneat! —

Stirpis suae laetetur u[t cultu] parens,

которое приводитъ къ предположенію, что на архитравѣ храма было
приблизительно такое посвященіе:

Genio

imp(eratoris) Caesaris Augusti

et

C. et L. Caesaribus

Augusti filiis

sacrum.

Извѣстно, что Августъ не позволялъ посвящать себя храмовъ,
какъ объ этомъ сообщаетъ Светоній *Aug.* 52: *templa quamvis sci-*
ret etiam proconsulibus decerni solere, in nulla tamen provincia nisi
communi suo Romaeque nomine recepit (nam in urbe quidem pertina-
cissime abstinuit hoc honore). Въ виду этого обстоятельства я по-
нятна оговорка автора стихотворенія, что храмъ посвященъ соб-
ственно Гаю и Луцію Цезарямъ, а имя *Genii Augusti* храмъ носитъ
лишь какъ омен *faustum*.

¹⁾ Мы пользовались словаремъ Георгеса (7-ое изд.).

Допустимо ли предположеніе Моммзена, что храмъ былъ посвященъ *Laribus Augustis*, подъ видомъ которыхъ чтились Гай и Луцій Цезари,—вопросъ открытый. Намъ кажется сомнительнымъ рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ, во первыхъ, потому, что странно отождествленіе этихъ Цезарей именно съ Ларами, а не съ какими либо иными божествами; во вторыхъ, потому, что, кажется, не было никакой причины прибѣгать къ посредству Ларовъ, чтобы посвятить храмъ дѣтямъ Августа: такую причину, очевидно, не можетъ считаться упомянутое выше запрещеніе Августа строить въ честь его храмы,—такъ какъ запрещеніе это вовсе вѣтъ надобности распространять на членовъ его семейства ¹⁾. Наконецъ заключительныя слова стихотворенія:

sint hei, tua quel sorte terrae hinc imperent
regantque nos felicibus voteis sueis,

на нашъ взглядъ, прямо показываютъ, что посвященіе было сдѣлано непосредственно Гаю и Луцію Цезарямъ, а не Ларамъ.

Нѣтъ, полагаемъ, надобности доказывать возможность употребленія *heredibus* въ данномъ случаѣ безъ пояснительной прибавки *improbi*.

Замѣнить словомъ *faustum* дополненіе *illis*, принадлежащее нашимъ предшественникамъ, побудило насъ соображеніе, что четырехъ буквъ слишкомъ мало для заполнения лакуны конца второй строки.

Вмѣсто *regno* мы дополняемъ въ лакунѣ третьей строки *cultu*, такъ какъ послѣднее, очевидно, гораздо болѣе подходит по смыслу къ данному мѣсту. Какъ мотивируютъ наши предшественники свое дополненіе *regno*, намъ неизвѣстно. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что разбираемая надпись сдѣлана при жизни Августа.

Противъ дополненія *gen[ti]*, основаннаго на изслѣдованіи надписи Цангемейстеромъ, можно возразить то, что при немъ, по видимому, заполняется не вся лакуна, содержавшая, по Моммзену, отъ трехъ до четырехъ буквъ. Возраженіе это впрочемъ не имѣетъ очень большой важности, такъ какъ безъ особой пятажки можно принять соотвѣтствіе упомянутаго дополненія съ размѣрами лакуны. Въ самомъ дѣлѣ, изъ тѣхъ трехъ наклонныхъ чертъ, которыми обозначается

¹⁾ Тиберій, напримѣръ, тоже запрещалъ воздавать ему божескія почести, но не запрещалъ воздавать ихъ Германнику и своему сыну, Друзу; см. мою диссертацию стр. 25 и прим. 85.

разбираемая лакуна въ *Corpus'it*, одну мы можемъ заполнить правой вертикальной чертой буквы N, на мѣстѣ второй—приходится I, а на мѣстѣ третьей можно тоже допустить I, то-есть, предположить, что вмѣсто GENI рѣзчикъ по ошибкѣ вырѣзалъ GENII, что, конечно, весьма допустимо.

При всемъ томъ весьма возможно, что на камнѣ было и не GEN, какъ показалось Цангемейстеру, а GER (или GERI), какъ прочелъ Моммзенъ, тѣмъ болѣе, что и Цангемейстеръ признаетъ возможнымъ моммзеновское чтеніе. Въ такомъ случаѣ придется имѣть дѣло съ формами глагола *gero*. Если дѣйствительно на камнѣ было GERI/, какъ прочелъ Моммзенъ, то мыслимо только одно чтеніе *geri[t]*, и первые два стиха получаютъ напримѣръ, такое возстановленіе:

Templum hoc sacratum her[edibus, quoi] quod geri[t]
Augusti nomen felix [faustum] remaneat

или

Templum hoc sacratum her[edi utrique]. Quod geri[t]
Augusti nomen felix [faustum] remaneat!

Но вторая редакция перваго стиха является менѣе удовлетворительною по цезурнымъ соображеніямъ.

Вѣроятно въ прочемъ, что Моммзенъ ошибся, и на камнѣ было только GER//. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, заслуживаетъ предпочтенія бухелеровское дополненіе *ger[unt]*, только въ виду замѣны его дополненія *illis* въ концѣ втораго стиха словомъ *faustum* мы предлагаемъ читать первый стихъ вѣсколько иначе, а именно:

Templum hoc sacratum her[edibus, quis] quod ger[unt],

то-есть ставя *quis* = *quibus* вмѣсто бухелеровскаго *qui*, при чемъ исчезаетъ и нѣкоторая непослѣдовательность выраженія: *qui quod gerunt Augusti nomen felix illis remaneat*.

Выраженіе *gerunt Augusti nomen* слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что Гай и Луцій Цезари назывались *Augusti*, но въ томъ, что въ нихъ имени было ния и Августа: дѣйствительно, надписи ихъ называютъ *C. Caesar Augusti filius* (напримѣръ C. I. L. IX 3078. X 1239 и т. д.) и *L. Caesar Augusti filius* (напримѣръ ib. IX 727. X 1623 и др.). Это же объясненіе приложимо и къ предыдущей редакціи (*gerit Augusti nomen*).

14. C. I. L. X n. 4913. Чтеніе этой надписи, найденной въ окрестностяхъ Венафра, проверено Моммзеномъ. Камень обломанъ съ боковъ.

...EFFECTVS **H·M·H·N·S·** BIS·SEX·VIR FACTVS·PEREGI·F.....
QVIRITES. BIS POPVLO MVNVS DEDI LIB.....
 PRIMVM EST AVGVSTI PAREP

Послѣ PEREGI, по Моммзену, было Р или R, послѣ PARE „по видимому, было M“. „Carmen, продолжаетъ онъ, ut facile agnoscitur, ita difficile est ad supplendum“.

Отъ возстановленія лѣваго стихотворенія, гдѣ Моммзенъ, безъ сомнѣнія, справедливо дополняетъ [pra]efectus, благоразуміе, конечно, отказаться, а правое мы дополняемъ слѣдующимъ образомъ:

bis sexvir factus perēgi [felicit̄er aevum],
 bis populo munus dēdi lib̄eraliter omni;
 primum est Augusti parē[ntalib̄s triduū factum].

при чемъ просодическіи погрѣшности дополненій оправдываются такими же волноостями въ сохранившейся части стихотворенія. Въ концѣ первой строки, если могло быть Р или R, очевидно, мы имѣемъ право допустить и F, часто смѣшиваемое съ Р. Равнымъ образомъ въ концѣ третьей строки могло стоять и N, а не M, какъ предполагаетъ (но не утверждаетъ категорически) Моммзенъ. По поводу выраженія *Augusti parentibus* можно сопоставить C. I. L. V n. 4016: ut ex eius sum(mae) reddit(u) rosal(ia) et parent(alia) iusto fillo), Iustae uxori et sibi om(nibus) an(nis) in perpetuom procur(arent); ib. VI 9626: ut diebus sol[le]mnibus sacrificium mi[h]i faciatis, id est III id(us) Mart(tas) die natalis mei usque ad (denarios) XXV, parentalis (denarios) XIIS, flos rosa (denarios) V; ib. XII n. 731: qui legavit eis testamento suo (denarios) CC, ut ex usur(is) e[or(um)] omnibus annis sacrificio ei parentetur; ср. также ib. V n. 2072. 4489. 4871. XI n. 1436. Orell. 3999.

Буквы h. m. h. n. s. содержатъ обычную формулу: hoc monumentum heredes non sequitur.

15. C. I. L. X n. 5019. Эта надпись, принадлежащая, судя по начертанію буквъ, очень раннему времени („litteris antiquissimis“), найдена тоже въ окрестностяхъ Венафра и списана Моммзеномъ.

ALEI IN VENERIEIS
 MIHEI CONTRA RI.....

Вѣрную оцѣнку дополненій, предложенныхъ Бухелеромъ и Гарруччи, даетъ Моммзенъ въ примѣчаніи къ этой надписи. „Postquam, говорятъ онъ, senariorum principia Ritschellus.... agnovit, Buecheler in suppl. anthol. n. 80 restituit: *Alei in venerieis [rebus rem perdunt*

suam], *Mihei contra r[em bene auctam fortuna invidet]*. At id eo nomine peccat, quod extrema tituli littera I fuit, non E. Garruccius autem quod excogitavit: *alei in venerieis* [*Chloé*]. *mihei contrá r[í]x[osa est]*, versum Saturnium dicit et ait significare: *costei che con altri fa l'amorosa, meco per converso litiga sane subabsurde*."

Мы предлагаемъ читать:

Alei in venerieis [rebus fert opem dea],
Mihei contra rí[det illa nunquam nec favet].

Видно *dea* можно, конечно, поставить и *Venus*, или видоизмѣнить дополненія перваго стиха слѣдующимъ образомъ:

Alei in venerieis [rebus fert dea ipsa opem].

Во второмъ стихѣ вѣсто *favet* мыслимо напрямѣръ и *iuvat*, ср. Ovid. *Trist.* 1, 5, 27: dum iuvat et vultu ridet Fortuna sereno; по поводу *ridet*, кромѣ только что приведеннаго стиха Овидія, ср. еще Anthol. Lat. 920, 83 M.: tum quoque cum nitido ridet placidissima vultu (sc. fortuna).

16. С. I. L. X п. 5232. Чтеніе этой надписи, найденной близъ города Сантъ-Оліа въ территоріи древняго Казина (нынѣ Санъ-Джерамо), повѣрено Моммзеномъ.

...ŲEINCTIVS GAIVS · PROTVMVS
.....MMA QVM LAVDE PROBATVS
.....ENIVM DECLARAT · PIETATIS · ALVM
.....TIVS VALGVS PATRONVS } NVS

Въ первой строкѣ MV въ словѣ Protymus представляетъ лигатуру; то же слѣдуетъ сказать о MA въ началѣ второй строки и объ AT въ концѣ ея же (probatus), а также въ третьей (pietatis). Бухелеръ дополняетъ надпись слѣдующимъ образомъ:

[Heic est situs Q]ueinctius Gaius Protymus
[Amelcois su]mma qum laude probatus
[Quoius iug]entum declarat pietatis alumnus
[Gaius Queinc]tius Valgus patronus,

сопровождалъ ее примѣчаніемъ: „Difficile est decernere, cum tam parvum carmen sit tamque mutilum, utrum iustos versus habuerit an consarcinatis poetae dictionibus in speciem versuum exeat. nam v. 2 su]mma cum laude probatus et 3 declarat pietatis alumnus clausulae videntur hexametrorum, at 1 non potuit esse nisi Saturnius versus *heic ést sitis Q]ueinctiús — Gáinis Protýmus* (qualis est ille *donú danúnt*

Hércolei — máxsumé méreto et in Corfiniensi lapide modo inventus pes prós ecúf incubát — cásnar oisa aetúte). Saturniosque numeros aperte exhibet initium versus 3 *quouis ingeniúm declarát*, etsi altera pars *pietatis alumnus*, si ita pronuntiata est, ab solita genetivorum mensura abhorret, itaque versus 2 supplementum non audeo mutare quod litterarum numero bene congruit cum 3, licet versiculus sic fiat magis tolerabilis *boneis vireis sú]mma — qúm laudé probátus*. — *Pietatis* sive cum *ingenium* sive cum *alumnus* coniungitur, durissimum est, nec tamen credibile in sequente versu nomen periisse, ex quo illud aptum fuerit, eius versus exitus vel Saturniis vel hexametris convenit, totus non differt a prosa¹⁾.

Такъ какъ сатурвійскіе стихи, предложенные Бюхлеромъ, отличаются весьма сомнительными качествами, то мы предпочитаемъ видѣть въсь гексаметры, допуская въ третьемъ гексаметрѣ просодическую вольность дѣclarat; по неволѣ хромаетъ въ томъ же отношеніи и первый стихъ¹⁾.

Мы дополняемъ:

[Quem cernis tumulo hoc, est Q]ueinctius Gatas Protymus.

[Omnibus ille fuit su]mma qum laude probatus.

[Plenus id ingeni]um declarat pietatis alumnus,

при чемъ получается и слово, отъ котораго явнѣе *pietatis*; выраженіе *plenus (plena) pietatis* (или *pietate*) перѣдко встрѣчается въ надписяхъ. Въмсто *id* можно бы читать, напримѣръ, *tale* или *tantum*, что, конечно, хромаетъ въ просодическомъ отношеніи, но зато болѣе соотвѣтствуетъ разиѣрамъ лакуны, предполагаемымъ на основаніи дополненій предыдущихъ стиховъ.

Можно также читать:

[plenu] suum ingeni]um declarat pietatis alumnus,

допуская просодическую погрѣшность въ дополненіи, гдѣ кромѣ того *suum* придется понимать, какъ *eius* (то-есть Протима). По поводу *declarat*, быть можетъ, не безынтересно сопоставить Anthol. Lat. 1403, 4 *posen vigeet esse tuum in titulo clarum*.

Вообще же соединять слово *pietatis* съ *alumnus*²⁾, какъ это, хотя и съ оговоркой, допускаетъ Бюхлеръ, намъ кажется въ виду контекста разбираемой эпиграфин рѣшительно невозможнымъ.

¹⁾ На метрическую оболочку первой строки надписи, очевидно, указываетъ постановка праепоинис Протима послѣ родового имени.

²⁾ Ср. Anthol. Lat. 1376, 3 M.: Lanifici (?) praecura fides, pietatis alumnus, Priacae praecipue fama pudicitiae.

Вмѣсто *plenus*, конечно, могло стоять и *memor*, и тогда, при чтеніи, напримѣръ:

[*id memor ing*]enium declarat pietatis alumnus,

въгоняется просодическая ошибка, допущенная въ предыдущей редакціи; ср. Anthol. Lat. 1417, 5 M.: sed te noster amor memori pietate reformat; ib. 1342, 5: valete et memores este pietatis patris.

Затѣмъ, возможна и такая редакція того же стиха:

[*id titulo ing*]enium declarat pietatis alumnus,

причемъ *pietatis* придется относить къ *titulo*, какъ, напримѣръ, въ Anthol. Lat. 1453, 1 M.: Murria hoc titulo patronum pietatis honorat; ср. также ib. 1335, 1: hunc tibi dat tumulum pietatis nomine mater; C. I. L. XII n. 879: hoc pietatis opus fecit tibi, pater, sepulcrum.

Обращаясь къ другому дополненію этого ENIVM, можно предложить новыя редакціи разбираемаго стиха, а именно:

[*Quem nunc per x*]enium declarat pietatis alumnus,

или, придавая иное значеніе глаголу *declarare*:

[*Quod nunc per x*]enium declarat pietatis alumnus,

или, напримѣръ:

[*Dans sumnum hoc x*]enium declarat pietatis alumnus.

Xenium, очевидно, можетъ быть употреблено вмѣсто болѣе обыкновеннаго въ эпиграфикахъ *munus*—ср. напримѣръ, Anthol. Lat. 1283, 5 M.: supremum munus versus donamus et aram; ib. 1152, 5 si datur extinctis mentem retinere priorem, Respice, Birroni, munus amicitiae, и мн. др. — или *donum*, ср. напримѣръ, Anthol. Lat. 1202 hic pietatis honos, haec sunt pia dona mariti; ib. 1278, 4 Ponticus huic coniux ultima dona dedit, Hunc titulum, socios Manes, commune sepulchrum, и т. д. По поводу *summus*, употребленнаго въ послѣдней редакціи вмѣсто болѣе обыкновеннаго въ такихъ выраженіяхъ *supremus*, можно сопоставить, напримѣръ, Anthol. Lat. 1272, 6 inferitis munera summa dedit.

Просодическую ошибку въ разбираемомъ стихѣ можно устранить, если предположить, что на камнѣ было не ENIVM, какъ прочелъ Моммзенъ, а ENTVM ¹⁾. Отсюда новая редакція:

[*Dans monum*]en[t]um declarat pietatis alumnus,

¹⁾ Нѣтъ надобности пояснять, что горизонтальная черта Т очень легко могла стереться на камнѣ, почему Моммзенъ и принялъ эту букву за I.

при чемъ по поводу *monimentum pietatis* можно сравнить *opus pietatis* изъ эпитафій, цитованной выше (С. I. L. XII п. 879), и другія выраженія, приведенныя тамъ же. Мыслимо также и видоизмѣненіе только что приведенной редакціи посредствомъ замѣны *monimentum* дополненіемъ [*docum*]en[*t*]um, но первое, по видимому, лучше.

Далѣе, оставляя безъ измѣненій ENIVM, возможно предположить, что самъ рѣзчикъ по ошибкѣ написалъ DECLARAT вмѣсто DEDECLARAT ¹⁾. Если дѣйствительно дѣло было такъ, то можно восстановить разбираемый стихъ приблизительно въ такомъ видѣ:

[Supremum huius]enium de[de]clarat pietatis alumnus,

при чемъ стихъ оказывается тоже исправнымъ въ просодическомъ отношеніи.

Чтобы исчерпать область догадокъ, замѣтимъ наконецъ, что къ чтенію ENIVM палеографически очень близко подходило бы чтеніе [T]ITVLVM, которое привело бы насъ, напримѣръ, къ такому чтенію:

[Quoi] poneus titulum declarat pietatis alumnus ²⁾,

или, съ легкимъ измѣненіемъ перваго слова:

[Quem] ponens titulum declarat pietatis alumnus,

но то обстоятельство, что чтеніе разбираемой надписи provato Моммзеномъ, дѣлаетъ послѣднее предположеніе, а слѣдовательно и обѣ послѣднихъ редакціи третьяго стиха не особенно вѣроятными.

17. С. I. L. X п. 7257. Въ царствованіе Тиберія, по случаю блестящей побѣды, одержанной въ 20 году по Р. X. надъ нумидійскимъ вождемъ Такфарипатомъ, Апроній Цезіанъ посвятилъ свои доспѣхи и статую своего отца, проконсула Африки, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ легата, Венерѣ Эрикійской. Ей же онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ посвятилъ статую Тиберія. Каждое посвященіе сопровождалось соотвѣтствующимъ стихотвореніемъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, ни одного не сохранилось вполнѣ: отъ одного дошелъ только конецъ, у другаго не хватаетъ середины, а у третьяго и четвертаго нѣтъ концовъ. Одна часть подлинника сохранилась, а съ другой мы имѣемъ лишь копій, сдѣланныя въ 17 и 18 вѣкахъ. Ори-

¹⁾ Вѣтшиимъ новодомъ къ этой ошибкѣ, ближе всего, могла послужить, конечно, неразборчивость концента, съ котораго списывалъ рѣзчикъ. Притомъ же буквы CL и D и вообще не трудно смѣшать; ср. по этому поводу ниже (ночь п. 17) разборъ 4 стиха третьяго стихотворенія.

²⁾ По поводу выраженія *titulus pietatis* ср. Anthol. Lat. 1453, 1, цитованный выше.

гиналь найдены былъ въ Сициліи на горѣ Эрикѣ (вышѣ Monte S. Giuliano) и уцѣлѣвшая часть его принадлежитъ теперь графу Герцандецу, который доставлялъ тщательную копію Моммзену. Послѣдній, располагавшій также копією Бардта, издалъ всю надпись съ комментариемъ и дополненіями своими и Бухелера сначала въ *Ephemericis epigraphica* II стр. 266, 267, а затѣмъ съ небольшими измѣненіями перепечаталъ въ *Corpus* ѣ.

Въ уцѣлѣвшей части оригинала, являющейся небольшою мраморною доскою, читается:

V S	V II	V I R	E
R I	E R V C I N A E		
. S V L E	B E L L A	F E L I C E M	· G L A D I V M
. I V S	· H O S T I S	A P R O N I	· E F F I G I E M · I
		I I C	· I D E M · F V I T · I I C · I
		P R A E T E X T A E	P O S I T A L .
		S E P T E M V I R	· P V E R · H A N
		C A E S A R	· Q V A M D E D E R A
		L	A P R O N I O

Въ началѣ первой строки отъ V сохранялась только правая половина; въ началѣ слѣдующей строки у R пропала вертикальная черта. По поводу буквы, слѣдовавшей за EFFIGIEM по второму стихотворенію, Моммзенъ удостовѣряетъ, что это „non fuit M“.

Другая часть разбираемой надписи дошла до насъ лишь рукописнымъ путемъ въ нѣсколькихъ копіяхъ, слѣванныхъ, по всей вѣроятности, непосредственно съ камня. Двѣ копіи принадлежатъ Вальтеру (умершему въ 1625 г.), о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше ¹⁾; одна изъ нихъ была напечатана въ Палермо въ первомъ (оставшемся недоконченнымъ) изданіи надписей, собранныхъ Вальтеромъ, другая—во второмъ изданіи (Мессина 1624). Первое изданіе, и по собственному сужденію Вальтера (ср. Mommsen Corp. I. L. X p. 715 col. 2), гораздо неудовлетворительнѣе втораго, но кто знаетъ, какъ трудно списывать надписи съ камней, тотъ пойметъ относительную цѣнность для насъ и перваго изданія копій Вальтера въ виду утраты оригинала. Не мѣшаетъ притомъ принять къ свѣдѣнію и слова Моммзена, хотя они и не относятся специально къ разбираемой надписи: „neutra autem editione recte caremus, nam prior subinde ab

¹⁾ См. выше подъ п. 6 въ этой же главѣ нашихъ этюдовъ.

erroribus immunis est admissis in posteriore, posterior non pauca habet in illam non recepta" (Corp. I. L. X p. 715 col. 1).

Дѣѣ копіи имѣемъ мы и отъ Антоніа Кордичи (1586—1666), въ домѣ котораго гостилъ Вальтеръ: одна находится въ одномъ собственноручно писанномъ имъ въ срединѣ 17 вѣка экземплярѣ его сочиненія: *La istoria della citta di Monte Erice oggi detta Monte di S. Giuliano*, другая—въ другомъ экземплярѣ, писанномъ имъ же, но нѣсколько позже.

Наконецъ еще копію, сдѣланную, по видимому, Карломъ Вентимилей (ср. Mommsen Corp. X p. 747 col. 2), сохранилъ палермскій профессоръ Франческо Тардіа, дѣятельность котораго вообще относится къ срединѣ и второй половинѣ прошлаго столѣтія.

На основаніи всѣхъ этихъ копій Моммзенъ восстанавливаетъ пропавшій обломокъ надписи въ слѣдующемъ видѣ:

			DIVOR.....
			MVT.
			FILIVS · APRONI MAIC.....
			GAETVLAS GENTES · Q.....
		5	EFFIGIEM · CARL · GENITOR.....
			AENEADVM ALMA PAREN.....
			ARMAQVE · QVAE · GESSIT · SECVTO · C.....
			QVANTA PATET VIRTVS ENS.....
			CAEDIBVS ATTRITVS CONSUMMATQVE.....
		10	QVA · CECIDIT · POSVI · BARBAR.....
			QVO · NIHIL · EST · VTRIQVE MAGIS · VENER...
			HO · TIBI · SACRARVNT FILIVS ATQV
			CAESARIS · EFFIGIEM POSVIT · PE.....
			CERTAVIT · PIETAS · SV
M			
D			
	DVXQVE		
	LVCTOR		
5	SVMPTAE		
	OCARAT		
	ICVI		

Прежде чѣмъ приступить къ восстановленію надписи, мы должны критически оцѣнить достоинство сохранившихся вариантовъ.

Разбираемый обломокъ былъ найденъ въ 1616 году и вскорѣ попалъ въ домъ Кордичи, гдѣ и снялъ съ него копію Вальтеръ. Это обстоятельство и вообще болѣе или менѣе короткое знакомство Кордичи съ Вальтеромъ даетъ намъ право предположить, что Кордичи была извѣстна копія Вальтера, такъ что онъ собственно не *descripsit*, а *recognovit* надписи. *Recognitio* надписи, то-есть списываніе ея съ камня, при чемъ списывающій пользуется чьею либо копіей, которую, такъ сказать и провѣрять по оригиналу, въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою мевышнюю самостоятельность списывающаго, если только онъ не обладаетъ достаточною опытностью

и навыкомъ въ чтеніи надписей. Не осталась, по видимому, безъ вліянія на чтеніи Кордичи и вальтеровская копія, какъ это позволяютъ заключить слѣдующія мѣста: въ 4 строкѣ перваго столбца Вальтеръ и Кордичи (въ первой копіи) даютъ одинаково LVCTOR, тогда какъ во второй копіи Кордичи даетъ уже IVCTOR; въ слѣдующей строкѣ того же столбца Кордичи даетъ SVMPTAE ¹⁾, какъ и Вальтеръ во второмъ изданіи, тогда какъ, по видимому, ближе къ истиннѣ чтеніе Вентимилли ²⁾, о чемъ обстоятельнѣе скажемъ ниже; въ концѣ того же столбца вмѣсто ICVI первое изданіе Вальтера даетъ ICNT, при чемъ лѣвая вертикальная черта буквы N изображена съ дугой въ верхней своей части, какъ будто здѣсь была лигатура PN,—и Кордичи прочелъ на камнѣ ECHI; кромѣ того, быть можетъ, не случайно и то совпаденіе копій Вальтера и Кордичи, что какъ въ первомъ изданіи Вальтера ICNT, такъ и ECHI у Кордичи изображаются подѣ SVMPTAE, при чемъ шестую строкѣ (OCARAT) Вальтеръ пропускаетъ совсѣмъ, а Кордичи ставитъ на мѣсто седьмой; наконецъ можно еще принять къ свѣдѣнію, что въ 7 строкѣ втораго столбца послѣ SCVTO Кордичи, подобно Вальтеру, не прочелъ больше ничего.

Справедливость требуетъ однако сказать, что Кордичи, какъ „vir probus et diligens neque indoctus“ ³⁾, не слѣдовала рабски копій Вальтера, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ онъ сообщаетъ чтенія, уклоняющіяся отъ послѣдней, хотя и не вездѣ удачно. Такъ, во второй строкѣ перваго столбца онъ даетъ S вмѣсто D, въ четвертой строкѣ тамъ же позднѣйшая копія его даетъ IVCTOR ⁴⁾, въ шестой — OGARAT вмѣсто вальтеровскаго OCARAT, въ третьей строкѣ втораго столбца — MALO вмѣсто MAIO, въ четвертой — GAETVLAS вмѣсто вальтеровскаго CAETVLAS, въ пятой — GENITO вмѣсто вальтеровскаго GENITOR, въ шестой — PARENS вмѣсто вальтеровскаго PAREN, въ восьмой — IN вмѣсто вальтеровскаго ENS, въ девятой — ATTRIT.. CONSUMMATO вмѣсто ATTRITVS CONSVMATQ. какъ даетъ Вальтеръ въ первомъ изданіи, и ATTRITVS CONSVMATQVE — во второмъ, въ десятой строкѣ — .NI.. BARBA вмѣсто вальтеровскаго POSVI (во

¹⁾ Такъ читается собственно лишь во второй копіи Кордичи, а первая даетъ SVMPTAE, но послѣднее, по всей вѣроятности, описка.

²⁾ Такъ мы будемъ называть литора копій, сохраненной Тардіа.

³⁾ Такъ отзывался о немъ Моммзенъ (Corp. X p. 715 col. 2).

⁴⁾ Въ первой его копіи, какъ слѣдуетъ заключить ex silentio Моммзена, стоитъ LVCTOR согласно съ копіей Вальтера.

второмъ изданіи POSVIT) BARBAR, наконецъ, въ двѣнадцатой — ATQVE вмѣсто ATQV..., даннаго Вальтеромъ.

Обозрѣвая эти варианты, мы видимъ, что если въ нѣкихъ случаяхъ Кордичи явно и ошибался, то въ другихъ онъ прочелъ больше, чѣмъ Вальтеръ: именно PARENS въ шестой и ATQVE въ двѣнадцатой строкахъ втораго столбца. Моммзенъ въ своемъ воспроизведеніи надписи удерживаетъ чтенія Вальтера, быть можетъ, предполагая, что послѣднія буквы въ упомянутыхъ словахъ Кордичи просто дополнялъ самъ, но противъ такого, на первый взглядъ, весьма вѣроятнаго, предположенія говорить чтеніе Кордичи GENITO въ пятой строкѣ втораго столбца, гдѣ ничто не мѣшало бы ему сообщить намъ чтеніе GENITOR или даже GENITORIS, если бы онъ не былъ свободенъ отъ интерполяторскихъ замашекъ.

Еще болѣею самостоятельностью и тщательностью отличается копія Вентимильи. На тщательность ея указываютъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія мѣста: въ пятой строкѣ перваго столбца Вентимильи даетъ Р съ горизонтальною чертой ниже дуги, въ пятой строкѣ втораго столбца онъ показываетъ, что послѣ GENITO сохранилась нижняя половина R, въ седьмой отмѣчаетъ, что въ QVAE вертикальная черта у E продолжена за верхнюю горизонтальную ¹⁾; въ десятой строкѣ послѣ CECIDIT даетъ . . GNIT. Все это, конечно, мелочи, но мелочи характерныя, очевидно, свидѣтельствующія, что тщательность свою Вентимильи простираетъ даже до указанія особенныхъ формъ въ некоторыхъ буквахъ.

О Вальтерѣ, какъ эпиграфистѣ, ср. сужденіе Моммзена, приведенное нами выше въ этой же главѣ этюдовъ при разборѣ беневентской надписи C. I. L. IX n. 1764. Ближайшимъ разборомъ вариантовъ Вальтера и Вентимильи мы займемся ниже.

Изученіе вариантовъ, даваемыхъ всѣми этими тремя авторами, приводитъ насъ къ установленію слѣдующихъ принциповъ, которыми слѣдуетъ руководиться при воспроизведеніи надписи въ томъ видѣ, въ какомъ она была при открытіи ея въ 1616 году:

1. Все, что даетъ каждый авторъ лишняго противъ прочихъ (особенно въ концахъ строкъ), то было и на камнѣ ²⁾.
2. Согласное чтеніе двухъ авторовъ предпочтительнѣе уклоняющагося отъ нихъ чтенія третьяго автора.

¹⁾ Въ такой формѣ, не отличающейся отъ лигатуры EI, E встрѣчается и въ другихъ надписяхъ.

²⁾ Для примѣра ср. вышесказанное о чтеніяхъ PARENS и ATQVE у Кордичи.

По поводу второго принципа, отчасти напоминающаго положеніи Келлера и Гольдера о вариантахъ трехъ главныхъ разрядовъ рукописей Горация, слѣдуетъ замѣтить, что безусловное примѣненіе его будетъ вѣрно лишь относительно случаевъ согласія Вальтера и Вентимильи противъ Кордичи, и Вентимильи и Кордичи противъ Вальтера, но не всегда относительно согласія вариантовъ Вальтера и Кордичи противъ Вентимильи (именно вслѣдствіе вышеупомянутыхъ слѣдовъ зависимости копій Кордичи отъ копій Вальтера).

Кромѣ того, при воспроизведеніи надписи не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что всѣ вышеупомянутыя копіи принадлежатъ не одной и той же эпохѣ, и что копія Вентимильи сдѣлана была гораздо позже копій его предшественниковъ, когда камень уже успѣлъ болѣе или менѣе значительно пострадать отъ времени.

Вооружившись этимъ предварительнымъ критическимъ обзорѣніемъ источниковъ, мы можемъ теперь приступить и къ восстановленію надписи.

Уже Моммзенъ и Бухелеръ показали, что въ первомъ столбцѣ второго обломка находится конецъ вступительнаго посвященія (вырѣзаннаго крупными буквами) и концы стиховъ втораго стихотворенія.

Вступительныя строки посвященія Моммзенъ восстанавливаетъ въ *Corpus'f* слѣдующимъ образомъ:

[L. Apronius L. f. Caesian[us VII vir e]pulonum
[Veneri] Erucinae [d(ono)] d(edit).

Закупу второй строки (передъ *Veneri*) онъ въ первомъ изданіи этой надписи—въ *Ephemeris epigraphica*—заполнялъ словами: *de sua rescriptis*, но въ *Corpus'f*, какъ видимъ, самъ забраковалъ это дополненіе, и не безъ основанія. Естественнѣе всего тутъ дополнять, по нашему мнѣнію:

leg(atu)s proc(onsulis) pr(ovincia)e Afric(ae),

такъ какъ Цезіанъ именно и былъ легатомъ проконсула, своего отца.

Правда, возможность этого чтенія, по видимому, оспаривается Моммзеномъ, который говоритъ *Corp. p. 749 col. 2*: „*Legatum eum patri in Africam ivisse adhuc viri docti statuerunt; iam vero cum ex carmine intellegatur filium pugnae eius tempore pueritiam vix egressum neque ullo magistratu etiamtum functum equitis Romani loco fuisse, non legatum patrem comitatus est, sed aut tribunus militum legionis ivit aut comes tantummodo et contubernalis**, но ничто не мѣшаетъ

намъ предположить, что въ награду за побѣду надъ Такфариннатомъ Апривій Цезіанъ, бывшій до того времени легатомъ своего отца лишь *de facto*, получилъ отъ Таберіа или, вѣрнѣе, [отъ сената и оффиціальныи титулъ проконсульскаго легата, тѣмъ болѣе, что день битвы былъ днемъ его и совершеннолѣтія.

Первое стихотвореніе, отъ котораго остались только концы стиховъ, Бюхелеръ очень удачно дополняетъ такъ:

[A patre hic missus Libyae procon]sule bella
[prospera dum pugnat, cecidit Maurus]ius hostis.

почти буквально перелагая въ стихи слова Тацита *Ann.* 3, 21: *missu patris Apronius Caesianus cum equite et cohortibus auxiliariis, quis velocissimos legionum addiderat, prosperam adversum Numidas pugnam facit pellitque in desertum*. Только вмѣсто *cecidit* мы предпочли бы читать *fugit*, чтобы быть ближе какъ къ тацитовскому *pellit*, такъ и къ размѣрамъ лакуны второго стиха (соотвѣтственно лакунѣ перваго).

Secundo (carmine), замѣчаетъ Моммзенъ *Corp.* p. 749 col. 2, *dedicatur aut praetexta sacerdotalis, scilicet ea quam primam induerat Caesianus septemvir epulo a Ti. Caesare creatus, aut ipsa Apronii filii effigies praetexta illa induti*.

Это второе стихотвореніе Бюхелеръ восстанавливаетъ слѣдующимъ образомъ:

Felicem gladium [tibi qui patrisque dicavit]
Aproni effigiem, [uatus belli duce] duxque,
Hic idem fuit: hic [usto certamine victor]
praetextae posita[e] causa pariterque re[sumptae]
septemvir puer han[c] genitor quam rite re[fol]gurat,
Caesar quam dederat, vestem, tibi, sancta, reliq[ui]t.

Въ концѣ второго стиха первое изданіе Вальтера даетъ VDDVXQVE, во второмъ онъ даетъ ..DVXQVE и ex silentio Моммзена слѣдуетъ заключить, что послѣднее имѣется и у Кордичи съ Веситимилей. Нельзя не обратить вниманія на тотъ страннѣйшій фактъ, что ни одна копія не даетъ намъ окончанія перваго стиха, тогда какъ довольно размахисто написанное начало этого стиха: FELICEM GLADIUM, даетъ основаніе предположить, что и падеъ DVXQVE была строка, содержавшая конецъ перваго стиха. Съ нѣкоторою вѣроятностью и можно отнести на долю этой предидущей строки буквы VD, слившіяся у Вальтера съ концомъ второй строки скорѣе всего по перая-

борчивости оригинала ¹⁾, и уже ко времени сличенія надписи Кордичи успѣвнѣе стереться, какъ стерлись PE и SV въ концѣ послѣдняго стихотворенія. Въѣсто VD въ оригиналѣ, конечно, стояло VE.

Изъ третьяго стихотворенія, разборомъ котораго займемся ниже, видно, что кромѣ статуи отца и своего меча, Цезіанъ посвятилъ еще свой щитъ и копье. Слова *hic idem fuit*, по видимому, указываютъ ²⁾ на болѣе длинный рядъ перечисляемыхъ выше посвященныхъ богинѣ предметовъ, чѣмъ тотъ, который данъ въ дополненіи Бюхелера, и потому мы предлагаемъ читать:

Fellicem gladium [scutumque hastamque patrisq]u[e].
 Aproni effigiem [ponens natus duce] duxque
 hic idem fuit,

принималъ между прочимъ въ соображеніе и вышеупомянутое VD. Первый стихъ, впрочемъ, скорѣе всего слѣдуетъ представить въ такомъ видѣ:

Fellicem gladium [scutumque hastamq]u[e patrisque],

который яснѣе показываетъ, какимъ образомъ VE изъ перваго стиха могло у Вальтера попасть во второй. Въ такомъ случаѣ, очевидно, надо допустить, что слова *patrisque* пропали еще до списыванія надписи Вальтеромъ.

Въ концѣ третьяго стиха Вальтеръ и первая копія Кордичи даютъ LVCTOR, вторая копія послѣдняго — IVCTOR, и наконецъ Вентимилья читаетъ ICTOR. Если исходить изъ копіи Вальтера, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что онъ видѣлъ оригиналъ прежде другихъ, то-есть въ болѣе цѣломъ видѣ, то чтеніе его скорѣе всего приводитъ къ предположенію, что на камнѣ первоначально было вырѣзано DVCTOR, но верхняя часть дуги первой буквы стерлась, и потому въѣсто D Вальтеръ прочелъ L. Такому заключенію въ сущности не противорѣчатъ ни вторая копія Кордичи (который могъ совсѣмъ не различить па камнѣ и остатка дуги D), ни копія Вентимильи, ко времени котораго отъ V могла остаться только одна черта, принятая имъ за I.

Можно впрочемъ исходить изъ копіи Вальтера и въ другомъ направленіи: за L онъ принялъ стершееся E, принадлежащее концу предыдущаго слова, а VCTOR на камнѣ было вырѣзано рѣзчикомъ

¹⁾ Нужно принять къ свѣдѣнію замѣчаніе Моммзена о сохранившейся части оригинала: „litterae carinibus minutae sunt et male factae“.

²⁾ По крайней мѣрѣ, намъ такъ кажется.

по ошибкѣ вмѣсто VICTOR. Въ такомъ случаѣ относительно второй копій Кордиачи и чтеніи Вентимильи слѣдуетъ замѣтить почти то-же, что было нами сказано по отношенію этихъ копій къ слову DVCTOR.

Безопаснѣе однако положитьсь на копію тщательнаго Вентимильи и, исходя изъ нея, допустить, что имъ по неразборчивости и сѣротости надписи за L было принято небрежно написанное V, то-есть, принять, что въ оригиналѣ было VICTOR.

Далѣе, „huius carminis v. 4... inter se opponuntur praetextae duae puerilis posita et sacerdotalis sumpta“, говоритъ Моммзенъ I. I., но въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ стихъ дается Бюхелеромъ, изъ него непредубѣжденный читатель едва ли пойметъ, что дѣло идетъ о двухъ претекстахъ; напротивъ естественнѣе всего въ этомъ видѣ онъ даетъ понять, что „снята и равнымъ образомъ опять надѣта“ одна и та же одежда. Правда, не особенно трудно передѣлать дополненія, чтобы придать стиху желаемый Моммзеномъ и Бюхелеромъ смыслъ, напри-

praetextae posita[e pueri, sacrae ergo ¹⁾ re]sumptae

или

praetextae posita[e ergo aliae aliaeque re]sumptae ²⁾,

въ послѣднемъ случаѣ, конечно, съ званіемъ въ цезурѣ, но дѣло въ томъ, что чтеніе въ концѣ разбираемаго стиха SVMPTAE, которое дается вторымъ изданіемъ Вальтера и обѣими копіями Кордиачи и изъ котораго исходитъ Бюхелеръ, это чтеніе, говоря, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается болѣе или менѣе сомнительнымъ.

Въ первомъ изданіи Вальтеръ даетъ QVMAPTAE, при чемъ MA образуютъ лигатуру, и къ этому чтенію близко подходитъ копія Вентимильи, гдѣ стоитъ ORIAPTAE, гдѣ P изображается съ горизонтальной черточкой ниже дуги.

Въ дополненіе къ приведенной выше (подъ н. 6 въ этой же главѣ этюдовъ) характеристикѣ Вальтера, какъ эпиграфиста, не мѣшаетъ привести еще слова того же Моммзена, С. I. L. IX p. 139 col. 1: „Syllogae amplae et totius ex ipsiis lapidibus ductae utilitas eo imminuitur, quod Gualteri industriam et studium cum peritia non acquaverit, exempla eius longe

¹⁾ Ergo встрѣчается уже у Овидія, напримѣръ, *Heroid.* 5, 57 (но не *Trist.* 1, 18, 7, какъ ошибочно цитуетъ Гудеманъ въ словарѣ Кютца).

²⁾ Примѣры употребленія alius—alius въ смыслѣ alter—alter указываются въ словарѣ Георгеса v. v. alius II, 2 (изд. 7). По поводу форм родительнаго падежа aliae ср., напримѣръ, Лукреція 3, 930: aut aliae quoties desiderium insideat rei.

*inferiora sunt et Accursantis et Verusantis; passim enim aut de his quae recte legi possent desperavit aut pro vera lectione monstra posuit, quae nec intellegi possint nec tuto emendari*¹. Здѣсь, какъ можно заключить изъ сравненія его копій съ копией Вентимилья, Вальтеръ во второмъ изданіи тоже *monstrum posuit*, только *monstrum* въ другомъ смыслѣ.

Копія Вентимилья, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя частности, отмѣченные нами выше, отличается своею точностью и тщательностью; въ разбираемомъ мѣстѣ въ пользу ея тщательности говорить изображеніе буквы Р въ томъ видѣ, какъ она сохранилась на камнѣ. Само собою разумѣется, что инаго значенія, кромѣ констатированія тщательности копій Вентимилья, за этой чертой на Р и нельзя признавать; нельзя, напримѣръ, думать что рѣзчикъ надписи желалъ передать этой формой буквы слогъ PER, какъ этотъ слогъ сокращенно обозначается въ латинскихъ рукописяхъ. Естественнѣе всего заключить, что упомянутая черта произошла случайно, напримѣръ отъ того, что когда рѣзчикъ проводилъ горизонтальную черту на предыдущей буквѣ А, инструментъ его соскользнулъ, и черта прошла далѣе, чѣмъ слѣдовало.

Въ пользу чтенія Вентимилья говоритъ между прочимъ и несомнѣнное присутствіе А въ разбираемомъ мѣстѣ оригинала, на что указываетъ согласіе въ этомъ пунктѣ копій Вальтера (въ первомъ изданіи) и Вентимилья. Подобное же примѣненіе втораго принципа (см. выше) позволяетъ заключить, что въ началѣ разбираемаго мѣста стояло О скорѣе чѣмъ S. Копія Кордичи не имѣетъ права голоса потому, что этотъ авторъ въ данномъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, идетъ на буксирѣ у Вальтера.

Тамъ, гдѣ Вентимилья прочелъ I A, Вальтеръ (въ первомъ изданіи) даетъ лигатуру M A; разница между этими чтеніями состоитъ, очевидно, лишь въ отсутствіи у Вентимилья соединительной черты между I и A, и иной можетъ предположить, что, такъ какъ Вентимилья списывалъ надпись позже Вальтера, то упомянутая соединительная черта могла просто стереться на камнѣ отъ времени, и что потому слѣдуетъ отдать предпочтеніе копій Вальтера. Но противъ вальтеровской лигатуры говоритъ вообще отсутствіе лигатуръ въ надписи. Притомъ же вслѣдствіе неразборчивости надписи Вальтеръ могъ принять за упомянутую соединительную черту просто точку, отдѣлявшую O R I отъ A P T A E и совсѣмъ стершуюся ко времени Вентимилья.

Итакъ мы стоимъ за чтеніе Вентимиліи и потому въ восстановленіи разбираемой части стихотворенія значительно уклоняемся отъ бюхелеровской редакціи, а именно предлагаемъ читать:

hic i[ps]o illo tempore v[ic]tor
praetextae posita[e iuvenili non dec]ori aptae

или:

praetextae posita[e iuvenis non iam dec]ori aptae,

по поводу чего можно сопоставить *carm. de laude Pisonis* [Baehrens Poetae lat. minores vol. I] v. 248: quamvis nunc iuvenile decus mihi pingere malas Coeperit et nondum vicesima venerit aetas, и Вергилія *Aen.* 8, 160 tum mihi prima genas vestibat flore iuventa, а также Anthol. Lat. 1143, 12—14 и 1231, 4 (ed. Meyer.).

Затѣмъ не согласны мы съ бюхелеровскимъ восстановленіемъ и конца стихотворенія. Это несогласіе находится въ тѣсной органической связи съ только что предложеннымъ нашимъ восстановленіемъ 3 и 4 стиховъ.

По Бюхелеру и Моммзену, Апроній Цезіанъ посвящаетъ Венерѣ свое септемвирское одѣяніе, и Моммзенъ къ приведеннымъ выше словамъ присовокупляетъ l. l. „Conferri potest quod ait Valerius Maximus 3, 1, 1: „*Aemilius Lepidus puer etiamtum progressus in aciem hostem interemit, civem servavit, cuius.... operis index est in Capitolio statua bullata et incincta praetexta senatus consulto posita*“, item nummus eam statuam proponens addito titulo: *M. Lepidus an(norum) XV p(rogressus) h(ostem) o(ccidit) c(ivem) s(ervavit)*“. Но эта ссылка несколько не говоритъ въ пользу ихъ предположенія, будто Цезіанъ посвятилъ богинѣ именно свое септемвирское одѣяніе. Въ самомъ дѣлѣ, такое посвященіе въ сущности имѣло бы очень мало логической связи съ побѣдой, одержанной Цезіаномъ, даже если принять, что санъ септемвира онъ получилъ отъ Тиберія какъ награду именно за побѣду. Напротивъ, вполне логичнымъ является посвященіе богинѣ Цезіаномъ его отроческой претексты, въ которой онъ одержалъ побѣду въ тотъ самый день, когда ему предстояло впервые одѣться въ toga virilis. Въ пользу такого предположенія, очевидно, говорятъ и цитаты, сдѣланныя Моммзеномъ, и къ тому же приводитъ наше восстановленіе предшествующаго мѣста стихотворенія.

Прежде чѣмъ сообщить предлагаемое нами восстановленіе послѣднихъ двухъ стиховъ, считаемъ необходимымъ остановиться на вариантахъ копій.

Въ первомъ изданіи Вальтера послѣ QVMPTAE дается ICNT¹⁾, то-есть, очевидно, седьмая строка отрывка, въ которой онъ послѣ прочелъ ICVI, что и помѣстилъ во второмъ изданіи. Что же касается OCLPAT, то это слово въ первомъ изданіи у Вальтера совсѣмъ пропущено и находится лишь во второмъ. Копія Кордичи представляетъ любопытное совпаденіе съ первымъ изданіемъ Вальтера: послѣ SVMPTAE у него слѣдуетъ ECHI и лишь затѣмъ стоитъ OGARAT. Наконецъ Вентимилья даетъ лишь OGAD AT послѣ ORIAPTAЕ, то-есть какъ и Вальтеръ во второмъ изданіи.

Упомянутыя данныя заставляютъ насъ предположить, что и въ разбираемомъ мѣстѣ Кордичи слишкомъ находился подъ вліяніемъ копій Вальтера, а потому его копія до известной степени утрачиваетъ самостоятельное значеніе. Изъ согласія Вентимильи съ Вальтеромъ (во второмъ изданіи) слѣдуетъ заключить, что расстановка словъ въ концѣ перваго отрывка у Кордичи ошибочна. Съ другой стороны согласіе Вентимильи съ Кордичи дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ шестой строкѣ отрывка Вальтеръ невѣрно прочелъ C вмѣсто G, то-есть, что въ началѣ этой строки было OGA. Не подлежатъ также сомнѣнію, что въ концѣ этой строки было AT, но, что было между этими OGA и AT, несомнѣнно опредѣлить довольно трудно. Съ одной стороны согласіе Вальтера съ Кордичи (который, какъ показываетъ его чтеніе G вмѣсто Вальтеровскаго C, ядѣсь оказывается болѣе самостоятельнымъ) рекомендуетъ принять въ разбираемомъ промежуткѣ лишь R, съ другой — копія Вентимильи, дающая OGAD . AT, заставляетъ предположить большіе разрывы лакуны. Впрочемъ принимая въ соображеніе относительную самостоятельность Кордичи въ данномъ мѣстѣ и вообще неустойчивость и, такъ сказать, растяжимость значенія многоточій въ старинныхъ копіяхъ надписей, можно до известной степени примирить разногласія копій, допуская, что точками передъ AT въ копіи Вентимильи обозначается намѣренный пропускъ рѣзчикомъ известнаго пространства камня, напримѣръ, вслѣдствіе шероховатости или какихъ либо иныхъ недостатковъ послѣдняго (ср. конецъ разбора С. I. L. V п. 5961: выше п 4). Стершееся отъ времени R Вентимилья тоже легко могъ принять за I) при общей неразборчивости надписи.

Во всякомъ случаѣ однако слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что

¹⁾ О формѣ буквы II см. выше.

на подобномъ примиреніи копій настанавать особенно нельзя, хотя бы въ виду не подлежащей сомнѣнію тщательности копій Вентимилья. А потому, если теперь мы и пользуемся Кордичи-Вальтеровскимъ O G A R A T, то это собственно лишь потому, что не придумали средства утилизовать вентимильевское O G A D A T.

Не менѣе трудно установить чтеніе конца и послѣдняго стиха, такъ какъ этотъ конецъ, по всей вѣроятности, совсѣмъ стерся ко времени списыванія надписи Вентимильей, почему въ копіи послѣдняго этой строки нѣтъ вовсе, и такимъ образомъ мы лишены цѣннаго средства для провѣрки чтеній Вальтера и Кордичи.

Принимая во вниманіе результатъ изслѣдованія нашего о вариантахъ конца четвертаго стиха, гдѣ чтеніе, данное первымъ изданіемъ Вальтера, оказалось болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ вторая его копія, мы не можемъ и въ данномъ мѣстѣ безусловно отвергнуть перваго изданія, хотя оно даетъ явно бессмысленное чтеніе, и примкнуть ко второму, тѣмъ болѣе, что Кордичи, который съ этого мѣста начинается, по видимому, былъ болѣе самостоятельнымъ въ списываніи или, вѣрнѣе, въ сличеніи надписи, даетъ почти то же, что и Вальтеръ въ первомъ изданіи.

Можно впрочемъ не сомнѣваться, что первыми буквами были IC, какъ даетъ Вальтеръ въ обоихъ изданіяхъ ¹⁾. Что же касается слѣдующей буквы, которую Вальтеръ въ первомъ изданіи и Кордичи приняли за H ²⁾, то, если отрицать употребленіе въ разбираемой надписи лигатуръ, въ ней намъ кажется естественнѣе всего видѣть A. Если же — что весьма возможно — допустить, что рѣзчикъ кой-гдѣ употреблялъ и лигатуры ³⁾, то, комбинируя давнія относительно

¹⁾ Варианту Кордичи E вмѣсто I нельзя придавать особеннаго значенія, если припомнимъ, что эти буквы вообще очень часто смѣшиваются даже и опытыми эпиграфистами. Припомнимъ также, что тотъ же Кордичи въ 3 строкѣ слѣдующаго отрывка прочелъ MAIO вмѣсто MAIO.

²⁾ О формѣ этого H у Вальтера см. выше.

³⁾ Отрицать существованіе лигатуръ въ оригиналѣ разбираемой надписи можно, собственно говоря, лишь на томъ основаніи, что въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ послѣдней мы не видимъ ни одной лигатуры. Но такое основаніе, очевидно, само является слишкомъ шаткимъ, особенно если припомнимъ, что въ иныхъ довольно большихъ по размѣру надписяхъ — какъ напримѣръ, въ вышеприведенной эпиграфій Помпонія Бассула (ш. 6) — встрѣчается всего по двѣ, по три лигатуры. Въ данномъ же мѣстѣ, независимо отъ чертъ оригинала, сохранныхъ копіями Вальтера и Кордичи и, какъ мы покажемъ ниже, почти несомнѣнно приводящихъ къ предположенію лигатуры AV, допустить существованіе лигатуры весьма

формы разбираемой буквы (или буквъ), сообщаемыя обѣими копіями Вальтера и копіей Кордичи, безъ сомнѣнія, проще и естественнѣе всего признать, что въ изслѣдуемомъ мѣстѣ мы имѣемъ лигатуру AV: горизонтальная черта, указываемая первою копіей Вальтера и копіей Кордичи, свидѣтельствуетъ о существованіи A; то обстоятельство, что она, какъ можно судить объ этомъ на основаніи тѣхъ же самыхъ копій, была продолжена въ оригиналѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, такъ какъ переходила и на V, связанное съ A въ одну лигатуру, весьма удовлетворительно объясняется точно такою же случайностью, какъ и горизонтальная черточка, отмѣченная подъ другою буквою P въ словѣ ARTAE ¹⁾. Отъ правой наклонной черты A, служащей въ то же время (въ принимаемой нами лигатурѣ AV) лѣвою чертой для V, Вальтеръ при первомъ списываніи надписи, очевидно, различилъ только верхнюю часть: отсюда и объясняется та маленькая дуга, которою онъ снабжаетъ верхъ лѣвой вертикальной черты буквы H въ своей первой копіи; при второмъ изслѣдованіи оригинала онъ, судя по его второй копіи, различилъ упомянутую общую черту буквъ A и V вполне, но зато упустилъ изъ виду лѣвую половину лигатуры. Кордичи, давая въ своей копіи въ разбираемомъ мѣстѣ H, по всей вѣроятности, пахотился подъ влияніемъ первой копіи Вальтера, но и его копія имѣетъ для насъ значеніе, такъ какъ, подтверждая первое чтеніе Вальтера, она тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о возможности признать здѣсь существованіе лигатуры AV. Последнею буквою могло быть, конечно, и I, какъ даютъ Кордичи и Вальтеръ (во второмъ изданіи), но можно, какъ увидимъ ниже, думать и о лигатурѣ IT, отъ которой осталась только одна черта. конечно, если допустить, что предшествующіи двѣ буквы образовывали лигатуру; въ противномъ случаѣ, надо или применить къ чтенію Бухелера *reliquit*, оставляя I безъ извѣщенія, или же, если хотимъ оставить болѣе подходящее въ данномъ мѣстѣ *dicavit*, предположить ошибку рѣзачка (см. ниже).

Прося не упускать изъ виду того, что нами было сказано выше по поводу чтенія Вентимильи OGAD AT, мы предлагаемъ слѣдующее восстановленіе конца разбираемаго стихотворенія:

возможно между прочимъ и потому, что слогомъ, о которомъ идетъ рѣчь, заканчивалась строка надписи. Кроме того слѣдуетъ упомянуть, что, какъ увидимъ ниже, и въ началѣ втораго стиха третьяго стихотворенія можно съ большою вѣроятностью допустить существованіе лигатуры VA на основаніи чтенія, сохрѣненного копіей Вентимильи.

¹⁾ См. выше разборъ конца четвертой строки того же стихотворенія.

Septemvir, puer han[c vestem, in qua te ipse ¹⁾ r]ogarat.

Caesar quam dederat sumens, tibi, diva, d[ic]a[vi]t.

то-есть, tibi, diva, septemvir sumens (praetextam sacerdotalem) quam Caesar dederat, dicavit hanc vestem (то-есть, praetextam puerilem), in qua ille te puer rogarat. По поводу такого абсолютнаго употребленія *rogare* не мѣшаетъ сравнить Anthol. Lat. 1420, 7 M.: quos non ille prius, qua non ego voce rogavi ²⁾ Infelix superos! nec valere preces. Обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ *vocare* или *invocare*, и, опираясь на копию Вальтера, который даетъ OCARAT, можно, собственно говоря, и въ нашемъ мѣстѣ читать [v]ocarat, тѣмъ болѣе, что буквы C и G очень легко смѣшиваются въ надписяхъ, такъ что, слѣдовательно, и Вентимилья съ Кордичи могли принять C за G, но во всякомъ случаѣ гораздо методичнѣе держаться чтенія, даваемого послѣдними, въ особенности если принять во вниманіе аналогію только цитованнаго выраженія изъ Anthol. Lat. 1429, 7, тщательность копій Вентимильи и вообще болѣшую возможность принять G за C ³⁾, чѣмъ наоборотъ.

Мотивы передѣлки бухелеровскихъ дополненій мы высказали раньше. Тутъ остается добавить, что бухелеровское *sancta* мы замѣнили другимъ эпитетомъ ради аллитераціи: *diva dicavit*; ср. напримѣръ, Anthol. Lat. 1315, 41 M.: in templa ductis ac famulam divis dicas.

Если же, чего также не слѣдуетъ упускать изъ виду, ковецъ второй копій Вальтера вѣрнѣе первой передаетъ оригиналъ, и если такимъ образомъ послѣдними буквами дѣйствительно были VI, то нельзя не признать, что бухелеровское чтеніе послѣдняго слова стихотворенія ближе, чѣмъ наше, къ оригиналу.

¹⁾ Или *ille*.

²⁾ Совершенно лишняя конъектура Бурманна (Anthol. IV 330) *vocavi*, кото- рому онъ хочетъ замѣнить это *rogavi*. *Voce rogare* нерѣдко употребляется какъ въ надписяхъ (напр. C. I. L. 3564 nec iussu[s] [testamento] n[ec] voce rogatus или ib. 5273 nec iussa testamento neque voce rogata, Sed pia pro meritis sponte sua posuit), такъ и въ художественной поэзіи, напримѣръ, у Овидія *Met.* 5, 223 *Heroid.* 11, 86, ср. еще *Met.* 2, 386, 6, 93, 7, 90. *Art. am.* 2, 302 и т. д.

³⁾ Такъ напримѣръ и ниже — въ началѣ 4 стиха третьяго стихотворенія — тотъ же Вальтеръ прочелъ CAETVLAS вмѣсто GAETVLAS, засиদ্ধательствованнаго согласіемъ копій Вентимильи и Кордичи. По поводу чтенія Вентимильи CESSIT вмѣсто GESSIT въ 7 стихѣ того стихотворенія ср. нашу замѣтку въ со- отвѣствующемъ мѣстѣ ниже: чтеніе это весьма естественно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени списыванія надписи Вентимильей послѣдніи уже усиѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постерѣться.

Тѣмъ не менѣе и при вышеупомянутомъ условіи вовсе не исключается возможность нашего чтенія, тѣмъ болѣе, что обычное употребленіе скорѣе рекомендуетъ для этого мѣста *dicare*, тѣмъ *coliqueere*. Именно можно читать [d]ic(a)vi[t]. то-есть, предположить, что рѣзчикъ по ошибкѣ пропустилъ А передъ V ¹⁾).

Третье стихотвореніе, которымъ Апровій Цезіанъ сопровождается посвященіе Венерѣ своего оружія и статуи отца. Бюхслеръ дополняетъ слѣдующимъ образомъ:

- Divor[um
mut[ua
filius Aproni malo[r quam nomine factis]
Gactulas gentes q[uod dedit ipse fugae,]
5. effigiem cari genitor[is, diva, locavit],
Aeneadum alma paren[s, praemia iusta, tibi]
armaque quae gessit: scuto [per vulnera fracto]
quanta patet virtus! ens[is ab hoste rubet]
caedibus attritus, consummatque [hasta tropaeum],
10. qua cecidit [f]os[s]u[s] barbar[us ora ferus].

Въ началѣ перваго стиха Вентимилъ даетъ D I V O M, и мы въ виду тщательности копій послѣдняго отдаемъ преимущество именно этому чтенію передъ D I V O R Вальтера и Кордичи, тѣмъ болѣе, что во первыхъ, явное подражаніе Лукрецію тоже говорятъ скорѣе къ пользу формы *divom*: по вторыхъ, что поэтами всѣхъ эпохъ несравненно чаще употребляется именно эта форма, и въ литературѣ *divorum* впервые появляется лишь у Ювенала 6,115 (ср. Georges, *Lexikon der lateinischen Wortformen*, Leipzig 1890, s. v.).

Начало 6 стиха указываетъ на явное подражаніе началу поэмы Лукреція 1,1: Aeneadum genetrix, hominum divomque voluptas, Alma Venus. Подобное подражаніе можно, очевидно, предположить и для перваго стиха, который мы дополняемъ такъ:

Divom [summa Erycis regina hominumque voluptas],

гдѣ эпитетъ *summa* можно относить къ какой-либо изъ *regina*, такъ и къ *voluptas*. Или можно явче переставить слова, читая напр.:

Divom [summa hominumque, Erycis regina, voluptas].

Вмѣсто *summa* можно поставить, напримѣръ, и *magna*, что въ такомъ

¹⁾ Ср. ниже разборъ начала 2 стиха слѣдующаго стихотворенія.

случаѣ удобнѣе соединять не съ *voluptas*, а съ *regina*. Но вообще первая редакція, по видимому, является наиболѣе удовлетворительною.

Въ началѣ втораго стиха копія Вентимилы даетъ M V T A, тогда какъ Вальтеръ и Кордичи прочли только M V T. На основаніи перваго принципа (см. выше) мы принимаемъ, что A было и въ оригиналѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить Вентимилу въ интерполированіи. Вопросъ только въ томъ, какъ воспользоваться этимъ M V T A. Если допустить существованіе лигатуръ въ оригиналѣ надписи, что мы выше нашли весьма вѣроятнымъ, то естественнѣе всего, конечно, предположить, что и въ данномъ мѣстѣ послѣ M V T была лигатура VA, отъ которой ко времени Вентимилы на камнѣ осталось лишь A за исчезновеніемъ лѣвой половины буквы V, такъ какъ правая половина этой буквы въ лигатурѣ, очевидно, совпадала съ лѣвой наклонной чертой A. Но, если, паче чаянія, лигатуръ рѣзчикъ не употреблялъ, то отъ приведеннаго способа воспользоваться чтеніемъ Вентимилы придется поневолѣ отказаться.

Если хотимъ непремѣнно удержать бюхелеровское дополненіе *mutina*, то можно предложить, напримѣръ, такое изстановленіе втораго стиха:

mut(u)a [dona plus fert tibi victor ovans],

причемъ необходимо допустить ошибку рѣзчика, состоящую въ пропускѣ и.

Можно однако и избавить рѣзчика отъ обвиненія въ такой ошибкѣ и, беря чтеніе Вентимилы въ томъ самомъ видѣ, какъ оно есть, дополнять разбираемый стихъ примѣрно слѣдующимъ образомъ:

muta[ns dona tuis fert tibi victor ovans]:

„ликующій побѣдитель въ замиравъ полученныхъ отъ тебя, богиня, приноситъ тебѣ свои дары“. По поводу употребленія *mutare* въ смыслѣ *permutare*, ср. напримѣръ, Vergil. *eclog.* 4,38 nec nautica pinus Mutabit merces, Horat. *sat.* 1, 4, 29 hic mutat merces surgente a sole ad eum, quo Vespertina tepet regio, *ib.* 2, 7, 109 sub noctem qui puer uvam Furtiva mutat strigili, Sallust. *lug.* 44, 5 pecoris et mancipiorum praedas certantes agere eaque mutare cum mercatoribus vino advecticio et aliis talibus, и т. д.

Вообще однако проще и естественнѣе всего читать

Mut[u]a [dona plus fert tibi victor ovans],

допуская существованіе лигатуръ въ оригиналѣ надписи.

Отд. рукописн. факел.

По поводу заключительныхъ словъ въ обоихъ дополненіяхъ ср. Вергилія *Aen.* 5, 332 *hic iuvenis iam victor ovans* и пр.; *Anthol. Lat.* 931, 8 (ed. Meyer.): *cum victi spoliis victor amicus ovat.*

Подвигаясь далѣе, мы должны сказать, что намъ кажется не совсемъ удачнымъ буюхеровское дополнение и четвертаго стиха, такъ какъ ожидалась бы иная мотивировка посвященія Цезіаномъ своихъ доспѣховъ и статуи отца Венера: очевидно, онъ дѣлаетъ посвященіе не потому, что „самъ обратился въ бѣгство гетульскія племена“, но въ благодарность за то, что именно богиня даровала ему побѣду.

Мы дополняемъ:

*Fillus Aproni malo[r, modo, sancta, dedisti]
Gaetulas gentes q[uoi superare feras].*

О вариантѣ *MA L O*, который дается копіей Кордичи и опровергается копіями Вентимильи и Вальтера, согласно дающими *MA IO*, мы уже говорили выше.

Въ слѣдующемъ стихѣ Вальтеръ прочелъ *CA E T V L A S*, но согласіе копій Вентимильи и Кордичи свидѣтельствуетъ, что на камнѣ было *GA E T V L A S*. Далѣе Вентимилья даетъ *GENTIS Q*, Вальтеръ во второмъ изданіи (и Кордичи, какъ слѣдуетъ заключить ex silentio Моммзена) *GENTES Q* и Вальтеръ въ первомъ изданіи — *GENTES CL*. Съ одной стороны, принимая въ расчетъ тщательность копій Вентимильи, можно допустить, что ошиблись Вальтеръ и Кордичи, принявъ *I* за *E*, какъ это сдѣлалъ Кордичи въ концѣ восьмага стиха (см. выше), — и что потому надо читать въѣстъ съ Вентимильей — *gentis*. Но съ другой — весьма естественно допустить и то, что ко времени Вентимильи въ этомъ мѣстѣ *E* стерлось настолько, что осталась лишь вертикальная черта, которую онъ и принявъ за *I*. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ между прочимъ и согласіе обѣихъ копій Вальтера ¹⁾, а также чтеніе Вентимильи *CESSIT* въ седьмомъ стихѣ, гдѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію правильность чтенія Вальтера и Кордичи — *GESSIT*.

Нельзя наконецъ не удѣлить нѣсколько вниманія и разнотченію *CL*, предлагаемому первою копіею Вальтера. Правда, согласіе всѣхъ остальныхъ копій, дающихъ *Q*, дѣлаетъ наиболѣе вѣроятнымъ именно это послѣднее чтеніе, но если вспомнить, какъ легко, особенно на полустершемся камнѣ, принять *CL* за *Q* (ср. напримѣръ, *Archaeolog.-*

¹⁾ Придавать въ данномъ случаѣ значеніе согласію копій Вальтера и Кордичи можно лишь условно.

epigr. Mittheil. aus Oesterr.-Ungarn XIII, 1890, p. 36 sq. n. 15). если вспомнить, что чтенія второй копіи Вальтера, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, не всегда вѣриѣ чтеній первой; что Кордичи и въ этомъ мѣстѣ могъ слишкомъ находиться подъ вліяніемъ послѣдней копіи Вальтера; что наковецъ и Вентимилья по ошибкѣ могъ принять полустершіяся къ его времени буквы C L за Q (вѣдь нельзя же и Вентимилью считать непогрѣшимымъ!), — если взвѣсить всѣ эти возможности, то окажется, что нельзя слишкомъ поспѣшно выбрасывать этотъ вариантъ за бортъ и что надо считаться съ почти равноправностью его съ вариантомъ Q.

Въ случаѣ принятія C L для оригинала, мы предложили бы такое дополненіе 3 и 4 стиховъ:

Filius Aproni malo[r, quol, sancta, dedisti]
Gaetulas gentes cl[adibus obruere],

сопоставляя напримѣръ, Ливіи 22, 54, 10 nulla profecto alia gens tanta mole cladis non obruta esset, Сенека. *Med.* 207 quamvis enim sim clade miseranda obruta, *Herc. fur.* 1188 numquid infestum Lyci Pereuntis agmen clade nos tanta obruit? ¹⁾).

Передѣлка дополненій двухъ только что разобранныхъ стиховъ влечетъ за собою необходимость видоизмѣнить бюхелеровскія дополненія и въ слѣдующей парѣ стиховъ, хотя сами по себѣ эти дополненія весьма удовлетворительны. Дѣло въ томъ, что, если оставить ихъ безъ измѣненія, то напримѣръ, *diva* въ 5 стихѣ, въ виду *sancta* въ третьемъ, сильно смахивало бы на затychку стиха ²⁾). Поэтому 5 и 6 стихи читаемъ такъ:

effigiem cari genitor[is nunc tibi rite],
Aeneadum alma parens, [praemia iusta dicat].

Читаемъ *parens*, слѣдуя копіи Кордичи, который, прочтя надпись, очевидно, внимательнѣе, чѣмъ Вальтеръ (дающій только P A R E N), нашелъ на камнѣ и S. Вентимилья даетъ тоже P A R E N, изъ чего слѣдуетъ заключить, что къ его времени S совсѣмъ стерлось. По поводу чтенія его же A E N I A D V M можно повторить то же, что мы замѣтили выше по поводу G E N T I S (въ 4 стихѣ).

¹⁾ Сенеку цитируемъ по изданію Пейпера и Рихтера.

²⁾ Впрочемъ, собственно говоря, и при бюхелеровской редакціи 3 и 4 стиховъ это же *diva* отчасти отымается затychкой въ виду сейчасъ же слѣдующаго *Aeneadum alma parens*.

Въ слѣдующемъ (седьмомъ) стихѣ Бухелеровское дополнение *scuto [per vulnera fracto]*, съ которымъ онъ сопоставляетъ Овид. *ex Pont.* 4, 7, 38 *parsque fere scuti vulnere nulla vasat*, расходится съ преданіемъ, такъ какъ послѣ SCVTO было не Р, а С, сохраненное лишь копіей Вентимильи.

Мы дополняемъ:

scuto c[ae]so prope toto].

Возстановленіе слѣдующей пары стиховъ ¹⁾, принадлежащее Бухелеру, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но дополненія десятого стиха сильно хромаютъ, что отчасти сознается и самими издателями.

„In POSVI quid insit, говорятъ Моммзенъ, Corp. p. 749 col. 2, satis adsequi non potuimus. Potuit hoc loco nominari dux Numidarum ab Apronio interfectus et in tabula scripta litteris pravis vocabulum aliquod Numidicum, ut est *Bocut* (sic enim Bogudis regis nomen nummi enuntiant), а Gualtero cum eo quod dedit confundi. Sed religioni fuit coniecturam tam incertam rerum memoriae inferre itaque id posuimus, quod ut fortasse non magis verum est, certe nocere non potest“.

Эти слова представляютъ простую перепечатку соответствующаго мѣста изъ комментарія, сопровождавшаго первое изданіе надписи (Ephem. epigr. II p. 269), когда были извѣстны только концы Вальтера. Копіямъ Вентимильи и Кордичи Моммзенъ и Бухелеръ, по видимому, придаютъ очень мало значенія, такъ какъ этими копіями они почти вовсе не воспользовались при второмъ изданіи. Между тѣмъ именно въ этомъ мѣстѣ варианты Вентимильи и Кордичи и оказываются чрезвычайно полезными.

Мы начали заниматься разборомъ этой надписи, пользуясь только первымъ изданіемъ ея, такъ какъ совершенно упустили тогда изъ виду второе,—и уже тогда предположили, что въ вальтеровскомъ POSVI или POSVIT (такъ онъ дается во второмъ изданіи) скрывается PO-ENI. Познакомившись затѣмъ съ копіями Вентимильи и Кордичи, мы считаемъ это чтеніе не подлежащимъ никакому сомнѣнію.

¹⁾ Отмѣтимъ варианты: въ 8 стихѣ Вентимилья уже не засталъ на камнѣ S въ концѣ, а Кордичи прочелъ IN, принимая E за I. Въ 9 стихѣ первое изданіе Вальтера даетъ ATTRITVS CONSVMATQ (второе M и VE въ концѣ онъ различилъ лишь послѣ), Кордичи ATTRIT CONSVMMATO, Вентимилья ATTRITVS CONSVMMAT.

Дѣйствительно, въ разбираемомъ стихѣ послѣ CECIDIT Кордичи даетъ ..NI..BARBA, а Вентимилья...GNIT¹⁾). Комбинируя эти варианты, мы можемъ предположить, что на камнѣ было первоначально вырѣзано POENIT, при чемъ послѣднее T было по ошибкѣ прибавлено (самымъ ли рѣзчикомъ или авторомъ концента, съ котораго рѣзчикъ писалъ надпись, вопросъ открытый) подѣ влияніемъ предыдущаго CECIDIT. Дѣлая такое предположеніе, мы исходимъ главнымъ образомъ изъ того обстоятельства, что въ копіи Кордичи между NI и BARBA отмѣчена лакуна; кромѣ того это же предположеніе, по видимому, подтверждается и вальтеровской копіей, дающей, какъ мы уже указали выше, во второмъ изданіи POSVIT, а также копіей Вентимилья. Но такъ какъ съ одной стороны Вальтеръ²⁾ очень легко могъ принять N за VI и I за T, какъ онъ уже принималъ E за S, а съ другой стороны нельзя особенно полагаться на обозначенія лакупъ, даваемыхъ старинными копіями надписей³⁾, то безъ особеннаго труда можно и избавить рѣзчика или автора концента надписи отъ обвиненія въ lapsus calami, а именно предполагая, что Вентимилья, ко времени котораго надпись успѣла уже порядочно пострадать, такъ что отъ BARBAR осталась только первая буква и та въ полустертomъ видѣ, принялъ это полустертое B за T, что могло бы случиться и съ болѣе опытнымъ эпиграфистомъ. Можно думать, что уже ко времени Вальтера дѣлѣ нижнихъ горизонтальныхъ черты буквы E или совсѣмъ стерлись, или были слишкомъ мало замѣтны, такъ что онъ различилъ только Г и принялъ это за S (ср. послѣднюю строку авейской надписи C. I. L. IX n. 3623, разбираемой въ I главѣ Этюдовъ подѣ п. 12).

Противъ бюхелеровскихъ дополненій разбираемаго стиха говорить между прочимъ и несправедливое *околоотъавтов*:

qua cecidit fossus barbarus ora ferus.

Мы читаемъ этотъ стихъ такъ:

qua cecidit Po[e]ui barbar[*a densa manus*].

¹⁾ Последнее слово BARBAR къ его времени, очевидно, совсѣмъ стерлось.

²⁾ См. его вторую копію.

³⁾ Читатель, конечно, помнитъ, что мы слегка затронули этотъ вопросъ при разборѣ C. I. L. II n. 1094 (см. выше въ этой же главѣ Этюдовъ, п. 2). Въ данномъ случаѣ весьма вѣроятно, что Кордичи при списываніи надписи не разобралъ, что между NI и BARBA... стоитъ точка посрединѣ строки, принявъ ее за остатокъ какой нибудь буквы и безъ дальнѣйшихъ разсужденій обозначилъ лакуну между упомянутыми словами и, находясь къ тому же, быть можетъ, и подѣ влияніемъ копіи Вальтера.

Poenus тутъ употребляется, очевидно, не въ собственномъ смыслѣ („пунецъ, карфагенецъ“), но въ переносномъ, болѣе общемъ („африканецъ“), какъ и [*Maurus*]us въ первомъ стихотвореніи. Ср. *Vergil. eccl. 5, 27* *Daphni, tuum Poenos etiam ingemuisse leones Interitum montesque feri silvaeque loquuntur* (съ примѣчаніемъ Гейне и Вагнера къ этому мѣсту), и *Cir. 135 ille etiam Poenos domitare leones Et rabdae novit vires mansuescere tigris*.

Наконецъ, четвертое стихотвореніе относилось къ посвященію богинѣ статуи Тиберія.

Quo nihil est utrique magis vener[abile signum,]
hoc tibi sacrarunt filius atqu[e pater:]
Caesaris effigiem posuit p[ar] cura duorum:]
certavit pietas, summa in utroque fuit].

Такъ восстанавливаетъ это стихотвореніе Вухелеръ, и нельзя не назвать его дополненій вообще безукоризненными; только въ третьемъ стихѣ онъ позволялъ себѣ сдѣлать нѣкоторое насиліе надъ преданіемъ: именно послѣ POSUIT было РЕ... по свидѣтельству Вальтера (см. ниже).

Мы предложили бы такое дополненіе:

Caesaris effigiem posuit p[er]missam hic ab ipso].

Упомянутое въ посвященіи, что постановка статуи императора разрѣшена послѣднимъ, во всякомъ случаѣ было не лишнимъ въ царствованіе Тиберія, особенно при полуоффиціальномъ характерѣ посвященія; ср. Светонія *Tiber. 26: templa flamines sacerdotes decerni sibi prohibuit, etiam statuas ac imagines nisi permittente se possit, permisitque ea sola conditione, ne inter simulacra deorum, sed inter ornamenta aedium ponerentur*¹⁾. Испрашивалъ разрѣшеніе, ко-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что и при послѣдующихъ императорахъ было въ обычаѣ—по крайней мѣрѣ, въ Италіи—испрашивать въ подобныхъ случаяхъ спеціальныя разрѣшенія, какъ это можно заключать изъ письма Плинія Младшаго къ Траяну, гдѣ Плиній, упоминая о своемъ желаніи выстроить храмъ для постановки въ немъ принадлежащихъ ему статуй разныхъ императоровъ, говоритъ, что еще при жизни Нервы получилъ разрѣшеніе поставить тамъ и статуи послѣднихъ, и просить подобнаго же разрѣшенія у Траяна: *rogo ergo ante omnia permittas mihi opus quod inchoaturus sum exornare et tua statua (epist. 5, 8, 4)*. Отвѣтъ Траяна, дающаго разрѣшеніе: *statuam poni mihi a te eo quo desideras loco, quamquam eiusmodi honorum paucissimus, tamen p[ar]tior, ne impedisse cursum erga me pietatis tuae videar (epist. 5, 9)*,—интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ заключить объ одинаковости принциповъ внутренней по-

нечно, самъ проконсулъ Л. Апроній (*hic*, то-есть *pater*, см. 3 и 2 стиха), который и *поставилъ*, то-есть соорудилъ на свой счетъ статую императора, а *посетилъ* овъ ее вмѣстѣ съ сыномъ, что также вполне естественно¹⁾.

Изъ вариантовъ, представляемыхъ копіями Кордичи и Вентимильи, можно отмѣтить только чтеніе Кордичи ATQVE, которое, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, и слѣдуетъ принять полностью вмѣсто ATQV, даваемого Вальтеромъ. Прочіе варианты свидѣлствуютъ лишь о постепенномъ исчезновеніи иѣкоторыхъ буквъ и словъ особенно въ концахъ строкъ. Такъ, въ первомъ стихѣ Вентимильи даетъ VTRIQVE „secunda V deleta“, что впрочемъ можно понимать и въ томъ смыслѣ, что рѣзчикъ написалъ VTRIQVE²⁾. Въ концѣ той же строки Вентимильи даетъ VENE, во второмъ стихѣ IBI вмѣсто TIBI, въ концѣ той же строки онъ напелъ на камнѣ лишь ATQ. Наконецъ, PE и SV на концахъ послѣднихъ строкъ надписи сохранили только Вальтеръ.

Остается еще замѣтить по поводу словъ L APRONIO....., читаемыхъ подъ вторымъ стихотвореніемъ, что Моммзенъ читаетъ здѣсь:

[Curante] L. Apronio [L. Kiberto]. . .].

Но такъ какъ весьма возможно дополнять напримѣръ и:

[Curante] L. Apronio [L. f(ilio) . . .].

подразумѣвая подъ этимъ Апроніемъ брата Апронія Цезіана³⁾, или же вообще какаго либо другаго родственника этого послѣдняго, или

литики—въ дѣлѣ распространенія императорскаго культа—какъ траиовскаго времени, такъ и первыхъ эпохъ принципата; ср. по этому поводу слова Тиберія о себѣ: Asiae civitatibus pueri idem istud (то-есть, позволенія соорудить провинціальнымъ храмъ въ честь Тиберія, Ливіи и сената) petentibus non sibi a d-vegratus (Тас. *Ann.* 4, 37), и объ Августѣ: cum divus Augustus sibi atque urbi Romae templum apud Pergamum sisti non prohibuisset (Тас. *Ann.* ibidem).

¹⁾ Нарочно подчеркиваемъ это различіе между *sacravit* и *posuit*, предупреждая возраженіе, будто третій стихъ противорѣчитъ второму.

²⁾ Или же, еще скорѣе, слѣдуетъ предположить и тутъ существованіе лигатуры: VE, отъ которой ко времени Вентимильи осталось только E.

³⁾ Изъ начальныхъ словъ 3 строки третьяго стихотворенія: *filius Apronii maior* слѣдуетъ заключить (при нашемъ допозненіи соответствующаго мѣста), что у Цезіана былъ по крайней мѣрѣ одинъ братъ.

допустить, что самъ отецъ Цезіана позаботился о постановкѣ посвя-
тительной надписи въ храмѣ Венеры Эрикійской, то-есть, читать:

[Curante] L. Apronio [.... f(ilio), patre],

то безопаснѣе всего ограничиться многоточіемъ послѣ словъ *L. Apronio*.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести полную транскрипцію надписи въ томъ видѣ, къ какому приводитъ наше предыдущее изслѣдованіе. Дополненія, принадлежащія нашимъ предшественникамъ, отмѣчаемъ курсивомъ.

[*L. Apronius L. f(ilius) Caesianus* VIIvir e[*puloni*]m. [leg(atus) proc(onsulis) pr(ov)inciae Afric(ae) *Veneri* Erucinae [d(ono)] d(edit) ¹⁾].

I. [*A patre hic missus Libyae procon*]sule bella
[*prospera dum pugnāt, fugit Maurus*]ius hostis ²⁾.

II. Felicem gladium [scutumque hastamq]u[e patrisque]
Aproni effigiem [sacrans ³⁾] *natus duce*] duxque
hic idem fuit. hic i[ps]o illo tempore v[ic]tor
praetextae postitae iuvenili non dec[or]i aptae ⁴⁾.
septemvir, puer hanc vestem in qua te ipse r[og]arat,
Caesar quam dederat sumens, tibi, diva, d[ic]e[re] v[ol]uit.

III. Divom [summa ⁵⁾] Erycis regina hominumque voluptas],
Mut[ua] [dona plus ⁶⁾] fert tibi victor ovaus.]
Filius Aproni malo[r, modo, sancta, dedisti]
Gaetulas gentes q[uo]i superare feras,
effigiem cari genitor[is nunc tibi rite,]
Aeneadum alma parens, [praemia iusta dicat]
armaque quae gessit: scuto c[ae]so prope toto]
quanta patet virtus! ens[is ab hoste rubet]
caedibus attritus consummatque [hasta tropaeum].
qua cecidit Pol[e]ui barbar[a densa manus].

¹⁾ Или, конечно, d(at).

²⁾ Уклоняясь отъ редакціи Бухелера еще больше, можно читать:
bella

[prospera agens domuit saevos Apron]ius hostis.

³⁾ Или *ponens*.

⁴⁾ Варіантъ дополненія см. выше въ разборѣ этого стихотворенія.

⁵⁾ Или *magna* (см. разборъ).

⁶⁾ Варіантъ начала стиха, болѣе близкій къ преданію, см. въ разборѣ.

IV Quo nihil est utrique magis vener[abile signum,]
 hoc tibi sacrarunt filius atque [pater]:
 Caesaris effigiem posuit p[er]missam hic ab ipso:
 certavit pietas, su[m]ma in utroque fuit].
 [Curante] L. Apronio

18. C. I. L. suppl. VIII n. 11597 (= Ephem. epigr. V n. 266
 стр. 273 и ibd. VII n. 58 стр. 21).

IVLIO GALLONIO

OST SEPTVAGESIMO NVMERO TEMPVS
 OSTQVAE TOTIDEM TRANSACTOS AVTVMNOS
 RES NATI TIBI IAM FIGIMVS PROBO PARENTI QVOD GRATVM
 VMVLVM VIDETVR ESSE MATER KARA NOBIS TIBIQVE NVPER HO /
 ATVR FIERI MOR/IS HONOREM IAM VALE PATER NOBIS RELICTIS IAM
 E NON T // TARA CRVDELEM TENEB/NT SET ELYSIVS CAMPVS OCCVPAVIT VN
 //NC II/YM TIBI REVERT FAS ESI VT //O ET PROBO PAREN II SE

Въ такомъ видѣ изображаетъ эту надпись, найденную въ Амьен-дарѣ (нын. Гейдра), послѣднее изданіе, принадлежащее Іоганну Шмидту. Въ 7 строкѣ въ словѣ TENEB/NT отъ В сохранилась только нижняя половина, въ послѣдней строкѣ второй слогъ TIBI представляетъ лигатуру. Слово, стоящее передъ TIBI и являющееся наиболѣе пострадавшимъ и стершимся мѣстомъ надписи, у насъ передается лишь приблизительно вѣрно: для подробностей отсылаемъ къ послѣднему изданію Шмидта.

„V. 7 seq. temptavi, говорить этотъ издатель въ примѣчаніи къ надписи, partim praeeunte Cagnato und[er]e nu[n]c [etia]m tibi revert[i] fus est ut [pi]o et probo pare(n)[t]i. Sed ectypo denno examinato pro etiam aliud quid, quod non assequor, in lapide fuisse suspicor; iterum coniecit Mommsen dubitans“.

Чтеніе Моммзена можно принять лишь съ условіемъ предположенія, что авторъ стихотворенія употребилъ это слово въ смыслѣ *retro*, *retrosum*. Это предположеніе не покажется намъ абсолютно невозможнымъ, если обратимъ вниманіе на нѣкоторыя оригинальности въ языкѣ разбираемой надписи (напримѣръ, на выраженіе: *post septuagesimo numero tempus* во 2 строкѣ). Но можно придумать и другія дополненія, напримѣръ *i(n)tegrum* ¹⁾ или *rursum* (*rusum*). По поводу послѣдняго ср. напримѣръ *Caes. bell. Gall.* 4, 4, 4: *tridui viam progressi rursus reverterunt*.

¹⁾ Ср. *pare(n)ti* въ концѣ надписи.

Въ части надписи призналъ стихи уже Шмидтъ. „Ceterum, говорить онъ, scriptor tituli adhibuit in usum frustra carminis Phalaecei, cuius versus complures etiam nunc facile dignoscuntur vel restituuntur:

E. g. tres natī tibi iam probo parentī,
 quod gratum tumultum videtur esse.
 mater kara tibi nōbisque nuper
 ho[r]tatur fieri mōrtis honorem.
 iam vale, pater, [heu] nōbis relictis!
 iam te T[ar]tara non tenent crudelem,
 campus Elysium [tā] occupavit,
 unde nūnc [etia]m tibi revert[i]
 fas es[ti] ut [p]i[us] et probo pare(n)[ti].

Сравнивая эти стихи съ оригиналомъ, мы видимъ довольно много уклоненій отъ послѣдняго: въ 4 строкѣ *figimus* ямбическо, въ 6 прибавлено *heu*, въ 7 *teneb[ur]* передѣлано въ *tenent*, в *se* передѣлано въ *te*, и наконецъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ иначе переставлены слова оригинала. Протавъ перестановокъ, впрочемъ, нельзя особенно возражать, такъ какъ полуграмотный ¹⁾ рѣзчикъ могъ очень равнодушно относиться къ метрической формѣ надписи и разставлять слова небрежно. Не слѣдуетъ только злоупотреблять этими перестановками. Легко догадаться, что причиною всѣхъ насилій Шмидта надъ текстомъ оригинала было стремленіе подогнать эти гексаксиллабы подъ мѣрку художественной метрики. Если же, несмотря на всѣ его усилія и насилія, полученные имъ стихи всетаки не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ художественной метрики, то ясно, что отъ упомянутаго стремленія слѣдуетъ отказаться, какъ отъ принципиально ошибочнаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это стихотвореніе не Каталломъ и не Марціаломъ писано, чтобы требовать отъ него такого же метрическаго совершенства, какимъ отличаются гексаксиллабы художественныхъ поэтовъ.

Мы транскрибируемъ надпись слѣдующимъ образомъ:

Julio Gallio.
Séptvagéximo numéro post témpus
postquae tótidem tránsactós autúmno
trés natī tibi iám figimús probó parénti
quód grátum tumultúm vidétur ésse.

¹⁾ Ср. *postquae* вмѣсто *postque* въ началѣ 3 строки.

5. *māter kára nobis tibiŕque nūper*
hó[r]tatúr fieri mortis honórem.
íám valé, pater! nobis íám relictis
té non T[ár]tara crúdelém tenéb[u]nt,
sét Elýsius cámpus occupávit,
10. *únd[e nú]nc í(n)[tegrú]m tibiŕ revér[í]t*
fás es[í] út [p]l[o ét prpbó paré(n)[t]i].
H(íe) s(itus) e(st).

Такимъ образомъ мы признаемъ за стихи и начальныя строки эпиграфич., слѣдующія за словами *Julio Gallonio*. Въѣшнимъ поводомъ для признанія метрической оболочки упомянутыхъ строкъ являются стоящія въ концѣ ихъ точки, которыми рѣзчикъ отдѣлялъ (правда, непослѣдовательно) одинъ стихъ отъ другаго ¹⁾. Можно думать, что первоначально онъ хотѣлъ начинать каждый стихъ съ новой строки, но, когда написалъ три первыхъ, то сообразилъ, что такъ останется слишкомъ много пустаго пространства на камнѣ сирава, а потому рѣшилъ писать все подъ рядъ. Эта перемѣна, по всей вѣроятности, сказалась и на его непослѣдовательности въ обозначеніи точекъ, отдѣляющихъ стихи другъ отъ друга.

Изъ насилій надъ преданіемъ, совершенныхъ нами, можно констатировать лишь двѣ перестановки: одна во второй (*post*), другая въ концѣ шестой строки (*íam*).

Какъ просодія, такъ и метрика, очевидно, хромаютъ въ этомъ стихотвореніи съ точки зрѣнія художественной поэзіи, но слѣдуетъ помнить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ продуктомъ не художественнаго творчества. По части метрики слѣдуетъ отмѣтить, что въ третьемъ гексаксиллабѣ три лишніе слога. Этимъ обстоятельствомъ однако смущаться не слѣдуетъ, такъ какъ, если въ эпиграфическихъ стихотвореніяхъ нерѣдко попадаются гиперметрическіе и даже черезчуръ гиперметрическіе гексаметры ²⁾, то отчего бы не быть

¹⁾ Такъ точки поставлены еще послѣ *parenti* (3 стихъ), послѣ *honorem* (6 ст.) послѣ *relictis* (7 ст.) и послѣ *tenebunt* (8 ст.).

²⁾ Особенно интересны въ этомъ отношеніи двѣ слѣдующія, тоже африканскія, надписи. Одна изъ Мауританіи Иезарейской, *Ephem. epigr. V n. 1049*:

Hic situs est quondam iuvenis generoso nomine miles
Ulp(íus) Op(t)atus qui q(?). regens virgam decus et virtutis honorem
Gestavit proles laudanda propagine longa.
Hic multos domuit stravitq(ue) per hos undiq(ue) montes
infandos hostes temerataque bella subiit

такимъ и гексаксиллабамъ? ¹⁾ Мало того, оставаясь на почвѣ той же *licentia poetica epigraphica*, но идя въ противоположномъ направленіи, не колеблемся предпочесть въ 10 стихѣ чтеніе *гисит* данному нами же *integrum*, то-есть уменьшить гексаксиллабъ на одинъ слогъ противъ законной нормы. *Rusum* или *ru(r)sum* мы находимъ предпочтительнѣе *integrum*, во-первыхъ, по большей, по видимому, близости къ чертамъ, сохранившимся въ оригиналѣ, во-вторыхъ, по общераспространенности выраженія *rusum reverti*, и въ художественную то литературу, какъ кажется, перенесеннаго непосредственно въ области простонароднаго языка, одной изъ характеристикъ особенностей котораго является именно эта плеонастичность выраженій. А разбираемое стихотвореніе (нужно ли это напоминать?) цѣликомъ и принадлежитъ области простонароднаго языка.

Изъ грамматическихъ особенностей надписи между прочимъ можно отмѣтить форму *tumulum* средн. р., пропущенную въ *index grammaticus* Eph. epigr. (эту цитату надо дополнить и у Georges'a *Lexikon der latein. Wortformen*, s. v.), и, быть можетъ, *occipavit* = *occipabit*. Впрочемъ нѣчто не мѣшаетъ видѣть въ этомъ *occipavit* и *perfectum*.

Въ заключеніе остается указать ненужность замѣчанія Шмидта „v. 7 ро *crudelem* requiritur *crudelia*“, такъ какъ *crudelem* отлично можно соединить съ *te*: дѣти называютъ отца жестокимъ потому, что онъ покинулъ ихъ; ср. *Anthol. Lat.* 1385, 1 (ed. Meyer.): *ossa sub hoc tumultu pta sunt, sed acerba parenti*.

et quid n[on] in[m]ulti poterant iuvene[s] hic semper [solus a]gebat.
Cum suam totam nimum depend[ere]t iram,
obvius ipse furo[r] pugnae Romanum iuvenem per hostica vulnera misit,
ipse tam[en] victor telis undiq[ue] clus[us]. . . .

Другая изъ самой Цезарей, Eph. epigr. l. l. n. 999:

Baetica me genuit telus [sic!], cupidus Libuae cognoscere fines
Caesarae[am] (sic!) veni cupidus, fata me rapuere mea et me
iacio (sic!) [f]i[n]ib[us] (?) ignotis. Vixi annis (quinquaginta);
vivere dum liquit (sic!) carus meis et plus vixi et in omnia sollers.
Ite mei sine me ad meos, ite! Dic, rogo,
praeferens hospes (sic!) sit t[ibi] t[erra] levis et moliter (sic!) ossa
quiesc(a)nt.

Cognoscere на ямнѣ вырѣзано дважды; можетъ быть, диттографіей является и *cupidus* во второмъ стихѣ.

¹⁾ Ср. между прочимъ разборъ С. I. L. V n. 5701 (выше въ этой же главѣ Этюдовъ подъ п. 8).

19. Ephem. epigr. V n. 1019. Эта надпись, найденная въ древней Цезарей (нынѣ Шершель) въ Мавританіи, читается по послѣднему изданію, принадлежащему Іоанну Шмидту, такъ:

V B A E L
NCERVS AB OMNI
IACET IN TVMVLO
LVMINA TEXSIT
NE DOLET TV
A FVNVS

Шмидтъ дополняетъ въ первой строкѣ [*regis Iubae*, а во второй— [*culpa si*]ncerus. Первое дополненіе, равно какъ и чтеніе [*si*]ncerus, является несомнѣнно вѣрнымъ. Нельзя того же сказать о сочетаніи *culpa sincerus ab omni*, принимаемомъ Шмидтомъ (ср. Ephem. epigr. ind. p. 701): другихъ примѣровъ подобнаго употребленія *sincerus* нѣтъ, да и само по себѣ оно крайне сомнительно.

Мы дополняемъ четыре первыхъ стиха этой эпитафіи слѣдующимъ образомъ:

Regis libertus mitis, si]ncerus, ab omni
parte placens, parvo hoc] iacet in tumulo.
Morte immatura iuuentis quod] lumina texsit.
humanum genus hunc magnopere om]ne dolet.

По поводу *ab omni parte placens* ср. Овид. *Heroid.* 15,45 omni-que a parte placebam. *Ab omni* въ концѣ гексаметра можно указать еще, напримѣръ, у того же Овидія *Metam.* 12,496 manet imperfossus ab omni и у Валерія Флакка *Argon.* 6,204 pater armento quos dives ab omni Nutrierat. Зіявіе *parvo hoc* въ дополненіи 2-го стиха извиняется цезурой. По поводу дополненія 3-го стиха ср., напримѣръ, Вергилія *Georg.* 4,414 incepto tegeret cum lumina somno, Овидія *Fast.* 3,596 humidaque opposita lumina veste tegit, и др. Иные впрочемъ, можетъ быть, предпочтутъ читать этотъ 3-й стихъ нѣсколько иначе, а именно:

[mors immature iuveni quod] lumina texsit;

ср. Propert. 2(3) 13, 17 quandocumque igitur nostros mors claudet ocellos; Anthol. Lat. 1074, 17 M.: si tua perpetuus non claudat lumina somnus; Vergil. *Aen.* 10, 745; Ovid. *Met.* 3, 503. и т. д. На

сравненіе съ 4 стихомъ (въ нашемъ дополненіи, конечно) напрашивается Anthol. Lat. 1324, 1 M.: *Lux patriae, sublime decus, pater Osius urbis Mundo fiente jacens conditur hoc tumulto. Hunc Mediolani populus nunc lugeat omnis* и проч.

Находящееся сбоку TV Шмидтъ относитъ къ одной изъ формулъ, нерѣдко встрѣчающихся въ надгробныхъ надписяхъ, а именно или *[ossa] tu[a bene quiescant]*. или *[et] tu*. Последнее, очевидно, гораздо вѣроятнѣе.

М. Крашенинниковъ.

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ ¹⁾.

Книга IV.

I. Различіе предмета „первой философіи“ отъ предмета всѣхъ другихъ наукъ: она изучаетъ сущее какъ таковое, тогда какъ остальные науки изучаютъ его частности.—II. Смыслъ термина „сущее какъ таковое“; отношеніе сущаго къ единому; почему сущее и единое лежитъ въ основѣ всей природы, и къ нему сводится ея многообразіе.—III. Вывѣстъ съ изслѣдованіемъ сущаго какъ таковаго, первой философіи принадлежитъ и изслѣдованіе аксіомъ; объясненіе и основаніе этого. Основная аксіома и первый принципъ знанія: *невозможно, чтобы одно и то же было присущимъ и не было присущимъ одному и тому же и принимать въ одно и то же*—отношеніе къ этому принципу идей Гераклита.—IV. О недоказуемости въ строгомъ смыслѣ этого перваго принципа знанія; то, съ помощію чего мы доказываемъ, не можетъ быть само предметомъ доказательства. Единственный видъ удостовѣренія въ этомъ принципѣ можетъ заключаться въ приведеніи къ нелѣпости тѣхъ, кто сталъ бы возражать на него, и въ требованіи, чтобы возражающій привелъ что-нибудь конкретное, индивидуальное, въ чемъ этотъ принципъ не осуществлялся бы; но этотъ видъ удостовѣренія не есть доказательство въ прямомъ смыслѣ. Какія могли бы быть возраженія противъ изложеннаго принципа; возраженіе, исходящее изъ *разныхъ значеній* одного имени, и изъ *разныхъ наименованій* одного предмета; при разности значеній, эти послѣднія никогда однако не относятся другъ къ другу какъ утвержденіе и отрицаніе одного и того же; обыкновенно, это суть означенія качества предмета и самого предмета, безъ всякаго противоположенія сливающихся въ одно. При разныхъ именахъ, прилагаемыхъ къ одному предмету, хотя объ одномъ и томъ же мы говоримъ въ разныхъ терминахъ, но думаемъ въ однихъ и тѣхъ же понятіяхъ, какъ о той вещи, которую называемъ и „одеждою“ и „платьемъ“. Нарушеніе изложеннаго верховнаго принципа было бы отрицаніемъ въ предметахъ самой ихъ сущности, точнѣе: отрицаніемъ какой-либо ихъ дѣятельности; совмѣщая противоположныя въ себѣ опредѣленія, все тѣмъ болѣе совмѣщало бы въ себѣ разные, другъ другу несоотвѣтствующія, опредѣленія, то-есть каждая вещь была бы чѣмъ угодно по произволу, не имѣя въ себѣ ни постоянства, ни за-

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за 1891 г.

кономѣрности; это отразилось бы невозможностью какъ мышленія о нихъ, такъ и самаго языка, какъ орудія мышленія. Предметы и признаки предметовъ въ природѣ; не можетъ быть признака у признака же; отсюда возможно сліяніе предмета и признака въ одномъ имени. но невозможно сліяніе въ одномъ имени разныхъ предметовъ. При сомнѣніи въ этомъ принципѣ, для человека было бы невозможно не только мышленіе, но и всякое дѣйствіе; ибо оно опирается на увѣренность, что всякій предметъ есть что-то опредѣленное, имѣть свою особую природу, съ которой не совмѣщается ея отрицаніе. Ощущеніе лучшаго и худшаго, или большаго и меньшаго, какъ приближеній къ истинѣ, такъ же невозможно было бы при отсутствіи этого общаго принципа самой истины. Такимъ образомъ, принципъ этотъ есть не столько законъ мышленія, сколько законъ нашей человѣческой природы, духовной и физической организаціи. — V. Изслѣдованіе мнѣнія Протагора, что все кажущееся — а казаться одно и тоже можетъ различнымъ — истинно. Разныя мнѣнія объ одномъ могутъ истекать или изъ словеснаго спора, или изъ дѣйствительнаго убѣжденія. Дѣйствительное убѣжденіе опирается, между прочимъ, на то, что изъ одного рождается различное, и такъ какъ оно рождается не изъ ничего, то, слѣдовательно, различное совмѣщалось до своего рожденія въ одномъ и томъ же; сходство этого мнѣнія съ ученіями Демокрита и Анаксагора; его ошибочность при кажущемся правдоподобіи; не дѣйствительное, на сколько оно различно, совмѣщается въ одномъ, но именно только возможное. Мнѣніе, что одно и тоже кажется людямъ и животнымъ не одинаковымъ, и даже не одинаковымъ кажется различнымъ людямъ; сходство этого мнѣнія съ ученіями Эпихеокла и Парменида, съ выраженіями Гомера, съ идеей Эпихарма, Гераклита и Критиаса. Въ основѣ всѣхъ этихъ мнѣній лежить заблужденіе, что въ основѣ всего познающагося лежитъ все-таки неизмѣнное, въ чемъ происходятъ перемѣны или что ихъ производить, и къ чему непримѣнны одновременно утвержденіе и отрицаніе. Далѣе, самую познаваемость слѣдуетъ разсматривать внимательнѣе, и перемѣны въ количествахъ не слѣдуетъ принимать за измѣненія по существу, кажущееся различнымъ не слѣдуетъ считать какъ-то имѣющее никакой опредѣленной природы: нѣтъ органа чувства, которое, оставаясь тѣмъ же, принадлежа тому же, въ одно и то же время говорило бы ему о чѣмъ-нибудь различномъ, и въ этомъ именно состоитъ сущность высказаннаго принципа; явно измѣнившись или измѣнившемуся вкусу кажется не такимъ, какъ прежде, но оно не кажется и сладкимъ, и кислымъ одному и тому же человеку и въ одинъ и тотъ же моментъ; еще менѣе перемѣняется самое ощущеніе сладости, его понятіе. О чувствованіяхъ вообще пужно замѣтить, что ихъ не было бы безъ чувствующаго, то-есть человека; но еслибъ его и не было, а съ нимъ и чувствованій, само предметы, возбуждающіе ихъ, остались бы, и они именно остаются тождественны себѣ самимъ. — VI. Окончательное заключеніе о тѣхъ, которые говорятъ, что противоположныя утвержденія могутъ быть одинаковы истинны: всѣ они, говоря такимъ образомъ, имѣютъ въ виду отношеніе одного и того же къ разному, что, конечно, сопровождается и разными утвержденіями, но касающимися отношеній разныхъ, а не самаго предмета: такъ, будучи *чисто* и *цѣлымъ*, *равнымъ* и *неравнымъ*, предметъ бываетъ таковымъ въ отношеніи къ

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Ъ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Велѣкому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ гимназіяхъ, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Свѣтѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ сѣверныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Учебнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ истиннаго и женскихъ гимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г. Въ первомъ изданіи одобрена Учебнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вышесласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое, дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вышесласснаго чтенія; Учебнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ.

Съ рисунками 2-е изданіе.

Цѣна 75 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (п Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часов утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакціи

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—с пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXXVIII.

1893.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Батервинскій каналъ, № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	49
— Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ въ 1893 году на преміи по оставленію учебныхъ руководствъ и пособій для промышленныхъ училищъ	99
— Объявленіе отъ совѣта О.-Петербургскаго Славянскаго Вѣдѣтельнаго Общества .	1
О. Н. Кенненъ. О нахожденіи янтаря въ предѣлахъ Россіи	301
Кн. Н. К. Имеретинскій. Дворянство Волынской губерніи	343
Илл. И. Сауфьянъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 года до настоящаго времени (<i>продолженіе</i>).	369
Е. О. Карскій. Два памятника отараго западнорусскаго нарѣчія .	406
М. И. Каринскій. Объ истиннахъ самоочевидныхъ (<i>окончаніе</i>) .	431

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. В. Везобразовъ. <i>М. Красноземъ.</i> Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви, Аристидъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва. 1892	517
О. Н. Успенскій. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Исслѣдованіе <i>Н. Полта.</i> Москва. 1892	534
— Книжныя новосты	542
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія школы Киевскаго учебнаго округа въ 1892 году .	11
Л. М—ръ. Письмо изъ Парижа	46

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

П. Д. Первовъ. }	Метафизика Аристотеля (<i>продолженіе</i>)	46
В. В. Розановъ. }		

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXVIII.

1893.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Бахшова и К^о, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

Императорский кал., № 80.
1890.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (9-го сентября 1892 года). *Объ учрежденіи при Устюжскомъ городскомъ училищѣ восьми стипендій имени Императоровъ Александра I и Александра II.*

По Высочайшимъ повелѣніямъ 21-го марта 1877 года и 2-го марта 1880 года, при Устюжской мужской прогимназіи учреждены были, на счетъ пожертвованій мѣстной городской думы, двѣ стипендіи имени Императоровъ Александра I въ 1.100 рублей и Александра II въ 500 рублей.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, согласно ходатайству Устюжской городской думы, просилъ министра народнаго просвѣщенія, въ виду закрытія мѣстной прогимназіи, о переводѣ означенныхъ стипендій въ Устюжское городское училище.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе изложеннаго ходатайства.

Государь Императоръ, въ 16-й день декабря 1889 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

Нынѣ Устюжская городская дума возбудила, чрезъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, ходатайство объ учрежденіи на пожертвованныя думою средства, взамѣнъ двухъ, восьми стипендій имени Императоровъ Александра I и Александра II, въ виду значительнаго числа недостаточныхъ учащихся въ городскомъ училищѣ и того обстоятельства, что расходы на учебники, одежду и плату за

ученіе въ училищѣ несравненно ниже расходовъ, требовавшихся на тотъ же предметъ для учениковъ бывшей мужской прогимназіи.

Признавая такое ходатайство заслуживающимъ уваженія, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе на приведеніе оного въ исполненіе.

Государь Императоръ, въ 9-й день сентября 1892 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

6. (27-го февраля 1893 года). *О приѣмѣ въ Иркутскую учительскую семинарію стипендіата изъ бурята буддистовъ въ качествѣ приходящаго ученика.*

Приамурскій генераль-губернаторъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что, въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Забайкальской области, буряты Агинскаго вѣдомства пожертвовали 8.000 рублей на учрежденіе въ Иркутской учительской семинаріи одной стипендіи Имени Его Высочества. Къ сему генераль-адъютантъ баронъ Корфъ присовокупилъ, что Его Императорское Высочество соизволило на учрежденіе означенной стипендіи, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе Его Императорскаго Величества.

Объ этомъ министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше представлялъ на Высочайшее благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, въ 29-й день февраля 1892 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

Пыиъ Приамурскій генераль-губернаторъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что, такъ какъ по положенію объ Иркутской учительской семинаріи воспитанниками въ нее могутъ быть принимаемы только лица православнаго исповѣданія, то агинскіе буряты обратились къ нему съ просьбою объ исходатайствованіи ими Монаршей милости дозволеніемъ принимать въ сію семинарію стипендіата изъ бурята-буддистовъ въ качествѣ приходящаго ученика. Къ сему генераль-адъютантъ баронъ Корфъ присовокупилъ, что удовлетвореніе сего ходатайства можетъ оказать благотворное вліяніе на просвѣщеніе этихъ инородцевъ и на возбужденіе въ нихъ сочувствія къ грамотности и къ правительственнымъ школамъ.

Объ этомъ министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше пред-

ставилъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

Государь Императоръ, въ 27-й день февраля 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

7. (27-го февраля 1893 года). *Объ учрежденіи при Варшавской III женской гимназіи штатной должности законоучителя православнаго исповѣданія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день февраля 1893 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Варшавской III женской гимназіи штатной должности законоучителя православнаго вѣроисповѣданія, взамѣнъ положенной при семъ учебномъ заведеніи, на основаніи его устава, штатной должности законоучителя евангелическо-аугсбургскаго вѣроисповѣданія, съ зачетомъ лицамъ, занимавшимъ сію должность по распоряженію начальства учебнаго округа, времени исправленія обязанностей, сей должности присвоенныхъ, въ дѣйствительную государственную службу.

8. (27-го февраля 1893 года). *Объ учрежденіи должности фельдшера при Александровскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ, Ярославской губерніи.*

Министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при Александровскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, Ярославской губерніи, должности фельдшера, съ предоставленіемъ ему нравъ государственной службы по чинопроизводству, согласно 109 ст. т. XIII уст. врачев., изд. 1857 года.

Государь Императоръ, въ 27-й день февраля 1893 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

9. (26-го апрѣля 1893 года). *Объ измѣненіи духовнаго завѣщанія есаула Бабича.*

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ измѣненіи духовнаго завѣщанія есаула Бабича, полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на измѣненіе воли покойнаго Бабича въ томъ смыслѣ, чтобы соотвѣтствующая доля завѣщаннаго симъ послѣднимъ имуще-

ства была обращена. съ соблюденіемъ условій. изъясненныхъ въ завѣщаніи, на учрежденіе стипендіи имени жертвователя при нынѣ существующей Екатеринодарской мужской гимназіи, съ предоставленіемъ директору означенной гимназіи тѣхъ же полномочій, какія были предоставлены по духовному завѣщанію Бабича директору бывшей Кубанской войсковой гимназіи.

Государь Императоръ. въ 26-й день апрѣля 1893 года. на сіе Высочайше соизволилъ.

10. (3-го мая 1893 года). *О преобразованіи Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленного училища и объ утвержденіи штата оного.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленного училища. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленного училища, *мнѣніемъ положили:*

I. Проектъ штата Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленного училища поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенномъ училищѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества рассмотрѣніе.

III. Примѣнить къ Елисаветпольскому Михайловскому училищу Высочайше утвержденныя 7-го марта 1888 г.. основныя положенія о промышленныхъ училищахъ, съ соблюденіемъ при томъ слѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) При Елисаветпольскомъ Михайловскомъ ремесленномъ училищѣ учреждается сельско-хозяйственное отдѣленіе для обученія садоводству, огородничеству и шелководству, а также ремесламъ, необходимымъ при сихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.

2) Полный курсъ ученія въ училищѣ продолжается семь лѣтъ,

въ томъ числѣ: одинъ годъ въ приготовительномъ классѣ, три года въ начальномъ училищѣ и три года въ специальныхъ классахъ.

3) Училище содержится на мѣстные средства, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ *шести тысячъ* рублей.

4) Устройство надзора и управленія въ пансіонѣ училища определяется особою инструкціею, утверждаемою попечителемъ учебнаго округа.

5) Къ обученію въ училищѣ допускаются лица всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, но преимущественно дѣти сельскихъ обществъ Елисаветпольской губерніи, участвующихъ въ содержаніи училища.

6) Въ начальное училище принимаются какъ воспитанники состоящаго при училищѣ пансіона, такъ и лица, выдержавшія соответственное испытаніе въ рускомъ языкѣ.

7) Лица, не обучавшіяся или не окончившія полного курса ученія въ начальномъ или православномъ церковно-приходскомъ, или одноклассномъ сельскомъ, или же городскомъ приходскомъ училищахъ, принимаются въ первый специальный классъ училища по экзамену.

8) Въ пансіонѣ училища имѣются 150 безплатныхъ вакансій для стипендіатовъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ, участвующихъ въ содержаніи училища.

9) Учители начального училища числятся на государственной службѣ.

10) Почетный смотритель училища избирается на три года начальникомъ Елисаветпольской губерніи и утверждается въ должности по нечителемъ учебнаго округа.

IV. Отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе на содержаніе Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища по *шести тысячъ* рублей въ годъ, со внесеніемъ сей суммы, начиная съ 1894 г., въ подлежащаго подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; въ текущемъ же году означенный расходъ въ половинномъ размѣрѣ обратить на кредитъ, назначенный для сего къ условному отпуску по ст. 4 § 15 дѣйствующей смѣты названнаго министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:
„Быть по сему“.

Въ Ливадіи.

3-го мая 1893 года.

Ш Т А Т Ъ

Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища.

	Содержаніе въ годъ. (Классы и разряды.)					По должн-сти.	По шитью на мундиръ.	ПО ПЕНСИ.
	Число лицъ.	Одному.			Всего.			
		Законодѣн-ныя.	Столовыхъ.	Квартальныхъ.				
РУБЛН.								
Инспектору	1	640	360	наз-ровъ.	1.000	VIII	VIII	По учебной службѣ.
Законоучителямъ.	2	—	—	—	550			
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	2.940	IX	IX	
Учителю начальнаго училища.	1	450	—	120	570	X	X	
Второму учителю	1	400	—	120	520	X	X	
За руководство практическими занятіями въ мастерскихъ.	—	—	—	—	1.800			
За уроки пѣнія	—	—	—	—	75			
Надзирателю.	1	240	160	120	520	X	X	По учебной службѣ.
Библіотекарю.	—	—	—	—	125			
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ).	1	300	200	120	620	X	X	VIII
Врачу.	—	—	—	—	150	IX	IX	По медико-санитарной службѣ.
На учебныя пособія	—	—	—	—	480			
На матеріалы и инструменты.	—	—	—	—	600			
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и садовника.	—	—	—	—	2.460			
На канцелярскіе расходы.	—	—	—	—	200			
На содержаніе дома и наемъ при-слуги.	—	—	—	—	2.200			
Содержаніе пансіона 150 учени-ковъ.	—	—	—	—	21.000			
Итого	—	—	—	—	35.810			

Примѣчанія:

1) Сверхъ назначенныхъ на содержаніе училища по штату суммъ, отпускается по 200 р. въ годъ на вознагражденіе за преподаваніе мусульманскаго вѣровѣнія.

2) Въ случаѣ надобности, съ разрѣшенія попечителя округа, можетъ быть опредѣляемъ на мѣстныхъ средства второй надзиратель съ правами и преимуществами, въ семь штатъ указанными.

3) Учители начальнаго училища пользуются всѣми правами и преимуще-ствами, присвоенными учителямъ начальныхъ училищъ въ Закавказскомъ краѣ.

Подписалъ: председатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

На подлинной написано: „Государь Императоръ изволилъ рассмотреть въ Ливадіи 3-го мая 1893 г.“.

Подписалъ: государственный секретарь *Муравьевъ*.

ТАБЛИЦА

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ Елисаветпольскомъ Михайловскомъ ремесленномъ училищѣ.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.	Начальное училище.			Ремесленное училище.		
	Подготовительный классъ.	Отдѣленія.			Классы.	
		1.	2.	3.	I.	II. III.
Законъ Божій	4	4	4	4	1	1 2
Русскій языкъ.	6	6	6	4	2	2 2
Арифметика и счетоводство	6	6	4	3	3	2 2
Геометрія съ землеустроіемъ и разбивкою сада.	—	—	—	1	3	3 —
Общія понятія изъ физики.	—	—	—	—	—	2 4
Общая свѣдѣнія по естественной исторіи (въ сел.-хоз. отд.).	—	—	—	2	2	— —
Технологія дерева (въ столярномъ отдѣленіи).	—	—	—	—	—	2 1
Технологія металловъ (въ слесарномъ отдѣленіи).	—	—	—	—	—	2 1
Садоводство, огородничество и шелководство.	—	—	—	—	—	4 2
Чистописание	5	5	2	2	—	—
Рисованіе	—	—	2	2	2	2 2
Черченіе: геометрическое	—	—	—	—	3	2 —
техническое	—	—	—	—	—	2 5
Практическія занятія	(Смотря по возрасту, отъ 3 до 4 час. въ недѣлю.)				24	24 24
Пѣніе	—	—	—	—	1 1/2	

Примѣчанія:

1) Настоящая таблица, оставаясь неизмѣнною относительно общаго числа уроковъ по каждому предмету, можетъ подлежать измѣненіямъ, по ближайшему усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, относительно распредѣленія числа уроковъ каждого предмета по классамъ.

2) Пѣвонеры-ученики начальнаго училища занимаются обязательно садоводствомъ, огородничествомъ и шелководствомъ, исполняя работы, отвѣчающія ихъ физическимъ силамъ, сообразно распредѣленію, устанавливаемому педагогическимъ совѣтомъ. Въ теченіе времени, когда нѣтъ занятій въ саду, огородѣ и шелководствѣ, тѣ изъ воспитанниковъ, кои достигли 11-ти-лѣтняго возраста, исполняютъ, въ положенные по распредѣленію часы, работы по столярному, плотничному и бондарному мастерствамъ, по плетенію изъ ивъ корзинъ и по производству изъ этого растенія другихъ издѣлій. На эти работы назначается для возраста отъ 11—13 лѣтъ не болѣе 3 часовъ, а для возраста большаго—не болѣе 4 часовъ въ недѣлю. Ученики специальныхъ классовъ селско-хозяйственнаго отдѣленія во время прекращенія работъ въ саду и огородѣ занимаются, по особому составленному распредѣленію, въ мастерскихъ, обучаясь ремесламъ: кузнечному, плотничному, бондарному и колесному.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михайловъ*.

11. (3-го мая 1893 года). *Объ обращеніи въ спеціальныя средства Императорскаго Томскаго университета дохода отъ вольной продажи медикаментовъ клиническою аптекою университета.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи въ спеціальныя средства Императорскаго Томскаго университета дохода отъ вольной продажи медикаментовъ клиническою аптекою университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: председатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ обращеніи въ спеціальныя средства Императорскаго Томскаго университета дохода отъ вольной продажи медикаментовъ клиническою аптекою университета, *мнѣніемъ положило:* постановить:

Въ случаѣ разрѣшенія клинической аптеки Императорскаго Томскаго университета производства вольной продажи медикаментовъ. доходъ отъ сей продажи обращается въ спеціальныя средства университета, на предметъ улучшенія матеріальнаго положенія клиникъ онаго.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ председателемъ и членами.

12. (10-го мая 1893 года). *Объ учрежденіи при Маргеланскомъ и Самаркандскомъ Маринскихъ женскихъ училищахъ должностей почетныхъ попечительницъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1893 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе должностей почетныхъ попечительницъ при Маргеланскомъ и Самаркандскомъ Маринскихъ женскихъ училищахъ, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утверждать въ сихъ должностяхъ лицъ, изъявившихъ желаніе занять оныя.

13. (10-го мая 1893 года). *О переводѣ Влоцлавскаго реальнаго училища въ г. Калишъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1893 года, Высочайше соизволилъ на переводъ Влоцлавскаго реальнаго училища въ г. Калишъ съ начала 1893—1894 учебнаго года.

14. (10-го мая 1893 года). *Объ учрежденіи при Валуиской Мариинской женской прогимназіи стипендіи въ память двадцатипятилѣтія существованія сего учебнаго заведенія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1893 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Валуиской Мариинской женской прогимназіи стипендіи въ память двадцатипятилѣтія существованія сего учебнаго заведенія, на счетъ процентовъ съ собраннаго по подпискѣ на сей предметъ капитала въ 1.137 руб. 15 коп.

15. (12-го мая 1893 года). *Объ увеличеніи расхода на содержаніе Карскаго Мариинскаго женскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи расхода на содержаніе Карскаго Мариинскаго женскаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь Д. Солсскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи расхода на содержаніе Карскаго Мариинскаго женскаго училища, *мнѣніемъ положило*: 1) отпускать изъ Государственнаго казначейства въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 1-го января 1894 года, на содержаніе Карскаго Мариинскаго женскаго училища, въ дополненіе къ нынѣ ассигнуемой на сіе изъ казны суммѣ, по одной тысячѣ рублей въ годъ, со внесеніемъ необходимаго для сего кредита въ подлежащее подраздѣленіе сумъ министерства народнаго просвѣщенія, и 2) потребный на этотъ предметъ въ томъ же размѣрѣ (п. 1) въ текущемъ году расходъ обратить на счетъ ожидаемыхъ сбереженій по § 6 сумъ сего министерства 1893 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

16. (12-го мая 1893 года). *Объ обрищеніи отпускаемой изъ казны на наемъ помѣщенія для Владимірскаго уезднаго училища суммы, на пощеніе долга по приобрѣтенію собственнаго зданія для сего училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ де-

партаментъ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи отпускаемой изъ казны на наемъ помѣщенія для Владимірскаго уѣзнаго училища суммы, на погашеніе долга по приобрѣтенію собственнаго зданія для сего училища, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣть исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта. статсъ-секретарь *Д. Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментъ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ обращеніи отпускаемой изъ казны на наемъ помѣщенія для Владимірскаго уѣзнаго училища суммы, на погашеніе долга по приобрѣтенію собственнаго зданія для сего училища, *мнѣніемъ положила*: предоставить министру народнаго просвѣщенія, впредь до погашенія долга Нижегородско-Самарскому банку, лежащаго на домѣ, приобрѣтенномъ для Владимірскаго уѣзнаго училища, обращать въ уплату сего долга кредитъ, въ размѣрѣ *трехсотъ пятидесяти* рублей, отпускаемый нынѣ на наемъ помѣщенія для означеннаго училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

17. (14-го мая 1893 года). *Объ увеличеніи кредита на содержаніе Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи кредита на содержаніе Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи, *мнѣніемъ положила*: Высочайше утвердить соизволяя и повелѣть исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментъ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи кредита на содержаніе Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи, *мнѣніемъ положила*:

1. Въ Высочайше утвержденномъ, 27-го ноября 1884 г. штатѣ магнитно-метеорологическихъ обсерваторій въ Екатеринбургѣ и Иркутскѣ (3 п. с. в. № 2548) сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) изъ оклада содержанія директора Иркутской обсерваторіи и его помощника

исключить присвоенныя симъ должностямъ квартирные деньги, въ размѣрѣ *трехсотъ* рублей каждому; 2) пяти наблюдателямъ той же обсерваторіи содержаніе увеличить до *трехсотъ шестидесяти* рублей въ годъ каждому, и 3) сумму, отпускаемую на отопленіе, освѣщеніе и хозяйственныя надобности этой обсерваторіи, увеличить на *тысячу* рублей въ годъ.

II. Вызываемый указанными измѣненіями въ штатѣ расходъ, въ размѣрѣ *одной тысячи шестисотъ* рублей, вносить, начиная съ 1-го января 1894 года, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія; въ текущемъ же году обратить его на счетъ кредита, занесеннаго въ равной суммѣ къ условному отпуску по ст. 3 § 16 той же смѣты.

III. Ассигнованные на нынѣшній годъ по означенной смѣтѣ на производство квартирнаго довольствія директору Иркутской обсерваторіи и его помощнику *шестьсотъ* рублей обратить изъ свободные ресурсы государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

18. (29-го мая 1893 года). *О разрѣшеніи опредѣлять при Маринскихъ женскихъ училищахъ въ Маргеланѣ и Самаркандѣ врачей, съ правами медицинской службы.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 29-й день мая 1893 года, Высочайше соизволилъ разрѣшить опредѣлять, примѣнительно къ Высочайшему повелѣнію 23-го февраля 1876 года, врачей при существующихъ въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маринскихъ женскихъ училищахъ, съ правами государственной службы, присвоенными медицинскимъ чиновникамъ, и съ вознагражденіемъ за труды изъ специальныхъ средствъ сихъ учебныхъ заведеній, когда окажется это возможнымъ по состоянію означенныхъ средствъ.

19. (29-го мая 1893 года). *О принятіи капитали, пожертвованною землевладѣльцемъ Іковомъ Тарновскимъ, и объ утвержденіи положенія о преміи его имени, выдаваемой за ученіе труды по общей патологіи.*

Землевладѣлецъ юго-западнаго края Іковъ Тарновскій, желая оказать посильное содѣйствіе научному развитію медицины въ университетѣ св. Владиміра и спеціально разработкѣ патологіи заразныхъ

и наиболѣ тяжкихъ для человѣка заболѣваній, пожертвовалъ капиталъ въ десять тысячъ рублей для выдачи изъ процентовъ съ оного премій его имени за ученые труды по общей патологій.

Сообщая о семъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа ходатайствовалъ какъ о разрѣшеніи университету св. Владимира принять означенный капиталъ, такъ и объ утвержденіи положенія объ означенной преміи.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе ходатайства начальства Кіевскаго учебнаго округа и на предоставленіе ему, министру, права утвердить положеніе объ означенной преміи.

Государь Императоръ, въ 29-й день мая 1893 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

На подлинномъ написано: *„На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1893 года утверждаю“.*

31-го мая 1893 года.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь
графъ Дельпгофъ.

Положеніе о капиталѣ Якова Васильевича Тарновскаго, пожертвованномъ имъ университету св. Владимира.

1. Землевладѣльцемъ юго-западнаго края Яковомъ Васильевичемъ Тарновскимъ, въ видахъ содѣйствія научному развитію медицины и specially разработкѣ и усовершенствованію патологій заразныхъ и вообще наиболѣ тяжкихъ для человѣка болѣзней, пожертвовано университету св. Владимира *десять тысячъ* (10.000) рублей наличными деньгами, которые правленіемъ университета должны быть содержимы въ гарантированныхъ правительствомъ % бумагахъ для постоянного полученія процентовъ на удовлетвореніе указанной жертвователемъ потребности.

2. Капиталъ сей остается навсегда неприкосновеннымъ. подъ названіемъ „капиталъ Якова Васильевича Тарновскаго для лабораторій общей патологій при университетѣ св. Владимира на преміи за ученые труды“, и хранится въ кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ сего университета, составляя неотъемлемую его собственность.

3. Проценты употребляются на ученые труды по означенному

предмету и распределяются такимъ образомъ: одна половина ихъ назначается на выдачу премій за научныя сочиненія по патологій заразныхъ и вообще наиболѣе тяжелыхъ для человѣка болѣзней, а другая—на предоставленіе возможности лабораторіи производить работы по предмету преміи, при чемъ премія имени Н. В. Тарновскаго за ученый трудъ выдается чрезъ каждые два года, а проценты, назначаемые на усиленіе средствъ лабораторіи, расходуются ежегодно.

4. Размѣръ преміи опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ капитала процентовъ.

5. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій на конкурсъ полагается 1-е мая того года, на который назначенъ конкурсъ; при чемъ первый конкурсъ назначается на 1895 годъ.

6. На конкурсъ представляются сочиненія печатныя и рукописныя на русскомъ языкѣ, но могутъ быть представлены и на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Представленное въ рукописи сочиненіе можетъ быть напечатано въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, если будетъ удостоено факультетомъ преміи.

7. Въ конкурсѣ могутъ участвовать только лица христіанскаго исповѣданія, получившія образованіе въ университетѣ св. Владиміра и имѣющія уже званіе врача; но профессора медицинскаго факультета не участвуютъ въ этомъ конкурсѣ.

8. Представленные на конкурсъ сочиненія разсматриваются особо комиссіею, въ составъ которой два члена избираются медицинскимъ факультетомъ, а одинъ входитъ обязательно по званію профессора университета по кафедрѣ общей патологій, который вѣдѣтъ состоитъ ея предсѣдателемъ. Члены комиссіи избираются въ одномъ изъ засѣданій факультета въ маѣ конкурснаго года.

9. Докладъ свой о результатѣ разсмотрѣнія сочиненій комиссіи представляетъ медицинскому факультету не позже 1-го декабря конкурснаго года, а присужденіе преміи факультетомъ производится въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій въ осеннемъ полугодіи того же года. О присужденіи преміи объявляется на торжественномъ актѣ университета, и отчетъ о семъ присужденіи печатается въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, гдѣ также объявляется о срокахъ и условіяхъ конкурса.

10. Въ случаѣ непредставленія сочиненій на конкурсъ въ положенный для него срокъ или непризнанія представленныхъ сочиненій соответствующими условіямъ конкурса, оставшаяся свободною преміальная сумма, по усмотрѣнію жертвователя, можетъ быть назначена

или на вторую премію въ послѣдующій срокъ конкурса, или на усиленіе средствъ лабораторіи. По смерти жертвователя, если имъ не будетъ сдѣлано особаго распоряженія по сему предмету, свободной суммѣ преміи то или другое назначеніе изъ двухъ указанныхъ дается по усмотрѣнію медицинскаго факультета.

20. (1-го іюня 1893 года). *О преобразованіи шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій: Одесской въ гимназію и Херсонской въ четырехклассную прогимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій: Одесской въ гимназію и Херсонской въ четырехклассную прогимназію, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣть исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій: Одесской въ гимназію и Херсонской въ четырехклассную прогимназію, *мнѣніемъ положила*:

I. Преобразовать шестиклассныя прогимназіи Херсонскую и Одесскую: первую—въ четырехклассную прогимназію, а вторую—въ полную (четвертую) гимназію.

II. Преобразование сіе привести въ дѣйствіе постепенно, при чемъ въ Херсонской прогимназіи закрыть съ 1-го іюля 1893 года V классъ и съ 1-го іюля 1894 года VI классъ, а въ Одесской четвертой гимназіи открыть съ 1-го іюля 1894 года VII классъ и съ 1-го іюля 1895 года VIII классъ.

III. Расходъ, потребный: а) на содержаніе VII и VIII классовъ Одесской четвертой гимназіи—въ размѣрѣ 5.815 р., и б) на наемъ для этой гимназіи, начиная съ 1895 года, помѣщенія въ размѣрѣ 1.000 рублей въ годъ, отнести на кредиты, освобождающіеся вслѣдствіе преобразованія Херсонской прогимназіи, а именно въ 1894 г.—2.037 р. 50 к., въ 1895 г.—5.945 р. и съ 1896 г.—6.285 р. въ годъ, недостающую же затѣмъ на указанную надобность сумму (530 р.) обратить на кредитъ, отпускаемый на содержаніе восьмыхъ классовъ гимназій Одесскаго учебнаго округа.

IV. Лицъ, занимающихъ должности, упраздняемыя вслѣдствіе преобразованія Херсонской прогимназіи, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

Подлинное мѣіііе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

21. (4-го іюня 1893 года). *О передачу бывшаго зданія Строгановскаго центральнаго училища техническаго рисованія въ Москвѣ, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.*

Высочайше утвержденнымъ, въ 4-й день іюня 1893 года, положеніемъ комитета министровъ постановлено:

1) находящееся нынѣ въ вѣдѣніи министерства финансовъ бывшее зданіе Строгановскаго центральнаго училища технического рисованія, съ принадлежащимъ сему зданію усадебнымъ мѣстомъ, у Страшнаго монастыря, передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія Московской I прогимназіи, и

2) ассигнуемую изъ средствъ казны сумму по содержанію означенной прогимназіи—уменьшить на двѣ тысячи рублей.

22. (4-го іюня 1893 года). *Объ устройствѣ IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ городѣ Москвѣ.*

Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ устройствѣ IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ гор. Москвѣ, полагая испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на разрѣшеніе созвать означенный съѣздъ въ городѣ Москвѣ съ 3-го по 11-е января 1894 года съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила для предстоящаго съѣзда.

Государь Императоръ, въ 4-й день іюня 1893 г., на положеніе комитета министровъ Высочайше соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ. 16-го минувшаго іюня, на награжденіе нижеподписанныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряною медалью съ надписью „за усердіе“, на Александровской лентѣ для ношенія на груди:* губернскихъ

секретарей: учителей приходскихъ училищъ: Слободскаго, Новоалександровскаго уѣзда. Ковенской губерніи, *Утировицкаю* и Оренбургскаго IV мужскаго—*Сокурови* и учителя приготовительнаго класса Радомысльскаго. Кіевской губерніи, двухкласснаго городского училища *Завальнаю*; коллежскихъ регистраторовъ: учителей приходскихъ училищъ: Старокіевскаго двухкласснаго—*Палцкаю*, Перубайскаго, Одесскаго градоначальства. *Островскаю* и Александрійскаго городского однокласснаго. Херсонской губерніи. *Бачинскаю*; пенсійющихъ чиновъ: учителей приходскихъ: Забайкальской области: Стрѣтенскаго двухкласснаго — *Ариольда*, Александровскаго двухкласснаго—*Бородина*. Шилкинскаго—*Дурсенева*. Кондуевскаго *Эпова*.—Оренбургскаго V мужскаго—*Серебрякови*, Пермскаго I мужскаго Кирилло-Меодіевскаго—*Костарча*. Одесскаго Михаило-Семеновскаго—*Панктьева*, Кіевскаго Свято-Владимірскаго однокласснаго—*Вереденко*; учителей заведывающихъ училищами: двухклассными начальными: Самарской губерніи и уѣзда: Александртальскимъ — *Риттера*. Екатерининскимъ — *Алехтеевскаю*. Емлянскимъ—*Смирнова*, Гросъ-Либенгальскимъ русскимъ центральнымъ—*Савченко*. Илекскимъ русско-киргизскимъ однокласснымъ министерства народнаго просвѣщенія—*Токмакови* и исполняющаго обязанности помощника учителя Ревельскаго четырехкласснаго городского училища—*Киса*; учителей сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ: Медвѣдскаго, Попгородской губерніи, *Степанова* и Новоукраинскаго (Зынского). Елизаветградскаго уѣзда, *Зимана*; одноклассныхъ: Ольховскаго, Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда, *Чертенко* и Юговскаго мужскаго, Пермскаго уѣзда, *Пыликова*; Александрійскаго уѣзда: Куколовскаго—*Фонъ-Зорна* и Краснокамскаго—*Фонъ-Зорна*; перваго учителя Маркскаго двухкласснаго мужскаго сельскаго начальнаго училища, Варшавской губерніи, *Галадыка*; учителей начальныхъ училищъ: Одесскаго I-го еврейскаго двухкласснаго—*Калинверса*; Самарской губерніи: Самарскаго уѣзда: Екатерининскаго двухкласснаго—*Теплова*. Ольгино-Николаевскаго—*Кисляникина*, Кошкинскаго—*Покровскаго*, Петропавловскаго — *Ревина*, Русско-Селитьбенскаго — *Рождественскаю*, Раковскаго—*Ясенева* и Алексѣевскаго—*Алякринскаю*, Николаевскаго уѣзда: Брыковскаго—*Локоткова*. Кіевскаго—*Архангельскаю*, Падовскаго—*Алонзова*, Корнеевскаго — *Дмитріевскаю*, Марьевскаго — *Елистратова*. Перелюбскаго—*Баландина*. Пестравскаго—*Клюкова*, Савельевскаго—*Ульява* и Тарусовскаго—*Корневскаю*; Казанской губерніи, Мамадышскаго уѣзда: Колушинскаго инородческаго—*Степанова* и Ни-

кифоровскаго инородческаго—*Комисарова*; Рейнсфельдскаго колонистскаго земско-общественнаго, Самарской губерніи и уѣзда, *Кушке*; Радѣвскаго однокласснаго мужскаго сельскаго, Варшавской губерніи, *Новажоскаго* и Иажецкаго однокласснаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго, Радомской губерніи, *Маркевича*; одноклассныхъ общихъ начальныхъ Варшавской губерніи: Руди-Гусовскаго—*Янея*, П Жирардовскаго—*Курта*, Любенскаго сельскаго—*Батыцкаго* и Самборжецкаго гимназическаго, Радомской губерніи, *Соньти*; Сѣдлецкой губерніи: Тучневскаго—*Фялковскаго*, Прогаляйскаго—*Сементюка*, 2-го Мостовскаго—*Мушниця*, Грудскаго—*Врублевскаго*, Вулько-Добрынскаго *Трухачева*, Загайковскаго—*Смирнова*, Голубьскаго—*Полетяло* и Витторожскаго—*Гезюка*; учителя Варскаго Варшавской губерніи, городскаго однокласснаго мужскаго училища *Сосновскаго*; учителя школы для татарскихъ мальчиковъ гор. Казани *Мухомидинова* и учителя педагогическаго класса при Гроссъ-Либентальскомъ русскомъ центральномъ училищѣ *Стадниченко*; учителей начальныхъ народныхъ училищъ: Пермской губерніи: Кочневскаго, Камышловскаго уѣзда, *Кочнева*, Пермскаго уѣзда: Мотовилихинскаго мужскаго земскаго—*Сизонова*, Усть-Сызвинскаго—*Симинскаго* и Крестовоздвиженскаго—*Яковлева*; Шадринскаго уѣзда: Маслинскаго—*Кирилова*, Уксинскаго—*Вълоусова*, Басмановскаго—*Иртеюва*, Нижне-Петропавловскаго—*Гмчкова*, Сухринскаго—*Полошихъ* и Вугасевскаго—*Сотникова*; учителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Понгородской губерніи: Крестецкаго уѣзда: Старо-Веребьинскаго—*Прокофьевя* и Устюженскаго—*Гуричева*; Елизаветградскаго уѣзда: Новоархангельскаго—*Колодченко-Субботы* и Мигеевскаго—*Гузо*; учителей начальныхъ земскихъ училищъ Казанской губерніи: Чебоксарскаго уѣзда: Красновскаго *Троицкаго* и Вѣловоложскаго—*Смирнова*, Мамадышскаго уѣзда, Абдинскаго—*Богданова*, Чуринскаго—*Власова* и Кукморскаго—*Галиктионовя*; учителей народныхъ училищъ Гродненской губерніи: Слонимскаго уѣзда: Рожанскаго—*Радикевича*, Житлинскаго—*Романовича*, Деречинскаго—*Хмыля*, Сосновскаго—*Бартыня*, Гошчевскаго—*Ботача* и Коссовскаго—*Бобрика*; Кобринскаго уѣзда: Козинскаго—*Мартынова*, Волавельскаго *Ахраловича*, Стриговскаго—*Кирика* и Мотольскаго—*Дрона*; Врестскаго уѣзда: Станскаго—*Ивановскаго* и Радежскаго—*Антонюка*, Деричинковскаго, Гродненскаго уѣзда, *Кучко* и Масядскаго, Ковенской губерніи, Тельшевскаго уѣзда, *Кирнызова*; Витебской губерніи: Кинцовскаго, Себежскаго уѣзда, *Лопитиня*, Ленельскаго, Лепельскаго уѣзда, *Кулеша*, Стернянскаго,

Рѣжницкаго уѣзда, *Галлоди* и Одесскаго Бугаевского—*Горобченко*; Мелитопольскаго уѣзда: Михайловскаго 1-го—*Бахмутская*, Агайчанскаго 1-го—*Авраменко*. Нижесѣрагозскаго 2-го—*Воскресенская* и Петровскаго—*Гусева*. Мало-Булякскскаго земскаго, Одесскаго уѣзда, *Волкова*; одноклассныхъ: Германовскаго. Кіевской губерніи и уѣзда, *Патчинскаго*; Волинской губерніи; Любитовскаго, Ковельскаго уѣзда, *Минчука*; Кременецкаго уѣзда: Лаповенскаго—*Касьянчука*, Борецкаго—*Дидковскаго* и Лопушнянскаго—*Сыдлецкаго*; учителей земскихъ школъ: Херсонской губерніи: Одесскаго уѣзда: Печаянскоі—*Сопельника*, Галагліійскоі—*Бьялева*. Ковалевскоі—*Бьялоусова*, Александровскоі Ариутскоі—*Рудницкаго*. Тузовскоі—*Кристалля* (онъ же Кришталъ) и Польше-Булякскоі—*Господинова*; учителя Трубинскаго сельскаго училища Калужской губерніи. Малопрослапецкаго уѣзда, *Днерова*. и учительницъ: Оренбургскаго III женскаго приходскаго училища, *Зориной* и Булановскаго мужскаго сельскаго начальнаго училища. Оренбургскаго уѣзда. *Субботиной*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія. Всемилостивѣйше соизволилъ. 16-го іюня 1893 года. на награжденіе нижеподписанныхъ лицъ, оказавшихъ зною дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, *медальми, съ надписью „за усердіе“*, для пощенія на шею: золотыми, на лентѣхъ: *Андреевской*: почетнаго попечителя Владивостокской мужской прогимназіи. владивостокскаго 1-й гильдіи купца *Даншина* и председателя попечительнаго совѣта Сызранской женской гимназіи. сызранскаго 2-й гильдіи купца *Чурина*; *Александровской*—почетнаго блюстителя Евпаторійскаго 1-го приходскаго училища. синаторійскаго 2-й гильдіи купца *Демерджи*; *Владимірской*: бывшаго канцелямейстера Императорскихъ Московскихъ театровъ, сына коллежскаго ассессора *Щуровскаго*, потомственныхъ почетныхъ гражданъ: председателя попечительнаго совѣта Коломенской женской прогимназіи *Ленини* и почетнаго блюстителя Даниловскаго сельскаго училища. Донской области, *Мордовцева* и попечителя 6-го Ростовскаго-на-Дону городского мужскаго начальнаго училища. купца 2-й гильдіи *Горбенко*; *Аннинской*: почетнаго блюстителя Верхнеудинскаго. Забайкальской области. уѣзднаго училища. потомственнаго почетнаго гражданина *Голдобина*, почетнаго члена попечительнаго совѣта Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища. личнаго почетнаго гражданина *Васильева*, старосту Покровской церкви при Ташкентской женской гимназіи, ташкентскаго 2-й гильдіи купца *Те-*

зиковъ и почетнаго смотрителя Баталпаинскаго городского училища. Кубанской области, купца *Плотникова*, и *Станиславской*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: попечителей училищъ: Катунскаго мужскаго начальнаго народнаго, Балахинскаго уѣзда, *Поносовъ* и Перскаго сельскаго земскаго начальнаго народнаго. Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи, *Поздьева*, купцовъ первой гильдіи: бирскаго, почетнаго смотрителя Бирскаго уѣзднаго училища *Юдаева* и попечителя 3-го Мѣщанскаго въ гор. Ростовѣ-на-Дону начальнаго народнаго училища *Тимофеева*, купцовъ 2-й гильдіи: Троицкаго, предсѣдателя правленія общества попеченія о народныхъ училищахъ въ городѣ Троицкѣ и его уѣздѣ *Афанисьева* и Евнаторійскаго, почетнаго блюстителя Евнаторійскаго 2-го приходскаго училища *Васильева*, попечителей училищъ: 2-го Мѣщанскаго въ городѣ Ростовѣ-на-Дону начальнаго народнаго, 2-й гильдіи купца *Михайлова* и Ерахтурскаго сельскаго, Касимовскаго уѣзда, временнаго купца изъ крестьянъ *Качкова* и почетнаго блюстителя Дѣдинскаго мужскаго однокласснаго образцоваго училища министерства народнаго просвѣщенія, Зарайскаго уѣзда, крестьянина *Милякова*; *серебряными, на лентѣхъ*: *Владимірской*—сторожа при архивѣ комитета правленія академіи наукъ, отставнаго артиллерійскаго унтеръ-офицера 4-го флотскаго экипажа *Чиклаева*; *Алтинской*: учителя-завѣдывающаго Виленскою казенною школою русской грамотности № 3 *Фунца*, попечителя Ново-Николаевскаго начальнаго народнаго училища, Симферопольскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина *Шнейдера*, учителя столярнаго ремесла Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища, владикавказскаго 2-й гильдіи купца *Крейчи*, попечителей училищъ: Липецкаго сельскаго начальнаго, Покровскаго уѣзда, покровскаго 2-й гильдіи купца *Аксенова*, Калачевскаго начальнаго народнаго, Донской области, 2-й гильдіи купца *Бабушкина* и Ямкинскаго земскаго начальнаго народнаго, Богородскаго уѣзда, богородскаго купца *Купріянова*, члена попечительнаго совѣта Киренской женской прогимназіи, якутскаго мѣщанина *Попова* и попечителя Больше-Козинскихъ мужскаго и женскаго училищъ, Балахинскаго уѣзда, крестьянина *Рязанова*, и *Станиславской*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго блюстителя Таштынскаго и Усть-Абаканскаго приходскихъ училищъ, Минусинскаго округа, *Кузнецова* и попечителя Ишинскаго и Мало-Пичкаго начальныхъ народныхъ училищъ. Нижегородскаго уѣзда, *Митропольскаго*, помощника учителя еврейскаго начальнаго однокласснаго училища, состоящаго при Виленскомъ еврейскомъ учи-

тельскомъ институтѣ, личнаго почетнаго гражданина *Вольера*, купцовъ 2-й гильдіи: председателя попечительнаго совѣта Ирбитской Марининской женской прогимназіи *Константинова*, члена попечительнаго совѣта Енисейской женской гимназіи, почетнаго блюстителя Енисейскаго 1-го приходскаго училища *Кузнецова*, члена попечительнаго совѣта Троицкосавской женской гимназіи *Сердюкова*, члена-соревнователя совѣта Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ *Шейбля*, почетныхъ блюстителей училищъ: Казачинскаго приходскаго, Енисейскаго округа *Харченко* и Барвенковскаго двух-класснаго начальнаго народнаго министерства народнаго просвѣщенія, Изюмскаго уѣзда, *Ищенко*, попечителей училищъ: Бахмутскаго владимірскаго городского начальнаго *Першина*, Чадаевскаго, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, сельскаго, *Панфилова* и Насыпковскаго начальнаго народнаго, Феодосійскаго уѣзда, *Можавца*, нтергофскаго 2-й гильдіи купца *Петрова*, попечителя Рязанскаго Александровскаго 3-го женскаго городского приходскаго училища, рязанскаго купца *Шемасова*, члена попечительнаго совѣта Весегонской женской прогимназіи, краснохолмскаго 2-й гильдіи купеческаго сына *Бажкина*, попечителя Успенскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, временнаго богородскаго купца *Монихова*, надзирателя Одесскаго 1-го еврейскаго начальнаго училища, имѣющаго званіе учителя казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда *Айзенштейна*, вахтера при домахъ академіи наукъ, отставнаго унтер-офицера Гатчинскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ *Льскова*, главнаго швейцара при с.-петербургскомъ практическомъ институтѣ, служившаго въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку старшимъ вольнонаемнымъ музыкантомъ *Орлова*, почетнаго блюстителя Островскаго приходскаго училища и попечителя Орѣховскаго начальнаго народнаго училища, Донской области, гражданина гор. Юрьева *Фроль-Кюгельмена* и крестьянъ: попечителей начальныхъ училищъ: Курышнскаго, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, *Гусарова*, Ильинскаго, того же уѣзда и губерніи *Черноярова* и Давыдовскаго земскаго народнаго, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, *Гущины*, и для пошенія на груди: золотою, на Аннинской лентѣ, начальницу Вологодской Марининской женской гимназіи *Птачинскую* и серебрянными, на лентахъ: Аннинской: почетнаго блюстителя Удьянскаго училища, временнаго 2-й гильдіи купца *Ваулина*, учителя толярно-токарнаго и рѣзчицкаго ремесла въ ремесленномъ классѣ Цвѣгородскаго городского училища, мѣщанина *Смирнова*, сторожа

при главномъ зданіи Императорской академіи наукъ, мѣщанина *Григорьева*, почетнаго блюстителя Акимовскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Мелитопольскаго уѣзда, крестьянина *Павлова*, курьера при Августѣйшемъ Президентѣ академіи наукъ, отставнаго матроса 1-й статьи гвардейскаго экипажа *Телицына*, вахтера при домѣ академіи наукъ, отставнаго рядоваго 124-го пѣхотнаго воронежскаго полка *Стопчика*, служителя при архивѣ конференціи той же академіи, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи сапернаго батальона *Бийкова* и швейцара при домѣ ректора С.-Петербургскаго университета, отставнаго рядоваго команды внутренней стражи с.-петербургской крѣпости *Карасева* и *Станиславской*: кунцовъ 2-й гильдіи: предѣдателя попечительнаго совѣта Вознесенской женской прогимназіи *Ткачеви*, члена попечительнаго совѣта Елисаветградской женской гимназіи *Горифинкеля*, почетныхъ блюстителей приходскихъ училищъ: Верхне-Ноночеркасскаго, Донской области, *Титченко* и Екатерининскаго, той же области, *Одрова*, временныхъ кунцовъ: попечителей сельскихъ училищъ: Пѣтушенскаго начальнаго, Покровскаго уѣзда, *Биканова*, Переходскаго начальнаго народнаго, Повгородскаго уѣзда, *Рейрова*, и Пирочинскаго, Зарайскаго уѣзда, *Савинова*, разсыльнаго при канцеляріи С.-Петербургскаго университета, старшаго унтеръ-офицера 30-го пѣхотнаго резервнаго батальона *Шпорина*, нижняго служителя Ржевской прогимназіи, отставнаго унтеръ-офицера *Васильева*, попечителя Куланскаго начальнаго народнаго училища, Енаторійскаго уѣзда, отставнаго бомбардира лейбъ-гвардіи конной артиллеріи *Алейникова*, счетчика при кассѣ комитета правленія Императорской академіи наукъ, запаснаго канонира 22-й артиллерійской бригады *Грузнаго*, нижняго служителя Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, числящагося въ запасѣ, канонира свеаборской крѣпостной артиллеріи *Бяляева*, почетнаго блюстителя Фролово-Арчадинскаго приходскаго училища, Донской области, казака *Фролова*, швейцара при коллегіи Императора Александра II, отставнаго матроса гвардейскаго экипажа 1-й статьи *Булатова*, служителей: при студенческой шинельной С.-Петербургскаго университета, рядоваго 45-го одесскаго пѣхотнаго полка *Кузьмина* и при библіотекѣ того же университета, отставнаго рядоваго елисаветградской мѣстной команды *Инушкевича*, мѣщанъ: члена особой строительной комиссіи, составленной алапаевскою городскою думою по возобновленію сгорѣвшихъ зданій Алапаевскаго городского училища *Четвергова*, почетнаго блюстителя Новобугскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія *Кухту*,

учредителя и попечителя Могилъцевскаго начальнаго народнаго училища, Валахнинскаго уѣзда, *Заириджию*, начальника станціи „Мятлево“ на сызранско-виземской желѣзной дорогѣ *Адельберга* и преподавателя лѣбии въ Миклуличскомъ, Волынскаго уѣзда, народномъ училищѣ, *Зубовича*, конотопскаго мѣщанина *Школяренко*, мышкинскаго мѣщанина *Бирюкова*, почетныхъ блюстителей училищъ: Турлакскаго приходскаго однокласснаго, Аккерманскаго уѣзда, дивизійскаго поселенина *Чумиченко* и Камратскаго женскаго министерства народнаго просвѣщенія, Бендерскаго уѣзда, поселенина *Кальчика*, попечителя Балкоуцкаго общественнаго народнаго училища, поселенина *Пасяря*, крестьянъ, попечителей училищъ: на станціи „Залегоши“, орловско-грязской желѣзной дороги, *Китиева*, на станціи „Верховье“ *Домова*, Ясиноватскаго начальнаго народнаго, Бахмутскаго уѣзда, *Закоморнаго* Орѣховскаго сельскаго начальнаго, Славяносербскаго уѣзда, *Косенко*, Никольскаго начальнаго народнаго, Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи, *Фомина*, Абрамовскаго сельскаго начальнаго народнаго, Арзамасскаго уѣзда, *Китиева* и Слинкинскаго сельскаго, Тобольскаго округа, *Слинкина* и волостнаго писаря кагарлыкскаго волостнаго правленія, Кіевской губерніи и уѣзда, *Козярова*.

— Государь Императоръ, въ 16-й день истекающаго іюня, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе преподавателя французскаго языка частнаго реальнаго училища Мая въ С.-Петербургѣ *Эмилія Деляви* серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ для ношенія на груди на Владимірской лентѣ, за совершенный имъ подвигъ человеколюбія.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

24-го іюня 1893 года назначены: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Эзовъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія (Выс. пов. 29-го мая 1893 г.); ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Латышевъ*—вице-директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ ординарнымъ академикомъ (Выс. пов. 12-го іюня 1893 г.).

Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Ернштедтъ*—адъюнктомъ

Императорской академіи наукъ по классической филологіи и археологіи, съ 1-го мая 1893 г., съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности по университету; почетными попечителями на три года: Кіевской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Федоръ Терещенко*; Вятскаго реальнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шубинъ*.

Продолженъ срокъ командировки: за границу, съ ученою цѣлью: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Тяуберу* — по 1-е октября 1893 года; оставленному при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, *Поюдину*, по 1-е Марта 1894 г.; окончившимъ курсъ въ Императорскихъ университетахъ: св. Владиміра — *Петрижицкому*, съ 1-го іюня, и въ Московскомъ — *Кривоцову*, съ 1-го сентября 1893 г., обоимъ на одинъ годъ.

Командированы за границу, съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Зылинскій* — съ 1-го іюля по 20-е августа 1893 г.; приватъ-доцентъ и ассистентъ астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Грофе* — съ 20-го іюля по 10-е сентября 1893 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Скворцовъ* — съ 20-го іюня по 15-е сентября 1893 г.; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, окончившій курсъ въ семъ университетѣ съ дипломомъ первой степени, *Меліоранскій* — на три мѣсяца, съ 1-го августа 1893 г.; окончившій курсъ въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, съ дипломомъ первой степени, *Реканисегъ* — на два года, съ 1-го іюля 1893 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: тайные совѣтники, попечители учебныхъ округовъ: Рижскаго *Лавровскій* — на два мѣсяца (Выс. пов. 7-го іюня 1893 г.) и Западно-Сибирскаго *Флоринскій* — на двадцать восемь дней.

Объявлена Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность: попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Капустину*, за исполненіе особо возложеннаго на него порученія по званію председателя коммисіи разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства по поводу задержанія въ минувшемъ году нашими крейсерами канадскихъ промысловыхъ шхунъ,

занимавшихся боемъ морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря (Выс. пов. 2-го іюня 1893 г.).

12-го іюля 1893 г. *зачтенъ* въ командировку за границу съ ученою цѣлью экстраординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому совѣтнику *Александрову*—разрѣшенный ему заграничный отпускъ на 28 дней (Выс. пов. 29-го іюня 1893 г.).

Продолженъ срокъ командировки за границу, съ ученою цѣлью, ординарному профессору Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Бодуну-де-Куртено*—по 7-му сентября 1893 года.

Командированы съ ученою цѣлью за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ламанскій* и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Эйхельманъ* (Выс. пов. 1-го Іюля 1893 г.),—оба—на лѣтнее пакаціонное время 1893 г.; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сукколенковъ*—по 30-е сентября 1893 г. (Выс. пов. 1-го іюля 1893 г.); доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Крюкерь*—на четыре мѣсяца, съ 15-го сентября 1893 г.; докторъ медицины *Тепляшинъ* и преподаватель Кіево-Печерской гимназіи *Фохтъ*—на одинъ годъ; магистръ зоологій Императорскаго Поворосійскаго университета *Лебединскій*—на два года.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдателью ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Георгіевскому*—до сентября мѣсяца 1893 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россію: попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сергѣевскій* и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хрущовъ* (Выс. пов. 1-го іюля 1893 г.),—оба на два мѣсяца, и б) за границу, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Воронцовъ-Вельяминовъ*—на два мѣсяца.

Уволена, согласно прошенію, директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Скворцовъ*—отъ службы.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (2-го апрѣля 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при общежитіи братства святыхъ Кирилла и Меодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *восемь тысячъ пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается при общежитіи братства святыхъ Кирилла и Меодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, двѣ стипендіи: имени Его Императорскаго Величества Государи Императора Александра Александровича и Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

§ 2. Стипендіальный капиталъ въ 8.500 рублей внесенъ вкладомъ на вѣчное время въ нижегородское отдѣленіе государственнаго банка по билету отъ 29-го января 1893 г., за № 34717.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну, получаютъ совѣтомъ братства святыхъ Кирилла и Меодія и обращаются на содержаніе при означенномъ общежитіи двухъ стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благопріемъ и хорошими успѣхами, предоставляется Митрофану Михайловичу Рукавишникову. въ случаѣ его смерти—брату его Ивану Михайловичу Рукавишникову, а за смертію послѣдняго—совѣту братства святыхъ Кирилла и Меодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства святыхъ Кирилла и Меодія, право распоряженія процентами съ стипендіальнаго капитала для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

7. (14-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы титулярнаго совѣтника Надежды Яковлевны Пазухиной при Костромскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго вдовою титулярнаго совѣтника

Надеждою Икоулевною Пазухиною капитала въ *четыре тысячи пятьсотъ* рублей учреждаются при Костромскомъ реальномъ училищѣ пятнадцать стипендій имени завісѣдательницы.

Примѣчаніе. Съ измѣненіемъ платы за ученіе и количества $\%$ съ капитала должно будетъ измѣниться и число стипендій.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5 $\%$ государственнхъ бумагахъ, хранится въ костромскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Костромскаго реальнаго училища и, составляя неотъемлемую собственность послѣдняго, остается навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія означенныхъ процентныхъ бумагъ послѣднія обмѣниваются училищемъ на другія государственныя процентныя бумаги, какія окажутся наиболѣе выгодными.

§ 3. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совету Костромскаго реальнаго училища.

§ 4. Проценты съ сего капитала, за вычетомъ изъ нихъ въ казну 5 $\%$ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года назначаются бѣднымъ ученикамъ Костромскаго реальнаго училища на плату за ученіе ихъ въ училищѣ.

§ 5. Стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія въ Костромскомъ реальномъ училищѣ, но могутъ быть лишены стипендій по постановленію педагогическаго совѣта за малоуспѣшность въ наукахъ, если послѣдняя произошла по неуважительнымъ причинамъ, или за неодобрительное поведеніе.

§ 6. Могущіе образоваться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала употребляются на единовременныя пособія бѣднымъ ученикамъ училища вообще, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, а также на расходы по покупкѣ новыхъ $\%$ бумагъ взаменъ вышедшихъ въ тиражъ или по конверсіи сихъ послѣднихъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (14-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени помощника председателя архангельскаго губернскаго статистическаго комитета, Г. Г. Минейко, при Архангельской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, составившагося изъ пожертвованій членовъ архангельскаго губернскаго статисти-

ческаго комитета и изъ денегъ вырученныхъ отъ продажи брошюры „Воспоминаніи о Г. І. Минейко“, учреждается при Архангельской гимназіи одна стипендія имени Г. І. Минейко.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы, слѣдующей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. въ сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, выдаются стипендіату на приобретение учебныхъ пособій и другія его нужды.

§ 4. Въ стипендіаты избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій, съ утверждения предсѣдателя архангельскаго губернскаго статистическаго комитета, одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ уроженецъ Архангельской губерніи.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія въ гимназій, но можетъ быть лишенъ ея за безусылность или недобрыя поведеніе по опредѣленію педагогическаго совѣта, съ утвержденія предсѣдателя губернскаго статистическаго комитета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ преміаго незамѣщенія стипендіи остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для усиленія размѣровъ стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (22-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства тайнаго совѣтника Петра Павловича Кожина при пансіонѣ Владимірской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 7000 руб., пожертвованнаго владимірскимъ дворянствомъ, учреждается при пансіонѣ Владимірской мужской гимназій стипендія имени бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства Петра Павловича Кожина.

§ 2. Капиталъ этотъ присоединяется къ специальному капиталу дворянства, собранному на содержаніе 34 воспитанниковъ дворянскаго пансіона и заключающемуся въ 5% банковыхъ билетахъ на сумму 197.300 р., хранящихся въ сундукѣ владимірскаго дворянства въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ капитала въ 7.000 р. ежегодно вѣсть съ $\frac{1}{2}\%$ съ спеціального капитала въ суммѣ 9.865 р. вносятся въ мѣстное губернское казначейство въ спеціальныя средства Владимірской гимназіи.. по содержанію дворянскаго пансіона.

§ 4. Назначеніе стипендіата имени таиннаго совѣтника Петра Павловича Кожина изъ потомственныхъ дворянъ Владимірской губерніи, записанныхъ въ дворянскую родословную книгу, предоставляется непосредственно владимірскому губернскому предводителю дворянства, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ дворянствомъ сей губерніи и изложенныхъ въ постановленіи его 16-го января мѣсяца 1888 года.

§ 5. Означенный стипендіатъ подчиняется всѣмъ существующимъ нынѣ правиламъ, установленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и наложеннымъ въ положеніи о дворянскомъ пансіонѣ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 30-го іюня 1842 года.

10. (22-го мая 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго советника Юліана Ивановича Смоленскаго при Рыбинской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе долговременной и полезной дѣятельности Рыбинскаго городского врача Ю. И. Смоленскаго при Рыбинской мужской гимназіи учреждается одна стипендія его имени на счетъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ для этой цѣли его почитателями.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 4-го $\frac{1}{2}\%$ внутренняго займа, всего на сумму одна тысяча двѣсти рублей хранится въ Рыбинскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь всегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означенныхъ процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія или конверсіи на освободившіяся деньги приобрѣтаются вновь государственныя или гарантированныя правительствомъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5 $\frac{1}{2}\%$ сбора по закону 20-го мая 1885 г. назначаются на износъ платы за право ученія за одного изъ бѣдѣйшихъ учениковъ Рыбинской гимназіи изъ числа дѣтей жителей г. Рыбинска, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію. Могущіе же образоваться остатки отъ $\frac{1}{2}\%$ выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежит пожизненно Ю. И. Смоленскому, а затѣмъ Рыбинской городской думѣ. по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 5. Объ успѣхахъ и поведеніи ученика, пользующагося правомъ означенной стипендіи, начальство гимназіи ежегодно сообщаетъ Ю. И. Смоленскому, а впослѣдствіи городской думѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могуція встрѣтиться при примѣненіи сего положенія затрудненія разясняются Попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

11. (26-го іюня 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени присяжно повѣреннаго Франца Станиславовича Дыновскаго при университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи руб., завѣщаннаго университету Св. Владиміра присяжнымъ повѣреннымъ Францомъ Станиславовичемъ Дыновскимъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ облигаціяхъ втораго восточнаго займа за №№ 114.761, 115.272, 125.142 и 239.514, по тысячѣ руб. каждая хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета Св. Владиміра, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала выдаются въ стипендію одному изъ студентовъ университета христіанскихъ исповѣданій, на общихъ основаніяхъ, но преимуществу въ пользованіи стипендіею принадлежить родственникамъ завѣщателя, какъ въ мужской, такъ и въ женской линіяхъ.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа студентовъ родственниковъ завѣщателя принадлежитъ брату его присяжному повѣренному Евстафію Станиславовичу Дыновскому; въ случаѣ же отсутствія въ университетѣ студентовъ родственниковъ завѣщателя, избраніе стипендіата предоставляется правленію университета Св. Владиміра на основаніи существующихъ на сей предметъ общихъ правилъ, по соглашенію съ присяжнымъ повѣреннымъ Е. С. Дыновскимъ и назначеніе стипендіи переходитъ исполнѣ въ вѣдѣніе правленія университета Св. Владиміра въ случаѣ смерти Е. С. Дыновскаго.

§ 5. Могуція образоваться отъ временнаго незанятія или отъ

какихъ-либо иныхъ причинъ остатки отъ стипендіи причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (29-го іюня 1893 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго областнаго предводителя дворянства войска Донскаго Свѣты Ею Величества Генераль-Маіора Давида Ивановича Орлова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго Донскимъ Дворянствомъ въ суммѣ семи тысячъ руб. въ 5%, облигаціяхъ дворянскаго земельнаго банка учреждается при Харьковскомъ университетѣ одна стипендія имени Свѣты Ею Величества Генераль-Маіора Давида Ивановича Орлова.

§ 2. Означенный капиталъ долженъ храниться въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ Харьковскаго университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ триста руб. въ годъ.

§ 4. Остающаяся неизрасходованною сумма ежегодныхъ процентовъ присоединяется къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Если съ теченіемъ времени 5% государственныя бумаги будутъ обращены въ бумаги съ меньшею доходностью, и сумма ежегодныхъ процентовъ, за исключеніемъ государственнаго налога, составитъ менѣе 300 руб., правленіе университета дополняетъ эту сумму изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ.

§ 6. За израсходованіемъ всѣхъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, выдача стипендіи въ размѣрѣ менѣе 300 руб. приостанавливается впредъ до времени, пока стипендіальный капиталъ отъ приращенія процентами достигнетъ суммы, достаточной для выдачи стипендіи въ указанномъ размѣрѣ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ или окончательнаго погашенія облигацій дворянскаго земельнаго банка, дворянскому депутатскому собранію предоставляется право приобретать, въѣсто этихъ облигацій, другія гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 7. Стипендіатами могутъ быть дѣти дворянъ области поточесвенныхъ и личныхъ казначьяго происхожденія; назначеніе и выдача стипендіи производится на основаніи общихъ существующихъ для сего правилъ.

§ 8. Избраніе стипендіата предоставляется генераль-лейтенанту Давиду Ивановичу Орлову, а по смерти его дворянскому депутат-

скому собранію Области войска Донскаго, въ обоихъ случаяхъ. по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 9. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ. Но если кто либо изъ окончившихъ курсъ въ университетѣ стипендіатовъ пожелалъ впоследствии возвратить всю истраченную на воспитаніе его сумму или часть оной, то таковыя деньги составятъ особый фондъ для выдачи единовременныхъ пособій нуждающимся студентамъ, не получающимъ стипендій. по опредѣленіямъ депутатскаго собранія.

13. (29-го іюня 1893 г.). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго инспектора Инсарскаго городского четырехкласснаго училища Алексѣя Михайловича Мошкова при означенномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г.. на проценты съ капитала въ двѣсти рублей. пожертвованнаго горнымъ инженеромъ, коллежскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Михайловичемъ Мошковымъ, учреждается при Инсарскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ одна стипендія имени бывшаго инспектора сего училища Алексѣя Михайловича Мошкова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5%, государственныхъ бумагахъ. оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Инсарскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Инсарскаго городского училища. какъ его неотъемлемая собственности.

§ 3. Въ случаѣ выхода означенныхъ государственныхъ бумагъ въ тиражъ онѣ замѣняются такими же государственными процентными бумагами, соответствующей стоимости.

§ 4. Проценты съ сего капитала. за вычетомъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года удержанію въ казну. выдаются пополугодно избранному педагогическимъ совѣтомъ училища несостоятельному ученику. православнаго исповѣданія, преимущественно изъ лицъ крестьянскаго сословія. хорошихъ усилій и отличнаго поведенія.

§ 5. Въ случаѣ малоусилій или неодобрительнаго поведенія. стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣненія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Инсарскаго городского училища въ учебное заведеніе другого типа или разряда пожертвованный капиталъ переходитъ въ неприкосновенную собственность преобразованнаго училища, и проценты съ капитала сохраняютъ свое назначеніе, въ случаѣ же закрытія Инсарскаго городского училища, капиталъ передается, по усмотрѣнію директора народныхъ училищъ Пензенской губерніи, въ одно изъ начальныхъ училищъ Инсарскаго уѣзда, — для выдачи процентовъ съ оного въ стипендію одному изъ учениковъ.

14. (12-го іюля 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Ею Императорскаго Величества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго 108 волостными обществами Эстляндской губерніи, учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія имени Ею Императорскаго Величества.

§ 2. Капиталъ, на который учреждается стипендія, долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ Московскаго университета.

§ 3. Въ стипендію выдаются годовые проценты съ капитала по мѣсячно.

§ 4. Могущая образоваться сумма отъ незамѣщенія стипендіи въ теченіе какого-либо времени или отъ иныхъ причинъ присоединяется къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Стипендіатами назначаются, по опредѣленію правленія Московскаго университета на общихъ основаніяхъ назначенія стипендій студентамъ университетовъ, наиболѣе способные изъ обучающихся въ семъ университетѣ крестьянъ Эстляндской губерніи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (17-го іюля 1893 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Грибаповыхъ при Велико-Устюжской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 5-го декабря 1881 года, учреждаются при Велико-Устюжской женской прогимназіи пять стипендій имени Грибаповыхъ на счетъ процентовъ съ капитала въ

нять тысячь рублей, пожертвованнаго наслѣдниками умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Ильича Грибанова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій въ одной 4½% облигаціи внутренняго займа 1893 года, составляетъ неотъемлемую собственность прогимназій и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Облигація, по выходѣ въ тиражъ погашенія, замѣняется другими государственными процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ вышесозначеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ казну, назначаются на нужды стипендіатовъ по воспитанію и обученію ихъ и съ этою цѣлью выдаются на руки родителямъ ихъ или замѣняющимъ ихъ мѣсто, до окончанія стипендіатками полнаго курса женской прогимназій.

§ 4. Стипендіи назначаются бѣднѣйшимъ ученицамъ прогимназій, зарекомендовавшимъ себя благопріеміемъ, прилежаніемъ и хорошими успѣхами, преимущественно уроженкамъ Вологодской губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназій.

§ 6. Стипендіатамъ, остающимся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендіи остаются только по особымъ уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки обращаются въ государственныя процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Въ случаѣ закрытія женской прогимназій, стипендіальный капиталъ, на вышензложенныхъ основаніяхъ, зачисляется въ пользу того учебнаго заведенія, которое будетъ учреждено въ Великомъ Устюгѣ взаимѣнъ существующей прогимназій.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го іюля 1893 года. *Утверждены:* ordinарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Залыскій* и Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пекрисовъ*—въ званіи заслуженнаго ordinарнаго профессора, первый съ 25-го апрѣля и послѣдній съ 13-го мая 1893 г.; ordinарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Васильевъ*—деканомъ медицинскаго факультета сего университета на четыре года, съ 28-го апрѣля 1893 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—*Зининъ* и Юрьевскаго—*Пусторословъ*—ordinарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедрамъ: первый—чистой математики, съ 20-го февраля и послѣдній—уголовнаго права, съ 22-го мая 1893 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ римскаго права *Пассекъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римскаго права, съ 30-го мая 1893 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Митропольскій*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ частной паталогіи и терапіи, съ 19-го мая 1893 г.; сверхштатный ассистентъ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины *Куролько*—штатнымъ младшимъ ассистентомъ терапевтическаго отдѣленія сего института, съ 23-го мая 1892 г.; инспекторъ Читинской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гинзбургъ* и исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской седьмой гимназіи, статскій совѣтникъ *Громова*—директорами гимназій: первый—Читинской, съ 28-го апрѣля и второй—Архангельской, съ 1-го іюня 1893 г.; директоръ Иркутскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Гидзюкскій*—директоромъ Енисейской прогимназіи, съ 9-го іюня 1893 г.; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Элиманъ*—директоромъ Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени надворнаго совѣтника Чпжова, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности съ 22-го мая 1893 г.; исправляющій должность директора Камератскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Клюсовскій*—въ сей должности, съ 1-го іюня 1893 г.; землевладѣлецъ Курской губерніи, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ждановъ* и бердян-

скій купецъ *Тевсъ*—почетными попечителями учительскихъ семинарій на три года, первый—Гурской и второй—Преславской.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ *Подвысоцкій*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ общей патагогій, съ 11-го мая 1893 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Вѣховъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ римской словесности съ 1-го іюня 1893 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ ботаники *Саноженковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по кафедрѣ ботаники, съ 1-го мая 1893 г.; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Бѣликовъ*—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 1-го іюня 1893 года.

Перемѣнены: директоръ Архангельской гимназій, статскій совѣтникъ *Зборилъ*—директоромъ Вологодской гимназій, съ 1-го іюня 1893 г.

Определены: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ *Ланной*—членомъ особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, съ 20-го мая 1893 г.; изъ отставныхъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: *Модестовъ* и *Цивильковъ*—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія причисленными къ оному, первый—съ 22-го и второй—съ 27-го мая 1893 г.; окончившіе курсъ: въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ: съ дипломомъ первой степени—Павелъ *Янковичъ* и съ дипломомъ второй степени—Петръ *Кумаковъ* и въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Николай *Тулиновъ*—на службу по министерству народнаго просвѣщенія причисленными къ оному, первый—съ 6-го іюня, второй—съ 29-го и третій—съ 27-го мая 1893 г.; обучавшійся въ гимназій Императорскаго человѣколюбиваго общества, сынъ коллежскаго секретаря Николай *Серебrenниковъ*—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, канцелярскимъ служителемъ, съ 29-го апрѣля 1893 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ государственной канцеляріи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ *Зеленый*, съ назначеніемъ совѣтникомъ комитета правленія Императорской Академіи Наукъ съ 6-го іюня 1893 года.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: почетный членъ Пермскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, коллежскій совѣтникъ *Любимовъ*, съ оставленіемъ на службѣ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, съ 10-го мая 1893 г.; состоящій вторымъ преподавателемъ въ училищѣ, основанномъ при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополь, окончившій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени *Оадеевъ*, съ 15-го сентября 1892 г.

Оставлены на службѣ: заслуженные ординарные профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Фолькъ*—по 8-е іюня и *Руссовъ*—по 1-е іюля 1894 г.; директора: народныхъ училищъ Терской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грушевскій*, съ 24-го апрѣля 1893 г., на два года; Херсонскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Месняевъ*, Балтійской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Синимскій*—оба по 1-е іюля 1896 г.; и Московской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*, съ 13-го марта 1893 г., на пять лѣтъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—заслуженный, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буцаевъ*, съ 1-го марта и Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Защевъ*, съ 5-го апрѣля 1893 г., оба по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части.

Командированы съ ученою цѣлью: заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*, св. Владиміра—дѣйствительные статскіе совѣтники *Романовичъ-Славатинскій* и *Иконникъ* и Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Осокинъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Васильевскій* и статскій совѣтникъ *Соболевскій*, Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Наумевскій* и статскій совѣтникъ *И. Смирновъ*, св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Антоновичъ* и статскіе совѣтники *Бѣлоулицъ-Котляревскій*, *Флоринскій* и *Кулаковскій* и Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Успенскій* и статскіе совѣтники *Киритичиковъ* и *Штернъ*, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Веселовскій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—статскій совѣтникъ *Маркевичъ* и Казанскаго—статскій совѣтникъ *Богородицкій* и кол-

лежскій совѣтникъ *Александровъ* и исправляющіе должность экстраординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—надворный совѣтникъ *Платоновъ* и св. Владиміра *Голубевъ* и лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ *Кирскій*—въ Вильну на IX археологическій съѣздъ, нѣбольшій быть въ августѣ мѣсяцѣ 1893 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Армашевскій*—внутри Россіи, на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 8 дней; архивариусъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ *Вороновъ*—въ Москву и губерніи: С.-Петербургскую, Новгородскую и Олонецкую, по 20-е августа 1893 г.; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иностранцевъ*—на Кавказъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Кротовъ*—въ Пермскую губернію, лаборантъ при геологическомъ кабинетѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Ласкиревъ*—въ Черниговскую и смежныя съ нею губерніи, и хранитель зоологическаго музея Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій секретарь *Штиренъ*—къ берегамъ Бѣлаго моря, всѣ четверо по 1-е сентября 1893 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ *Сениновъ*—въ Москву, на три лѣтнихъ мѣсяца 1893 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Феофилактовъ*—внутри Россіи, на лѣтнее вакаціонное время 1893 г. и 28 дней; ординарный профессоръ того же университета, статскій совѣтникъ *Шмалъгаузенъ*—внутри Россіи, по 1-е октября 1893 г.; хранитель геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Кариканъ*—на Кавказъ, по 15-го октября 1893 г. и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Миллеръ*—внутри Россіи, съ 15-го августа по 15-е декабря 1893 г.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Дмитревскій*—на 28 дней; окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чесовичъ*, инспекторъ училищъ города Варшавы, статскій совѣтникъ *Ивановъ*, правители канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Оренбургскаго—статскій совѣтникъ *Орловъ* и Казанскаго—надворный совѣтникъ *Жиховъ* и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Ежоровъ*—всѣ пятаго на одинъ мѣсяцъ; дирек-

торъ Исковской гимназіи, статскій совѣтникъ *Новоселовъ*—по 25-е іюля 1893 г.; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ *Садокъ*—на шесть ведѣль; причисленный къ Министерству народнаго просвѣщенія, директоръ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, тайный совѣтникъ *Кулинъ* и дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Смирновъ*—на полтора мѣсяца; директора гимназій: Слуцкой—статскій совѣтникъ *Ивановскій*, Прилуцкой—статскій совѣтникъ *Фирсовъ* и Рижской городской—статскій совѣтникъ *Шведеръ* и учительскихъ семинарій: Вольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зимницкій* и Херсонской—статскій совѣтникъ *Леонтовичъ*, всѣ пятеро по 1-е августа 1893 г.; директоръ Виленской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Юницкій*—по 2-е августа 1893 г.; начальница Рыбинской Маріинской женской гимназіи *Малова*—по 6-е августа 1893 г.; директора реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Витте*, Казанскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ *Изюмовъ* и Елабужскаго—статскій совѣтникъ *Десницкій*—всѣ трое по 7-е августа 1893 г.; ректоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Будилловичъ* и инспекторъ студентовъ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Адьяевичъ*, оба по 10-е августа 1893 г.; начальница Казанской Ксеніинской женской гимназіи *Камкова*—по 12-е августа 1893 года; ординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Гордлевъ*, директоръ Омской гимназіи и училищъ Акмолинской и Семиналатинской областей, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*, гимназій: Черниговской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кизимовскій*, Немировской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ* и Полтавской—статскій совѣтникъ *Марковъ*, начальницы женскихъ гимназій: Калужской—*Бордюгова* и Вольской Маріинской—*Власенко*, директора Кременчугскаго Александровскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Дзюблевскій-Дзюбенко* и Θεодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Малиновскій*, всѣ восемь по 15-е августа 1893 г.; директора: Сарапульскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Генкель*—по 17-е августа 1893 г.; и Лубенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крутковъ*—по 20-е августа 1893 г.; ректоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—тайный совѣтникъ *Щелковъ* и Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ворошиловъ*, окружные инспекторы учебныхъ

округовъ: Виленскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Морозовъ*, Кіевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шульженко* и Кавказскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шенеръ*, директоры: Харьковскаго ветеринарнаго института. дѣйствительный статскій совѣтникъ *Риевскій* и народныхъ училищъ: губерній: Херсонской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фармаковскій*, Виленской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ставровичъ*, Гродненской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ*, Минской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимовевъ* и Пермской—статскій совѣтникъ *Роменскій* и областей: Кубанской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Блюдовъ* и Донской—статскій совѣтникъ *Остроумовъ*, правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пиневъ*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Ростовцевъ*; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители: V класса—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Скоробогатый* и статскіе совѣтники *Толмачевъ* и *Дебольскій*, VI класса—коллежскій совѣтникъ *Бѣликовъ*, VII класса—надворный совѣтникъ *Прибыльскій* и исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса—губернскій секретарь *Броссе*, помощникъ бухгалтера, титулярный совѣтникъ *Трошинъ*; помощники дѣлопроизводителей: титулярные совѣтники: *Тыстровъ*, *Розенбергъ* и *Герцинъ*; коллежскіе секретари: *Ивановъ* и *Кузнецовъ*, губернский секретарь, баронъ *Клодтъ-фонъ-Юренсбургъ* и коллежскій регистраторъ *Герцинъ* и канцелярскій чиновникъ, коллежскій регистраторъ *Раздольевъ*—въ тридцать—на два мѣсяца, главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Татлинъ*—на два съ половиною мѣсяца; директоръ С.-Петербургской третьей гимназій, тайный совѣтникъ *Лемоніусъ* на лѣтнее ваканціонное время 1893 г. и по 1-е сентября; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: статскій совѣтникъ *Бабинъ*, неимѣющій чина *Колохоловъ*—оба по 1-е сентября 1893 г. и титулярный совѣтникъ *Лосъ*—на три мѣсяца; директоръ Пензенскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Мясоедовъ*—до конца лѣтняго ваканціоннаго времени 1893 г. и учитель Гансальскаго городского училища, коллежскій регистраторъ *Рибчинскій*—на четыре мѣсяца. На лѣтнее ваканціонное время 1893 г.: инспекторы студентомъ Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсовъ*, Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Валдинъ* и Харьковскаго—коллежскій совѣтникъ *Али-*

крытскій; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой—статскій совѣтникъ *Янко*, седьмой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гобманъ*, восьмой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Моръ*, десятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Костевъ* и частной, Мал—*Кракау*, Кронштадтской—*Козеко*; Варшавскихъ: четвертой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Важеръ* и пятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кинскій*, Оеодосійской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, Радомской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смординовъ*, Маріампольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гевскій*, Николаевской-Александровской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балмкъ*, Книшиневской первой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соловьевъ*, Кіевской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поневъ*, Александровской-Сумской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сибилевъ*, Нижегородской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миropyрцевъ*, Царицынской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Третьяковъ*, Рязанской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Селтеевъ*, Сибирской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Савишниковъ*, Глуховской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лазаренко*, Харьковской первой—статскій совѣтникъ *Знаменскій*, Ростовской-на-Дону—статскій совѣтникъ *Филипповъ*, Новгородѣ-верской—статскій совѣтникъ *Лазаренко*, Прагской—статскій совѣтникъ *Водилаишъ*, Лодзинской—статскій совѣтникъ *Рождественскій*, Минской—статскій совѣтникъ *Васильевъ*, Оренбургской—статскій совѣтникъ *Сатурновъ*, Саратовской—статскій совѣтникъ *Бюлюбовъ*, Елатомской—статскій совѣтникъ *Тихій*, Прославской—коллежскій совѣтникъ *Висотскій*, Шавельской—коллежскій совѣтникъ *Свирьлинъ*, Императора Александра III въ Болградѣ—коллежскій совѣтникъ *Орловъ*, Пермской—коллежскій совѣтникъ *Алфіоновъ*; начальники желѣзныхъ гимназій: Череповецкой—*Востинская*, Саратовской—*Ульрихъ*, Саранульской—*Крелленбергъ*, Царицынской-Маріинской—*Кочина*, Владикавказской-Ольгинской—*Соболева*, Прославской-Маріинской—*Муратова*, Шуйской—*Анишина*, Екатеринодарской городской—*Кушениъ*, Орловской-Николаевской—*Никитина*, Владимірской земской—*Коконкина*, частной, Бессъ, въ Москвѣ—*Бессъ* и Болградской—*Жидовская*; директоры прогимназій: Херсонской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Супруненко*, Измаильской—статскій совѣтникъ *Чеховскій*, Одесской—статскій совѣтникъ *Озрымьенко*, Острожской—статскій совѣтникъ *Горкуновъ*, Уманской—статскій совѣтникъ *Корсунскій*, гомельской—статскій совѣтникъ *Покровскій* и Аккерманской—статскій со-

вѣтчикъ *Друцовъ* и Пятигорской—статскій совѣтникъ *Коленко*; директоры реальныхъ училищъ: Костромскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буликъ*, Николаевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тарапонинъ*, Астраханскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Витпрадскій*, Одесскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*, Бакинскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Камenskій*. Ейскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чечелевъ*. Кронштадтскаго—статскій совѣтникъ *Фридрихсбергъ*, Московскаго—статскій совѣтникъ *Зезеръ*, Кіевскаго—статскій совѣтникъ *Голодерекеръ*, Тамбовскаго—статскій совѣтникъ *Евровскій*. Сумскаго—статскій совѣтникъ *Грицай*, Влоцлавскаго—статскій совѣтникъ *Аминтовъ*, Пермскаго Алексіевскаго—статскій совѣтникъ *Дмитріевскій*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ—статскій совѣтникъ *Баминскій*, Юрьевскаго—надворный совѣтникъ *Соколовъ* и Ростовскаго на Дону Петровскаго—*Сиранидики*; директоры учительскихъ институтовъ: Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Парамоновъ* и Тифлискаго Александровскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коловничъ*; директоры учительскихъ семинарій: Рязанской Александровской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Высотскій*, Казанской—статскій совѣтникъ *Бобровниковъ*, Омской—статскій совѣтникъ *Водяниковъ* и Преславской—статскій совѣтникъ *Уаровъ*, исправляющій должность директора Молодечненской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Ошвейскій*, директоръ Одесскаго коммерческаго училища, статскій совѣтникъ *Боровскій* и директоръ Александровскаго Саратовскаго дворянскаго пансіона-пріюта, надворный совѣтникъ *Смолянниковъ*. Сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1893 г.: директоръ Александровской старобѣльскаго гимназіи, статскій совѣтникъ *Пробриженскій*—на 10 дней; директоръ Череповскаго реальнаго училища *Корчака-Гречина*—на 12 дней; директоры гимназій: Казанской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ишеникъ* и Кіевской четвертой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайловъ*—оба—на 28 дней; 6) въ Россіи и за границу: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никитинъ*, окружной инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соловьевъ*, правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Эймонъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Юшкевичъ*—все четверо на два мѣсяца; директоры гимназій: Ченстоховской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дизловичъ*, Варшавскихъ: третьей—дѣйствительный

статскій совѣтникъ *Соколовъ* и шестой—статскій совѣтникъ *Истоминъ*, Златопольской—статскій совѣтникъ *Турчаковскій* и Житомирской—надворный совѣтникъ *Сидоровъ* и директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Осе*—все шестеро на лѣтнее ваканціонное время 1893 г. и директоръ Варшавской второй гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*—на лѣтнее ваканціонное время 1893 г. и 15 дней, и в) за границу: лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета *Концевичъ* и прачъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Вольбергъ*—оба на 28 дней; секретарь совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Орловъ*—на 29 дней; членъ-сореволюпатель попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, коллежскій совѣтникъ *Перепелкинъ*—на одинъ мѣсяць; лаборантъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассессоръ *Игнатьевъ*—по 25-е іюля 1893 г.; учитель Варшавской второй мужской прогимназій *Марковский*, смотритель Пальчикинской окружной горской школы, надворный совѣтникъ *Каракешинцевъ*—оба по 1-е августа 1893 г.; прачъ Ковенскаго начального еврейскаго училища *Абрамзонъ*—на шесть недѣль; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Хвольсонъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Браудъ*, начальница Алексковской женской прогимназій *Колчанова*, учитель-инспекторъ Ростовскаго-на-Дону городского четырехкласснаго училища, надворный совѣтникъ *Чернинъ*, штатный смотритель Куявскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Билуцкино* и учитель Кіевскаго городского приходскаго училища, губернский секретарь *Жукъ*—все шестеро по 15-е августа 1893 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Данилевскій*—по 18-е августа 1893 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Столытовъ*, лекторъ Императорскаго Юрьевскаго университета, коллежскій ассессоръ *Германъ* и учитель Николаевскаго двухкласснаго начального еврейскаго училища *Гройсманъ*—все трое по 20-е августа 1893 г.; ординаторъ при глазной клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь *Гарлинскій*, до конца лѣтняго ваканціоннаго времени; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ридонжескій*, начальникъ Ломжинской учебной дирекціи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гавловскій*, секретарь бібліотеки Им-

нераторскаго Варшавскаго университета *Добржинскій*, врачъ Александровскаго евангелическаго городского въ Москвѣ училища *Вельбергъ*, учитель Сунрасельскаго лютеранскаго училища, Гродненской губерніи, *Резлера* и учительница Рязанскаго Александровскаго городского приходскаго училища *Ширяца*—всѣ шесть на два мѣсяца; директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, тайный совѣтникъ *Канниовъ*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Мусселиусъ*, почетный попечитель частной гимназіи К. Мая въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Май*, директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, статскій совѣтникъ *Красевъ* и преподаватель Болградской женской гимназіи *Кулешиовъ* — всѣ пятеро по 1-е сентября 1893 г.; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рукавишниковъ*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища коллежскій ассессоръ *Петровский* и помощникъ бібліотекаря Императорскаго Юрьевскаго университета *Кордтъ* — всѣ трое на три мѣсяца; ректоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Богдановъ* — по 15-е сентября 1893 г.; почетный попечитель Рязанской гимназіи, надворный совѣтникъ *фонъ-Дервизъ* — на четыре мѣсяца; временной преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Лябль* и главная воспитательница Варшавской первой женской гимназіи *Туркова* — по 1-е октября 1893 г. На лѣтнее ваканціонное время 1893 г.: непремѣнный секретарь Императорской академіи наукъ, ординарный академикъ сей академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Штраухъ*, инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Латоріо*, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Совьтовъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — статскій совѣтникъ *Поссе*, Московскаго — тайный совѣтникъ *Склифусовскій* и статскій совѣтникъ *Соколовъ*, Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Павинскій*, Юрьевскаго — статскій совѣтникъ *Кохъ* и Харьковскаго — статскій совѣтникъ *Кумачевскій*, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Смирновъ*, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миллеръ*, за-

служенный профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бейлиштейнъ*, профессоръ сего института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вилежинскій*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — коллежскій совѣтникъ *Введенскій*. Московскаго — статскіе совѣтники *Гамбаровъ* и *Зубковъ* и Казанскаго — коллежскій совѣтникъ *Штеръ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ *Шеборъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора демидовскаго юридическаго лица *Румѣбертъ*, адъюнкты-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Дентъ*, прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Пржевальскій*, доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Малинъ*, приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — *Селивановъ*, Московскаго — *Бѣльскій* и *Милуковъ* и Харьковскаго — *Колмакичъ* и *фонъ-Зелеръ*, сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь *Дмоховскій*, сверхштатные ординаторы при акушерской клиникѣ того же университета, лѣкаря *Маркъ* и *Гликсманъ*, сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи растений Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Петровскій*, лекторъ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Флери*, лаборантъ того же университета *Горбовъ*, преподаватель Варшавскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Наркевичъ*; директоры гимназій: Люблинской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сымалевичъ*, Плоцкой — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Федюскій*, Калининской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Семеновичъ* и Императорской Николаевской Царско-Сельской *Георгиевскій*, начальницы женскихъ гимназій: Гельсингфорской — *Гуть*, частной М. Стоюниной въ С.-Петербургѣ — *Стоюнина*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ — *Фробенъ* и частной, Арсеньевой, въ Москвѣ — *Арсеньева*, директоръ Новгородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Котельковъ*, директоръ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ — *Данс*, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сентъ-Илеръ*, исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Прилуцкой — статскій совѣтникъ *Ружицкій* и Тифлисской третьей — коллежскій совѣтникъ *Пашменевскій*, временно-исполняющій обязанности помощника дирек-

тора Рижской городской гимназіи *Динненбергъ*, помощница начальницы частной женской гимназіи княгини Оболенской въ С.-Петербургѣ *Герстфельдъ*, инспекторъ Бакинскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Твердый*, инспекторъ Лодзинскаго высшаго реального училища, статскій совѣтникъ *Карповъ*, преподаватели гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ: статскій совѣтникъ *Фортунатовъ* и надворный совѣтникъ *Вульфъ*, преподаватели гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рене-Семенъ* и статскіе совѣтники *Юриксенъ* и *Ланге*, репетиторъ Императорскаго московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ *Гвириленко*, учителя мужскихъ гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—*Василевъ*, второй—*Клебергъ* и *Гонтертъ-де-Либоссъ*, шестой—*Кабеле*, седьмой—*Карповичъ*, восьмой—*Ильгевичъ*, десятой—*Судлашый* и частной К. Мая—*Липовскій*, Императорской Николаевской царскосельской—*Цыбульскій*, Московской четвертой—статскій совѣтникъ *Петипьеръ*, Калужской—статскій совѣтникъ *Шиффельдъ*, Орловской—статскій совѣтникъ *Колянковскій*, Витебской—статскій совѣтникъ *Глыбовъ*, Курской—статскій совѣтникъ *Брезоваръ*, Кутанской—статскій совѣтникъ *Нарбутъ*, Рымельевской—статскій совѣтникъ *Бавлинка*, Николаевской-Александровской—статскіе совѣтники *Кейзларъ* и *Деннартъ*, Кіевской первой—коллежскій совѣтникъ *Григоровичъ* и *Пазиренко*, Кіево-Печерской—коллежскій совѣтникъ *Валькеръ* и *Русси*, Лубенской—коллежскій совѣтникъ *Андерле*, Виленской первой—коллежскій совѣтникъ *Счастливцевъ*, Житомирской—надворный совѣтникъ *Лятовинскій*, Кишиневскихъ: первой—*Мирекъ* и второй—*Бонне*, Ковенской—*Лаврентьевъ*, Варшавскихъ: первой—*Гидляцкій* и *Здиновичъ*, третьей—*Шестаковъ*, *Хойко* и *Удовскій*, четвертой—*Бобрукъ*, *Видовскій*, *Слацевскій* *Дуйсбургъ*, и *Форна*, второй—*Ханецкій*, *Лаудонъ* и *Апель* и шестой—*Пору*, *Гольдбергъ* и *Гляссъ*, Прагской—*Диспутъ* и *Жика*, Ченстоховской—*Грибовскій*, *Дубицкій*, *Влодарскій* и *Госсовскій*, Люблинской—*Боровскій*, *Лопатинскій*, *Гвстахевичъ*, *Толубевичъ* и *Алексевичъ*, Лодзинской—*Врублевскій* и *Служевскій*, Плоцкой—*Миллеръ* и *Куртонъ*, Калишской—*Смогоржевскій*, *Галчинскій*, *Реуттъ* и *Росицкій*, Сувалской—*Пожерскій*, Радомской—*Каль* и *Нугаредъ* и Кѣлецкой *Рыбарскій*, *Матуловичъ*, *Шнерль*, *Стравинскій*, *Эваръ* и *Лебедевъ*, законоучители гимназій: Лодзинской—римско-католическаго исповѣданія ксендзъ *Брженчовскій* и еврейскаго закона вѣры *Донзинъ* и варшавской шестой—лютеранскаго исповѣданія *Мединъ*, преподава-

тель и воспитатель пансіона Императорской Казанской первой гимназіи, надворный совѣтникъ *Горталовъ*, исправляющій должность старшаго учителя Рижской городской гимназіи *Порлаумъ*, учителя женскихъ гимназій: частной г-жи Шаффе въ С.-Петербургѣ—*Образцовъ*, Одесской-Марининской—статскій совѣтникъ *Дренеръ*, Сунапской—*Аничковъ*, Лодзинской—статскій совѣтникъ *Жуковъ* и *Бурневскій*, и частной З. Перепелкиной въ Москвѣ—*Кипликъ*, исправляющій должность учителя Бакинской Марининской женской гимназіи *Емельяновъ*, учительницы женскихъ гимназій: Тверской Марининской—*Прейсъ*, Одесской второй—*Бродецкая*, Кіевской—*Козакевичъ*, и Варшавскихъ: первой—*Брендель* и третьей—*Павлова* и *Мединъ*, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавскихъ: второй—*Покровская*, и четвертой—*Луцкая*, и Плоцкой—*Смолинская*, воспитательница Варшавской первой женской гимназіи *Вгберъ*, надзирательница Варшавской второй женской гимназіи баронесса *Бойе*, учителя мужскихъ прогимназій: Варшавскихъ: первой—*Конерницкій*, *Дзядулевичъ*, *Радминскій* и *Гурбаль* и второй—*Ридзюкинасъ*, Сандомирской—*Пржибыловскій*, Вионской—*Повакъ* и *Вольфензонъ*, Измайловской—*Проданъ* и Одесской—*Драгонъ*, учительницы женскихъ прогимназій: Крелевецкой—*Олевская* и Николаевской—*Вержиковская*, учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: пераго—*Левъ*, втораго—*Ивановъ* и частнаго Гуревича *Ситруве*, Московскаго—статскій совѣтникъ *Кастильонъ* и *Леоновъ*, Тверскаго—*Паульсенъ*, Варшавскаго—статскіе совѣтники: *Макаровъ*, *Бялскъ* и *Клявель*, *Делакруа* и *Камъ*, Ловичскаго—*Плеуальтъ-Дубсъ*, Ровенскаго—статскій совѣтникъ *Чехикъ*, Одесскаго—коллежскій совѣтникъ *Князевъ*, Тифлискаго—статскій совѣтникъ князь *Микеладзе*, Николаевскаго-Александровскаго—статскій совѣтникъ *Генель*, Мянскаго—статскій совѣтникъ *Булае* и коллежскій ассессоръ *Пинеръ*, Орловскаго-Александровскаго—коллежскій совѣтникъ *Ферзовъ*, Астраханскаго—коллежскій совѣтникъ *Рудневъ*, Сумскаго—коллежскій совѣтникъ *Рышетиловичъ*, Рижскаго городского—коллежскій совѣтникъ *Бюннеръ* и *Вестбергъ*, Уральскаго—надворный совѣтникъ *Рамзсѣйръ*, Іюискаго—*Добровольскій*, и частнаго, Воскресенскаго, въ Москвѣ, *Беркутъ*, исправляющій должность учителя Бакинскаго реальнаго училища *Шульцъ*, помощникъ классныхъ наставниковъ сего училища *Рыжовъ*, учитель училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ *Крейсъ*, учителя училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: св. Петра—*Піотровскій* и *Штгінманъ*, св. Анны—*Танцнеръ* и *Нейманъ* и св.

Екатерины—*Вобіенскій*, *Кроценъ* и *Конис*, учитель Одесскаго коммерческаго училища *Тириминъ*, по Варшавскому институту глухонемых и слѣпыхъ: учителя: коллежскій ассессоръ *Трояновскій*, титулярный совѣтникъ *Радзишевскій* и коллежскій секретарь *Витковскій*, законоучитель римско-католическаго исповѣданія, ксендзъ *Мартынский* и учительница *Доманская*, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса, коллежскій ассессоръ *Герсонъ*, учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: статскій совѣтникъ *Маркевичъ*, коллежскіе совѣтники *Шмидтъ* и *Фуксъ*, учитель-инспекторъ Томашовскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища, надворный совѣтникъ *Модеровъ*, учитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Воль*, учительскій помощникъ Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Петевичъ*, учитель Радомскаго двухкласснаго мужскаго городского начальнаго и воскресно-ремесленнаго училищъ *Гржибовскій*, учитель Маркскаго двухкласснаго сельскаго начальнаго училища *Голадыкъ*, старшій учитель Томашовскаго однокласснаго городского еврейскаго начальнаго училища *Германъ*, учителя одноклассныхъ начальныхъ училищъ: перваго Жирардовскаго—*Фабіанскій* и Мазевскаго общаго—*Гарбовскій*, учительницы одноклассныхъ училищъ: Воиковице-Костельнаго сельскаго начальнаго—*Щевицъ* и Маркскаго женскаго—*Голадыкъ* и учительница Кубейскаго женскаго училища, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, *Каринфиль* и помощники учителей начальныхъ еврейскихъ училищъ: Дубровецкаго—*Пучковъ* и Проскуровскаго однокласснаго—*Зилберманъ*; сверхъ лѣтняго ваканціоннаго времени 1893 г.: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вольфринъ* и Казанскаго—статскій совѣтникъ *Котовицковъ* оба по 8 дней; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Диданскій* и Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гиршманъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Блюкъ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Дыновскій* и исправляющій должность инспектора Варшавской пятой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Стефановичъ*—всѣ по 10 дней; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дювернуа*—по 15 дней; заслуженные ординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета: тайный совѣтникъ *Васильевъ* и дѣйствительный

статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники *Гоиеръ* и *Косинскій*. Юрьевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эншельманъ* и Харьковскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ *Оболенскій*, почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляхицкій* и учитель Серпуховской Александровской прогимназіи *Ржаншиевъ*—по восемь на 28 дней, лекторъ Императорскаго университета *Фадд-Алла-Сарруфъ*—на два мѣсяца.

Уволены: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эншельманъ*, за выслугою свыше 35-ти лѣтъ въ сей должности, изъ штата профессоромъ университета, съ 22-го мая 1893 года, съ оставленіемъ въ должности декана юридическаго факультета того же университета до 4-го марта 1894 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эттингенъ*, съ 25-го іюня, инспекторъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Еленевъ*, съ 30-го апрѣля, ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Субботинъ*, съ 11-го мая, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Богомоловъ*, со 2-го іюня, директоръ Енисейской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Фалевъ*, по болѣзни, съ 27-го мая, и доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскій секретарь *Мальцовъ*, съ 20-го мая 1893 года.— всѣ шестеро отъ службы, первый за выслугою 30-ти лѣтъ по учебной части, а остальные согласно прошеніямъ, съ дозволеніемъ послѣднему носить въ отставку мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: Игуменскому уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, въ лицѣ председателя оного, коллежскаго совѣтника Столярова за содѣйствіе къ устройству библиотекъ при народныхъ училищахъ Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи; архитектору Харьковскаго учебного округа, статскому совѣтнику *Шустеру*, за дѣятельное и безвозмездное участіе его, до назначенія еще на настоящую должность, въ устройствѣ домовою церкви при Харьковской третьей гимназіи; вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Бибиковой* и вдовѣ статскаго совѣтника *Левшиной*, за сдѣланныя ими пожертвованія въ

пользу начальныхъ училищъ; члену Великолукскаго уѣзднаго училищнаго совѣта *Горбунову*, за заслуги его по дѣлу начальнаго народнаго образованія; попечителю начальнаго училища въ селѣ Поселкѣ Хвалыискаго уѣзда, Саратовской губерніи, земскому врачу *Звягинцеву*, за попеченіе о нуждахъ сего училища; попечителю Добра-сельскаго народнаго училища, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи, дворянину *Риозину*, за пожертвованіе въ пользу названнаго училища; прусскому подданному, временному зарайскому второй гильдіи кунцу *Редерсу*, за пожертвованіе въ пользу Зарайской женской прогимназіи; попечителямищъ Воробьевскаго и Колединскаго начальныхъ училищъ, Подольскаго уѣзда, землевладѣльщицъ *Ершиной*, за пожертвованія въ пользу народнаго образованія; войсковому старшинѣ *Радзико*, за пожертвованія въ пользу Нестеровскаго станичнаго училища Терской области; учителю Ганушинскаго народнаго училища, Новоалександровскаго уѣзда, Копенской губерніи, *Кузьмину*, за усердную и полезную его дѣятельность на пользу народнаго образованія.

Исключены изъ списковъ умершіе: вице-президентъ Императорской академіи наукъ дѣйствительный тайный совѣтникъ *Гротъ*, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Несвѣровъ*, дѣйствительные статскіе совѣтники: совѣтникъ комитета правленія упомянутой академіи *Ланге* и причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія—*Дьяковъ* и *Боннель* и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Гаттенбергъ*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Сочиненія *Н. В. Гоголя*. Изданіе одиннадцатое. Редакція *Н. С. Тихонравова*. Съ двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками. Изданіе *А. Ф. Маркса*. С.-Пб. 1893. Пять томовъ: въ I-мъ XII+386 стр.; во II-мъ 591; въ III-мъ 583; въ IV-мъ 611; въ V-мъ 417. Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп.“—

рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ. для старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ второй. Москва. 1893, стр. XII+403. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „И. Египетъ. Обученіе искусству письма съ гигиенической точки зрѣнія. Съ 11-ю рисунками. М. 1893. Въ 8-ку, 38 стр. Цѣна 25 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Методика грамоты по историческимъ даннымъ. Изложилъ *И. Паульсонъ*. Часть I. С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л.. 441 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ и ученическія бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „Ступени русскаго диктанта. Практическое руководство къ легчайшему изученію русскаго правописанія въ объемѣ элементарнаго курса безъ пособія грамматики. Составилъ по опыту *Е. И. Гасабовъ*. Тула. 1891. Часть I. Образцы систематическаго диктанта. Книга для учителей съ приложеніемъ методическихъ указаній. Цѣна 40 коп. Часть II. Книга для учащихся съ приложеніемъ орфографическаго указателя. Цѣна 65 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „*М. Вольмеръ*. Практическая русская грамматика. Изд. 2-е. С.-Пб. 1892. Въ 8-ку. 159 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ и преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣти. при поступленіи. не владѣютъ русскою разговорной рѣчью.

— Книгу: „Находка. Разказъ для дѣтей *Е. Поливановой*. М. 1893. Въ 8-ку. 35 стр. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Друзь животныхъ. Иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ“. Подъ редакціею Блокка. Ревель. Цѣна за годъ 2 руб. №№ 1—6 за 1893 годъ допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

— Книга, подъ заглавіемъ: „Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя В. И. Модестовымъ. С.-Петербургъ 1888 г. Въ 8-ю долю листа, 764 страницы. Цѣна 5 руб.“—его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія рекомендована для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ ученаго коммтета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію о конкурсѣ въ 1893 г. на преміи по составленію учебныхъ руководствъ и пособій для промышленныхъ училищъ.

На основаніи утвержденнаго г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра положенія о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ) объявляется въ 1893 году конкурсъ на составленіе учебныхъ руководствъ по слѣдующимъ предметамъ:

I. Механика, устройство машинъ, механическія производства, технология дерева, технология металловъ,

II. Химія, химическія производства.

III. Математика, физика, электротехника, метеорологія.

IV. Строительное искусство.

V. Сельско-хозяйственная технология, общее и частное земледѣліе, скотоводство, сельско-хозяйственныя орудія и машины, сельско-хозяйственная экономія и счетоводство.

VI. Горное искусство, металлургія, машиностроительское искусство.

VII. Естественная исторія, съемка и нивелировка, коммерческая географія и основанія политической экономіи, счетоводство и коммерческая корреспонденція, узаконенія.

Составители сочиненій, представляемыхъ для соисканія премій, должны принять во вниманіе:

1) Утвержденное г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра положеніе о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособия для промышленныхъ училищъ отпечатанное въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 года.

2) Высочайше утвержденныя 26-го іюня 1889 г. таблицы числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ промышленныхъ училищахъ, а также утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 27-го сентября 1889 года уставы училищъ: среднихъ, низшихъ техническихъ и ремесленныхъ.

3) Обнародованныя и имѣющія быть обнародованными программы упомянутыхъ выше промышленныхъ училищъ.

Сочиненія должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позднѣе 25 декабря 1893 г.

Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаться рассмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія рукописныя, а также печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11-го мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одною въ 3000 рублей и другою въ 1000 рублей, имени *А. О. Гильфердинга*, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п., при чемъ съ большою полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи“ (премій въ 3000 руб.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—полити-

ческомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., при чемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Изъ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси⁴ (премія въ 1000 руб.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14-го февраля 1897 года.

Премиированные сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору*).

*) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экземпляровъ.

О НАХОЖДЕНИИ ЯНТАРЯ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ ¹⁾.

Уже древнимъ грекамъ и римлянамъ было извѣстно, что въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи встрѣчается янтарь; Плиній ²⁾ упоминаетъ о томъ, что въ Скиіи это драгоценное ископаемое добывается въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ бѣлый и восковаго цвѣта, а въ другомъ красножелтый. Какія именно мѣста имѣлись въ виду римскимъ писателемъ, едва ли можно опредѣлить съ точностью. По мнѣнію Забѣлина ³⁾, Плиній говоритъ объ окрестностяхъ Кіева; Садовскій ⁴⁾, съ своей стороны, догадывается, что означенныя два мѣста находились въ царствѣ Польскомъ, гдѣ съ давнихъ временъ занимаются конаніемъ янтаря, въ особенности по р. Наревѣ, о чемъ подробнѣе будетъ сообщено ниже.

Такъ какъ нахожденіе янтаря въ Россіи представляетъ немалый интересъ въ научномъ отношеніи, а добычаніе его, можетъ быть, со временемъ приобрѣтетъ и практическое значеніе, и въ виду того,

¹⁾ Настоящая статья была уже вся написана, когда появилось важное и для нашего вопроса сочиненіе Н. Соколова: „Палеонетричныя отложенія южной Россіи“ (Труды Геологическаго Комитета, т. IX, № 2, 1893). И счелъ необходимымъ воспользоваться тѣми данными о нахожденіи янтаря, которыя разбросаны въ этомъ замѣчательномъ трудѣ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что ссылки на означенное сочиненіе помѣщены болѣею частью только въ выноскахъ.

²⁾ Plineius, Hist. nat., 37, 38: „Philemon fossile esse et in Scythia erui duobus locis, candidum atque cerei coloris, quod vocaretur *electrum*, in alio fulvum, quod appellaretur *sulfiternicum*“. Объ этихъ названіяхъ будетъ говорено ниже.

³⁾ Н. Забѣлинъ, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. I, стр. 225. Забѣлинъ *fulvum* точно переводитъ чрезъ *темнокрасный*.

⁴⁾ I. N. v. Sadowski, Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder... an die Gestade des baltischen Meeres (Jena, 1877), S. 36—36. См. также Albin Kohn, „Das Verbreitungsgebiet des Bernsteins“, въ журналѣ „Die Natur“, 1878, Bd. 27, S. 355—356.

что знакомство съ мѣстностями, гдѣ онъ встрѣчается, вообще мало распространено ¹⁾, я считаю не безполезнаго сопоставить, въ слѣдующемъ, тѣ свѣдѣнія о мѣстахъ нахожденія у насъ янтара, которыя мнѣ удалось собрать. При этомъ не могу не высказать надежды, что представляемый мною списокъ успѣетъ возбудить интересъ къ этому вопросу и будетъ пополненъ частными показаніями. Понятно, что перечень мой, какъ первый въ своемъ родѣ, не можетъ не представлять пробѣловъ.

Начну съ береговъ Балтійскаго моря, прилегающихъ къ классическому мѣстонахожденію янтара на берегахъ Восточной Пруссіи, въ области, пзвѣстной подъ именемъ Замландіи. О томъ, что прибоемъ волнъ Балтійскаго моря выбрасывается янтарь на курляндскій берегъ, извѣстно съ давнихъ временъ; *Лентилиусъ* ²⁾ упоминаетъ объ этомъ уже въ исходѣ XVII столѣтія; *Георги* говорятъ, что, въ числѣ находимаго здѣсь янтара, попадаются и куски, заключающіе въ себѣ насѣкомыхъ и разные другіе органическіе предметы. Мы обязаны *Гельмсерсену* ³⁾ подробнымъ изслѣдованіемъ о мѣстахъ нахожденія янтара въ Курляндской губерніи. Особенно много его попадаетъ вдоль берега между Полангенгомъ (пограничнымъ съ Пруссіею мѣстечкомъ) и Рутцау; здѣсь онъ, съ незапамятныхъ временъ, достается со дна моря рыболовными сачками (мережами), или же выбирается изъ выброшенныхъ на берегъ водорослей. Янтарь выбрасывается моремъ и дажѣ къ сѣверу, напримѣръ, у Либавы, Виндавы и Домсесеса (на сѣверо-восточной оконечности Курляндіи). По

¹⁾ Пока не существуетъ общаго списка мѣстонахожденій у насъ янтара. То, что было объ этомъ извѣстно въ концѣ прошлаго столѣтія, собрано въ извѣстной книгѣ *Георги* (*J. G. Georgi*): *Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs*, Th. III (1798), S. 337, и *Nachträge* (1802), S. 217—218. Какъ мало извѣстно о нахожденіи янтара въ Россіи, доказывается, между прочимъ, одною изъ новѣйшихъ статей *К. Г. Якова* (въ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 48, 1889), гдѣ (на стр. 362) приводится единственное въ Россіи мѣстонахожденіе этого ископаемаго; къ тому же это единственное показаніе, относящееся къ Крыму, невѣрно.

²⁾ *Ros. Lentilius* „Curlandiae quaedam memorabilia“, въ *Miscellanea curiosa sive Ephemerid.* Acad. Imp. Leopold., Dec. II, annus X, 1691; Appendix, p. 132.

³⁾ *G. v. Helmersen*, „Der Bernstein in Curland“, въ статьѣ: „Bericht über die in den Jahren 1872 bis 1876 in den Gouvernements Grodno und Curland ausgeführten geologischen Untersuchungen zur Kenntniss der dort vorkommenden mineralischen Brennstoffe“, въ *Bulletin de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Petersbourg*, t. 23, 1877, столбцы 230—249. Сообщаемое мною о Курляндской губерніи основывается главнѣйше на этой статьѣ нашего знаменитаго геолога.

замѣчанію барона *Фелькерзама* ¹⁾, отъ Полапгена до Либавы попадаетъ даже очень много янтара; чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ рѣже его находятъ и въ тѣмъ меньшихъ кускахъ. Прибрежные крестьяне изъ селеній Полапгена, Гейлигенъ-Аа, Папензе, Индербартау и Перкуненъ въ прежнее время платили ежегодно по 60 коп. съ души за право добыванія янтара. Послѣдній попадаетъ также внутри Рижскаго залива. По словесному сообщенію горнаго инженера *Лейба*, онъ выбрасывается на берегъ и по близости Риги. въ извѣстныхъ мѣстахъ морскаго кунаши (Дуббелъсъ, Маюренгофъ и пр.). Но янтарь встрѣчается въ Курляндіи не только по берегу моря, а также въ нѣкоторыхъ отдаленіи отъ онаго. Укажу на нѣсколько мѣстностей.

1) Ангериское озеро, лежащее на восточномъ берегу Курляндіи, по близости Рижскаго залива. Пасторъ *Кавилль* ²⁾ сообщилъ нѣкоторыя подробности объ этомъ интересномъ мѣстонахожденіи янтара. Озеро это, простирающееся въ длину примѣрно на 17, а въ ширину на 2—2½ версты, на юго-восточной сторонѣ своей имѣетъ стокъ въ заливъ. Съ цѣлю осушенія озера, или хотя части его, пытались углубить сточный каналъ. При этихъ работахъ были найдены куски янтара, попадавшіеся въ довольно большомъ количествѣ также на днѣ осушившихся частей озера. Какъ говорятъ, были найдены куски вѣсомъ слишкомъ въ два фунта. Извѣстіе о такихъ богатствахъ привлекало туда много искателей легкой добычи. Такъ какъ Ангериское озеро принадлежитъ казнѣ, то управленіе государственныхъ имуществъ въ 1852 году приняло это дѣло въ свое заведеніе, раздѣлило годнюю къ обработкѣ почву на участки и назначило торги на отдачу ихъ въ откупное содержаніе на два года. Съемщиками явились двѣ компаніи евреевъ, изъ которыхъ одна платила 900, а другая—1.100 рублей. Но онѣ сочли предпріятіе это невыгоднымъ, и вскорѣ добываніе здѣсь янтара прекратилось.

2) По сообщенію профессора *Гревинка* (*Greisingk*) ³⁾, въ началѣ

¹⁾ *L. v. Fölkersahm*, „Über den Kurländischen Bernstein“, въ *Corresp. bl. d. Nat.-Ver. zu Riga*, Jahrg. 7, 1853—1854, S. 61—62.

²⁾ *H. Kwall*, „Der Bernsteinsee in Kurland“, въ *Corresp. bl. d. Nat.-Ver. zu Riga*, Jahrg. 6, 1852—1853, S. 69—71, и Jahrg. 7, 1853—1854, S. 77. Переводъ (впрочемъ, не совсѣмъ точный) помѣщенъ въ *Извѣстияхъ И. Р. Геогр. Общ.*, ч. 7, 1853 г., Хроника, стр. 62—63. См. также у *Гельмерсена*, въ приведенномъ мѣстѣ, столбцы 241—243.

³⁾ „Ein neuer Bernsteinfund in der Küstenregion des Riga'schen Meerbusens“, въ *„Baltische Wochenschrift“*, 1864, № 30. Авторъ статьи не названъ, но, по удостовѣренію *Гельмерсена*, она составлена *Гревинкомъ*.

60-хъ годовъ, былъ найденъ янтарь на землѣ имѣнія Гольмгофъ, къ югу отъ Рижскаго залива, между рѣкою Аа (Kutische Aa) и озеромъ Бабитъ. Онъ попадаетъ здѣсь на низменномъ выгонѣ, особенно въ протоптанныхъ скотомъ тропинкахъ. Вслѣдствіе этого начали раскапывать означенный выгонъ и находили куски янтаря вѣсомъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фунта. Было найдено его около 45-ти фунтовъ, которые были проданы за 135 рублей (то-есть, по 3 рубля за фунтъ). О дальнѣйшей участи этихъ раскопокъ мнѣ ничего неизвѣстно.

3) Близъ Ниддена къ сѣверу отъ Полапгена. Здѣсь янтарь попадаетъ въ рыхломъ, темнозеленомъ, тонкослоистомъ песчаникѣ, содержащемъ тонкія, обугленные корневые волокна и мелкія чешуйки слюды. По замѣчанію *Гельмерсена*, песчаникъ этотъ напоминаетъ „синюю землю“ (blaue Erde) Замландіи, въ которой встрѣчается главнѣйшая масса янтаря. *В. Миллеръ*, подвергшій этотъ песчаникъ микроскопическому изслѣдованію и называющій его *лауконитовымъ*, нашелъ въ немъ преимущественно разныхъ представителей морскихъ діатомовыхъ (бациллярій), по которымъ онъ заключаетъ, что означенный песчаникъ относится къ третичному періоду, но къ какому именно горизонту, онъ не рѣшается установить, полагая, однако же, вѣроятнымъ, что онъ отложенъ въ болѣе древнюю пору означеннаго періода. *Гельмерсенъ*, съ своей стороны, склоняется къ тому, что упомянутый песчаникъ гораздо новѣйшаго возраста; по содержанію въ немъ хорошо сохранныхъ остатковъ бобовника (*Menyanthes trifoliata*), онъ заключаетъ, что песчаникъ этотъ всего скорѣе принадлежитъ къ древне-алювіальному горизонту. Прибавлю отъ себя, что такое заключеніе, повидимому, подтверждается и приводимыми г. *Миллеромъ* представителями діатомовыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ нынѣ еще живущимъ, но отячались далекимъ распространеніемъ ¹⁾.

Гельмерсенъ перечисляетъ еще нѣсколько подобныхъ же мѣстонахожденій янтаря въ Курляндіи, который, въ большинствѣ случаевъ, попадаетъ въ очень недалекомъ разстояніи отъ моря, и преимущественно въ прибрежныхъ озерахъ или въ торфяныхъ болотахъ, образованныхъ изъ прежнихъ озеръ. Я считаю весьма вѣроятнымъ, что такія прибрежныя озера, какъ Паненское и Ангерское, составляли

¹⁾ Такъ, напримѣръ, *Coccinodiscus radiatus* попадаетъ въ Ледовитомъ океанѣ, въ Нѣмецкомъ, Балтійскомъ, Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ. Столь же распространенъ и *Cocconeis Scutellum*.

когда-то бухты моря, отъ котораго ихъ и нынѣ отдѣляетъ лишь узкая аллювиальная полоса земли. Относительно Ангернскаго озера *Каваль* замѣчаетъ, что въ прежнее время устье стока его было гораздо глубже и обширнѣе, такъ что въ него могли выходить суда; въ этомъ онъ усматриваетъ подтвержденіе мнѣнія о постепенномъ поднятіи прибрежной полосы, влиянію котораго, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ приписать отдѣленіе отъ моря прежнихъ бухтъ его и образованіе изъ нихъ озеръ. Въ этихъ-то прежнихъ бухтахъ янтарь выбрасывался прибоемъ волнъ, точно также, какъ это и нынѣ случается на Курляндскомъ берегу. Другимъ подтвержденіемъ такого предположенія является то обстоятельство, что, въ большинствѣ случаевъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ находимъ янтарь, въ предѣлахъ Курляндской губерніи, на нѣкоторой глубинѣ попадаетея слой морскаго песку съ остатками морскихъ животныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуешь, напримѣръ, профессоръ *Гревинка* относительно вышеприведеннаго мѣстонахожденія янтаря на землѣ нѣмца Гольмгофъ; здѣсь, подъ незначительнымъ слоемъ торфа, залегаетъ сѣрый сыпучій песокъ со множествомъ раковинъ (*Cardium edule* и *Tellina baltica*), ничѣмъ не отличающихся отъ нынѣ живущихъ въ Балтійскомъ морѣ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ 10-ти верстахъ къ сѣверу отъ Полаangen и въ разстояніи 1 1/2 версты отъ моря, подъ верхнимъ слоемъ торфа залегаетъ сперва песчанно-болотная земля съ янтаремъ, а подъ нею дольно толстый слой бѣлаго и сѣраго морскаго песку, съ остатками рыбъ. На основаніи вышеизложеннаго, и по могу согласиться съ *Гельмерсеномъ* въ высказанномъ имъ предположеніи ²⁾, что янтарь, встрѣчающійся въ Ангернскомъ озерѣ (и въ другихъ приведенныхъ мѣстахъ), принесенъ туда ручьями изъ дѣлювія выше лежащихъ мѣстъ. Нѣтъ пока никакихъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ существованіе въ предѣлахъ Курляндской губерніи настоящей янтарной формации ³⁾, и на всѣ выше перечисленные мѣста нахожденія янтаря онъ, повидимому, перенесенъ изъ другихъ

¹⁾ Почти тождественное наслоеніе, съ тѣми же самыми раковинами, наблюдалъ *Гельмерсенъ* въ торфяномъ болотѣ близъ Нанонскаго озера, гдѣ также найдены янтари. См. въ привед. мѣстѣ, столбцы 206—209.

²⁾ Тамъ же, столбецъ 243.

³⁾ Съ этимъ согласуется и замѣчаніе *Н. Соколова* (въ привед. мѣстѣ, стр. 80): „Глауконитовыхъ песковъ и глинъ, пользующихся еще довольно значительнымъ развитіемъ въ сосѣдней Ковенской губерніи, совсѣмъ не встрѣчаемъ среди вижнетретичныхъ осадковъ Курляндіи“

мѣсть, въ тѣ отдаленныя времена, когда вышеупомянутыя озера и торфяныя болота составляли еще бухты Балтійскаго моря и Рязскаго залива ¹⁾).

Оставаясь пока на прибрежьяхъ Балтійскаго моря, слѣдуетъ еще упомянуть о пахожденіи янтара на южномъ берегу острова Эзеля, но близости Арсенбурга ²⁾). Наконецъ, янтаръ попадаетъ также въ южнѣйшей части Финляндіи, въ приходѣ Ипго, около деревни Ingaskila, близъ г. Экпеса, о чемъ заявилъ *Норденшельдъ* (отецъ) ³⁾, по замѣчанію котораго это ископаемое встрѣчается тамъ въ значительномъ количествѣ въ глинѣ. *Весфаръ* ⁴⁾, сообщившій впоследствии о томъ же мѣстопахожденіи, заявляетъ, что янтаръ красноватаго цвѣта попадаетъ въ означенной мѣстности на одномъ лугу съ глинистою подпочвою; къ этому онъ присовокупляетъ, что это есть *единственное мѣсто пахожденія янтара на Финляндскомъ берегу*. А потому я склоненъ думать, что указанное *Миддендорфомъ* ⁵⁾ пахожденіе его близъ Гельсингфорса тождественно съ показаніемъ *Норденшельда*. *Миддендорфъ* высказалъ при этомъ догадку, что янтаръ распространенъ еще гораздо сѣвернѣе, въ Ботническомъ заливѣ; но для подкрѣпленія такой догадки нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ. О томъ, что янтаръ попадаетъ на южномъ берегу Финляндіи,

¹⁾ Относительно этого пункта *Гельмерсенъ* (см. столб. 238) выразился не достаточно точно. Замѣтивъ, что настоящая янтарная формація, какъ кажется, отсутствуетъ въ Курляндіи, онъ вслѣдъ за тѣмъ высказываетъ предположеніе, что большая часть находимаго тамъ янтара можетъ быть происхожденія курляндской же почвы.

²⁾ Объ этомъ заявлено въ статьѣ: „Янтаръ, находимый по бассейну Дитъра, въ Новороссійскомъ краѣ“, въ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, 1848 г., ч. 4, стр. 303—307, а также въ нижеприводимой статьѣ проф. *Вазъ. Георгіи* упоминаетъ о томъ, что янтаръ попадаетъ также, хотя очень рѣдко, на берегахъ Лифляндской и Эстляндской губерній. Такое показаніе, однако же, не было впоследствии подтверждено.

³⁾ *A. Nordenskiöld, Beskrifning öfver de i Finland funna mineralier* (Helsingfors, 1855), p. 156. См. также: 1) *N. Jahrbuch f. Mineral., Geogn., Geol. etc.*, 1858, S. 313, и 2) *Горный Журналъ*, 1858 г., т. 8, стр. 572. Въ музеумѣ Горнаго Института имѣется образчикъ янтара изъ этой мѣстности. См. *В. В. Невфедьевъ*, Краткій каталогъ минералогическаго собранія музеума Горнаго Института (С.-Пб., 1871), стр. 578.

⁴⁾ *J. E. Wefvar*, въ журналѣ *Finska Fornminne-föreningens Tidskrift*, t. IV, 1879. См. рефератъ въ *Archiv für Anthropologie*, Bd. XII, 1879, Literatur, S. 32.

⁵⁾ *A. Th. v. Middendorff, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens*, Bd. IV, Th. 1 (1867), S. 257—258 (въ выноскѣ).

было, впрочемъ, заявлено уже въ 1769 году, по поводу крайне интересной находки въ поднятомъ на означенномъ берегу кускѣ янтара ракообразнаго изъ семейства *Gammaridae*, представители котораго обыкновенно считаются исключительными обитателями моря ¹⁾).

Перехожу затѣмъ къ нахожденію янтара въ царствѣ Польскомъ ²⁾). Многочисленные копи янтара находятся преимущественно по рѣкѣ Наревѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, а именно, въ Пултускомъ и Остроленскомъ уѣздахъ Ломжинской и въ Праснышскомъ уѣздѣ Плоцкой губернии. Селеній, на земляхъ которыхъ занимаются такимъ копаніемъ, *Цейшнеръ* насчитываетъ 26 въ Пултускомъ, 23 въ Остроленскомъ и 13 въ Праснышскомъ уѣздѣ. Особою извѣстны копи Остроленскія и Мышенецкія. Но янтарь попадаетъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ царства. Такъ уже *Рожончинскій* упоминаетъ о Кашишскомъ округѣ, а *Виза* говорить о нахожденіи янтара въ окрестностяхъ Блеховни, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ границы Силезіи.

Въ иныхъ мѣстахъ копаніе янтара составляетъ давнишнюю промышленность. И уже въ введеніи упоминающъ о томъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, *Плиній*, говоря о копаніи янтара въ Скиевъ, имѣлъ въ виду его добычаніе именно въ Принислянскихъ губерніяхъ. Обыкновенно янтарь встрѣчается здѣсь въ мелкихъ кусочкахъ продолговатой и сплюсненной формы; иногда, однако же, попадаются крупные куски; такъ, напримѣръ, близъ деревни Zabiele

¹⁾ См. объ этомъ *P. A. Gadd*, *Dissertatio gradualis, sistens insecta, piscatoribus in maritimis Finlandiae oris noxia* (Aboae, 1769), на стр. 8. (Пѣмецкій переводъ этой не имѣющей въ Петербургѣ диссертациі помѣщенъ въ журналѣ *Der Naturforscher*, 6-tes Stück, 1775, S. 195—203). Въ виду большаго интереса, представляемаго такою находкою, замѣчу мимоходомъ, что другой цимѣтръ заключеннаго въ янтарѣ гаммариды сообщилъ проф. *Цаддигъ* (*E. G. Zaddach*) въ своей брошюрѣ: „*Palaeogammaria Sambiensis, crustacei ex ordine Amphipodum, succino inclusi descriptio*“ (Königsberg, 1864). Судя по образу жизни нынѣшнихъ гаммаридъ, въ обоихъ случаяхъ рѣчь, вѣроятно, идетъ о какомъ либо представителѣ изъ рода *Orchestia*.

²⁾ Источниками послужили: 1) *Gabr. Rzeczyński*, *Historia naturalis curiosa regni Poloniae etc.* (Sandomiriae, 1721), p. 176—184: „De electro seu succino“. И его же: *Auctuarium historiae naturalis curiosae regni Poloniae etc.* (Gedani, 1736), p. 254—260. 2) *L. Zejszner*, „Kopalnie bursztynu w królestwie Polskim“ въ *Biblioteka Warszawska*, 1844, t. 3, p. 419—421. 3) *Ant. Waga*, „O bursztynie i z czego on powstał?“ (тамъ же, 1845 г., т. 2, стр. 67—89). 4) *A. Polujanski*, *Opisanie lasów królestwa Polskiego etc.*, т. I (1854), p. 323—326. Назову еще статью, которую мнѣ не удалось видѣть: *J. Haczeowski*, „O bursztynie“, въ журналѣ *Sylwan*, 1836, т. XIV, pp. 191—251 и 358—428.

wielkie (въ Пултускомъ уѣздѣ) найдена въ 1818 году глыба янтара, вѣсомъ въ шесть фунтовъ, за которую было заплачено 450 рублей сер.; около деревни Майки (того же уѣзда) вырыть кусокъ, вѣсившій три фунта. Куски въ $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ фунта попадаются, впрочемъ, рѣдко, и за нихъ платятъ до 90 рублей. По замѣчанію г. *Полулинскаго*, выпадаемый въ Польшѣ янтаръ бываетъ или прозрачный, желтаго цвѣта, на подобіе смолы, свѣже вытекающей изъ деревьевъ, или же непрозрачный, часто бѣлый, какъ кость, отлично годный на издѣлія. Непрозрачный янтаръ бываетъ иногда чернаго цвѣта, и въ такомъ случаѣ онъ очень похожъ на агатъ. Въ янтарѣ рѣдко замѣчаются различные органическіе остатки; напримѣръ, цвѣтъ разныхъ деревъ (дуба, бука, можжевельника и др.), кусочки коры, крошки мху, а также многочисленныя насѣкомыя (въ особенности комары, мухи и муравьи) ¹⁾ и пауки; наконецъ, зернышки песку, воздушные пузырьки, капли воды, и т. п. Попадаются даже, хотя рѣдко, куски янтара, заключающіе въ себѣ мелкихъ ящерицъ и лягушекъ. Такой кусокъ, который заключалъ въ себѣ лягушку, сохранился въ кабинетѣ естественной исторіи Виленскаго университета ²⁾.

Относительно мѣсторожденія янтара въ царствѣ Польскомъ доступныя мнѣ свѣдѣнія оказываются недостаточными и не вполне точными. По словамъ *Цейенера*, непосредственно надъ слоемъ, заключающимъ въ себѣ это ископаемое, лежитъ черная болотистая земля; часто покрываютъ его пески и янтароносный слой состоитъ изъ зеленой земли; или же янтаръ падается въ пескахъ, вмѣстѣ со щепками, отломками деревь съ корой и шишками хвойныхъ породъ, или же съ бурнымъ углемъ. (Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ о первобытномъ мѣсторожденіи янтара въ глауконитовыхъ пескахъ олигоценоваго періода). По замѣчанію *Цейенера*, глубина, на которой падается янтаръ, бываетъ различная: отъ 2-хъ до 18-ти футовъ. Но, кромѣ того, янтаръ встрѣчается и на пространствахъ наносной земли: подъ слоями сыпучаго песку (напримѣръ, подъ Остроленкой), или на низкихъ лугахъ, а также на поляхъ, гдѣ онъ выворачивается наружу при паханіи.

Цейенеръ замѣчаетъ, что трудно сказать что либо съ точностью

¹⁾ О янтарѣ изъ царства Польскаго, въ которомъ заключены разныя насѣкомыя, сл. замѣтку *Бигю* (Bigot), въ *Annales de la Soc. entomol. de France*, 1860, *Bulletin*, p. 109—110.

²⁾ *Вамъ*, сообщеній объ этомъ (въ привед. мѣстѣ, стр. 82, въ выпискѣ), смывается на *F. Drzewiński*, *Początki mineralogii* (w Wilnie, 1816), str. 346.

объ изобиліи, въ которомъ встрѣчается янтарь въ предѣлахъ царства Польскаго, такъ какъ объ этомъ не пишется надежныхъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что откупщики коней держатъ въ тайнѣ количество добываемаго янтаря. Чтобы приблизительно оцѣнить это количество, остается довольствоваться цѣнами годового откупа, платимыми за скупку отдѣльных коней.

О настоящемъ положеніи янтарныхъ коней въ царствѣ Польскомъ и тщетно спрашивали въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (какъ по горному, такъ и по лѣсному департаменту). Благодаря любезному посредничеству академика *Карпинскаго*, я получалъ отъ горнаго начальника казенныхъ заводовъ царства Польскаго, г. *Хорошевскаго*, слѣдующія данныя объ интересующемъ насъ вопросѣ: „Добыча янтаря производилась въ довольно солидныхъ размѣрахъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ предѣлахъ Ломжинской губерніи, а именно въ (Остроленскомъ уѣздѣ, въ гминахъ Мышенецъ и Насядки; однако въ 1865 году добыча эта прекратилась по причинѣ невыгодности производства. Въ настоящее время добыча названнаго ископаемаго производится только въ двухъ деревняхъ упомянутаго Остроленскаго уѣзда, именно въ деревняхъ Выкратъ и Сурове, гмины Вахъ; добыча эта, однако, съ каждымъ годомъ постепенно уменьшается и, падо полагать, что она и въ означенныхъ двухъ пунктахъ въ скоромъ времени вовсе прекратится. Жаль, что некому заняться болѣе детальнымъ изученіемъ вопроса объ условіяхъ нахожденія тутъ янтаря, а еслибы это было сдѣлано, можетъ быть, и сама добыча получила бы другое направленіе и значеніе“.

Нахожденіе янтаря въ Привислянскихъ губерніяхъ ничуть нельзя назвать островнымъ. Напротивъ того, онѣ со всѣхъ сторонъ окружены лѣстностями, въ которыхъ ископаемое это также встрѣчается. Къ сѣверу лежитъ Восточная Пруссія, со своими сыздавна знаменитыми янтарными коями, къ западу янтарь понадается въ Познань ¹⁾ и въ Силезію ²⁾; къ югу онъ былъ находимъ въ Галиціи, напримѣръ, близъ Львова (Лемберга) ³⁾. Наконецъ, къ востоку, янтарь встрѣ-

¹⁾ См. *Ign. Mielżyński*, „Notiz über die Art, wie man in Polen den Bernstein in der Erde findet“, въ *Neues Jahrbuch f. Mineral.*, 1833, S. 620.

²⁾ Смори, напримѣръ, статьи *Геннепта* (*H. R. Goepfert*) въ 1) *Übersicht d. Arbeiten d. Schles. Ges. f. vaterl. Cultur*, 1845, S. 136--138; 1846, S. 56; 2) 44. *Jahresber. d. Schles. Ges. f. vaterl. Cultur*, 1866, S. 96; 3) *Petermann's Geogr. Mittheil.*, 1871, № 2, S. 70-71.

³⁾ См. статьи *Кнера* (*Kner*) и *Феттмере* (*Foetterle*) въ *Jahrbuch d. K. K. geolog. Reichs-Anstalt* (Wien), 1851, S. 163—164; 1857, S. 158; 1866, S. 103.

чается въ Виленской, Гродненской и Волынской, а также въ смежныхъ съ ними губерніяхъ. Объ этихъ послѣднихъ мѣстопахожденіяхъ я, въ слѣдующемъ, сообщу подробнѣе.

По показанію *К. Е. Мерклина* ¹⁾, питаръ, въ довольно крупныхъ кускахъ, былъ выкопанъ (въ началѣ 50-хъ годовъ) близъ Креславля, Витебской губерніи, въ области Западной Двины. Въ сосѣдней Виленской губерніи въ принадлежавшемъ помѣщику Сесицкому имѣніи, находящемся въ Виленскомъ уѣздѣ, крестьяне нерѣдко находили въ берегахъ протекающей тамъ рѣчки Ширвинты куски янтари значительной величины ²⁾. Что касается Гродненской губерніи, то о присутствіи въ пей янтариноснаго горизонта Ломжинской губерніи заявилъ князь *Гедройцъ* ³⁾. Весьма сходный съ замландскимъ глауконитовый песчаникъ, съ желѣзистыми сростками, наблюдался въ Галовице (Половиче), на лѣвомъ берегу Пѣмана, въ 4-хъ верстахъ на западъ отъ Гродно и въ одной верстѣ къ сѣверу отъ деревни Лососны ⁴⁾. Собственно же янтаръ былъ нѣсколько разъ найденъ въ наносѣ, напримѣръ, около Брестъ-Литовска ⁵⁾. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, при вырытіи крѣпостныхъ рововъ, на глубинѣ 14 футовъ отъ поверхности земли, отысканы небольшой величины куски янтара, признаки котораго начали оказываться уже на 11-футовой глубинѣ, въ грунтѣ краснобурого песка, въ коемъ найдено большое количество гнилаго дерева. „Во время сей отрывки, замѣчено: 1) что янтаръ находился большею частію въ соединеніи съ гнилымъ деревомъ; 2) найденный въ верхнихъ слояхъ былъ покрытъ съ поверхности черною и твердою корою; 3) чѣмъ ближе къ горизонту воды, тѣмъ янтаръ оказывался чище и вовсе безъ верхней оболочки, и, наконецъ, 4) при вынутіи янтара изъ земли онъ не имѣлъ такой твердости, которую получалъ въслѣдствіи, лежававъ нѣкоторое время

¹⁾ *C. E. v. Mercklin, Palaeodendrologikon rossicum* (1855), p. 72 (въ выносѣхъ).

²⁾ См. *Горный Журналъ*, 1834 г., ч. II, стр. 301 — 302. Замѣчательно, что въ г. Вильнѣ буровою скважиною на глубинѣ 75—114 метровъ были обнаружены глауконитовые пески, въ которыхъ (на глубинѣ 77 метровъ) залегалъ слой бурого угля (см. у *Сokolova*, въ приведенномъ мѣстѣ, стр. 79).

³⁾ *Księg A. Giedroyc, „Sprawozdanie z poszukiwań geologicznych, dokonanych w gub. Grodzieńskiej“*, въ *Pamiętnik fizyograf.*, t. VI, 1886, p. 7.

⁴⁾ См. Очеркъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ въ Европейской Россіи на Уралѣ (1881), стр. 178.

⁵⁾ Объ этомъ мѣстопахожденіи см. 1) *Горный Журналъ*, 1834 г., ч. II, стр. 302—303, и 2) *Schriften der Russisch-Kaiserlichen Gesellschaft für die gesammte Mineralogie*, Bd. I, Abth. 1, 1842, S. CXLIV.

на воздухѣ, и былъ чрезвычайно хрупокъ, такъ что мелко разсыпался при маломъ сжатіи руки. Что же касается его достоинства, то онъ во многихъ отношеніяхъ хуже добываемаго при берегахъ Балтійскаго моря въ Пруссіи, какъ относительно цвѣта, такъ и въ прочности. Въ музеумѣ Горнаго Института хранятся образчики собраннаго въ указанномъ мѣстѣ янтаря. Кромѣ того, тамъ имѣются куски янтаря, найденные на днѣ Западнаго Буга, близъ Брестъ-Литовской крѣпости, въ песчаномъ грунтѣ, на глубинѣ 4-хъ футовъ. И полагаю, что къ этому же мѣстонахожденію относится янтарь, о которомъ упоминаетъ *Мурчисонъ* ¹⁾, которому Императоръ Николай подарилъ мундштукъ трубки, выдѣланный изъ куска янтаря, вырытаго въ присутствіи Его Величества, на глубинѣ 18 футовъ, въ Гродненской губерніи.

На одной широтѣ съ Брестъ-Литовскомъ, въ сосѣдней Минской губерніи, при буровыхъ работахъ по осушенію Полѣсья янтарь былъ встрѣченъ буровою скважиною въ глинѣ у деревни Любазы, на берегу Припяти, въ Пинскомъ уѣздѣ ²⁾; къ сожалѣнію, здѣсь не отмѣчено, на какой глубинѣ онъ былъ найденъ ³⁾.

Въ Волынскомъ Полѣсѣ янтарь попадаетъ въ различныхъ мѣстахъ. Уже *Ражончинскій* ⁴⁾ указывать на два мѣстонахожденія: около деревни Глупоница (Hluponiń) и близъ Мощеницы, въ Дубенскомъ уѣздѣ („ad villam Moszczenica Dubnensem“); здѣсь вѣшнія воды, стекающія съ лежащихъ къ югу холмовъ, выносятъ куски янтаря довольно значительной величины. „Изданна ходять слухи или преданія о томъ, что по берегамъ рѣкъ: Горыни, Случи, Иквы и Стири, въ Ровенскомъ и Дубенскомъ уѣздахъ попадаетъ желтый янтарь. До сихъ поръ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ о мѣстонахожденіяхъ янтаря въ Волынской губерніи, извѣстно только то, что около мѣстечка Домбровицы и деревень Бережницы и Александровки (Ровенскаго уѣзда на р. Горыни) находили въ недавніе годы янтарь въ глинѣ и пескѣ при

¹⁾ *R. J. Murchison*, „Note comparing the geological structure of north-western Siberia with that of Russia in Europe“; въ *Quart. Journal of the Geol. Soc. of London*, vol. 26, 1869, p. 3—4.

²⁾ Очеркъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ въ Европейской Россіи, стр. 178.

³⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что близъ г. Мозыря обнаруживаются глауконитъ и пески; а тамъ же, въ кварцевыхъ пескахъ, былъ встрѣченъ кусокъ бурого уг (см. у *Соболева*, въ прил. къ стр. 74—75).

⁴⁾ *Raczynski*, Auctuarium hist. nat. cur. regni Poloniae, 1736, p. 258—259.

паханія полей; но по сходству нѣкоторыхъ данныхъ надо полагать, что онъ можетъ быть находимъ и въ другихъ мѣстностяхъ¹⁾. И дѣйствительно, въ Овручскомъ уѣздѣ, у села Збранки, янтарь выносятся весною изъ балокъ; окрестныя здѣсь породы состоятъ изъ песка, глины и лигнита²⁾. Въ новѣйшее время князь *Гедройцъ*³⁾ заявилъ о томъ, что на р. Горыни обнажаются пестрые пластичныя глины, ниже которыхъ обнаружены глауконитовыя слюдистыя глины, содержащія янтарь въ довольно большомъ количествѣ. Г. *Соколовъ* (въ приведенномъ мѣстѣ, стр. 74) замѣчаетъ, что нижнетретичныя осадки бассейна р. Горыни имѣютъ важное значеніе, являясь какъ бы звеномъ, связующимъ глауконитовыя и кварцевыя пески Польши (а слѣдовательно, и сѣверо-германской низменности) съ таковыми же осадками Приднѣпровья.

Говоря о нахожденіи янтара въ Волынской губерніи, слѣдуетъ еще упомянуть о доставленныхъ въ Геологическій Комитетъ кусочкахъ ископаемаго смолистаго вещества, найденнаго въ селѣ Берестѣ, Ровенскаго уѣзда⁴⁾. Образцы эти довольно разнообразныхъ качествъ. „Большая часть образцовъ состоитъ изъ прозрачнаго вещества бурого цвѣта, по консистенціи сходнаго съ камедью. Съ поверхности кусковъ оно обыкновенно окружено сравнительно рыхлою и мутною оболочкою. по удаленіи которой поверхность внутреннихъ ядеръ иногда является совершенно гладкою. Другіе образцы разсматриваемаго вещества, также имѣющіе мутную разсыпающуюся оболочку, представляются внутри слабо желтоватыми, почти безцвѣтными, то совершенно прозрачными, то слабо мутными. Это видоизмѣненіе довольно трудно разбивается молоткомъ, тогда какъ бурое отличіе колется легко и иногда можетъ быть даже раздроблено пальцами. Наконецъ, нѣкоторые изъ образцовъ подъ непрозрачною корою представляютъ вещество, тождественное съ янтаремъ. Къ послѣднему должна быть отнесена и безцвѣтная прозрачная разность смолистаго вещества. Между упомянутыми типическими отлїчіями существуетъ цѣлый рядъ образцовъ съ

¹⁾ См. статью: „Волынское Полѣсье“, въ *Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, 1886 г., № 3.

²⁾ Очеркъ мѣстоженій полевыхъ ископаемыхъ въ Европейской Россіи, стр. 178.

³⁾ См. его „Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полѣсьи“, въ Изв. Геол. Ком., т. 6, 1886 г., стр. 325.

⁴⁾ См. записку А. Карлинскаго, въ Извѣст. Геолог. Комитета, 1885 г., т. 4, стр. 401—403.

промежуточными, переходными свойствами. Безъ сомнѣнія, нѣтъ они представляютъ продуктъ измѣненія одного и того же вещества, изъ которыхъ одинъ отличіи носима сходны съ обыкновенною пыскою древесною смолою, другіи же не отличаются отъ типическаго янтаря“.

По сосѣдству съ вышеупомянутымъ Овручскимъ уѣздомъ янтарь попадаетъ также въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, по обоимъ берегамъ Припети, а также по берегу Днѣпра. По показанію г. Бельке ¹⁾, здѣсь находятъ часто образчики прекрасныхъ качествъ и крупныхъ размѣровъ; одинъ изъ образцовъ имѣлъ 10 дюймовъ длины, 4 д. ширины и около 3-хъ д. толщины ц вѣсилъ почти полфунта. Изъ собранныхъ на мѣстѣ справокъ оказывается, что собираніе янтаря производится тамъ уже създавна, и преимущественно со стороны старухъ-крестьянокъ, которыя толкутъ янтарь въ порожокъ и окуриваютъ имъ одержимыхъ женскими болѣзнями, сопровождая это нѣкоторыми суевѣрными обрядами.

О нахожденіи янтаря подъ Кіевомъ извѣстно уже давно; о немъ упоминаютъ, напримѣръ, *Георги* (въ 1798 г.) и проф. *Вас. Тимьянскій* ²⁾ (въ 1821 г.). Мы обязаны проф. *Ромовичу* ³⁾ болѣе точнымъ изслѣдованіемъ этого мѣсторожденія. Куски янтаря различной величины чаще всего были находимы въ оврагѣ, отдѣляющемъ с. Старые-Петровцы отъ Межигорья; далѣе, около Вышгорода, с. Подгорець и въ другихъ мѣстахъ по правому берегу Днѣпра. Большіею частію янтарь попадаетъ здѣсь въ верхнемъ слоеъ желтой дилювіальной глины, слѣдовательно, не въ тѣхъ слояхъ, которые отложены въ тотъ отдаленный періодъ, когда росли тамъ ели, выдѣлявшія янтарную смолу. Но въ 1873 году разрытіе холма для обнаженія голубой глины на кирпичномъ заводѣ г. Эйсмана (нынѣ Субботиной, подъ Кіевомъ) ⁴⁾ дало проф. *Ромовичу* возможность опредѣлить съ надлежа-

¹⁾ G. Belke, Notice sur l'histoire naturelle du district de Radomysl (gouv. de Kief), въ *Bulletin de la Soc. Imp. des Natural. de Moscou*, 1866, P. 1, P. 229.

²⁾ Въ статьѣ: „Естественная исторія янтаря, примѣненная къ Каменскому янтарю“, въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1821 г., ч. III, стр. 72—73.

³⁾ А. С. Ромовичъ, въ Трудахъ III-го съѣзда естествоиспытат. въ Кіевѣ (1871 г.), проток. засѣд. по отдѣл. минерал., геол. и палеонтол., стр. 4, и подробности въ Трудахъ IV-го съѣзда естествоиспыт. въ Казани (1874 г.), въ статьѣ: „О первобытномъ мѣстонахожденіи янтаря около Кіева“. Извлеченіе изъ этой послѣдней статьи см. также въ *Голосѣ*, 1875 г., № 185, и въ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, 1876 г., № 27.

⁴⁾ Изображеніе разрѣза нижнетретичныхъ слоевъ на глинищѣ этого кирпичнаго завода находится въ новѣйшемъ сочиненіи *Н. Соколова*: *Нижнетретичныя отложенія южной Россіи*, на стр. 51.

нцемъ точностью *первобытное* мѣсторожденіе янтара, относительную древность слоя, въ которомъ онъ находится, и отчасти ознакомиться съ нѣкоторыми растеніями формаціи бурого угля, къ періоду существованія которыхъ принадлежали и деревья, выдѣлявшія янтаръ. Что касается словъ бурого угли, то хотя *Роювича* ихъ въ означенномъ холиѣ не нашелъ ¹⁾, но зато они встрѣчаются около Старыхъ-Петровецъ, Кіева, Ртищева и въ другихъ мѣстахъ Кіевской губерніи; эти пласты бурого угля, съ зеленоватымъ пескомъ, голубою кирпичною глиною и лежащими подъ нею слоями песку и песчаника, какъ, напримѣръ, около Ртищева, Трахтемирова и Бучака, по мнѣнію *Роювича*, относятся къ *нижнему зоцену* ²⁾. Надъ голубою глиною лежитъ зеленоватый песокъ (наглинокъ), толщиною въ 2¹/₂ сажени, а надъ наглинкомъ—слой темнаго (смураго) песку, толщиною въ 2 сажени, заключающій янтаръ. Зерна песку очень плотно между собою соединены, отчего стѣнки слоя по обсыпаются, а отдѣляются въ видѣ большихъ глыбъ. Въ песокъ находятся прослойки мелкозернистаго яла, раздѣляющіяся на тонкія пластинки, съ отпечатками корневищъ и листьевъ различныхъ растений, принадлежащихъ къ формаціи бурого угля, какъ-то: *Caulinites parisiensis* Brgn., *Laurus Giebeli* Heeg., *Sabal Ziegleri* Heeg., *Ficus Giebeli* Heeg. Кроме того, находится въ немъ куски хвойнаго дерева, превратившагося отчасти или совершенно въ бурый уголь. Вообще, темный цвѣтъ песку зависитъ отъ примѣси обугленныхъ органическихъ частицъ.

Въ 1873 году на различной глубинѣ описаннаго слоя найдено болѣе 50 кусковъ янтара различной величины. Куски, добытые въ присутствіи проф. *Роювича*, вѣсятъ до 2-хъ фунтовъ. При поверхности несчапаго слоя найдено гнѣздо янтара, состоявшее изъ небольшихъ кусковъ, видимо, происшедшихъ отъ раздробленія большихъ; всѣ вмѣстѣ они вѣсятъ болѣе 2-хъ фунтовъ; меньшіе же куски, отдѣльно найденные, вѣсятъ по нѣсколько золотниковъ. Большіе куски лежатъ горизонтально и параллельны слоямъ песку. Поверхность ихъ покрыта тонкою тусклою корою, легко отдѣляющеюся; она

¹⁾ *Н. Соколовъ*, однако же, упоминаетъ о томъ, что въ верхнемъ изъ нижнетретичныхъ слоевъ, то-есть, въ томъ же самомъ глинистомъ песокѣ, въ которомъ встрѣчается янтаръ, попадаются и тонкіе прослои бурого угля.

²⁾ Спрашивается, однако же, на сколько точно такое опредѣленіе, и не слѣдуетъ ли скорѣе отнести слой, въ которомъ найденъ янтаръ, къ олигоцену. Глаукоптитовый песокъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, а также голубая глина, ясно напоминаютъ тѣ отношенія, при которыхъ янтаръ встрѣчается въ Замландіи.

мелкообтѣчтан, что зависитъ отъ вдавленныхъ зеренъ песку, на который вытекала смола, образовавшая въ послѣдствіи янтарь. Нѣкоторые куски имѣютъ слоистое строеніе и на внутренней вогнутой сторонѣ представляютъ отпечатокъ коры, отдѣлявшейся въ видѣ пластинокъ, подобно корѣ обыкновенной сосны. Цвѣтъ янтара различный: медовый-прозрачный, восковой съ отѣнками сѣрнаго и желтовато-бѣлаго цвѣта. Между слоями смурого песку и диллювальными наносами лежитъ тонкій слой, состоящій изъ разсыпчатаго песку охрянаго цвѣта, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ находится не только янтарь, но и окаменѣвшіе куски хвойнаго и дубоваго дерева съ годовыми слоями очень широкими ¹⁾).

Ниже Кіева янтарь попадаетъ какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону Днѣпра, такъ, напримѣръ, около Канева (по свидѣтельству *Роговича* ²⁾); по показанію *Н. Маркевича* ³⁾, янтарь молочнаго цвѣта былъ найденъ на днѣ Днѣпра, повыше Переяслава, наискось противъ Ржищева. По словамъ того же автора ⁴⁾, онъ попадаетъ также по берегамъ Псіюла (Псела), въ Хорольскомъ и Кременчугскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи. Далѣе къ востоку янтарь найденъ еще въ Харьковской губерніи, неподалеку отъ Харькова, по берегамъ р. Уды; въ присланной оттуда бурой, грубой песчаной глинѣ проф. *Борисяку* ⁵⁾ удалось открыть два угловатыхъ куска янтара превосходнѣйшаго, желтовато-молочнаго цвѣта. О результатахъ дальнѣйшихъ розысканій въ этой мѣстности, сколько мнѣ извѣстно, ничего не опубликовано. Судя по тому, что въ южной части Черниговской губерніи нижнетретичныя образованія имѣютъ совершенно тотъ же порядокъ напластованія, какъ въ Кіевской и Полтавской

¹⁾ Въ музеумѣ Горнаго Института хранится прекрасный образецъ янтара, имѣющаго 17 1/2 лотовъ, найденный на кирпичномъ заводѣ Эйсмана, подъ Кіевомъ.

²⁾ По свидѣтельству *А. Роговича* (Исслѣдованіе формаций бурого угля Кіевской губерніи), янтарь встрѣчается между Кіевомъ и Каневомъ не только въ бѣлыхъ и желтыхъ пескахъ съ прослоями бурого угля, но и въ ниже лежащихъ глауконитовыхъ пескахъ, и даже въ слюдистой глинѣ, но въ меньшемъ количествѣ (См. у *Сokolova*, въ приведен. мѣстѣ, на стр. 55).

³⁾ Въ *Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ.*, 1851 г., ч. 2, смѣсь, стр. 39; а также въ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. 11, 1856 г., стр. 346.

⁴⁾ *Н. Маркевичъ*, Рѣки Полтавской губерніи, въ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, т. 11, 1856 г., стр. 387.

⁵⁾ *Н. Борисякъ*, Янтарь и копродиты въ Харьковской губерніи, въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, 1867 г., № 71. Здѣсь же упоминается о слухахъ, что янтарь былъ встрѣченъ и по берегамъ Хоролы.

губерніяхъ ¹⁾), можно полагать, что и тамъ со временемъ будетъ найденъ янтарь.

Еще ниже по Днѣпру янтарь попадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи. Такъ, около 1840 года, крупный кусокъ янтаря былъ найденъ въ Новомосковскомъ уѣздѣ, на берегу р. Самары, впадающей въ Днѣпръ подъ Екатеринославомъ; кусокъ этотъ, вѣсившій 60 золотниковъ, хранился въ кабинетѣ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ ²⁾). Въ началѣ 60-хъ годовъ мнѣ самому пришлось видѣть коллекцію янтаря, собранную по берегамъ Днѣпра, въ Екатеринославской губерніи, у священника Александра Засимовича. *Эйхвальдъ* ³⁾ также имѣлъ въ своей коллекціи найденные подъ Екатеринославомъ куски янтаря, въ кулакѣ величиною. При постройкѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ, подъ Екатеринославомъ, при устройствѣ кэсоновъ, было найдено довольно много янтаря. Профиль русла рѣки, по оси строившагося моста, по показанію *В. А. Домьера* ⁴⁾), обнаруженъ слѣдующій порядокъ напластованія, начиная сверху: рѣчной песокъ 0,2—1,0 саж. въ руслѣ рѣки, до 4-хъ саж. на островѣ и до 7 на лѣвомъ берегу. Нижніе горизонты этого песчаного слоя заключаютъ въ себѣ валуны мѣстнаго гранита, среди которыхъ были находимы, вмѣстѣ съ кусками янтаря, въ громадномъ количествѣ кости большихъ животныхъ: быка (*Bos priscus*), мамонта, оленя, медвѣдя и лошади. Далѣе идутъ песчанистыя глины и минеральныя лаукониитовыя пески, заключающіе эоценовыя окаменѣлости⁵⁾. Изъ предоставленнаго мнѣ письма г. инженера *Кюппе* ⁶⁾), участвовавшаго въ постройкѣ упомянутаго моста, видно, что куски янтаря были величиною отъ курянаго яйца до двойной величины кулака. Рабочіе очень неохотно выдавали находимый ими янтарь, признавая его весьма цѣннымъ.

Давно уже извѣстно о нахожденіи янтаря въ сосѣдствѣ Днѣпровскихъ пороговъ. О немъ я слышалъ лѣтъ тридцать тому назадъ, во

¹⁾ См. у *Сokolova*, въ привед. мѣстѣ, на стр. 65.

²⁾ См. въ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, 1843 г., ч. 4, стр. 303—307. Куда дѣвался этотъ кусокъ, мнѣ неизвѣстно; можетъ быть, это—тотъ самый образецъ изъ Новомосковского уѣзда, который хранится въ музеумѣ Горнаго Института.

³⁾ *Ed. Eichwald*, Ueber die Säugethierfauna der neuern Molasse des südlichen Russlands, въ *Bulletin de la Soc. Imp. d. natural. de Moscou*, 1860, p. 2, p. 404.

⁴⁾ См. *Труды С.-Петербург. Общ. естествоиспытат.*, т. XIII, вып. 2, 1883 г., проток. засѣд., стр. 124.

⁵⁾ Сообщеніемъ этого письма я обязанъ *Р. П. Ульману* (въ Екатеринославѣ).

время моего служенія въ Екатеринославѣ; объ этомъ же упоминаетъ и проф. *Роговичъ*. Въ позднѣйшее время г. *Эвирницкій* ¹⁾ сообщалъ по этому поводу слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Островъ Песковатый замѣчательнъ тѣмъ, что на немъ попадаетъ очень много янтара, особенно послѣ полои воды. Кромѣ Песковатаго, янтарею богаты острова Бѣлиевъ и Голодаевъ, ниже Пенасытеца. Обыкновенная величина такихъ кусковъ—полтора вершка, но попадаются и больше четырехъ вершковъ. Бывшему владѣльцу Пенасытецкаго порога, В. И. Синельникову, однажды крестьяне доставили кусокъ янтара въ пять вершковъ величины, который отправленъ былъ имъ въ подарокъ Г. Р. Державину. У наслѣдниковъ В. И. Синельникова и теперь хранится нѣсколько кусковъ янтара, разновременно найденныхъ близъ названныхъ острововъ Дибра. У А. В. Васильева, управляющаго с. Ивановскаго (Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи), имѣется также нѣсколько кусковъ янтара, найденныхъ близъ Пенасытеца, противъ острова Голодаева; одинъ изъ нихъ замѣчательнъ тѣмъ, что на его поверхности видны мелкіе, круглешковидныя отпечатки насекомыхъ, а въ срединѣ — небольшой кусочекъ окаменѣлой древешины. Нѣсколько кусковъ того же Дибровскаго янтара имѣетъ у себя и управляющій села Петровскаго (Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи), находящагося ниже Пенасытеца, В. И. Силигинъ; они доставлены ему мѣстными крестьянами съ береговъ острова Песковатаго. Но еще большій запасъ Дибровскаго янтара имѣется у владѣльца м. Котовки (Новомосковскаго уѣзда), Г. И. Алексѣева, извѣстнаго собирателя южно-русскихъ древностей. У него есть очень большіе куски янтара, разнаго достоинства и разныхъ цвѣтовъ: свѣтложелтаго, желтаго, темно-коричневаго и пр. По разказамъ старожиловъ, лѣтъ 50 тому назадъ у придибровскихъ крестьянъ было очень много янтара, но теперь онъ рѣже попадаетъ по тому, что его успѣваютъ подбирать жида“ ²⁾.

Наконецъ, по нижнему теченію Дибры янтарею попадаетъ еще въ предѣлахъ Херсонской и Таврической губерній. Что касается

¹⁾ Д. В. Эвирницкій, Запорожье въ остаткахъ старинъ и преданій народа, ч. I (1888), стр. 184—185.

²⁾ О томъ, что мѣстные евреи скупаютъ янтарею у цѣлѣбныхъ крестьянъ иногда за безцѣнокъ, говоритъ уже *Рожницкій* (*Auctuarium* etc., p. 259), приводящій такой примѣръ изъ Вавилона: „*Succinum ulnare in longum, seminale in latum detoxerunt, hoc ab agriculatore ignaro pretia rerum, Judaeus obtinuit, pro olla media cremati simplicia*“.

первой, то о нахожденіи янтара около Каменки, близъ Крюкова, упоминается уже *Гюльденштедтъ* ¹⁾, слышавшій въ 1774 году о томъ, что на берегу Днѣпра былъ найденъ кусокъ янтара величиною въ куриное яйцо, но не повѣрившій такому разказу. Но и гораздо ниже по Днѣпру, а именно въ плавняхъ, граничащихъ съ Ново-Воронцовкою и съ Грушевкою, были найдены красивые куски янтара, о чемъ упоминаетъ *В. Гамма* ²⁾. Самыми южными пунктами нахождения янтара, по теченію Днѣпра, суть окрестности г. Берислава (Херсонской губерніи) и напротивъ лежащаго м. Каховки (въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Тапирчесской губерніи). Относительно Берислава сообщены любопытныя свидѣнія отцомъ *Іоанномъ Назаревскимъ* ³⁾, изъ которыхъ явствуетъ слѣдующее. Давно уже носились слухи, что яantarь отыскивается на берегахъ Днѣпра, въ пѣмечскихъ колоніяхъ, лежащихъ по правую его сторону, въ 8 и 15 верстахъ отъ г. Берислава. По справкамъ, паведеннымъ въ колоніи Шлагендорфъ, одинъ изъ колонистовъ Іосифъ Цимерь, показывая кусокъ красноватаго янтара, вѣсомъ 14 золотниковъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ найденъ сыномъ его въ 1841 году, на берегу протекающей рѣчки, вблизи самой колоніи, утѣрялъ, что яantarъ подобный, равно и другаго цвѣта, дѣйствительно находятъ съ давнихъ временъ на сосѣднихъ берегахъ Днѣпра. въ кускахъ различной величины; но чаще таковой отыскивается тамъ, гдѣ небольшая рѣчка, отдѣлявшаяся отъ Днѣпра въ 3-хъ верстахъ выше колоніи Шлагендорфъ, протекаетъ подъ самою этою колоніею въ различныхъ изгибахъ, съ образованіемъ песчаныхъ насыпей. На сихъ-то насыпяхъ, или косахъ, жители той колоніи находятъ яantarъ въ кускахъ. Какъ замѣтили старые колонисты, таковая находка случается только послѣ большаго весенняго разлитія подѣ, почему и полагали, что яantarъ только заносится къ нимъ изъ другихъ мѣстъ, а не образуется въ той рѣчкѣ или въ тѣхъ песчаныхъ насыпяхъ. Догадка эта, по мнѣнію г. *Назаревскаго*, подтверждается тѣмъ, что яantarъ находится колонистами не ежегодно и не во всякое время, а только по окончаніи разлитія весеннихъ, и то

¹⁾ *Joh. Ant. Guldenshtadt, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Th. II (1791), S. 194—195.*

²⁾ *Wilh. Hamn, Südöstliche Steppen und Städte (Frankfurt am Main, 1862), S. 170.*

³⁾ См. объ этомъ: 1) Въ *Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ*, 1843 г., ч. 4, стр. 303—307, и 2) въ *Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей*, т. I, 1844 г., стр. 624—625.

большинхъ подъ, покрывающихъ нѣѣ возвышеннымъ мѣста. (Однако же, какъ мы тотчасъ же увидимъ, такое предположеніе едва ли справедливо относительно *всѣхъ* случаевъ нахожденія янтари въ означенной мѣстности.

Это явствуетъ изъ слѣдующаго сообщенія г. *Кульшину* ¹⁾ о нахожденіи янтари въ окрестностяхъ Каховки и Берислава. „Съ давнихъ временъ находимы были мелкіе и крупныя куски янтари въ пескахъ, разбѣянныхъ сугробами по берегамъ Днѣпра; особенно часто встрѣчались куски его насунотнвъ г. Берислава, въ окрестностяхъ мѣстечка Каховки. Куски этого янтари округлены въ видѣ голишей и валуновъ и покрыты оболочкою желѣзнаго окисла, и потому долгое время считали ихъ принесенными изъ другихъ сторонъ, во время осеннихъ и весеннихъ разлиновъ рѣкъ. Наконецъ, въ прошломъ (то-есть, 1843 году) подобныя куски янтари найдены при пѣмецкой колоніи, стоящей на 12 верстъ выше Берислава, въ одномъ изъ овраговъ, примыкающихъ къ Днѣпру, въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, куда ни въ какіе разливы не заливается изъ него вода“. Изъ этого можно вывести заключеніе, что присутствіе въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ янтари слѣдуетъ приписать инымъ причинамъ, чѣмъ принесенію его водами Днѣпра. Г. *Кульшинъ* продолжаетъ: „Изъ того же, здѣсь замѣчено, что плоскіе и округленные куски янтари находятся вмѣстѣ съ обломками какъ бы сгнившаго дерева, пропитаннаго горною смолою и переходящаго въ смолістое дерево и въ лигнитъ. Эти древесныя обломки служатъ здѣсь какъ бы спутниками янтарию. Какъ куски янтари, такъ и обломки дерева встрѣчаются только въ осеннее и весеннее время и послѣ продолжительныхъ дождей и таяніи снѣговъ, вымытыми изъ слоистой глины, перемежающейся съ грубымъ пескомъ. На этой группѣ непосредственно пластуется грубый морской туфовый раковистый известникъ, принадлежащій къ среднему ярусу молассовой формации... Описываемое здѣсь мѣсторожденіе янтари еще не изслѣдовано, даже не произведено тамъ никакихъ горныхъ разысканій, но, по всей вѣроятности, ятарь долженъ находиться прожилками, гнѣздами и желваками въ лигнитовыхъ слояхъ, заключающихся въ слоистой или лѣтнкой глинѣ, лежащей подъ означенными известниками“ ²⁾. Г. *Кульшинъ* присокуп-

¹⁾ П. *Кульшинъ*, Мѣстоахожденіе янтари въ Новороссійскомъ краѣ, въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, 1841 г., № 95, въ фельетонѣ. См. также: *Mittheilungen der K. freien ökonom. Gesellschaft zu St. Petersburg*, 1845, S. 119.

²⁾ Въ трудѣ П. *Соколова*: *Общая геологическая карта Россіи*. Листъ 48-й

леть еще, что масса находямаго въ указанной мѣстности янтара довольно чистая и хорошо просвѣчивается; она цвѣтъ оранжево, яблочно- и медово-желтыхъ, словомъ сказать, имѣетъ видъ янтара, употребляемаго на мундштуки и на галантерейныя издѣлія.

Итакъ, намъ удалось прослѣдить распространеніе янтара отъ Балтійскаго почти вплоть до Черпаго моря, преимущественно по бассейнамъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Днѣпра, съ ихъ притоками. Въ иныхъ случаяхъ, конечно, онъ попадаетъ не на своихъ коренныхъ, первобытныхъ мѣстахъ, а перепесенъ въ свои нынѣшніе мѣстопохожденія морскими и рѣчными водами. Не слѣдуетъ, при этомъ, забывать, что, въ большинствѣ случаевъ нахожденія янтара внутри материка, условія его залеганія разслѣдованы еще слишкомъ недостаточно. Однако же, въ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ случаяхъ онъ находится на своихъ первобытныхъ мѣстахъ, то-есть, тамъ, гдѣ росли деревья, выдѣлявшія эту драгоценную смолу: такъ, напримѣръ, въ царствѣ Польскомъ, около Кіева и, повидимому, также въ окрестностяхъ Берислава. Изъ тому же, та формація глауконитовыхъ песковъ, олигоценнаго (а, можетъ быть, частію эоценаго и лижне-міоценонаго) періода, въ которой обыкновенно встрѣчается янтарь, напримѣръ, въ Замландіи, простирается, вѣроятно, скрозь отъ Балтійскаго до Черпаго моря, по вышеназваннымъ рѣчнымъ бассейнамъ; по крайней мѣрѣ, она констатирована въ царствѣ Польскомъ, въ окрестностяхъ Гродна и Кіева, а также подъ Екатеринославомъ; та же самая формація мелко-зернистыхъ зеленыхъ глауконитовыхъ песковъ была наблюдаема и подъ Гомелемъ, Могилевской губерніи (то-есть, также въ бассейнѣ Днѣпра) ¹⁾, хотя здѣсь не былъ найденъ янтарь.

Южнѣ указанныхъ мѣстностей по нижнему теченію Днѣпра янтарь, въ предѣлахъ Россіи, былъ найденъ въ южнѣйшей части Бессарабской губерніи и въ Закавказьѣ. Что касается перваго изъ этихъ мѣстопохожденій, то, по показанію *II. Кульмина* ²⁾, куски янтара,

(Труды Геологическаго Комитета, т. IX, № 1, 1889 г.), въ которомъ разсматриваются и окрестности Берислава, ничего не говорится ни о нахожденіи тамъ янтара, ни объ упомянутыхъ янтаритовыхъ слояхъ. Нахожденіе бурога угля упоминается тамъ (на стр. 198-й) лишь изъ окрестностей г. Орхова.

¹⁾ См. *С. Никитина*, Геологическое строеніе линіи Гомель-Брянской желѣзной дороги, въ Извѣст. Геологическаго Комитета, 1887 г., т. 6, на стр. 29-й. О присутствіи тѣхъ же глауконитовыхъ песковъ на р. Налужѣ и близъ г. Чаусъ, въ средней половѣ Могилевской губерніи, заявилъ *II. Армашевскій*, въ Изв. Геол. Ком., т. 11, 1892 г., стр. 163—167.

²⁾ Въ выше приведенной статьѣ, въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, 1844 г., № 95.

вмѣстѣ съ сѣрнымъ колчеданомъ и смолистымъ деревомъ, встрѣчаются въ пластѣ бурога землистаго угля, переходящаго съ одной стороны въ лигнитъ, а съ другой въ горючій сланецъ; пластъ этотъ обнаруженъ горными работами при берегахъ лимана Яллуха, впадающаго съ лѣвой стороны въ Дунай. Можетъ быть, что это мѣсто-нахожденіе стоитъ въ связи съ распространеніемъ янтара въ Румыніи.

Слѣдствія о нахожденіи янтара на Кавказѣ чрезвычайно скудны ¹⁾. Мнѣ извѣстно единственное лишь показаніе г. *Байерна* ²⁾, что янтаре попадается въ двухъ мѣстахъ: недалеко отъ Тифлиса и на берегу р. Тертера, праваго притока Куры (въ сѣверовосточной части области Карабагъ). Въ первой мѣстности янтаре встрѣчается въ видѣ мелкихъ, округленныхъ зеренъ въ глинистомъ песчаникѣ пуммулитоваго періода, содержащемъ обугленные растительные остатки. По р. Тертеру онъ попадается въ болѣе крупныхъ зернахъ также въ грубомъ третичномъ песчаникѣ. На сдѣланный мною, по этому поводу, запросъ, *Г. И. Радде* не могъ мнѣ сообщить никакихъ положительныхъ указаній, но замѣтилъ, что ко всѣмъ показаніямъ *Байерна* слѣдуетъ относиться съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Въ древнихъ могилахъ какъ на Кубани, такъ и въ Закавказьѣ попадаются бусы и другіе предметы изъ темнаго, краснобурога янтара, происхожденіе котораго пока не выяснено; по замѣчанію г. *Комарова*, это, однако же, частію не янтаре, а капифоль ³⁾.

Столь же мало, или еще меньше, намъ извѣстно о нахожденіи янтара въ прочихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, гдѣ онъ, по видимому, почти совершенно отсутствуетъ. О томъ, что онъ попадается въ центральныхъ губерніяхъ, имѣются лишь два отрывочныхъ показанія. Проф. *Руде* ⁴⁾ сообщилъ Московскому Обществу испытателей природы, что онъ нашелъ образчики янтара въ наносномъ пескѣ рѣки Сходны (Московской губерніи), именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ проко-

¹⁾ Въ кавказской библиографіи *М. Мянсарова* нѣтъ ни одного сюда относящагося показанія.

²⁾ *Bayern*, въ *Verhandl. d. Berlin. Ges. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgeschichte*, 1882, S. 353 (*Zeitschrift für Ethnologie*, T. 14).

³⁾ Что касается такъ называемаго *Каспійскаго янтара*, то происхожденіе его выяснено г. *Яковлевымъ* въ томъ смыслѣ, что это зернышки смолы, выделяемой стеблями зонтичнаго растенія изъ рода *Ferula*, вследствие укула, произведеннаго древеснымъ клономъ *Harpactor Kolenatii* Reut. См. *В. Е. Яковлевъ, въ Трудяхъ Русск. Энтомол. Общ.*, т. XIX, 1885 г.; дѣйствія Общ., стр. V—VI.

⁴⁾ См. *Сверное Обозрѣніе*, 1849 г., т. I, стр. 843—844, также *Bulletin de la Soc. Imp. d. natural. de Moscou*, 1849, p. I, p. 600.

напѣ глубокой проходѣ при постройкѣ Николаевской желѣзной дороги. Былъ ли тамъ находимъ янтари и въ послѣдствіи, объ этомъ, кажется, ничего не извѣстно. Другое показаніе, сообщенное академикомъ *Георги* ¹⁾ и повторенное проф. *Тимьянскимъ* ²⁾, относится къ берегу Оки у Муромъ, Владимірской губерніи.

На сколько непрерывны и въ связи между собою мѣстопахожденія янтари въ Западной Россіи, на столько уединеннымъ является присутствіе его въ восточномъ Приуральѣ, гдѣ онъ былъ открытъ въ исходѣ прошлаго столѣтія ³⁾ горнымъ инженеромъ *Г. Германномъ*, приславшимъ образчики въ Академію Наукъ, вмѣстѣ съ землянымъ углемъ, съ которымъ онъ попадается около Колчеданскаго острога, на р. Исети, въ 18-ти верстахъ отъ Каменскаго завода. Академикъ *Ловицъ*, изслѣдовавшій присланное отсюда смолистое вещество, призналъ его за настоящій яantarъ ⁴⁾. Болѣе подробными показаніями объ этомъ интересномъ мѣстопахожденіи янтари мы обязаны г. *Маммисеу* ⁵⁾, который о залеганіи его въ означенной мѣстности сообщалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Окрестныя горы села (Колчеданскаго) принадлежать къ формациі бурого угля... Верхній слой берега (Исети) составляетъ песчано-глинистый панъсъ, заключающій въ себѣ гальки и остроконечные отломки песчаниковъ окрестныхъ горъ; за нимъ слѣдуетъ пластъ крупнозернистаго неска;... подъ нимъ залегаетъ пластъ рыхлаго песчаника красноватобурого цвѣта, мѣстами переходящаго въ блѣдножелтый. Подъ симъ пластомъ залегаетъ пластъ сѣрой вязкой глины, перемѣшанной съ разрушеннымъ бурнымъ углемъ, частію землянымъ; въ семь пластъ заключаются небольшіе куски янтари. Ниже сего пласта слѣдуетъ малоразрушенный лигнитъ съ меньшимъ содержаніемъ глины, мѣстами соединенный съ желѣзнымъ колчеданомъ. Въ семь лигнитѣ янтари попадается въ большемъ количествѣ и куски его крупнѣе. Подъ симъ лежитъ тонкій пластъ мелкозернистаго песчаника сѣровато-желтаго цвѣта, подъ

¹⁾ *Георги* ссылается при этомъ на *Стеллера*.

²⁾ Въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1821 г., ч. III, стр. 72—73.

³⁾ Объ этомъ мѣстопахожденіи упоминаетъ уже *Георги* (въ приведенномъ мѣстѣ) въ 1798 году.

⁴⁾ См. объ этомъ въ *Nova Acta Acad. scient. Imp. Petropolit.*, t. XV, 1802 (1806); *Histoire*, p. 70, 86. См. также *Вас. Тимьянскій*, Естественная исторія янтари, приложенная къ Каменскому янтари, въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1821 г., ч. III, стр. 65—94.

⁵⁾ *Маммисеу*, О мѣстопахожденіи янтари близъ Каменскаго завода, въ Екатеринбургскомъ округѣ, въ *Горномъ Журналѣ*, 1836 г., ч. II, кн. 4, стр. 180—186.

комъ залегаесть пластъ сѣрой глины, смѣшанной съ ангидритомъ, древеснымъ углемъ, колчеданомъ и съ наибольшимъ противъ верхнихъ пластовъ количествомъ янтаря... Найденный здѣсь янтарь, по выпутан на дневную поверхность, не имѣетъ той твердости, какую получаетъ въслѣдствіи, лежава на воздухѣ; только лишь выпутан изъ нѣдръ земли, имѣетъ запахъ древесной и въ особенности сосновой смолы, который въслѣдствіи терять. Нѣкоторые куски его обладаютъ вязкостію; напротивъ же другіе, подобно резиниту, вовсе не имѣютъ оной. Изломъ раковистый; янтарь сей на огнѣ горитъ; при горѣніи плавится, но не каплетъ, и во время сгоранія, издавая ароматическій запахъ, сильно коптитъ, оставляя, по сгорѣніи, разрушенную массу угля. Цвѣтовъ встрѣчается различныхъ: розоваго, медоваго, желто- и краснобураго и желто-бѣлаго; блескъ его масляный. Встрѣчается кругляками, зернами, тупоугольными массами съ неровною поверхностію, а также въ видѣ капсельниковъ. Нѣкоторые куски плаваютъ, а другіе въ водѣ тонуть¹⁾.

Наконецъ, янтарь попадается на берегахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, начиная на западѣ съ береговъ Бѣлаго моря, по всему сѣверному побережью Сибири, вплоть до самыхъ восточныхъ частей ея. Мы обязаны *Миддендорфу*²⁾ сопоставленіемъ относящихся сюда свѣдѣній; повторяя ихъ здѣсь, я пополю ихъ еще нѣкоторыми другими показаніями.

По сообщенію *Ленгкина*³⁾, янтарь выбрасывается моремъ на берегъ въ Мезенской губѣ, при устьяхъ рѣчекъ Ижмы и Чужи, а также въ Чешской губѣ, при устьѣ р. Волонги и около Васкина. На устьѣ Ижмы онъ „собралъ горсть янтаря, вымынаемаго моремъ, съ гнилою соломой, изъ собственныхъ его береговъ“. По показанію

¹⁾ Объ этомъ же мѣстонахожденіи упоминаютъ еще *Г. Розе* (*G. Rose*), *Mineral.-geogn. Reise nach dem Ural*, Bd. I, S. 481, и *Мурчисонъ* (*Murchison*), *Geology of Russia*, vol. I, p. 366. См. также *А. в. Humboldt*, Козмов, Bd. II, S. 411.

²⁾ *A. Th. v. Middendorff*, *Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens*, Bd. IV, Th. 1 (1867), S. 256—258. Касимовскіе находенія янтаря напечатано въ *Petermann's Geogr. Mittheilungen*, 1866, S. 308. См. также въ *Иза. Вост.-Сибирск. Отдѣла Н. Р. Геогр. Общ.*, т. 12, № 4—5, 1881, стр. 74—76.

³⁾ *Ис. Ленгкинъ*, Дневныя записки путешественія, т. IV (1805 г.), стр. 106, 120 и 297. См. также *J. Ch. Stuckenberg*, *Hydrographie des Russischen Reiches*, Bd. 2 (1844), S. 28—29. Здѣсь упоминается и о Свнтѣи Постѣ, какъ мѣстонахожденіи янтаря.

Штукенберга ¹⁾, янтарь попадаетъ и на сѣверномъ прибрежьи Калининской земли. На Калининскомъ полуостровѣ нашелъ его и академикъ *Рузескѣ*. О нахожденіи янтара у устья рѣки Индеги говоритъ *А. Шренкѣ* ²⁾ въ описаніи своего путешествія въ Самоѣдскія тундры. По его показанію, какъ здѣсь, такъ и въ устьѣ Нечоры море выбрасываетъ на берегъ окатанные куски буроугольного (по мѣстному: *морской уголь*), а также небольшія зернышки янтара, рѣдко крупнѣе горошины, обернутыя обыкновенно растительными волокнами. Эти зернышки, по мѣстному *морской ладанъ*, въ большомъ почетѣ у мезенскихъ рыболововъ, которые сохраняютъ ихъ у себя въ домахъ, какъ приносящій счастье талисманъ; жены ихъ, передъ уходомъ мужей въ море, нерѣдко окуриваютъ янтаремъ рыболовныя сѣти, предполагая приманить этимъ рыбу. По показаніямъ мезенскихъ промышленниковъ, янтарь попадаетъ по всѣмъ берегамъ, и при томъ не такъ рѣдко.

По замѣчанію *Зуева* ³⁾, сопутствовавшего *Палласу* въ его сибирскомъ путешествіи, на Югорскомъ берегу были найдены небольшія зернышки прозрачнаго янтара, а также большіе куски угля, окатанные моремъ. Чѣмъ, чѣмъ здѣсь, янтарь попадаетъ на Юрацкомъ берегу, между устьями Оби и Енисея. *Абрамовъ* ⁴⁾ также упоминаетъ о томъ, что у береговъ Ледовитаго моря, къ сѣверу отъ Березова, попадаются куски янтара. О нахожденіи ихъ близъ устья Енисея говоритъ и *Георги*. По сообщенію *Гуляева*, жительствовавшій въ с. Дудинкѣ (Дудинскомъ) казачій урядникъ *К. М. Сотниковъ*, въ 100 верстахъ къ востоку отъ Енисея (Енисейской губерніи), открывъ мѣстность, богатую янтаремъ, при рѣчкѣ Стефотинѣ, впадающей въ р. Агапо. Къ сожалѣнію, въ сообщеніи *Гуляева* ⁵⁾ нѣтъ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, встрѣчается ли тамъ янтарь на мѣстѣ своего первоначальнаго образованія (въ формации буроугольного), или же въ дилuviальныхъ или аллювиальныхъ наносахъ, происшед-

¹⁾ *Stuckenberg*, Hydrographie, Bd. 6 (1849), S. 142.

²⁾ *A. G. Schrenk*, Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands, Th. I (Dorpat, 1848), S. 593, 649. *Штукенбергъ* (въ прил. мѣст., т. 2, стр. 248) также упоминаетъ о нахожденіи янтара въ устьѣ Нечоры.

³⁾ *C. M. Pallas*, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, Bd. 3 (1776), S. 30.

⁴⁾ *Н. А. Абрамовъ*, Описаніе Березовскаго края, въ *Зап. Им. Русск. Геогр. Общ.*, кн. 12, 1857 г., стр. 436 (и 446).

⁵⁾ См. въ замѣткѣ *Г. Е. Щуровскаго*, въ *Им. Общ. Любит. Бѣстествозн.*, т. III, столбцы 301—302 (въ протоколѣ засѣданія Общества, 21-го февр. 1869 г.).

нихъ отъ разрушенія этой формаціи. *Дуляевъ* пишетъ, что янтарь вымывается водою изъ высокихъ наносовъ, которые *Сотниковъ* называетъ хребтами, и что вмѣстѣ съ нимъ попадаются кусочки каменнаго угля. По замѣчанію проф. *Щуровскаго*, быть можетъ, что высокіе холмы, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно наносы, но можетъ быть, что они принадлежатъ къ третичной формаціи, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ янтаремъ вымываются и кусочки каменнаго угля. Найденный въ означенной мѣстности янтарь не имѣетъ тѣхъ высокихъ качествъ, какія необходимы для янтарныхъ издѣлій (для бусъ, мушкетуковъ и т. п.), но, по мнѣнію *Щуровскаго*, съ большою пользою можетъ быть употребляемъ на приготовленіе лаковъ, курительныхъ порошковъ, янтарнаго масла и янтарной кислоты.

Между рѣками Пясидою и Хатангою встрѣчается янтарь ¹⁾. О присутствіи его на Хатангѣ было извѣстно уже въ прошломъ столѣтіи. Какъ замѣчаетъ *Миддендорфъ*, въ рукописномъ дневникѣ *Мессершмидта* (отъ 16-го іюня 1723 г.) упоминается уже объ этомъ. О томъ же сподѣлывается и *Х. П. Лангевъ*, производившій опись берега Ледовитаго моря съ 1734 по 1742 годъ ²⁾. Точно также упоминаетъ объ этомъ и *Георги*. Самое же древнее печатное (не приводимое *Миддендорфомъ*) указаніе на такое нахожденіе янтаря между Хатангою и Енисеемъ находится въ извѣстномъ сочиненіи *Штрахленберга* ³⁾. *Миддендорфъ*, однако же, не имѣетъ увѣренія въ такомъ нахожденіи; ему самому удалось констатировать, что янтарь копаются якутами близъ зимовья Соколово, въ береговомъ обрывѣ р. Хеты, притока Хатанги. По употребительному у якутовъ названію *мгродлада* *Миддендорфъ* заключаетъ, что они переняли его употребленіе у русскихъ, пользующихся янтаремъ, вмѣсто ладана, для кадила въ церквахъ.

Еще далѣе къ востоку, въ наносныхъ равнинахъ, граничащихъ съ устьемъ р. Ины, по показанію г. *Злобина* ⁴⁾, попадаетъ горючее

¹⁾ „Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga“, въ изданіи: *Baer u. Helmersen*, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. 4 (1841), S. 299.

²⁾ См. въ Зап. Гидрогр. Департамента, ч. IX, 1851 г., стр. 41. Здѣсь значится: „На р. Хатангѣ находится много морскаго ладуу: цвѣтъ и духъ имѣетъ, какъ янтарь, но токмо крошекъ“.

³⁾ *Ph. J. v. Strahlenberg*, Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia (Stockholm, 1730), S. 332.

⁴⁾ *Злобинъ*, О горахъ Якутской области и о полезныхъ минералахъ, въ нихъ находящихся, въ *Горномъ Журналѣ*, 1831 г., ч. IV, стр. 37.

вещество, похожее на янтари, а также бурый уголь. Тутъ же, въ Устьянскомъ краѣ, находятся два озера, при которыхъ встрѣчается янтари, а именно: Ладанахъ въ Тастахъ ¹⁾. Первое изъ нихъ, получившее и названіе свое отъ „ладана“ (то-есть, янтари), находится къ западу отъ р. Ины, полѣ берега Ымконской губы; оно выкидываетъ въ довольно большомъ количествѣ янтари, болѣею частію тусклый и мало прозрачный. Озеру Тастахъ (то-есть, Каменистое), лежащее между Иною и Индигиркою и отстоящее отъ р. Хромы въ 30-ти верстахъ къ востоку, по замѣчанію *Финирина*, окружено высокими ярами, состоящими изъ песка, перемѣшаннаго съ иломъ и камнями; изъ этихъ яровъ каждое лѣто выпаливается затвердѣлый смолистый уголь, который крѣпостію и составомъ своимъ занимаетъ среднее мѣсто между каменнымъ и обыкновеннымъ древеснымъ углемъ. Тутъ же, въ маломъ количествѣ, попадаются янтари, который по наружному виду сходенъ съ находящимъ у озера Ладанахъ. По показанію *Геденштрома* ²⁾, смолистое вещество это хотя по наружному виду и походитъ на янтари и, подобно этому послѣднему, иногда заключается въ себѣ насѣкомыхъ, однако же оно легче янтари и при сжиганіи не издаетъ свойственнаго ему послѣднему пріятнаго запаха. Въ послѣднее время баронъ *Эд. Толль* ³⁾ обратилъ особенное вниманіе на это мѣстонахождение янтари и бурого угля, высказавъ предположеніе о связи третичныхъ слоевъ на озерѣ Тастахъ съ лежащими къ сѣверу знаменитыми „деревянными горами“ на островѣ Нолой Сибири, гдѣ имъ также было найдено ископаемое смолистое вещество, очень похожее на янтари, которое имъ признано за *ретинитъ*; мелкіе кусочки послѣдняго попадаютъ тамъ въ слоѣ желто-сѣрой глины, наполненной обугленными растительными веществами и приближающемся, послѣдствіе того, къ бурому углю; между прочимъ, въ этомъ слоѣ встрѣчаются довольно часто шишки хвойнаго дерева *Sequoia Langsdorffii*, которое въ миоценовый періодъ отличалось весьма далекимъ распространеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ *Толль* высказываетъ и дальнѣйшее свое

¹⁾ См. объ этихъ озерахъ: „Замѣчанія medico-хирурга *Финирина* о разныхъ предметахъ естественной исторіи и флоры, учиненныя въ Устьянскѣ и окрестностяхъ оного въ 1822 году“, въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, 1823 г., ч. IV, стр. 196—197 и 247.

²⁾ *М. Геденштромъ*, Отрывки о Сибири (С.-Иб., 1830), стр. 111.

³⁾ Во введеніи къ статьѣ проф. *II. Шмидтаузеня* (*J. Schnalhausen*): *Ter-tiäre Pflanzen der Insel Neusibirien*, въ *Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Petersb.*, VII-e série, t. 37, № 5, 1890, p. 6.

предположеніе, что и отложенія Чиримыйской скалы, лежащей къ западу отъ р. Лены, на $65\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты, можно причислить къ одному и тому же третичному полярному материку, къ которому принадлежали также Ново-Сибирскіе острова. Изъ этихъ слоёвъ, открытых *Чекановскимъ* и описанныхъ знаменитымъ фитопаалеонтологомъ *Осо. Гэрромъ*¹⁾, вмѣстѣ съ остатками разныхъ древнесихъ породъ, отпосинныхъ имъ къ міоценовому періоду, попадаются также янтаронидное смолистое вещество. Фактъ этотъ, по словамъ *Горн*, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что и въ Заамандіи, а также въ Гренландіи, янтари (или сродное ему пещество) встрѣчается вмѣстѣ съ вѣтвими болотнаго кипариса (*Taxodium distichum miocenium*), съ которыми онъ найденъ былъ *Чекановскимъ* и въ упомянутыхъ береговыхъ отложеніяхъ рѣчки Чиримыи (лѣваго притока Лены). Наконецъ, баронъ *Толль* указываетъ на вѣроитности, что предполагаемый третичный материкъ имѣлъ далекое распространеніе и къ западу; для подкрѣпленія такой догадки онъ ссылается, между прочимъ, на показаніе *Лантвеа* (въ приведенномъ мѣстѣ, на страницѣ 39-ой), что на р. Анабарѣ, выше устья Олома, находится большое количество окаменѣлаго дерева; далѣе, онъ указываетъ на выше сообщенное нахожденіе янтари на рр. Хатангѣ и Хетѣ, а также на открытые *Миддендорфомъ* пласты бураго угля по рр. Богандѣ и Таймыру. Съ своей стороны прибавлю, что, по всей вѣроятности, *Шуrowsкій* правъ, отпося янтароносные хребты по рѣчкѣ Стефонитѣ (Енисейской губерніи) къ третичной же формации (о чемъ сообщено выше), и что означенная мѣстность, составляющая какъ бы продолженіе Хетинскаго мѣстопоноженія янтари, принадлежала къ тому же самому третичному полярному материку.

Судя по выше приведеннымъ невысокимъ качествамъ янтари, попадающагося въ только-что названной мѣстности Енисейской губерніи, можно предположить, что и это—не настоящий янтари, а ретинитъ, къ которому, понидимому, слѣдуетъ отнести и описанное *Геденштромомъ* смолистое вещество (см. выше), да, вѣроитно, и вообще весь „янтарь“, какъ выкапываемый въ сѣверной Сибири, такъ и выбрасываемый на ея берегъ Ледонитымъ океаномъ. *Миддендорфъ* находитъ удивительнымъ, что по всему прибрежью Ледонитаго океана янтари попадаютъ лишь въ очень мелкихъ зернышкахъ, рѣдко превышающихъ величиною го-

¹⁾ *Oso. Heer*, Beiträge zur fossilen Flora Sibiriens und des Amurlandes, in *Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Petersb.*, VII-e série, t. 25, № 6, 1878, p. 30—31.—Мнѣ кажется, что правильно писать *Гэрр*, а не *Геср*.

рошину. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спрашиваетъ, слѣдуетъ ли приписать это обстоятельство свойству янтара легко крошиться, а это послѣднее свойство, съ своей стороны, вліянію сильнаго холода? Такая догадка какъ будто подтверждается тѣмъ, что къ югу отъ Берингова моря попадаются опять болѣе крупные куски. Или же, продолжаетъ онъ, не имѣемъ ли мы тутъ дѣло со смолою, выдѣленною совершенно различными древесными породами, росшими въ прежніе геологическіе періоды? Мнѣ кажется, что эту послѣднюю догадку слѣдуетъ признать всего болѣе вѣроятною. Между тѣмъ какъ настоящій янтарь, напримѣръ, въ Замландіи, въ главнѣйшей своей массѣ, выдѣлялся въ *олиоценовый періодъ*, то смолистое вещество, которое попадаетъ по побережью Ледовитаго океана, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, какъ уже замѣчено, не есть настоящій янтарь, а *ретицитъ*, который, къ тому же, выдѣлялся въ позднѣйшій *міоценовый періодъ* и, по всей вѣроятности, другими древесными породами.

Янтарь встрѣчается также на берегахъ сѣверныхъ бухтъ Охотскаго моря. Уже Крашенинниковъ ¹⁾ сообщаетъ о янтартѣ, собираемомъ, въ довольно большомъ количествѣ, на берегу Пенжинской бухты, особенно у устья р. Тигилия и далѣе къ сѣверу. Точно также попадаетъ янтарь вмѣстѣ съ окаменѣлымъ деревомъ около Гижигинска, гдѣ вещества эти, повидимому, выброшены моремъ. По изслѣдованію Мерклина ²⁾, находимый здѣсь янтарь не есть продуктъ настоящаго янтарнаго дерева (*Pinus succinifera* Goepp.), а былъ выдѣленъ пороною изъ семейства *Cupressineae*. Наконецъ, имѣется свѣдѣніе о нахожденіи янтара на островѣ Сахалинѣ, близъ селенія Сирака, гдѣ залегаетъ также сплошной слой угля, въ 8 футовъ толщины ³⁾. Замѣчу при этомъ, что міоценовые пласты бураго угля, съ богатою флорою, открыты на островѣ Сахалинѣ въ различныхъ мѣстахъ ⁴⁾.

¹⁾ Степанъ Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки (С.-Иб., 1818), стр. 301. См. также: Pallas, Neue Nordische Beyträge, t. 5, 1798, S. 272.

²⁾ С. v. Mercklin, Über fossiles Holz und Bernstein in Braunkohle aus Gishiginsk, въ Bulletin phys.-math. de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Petersb., t. 11, 1863, столбцы 81—93, съ табл. рис. (Также въ Mélanges biologiques, t. I, p. 525—540).

³⁾ Н. Боголюбовскій, Очеркъ Амурскаго края, южной части Приморской области и острова Сахалина въ геологическомъ и горно-промышленномъ отношеніи (С.-Иб., 1876), стр. 71.

⁴⁾ См. Осв. Гуръ, Міоценовая флора острова Сахалина, въ Трудахъ Сибирской экспедиціи Имп. Р. Геогр. Общества, физич. отдѣлъ, т. III, вып. 3 (С.-Иб., 1886).

Разсмотрѣвъ фактическую сторону нахождения въ предѣлахъ Россіи янтари (или сходныхъ съ нимъ ископаемыхъ смолистыхъ веществъ) и коснувшись вкратцѣ условій его залеганія, постараюсь выяснитъ здѣсь соотношеніе распространенія янтари въ Европейской Россіи ¹⁾ съ распространеніемъ у насъ отложеній олигоцена, то-есть, того нижнетретичнаго періода, въ теченіе котораго росло слевидное дерево, выдѣлившее настоящій янтарь ²⁾. Нанесяи всѣ извѣстные мѣста нахождения янтари на карту Европейской Россіи ³⁾, и хотѣя сравнить область его распространенія съ областью олигоценовыхъ у насъ отложеній. Но здѣсь представляется то преніяніе, что до сихъ поръ на нѣмѣющихся немногихъ геологическихъ картахъ распространеніе олигоцена и эоцена не разграничено, а отмѣчается совокупно. Такъ это значится на картѣ № 10, приложенной къ извѣстному труду академика *Карпинскаго*: „Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды“ ⁴⁾. И въ только что отпечатанномъ сочиненіи *Н. А. Соколова* о распространеніи нижнетретичныхъ отложеній Европейской Россіи, на приложенной къ оному картѣ ⁵⁾, распространеніе эоцена и олигоцена не разграничено между собою.

Все-таки, и на основаніи этихъ, недостаточныхъ пока, данныхъ, можно заключить о замѣчательномъ совпаденіи между собою областей распространенія янтари и олигоцена (вмѣстѣ съ эоценомъ). Это замѣчается въ особенности по отношенію рѣчныхъ областей: Вислы, Нѣмана, Днѣпра (съ притоками) и Донца ⁶⁾, а также относительно

¹⁾ По причинѣ слишкомъ еще недостаточныхъ свѣдѣній о геогностическомъ строеніи Сибири я вынужденъ ограничиться здѣсь *Европейскою* Россіею.

²⁾ Имѣя здѣсь въ виду распространеніе настоящаго янтари, я, при представляемомъ мною сравненіи, упустилъ изъ вниманія нахожденіе янтаровиднаго вещества по берегамъ Ледовитаго океана.

³⁾ Предполагая напечатать извлеченіе изъ настоящей статьи въ *Verhandlungen des Justus Perthes'geographischer Anstalt*, я имѣлъ приложить къ нему карту распространенія янтари въ Европейской Россіи.

⁴⁾ Составляетъ приложение № 8 къ LV-му тому *Записокъ Им. Академіи Наукъ* (С.-Пб., 1887).

⁵⁾ Я обязанъ *А. П. Карпинскому* сообщеніемъ корректурнаго экземпляра этой карты изъ новѣйшаго тогда еще труда г. *Соколова*, за что приношу обоимъ ученымъ мое живѣйшую благодарность.

⁶⁾ Однако же далѣе къ востоку, гдѣ глауконитовые пески широко распространены (попадаюсь, наиримѣръ, еще въ бассейнѣ р. Медвѣдицы), янтарь пока не найденъ.

нахожденія янтара на Кавказѣ и къ востоку отъ Уральскаго хребта. Что касается присутствія янтара на берегахъ или въ прибрежныхъ мѣстахъ Балтійскаго моря, съ его придатками—заливами Рижскимъ и Финскимъ, въ предѣлахъ которыхъ не распространена олигоценовая формация, то это присутствіе янтара легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ выбрасывался туда волнами самого моря или бухтъ его, превратившихся впоследствии частію въ озера и торфяныя болота. Затѣмъ остаются только два мѣста находенія янтара въ центральной Россіи (въ губерніяхъ Московской и Владимірской), которыя лежатъ совершенно внѣ области распространенія олигоцена, по крайней мѣрѣ, на сколько эта послѣдняя намъ извѣстна въ настоящее время. Что въ этомъ отношеніи наука еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что лишь въ очень недавнее время (въ 1892 году) профессоръ *Павловъ* указалъ на находеніе олигоцена около Алатыря, Симбирской губерніи, гдѣ до сихъ поръ предполагалось присутствіе одного лишь эоцена ¹⁾.

Для объясненія такихъ кажущихся неправильностей въ распространеніи янтара слѣдуетъ припомнить, что онъ встрѣчается чаще не на своемъ первоначальномъ мѣсторожденіи, а на вторыхъ, третьихъ (и дальнѣйшихъ) мѣстахъ залеганія ²⁾. Дѣйствительно, со времени средняго олигоцена, въ теченіе міоцена, пліоцена и пост-пліоцена, янтаръ подвергался неоднократнымъ перемѣщеніямъ, будь это въ цѣльныхъ глыбахъ той глауконитовой земли, которая обыкновенно признается первымъ мѣсторожденіемъ янтара, или же будучи выслобожденъ изъ этихъ глыбъ и выбрасываемъ волнами міоценоваго и пліоценоваго морей на древніе берега ихъ. Протяженіе этихъ береговъ еще далеко не твердо установлено. А потому и происхожденіе янтара въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи пока не можетъ быть съ точностью объяснено. Если, напримѣръ, правильно предположеніе проф. *Головкинскаго* о существованіи послѣдтретичнаго пролива между Финскимъ заливомъ и „Болгарскимъ бассейномъ“ *Языкова*, то-есть, сѣвернымъ продолженіемъ Каспійскаго моря (въ предѣ-

¹⁾ Сообщеніемъ этого любопытнаго свѣдѣнія я обязанъ академику *Карпинскому*.

²⁾ См. объ этомъ: *L. Meyn*, Der Bernstein der norddeutschen Ebene auf zweiter, dritter, vierter, fünfter und sechster Lagerstätte, в *Zeitschrift der Deutschen geologischen Gesellschaft*, Bd. 28, 1876, S. 171—198.

лахъ губерній Казанской и Самарской)¹⁾, то нахожденіе янтара въ центральной Россіи не представляло бы ничего удивительнаго. Для объясненія далекаго распространенія янтара въ рѣчныхъ областяхъ Вислы, Пѣмана и Днѣпра, помимо вышеупомянутаго подобнаго же распространенія средне-олигоценовой глауконитовой формации, слѣдуетъ еще то обстоятельство, что Балтійское море когда-то (то-есть, въ олигоценовый, а, вѣроятно, и въ міоценовый періодъ) посредствомъ широкаго пролива состояло въ связи съ нынѣшнимъ Чернымъ моремъ²⁾. Съ такимъ предположеніемъ, высказаннымъ опредѣленно *Эйхвальдомъ*, согласился и проф. *Докучаевъ*³⁾.

По весьма распространенному (и почти общепринятому) мнѣнію, янтарная ель (то-есть, то смолистое дерево, которое по преимуществу выдѣляло настоящій янтарь) росла главнѣйше, или даже исключительно, по морскимъ берегамъ. Если основательно выше высказанное предположеніе наше, что янтарь въ указанныхъ рѣчныхъ областяхъ попадаетъ, по крайней мѣрѣ, въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на своихъ первоначальныхъ мѣсторожденіяхъ (напримѣръ, около Гродна, Кіева и Екатеринослава), то слѣдуетъ далѣе предположить, что эти мѣсторожденія составляли острова олигоценоваго моря, на которыхъ и росла означенная янтарная ель. Въ другія же мѣста янтарь могъ быть разносимъ, частію уже въ олигоценовый, частію же въ позднѣйшіе геологическіе періоды, волнами того же моря, которое существовало здѣсь еще долгое время въ видѣ указаннаго пролива между морями Балтійскимъ и Чернымъ, а впоследствии, когда была разорвана связь между ними (вслѣдствіе мѣстныхъ подвиговъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ), означенное море продолжало существовать въ видѣ огромнаго озера, которое лишь въ гораздо позднѣйшее (быть

¹⁾ Мы хорошо извѣстно, что иѣкоторые геологи (напримѣръ, баронъ *Розенъ* и *В. В. Докучаевъ*) оспариваютъ существованіе въ послѣдствіи такую эпоху такого морскаго пролива. Но я считаю попросить этотъ еще отнюдь не рѣшеннымъ окончательно.

²⁾ Замѣчательно, что уже *Лажинскій* говоритъ о преданіи, повѣствующемъ о прежнемъ соединеніи нынѣшнихъ Писинскихъ болотъ съ Чернымъ моремъ. Упомянувъ объ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ этими болотами, онъ продолжаетъ: „Hinc nata est fabella, quod olim Pontus Euxinus ad Pinesium usque extendebatur“. См. *G. Rzeczynski, Historia natur. cur. regni Poloniae* (1721), p. 164.

³⁾ См. его статьи: „По вопросу объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Полесья“, въ *Труды С.-Иб. Общ. естествоиспыт.*, т. VI, 1875 г., стр. 163—185. См. также статью того же автора: „Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европейской Россіи“, тамъ же, т. IX, 1878 г., стр. 104.

можеть, уже въ историческое) время превратилось въ нынѣшнія Ииискія болота. Во все время существованія этого озера, которое, по размѣрамъ своимъ, въ два или въ три раза превосходило Ладожское озеро, янтарь продолжалъ разноситься волнами его, выбрасывавшими оный на свои берега. Такое перенесеніе на далекія пространства, и при томъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ геологическихъ періодовъ, обуславливается какъ химическими, такъ и физическими свойствами янтари. Къ этимъ замѣчательнымъ качествамъ янтари относятся: способность не выѣтриваться отъ разныхъ химическихъ разрушительныхъ силъ, устойчивость противъ механическихъ вліяній и свойственный ему удѣльный вѣсъ, благодаря которому янтарь топлетъ въ водѣ и, при спокойномъ ея состояніи, остается на одномъ мѣстѣ, въ бурную же погоду передвигается впередъ каждою достигающею дна волною.

Скажу еще нѣсколько словъ о пролежавшихъ по Россіи путяхъ, по которымъ доставлялся янтарь изъ главнаго мѣсторожденія его на юго-восточномъ берегу Балтійскаго моря къ древнимъ грекамъ и къ аравитянамъ, а также о великомъ значеніи этого драгоценнаго вещества для разъясненія торговыхъ сношеній, существовавшихъ уже въ самой глубокой древности. Я не буду останавливаться здѣсь на общезвѣстныхъ повѣствованіяхъ римскихъ писателей (*Плинія* и *Тацита*) о путешествіяхъ въ страну янтари, совершенныхъ *Питеасомъ* и римскимъ всадникомъ, такъ какъ пути, ими пройденные, лежали внѣ предѣловъ Россіи. Къ тому же, объ этомъ писано очень много ¹⁾.

Благодаря главнѣйше изслѣдованіямъ г. *Садовскаго* ²⁾, мы можемъ теперь съ большою вѣроятностью судить о тѣхъ путяхъ, по которымъ слѣдовалъ янтарь отъ береговъ Балтійскаго моря къ греческимъ колоніямъ въ южной Россіи. Замѣчательныя находки греческихъ древностей въ окрестности Балтійскаго моря, такъ, напримѣръ, вскрытіе холма на берегу Рижскаго залива, въ которомъ были най-

¹⁾ Изъ богатой литературы по этому предмету приведу здѣсь лишь слѣдующіе труды: 1) *F. Waldmann*, *Der Bernstein im Altertum, въ Einladungsprogramm d. Landesgymnasiums zu Fellin*, 1882; 2) *K. Mollenhoff*, *Deutsche Altertumskunde*, Bd. I (1870), S. 212—223, и въ другихъ мѣстахъ; 3) *Genthe*, *Über den etruskischen Tauschhandel nach dem Norden* (1874).

²⁾ *J. N. von Sadowski*, *Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres. Aus dem Polnischen von Albin Kohn* (Jena, 1877).

дены, между прочимъ, двѣ бронзовыя статуэтки и серебряныя монеты изъ Фасоса и Сиракузъ ¹⁾ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между странами, лежащими по берегамъ морей Чернаго и Балтійскаго. И за чѣмъ другихъ, если не за янтаремъ, стоило грекамъ ѣздить къ дальнимъ и невѣдомымъ Балтійскимъ берегамъ? ²⁾ Но когда и какимъ образомъ завязалась такая мѣловая торговля, это едва ли будетъ когда нибудь разъяснено въ точности. Существованіе приведенныхъ выше многочисленныхъ мѣстоимѣній янтаря въ югозападной и западной Россіи, то-есть, на всемъ прострѣанствѣ, лежащемъ между древними греческими колоніями на берегахъ Понта, и янтарнымъ берегомъ Замландіи, не исключаетъ возможности, что граждане Ольвии ознакомились уже на нижнемъ теченіи Днѣпра съ этимъ драгоценнымъ веществомъ, на которое они заявили спросъ къ скиномамъ, жившимъ выше по Днѣпру. Въ греческой и римской литературѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, нѣсколько указаній на присутствіе янтаря въ предѣлахъ Скинии. Показаніе *Плиніемъ*, что янтарь добывается въ двухъ мѣстахъ Скинии, сообщено выше (въ самомъ началѣ настоящей статьи). *Дионисій Перигетъ* ³⁾ сообщаетъ, что въ двухъ скино-понтійскихъ рѣкахъ (притокахъ Днѣпра?), а именно въ Альдескостѣ ⁴⁾ и въ Пантिकाпѣ, нѣдадается янтарь ⁵⁾. То же показываетъ и *Присциана*, называющій первую изъ рѣкъ—Ардискостъ.

¹⁾ См. объ этомъ въ *Jahresverhandlungen der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst*, t. II (Mitau, 1822), S. 28—31; а также *Preller*, Numorum graecorum qui in museo academico asservantur recensio (Dorpati, 1842), ч. I, стр. 19 и слѣд. См. также: *C. F. Wiederg*, Der Einfluss der klassischen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr (Hamburg, 1867), S. 94—95.

²⁾ Мѣла они могли добывать изъ гораздо болѣе близкихъ мѣстъ.

³⁾ Διονύσιος ὁ Περιήγητής, 814—818:

Καὶ οὗ καὶ Ἀλδήσκοιο καὶ ὕδατα Παντικαπαιοῦ
Ῥωμαῖοις ἐν βρεσσὶ διάνδρα μормύροισι
τῶν δὲ παρὰ προσηγορίαι, κατὰ γένος ἐγγυθὶ πάντου
ἔδαφαις ἤλεκτρος ἀφίσταται, οἷα τις αὐτῇ
μήνησιν ἀρχομένης.

⁴⁾ Мы не знаемъ, какъ пытались объяснить названіе этой рѣки и какую рѣку слѣдуетъ подъ нимъ подразумѣвать; но мы кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что названіе это или перенесено такъ называемому народному этимологію и приложено къ греческому слову αλδήσκη, расти, урождать; кормить, воспитать; или же оно перенесено на греческій языкъ съ неизвѣстнаго славянскаго названія.

⁵⁾ Напрасно г. *Вальдманъ* (въ приведенномъ мѣстѣ, на стр. 53) полагаетъ, что такое показаніе могло быть вызвано одною лишь торговлею янтаремъ. И не вижу причинъ, почему жители Ольвии не могли узнать о нахожденіи янтаря, напримѣръ, въ окрестностяхъ нинѣшняго Берислава.

Геродотъ (III.115), объѣздившій Скию и сообщившій о ней такъ много драгоценныхъ показаній. чистосердечно сознался, что онъ не успѣлъ узнать въ точности, откуда собственно привозятся янтарь; но что, во всякомъ случаѣ, онъ добывается на крайнемъ сѣверѣ Европы. Въ другомъ мѣстѣ, повѣствуя о Диѣпрѣ, *Геродотъ* передаетъ показаніе прибрежныхъ жителей, будто рѣка эта выше пороговъ не судоходна, и что къ сѣверу отъ жилищъ скивовъ-земледѣльцевъ простираются непроходимые лѣса, болота и пустыни. Но весьма правдоподобию толкованію одного польскаго писателя¹⁾, „диѣпровцы при удобномъ сообщеніи съ литовскими народами, имѣя тогда въ рукахъ своихъ весь янтарный торгъ и желая предоставить себѣ однимъ безмѣрный прибытокъ отъ онаго, не только обманули просвѣщеннаго путешественника притворнымъ незнаніемъ мѣсторожденія янтаря, но и отвратили его вымышленными препятствіями отъ дальнѣйшаго путешествія“.

Садовскій ²⁾ различаетъ три періода въ понтійско-балтійской торговлѣ янтаремъ.

1) Торговля отъ Ольвіи къ устью Вислы, около 450 г. до Р. Хр., то-есть, вскорѣ послѣ пребыванія *Геродота* въ Скиюи. Основываясь главнѣйше на произведенномъ *Левцовомъ* изслѣдованіи монетъ, найденныхъ около Шубина (къ югозападу отъ Бромберга), *Садовскій* могъ опредѣлить не только ольвійское происхожденіе этихъ монетъ, но и приблизительный годъ экспедиціи. По мнѣнію *Садовскаго*, это была единственная экспедиція, давшая такой огромный крикъ и прошедшая по лѣвому берегу Вислы до устья ея, гдѣ, какъ извѣстно, янтарь попадаетъ въ несравненно меньшемъ количествѣ. чѣмъ къ востоку отъ этой рѣки.

2) Мѣсовая торговля между Ольвією и жителями по берегу Наревы (притока Буга, впадающаго въ Вислу), гдѣ, какъ мы видѣли, съ давнихъ временъ, разрабатывались янтарныя копи. Но правдоподобному предположенію *Садовскаго*, ольвійцы плыли туда сперва Днѣстромъ ³⁾, затѣмъ спускались по Саву и Вислѣ и, наконецъ, по-

¹⁾ См. статью: „Древнѣйшія извѣстія о янтарѣ“ (съ польскаго *И. Лобойко*), *въ Труды Волын. Общ. Любителей Росс. слов.*, ч. VII, 1819 г., стр. 222 — 223. Авторъ статьи не названъ.

²⁾ Такъ какъ *Садовскій* писалъ очень пространно, затрогивая многія мелочи, о которыхъ мы можемъ умолчать, то я въ слѣдующемъ придерживаюсь краткаго изложенія, сообщеннаго *Вальдманомъ*, въ привед. мѣстѣ, на стр. 53—54.

³⁾ Этими же путемъ шли купеческія ладьи изъ Одешіи, напримѣръ, въ 1220 г. См. *Ходаковскаго*, Пути сообщенія въ древней Россіи, въ Русскомъ Историч. Сборникѣ, т. I (1837), стр. 2.

дымались по Вугу и Наревѣ до Праснышскихъ и Остроленскихъ копей. Мѣновой товаръ, который они туда везли, не могъ состоять ни изъ чѣмъ другомъ, какъ въ соли, которую они обмѣнивали на янтарь. *Сидовскій* ссылается при этомъ на изслѣдованіе г. *Залускаго* о торговыхъ сношеніяхъ жителей западной Скандинавіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на положеніе судоходства по р. Сану ¹⁾. Уже *Геродотъ* ²⁾ упоминаетъ о соли, добываемой въ лиманахъ Чернаго моря. Огромное торговое значеніе соли сохранилось у насъ и въ позднѣйшія времена; оно проявляется, напримѣръ, въ названіи одного изъ путей („Солиной“), шедшихъ въ XII столѣтіи отъ Кіева къ предѣламъ Византійской имперіи, а также въ существующемъ и нынѣ промыслѣ *чумаковъ*, доставляющихъ хлѣбъ въ приморскіе города и возвращающихся отъ туда съ солью и рыбою ³⁾. По предположенію *Сидовскаго*, означенная мѣновая торговля производилась въ IV столѣтіи до Р. Хр. ⁴⁾.

3) Торговля, направленная изъ припонтійскихъ греческихъ колоній въ постоянную мѣстность, добычи янтаря на берегахъ Замландіи, — примѣрно съ 300 г. до Р. Хр. Эта торговля держалась довольно долго и была продолжаема въ теченіе нѣкотораго времени и римлянами, по завоеваніи ими означенныхъ колоній. Послѣ паденія Ольвіи, въ 56 г., торговля эта сперва была продолжена таурическимъ городомъ Пантикапеемъ (впослѣдствіи Керчь). Она точно также основывалась на обмѣнѣ на соль. Этимъ объясняется то обстоятельство, что ни на берегахъ Наревы, ни въ окрестностяхъ Замландіи не были находимы монеты или древности изъ Ольвіи. Но тѣмъ болѣе греческихъ монетъ и древностей найдено по сухому пути изъ Ольвіи къ первой пристани на Днѣпрѣ, по близости р. Тясмина ⁵⁾.

¹⁾ *Zaluski, Słowo o stosunkach handlowych mieszkańców Scytyi zachodniej ze względu na stanowisko żeglugi na rzece Sanie, w szczególności Leżajska.*

²⁾ IV, 53: ἀλε; τε ἐκί τῷ στόματι αὐτοῦ (Βορρηνέας); αὐτόματοι πῦρονται ἀπλετοί.

³⁾ Известно, что при развитіи желѣзнодорожной сѣти промыслы этого все болѣе утрачиваютъ свое прежнее значеніе.

⁴⁾ Г. *Валюдинъ* ссылается на любопытный фактъ, что еще во времена маркграфовъ и курфюрстовъ прибрежные жители восточной Пруссіи, въ видѣ уплаты за тягостную работу вычерпыванія янтаря, получали соль.

⁵⁾ Какъ известно, богатая коллекція этихъ древностей хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. См. объ этомъ: *Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au Musée Impérial de l'Ermitage* (St. Pétersbourg, 1854, 3 vols in fol.), а также въ ежегодныхъ *Comptes rendus*, составляющихъ продолженіе означеннаго труда.

Янтарь былъ вывозимъ изъ Прибалтійскаго мѣсторожденія своего не только на югъ, но проникалъ также далеко на востокъ. Въ Ананьинскихъ могилахъ на Камѣ, близъ Елабуги, относящихся къ эпохѣ до Р. Хр., найдены были янтарныя бусы ¹⁾. Такъ и въ гораздо позднѣйшее время, а именно въ VIII—X столѣтіяхъ, янтарь вывозился въ Болгаръ, чрезъ посредство другихъ торговцевъ (вѣроятно, норманновъ), о чемъ упоминаетъ арабскій писатель *Мукаддеси* ²⁾; изъ Болгара янтарь пмѣстѣ со многими мѣстными произведеніями шелъ въ Ховаресмію. Что же касается самихъ аравитянъ, то, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Г. Икоби* ³⁾, если они получали балтійскій янтарь (черезъ посредство Болгара), то въ очень незначительномъ количествѣ, такъ какъ *Ибнъ-Гаукаль* и *Якубъ* (проникшіи всего ближе къ мѣсторожденію янтара) не упоминаютъ о торговлѣ этимъ веществомъ. Въ древнемъ Нонтородѣ одна улица называлась *Прускою*, очевидно, по жившимъ здѣсь пруссамъ, которые промышляли важнѣйшимъ прусскимъ товаромъ—янтаремъ ⁴⁾.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать два слова о названіяхъ янтаря ⁵⁾, употребительныхъ въ предѣлахъ Россіи.

Изъ древнихъ названій замѣчательно переданное *Плиніемъ* слово *sacritum* (*sacritum*), которымъ „скифы“ обозначали янтарь. Подъ скифами въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ понимать или какое либо германское племя, или же еще скорѣе древнихъ пруссовъ. У этихъ послѣднихъ, жившихъ, между прочимъ, въ Замландіи, смола называлась *sackis*, по-литовски *sakai* (*sakas*), съ каковымъ словомъ, повидимому, сродственно переданное *Плиніемъ* названіе. На это указалъ уже *Дифенбахъ* ⁶⁾, съ чѣмъ согласился и *Мюллергофъ* ⁷⁾, который при этомъ

¹⁾ См. статью *Несоструева*, въ Трудахъ I-го Археологическаго Съѣзда, а также въ сочиненіи *М. Бережкова*: О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка (1879), стр. 7—8.

²⁾ См. объ этомъ: *П. Савельевъ*, Мухаммеданская нумизматика (1847), стр. LXXXIII и LXXV—LXXVII, а также *Д. А. Хвольсонъ*, Извѣстія о хозарахъ и пр. *Ибнъ-Даста* (1869), стр. 187.

³⁾ *G. Jacob*, Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters (Berlin, 1886), и ея же: Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern? (Leipzig, 1886).

⁴⁾ Указаніемъ на это обстоятельство я обязанъ академику *Кунину*.

⁵⁾ О нихъ довольно пространно говорится въ приведенной статьѣ *Вальдмана*, на стр. 16—21.

⁶⁾ *L. Diefenbach*, Origines Europaeae (1861), p. 446.

⁷⁾ *K. Müllenhoff*, Deutsche Altertumskunde, Bd. 1 (1870), S. 480 (въ выпискѣ).

замѣтилъ, что сходство сказаннаго слова съ египетскимъ *sacal* (коптское *схал*), „мирра“, вызываетъ нѣкоторое подозрѣнiе. Отъ слова *sacritum* О. Шрадеръ ¹⁾ пытается произвести греч. ἥλεκτρον, будто бы происшедшее изъ *el oxhron*, *аллахрон* ²⁾. при чемъ начальное *el* признается общесемитскимъ членомъ, перешедшимъ къ грекамъ отъ финикiянъ. Однако же, помимо смѣлости такого производства, оно уже потому является нѣвѣроятнымъ, что дѣятельность финикiянъ по отношенiю къ распространению янтаря, по повѣрjимъ изслѣдованiямъ, оказывается весьма сомнительною ³⁾.

Нолѣ вѣроятнымъ мнѣ кажется родство греч. ἥλεκτρον, производство каковаго слова пока остается совершенно темнымъ ⁴⁾, съ русск. *алатырь*, *латырь*. *латырь-камень*, подъ которымъ, по мнѣнiю И. Н. Надеждина ⁵⁾, слѣдуетъ понимать янтарь. То, что приводитъ противъ этого А. Н. Веселовскiй ⁶⁾, я не могу признать доказательнымъ. Я считаю, напротивъ того, весьма вѣроятнымъ предположенiе Надеждина, что слова ἥλεκτρον, *алатырь* (и *латырь*) происходятъ отъ одного и того же утраченнаго корня, вѣроятно, литовскаго ⁷⁾. Точно также я считаю весьма возможнымъ предположенiе

¹⁾ О. Schrader, Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, Th. I (1886), S. 84.

²⁾ Въ видѣ довода, Шрадеръ приводитъ егип. *âhm*, слово = греч. ἑλ-ἰζας, лат. *ebur*.

³⁾ Впрочемъ, уже *Movers* (F. C. Movers), въ своей извѣстной книгѣ: „Die Phoenizier“, вышедшей въ 1850-хъ годахъ, въ главѣ о торговлѣ финикiянъ, вовсе не упоминаетъ о янтарѣ.

⁴⁾ Производство его отъ ἥλιος, солнце, то-есть, „солнечный камень“ (Sonnenstein, у Мюллера, въ привед. мѣстѣ, на стр. 222), мнѣ кажется совершенно неудачнымъ.

⁵⁾ Въ Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. 7, 1853 г., Прилож., стр. 2—4, а также въ Русской Леснѣ, 1857 г., ч. 2, стр. 35—38.

⁶⁾ А. Weselofsky, „Der „Stein Alatyri“ in den Localsagen Palästinas und der Legende vom Grün“, въ Archiv f. slav. Philologie, von Jagić, Bd. VI, 1892, S. 33—72. Мнѣ кажется, что въ сообщаемыхъ Веселовскимъ повѣствованiяхъ сѣтъшаны между собою совершенно различные предметы, имѣющие одно только общее, а именно случайное созвучiе словъ *алатырь* и *алтарь*. Нѣкоторыя черты, имѣ передааннымъ, по всей вѣроятности, относятся именно къ янтарю, какъ, наприимѣръ, нахождение алатыря на островѣ среди океана, и пр.

⁷⁾ Или финскаго корня? Въ западно-финскихъ языкахъ, правда, мнѣ неизвѣстны подходящiя слова; на вотичскомъ языкѣ *jaltiramu* значитъ „блестѣть“. Отъ какаго корня происходитъ названiе рѣки и города *Алатырь*, Сибирской губернии?

Дифенбиза ¹⁾, что къ тому же самому корню относится и переданное *Плиніемъ* названіе *sualliternicum*, при чемъ начальное *su* (или *sva*), можетъ быть, родственно съ латышск. *svakas*, смола. *Надеждинъ* склоняется къ тому, что, быть можетъ, и лит. слово *gentaras*, *gintaras* (или *jentaras*, *jintaras*), отъ котораго производится наше слово *янтарь*, принадлежить къ тому же корню, какъ и *латырь* ²⁾. Къ послѣднимъ словамъ относится и латышск. *deintars*. Наконецъ, нельзя ли съ словомъ *латырь* сопоставить и названіе упоминаемаго *Плиніемъ* острова *Latris* (или *Latrin*) въ Балтійскомъ морѣ ³⁾? Не могу отказать себѣ въ передачѣ здѣсь приведеннаго *Надеждинымъ* отрывка изъ „стиха о Голубиной книгѣ“, по бѣлорусской его редакціи, такъ какъ по этому отрывку можно съ большою вѣроятностію заключить, что рѣчь идетъ дѣйствительно о янтарѣ:

„Потому Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
Потому Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ:
Лежить онъ среди моря,—
Среди моря среди сиваго,
Идутъ по морю много корабельщиковъ,
У того камня остававливаются,
Они берутъ много съ него снадобья,
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому“.

„Что это такое,—прибавилъ *Надеждинъ*, — за Латырь-камень и Латырь-море, которые здѣсь являются въ такомъ тѣсномъ между собою союзѣ? Что есть или былъ когда-то на свѣтѣ какой-то чудный камень латырь, преданіе о томъ распространено издревле по всей Руси, но преимущественно господствуетъ на Великой Руси въ такъ называемыхъ „народныхъ заговариваніяхъ“, употребляемыхъ при леченіи разныхъ тѣлесныхъ и сердечныхъ недуговъ; тутъ онъ упомя-

¹⁾ Orig. Europ., p. 360.

²⁾ Не будучи лингвистомъ, я не въ состояніи подтвердить такую любовитную догадку. Но, сколько могу судить, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Припомнимъ, напримѣръ, слово *языкъ*, древнеслав. *językъ*, диалект. русск. *языкъ*, латинск. *lingua*.

³⁾ *Ширренъ*, однако же, производитъ это слово отъ лит. *latras*, разбойникъ. Въ случаѣ, что подъ *Latris* можно понять островъ Эзель, какъ то нѣкоторые полагаютъ, то это, по мнѣнію *Ширрена*, подходило бы къ эстонскому населенію этого послѣдняго острова, занимавшемуся сздаваніи морскимъ разбойничествомъ. См. *C. Schirren*, Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Kastenländer des Baltischen Meeres (Riga, 1852), S. 13.

нается безпрестанно подъ именемъ „бѣль-горючяго камня алатыря“¹⁾, лежащаго, впрочемъ, не на сомненномъ ему морѣ, а просто на морѣ на Окіяніѣ, на островѣ на Буяніѣ, съ разными сокрытыми подъ нимъ или дѣющимися на немъ чудесами. Въ настоящемъ случаѣ, напротивъ, о камнѣ латырѣ не разказывается вовсе никакихъ чудесъ: говорится лишь о немъ, какъ о товарѣ, который съ какого-то моря развозится по всему свѣту въ большомъ количествѣ. () какомъ именно морѣ идетъ тутъ рѣчь, ясно указываетъ мѣстность, гдѣ произошла такая редакция „стиха“. Бѣлоруссіею вообще называется тотъ край Руси который расположенъ въ водоемѣ моря Балтійскаго: какое же другое море могло быть извѣстно тамъ ближе и опредѣлительнѣе? Но Балтійское море со временъ самой отдаленной древности славилось и славится донинѣ богатой добычей янтара“... Признаюсь, толкованіе *Иудеждина*, что въ этомъ случаѣ подъ латырь-камнемъ нельзя понять ничто другое, кромѣ янтара, мнѣ кажется въ высшей степени правдоподобнымъ.

Изъ вышеизложенному можно еще присонокунить, что нѣкоторые кельтскія названія янтара весьма сходны съ словомъ *алатырь*. Сюда относятся именно кимр. *elydr, elydyr*. Обыкновенно полагають²⁾, что слова эти перенячены изъ латинскаго *electrum*, перенятаго, съ своей стороны, изъ греческаго ἤλεκτρον. Но спрашивается, не заимствованы ли упомянутыя кельтскія слова, точно также какъ ἤλεκτρον и *алатырь*, изъ одного общаго источника?

Русское (заимствованное) слово *янтарь*, котораго, кажется, нѣтъ въ другихъ славянскихъ языкахъ³⁾, съ своей стороны, перешло въ нѣкоторые финно-угорскіе языки: мадярск. *gyantár*, янтарь, при существованіи другаго сходнаго слова *gyantú*, обозначающаго смолу; черемисск. *jandár*, означающее стекло.

Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ названіе янтара позаимствовано изъ нѣмецкаго *Bernstein*, которое перенячено изъ *Brennstein* и собственно значить „горючій камень“; а именно: польское *bursztyn*, которое перешло и въ малоросс. *буристинъ*.

Академикъ *Куникъ*, который однажды собирался дать свѣдѣнія о

¹⁾ Отъ свойства горючія янтара, какъ мы увидимъ, получалъ нѣсколько своихъ названій. Что же касается прачебныхъ его качествъ, то они издревле славятся почти повсюду.

²⁾ *L. Diefendach*, *Origines Europaeae*, p. 359.

³⁾ *Ант. Будиловичъ* (*Первобытные славяне и пр.*, стр. 55) приводитъ, впрочемъ, чешск. *janár*.

славянскихъ названіяхъ янтаря ¹⁾, обратилъ мое вниманіе на существованіе кореннаго славянскаго слова для обозначенія янтаря; а именно *pradŭi*, *prudŭ*, подъ каковымъ словомъ понимается какъ латунь, такъ и янтарь. *Миклошичъ* ²⁾, упоминая оъ этомъ, полагаетъ, что славянское *pradŭi*, вѣроятно, обозначало первоначально „песокъ“; сюда же онъ относитъ русскій *прудь*. „Sandbank. Teich, Mühle“. Но спрашивается, на сколько вѣрно такое сопоставленіе, и не смѣшаны ли тутъ два слова. Нельзя ли слово *прудь*, въ смыслѣ янтаря, сопоставить скорѣе съ приводимымъ *Миклошичемъ* весьма сходнымъ словомъ *prondi*, чешскимъ *pruditi*. „горѣть“, русскимъ *прудиться*, „жариться“? Въ такомъ случаѣ означенное названіе янтаря также основывалось бы на его горючести.

Шведское (и дреннесскандинавское) *raf*, датское *rav* (*steen*), исландское *rafr* обыкновенно сопоставляются съ шведскимъ *raffen*, англійскимъ *to rap*. „загребать къ себѣ, захватывать“, и основываются, по видимому, на способности янтаря притягивать къ себѣ легкіе предметы, напримѣръ, кусочки соломы. Нѣкоторые ученые, напримѣръ, *Буттманъ* и *Верлауфъ*, сравниваютъ съ этими словами персидское *kāhrubā*, „грабитель соломы“ ³⁾, подобно французскому простонародному названію *tire-paille*.

Финское и эст. *meri-kivi* обозначаетъ „морской камень“. По смыслу своему, названіе это совершенно совпадаетъ съ арабскимъ *qarn el-bahr*, каковое слово приводитъ *Ибн-Баймаръ*. Но означенныя слова нельзя признать древне-финскими, судя по тому, что финское слово *meri* позаимствовано изъ германскаго *Meer*. Въ одномъ изъ западно-финскихъ языковъ, а именно въ языкѣ ливовъ, имѣется особое названіе янтаря: *elm*, *elmas*. По мнѣнію *Вибери* и *Вальдмана*, слово это перешло, съ измѣненнымъ значеніемъ, въ формѣ *алмаза*, къ русскимъ, курдамъ и армянкамъ. Однако, по *Миклошичу*, русское *алмазъ* производится отъ слова *almas*, *elmas*, общаго въ язы-

¹⁾ *F. Kunik*, Über einige slawische Benennungen des Purpurs, der Sonne und des Bernsteins, в. *Bulletin de l'Acad. d. sc. de St.-Petersbourg*, 1867, t. XII, № 1, p. 28—56. Въ трудѣ этомъ, къ сожалѣнію, не оконченомъ, ничего не сообщено о названіяхъ янтаря.

²⁾ *Fr. Miklosich*, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (Wien, 1886), подъ словомъ *prondi*.

³⁾ Объ этомъ послѣднемъ названіи см. въ новѣйшемъ изслѣдованіи г. *Якоба*: „Neue Beiträge zum Studium des kaspisch baltischen Handels im Mittelalter. I. Neue Studien, den Bernstein im Orient betreffend“, в. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 43, 1889, на стр. 357 и слѣд.

кахъ арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ; а это послѣднее слово перенищено изъ греческаго *ἀδάμας*. О. Шрадеръ, вѣроятно, правъ, высказывая предположеніе, что, наоборотъ, русское слово *алмазъ* было позаимствовано ливами, обозначившими янтарь словомъ *elm* и *elmas*, а также финнами, у которыхъ *helmi* значить „жемчужина“.

Упомяну еще о нѣсколькихъ названіяхъ янтара, употребительныхъ у южныхъ и восточныхъ инородцевъ Россіи ¹⁾. 1) Арабское слово *kāhribā* проникло и къ курдамъ; 2) у армянъ имѣются два слова, которыми обозначается янтарь: *sath* и *basmaguni akn*, „разноцвѣтный камень“ ²⁾; 3) калмыцкое *hūwa*, монгольское *hūba* и манджурское *hūba* всѣ три происходятъ отъ китайскаго *hū-pó*, „янтарь“.

Извѣстно, что сказанія древнихъ грековъ и римлянъ о янтарѣ были перенесены съ разными мнѣніями и преданіями, иногда весьма поэтическаго характера. (Убить только вспомнить о мѣоахъ, касавшихся баснословной рѣки Эридана и участи Фаэтона, смерть котораго оплакиваютъ его сестры Геліады, превращенныя въ тополи, изъ слезъ которыхъ образуется янтарь. Аполлоній передаетъ мѣоъ, который, какъ полагаютъ, свой источникъ имѣетъ у кельтовъ и состоитъ въ томъ, что янтарь произошелъ изъ слезъ, пролитыхъ Аполлономъ въ страшѣ Гипербореявъ. Чрезвычайный интересъ представляетъ совпаденіе этого послѣдняго мѣоа съ сказаніемъ, переданнымъ въ 41-ой рунѣ Калевалы, знаменитаго финскаго эпоса. Здѣсь говорится о томъ, какъ славный пѣвецъ Вэйнемейненъ проливаетъ слезы въ море; утка собираетъ ихъ, и изъ нихъ образуются жемчужины ³⁾). Замѣчу, кстати, что въ той же самой 41-ой рунѣ (стихи 1—168) находится другое замѣчательное единогласіе съ греческимъ мѣоомъ обѣ Орфея: подобно послѣднему, Вэйнемейненъ своею игрою на кантелѣ привлекаетъ всѣхъ животныхъ (звѣрей, птицъ и рыбъ), а также бо-

¹⁾ О нихъ говорится въ послѣдне-названномъ трудѣ г. Якоби.

²⁾ См. К. И. Натансонъ, Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ армянъ въ XVII вѣкѣ (С.-Пб., 1873), стр. 73.

³⁾ Вотъ какъ переданы стихи 261—266 этой руны въ нѣмецкомъ переводѣ Калевалы, составленномъ Пауломъ (Германъ Рауль) и изданномъ въ Гельсингфорсѣ, въ двухъ томахъ, въ 1885 и 1886 годахъ:

„Doch die Thränen waren verwandelt,
Hatten eine andre Gestalt;
Perlen waren daraus geworden,
Klar und schimmernd im höchsten Glanz,
Für die Könige sich zu schmücken,
Für die Grossen sich zu erfreun“.

жества воздуха, земли и воды, которыя всё, какъ бы въ оцѣпенѣніи, наслаждаются его игрою¹⁾. Такія поразительныя совпаденія не могутъ быть случайны, а свидѣлствуютъ неопровержимо о соприкосновеніи, бывшемъ когда-то между финскимъ и древне-греческимъ міромъ; встрѣтятся же они могли только на территоріи нынѣшней Россіи.

Что касается литвы, то среди ея „сохранилось преданіе о Юртѣ, богинѣ моря, которая влюбилась въ простаго рыбака. Перунъ, разсердясь на нее за страсть къ смертному, разгромилъ ея подводныя палаты. Обломки этихъ палатъ составляютъ куски янтаря, выбрасываемые во время бури на берегъ моря“²⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что, при тщательныхъ поискахъ, удалось бы открыть и среди русскаго населенія, а, можетъ быть, и въ литературѣ, отголоски подобныхъ преданій или сказаній о янтартѣ, хотя, конечно, русскіе достигли лишь очень поздно янтароносныхъ береговъ Балтійскаго моря. Выше былъ сообщенъ бѣлорусскій стихъ о латыртѣ, подъ которымъ, какъ мы видѣли, по всей вѣроятности, слѣдуетъ понимать янтарь. Очень желательно, чтобы были собраны всё разбросанныя слѣдствія какъ о такихъ преданіяхъ, такъ и объ археологическихъ находкахъ янтари въ предѣлахъ Россіи, дабы можно было точнѣе судить о путяхъ, по которымъ шла древняя торговля янтаремъ.

О. Кеннень.

¹⁾ То же самое повторено въ болѣе враткой формѣ и въ 44-й рунѣ (стихи 257 — 306). Подобное же совпаденіе съ мѣстомъ объ Орфее встрѣчается, какъ извѣстно, и въ болгарскомъ эпосѣ, открытомъ Стеф. Верковичемъ: „Когда Орфей игралъ на свирѣли, то со всѣхъ сторонъ слетались птицы въ его чертогъ и сидѣли точно опьяненные, звѣри плясали вокругъ него, и горы колебались“. См. *Всес. Миллеръ*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1878 г., ч. СС, стр. 238—267.

²⁾ См. Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа (Вильно, 1854), стр. 75.

ДВОРЯНСТВО ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

8-го декабря 1892 года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня воссоединенія съ Россією Волынской, Подольской и большей части Кіевской губерній. Когда Екатерина II рѣшила завершить воссоединеніе этихъ издревле русскихъ областей, въ 1792 году, 18-го мая, русскій посланникъ въ Варшавѣ увѣдомилъ польское правительство, что въ границы королевства вступятъ русскія войска. Они дѣйствительно двинулись со стороны Бессарабіи, въ числѣ 63.000, подъ начальствомъ генерала Каховскаго. Одновременно съ литовской границы русскія войска вошли въ Польшу подъ начальствомъ генерала Кречетникова. Уже въ іюлѣ 1792 г. нынѣшняя Кіевская, Подольская и Волынская губерніи были фактически присоединены къ Россіи. Указъ же о присоединеніи послѣдовалъ 9-го декабря. Наконецъ, 27 марта 1793 г. по второму раздѣлу Польши эти области окончательно вошли въ составъ Россіи. Воссоединеніе, однако же, не кончилось безъ кровопролитія. Въ мартѣ 1794 г. вспыхнуло возстаніе въ Краковѣ, учреждено ирменное правительство и объявлена война Россіи и Пруссіи. Императрица назначила главнокомандующимъ графа Румянцева, а онъ велѣлъ Суворову соединиться съ генераломъ Ферзеномъ и идти прямо на Варшаву. Главный предводитель польскаго ополченія Косцюшко снѣжиль предупредить соединеніе Суворова съ Ферзеномъ и напалъ на послѣднiго при мѣстечкѣ Мацѣевичахъ, въ 12 миляхъ отъ Варшавы. Поляки потерпѣли жестокое пораженіе, и самъ Косцюшко былъ взятъ въ плѣнъ. Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ взялъ варшавское предмѣстье Прагу страшнымъ штурмомъ, сопровождавшимся крайнимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Взятіемъ Праги кончилась война и самобытiое существованіе Польши. Предводители возстанія бѣжали за границу, а король польскій Станиславъ Августъ отказался отъ пре-

стола и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Но борьба поляковъ за существованіе продолжалась еще болѣе полувѣка. Наполеонъ I сказалъ: „На штыки можно опереться, но усѣсться на нихъ нельзя!“ (on s'appuie sur les bayonnettes, mais on ne s'y asseoit pas!). Трудно побѣдить, а еще труднѣе удержать за собою завоеванное. Польша, лишенная матеріальныхъ силъ, не хотѣла отречься отъ самобытности и продолжала борьбу противъ русскаго владычества въ лицѣ самыхъ способныхъ и развитыхъ сыновъ своихъ. Пассивное, терпкое сопротивление русскимъ началамъ два раза (въ 1831 и 1863 гг.) разражалось открытымъ возстаніемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, а, по укрощеніи его, опять открывалась глухая, подземная борьба на почвѣ внутренней политики. Потомки депутатовъ польскаго сейма, маршаловъ, воеводъ, каштеляновъ и другихъ магнатовъ, вдвинутые въ тѣсныя рамки губерпскихъ и повѣтовыхъ маршалковъ (предводителей дворянства), искусно воспользовались выборнымъ началомъ, дарованнымъ Екатериною II русскому дворянству, къ которому они не хотѣли принадлежать. Дворянскія депутатскія собранія сдѣлались очагами колонизаціи тайной и явной. Интеллигенція полонизма опиралась на трехсотъ-тысячную массу польской шляхты, созданную и вышколенную старожитнымъ польскимъ дворянствомъ для своихъ политическихъ цѣлей. Съ своей стороны, русская власть начала хотя медленно, нерѣшительно, а все-таки неудержимо вторгаться въ область закоренѣлаго полонизма. Мѣсто старопольскихъ гербовниковъ, земскихъ и гродскихъ книгъ заступила дворянская грамота Екатерины II. Русскіе законы категорически предъявили польскимъ шляхтичамъ требованіе: или доказать свое дворянское происхожденіе, или причислиться къ податнымъ сословіямъ. Противъ этой неотвратимой и неизбежной дилеммы вооружились польскіе маршалки и депутаты. Примѣняясь къ грамотѣ 1785 года, они упорствовали въ своемъ желаніи утверждать въ дворянствѣ шляхтичей безконтрольно, то-есть, давать имъ видъ русскихъ дворянъ, но сохранить и укоренить въ нихъ старопольскія преданія. Съ этою цѣлью маршалки и депутаты съ необыкновенною стойкостью и ловкостью отклоняли или обходили всѣ указы, наставившіе на обязательномъ утвержденіи дворянскихъ протоколовъ герольдію. До 1829 года было, однако же, утверждено депутатскими собраніями болѣе 10.000 дворянскихъ родовъ въ одной Волынской губерніи, а слѣдующій 1830 годъ показалъ, что большинство этихъ вновь утвержденныхъ стали русскими дворянами лишь по формѣ; въ сущности же они неизмѣнно оставались

истыми старопольскими шляхтичами, съ полной готовностью ринувшимися въ возстаніе 1830—1831 года. То же самое повторилось и въ періодъ времени между 1840 и 1863 годами. Вотъ эту-то борьбу пигмеевъ съ гигантомъ мы попытались изобразить въ предлагаемыхъ трехъ главахъ не голословно, не поверхностно, а по официальнымъ документамъ и, по возможности, всесторонне и безпристрастно. Борьба польнскаго шляхетства съ русскимъ владычествомъ длилась болѣе полулѣтъ и закончилась указомъ 19-го января 1866 года, по которому всѣ шляхтичи, не доказавшіе дворянства, окончательно причислены къ мѣщанскимъ или крестьянскимъ обществамъ. Говоримъ— „борьба закончилась“, не потому, что все польское дворянство сдѣлалось русскимъ, а потому, что твердое сознаніе объ исконной принадлежности древле-русскихъ областей Волыни, Подолія и Кіевской земли къ Россіи до того укоренилось во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что въ настоящее время, по исполненіи столѣтняго юбилея воссоединенія, его можно считать безповоротнo рѣшеннымъ вопросомъ.

ГЛАВА I.

Дворянская грамота 1785 года.—Ея вступительный отдѣлъ.—Понятія русскихъ и польскихъ дворянъ о значеніи своего сословія.—Ненадежность почвы, на которой водворялись русскія узаконенія въ Западномъ краѣ.—Указы 1789 и 1796 годовъ.—1800 годъ и его значеніе.—Указъ 9-го апрѣля.—Начало вопроса о состояніи шляхты въ подушномъ окладѣ.—Развитіе этого опаснаго для шляхетства вопроса.—Статскій совѣтникъ Котлубицкій.—Его всеподдавшійся рапортъ государю.—Докладъ сената и послѣдствія доношенія Котлубицкаго.—Указъ 10-го и 26-го сентября 1800 года о 218.000 окладной и чиншевой шляхты девяти западныхъ губерній и о назначеніи двухлѣтняго срока для представленія доказательствъ на дворянство.—Вліяніе русскихъ узаконеній.—Протоколъ Волынскаго депутатскаго собранія 20-го октября 1801 года. — Губернскій маршалъ графъ Мюнчинскій превышаетъ свою власть.—Послѣдствія его распоряженій.—Первый журналъ депутатскаго собранія 6-го октября 1802 года.—Усиляющееся принятіе формъ русскаго дѣлопроизводства. — Ординація. — Форма протоколовъ въ 1802 и 1810 годахъ.—Характеристики документовъ, по которымъ шляхта признавалась дворянами.—Образцы подобныхъ признаній.—Число протоколовъ за 1801 и 1802 годы.—Злоупотребленія.—Февральскій указъ 1803 года.—Тактика Волынскаго депутатскаго собранія.—Оно обходитъ законъ.—Размпоженіе шляхты до 1830 г.—Беззастѣнчивость, съ которою волынское дворянство относится къ сущности и къ формамъ русскихъ узаконеній.—Начало русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ.—Борьба депутатовъ съ русскимъ языкомъ.—Вліяніе указа 25-го августа 1800 г.—Сборники сенатскихъ указовъ.—Число утвор-

жденій герольдіи до 1830 г.—Узаконенія 12-го февраля 1828 года.—Мѣры къ обнаруженію и пресѣченію злоупотребленій депутатскихъ собраний.—Попытка высшаго польскаго дворянства вступить въ явную оппозицію съ правительствомъ.—Маршалы виленскій и могилевскій протестуютъ противъ рѣшеній герольдіи.—Строгій указъ сената 5-го марта 1828 года.—Слѣды членіи въ Волинскомъ депутатскомъ собраніи.—Поспѣшное и безплодное составленіе родословныхъ книгъ въ 1828 г.—Ихъ форма, сущность и характеръ II, III и IV части родословной книги.—Русскія фамиліи подъ польскими гербами.—Утвержденіе въ дворянствѣ бухгалтера Качуры.—Фамиліи его дають польскій гербъ и прозвище „Рогали“.—Служба сына его „Шимона“ въ депутатскомъ собраніи.—Загадочный денежный сборъ на родословную книгу.—Громадная сумма денегъ ускользаетъ отъ контроля и пропадаетъ почти безъ слѣдовъ.—Общій выводъ: цѣль и успѣхи русскаго законодательства и тактика депутатскаго собранія.—Размноженіе шляхты.—Общая цифра признанныхъ псевдорусскихъ дворянъ Волынской губерніи.

Крѣугольнымъ камнемъ возстановленія русскихъ узаконеній о дворянскомъ сословіи въ земляхъ, возвращенныхъ отъ Польши, служить достопамятная грамота Екатерины II. данная 21-го апрѣля 1785 года: „на права, вольности и преимущества благороднаго русскаго дворянства“. Припомнимъ въ главныхъ чертахъ ея вступительный отдѣлъ. По прописаніи полнаго титула, исчисляющаго всѣ подвластныя, въ то время, Россіи земли, Государыня обозначаетъ въ ясныхъ чертахъ тогдашнее пространство Россіи и ея границы, послѣ чего выражаетъ слѣдующее: „Таково есть существенное состояніе Россійской Имперіи въ семь знаменитомъ столѣтіи... И симъ образомъ, въ истинной славіи и величествіи Имперіи, вкушаемъ плоды и познаемъ слѣдствіе дѣйствій намъ подвластнаго, послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предприимчиваго и сильнаго русскаго народа, когда вѣрою къ Богу, вѣрностью къ престолу онъ управляемъ, когда трудъ и любовь къ отечеству, соединенными силами, стремятся преимущественно къ общему благу, и когда, въ военномъ и въ гражданскомъ дѣлѣ, примѣромъ предводителей поощрены подчиненные на дѣянія, хвалу, честь и славу за собою влекущія“. Далѣе, торжественно заявляя, что, въ теченіе 800 лѣтъ отъ времени своего основанія, Россія всегда находила помянутыхъ предводителей народа посреди своихъ сыновъ. Монархія упоминаетъ о нравственномъ источникѣ качествъ русскаго дворянства и достойномъ вознагражденіи его похѣстами, которыя, по словамъ грамоты, приобрѣтались „кровію и жизнію, а приумножались заслугами“. Исчисляются также ордена и другія преимущества и отличія, установленныя до того времени, какъ достойное возмездіе заслугамъ дворянства. „Къ вамъ, — гово-

рять воззваніе Екатерины, — обращаемъ наше слово, достойно знаменующіеся побѣдительнымъ орденомъ! Васъ хвалимъ, о потомки, достойные предковъ своихъ! Сии были основа величества Россіи, въ силу и славу отечества совершили — шестилѣтними непрерывными побѣдами въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, на сухомъ пути—въ Молдавіи, Бессарабіи, Валахіи, за Дунаемъ, въ горахъ Балканскихъ, въ Крыму и Грузіи; на морѣ же—въ Морѣ, въ Архипелагѣ, Чесмѣ, Мотелнѣ, Лемносѣ, Пегронуитѣ, Патрасѣ, Египтѣ, на Азовскомъ и Черномъ моряхъ, на рѣкахъ Днѣпрѣ и по великому теченію Дунай⁴. Затѣмъ, торжественно указывая на заслуги своихъ лучшихъ полководцевъ, великая Государыня произноситъ слѣдующія памятные слова: „съ новыми выгодами и приращеніемъ Нашей Имперіи, когда пользуемся всякою внутреннею и вѣшнею повсюду тишиною, Мы подвижъ свой вяцше и вяцше устремляемъ къ непрерывному упражненію доставить Нашимъ вѣрноподаннымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго, государственнаго управленія твердыя и прочныя постановленія, къ умноженію благополучія и порядка на будущія времена; и для того, впервые, достойно находимъ простерти на попеченіе къ Нашему вѣрнолюбивому, вѣрноподданному російскому дворянству, нѣтъ въ памяти вынесказанныя его заслуги, ренцность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Всероссійскимъ, Намъ самымъ и престолу Нашему оказанныя въ памсмутиѣшія времена какъ въ войнѣ, такъ и среди мира“. Наконецъ, въ заключеніи постановлялись, объявлялись и утверждались статьи о личныхъ и общественныхъ правахъ дворянства, о сочиненіи дворянскихъ родословныхъ книгъ и о доказательствахъ благороднаго происхожденія. Всѣ эти правила, съ весьма немногими исключеніями, вошли въ позднѣйшій сводъ законовъ.

Стоитъ вникнуть въ смыслъ изреченій и понятій, выраженныхъ въ грамотѣ и достойныхъ русскаго дворянства, а яотомъ сравнить и сопоставить ихъ съ изреченіями и понятіями, которыя проявлялись тайно или явно въ польскомъ шляхетствѣ западныхъ губерній. Каково рѣзкое противорѣчіе, какая вопіющая аномалія! Русское дворянство помнить о непреклонной вѣрности своихъ предковъ престолу и Россіи и о подражаніи имъ въ трудахъ на распространеніе, объединеніе и славу русскаго отечества. Напротивъ, польское шляхетство, воспитанное въ понятіяхъ, почерпнутыхъ изъ Гербовника іезуита Нѣсецкаго, забыло о вѣрности древнихъ православныхъ предковъ своихъ къ Рос-

си и, подъ вліяніемъ католицизма, наслѣдовало вражду къ русскому отечеству и мысль о его умаленіи, разьединеніи и отчужденіи русскихъ областей въ пользу Польши, когда-то насильственно ихъ оторвавшей. Польское шляхетство западныхъ губерній помнить только о славіи и дѣяніяхъ его позднѣйшихъ, ополяченныхъ предковъ, дѣйствовавшихъ прямо во вредъ Русскому царству и народу, часть котораго, поработенная Польшею вмѣстѣ съ дворянствомъ, не хотѣла, однако, по примѣру дворянъ, отступить отъ своей вѣры и національности. Послѣдствія были тѣ, что, при подвореніи русскихъ узаконеній о дворянскомъ сословіи, въ земляхъ, возвращенныхъ отъ Польши, узаконенія эти строились на почвѣ весьма ненадежной. Въ самомъ основаніи залегло пагубное недоразумѣніе: сущность противорѣчила формѣ; буква закона осталась одною буквою, а смыслъ его искажался хитрымъ и сильнымъ вліяніемъ полонизма.

Замѣчательнѣйшія узаконенія Екатерины, независимо отъ грамоты 1785 года, были слѣдующія:

1) Указъ 11-го іюля 1789 года, которымъ повелѣно: о всѣхъ состоящихъ въ подушномъ или какомъ другомъ окладѣ, но дворянство свое доказавшихъ, доставить сенату свѣдѣніе съ объясненіемъ числа душъ и представленныхъ ими о дворянствѣ доказательствъ.

2) Указъ 4-го декабря 1796 года, въ которомъ находятся слѣдующія предостереженія: „Дошло до свѣдѣнія Нашего, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ (депутатскихъ) собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе. Въ отвращеніе того и сохраненіи въ полномъ уваженіи всѣхъ преимуществъ, дарованныхъ отъ предковъ Нашихъ благородному дворянству Имперія Нашей, повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ Нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство не посившимъ такового преимущества, въ которомъ утвердить или въ оное вновь обещи единственно зависить отъ самодержавной власти, Богомъ Намъ дарованной“.

3) Въ указѣ 19-го марта 1797 года повелѣно: „Предъявленные отъ просителей доказательства дворянскаго собраніе, на основаніи 85-й статьи Высочайше пожалованной дворянству грамоты, разсматривать можетъ узаконеннымъ порядкомъ и, буде найдетъ оныя достаточными, по учиненіи о томъ своего опредѣленія, имѣетъ представить въ герольдію“.

Не смотря на важное значеніе упомянутыхъ узаконеній, намъ не удалось найти въ Волынскомъ депутатскомъ собраніи ни малѣйшаго слѣда практическаго ихъ исполненія до начала текущаго столѣтія. Переломъ совершился въ 1800 году, въ которомъ послѣдовала цѣлый рядъ указовъ, одинъ другого важнѣйшихъ, такъ что этотъ годъ, по справедливости, можно назвать эпохою въ лѣтонисихъ дворянства Западнаго края. Неотразимая и безпощадная сила историческаго хода событій стала тверже подчинять своему вліянію польское дворянство, никогда добровольно не подчинившееся ни требованіямъ разума, ни даже указаніямъ Промысла. Указъ 9-го апрѣля 1800 года состоялся вслѣдствіе поданныхъ сенату прошеній отъ бѣлорусскихъ жителей Познякъ и Лѣшка: „о выключкѣ ихъ съ семействами изъ подушнаго оклада“, такъ какъ они, по доказательствамъ дворянства своего, въ бывшемъ Могилевскомъ дворянскомъ собраніи, внесены въ дворянскую родословную книгу, и даны имъ въ 1792 и 1795 годахъ на дворянство грамоты. Вслѣдствіе того, сенатъ, усматривая, „что нѣкоторые губернскія правленія внесенныя къ нимъ изъ депутатскихъ собраній доказательства нищихъ дворянства представляютъ на разсмотрѣніе въ герольдію, а другими сіе вовсе не исполняется, какъ открылось и по Бѣлорусской губерніи, что бывшее Могилевское депутатское собраніе, послѣ уже указа сената 1789 года, вышеупомянутымъ бѣлорусскимъ жителямъ Лѣшкамъ и Познякамъ выдало на дворянство грамоты, а губернское правленіе, не истребовавъ оныя отъ нихъ, по основанію сего указа, для представленія въ герольдію, испрашиваетъ разрѣшеніе о выключкѣ ихъ изъ подушнаго оклада, да и сами сіи просители и подобные имъ, имѣя въ рукахъ таковыя грамоты, въ отбывательствѣ платежа государственныхъ повинностей, считаютъ себя якобы въ правѣ по тѣмъ грамотамъ быть исключенными изъ оклада, не зная того, что доказательства ихъ должны въ высшемъ надъ дворянскимъ собраніемъ мѣстѣ разсмотрѣны и Его Императорскимъ Величествомъ утверждены быть, безпрестанными просьбами обременяютъ начальство“... По такимъ соображеніямъ сенатъ предписалъ бѣлорусскому губернскому правленію, чтобы оно, впредь до разсмотрѣнія доказательствъ о дворянствѣ упомянутыхъ просителей и до Высочайшаго утвержденія, „оставило бы ихъ въ нервнобытномъ, подушномъ окладѣ, а какъ изъ рапорта сего правленія видно, что по Бѣлорусской губерніи исчислено подобныхъ жителей, до-

казывавшихъ дворянство, 1.096 душъ, то имѣеть оное правленіе, справясь съ дворянскимъ собраніемъ, кому такія-жъ выданы, оныя отъ нихъ и всѣ другія доказательства на дворянство отобравъ, представить на разсмотрѣніе въ герольдію въ самоскорѣйшемъ времени"... Такимъ образомъ, грозный вопросъ о подушномъ окладѣ первый потребовалъ дѣйствительнаго примѣненія русскихъ законовъ. Современемъ вопросъ этотъ сталъ развиваться все болѣе и болѣе, разоблачая несостоятельность прежней польской организаціи, въ которой продолжалъ коснѣть нашъ Западный край. Вскорѣ послѣ того польщизанѣ готовился новый, страшнѣйшій ударъ. Это было всенеподданнѣйшее донесеніе статскаго совѣтника Котлубицкаго о потерѣ казною ежегоднаго дохода до двухъ милліоновъ рублей, скрывающихся по разнымъ статьямъ въ Кіевской, Подольской и Волинской губерніяхъ.

Вслѣдствіе того, сенатъ потребовалъ отъ Котлубицкаго фактическихъ разъясненій, которыя онъ и представилъ.

Данныя эти такъ интересны, что мы выписываемъ ихъ цѣликомъ.

1) Въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волинской до ста мѣстечекъ, присвоенныя „старѣстами“, суть тѣ самыя, кои въ 1714 году, при отдачѣ речубулки Польской краи, заключающаго въ себѣ десять полковыхъ городонъ и сто сотенныхъ мѣстечекъ, переименованы въ „старѣства“, и даны онымъ подтвердительныя грамоты, права и привилегіи, а какъ многіи изъ нихъ по проми татарскихъ набѣговъ и междоусобій утрачены, то старѣсты, пользуясь симъ случаемъ, обратили власть свою на поперстаніе таковыхъ обывателей тѣхъ мѣстечекъ въ число подданныхъ, о чемъ, по назначеніи комиссін, мѣстно изыскано будетъ, отчего казна лишается ежегодной подати со ста мѣстечекъ 130.000, да питейныхъ сборовъ 200.000 рублей. 2) Старѣста Мартынъ Млодецкій, безъ всякаго права, обратилъ себѣ въ наслѣдственное владѣніе старѣство Кошонатое, бывшее издревле сотеннымъ мѣстечкомъ, съ коего не платитъ въ казну кварты, а самъ получаетъ до 50.000 рублей доходу, чтѣ, при изслѣдованіи на мѣстѣ, онъ (Котлубицкій) можетъ доказать. 3) Въ разсужденіи несправедливаго платежа старѣстами кварты, за разнообразіемъ доходныхъ статей, иначе объяснить не можетъ, какъ черезъ изслѣдованіе на мѣстѣ. 4) Обыватели, солтысами называющіеся и платившіе съ жалованныхъ имъ обширныхъ земель подать на Конный полкъ, жительствуютъ нынѣ въ разныхъ старѣствахъ, безъ всякаго для казеннаго дохода о нихъ и о земляхъ ихъ свѣдѣнія; положеніе же, на каковомъ они суще-

ствоваши, безъ сомнѣній, имѣло законныя права и постановленія. 5) По Кіевской губерніи, отъ старостій: Звенигородскаго, Кошоватскаго, Винницкаго и Таборовскаго, не малыя отошли земли къ гетману Браницкому, князю Любомирскому и Ржеутскому, о чемъ на мѣстѣ коммиссія, изслѣдовавъ, надлежащее казніи самымъ легчайшимъ образомъ возвратити можетъ. 6) Обыватели, „шляхта“ называемые, или путные бояре, имѣютъ большія деревни въ Волынской и Подольской губерніяхъ, остаются ни отъ кого независимыми и пользуются весьма значительными угодіями, не приносятъ казніи никакой выгоды, а равно и безземельная шляхта, которой считается до 100.000 душъ, не имѣя своей земли, принуждены сносить отъ помѣщиковъ непомѣрные угнетенія, безъ всякой казніи пользы, платя имъ чиншъ; буде же поселить ихъ на земляхъ, старостами присвоенныхъ, то до 500.000 рублей они согласятся платить подати и, сверхъ того, къ составленію поиска могутъ съ пользою употреблены быть, о чемъ всемъ на мѣстѣ изслѣдовано быть должно и, наконецъ, 7) войтовства и лѣсничества находятся при староствахъ, и только изъ нихъ въ Кременецкомъ, Винницкомъ и Луцкомъ платятъ надлежащую кварту, а по конституціи 1764 года во всѣхъ почти староствахъ существовать должны, то и слѣдуетъ, изыскавъ оныя, причислить въ казну“. Въ заключеніе Котлубицкій просилъ повѣрить его показанія на мѣстѣ „черезъ назначенныхъ къ тому отъ сената, свѣдущихъ положеніе тѣхъ мѣстъ, людей, обществу какъ чрезъ нихъ, такъ и черезъ тѣхъ, конехъ онъ себѣ въ помощь будетъ просить, открыть еще важнѣйшіе къ приращенію казны предметы, а потомъ, 29-го марта, представилъ онъ (Котлубицкій) разные документы, слѣдующіе для доказательства къ пункту его показаній касательно староства Кошоватскаго, присвоеннаго въ собственность Мартыномъ Млодецкимъ“. Къ сожалѣнію, этому важному разслѣдованію дано было не совсѣмъ надежное направленіе. Вмѣсто независимой коммиссіи, о которой хлопоталъ Котлубицкій, дѣло это поручено было комиссарамъ, наряженнымъ по вѣстимъ повѣтамъ (уѣздамъ) для производившейся тогда люстраціи старостинскихъ и прочихъ казенныхъ имѣній, а комиссары эти состояли изъ войтовыхъ маршаловъ, съ уѣздными землемерами и съ однимъ изъ каждаго нижняго суда членомъ, подъ главнымъ надзоромъ членовъ казенныхъ палатъ. Впрочемъ, по заявленіямъ Котлубицкаго о шляхтѣ и боярахъ, въ докладѣ сената Государю, сказано было: „ка-

сательно шляхты и бояръ, кои всегда были то же, что и дворяне, то изъ нихъ безземельная шляхта, для снисканія себѣ пропитанія, нанимають отъ другой своей собратіи излишнія земли по контрактамъ и платять не изъ особъ, а съ земли или за дома, ими нанимаемые; о преимуществахъ же и равенствѣ бояръ и шляхетства значится, между прочимъ, въ конституціяхъ разныхъ годовъ ¹⁾, а потому за силою сихъ конституцій шляхта и бояре не должны подлежать никакой перемѣнѣ ихъ преимуществъ". Такое мнѣніе сената было утверждено Государемъ. 10-го сентября 1800 года полученъ волинскимъ губернскимъ правленіемъ новый указъ, давшій опять почувствовать силу русской власти польскимъ дворянамъ. Этими указомъ предписывалось: „первое, чтобы дворянскія собранія содержали въ порядкѣ дворянскія книги, присылали бы въ герольдію копии съ оныхъ, съ отмѣткою при каждой фамиліи, по какимъ доказательствамъ какая фамилія въ ту книгу внесена. Второе, — чтобы дворянскія собранія непременно посредствомъ дворянскихъ предводителей получали свѣдѣнія о вновь вступающихъ въ число дворянъ каждаго уѣзда, и вновь рождающихся мужескаго пола дворянахъ, а для сего обязать каждаго дворянина, чтобы онъ объявлялъ уѣздному предводителю о сыновьяхъ своихъ и родственникахъ, вновь рожденныхъ, а уѣздный предводитель долженъ таковыя списки представлять дворянскому собранію, для внесенія въ дворянскую книгу, съ каковою копія должна быть представлена въ герольдію, какъ выше сказано. Третье: дворянскіе предводители должны давать дворянамъ свидѣтельства съ прописаніемъ, что такой-то именно со-

¹⁾ Именно въ конституціи 1874 г.—во всемъ королевствѣ Польскомъ бояре и шляхта отъ всякихъ наборовъ какъ особенныхъ, такъ и общественныхъ всякаго званія, отъ всякихъ службъ, повинностей и подводъ увольняются; въ конституціи 1463 г.—что добровольное согласіе шляхты ко временной денежной помощи, для отраженія неприятельскихъ нападений, въ принудъ не служить, и что никакая подать съ урядниковъ и бояръ, безъ ихъ согласія, избираема быть не имѣетъ. Въ конституціи 1699 г. сказано: „несколько ошибкою вышло въ конституціи 1690 г.—подъ заглавіемъ „подымное слово“, понижающее равенство, поставляя быть меньшою шляхтою, того ради, по согласію всѣхъ статовъ, оное словеня вѣчныя времена уничтожается, признавая, что въ равенствѣ ни большаго, ниже меньшаго не имѣется". Конституція 1768 г. говоритъ, что равенство шляхетское и прекмущество, по всякимъ достоинствамъ, въ кардинальныхъ правахъ, никакіе титулы затмевать не могутъ.

стоитъ въ числѣ дворянъ такой-то именно губерніи и имѣеть въ такомъ-то уѣздѣ деревни. Таковыя свидѣтельства выдавать совершеннолѣтнимъ и малолѣтнимъ дворянамъ, для представленія оныхъ при вступленіи въ службу, но въ то же самое время, когда такое свидѣтельство кому выдано будетъ, долженъ дворянскій предводитель представить коніи съ такового свидѣтельства въ герольдію, и чтобы за исполненіемъ всего вышерисаннаго имѣли смотрѣніе гражданскіе губернаторы. Правительствующій сенатъ, выслушавъ сіе предложеніе, препоручилъ герольдіи составить формы: какимъ порядкомъ дворянскимъ собраніямъ составлять дворянскія родословныя книги, представляемыя сенату, и просилъ повелѣть губернскимъ правленіямъ: 1) дабы оныя предписали отъ себя дворянскимъ предводителямъ, чтобы они содержали дворянскія книги по приложенному образцу и присылали бы въ герольдію, согласно предложенію господина генералъ-прокурора, съ оныхъ конію въ началѣ каждаго года, и при томъ, для отмѣтки въ родословныхъ книгахъ, непременно увѣдомляли о вновь рождающихся дворянскихъ дѣтяхъ мужескаго пола, съ показаніемъ, когда родословная книга, въ которой отецъ новорожденнаго вписанъ, препровождена: для чего и нужно, чтобы каждый дворянинъ объявлялъ предводителю о вновь рожденныхъ сыновьяхъ своихъ и родственникахъ". Вслѣдъ затѣмъ вопросъ о состояніи дворянъ въ подушномъ окладѣ опять, и еще настоятельнѣе, напоминалъ о себѣ. 3-го октября 1800 года полученъ въ Волынскомъ губернскомъ правленіи именной указъ, изъ котораго, между прочимъ, видно, что въ этомъ году въ губерніяхъ: Кіевской, Минской, Волынской, Подольской, Вѣлорусской, Литовской и Курляндской, состояло околичной и чиншевой шляхты 218.025 душъ мужескаго пола, вслѣдствіе чего сенатъ, „принимая въ уваженіе предыдущія закононенія, опредѣлялъ: всѣмъ этимъ лицамъ, такъ какъ они донинѣ безгласны были и въ окладѣ не состояли, дать на представленіе доказательствъ о дворянствѣ, съ 1-го января будущаго 1801 года, двухгодовой срокъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе сего времени не подвергать ихъ никакому взысканію государственныхъ повинностей, поступая, въ разборѣ ихъ доказательствъ и немедленномъ представленіи въ сенатъ, по силѣ указа 3-го мая 1795 года, бывшему генералъ-губернатору Тутольмицу даннаго, и что поручается въ особое наблюденіе гражданскихъ губернаторовъ, дабы тѣмъ, доказывающимъ дворянство, ни малѣйшей проволоочки въ раз-

смотрѣніи ихъ доказательствъ не было, и черезъ оную кто либо не лишился принадлежащихъ ему дворянскихъ правъ, а по истеченіи сего срока о тѣхъ шляхтичахъ, которые не представляютъ узаконенныхъ о дворянствѣ доказательствъ, съ прописаніемъ ихъ именъ и семействъ, представить сенату". Всѣ вышечисленные мѣры нашего правительства должны были серьезно напомнить, наконецъ, волинскимъ дворянамъ о прочномъ водвореніи русской власти въ земляхъ, возвращенныхъ отъ Польши, и о настоятельной необходимости подчиниться требованіямъ русскаго правительства. 20-го октября 1801 г. состоялся первый протоколъ Волинскаго депутатскаго собранія на польскомъ языкѣ. Помѣщаемъ этотъ документъ въ переводѣ: „По указу Его Императорскаго Величества, прибыли въ губернскій городъ Житомиръ высокоблагородные дворянскіе депутаты, подъ председательствомъ г. волинскаго губернскаго предводителя дворянства и кавалера графа Мюнчинскаго, сходно акту 27-го апрѣля настоящаго года, нами составленному, по которому срокъ сѣзда въ дворянское собраніе назначенъ на настоящее 20-е число текущаго мѣсяца, нынѣ же открыли засѣданіе и начали дѣйствовать въ коммисіи. Сіятельный губернскій предводитель дворянства, единогласно съ гг. депутатами, нѣмъ довѣріе къ депутату отъ Новогородволинскаго уѣзда Непомуцену Веленкѣ-Ольшескому и полагаясь на его честность, поручаетъ ему веденіе протокола депутатскаго собранія, разсмотрѣніе доказательствъ на дворянство съ поясненіемъ родовъ, которые представляютъ документы, описаніемъ герба, съ прижизненіемъ къ грамотѣ 1785 года, Всемилостивѣйше пожалованной блаженной памяти императрицею Екатериною II". Дѣйствительно, съ 29-го ноября 1801 г. по 9 октября 1802 года, въ присутствіи депутатскаго собранія засѣдали поперемѣнно упомянутый Ольшевскій и ковельскій повѣтовый маршалокъ (уѣздный предводитель) Вильга. Такимъ образомъ, депутатское собраніе съ перваго же начала превысило власть полномочіемъ, даннымъ Ольшевскому, а тотъ, въ свою очередь, произвольно подѣлился своимъ правомъ съ постороннимъ лицомъ. Въ слѣдующемъ году въ дѣятельности депутатскаго собранія проявляется еще болѣе необычайное движеніе, клонящееся какъ будто къ быстрому, практическому примѣненію русскихъ узаконеній. 6-го октября 1802 года состоялся первый журналъ собранія на польскомъ языкѣ. Сущность слѣдующая: депутаты, подъ председательствомъ губернскаго маршала графа Ворцеля, по принесеніи присяги на вѣрность и по исчисленіи главнѣйшихъ предметовъ своего

вѣдомства, постановили: о вступленіи въ обязанности „уведомить гражданскаго губернатора и губернской судъ, а дворянъ оповѣстить посредствомъ циркуляровъ повѣстовымъ маршалкамъ на тотъ конецъ, чтобы впредь доказательства о происхожденіи представлялись въ собраніе“. Далѣе, собраніе уничтожило прежнее полномочіе, данное депутату Ольшевскому, который долженъ былъ сдать дѣла и печать, и если была касса, то представить по этому предмету отчетъ; наконецъ, собраніе опредѣлило—оформить отправленіе своихъ обязанностей и установить въ дѣлопроизводствѣ свойственный ему порядокъ. Съ этою цѣлью установлена ординація въ десяти пунктахъ. Первый пунктъ былъ написанъ такъ: „депутаты, имѣя въ виду кратковременность срока, опредѣленнаго указомъ 25-го сентября 1800 года, будутъ собираться ежедневно, исключая праздничныхъ и табельныхъ дней, въ засѣданіе отъ 8-го часа утра до 1 часу по полудни“. Послѣдующими пунктами вводятся, на основаніи 88 ст. грамоты 1785 года, входящіе реестры для очереднаго разсмотрѣнія дѣлъ и протоколы, веденіе которыхъ, а также и родословныхъ книгъ въ первое трехлѣтіе, поручалось депутату Дубенскому ¹⁾. Далѣе опредѣлено было, по соглашенію губернскаго маршала съ уѣздными, установить сборъ на канцелярію и дворянскую кассу (по § 86 грамоты 1785 г.), при чемъ въ 7-мъ пунктѣ ординаціи выражено: „чтобы затѣмъ канцелярія уже ни подъ какимъ предлогомъ ни у кого не вымогала платы, а, напротивъ, должна каждому просителю дѣлать возможныя облегченія“. Патенты также должныствовали выдаваться бесплатно. Пунктомъ 8-мъ вводилась гербовая бумага въ 30 копѣекъ для дворянскихъ патентовъ, и устанавливался порядокъ ихъ выдачи. Кромѣ того, разрѣшалось желающимъ получать патенты на пергаментѣ, съ уплатою 30 копѣекъ мѣди за каждый, согласно указу 1797 года. Девятымъ пунктомъ устанавливалась форма печати, а 10-мъ опредѣлено было уведомить дворянство губерніи чрезъ посредство повѣстовыхъ маршалковъ, что, буде кто имѣетъ какія либо возраженія противъ шляхты, выписывающейся въ родословныя книги, по силѣ свидѣтельства 12 дворянъ, то представляли бы ихъ въ собраніе въ возможно скорѣйшемъ времени. Всѣ протоколы дворянскаго депутатскаго собранія съ 1801 по 1833 годъ писаны исключительно на польскомъ языкѣ. Форму ихъ покажетъ слѣдующій примѣръ: „Передъ нами, Станиславомъ графомъ Ворцелемъ.

¹⁾ Дубенскаго уѣзда.

маршалою Волинской губерніи, такихъ-то орденовъ кавалеромъ, и депутатами отъ повѣтовъ той же губерніи, для разсматриванія доказательствъ на дворянство избранными, благородный такой-то (фамилія просителя), въ доказательство дворянскаго своего происхожденія, представилъ слѣдующіе документы“ и проч. По исчисленіи же и подробномъ описаніи всѣхъ представленныхъ документовъ, опредѣлили такъ: „А потому мы, губерніи маршалъ и депутаты, избранные для разсматриванія документовъ, примѣняясь къ правиламъ грамоты, Всемилостивѣйше дворянству въ 1785 году пожалованной, во исполненіе таковой, доказательства на дворянство N. N. (слѣдуетъ фамилія) признавая достаточными, приказали: внести ого въ такую-то часть родословной книги и выдать ему въ томъ грамоту“. Съ февраля 1810 года вышенприсланная формула эта становится скромнѣе и уже почти сходствуешь съ нынѣ принятою. Она выражается такъ: „Волинское дворянское депутатское собраніе, разсмотрѣвши документы, доказывающіе дворянское происхожденіе такихъ-то и поданные при прошеніи такого-то мѣсяца и числа, а именно (слѣдуетъ описаніе документовъ), вслѣдствіе того и примѣняясь къ правиламъ 21-го апрѣля 1785 года. помянутыя доказательства признавая достаточными, постановило: имена доказывателей (слѣдуютъ наименованія), въ силу 77 пункта, какъ дѣйствительную шляхту, внести въ такую-то часть родословной книги Волинской губерніи, какъ подушному окладу не подлежащихъ, и на то выдать имъ патентъ“. Документы, по которымъ просители признавались дворянами, были главнымъ образомъ слѣдующіе: дарственная записъ (donacja), вводъ въ вѣчное владѣніе (dziedziczna posesya), арендное владѣніе (posesia), духовное завѣщаніе (testament), запродажный контрактъ (przedajny kontrakt), крѣпостной контрактъ (kontrakt roborata), посредническое рѣшеніе (kompromissarsky dekret), арендный контрактъ (arendowny kontrakt) и другіе документы на владѣніе недвижимыми имуществами; далѣе—состоявшіяся по различнымъ дѣламъ судебныя, административныя и частныя рѣшенія (dekret), сообщенія (komunikacja), сдѣлки (komplamacja), протесты (manifest), позывы (rozew) по долговымъ и тяжбынымъ дѣламъ, квитанціи (pretensyi i processu kwit), векселя (skrypt), присужденія за пѣявку въ срокъ (kondemnata), довѣренности по дѣламъ и проч. Наконецъ, грамоты и патенты (przywilej) на чины и достоинства и метрики. Всѣ документы, по словамъ протоколовъ, были явлены въ земскихъ и градскихъ актахъ, въ актахъ конфедерацій, магдебургскихъ повѣтовыхъ,

из двух департаментах высшаго трибунала и других. До какой степени снисходительно и слабо рассматривались доказательства дворянского происхождения, покажут следующие примѣры. 13-го октября 1802 года признавъ дворяниномъ нѣкто Михаилъ Хоментовскій (Ковельскаго уѣзда), единственно въ силу свидѣтельства о томъ 12 дворянъ („благородныхъ лицъ“, по пункту 12-му § 92 грамоты 1785 года). Того же 13-го октября 1802 года, Павелъ Древновскій (Кременецкаго уѣзда) и братья его Антонъ и Лаврентій внесены въ первую часть родословной книги, на основаніи 1) квитанціи 1749 года, данной Іосифомъ Древновскимъ какому-то таращанскому старостѣ Бушонскому, а изъ чѣмъ состоятъ эта квитанція, изъ протокола не видно, и 2) рѣшенія 1778 года между Антономъ, Павломъ и Лаврентіемъ, съ одной стороны, и между Францисками и Терезіею Древновскими, съ другой; сущность рѣшенія изъ протокола тоже неизвѣстна. 3) По протоколу 11-го октября 1802 года, Игнъ Вѣлякъ съ братьями были внесены въ первую часть родословной книги, на основаніи свидѣтельства 12 дворянъ и свидѣтельства, выданнаго униатскимъ ксендзомъ Витковскимъ (Ориучскаго уѣзда) прихода церкви Вилецкой (parochia cerkwi Wileckiej). 4) Того же года, мѣсяца и числа Андрей Чудовскій (Житомирскаго уѣзда) и двоюродные братья его Павелъ, Стефанъ и Осма были внесены въ первую часть родословной книги на основаніи однихъ метрикъ, и то неполныхъ, въ числѣ коихъ находилось даже свидѣтельство, явленное во 2 департаментѣ главнаго суда и удостоверявшее, что нѣкоторыя метрики сожжены, а ихъ замѣнило приложенное показаніе отца и матери; кромѣ метрикъ, было свидѣтельство 12 помѣщиковъ. Въ первой книгѣ протоколовъ за 1801 годъ ихъ значится 74. Въ той же книгѣ, за 1802 г. — 341. По 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й книгамъ того же 1802 года — 4.238. Слѣдовательно, въ теченіе двухъ лѣтъ состоялись 4.703 протокола почти исключительно о признаніи въ дворянствѣ различныхъ родовъ, такъ какъ соприсчисленія были рѣдки. Въ третьемъ году существованія Волынскаго депутатскаго собранія правительствомъ обратило вниманіе на вредную безконтрольность и на злоупотребленія этихъ собраній по дѣламъ о разсмотрѣніи правъ на дворянское происхожденіе. Въ февральскомъ указѣ 1803 года, между прочимъ, сказано: „По штату 1763 года, декабря 15-го и по указу 27-го мая 1800 года, повелѣваемъ быть одному герольдмейстеру съ двумя товарищами, изъ коихъ одинъ долженъ знать геральдику. Главныя обязанности герольдинъ: 1) имѣть точное и вѣроятное свѣдѣніе о дворянскихъ родахъ

всей Имперіи, на каковой конецъ происхожденіе ихъ и гербы по представленнымъ доказательствамъ вносить учрежденнымъ порядкомъ въ гербовникъ, выдавать со внесенныхъ гербовъ копія, сочинять общій алфавитъ всѣмъ дворянамъ, оныя получившимъ,—родословныя, для выдачи просителямъ диплома на жалованныя достоинства, грамоты на имѣнія и разныя привиллегіи и патенты на чины. — вести книги о приходѣ и расходѣ денежной казны. Канцеляріи герольдіи состоятъ по-прежнему въ веденіи министра юстиціи или генералъ-прокурора, яко главнаго директора канцеляріи сената. 2) А какъ не безызвѣстно, что въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, по нѣкоторымъ губерніямъ, вкрадывались злоупотребленія, и многіе включены были въ сословіе дворянъ, не имѣвшіе никакого права, то въ отвращеніе вредныхъ изъ сего послѣдствій подтвердить, дабы при внесеніи дворянскихъ родовъ въ родословныя книги наистрожайше наблюдаемы были правила, изображенныя въ 92-й статьѣ дворянской грамоты, изданной въ 21-й день апрѣля 1785 года; свидѣтельство же 12 благородныхъ особъ принималось бы не иначе, какъ въ подтвержденіе только доказательствъ, по точному смыслу 12 пункта вышеозначенной статьи, и то такихъ дворянъ, въ благородствѣ которыхъ самихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и 3) по особенной важности дѣлъ о разсмотрѣніи дворянскихъ родовъ и утвержденіи оныхъ герольдіи докладывать правительствующему сенату, общему собранію“.

Мы видѣли, что въ первые два года своей дѣятельности, польское депутатское собраніе признало русскими дворянами значительное число лицъ изъ бывшей польской шляхты. На первый взглядъ обстоятельство это можетъ показаться естественнымъ, такъ какъ изъ самаго протокола 6-го октября 1800 года видно, что собраніе озабочено было двухгодичнымъ срокомъ, назначеннымъ указомъ 25-го сентября 1800 года¹⁾, для окончательнаго предъявленія доказательствъ о происхожденіи всей вообще шляхты. Казалось бы, что указъ этотъ долженъ былъ сразу пресѣчь безмѣрное размноженіе сомнительныхъ русскихъ дворянъ, въ которыхъ снѣжили превращать шляхту. Указъ 1803 года, общій для всѣхъ депутатскихъ собраній Имперіи, ничуть не отменялъ и даже не измѣнялъ упомянутого узаконенія 25-го сентября 1800 года. О другихъ законныхъ измѣненіяхъ или отсрочкахъ намъ не извѣстно. Но силѣ указа 25-го сентября окончательный срокъ

¹⁾ См. пунктъ 1-й ординаціи.

для разбора правъ дворянства, между прочимъ, и въ Волынской губернии, истекалъ 1-го января 1803 года, послѣ чего, по смыслу указа, списки всей шляхты, не представившей доказательствъ, должны были быть отосланы въ сенатъ; доказавшіе же свое дворянство должныствовали быть внесенными въ родословныя книги, а затѣмъ, послѣ 1-го января 1803 года, дѣятельность Волынскаго депутатскаго собранія должна была стать въ уровень со всѣми подобными учрежденіями въ Россіи. На дѣлѣ вышло совсѣмъ иное: дворянскія родословныя книги не только не были составлены своевременно, но, какъ увидимъ ниже, появились не ранѣе 1829 года; этимъ годомъ онѣ ограничились и не пошли далѣе архива депутатскаго собранія. Между тѣмъ легальное размноженіе шляхты продолжалось. Въ томъ же 1803 году, въ которомъ оканчивался упомянутый срокъ, Волынское депутатское собраніе подписало 1.917 протоколовъ о признаніи въ дворянствѣ различныхъ родовъ и лицъ. За то въ послѣдующіе годы то же собраніе осторожило обходить опасный законъ: въ слѣдующемъ 1804 году находимъ всего 44 протокола и далѣе—до 1832 г. цифра ежегодныхъ признаній замѣчательно измѣнительно колеблется между 322 и 19 ¹⁾, какъ видно изъ примѣчаній. Слѣдовательно, хотя въ періодъ времени отъ 1800 до 1830 года появилось весьма много правительственныхъ мѣръ и узаконеній, могущихъ служить руководствомъ для отысканія и утвержденія правъ на дворянство ²⁾, но уза-

¹⁾ 1801 года — 74; 1802 — 341; 1802 — 4.288; 1803 — 1.917; 1804 — 44; 1805 — 216; 1806 — 57; 1807 — 21; 1808 — 27; 1809—19; 1810 — 32; 1811 — 76; 1812 — 65; 1813 — 27; 1814 — 26; 1815 — 29; 1816—281; 1817—131; 1818—204; 1819—292; 1820—266; 1821—82; 1822—190; 1823—128; 1824—129; 1825—342; 1826—174; 1827—491; 1828—622; 1829—389; 1830—270; 1831—96.

²⁾ Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами главнѣйшихъ узаконеній, слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ. 1) Указы 18-го мая 1787 и 31-го октября 1818 о томъ, что депутатскія собранія не должны причислять къ дворянству лицъ, принадлежащихъ помѣщичьимъ или податному состоянію, хотя бы они и представили надлежащія доказательства, доколѣ эти лица не будутъ исключены установленнымъ порядкомъ изъ помѣщичьяго владѣнія или изъ подлежащаго состоянія. 2) Указъ 29-го января 1805 года о томъ, что иностранныхъ дворянъ, вступавшихъ въ Россійскую службу, не прежде слѣдуетъ вносить въ родословныя книги, какъ по предварительному о томъ представленію герольдіи. 3) Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ комитета министровъ 4-го мая 1820 и 19-го мая 1825 года о томъ, что надлежитъ призывать въ потомственное дворянствѣ тѣхъ только изъ бывшихъ польскіе оберъ и штабъ-офицерскіе чины, кои служили въ войскахъ герцогства Варшавскаго и лично вошли потомъ въ составъ бывшихъ войскъ царства Польскаго, если чиновники сіи, по участию въ послѣднемъ мятежѣ, не были лишены правъ

коненія эти остались почти безплодными потому, что они или вовсе не выполнялись, или ихъ старались обойти. Повторяемъ, что въ Волинскомъ депутатскомъ собраніи дворянскія родословныя книги не только не составлялись согласно формѣ, разосланной при указѣ 25-го августа 1800 года, но такихъ книгъ вовсе не существовало до 1829 года. въ которомъ хотя онѣ и были составлены, но не по формѣ и не отосланы ни въ губернское правленіе, ни въ герольдію. Вопреки упомянутому указу, уѣздные предводители не вѣли вѣдомостей о вновь вступающихъ въ число дворянъ мужскаго пола, и не доставляли подобныхъ списковъ въ дворянскія собранія для внесенія въ родословныя книги. О дѣлопроизводствѣ мы уже и не говоримъ; въ немъ съ перваго начала вкрались такія злоупотребленія, что все до сихъ поръ сказанное можетъ дать о нихъ лишь слабое понятіе. Злоупотребленія эти раскрыты формальнымъ порядкомъ въ 1834 году, когда сенатъ назначилъ строгое слѣдствіе надъ Волинскимъ депутатскимъ собраніемъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Но, не отрицая сущности закона, маршалки, депутаты и польскіе чиновники стали осторожнѣе относиться къ формѣ. Журналы, протоколы и вся вообще переписка Волинскаго депутатскаго собранія до 1818 года велась на польскомъ языкѣ. Изъ этого же году неожиданно является первый журналъ на русскомъ языкѣ, и уже съ тѣхъ поръ такіе журналы встрѣчаются, хотя все еще въ видѣ исключеній, во всѣхъ книгахъ до 1833 года, когда протоколы, журналы и всѣ вообще документы стали писаться исключительно на русскомъ языкѣ. Однако, русскій языкъ вступилъ въ свои права не безъ продолжительной и тяжелой борьбы. Оказывается, что Волинское депутатское собраніе, какъ бы нехотя и строптиво покоряясь силѣ обстоятельствъ, рѣшилось, наконецъ, ввести русскій языкъ, но въ тѣ только журналы, по которымъ приходилось сношаться съ административными лицами и мѣстами, для чего и заведенъ былъ особый, такъ

своихъ. 4) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 29-го апрѣля 1828 года о томъ, что, кромя лицъ, доказавшихъ происхожденіе свое отъ предковъ, пользовавшихся въ Россіи наслѣдственно титулами князей, графовъ и бароновъ, дворянскія собранія не должны признавать никого въ сихъ достоинствахъ и выдавать свидѣтельства на оныхъ, не взирая на то, хотя бы просители представляли подлинныя рескрипты, указы и другіе документы, въ коихъ они названы сими титулами, но обязаны требовать доказательствъ на пожалованіе ихъ самимъ или ихъ предковъ въ сіи достоинства отъ коронованныхъ главъ, и оныя представлять съ мнѣніемъ своимъ въ герольдію на разсмотрѣніе.

называемый точный столъ. Любопытно и прискорбно слѣдить за безсильною борьбою членовъ собранія съ обязательными формами русскаго дѣлопроизводства. Напримѣръ, въ журналѣ 11-го февраля 1826 года, по которому требовалось сношеніе съ ямпольскимъ земскимъ судомъ, всѣ подписались по-русски, исключая двухъ депутатовъ—Вержбицкаго и Орачевскаго. Въ слѣдующихъ затѣмъ русскихъ журналахъ депутаты: Ивановскій, Издебскій, Юрьевичъ, Рудницкій, князь Куріатовичъ-Курцевичъ, Избицкій, Поляповскій и другіе, какъ будто подъ вліяніемъ ребяческаго каприза, то и дѣло переимѣняютъ свои подписи, подписывая то по-польскя, то по-русски. Кроме того, часто случается видѣть, что самый журналъ написанъ по-русски, а заголовокъ по-польски. Что касается протоколовъ и журналовъ, относящихся собственно до утвержденія въ дворянствѣ и тому подобныхъ дѣлъ, которыя депутатское собраніе, вопреки закону, старалось вести келейнымъ, безконтрольнымъ образомъ, то такіе документы до 1833 года продолжали писаться исключительно на польскомъ языкѣ. Но если такова была борьба съ формами, то понятно, что противодѣйствіе должно было неспрассанно усиливаться, когда дѣло шло о существенныхъ требованіяхъ, какія изложены въ упомянутомъ указѣ 25-го августа 1800 года. Дошло до того, что нѣкоторые губернскіе маршалы отважились вступить въ явную оппозицію съ правительствомъ и протестовать противъ рѣшеній сената. Выписываемъ указъ 5-го марта 1828 года, какъ нельзя болѣе характерный: „Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи рассмотрѣвъ по Высочайшему повелѣнію дѣло, переданное изъ комитета министровъ: 1) по протесту Могилевскаго и Виленскаго губернскихъ маршаловъ противу дѣйствій герольдіи, отвергающей выдаваемыя отъ нихъ дворянскіи свидѣтельства, и 2) по запискѣ инспекторскаго департамента главнаго штаба о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ въ разсматриваніи и разрѣшеніи документовъ, представляемыхъ отъ недорослей изъ дворянъ и другихъ свободнаго состоянія людей, при опредѣленіи ихъ въ военную службу, и найдя заключеніе правительствующаго сената по симъ предметамъ правильнымъ и полезнымъ, согласно съ онымъ мнѣніемъ положилъ: 1) поелику правила на признаніе въ благородномъ достоинствѣ и мѣста на разборъ доказательствъ о семъ уже опредѣлены въ дворянской грамотѣ и послѣдовавшихъ постановленіяхъ съ ранію силою какъ на великороссійскія, такъ и на присоединенныя къ нимъ польскія губерніи, и поелику тѣ правила столь достаточны и столь ясны, что не требуютъ никакихъ

дополненій, то внушить претендующимъ маршаламъ чрезъ губернское правленіе, дабы состояція въ вѣдомствѣ ихъ депутатскія собранія слѣдовали точному изложеннымъ правилъ разуму, и чтобы сами сіи маршалы впредь отнюдь не отваживались входить съ подобными недѣльными протестами, въ напрасное обремененіе высшихъ правительствъ; но, какъ примѣчены уже многія злоупотребленія по депутатскимъ собраніямъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, то для усиленія мѣръ къ удержанію отъ того на будущее время постановить закономъ, что буде и за сими подтвержденіемъ допущены будутъ ими произвольныя дѣйствія, неослабно подвергать виновныхъ той самой отвѣтственности, какая на подобные случаи изобрѣтена въ конституціяхъ, тому краю изданныхъ". Возвращаемся къ волинскому дворянству. Какъ усильно ни старалось ово протпвиться мѣрамъ, подобнымъ указу 25-го августа 1800 года, но практической смыслъ закона требовалъ „выдавать совершеннолѣтнимъ и малолѣтнимъ дворянамъ свидѣтельства о ихъ происхожденіи, для представленія при вступленіи на службу, при чемъ предводитель обязанъ былъ представить копія съ такихъ свидѣтельствъ въ герольдію". Вслѣдствіе того въ Волинскомъ депутатскомъ собраніи встрѣчаются не рѣдкѣ, однако же, 1803 года сборники сенатскихъ указовъ, изъ которыхъ ясно видно, что въ первые годы своего существованія собраніе отсылало въ герольдію „почти исключительно дѣла такихъ только лицъ, которыя желали поступить въ военную или въ гражданскую службу". Такимъ образомъ указъ 25-го августа 1800 года примѣнялся одностороннимъ образомъ, какъ бы по мѣрѣ надобности. Впрочемъ, сенатъ, въ первое время и въ большей части случаевъ, возвращалъ дѣла обратно вслѣдствіе неполноты или недостаточности документовъ. До 1830-хъ годовъ утвержденія были чрезвычайно рѣдки. Съ 1803 по 1818 годъ былъ всего одинъ случай утвержденія двухъ лицъ изъ рода Соколовскихъ; въ 1818, 1819 и 1820 годахъ—по одному случаю¹⁾; въ 1821 и 1823 гг.—утвержденій вовсе не было; въ 1823 г. было два случая²⁾; въ 1824—одинъ³⁾; въ 1825 г. было пять утвержденій⁴⁾; въ 1826—шесть⁵⁾; въ 1827—девять⁶⁾; въ 1828—

¹⁾ 1816 г.—Шаневскихъ, 1819—Войцѣховскихъ, 1820—Стебницкихъ.

²⁾ 1823 г.—Куровскихъ и Пршемицкихъ.

³⁾ 1824 г.—Моргульцонъ.

⁴⁾ 1825 г.—Неймановъ, Тышенскихъ, Гушицонъ, Фелинскихъ, Цымбалистовъ.

⁵⁾ 1826 г.—Дрогоецкихъ, Дидковскихъ, Оттовъ, Ротермундонъ, Строженскихъ, Сѣдлецкихъ.

⁶⁾ 1827 г.—Видавскихъ, Добровольскихъ, Езерскихъ, Заіончковскихъ, Змигродскихъ, Косацкихъ, Овсяныхъ, Іліонковскихъ, Соколовскихъ.

три ¹⁾ и въ 1829—десять ²⁾). Относительно свидѣтельствъ на дворянство, выдаваемыхъ недорослямъ для вступленія въ службу, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 12-го февраля 1828 года ³⁾). Докладъ сената по вышензложенному предмету послѣдовалъ лишь въ маѣ 1834 года и имѣлъ результатомъ учрежденіе ревизіонныхъ комиссій, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Дополненіемъ къ узаконенію 12-го февраля служить 2-й пунктъ поминутаго указа 5-го марта 1828 года, который мы приводимъ въ выноскѣ ⁴⁾). Такими правительственными распоряженіями можно отчасти

¹⁾ 1828—Пржежецкихъ, Жолчинскихъ и Стефанскихъ.

²⁾ 1829—Пржескихъ, Перезовскихъ, Веліогорскихъ, Дрошевскихъ, Казитовичей, Лебедовичей, Лозинскихъ, Подгориченскихъ, Рудницкихъ и Шаулинскихъ.

³⁾ „Государственный совѣтъ, принявъ въ соображеніе: а) что важныя злоупотребленія, какія были открыты по предмету возведенія въ дворянское достоинство лицъ, не имѣющихъ на то права, и тѣ случаи, кои и имѣтъ иногда обнаруживаются, доказываютъ, что сихъ злоупотребленій нельзя считать совершенно пресѣченными; б) что самое положеніе правительствующаго сената, по означенному выше дѣлу состоявшееся, въ дѣйствиіи своемъ встрѣтило затрудненіе и не достигаетъ желаемой цѣли, доколѣ не будутъ приняты особыя мѣры къ обнаруженію и истребленію злоупотребленій, и в) что принятіе сей мѣры требуетъ самый вопросъ герольдіи, въ томъ же дѣлѣ заключающійся и правительствующимъ сенатомъ не разрѣшенный, а именно: о лицахъ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользующихся дворянствомъ, не зная на то, что не представили должнаго на сіе доказательства, — мнѣніемъ полагаетъ: учредить при правительствующемъ сенатѣ комитетъ, постановивъ ему въ обязанность собрать нужныя свидѣнія изъ дѣлъ герольдіи и проектировать правила, каковыя бы образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствиіи дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды, преподавъ тѣмъ самымъ руководство дворянскимъ собраніямъ и на будущее время. Комитетъ сей долженъ имѣть въ виду, для облегченія ревизіи, что не могутъ подлежать оной дворянскія фамиліи, право коихъ получило уже законную достовѣрность внесеніемъ въ гербовникъ, утвержденіемъ герольдіи и доказательствами не опровергаемыми, какъ, напримѣръ: производство по военной службѣ въ первый офицерскій чинъ, а по штатской—въ штабъ-офицерскій чинъ, такъ чтобы и сужденію о сихъ фамиліяхъ не было, коль скоро по дѣламъ дворянскихъ собраній откроется, что законныя о томъ свидѣтельства были представлены. Когда же упомянутыя правила ревизіи будутъ составлены и правительствующимъ сенатомъ утверждены, въ то время — внести оныя на дальнѣйшее уваженіе въ государственный совѣтъ“.

⁴⁾ „Предѣленія депутатовъ собраній, какъ бывшіи, такъ и впредь быть имѣющимъ, подвергать ревизіи герольдіи съ тѣмъ, чтобы она не касалась заключеніями документовъ тѣхъ только лицъ, кои самою службою приобрѣли чины, съ которыми сопрягается дворянское достоинство, ибо утвержденіе въ чинахъ сихъ обложено уже въ законную силу. Къ отпращенію затрудненій, каковыя доселѣ безпрерывно обременяли при разсматриваніи свидѣтельствъ, выдаваемыхъ губер-

объяснить себѣ позднее, а потому самому неестественное. составленіе въ Волынскомъ депутатскомъ собраніи дворянскихъ родословныхъ книгъ. () времени ихъ изготавленія можно судить потому, что онѣ кончаются 1829 годомъ, да еще—по надписи золотыми буквами на переплестахъ, свидѣтельствующей, что книги составлены при губернскомъ маршалѣ Ленкевичѣ, предводительство котораго совпадаетъ съ 1828—1829 годами, а слѣдовательно и со временемъ появленія упомянутого указа. Родословныя книги составлены въ трехъ экземплярахъ: каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ по 33 огромныхъ тома in-folio; одинъ экземпляръ изготавленъ титцельнѣе и роскошнѣе другихъ; затѣмъ, остальные два—попроче и скорѣе имѣютъ форму коній. Послѣдніе, очевидно, предназначались для отсылки въ губернское правленіе и въ герольдію, но это не осуществилось по причинамъ, весьма понятнымъ тому, кто припомнить

скими предводителями дворянства и маршалами дворянскими дѣтями, желающимъ поступить въ государственную службу, постановить согласно нѣмъ герольдіи твердымъ правиломъ: а) чтобы недоросли изъ дворянъ, роды конхъ внесены въ родословную книгу, вмѣсто выдаваемыхъ имъ губернскими предводителями дворянства и маршалами свидѣтельствъ, представляя засвидѣтельствованныя губернскими предводителями или маршалами или исправляющими ихъ должностію коніи съ протоколами депутатскихъ собраній, по конимъ кто признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ; если же случится, что протоколы въ депутатскихъ собраніяхъ состоялись еще въ то время, когда нынѣшніе просители не существовали, а потому и показаны въ онимъ не были, то въ семъ случаѣ онимъ собранія обязываются: дополнить прежде состоявшіяся опредѣленія или протоколы новыми исправками, внести въ онимъ тѣ лица, конимъ будутъ выдаваться коніи, доставляя въ то же время въ герольдію конію съ своего опредѣленія, съ присовокупленіемъ къ оной въ конимъ самыхъ доказательствъ и родословной; б) просители, рожденный отъ штабъ и оберъ-офицера, служившаго въ томъ чинѣ въ военной службѣ и вышедшаго въ отставку, или отъ чиновника, состоявшаго въ чинѣ или классѣ, дворянство приносящемъ, должны представить увольнительный отца его видъ, въ коемъ прописано все прохожденіе службы, или послужной списокъ за подписаніемъ того начальника или присутственнаго мѣста, въ которомъ отецъ его продолжалъ послѣднюю свою службу; в) въ обомъ тѣхъ случаяхъ представлять еще метрики о законномъ рожденіи и крещеніи, которыя должны быть подписаны священникомъ, конимъ совершено крещеніе; но, въ случаѣ ненахожденія онаго при своемъ приходѣ, можетъ дать другой священникъ того прихода, основываясь на метрикахъ, хранящихся при церкви, а подписи священнической руки и справедливость самой метрики должна быть засвидѣтельствована консисторіею; д) акты на иностранныхъ языкахъ, включительно и на польскомъ, въ доказательствъ представляемые, присылать въ герольдію на основаніи указа 17-го сентября 1803 года съ переносами, засвидѣтельствованными переводчиками присутственнаго мѣста".

все предыдущее, нами сказанное. Какъ бы то ни было, но всѣ экземпляры родословныхъ книгъ остались въ архивѣ собранія, гдѣ ихъ можно было видѣть въ концѣ 1860-хъ годовъ. Въ 33-хъ книгахъ каждаго экземпляра вмѣщается шесть частей родословной книги, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ: 1-я часть (роды, имѣющіе до 100 лѣтъ) въ 17 книгахъ, вмѣщающихъ 4.971 фамилію; 2-я часть (по военнымъ заслугамъ) въ одной книгѣ—82 фамиліи; 3-я часть (по гражданскимъ заслугамъ) въ той же книгѣ—44 фамиліи; 4-я часть (иностранные роды) въ той же книгѣ—35 фамилій. Три послѣднія части заключаются въ одной и той же книгѣ. Части эти крайне безпорядочно перемѣшаны такъ, что невозможно отличить одну отъ другой. 5-я часть (титулами отличенные роды) въ одной книгѣ—26 фамилій; 6-я часть (древніе дворянскіе роды) въ 14 книгахъ—2.360 фамилій. Всего внесено 7.518 фамилій. Текстамъ о каждой фамиліи предшествуютъ гербы, весьма тщательно и изящно нарисованные. Гербы эти съ ихъ описаніями взяты цѣликомъ изъ польскихъ гербовниковъ и, сколько намъ извѣстно, едва ли хотя бы и незначительная часть упомянутыхъ гербовъ утверждена сенатомъ. Особоинно любопытно просмотрѣть 32-ю книгу, содержащую въ себѣ 2, 3 и 4-ю части родословныхъ. Въ эти части, какъ сказано, вносились лица, заслужившія дворянство по чинамъ и орденамъ, а также весьма немногіе, впрочемъ, иностранные роды. Достаточно было представить свидѣтельство въ формѣ послужнаго списка, указа объ отставкѣ или вообще какихъ бы то ни было заявленій начальства о томъ, что проситель служилъ въ полку или присутственномъ мѣстѣ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ. Иногда свидѣніе о полученіи когда-то просителемъ штатнаго жалованья изъ казначейства, или если даже просто извѣстно было депутатскому собранію, что проситель находится на службѣ,—все это считались достаточнымъ доказательствомъ. Въ подобныхъ утвержденіяхъ играли даже значительную роль пресловутыя свидѣтельства 12 дворянъ. Въ упомянутой 32 книгѣ встрѣчается множество чисто русскихъ фамилій, несомнѣнно происходившихъ отъ русскихъ людей, вызванныхъ Екатериною II изъ Малой и Великой Россіи. Замѣчательно, что большая часть этихъ фамилій вписана въ книгу подъ польскими гербами, Богъ вѣсть какимъ образомъ имъ присвоенными. Напримѣръ, Кузьменко записанъ подъ гербомъ Ястржембецъ; Олейникъ—гербъ Бонча; Писовъ—гербъ Тѣпоръ; Тыщенко-Гуниковъ—гербъ Абданкъ; Третьяковъ—гербъ Гржиадаръ и проч. Другія же русскія фамиліи записаны

безъ гербовъ ¹⁾. Упомянемъ здѣсь вкратцѣ о признаніи въ дворянствѣ одного изъ такихъ русскихъ, попавшихъ въ польскіе „гербовныя“. Определеніемъ собранія 22 октября 1826 года признанъ въ дворянствѣ нѣкто Ефимъ Качура, служившій бухгалтеромъ въ житомирскомъ повѣтовомъ казначействѣ. Признанъ онъ на основаніи указовъ и патентовъ на чины коллежскаго регистратора, губернскаго и коллежскаго секретаря титулярнаго совѣтника. Качура, происходившій, по выраженію протокола, изъ „церковниковъ“, вдругъ присвоилъ себѣ гербъ „Рогая“, носимый графами Красицкими и многими другими польскими фамиліями, по гербовнику Нестецкаго. Съ тѣхъ поръ упомянутый бухгалтеръ и его потомки стали именоваться „Рогая-Качура“. Ефимъ Рогая-Качура, по словамъ книги, былъ женатъ на Доминикѣ Макаревичѣвнѣ, съ которою прижилъ 5 сыновей и одну дочь (Доминику). Второй сынъ его Шимонъ (Семенъ) вслѣдъ затѣмъ является на службѣ въ депутатскомъ собраніи и проходитъ тамъ чуть ли не всѣ степени отъ писца до депутата. По поводу родословныхъ книгъ мы не можемъ не упомянуть объ одномъ весьма характерномъ обстоятельстве: протоколы и нѣкоторые другіе документы депутатскаго собранія наводятъ на фактъ, что дворяне за каждое признаніе или сопричисленіе вносили отъ 10 до 100 рублей ассигнаціями „на родословную книгу“. и что въ 1832 году производился систематическій сборъ этими деньгами, не только за одинъ 1832 г., но и за всѣ предыдущіе годы. Мы не могли доискаться ни протокола, установившаго упомянутый сборъ, ни счетовъ документовъ. Изъ послѣднихъ въ архивѣ собранія уцѣлѣла, однако же, какимъ-то чудомъ приходилъ книга подъ № 6. На ея налѣчкѣ значится, что веденіе такихъ книгъ начато съ 29 января 1832 года. Помянутая книга написана на 286 листахъ и заключаетъ въ себѣ статьи подъ №№ отъ 6.583 до 8.783. Въ статьяхъ этихъ просто значится, что житель такого-то уѣзда, такой-то, представилъ при прошеніи столько-то рублей на родословную книгу. Если кто увольнялся отъ уплаты по бѣдности, то соотвѣтственная статья особо свидѣлательствовалась подписями депутатовъ Избицкаго, Поляновскаго и Станиславскаго. На послѣднемъ листѣ уцѣлѣвшаго документа

¹⁾ Грозновъ, Илинскій, Юрченко, Зипченко, Здановичъ, Козинъ, Купавцевъ, Лерусинскій, Максимовичъ, Мичуринъ, Мерцаловъ, Невшванковъ, Кобѣщановъ, Поляковъ, Самуѣловичъ, Смирновъ, Савичъ, Тюменевъ, Тарасевичъ, Тетеренко Коземякинъ (Кожмякинъ?).

завѣрено такъ: «Итого было прихода въ сей книгѣ, съ 11 марта 1834 года, съ № 8498 по 8784, рублей ассигнаціями тысячу триста двадцать пять (1.325), да остатка, съ 11 марта 1833 г. по 11 марта 1834 года, наличными деньгами тридцать девять тысячъ, четырехста двадцать три рубля 87 копѣекъ (39.423 р. 87 к.). Итого, остатка съ прошлаго года, съ 11 марта 1834 г., подъ №№ 8498—8784 числятся рублей на ассигнація сорокъ тысячъ семьсотъ сорокъ восемь и 87 коп. (40.748 р. 87 коп.)»⁴. Подписались: за губерискаго житомирскій уѣздный предводитель графъ Крашевскій и депутаты: Поляпонскій, Избицкій, Сташевскій, Баранскій, Лозицскій, Вичура и Венгржецкій. Выше мы видѣли, что родословныя книги не производились дальше 1829 года, но сборъ съ дворянъ отъ 10 до 100 рублей ассигнаціями продолжался только подъ другимъ наименованіемъ, потому что въ концѣ каждого протокола 1830-хъ годовъ и далѣе встрѣчается формальная надпись о томъ, сколько именно внесено денегъ на „патентъ“, и подъ какими номерами онѣ записаны. Слѣдовательно были книги, которыхъ и слѣдовъ не осталось, и такими изворотами громаднѣйшая сумма ускользнула отъ контроля, такъ что вообще трудно, а намъ положительно невозможно дознаться, кому и какую она принесла пользу. Общій результатъ всего вышеизложеннаго приводитъ къ слѣдующему заключенію. Всѣ усилія русскаго законодательства до 1830-хъ годовъ текущаго столѣтія клонились къ тому, чтобы поставить высшее сословіе Западнаго края въ уровень съ остальнымъ дворянствомъ Имперіи по существу и по формѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить размноженіе и притязанія польской шляхты; съ другой стороны, мы видимъ, что Волынское депутатское собраніе или вовсе не исполняло данныхъ ему предписаній, или ловко обходитъ ихъ, или же, наконецъ, злоупотребляетъ ими и кончаетъ тѣмъ, что съ 1801 по 1830 г. признастъ въ своихъ протоколахъ 10.820 шляхетскихъ родовъ и лицъ. Если положить среднимъ числомъ по три лица на каждый родъ, получимъ 32.460 польскихъ шляхтичей, превращенныхъ въ русскіхъ дворянъ. Эту цифру можно считать тѣмъ болѣе заслуживающею вниманія, что она сравнительно подтверждается итогомъ родословныхъ книгъ 1829 года. Въ книги эти вошло 7.518 родовъ, по тутъ сопричисляющіеся лица только приписывались, а не упоминались отдѣльно, какъ въ протоколахъ; поэтому на каждый разъ можно смѣло положить по 4 души. Въ итогѣ получится 30.072 лица, признанныхъ русскими дворянами, въ дѣйствительности же нисколько не переставшихъ враждебно относиться къ Россіи и

всему русскому. Въ слѣдующей главѣ мы рассмотримъ второй періодъ борьбы русскихъ началъ съ макіавелизмомъ польскаго шляхетства. Признаки обрусѣнія, какъ всегда у насъ случается, проявляются на первыхъ порахъ, такъ что сила русскаго преобладанія какъ будто вторгается побѣдоносно въ области праждебныхъ польскихъ реакцій, но русское вліяніе опять-таки, какъ всегда, постоянно ослабѣваетъ внослѣдствіи, такъ что у насъ у самихъ послѣ строгихъ практическихъ преобразованій наступаетъ полнѣйшая реакція. Главными событіями предлежащаго періода являются: вооруженный бунтъ 1831 г. и послѣдовавшія за нимъ мѣры правительства, а между ними замѣчательна въ статистическомъ и во многихъ иныхъ отношеніяхъ послѣдняя дворянская перепись 1832 и 1834 годовъ.

И. И. М. Шеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ АНГЛІИ СЪ 1688 ГОДА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

XXIV.

Съ окончаніемъ эпохи великихъ войнъ и громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, казалось, должно было прекратиться и время безостановочныхъ займовъ. Но мы видѣли, что около половины всѣхъ кредитныхъ операций по отверженному государственному долгу Англіи въ 1793—1815 годахъ служило не чрезвычайнымъ военнымъ расходамъ, а погасительному фонду, продолжавшему и послѣ 1815 года дѣйствовать и предъимлять свои громадные требованія. Сверхъ того. эпоха войнъ закончилась при весьма значительномъ неотверженномъ государственномъ долгѣ, который еще предстояло консолидаціею уменьшить, ввести его въ нормальные скромные предѣлы и расчитаться съ Англійскимъ Банкомъ, чтобы возвратомъ сдѣланныхъ у него позаймствованій сдѣлать для него возможнымъ возобновленіе размѣна его кредитныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету.

Изъ этихъ двухъ задачъ сравнительно менѣе труднымъ дѣломъ оказалось приведеніе въ порядокъ неотверженнаго государственнаго долга, потому что оно допускало для ближайшаго времени ограниченіе его предѣлами необходимаго для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Въ этихъ видахъ въ 1818 г. консолидировано билетовъ казначейства на 17.707.200 ф. с., посредствомъ займа въ 3%-ной рентѣ по 128 ф. с. погашаемаго капитала за вносимые въ казну 100 ф. с. наличнаго капитала, или изъ 3,84%, а въ 1820 году консолидировано билетовъ казначейства еще на 7.000.000 ф. с., посредствомъ займа въ 5%-ной рентѣ по 99 за вносимые въ казну 100 ф. с., или изъ 4,05%. Этими путемъ были выкуплены билеты казначейства,

¹⁾ Продолженіе. См. итальяскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

заложенные въ Англійскомъ Банкѣ и ссызававшіе его, а на Банкъ возложена обязанность возобновить размѣнъ его кредитныхъ денежныхъ знаковъ на звонкую монету, что онъ и началъ исполнять съ 1820 г. Засимъ уже не ранѣе 1826 и 1829 гг. консолидація неотвержденнаго долга, да и то лишь на 6.354.650 ф. с., сдѣлаа дальнѣйшій шагъ. благодаря двумъ, заключеннымъ для того, небольшимъ займамъ изъ 4,18% и 4,00%. Такимъ образомъ до 1830 г. для приведенія въ порядокъ неотвержденнаго долга консолидовано билетовъ казначейства на 31.061.850 ф. с. посредствомъ четырехъ займовъ на долговой капиталъ 35.996.040 ф. с. (въ томъ числѣ 3%-ныхъ на 22.456.740 ф. с., 4%-ныхъ на 6.609.300 ф. с. и 5%-ныхъ на 6.930.000 ф. с.) съ ежегодною уплатою безсрочной ренты въ 1.204.574 ф. с., или въ общей сложности изъ 4,1355%, что соответствуетъ реализація 3%-ной ренты по 72,54 за сто.

Гораздо болѣе сложною оказалась задача, возникшая вслѣдствіе того, что къ дѣйствіямъ погасительнаго фонда начало сознательно относиться и общественное мнѣніе: погасительный фондъ началъ созаваться, какъ тягость, и при томъ не только бесполезная, но вредная для благоустройства государственнаго хозяйства и народнаго благосостоянія. Мы видѣли выше, что въ 1813 г. само правительство уже почувствовало себя стѣсненнымъ непосильностью требованій погасительнаго фонда, когда они (по Великобританіи и Ирландіи) дошли до 15.933.746 ф. с. Главною ихъ составною частью въ это время были проценты на выкупленные долги, для каковыхъ процентовъ требовалось въ 1813 году уже 7.276.978 ф. с. Оттого въ 1813 году были приняты мѣры для ограниченія этой именно части отчисленій въ погасительный фондъ. Установленными въ 1813 г. ограниченіями и тѣмъ, что со счетовъ государственнаго долга списывались (cancelled) разныя погашенныя его части, и было достигнуто то, что процентовъ на выкупленные долги отчислено было въ погасительный фондъ: въ 1814 году лишь 4.328.534 ф. с., въ 1815 году только 2.946.569 ф. с., а въ 1816 году даже лишь 1.815.925 ф. с. ¹⁾ Но этотъ результатъ достигнутъ былъ совершенно произвольнымъ образомъ: „признаніемъ“ нѣкоторыхъ изъ суммъ выкупленныхъ долговъ „окончательно“ погашенными и подлежащими списанію (to be cancelled). Въ то же время, однако, не прекращалось ассигнованіе 1% съ ново-заключаемыхъ долговъ; а такъ какъ ихъ съ 1813 г. яви-

¹⁾ Return 1869, II, 286.

лось очень много, то одно это ассигнованіе, дававшее погасительному фонду (Великобританіи и Ирландіи) въ 1813 г. 7.161.442 ф. с., въ 1814 г. даю 8.966.160 ф. с., въ 1815 г. 9.713.948 ф. с., въ 1816 г. 10.638.826 ф. с. и т. д. Вслѣдствіе сего суммы, расходовавшіяся на выкупъ долговъ по биржевой цѣнѣ, хотя нѣсколько и уменьшились послѣ 1813 года, но не очень чувствительно; за счетъ Великобританіи онѣ все еще составляли: въ 1814 г. 13.953.685 ф. с., въ 1815 г. 13.262.020 ф. с., въ 1816 г. 13.047.318 ф. с., въ 1816 г. 13.555.722 ф. с. и въ 1817 г. 14.418.295 ф. с.; за счетъ Ирландіи въ то же время расходовалось еще около 700.000 ф. с. ежегодно.

Изъ-за расходованія этихъ-то суммъ съ 1816 года возгорѣлась ожесточенная борьба между правительствомъ, совѣтъмъ не имѣвшимъ охоты отказаться отъ манипуляцій погасительнымъ фондомъ, и парламентскою оппозиціею, которою въ этомъ дѣлѣ руководилъ Іосифъ Юмъ. Парламентская оппозиція въ этомъ дѣлѣ (какъ въ дѣлѣ о восстановленіи металлическаго денежнаго обращенія) имѣла на своей сторонѣ общественное мнѣніе, потому что предъ погасительнаго фонда нетрудно было представить очень яснымъ и окупительнымъ. По окончаніи войны всѣ были убѣждены, что страну слѣдуетъ облегчить отъ того чрезвычайнаго напряженія, которое она должна была дѣлать, чтобы платить высокіе, многочисленныя, тяжелыя, несправедливыя и вредныя для народнаго благосостоянія налоги, установленныя во время войны. Но эти налоги были нужны совѣтъмъ не только для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ; когда эти расходы исчезли, то правительство рассчитывало на тѣ же налоги, какъ на питательный источникъ для погасительнаго фонда. Оно поэтому весьма неохотно соглашалось на пониженіе или отмену налоговъ, мало удовлетворяя страну дѣлаемыми уступками. Но уступки все-таки приходилось дѣлать. Вслѣдствіе этого въ бюджетѣ оказывалось мало средствъ для ассигнованій погасительному фонду. А вслѣдствіе этого недостатка невозможно было продолжать операціи погасительнаго фонда, не заключая новыхъ займовъ. Но это не могло не казаться дикимъ въ Англіи, гдѣ традиція всего меньше мирилась съ заключеніемъ государственныхъ долговъ въ мирное время, особенно же на большія суммы. Въ странѣ, въ которой еще недавно сотни милліоновъ фунтовъ стерлинговъ по чрезвычайнымъ военнымъ расходамъ покрывались изъ обыкновенныхъ ресурсовъ (налоговъ), конечно, было дико заключать долги для мирной цѣли погашенія долговъ же. А между тѣмъ съ 1817 по 1830 годъ новыми займами реализованъ значительный капиталъ

123.496.446 ф. с. Подробности объ отдѣльных займахъ, заключенныхъ въ это время, нами сведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годъ займа.	Реализованный капиталъ.	Долговременные аннуитетны капиталъ безсрочной ренты.				Годовой платежъ ренты.
		3%-ной.	3 1/2%-ной.	4%-ной.	5%-ной.	
1817	3.193				3.193	159
1818	3.692				3.692	184
	3.000.000	—27.272.000	+27.272.000		—	136.360
	9.717.672	12.438.620	—		—	373.159
	17.707.200	22.456.740	—		—	673.702
1819	12.000.000	17.152.000			—	514.560
	12.000.000	17.152.000			—	514.560
	923				923	46
1820	5.000.000	7.110.000			—	213.300
	12.000.000	17.064.000	—		—	511.920
	7.000.000	—			6.930.000	346.500
1821	13.000.000	16.296.875	596.116		—	509.770
	461.538			461.538	—	18.462
1822	7.500.000	9.339.687			—	280.190
1826	4.668.878			4.995.700	—	192.828
	3.354.650			3.564.300	—	142.572
1829	3.000.000			3.045.000	—	121.800
1823	110.417.746	91.737.923	27.868.116	12.066.538	6.937.808	4.550.072
	13.078.700	съ срочнымъ аннуитетомъ на 45 лѣтъ				585.740
	123.496.446	для ссуды Ост-Индской				70.970
					2.365.655	

На основаніи этихъ данныхъ нами вычислены ростъ реализаціи каждого займа и соответственный (паритетный) курсъ реализаціи 3%-ной ренты, и эти вычисления сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годъ займа.	Реализованный капиталъ.	Ростъ реализаціи.	Курсъ 3%-ной ренты.	Годъ займа.	Реализованный капиталъ.	Ростъ реализаціи.	Курсъ 3%-ной ренты.
1818	3.000.000	4,545	66,—	1820	12.000.000	4,266	70,323
	9.717.672	3,840	78,124	"	7.000.000	4,950	66,667
	17.707.200	3,840	78,124	1821	13.000.000	3,913	76,867
1819	12.000.000	4,268	69,962	1822	7.500.000	3,736	80,299
	12.000.000	4,268	69,962	1826	4.668.878	4,130	72,639
	5.000.000	4,266	70,323	"	3.354.650	4,130	72,639
1820	12.000.000	4,266	70,323	1829	3.000.000	4,060	73,892
				1823	110.417.746	4,121	72,802
					13.078.700	4,132	—
					123.496.446	4,122	72,782

Для полноты нашего списка мы не могли не включить въ него и упомянутыхъ уже выше займовъ на долговой капиталъ 35.996.040 ф. с. для консолидаціи неотвержденнаго государственнаго долга на 31.061.850 ф. с. Но если даже исключить эти займы, то все еще, и кромѣ нихъ, остается реализованнаго капитала 79.355.896 ф. с., для котораго заключено безсрочныхъ долговъ на 102.614.345 ф. с. съ ежегодною по нимъ рентою въ 3.266.498 ф. с. и, сверхъ того, еще срочный долгъ доставилъ 13.078.700 ф. с. отчужденіемъ на 45 лѣтъ ежегоднаго платежа въ 585.740 ф. с. Еще больше впечатлѣнія, чѣмъ самый фактъ займовъ, заключаемыхъ во время мира, не могли не производить обстоятельства, сопровождавшія нѣкоторые займы. Такъ, въ составъ приведеннаго выше списка заключенныхъ въ 1817—1830 гг. займовъ входятъ 4 займа, по коимъ реализованный капиталъ былъ 44.000.000 ф. с., а долговой (погашаемый) 59.852.562 ф. с., съ ежегодною уплатою интересовъ въ размѣрѣ 1.795.577 ф. с. ¹⁾, каковыя четыре займа совсѣмъ не были реализованы на открытомъ рынкѣ, а *всецѣло были заключены у погасительнаго же фонда*. Иными словами: чтобы снабдить фондъ ресурсами для выкупа государственнаго долга, эти ресурсы занимали у фонда же, такъ что *онъ выкупилъ долгъ, заключенный у него же*. Или еще иначе: такъ какъ у фонда не было достаточно средствъ для выкупа большихъ суммъ реальныхъ государственныхъ долговъ, то суммы выкуповъ раздувались созданіемъ фиктивныхъ государственныхъ долговъ, которые, конечно, фонду нетрудно уже было выкупать даже и совсѣмъ безъ всякихъ средствъ. Эти займы были своего рода компромиссомъ, между правительствомъ, не желавшимъ допускать сильнаго сокращенія операцій погасительнаго фонда, и болѣе уступчивыми его противниками, соглашавшимися на то, чтобы операціи фонда были фиктивными на тѣ части, на которыя правительство ихъ не хотѣло сократить. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ парламентѣ происходили пренія объ этомъ предметѣ, серьезно обсуждались юридическія и иныя основанія для фиктивныхъ операцій погасительнаго фонда, якобы для нихъ заключались займы, на средства отъ нихъ производились обороты, и эти обороты заносились по бухгалтерскимъ книгамъ, какъ относящіеся къ погашенію государственнаго долга. Очень характерна также для духа финансоваго управленія того времени обстановка, при которой въ 1823 г. былъ заключенъ у Англійскаго Банка довольно значительный срочный (45-ти

¹⁾ Report 1890, p. 21.

лѣтній) заемъ. Операцию по этому займу финансовое управленіе того времени предприняло первоначально и представило парламенту, совѣсть не какъ заемъ, а какъ начало очень выгодной сдѣлки, отъ которой казна весьма много будто бы должна была выгадать. А именно, правительство тогда расходовало ежегодно до 4.900.000 ф. с. на воинскія пенсіи, и вычислено было, что ихъ капитализованная стоимость равна капитализованной стоимости 45-лѣтняго аннуитета въ 2.800.000 ф. с.; постепенная продажа этого аннуитета по частямъ давала поэтому средства для расхода на пенсіи и въ то же время давала казнѣ экономію въ 2.100.000 ф. с. Изъ аннуитета въ 2.800.000 ф. с. удалось, однако, дѣйствительно продать только 585.740 ф. с., которые купилъ въ 1823 г. Англійскій Банкъ за 13.089.419 ф. с., но съ такою продолжительною расркою этой суммы (съ 15-го апрѣля 1823 г. до 15-го юля 1828 г.), что при учетѣ ко времени заключенія сдѣлки дѣйствительная стоимость аннуитета опредѣлялась въ 11.883.174 ф. с.¹⁾; а при такомъ реализованномъ капиталѣ, при аннуитетѣ въ 585.740 ф. с. и при срокѣ въ 45 лѣтъ, ростъ реализаціи сдѣлки опредѣляется въ 4,1221%. Финансовый комитетъ сэра Генри Парнелля въ 1828 г., выяснивъ ошибочность основаній, на которыхъ операція была построена, впервые выѣстъ съ тѣмъ раскрылъ глаза англійской публикѣ и на то, что какими бы намѣреніями ни задавались, предпринимая ее, это во всякомъ случаѣ не мѣшало операціи быть займомъ, который приходится только считать замаскированнымъ, если его не хотѣли считать явнымъ.

Естественно, конечно, что когда обстоятельства стали складываться такъ неблагопріятно для снабженія погасительнаго фонда обильными ресурсами, то и эти операціи должны были тоже принять болѣе скромные размѣры. Предварительныя рассмотрѣнія данныхъ о нихъ, мы должны опредѣлить критерій для сужденія объ ихъ выгодности или убыточности, то-есть, установить, сколько правительство должно было платить на открытомъ рынкѣ, когда оно въ разсматриваемое время посредствомъ займовъ добывало наличные капиталы. Изъ нашего списка займовъ 1817—1830 годовъ и сдѣланныхъ на его основаніи вычисленій видно, что по вѣсьмъ безсрочнымъ займамъ 1817—1830 гг. реализовано 110.417.746 ф. с., при нарицательномъ капиталѣ долга 138.610.385 ф. с. и ежегодномъ расходѣ на уплату интересовъ въ 4.550.072 ф. с., что въ общей сложности составляетъ

¹⁾ Return 1869, II, 516—519.

4,12¹/₂% и равносильно реализаціи 3⁰/₁₀-ной ренты по 72,202 за сто ¹). Но мы знаемъ, что въ томъ числѣ были: переныхъ, займы для консолидаціи билетовъ казначейства на 31.061.850 ф. с., съ нарицательнымъ капиталомъ долга въ 35.996.040 ф. с. и ежегоднымъ расходомъ на уплату интересовъ въ 1.283.574 ф. с., а, повторныхъ, займы у погасительнаго фонда съ реализованнымъ капиталомъ въ 44.000.000 ф. с., съ нарицательнымъ капиталомъ въ 59.852.562 ф. с. и съ ежегоднымъ расходомъ на уплату интересовъ въ 1.795.577 ф. с. Вычти эти два рода займовъ, какъ могущіе только сбивать наше сужденіе, у насъ остается отъ безсрочныхъ займовъ разсматриваемой эпохи реализованный капиталъ 35.355.896 ф. с., при нарицательномъ (долговомъ) капиталѣ 42.761.783 ф. с., по которому для уплаты годовыхъ интересовъ требовалось 1.470.921 ф. с., а это составляетъ 4,16⁰/₁₀% на реализованный капиталъ и равносильно реализаціи 3⁰/₁₀-ной ренты по 72,110 за сто. Если же мы еще примемъ во вниманіе, что срочнымъ займомъ 1823 г. реализованъ капиталъ въ 11.883.174 ф. с., по которому для уплаты интересовъ изъ 4,122⁰/₁₀% требовалось 491.032 ф. с., то всего по реализованному на открытомъ рынкѣ наличному капиталу въ 47.239.070 ф. с. требовалось для годовыхъ интересовъ 1.961.953 ф. с., или 4,158⁰/₁₀%, что равносильно реализаціи 3⁰/₁₀-ной ренты по 72,222 за сто. каковой курсъ мы и примемъ основаніемъ нашихъ сравненій при сужденіи объ операціяхъ погасительнаго фонда въ 1817—1829 гг.

Для сужденія же этого мы беремъ изъ свѣдѣній объ оборотахъ погасительнаго фонда только данныя о суммахъ, дѣйствительно (а не только на бумагѣ, по бухгалтерскимъ книгамъ) израсходованныхъ для выкупа по биржевымъ цѣнамъ разныхъ видовъ безсрочной ренты. Иначе говоря, мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ суммы, которыя показываются якобы израсходованными изъ ресурсовъ погасительнаго фонда для участія его въ новыхъ государственныхъ займахъ, каковыя займы считаются якобы однородными съ долгами, выкупленными на биржѣ. Эти фикціи мы будемъ имѣть въ виду отдѣльно. Хотя въ тѣ времена фикція и сливалась съ дѣйствительностью, но этого не признали возможнымъ дѣлать даже при изданіи историческихъ матеріаловъ о той эпохѣ, и наши источники опредѣленно показываютъ въ разныхъ

¹) Если считать и по займамъ 1817—1829 гг. тѣ же реализаціонныя выгоды которыя мы считали для займовъ 1793—1816 гг., то реализаціонная стоимость безсрочной ренты займамъ 1817—1829 гг. опредѣляется въ 106.718.577 ф. с., чему соответствуетъ ростъ въ 4¹/₁₀%, или курсъ 3⁰/₁₀-ной ренты въ 69⁰/₁₀ за сто.

столбцахъ дѣйствительные и фиктивные обороты, выкуны по вольной цѣнѣ и „участіе въ новыхъ государственныхъ займахъ“. Тѣмъ легче и намъ держаться на почвѣ реальныхъ явленій. Данныя по Великобританіи за 1817—1829 гг. (продолжающія тѣ, которыя выше были приведены за 1793—1816 гг.) ¹⁾ изложены въ слѣдующей таблицѣ выѣстъ съ относящимися къ нимъ вычисленіями, нами сдѣланными на ихъ основаніи.

Годы.	Плательный капиталъ, въ расходъ для выкуновъ.	Паричазельный капиталъ долга выкупленного.	Выкупленная годовая рента.	Ростъ на израсходованный капиталъ.	Выкупная стоимость 3% ренты.
1817	13.565.722	17.649.791	529.494	3,908	76,805
1818	14.418.295	18.246.033	556.923	3,902	77,067
1819	9.285.677	12.680.014	388.620	4,185	71,681
1820	4.101.025	5.904.115	188.041	4,565	65,436
1821	4.160.835	5.496.424	167.399	4,033	74,567
1822	3.552.324	4.869.519	184.084	3,773	79,509
1823	3.019.379	3.716.358	112.909	3,789	89,325
1824	3.432.505	3.643.725	109.394	3,187	94,133
1825	2.272.593	2.515.410	76.196	3,253	89,477
1826	1.541.426	1.919.956	58.694	3,808	78,786
1827	4.529.219	5.337.493	160.994	3,555	84,008
1828	3.868.323	4.461.664	136.077	3,583	85,173
1829	1.212.486	1.332.391	42.677	3,520	85,323
1817—29	68.944.809	87.292.893	2.661.452	3,960	77,715

Общій результатъ этихъ данныхъ тождественъ съ выясненнымъ уже выше: когда правительство занимало наличные капиталы, оно за нихъ уплачивало 4,183%; когда оно эти же деньги расходовало на выкупъ долговъ и отдавало биржѣ тѣ же деньги, которыя биржа ему дала за 4,183%, то биржа сама же соглашалась за нихъ платить лишь 3,866%. Для погасительнаго фонда деньги были дорожже, чѣмъ для биржи, на 0,322%. Когда правительство реализовало 3%-ную ренту, то оно ее продавало по 72,322 за сто; при обратномъ выкупѣ правительство за ту же ренту уплачивало уже 77,715 за сто, переплачивая по 5,483 ф. ст. на всякую сотню ф. ст. выкупаемаго долга.

Приведенныя данныя показываютъ, что уже въ 1819 году у погасительнаго фонда сильно уменьшились средства, которыми онъ располагалъ для реальныхъ выкуновъ государственнаго долга по биржевой цѣнѣ. Объясняется это тѣмъ, что парламентская война противъ фонда къ тому времени успѣла уже сдѣлать нѣкоторыя, не лишеныя

¹⁾ Report 1890, pp. 38—39.

важности, успѣхи. Подробности дѣла становились все яснѣе; чрезвычайность и непосильность требованій погасительнаго фонда все менѣе и менѣе возбуждали споры. На погасительный фондъ начинали смотрѣть, какъ на язву, подтачивающую силы государственнаго хозяйства. Въ одной изъ парламентскихъ рѣчей по этому поводу было, между прочимъ, сказано, что споръ о погасительномъ фондѣ есть споръ о томъ, кто кого съѣсть: или фондъ сожретъ бюджетъ, или бюджетъ поглотитъ погасительный фондъ. Въ 1819 г. палата общинъ приняла резолюцію, что, въ виду желательности уменьшеніемъ государственнаго долга поддержать публичный кредитъ и оградить страну надеждою на уменьшеніе обременяющихъ ее тягостей, безусловно необходимо, чтобы бюджетъ располагалъ избыткомъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 5.000.000 ф. ст. Цѣль резолюціи клонилась: во-первыхъ, къ ограниченію требованій фонда суммою 5.000.000 ф. ст. (вмѣсто 15½ мил., которыя на 1819 г. требовало правительство) и, во-вторыхъ, къ обезпеченію правильнаго источника для этихъ 5.000.000 ф. ст., то-есть, чтобы уменьшеніе государственнаго долга производилось на средства отъ избытковъ ординарнаго бюджета, а не отъ займовъ. Въ слѣдующіе затѣмъ 4 года, однако, правительство продолжало еще по прежнему дѣйствовать, прибѣгая къ фиктивнымъ займамъ у погасительнаго фонда, чтобы на средства отъ нихъ производить фиктивные выкупы государственнаго долга, нарочно для этихъ выкуповъ созданнаго. Въ 1823 году, однако, парламентъ (при новомъ канцлерѣ казначейства, Робинзонѣ) рѣшился уже на болѣе рѣшительный шагъ: изданъ законъ (4 Geo. IV cap. 19), обезпечивавшій болѣе точное исполненіе резолюціи 1819 года; въ этихъ видахъ дальнѣйшее начисленіе процентовъ на долги, выкупленные до 1823 года, должно было совсѣмъ прекратиться; отчисленія въ погасительный фондъ ограничивались суммою 5.000.000 ф. ст.; на выкупленные съ 1823 года долги допускалось отчисленіе процентовъ только до образованія имъ 1% на сумму консолидированнаго и неотвѣржденнаго государственнаго долга, состоявшаго непогашеннымъ въ 1823 году. Прошло еще нѣкоторое время, и общественное мнѣніе сдѣлало новые успѣхи въ вопросѣ о погасительномъ фондѣ. Въ этомъ отношеніи большія заслуги въ Англіи признаются за лордомъ Гренвиллемъ, издавшимъ въ 1827 году разсужденіе о погасительномъ фондѣ, произведшее сильное впечатлѣніе. Лордъ Гренвилль могъ себя считать компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ особенно потому, что онъ пережилъ всѣ его перипетіи съ 1786 года: увлекался идеями Фрейсса вмѣстѣ съ Пит-

томъ и постепенно разочаровывался въ своею увлеченіи. Комитетъ, разсматривавшій въ 1827 году финансовые отчеты, въ своемъ докладѣ отъ 10 іюля 1828 года нанесъ послѣдній смертельный ударъ Питтовскому погасительному фонду, обстоятельно выяснивъ, что существуетъ только одна правильная система погашенія государственныхъ долговъ. а именно—система, дѣйствующая избытками обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ всѣми, обыкновенными и чрезвычайными, государственными расходами, что только по этой системѣ возможно дѣйствительное уменьшеніе государственной задолженности, а всякое иное — лишь воображаемое. Авторитетъ председателя комитета, сэра Генри Парнелля, представившаго этотъ докладъ, былъ слишкомъ вѣсикъ, чтобы докладъ остался безъ послѣдствій. Поэтому уже въ 1828 году канцлеръ казначейства Гаульборнъ, заявивъ въ своей бюджетной рѣчи, что онъ не расчитываетъ располагать избыткомъ, превышающимъ 3.000.000 ф. ст., просилъ о соответственномъ измѣненіи закона 1823 года, чтобы онъ вправѣ былъ употребить для уменьшенія государственнаго долга только эти три милліона фунтовъ стерл. Прошелъ еще годъ, и новый законъ (10 Geo. IV сар. 27) сдѣлалъ послѣдній шагъ, совсѣмъ покончивъ счеты съ Питтовскимъ погасительнымъ фондомъ. Законъ этотъ совершенно отказывается опредѣлить какую бы то ни было сумму обязательнаго ежегоднаго расхода на уменьшеніе государственнаго долга, но вмѣсто сего устанавливать, что въ теченіе 30 дней по окончаніи каждой четверти года составляется счетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за истекшіе 12 мѣсяцевъ, и если окажется избытокъ доходовъ надъ расходами, то четверть его передается комиссарамъ погашенія государственнаго долга, которые могутъ его употребить на выкупъ всѣхъ видовъ отвержденнаго и неотверженнаго государственнаго долга; выкупленные долги тотчасъ же списываются со счетовъ, и никакое начисленіе процентовъ на выкупленные долги уже не допускается.

Такимъ образомъ обороты Питтовскаго погасительнаго фонда печально закончились вслѣдствіе признанія, что они были бесполезны и основывались на ошибочныхъ началахъ. Англія сдѣлала второй опытъ съ погашеніемъ государственныхъ долговъ также неудачно, какъ и первый свой опытъ чрезъ посредство Вольполевскаго погасительнаго фонда.

Неудача Вольполевскаго фонда происходила отъ того, что ему не давали тѣхъ средствъ, которыя ему обѣщали, по которымъ государственное хозяйство не располагало. Поэтому Вольполевскій погаси-

тельный фондъ свыше полустолѣтн влчилъ жалкое существованіе, бездѣйствуя и не будучи въ состояніи ничего сдѣлать для уменьшенія государственной задолженности. Неудача Питтовскаго погасительнаго фонда была противоположнаго свойства. Онъ просуществовалъ со 2-го августа 1786 до 5 іюля 1829 года, съ вѣншней стороны обставленный самымъ блестящимъ образомъ, какъ любимое дѣтище финансоваго управленія, которое хорошо питали, холили и оберегали, которое постоянно стояло на перпомъ планѣ. И все-таки онъ также точно, какъ Вольполевскій погасительный фондъ, оказался паразитомъ на тѣлѣ государственнаго хозяйства, котораго силы онъ подтачивалъ, которому непосильно было его бремя и которое должно было поэтому его сбросить съ себя во имя самосохраненія. Государственное хозяйство не располагало тѣми избытками обыкновенныхъ доходовъ надъ всѣми обыкновенными и чрезвычайными государственными расходами, которые одни только могли служить для уменьшенія государственной задолженности, и оттого Питтовскій погасительный фондъ былъ для него такимъ же непосильнымъ бременемъ, какъ и Вольполевскій.

Чтобы подвести итоги оборотовъ Питтовскаго погасительнаго фонда, намъ приходится пользоваться двумя официальными источниками, которые не совсѣмъ совпадаютъ въ своихъ показаніяхъ, но зато разясняютъ различныя стороны предмета, одинаково существенныя. По одному источнику ¹⁾, общій итогъ средствъ, отпущенныхъ Питтовскими погасительными фондами Великобританіи и Ирландіи за все время ихъ дѣйствія, достигалъ 336.894.890 ф. с. и слагался: изъ разнаго рода смѣтныхъ ассигнованій, періодически отпускавшихся фондамъ въ установленномъ размѣрѣ чрезъ каждые три мѣсяца и составившихъ 73.294.278 ф. с., изъ ежегоднаго 1%-наго отчисленія по новымъ заключеннымъ съ 1793 года займамъ 166.473.919 ф. с., процентовъ на выкупленные долги 91.047.789 ф. ст., поступившихъ въ распоряженіе фонда аннуитетовъ на опредѣленные сроки 4.047.789 ф. с., невостребованныхъ процентовъ 1.075.524 ф. с. и, наконецъ, отъ дареній и отказовъ 70.371 ф. с. По другому источнику ²⁾, тотъ же общій итогъ средствъ погасительныхъ фондовъ Великобританіи и Ирландіи достигалъ 336.899.551 ф. с., въ томъ числѣ 325.259.960 ф. с. по Великобританіи и 11.639.591 ф. с. по Ирландіи. Изъ означеннаго итога употреблено на реальный выкупъ долговъ по биржевой

¹⁾ Return 1869, II, 718.

²⁾ Report 1890, pp. 37—41.

цѣнѣ 276.603.925 ф. с. (въ томъ числѣ по Великобританіи 265.614.793 ф. с.); затѣмъ 44.500.000 ф. с. выражаютъ сумму, на которую погасительные фонды участвовали своими средствами въ новыхъ государственныхъ займахъ; на 8.951.186 ф. с. средства ихъ были отвлечены для операций по конверсіямъ 1822 и 1824 гг., о которыхъ ниже еще будетъ рѣчь; 6.843.981 ф. с. израсходованы на платежи по застрахованнымъ въ 1808 — 1829 гг. у комиссаровъ погашенія государственнаго долга пенсіямъ и инымъ доходамъ, взамѣнъ конхъ комиссары получили въ свое распоряженіе капиталы безсрочной ренты, списанные съ государственнаго долга; наконецъ, 459 ф. с. израсходованы на разные предметы. Изъ всѣхъ этихъ расходовъ только 6.843.981 ф. с., израсходованные на платежи по пенсіямъ, и 459 ф.

на разные предметы лишь косвенно служили для уменьшенія капитала государственнаго долга; остальные же суммы, прямо этой задачѣ служившія, достигали 330.055.111 ф. с. По другому нашему источнику, изъ 336.894.890 ф. с. прямо служили на выкупъ долговъ 330.055.111 фунт. стерл. Но понятіе о „выкупѣ“ долговъ тогда бралось въ довольно растянутаго смысла: выкупъ былъ и реальный, естественный, и раздутый, искусственный. Всѣхъ долговъ было выкуплено по одному источнику 482.312.249 ф. с., а по другому источнику 483.183.803 ф. с. Источникъ, показывающій 482.312.249 ф. с., даетъ возможность ясно разобраться въ составѣ этой суммы. Изъ нея собственно реальныхъ государственныхъ долговъ, реально же выкупленныхъ, по реальнымъ же цѣнамъ, было лишь на 413.852.354 ф. с. (въ томъ числѣ 400.447.123 ф. с. за счетъ Великобританіи и 13.405.231 ф. с. за счетъ Ирландіи); затѣмъ на 60.448.678 ф. с. было „заключено“ долговъ у погасительныхъ фондовъ, то-есть, на дѣлѣ эти долги существовали только въ бухгалтерскихъ книгахъ, и потому ихъ „заключеніе“ было одновременно и ихъ „выкупомъ“; на 6.149.246 ф. с. было уменьшеній капитала долговъ въ связи съ операциями по конверсіямъ; наконецъ, на 2.034.345 ф. с. списанъ капиталъ долга по расчетамъ съ Остъ-Индской компаніею. Слѣдовательно, собственно реальные обороты по выкупу состояли въ томъ, что за наличный капиталъ 276.603.925 ф. с. выкупленъ нарицательный капиталъ долговъ въ 413.852.354 ф. с., по коему ежегодные интересы составляли 12.627.065 ф. с.; затѣмъ всякаго рода искусственные обороты потребовали 59.295.626 ф. с. для погашенія долговаго капитала въ 68.312.249 ф. с. ¹⁾).

¹⁾Report 1890, *ibidem*.

Если считать только реальные обороты по выкупу, то израсходованный по нимъ наличный капиталъ имѣлъ доходность въ 4,588%; этому соответствуетъ выкупъ 3⁰/₁₀-ной ренты по 65,400 за сто.

Но мы должны считаться со всею совокупностью оборотовъ погасительныхъ фондовъ, хотя бы и для того лишь, чтобы, подводя итоги прошлаго, не отказываться отъ разсмотрѣнія его и въ томъ прихорошенномъ, подрямленномъ видѣ, въ которомъ оно красовалось въ свое время, желало представиться и будущему. Посмотримъ, что оно показывается въ такомъ, болѣе благоприятномъ для него видѣ.

Не исходя поэтому въ подробный разборъ состава итога оборотовъ погасительныхъ фондовъ, мы примемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ показывають тотъ изъ нашихъ источниковъ ¹⁾, который, дѣлая различіе между реальными и фиктивными оборотами, показывается лишь, что за все время дѣйствія погасительныхъ фондовъ наличнымъ капиталомъ 330.050.455 ф. с. погашено государственныхъ безсрочныхъ долговъ на нарицательный капиталъ 483.183.803 ф. с., по которымъ безсрочная ежегодная рента составляла 14.795.651 ф. с., или 4,476% на ея покупную стоимость. Если оставить въ сторонѣ дѣйствія погасительнаго фонда Великобританіи въ первое его (мирное) время 1786—1792 гг., то обороты въ 1793—1829 гг. останавливаютъ на себѣ вниманіе уже потому, что во все это продолжительное время былъ лишь одинъ годъ (1817), въ которомъ не было заключено займа, но лишь консолидированнаго, ибо неотверженный долгъ и въ этомъ году увеличился. Обозрѣвая за время 1793—1829 гг. операции погасительныхъ фондовъ въ связи съ операціями по заключенію отверженныхъ долговъ, мы можемъ слѣдующимъ образомъ кратко свести всѣ обороты и ихъ результаты. Въ 1793—1829 гг. было безсрочныхъ долговъ

	За наличный капиталъ.	Безсрочная рента.	Долговой капиталъ.	Дѣйствит. ростъ.
Заключено.	670.264.482 ²⁾	35.301.392	1.052.536.700	5,1444%
Погашено.	321.902.824	14.488.388	472.941.703	4,1109%
Осталось изъ нихъ.	348.361.658	20.813.004	579.594.997	5,0718%

Данныя эти, прежде всего, раскрываютъ тотъ основной фактъ, что изъ реализаціонной дѣйствительной стоимости выпущенныхъ въ 1793—

¹⁾ Return 1869, ibidem.

²⁾ Сумма эта составляетъ итогъ показанныхъ уже выше суммъ реализаціонной стоимости безсрочныхъ рентъ: по займамъ 1793—1816 гг. (563.545.905 ф. с.) и 1817—1829 гг. (108.718.577 ф. с.).

1829 гг. безсрочныхъ рентъ, которую только и можно правильно противопоставлять выкупной стоимости тѣхъ же рентъ, почти половина (321.902.824 ф. с. изъ 670.264.482 ф. с., слѣдовательно болѣе 48%) израсходована на обороты погасительнаго фонда. Это показаніе совпадаетъ съ показаніемъ и бюджетныхъ отчетовъ¹⁾. Отсюда мы вправе заключить, что почти половину суммъ, израсходованныхъ въ 1793—1829 гг. на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, заключеннымъ съ 1793 г., слѣдуетъ считать расходами, которые были прямо вызваны существованіемъ погасительныхъ фондовъ и безъ нихъ составъ не обременили бы бюджетовъ. Далѣе, изъ приведенныхъ данныхъ о суммахъ, на которыя въ 1793—1829 гг. безсрочные долги увеличились отъ новыхъ займовъ и уменьшились отъ операций погасительныхъ фондовъ, видно, что при первоначальномъ заключеніи займовъ выпущенныя безсрочныя ренты на сумму 35.301.392 ф. с. имѣли реализаціонную стоимость 670.264.482 ф. с., составляя 5,2668% на наличный капиталъ; когда же часть безсрочныхъ рентъ въ 14.488.388 ф. с. была погашена погасительными фондами, то за нихъ было заплачено 321.902.824 ф. с., при чемъ ренты уже составляли лишь 4,6109% на ихъ выкупную стоимость. Послѣдствіемъ же этихъ убыточныхъ операций было то, что въ обращеніи осталось (невыкупленныхъ) безсрочныхъ рентъ 20.813.004 ф. с. на долговой капиталъ 579.594.997 ф. с., которыхъ реализаціонная стоимость составляла 348.361.658 ф. с., то-есть, которые составляли же 5,9746% своей стоимости, вмѣсто первоначальныхъ 5,2668%, или, иначе говоря: стоимость добытыхъ казною капиталовъ, отягощенная убытками отъ операций погасительнаго фонда, удорожилась на 0,7078%, почти на $\frac{3}{4}\%$. Когда означенные 348.361.657 ф. с. были первоначально добыты займами изъ 5,2668%, то они требовали ежегоднаго расхода въ 18.347.462 ф. с.; а благодаря операциямъ погасительнаго фонда, расходъ по нимъ возросъ до 20.813.004 ф. с., увеличившись на 2.465.542 ф. с. Тѣ самыя 321.902.824 ф. с., за которые казна обязалась, при первоначальномъ полученіи ихъ отъ займовъ, ежегодно уплачивать 5,2668%, или 16.953.930 ф. с., такъ были употреблены, что доходъ отъ нихъ былъ лишь

¹⁾ Поступленія отъ консолидированныхъ займовъ и расходы на ихъ погашеніе составили по бюджетнымъ отчетамъ: въ 1793—1816 гг. 617.130.484 ф. с. и 203.454.675 ф. с., а въ 1817—1829 годахъ 123.496.055 ф. с. и 128.387.027 ф. с.; слѣдовательно, всего въ 1793—1829 годахъ поступленій 740.626.539 ф. с. и расходовъ 331.741.702 ф. с., то-есть, расходы на погашеніе оставляли 45%, всѣхъ поступленій отъ консолидированныхъ займовъ.

14.488.388 ф. с., или расходъ былъ болѣе прихода по нимъ на тѣ же 2.465.542 ф. с. Когда правительство первоначально заключало займы 1793—1829 гг., то безсрочною рентою въ 14.488.388 ф. с. оно могло добыть наличный капиталъ въ 275.090.000 ф. с.; для выкуна же безсрочныхъ рентъ въ 14.488.388 ф. с. изъ погасительнаго фонда израсходовано 321.902.824 ф. с., или болѣе, чѣмъ ими выручено, на 46.812.824 ф. с.

Значеніе убытковъ отъ операций погасительнаго фонда можно было бы вполне выяснитъ лишь опредѣленіемъ убытка каждаго года начисленіемъ на убытокъ каждаго года сложныхъ процентовъ за послѣдующіе годы и соединеніемъ полученныхъ суммъ въ одинъ общій итогъ. Но для этого нужно было бы произвести счетную работу, гораздо болѣе значительную, чѣмъ заслуживаетъ ея результатъ. Поэтому уместно въ семь случаевъ довольствоваться приблизительнымъ вычисленіемъ. Мы видѣли, что за все время 1793—1829 гг. расходы по невыкупленнымъ (оставшимся въ обращеніи) безсрочнымъ займамъ отъ операций погасительнаго фонда возросли на 2.465.542 ф. с. въ годъ. Допустимъ, что въ среднемъ за все время 1793—1829 гг. это увеличеніе годоваго расхода составляло лишь 1.000.000 ф. с. Въ такомъ случаѣ убытокъ за 37 лѣтъ со сложными на него 6% составилъ 126.268.000 ф. с.; если считать 5½%, то онъ составлялъ 112.637.000 ф. с.; а при 5% онъ составилъ 100.628.000 ф. с.

Однако, это еще не вся потеря, понесенная страной вслѣдствіе операций погасительнаго фонда. Выше мы видѣли, что почти половина поступленій отъ консолидированныхъ займовъ въ 1793—1819 гг. употреблена для расходовъ на ихъ погашеніе. Очевидно, въ такомъ случаѣ, что и около половины всѣхъ государственныхъ расходовъ того же времени на уплату интересовъ по долгамъ, заключеннымъ съ 1793 г., должно отнести на счетъ погасительнаго фонда. Расходы на платежи по государственнымъ долгамъ составили въ 1793—1829 годахъ 903.401.602 ф. с. Въ томъ числѣ по даннымъ финансоваго комитета, рѣшившаго участь Питтовскаго погасительнаго фонда, на долги, заключенные до 1793 г., можно отсчитать 348.250.000 ф. с. Остается расходовъ на интересы по долгамъ, заключеннымъ въ 1793—1829 гг., по даннымъ неисполненныхъ бюджетовъ этого времени, 555.146.670 ф. с. Если 47% всѣхъ поступленій отъ новыхъ займовъ 1793—1829 гг. послужили для Питтовскаго погасительнаго фонда, построеннаго по идее докторъ Шрейсса, то и 47% расходовъ по означеннымъ долгамъ должны быть признаны расходами для означеннаго фонда, и

только имъ вызванными. А эти 47%, расходовъ составляютъ 260.919.000 ф. с. Такимъ образомъ, тѣ самыя суммы, операціи которыми нанесли странѣ прямой убытокъ въ 100—128 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, еще стоили странѣ 260 милліоновъ. Поэтому мы можемъ сказать, что осуществленіе идей доктора Прейсса стоило Англіи прямого убытка въ 360—390 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

И, сверхъ того, еще этотъ опытъ „умищненія“ государственныхъ долговъ оставилъ и будущему печальное наслѣдіе. Въ 1829 году расходы по государственному долгу составляли въ англійскомъ бюджетѣ 29.000.000 ф. с.; если даже отсчитать изъ нихъ 9.000.000 ф. с. на долги, заключенные до 1793 г., то на долги, заключенные въ 1793—1829 гг., остается 20.000.000 ф. с., изъ которыхъ 47% составляютъ 9.400.000 ф. с., выражающихъ печальное наслѣдіе, полученное Англіею отъ Ниттовскаго погасительнаго фонда въ видѣ постоянной ежегодной тягости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Періодъ уменьшенія государственной задолженности Англіи. (1831—1890).

XXV.

Какъ извѣстно, Англія послѣ 1815 г. сдѣлалась самымъ мирнымъ изъ большихъ европейскихъ государствъ, гораздо болѣе мирнымъ, чѣмъ она же была до 1815 г. Этого требовали не только ея коммерческіе и промышленные интересы, но и политическіе. Наполеоновскія войны были послѣдними большими войнами, въ которыя Англія не только вооруженною силою завоевала территорію своего могущества, экономического и политическаго, но не должна была щадить для этого никакихъ жертвъ, какъ бы онѣ ни были велики. Послѣ 1815 г. эта необходимость прекратилась, и ее замѣнила задача сохранить пріобрѣтенное, преимущественно со второй половины XVIII вѣка (въ 1740—1815 годахъ)¹⁾. Конечно, и послѣ 1815 г. Англія пользовалась всякимъ представлявшимся случаемъ для увеличенія ея могущества; но центр тяжести ея политическихъ интересовъ заключался не въ этомъ уве-

¹⁾ Ср. *Seely*, The expansion of England, особенно первая глава.

личеніи, а въ томъ, чтобы прибрѣтенное въ прошлое не уменьшилось.

Этимъ съ 1815 г. опредѣляется для всего XIX столѣтія характеръ тѣхъ основныхъ финансовыхъ данныхъ, которые служатъ намъ точкою отправленія,—данныхъ о соотношеніи между обыкновенными и чрезвычайными финансами. Завоеваніе—явленіе чрезвычайное, своею тягостію главѣйшее падающее на чрезвычайные же финансовые ресурсы. Напротивъ, охрана завоеваннаго, забота о его удержаніи въ неприкосновенной цѣлости, ни на одно мгновеніе не должна прекращаться и поему должна сдѣлаться повседневною, непрекращающеюся, обычною, всецѣло падающею на обыкновенные финансовые ресурсы. И чѣмъ болѣе трудно это повседневное дѣло, чѣмъ крупнѣе финансовыя жертвы, имъ требуемыя, тѣмъ сильнѣе заключающееся въ немъ естественное противодѣйствіе, встрѣчаемое наклонностію и стремленіями къ новымъ чрезвычайнымъ военнымъ дѣйствіямъ и расходамъ, даже когда обстоятельства имъ благоприятствуютъ. Этимъ объясняется раскрываемый намъ финансовою исторіею Англіи любопытный фактъ ¹⁾, что тогда какъ со времени войны за Австрійское наслѣдство до конца Наполеоновскихъ войнъ, или въ 77 лѣтъ съ 1740 по 1816 г., чрезвычайные военные расходы Англіи поглотили громадную сумму 1.044.550.170 ф. с., они въ слѣдующіе 74 года, съ 1817 по 1890 г.; *не потребовали и полутора мильіоновъ* ф. с., составили лишь 148.875.298 ф. с. Напротивъ, обыкновенные государственные расходы, которые въ военственное время съ 1740 по 1815 года простирались до 1.322.475.533 ф. с., въ мирную эпоху съ 1817 по 1890 годъ потребовали громадной суммы 4.757.721.500 ф. с. Чрезвычайные военные расходы уменьшились въ семь разъ; напротивъ, обыкновенные почти утроились.

Какъ ни скромна приведенная сумма чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ Англіи за время съ 1817 по 1890 годъ, она, однако, нами получена изъ самыхъ тщательныхъ розысканій, при которыхъ мы всего болѣе старались подбирать всѣ имѣющіяся на нихъ указанія. Ниже слѣдующій обзоръ состава нашего итога наглядно это покажетъ.

Между 1817 и 1830 г. было только три года съ дефицитами, и эти дефициты объясняются чрезвычайными военными расходами, которые исчисляются для 1817 года въ 1.335.199 ф. с. и для 1828 и 1829 гг.

¹⁾ См. въ приложеніи таблицу I.

въ 3.245.512 ф. с. ¹⁾). Послѣ десятилѣтняго перерыва чрезвычайные военные расходы возобновляются въ концѣ 1830 годовъ. А именно: Канадское возстаніе потребовало въ 1838—1843 годахъ чрезвычайнаго военнаго расхода въ 2.096.045 ф. с., первая Китайская война въ 1840—1844 годахъ потребовала 3.726.565 ф. с., наконецъ, въ 1848 г. Каффрикальская война потребовала 1.100.000 ф. с.; слѣдовательно, всего съ 1838 по 1848 г. чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на 6.922.610 ф. с. ²⁾). Общій же итогъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ за первую половину нынѣшняго столѣтія съ конца Наполеоновскихъ войнъ (въ 1817—1850 годахъ) не превышалъ 11.503.321 ф. с.

Гораздо болѣе воинственнымъ было начало второй половины XIX столѣтія (эпоха Полмерстона): одно участіе Англія въ Крымской войнѣ въ 1854—1856 годахъ потребовало для нея чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на 69.277.694 ф. с., для Каффрикальской войны предъ тѣмъ въ 1851—1854 годахъ потребовалось 960.000 ф. с., въ 1857 году Персидская экспедиція потребовала 900.000 ф. с., наконецъ, для второй Китайской войны въ 1857—1860 годахъ было нужно 4.884.580 ф. с. Итого чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ въ воинственное десятилѣтіе 1851—1860 годовъ 76.072.283 ф. с. ³⁾).

¹⁾ Въ 1818—1820 годахъ средній годовой расходъ на войско и флотъ составлялъ по мирному положенію 16.867.098 ф. с., а въ 1817 году 17.702.297 ф. с., или болѣе на показаннымъ въ текстѣ 1.835.199 ф. с. Въ 1823—1825 годахъ тотъ же расходъ по мирному положенію составлялъ ежегодно по 14.836.799 ф. с., или на два года 29.673.598 ф. с., на дѣлѣ же онъ былъ въ тѣ же два года 32.919.110 ф. с., или болѣе на 3.245.512 ф. с.; изъ нихъ приходится на 1828 г. 1.873.769 ф. с. и на 1829 годъ 1.371.753 ф. с.

²⁾ Изъ нихъ приходится расходовъ Канадскаго возстанія: въ 1838 году 500.000 ф. с., въ 1839 году 647.000 ф. с., въ 1840 году 553.249 ф. с., въ 1841 году 117.153 ф. с., въ 1842 году 253.343 ф. с. и въ 1843 году 25.300 ф. с., всего 2.096.045 ф. с.; расходовъ по первой Китайской войнѣ: въ 1840 году 150.000 ф. с., въ 1841 году 400.000 ф. с., въ 1842 году 1.102.929 ф. с., въ 1843 году 1.661.879 ф. с. и въ 1844 году 411.757 ф. с., всего 3.726.565 ф. с. Эти суммы взяты изъ отчетовъ объ исполненныхъ бюджетахъ.

³⁾ Въ томъ числѣ по Крымской войнѣ въ 1854 году 14.529.888 ф. с., въ 1855 году 36.069.969 ф. с. и въ 1856 году 18.678.437 ф. с.; показанный итогъ расходовъ по Каффрикальской войнѣ составляется изъ 300.000 ф. с. въ 1851 году, 370.000 ф. с. въ 1852 году, 260.000 ф. с. въ 1853 году и 30.000 ф. с. въ 1854 году. Вторая Китайская война потребовала: въ 1857 году 590.693 ф. с., въ 1858 году 391.943 ф. с., въ 1859 году 858.067 ф. с. и въ 1860 году 3.043.896 ф. с., всего 4.884.580 ф. с.; Return 1869, II, 708, показываетъ расходы по второй Китайской войнѣ на основаніи ассигнованныхъ чрезвычайныхъ кредитовъ, *ibidem*,

Въ 1861—1870 годахъ чрезвычайные военные расходы опять вошли въ скромные предѣлы и составили лишь 17.639.185 ф. с. Изъ нихъ приходится: всего болѣе на Абиссинскую войну, потребовавшую въ 1867—1869 годахъ 8.300.000 ф. с., на укрѣпленіе военныхъ портовъ, доковъ и арсеналовъ въ 1861—1870 годахъ израсходовано 5.855.000 ф. с.; Франко-Германская война въ 1870 году вызвала чрезвычайный расходъ въ 1.350.000 ф. с.; по окончанію второй Китайской войны въ 1861 году израсходовано 1.230.000 ф. с., по Ново-зеландской войнѣ въ 1865 году потребовалось 764.829 ф. с. и, наконецъ, для ликвидаціи нѣкоторыхъ расходовъ по Крымской войнѣ въ 1861 и 1863 годахъ потребовалось 139.356 ф. с. ¹⁾.

Въ десятилѣтіе 1871—1880 гг. чрезвычайные военные расходы увеличились немного и составили 20.132.867 ф. с. Изъ этой суммы наиболѣе значительная часть потребовалась: вслѣдствіе Русско-Турецкой войны (въ 1877 году 3.500.000 ф. с. и въ 1878 году 2.772.720 ф. с.), вслѣдствіе расходовъ на сооруженіе бараконъ для размѣщенія боевыхъ силъ (*localisation of military forces*) и укрѣпленіе портовъ и доковъ, всего въ 1871—1880 годахъ, 4.520.000 ф. с. ²⁾; въ 1873 г. вслѣдствіе неблагоприятнаго для Англіи рѣшенія дѣла о крейсерахъ Элбэма 3.196.875 ф. с. и вслѣдствіе Южно-Африканской войны въ 1878 году 1.500.000 ф. с. и въ 1879 году 2.772.720 ф. с., всего 4.272.720 ф. с. Менѣе значительные расходы потребовались: въ 1871 году вслѣдствіе Франко-Германской войны 101.097 ф. с.; по войнѣ съ ашантиями въ 1873 году 800.000 ф. с., въ 1874 году 125.000 ф. с. и въ 1876

р. 704; но у насъ они показаны по дѣйствительнымъ расходамъ, проведеннымъ въ отчетахъ объ исполненныхъ бюджетахъ, какъ показываются и въ одномъ изъ позднѣйшихъ парламентскихъ отчетовъ, касающихся этого предмета (Р. р. ex 1891, № 403).

¹⁾ Годовныя суммы показанныхъ въ текстѣ общими итогами расходовъ были: по Абиссинской войнѣ въ 1867 году 2.000.000, въ 1868 году 5.000.000 и въ 1869 году 1.300.000 ф. с.; по укрѣпленію портовъ и доковъ въ 1861 году 970.000 ф. с., въ 1862 году 1.050.000 ф. с., въ 1863 году 800.000 ф. с., въ 1864 году 620.000 ф. с., въ 1865 году 560.000 ф. с., въ 1866 году 460.000 ф. с., въ 1867 году 630.000 ф. с., въ 1868 году 625.000 ф. с., въ 1869 году 200.000 ф. с. и въ 1870 году 150.000 ф. с.; по Крымской войнѣ потребовалось въ 1861 году 63.431 и въ 1863 году 85.925 ф. с.

²⁾ Расходы по укрѣпленію портовъ и доковъ и сооруженію бараконъ были: въ 1871 году 370.000 ф. с., въ 1872 году 308.000 ф. с., въ 1873 году 600.000 ф. с., въ 1874 году 600.000 ф. с., въ 1875 году 250.007 ф. с., въ 1876 году 900.000 ф. с., въ 1877 году 800.000 ф. с., въ 1878 году 460.000 ф. с., въ 1879 году 260.000 ф. с. и въ 1880 году 92.000 ф. с.

году 2.017 ф. с., или всего 927.017 ф. с.; по двумъ южно-африканскимъ экспедиціямъ (въ Griqualand-West и Sikukuni) въ 1879 году 472.200 ф. с.; по Афганской войнѣ въ 1880 году 500.000 ф. с. и по Абиссинской экспедиціи въ 1878 году 17.862 ф. с. и въ 1879 году 634 ф. с.

Наконецъ, въ десятилѣтіе 1881—1890 годовъ чрезвычайные военные расходы простирались на сумму 23.497.642 ф. с.; самая значительная часть этого итога приходится на 1885 годъ, когда вслѣдствіе среднесиатскихъ усложненій съ Россіею чрезвычайный расходъ на морскія и военныя операціи достигалъ 9.451.000 ф. с.; второе мѣсто по значительности занимаетъ начавшійся съ 1889 г. расходъ на „морской оборонительный фондъ“ (naval defence fond), въ счетъ котораго отпущено въ 1888 году 660.000 ф. с., въ 1889 году 2.265.571 ф. с. и въ 1890 году 2.451.571 ф. с., всего 5.377.142 ф. с.; затѣмъ Египетская экспедиція потребовала въ 1882 г. 3.895.500 ф. с. и въ 1884 году 300.000 ф. с., или всего 4.195.500 ф. с.; Афганская война потребовала въ 1881—1885 годахъ 2.500.000 ф. с.; на Трансвальскую и Зулуескую войны израсходовано въ 1881 году 535.000 ф. с. и въ 1882 году 14.000 ф. с.; въ пособіе на платежи военныхъ пенсій въ Индіи въ 1885—1890 году ежегодно по 150.000 ф. с., всего 900.000 ф. с., и на устройство бараковъ для размѣщенія войскъ въ 1881, 1883, 1886, 1887 и въ 1890 году 525.000 ф. с.¹⁾

Къ приведеннымъ суммамъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ необходимо еще присоединить нѣкоторые чрезвычайные же расходы, но гражданскіе. Самый значительный изъ нихъ представлялся въ 1835—1837 годахъ, когда въ англійскихъ колоніяхъ было упразднено невольничество (освобождено 639.000 душъ), при чемъ работодателямъ за государственный счетъ было выдано вознагражденіе, и для этого израсходовано: въ 1835 году 16.721.346 ф. с., въ 1836 г. 4.110.799 ф. с. и въ 1837 году 145.888 ф. с., всего 20.978.033 ф. с. Въ десятилѣтіе 1851—1860 гг. гражданскіе чрезвычайные расходы потребовались: въ 1857 году для выкупа зулудскихъ пошлинъ 1.125.206 ф. с. и въ 1860 году для возвратовъ разныхъ таможенныхъ пошлинъ 288.118 ф. с. Въ слѣдующее десятилѣтіе выкупъ шельдскихъ пошлинъ по-

¹⁾ Погодные суммы показанныхъ общими итогами расходовъ составляли по Афганской войнѣ: въ 1881 и 1882 годахъ по 500.000 ф. с., въ 1883 году 1.000.000 ф. с., въ 1884 и 1885 годахъ по 150.000 ф. с., всего 2.500.000 ф. с.; по сооруженію бараковъ: въ 1881 году 80.000 ф. с., въ 1883 году 40.000 ф. с., въ 1886 году 73.866 ф. с., въ 1887 году 116.134 ф. с. и въ 1890 году 225.000 ф. с.

требовать чрезвычайнаго расхода въ 1862 и 1863 годахъ по 174.599 ф. с., всего 349.198 ф. с. Наконецъ, въ 1875 году покупка суэзскихъ акцій потребовала чрезвычайнаго расхода 4.076.565 ф. с., и вслѣдствіе новѣйшей конверсіи (1888 г.) для пониженія процентовъ по государственному долгу (о которой ниже будетъ еще рѣчь) на общіе ресурсы государственнаго казначейства отнесенъ расходъ 2.009.958 ф. с. въ 1888 году и 42.550 ф. с. въ 1889 году. Выстъ всѣ указанные чрезвычайные гражданскіе расходы образуютъ сумму въ 28.869.628 ф. с.

Соединяя выстъ сумму чрезвычайныхъ расходовъ военныхъ въ 148.875.298 ф. с. и гражданскихъ въ 28.869.628 ф. с., получаемъ для періода 1817—1890 гг. общій ихъ итогъ въ 177.714.926 ф. с.; выстъ съ показаннымъ итогомъ обыкновенныхъ расходовъ въ 4.752.721.502 ф. с. они образуютъ общій итогъ проведенныхъ по 74 исполненнымъ бюджетамъ съ 1817 по 1890 г. государственныхъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, въ 4.935.436.428 ф. с.

Для предстоящаго намъ обзора кредитныхъ операцій новѣйшей эпохи мы должны еще имѣть въ виду, во первыхъ, непроведенный по отчетамъ объ исполненіи бюджетовъ расходъ на выкупъ въ казну телеграфовъ, которые въ Англіи первоначально были частными предприятиями; расходъ этотъ составилъ въ 1869 и 1870 годахъ 6.761.176 ф. с. и въ 1871, 1873, 1875 и 1876—1878 годахъ еще 3.378.824 ф. с., а всего 10.140.000 ф. с. Вторыхъ, мы уже упоминали выше, что съ конца XVIII вѣка въ Англіи получаютъ существенное значеніе обороты по ссудамъ, которыя правительство выдавало различнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ для цѣлей общей пользы и благоустройства, а также сословіямъ и мѣстностямъ при постигавшихъ ихъ бѣдствіяхъ (напримѣръ, торговому и промышленному сословіямъ при кризисахъ или Ирландіи въ концѣ 1840 гг. по случаю постигшихъ ее голодовъ). Наконецъ, вѣтъ бюджетной отчетности стоятъ обороты по кредитной части, какъ по различнымъ конверсіямъ, осуществленнымъ въ Англіи въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, такъ и по различнымъ операціямъ, которыя возлагались на комиссаровъ погашенія государственныхъ долговъ и которыя оказывали вліяніе на суммы этихъ долговъ.

Чтобы не возвращаться къ важнѣйшимъ погоднымъ даннымъ, на которыхъ основано наше изложеніе, мы представляемъ на слѣдующихъ 4 страницахъ полный сводъ этихъ данныхъ за все время съ 1817 по 1890 годъ.

Годы.	Паричательный капиталъ безсрочнаго долга		Наъ увеличения паричательнаго капитала безсрочнаго долга приходилось на		Кап. реализованные			П о к с	
	Увеличился.	Уменьшился.	новые безсрочные займ.	консолидаци и конверс.	новымъ безсрочнымъ займам.	консолидациямъ.	новымъ срочнымъ займамъ.	Поступления.	Расходъ на ихъ погашеніе.
1817	3,193	19,611,130	3,193	—	3,193	—	—	3,193	14,321,908
1818	31,899,052	19,925,792	12,412,312	22,456,740	12,721,361	17,707,200	—	27,191,892	15,037,726
1819	31,304,923	31,371,352	31,304,923	—	24,000,923	—	—	20,157,310	15,968,168
1820	31,104,000	24,695,239	21,174,000	6,930,000	17,000,000	7,000,000	—	24,394,604	17,146,891
1817—20	100,311,168	95,606,514	70,924,428	29,386,740	53,725,480	24,707,200	—	71,746,991	62,474,693
1821	17,354,529	23,831,800	17,354,529	—	13,461,538	—	—	13,883,600	16,828,102
1822	16,821,039	17,908,431	9,339,687	7,481,352	7,500,000	—	—	11,563,538	18,185,404
1823	273,108	4,797,456	—	273,108	—	—	13,078,700	4,567,870	5,670,566
1824	5,339	10,000,013	—	5,339	—	—	—	2,445,740	9,101,032
1825	366,646	3,338,004	—	366,616	—	—	—	2,293,240	3,057,770
1826	8,560,005	2,834,817	4,956,700	3,564,300	4,668,878	3,354,660	—	10,019,790	1,772,307
1827	—	6,267,066	—	—	—	—	—	2,199,910	4,727,700
1828	—	5,107,580	—	—	—	—	—	1,976,370	4,017,569
1829	3,045,000	4,074,091	—	3,045,000	—	3,000,000	—	3,000,000	2,451,884
1830	—	13,726,522	—	—	—	—	—	—	4,533,994
1821—30	46,425,661	92,488,840	31,689,916	14,735,745	25,630,416	6,354,650	13,078,700	51,749,058	70,346,328
1831	2,133	1,688,820	—	2,133	—	—	—	—	1,223,161
1832	—	1,389,778	—	—	—	—	—	—	6,825
1833	—	2,365,586	—	—	—	—	—	—	795,748
1834	408,300	8,320,537	—	408,300	—	—	—	—	1,777,839
1835	16,734,351	1,766,316	16,734,351	—	15,020,880	—	1,700,466	16,721,346	522,945
1836	1,615,149	1,681,832	3,437,270	1,177,879	3,432,974	1,079,431	—	4,512,405	567,340
1837	1,702,990	1,300,309	—	1,702,990	—	1,533,879	—	1,533,879	302,566
1838	648,264	1,507,593	—	648,264	—	601,790	—	601,790	8,730
1839	5,956,293	682,163	—	5,956,293	—	5,432,645	—	5,419,145	7,707
1840	546,627	638,930	—	546,627	—	500,164	—	513,661	8,016
1831—40	30,614,110	21,548,862	20,171,624	10,442,486	18,453,854	9,147,909	1,700,466	29,302,229	5,220,867
1841	6,949,765	575,902	2,767,223	4,182,542	2,167,431	3,698,412	—	4,526,550	8,231
1842	1,191,177	651,712	—	1,191,177	—	1,068,713	—	2,702,908	8,567
1843	44,817	913,931	—	44,817	—	41,643	—	41,643	9,040
1844	15,217	2,935,651	—	15,217	—	14,658	—	14,658	267,756
1845	—	2,280,618	—	—	—	—	—	—	1,343,891
1846	—	1,970,784	—	—	—	—	—	—	1,178,721
1847	8,938,547	1,044,149	8,938,547	—	8,000,000	—	—	8,000,000	487,222
1848	2,288,435	535,854	2,288,435	—	2,000,000	—	—	1,604,312	10,368
1849	—	730,856	—	—	—	—	—	396,688	21,119
1850	—	3,767,357	—	—	—	—	—	—	2,582,254
1841—50	19,427,988	15,406,818	13,994,205	5,433,783	12,467,431	4,818,426	—	17,285,859	5,917,269

П о л н е н и я м ы б ю д ж е т а м ы.								
По билетамъ казначейства.			Обыкновенные до- ходы.	Всѣ государствен- ные расходы.	Дефициты.	Избытокъ доходовъ.	Презычаивающіе рас- ходы	
Поступления.	Возвраты.	Облиг.					военные.	гражданскіе.
61.482.571	49.011.682	29.962.200	57.600.698	58.726.343	1.125.644	—	1.335.199	—
52.011.844	65.382.690	28.080.500	59.509.469	57.567.733	—	1.941.736	—	—
42.986.613	44.584.763	8.964.700	58.073.316	57.521.062	—	552.254	—	—
69.128.127	73.513.827	15.845.800	59.892.314	58.428.467	—	1.463.847	—	—
215.909.155	232.492.962	82.853.200	235.075.797	232.243.604	1.125.644	3.957.837	1.335.199	—
68.446.777	69.576.195	23.926.200	61.611.769	58.427.921	—	3.183.848	—	—
75.109.828	71.500.399	32.260.800	59.870.330	56.493.108	—	3.377.222	—	—
52.490.586	54.029.987	32.711.700	58.624.587	54.303.186	—	4.321.399	—	—
45.483.945	42.525.273	31.842.700	60.763.050	55.457.601	—	4.305.449	—	—
41.879.223	48.171.920	27.395.400	57.801.049	54.098.266	—	3.702.783	—	—
50.073.137	56.814.052	23.786.500	55.308.305	56.084.160	775.865	—	1.873.759	—
56.423.362	53.297.421	24.122.700	54.778.197	55.912.872	1.164.675	—	1.371.753	—
56.611.840	56.905.287	27.199.000	56.604.577	53.163.059	—	3.441.518	—	—
50.977.197	53.292.757	24.840.800	55.368.474	53.709.564	—	1.658.910	—	—
52.256.505	49.509.176	25.383.800	54.518.098	51.945.975	—	2.572.123	—	—
549.755.400	555.622.467	273.469.600	574.248.436	549.925.714	1.940.530	26.263.252	3.245.512	—
49.127.102	49.186.240	25.166.300	50.626.723	51.472.248	845.525	—	—	—
50.313.818	49.649.569	25.319.800	51.104.262	50.590.057	—	574.205	—	—
49.696.353	49.462.045	27.202.600	50.263.471	48.786.048	—	1.477.423	—	—
50.250.542	48.922.942	27.825.200	50.492.362	48.902.815	—	1.589.547	—	—
50.100.600	49.477.317	28.434.200	50.066.912	65.171.566	15.104.654	—	—	16.721.3
47.178.868	49.499.082	27.675.800	52.682.968	53.988.921	1.305.956	—	—	4.110.7
46.826.719	49.168.946	24.155.300	50.419.134	51.145.304	726.170	—	—	145.8
49.054.499	48.817.739	23.907.800	51.310.606	51.654.000	343.994	—	500.000	—
49.060.940	53.897.685	23.896.400	51.850.139	53.781.258	1.531.119	—	617.000	—
46.984.240	45.400.104	19.761.000	51.684.766	53.241.194	1.559.728	—	703.219	—
488.588.681	493.471.578	253.347.400	510.560.743	528.336.714	21.417.146	3.641.175	1.850.249	20.978.0
49.210.118	51.804.581	20.469.100	52.228.320	54.311.814	2.086.524	—	517.153	—
44.252.626	45.253.490	18.159.500	51.122.413	55.101.168	3.978.755	—	1.356.272	—
47.920.957	46.108.901	18.116.200	56.806.081	55.360.511	—	1.445.570	1.687.179	—
34.103.634	35.806.561	18.348.300	58.302.812	54.840.518	—	3.462.294	411.757	—
26.478.976	26.830.126	18.294.500	57.556.486	53.736.567	—	3.819.919	—	—
22.969.219	23.042.219	18.300.300	58.294.188	55.447.613	—	2.846.575	—	—
22.273.400	22.670.383	18.009.500	56.134.657	59.127.766	2.993.109	—	—	—
22.235.185	22.411.984	17.766.500	58.159.408	58.955.187	795.779	—	1.100.000	—
19.016.285	19.027.786	17.745.300	57.576.273	56.477.919	—	2.098.354	—	—
17.828.042	17.830.141	17.701.700	57.519.970	54.692.176	—	2.827.794	—	—
306.288.441	310.789.172	182.910.900	563.700.608	557.054.269	9.854.167	16.500.506	5.072.361	—

Годы.	Наращенный ка- питалъ безсрочнаго долга.		Изъ увеличенія безсрочнаго долга приходится:		К. реализованные			И т о ж е	
	Увеличенъ	Уменьшенъ	на новые займы.	на консоли- даціи и кон- версіи.	новыми срочными займами.	консоли- даціи.	срочными займами.	Поступленія отъ консолидированныхъ займовъ.	Расходы на погаше- ніе консолиди- рованныхъ займовъ.
1851	—	4.020.567	—	—	—	—	—	—	3.012.099
1852	—	3.405.359	—	—	—	—	—	—	1.879.502
1853	1.811.059	7.990.773	—	1.814.052	—	1.664.661	—	1.664.661	7.092.148
1854	94.805	2.870.210	—	94.805	—	—	—	—	2.099.453
1855	24.888.667	1.062.552	22.410.824	2.477.843	19.626.669	2.230.200	2.143.131	21.602.200	239.977
1856	5.376.158	828.955	5.376.158	—	5.000.000	—	—	7.397.800	118.671
1857	—	1.020.963	—	—	—	—	—	—	283.073
1858	8.169.240	990.352	—	8.169.240	—	7.600.000	—	7.600.000	37.875
1859	—	762.512	—	—	—	—	—	—	34.807
1860	—	747.489	—	—	—	—	200.000	200.000	31.472
51—60	40.643.228	23.639.731	27.787.282	12.855.946	24.626.669	11.494.861	2.343.131	38.464.661	14.759.077
1861	—	741.102	—	—	—	—	970.000	970.000	33.586
1862	—	806.690	—	—	—	—	950.000	950.000	32.930
1863	—	5.710.526	—	—	—	—	820.000	820.000	34.068
1864	—	1.510.297	—	—	—	—	660.000	660.000	857.206
1865	—	6.260.914	—	—	—	—	450.000	450.000	1.254.816
1866	—	3.752.565	—	—	—	—	500.000	500.000	579.591
1867	—	28.343.644	—	—	—	—	480.000	480.000	895.673
1868	—	732.341	—	—	—	—	525.000	525.000	6.907
1869	7.000.000	6.597.959	7.000.000	—	6.483.321	—	200.000	200.000	—
1870	300.000	9.771.411	300.000	—	277.855	—	150.000	150.000	1.883.796
51—70	7.300.000	64.227.450	7.300.000	—	6.761.176	—	5.705.000	5.705.000	5.578.573
1871	1.367.800	1.654.108	1.367.800	—	1.266.804	—	370.000	370.000	746.812
1872	—	4.382.880	—	—	—	—	308.000	308.000	3.205.077
1873	1.190.000	5.050.076	1.190.000	—	1.102.135	—	500.000	500.000	3.895.982
1874	—	8.716.290	—	—	—	—	600.000	600.000	756.185
1875	345.252	1.485.450	345.252	—	319.767	—	250.000	250.000	331.867
1876	284.406	1.320.568	284.406	—	263.412	—	900.000	900.000	—
1877	314.692	2.093.039	314.692	—	291.462	—	800.000	800.000	—
1878	116.023	1.558.437	116.023	—	135.244	—	700.000	700.000	—
1879	2.049.259	1.003.491	2.049.259	—	2.000.000	—	—	2.000.000	—
1880	—	1.397.833	—	—	—	—	6.000.000	6.000.000	—
71—80	5.697.432	28.662.176	5.697.432	—	5.378.824	—	10.428.000	12.428.000	8.934.923
1881	4.210.588	3.799.567	—	4.210.588	—	3.793.100	—	—	433.363
1882	4.392.419	1.191.972	—	4.392.419	—	3.956.900	—	—	—
1883	—	72.067.899	—	—	—	—	—	—	1.914.633
1884	1.515.604	1.964.803	—	1.515.604	—	—	—	—	—
1885	—	1.332.202	—	—	—	—	—	—	—
1886	—	1.212.053	—	—	—	—	—	—	—
1887	—	27.896.898	—	—	—	—	—	—	776.006
1888	—	2.682.931	—	—	—	—	—	—	463.820
1889	612.468	21.710.426	530.000	82.468	520.184	—	—	520.184	20.109.734
1890	—	6.487.770	—	—	—	—	—	—	5.989.901
81—90	10.731.078	140.337.522	530.000	10.201.079	520.184	7.750.000	—	520.184	29.687.457

П о л н е н и я м ы б ю д ж е т а								
По билетам казначейства.			Обыкновенные государственные доходы.	Обыкновенные чрезвычайные расходы.	Дефицит.	Избыток обыкновенных доходов.	Чрезвычайные расходы.	
Поступления.	Возврат.	Облигации.					военные.	гражданские.
19.224.792	19.238.591	17.719.800	56.772.530	54.046.134	—	2.726.396	300.000	—
21.021.415	21.021.716	17.707.100	57.726.990	55.309.328	—	2.417.662	370.000	—
24.333.255	26.098.132	14.367.700	59.096.667	55.798.146	—	3.298.521	260.000	—
60.352.686	42.293.457	22.152.600	76.561.308	83.141.051	6.676.746	—	14.559.888	—
36.655.170	32.616.120	15.930.700	70.314.141	93.065.888	22.721.747	—	36.069.369	—
28.690.139	28.883.839	19.976.700	72.893.313	76.147.202	3.253.889	—	18.678.137	—
23.131.081	25.209.703	20.633.300	68.001.651	68.240.053	238.399	—	1.490.693	1.125.
26.544.256	31.178.357	20.168.100	65.623.180	64.802.872	—	820.308	391.913	—
22.520.846	24.569.946	13.128.200	71.205.077	69.610.791	—	1.594.286	858.057	—
22.049.197	21.594.198	12.081.100	70.388.084	72.939.247	2.551.163	—	3.093.896	28.
274.522.837	275.734.355	183.868.600	668.615.944	693.100.715	35.341.944	10.857.173	76.072.283	1.413.
23.876.332	24.017.432	11.899.100	69.865.057	72.267.656	2.402.599	—	2.253.431	—
10.073.018	10.095.518	—	70.604.562	70.345.101	—	259.461	1.050.000	—
4.248.759	7.608.380	—	70.209.066	67.819.379	—	2.359.687	885.925	171.
7.621.501	10.021.534	1.600.000	70.313.787	67.075.300	—	3.238.487	620.000	174.
8.160.420	10.722.297	1.000.000	67.812.292	66.467.450	—	1.344.841	1.324.829	—
16.225.088	16.457.132	4.737.300	69.434.568	67.223.489	—	2.211.079	450.000	—
3.901.631	3.917.318	1.700.000	69.600.218	71.759.335	2.159.117	—	2.530.000	—
7.100.000	5.415.000	600.000	72.591.992	75.490.909	2.898.917	—	5.525.000	—
7.700.000	10.834.600	1.300.000	75.434.253	69.064.752	—	6.369.501	1.500.000	—
3.700.000	4.370.500	700.000	69.945.220	69.698.540	—	246.680	1.500.000	—
92.906.752	103.519.731	23.536.700	705.811.015	697.241.911	7.460.633	16.029.737	17.639.185	349.
10.923.200	11.859.100	5.123.200	74.708.315	71.860.020	—	2.848.295	471.097	—
—	326.000	—	76.608.770	71.022.448	—	5.586.322	308.000	—
2.300.000	2.649.500	—	77.335.657	76.966.510	—	369.147	4.496.875	—
5.800.000	5.040.300	—	74.921.873	74.928.010	6.167	—	725.000	—
12.150.000	6.687.500	—	77.131.693	80.871.773	3.740.080	—	250.000	4.076.
14.137.600	11.185.600	—	78.565.036	79.025.228	460.192	—	902.017	—
22.914.900	16.194.900	1.100.900	79.763.299	83.203.195	3.440.196	—	4.300.000	—
37.052.200	31.722.200	22.122.200	88.115.973	86.857.789	2.741.816	—	4.592.324	—
35.757.000	33.567.000	21.967.000	81.265.056	84.355.753	5.090.697	—	3.195.554	—
23.190.000	28.390.000	19.190.000	81.041.288	83.107.925	—	933.363	592.000	—
164.524.900	147.622.100	69.503.300	787.456.960	793.198.981	15.479.148	9.737.127	20.132.867	4.076.
30.318.000	30.318.000	27.318.000	85.822.262	85.472.556	—	349.726	1.105.000	—
26.014.500	26.014.500	18.364.500	89.004.456	88.906.278	—	98.178	4.409.500	—
18.977.000	18.977.000	17.577.000	87.205.184	86.999.564	—	205.620	1.040.000	—
23.139.500	23.139.500	19.439.500	88.043.110	89.092.883	1.019.773	—	550.000	—
37.913.000	34.267.000	21.213.000	89.581.301	92.223.843	2.642.542	—	9.851.000	—
40.589.400	40.590.000	30.469.400	90.772.758	89.996.752	—	776.006	223.866	—
34.055.000	31.101.800	26.655.000	89.802.254	87.423.645	—	2.378.609	266.114	—
36.514.000	37.467.789	26.841.000	88.472.812	88.683.830	211.018	—	810.000	2.009.
52.758.770	35.828.400	17.729.000	89.304.316	86.083.314	—	3.221.002	2.415.571	42.
54.883.000	51.483.621	24.644.000	89.489.112	89.451.854	—	37.257	2.826.678	—
355.489.170	332.484.510	226.220.400	887.497.585	884.334.520	3.903.333	7.066.398	23.497.642	5.202.

XXVI.

Хотя въ той мѣрѣ, въ какой время съ 1816 по 1829 г. было заключительною частью эпохи Питтовскаго погасительнаго фонда, оно нами отчасти уже выше разсмотрѣно, но мы должны къ нему возвратиться въ видахъ связнаго разсмотрѣнія всей эпохи со времени окончанія Наполеоновскихъ войнъ до нашихъ дней.

Время съ 1817 до 1830 г. еще отчасти принадлежитъ предшествовавшей эпохѣ. не только потому, что въ теченіе его продолжалъ дѣйствовать Питтовскій погасительный фондъ, но и потому, что въ теченіе его оставались въ силѣ очень многіе изъ обильныхъ налоговыхъ ресурсовъ, созданныхъ для чрезвычайныхъ расходовъ предшествовавшей эпохи. Но такъ какъ этихъ чрезвычайныхъ расходовъ уже не было, то оттого избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ всѣми государственнымъ расходами были въ это время болѣе значительные, чѣмъ когда бы то ни было послѣ въ XIX столѣтіи. Изъ 14 лѣтъ съ 1817 по 1830 г. было 11, въ которыя эти избытки простирались на сумму 30.221.089 ф. с. (и только три года съ дефицитами всего на 3.066.174 ф. с., да и въ эти три года было чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ на 4.580.711 ф. с., слѣдовательно, въ дѣйствительности даже и въ эти три года обыкновенные доходы превышали обыкновенные же расходы на 1.514.537 ф. с.). Не смотря на эти значительные избытки, въ 1817—1830 гг. заключено новыхъ безсрочныхъ долговъ на нарицательный капиталъ 138.610.385 ф. с. (съ ежегоднымъ по нему платежемъ ренты въ размѣрѣ 4.550.072 ф. с.) и ими реализовано 110.417.357 ф. с. Сверхъ того, въ 1823 г. Англійскому Банку проданъ за капиталъ 13.078.700 ф. с. аннотетъ въ 585.740 ф. с., который долженъ былъ уплачиваться Банку въ продолженіе 44 лѣтъ до 1867 г. И, наконецъ, въ то же время изъ свободной наличности государственнаго казначейства заимствовано 7.396.706 ф. с. Слѣдовательно, общій итогъ ресурсовъ для чрезвычайныхъ операцій въ 1817—1830 гг. достигалъ 161.113.852 ф. с. Изъ нихъ на покрытіе трехъ дефицитовъ (1817, 1828 и 1829 гг.) употреблено 3.066.174 ф. с. и на 2.775.783 ф. с. выдачи по ссудамъ превышали возвраты по нимъ; затѣмъ 22.450.874 ф. с. израсходованы на уменьшеніе неотвержденнаго государственнаго долга, а остальные 132.821.021 ф. с. переданы въ погасительные фонды для операцій по выкупу государственныхъ долговъ. Отмѣтимъ при этомъ, что собственно для

уменьшенія неотвержденнаго государственнаго долга заключено новыхъ безсрочныхъ долговъ на нарицательный капиталъ 35.996.040 ф. с. для консолидаціи билетовъ казначейства на 31.061.850 ф. с., тогда какъ официально для операций Питтовскаго погасительнаго фонда было заключено безсрочныхъ долговъ на нарицательный капиталъ 102.614.345 ф. с. съ реализованнымъ по нимъ капиталомъ въ 79.355.507 ф. с. Съ прибавленіемъ къ послѣдней суммѣ 13.078.700 ф. с. отъ срочнаго займа 1823 г. всего получено отъ новыхъ консолидованныхъ займовъ 92.434.207 ф. с. для операций погасительныхъ фондовъ. На дѣлѣ, однако, какъ сказано, изъ суммъ отъ новыхъ займовъ израсходовано на уменьшеніе неотвержденнаго государственнаго долга лишь 22.450.874 ф. с., или менѣе, чѣмъ тѣ 31.061.850 ф. с., которые для этого уменьшенія были реализованы, на 8.610.976 ф. с.; напротивъ, для операций погасительныхъ фондовъ послужили, между прочимъ, и эти 8.610.976 ф. с., сверхъ прочихъ, имѣвшихся для нихъ суммъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ суммъ отъ бюджетныхъ избытковъ доходовъ надъ расходами и отъ позанимствованій изъ кассовой наличности имѣлось 37.617.795 ф. с., а за употребленіемъ изъ нихъ на покрытие дефицитовъ 3.066.174 ф. с. и на ссуды 2.775.783 ф. с. оставалось 31.775.838 ф. с.; эта сумма вытѣстѣ съ 79.355.507 ф. с. отъ безсрочныхъ займовъ и 13.078.700 ф. с. отъ срочнаго займа 1823 г. давали всего для операций погасительныхъ фондовъ 124.210.045 ф. с.; на дѣлѣ же фондамъ передано 132.821.021 ф. с., или болѣе на тѣ самыя 8.610.976 ф. с., которые были отвлечены отъ уменьшенія неотвержденнаго государственнаго долга.

Такимъ образомъ, операций Питтовскихъ погасительныхъ фондовъ въ послѣднемъ своемъ періодѣ отличались еще и тою особенностью, что онѣ стояли поперекъ дороги начавшимся съ 1818 г. операциямъ по консолидаціи неотвержденнаго государственнаго долга, хотя его уменьшеніе (вслѣдствіе его необычайной высоты, свыше 62 милл. ф. с. въ 1816 г.) было самою насущною задачею эпохи.

Для выясненія перемѣнъ, происшедшихъ въ разсматриваемомъ періодѣ въ состояніи государственнаго долга, а также въ значеніи его для государственнаго бюджета, мы должны теперь обратиться къ операциямъ, послѣдствіе которыхъ означенный періодъ всецѣло принадлежитъ уже новѣйшей исторіи англійскаго государственнаго долга.

Во главѣ этихъ операций стоитъ конверсія для пониженія интересовъ по безсрочному государственному долгу. Уже въ 1818 г. тогдашній канцлеръ казначейства, Уэсмингтонъ (впослѣдствіи лордъ Биксли, дѣлецъ очень ловкій, ии передъ чѣмъ не останавливавшійся),

желая добыть 3.000.000 ф. с. посредствомъ кредитной операціи, но безъ увеличенія капитала государственнаго долга, воспользовался для этого созданіемъ новой $3\frac{1}{2}\%$ -ной ренты, якобы въ расчетѣ на то, что она способна скорѣе возвышаться въ цѣнѣ и этимъ содѣйствовать болѣе скорому возвышенію 4% -ной и 5% -ной безсрочной ренты, а слѣдовательно, и ускорить возможность конверсіи послѣднихъ. Вслѣдствіе того было предоставлено владѣльцамъ 3% -ной ренты, на капиталъ не менѣе 2.000 ф. с., за каждые 100 ф. с. этого капитала получить поной $3\frac{1}{2}\%$ -ной ренты на капиталъ 88 ф. с., а за приплату наличными деньгами 11 ф. с. получить новой $3\frac{1}{2}\%$ -ной ренты еще на 12 ф. с. Слѣдовательно, операція заключалась въ томъ, что 3% -ая рента на капиталъ 27.272.000 ф. с. конвертировалась въ $3\frac{1}{2}\%$ -ую ренту, за что казна и получала наличный капиталъ въ 3.000.000 ф. с., уплачивая интересы въ размѣрѣ $\frac{1}{2}\%$ ф. с. за каждые 11 ф. с. реализуемаго капитала, или по $4,545\%$, что равносильно реализаціи 3% -ной ренты по 66 за 100. Въ день же объявленія объ этой операціи (14-го апрѣля 1818 г.) цѣна 3% -хъ консолей была 79, то-есть, онѣ приносили $3,797\%$ на капиталъ.

Къ настоящимъ конверсіямъ, однако, явилась возможность приступить уже и въ 1822 г. Въ началѣ этого года (7-го января 1822 г.) 5% -ная безсрочная рента продавалась по $108\frac{3}{4}$, 4% -ная по $95\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}\%$ -ная по $87\frac{1}{2}$, наконецъ 3% -ная по $76\frac{1}{4}$. Поэтому 22 февраля 1822 г. канцлеръ казначейства Уэнситтартъ предложилъ парламенту приступить къ конверсіи 5% -ной безсрочной ренты; въ составъ безсрочнаго государственнаго долга, достигавшаго тогда 795.312.767 ф. с., она тогда входила суммою въ 153.293.082 ф. с. (960 $\frac{1}{2}$ милл. рублей зол.). Владѣльцамъ 5% -ной ренты было предложено за 100 ф. с. капитала ея получить 105 ф. с. капитала 4% -ной ренты, то-есть, получить 4% -ную ренту по $95\frac{1}{4}$ за 100. Владѣльцамъ конвертируемой ренты данъ былъ двухъ-недѣльный срокъ (отъ 4 до 16 марта), и тѣ, которые въ этотъ срокъ не предъявили требованія объ уплатѣ имъ капитала долга, считались согласившимися на конверсію. Требованіе объ уплатѣ наличными деньгами капитала долга было предъявлено владѣльцами 5% -ной ренты на капиталъ 2.794.276 ф. с., остальные же 149.627.867 ф. с. съ прибавленіемъ конверсіонной преміи въ размѣрѣ 7.481.350 ф. с. были превращены въ 4% -ную ренту на капиталъ 157.159.217 ф. с. Такъ какъ по 149.627.867 ф. с. конвертированной 5% -ной ренты 5% -ный платежъ составлялъ ежегодно 7.481.393 ф. с., а по заключенному для конверсіи новому долгу, получившему названіе

новой 4 $\frac{1}{2}$ -ной ренты⁴⁾, ежегодный платеж составлялъ 6.284.368 ф. с., то конверсія дала сбереженіе въ 1.197.025 ф. с. (около 7 $\frac{1}{2}$ милл. рублей золотомъ). Деньги для уплаты наличными 2.794.276 ф. с. несогласившимся на конверсію были получены изъ Англійскаго Банка подъ билеты казначейства⁵⁾.

Черезъ два года явилась возможность приступить къ конверсіи 4 $\frac{1}{2}$ -ной ренты. Въ началѣ 1824 г. 3%-ные консоли стоили 86 $\frac{7}{8}$; старая 4 $\frac{1}{2}$ -ная рента, выпущенная по разнымъ займамъ до 1822 г., стоила 100 $\frac{3}{4}$; новая же 4 $\frac{1}{2}$ -ная рента, выпущенная для конверсіи въ 1822 г., по которой правительство обязалось не понижать процентовъ до 5-го января 1829 г., стоила 105 $\frac{3}{4}$. Въ концѣ февраля 1824 г. 3%-ные консоли поднялись до 91 $\frac{1}{4}$, старая 4 $\frac{1}{2}$ -ная рента до 101 $\frac{3}{4}$, а новая 4 $\frac{1}{2}$ -ная рента до 106 $\frac{7}{8}$. Поэтому канцлеръ казначейства, которымъ тогда былъ Робинсонъ, предпринялъ конверсію старой 4 $\frac{1}{2}$ -ной ренты въ 3 $\frac{1}{2}$ -ную по 100 за 100. На этотъ разъ, однако, оказалось, что изъ 76.248.180 ф. с., на которые состояло въ обращеніи старой 4 $\frac{1}{2}$ -ной ренты, владѣльцы 6.149.245 ф. с. не желали согласиться на предложенныя условія. Изъ этого затруднительнаго положенія правительствомъ официально извернулось, прибѣгнувъ къ помощи дѣйствовавшего еще тогда Питтсовскаго погасительнаго фонда: владѣльцамъ старой 4 $\frac{1}{2}$ -ной ренты, не согласившимся на конверсію, пришлось-таки выплатить наличными деньгами 6.149.245 ф. с., добытые выпускомъ билетовъ казначейства, но на тѣ же 6.149.245 ф. с. была якобы „выпущена“ и новая 3 $\frac{1}{2}$ -ная рента, которую погасительный фондъ будто бы „взялъ за свой счетъ“, доставивъ средства на выкупъ билетовъ казначейства, выпущенныхъ для удовлетворенія несогласныхъ на конверсію. На дѣлѣ, однако, переданная фонду 3 $\frac{1}{2}$ -ная рента никогда не была реализована, и нынѣ уже и официально считаютъ,

⁴⁾ 5%-ной безсрочной ренты собственно состояло въ обращеніи, какъ упомянуто, на 153.293.082 ф. ст., но изъ этой суммы около 1 милл. ф. с. были вынуждены по займу 1797 г., по условіямъ коего его нельзя было погасить раньше, чѣмъ будутъ погашены заключенные до него 5%-ные займы; сверхъ того, владѣльцы 5%-наго займа 1797 г. имѣли право требовать превращенія каждой сотни ф. с. капитала долга по нему въ 133 ф. с. 6 $\frac{1}{2}$ милл. капитала 4%-ной безсрочной ренты. Изъ оставшейся отъ займа 1797 г. части долга въ 1.013.668 ф. с. небольшая сумма въ 41.011 ф. с. была въ 1824 г. выплачена наличными деньгами, а остальные 972.657 ф. с. съ приближеніемъ одной трети, или 324.219 ф. с., были въ 1824 же году превращены въ 3%-ную ренту на 1.296.876 ф. с. На послѣднюю сумму 3% составляли 38.906 ф. с., тогда какъ на 972.867 ф. с. 5% требовали 48.632 ф. с.; слѣдовательно, экономія отъ конверсіи было 9.726 ф. с.

что на показанные 6.149.245 ф. с. конверсія 1824 г. не удалась, и эта сумма выплачена наличными деньгами ¹⁾). Экономія отъ пониженія процентовъ по старой 4%-ной рентѣ вслѣдствіе ея конверсіи въ 1824 г. составляла 381.242. ф. с.

Къ конверсіоннымъ операціямъ относится и состоявшееся въ 1822 г. пониженіе съ 5% до 4% уплатъ за основной капиталъ Ирландскаго Банка, также переданнаго правительству, подобно основному капиталу Англійскаго Банка.

Въ 1829 г. истекъ срокъ, въ теченіе коего правительство обязалось не понижать процентовъ по новой 4%-ной рентѣ. Вслѣдствіе того въ мартѣ 1830 г. канцлеръ казначейства Гаульборнъ заявилъ парламенту, что чрезвычайное обиліе и дешевизна капиталовъ дѣлають исполнѣ осуществленнымъ пониженіе процентовъ и по новому 4%-ному долгу, происшедшему отъ конверсіи бывшаго 5%-наго долга. Поэтому владѣльцамъ новой 4%-ной ренты, которой, за произведенными выкупамъ, оставалось въ обращеніи 153.671.091 ф. с., предложено было: за 100 ф. с. капитала этой ренты получить или 100 ф. с. капитала новой 3¹/₂%-ной ренты, гарантированной на 10 лѣтъ отъ новой конверсіи, или 70 ф. с. новой 5%-ной ренты, гарантированной на 42 года (до 1870 г.) отъ новой конверсіи. Для выраженія несогласія на эти предложенія данъ былъ срокъ до 24-го апрѣля 1830 г. Несогласившихся на конверсію и потребовавшихъ наличныхъ денегъ оказалось на 2.880.915 ф. с.; затѣмъ только совершенно ничтожное число владѣльцевъ конвертируемой 4%-ной ренты на небольшую сумму 670.567 ф. с. потребовали новой 5%-ной ренты на капиталъ 469.398 ф. с. Остальные же 150.119.609 ф. с. конвертируемой 4%-ной ренты претерпѣли въ 3¹/₂%-ную. Сбереженіе отъ этой операціи составило ежегодную сумму 753.952 ф. с.

Чтобы свести вмѣстѣ результаты пзложенныхъ конверсій, необходимо принять въ соображеніе, что по наимзначительѣйшей части бывшаго 5%-наго государственнаго долга произведены были двѣ конверсіи: одна въ 1822 г. для пониженія ежегодныхъ платежей съ 5% до 4%, а другая въ 1830 г. для пониженія платежей съ 4% до 3¹/₂%; во избѣжаніе двойнаго счета необходимо поэтому опредѣлять, на какую сумму государственнаго долга простирались обѣ эти конверсіи. Мы знаемъ, что въ 1822 г. сумма 5%-наго долга въ 149.627.867 ф. с.

¹⁾ Return 1869, II, 261 (примѣч. 1-е) и Report 1890, p. 77. Собственно несогласныхъ на конверсію было въ 1824 г. на 6.197.012 ф. с., которые въ томъ году и выплачены, но изъ нихъ въ слѣдующему году 47.768 ф. с. все-таки конвертировались.

была (по расчету 105 ф. с. 4%-наго долга за 100 ф. с. 5%-наго) превращена въ 4%-ный долгъ суммою въ 157.159.217 ф. с.; изъ этой послѣдней суммы въ промежутокъ между 1822 и 1830 гг. было куплено погасительнымъ фондомъ 4%-наго долга 3.438.126 ф. с., что (по 105 за 100) соответствуетъ суммѣ бывшаго 5%-наго долга въ 3.274.406 ф. с.; далѣе, при конверсиіи 1830 г. изъ 4%-наго долга, было выплачено наличными деньгами 2.880.915 ф. с., что соответствуетъ суммѣ бывшаго 5%-наго долга 2.743.770 ф. с.; сверхъ того, въ 1830 г. превращено въ новый 5%-ный долгъ изъ 4%-наго долга 670.567 ф. с., соответствующихъ 638.638 ф. с. стараго 5%-наго долга; слѣдовательно, вычтя послѣднія три суммы (2.743.770 + 3.274.406 + 638.638 = 6.656.814 ф. с.) изъ первоначальной суммы конвертированного 5%-наго долга (149.627.867 ф. с.), мы получимъ 142.971.053 ф. с., представляющіе ту часть бывшаго 5%-наго долга, которая, по расчету 100 ф. с. 5%-наго долга за 105 ф. с. долга 4%-наго, соответствуетъ суммѣ 4%-наго долга въ 150.119.609 ф. с., въ 1830 г. превращенныхъ въ 3½%-ный долгъ. По означенной суммѣ бывшаго 5%-наго долга въ 142.971.053 ф. с. расходъ для уплаты 5% требовалъ ежегодно 7.148.552 ф. с.; по суммѣ же бывшаго 4%-наго долга 150.119.609 ф. с., конвертированного въ 1830 г. въ 3½%-ный долгъ, расходъ для уплаты 3½% требовалъ ежегодно уже только 5.254.186 ф. с., или уменьшеніе ежегоднаго расхода на уплату процентовъ составляло 1.894.366 ф. с. Остальныя конверсиіи разсматриваемой эпохи, не представляющія подобнаго усложненія, простирались на сумму государственнаго долга въ 72.864.076 ф. с., по которому расходъ на уплату процентовъ составлялъ до конверсій 2.942.213 ф. с., а послѣ конверсій 2.561.990 ф. с., или уменьшеніе расхода давало сбереженіе въ 380.223 ф. с.¹⁾ Въ общемъ же результатѣ всѣ конверсиіи, осуществ-

1) На основаніи нижеслѣдующаго свода:

	Передъ конверсіею.		Послѣ конверсиіи.		Экономія отъ кон- версій.
	Капиталъ.	Проценты.	Капиталъ.	Проценты.	
1822 и 1830 гг., ста- рый 5%-ный.	142.971.053 638.638	7.148.552 5% 31.932 5% ¹⁾	150.119.609 469.398	5.254.186 3½% 28.467 5%	1.894.366 8.466
1822 г., Ирланд- скаго Банка.	1.163.846	57.692 5%	1.153.846	46.153 4%	11.539
1824 г., стар. 4%-й.	70.098.935	2.808.957 4%	70.098.935	2.453.464 3½%	350.493
1822 г., старый 1797 и 1802 гг.	972.657	48.632 5%	1.296.876	98.906 3%	9.726
	216.835.129	10.090.765 —	223.138.664	7.816.176 —	2.274.589

7°

вленные съ 1822 по 1830 г., простирались на сумму государственнаго долга въ 215.835.129 ф. с., а такъ какъ весь государственный долгъ въ безсрочной рентѣ въ концѣ 1830 г. составлялъ 729.989.428 ф. с., то значить около 30% капитала безсрочнаго государственнаго долга подверглись конверсіямъ; расходъ на уплату процентовъ по конвертированнымъ долгамъ составлялъ до конверсій 10.090.765 ф. с., а послѣ нихъ 7.816.176 ф. с.; слѣдовательно, расходъ уменьшился на 2.274.589 ф. с. Конверсіи повели за собою, съ одной стороны, вслѣдствіе конверсіонныхъ премій увеличеніе капитала государственнаго долга на 7.805.570 ф. с., но съ другой стороны вслѣдствіе того, что несогласившимся на конверсію 1822—1830 гг. пришлось выплатить наличными деньгами 11.865.448 ф. с. и въ 1818 г. по займу 1797 г. еще 41.829 ф. с., или всего 11.907.277 ф. с.. капиталъ безсрочнаго государственнаго долга долженъ былъ уменьшиться на эту сумму ¹⁾).

Мы можемъ теперь обратиться къ своду всѣхъ тѣхъ суммъ, которыя должны были измѣнить состояніе государственнаго долга въ концѣ разсматриваемаго періода. Мы видѣли, что для реализаціи наличнаго капитала 79.355.896 ф. с. заключено безсрочныхъ займовъ на нарицательный капиталъ 102.614.345 ф. с. и для консолидацій билетовъ казначейства на 31.061.850 ф. с. заключено безсрочныхъ займовъ на нарицательный капиталъ 35.996.040 ф. с., въ то же время вслѣдствіе конверсіонныхъ премій безсрочный долгъ увеличился на 7.805.570 ф. с.; наконецъ, по разнымъ новодамъ долгъ увеличился еще на небольшую сумму 320.875 ф. с. ²⁾; слѣдовательно, всего безсрочный государственный долгъ въ 1817—1830 гг. долженъ былъ увеличиться на 146.736.880 ф. с.

Съ другой стороны, однако, операція двухъ Питтовскихъ погаси-

¹⁾ Такъ какъ изъ этой суммы 11.907.277 ф. с. часть въ 226.220 ф. была выплачена уже въ 1831 году, то на время до конца 1830 г. приходится собственно лишь 11.681.057 ф. с.; къ этой послѣдней суммѣ Report 1890, p. 77, прибавляетъ еще 47.767 ф. с., вылаченные въ 1824 при конверсіи старой 4%-ной ренты, но затѣмъ въ слѣдующемъ году обратно внесенные вслѣдствіе позднѣяго согласія на конверсію; Report 1890, pp. 76 и 77, считаетъ эту сумму въ расходѣ, какъ поводъ къ уменьшенію безсрочнаго долга, и затѣмъ въ приходѣ, какъ поводъ его увеличенія. Чтобы не уклоняться безъ особенной нужды отъ официальныхъ цифръ, мы будемъ считать сумму наличныхъ уплатъ за время до 1830 г. въ 11.728.824 ф. с.

²⁾ Въ томъ числѣ 47.767 ф. с. по конверсіи 1824 г. и 278.108 ф. с., явившиеся списанными съ безсрочнаго долга по уменьшеніямъ за счетъ выкуповъ стариннаго поземельнаго налога.

тельныхъ фондовъ (для Великобританіи и Ирландіи) въ послѣднемъ періодѣ ихъ дѣйствія (въ 1817—1829 гг.) имѣли предметомъ выкупъ суммы безсрочнаго государственнаго долга на нарицательный капиталъ 153.973.660 ф. с. ¹⁾. По упраздненіи же Питтовскихъ погасительныхъ фондовъ выкупъ безсрочнаго долга на ассигнуемыя для того средства не совсѣмъ прекратился: измѣнились лишь основанія, на которыхъ считали полезнымъ построить выкупъ и имъ заниматься. Мы упоминали уже, что тотъ же законъ, которымъ Питтовскіе фонды были упразднены, постановлялъ, что по истеченіи каждой четверти года должны подводиться итоги всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за истекшіе 12 мѣсяцевъ, и если окажется избытокъ доходовъ надъ расходами, то одна четверть этого избытка должна передаваться комиссарамъ погашенія государственныхъ долговъ для выкупа послѣднихъ (съ правомъ употреблять ассигнованныя суммы на уменьшеніе не только консолидированныхъ, но и несотвержденныхъ долговъ); выкупленные суммы постановлено окончательно списывать съ государственнаго долга, вслѣдствіе чего должна была прекратиться всякая уплата процентовъ по нимъ, такъ чтобъ уже никакого начисленія процентовъ на выкупленные долги совсѣмъ не было. Ассигнуемыя на этихъ основаніяхъ части бюджетныхъ избытковъ доходовъ надъ расходами продолжали именоваться погасительнымъ фондомъ, хотя это было своеобразный фондъ, который каждый годъ расходовался безъ остатка и которому нерѣдко совсѣмъ ничего не ассигновывалось (съ 1829 по 1890 г. было 20 лѣтъ, въ которыя означенному „фонду“ совсѣмъ не производилось ассигнованій на выкупъ долговъ). Тамъ не менѣе приходится оговорить, что вслѣдствіе перемѣны, произведенной въ 1875 г. сэромъ Стэффордомъ Норскоттомъ въ порядкахъ ассигнованія суммъ на платежи по государственнымъ долгамъ, фондъ, учрежденный въ 1829 году, получилъ названіе „старого погасительнаго фонда“ въ отличіе отъ параллельно дѣйствовавшаго съ 1875 г. „новаго погасительнаго фонда“ (относительно котораго объясненія бу-

¹⁾ Въ томъ числѣ: выкупами по биржевой цѣнѣ за счетъ Великобританіи (какъ было уже показано) 87.292.893 ф. с. и Ирландіи 5.270.465 ф., а всего 92.563.358 ф. с., при коихъ 900.347 ф. с. за счетъ предыдущаго періода и 172.374 ф. с. за счетъ дареній и отказовъ, а безъ этихъ двухъ суммъ реальныхъ выкуповъ по биржевымъ цѣнамъ нарицательный капиталъ 91.490.637 ф. с., за счетъ участія погасительныхъ фондовъ въ новыхъ займахъ на нарицательный капиталъ 60.448.678 ф. с. и по займу для Остъ-Индской компаніи 2.034.345 ф. с., а всего 153.973.660 ф. с. Report 1890, pp. 38—41 и 77.

дуть представлены въ свое время). Въ первые полтора года дѣйствія „старого“ фонда, съ іюля 1829 до конца 1830 г., на ассигнованныя ему средства произведено выкуповъ безсрочнаго долга на нарицательный капиталъ 3.358.799 ф. с. Прибавленіемъ этой суммы къ выкупамъ Питтовскихъ погасительныхъ фондовъ мы получаемъ общій итогъ выкуповъ безсрочнаго долга, достигавшій въ 1817—1830 годахъ 157.332.459 ф. с.

Къ этой суммѣ необходимо прибавить: 1) невольное уменьшеніе безсрочнаго долга, происшедшее вслѣдствіе тѣхъ частей, на которыя конверсія оказывались неудачными, и кредиторовъ приходилось удовлетворять наличными деньгами; какъ показало выше, вслѣдствіе этой причины въ 1822—1830 гг. безсрочный долгъ долженъ былъ уменьшаться на 11.728.824 ф. с.; 2) вслѣдствіе продолжавшагося выкупа стариннаго поземельнаго налога посредствомъ капитализаціи его и взноса въ казну подлежащей суммы капиталомъ безсрочной ренты долгъ по послѣдней въ 1817—1830 гг. уменьшился на 1.062.665 ф. с.; 3) особенно чувствительное уменьшеніе безсрочнаго долга произошло въ 1817—1830 гг. въ связи съ начатою въ 1808 г. операціею государственнаго страхованія. Хотя финансовый комитетъ сэра Генри Парнелля, по почину котораго былъ упраздненъ Питтовскій погасительный фондъ, выяснилъ и несостоятельность основаній, на которыхъ первоначально (въ 1808 г.) была поставлена операція государственнаго страхованія, раскрывъ ошибочность таблицъ смертности и составленныхъ по нимъ тарифовъ, по которымъ исчислялась капиталная стоимость пожизненныхъ и иныхъ срочныхъ аннуитетовъ (пенсій); но это лишь принесло большую пользу дѣлу, которое въ 1829 г. было переустроено и получило новыя болѣе прочныя основанія не только въ отношеніи техническомъ, но и въ самомъ своемъ существѣ. Тогда какъ первоначально продажа казною пожизненныхъ и иныхъ срочныхъ аннуитетовъ была предпринята съ прямою цѣлью этимъ путемъ содѣйствовать уменьшенію безсрочнаго государственнаго долга, эта задача при преобразованіи дѣла въ 1829 г. была признана несущественною, и на первый планъ была поставлена польза, которую означенною операціею правительство можетъ приносить населенію страны, особенно же болѣе состоятельному. Какой сильный толчокъ былъ сообщенъ дѣлу переустройства его въ 1829 г., можно видѣть изъ того, что съ 1808 г. до приостановленія въ 1828 г. операцій на старыхъ основаніяхъ за купленные у казны пожизненные и иные пенсіи, публика внесла нарицательный капиталъ безсрочнаго государственнаго

долга на 10.918.997 ф. с.; но переустройство же дѣла уже въ первые два года, въ 1829 и 1830 гг., публика купила столько пенсій, что ихъ капитальная стоимость была равноцѣнна нарицательному капиталу безсрочнаго долга въ 10.169.270 ф. с. Изъ совокупности послѣднихъ двухъ суммъ приходится: на время съ 1808 по 1816 г. лишь 3.449.955 ф. с., на время же съ 1817 до конца 1830 года уже 17.638.312 ф. с. Наконецъ, 4) на разсматриваемый періодъ приходится уменьшеніе безсрочнаго долга на сравнительно небольшую сумму 333.094 ф. с., вслѣдствіе уплаты наличными деньгами 130.391 ф. с. по капиталу займа 1797 г., согласно условіямъ его, и вслѣдствіе уменьшенія на 203.303 ф. с. капитала государственнаго долга отъ превращенія при конверсіи 1830 г. ничтожной суммы $4\frac{1}{2}\%$ -наго долга въ $5\frac{1}{2}\%$ -ный. Соединяя вмѣстѣ показанныя суммы уменьшенія безсрочнаго государственнаго долга, происшедшія помимо его выкуповъ (посредствомъ продажи пожизненныхъ и иныхъ пенсій, уплатъ наличными при конверсіяхъ, выкупомъ поземельнаго налога и т. д.), получаемъ общій ихъ итогъ въ 30.762.895 ф. с., которые вмѣстѣ съ итогомъ выкуповъ изъ средствъ погасительныхъ фондовъ въ 157.332.459 ф. с. даютъ общую сумму уменьшенія нарицательнаго капитала безсрочнаго государственнаго долга въ 1817—1830 годахъ въ 188.095.354 ф. с.

Такимъ образомъ безсрочный государственный долгъ Англіи въ 1817—1830 гг. въ нарицательномъ капиталѣ увеличился на 146.736.830 ф. с. и уменьшился на 188.095.354 ф. с., слѣдовательно, въ окончательномъ счетѣ онъ уменьшился на 41.358.524 ф. с. Въ началѣ 1817 года онъ достигалъ 800.239.327 ф. с., къ началу же 1831 г. онъ уже достигалъ лишь 758.880.803 ф. с. ¹⁾ Если съ

¹⁾ Return 1858 и Return 1869, съ одной стороны, и Report 1890, съ другой, показываютъ въ различныхъ суммахъ состояніе безсрочнаго государственнаго долга съ конца 1795 года. Такъ, къ концу 1816 г. государственный долгъ безсрочный составлялъ: по Return 1858 и Return 1869 нарицательный капиталъ 796.200.191 ф. с., а по Report 1890 нѣсколько больше—800.239.327 ф. с. Или къ концу 1830 г. нарицательный капиталъ безсрочнаго государственнаго долга составлялъ: по Return 1858 и Return 1869—сумму 755.543.884 ф. с., а по Report 1890—сумму 758.880.803 ф. с. Это различіе показаній объясняется слѣдующимъ образомъ. До недавняго времени въ Finance accounts состояніе суммъ по отдѣльнымъ элементамъ безсрочнаго государственнаго долга показывалось такъ, чтобы было видно: 1) сколько всего состояло долга, 2) сколько изъ той числѣ еще числилось суммъ, уже выкупленныхъ, но значившихся на имъ комиссаровъ погашенія государственнаго долга (standing in the name of Commissioners for reduction of the national debt) и только по неосуществленію нѣкоторыхъ формальностей еще не списанныхъ съ

показанной суммы всего происшедшаго въ 1817—1830 гг. уменьшенія безсрочнаго государственнаго долга на 41.358.524 ф. с. сбросить тѣ 30.762.895 ф. с., на которые долгъ въ то же время уменьшился въ нѣкоторомъ смыслѣ случайно, вслѣдствіе операций. при которыхъ уменьшеніе являлось лишь косвеннымъ ихъ послѣдствіемъ (неудачныя части конверсій, продажа пенсій и т. д.). то помимо этихъ операций уменьшеніе долга достигало лишь 10.595.629 ф. с., составляющихъ разность между суммою новыхъ безсрочныхъ долговъ, заключенныхъ въ 1817—1830 гг. на нарицательный капиталъ 146.736.830 ф. с., и суммою выкуповъ изъ средствъ погасительныхъ фондовъ, въ то же время достигавшихъ 157.332.459 ф. с.; очевидно, что едва ли стоило входить въ крупныя и часто убыточные расходы по этимъ обширнымъ операциямъ, чтобъ получить отъ нихъ, сравнительно, столь малый результатъ, особенно если еще принять въ соображеніе, что въ то же время въ 1817—1830 гг. обыкновенные доходы превышали обыкновенные и чрезвычайные расходы на 27.154.915 ф. с.

Болѣе существенно было въ разсматриваемомъ періодѣ уменьшеніе неотвержденнаго государственнаго долга; оно въ 1817—1820 гг. (какъ приготовительная мѣра для возобновленія въ 1820 г. разнѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету) простиралось на сумму 16.432.642 ф. с. и въ 1821—1830 гг. на сумму 6.018.650 ф. с., всего же въ 1817—1830 гг. нарицательная сумма неотвержденнаго государственнаго долга уменьшилась на 22.451.292 ф. с.

Соотвѣтственно указаннымъ перемѣнамъ въ капиталѣ государственнаго долга уменьшились въ 1817—1830 гг. и платежи по нему. Въ началѣ этого періода годовой платежъ по безсрочному долгу составлялъ 27.665.503 ф. с. Отъ новыхъ безсрочныхъ долговъ, заключенныхъ въ 1817—1830 гг., онъ долженъ былъ увеличиться на

государственныхъ долговъ; 3) сколько затѣмъ, за вычетомъ вторыхъ суммъ изъ первыхъ, остается дѣйствительно непогашеннаго долга (unredeemed debt). Return 1869 и Return 1868 показываютъ только послѣднія суммы; напротивъ, Report 1890 показываетъ первыя суммы, какъ формально болѣе правильныя. Въ нашемъ изложеніи мы слѣдовали до 1816 г. показаніямъ Return 1868 и Return 1869, потому что только они согласованы съ данными объ отдѣльныхъ займахъ, заключенныхъ въ 1793—1816 гг. За время же съ 1817 г., за которое мы можемъ согласовать съ данными объ отдѣльныхъ займахъ, заключававшихся въ различные отдѣльные года, а равно объ ихъ выкупахъ и погашеніи, показанія Report 1890, мы слѣдовали этому новѣйшему документу.

4.628.042 ф. с.; но съ другой стороны, отъ выкуновъ погасительнаго фонда онъ уменьшился на 4.912.670 ф. с.; сверхъ того, уменьшение безсрочнаго долга вслѣдствіе продажи пожизненныхъ пенсій и выкуна стариннаго поземельнаго налога тоже давало сбереженіе въ расходѣ въ 621.264 ф. с.; наконецъ, конверсіи и уплаты наличными деньгами несогласнымъ на конверсіи давали экономію на расходѣ въ 2.601.542 ф. с.; слѣдовательно, общій итогъ уменьшеній составлялъ 8.201.794 ф. с. Сбросивъ съ этой суммы показанное увеличеніе расхода отъ новыхъ займовъ (4.628.042 ф. с.), получимъ, что въ 1817—1830 гг. годовой расходъ на уплату интересовъ по безсрочному долгу уменьшился на 3.573.752 ф. с. Поэтому въ концѣ разсмотрѣннаго періода онъ составлялъ уже 24.091.751 ф. с. По неотверженному долгу годовой расходъ на уплату интересовъ уменьшился съ 2.208.694 ф. с. въ началѣ періода до 651.182 ф. с. въ концѣ его, на что сильно повлияло и въ этомъ случаѣ удешевленіе капиталовъ. По объѣмъ указаннымъ частямъ государственнаго долга годовой расходъ на уплату по нему интересовъ уменьшился на 5.131.264 ф. с. Но въ то же время отъ развитія страховой операціи и срочнаго займа, заключеннаго въ 1823 году у Англійскаго Банка, расходъ на срочные аннуитеты увеличился на 1.369.051 ф. с. Поэтому окончательное уменьшеніе платежей по государственному долгу въ 1817—1830 гг. составляло 3.762.213 ф. с. ¹⁾.

Илл. Науemannъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Подробнѣе данными о годовыхъ расходахъ по государственному долгу по Return 1868 и обстоятельному ихъ анализу за 1817—1830 въ Return 1869, II, 556—567. Сравнительно суммы представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ 1816 г.	Въ 1830 г.
Интересы по безсрочному долгу .	27,665.503	24.091.751
Аннуитеты на сроки дальніе (до 1860 г.).	1.354.545	1.193.089
" " " близкіе	229.962	783.214
" " пожизненные .	255.255	669.361
" по займу 1823 г. до 1867 г.	—	585.740
старинные .	88.561	65.970
Итого по долгу консолидированному.	29.693.826	27.389.125
неотверженному .	2.208.694	651.182
„ всѣмъ долгамъ .	31.902.520	28.040.307

ДВА ПАМЯТНИКА СТАРАГО ЗАПАДНОРУССКАГО НАРѢЧІЯ:

1) Лютеранскій катихизисъ 1562 года и

2) Католическій катихизисъ 1565 года.

Къ числу выдающихся памятниковъ на старомъ западнорусскомъ нарѣчїи, безспорно, принадлежитъ катихизисъ, напечатанный въ Несвижѣ въ 1562 году. Этотъ памятникъ замѣчателенъ какъ въ отношенїи языка, такъ и исторїи типографскаго искусства, не говоря уже о историко-литературномъ его значенїи, какъ источника для изученїя протестантизма въ Западной Руси. Проф. А. Н. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ по исторїи русскаго языка“ (въ 1-мъ и 2-мъ изданїяхъ) неоднократно дѣлаетъ ссылки на этотъ памятникъ; однако спеціальнаго его изученїя до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано, хотя это изученїе можетъ быть очень плодотворнымъ для исторїи русскаго языка вообще и бѣлорусскаго нарѣчїя въ частности.

Всѣхъ экземпляровъ этой книги И. Каратаевъ (Описанїе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кириллонскими буквами, С.-Пб., 1878 года, № 50) насчитываетъ около 6; у него же дано подробное описанїе катихизиса и указаны библиографическія дапныя. Къ замѣчанїямъ г. Каратаева прибавимъ, что значительные отрывки изъ катихизиса (изъ заголовка, посвященїе и страницы 4 текста, между прочимъ, съ апостольскимъ символомъ вѣры и молитвой Господней) напечатаны въ предисловіи (стр. XVI—XXIV) къ „Археографическому сборнику документовъ, относящихся къ исторїи Сѣверо-западной Руси, издаваемому при Управленїи Виленскаго учебнаго округа“, въ томѣ VII, вышедшемъ подъ редакціей Н. Гильдебрандта. Мы имѣли возможность пользоваться экземпляромъ С.-Петербургской Публичной Библіотеки, приобретеннымъ отъ И. Каратаева. Такъ какъ въ описанїи г. Каратаева, равно какъ и въ

изданіи г. Гилтебрадта часто допускаются неточности въ орфографіи, то не лишнимъ будетъ привести снова нѣкоторыя мѣста. На первомъ, заглавномъ листѣ, послѣ черной заставки, слѣдуетъ заголовокъ:

Катихисисъ, то есть, наѣка стародавнага хрїстіаньскага ѿ святаго писма, для простыхъ людей ѱзыка рѣскаго въпытаніахъ¹⁾ и ѿказіхъ събрана.

Далѣе (листы 2—6) идетъ посвященіе Радивиламъ, а въ концѣ:

Данъ ѡ Города Несвижскаго, ѿ воплощеніа Хрїтова, В'року тисач'номъ патъсопномъ шѣдесацномъ и вшоромъ. Мѣца Іюна дванадцатого дня.

Вашихъ Кнажацкїхъ мѣти.

повольные слуги

Матѡи Кавечиньскій.

Симѡнъ Будный.

Лаврѣтей Кришковскій.

Листы 7—9, представляющіе новую нумерацію, содержатъ предисловіе: „Къ всѣмъ благовѣрнымъ хрїстіаномъ ѱзыка рускаго предъсловіе къ катихисію“.

Только съ третьей нумераціей идетъ изложеніе катихизиса, при чемъ послѣдній раздѣляется на 4 части. Всѣхъ листовъ собственно въ катихизисѣ 251, а съ посвященіемъ и предисловіемъ 260. На оборотѣ послѣдняго листа находится слѣдующее послѣсловіе:

Доконана ѣ сіа книга зованага Греческимъ ѱзыкомъ Капихисисъ, а пословенски оглашеніе, Богу кочти и посполитымъ людемъ ѱзыка Роускаго к'наказавъ юдоброму наѣченъ, наклады болюбивныи мужей, Пана Матѡи Кавечиньскаго Намѣстника Несвижскаго, Симѡна Будного, Лаврѣтей Кришковскаго. На городѣ Несвижскимъ. Подъ лѣпы ѿ воплощеніа спасова, тисеча, патъсопъ шѣдесать вшорого, месеца Іюна дасатого дня.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ данныхъ, книга появилась исключительно въ предѣлахъ южной части Бѣлоруссіи (Клецкъ—предисловіе писано 8 клец'кѡ 3ѡ предисловіе, Несвижъ), по близости съ Полѣсьемъ; поэтому, естественно, что въ ней, рядомъ съ формами бѣлорусскими, иногда встрѣчаются и черты, нѣсколько напоминающія малорусскія особенности. Съ другой стороны, такъ какъ составители катихизиса, особенно Симѡнъ Будный, писали и по-польски (послѣдній, какъ извѣстно, сдѣлалъ переводъ Библіи на польскій ѱзыкъ), то

¹⁾ Опечатка, вм. пытаніахъ.

естественно, что въ ихъ катихизисѣ встрѣчается также много полонизмовъ, хотя издателя его въ посвященіи Радивиляшъ и заявляютъ: „Слушная речъ естъ, абы ваши княжцѣскіе милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давнѣе предѣки и ихъ княжцѣскіе милости навоѣи отци нашихъ княжцѣскихъ милости славяне предѣишии преложеньства несутъ“. Впрочемъ полонизмы замѣтны въ словарномъ запасѣ и только изрѣдка въ звукахъ и формахъ. Наконецъ, въ книгѣ иногда очень замѣтна церковно-славянская стихія: это въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся тексты св. писанія; тутъ попадаются даже очень архаическія написанія, въ родѣ: *кѣмъ хрѣмъ*, *мѣзчавиго*, *траѣщай* госа и под. Интересно, что, хотя въ Западной Руси въ началѣ XVI вѣка уже былъ въ обращеніи переводъ Библии Ф. Скорины, составители катихизиса имъ, кажется, не пользовались. При разсмотрѣніи языка разныя постороннія вліянія постоянно придется выдѣлять.

При обзорѣ старопечатныхъ книгъ, какъ и рукописей, любознательнаго читателя интересуютъ не только ихъ содержаніе и языкъ, но даже и шрифтъ. Каратаевъ (а за нимъ и Гильдебрандтъ) находитъ, что образцомъ для Несвижскихъ изданій служилъ Скоринскій шрифтъ; обстоятельное разсмотрѣніе его принадлежитъ Н. В. Владимирову въ его извѣстной книгѣ: „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ, С.-Пб., 1888 г.“ (стр. 202—204). Въ сочиненіи „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Варшана, 1893 г.“ (стр. 118—119; то же въ *Русск. Фил. Вѣстн.*, т. XXVIII, стр. 174—175), касаясь шрифта Евангелія Тяпинскаго, мы приводили мнѣніе арх. Леониды, что у Тяпинскаго и въ катихизисѣ 1562 года одинъ и тотъ же шрифтъ. Сравненіе, дѣйствительно, оправдываетъ это предположеніе. Слѣдуетъ только сдѣлать оговорку относительно того, что въ посвященіи, предисловіи и самомъ катихизисѣ шрифтъ не одинъ и тотъ же, хотя и сходнаго рисунка.

Что касается второй книги — катихизиса 1585 года, то она привлечена къ изслѣдованію главнымъ образомъ потому, что, будучи малой по объему (въ экземплярѣ С.-Петербургской Публичной Библіотеки которымъ мы пользовались), она содержитъ обиліе интересныхъ данныхъ. Въ упомянутой книгѣ Каратаева этотъ катихизисъ описанъ (съ чужихъ словъ) подъ № 98. Тамъ же и библіографія. На первомъ листѣ находится слѣдующій заголовокъ:

Катехизмъ или наоука всѣмъ православнымъ хрѣтіанѣмъ кповѣщенію веіміи полѣзно златискогѣ языка на рѣскіи языкъ. нѣво прело-

жоно. Дрѣкованъ, оувильни рокѣ, бѣ нарѣ ꙗ ꙑ ꙑе. хдохвольенъ жъ, старѣшихъ.

Всего 11 листиковъ. Сначала идетъ нумерація внизу, а затѣмъ ея нѣтъ. Уцѣлѣла только V-ая глава катихизиса, которая и слѣдуетъ непосредственно послѣ заглавнаго листа; первые 4 главы утеряны. Въ концѣ книги напечатано: „Слава гдѣ бѣу“.

Шрифтъ совершенно другой, нежели въ катихизисѣ 1562 года. Въ немъ замѣчательны начертанія для ѣ (похоже на курсинное ѣ), ж (и, а иногда 7: достигнѣть 2), и и ѣ (оба часто передаются посредствомъ и) и ч (ч).

Имѣя сдѣланъ переводъ этого катихизиса съ латинскаго, трудно сказать. Несомнѣнно только, что онъ предпринятъ съ цѣлью дать опоръ лютеранамъ, а также, вѣроятно, не безъ намѣренія совращенія православныхъ въ католичество: этимъ, я думаю, слѣдуетъ объяснить и мистификацію въ заголовкѣ (всѣмъ православнымъ...).

Затѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію особенностей языка. Такъ какъ большинство ссылокъ будетъ касаться катихизиса 1562 года, то на него будутъ указывать однѣ цифры, безъ поясненій; при ссылкахъ на второй памятникъ будемъ прибавлять—Рим.

Фонетика.

Гласные звуки.

Въ старомъ западно-русскомъ нарѣчїи, какъ и въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ, въ области явленій, находящихся въ зависимости отъ ударенія, первое мѣсто занимаетъ *аканье*. Въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ достовѣрныхъ случаевъ *аканья* встрѣчается не особенно много: разсѣяаны 96 Рим., гараздъ разсмотрѣти 211 (ср. „Къ исторїи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“, стр. 182), *ѡнавала* 235, грѣхъ *сидомъскїи* 4 Рим.; послѣдній случай, какъ въ иностранномъ словѣ, имѣетъ мало значенія. Не больше значенія имѣютъ и слѣдующіе примѣры: катихизмъ 16 Рим. (при катихизмѣ 1 стр.), чланки (члены) 2366 (при польскомъ *członek*; а, вѣроятно, подъ удареніемъ: не опечатка ли?). Въ „благославленное надеѣ ѡжидать“ 5 предисл., „о насенью *блѣгославенѡ*“ 3 предисл. „*блѣгославилъ*“ 73—слѣдуетъ видѣть скорѣе явленіе словообразованія, а не фонетика. Не указываютъ на *аканье* и случаи появленія *а* въ глаголахъ вида многократнаго, какъ *помагали* 1706, *лимати* (нару-

шать) 98, позволяють 636 рядомъ съ полагаетъ 43. Другое дѣло—появленіе *о* вмѣсто *а* въ такихъ примѣрахъ, какъ: довають 90, худотай 176, ходотай 127, ходотай 1476 рядомъ съ ходатаи 1726; здѣсь о явное указаніе на аканье: корректоръ (или самъ авторъ), очевидно, одинаково произносилъ *а* и *о* безъ ударенія, и поэтому, желая соблюсти этимологическое правописаніе, употреблялъ *о* даже тамъ, гдѣ должно быть *а*. Оттѣтъ же соображеніемъ объясняется и употребленіе *о* вмѣсто *а* въ двойниковыхъ формахъ: ровного 16, а также въ извѣстной приставкѣ: роз—рос: роздѣляется 16 Рим., розуму 2 посвящ., розъсмотри 3 ib., размышляла 48, сирѣть роспатую 129.

Теперешнее бѣлорусское аканье простирается и на *е*, какого бы происхожденія оно ни было (изъ *е*, *ь*, *ѣ*). Въ рассматриваемыхъ памятникахъ это явленіе рѣдко: негожа (непристойно) 556, 159; причащенье 466 и размышляла 48 сюда, вѣроятно, не относятся.

Иногда на мѣстѣ *е* безударнаго появляется и: чри'са (черезъ ся) 36 Рим., нихай (пусть) 356, презвитира 2396, антикари 766 (съ отвердѣніемъ *т*).

Явленіе, совершенно противоположное аканью, но также обусловливаемое безударностью гласнаго, представляетъ появленіе на мѣстѣ безударнаго *а*, которому предшествуетъ мягкій согласный или *й*, звука *е*. Последний возможенъ на мѣстѣ *а* изъ основнаго *а*, а или даже *ъ* послѣ шипящихъ и *й*, напримѣръ: а) *е* изъ *а*=*а*: святѣишѣ 1х8 36 Рим., светого 1 пред., священниковъ 242, свѣщцыные 2 предисл., памѣтѣ 116 Рим., памяти (pamietac) 26 посвящ., 8номенутѣ 1476, розгледѣти 142, гледѣти 210, притегнутѣ 4 пред., йстезапѣ 4 Рим., тисльчѣи 9, тисечи (а раньше было тисачев) 1 посвящ., девѣтины (чит. девѣтѣны—помянки на 9-ый день) 2 ib., жадають 2 пред.; сюда же можно бы отнести и „небеса бѣтвердишеса“ 1256, хотя на отсутствіе согласованія въ этомъ аористѣ можно смотрѣть и иначе (ср. *Соболевскій*, Лекціи¹... 210); тотъ же переходъ *а* въ *е* въ княжескихъ при княжачьскіе 46 предисл.; конечно, старина въ племенника 98. б) *Е* изъ *а*=*а*—*а*: възбранѣ ющимъ 28 (подъ удареніемъ?), кланѣють, кланѣтиса 11, смѣса кланѣла 56, старѣють (стараются) 184, неприетѣла 1776, рыцерами 56 пред. в) *Е* изъ *а*=*ѣ*: слышѣли 1676, ѡдѣржѣли 32, мейшееть 19. Иногда *е*, получившееся изъ *а*, можетъ переходить въ *и*: воды твоѣ дѣли 946.

Въ зависимости отъ положенія гласнаго внѣ ударенія находится и переходъ *и* изъ *е*: ѡгнатѣи 156, воѣнскую 796; *е* въ хрѣстѣиѣстѣи 36 можно объяснить и влияніемъ хрестъ—крестъ. *Е* въ случаяхъ,

нѣ родѣ: находѣмъ 536, приступѣмъ 138, не бучете 53 (всѣ формы изъяснительнаго наклоненія), можетъ представлять и звуковое явленіе, но также могло появиться и подѣ влияніемъ такихъ формъ, какъ—дѣлаемъ, дѣлаете и т. д. Несомнѣнные полонизмы слѣдуетъ видѣть въ—розбѣрагъ 396, розбѣраныи 1136, ѿбераѣтъ 236, ѿберати 67, съберати 48, ѿмѣраючи 1336, затѣрають (затирають) 476, дозерати 67, незапераю 1966, розжегаѣтъ 155.

Звукъ *е* (изъ основныхъ *є* и *ь*) въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ подѣ удареніемъ передѣ слѣдующей твердой согласной обыкновенно переходитъ въ *о* (*ѳ*); однако въ разсматриваемыхъ памятникахъ о *язъ е* можно наблюдать только послѣ *р* и шипящихъ, гдѣ слышалось явственное *о*: господаромъ 546, господаровъ 596, царомъ 59, шостаа (читай шбс...) 2056. Весолую 187, какъ полонизмъ. сюда не относится. Странно встрѣчать написаніе ѿцѣмъ 526, гдѣ *ѣ* какъ бы указываеъ на звукъ *е*, а не *о*. Послѣ шипящихъ въ *о* переходить и *е* безударное: дѣвочомъ животѣ 127. Нашъ взглядъ на это явленіе изложенъ въ сочиненіи „Изъ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“, стр. 195.

Гласный *у*, будучи лишенъ ударенія, въ бѣлорусскихъ говорахъ переходитъ въ полугласный *ѳ*, что въ старыхъ памятникахъ обыкновенно обозначается посредствомъ *ѳ*: ѳже 66, 12, ѳже 386, наѳчаѣтъ 17, 4, наѳчаніѳ 176, поѳчѣнію 1 Рим., вѳживають 896, на ѳрадѣ, (а ниже) на ѳрадѣ 556, ѳрадѣники 51.

Кромѣ *у*, сокращенію, а затѣмъ и потерѣ подвергаются и другіе гласные звуки, напримѣръ, *ѳ*: нагорѣшаа 86, навыѣшшего 2 пред., наперѣвей 86, наболей 1 посвящ.; познавѣе 36—гдѣ можно видѣть и старину. Только съ современной точки зрѣнія можно говорить о потерѣ *о* и *е* въ словахъ: церкѣвию 1596, кочти 2516, вѣчти 223, 71, кѣчти 17.

Несомнѣнно, въ зависимости отъ ударенія находится также слитіе рядомъ стоящихъ безударныхъ гласныхъ, напримѣръ: Ёреѳъ 18-бѣтсе (=60-ото-се—потому что потѣ) 5 предис.; ѳ лежаши 1346 (гдѣ, однако, можно видѣть и форму отъ лежане, съ удвоеннымъ согласнымъ).

Переходимъ къ явленіямъ въ области гласныхъ звуковъ, не явни, сящимъ отъ положенія послѣднихъ подѣ удареніемъ.

Начнемъ съ *ѣ*. Эта буква, конечно, обозначаетъ звукъ тождественный съ *е*, поэтому и находимъ ихъ взаимное употребленіе—одной вмѣсто другой: а) *ѣ* вмѣсто *е*: частѣѣи 36, ѿ ѣгожѣ самого 56 пред.,

гретѣго 26, мѣне іѵ, нмѣниіѵ, десатѣро 2, дѣсѣтословнѣмъ 2, потѣраетъ 3 посвящ., даже Ѡвѣль 3 іѵ., гдѣ ѡ, вѣроятнѣ, на мѣстѣ ѡ (ѣ); 6) е вмѣсто ѡ: свѣдѣство 236, детокъ 1 и т. д. Иногда на мѣстѣ ѡ находитъ и другихъ замѣнителей: 1) іѣе, є: діесность 26 Рим., бесѣде 244; однако первое начертаніе скорѣе обозначаетъ стремленіе передать ѡ такимъ же способомъ, какой практикуется въ польскомъ языкѣ, а второе—съ є—просто случайность; 2) ѡ въ промѣль (про-лиль) 161—малоруссизмъ.

Буквы ѡ и ѡ по преданію употребляются болѣе или менѣе правильно, иногда даже по образцу старѣйшихъ памятниковъ: вѣло-щенъа 6 пред., сѣвѣстїю 28 и др.; но часто также наблюдаемъ и слѣды югославянскаго вліянія: Петръ 546, 139, крепокъ и реѣннѣ 9, добръ ѣсть ѡбычай 91, скрежетъ 187 и т. д. Въ разсматриваемыхъ памятникахъ очень часто (даже чаще, чѣмъ въ теперешнемъ разговорномъ языкѣ) замѣчается постановка на мѣстѣ ѡ и ѡ гласныхъ ѡ и е: содрѣвшѣ слепоту 36 пред., вѣметѣмъ 66 Рим.; кленеть 196, соінеца 44, царество 8, царствѣ 209, богатѣства 7, богатѣство 63. Вмѣсто ѡ иногда встрѣчаемъ ку: куѣстинѣному 4 пред. Есть немногочисленные случаи, гдѣ на мѣстѣ ѡ и ѡ стоятъ ѡ и ѡ: блѣннѣ чѣтнѣ сѣрдѣемъ ако тнѣ бѣа 83ратѣ 106 Рим., доволнѣ (довольно) 31.

Что касается формъ полногласныхъ, то, кромѣ обычныхъ, иногда попадаются очень рѣдкіе случаи: норовы 26 посвящ., нагороженъа 162, полоненьѣмъ 86, померети 194, вередити 766, верещити 646, верескомъ (голосомъ вересклявымъ) 65. Съ другой стороны иногда встрѣчаются и неполногласныя формы, больше полонизмы: сѣбѣрю 12, препрощѣннѣмъ 5 Рим., сромѣцкѣнѣ 84.

Въ старыхъ западно-русскихъ памятникахъ иногда, вопреки теперешнему бѣлорусскому нарѣчію, встрѣчаются слоги *ой—ей* на мѣстѣ церковнославянскихъ *ѡи—ѡи, ни—ни*. Подобные случаи попадаются и въ разсматриваемыхъ памятникахъ: Лаврѣтей 6 посвящ., повьѣстѣмъ 1116, большой 336 (хотя послѣднее могло образоваться и по аналогіи *повѣи—новѣи* и т. п.).

Въ отдѣлѣ о гласныхъ отмѣтимъ еще нѣкоторыя мелкія явленія.

Вставку гласнаго слѣдуетъ видѣть въ обѣзвѣтѣ (обязуетъ) 2466; приставку—въ ѡкроме того 536.

Гласный *е* стоитъ на мѣстѣ *о*: репѣтали 716 (не слѣдуетъ ли видѣть здѣсь репт...?), сѣмѣлемъ 112, препѣтаѣтъ, препѣтавнѣ 1926 (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ, вѣроятно, своеобразное словопроизводство).

На мѣстѣ ожидаемаго *о* находимъ *у*, вѣроятно, подъ малорусскимъ (или скорѣе южно-бѣлорусскимъ) вліяніемъ: хугъ (желаніе, расположеніе) 766, 184, субботую или шабасомъ знали 446, Ѹбогатитиса 96 (здѣсь можетъ быть и приставка Ѹ). У на мѣстѣ *ы* (если это не опечатка: *у* польское): властывуѣ 183.

Звукъ *о* замѣняетъ посредствомъ *и*: синлиністю 142 (ср. „Къ исторіи“... 223); въ „не только“—явленіе словопроизводства.

Такое же особенное образованіе, а не фонетическое явленіе слѣдуетъ видѣть въ прелюбыдѣемъ 346, а также въ всегда 1816, помечити 20 (вмѣсто—нути).

Простые гласные вмѣсто йотованныхъ на письмѣ, а, можетъ быть, и въ произношеніи (ср. „Къ исторіи“... 224) находимъ въ словахъ: добраа 576, такоаа 84, двѣа жена (дѣвая), таа розница 34, нагоршаа 86, съхравѣа 43, пытаѣахъ 1 пред.

Въ катихизисѣ 1585 г. встрѣчаются странные случаи йотаци *и*: иісточникъ, иіныя 2 Рим.

Согласные звуки.

Однимъ изъ выдающихся свойствъ теперешняго бѣлорусскаго нарѣчія является обращеніе въ *и* при извѣстныхъ условіяхъ звука *е* въ *ѹ*; то же наблюдается и въ старинныхъ памятникахъ, только въ нихъ *ѹ* выражается посредствомъ простаго *у*; такъ въ нашихъ памятникахъ читаемъ: Ѹпотѣ 38, не Ѹпалъ Ѹ пленицу бесовскую 35, Ѹстомѣ 126, Ѹ житію 14, Ѹ томѣ словѣ 56, оувиѣли 1, Рим.

Случаи появленія *ѹ* на мѣстѣ *е* въ старыхъ памятникахъ вообще встрѣчаются рѣдко; въ данныхъ—намъ попался только одинъ: абы есь доѹго житѣ на землі 496.

Къ мягкому *р*, какъ теперь, такъ и въ старину бѣлоруссы были нечувствительны, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, обозначеніе мягкости тамъ, гдѣ долженъ быть твердый *р*: срѣбрю 12, ѿбрюжъ 13, берють 200, саррю 1006, ѿгору 1016, добрихъ 7 Рим., ѿткриѹ 36 посвящ., которихъ 116, покриваетъ 19, которѣ 72, рыбы 796, Крышковскій 6 пред., а въ концѣ книги Крышк.; съ другой стороны—на мѣстѣ мягкаго *р* находимъ твердый: потѣраетъ 3 посвящ., потѣрають 86, Ѹраѣники 57, цара 64, грады (даже въ церковнославянскомъ текстѣ) 2176, говорачѣ 101, Ѹстерогъ 1266, господа-ромъ 346, тры 7 Рим., примато 76 id., сториѹный 336, настырм 51, цары 536, матеры 706, теперь 147, 1046, розшириѹтъ 68.

Такому же вторичному отвердѣнію, какъ *p*, подвергаются и губные звуки, если имъ приходится стоять въ изглашеніи словъ: *церьковъ* 2 посвящ.. *любовъ* 476, *црвъ* 1646.

Случаевъ перехода *t* и *d* въ *ц* и *dz* не встрѣтилось; даже въ словахъ, заимствованныхъ съ польскаго. *ц'* замѣняется посредствомъ *m*: *обещамъ* 26 пред.

Обычное въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ удвоеніе согласныхъ на мѣстѣ согласнаго + *j* отражается и въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ: *роказаннемъ* 46 Рим., *преврощенемъ* 5 ib., *побѣженнемъ* 4 ib., *замѣчаннемъ* 46 ib., *подѣщенемъ* ib., *настоламъ* 326. Однако часто удвоеніе согласнаго и не обозначается: о немъ можно судить только по отсутствію *j* (ь): *хрѣмане* 241, *маньство* (пьянство) 56 Рим., *девежю* 46 ib., *поученемъ* 26 посвящ., въ терпѣни 456, по зглажѣю 3 пред. Есть случаи, гдѣ даже сохраняется и *j* (ь): *напомянаніѣ* 26 посвящ., *зтраченю* 26 пред., *приреченья* 976. Ничего общаго съ указанными случаями удвоенія не имѣютъ слѣдующіе: *оучениця* 1 посвящ., *бучен'яки* 213, *истинною* 11, *ѣстинны* 36 Рим., *ѣпоуценымъ* 3 ib.

Основные *dj* и *mj*, какъ и въ общерусскомъ, имѣютъ замѣны ж и ч: *роженіа* 113, *надѣжи* 16 Рим., *ѣвоженъ* 2066, *навеженъ* 46 пред., *вожовъ* 5 пред., *межю* людей 566, *шсужають* 186, *бужоженіа* 116, *надѣжю* 56; *всемогучь* 2 пред., *печери* 616. Изрѣдка попадаютъ случаи и церковнославянскаго смягченія: *въплощенья* 6 пред., а также польскаго *ѣмоцы* 88, *бевецовъ* 2 пред., *обещать* ib., *ѣбѣцаль* 9. Въ „*бчисленію*“ 127 совершенно отсутствуетъ смягченіе.

Шипящіе согласные и свистящій *ц* въ однихъ случаяхъ обыкновенно соединяются съ „мягкими“ гласными (ю, я, ь): *прошю* 886, *чюда* 37, *пишчю* 56, *межю* 566, *причащатиса* 476, *дочька* 3, въ другихъ—съ „твердыми“ (ы, о, ъ): *долѣишны* 1956, *тажыт* 23, *содравшы* 36 пред.; *шостаа* 2056, *почомъ* 16, *чотыри* ib.; *маешъ* 346, *ложъ* 28, *согрѣшишъ* 116 Рим., *бѣцъ* 56 пред. Есть, конечно, и отступленія въ ту и другую сторону.

Соединеніе однородныхъ сегласныхъ звуковъ наблюдается не только въ старинныхъ сочетаніяхъ, но и въ позднѣйшихъ, получившихся вслѣдствіе потери гласности *ъ* и *ь*. а также отъ другихъ причинъ. Такъ, находимъ 1) переходъ безгласныхъ передъ гласными въ гласовые: *прозба* 1656, 182, *збору* 2 пред., *зѣши* (но—и стѣла) 192, *здругомъ* 356, *згожається* 596, по зглажѣю 3 пред., *згрѣхомъ* 191. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, этотъ пере-

ходъ особенно бываетъ при предлогѣ съ. смѣшавшемся съ *изъ*. З находитъ также передъ нейтральными согласными и даже гласными: зводити 91, зѣброу 366, зложено 1526, з'нову (снова) 26 пред., знѣдешъ 37, знесло 36 посвящ., ѿгнь спалъ ѿ неба 376, змаетностей 95, зраа 38, церковь ёсть злоудей 1596, здрадоу 88, збавлю 166; въ послѣднихъ пяти примѣрахъ з = *изъ*; вслѣдствіе такого полнаго совпаденія этихъ предлоговъ *изъ* передъ безгласными иногда принимаетъ видъ с : съ всѣхъ 179 (даже передъ голосовымъ!), для скажонного прироженъ (вслѣдствіе испорченной природы) 189; з передъ гласными: зѣбсобиного 26 пред., не рачилъ зоставити (zostawić) 11., зындоша 2476 (изъ зындона съ вторичнымъ возобновленіемъ *и*). 2) Голосовые передъ безгласными тоже переходятъ въ безгласные: мерскую 876, промш'ку 62, исцеляючи 47, расчынй 43, скотч'рыхъ іако бы зглавъ 2 Рим., воставшего 786, россмотри 213, бесплодны 616; даже предлогъ съ передъ безгласными не мѣняетъ своего вида: спинаго 71, с'собоу 20. Иногда, впрочемъ, встрѣчаемъ и ложно-этимологическое написаніе, вполне противорѣчащее указаннымъ законамъ: вс'здаиѣ 1236, прѣкинешъ 137, стережись 346, розкажеть 546, веиже (вѣдъ же) 124, розширають 68. 3) Твердые согласные передъ мягкими переходятъ въ мягкіе: справдѣлиность 86 Рим., возлюблѣнь 9 11., казѣни 46, басыни 186; ѿбыдѣнѣи 84. Что касается обозначенія мягкости въ суффиксахъ *зск*, *зсм*, *зш*, *зх*: хрѣстианскій 1, подобенства 26 пред., оучинокъ телѣсннхъ 5 Рим.,—то это явленіе не фонетическое. 4) Мягкіе согласные передъ твердыми твердѣютъ: не возму 25, седьмого 26, ѿмоѣ 88, нисма 1 пред. 5) Шипящіе передъ свистящими переходятъ въ свистящіе и наоборотъ. Дальнѣйшею ступенью было упрощеніе получившихся такимъ путемъ согласныхъ группъ: князтва 2 пред., княжац'ские 4 пред., турецкнхъ 86, сромоческнхъ 84 (въ послѣднихъ примѣрахъ *цс*—хитрое написаніе вмѣсто одного *ц*).

На *жонцѣ* словъ, въ изглашеніи, голосовые, конечно, замѣнялись безгласными, хотя и не всегда на письмѣ находилъ отраженіе этотъ переходъ: доицъ 85, скажиими теиѣрь (повелит.) 202; ложно-этимологическое написаніе въ *обачажъ* 256 (2 л. изъяснит. пак.).

Въ зависимости отъ потери *ъ* и *ѣ*, какъ гласныхъ звуковъ, находятъ также перемѣны, происшедшія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ согласныхъ созвучіяхъ: 1) *кт* (изъ *кѣт*) перешло въ *шт*: ниhto 4 пред.; 2) *чт* (изъ *чѣт*) перешло въ *шт*: што 36, штоса 56 предисл.; 3) *стл* (изъ *стѣл*) перешло въ *сл*: рядомъ съ ёстли 2 посвящ., ёстлибы

10 находимъ если 21; 4) *сти* и *зди* (изъ стын, здын) замѣнилось посредствомъ *си*, *ти*: частные доходы 636, празновати 46; 5) *оста* (изъ встыя) измѣнилось въ *сти*: плюгастнѣ 836. Это же сочетаніе находимъ и на мѣстѣ: *тыста* (?) въ словѣ свидѣство 153. 6) Группа *си* въ словѣ *доска* измѣнилась въ *цк*: доицька 4, доицьѣ 1b.

Гортанные звуки, кромѣ смягченія въ шипящія, какъ и въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ, допускаютъ переходъ и въ свистящія: о бозе 61. присазе 36 и даже передъ *и* въ ям. мн. ч.: простушци 486. Очень часто встрѣчаются еще случаи соединенія гортанныхъ съ *м*: хмба 29, 118, похыбы 2006, науки 52. присагы 176, многие 159. но также находимъ и мѣхи 63.

Изъ рѣдкихъ случаевъ смягченія другихъ согласныхъ отмѣтимъ: не дражнитса 79. вымышали 66.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя менѣе важныя явленія въ области согласныхъ: а) вставку согласныхъ—*с*: надѣвастиса (надѣяться) 1686,—*ј*: мещанье 856, страстьѣ 92,—*т*: паствиль 89; въ „потагнѣтъ“ 336 возстановлено коренное *з*. б) Приставку *с* находимъ въ сокрестъ 59; в) выпаденіе *с* въ заповѣдаю (заповѣдаю) 220,—*а*=*ј*: обѣавиль 109,—*т*: срашениъ 956 (страноци). г) Отпаденіе разныхъ согласныхъ можно наблюдать въ началѣ и въ концѣ словъ — *с*: ѿже 89, ѿ 234 (хотя въ словѣ *вога* на *с* можно смотрѣть и какъ на приставку; тогда здѣсь будетъ старина), вспоминаеть (всп...) 396;—*и*: ѡвада (= говяда—рогатый скоть?) 214, бо рѣки (=бо греки) 114. на концѣ—въ словѣ четвѣр 44;—*х*: на горѣ *Орявѣ (Хоривѣ) 106.

Говоря о разныхъ измѣненіяхъ въ области согласныхъ, нельзя пройти молчаніемъ и случаевъ вторичнаго отвердѣнія и умягченія послѣднихъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ ниже примѣровъ можно видѣть и опечатки, въ другихъ же польское, чешское и малорусское вліянія, но немало ихъ представляетъ и собственно западно-русскія особенности. Обыкновенно отвердѣнію подвергаются зубные звуки (объ *р*, а также о губныхъ рѣчь была уже раньше). Примѣры: робяили 27, ѡравпаю 133, приравнаса 223 (ср. польск. *gównaś. чш. гоулаті*), третса (опечатка?) 16, нельза 516. въ Авелу 231, ѡбяно 94, печала свою 1926, ниланыи 16 посвящ.. епаньгелское *ib.*, несъ 16 Рим., досытъ 16 посвящ.. дождя 192. тыраннѣ 80. прѣставити 2426, едино (*jedyno*) 219, посреди 566, напыхають 63; послѣдній днѣ 1896, стародавнѣа 1 пред., ближнего 22, 3. теперешного 23. Примѣры вторичной мягкости согласныхъ: називаеть 26 посвящ.. выбралъ 161. Въ мѣтина 91, мѣтину 386—вѣроятно, не фо-

нечетическое явленіе (ср. „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣл. рѣчи“, стр. 257).

Несомнѣнно полонизмы въ слѣдующихъ звуковыхъ замѣнахъ: *х* посредствомъ *к*: клопоты 326 (kłopotu), *н* посредствомъ *ф*: ѣфаючи (надѣясь) 8 (ufać), *ш* посредствомъ *х*: слухати 386 (słuchać), *в* посредствомъ *б*: діаболь 286 (djabo!); въ появленіи *м* на мѣстѣ *н* въ словѣ: Миколаевъ 2 пред., можно видѣть и чисто бѣлорусскую особенность.

Въ появленіи *ц* на мѣстѣ *ч*—третьеѣ части конецъ 210—можно бы видѣть примѣту сѣвернобѣлорусскихъ говоровъ, но вслѣдствіе единичности этого случая лучше объяснить его, какъ опечатку.

Появленіе *л* вмѣсто *в* въ слободни 104—особенность почти общерусская.

Непонятна причина появленія *х* вмѣсто *з* въ словѣ зръхъ: ко ўставленію хрехомъ 32, хрѣхѡвъ 146. Не оказало ли здѣсь вліянія слѣдующее *х*?

Особенностями письма XV—XVI вѣковъ слѣдуетъ объяснять употребленіе *з* вмѣсто *ж*: княз 806, 656, 536, прозба 1656, змѣжущихъ 167, казнѣ 86.

Морфологія.

Склоненія.

Имя существительное.

Особенности въ родѣ. Переимѣна рода вообще встрѣчается рѣдко: больше подъ польскимъ вліяніемъ. Примѣры: ѡтворѣ дверь 1766, с тоѣ Содомы антихристовой 36 предисл.; ѡуставы своѣа (ustawy) 215, обѣтници (obietnicy) 26 пред. (обѣщанья).

Особенности въ числѣ. Отъ двойственного числа истрѣчаются незначительные остатки: ѡ серѣцѣ и ѡчѣю ншыхъ 36 пред., днѣ ѡчѣ нмашу вѣтвержену быти (изъ текстовъ св. писанія) 1646, вѣруце божіе и деть 170. Послѣ два находимъ множественное число: два пожитки вѣликіе 1636. Множественное число иногда съ удобствомъ выражаетъ существительнымъ собирательнымъ: жидова и мнихи 2156.

Особенности отдѣльныхъ надежей. Единственное число.

Именительный п. представляетъ обычные окончанія; какъ болѣе архаическіи отмѣтимъ: прѣтаа мати 202, тела 15. Встрѣтился одинъ случай постановки звательнаго падежа на мѣстѣ именительнаго: Софрѡнѣ писать 14.

Звательный падеж—явленіе обычное: юродѣ 75, господарю 646.

Родительный п. представляет слѣдующія особенности: а) окончаніе *у* у словъ мужскаго рода 1-го склоненія: зыгѣву 20, з' Египту 3 пред., но даѣ швоцѣ 66 Рим., гѣву не держати 766. третьяго ршдѣ 26, мѣрю (т. миру) або покоа не чинилъ 58. б) У лицъ на *и* родительный на *ю*: сынове Ноѣго 68, Ноѣго сынъ 71. с) Слова женскаго рода мягкаго различія часто имѣють ж: ѿ лица Іезавелѣ царицѣ 136, сѣмъ троицѣ 226, одлако d) бываетъ и м: суди (чит. судэдзи — судьи) 1286. е) Въ текстахъ изъ св. писанія иногда попадаются глубокіе архаизмы: крове дѣла 82.

Дательный п.: къ дѣщи (къ дочери) 1406.

Винительный п.: Сираховича (сына Сирахова) 120—форма, замѣчательная скорѣе по суффиксу *ович*.

Творительный п. представляет правильное отраженіе старинныхъ окончаній: сынѡмъ перворожденнымъ 2 пред., ѡцѣмъ 526, гдѣмъ 180; даже съ *ъ* на концѣ: побѣжденнымъ 46 Рим., розказаннемъ *ib*.

Мѣстный п., кромѣ обычныхъ окончаній, какъ *ѡ* наѣцѣ 216, а въ подражаніе ему и ѿ ѡнатѣ (ѡнати) 1786, или ѿ съшестви (съшествіи) 1326, на серци своѣ 836, на души мнатиѣ 49, ѿ притчы (въ притчѣ) 726,—представляютъ еще *у*—*ю* у словъ мужскаго и средняго рода: въ сынѣ 11 (старина!), ѿ дѣху 1536, въ дѣху стѡмъ ѹтешителю 2 пред., 56 *ib*., на Несвижу 2 *ib*., въ стѡмъ житѣю 16 предисл., 14 (ѹ житѣю), ѿ Кірю 566, ѡ призыванѣю 36, въ Авелу 221.

Множественное число. Именит. п. представляет слѣдующія окончанія: а) *и*—*и* болѣею частью вторичнаго происхожденія: скорбы 326, церкви 159, дари 466 (*и* вѣроятіѣ всего не старинное, а вмѣсто *и* послѣ *р*), чародѣйниці (къ чародѣйникѣ) и чародѣйницѣ (вѣдмы) 19; б) *и*—*е*: телницѣ 214, княгыне (имѣють быти) крѣмителя 3; єрее 122, прелогатаѣ 152, люде 496; в) *и*е: молиѣ поѣдоша (изъ текстоль св. Писанія) 63; г) *ове* — *еве*: сынове 5 пред., 68, 1246, нанѡвѣ 46 пред., гдѣвѣ 536.

Родительный п., рядомъ со старинными окончаніями, представляет и новѣйшія образованія; вообще же находимъ а) *ъ*—*ъ*: иныхъ пророкѣ 486, бусурманѣ 66, басенѣ 13, безленицѣ ѹчать 886, землѣ 65 (съ позднѣйшимъ отвердѣніемъ); б) *ѡ*ъ при томъ не только у основъ на *ъ*—*и*, но и ѿ *и* даже *а*: снѡвъ 3 пред.; господарѡвъ 596, кѣ. мужѡвъ 856, вожѡвъ 5 предисл.; ѡубинѡвъ 816, ѡубинѡвъ *ib*.. много церкѡвъ 1596, молитѡвъ 1666, подачѡвъ 896; в) *ей*, ставшее на мѣстѣ *ъ*: пенезей или грошей 199; г) *и*, которое, несомнѣнно, слѣдуетъ

объяснять, какъ полонизмъ: духовныя речи 166, маѣстности нашѣ 886; поколени израильскій 3 предисл.

Дательный п. обыкновенно представляетъ старинныя окончанія: работникомъ 4 Рим., грехомъ 201, царомъ 59, царѣ 65 (съ расширеніемъ *e* въ *o*), родителемъ 26 пред., дѣтѣмъ 606, княжатомъ молодымъ, пѣвомъ Николаѣмъ Николаевичемъ Радивиловъ 2 пред., стеньемъ и ѡбразомъ конецъ принесть и ѹчинилъ Хс 406.

Винительный п. представляетъ тѣ же окончанія, что и именительный (въ дѣѣ некоторый 76 Рим.) у предметовъ неодушевленныхъ, у одушевленныхъ же—сходными съ родительнымъ (лицемерей 99, ѹчителей 2 посвящ.). Однако попадаются случаи употребленія стариннаго винительнаго падежа и у предметовъ одушевленныхъ: дѣщере (им. вм. вин. изъ текстовъ) 55, людей славныхъ по смѣрти за боги мѣли 6, личить—пророки, аѣлы, пастыри 53, ѹраѣники постановилъ Богъ 57, враѣники поставилъ 56, пророки 99, питаѣтъ свои сыны 62, дамъ пастырѣ 686 (въ послѣднемъ примѣрѣ, равно какъ и въ раньше приведенномъ—дѣщере поставлены именительные падежи на мѣстѣ винительныхъ по аналогіи твердаго различія, гдѣ въ разсматриваемое нами время именительные падежи уже были замѣнены винительными).

Творительный п. имѣетъ разнообразныя окончанія: а) *и*—и: вѣчными ворота 1436, норovy 206, съ насмѣвачи (съ издѣвателями) 71, злыми товари 90 (*и* вм. *ы* послѣ *p*), сердцы 46 пред. (*ы* вм. *и* послѣ *ц*), сими сломи 1186; б) *ами*: сынами 124 рядомъ съ „вдачными сѣи“ 46 предисл. Въ подражаніе этому слову *и*—хрѣтіанъ 16 посвящ., хрѣтіанѣи 114, царѣи князѣи 62; в) *иэм*: речѣи 87, а въ подражаніе ему—тысѣчѣи 9; г) *иѣи*, въ которомъ слѣдуетъ видѣть подражаніе окончанію *иѣи* (сыныи): обычѣи 826, ходатаѣи 1726.

Мѣстный п. Въ немъ преобладаютъ старинныя окончанія, хотя есть и новообразованія: а) *иѣа*: языцѣхъ 46 пред., проступницѣхъ 486, ѡ иноцѣхъ иѣи ѡ дѣятеницѣхъ 266, слонехъ тыхъ 216 (новообразование!); б) *иѣа*: по заповѣдѣхъ ходачого 2506; в) *аѣа* (им. рѣдкаго *иѣа*): пытаніахъ и Ѣказѣхъ 1 пред.

Мѣстоименіе.

Особенности въ основѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слѣдующія мѣстоименія: 1) *тобѣ*—*собѣ*: ѡ тобѣ 138, собѣ 106, 736, 96, сѣбе (мѣстн. п.) 86 Рим.; 2) *якого* 162; 3) *селько*

(столько) 1126; 4) тымѣти ѡбычаѣмъ 36 посвящ.; 5) кажную 556; 6) жадного 36 пред.; 7) такоуѣмъ 786; 8) мнѣмъ 86. мнѣмъ ходо-
тае 1716.

Изъ формъ личныхъ мѣстоименій отмѣтимъ мн 1286. мѣне 26.

Склоненіе мѣстоименное. Единственное число. Именительный п. Здѣсь встрѣтились слѣдующія болѣе или менѣе рѣдкія формы: 1) тотѣже 126, тѣмъ 89, томъ 776, тоѣ 1286; 2) ѡна рѣчь 5; 3) каждая таниа 2176; 4) вѣшто 1586; 5) щастье наше 163; 6) чна наѣка 53; 7) сесѣ животь 188, саа часть 119, сеѣ слово 50, сесѣ дѣйство 27.

Родительный п. Въ муж. родѣ *оно*: ѡноу што ѡного суть 116, оного 26 пред.; чего дѣла 1, до чего 56 предисл.; въ женск. родѣ: еа: ѡу-
ставы своѣа 215; *оу*—*еу*: знашоу причины 46 Рим., нашеу славы 17, тоѣ причины 76, воды твоѣ 946; ѡко первое, тако ѡ тоѣ сѣ заповѣди 15, кому ѣѣ надобѣ 846, исповѣдати сѣ не смѣють 596, ѡ всѣа че-
ловѣческой хитрости 12, всеа плоти 3 пред.

Винительный п. въ муж. и средн. родѣ сходенъ съ именительнымъ: на тотѣ часть 56 пред., нившоу 1636, на вѣтоже 26 посвящ.; отъ себе—са: богуса молити 386; рѣдкій случай женскаго рода: ѡбы ю чинили (чтобы еѣ исполняли) 65.

Творительный п. въ муж. и средн. р. очень часто замѣняется формой мѣстной не безъ вліянія, вѣроятно, именъ существительныхъ: претомъ 134, на ѡднѣ словомъ 14, неможется ѡдноу словомъ преложити 114; промышленемъ своѣмъ 116, ѣсть спасителемъ нашимъ 1196.

Мѣстный п., какъ и въ теперешней бѣлорусской рѣчи, въ муж. и средн. р. часто замѣняется надежомъ творительнымъ, образованнымъ, вдобавокъ, по образцу именъ прилагательныхъ: потымъ (затѣмъ) 214, о ѡднѣ кимъ 1996, въ ѡдноу какимъ ѡбразѣ 106, на своѣмъ мѣсте 52, въ гнѣѣс свой 26 пред., въ нимъ (тѣлѣ) 336, ѡ нимъ 1416, ѡснимъ словѣ 75, ѡчимъбы могъ поправитиса 1076, въ дѣху стѣмъ ѡте-
шителю нашимъ 56 пред., ѡсынѣу своѣмъ 11; однако я формы на *оу* не рѣдкости: ѡ томъ словѣ 1026, а также раньше приводимое—одноу.

Множественное число. Именительный п. представляетъ слѣдующія окончанія: 1) *и*: вси 886, вси народы людскіе 3 предисл.; ѡко Богъ карастъ тѣ ѡнижебы твоу заповѣдь проступили 15, чий слова 98; 2) *е*: снѣ пожитки 146, тѣе доброе дѣла 176.

Изъ остальныхъ надежей отмѣтимъ болѣе рѣдкія формы: *род. п.* всѣ 3 пред.; *винит. п.* ѣ (заповѣди) зовѣтъ 2, ѣ (маѣтности) по-
ставилъ 5; *теорит. п.* ѡброки своѣмъ 80 (какъ тѣмъ, или половизмъ); *мѣстн. п.* вѣтыхъ 16.

Имя числительное.

Особенности въ основахъ: дванаѣцати 3 предисл., дванаѣцѣтого днѣ 6 пред.; тридесатный 336, шеѣдесатный 336; двоа помѣста (двоякая) 9.

Особенности въ окончаніи надежсей. *Именительный надежъ* особыхъ замѣчаній не вызываетъ: шесть дни 26, ѳдны 766, ѳбои (и тѣ и другіе) 164.

Родительный надежъ: двѣ речен къ молитвѣ падобѣ 177, съ ѡбеюхъ тѣхъ ѡбѣхъ 43, ѡбеюхъ дощокъ 656, ѡбеюхъ (хлѣбовъ) 197; къ тисечи мужоу 856.

Винительный надежъ. Встрѣтилось довольно интересное выражение: побивши пяти царей 21.

Творительный надежъ: тисечи 26, ѳбѣма рѣками 36 посвящ.

Имя прилагательное.

Отъ именнаго склоненія *прилагательныхъ* остались лишь незначительные слѣды, напримѣръ: знага дѣлати 38, такъ высока особа 126 (полоизимъ?), ѡ пѣтой книзе Моисѣе 85, именемъ божіемъ 19. Обыкновенно же преобладаютъ полныя формы, иногда даже въ роли сказуемаго: не воѣны 104; другіе примѣры: христову 316, третѣго дна 111, третѣа 46, третѣа 396, третѣе 166, божіею 26 посвящ., 26 пред., ѡ бжѣимъ словѣ 336.

Склоненіе полныхъ прилагательныхъ. Единственное число.

Именительный надежъ представляетъ, съ одной стороны, формы на *ий—ій*: шпричѣный 396, съ другой—какъ обыкновенно теперь въ живой рѣчи на *и-и*: не маѣтъ—пѣданы на тоѣ глѣдѣти 596, абы котѣры скочѣвши ѡбилъ—его 59, новы завѣтъ 237, злѣ розумъ 98, животь доѣгы 102, людѣ избѣраны 1516, котѣрыколивѣкъ дѣѣ (któgu-koiwiek) 42, избѣвы пророкы (т. Іерусалимъ) 846, розумъ чѣловѣчи 876, зракъ чѣловѣчи 12.

Родительный надежъ въ мужескомъ и среднемъ родѣ рядомъ съ церковнославянскимъ *аю* представляетъ и *ою-ою*: почѣснаго живѣта 86 Рим., перѣваго свѣтого 1 предисл., Троцкаго 2 *ѣв.*, тепѣрѣшнаго вѣкъ 23, златѣискогѣ 1 Рим., бжѣжнею 8 *ѣв.* Въ женскомъ родѣ находимъ слѣдующія окончанія: 1) церк.-слав. *ыа*: стѣла трѣицѣ 226, 2) *оа*: зложѣноа вѣры 1526; 3) *оѣ*: сѣравѣдѣвости христіанѣскоѣ 16, котѣрое вѣры еси ты 16, ѳбетѣици котѣрое 26 пред.,

сѣрѣстое дѣицы 36 предисл., новое кузны 4 пред., царицы Мурѣское 1 посвящ., первое части 105; 4) *и*: земли Египетскія 2; 5) *ой*: ѿ всея человѣческой хитрости 12.

Творительный падежъ: першій 26 пред.

Мѣстный п. въ муж. и средн. р. часто замѣняется творительнымъ: не ѿ ложнымъ ѿкъй божѣ говорить 116, ѿ старымъ законѣ 86; въ женск. р. *ои—си*: повинни ихъ ѿ великой чѣти мѣти 676, вътретей главѣ 16 Рим.

Множественное число. Именительный падежъ представляетъ окончанія общія для всехъ родовъ: 1) *и*: давешніи 241, брыдливѣи 36 Рим.; 2) *и*е—*и*е: которіе наѣ пожитки стого (какая польза) 1296, часныя доходы 636, сромочьскіе лѣсни 84, ѿсвѣцѣныя княжата 2 пред., стареческіе басни 3 посвящ., которые (ср. р.) 3 пред., многыя 159.

Родительный падежъ — архаизмъ въ текстѣ изъ св. Писанія: не обѣдешъ мѣти боговъ чѣжнихъ 2.

Другіе падежи особыхъ замѣчаній не вызываютъ.

Сравнительная степень. Отмѣтимъ болѣе или менѣе рѣдкіе случаи: 1) лепей 836, лепшѣи 26 посвящ., лепшѣи ли бѣ любить порожкованье за роботу 376, лепшѣиша 179, лепшѣишымъ 1156, ѿдичѣ за другого лепшѣишымъ 42, должѣишымъ 1956; 2) болѣеи за другого 336; 3) нижеи 11, 4) далѣи 2 пред.; 5) свайѣи (удобѣи) 1796; 6) навѣишѣи 2 Рим.; 7) богатьшему 96; 8) готовѣишымъ 32; 9) старѣишихъ 1 Рим.; 10) горѣишымъ 276.

Спряжение.

Особенности въ основахъ: ѿбѣпучѣть 9, найдуѣть 28. заслугуѣть 68, ѿвнеса—ѿказуѣть 3 предисл.; цвила 2086.

Образованіе формъ. *Неопредѣленное наклоненіе* обыкновенно оканчивается на *ти*: бшто—просити 166, гледѣти 210, оказати 36 предисл.; занехати не рачилъ 3 предисл., ѿнати 266, любити потреба 4; *чи*: допомочи 56 пред.; но бываетъ и *ть*: просѣтъ, потѣишѣтъ 8 Рим. (отвердѣніе согласнаго, или скорѣе опечатка), рачежѣся зачатъ, множитъ и ростъ 5 предисл.

Настоящее время. Единственное число 1 лицо. У „арханческихъ“ глаголовъ—*есмъ* 53, *ѣсмъ* 1. У другихъ глаголовъ—обычныя окончанія: бежѣю (бѣгу—бѣжу) 181, мовлю 3 посвящ.

2 *лицо*: 1) *си—съ*: еси ты 16, што ёсь ты 1; 2) *шъ*: рѣзумѣти маёшь (ты долженъ разумѣть) 10, знѣндешъ 37.

3 *лицо*: 1) *тъ*: кажесть (говорить) 26, словеть (смыветь) 1066, принашаеть 1636, вѣдаеть 36 посвящ., достигнѣть 2 Рим.; 2) *тѣ*: есть 1 пред., ёть 2 Рим., печеться 346, роздѣлаетса 16 Рим.; отсутствіе окончанія: йтѣгае 2 Рим., не даё швоцѣ 66 йб., Павелъ свѣтый тако выльчаа 96 йб., кто—не ѣупова аѣс—ждетъ 2076—208.

Множественное число. 1 *лицо*: 1) *мъ*: маемъ 2 посвящ., имаемъ (получаемъ) 506; конечный гласный основы у глаголовъ на *ими* иногда бываетъ *е*: модемъ 186, чинемъ 1716, мовѣмъ 1586; иногда видимъ явленіе противоположное: *и* *вм*. *е*: зовимъ 114; 2) *мо*: есмо 26 посвящ., ёсмо сынѣне 1246, емо (ѣдимъ) 2356, вѣмо 184, ѣбдемо 26 Рим., чуемо 1776, просимо 56 предисл.; 3) *мы*, въ чемъ, посомѣѣшо, слѣдуетъ видѣть полонизмъ: паметѣѣмы 15, читаѣмы 416, виѣѣисмы (должны) 2426.

3 *лицо* представляетъ окончанія *тъ* и *тѣ*: знаютъ 2 посвящ., не-робать 90; именѣють 5 Рим., потеряють 86.

Повелительное наклоніе. Отмѣтимъ болѣе рѣдкія формы. Во 2-мъ *лицѣ единств.* ч. основѣжъ 1286; въ 1-мъ *лицѣ* *мн.* ч. 1) *мо*: на-пишемѣ 166, приступѣмо 138, престанѣмо 99, 2) *мы* (полонизмъ): шбаѣы 31. Во 2-мъ *лицѣ* *мн.* ч.: ищете (въ текстахъ св. Писанія) 1926, примете 646, не рече, ищете (то-есть, вы ищете)..., по рече. ищити... 193 (повелит.); видѣте (смотрите) 39, рачѣте 56 пред.

Причастія. Причастіе *настоящую времени* дѣйствит. залога обыкновенно представляетъ формы на *чи*: переставаѣчи 80, шѣѣвѣнѣѣчи 1186, пишѣючи 56, говорачи 57—576, говорачѣи 101; изрѣдка попадаются старинныя церк.-славянскія формы, это въ текстахъ свящ. Писанія: *вмѣще* 1 пред., градыи 2176.

Причастіе *прошедшаго вр.* дѣйст. з.: ѹжизивѣшыса насѣ 36 посвящ., шѣша—проповѣдите 1086.

Причастія *страдательнаго* залога вообще встрѣчаются очень рѣдко, и то въ безличныхъ выраженіяхъ: вѣдомо маеть быти 1 посвящ., быеть (бываетъ?) почитаемѣ 6 Рим.; ихъ ѹбѣто ѡднаго дна три тисечи 15, мѣла быть стерта голова 26 предисл., такового знано ѡглашенимъ 16 посвящ., тѣе слова вложено... 163, ижѣ бы ихъ крѣботе приставѣно 916; на который (образъ) были ѣтворени 26 пред. (подражаніе церк.-славянскому яз.), даного 56 пред.

Формы *страдательнаго залога* съ большимъ успѣхомъ замѣняются формами дѣйствительнаго залога съ мѣстоименіемъ *са*: мѣласа вѣчера

гдѣна зачипнати 16 пред., маѣтлѣса правда мовити 886, воѣватѣса ѡу-мѣли 796. Иногда са, по образцу польскаго языка, не придаетъ никакого отгѣнка: сталѣса 1266.

Описательныя формы обыкновенно выражаются при посредствѣ причастія на *лѣ* и *тѣхъ* или другихъ формъ глагола *есмь* — *быти*. Такъ *прошедшее совершенное* къ причастію прибавляетъ настоящее глагола вспомогательнаго. но въ третьихъ лицахъ единств. и мн. числа обходится и безъ него: есмь *ѣ* *вѣ* наѣчилъ 53, крестилъ са *ѣсмь* 16, *нѣко ѣсмь* поведѣлъ 386; не *ѣлъ* 2 посвящ., *ѡпочинуѣ* 39, не соромѣлъ 64; наматали на слово (полонизмъ) 936, мусели 16 посвящ., *мѣли* быти 41, *вѣкали* 786.

Давнопрошедшее прибавляетъ къ причастію вмѣсто старинныхъ *оуахъ* или *буахъ* прошедшее совершенное отъ глагола *быти*: *бѣ* былъ чинити велѣѣ 239.

Условное наклоненіе отражаетъ старинное образованіе съ аористомъ *быхъ*, при чемъ значеніе послѣдняго уже совершенно забыто, и онъ обратился въ союзъ условнаго наклоненія; когда не ясно было, какое лицо, прибавлялись еще соответствующія формы глагола *есмь*: *абыхъ* его позналъ 1; *абы ѣсь* долго жилъ 3, *абы ѣсь* въ таму не *узнаѣ* 26 посвящ.; *клялѣса* — дати *ѡ* штобы просила 26, *Кайнѣ*, который *вѣрнѣ* не хотѣлъ *абы емѣ* *бѣгѣ* *ѡпѣстити* *мѣлѣ*, *ѣже* брата своего *убилъ* 8: колибы *ѣсмоса ѡ ѡца* и *ѡ матѣ* народивши не потребовали *ѣнѣ* людей помочы — *ѣнобы ѣсмо* не до*ѣ*жи — 51, замыкаѣтъ, а *бѣмо* — не жаловали 88, *абы ѣсмо* были 96, *абы есьмо* — знали 4; да не *ѣчинили* бы есте 106; субботы толико *ѡбразовали* *або* значили 41. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, вмѣсто старинныхъ *быхомъ*, *бысте* поставлены бы *есмо*, бы есте; ко второму же лицу единственнаго числа прямо прибавлено *есь*.

Будущее совершенное сохранилось, вѣроятно, не безъ вліянія польскаго языка: *покуль* — *будетъ* рачилъ 56 предисл.

Интересно причастіе будущаго времени — *пришлѣ* (будущемъ) 1646.

Въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ нарѣдка встрѣчаются и тѣ или другія формы *аориста*, однако лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся тексты священнаго Писанія, напримѣръ, на стр. 696 — 70: *ѣдасте*, *ѡдѣвастеса*, *закалаете*, *насосете* и т. д., или — *моляѣ* поѣдоша 63, *приравнѣса* 223, *небеса ѡтвердишеса* 1256, *ѡумрѣтѣ* же и *богатыи* 1316.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя *синтаксическія особенности* въ допол-

неніе къ раньше указаннымъ въ разныхъ мѣстахъ. Большая часть отступленій отъ теперешней бѣлорусской рѣчи легко объясняются, какъ полонизмы. Начнемъ съ *управленія нѣкоторыхъ глаголовъ*: напатали на слово 936 (pańiećali na słowo), имъ боги бѣгославили 73 (błagosiłowić komu), знась—чинить достойными 18 (czynić z kogo czym), чого боги по нѣ ўтомъ словѣ хочеть 1026 (chcieć po kim), досытали натымъ 109 (dosyć na tém), синѣного Ыца насмѣля 71, шло ў славу Божию 206, непродисри (опечатка: проз—чрезъ?) до ѡвещъ входить 89, калѣка потомъ ужьѡбга зоветь (а можетъ быть: оужъ бга?) 1806. *Соединеніе глаголовъ съ союзами*: вѣдаеть ижь... 36 посвящ., знаю тоѣ ижьбы... 16, рачаѣ, же... 36 предисл. (полонизмъ); другіе *способы подчиненія предложений*: не для того ѣбы 1, ни для чого только для того, иже... (не за что иное, какъ только за то, что) 86; *употребленіе причастій*: славну церковъ по ймуци скверны 1606, ХС—празники празновалъ—исцѣляючи 47. *Зависимость отъ числительныхъ*: вѣдми добродѣтелей тѣхъ 26 Рим.

Соединеніе словъ: ѡбачижь а наметоуѣ 256, рыцерами и братьекъ а сынами 66 пред.

Безличныя выраженія: Наѣку пакъ и таковуѡ ѡглашеніемъ (звано) 16 посвящ.; рѣдкого знайти, который бы плакалъ 636.

Местоименіе са употребляется очень часто при глаголахъ, при томъ не только для означенія страдательнаго залога или возвратнаго, но иногда даже, какъ мы уже видѣли, повидимому, безъ всякой причины. Какъ и въ польскомъ языкѣ, са можетъ стоять не только при глаголѣ, но и при всякой другой части рѣчи: емѣса кланелъ 56, чрѣса 36 Рим., састарати ѡ дети 61, ѡтомса стареють (стараются) 184, могъ са за Авимелехѡ моляти 170, предъ которымъ быса—кто—кланелъ 146, потомуса—заковалъ, ижь хотаѣь самъ ѡ него ѡходилъ, прѣса єго дивнымъ ѡбичаемъ ѡблуда и ѡгрѣхонъ—вырывалъ 2 и 26 предисл., ѡпадетъ всакъ ктоса сѣномѡ водити допѣщаеть 26 посвящ., розъсмотри молятиса боголюбче, естѣнса сіа речъ—незбыла 3 посвящ., штоса 56 пред.

Въ заключеніе прилагаемъ *списокъ болѣе рѣдкихъ словъ*, изъ которыхъ многія слѣдуетъ объяснить, какъ полонизмы.

А=я: вѣчное а бѣсвеное сѣма 36 ачыкольскъ 36 посвящ. (aszkol-wiek—хотя).
пред.

ажъ до смерті 3 пред.

Бачишыли 106.

але=ио 26 пред.

бѣгословѣньства 2 Рим.

блazenъ (въ смыслѣ хорошъ: не-искусная передѣлка блага) 726.
блoзнилъ или проклиналъ (blaz-
nić) 36.

бoтсе (потому что вотъ) 5 пре-
дiсл.

бoрздені 180, борздо 30.

брань или ваіка 178.

братерское 986 (braterski).

брыдливый 36 Рим.

Васни або гнѣву не держати
766 (wasz).

верхуца вола молоташбѣ (врѣхлшта
— изъ текстовъ св. Писанія)
506.

верѣне 2 пред. (wiegnie).

взоръ (соблазнъ) 206, на взоръ
маємъ (возьмемъ для примѣра)
26.

вниестъ бумѣти (долженъ знати)
16.

вины (причины) 386.

виноватество (виновность): по ви-
ниповатеству 636.

вожене: воженье (въ напасть)
2066.

вокрестъ (кругомъ) 59.

выбили (взбили) 85.

выбрѣсти (выйти) 141.

выживенья (питанья) 606.

выхованье (пропитанье) 50.

Гамовати (беречься) 101.

гасло или сложеніе 110, гасломъ
зовимъ 114, на воінѣ по гасле
са знають 114 (hasło, ловунгъ).

години (помянки черезъ 1 годъ)
2 посвящ.

гоіность 3 Рим.

господаръ (хозяинъ) 54.

гребуть (погребаютъ) 1296.

гудиль (повосиль) 36, гудить 215,
правое вченіе гудити 18.

Давешиніи (прежніе) 241, двои-
часто (сугубо) 896.

двоичи 76.

ден: да небудуть дені бесплодны
616, не твоє дені господарю
дѣло 646.

десатѣро божие приказанье 2.

довели того (доказали) 153.

дойладъ (строитель) 1166.

Ср. *Владимиrowa*, Докторъ Ф.
Скорина, стр. 300.

доконанье (кончина) 366.

докуле — дотуле 3 посвящ.

домнѣмаючи (предполагая) 66 (dom-
niemas się).

доступили живота 3 предисл.

дочаснаа (временная) 9.

драбы, или людѣ служебныи, во-
просили... 796 (drab — żołnierz
pieszy, *Линде*).

душіному (душевному) 756.

дѣвочомъ животѣ 127.

дѣла: сего дѣла 3, крове дѣла
82, бѣга дѣла (ради бога) 26
посвящ., чогожъ дѣла (почему)
26 посвящ., того дѣла (дѣла
того) 4.

дѣтинство: въ дѣтинствѣ 2 пред.

дакованье (бѣгодареніе) 176.

Единоу (въ одномъ отношеніи) 26.
екклеснаѣстб, то ѣсть казнодѣмъ
64.

естылибы 10.

Жебрують 90.

житла (жизни) 1366 (żydło —
życie, sposób życia, *Линде*).

- жычѣти (życzyć) 676.
 Завидѣли (завидовали?) 756.
 загадуѣть (воспрещаетъ) 12.
 залежать на ласцѣ (зависять отъ милости) 178.
 замѣненъ (заключенъ) 180.
 занехати не рачилъ 3 предисл.
 (оставлять въ покоѣ—запѣсчасъ).
 заразо (а вмѣстѣ съ тѣмъ) 26 предисл.
 заровно (одинаково) 51.
 зводити (обманывать) 91.
 згожаѣтса (согласно) 596.
 злолапцы 97.
 злочиньцу (злѣдѣя) 586 (złoczyńca—maleficus, malefactor).
 злѣтилъ всей цѣрькви 249.
 зчливость 3 Рим.
 Иле (сколько, половинъ) 106.
 ино (то) 106, 1156.
 Каженики иже казать себѣ (скопцы) 27.
 казилиса то ѣсть безъ жонъ жили 816.
 кокошь (курица) 816.
 колько кротъ коли 3 пред.
 копы съберати (ставить копы) 48
 корогоды водити 84.
 кресло: на кресло высокое (на престолъ) 646.
 кугларскимъ 2416 (kugłarski, паляцкичскій, фокусническій).
 Латвѣ (легко, искусно) 1 посвящ., (удобно) 75.
 лемелъ: на лемеша (въ подлинникъ: лемета — опечатка) 79 (часть сохи).
 левые (лѣвыиыє) 91.
 лечь (lecz—но) 96.
 личили 296.
 лупежники: ликоимци або лупежники 576.
 лупеѣво (взяточничество) 185.
 ладъ (несчастье): проклианна бывають лада спричинны 20.
 Маѣтности (имущества) 626, змаѣтностей 95.
 маткѣ 3.
 мачеху 2486.
 мѣтна (милостыня) 91.
 мнимаю (полагаю) 296 (mniemac—mniąc).
 мнѣманью (предположенію) 66.
 мусить так быти 8.
 мѣвають (глаголь вида многократнаго къ мѣть: часто имѣють) 24.
 мѣденаа 133.
 Набыте: Ѡ злого набыта (пріобрѣтенія) 2 посвящ.
 навеженъа 46 пред.
 падармо (всѣ) 36.
 надобѣ 82.
 надѣто (кромѣ того) 76.
 напасть (найти): дѣхъ стый напалъ 1 посвящ.
 наполю (наполовину) 82.
 напотомъ (на будущее время) 61.
 напротивъ первому слову 86.
 небескѣ 1816.
 недѣлю (воскресенье) 43.
 неженивому 326.
 невычлыве (полопизмъ) 896.
 нехъа 3 посвящ., 516.
 нещевати (на полѣ выноса — доминати) 12.
 нихай (пусть) 356.
 ницовати (мѣнять) 98.

Обачають 68, пора обачитися (оглянутися) 26 посвящ.
 обѣтниця (обѣщанья) 26 предисл. (obietnica).
 обрали (полонизмъ—избрали) 43.
 обрюсь 13.
 облажати (отягчать) 48.
 обите зародила нива 199 (obficie—изобильно).
 ѡкроме того 536.
 ѡкрутиъ 36 (okrutił — строго, безъ милосердія, очень).
 ѡнже: того ѡнже ѡ приводитъ 137.
 оплазни 152.
 ѡпошле (послѣ) 446.
 ѡпратали (омыли) 172.
 ѡпричьный (отдѣльный) 396.
 Ѡвротъ: на Ѡвротъ (наоборотъ) 216.
 Ѡказъ (отвѣтъ) вездѣ.
 Ѡтвѣрають (открываютъ) 65.
 Ѡ (вотъ) 234, Ѡже 89.
 Ѡтревѣють 3 Рим.
 Ѡгиланиемъ либо слабостию 46—6 Рим.
 Ѡгаровалъ 5 пред. (obagował — иѣм. orębn. жертвовать).
 Паробкѣ 746.
 певный (rewnu, вѣрный, положительный) 38.
 пилю (piłno, тщательно, исправно) 30.
 писмени 126.
 пленица: не Ѡпаляъ Ѡпленицу бесовскую 35.
 плюгаство (piugastwo, нечистота): ѡ плюгаствѣ (прелюбодѣяннѣ) 836.
 повагуши (склады?) 199.

повинности: ѡ повинности (объ обязанности) 2 Рим.
 пожитокъ (польза) 7 Рим.
 позорища (зрѣлища) 476.
 полевати (polować, охотиться) 48.
 поднати (исполняютъ) 49.
 полѣцають (повѣряють—połecac) 148.
 помста (pomsta, наказание): без помсты 101, помстою 86.
 пожеважъ 3 посвящ. (pożeważ, такъ какъ).
 посвѣдчигъ 19.
 потигъ (обливался потомъ) 178.
 потым (затѣмъ) 214.
 праски (порока) 1606.
 прикладъ: на прикладъ 96.
 приватриса (prywatyzować się, при-смотрѣться) 30.
 причинцу нѣм ходатаа 167 (przyczynca, виновникъ чего либо, предстатель, ходатай).
 пришельства 1326.
 проврегъ (предназначигъ) 1556.
 промѣжку себѣ 76, промѣшку (между) 62.
 простуци 486.
 прошю (просьбу) 266.
 проща: прощани тое зовѣтъ (= бѣа къ певнымъ мѣстомъ такобы приваждѣють) 66.
 пытанье (вопросъ) вездѣ.
 пыху (русца, спесь, щегольство, роскошь) 576.
 Развѣи ѡднятъ богъ 5.
 рачить: рачигъ 36 пред., нерачигъ заставить 26 пред. (gaczuć, хотѣтъ, желать).
 рачъ (намѣренье) 56 предисл.

ревень твоа (ревность) 169.
 ремества 61.
 ремесники 90.
 распачь ровом называѣтъ, ѿ рос-
 пачи 141 (rospasz, отчаяніе,
 уныніе).
 рѣчь: не можна рѣчь (нельзя
 сказать) 160.
 Садити: вѣра правдиваа муситса
 садити на словѣ... 221.
 сакраменѣтъхъ (полюизмѣ) 16
 Рим.
 сатавъ 36 предисл.
 серейшизнамя, подачѣками... 626.
 смыо (западня): силомъ (чит. си-
 ломъ) 30.
 свѣдѣкомъ 19.
 свѣтлю ствѣорити 1256.
 скрини 63.
 skutokъ (skutek, дѣло, послѣд-
 ствіе) 37.
 слушныхъ причинъ (słuszny, важ-
 ный) 4 пред.
 словѣ: кто для слову або клятвы,
 боачиса ёѣ нарушити, противу
 закона чинитъ, того согрѣшенѣ
 не ѣ просто... 26.
 снадней (яснѣе) 1476 (sładny,
 готовый, удобный, легкий).
 совито (несомнѣнно, sowito) 76.
 соромѣтъ: не соромѣтъ (не сты-
 дился) 64.
 спась или спаситѣль 1626.
 сполочное любѣвы наѣучиі 1806.
 (spoleczny, взаимный).
 спустошити 936.
 (на) стрѣе (?) 63.
 сущесѣтваного (насуцнаго) 197.
 Таки: вѣтъ такі словѣхъ 1396.

таланѣтъ даного таланту: 56
 предисл.
 тверезъ 1506.
 теперечи 626.
 тогда 12.
 тремизды (трижды) 2186.
 трѣски—збиралъ 486.
 тутнѣтъ (?) и клятву припоми-
 наетъ 176.
 тѣже (также) 86, тежъ 46 пре-
 дисл.
 тажыт (судится) 23.
 Ъблагословить Богъ ѡцъ 56 пред.
 Ъзычтити (дать, надѣлать, изу-
 сзуѣ) 536.
 Ъкладъ (układ): люде бо маютъ
 нное за честь коли кто къ кому
 Ъкладъ не говоритъ, повѣста-
 ваѣтъ... 496.
 оумовы (уговора) 976.
 Ъквалливѣ (ukwapliwie, торопливо,
 опрометчиво) 976.
 Ъкладно (układność, почтеніе) 50.
 Ъпѣку 26 пред.
 Ъпалого (погибшаго) 36 пред.
 Ъподобна (подобія) 96.
 ѡсуппѣтъ (умреть) 170.
 ѡуставы своѣа 215 (ustawa, на-
 ставленіе, уложеніе).
 ѡученики 213.
 Хуть (желаніе, chęć) 766.
 хыба (развѣ, chyba) 29.
 Цноту (cnota, добродѣтель) 66.
 Четвѣр 44.
 чи (развѣ, ли) 2486.
 чили (развѣ) 46.
 чипшъ: ѡупокѣнии а чипши, бытъ
 маютъ (?) 81.
 чусто (?) 13.

Щацуѣть (повоситъ, szasować) 215.

шаты (одежды, szata) 63.

шндерство зъ бѣа (насмѣшка, szunderstwo) 202.

шпеговъ (соглядатаевъ) 100.

Щастити (помогать) 1416.

Языкѣ: ѡбычь славныиъ заданна
далеко росъширеннииъ словень-
скѣ ѣззикуиъ 4 предисловіе.

Е. Маремій.

ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ ¹⁾.

§ 18. Непосредственное сознание въ томъ фазисѣ его развитія, который доступенъ нашему непосредственному наблюденію, ставитъ только одну часть смѣны въ воспріятіи въ качествѣ смѣны объективной, другой же отказываетъ въ этомъ значеніи. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что одна наличная данность смѣны въ воспріятіи еще не служить для сознанія въ этомъ фазисѣ его развитія достаточнымъ условіемъ для постановки объективной смѣны, но къ этому условію должно присоединиться какое-то другое, для того, чтобы сознание не отказало смѣнѣ въ объективномъ значеніи. Съ другой стороны, при разборѣ Кантова доказательства основоположенія взаимодѣйствія мы остановились на той мысли, что, хотя вопреки мнѣнію Канта одновременно существованія предметовъ и можетъ констатироваться сознаніемъ непосредственно при объединеніи ихъ въ одномъ актѣ воспріятія, однако несомнѣнно также и то, что одновременно существующими предметами мы признаемъ не только предметы, воспринимаемые за разъ, но и такіе, которые фактически воспринимаются, а иногда только и могутъ быть восприняты въ послѣдовательномъ порядкѣ. Это опять доказываетъ, что для непосредственного сознанія въ томъ фазисѣ его развитія, который доступенъ нашему прямому наблюденію, существуютъ особые условія, при которыхъ воспринятое въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣмъ не менѣе ставится нами въ качествѣ бытія одновременно существующаго. Кантъ говоритъ вообще о значеніи причинности и взаимодѣйствія при установкѣ объективной послѣдовательности и одновременности; для разъясненія и доказательства своей мысли онъ беретъ примѣры прямо изъ нашей доступной

¹⁾ Окончаніе. См. виртальскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

наблюденію психической жизни. Отсюда возникает вопросъ: нѣтъ ли дѣйствительно въ фактахъ этой жизни какихъ либо основанийъ для его взгляда, не способенъ ли этотъ взглядъ въ какомънибудь отношеніи разъяснять эти факты?

Выше мы видѣли, что намъ не можетъ не быть доступно непосредственное воспріятіе множественности, если доступно воспріятіе одного протяженного предмета. Намъ здѣсь нѣтъ никакой необходимости въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ, посредственно или непосредственно, достигается нами сознаніе пространственнаго распорядка того многаго, которое способно быть даннымъ въ одномъ актѣ воспріятія. Какъ бы оно ни достигалось, несомнѣнно, что, какъ скоро оно достигнуто, для субъекта тотчасъ же открывается возможность (при посредствѣ, конечно, воспроизводительнаго воображенія) сличать со стороны пространственнаго распорядка множественность, данную въ извѣстномъ актѣ воспріятія, съ множественностью, данною въ другомъ актѣ, непосредственно ему предшествующей: такъ достигается возможность констатировать перемѣны въ пространственномъ распорядкѣ, а съ ними и движеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при актѣ воспріятія реальное, какъ внѣшній сознанію предметъ (чѣмъ бы онъ ни былъ для нашего научнаго анализа), различается отъ самаго акта сознанія, только распознающаго этотъ предметъ и, слѣдовательно, условливаемого имъ. Съ другой стороны, изъ темнаго періода своей недоступной воспоминанію жизни наше развитое сознаніе выносить уже убѣжденіе въ различіи воспринимаемаго въ данный моментъ реальнаго отъ реальнаго вообще, то-есть, выносить убѣжденіе въ ограниченности сферы воспріятія сравнительно съ сферою бытія. Съ этимъ различеніемъ предмета воспріятія отъ самаго акта воспріятія, а также съ различеніемъ предмета воспринимаемаго отъ бытія, сейчасъ не воспринимаемаго, связана возможность для сознанія представлять перемѣщеніе сферы своего воспріятія съ одного предмета на другой, или съ одной части бытія на другую; а это представленіе въ свою очередь даетъ возможность сознанію не отождествлять неизбежно пространственное перемѣщеніе реальнаго въ воспріятіи съ перемѣщеніемъ его въ самомъ бытіи, то-есть, служить для него условіемъ самой возможности отрицать въ извѣстныхъ случаяхъ объективность пространственной перемѣны въ воспріятіи, объясняя ее простымъ перемѣщеніемъ сферы самаго воспріятія съ одной части бытія на другую, не приписывая ея самимъ воспринимаемымъ предметамъ, не смотря на перемѣщеніе ихъ въ самомъ воспріятіи. Для того, чтобы

на самомъ дѣлѣ признать тотъ или другой случай пространственной смѣны въ воспріятіи лишеннымъ объективнаго значенія, наше развитое непосредственное сознаніе не поставлено въ необходимость ожидать такихъ условій, которыя нѣкогда впервые вызвали его на подобное рѣшеніе; въ томъ фазисѣ его развитія, который доступенъ нашему непосредственному наблюденію, оно не требуетъ для отрицанія предметнаго значенія пространственной перемѣны какихъ либо особыхъ коллизій въ общемъ кругѣ своихъ представленій, которыми совершенно ясно для него во всѣхъ деталяхъ оправдывали бы совершаемый имъ актъ. Изъ того же недоступнаго воспоминанію періода своей жизни оно выноситъ уже знакомство съ косвенными признаками возможности и необходимости существованія такихъ коллизій, и поэтому тамъ, гдѣ встрѣчаетъ эти признаки, прямо безъ анализа и безъ всякихъ колебаній отрицаетъ объективное значеніе пространственной смѣны. Такими признаками служатъ для него извѣстныя непосредственно испытываемыя имъ мускульныя ощущенія ¹⁾, происходящія отъ движенія органовъ воспріятія (глазъ) или частей тѣла, въ которыхъ они находятся, или цѣлаго организма, и не сопровождающіяся, какъ сознаніе въ томъ увѣрилось уже ранѣе, перемѣнами въ мірѣ объектовъ, воспріимимыхъ при такихъ условіяхъ. Если я, обводя глазами комнату, принимаю пространственное перемѣщеніе предметовъ, которыми сопровождается въ моемъ воспріятіи движеніе глазъ, за перемѣну, происходящую только въ воспріятіи и для воспріятія, и не отношу этой перемѣны къ самымъ перемѣщающимся въ моемъ воспріятіи предметамъ, или если я, дѣлая шагъ впередъ по улицѣ, не приписываю перемѣщающимся въ моемъ воспріятіи каменнымъ мостовой движенія въ сторону противоположную моему движенію, то это потому что, сознавая мускульное напряженіе, происходящее отъ движенія въ первомъ случаѣ моихъ глазъ или моей головы, во второмъ всего моего организма, увѣренъ въ перемѣщеніи вѣстѣ съ моимъ органомъ или моимъ тѣломъ и сферы моего воспріятія и не сомнѣваюсь въ зависимости происходящаго при этомъ перемѣщенія предметовъ въ моемъ воспріятіи исключительно отъ этого перемѣщенія сферы самаго воспріятія. И за смѣной въ воспріятіи отрицается въ

¹⁾ Это, конечно, не исключаетъ и другихъ признаковъ призрачности перемѣщенія предметовъ въ воспріятіи, но здѣсь говорится о признакѣ постоянномъ. Терминъ „мускульныя ощущенія“ употребляемъ лишь въ смыслѣ ощущеній при движеніяхъ.

этомъ случаѣ объективное значеніе именно въ той степени, въ которой скорость перемѣщенія предметовъ соответствуетъ тому напряженію мускуловъ, которое, какъ это извѣдано уже мною по опыту, всегда сопровождается перемѣщеніемъ предметовъ въ воспріятіи съ этою скоростію. И какъ только перемѣны въ перемѣщеніи предметовъ въ воспріятіи окажутся по степени своей скорости или по направленію не соответствующими перемѣнамъ, которыми должно сопровождаться перемѣщеніе сферы воспріятія, какъ о немъ извѣщаютъ мускульныя ощущенія въ ихъ характерныхъ особенностяхъ, и тотчасъ же, не ожидая какихъ либо дополнительныхъ условій, буду констатировать самостоятельное перемѣщеніе самихъ предметовъ и прямо въ той степени и въ томъ направленіи, которыя соответствуютъ оказавшимся недочетамъ въ объясненіи перемѣнъ перемѣщеніемъ сферы воспріятія. Въ томъ же направленіи идетъ и дальнѣйшее развитіе нашей способности выделять не имѣющую предметнаго значенія смѣну при пространственномъ перемѣщеніи предметовъ въ воспріятіи, уже сознательно совершающееся подъ вліяніемъ житейскаго опыта и науки. Если я, сидя въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ во время движенія поѣзда, отрицаю дѣйствительное движеніе мелькающихъ въ моемъ воспріятіи телеграфныхъ столбовъ, хотя непосредственное мое сознаніе, руководящееся при опредѣленіи перемѣнъ въ пространственномъ положеніи моего организма, а съ нимъ и въ направленіи сферы моего воспріятія, мускульными ощущеніями, ставить эту перемѣну въ качествѣ перемѣны объективной; если точно также я отрицаю движеніе солнца по небосклону, не смотря на противоположное этому свѣдѣтельство моего непосредственнаго сознанія, то я дѣлаю это въ томъ и другомъ случаѣ послѣдствіе приобретеннаго убѣжденія въ быстро соперникающейся перемѣнѣ въ пространственномъ положеніи моего организма, которая не требуетъ только мускульныхъ усилій, а потому ничѣмъ не извѣщается въ моемъ непосредственномъ сознаніи. Но точно также и въ этихъ случаяхъ, какъ скоро перемѣщеніе предметовъ въ воспріятіи оказывается не соответствующимъ предполагаемому мною перемѣщенію моего организма, а съ нимъ и сферы моего воспріятія, напримѣръ, при параллельномъ движеніи съ пароходомъ, на которомъ я помѣщаюсь, другаго парохода или лодки, я констатирую это движеніе въ качествѣ объективнаго движенія и ни въ чемъ не нуждаюсь для этого, кромѣ отрицательной мысли, что перемѣны въ положеніи этого предмета среди другихъ предметовъ моего воспріятія не могутъ быть объяснены изъ фактически извѣстнаго мнѣ перемѣщенія

сферы моего воспріятія. Эти случаи отрицанія объективнаго значенія за смѣной въ воспріятіи, относящихся къ перемѣнамъ въ пространственномъ положеніи предметовъ, исчерпываютъ собою дѣятельность непосредственнаго сознанія, направленную въ собственномъ смыслѣ къ отрицанію объективности смѣны въ воспріятіи, если не принимать здѣсь во вниманіе особаго вида смѣны, зависящаго отъ прекращенія и возобновленія дѣятельности органовъ, напримѣръ, отъ закрытія и открытія глазъ, и представляющаго собственно не замѣну однихъ реальностей другими или однихъ положеній реальностей другими ихъ положеніями, а простые перерывы въ воспріятіяхъ извѣстнаго класса или смѣняющія другъ друга ограниченіе общей сферы воспріятія и расширеніе ея до нормальныхъ предѣловъ ¹⁾. Правда, и въ области качественной смѣны, если и не непосредственное сознаніе, то иногда уже житейскій опытъ, а чаще наука объективную смѣну стремятся превратить въ смѣну субъективную. Исходя, напримѣръ, изъ мысли, что самыя реальности воспріятія суть только наши ощущенія, наука пытается превратить качественную смѣну реальностей, которая существуетъ для непосредственнаго сознанія, въ смѣну различныхъ способовъ пространственнаго перемѣщенія мельчайшихъ частицъ предметовъ и въ этомъ смыслѣ признасть ее субъективной. Однако, если и не входитъ здѣсь въ вопросъ о томъ, знаетъ ли какіе либо аналогичные случаи перетолкованія качественной смѣны непосредственное сознаніе, нельзя не видѣть, что здѣсь вовсе нѣтъ отрицанія объективнаго значенія смѣны, какъ смѣны: наука нисколько не сомнѣвается при качественной смѣнѣ въ воспріятіи въ существованіи смѣны въ объектѣ, не требуетъ для констатированія факта смѣны въ объектѣ какихъ либо особыхъ дополнительныхъ завіреній, кромя факта смѣны въ самомъ воспріятіи; все дѣло ограничивается здѣсь истолкованіемъ этой смѣны, и самое это истолкованіе, придающее смѣнѣ иной смыслъ, чѣмъ какой даетъ ей непосредственное сознаніе, есть ближайшимъ образомъ истолкованіе не смѣны, а реальностей воспріятія, приложи-

¹⁾ Къ этимъ случаямъ намъ придется обратиться поздѣе. Совѣтъ оставленъ въ сторонѣ тѣ случаи отрицанія за смѣной въ воспріятіяхъ предметахъ объективнаго значенія, когда изслѣдствіе измѣняющагося состоянія органа (божѣзни) или употребленія искусственнаго приспособленія (цѣпныхъ или увеличивающихъ размѣры видимаго очковъ и пр.) измѣняется въ воспріятіи свойства предметовъ, такъ какъ эти случаи совершенно исключительны, и истолкованіе здѣсь смѣны въ смыслѣ смѣны субъективной, очевидно, требуетъ уже очень сложнаго опыта.

мое къ нимъ и безъ всякаго отношенія къ данной въ воспріятіи ихъ смѣнѣ, когда бы онѣ были взяты просто, какъ данныя существующія (самый слышимый звукъ, видимый цвѣтъ, а не только перемены въ нихъ, лишающія объективнаго значенія); и лишь на сколько самыя эти реальности предъ анализомъ науки получаютъ иной смыслъ, чѣмъ какой даетъ имъ непосредственное сознаніе, и самая смѣна посредственно и въ прямой зависимости отъ этого получаетъ особое истолкованіе. Несравненно важнѣе для насъ тотъ совершенно особый и вѣстѣ съ тѣмъ постоянно истрѣчающійся въ жизни непосредственнаго сознанія случай отрицанія всякаго объективнаго значенія за возникновеніемъ и исчезновеніемъ въ воспріятіи предметовъ, который невольнo, хотя и незаконно, долженъ былъ подразумѣваться, когда шла рѣчь объ отрицаніи предметнаго значенія за смѣной, состоящей въ пространственномъ переищеніи предметовъ. Обводя, напримѣръ, глазами комнату, я не только имѣю переищеніе (въ сторону противоположную движенію моего глаза) реальностей, которыя въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ моментахъ времени оставались въ сферѣ моего воспріятія и только измѣняли свои мѣста, удаляясь отъ одной границы охватываемаго глазами пространства и приближаясь къ другой, противоположной, я имѣю въ то же время исчезновеніе реальности на одномъ концѣ этого пространства и возникновеніе новой на другомъ, противоположномъ; я имѣю, слѣдовательно, въ этихъ двухъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, моментахъ воспріятія вѣстѣ съ пространственной смѣной смѣну качественную (въ широкомъ смыслѣ), исчезновеніе и возникновеніе реальностей, замѣну одной реальности другою; и подобно тому какъ въ собственномъ смыслѣ пространственную переищу считая только мнимую, относящуюся исключительно къ воспріятію, а не къ самому воспріемлемому предмету, такъ и качественную смѣну въ этомъ случаѣ также считая только мнимую, исключительно относящуюся къ воспріятію, а не къ предмету, данному въ воспріятіи. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ дапо не истолкованіе только качественной смѣны въ иномъ смыслѣ, а отрицаніе за ней всякаго объективнаго значенія. Отсюда легко можетъ показаться, что тѣ самыя основанія, которыя приводятъ здѣсь сознаніе къ отрицанію предметнаго значенія за исчезновеніемъ и возникновеніемъ, именно какъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ, служатъ вѣстѣ и основаніями, которыя лишаютъ эту смѣну вообще всякаго предметнаго значенія. Однако на самомъ дѣлѣ это не такъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что непосред-

ственное сознаніе при исчезновеніи и возникновеніи реальностей въ воспріятіи не всегда лишаетъ эти процессы вполнѣ объективнаго значенія, а иногда истолковываетъ ихъ въ смыслѣ такого пространственнаго перемѣщенія предметовъ, которому придаетъ объективное значеніе. Если я, обводя глазами комнату, отрицаю всякое объективное значеніе за качественной смѣной, за тѣмъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ предметовъ, которое происходитъ при этомъ въ моемъ воспріятіи, то, совершенно наоборотъ, я замѣняю только это возникновение и исчезновение пространственнымъ перемѣщеніемъ самихъ объектовъ, вхожу въ сферу моего воспріятія и выхожу изъ этой сферы, когда мелькаетъ въ моихъ глазахъ череда проходящихъ мимо меня желѣзно-дорожныхъ вагоновъ или пролетаетъ птица, или проходитъ человѣкъ; когда мы сравнимъ между собою эти два порядка случаевъ возникновенія и исчезновенія въ воспріятіи предметовъ при перемѣщеніи ихъ въ сферѣ воспріятія, то мы найдемъ, что тѣ случаи, гдѣ исчезновеніе и возникновеніе толкуются въ смыслѣ объективнаго перемѣщенія самихъ предметовъ изъ сферы и въ сферу воспріятія, гдѣ, следовательно, за качественной смѣной никакъ не отрицается объективнаго значенія, а лишь дается ей другой смыслъ пространственнаго перемѣщенія объектовъ, отличаются отъ остальныхъ подобныхъ же случаевъ лишь тѣмъ, что при нихъ нѣтъ признаковъ призрачности движенія, то-есть, или вовсе отсутствуютъ тѣ мускульныя ощущенія, происходящія отъ движенія органовъ или всего организма, съ которыми связано представленіе о перемѣщеніи сферы воспріятія, или эти ощущенія извѣщаютъ о такомъ перемѣщеніи этой сферы, которое недостаточно для объясненія феномена. Если же это такъ, то ясно, что условія, которыя лишаютъ объективнаго значенія самое возникновеніе и исчезновеніе, именно только какъ возникновеніе и исчезновеніе, и которыя должны быть общими обоимъ этимъ случаямъ, не лишаютъ еще ихъ объективнаго значенія собою, но оставляютъ за ними значеніе процессовъ смѣны, и это послѣднее значеніе теряютъ эти процессы лишь черезъ присоединеніе извѣстныхъ ощущеній, свидѣтельствующихъ о перемѣщеніи сферы воспріятія, и теряютъ въ той именно степени, въ какой смѣна объясняется изъ этого перемѣщенія. Совершенное отрицаніе объективности данныхъ въ воспріятіи процессовъ возникновенія и исчезновенія предметовъ, а не перетолкованіе только ихъ въ смыслѣ пространственнаго движенія, можетъ само собою безъ особыхъ указаній на призрачность пространственнаго перемѣщенія предметовъ состояться лишь въ томъ случаѣ, когда

воспріятіе не даетъ условій постановки вообще пространственнаго перемѣщенія, которому можно бы было придавать—все равно—объективное или субъективное значеніе, то-есть, когда при отрицаніи предметности возникновенія и исчезновенія въ качествѣ процессовъ именно возникновенія и исчезновенія не можетъ быть поставленъ для сознанія самый вопросъ о перетолкованіи этихъ процессовъ въ смыслѣ пространственнаго движенія. Такъ какъ сознаніе знаетъ только два вида смѣны, качественную (въ широкомъ смыслѣ) и пространственную, то необходимость отрицать первую при отсутствіи условій для истолкованія ея въ смыслѣ послѣдней, конечно, необходимо должно вести къ отрицанію смѣны вообще. Это бываетъ исключительно въ томъ особомъ видѣ смѣны, которая происходитъ отъ возобновленія и прекращенія дѣтельности органовъ, напримѣръ, при открытіи и закрытіи глазъ. Такимъ образомъ можно считать безспорнымъ, что различеніе непосредственнымъ сознаніемъ въ смѣнѣ, данной въ воспріятіи, смѣны, имѣющей предметное значеніе, отъ смѣны, совсѣмъ лишенной этого значенія, связано, за исключеніемъ только одного сейчасъ упомянутого случая, который Кантомъ обыкновенно игнорируется, съ нѣкоторыми мускульными ощущеніями, которыя разсматриваются непосредственнымъ сознаніемъ, какъ извѣщенія о перемѣщеніи самой сферы воспріятія; и такъ какъ эти ощущенія составляютъ для него признакъ отсутствія въ смѣнѣ объективнаго значенія, то ясно, что постановка объективности данной въ воспріятіи смѣны не имѣетъ для сознанія никакого положительнаго дополнительнаго признака сверхъ самаго факта смѣны въ воспріятіи и происходитъ сама собою всегда, какъ только или вовсе нѣтъ признака, требующаго снятія этой постановки, или же оказывается какой либо недочетъ въ объясненіи явленія изъ того перемѣщенія сферы воспріятія, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ. Теперь обратимся къ Кантову ученію объ условіи постановки объективности смѣны въ нашемъ сознаніи.

§ 19. При разъясненіи своего взгляда на условія признанія и отрицанія сознаніемъ данной въ воспріятіи смѣны на примѣрахъ наблюденія движенія лодки по рѣкѣ и обзора частей зданія Кантъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ будто бы наше непосредственное сознаніе при признаніи объективности движенія лодки непосредственно руководится опредѣленностію и необходимостію порядка смѣняющихся положеній лодки, а при отрицаніи объективности смѣны, напримѣръ, при воспріятіи частей обзрѣваемаго зданія оно руководится неопредѣленностію этого порядка, способностію его быть какима угодно. Изъ пред-

шествующаго достаточно ясно, что на сколько въ этомъ процессѣ установки и отрицанія объективности смѣны признаки объективности и субъективности смѣны описываются Кантомъ, какъ такіе признаки, которыми прямо руководится наше непосредственное сознание въ этихъ процессахъ, все описаніе нужно счесть за очевидную и очень крупную ошибку. Если никакое мускульное ощущение не извѣщаетъ меня о перемѣнѣ въ положеніи моего организма съ его органами воспріятія и о соединяющемся съ нимъ перемѣщеніи сферы моего воспріятія, то лодка, измѣняющая свое пространственное положеніе въ моемъ воспріятіи и постепенно ускользающая изъ него, единственно въ силу этого отрицательнаго условія неизбежно признается въ непосредственномъ сознаніи движущейся по рѣкѣ, и сознание дѣлаетъ это безъ всякихъ положительныхъ дополнительныхъ условий, которыя особо свидѣтельствовали бы объ объективности смѣны, и если мое непосредственное сознаніе не сомнѣвается въ движеніи лодки и въ томъ случаѣ, когда я испытываю мускульныя ощущенія, происходящія отъ перемѣщенія глазъ и головы, слѣдя глазами за движеніемъ лодки и не давая ей ускользнуть изъ моего воспріятія, хотя бы я при этомъ не могъ даже вслѣдствіе однообразія береговъ услѣдить за измѣненіемъ ея положеній среди другихъ предметовъ и не могъ, слѣдовательно, воспользоваться другимъ, не постояннымъ, а случайнымъ признакомъ, то это потому, что сознание мускульныхъ ощущеній, свидѣтельствующихъ о перемѣщеніи сферы моего воспріятія, убѣждаетъ меня въ неизбежной перемѣнѣ пунктовъ, на которые послѣдовательно направлено мое воспріятіе, и слѣдовательно косвенно свидѣтельствуетъ о послѣдовательной перемѣнѣ мѣстъ, на которыхъ находится лодка, остающаяся въ одномъ и томъ же положеніи въ сферѣ воспріятія, не смотря на перемѣщенія этой сферы. Кантовъ опредѣленный и необходимый порядокъ, который отождествляется имъ съ порядкомъ закопосообразно правильныхъ, на самомъ дѣлѣ есть, очевидно, только простой порядокъ воспріятія, при которомъ пѣть извѣстныхъ мускульныхъ ощущеній, сопровождающихъ перемѣщеніе сферы воспріятія съ одного пункта бытія на другой, или въ которомъ исключены тѣ перемѣщенія предметовъ въ сферѣ воспріятія, которыя считаются результатомъ перемѣщенія самой сферы воспріятія, о которомъ извѣщаютъ извѣстныя мускульныя ощущенія. Спору нѣтъ, что перемѣщеніе лодки на рѣкѣ, если предположить, что лодка несетъ по теченію, представляетъ рядъ перемѣнъ, въ которомъ перемѣны послѣдующія представляются законосообразно связанными съ

перемѣнами предшествующими. Но это умѣнье подобрать такой примѣръ для иллюстраціи своей мысли, который представляет не только объективную перемѣну, но и законосообразную связь между сдѣняющими другъ друга событіями, можетъ свидѣтельствовать только объ искусствѣ Канта доказывать свою мысль, а никакъ не о томъ, чтобы эта законосообразная связь была нужна или сколько нибудь содѣйствовала непосредственному сознанію констатировать объективность сдѣны. Еслибы за рядомъ послѣдовательныхъ перемѣнъ въ воспріятіи лодки на различныхъ мѣстахъ рѣки внизъ по ея теченію послѣдовалъ обратный рядъ подобныхъ же перемѣнъ вверхъ по теченію или по какимъ либо другимъ направленіямъ. еслибы дѣло шло не о движеніи лодки, а о движеніи какого либо предмета, съ условіями движенія котораго я былъ бы вовсе незнакомъ, еслибы это движеніе отличалось какою угодно неправильностію, и перемѣны слѣдовали бы не въ прямомъ только, но и въ обратномъ и въ какомъ угодно другомъ порядкѣ, все-таки для того, чтобы въ моемъ непосредственномъ сознаніи онѣ ставились въ качествѣ перемѣнъ объективныхъ, оказалось бы достаточнымъ одного отрицательнаго условія, именно чтобы онѣ не объяснялись изъ тѣхъ перемѣщеній сферы моего воспріятія, о которыхъ извѣщаютъ меня извѣстныя мускульныя ощущенія. Стоя въ комнатѣ передъ окномъ, я услыхалъ бой часовъ, находящихся въ той же комнатѣ, и затѣмъ увидалъ въ окно полетъ птицы, сдѣвшей доселѣ на крышѣ дома, стоящаго на противоположной сторонѣ улицы, и въ моемъ непосредственномъ сознаніи ставится объективная послѣдовательность этихъ двухъ фактовъ. Законна или незаконна эта постановка, это въ настоящемъ случаѣ для насъ безразлично; но она при подобныхъ условіяхъ столько же естественна и столько же неизбежна для нашего непосредственнаго сознанія и совершается на такихъ же основаніяхъ, сколько естественна и неизбежна и на какихъ основаніяхъ совершается постановка объективной послѣдовательности перемѣнъ при наблюденіи перемѣщеній лодки на рѣкѣ. Я могу сколько угодно разъ слышать тотъ же бой часовъ и не видать тотчасъ за тѣмъ полета птицы, могу сколько угодно разъ наблюдать эти явленія въ обратномъ порядкѣ, то-есть, сначала увидалъ полетъ птицы, а затѣмъ услыхалъ бой часовъ, могу самыми неопровержимыми аргументами до полнѣйшей очевидности убѣдиться, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой опредѣленности или необходимости порядка, и тѣмъ не менѣе при первомъ подобномъ случаѣ въ будущее время мое непосредственное сознаніе поставитъ эту перемѣну въ качествѣ

перемѣны объективной. Въ виду всего этого попытка Канта представить постановку объективности перемѣны движенія лодки, совершающуюся въ нашемъ сознаніи, въ такомъ видѣ, какъ будто сознаніе руководится при этомъ опредѣленностію и необходимостію или законосообразностію порядка, мнѣ кажется, должна быть отнесена къ слишкомъ смѣлымъ попыткамъ, — къ попыткамъ, насилующимъ факты въ угоду предвзятой мысли.

Прикрывая ея чрезвычайную смѣлость искусно подобраннымъ примѣромъ постановки въ сознаніи перемѣны объективной, Кантъ не менѣе искусно подбираетъ примѣръ и для разъясненія условій, при которыхъ сознаніе отрицаетъ объективное значеніе смѣны въ воспріятіи. При обозрѣніи зданія въ нашемъ воспріятіи части его слѣдуютъ одна за другой, и однако мы не приписываемъ этой чередѣ объективнаго значенія. По мнѣнію Канта, это зависитъ отъ того, что здѣсь порядокъ смѣны не опредѣленъ и можетъ быть какимъ угодно: части зданія слѣдуютъ въ одномъ порядкѣ, когда мы обзираемъ зданіе отъ верха его къ низу, но онѣ идутъ въ другомъ порядкѣ, когда мы обзираемъ его съ низу до верха, еще въ иномъ, когда направляемъ взоръ съ правой стороны къ лѣвой или съ лѣвой къ правой. Если отрицаніе объективности смѣны, данной въ воспріятіи, зависитъ отъ неопредѣленности порядка ея, отъ способности его быть какимъ угодно, то отсюда должно слѣдовать, что постановка объективности смѣны должна зависѣть отъ строгой опредѣленности этого порядка или отъ его необходимости. Таково мнѣніе Канта. На самомъ дѣлѣ фактически мы не нуждаемся въ повтореніи смѣняющихся явленій въ иномъ порядкѣ, а не въ томъ, въ какомъ они уже прослѣдовали предъ нашимъ взоромъ, для того, чтобы отрицать объективность смѣны; для насъ совершенно достаточно для этого отрицанія сознанать мускульныя ощущенія, которыя сопутствуютъ нашему воспріятію смѣны, и признать перемѣщеніе предметовъ въ воспріятіи вполне соотвѣствующимъ тому перемѣщенію сферы нашего воспріятія, которое, какъ мы знаемъ по опыту, должно происходить при этихъ ощущеніяхъ. Правда, изъ примаго наблюденія надъ нашимъ сознаніемъ мы не узнаемъ, какими именно фактами руководилось наше сознаніе, когда признало, что извѣстныя мускульныя усилія исключительно сопровождаются перемѣщеніемъ сферы воспріятія, и когда изучало, какимъ напряженіемъ и какимъ характеромъ должно отличаться то или другое изъ этихъ мускульныхъ усилій для того, чтобы вполне объяснять собою призрачное движеніе виѣшнихъ объектовъ, отличающееся изъ-

вѣстной быстротою и извѣстнымъ направленіемъ. Несомнѣнно съ другой стороны и то, что при отрицаніи объективности смѣны на основаніи свидѣтельства мускульныхъ ощущеній, извѣщающихъ насъ о перемѣщеніи сферы нашего воспріятія, обыкновенно оказывается возможнымъ для насъ имѣть смѣняющіяся явленія въ иномъ и какомъ угодно порядкѣ. Когда перемѣщеніе предметовъ въ воспріятіи оказывается исключительно зависящимъ отъ перемѣщенія сферы воспріятія, и, слѣдовательно, сами предметы остаются неподвижными при перемѣщеніи ихъ въ сферѣ воспріятія, то понятно, что мы, зная по опыту о тѣхъ мускульныхъ ощущеніяхъ, которыми сопровождается возвращеніе перемѣщенной сферы воспріятія къ тому пункту, на который она была направлена до своего перемѣщенія, и владея способностію вызывать нужныя для нашей цѣли мускульныя усилія, а слѣдовательно и соответствующія имъ ощущенія, всегда можемъ сдѣлать пужный оборотъ сферы воспріятія и, слѣдовательно, вновь получить смѣнившіяся реальности, но уже въ иномъ порядкѣ; и такъ какъ возвращеніе сферы воспріятія къ покинутому пункту можетъ совершаться различными путями соответственно различнымъ мускульнымъ усиліямъ, находящимся въ нашей власти, то очевидно въ томъ случаѣ, когда перемѣщеніе предметовъ было просто призрачное, то-есть, зависѣло исключительно отъ перемѣщенія сферы воспріятія, обыкновенно должна оказаться для насъ широкая возможность имѣть вновь въ какомъ угодно порядкѣ воспріятіе прошедшихъ передъ нашими взорами реальностей. Отсюда можетъ показаться довольно естественной и подкупающей въ свою пользу попытка Канта искать послѣдняго основанія отрицанія объективности смѣны въ этой возможности имѣть въ какомъ угодно порядкѣ смѣняющіяся явленія. Отчего, казалось бы, не предположить, что подобныя факты возврата смѣны въ различномъ порядкѣ и были тѣми фактами, которые убѣждали сознаніе въ призрачности смѣны, а, слѣдовательно, въ зависимости ея отъ простаго перемѣщенія сферы воспріятія, и что наблюденіе сопутствія подобной призрачной смѣны извѣстными мускульными ощущеніями сдѣлало за тѣмъ эти мускульныя усилія признаками этого перемѣщенія сферы и дало возможность изучить отношеніе между характеромъ и отношеніемъ этихъ усилій, съ одной стороны, и направленіемъ и быстротою призрачнаго движенія, съ другой? Мы увидимъ далѣе, что эти факты, хотя и не одни, а въ связи съ нѣкоторыми другими фактами, дѣйствительно служатъ для мысли основаніемъ отрицать объективность только не смѣны, какъ смѣны, а возникновенія и исчезновенія, и

именно въ качествѣ процессовъ возникновенія и исчезновенія, объективность которыхъ при смѣнѣ въ воспріятіи, какъ мы видѣли выше, можетъ сниматься одинаково какъ при отрицаніи, такъ и при постановкѣ объективности смѣны какъ смѣны, а поэтому основаніи отрицанія объективности этихъ процессовъ должны быть различны отъ основаній отрицанія смѣны какъ смѣны. Подъ вліяніемъ сильнаго желанія доказать явно ошибочное мнѣніе о необходимости подчиненія смѣны закону причинности для установки объективности ея въ сознаніи, Кантъ допускаетъ смѣшеніе отрицанія объективности возникновенія и исчезновенія съ отрицаніемъ объективности смѣны, какъ смѣны и поэтому ставитъ условіемъ послѣдняго отрицанія такіе процессы, которые могли бы быть пригодными лишь при разъясненіи перваго отрицанія, и потому становится въ явное противорѣчіе съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ признапіемъ неопредѣленности давняго въ воспріятіи порядка, способности его быть какимъ угодно, разумѣть просто допущеніе возможности, что порядокъ смѣны можетъ оказаться и какимъ угодно инымъ, то тотчасъ же окажется, что это допущеніе ни въ какомъ случаѣ не относится только къ тѣмъ перемѣнамъ въ воспріятіи, которыя мы лишаемъ объективнаго значенія, но очень обыкновенно и при такихъ перемѣнахъ, въ объективности которыхъ мы не сомнѣваемся, и слѣдовательно послѣднимъ основаніемъ, оправдывающимъ мысль о призрачности смѣны, быть не можетъ. Когда я признаю объективной смѣну рлда проѣхавшихъ предъ моими глазами экипажей, я никакъ не отрицаю возможности пройти ему передо мной въ обратномъ или какомъ угодно другомъ порядкѣ; онъ можетъ и дѣйствительно сколько угодно разъ пройти въ моемъ воспріятіи, даже каждый разъ череда экипажей можетъ оказаться мною, и все же эти факты не окажутъ ровно никакого вліянія на мое признаніе его объективности, хотя, конечно, каждое появленіе ихъ будетъ подкрѣплять мое убѣжденіе въ продолженіи ихъ существованія послѣ исчезновенія ихъ изъ воспріятія при предшествовавшемъ онмѣ. то-есть будетъ закрѣплять меня въ призрачности не смѣны ихъ вообще, не пространственнаго перемѣщенія ихъ, а возникновенія и исчезновенія ихъ при появленіи ихъ въ воспріятіи и выходѣ изъ него; точно также полетъ птицы, совершившійся въ опредѣленномъ направленіи, можетъ сколько угодно разъ повториться въ какомъ угодно направленіи, но онъ не перестанетъ считаться мною каждый разъ объективнымъ перемѣщеніемъ, рядомъ событій, подобно перемѣщеніямъ лодки, плывущей по теченію рѣки. Отсюда слѣдуетъ, что и отрица-

нѣ объективности смѣны частей дома, вообще какъ смѣны (то-есть, даже и того перемѣщенія, которое совершаютъ эти части въ сферѣ моего воспріятія при обозрѣніи ихъ, подобно перемѣщенію экипажей нъ сейчасъ приведенномъ примѣрѣ), не можетъ основываться на неопредѣленности порядка ихъ теченія, то-есть, на простой возможности всяческихъ измѣненій въ этомъ порядкѣ, хотя убѣжденіе въ продолженіи существованія этихъ частей несомнѣнно подкрѣпляется ихъ новымъ и новымъ появленіемъ, также какъ и существованіе экипажей (и даже значительнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ, какъ увидимъ далѣе). Кантъ заимствуетъ свой примѣръ неопредѣленнаго порядка при отрицаніи объективности смѣны изъ такихъ случаевъ, гдѣ явно порядокъ смѣны зависитъ отъ произвола; онъ говоритъ, что, при разъясненіи этого примѣра, „мое воспріятіе могло начаться съ верхушки его“ и т. д., и называетъ порядокъ смѣны въ этомъ случаѣ довольно двусмысленнымъ словомъ *ganz beliebig*. Отсюда можно, по-видимому, заключать, что онъ привносилъ въ терминъ „неопредѣленный порядокъ“ смыслъ произвольно неопредѣленнаго порядка. Въ такомъ случаѣ, конечно, эта черта порядка, ставящая возможность его измѣненій въ совершенную зависимость отъ произвола воспріемлющаго сознанія, уже не будетъ, по крайней мѣрѣ, совершенно общаю чертой смѣны объективной. Однако понятіемъ, логически противоположнымъ этому понятію зависимости измѣненій порядка отъ произвола воспріемлющаго сознанія, будетъ въ такомъ случаѣ не совершенная опредѣленность и необходимость порядка въ смыслѣ его законосообразной правильности, а независимость его измѣненій отъ произвола субъекта, которая, конечно, никакъ не исключаетъ возможности измѣненій его вообще и какихъ угодно неправильностей въ этихъ измѣненіяхъ; а потому необходимо будетъ признать, что постановка объективной смѣны не нуждается въ необходимости порядка смѣны въ смыслѣ причинной связи послѣдующаго съ предшествующимъ, а нуждается только лишь въ независимости возможныхъ измѣненій его отъ воспріемлющаго сознанія; все доказательство безусловнаго значенія закона причинности окажется тогда софизмомъ. При томъ же, хотя зависимость порядка смѣны отъ произвола воспріемлющаго сознанія должна, очевидно, много ближе подходить къ той чертѣ, которую дѣйствительно должна характеризоваться смѣна, не имѣющая для сознанія объективнаго значенія, чѣмъ простая способность порядка являться въ измѣненномъ видѣ, однако и она, если оставить ее безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія и опредѣленія, не

окажется чертой, исключительно принадлежащей тѣмъ случаямъ смѣны, которые не имѣютъ для сознанія объективнаго значенія: не очень быстро двигающійся рядъ экипажей я могу по произволу воспринимать и въ порядкѣ ихъ движенія и въ обратномъ порядкѣ, обращаясь взоромъ въ сторону, обратную ихъ движенію, и быстро возвращаясь назадъ отъ послѣдняго экипажа къ первому; еслибы знаніе, обзорѣніе частей котораго въ совершенно произвольномъ порядкѣ должно приводить сознаніе къ отрицанію объективности движенія этихъ частей, само медленно двигаюсь, это не помѣшало бы мнѣ въ теченіе нѣкотораго, по крайней мѣрѣ, времени обзорѣвать части его въ совершенно произвольномъ порядкѣ, а между тѣмъ я никакъ не потерялъ бы черезъ то права копастатировать объективность движенія этихъ частей за это именно время.

Если признакъ, которымъ пользуется наше непосредственное сознаніе для установки объективности смѣны, не есть необходимая связь перемѣны съ другой перемѣной, непосредственно ей предшествующей въ нашемъ воспріятіи; если онъ и не указываетъ сознанію на такую предшествующую перемѣну, такъ какъ постоянно встрѣчается тамъ, гдѣ ея нѣтъ; если онъ несомнѣнно и не принимается сознаніемъ за указаніе на нее, такъ какъ сознаніе, руководствуясь имъ, безъ всякаго сомнѣнія и колебаній признаетъ объективность смѣны тамъ, гдѣ перемѣна, предшествующая событію въ воспріятіи. ясно и очевидно для сознанія не имѣетъ необходимой связи съ событіемъ, то утверждать, что перемѣна можетъ получить объективное значеніе для сознанія лишь въ силу необходимой — будетъ ли то дѣйствительной, или только мнимой — связи ея съ перемѣной, непосредственно предшествующею ей въ воспріятіи, значило бы говорить противъ очевидныхъ фактовъ. Кантъ и его послѣдователи, конечно, знаютъ, что въ воспріятіи перемѣнамъ, признаваемымъ за событія, постоянно предшествуютъ такіа перемѣны, которыя ясно и очевидно для сознанія не имѣютъ никакой необходимой связи съ ними. Но они думаютъ, что это обстоятельство не представляетъ никакого затрудненія для того, чтобы принимать, что основаніе выдѣлять изъ всего ряда смѣны въ воспріятіи объективныя событія заключается для сознанія въ различеніи послѣдовательностей необходимыхъ отъ послѣдовательностей, измѣняющихся въ своемъ порядкѣ. Для устраненія затрудненія предполагается возможность для сознанія руководиться предшествующимъ опытомъ и ассоціаціями представлений, которыя образовались съ его помощію. У Канта нѣтъ подробнаго разъясненія, какъ именно эти

ассоціація должны устранять затрудненіе. Но понять это можно и безъ объясненія. Въ прилѣженіи къ данному случаю это должно бывать означать, что для перемѣнъ такого рода, относительно которыхъ въ сознаніи уже утвердилось—законно или незаконно, это все равно—увѣренность въ законосообразномъ слѣдованіи ихъ за тѣми или другими явленіями, слѣдовательно увѣренность въ правѣ разсматривать ихъ, какъ событія, пѣтъ никакой необходимости имѣть въ томъ или другомъ данномъ случаѣ своимъ предшествующими такіа перемѣны, которыя бы сознание могло принять за перемѣны, связанныя съ ними необходимой связью; и безъ того онѣ будутъ уже ставиться сознаниемъ въ качествѣ событій, такъ какъ сознание увѣрено, что онѣ имѣютъ свои необходимыя предшествующія, которыя только остаются не воспринятыми въ данномъ случаѣ; но приниматься они будутъ въ качествѣ дѣйствительныхъ событій все же исключительно въ силу этой увѣренности, что необходимыя предшествующія имъ перемѣны фактически существуютъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ быть констатированы. Такимъ образомъ теорія, ставящая признаніе необходимости порядка смѣны условіемъ отнесенія ея къ объекту подъ влияніемъ слишкомъ очевиднаго факта, что объективность смѣны признается сознаниемъ и тогда, когда порядокъ смѣны не можетъ казаться необходимымъ сознанию, неизбѣжно должна обращаться къ законамъ ассоціаціи и искать себѣ опоры въ предположеніи, что признаніе сознаниемъ объективности перемѣнъ, которыя не имѣютъ въ воспріятіи такихъ предшествующихъ событій, которыя способны бы были казаться сознанию ихъ необходимыми предшествующими, есть результатъ психологически образованнейшей ассоціаціи между представленіями о самыхъ этихъ перемѣнахъ и представленіемъ о необходимой подчиненности ихъ закону правильной послѣдовательности ихъ теченія за опредѣленными другими перемѣнами. Но, и дѣлая это предположеніе, эта теорія остановилась бы только на полдорогѣ, такъ какъ взяла бы во вниманіе лишь одинъ, особенно бьющій въ глаза, фактъ и не обратила бы вниманія на фактъ другой, имѣющій для нея не меньшее значеніе. Постановка объективности смѣны въ непосредственномъ сознаніи (и рефлексія относится къ этой постановкѣ именно допѣрчиво за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, когда эта постановка прямо сталкивается съ огромнымъ кругомъ твердо доказанныхъ подъ условіемъ этой же постановки знаній) во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково опредѣляется присутствіемъ или отсутствіемъ извѣстныхъ мускульныхъ ощущеній, которыя считаются за извѣщеніе о пе-

решеніи сферы воспріятія, и установленнымъ взглядомъ сознанія на то, какому именно направленію и какой быстротѣ смѣны предметовъ въ воспріятіи соотвѣтствуетъ извѣстное напряженіе и извѣстный характеръ мускульныхъ ощущеній. А такъ какъ показанія этихъ ощущеній относительно объективности или чистой субъективности смѣны непосредственно не зависятъ отъ того, существуетъ или не существуетъ необходимый порядокъ въ смѣнѣ, о которой они свидѣтельствуютъ, то ясно, что наше сознаніе не въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, именно, гдѣ отсутствіе необходимого порядка смѣны совершенно очевидно для сознанія, а во всѣхъ случаяхъ постановки и отрицанія объективности данной въ воспріятіи смѣны не руководится присутствіемъ или отсутствіемъ этого порядка въ данной смѣнѣ: оно, конечно, не можетъ руководиться тѣмъ, чего совѣтъ нельзя вычитать изъ знаковъ, которыми оно всегда пользуется при своихъ приговорахъ. А поэтому, чтобы удержатъ мысль, что для сознанія основаніе выдѣлять объективную смѣну изъ всѣхъ рядовъ смѣны въ воспріятіи заключается въ различеніи послѣдовательностей необходимыхъ отъ послѣдовательностей измѣнчивыхъ по своему порядку, необходимо допустить, что сознаніе во всей своей доступной наблюденію жизни ставитъ объективную смѣну никакъ не непосредственно на основаніи усмотрѣнія той необходимости порядка, которая можетъ служить для него единственнымъ условіемъ такой установки, а чрезъ косвенный признакъ этой необходимости. Такимъ косвеннымъ признакомъ, очевидно, и должны считать или полное отсутствіе извѣстныхъ мускульныхъ ощущеній, или признаваемое несоотвѣтствіе ихъ наличной данной смѣнѣ. Такъ какъ это положеніе дѣла должно обнимать всю жизнь сознанія, доступную непосредственному наблюденію, то дѣйствительное непосредственное примѣненіе къ воспринимаемой смѣнѣ критеріи необходимости или измѣнчивости порядка должно быть отнесено къ жизни сознанія, недоступной воспоминанію; туда же должно быть отнесено и установленіе твердыхъ ассоціацій между необходимостію и измѣнчивостію порядка смѣны, съ одной стороны, и показаніями мускульнаго чувства, съ другой; туда же должно быть отнесено, наконецъ, и образованіе ассоціаціи между тѣми показаніями этого чувства, которыя должны говорить объ измѣнчивости порядка смѣны, а, слѣдовательно, о ея субъективности, и представленіемъ о перемѣщеніи сферы воспріятія, которое должно объяснять эту субъективность смѣны. Ясно, что при такихъ условіяхъ не только предполагается цѣлый рядъ фактическихъ психологическихъ процессовъ, оказывающихся со-

вершиною необходимыми для послѣдовательнаго проведенія теорій, но и всѣ оны отбрасываются въ періодъ жизни сознанія, совершенно недоступный непосредственному наблюденію, и оказываются совершенно неспособными къ фактической повѣркѣ. И указываю на это обстоятельство никакъ не затѣмъ, чтобы прямо на этомъ основаніи произнести какой нибудь неблагоприятный приговоръ надъ самою теоріей. Въ нашей развитой психической жизни, непосредственно доступной нашему наблюденію, несомнѣнно есть формы, которыя несутъ на себѣ ясныя слѣды своей не-первоначальности и развитіе которыхъ, слѣдовательно, необходимо отнести къ недоступному воспоминанію періоду жизни сознанія; съ другой стороны, несомнѣнно, что умѣнье наше по мускульнымъ ощущеніямъ быстро и непосредственно опредѣлять объективность и субъективность смѣлы, данной въ воспріятіи, относится къ способностямъ, которыя приобрѣтены подъ вліяніемъ опыта и развитіе которыхъ должно быть отнесено къ жизни недоступной воспоминанію. И какія трудности ни предстояли бы при составленіи мнѣнія относительно подобныхъ предметовъ, удовлетворяющаго научнымъ требованіямъ, во всякомъ случаѣ едва ли кто рѣшился бы сдѣлать упрекъ наукѣ, которая изыскивала бы средства преодолѣть эти трудности. Но для Кантовой теоріи такое отсутствіе всякой возможности искать для себя подтвержденія въ свидѣльствѣ непосредственнаго сознанія должно имѣть особое значеніе. Не слѣдуетъ забывать, что послѣднее основаніе, къ которому она хочетъ свести постановку объективности смѣлы въ нашемъ сознаніи, никакъ не относится къ такимъ, которыя не вызвали бы нужды въ чрезвычайныхъ ресурсахъ для подтвержденія своей пригодности играть назначаемую ея роль. Признать, что сознаніе искони отождествляетъ объективную смѣлу съ смѣлою, порядокъ которой запечатлѣнъ характеромъ необходимости, это значитъ признать, что сознаніе въ той дѣятельности, которой приписывается логическая законность и нормальность и которая лежитъ въ основаніи всякаго познанія дѣйствительности, прямо руководится предположеніемъ о безусловной вѣрности закона причинности, который признается не способнымъ быть логически оправданнымъ по своему своему содержанію. Какую же вѣроятность имѣло бы объясненіе психической жизни на основаніи предположенія, которое невѣроятно само по себѣ? Поэтому уличить сознаніе въ его неразумной дѣятельности на самомъ фактѣ этой дѣятельности, представить дѣло такъ, чтобы на доступномъ непосредственному сознанію каждому различеніи объективной и субъективной смѣлы оказалось, что различающая дѣятель-

ность ничѣмъ инымъ на самомъ дѣлѣ и не руководится, кромѣ необходимости и измѣнчивости порядка смѣны, это было бесспорно очень искуснымъ ходомъ въ разрѣшеніи трудной задачи доказать, что нормальная и законная дѣятельность разума основывается на предположеніи, не имѣющемъ законныхъ логическихъ основаній. Отсюда ясно, что очевидная несостоятельность Кантова анализа случаевъ постановки и отрицанія въ сознаніи объективности смѣны, а имѣетъ и указанная сейчасъ необходимость для Кантовой теоріи, если она не хочетъ стать въ разрѣзъ съ фактами опыта, признать, что вся постановка объективности смѣны въ нашемъ непосредственномъ сознаніи есть постановка не непосредственная, а косвенная, имѣютъ гораздо болѣе важности, чѣмъ это могло казаться съ перваго взгляда: онѣ лишаютъ ее самой возможности прямо въ непосредственномъ же сознаніи уличать непосредственное сознаніе въ томъ, что оно въ своей нормальной и законной дѣятельности искони руководится предположеніями, не имѣющими логическаго оправданія; онѣ отнимаютъ доводъ, который по самому характеру защищаемаго взгляда долженъ былъ казаться наиболѣе пригоднымъ. Еще болѣе важна другая сторона этого дѣла.

Если Кантова теорія въ интересахъ соглашенія ея съ фактами опыта неизбежно должна предполагать, что непосредственное различіе сознаніемъ объективной и субъективной смѣны прямо на основаніи необходимости и измѣнчивости порядка ея относится исключительно къ первоначальной, недоступной непосредственному наблюденію жизни сознанія; если ею должно быть признано, что все подобное же различіе въ нашемъ развитомъ сознаніи дѣлается на основаніи косвенныхъ признаковъ, связь которыхъ съ необходимостію и измѣнчивостію смѣны установлена была опять уже въ недоступный воспоминанію періодъ жизни сознанія, то ясно, что этой теоріей необходимо предполагается цѣльный психологическій взглядъ на исторію жизни сознанія; и пусть его разъясненіе и не можетъ само по себѣ доказывать теоріи, но оно все же должно быть сдѣлано для того, чтобы доказать, что этотъ взглядъ можетъ покрывать собою факты, мириться съ ними; психологическій взглядъ, предполагаемый теоріею, долженъ быть проведенъ хотя бы для того, чтобы сдѣлалась ясна возможность провести теорію безъ противорѣчія съ фактами. Кантъ этого не дѣлаетъ. Изъ его оправданіе можно, правда, замѣтить, что онъ, ошибочно признавая возможнымъ на самомъ непосредственномъ сознаніи доказать, что сознаніе пользуется наблюденіемъ

необходимаго и измѣняваго порядка смѣны для различенія смѣны объективной и субъективной, уже по этому самому могъ считать достаточно обеспеченнымъ свой взглядъ со стороны его возможной примѣнимости къ фактамъ; необходимость отбросить весь сполна предполагаемый имъ процессъ различенія въ недоступную непосредственному наблюденію жизнь сознанія ему не приходила и на мысль. Однако необходимость широкаго примѣненія такъ называемыхъ законовъ ассоціаціи представленій для обліженія его теоріи съ фактами наличной жизни онъ видитъ; не можетъ не видѣть онъ и того, что твердая установка объекта при внѣшнихъ ощущеніяхъ должна падать вполне на первоначальную жизнь духа, такъ какъ наше непосредственное сознаніе никогда не ждетъ установки тѣхъ или другихъ отношеній между представленіями для того, чтобы при этихъ ощущеніяхъ ставить объектъ. Слѣдовательно онъ не можетъ не видѣть, что съ его теоріей знанія неразрывно соединяется нѣкоторый психологическій взглядъ на исторію жизни сознанія, который требуетъ, по крайней мѣрѣ, отчетливаго разъясненія возможности положить его въ основаніе исторіи развитія душевной жизни. Кантъ уклоняется отъ сколько нибудь отчетливыхъ психологическихъ объясненій, конечно, по той причинѣ, что имѣть только доказательства своей теоріи, а для доказательства ея они бесполезны, такъ какъ теоріей предполагается такое основаніе для нормальнаго различенія душею объективной смѣны отъ субъективной, которое невѣроятно уже само по себѣ и которому по этому простое разъясненіе возможности приложить его къ исторіи душевной жизни не можетъ придать достовѣрности. Поэтому сверхъ неудачной попытки дать своей теоріи опору въ анализѣ наличныхъ актовъ различенія объективности и субъективности смѣны, совершаемыхъ самимъ непосредственнымъ сознаніемъ, онъ хочетъ прямо установить необходимость для сознанія такъ, а не иначе дѣйствовать при этомъ различеніи; нѣсколько разъ въ различныхъ формахъ онъ повторяетъ, что такъ какъ послѣдовательность теченія явленій составляетъ общую черту всего даннаго въ воспріятіи, то для сознанія единственнымъ средствомъ выдѣлить объективную послѣдовательность представляется различеніе необходимой послѣдовательности отъ послѣдовательности, не отличающейся необходимостію. Послѣ такого довода, конечно, казалось излишнимъ доказывать возможность теоріи. Я здѣсь не стану вдаваться въ разборъ Кантовыхъ діалектическихъ разъясненій одной и той же мысли. Я хочу здѣсь указать на то, какъ опасно доказывать необходимость съ гносеологической точки зрѣнія такихъ предположеній, которыя неразрывно

связаны съ опредѣленнымъ психологическимъ взглядомъ, не разъяснивъ для себя возможности развитія психической жизни, соотвѣтствующей этому взгляду. Еслибы Кантъ попытался отчетливѣе представить себѣ это развитіе, то онъ понялъ бы, что послѣдніе психическіе элементы, съ которыхъ она должна начинаться по его взгляду, не могутъ быть ни воспріятіями, ни представленіями, ни ощущеніями, слѣдовательно не могутъ быть ничѣмъ, какъ показано было выше. Но онъ понималъ бы тогда и еще одно обстоятельство; онъ понималъ бы, что самое констатированіе необходимаго, то-есть, правильно однообразнаго порядка смѣны возможно для сознанія только подъ условіемъ уже приобритеннаго имъ навыка отличать и исключать изъ своего наблюденія череду, не имѣющую объективнаго значенія. И не сомнѣваюсь, что, когда Кантъ утверждалъ, что только наблюденіе надъ правильностію порядка череды представленій впервые вноситъ идею объективности смѣны, то онъ принималъ въ расчетъ, что только наука представляетъ намъ смѣны внѣшней объективной дѣйствительности строго подчиненными точнымъ законамъ, и что только человѣкъ уже съ развитымъ непосредственнымъ сознаніемъ частію подъ вліяніемъ собственнаго опыта, приобритеннаго уже въ условіяхъ развитаго сознанія, частію подъ вліяніемъ передаваемыхъ ему самыми разнообразными способами свѣдѣній, составляющихъ совокупный результатъ опыта цѣлыхъ поколѣній, можетъ имѣть все же не мало свѣдѣній, касающихся правильныхъ послѣдовательностей въ объективной дѣйствительности,—я нимало не сомнѣваюсь, что Кантъ принималъ во вниманіе, что, если отрѣшиться отъ всѣхъ подобныхъ свѣдѣній, сопутствующихъ нашимъ воспріятіямъ смѣны и служащихъ намъ очень обильными комментаріями къ нимъ, и если взять данную въ воспріятіи смѣну объективную въ томъ видѣ, какъ она должна представиться человѣку, имѣющему только открытыя чувства и не имѣющему равно никакихъ свѣдѣній, очень немного окажется правильно повторяющихся видовъ смѣны, касающихся внѣшняго объекта (а не соединенія явленій внѣшняго объекта съ внутренними ощущеніями, напримѣръ, при утоленіи голода, жажды; подобныя явленія не должны приниматься въ расчетъ, когда идетъ дѣло о смѣнѣ реальностей внѣшнихъ чувствъ). Но я позволю себѣ усомниться, принималъ ли онъ во вниманіе во всей широтѣ ту мысль, что и подмѣта этихъ немногочисленныхъ однообразій послѣдовательности фактически зависитъ отъ умѣнья сознанія при встрѣчѣ съ ними не принимать въ расчетъ тѣхъ пертурбацій въ нихъ самихъ, которыми должна производиться въ нихъ смѣна субъективная. Череда воспріятій

различныхъ положеній лодки на рѣкѣ,—обращаюсь къ Кантову приему,—только благодаря этому умѣнью, можетъ получить видъ нѣкоторой относительной правильности, то-есть, подойти подъ понятіе перемѣны, однообразно повторяющейся въ многихъ или даже хоть въ нѣсколькихъ прежнихъ случаяхъ. Сознаніе послѣ воспріятія извѣстнаго положенія лодки на рѣкѣ фактически можетъ перейти вслѣдствіе разнообразныхъ случайныхъ причинъ къ воспріятію того или другаго берега рѣки, предметовъ на самой рѣкѣ, падающихъ въ направленіи, обратномъ движенію лодки, какихъ угодно другихъ предметовъ, можетъ перейти точно такъ же, какъ и къ воспріятію того мѣста на рѣкѣ, гдѣ лодка должна явиться въ слѣдующее мгновеніе. Каждое такое вторженіе субъективной перемѣны въ рядъ перемѣнъ объективныхъ лишаетъ и самый этотъ рядъ необходимаго единства и дѣлаетъ его не похожимъ на другой подобный рядъ; чтобы живѣе себѣ это представить, мы не должны забывать, что каждое такое вторженіе не есть только перерывъ ряда, оно несетъ самый двигающійся предметъ вмѣстѣ съ его движеніемъ въ сторону, противоположную движению двигающагося глаза, двигать вмѣстѣ съ нимъ туда же всѣ воспринимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ предметы и заставляетъ двигаться со стороны, соответствующей движению глаза, другіе предметы; оно, сверхъ того, ежеминутно уничтожаетъ и порождаетъ всѣ эти движенія. На дѣлѣ эти вторженія субъективныхъ перемѣнъ въ ряды перемѣнъ объективныхъ постоянны и многочисленны; если мы не только не замѣчаемъ, но и едва ли можемъ ясно вообразить себѣ ту необыкновенную пестроту въ порядкѣ смѣны, которую должна представлять послѣдовательная череда воспріятій, въ которой не отдѣляется череда субъективная отъ череды объективной, понимаемой и въ смыслѣ мнимаго движенія и въ смыслѣ мнимаго возникновенія и уничтоженія, то исключительно благодаря, съ одной стороны, умѣнью и твердо установившемуся навыку отличать и выдѣлять субъективную череду отъ объективной, съ другой—благодаря соединенной съ ними способности ставить реальности, перемѣщающіяся въ воспріятіи лишь вслѣдствіе перемѣщенія сферы самого воспріятія, въ качества устойчивыхъ реальностей, перенося движеніе на сферу воспріятія (въ болѣе развитой жизни сознаніи посредственно чрезъ перенесеніе его на органы воспріятія или вообще на организмъ). Когда Кантъ противопоставляетъ перемѣны, отличающіяся необходимостію порядка, перемѣнамъ, отличающимся измѣнчивостію порядка, то подъ послѣдними ближайшимъ образомъ онъ разумѣетъ тѣ призрачныя перемѣны и то призрачное

исчезновеніе и возникновеніе, которыя испытываютъ неподвижные и продолжающіе существовать предметы при переходахъ воспріятія отъ одного изъ нихъ къ другому; онъ, очевидно, не довелъ своего представленія до полной послѣдовательности и не обратилъ вниманія на то, что и предметы, на самомъ дѣлѣ двигающіеся, никакою счастливою судьбою не избавлены отъ той же участи, которой должны подвергаться при субъективныхъ перемѣнахъ предметы неподвижные, что они также должны имѣть съ своимъ движеніемъ перемѣщаться, исчезать и возникать вслѣдствіе субъективныхъ перемѣнъ воспріятія, какъ и неподвижные, и что если эти перемѣны, встрѣчаясь въ неподвижныхъ предметахъ, должны представляться сознанію перемѣнами, отличающимися измѣнчивостію порядка, то онѣ не могутъ, встрѣчаясь съ объективными перемѣнами, прихотливо перемѣшиваясь съ ними и разнообразно видоизмѣняя ихъ, не придавать и этимъ перемѣнамъ того же измѣнчиваго характера. Ясно, что установка въ нашемъ непосредственномъ сознаніи самой необходимости порядка смѣны или нѣкоторой законосообразной правильности ея уже должна предполагать то отличіе объективной смѣны отъ субъективной, которое по Канту должно ею обусловливаться. А поэтому мнѣ кажется, что еслибы Кантъ постарался уяснить себѣ возможность того развитія психической жизни, которое неизбежно предполагается его теоріей, онъ не рѣшился бы выступать съ тезисомъ, что признаніе необходимой связи перемѣнъ составляетъ единственно возможное условіе, при которомъ сознаніемъ можетъ констатироваться объективность перемѣнъ.

§ 20. Кантъ, повидимому, оставлялъ для своего адепта возможный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ долженъ оказаться философъ, признающій необходимымъ условіемъ постановки объективной смѣны такое условіе, которымъ фактически совѣсть не пользуется непосредственное сознаніе въ томъ фазисѣ его развитія, въ которомъ оно доступно непосредственному наблюденію и которое не можетъ быть признано послѣднимъ основаніемъ ассоціаціи представлений, устанавливающей тѣ признаки объективности смѣны, которыми фактически пользуется наше развитое сознаніе. Иногда Кантъ говоритъ о причинной зависимости перемѣнъ отъ предшествующей ей перемѣны, какъ о такомъ условіи, которое единственно можетъ обезнечить законное право на постановку объективности перемѣнъ, и видитъ въ этой зависимости высшій критерій, которому должно принадлежать рѣшеніе вопроса о законности сдѣланной постановки. Памѣннѣе характерно эта мысль выражена, мнѣ кажется, въ слѣдующихъ

словахъ: „въ противномъ случаѣ, если я ставлю предшествующее, и событие не послѣдовало за нимъ необходимо, я долженъ бы былъ считать его только за субъективную игру моихъ воображеній, и если я представлялъ подъ нимъ все же нѣчто объективное, я называлъ бы его простою грезой“ (217). Легко можно подуматъ, что Кантъ совершенно напрасно поставилъ себя въ затрудненіе, стараясь отстоять мысль, что въ нашемъ сознаніи объективность перемѣны можетъ ставиться только подъ условіемъ предположенія о причинной зависимости этой перемѣны отъ перемѣны, ей предшествующей. Повидимому, ничто не могло бы помѣшать ему ограничаться лишь тою мыслию, что лишь имѣющая право на законность установка объективной перемѣны не можетъ состояться безъ указаннаго условія, и оставить совершенно въ сторонѣ вопросъ о постановкѣ фактической и объ условіяхъ, на какихъ она фактически совершается или можетъ совершаться въ нашемъ сознаніи. Какое ему дѣло было до этой фактической постановки и до ея условій? Вопросъ о ней, конечно, необходимо связать съ психологическими предположеніями, которыя именно и запутываютъ все дѣло, а между тѣмъ этотъ вопросъ для теоріи знанія никакого существеннаго значенія не имѣетъ. Такъ можетъ казаться съ перваго взгляда, но не такъ на самомъ дѣлѣ: это мнѣніе въ самомъ корнѣ противорѣчитъ Кантовой философіи, и Кантъ хорошо понималъ, что онъ дѣлалъ, когда пускался на всѣ діалектическія тонкости, насиловалъ факты и подъ видомъ анализа понятій игралъ словами только для того, чтобы доказать необходимость для сознанія руководиться единственно предположеніемъ причинной зависимости перемѣны отъ другой перемѣны, ей предшествующей, при фактической установкѣ ея объективности. Кантова философія не знаетъ никакой другой объективности, кромѣ объективности, создаемой мыслию. Мысль для нея не критерій объективности, которая была бы способна быть дана и поставлена чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ мысли; дѣятельность, ставящая эту объективность, именно какъ объективность, есть мысль и только мысль, такъ какъ создаваемая объективность есть только сознаніе синтеза въ понятіи объекта, чистомъ продуктѣ мысли. Чувственности принадлежатъ лишь пустыя формы (пространство и время) и пассивныя аффекціи (ощущенія), играющія роль эмпирическихъ возбужденій: ею не дано и не можетъ быть дано никакой объективности. Созерцаніе творится воображеніемъ; но воображеніе въ своихъ законахъ ассоціаціи можетъ подставлять и дополнять только матеріалъ наличнаго ощущенія и лишь чрезъ интеллектуализирующее его дѣя-

тельность понятие объекта, следовательно исключительно чрезъ проникающую его единственную активность, которую знаетъ Кантова философія въ теоретической области; активность мысли способна дать объективное, синтетическое, даже какое либо определенное созерцаніе, потому что какое либо определенное созерцаніе можетъ быть только созерцаніемъ чего нибудь, следовательно требуетъ единства сознанія въ синтезѣ, следовательно понятія объекта. Вся трансцендентальная аналитика была бы не только сложною цѣнью паралогизмовъ, но и бессмысленною цѣнью этихъ паралогизмовъ, если бы она не проникла глубокою и серьезною концепцію, что постановка объективности въ непосредственномъ сознаніи есть дѣло активности мысли, и если бы всѣ эти паралогизмы не представляли собою результата усилій провести эту серьезную концепцію въ несчастныхъ условіяхъ догматизма, который, какъ кажется (такова иронія судьбы!), и вызвалъ въ Кантѣ особое энергическое стремленіе провести ее последовательно. Отсюда давать законное право на постановку объективности можетъ для Канта только тотъ принципъ, которымъ (непосредственно или посредственно) руководится при ея постановкѣ та самая дѣятельность, которая въ непосредственномъ эмпирическомъ созерцаніи ставитъ объективность. Если при этомъ, конечно, предполагается, что постановка объективности въ этомъ эмпирическомъ созерцаніи можетъ оказаться (въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, но, конечно, не заурядъ) требующей поправокъ съ точки зрѣнія научной мысли, то это лишь потому, что мысль, проникающая непосредственное созерцаніе и созидаящая изъ ощущеній въ этомъ созерцаніи міръ объективной дѣйствительности, дѣйствуетъ здѣсь въ особыхъ условіяхъ эмпирическаго сознанія, которое вылетено само въ міръ этой объективности и дѣйствуетъ въ зависимости отъ случайныхъ ассоціацій, а никакъ не вслѣдствіе того, чтобы при постановкѣ объективныхъ отношеній могли быть для нея какіе либо иные руководственные критеріи, кромѣ тѣхъ критеріевъ, которыми пользуется и мысль научная; мнимый послѣдній критерій правильной установки объективности есть на дѣлѣ единственно возможный принципъ объективирующей дѣятельности. Я не хочу, конечно, сказать того, чтобы такой взглядъ, каковы бы ни были натяжки и какова бы ни была гибкость Кантовой діалектики, Канту можно было провести вплоть последовательно во всѣхъ деталяхъ въ примѣненіи особенно къ закону причинности; здѣсь затрудненія были такъ велики, что частныя мысли иногда по необходимости оказывались запутывающими и за-

темняющими руководящую идею, съ трудомъ согласными съ нею. Но основная идея была именно такова. Да и могла ли она быть иной? Предположимъ, что установка объективности смѣны въ непосредственномъ сознаніи можетъ совершаться съ иныхъ точекъ зрѣнія, а не съ той, которая признавалась бы единственно правомѣрною; предположимъ, что ассоціація, на основаніи которыхъ сознаніе, въ прямую противоположность требованію причинной связи для постановки событія, устанавливаетъ дѣйствительныя событія безъ всякаго отношенія къ неизмѣняемости ихъ порядка, даже при ясномъ сознаніи его измѣняемости, не объясняются въ концѣ концовъ изъ наблюденія, что перемѣны, имѣвшія причины, всегда отличались и тою особенностью, которая стала теперь для сознанія признакомъ ихъ неизбежной причинной зависимости и поэтому вызываетъ постановку объективности ихъ. Въ такомъ случаѣ тотъ фактъ, что перемѣны, поставленные въ непосредственномъ сознаніи въ качествѣ событій, всегда (то-есть, за исключеніемъ особыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, которые, однако, оказываются все же объяснимыми съ научной точки зрѣнія изъ того же общаго принципа причинности) при точномъ научномъ изслѣдованіи ихъ дѣйствительно оказываются подчиненными причинной связи, можетъ допускать только два объясненія для философій, признающей законъ причинности апіорнымъ и синтетическимъ сужденіемъ. Или должна быть признана законной, воплотивъ правомѣрной и иная постановка событія, которой руководится непосредственное сознаніе; но тогда законъ причинности уже нельзя будетъ оправдывать ссылкой на то, что онъ представляетъ собою единственный правильный критерій объективности событія, или нужно будетъ признать нѣкоторую таинственную предугадаванную гармонию между постановкой событій въ сознаніи и вѣщаніями нашего разума о нормальныхъ условіяхъ этой постановки,—взглядъ, который такъ радикально противорѣчитъ кантіанству, что при немъ не можетъ быть уже никакой рѣчи о Кантовскомъ направленіи. Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что фактически перемѣны ставятся нашимъ сознаніемъ въ качествѣ объективныхъ перемѣнъ не за необходимую связь ихъ съ непосредственно предшествующими имъ перемѣнами; поэтому, если признать, что въ основаніи косвенныхъ признаковъ, которыми можетъ руководиться сознаніе при такой постановкѣ, можетъ и не лежать наблюденіе необходимаго порядка смѣны, то будетъ необходимо поставить въ вопросъ законность постановки всей въ совокупности объективной смѣны, на сколько остается не-

извѣстнѣмъ, какія именно предположенія скрываются позади тѣхъ признаковъ, которыми фактически руководствуется сознаніе въ своей постановкѣ этой объективности. Но какъ скоро мы поставимъ въ вопросъ всю смѣну, признаваемую за смѣну объективную въ непосредственномъ сознаніи, мы, съ точки зрѣнія Кантовой философіи, едва ли даже не лишимъ себя и всякой возможности научныхъ провѣрокъ постановки объективности, заподозрѣнной въ цѣломъ своимъ составѣ, такъ какъ научная мысль съ точки зрѣнія этой философіи представляется аналитичною въ отношеніи къ созерцанію и извлекаетъ изъ него лишь то, что синтетически въ немъ уже заложено, а поэтому, руководясь общими законами опыта, она должна необходимо опираться на факты созерцанія, а слѣдовательно едва ли можетъ провѣрить вѣрность того или другаго изъ этихъ фактовъ, дѣлать поправки въ нихъ иначе, какъ опираясь на общую совокупность тѣхъ же фактовъ; я говорю „едва ли“, потому что Кантъ не даетъ никакого понятія о томъ, въ чемъ долженъ состоять исходный пунктъ душевной жизни, и какъ должно совершаться ея развитіе по его взгляду, не даетъ даже твердаго понятія о послѣднихъ элементахъ, съ которыми долженъ имѣть дѣло его созерцательный синтезъ, а при такихъ условіяхъ рѣшительное сужденіе объ особыхъ свойствахъ созерцательнаго синтеза затруднительно.

§ 21. При доказательствѣ закона взаимодѣйствія Кантъ выходитъ изъ той мысли, что ближайшимъ условіемъ постановки одновременности предметовъ въ нашемъ сознаніи служитъ познаваемая нами возможность имѣть эти предметы поимѣнно (въ прямомъ и обратномъ порядкѣ) въ нашемъ воспріятіи. Онъ смотритъ на это условіе, какъ на несомнѣнный фактъ нашего непосредственнаго сознанія. „Я могу, — говоритъ онъ, — направить мое воспріятіе сначала на луну, а послѣ на землю или же наоборотъ сначала на землю, а потомъ на луну, и такъ какъ воспріятіи этихъ предметовъ могутъ слѣдовать поимѣнно другъ за другомъ, то я говорю, что они существуютъ вмѣстѣ“. Этимъ фактическая сторона условій постановки одновременности или сосуществованія предполагается исчерпанною сполна, такъ какъ именно изъ очевидной недостаточности этихъ условій для результата, который долженъ изъ нихъ получиться, дѣлается выводъ, что „требуется рассудочное понятіе (взаимодѣйствіи) о поимѣнной чередѣ опредѣленной одновременно существующихъ въ другъ друга вещей“ для установленія изъ этихъ поимѣнныхъ воспріятій одновременности предметовъ (224).

Такъ какъ въ нашемъ уже развитомъ непосредственномъ сознаниіи извѣстныя (внѣшнія) ощущенія прямо и непосредственно превращаются въ воспріятія, то-есть, превращаются въ такія состоянія, въ которыхъ ставится предметъ въ качествѣ внѣшняго независимаго отъ сознанія бытія, служащаго условіемъ его постиженія сознаниемъ, то существованіе предметовъ за время самаго воспріятія ихъ представляется сознанию непосредственно извѣстнымъ; а поэтому для убѣжденія въ одновременности предметовъ А и В, послѣдовательно другъ за другомъ существовавшихъ въ воспріятіи, сознанию достаточно убѣдиться или въ томъ, что исчезновеніе А было только призрачнымъ исчезновеніемъ, то-есть, исчезновеніемъ только изъ воспріятія, или въ томъ, что возникновеніе В было въ томъ же смыслѣ призрачнымъ возникновеніемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, очевидно, хоть какая нибудь часть времени существованія А должна будетъ совпасть съ частию времени существованія В. Высшее сознаниемъ изъ недоступнаго непосредственному наблюденію періода своей жизни убѣжденіе въ ограниченности сферы воспріятія сравнительно съ сферою бытія составляетъ условіе того, что исчезновеніе извѣстной реальности изъ воспріятія и возникновеніе ея въ ней для сознанія не совпадаетъ неизбежно съ исчезновеніемъ этой реальности изъ бытія или возникновеніемъ ея въ немъ. Подобно тому, какъ это видѣли мы при отрицаніи сознаниемъ объективности движенія, и въ отношеніи къ отрицанію объективности возникновенія и исчезновенія при пространственномъ перемѣщеніи реальностей иначе сознаніе во время своей жизни, которая оказывается доступною нашему наблюденію, является уже достаточно подготовленнымъ своею предшествующею жизнью и пользуется при этомъ отрицаніи заранѣе приобретенными послылками. Оно знаетъ, что извѣстныя перемѣны въ пространственномъ положеніи предметовъ, при ограниченности сферы воспріятія, неизбежно должны сопровождаться тѣмъ результатомъ, что мѣста, на которыхъ предметъ послѣдовательно появляется въ нашемъ воспріятіи, перестаютъ наконецъ совпадать съ сферой воспріятія; и постепенное появленіе его частями изъ-за границы воспріятія или постепенное приближеніе его къ границѣ воспріятія и постепенное исчезновеніе частями за этой границей служатъ для него признаками призрачности возникновенія и исчезновенія предмета; оно знаетъ, что границей сферы (собственно зрительнаго) воспріятія служатъ непрозрачныя предметы, и поэтому подобное же возникновеніе предмета изъ-за нихъ и исчезновеніе за нихъ играютъ для него роль такихъ же признаковъ;

къ развитію сравнительно уже позднѣйшему должно относиться образование ассоціаціи между постепеннымъ умаленіемъ предмета въ воспріятіи и постепенностію удаленія его отъ сферы воспріятія и, наоборотъ, между постепеннымъ возрастаніемъ его въ воспріятіи и сближеніемъ его съ нею. Поэтому при замѣнѣ воспріятія предмета А воспріятіемъ предмета В, соединенной съ пространственнымъ перемѣщеніемъ этихъ предметовъ въ сферѣ воспріятія ¹⁾, находя въ исчезновеніи А признаки призрачности этого исчезновенія, сознание не снимаетъ той постановки бытія, которая дана была этому предмету его воспріятіемъ; и, находя въ возникновеніи сѣбяющаго его предмета В признаки призрачности этого возникновенія, оно смотритъ на предметъ В, какъ на такой, который застаетъ уже существующимъ, то-есть, какъ на существовавшій уже ранѣе; такимъ образомъ постановка бытія предмета А и постановка бытія предмета В неизбежно совпадаютъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ моменты пограничные съ самыми моментами сѣбы этихъ предметовъ другъ другому въ воспріятіи. При такой постановкѣ одновременности предметовъ даже совѣмъ не встрѣчается въ сознаніи возвратной сѣбы воспріятій, о которой говоритъ Кантъ, а все дѣло ограничивается единичнымъ случаемъ сѣбы ихъ въ одномъ порядкѣ. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что ссылка Канта на несѣбность воспріятій совѣмъ не примѣняется при постановкѣ одновременности предметовъ въ нашемъ развитомъ сознаніи. Наше сознание, имѣя ранѣе приобретенное имъ знаніе признаковъ призрачности возникновенія и исчезновенія предметовъ, знаетъ уже также и о возможности качественной сѣбы или замѣны однихъ реальностей другими даже и за предѣлами воспріятія; вслѣдствіе этого продолжительность существованія реальностей до и послѣ воспріятія ихъ одними признаками призрачности процессовъ возникновенія и исчезновенія ихъ въ воспріятіи не гарантируется для него. Наблюдая нашу психическую жизнь, мы легко можемъ замѣтить, что возникающія въ рефлексіи въ отдѣльныхъ случаяхъ сомнѣнія подобнаго рода разрѣ-

¹⁾ Выше было уже разъяснено, что въ этомъ случаѣ безразлично, считается ли самое это пространственное перемѣщеніе предметовъ, объективно, которое оцѣнивается съ иныхъ точекъ зрѣнія, мнимымъ или дѣйствительнымъ; для отрицанія собственно исчезновенія и возникновенія и для установки чрезъ то продолженія существованія предмета послѣ воспріятія его, а слѣдовательно и одновременно съ другимъ, воспринимаемымъ за нимъ, безразлично, ограничивается ли отрицаніе отрицаніемъ собственно уничтоженія и возникновенія или переходитъ въ отрицаніе сѣбы вообще, слѣдовательно, и движенія.

шаются повтореніями воспріятія предмета послѣ замѣны его воспріятіемъ другого предмета; такимъ образомъ съ прямымъ порядкомъ воспріятій соединяется обратный; послѣ воспріятія А, слѣдовавшаго за воспріятіемъ В, оказывается нужда въ новомъ воспріятіи А. Въ обыкновенной жизни эта нужда является не часто: проходя даже въ первый разъ цѣлый рядъ комнатъ, которыхъ прежде не видалъ, быстро двигаясь по мѣстности, мнѣ совершенно незнакомой, слѣдя за движеніемъ длинной процессіи, я совершенно довольствуюсь признаками зависимости процессовъ возникновенія и исчезновенія предметовъ въ моемъ воспріятіи отъ ограниченности сферы послѣдняго для того, чтобы признавать одновременность существованія даже самыхъ первыхъ членовъ смѣны съ самыми послѣдними ея членами, и не нуждаюсь для этой цѣли въ повтореніи первыхъ. Но это происходитъ исключительно благодаря пріобрѣтеннымъ уже по большей части съ помощью житейскаго опыта слѣдствіямъ относительно устойчивости различнаго рода предметовъ въ бытіи; а свѣдѣнія, касающіяся продолжительности существованія предметовъ, при постоянной смѣнѣ предметовъ въ воспріятіи, конечно, сами не могли быть пріобрѣтены непосредственно и, опираясь на сознаніе призрачности процессовъ возникновенія и исчезновенія предметовъ въ воспріятіи, должны были въ періодъ своего пріобрѣтенія предполагать проверку при посредствѣ новыхъ и новыхъ воспріятій частію тѣхъ же самыхъ, частію сходныхъ съ ними предметовъ. Такимъ образомъ, указывая на носимыя воспріятія, какъ на фактическое условіе постановки въ сознаніи одновременности предметовъ, Кантъ дѣйствительно стоитъ на точкѣ зрѣнія нашего развитаго непосредственнаго сознанія. Однако, если ближе всмотрѣться въ то значеніе этихъ повторительныхъ воспріятій въ процессахъ установки одновременности предметовъ, какое принадлежитъ имъ въ этомъ развитомъ сознаніи, то тотчасъ же окажется, что это значеніе не совпадаетъ съ значеніемъ, какое усваиваетъ Кантъ своимъ носимымъ воспріятіямъ. Въ нашемъ сознаніи они имѣютъ свою цѣлю подкрѣплять убѣжденіе въ томъ, что предметъ за предѣлами воспріятія сохраняетъ то продолженіе существованія, которое уже усвоено ему признаніемъ призрачности даннаго въ воспріятіи процесса его исчезновенія, слѣдовательно они уже предполагаютъ различіе исчезновенія мнимаго отъ дѣйствительнаго. И сами они выполняютъ свою собственную роль подъ условіемъ вѣры сознанія въ извѣстные признаки зависимости возникновенія и исчезновенія предметовъ въ воспріятіи отъ ограниченности сферы воспріятія:

примѣненіе ихъ къ дѣлу въ нашемъ развитомъ сознаніи фактически несомнѣнно и неразрывно связывается съ этою вѣрою. Поворачивая свою голову для того, чтобы прослѣдить, чтѣ сталося съ искрой, которая промелькнула въ моемъ воспріятіи, я не только предполагаю, что исчезновеніе ея зависѣло отъ перехода ея за границы сферы зрительнаго воспріятія, и не поворотилъ бы головы, еслибы исчезновеніе ея совершилось еще на пути ея по полю зрѣнія, но и предполагаю, что смѣна предметовъ, которая послѣдуетъ въ моемъ воспріятіи при поворотѣ головы, будетъ смѣною только кажущеюся, и, слѣдовательно, напередъ увѣренъ, что искра, которая можетъ вновь появиться при этомъ перемѣщеніи сферы воспріятія, должна будетъ, при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ ея появленія, считаться не начинающей только свое существованіе, а уже существовавшей; и, встрѣтивъ вновь искру при этомъ поворотѣ головы, я буду смотрѣть на настоящее бытіе ея, какъ на продолженіе бытія, постановка котораго не снята была мною послѣ перваго ея воспріятія лишь въ томъ случаѣ, если это появленіе вновь искры можетъ на основаніи извѣстныхъ мнѣ признаковъ призрачности возникновенія реальностей въ воспріятіи объясняться, какъ минимое, а не дѣйствительное ея возникновеніе. Испо, что условіемъ постановки въ этихъ случаяхъ продолженія существованія предмета послѣ его воспріятія, а, слѣдовательно, и одновременности его съ реальностями, воспріятыми послѣ него, служить не простое повтореніе воспріятія его послѣ воспріятія ихъ, но при этомъ предполагаются и другія посылки, соединенныя съ признаніемъ призрачности происходящаго въ воспріятіи возникновенія и исчезновенія реальностей. Не менѣе ясно, что здѣсь и безъ введенія идеи взаимодѣйствія факты не лишены значенія: о нихъ нельзя утверждать, что безъ этой идеи они говорятъ исключительно только, что „въ субъектѣ воспріятіе одного предмета существуетъ, когда нѣтъ воспріятія другаго предмета и наоборотъ“. Если воспріятіе, переходя отъ А къ В, оставляетъ А не исчезающимъ изъ бытія, а лишь выходящимъ изъ сферы воспріятія, и, возвращаясь къ А, встрѣчаютъ его не возникающимъ въ бытіи, а лишь вступающимъ въ эту сферу; если бытію А, оставаясь не снятымъ послѣ перваго воспріятія, при второмъ встрѣчено было въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно должно было оказаться, если фактическая дѣйствительность продолжала бы соответствовать удержанной въ мысли постановкѣ А, то мысль о сохраненіи предметомъ А бытія въ продолженіи воспріятія В представляетъ, по крайней мѣрѣ, на

столько естественное предположеніе, способное объяснять факты, данные въ воспріятіи, что во всякомъ случаѣ теряется право вводить особое чистое синтетическое понятіе на томъ основаніи, что безъ него этотъ процессъ не могъ бы состояться.

Но и здѣсь, подобно тому, какъ при Кантовомъ разъясненіи постановки объективности смѣны, можетъ естественно показаться, что Кантова демонстрація, хотя, повидимому, имѣетъ дѣло съ описаніемъ актовъ непосредственнаго сознанія, на самомъ дѣлѣ имѣтитъ гораздо дальше. Установка одновременности предметовъ въ условіяхъ, сейчасъ указанныхъ, предполагаетъ уже, что ощущенія превращены въ воспріятія, которыя служатъ для сознанія непосредственнымъ свѣдѣтельствомъ существованія предмета; она, сверхъ того, предполагаетъ довѣріе сознанія къ признакамъ призрачности возникновенія и исчезновенія предметовъ, данныхъ въ воспріятіи; а не эти признаки, несомнѣнно, суть признаки производные, косвенные; сколько бы намъ, напримѣръ, на первый взглядъ ни казалось очевиднымъ, что постепенное приближеніе предмета къ границѣ сферы воспріятія и исчезновеніе его частями за нею есть только перемѣщеніе его за предѣлы воспріятія, а никаки не исчезновеніе его вмѣстѣ съ тѣмъ изъ бытія вообще, однако сознанію нужно было предварительно какими либо способами увѣриться въ томъ, что реальности, исчезающія такимъ путемъ изъ воспріятія, обыкновенно продолжаютъ существовать въ неохватываемой сознаніемъ части бытія; и только послѣ этого уже могло оно отождествить паблюдаемый имъ процессъ самаго исчезновенія ихъ изъ воспріятія съ непосредственно наблюдаемымъ процессомъ ихъ перемѣщенія въ воспріятіи и, приписать имъ самимъ такое же бытіе, какое приписываетъ оно перемѣщающимся въ воспріятіи предметамъ въ самое время движенія ихъ внутри сферы воспріятія, самое это перемѣщеніе, какимъ бы ни оказалось оно, смотря по особымъ его признакамъ, объективнымъ ли перемѣщеніемъ или только субъективнымъ, разматривать, какъ признакъ призрачности исчезновенія. Обращаясь къ Канту, мы видимъ, что при своемъ доказательствѣ основоположенія взаимодѣйствія онъ говоритъ о воспріятіяхъ вещей и о смѣнѣ воспріятій; при томъ онъ открыто допускаетъ здѣсь возможность того, что бытіе субстанцій можетъ быть установлено независимо отъ установки взаимодѣйствія между ними и ранѣе ея. Онъ понимаетъ, что какъ скоро при доказательствѣ закона причинности имъ было признано возможнымъ на основаніи наблюденія причинной зависимости перемѣны устанавливать объективность ихъ,

а слѣдовательно и объективность субстанцій, безъ которыхъ, по его теоріи, онѣ существовать не могутъ, то необходимо было признать, что „воспріятіе, которое (при установкѣ одновременности предметовъ) переходить отъ одной субстанціи къ другой.... могло бы для послѣдней опредѣлять ея существованіе при посредствѣ дальнѣйшаго воспріятія“, а поэтому онъ настаиваетъ на мысли, что при процессѣ убѣжденія въ одновременности двухъ предметовъ А и В, „сверхъ простаго существованія, должно быть еще нѣчто, посредствомъ чего А опредѣляетъ для В его мѣсто во времени и обратно В для А“; возвратная причинность оказывается нужна уже и для этой цѣли. Слѣдовательно, постановка одновременности предполагаетъ и у Канта уже независимое отъ сознанія бытіе предметовъ. Что же касается до существованія въ сознаніи твердо установившихся признаковъ призрочности возникновенія и исчезновенія, то они вполнѣ Кантомъ игнорируются, и это естественно представляеть предпологать, что, хотя онъ, понидимому, хочеть брать фактическую сторону условій постановки одновременности такъ, какъ она дана въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, однако на дѣлѣ идетъ анализъ далѣе его и въ своихъ посмѣнныхъ воспріятіяхъ видитъ послѣднее фактическое условіе, съ помощью котораго только могутъ устанавливаться и оправдываться даже и тѣ признаки возникновенія и исчезновенія реальностей въ воспріятіи, которыми пользуется сознаніе въ своей развитой жизни. Однако, если толковать взглядъ Канта въ этомъ смыслѣ, то является вопросъ: какое же имѣлъ онъ основаніе приписывать этимъ посмѣннымъ воспріятіямъ значеніе не только даже вообще условія, но и единственнаго фактического условія, лежащаго въ основаніи постановки одновременности предметовъ въ сознаніи. Если дѣло идетъ о процессахъ, правда, лежащихъ въ основаніи подлежащей наблюденію жизни сознанія, однако такихъ, которые сами не могутъ быть констатированы непосредственными наблюденіемъ, такъ какъ сознаніе фактически пользуется косвенными признаками при постановкѣ одновременности, то, конечно, нельзя безъ всякихъ разясненій категорически заявлять, что эти процессы состоятъ исключительно въ томъ-то или въ томъ-то, нельзя безъ всякихъ основаній, какъ будто бы дѣло идетъ о предметѣ очевидномъ для всѣхъ вслѣдствіе непосредственной доступности его общему наблюденію, говорить: „я могу направить воспріятіе на луну и потомъ на землю и наоборотъ“, и такимъ образомъ признаю ихъ одновременными. Конечно, принятіе процесса, который могъ только лежать въ основаніи фактическихъ условій постановки одновременности въ на-

шемъ сознаніи, за самыя эти фактическія условія можно разсматривать, какъ неосозпательную ошибку философа, недостаточно анализировавшаго процессъ этой постановки. Однако въ такомъ случаѣ нельзя все же не признать, что эта ошибка была очень счастливою ошибкой для Канта доказательства основоположенія взаимодѣйствія. Она именно дала нѣкоторый видъ законности незаконному введенію въ процессъ установки сосуществованія предметовъ чистаго синтетическаго понятія. Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ не вижу, какимъ путемъ мы могли бы придать вѣроятность мысли, что одновременность предметовъ ставится первоначальнымъ, недоступнымъ непосредственному наблюденію сознаніемъ при извѣстныхъ фактическихъ условіяхъ, еслибы мы не разъяснили, что эти условія способны естественнымъ путемъ возбуждать въ этомъ сознаніи вѣру въ эту одновременность. Но Канту для того, чтобы ввести въ процессъ постановки одновременности особую синтетическую идею разсудка (взаимодѣйствіе) и такимъ путемъ доказать сужденіе, признанное не доказуемымъ по самому своему содержанію, прямо приходится убѣждать читателя въ томъ, что фактическій процессъ, который признается имъ за единственное фактическое условіе постановки одновременности, не можетъ безъ чрезвычайной помощи проблематичнаго синтетическаго понятія возбуждать представленія объ одновременности. Понятно, что при такихъ условіяхъ безъ ошибочнаго предположенія, будто дѣло идетъ о такомъ условіи, которое прямо и непосредственно можно усмотрѣть изъ актовъ, постоянно совершающихся въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, нельзя было завѣрить читателя въ томъ, что это условіе и составляетъ дѣйствительно единственное условіе постановки одновременности и на этомъ основаніи постулировать введеніе въ процессъ особаго синтетическаго понятія.

§ 22. Еслибы Кантъ не задался мыслию оправдать одно изъ своихъ синтетическихъ основоположеній изъ условій постановки одновременности въ сознаніи, то онъ могъ бы найти такое условіе этой постановки, при которомъ сознаніе, и не руководствуясь косвенными признаками, могло бы не нуждаться въ особомъ синтетическомъ понятіи для того, чтобы прійти къ мысли объ этой одновременности. И этого условія ему не нужно было искать далеко. Онъ могъ найти его въ нѣкоторой особой чертѣ тѣхъ же повторительныхъ воспріятій, которыми сознаніе пользуется для провѣрки удержанной имъ постановки бытія предмета послѣ его исчезновенія изъ воспріятія. Эта черта есть зависимость такихъ провѣрочныхъ опытовъ отъ произвола сознанія.

Мы уже видѣли, какъ близко Кантъ подходитъ къ понятію произвольной череды воспріятій предметовъ при доказательствѣ положенія причинности, когда тотъ порядокъ смѣны, который долженъ вѣнуждать сознаніе отрицать объективность смѣны, называетъ не только неопредѣленнымъ, но и способнымъ быть какимъ угодно. Однако прямо и ясно поставить характеристической чертой его зависимость отъ произвола воспріятія и тамъ даже онъ не можетъ, такъ какъ зависимости отъ произвола противоположна не законообразная правильность, а только независимость отъ произвола, при которой порядокъ можетъ быть и неправильнымъ. Такъ какъ при разъясненіи постановки объективной смѣны онъ смѣшиваетъ отрицаніе объективности вообще смѣны съ отрицаніемъ объективности собственно возникновенія и исчезновенія предметовъ, а постановка одновременности предметовъ, какъ скоро они даны въ воспріятіи въ послѣдовательномъ порядкѣ, есть именно отрицаніе объективности этого исчезновенія и возникновенія, то въ его посмѣнныхъ воспріятіяхъ, какъ условіи постановки одновременности, мы имѣемъ собственно тотъ же способный быть какимъ угодно порядокъ. Но если при доказательствѣ причинности смутное представленіе о произвольности порядка, какое вызывалъ терминъ „какой угодно“, имѣло свою благоприятную для интересовъ доказательства Кантовой теоріи сторону, на сколько противоположилось термину „необходимый“, который также недостаточно опредѣленъ по своему смыслу и вмѣстѣ съ представленіемъ о подчиненіи правилу можетъ возбуждать и представленіе о невольности, и такимъ образомъ получалась запутывающая дѣло игра терминологіи, то здѣсь представленіе о произвольности посмѣнныхъ воспріятій грозило возбудить мысль, что она можетъ дѣйствительно и сама имѣть нѣкоторое значеніе при отрицаніи объективности возникновенія и исчезновенія; не удивительно поэтому, что здѣсь терминъ „какой угодно“ уже не встрѣчается и замѣняется терминомъ безразличный (*gleichgültig*). Лишь выраженіе: „я могу направить воспріятіе сначала на луну, потомъ на землю или также наоборотъ“, необходимое для того, чтобы возбудить представленіе о непосредственномъ усмотрѣніи фактическаго условія постановки одновременности, способно здѣсь возбудить мысль о сознаваемой произвольности посмѣнныхъ воспріятій. Ранѣе мы видѣли, что изъ теченія психической жизни Кантомъ изгоняется всякая возможность имѣть непосредственное воспріятіе многого для того, чтобы непосредственно данное ограничить чистою послѣдовательностію и такимъ образомъ всѣ представленія объ отношеніяхъ во времени заставить вырабаты-

ваться посредственно изъ отношеній послѣдовательности; теперь видимъ, что въ самой послѣдовательности игнорируется черта произвольности, способная, какъ увидимъ, играть очень значительную роль въ установкѣ объективныхъ отношеній, изгопается затѣмъ, чтобы свести все видоразличіе послѣдовательностей къ послѣдовательностямъ однообразно правильнаго порядка и послѣдовательностямъ способнымъ къ извращенію порядка и такимъ образомъ облегчить доказательство необходимости для сознанія пользоваться синтетическими понятіями разсудка при выработкѣ изъ отношеній чистой послѣдовательности отношеній послѣдовательности объективной и одновременности.

Въ сознаніи, руководящемся ранѣе установленными признаками призрачности исчезновенія и возникновенія въ воспріятіи, мысль о продолженіи установленнаго воспріятіемъ существованія предмета можетъ находить себѣ подкрѣпленіе, какъ мы видѣли, въ повторительныхъ воспріятіяхъ просто уже въ силу того, что предположеніе о продолженіи бытія предмета между двумя воспріятіями его составляетъ естественное и ближайшее объясненіе признанной призрачности появленія его во второмъ воспріятіи, какъ скоро признано призрачнымъ исчезновеніе его послѣ воспріятія перваго (конечно, подъ условіемъ отсутствія въ прежнемъ опытѣ чего либо, препятствующаго сдѣлать подобное предположеніе). Однако и въ этомъ случаѣ, если возвращеніе предмета въ сферу воспріятія зависитъ отъ совершенно произвольнаго акта воспріемлющаго сознанія, — какъ это бываетъ, когда намъ извѣстны и находятся въ нашей власти условія того перемѣщенія сферы воспріятія, которое должно сопровождаться вторичнымъ воспріятіемъ исчезнувшей изъ сознанія реальности, — это предположеніе получаетъ большую силу и убѣдительность уже по той причинѣ, что совершенная зависимость вторичнаго воспріятія отъ произвола сознанія обезпечиваетъ возможность сократить на какую угодно величину перерывъ между двумя воспріятіями предмета, то-есть, то время, въ продолженіе котораго существованіе предмета находится внѣ контроля сознанія и въ которое, слѣдовательно, могли бы совершиться одинъ за другимъ тѣ процессы превращенія извѣстнаго предмета въ другой предметъ и возвращенія его въ прежнее состояніе, которые могли бы подрывать значеніе провѣрочнаго опыта. Но предположимъ, что сознаніе рѣшилось бы не пользоваться извѣстными ему признаками призрачности возникновенія и уничтоженія предметовъ при смѣнѣ ихъ въ воспріятіи. Какъ скоро оно имѣетъ возможность произвольно переходить отъ воспріятія А къ

воспріятію В и наоборотъ, оно можетъ произвести цѣлый рядъ подобныхъ намѣренныхъ и произвольныхъ опытовъ. Пусть теперь въ результатѣ этихъ опытовъ окажется, что въ какой бы моментъ за извѣстный періодъ времени (то-есть, въ продолженіе ряда этихъ опытовъ) сознание ни пожелало устранить воспріятіе А, замѣнивъ его другимъ воспріятіемъ, и въ какой бы моментъ этого другаго воспріятія оно ни пожелало возвратиться къ воспріятію А, оно достигало своей цѣли, и что, слѣдовательно, воспріятіе А за все это время исключительно зависѣло отъ его произвола. Отсюда для него долженъ сдѣлаться обязательнымъ выводъ, что это воспріятіе продолжалось бы и въ тѣ моменты этого періода, въ которые оно прерывалось его произволомъ, и равнымъ образомъ оно могло бы начинаться въ каждый изъ моментовъ, когда продолжалось воспріятіе извѣстнаго другаго предмета, еслибы потребовалъ того его произволъ. Предположимъ теперь, что этотъ произволъ разсматривается сознаниемъ, какъ произволъ только въ воспріятіи предмета, а не какъ произволъ способности измѣнять по желанію самый міръ объектовъ, постигаемыхъ воспріятіемъ. Такъ какъ воспріятіе есть такое состояніе, въ которомъ ставится предметъ въ качества независимаго отъ сознанія бытія, и которое само принимается сознаніемъ за простое постиженіе или распознаваніе этого вѣшняго сознанію бытія, то мысль, что воспріятіе предмета А могло бы продолжаться, не переходя въ воспріятіе другаго предмета, и возникать въ какой угодно моментъ воспріятія этого послѣдняго и что для осуществленія этой возможности нужно исключительно только желаніе воспринимающаго субъекта, очевидно, ранилась бы мысль, что въ каждый изъ этихъ моментовъ уже существуетъ независимый отъ акта воспріятія предметъ А, какъ неизбежное условіе возможнаго (въ каждый изъ этихъ моментовъ) воспріятія или непосредственнаго постиженія его. Избѣгнуть этого вывода сознание могло бы только, еслибы оно предположило, что познаваемый имъ произволъ относится не къ акту самаго воспріятія, а къ способности сознанія производить измѣненія въ мірѣ вѣшнихъ предметовъ, и стало бы разсматривать данныя въ воспріятіи исчезновеніе и возникновеніе предметовъ, какъ дѣйствительныя событія во вѣшнемъ мірѣ, произвольно производимыя этою особою способностію сознанія совершать измѣненія въ мірѣ предметовъ, какъ это бываетъ съ другими перемѣнами въ мірѣ вѣшнемъ, которыя фактически производятся этою способностію сознанія и на которыя такъ именно оно и смотритъ. Однако, если на это исчез-

новенію и возникновенію сознаніе такъ не смотритъ, то это значитъ, что есть причины, заставляющія его смотрѣть на нихъ иначе. И мы можемъ доискаться этихъ причинъ.

Произволъ въ устраниеніи воспріятія чрезъ замѣну его другимъ и въ возвращеніи къ нему отъ этого другаго, подобно произволу сознанія при всякомъ отношеніи его къ міру вѣнннхъ предметовъ, ближайшимъ образомъ состоитъ въ способности вызывать произвольно извѣстныя мускульныя усилія (а съ ними имѣетъ, если разсматривать это дѣло съ точки зрѣнія обогащеннаго уже опытомъ сознанія, движеніе тѣла или его органовъ). извѣщающіяся въ сознаніи опредѣленными мускульными ощущеніями; слѣдовательно, прежде всего онъ предполагаетъ знакомство сознанія съ самыми этими мускульными усиліями и приобрѣтенную опытомъ способность вызывать ихъ по произволу. Но опредѣленное мускульное усиліе, выражающееся въ сознаніи опредѣленнымъ мускульнымъ ощущеніемъ, какъ понятно само собою, не заключаетъ въ самомъ себѣ никакихъ указаній на результатъ, который отъ него послѣдуетъ, то-есть, на устраниеніе извѣстнаго воспріятія или возвращеніе его въ сознаніе; поэтому для сознанія необходимо опытное знакомство съ этими результатами для того, чтобы, произведя извѣстное усиліе, ожидать отъ него того, а не другаго результата. а слѣдовательно и для того, чтобы смотрѣть на совершившееся устраниеніе или возвращеніе извѣстнаго воспріятія, какъ на дѣло своего произвола. Пусть, напримѣръ, устраниеніе воспріятія предмета А чрезъ замѣну его воспріятіемъ другаго предмета и возвращеніе его чрезъ устраниеніе этого другаго воспріятія должны быть признаны сознаніемъ записанными отъ его произвола. Для этого необходимо, чтобы сознаніе имѣло въ извѣстный моментъ (пусть и независимо отъ своего произвола) воспріятіе А и, произведя извѣстное мускульное усиліе, устранило тѣмъ это воспріятіе и замѣнило его воспріятіемъ В, затѣмъ, произведя другое—будемъ называть его обратнымъ первому—мускульное усиліе, устранило тѣмъ воспріятіе В и возвратило воспріятіе А. Если эти усилія сами по себѣ уже хорошо извѣстны ему по опытамъ прежней жизни, и оно приобрѣло уже способность произвольно вызывать ихъ, то оно можетъ, произвольно вызывая по очереди эти усилія (если воспринимаемые предметы остаются неподвижными), убѣждаться, что въ какой бы по произволу моментъ воспріятія А оно ни пожелало устранивать это воспріятіе, замѣнивъ его воспріятіемъ В, оно можетъ это сдѣлать, а затѣмъ также въ какой угодно моментъ можетъ возвратитъ его. При такомъ способѣ достигать убѣжденія въ возможности по произволу устранивать

воспріятіе А и вновь возвращать его, должна психологически естественно возникать въ сознаниі уиѣренность, что устраненіе при помощи извѣстнаго мускульнаго усилія воспріятія А неизбѣжно есть замѣна его воспріятіемъ В, и что обратное мускульное усиліе возвращаетъ воспріятіе А, именно, когда дано воспріятіе В; полный произвольный оборотъ, состоящій въ устраненіи А и возвращеніи его, долженъ представляться сознанию, какъ произвольная замѣна воспріятія А воспріятіемъ В и затѣмъ воспріятія В воспріятіемъ А. Но дальнѣйшія наблюденія должны разсѣять эту иллюзію. При какой либо изъ новыхъ случайныхъ встрѣчъ съ предметомъ А сознание, произведя то же самое мускульное усиліе, которое убѣдило его—и совершенно справедливо, еслибы выводъ его ограничивался періодами времени тѣхъ опытовъ—въ произвольной возможности для него замѣнять воспріятіе А воспріятіемъ В, можетъ встрѣтить вмѣсто предмета В какой либо другой предметъ С. Однако при этомъ, дѣлая обратное усиліе, оно всеже нашло бы, что предметъ А и въ этомъ случаѣ возвращается въ воспріятіе точно такъ же, какъ и въ первомъ, и рядъ произвольныхъ опытовъ и въ данномъ случаѣ убѣдилъ бы его, что теперь оно можетъ совершенно произвольно устранять воспріятіе А, замѣняя его воспріятіемъ С, и возвращать его, устраняя послѣднее воспріятіе. При другихъ случаяхъ встрѣчи съ предметомъ А оно могло бы найдти, что извѣстное ему первое мускульное усиліе замѣняетъ воспріятіе этого предмета опять воспріятіемъ предмета В, или какимъ либо новымъ предметомъ, въ одномъ случаѣ, напримѣръ, предметомъ D, въ другомъ E и под. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ операций съ воспріятіемъ А остается неизмѣннымъ тотъ фактъ, что извѣстное сознанию первое мускульное усиліе будетъ всегда сопровождаться устраненіемъ изъ воспріятія предмета А, хотя замѣнимъ онъ будетъ въ различныхъ серияхъ опытовъ различными предметами, а обратное этому усиліе всегда будетъ сопровождаться возвращеніемъ этого предмета А въ воспріятіе. Правда, и эта общая черта всѣхъ серий опытовъ съ предметомъ А, повидимому, можетъ не оказаться общею, такъ какъ можетъ произойти невольная для сознаниа и непредвидѣнная имъ пертурбація въ состояніи самого предмета А (пространственное перемѣщеніе его самого). Но если эта пертурбація произойдетъ до начала извѣстной серии опытовъ, то общій результатъ опытовъ отъ того не измѣнится, такъ какъ они должны опредѣлять не условія появленія предмета А въ воспріятіи, на сколько онъ берется за исходный пунктъ опытовъ, а условія произвольныхъ устраненій этого предмета

изъ сознанія и возвращенія его въ сознаніе; въ отношеніи же къ этимъ послѣднимъ условіямъ происшедшая и закончившаяся въ промежуткѣ между двумя сериями опытовъ пертурбація въ положеніи предмета А будетъ сопровождаться лишь тѣмъ слѣдствіемъ, что предметъ, замѣняющій его въ воспріятіи при первомъ произвольномъ мускульномъ усилии, окажется инымъ, чѣмъ въ предшествующемъ рядѣ опытовъ, но результатъ втораго обратнаго усилія не измѣнится. Если же эта пертурбація совершится во время серіи опытовъ, то она, если не брать въ расчетъ какихъ нибудь исключительныхъ случаевъ, наятрпное будетъ во время самаго ея совершенія подмѣчена сознаніемъ при произвольныхъ переходахъ сознанія отъ А къ другому предмету и отъ послѣдняго къ А, и слѣдовательно констатирована имъ, какъ пѣчто, не совпадающее съ его произвольными, мускульными усиліями и поэтому независимое отъ нихъ; даже еслибы она застала сознаніе на воспріятіи не самаго А, а чередующагося съ нимъ предмета, она все же должна будетъ такъ или иначе отразиться на этомъ актѣ воспріятія (по смежности обоихъ этихъ предметовъ) и заставить сознаніе или возвратиться тотчасъ же къ А и стать свидѣтелемъ пертурбаціи, въ немъ происходящей, или, по крайней мѣрѣ, констатировать вторженіе въ его операціи условій независимыхъ отъ его произвольныхъ мускульныхъ усилій. Все это повело бы лишь къ тому, чтобы сознаніе исключило этотъ случай изъ опытовъ, которыми долженъ опредѣляться результатъ произвольной дѣятельности его въ устраненіи извѣстнаго предмета изъ воспріятія и возвращенія его къ воспріятію. Само собою понятно, что какъ эти опыты, такъ и выводъ, который самъ собою устанавливается на основаніи ихъ, должны *mutatis mutandis* оказаться примѣнимыми не къ А только, но и къ каждому чередующемуся съ нимъ предмету, какъ скоро этотъ предметъ сталъ бы разсматриваться, какъ исходный пунктъ процесса, а само А—какъ замѣняющій его предметъ при произвольномъ его устраненіи, а равно и къ какому угодно другому данному въ воспріятіи предмету. Сознаніе при этомъ должно найти, что произвольное устраненіе предмета изъ воспріятія и обращеніе вновь къ нему могутъ совершаться съ помощью одной и той же пары мускульныхъ усилій въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ. Отсюда для него не должно подлежать сомнѣнію, что во всякомъ подобномъ процессѣ послѣдній результатъ процесса, вторичное воспріятіе какого бы то ни было предмета, ни въ какомъ случаѣ не случаенъ, а строго предопредѣленъ и точно предсматриваемъ, и именно предопредѣленъ, съ одной стороны, его изъ-

вѣстными мускульными усиліями, которыя оказываются, однако, одинаковыми при воспріятіи какого бы то ни было предмета, съ другой стороны—исходнымъ пунктомъ процесса, тѣмъ болѣе раннимъ воспріятіемъ предмета, отъ котораго исключительно оказывается зависимымъ, что этотъ именно предметъ вновь появится въ воспріятіи. Такъ какъ само это воспріятіе уже исчезло и замѣнилось даже промежуточнымъ воспріятіемъ другаго предмета, то, еслибы сознаніе предположило, что первое произвольное мускульное усиліе уничтожаетъ и самый предметъ этого воспріятія, замѣняя его новымъ предметомъ, а второе, обратное нерному, вновь порождаетъ этотъ предметъ, то оно тѣмъ самымъ отрицало бы наличность существованія условій, опредѣляющихъ результатъ этого послѣдняго усилія при самомъ процессѣ возникновенія этого результата, не смотря на то, что весь опытъ его свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ результатъ строго предопредѣленъ и можетъ быть точно предусматриваемъ. Отсюда слѣдуетъ, что какъ скоро предполагается, что сознаніе принимаетъ реальное существованіе чередующихся въ его воспріятіи субстанцій, то-есть, на воспріятіе ихъ смотреть, именно какъ на воспріятіе, и въ то же время сознаетъ зависимость этой череды отъ собственнаго произвола, оно не можетъ не ставить продолженія существованія этихъ субстанцій за время смѣны ихъ одной другою въ воспріятіи. Понятно, что отчуждая постановка Кантомъ произвольности при чередѣ посмѣнныхъ воспріятій неизбежно должна бы была лишитъ его всякой возможности вводить въ процессъ признанія одновременности субстанцій идею взаимодѣйствія въ качествѣ необходимаго условія этого процесса.

§ 23. Какъ выводъ, съ помощью котораго Кантъ старается доказать необходимость ввести особое синтетическое понятіе для объясненія постановки одповременности въ нашемъ сознаніи, основывается на произвольныхъ и ошибочныхъ предположеніяхъ, такъ и то понятіе взаимодѣйствія, то превращенію посмѣнныхъ воспріятій въ законосообразный порядокъ прямой и обратной причинности, которымъ онъ хочетъ восполнить минимую недостаточность фактическихъ условій для этой постановки, совершенно напрасно привлечено къ дѣлу и въ дѣйствительности совершенно ничего не можетъ объяснить въ немъ.

Чтобы выразить собою идею взаимодѣйствія, рядъ посмѣнныхъ воспріятій долженъ превратиться для сознанія въ законосообразный порядокъ возвратной причинности; данная въ воспріятіи реальность А должна разсматриваться, какъ причина слѣдующей за нею реальности В, которая въ свою очередь должна считаться причиной слѣдующей

за ней во второй разъ реальности А. Такъ слѣдовало бы раскрыть мысль Канта въ ея послѣдовательности. Но что же бы мы выиграли отсюда для постановки одновременности существованія А и В? Если постигнныя воспріятія потому не могутъ сами по себѣ доказывать одновременности предметовъ, что въ нихъ даны эти предметы въ послѣдовательномъ порядкѣ, то, превратившись въ рядъ причинъ и дѣйствій, они съ этой стороны не измѣняютъ своего характера для сознанія, они также должны будутъ приниматься сознаніемъ за выраженіе послѣдовательнаго теченія другъ за другомъ реальностей, которому только будетъ придана при этомъ особая законосообразность. И эта законосообразность вмѣсто того, чтобы облегчить для сознанія переходъ отъ представленія послѣдовательнаго ряда къ представленію объ одновременномъ существованіи, скорѣе затруднила бы его. Признать смѣняющіяся въ нашемъ сознаніи реальности за реальности, на самомъ дѣлѣ существующія въ одно и то же время, какъ понятно само собою, нельзя безъ отрицанія объективности за тѣмъ исчезновеніемъ и возникновеніемъ ихъ, которыя совершаются въ воспріятіи. Одна простая POSSIBILITY этихъ процессовъ хотя сама по себѣ безъ особыхъ признаковъ и не можетъ оправдывать мысли объ ихъ субъективности, но она, по крайней мѣрѣ, и не представляетъ затрудненій принять эту мысль, какъ скоро послѣдняя возникла бы по какому либо другому новоду. Взглядъ же на смѣняющіяся въ воспріятіи реальности, какъ на причинныя и дѣйствія, придастъ бы ихъ возникновенію и исчезновенію объективный характеръ, препратилъ бы самыя смѣняющіяся въ воспріятіи реальности въ рядъ другъ за другомъ начинающихся и оканчивающихся состояній; реальность В, явившаяся въ воспріятіи послѣ А и признанная за дѣйствіе реальности А, оказалась бы въ такомъ случаѣ возникающей послѣ А не для воспріятія только, но и въ дѣйствительности, точно также и вторая реальность А въ дѣйствительности оказалась бы возникающей послѣ В и т. д. Конечно, само по себѣ это затрудненіе никакъ не непреодолимо для мышленія. Для насъ возможно составить себѣ представленіе о дѣйствіи, начинающемся тотчасъ же за возникновеніемъ причины даже въ тѣхъ случаяхъ, когда причина продолжаетъ извѣстное время существовать, а поэтому для насъ возможно признавать дѣйствіе уже возникшимъ и существующимъ, когда въ воспріятіи продолжаетъ существовать его причина, а дѣйствіе остается еще не воспріятымъ и воспринимается лишь по исчезновеніи причины. Но трудно указать побужденіе, въ силу котораго мысль должна бы была развить

и примѣнить это представление именно при посмѣнныхъ воспріятіяхъ. Если предположить, что мысль дѣлала бы это просто въ силу того, что того требуетъ правильное пониманіе причинной связи, то было бы совершенно непонятно, почему это не должно бы примѣняться и къ простой причинности, а не только къ возвратной, и почему бы такимъ путемъ нельзя было и при простой причинности констатировать одновременное существованіе двухъ реальностей, данныхъ въ послѣдовательныхъ актахъ воспріятія. И если сущность дѣла положить въ одновременномъ существованіи не реальностей вообще, а субстанцій, къ которымъ смѣняющіяся реальности относятся, какъ состоянія, и если въ то же время признать возможнымъ, что причина и дѣйствіе могутъ относиться и не къ двумъ различнымъ, а къ одной и той же субстанціи, и потому одновременности предметовъ доказывать не могутъ, то опять не будетъ видно, почему бы и возвратная причинность не могла представлять смѣну состояній одной и той же субстанціи. Послѣдовательно развивая мысль Канта, что только идея взаимодействия можетъ превратить посмѣнно существующія въ воспріятіи реальности въ предметы, одновременно существующіе, мы должны собственно прийти къ заключенію, что одновременные предметы должны разсматриваться, какъ результатъ непрерывнаго взаимнаго порожденія ими другъ друга. Философія, даже опытная наука могутъ отыскивать основаніе смотрѣть на все продолжающее существовать, какъ на постоянно смѣняющееся, какъ на непрерывное продолженіе процесса, не знающаго покоя и остановокъ, хотя бы, на примѣръ, въ духѣ Гераклитовой или какой нибудь другой системы; всякій, кто пожелаетъ, можетъ подыскивать основаніе смотрѣть на всё одновременно существующіе предметы, какъ на предметы, ежеминутно зависящіе другъ отъ друга по самому своему существованію и по своей опредѣленности, и слѣдовательно можетъ все одновременное разсматривать, какъ результатъ общей взаимной продуктивности бытія. Но при всемъ томъ останется безспорнымъ фактъ, что въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, прямо наоборотъ, одновременные предметы ставятся обыкновенно въ качествѣ предметовъ, не непрерывно порождаемыхъ, а устойчивыхъ, не получающихъ непрерывно свою опредѣленность другъ отъ друга, а сохраняющихъ каждый свою относительную независимость. Еслибы сама постановка одновременности предметовъ въ своемъ послѣднемъ основаніи предполагала мысль о взаимномъ порожденіи предметами другъ друга, тогда ясное и рѣшительное отрицаніе такого рода взаимной

продукціи не давало бы мѣста этой постановкѣ и лишало бы ее всякаго права. Въ возвратной смѣнѣ воспріятій, при посредствѣ которой въ нашемъ сознаніи должна ставиться одновременность существованія предметовъ, уже потому сознаніе не можетъ видѣть ни прямого, ни косвеннаго указанія на вліяніе предметовъ, что порядкомъ этой возвратной смѣны, вполне очевидно для насъ, измѣнчивъ; а возвратная причинная связь, подобно всякой причинной связи, должна приниматься за связь общую и постоянную. Предметы подвижны и, если я пынѣ вслѣдъ за А воспринимаю В и за В воспринимаю А, то завтра буду за тѣмъ же В воспринимать С, послѣзавтра D и т. д. О какой же причинной зависимости самихъ воспринимаемыхъ реальностей, ставимыхъ сознаніемъ въ качествѣ одновременныхъ, можетъ быть рѣчь при такихъ условіяхъ?

Когда я говорю, что по Кантову взгляду на установку одновременности предметовъ въ сознаніи реальности, ставимыхъ въ качествѣ одновременныхъ, должны непрерывно порождать другъ друга, я имѣю въ виду лишь развитіе этого взгляда до его настоящей послѣдовательности. Самъ Кантъ, повидимому, совсѣмъ не имѣетъ въ виду этой послѣдовательности и смотритъ на дѣло гораздо проще. Сказавъ, что постановка одновременности субстанцій предполагаетъ, что эти субстанціи опредѣляютъ одна для другой мѣсто во времени, онъ продолжаетъ: „только то опредѣляетъ другому его мѣсто во времени, что есть причина его или его опредѣленій. Слѣдовательно каждая субстанція (такъ какъ она можетъ быть слѣдствіемъ лишь со стороны своихъ опредѣленій) должна содержать въ себѣ причинность извѣстныхъ опредѣленій въ другой и вмѣстѣ дѣйствія причинности другой, то-есть, онѣ должны (посредственно или непосредственно) стоять въ динамическомъ общеніи, если должна быть познана одновременность ихъ въ какомъ либо возможномъ опытѣ“. Здѣсь дѣло, повидимому, ставится такъ, какъ будто бы для установки одновременности двухъ субстанцій съ точки зрѣнія этой теоріи нѣтъ никакой необходимости въ взаимной причинной зависимости прямо всѣхъ тѣхъ опредѣленій, которыми характеризуются эти субстанціи въ нашемъ опытѣ, а нужна лишь взаимная зависимость какихъ бы то ни было „извѣстныхъ“, какъ неопредѣленно выражается Кантъ, ихъ опредѣленій, и ни однимъ словомъ не намечается на непрерывность порожденія даже этихъ „извѣстныхъ“ опредѣленій. Кантъ, къ сожалѣнію, не опредѣляетъ точно, въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ здѣсь терминъ „субстанція“, въ смыслѣ ли того всегда продолжающагося при ка-

ждой смѣнѣ бытія, котораго quantum, по первому его основоположенію категоріи отношенія, не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться, или въ относительномъ смыслѣ, въ какомъ онъ говоритъ о землѣ, лунѣ и другихъ предметахъ, одновременность которыхъ можетъ быть установлена и которые сохраняютъ, правда, относительную устойчивость, по которымъ ничто не препятствуетъ превратиться въ другіе предметы и, слѣдовательно, считается только временными состояніями субстанціи въ безусловномъ смыслѣ. Если подѣ субстанціями разумѣть субстанціи въ первомъ смыслѣ (при чемъ нужно будетъ имѣть въ виду лишь безусловно неизмѣняемыя ихъ опредѣленія), то, мнѣ кажется, опредѣлять отношеніе ихъ по времени другъ къ другу работа совершенно излишняя. Какъ скоро мы можемъ констатировать, что два, пусть и разновременныя, опредѣленія принадлежать каждой особой субстанціи (или особой части единой субстанціи), тотчасъ же должна получиться увѣренность, что эти двѣ субстанціи, не только за время, въ которое мы воспринимали опредѣленія той или другой изъ нихъ, но и за какое угодно другое время существуютъ обѣ, то-есть, что онѣ всегда одновременны. И когда идетъ вопросъ объ одновременности субстанцій.—все равно, въ жизни ли практической, или въ наукѣ,—всегда онъ касается существованія опредѣленныхъ, различныхъ другъ отъ друга, способныхъ переходить въ другіе предметы субстанцій, то-есть, субстанцій въ относительномъ смыслѣ. Но если мы подѣ субстанціями будемъ разумѣть субстанціи въ этомъ последнемъ относительномъ смыслѣ, то-есть, если будемъ подѣ ними разумѣть луну, землю, часть зданія и проч., то не слѣдуетъ забывать, что при смѣнѣ въ воспріятіи эти предметы то исчезаютъ, то возникаютъ въ немъ со всѣми своими опредѣленіями. И еслибы мы поставили въ позитивную зависимость лишь нѣкоторыя опредѣленія этихъ субстанцій, не разумѣя подѣ ними прямо тѣхъ опредѣленій, которыми характеризуются эти субстанціи въ нашей мысли, то, хотя бы даже мы и приписали опредѣленіямъ, связаннымъ взаимною причинною зависимою, непрерывное взаимное порожденіе, то все же опредѣленія, не поставленные въ эту связь, не перестанутъ отъ того оказываться при смѣнѣ субстанцій въ воспріятіи то возникающими, то исчезающими, и останется не рѣшеннымъ вопросъ, какимъ образомъ сознание можетъ увѣриться, что эти субстанціи именно въ качествѣ субстанцій, имѣющихъ эти опредѣленія, остаются существующими во все это время, или, сказать иначе, что самыя эти опредѣленія остаются дѣйствительно безъ перемѣны за все время смѣны.

Вѣдь во всякомъ случаѣ изъ того, что С, опредѣленіе одной субстанции, стоитъ въ возвратной причинной связи съ D, опредѣленіемъ другой субстанции, никакъ не слѣдуетъ, что А и В, другія опредѣленія этихъ же субстанцій, продолжаютъ существовать во внѣшней дѣйствительности за все время этой смѣны; поэтому, установивъ взаимную причинную зависимость между опредѣленіями С и D, мы не получимъ ровно никакого права назвать тѣ субстанции, которыя должны сохранять свое бытіе при смѣнѣ ихъ въ воспріятіи, субстанціями А и В. Съ другой стороны, и взаимная причинная зависимость между опредѣленіями, которыя характеризуютъ одну субстанцію, и подобными же опредѣленіями другой, еслибы она прямо соотвѣтствовала данной въ воспріятіи смѣнѣ, а не переходила бы въ непрерывную порождаемость однихъ опредѣленій другими, не оказалась бы, очевидно, пригодной для цѣли, такъ какъ въ такомъ случаѣ опредѣленія, подъ которыми мыслятся одна изъ субстанцій, должны будутъ признаваться не для воспріятія только, а и въ дѣйствительности возникающими послѣ исчезновенія опредѣленій другой и наоборотъ. а слѣдовательно, объ одновременномъ существованіи субстанцій, какъ субстанцій, характеризующихся именно этими опредѣленіями, мы не будемъ имѣть никакого права говорить. Приведенное Кантовъ разъясненіе постановки одновременности субстанцій въ нашемъ сознаніи дѣйствительно просто, но оно просто только потому, что въ немъ молчаливо обходится трудная сторона дѣла.

Ставъ своимъ идеею взаимодействія въ качествѣ необходимаго условія постановки въ сознаніи одновременности предметовъ, Кантъ не взялъ во вниманіе очень простыхъ примѣровъ, которые наглядно доказали бы ему, что то отрицаніе объективности даннаго въ воспріятіи возникновенія и уничтоженія предметовъ, которое составляетъ самую сущность дѣла въ постановкѣ одновременности смѣняющихся въ сознаніи предметовъ, совершается не въ этомъ только процессѣ, но и въ такихъ, гдѣ ни о какомъ взаимодействіи не можетъ быть и рѣчи. И открываю и закрываю глаза, устремленные на одинъ и тотъ же предметъ, и такъ же мало сомнѣваюсь въ томъ, что предметъ не исчезаетъ послѣ закрытія моихъ глазъ и не возникаетъ вновь при ихъ открытіи, какъ не сомнѣваюсь, переводя глаза съ луны на землю и обращая ихъ вновь на луну, въ существованіи луны за время устремленія глазъ на землю. Достаточно ясно изъ самаго этого сопоставленія двухъ примѣровъ, что отрицаніе объективности исчезновенія и возникновенія въ обоихъ случаяхъ не можетъ не имѣть однихъ и

тѣхъ же оснований. Оно и дѣйствительно имѣеть одни и тѣ же, правда, не ближайшія, а дальнѣйшія основанія; оно основывается, вонерныхъ, на томъ убѣжденіи, что для этого процесса требуется два мускульныхъ усилія, совершенно одинаковыхъ, надъ какимъ бы воспріимлемымъ предметомъ ни производился экспериментъ (въ одномъ примѣрѣ берутся мускульныя усилія, производящія закрытіе и открытіе глазъ, въ другомъ мускульныя усилія, обращающія глаза, а, можетъ быть, и всю голову, то въ одну сторону, то въ сторону ей противоположную), вонторыхъ. убѣжденіе, что эти усилія произвольны, то-есть, могутъ возникать, когда я пожелаю, и даютъ строго предопредѣленный и способный быть точно предусмотрѣннымъ результатъ. Точная предопредѣленность результата за какой угодно моментъ требуетъ существованія на лицо всѣхъ условий, его предопредѣляющихъ; совершенная одинаковость находящихся въ моей волѣ мускульныхъ усилій, при разнообразіи результатовъ процесса, ставить эти усилія условіемъ лишь общихъ, а никакъ не всѣхъ сторонъ результата; вслѣдствіе этого предметъ, существовавшій въ первомъ воспріятіи и оказывающійся необходимымъ дополнительнымъ условіемъ для точной предопредѣленности результата со стороны различія его отъ результатовъ другихъ подобныхъ же опытовъ, ставится за все время перерыва между двумя воспріятіями его, какъ неизбежное наличное условіе возможности воспріятія за каждый моментъ этого перерыва. Еслибы Кантъ взялъ во вниманіе примѣры отрицанія объективности процессовъ возникновенія и исчезновенія, подобные вышеприведенному примѣру открытія и закрытія глазъ, устремленныхъ на одинъ предметъ, то онъ, конечно, не сталъ бы говорить о взаимодействіи, какъ условіи этого отрицанія, уже потому, что предметъ, возникающій и исчезающій при открытіи и закрытіи глазъ, не смѣняется во время этихъ перерывовъ никакимъ другимъ предметомъ, и, слѣдовательно, здѣсь совсѣмъ нѣтъ мѣста для тѣхъ посмѣнныхъ воспріятій, которыя могли бы предстанять собою возвратную причинность. А между тѣмъ, если существованіе предмета во время перерывовъ между его воспріятіями устанавливается независимо отъ того, происходитъ или не происходитъ во время этихъ перерывовъ воспріятіе другого предмета, слѣдовательно, безъ идеи взаимодействія, то она окажется ненужной и для установкѣ одновременности предметовъ, такъ какъ при этой установкѣ этому воспріятію другого предмета, совершающемуся во время перерывовъ между воспріятіями предмета перваго, при такихъ условіяхъ не остается никакой иной роли, кромѣ роли быть свидѣтелемъ существо-

ванія даннаго въ немъ предмета во время этихъ перерывовъ. Да и необходимо ли, чтобы воспріятіе В замѣняло собою воспріятіе А, даже для установки одновременности предметовъ А и В? Если воспріятіе В существовало уже при самомъ воспріятіи А и продолжается во время перерывовъ послѣдняго, то развѣ не получимъ мы права утверждать одновременность реальностей А и В и во время перерывовъ въ воспріятіи А, хотя воспріятіе В и не будетъ въ такомъ случаѣ смѣнять воспріятіе А, слѣдовательно не будетъ того феномена послѣднихъ воспріятій, который можно бы было принять за выраженіе возвратной причинной зависимости между реальностями А и В? При установкѣ одновременности существованія свойствъ одного и того же предмета случаи такого рода часты и очень опредѣленны. Осматривая и вмѣстѣ оцупывая извѣстный предметъ, я зрѣніемъ воспринимаю его цвѣтъ и форму, а осязаніемъ его шероховатость и плотность; прерывая затѣмъ осязательное воспріятіе, я не перестаю свойства шероховатости и плотности приписывать ему, такъ какъ на основаніи безчисленныхъ опытовъ надъ многими предметами убѣжденъ въ возможности въ какой угодно моментъ этого перерыва вновь получить тѣ же самыя воспріятія. То же, впрочемъ, возможно и при установкѣ одновременности самихъ предметовъ. Когда я закрываю глаза, не вновь является, а можетъ продолжаться воспріятіе другого предмета, къ которому прикасается моя рука, и, принимая продолженіе существованія того предмета, который до закрытія глазъ воспринимался зрѣніемъ и можетъ восприниматься имъ сколько угодно разъ и когда угодно, я утверждаю одновременное существованіе, при порывѣ зрительнаго воспріятія, обоихъ предметовъ, видимаго и осязаемаго; замѣны одного воспріятія другимъ въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, нѣтъ, и однако одновременность предметовъ устанавливается и, очевидно, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ дѣлается это и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Первый изъ двухъ сейчасъ приведенныхъ примѣровъ, сверхъ того, доказываетъ, что одновременность существованія свойствъ въ одномъ и томъ же предметѣ за время, въ которое они заразъ не воспринимаются, устанавливается тѣмъ же процессомъ, какъ и одновременность предметовъ. Кантъ, который учитъ, что взаимодействіе возможно только между субстанціями, конечно, не взялъ во вниманіе этого обстоятельства при своей теоріи установки одновременности предметовъ.

Изъ всего сказаннаго объ отношеніи ученія Канта объ условіяхъ установки объективности смѣны и одновременности предметовъ

къ дѣйствительнымъ фактамъ такой установки въ нашемъ сознаниіи видно, что взглядомъ Канта эти факты не разъясняются. Всюду сѣѣшивается у него вопросъ о фактическихъ условіяхъ этой постановки въ развитомъ сознаниіи съ вопросомъ о послѣднихъ основаніяхъ, къ которымъ должны сводиться эти условія, представляющія на дѣлѣ лишь косвенные, а иногда и отдаленные признаки этихъ основаній; отсюда ни точнаго разъясненія этихъ условій, ни правильной мотивировки предполагаемыхъ ими основаній ихъ онъ дать не можетъ; послѣднія, впрочемъ, только потому и представляется ему возможной въ смыслѣ его ученія о категоріяхъ, что онъ не хочетъ замѣчать сбиивчивости понятій, происходящей отъ допущеннаго имъ сѣѣшенія.

§ 24. Третье основоположеніе категоріи отношенія, занимающее у Канта первое мѣсто въ ряду этихъ основоположеній, относится къ категоріи субстанціи. По этому основоположенію при всякой сѣѣнн явленій сохранять свое бытіе субстанція, и ея quantum въ природѣ не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. При доказательствѣ этого основоположенія Кантъ выходитъ изъ мысли, что всѣ явленія суть во времени, въ которомъ, какъ въ устойчивой (beharlich) формѣ внутреннего чувства, только и могутъ быть представлены какъ одновременно, такъ и череда. А такъ какъ само время не можетъ быть воспринято, то отсюда и должно слѣдовать, что въ предметахъ воспріятія долженъ оказаться субстратъ, который представляетъ время вообще и на которомъ могутъ быть восприняты всякая сѣѣна и одновременно чрезъ отношеніе явленій къ этому субстрату. Этотъ субстратъ и есть субстанція.

Соотвѣтственно общему плану доказательства основоположеній категорій отношенія можно было ожидать, что на категорію субстанціи выпадетъ доля служить условіемъ установки объективности „продолженія“, какъ на категоріи причинности и взаимодействия выпала доля служить условіями постановки перемѣны и одновременности. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ изложенной основной мысли доказательства, здѣсь выступаетъ на первый планъ стремленіе дать общее основаніе для операций сознанія при установкѣ объективной череды и одновременности. Въ одномъ мѣстѣ Кантъ, впрочемъ, касается и „продолженія“ для того, чтобы обобщить значеніе категоріи субстанціи, представивъ его необходимымъ условіемъ для воспріятія всѣхъ отношеній во времени. Кантъ говоритъ именно: „единственно чрезъ постоянное дѣйствительность получаетъ въ различныхъ частяхъ въ порядкѣ времени послѣдовательно величину, которую на-

зываютъ продолженіемъ, потому что въ одной простой чередѣ бытіе есть всегда исчезающее и уничтожающееся и никогда не имѣетъ никакой величины. Слѣдовательно, безъ этого постоянного нѣтъ никакого отношенія во времени". Однако въ наиболее точной формулѣ доказательства, которая прибавлена во второмъ изданіи „Критики“ и поставлена на первое мѣсто, о продолженіи совсѣмъ не упоминается. И основаніе, которое въ этой замѣткѣ о продолженіи приведено въ подтвержденіе мысли о зависимости его отъ „постояннаго“, на сколько это основаніе отличается отъ общей мысли доказательства основоположенія субстанціальности, едва ли не опирается на простомъ недоразумѣніи. Конечно, въ простой чередѣ, если взять ее, какъ чистую смѣну безъ всякаго продолженія вещей смѣняющихся, не должно оказаться никакого продолженія, а, слѣдовательно, и никакой величины; но вѣдь изъ этого слѣдуетъ только, что для продолженія нужно продолженіе, а никакъ не слѣдуетъ, что для продолженія нужно продолженіе безъ начала и конца, то-есть, постоянное.

Тому, кто внимательно всматривается въ Кантово доказательство основоположенія субстанціальности, можетъ удивительнымъ показаться и то, почему онъ въ самомъ основоположеніи выпукло ставитъ на видъ устойчивость, постоянство субстанціи и не выставляетъ также рельефно единства субстанціи всѣхъ явленій. Если должна субстанція представлять собою время, если „постоянное“ есть субстратъ эмпирическаго представленія самого времени, на которомъ только и возможно всякое опредѣленіе во времени, если, съ другой стороны, о времени нужно утверждать, что не только „смѣна не касается самаго времени, а лишь явленій во времени“, но и „одновременность не есть *modus* самаго времени, въ которомъ нѣтъ частей вмѣстѣ, а всѣ части другъ за другомъ“, то казалось бы, что какъ смѣна не можетъ касаться самой субстанціи, такъ не можетъ касаться ея и одновременность, и какъ смѣна не можетъ быть смѣной субстанцій, такъ и одновременность не можетъ быть одновременностію субстанцій, то-есть, субстанція должна быть столько же неизмѣнной, сколько и единой. Самъ Кантъ говоритъ, что „возникновеніе однихъ и уничтоженіе другихъ субстанцій уничтожило бы единственное условіе эмпирическаго единства времени, и явленія относились бы тогда къ двоякимъ временамъ, въ которыхъ бытіе текло бы другъ послѣ друга, что нелѣпно, потому что есть только одно время, въ которомъ всѣ различныя времена должны быть поставлены не вмѣстѣ, а другъ за другомъ“. Но вѣдь то же самое должно бы произойти по послѣдовательности его ученія, еслибы и

вѣчно существовало нѣсколько не возникающихъ и не уничтожающихся субстанцій. Нѣтъ сомнѣній, что онъ такъ и думаетъ. Изъ своихъ выводовъ онъ иногда, повидимому, это и говоритъ, когда субстанцію называетъ „субстратомъ всего реального, то-есть, относящагося къ бытію вещей“. Однако ни въ самомъ основоположеніи, ни въ доказательствѣ и развитіи его единство субстанцій выключо и рѣзко не ставится, наоборотъ встрѣчаются и такія выраженія: „все, что смѣняется или можетъ смѣняться, относится только къ способу, какъ эта субстанція или субстанціи существуютъ, слѣдовательно, къ ихъ опредѣленіямъ“, или (непосредственно предъ выписанными словами о неспособности субстанцій возникать и уничтожаться): „субстанціи суть субстраты всѣхъ опредѣленій во времени“. Основоположеніе категоріи взаимодействія также говоритъ не о предметахъ, а о субстанціяхъ. Въ трактатѣ, который посвященъ доказательству основоположенія субстанціальности, послѣ изложенія самаго доказательства есть добавочныя замѣчанія. И въ этихъ замѣчаніяхъ идетъ рѣчь также исключительно о неизмѣнкости субстанцій. Почти въ концѣ трактата дѣлается попытка особо, конкретнѣе доказать неизмѣнность субстанцій, то-есть, то слѣдствіе изъ общей мысли доказательства, которое связано со взглядомъ на субстанцію, какъ на условіе познанія смѣны, но нѣтъ ни малѣйшей попытки сдѣлать что либо подобное въ отношеніи къ другому слѣдствію той же мысли, которое связано со взглядомъ на субстанцію, какъ на условіе познанія одновременности.

Итакъ, Кантъ измѣняетъ въ доказательствѣ основоположенія субстанціальности своему плану, задѣвая только мимоходомъ то отношеніе во времени, съ которымъ должна была стать въ особую тѣсную связь его категорія субстанціальности, а потомъ и изъ двухъ остальныхъ отношеній во времени, выставленныхъ ясно въ самомъ доказательствѣ, фактически останавливается свое вниманіе лишь на понятіи смѣны, игнорируя въ выводахъ другое понятіе, одновременность. Ужели все это случайные просмотры діалектически замѣчательно развитаго мыслителя? Всмотримся въ самое доказательство.

Мыслия существуютъ во времени, въ которомъ только и могутъ быть представлены одновременность и череда. Но время не воспринимается; слѣдовательно, долженъ быть коррелятъ времени, чрезъ отношеніе къ которому воспринимаются отношенія во времени. Таковъ общій смыслъ доказательства. Однако единственно во времени могутъ быть представлены не сосуществованіе только и череда, но и продолжительность: она также *modus* находящагося во времени реального,

какъ и череда и сосуществованіе. И если субстанція есть тотъ коррелятъ времени, на которомъ опредѣляются отношенія во времени, то на ней единственно, за невосприимчивостію самаго времени, должна опредѣляться и продолжительность. Какъ же, спрашивается, можетъ существовать въ воспріятіи сама субстанція? Если подъ субстанціей разумѣется только нѣчто постоянное или всегда продолжающееся въ бытіи, и если продолженіе, какъ и сосуществованіе и череда, можетъ восприниматься только на субстанціи, то на чемъ же, спрашивается, сознаніе будетъ воспринимать самую субстанцію, какъ продолжающееся бытіе? Какъ оно восприметъ это продолжающееся бытіе, когда для самого этого воспріятія окажется необходимымъ время, котораго нѣтъ въ воспріятіи, и когда дѣло идетъ о воспріятіи того самаго, что должно замѣнять время при воспріятіи всего временнаго? Понятно, что слѣпъ не можетъ опираться на черепахѣ, которая опирается на немъ. Отсюда слѣдуетъ, что не совсѣмъ случайно въ точной формулѣ доказательства забыто о „продолженіи“, которое именно и должно быть связано съ субстанціальностью, а въ болѣе запутанное разъясненіе того же доказательства вошло оно въ такомъ сочетаніи мыслей, которое, казалось бы, можно допустить только по недоразумѣнію.

Для премеи въ воспріятіи пужень коррелятъ, потому что время само не воспринимается. „Смѣна не касается времени, но только явленій во времени.... Еслибы захотѣли самому времени приложить череду другъ за другомъ, то должны бы были мыслить другое время, въ которомъ эта череда была бы возможна“. Но вѣдь и „сосуществованіе не *modus* самаго времени, такъ какъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ частей вмѣстѣ, но всѣ существуютъ другъ за другомъ“. И отчего не продолжить этой мысли и не сказать: еслибы захотѣли сосуществованіе частей приписывать самому времени, то должно бы было мыслить иное время, въ которомъ существуютъ эти части? Почему же не требовать и отъ субстанціи того же свойства? Тогда изъ нея вышла бы уже не только единая субстанція, но и субстанція, не имѣющая сосуществующихъ частей, то-есть, субстанція не протяженная. Это не только можно, но и необходимо будетъ сдѣлать во имя простой послѣдовательности. Для того, чтобы на отношеніяхъ не только смѣняющагося, но и сосуществующаго къ постоянному, или субстанціи, даны были отношенія ихъ во времени, нужно, чтобы субстанція относилась не къ смѣняющемуся только, но и къ сосуществующему точно такъ же, какъ относится къ тому и другому само время. И если въ самомъ дѣлѣ время для того, чтобы не допускать много времени, не

должно допускать въ себѣ самоѣ не только смѣны, но и сосуществованія, то и субстанція для того, чтобы замѣнять собою время въ воспріятіи, то-есть, для того, чтобы отношенія, воспринимаемыя на ней, оказались для сознанія отношеніями во времени, не должна допускать въ себѣ самой не только смѣны, но и сосуществованія. Кто считаетъ за твердую истину, что смѣна можетъ восприниматься во времени, а не во временахъ, только потому, что она воспринимается на субстанціи, такъ же неспособной ни возникнуть, ни уничтожиться, какъ не возникаетъ и не уничтожается само время, тотъ долженъ точно также считать за твердую истину, что сосуществованіе, если оно, по его мнѣнію, также должно восприниматься не иначе, какъ на субстанціи въ смыслѣ суррогата времени, можетъ восприниматься, какъ существованіе во времени, а не во временахъ, только потому, что воспринимается на реальности, не способной имѣть сосуществующіи части, какъ не способно имѣть ихъ время. Нѣтъ нужды разъяснять, какъ мало подошла бы подобная мысль къ Кантовой системѣ, а поэтому нисколько неудивительно, что опъ, признавъ субстанцію представительницей времени въ сознаніи при воспріятіи не только смѣны, но и сосуществованія, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на выводахъ, которые необходимо нужно сдѣлать лишь изъ первой половины этой мысли, разъясняя ихъ, подробно говорить о нихъ, во уклоняется отъ всякихъ разъясненій по поводу второй ея половины и даже избѣгаетъ формулировать какіе бы то ни было выводы изъ нея.

Итакъ, Кантово доказательство основоположенія субстанціальности не можетъ быть состоятельно потому, что оно неизмѣняемость субстанціи выводитъ изъ необходимости имѣть въ воспріятіи замѣну времени для сознанія и, слѣдовательно, должно воспріятіе всѣхъ отношеній во времени сдѣлать воспріятіемъ ихъ на субстанціи, а это невозможно, такъ какъ сама субстанція есть явленіе во времени и, слѣдовательно, для возникновенія своего въ сознаніи уже нуждается въ томъ представленіи времени, котораго сама должна быть единственной представительницей. Оно не состоятельно, сверхъ того, потому, что, требуя воспріятія на субстанціи не смѣны только, но и сосуществованія, должно приписывать субстанціи не неизмѣняемость только, но и отсутствіе сосуществующихъ частей на томъ же основаніи, на которомъ приписываетъ ей неизмѣняемость.

Попробуемъ внимательнѣе всмотрѣться въ самую логическую связь мыслей въ доказательствѣ основоположенія субстанціальности. Кантъ выводитъ необходимость для субстанціи представлять время при вос-

пріятіи отношеній смѣны и сосуществованія изъ того, что смѣна и сосуществованіе могутъ быть представлены только во времени, а само время не воспринимается. Слѣдовательно, въ томъ, что время не воспринимается. Кантъ видитъ препятствіе представлять во времени смѣну и сосуществованіе. И спрашиваю: въ чемъ же состоитъ это препятствіе? Состоитъ ли оно въ томъ, что при воспріятіи не должно оказаться вслѣдствіе невосприимчивости времени представленія о времени, въ которомъ единственно могутъ восприниматься смѣна и сосуществованіе? Нѣтъ, этого и быть не можетъ, такъ какъ, по ученію Канта, время есть необходимое представленіе, отъ котораго отрѣшиться никогда и ни въ какомъ случаѣ невозможно, которое существуетъ всегда, воспринимается ли что нибудь или не воспринимается ничего. Затрудненіе состоитъ, слѣдовательно, не въ томъ, что вслѣдствіе невосприимчивости времени отсутствуетъ самое представленіе о времени. Такимъ образомъ затрудненія остается искать въ томъ, что вслѣдствіе отсутствія воспріятія времени необходимо существующее представленіе о времени остается невоспринятымъ. Но вѣдь въ основномъ положеніи утверждалось лишь, что смѣну и сосуществованіе можно представлять единственно во времени, а не утверждалось, что ихъ можно представлять только въ восприимчивомъ времени, слѣдовательно прямо изъ него нельзя вывести, что существуетъ какое нибудь препятствіе въ отсутствіи воспріятого времени. Очевидно, Кантомъ предполагается, что препятствіе начинается, какъ скоро дѣло идетъ не о простомъ представленіи смѣны и сосуществованія, а о представленіи, которое есть воспріятіе ихъ, то-есть, въ которомъ смѣна и сосуществованіе даны на эмпирическомъ матеріалѣ, на ощущеніяхъ. Итакъ, то положеніе, съ которымъ должна не мириться невосприимчивость смѣны и сосуществованія, состоитъ собственно не въ томъ, что смѣна и сосуществованіе могутъ представляться единственно во времени, а въ томъ, что смѣна и сосуществованіе могутъ восприниматься единственно въ восприимчивомъ времени. Но я спрашиваю, на чемъ же основывается это положеніе? Изъ положенія, что смѣна и сосуществованіе могутъ представляться только во времени, если въ качествѣ второй послылки поставить ту мысль, что воспріятіе есть только эмпирическое представленіе, будетъ слѣдовать единственно лишь то, что смѣна и сосуществованіе могутъ и восприниматься только во времени, но не слѣдуетъ, что они могутъ восприниматься только въ восприимчивомъ времени. Время есть неизбѣжная форма нашей способности созерцать,

оно нераздѣльно отъ самого акта созерцанія; эмпиричность или не-эмпиричность этому акту даетъ исключительно содержаніе; ощущение, какъ скоро оно созерцается, неизбѣжно дѣлаетъ актъ созерцанія эмпирическимъ, слѣдовательно неизбѣжно оно превращаетъ представленіе въ воспріятіе; какаѣ же пуща въ воспріятіи времени для того, чтобы представленіе превратилось въ воспріятіе? А если для этого никакой нужды нѣтъ, то, слѣдовательно, изъ того, что смѣна и сосуществованіе могутъ представляться только во времени, никакъ не будетъ слѣдовать, что смѣна и сосуществованіе могутъ восприниматься только въ воспринятомъ времени, и эта послѣдняя мысль все же должна, по крайней мѣрѣ, потребовать особаго доказательства. Кантъ не ставитъ на видъ читателю этого только подразумевающагося у него, но все же подразумевающагося необходимо промежуточнаго вывода; онъ довольствуется одной очевидной посылкой этого вывода. признаніемъ невозможности представлять смѣну и одновременно безъ времени и спѣшить перейти прямо отсюда къ мысли о невоспріемлимости времени. Понятно, что разобраться въ цѣломъ выводѣ для читателя дѣлается труднѣе; совершенная недоказанность важнѣйшей мысли, безъ которой не оказалось бы никакой необходимости искать замѣны времени въ сознаніи, остается скрытою. Но пусть эта недоказанная мысль будетъ несомнѣннымъ выводомъ изъ мысли очевидной; пусть изъ того, что смѣну и сосуществованіе можно представить только во времени, будетъ со всею логическою очевидностію слѣдовать, что воспринимать эту смѣну и это сосуществованіе можно исключительно только въ воспринимаемомъ времени. Что же будетъ отсюда слѣдовать, какъ скоро мы стали бы утверждать, что само время не воспринимается? Я полагаю, что отсюда будетъ слѣдовать, что смѣна и сосуществованіе восприняты быть не могутъ. И если, тѣмъ не менѣе, воспріятіе смѣны и сосуществованія есть безспорный фактъ нашего опыта, то остается единственный выходъ изъ затрудненія: необходимо признать ложность одной изъ посылокъ, то-есть, признать, что мы ошибочно приняли или ту мысль, что воспринимать смѣну и сосуществованіе мы можемъ только въ воспринятомъ времени, или ту, что время не воспринимается. Кантъ находитъ иной выходъ изъ затрудненія; онъ выводитъ изъ этихъ двухъ посылокъ, что въ предметахъ воспріятія долженъ встрѣчаться субстратъ, на которомъ могутъ восприниматься вся смѣна и сосуществованіе чрезъ отношеніе явленій къ нему въ аппрегенсіи. Что же? Нужно ли предположить, что этотъ субстратъ дѣлаетъ то, что признано невозможнымъ, то-

есть, дѣлаетъ воспріемлемымъ время, которое признано неспособнымъ быть воспріятымъ? Нѣтъ. Остается твердымъ положеніе, что время само въ себѣ не воспринимается. Субстратъ долженъ только представлять (то-есть, замѣнять собою для сознанія?) время. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь замѣчательный выводъ, въ которомъ заключеніе отрицаетъ ту самую посылку, подъ условіемъ которой оно выведено. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно только въ воспріятомъ времени могутъ восприниматься смѣна и сосуществованіе, то никакой суррогатъ времени, какъ скоро онъ не дѣлаетъ самого времени воспринимаемымъ, дѣлу помочь не можетъ. Если же суррогатъ, не давая самому времени способности быть воспріятымъ, все же оказывается способнымъ сдѣлать смѣну и сосуществованіе воспріемлемыми, то отсюда должно слѣдовать, что ошибочно было принято, что воспріятіе смѣны и одновременности можетъ совершиться только въ воспріятомъ времени. А такъ какъ самый суррогатъ времени введенъ былъ исключительно вслѣдствіе затрудненія, которое возникало единственно подъ условіемъ этого принятаго предположенія, то ясно онъ введенъ былъ безъ всякихъ основаній; и если введеніе его основывалось на нѣкоторомъ выводѣ, то выводъ этотъ есть, очевидно, ошибочный, въ которомъ заключеніе отрицаетъ то предположеніе, подъ условіемъ истинности котораго оно было выведено.

Было уже упомянуто, что Кантъ въ концѣ трактата, посвященнаго основоположенію субстанціальности, хочетъ представить болѣе конкретное основаніе необходимости ставить постоянное, или субстанцію, при каждой смѣнѣ. Вотъ его слова: „примите, что нѣчто началось въ безусловномъ смыслѣ, вы должны будете имѣть пунктъ времени, въ который этого „нѣчто“ не было. Но къ чему вы прикрѣпите этотъ пунктъ, если не къ тому, что уже существуетъ, потому что пустое время, которое уже прошло, не составляетъ предмета воспріятія; но если вы присовокупляете это возникновеніе къ вещамъ, которыя были прежде и продолжаются до той вещи, которая возникаетъ, то послѣдняя была бы опредѣленіемъ перваго, какъ постоянного. Точно также и съ исчезновеніемъ, потому что оно предполагаетъ эмпирическое представленіе времени, когда нѣтъ болѣе явленія“. Въ этомъ замѣчаніи нѣтъ того невозможнаго сведенія воспріятія всѣхъ отношеній во времени къ воспріятію отношеній ихъ къ субстанціи, которое мы встрѣтили въ основномъ доказательствѣ закона субстанціальности; субстанція не играетъ здѣсь невозможной роли времени при воспріятіи отношеній сосуществованія; рѣчь строго огра-

ничивается здѣсь предѣлами доказываемаго положенія объ отношеніи субстанціи къ смѣнѣ; здѣсь говорится о невозможности воспріятія постаго времени, но не говорится о возможности воспріятія смѣны и сосуществованія только въ воспріимлемомъ времени. Вслѣдствіе всего этого это замѣчаніе не представляетъ той необыкновенной запутанности понятій, которую представляетъ собою главное доказательство основоположенія субстанціальности. Однако Кантъ, конечно, не напрасно высказываетъ это замѣчаніе лишь въ концѣ трактата, даже послѣ разъясненій, непосредственно въ доказательство не входящихъ: онъ, конечно, видитъ, что оно не доказываетъ того, что ему нужно. Въ немъ аргументація направлена собственно къ той цѣли, чтобы доказать, что возникновеніе и исчезновеніе не могутъ быть констатируемы прямымъ указаніемъ на небытіе, которое предшествовало бы въ самомъ воспріятіи возникновенію явленія или которое послѣдовало бы за его уничтоженіемъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ сложный разборъ предположеній, которыя Кантомъ при этомъ подразумеваются; для нашей цѣли достаточно разъяснить себѣ, слѣдуетъ ли отсюда то, что выводится Кантомъ. Дѣло идетъ о существованіи субстанціи, то-есть, о томъ, что въ каждомъ рядѣ перемѣнъ должна постоянно оставаться безъ перемѣны нѣкоторая реальность, къ которой чередующіяся явленія относятся, лишь какъ способы ея существованія. Пусть теперь въ воспріятіи предъ возникновеніемъ новаго явленія или послѣ исчезновенія его небытіе его дано быть не можетъ, а можетъ быть дано только бытіе другаго явленія; слѣдуетъ ли отсюда, что смѣняющіи другъ друга явленія должны непремѣнно имѣть какую нибудь реальную сторону одну и ту же, которая должна сохраняться при замѣнѣ ими другъ друга? Слѣдуетъ ли, что явленія, представляющія цѣлымъ безконечный рядъ, тянущійся на какое угодно время, различаясь другъ отъ друга по своему содержанію, всегда должны сохранять какое нибудь реальное свойство, которое непремѣнно принадлежало бы всѣмъ имъ? Мысль, что небытія мы воспринять не можемъ, и что прежде и послѣ явленія можетъ быть воспринято не небытіе его, а только бытіе другаго явленія, ровно ничего не говоритъ намъ о томъ, какими должны быть смѣняющіяся реальныя явленія по своему содержанію, или какъ они должны относиться одно къ другому со стороны этого содержанія.

§ 25. Чѣмъ бы ни оказывался предметъ, даваемый въ воспріятіи, для нашего научнаго анализа, онъ, какъ мы уже замѣчали, становится нашимъ непосредственнымъ сознаніемъ въ качествѣ внѣшней, неза-

всिमой отъ акта воспріятія реальности, которая служитъ условіемъ этого акта и только постигается въ немъ, а никакъ не производится имъ и не существуетъ только въ немъ. Въ этой именно внѣшности для сознанія, независимости отъ него (условной, конечно, на сколько сознаніе признастъ себя и дѣйтельнымъ) и способности быть лишь непосредственно постигаемымъ въ актѣ воспріятія и состоитъ (внѣшняя) объективность для непосредственнаго сознанія. Такая постановка предмета есть явное противорѣчіе: нельзя внѣшнимъ воспріятію, независимымъ отъ него быть тому, что поставлено воспріятіемъ же и въ самомъ же воспріятіи и состоитъ изъ нашихъ же ощущеній, которые перескочить границы сознанія вѣдь ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Откуда же это противорѣчіе? Во имя чего могло явиться это невозможное принятіе за внѣшнюю сознанію вещь того, что для науки и философій явно можетъ существовать только въ насъ? Это вопросы законные, которые требуютъ отъ философій отвѣта. Но та же постановка внѣшней дѣйствительности въ насъ самихъ можетъ прикрывать собою незаконныя, произвольныя предположенія о томъ, чѣмъ руководится сознаніе при постановкѣ объективности. Кантъ дѣлаетъ попытку оправдать принятія на вѣру предположенія о бытіи, возведши извѣстныя понятія въ понятія сознанія объ объектѣ и заставивъ сознаніе дѣйствовать по этимъ понятіямъ. Сознаніе должно творить объектъ по этимъ понятіямъ: для него должно быть объективно то, и только то, что отвѣчаетъ этимъ понятіямъ. Такимъ образомъ предполагается, что сознаніе не только принимаетъ свои состоянія за внѣшнюю дѣйствительность, но совсѣмъ и не имѣетъ въ виду при постановкѣ объекта постиженіе внѣшней дѣйствительности въ качествѣ именно внѣшней дѣйствительности, а имѣетъ въ виду только синтезъ ощущеній по снѣтетическимъ предположеніямъ, которые для внѣшней дѣйствительности не могутъ сдѣлаться обязательными, а поэтому и объектъ, созданный на основаніи этихъ предположеній, не можетъ имѣть никакого отношенія къ ней. Но какое же мы имѣемъ основаніе думать такъ? Сознаніе ничѣмъ постиженія внѣшней ея дѣйствительности, а не творчества этой дѣйствительности. Если при этомъ постиженіи въ отношеніи къ матеріалу знанія оно ограничено ресурсами, которые представляютъ его собственныя состоянія (ощущенія), и не можетъ взять въ себя то, что находится внѣ его, то это совершенно понятно, и иначе быть не можетъ. Если оно принимаетъ эти состоянія, когда оказывается

говорить: „еслибы явленія были вещами самими въ себѣ, то ни одинъ человѣкъ не могъ бы изъ послѣдовательности представленій многообразнаго постигнуть, какъ связано оно въ объектѣ“. Если взять эту мысль въ примѣненіи не къ постановкѣ опредѣленныхъ отношеній объекта во времени, а къ постановкѣ самого внѣшняго объекта, къ признанію извѣстныхъ состояній (внѣшнихъ ощущеній) за показатели внѣшней дѣйствительности, то она будетъ составлять послѣднее глубочайшее основаніе Кантовой философіи и, по моему мнѣнію, единственное основаніе ея живучести. Пусть оказываются совершенно произвольными, противорѣчащими дѣйствительнымъ фактамъ, явно несостоятельными истѣ Кантовы сопоставленія условій постановокъ той или другой стороны объективныхъ отношеній во времени съ тѣмъ или другимъ синтетическимъ понятіемъ, все-же несомнѣннымъ представляется фактъ, что еслибы не было синтетическаго понятія объ объектѣ, если (внѣшній) объектъ не значилъ бы для насъ ничего, кромѣ дѣйствительности, существующей внѣ сознанія, то ни одинъ человѣкъ не могъ бы выслѣдить объекта на своихъ представленіяхъ. Однако, почему же мы знаемъ, что не могъ бы? Казалось бы скромнѣе, а, слѣдовательно, и научнѣе было бы сказать, что мы доселѣ не могли усмотрѣть, какъ это могло бы быть сдѣлано; но изъ этой болѣе скромной мысли, очевидно, никакого вывода относительно синтетическихъ понятій не получилось бы. Представляющееся отсутствіе возможности иного объясненія того или другаго факта даетъ законную опору гипотезѣ, которая сама не выходитъ за сферу общихъ логическихъ требованій; но какое оно можетъ давать основаніе такой гипотезѣ, которая наперекоръ всякимъ логическимъ требованіямъ утверждаетъ, что мысль за внѣшнюю дѣйствительность признаетъ и обязательно должна признавать то, что отвѣчаетъ такому понятію, которое по этой гипотезѣ можетъ не имѣть и даже нѣтрное не имѣть ровно никакого отношенія къ внѣшней дѣйствительности? Вообще, мнѣ представляется, на хрупкомъ основаніи стоитъ та философія, которая, превращая діалектическимъ путемъ фактически обнаруживающееся безсиліе знанія въ безусловную невозможность познанія, не довольствуется даже и этимъ, а старается этой ссылайкой на безсиліе науки оправдать какія нибудь, не способныя къ логическому оправданію, мнѣнія и все-же хочетъ принимать ихъ за научно оправданныя мнѣнія.

Выше мы убѣдились, что для сознанія есть средство устанавливать продолженіе существованія реальностей за предѣлами ихъ

непосредственнаго воспріятія, слѣдовательно утверждать независимое отъ сознанія существованіе того, что прямо не свидѣтельствуется воспріятіемъ, не представляется непосредственно даннымъ въ немъ. Правда, это дѣлается въ этихъ случаяхъ нашею мыслию уже подъ предположеніемъ, что во внѣшнемъ воспріятіи дана выѣшняя дѣйствительность. Но вѣдь и наши ощущенія, исходный пунктъ всего нашего знанія, суть также нѣчто существующее, и если поставленная чрезъ нихъ выѣшняя дѣйствительность оказывается способною быть констатируемой уже не при нихъ только, а и косвенно, однако безъ всякой необходимости прибѣгать къ какимъ нибудь предположеніямъ о ней синтетическаго свойства въ Кантовомъ смыслѣ этого слова, то почему ощущенія, разсматриваемыя просто въ качествѣ состояній нашего сознанія, не могли бы также вести разумное сознаніе далѣе самихъ себя, почему они не могли бы данати этому сознанію поводъ констатировать нѣчто сверхъ той дѣйствительности, которую представляютъ они сами? Предположимъ, что сознаніе рѣшилось бы на всѣ тѣ ощущенія, которыя мы во внѣшнемъ воспріятіи созерцаемъ въ качествѣ принадлежностей внѣшнихъ предметовъ, смотрѣть только какъ на агрегаты своихъ ощущеній и поставить въ вопросъ то значеніе выѣшней объективности, которое наше развитое непосредственное сознаніе придаетъ имъ, не требуя для того какихъ либо оправданій; развѣ чрезъ это потеряли бы свою логическую обязательность тѣ выводы относительно надлежащей по ту сторону сознательнаго акта реальности, которые дѣлали для насъ необходимымъ постановку предмета послѣ его воспріятія? Сознаніе безспорно владѣетъ тѣми мускульными усиліями, которыя даютъ ему возможность по произволу устранить ощущеніе (все равно, замѣняются ли они при этомъ другими ощущеніями, какъ это бываетъ, напримѣръ, при переводѣ глазъ съ одного предмета на другой или при движеніи руки, скользящей по ряду предметовъ, или дѣлается непрерывъ въ ощущеніи, какъ это бываетъ, напримѣръ, при закрытіи глазъ или при простомъ отнятіи руки отъ осязаемаго предмета) и вновь вызывать ихъ; поэтому оно имѣетъ всякую возможность убѣдиться, что это устраненіе ощущенія и новый вызовъ его находятся совершенно въ его власти, пока не произошла во время этихъ операций какая либо пертурбація въ ощущеніяхъ, совершенно независимая отъ тѣхъ мускульныхъ усилій, которыми совершаются эти операціи устраненія и вызова извѣстнаго ощущенія. Отсюда для сознанія, какъ мы видѣли, обязательно тотъ выводъ, что конечный результатъ этого оборота отъ из-

вѣстнаго ощущенія къ тому же ощущенію, то-есть, новый преднамѣренный вызовъ уже существовавшаго ощущенія, строго предопредѣленъ двумя условіями: 1) вѣстною парой мускульныхъ усилій, находящейся въ его совершенномъ произволѣ и способной служить той же цѣли при какомъ угодно другомъ ощущеніи извѣстнаго класса, 2) существованіемъ или этого же именно ощущенія ранѣе примѣненія этихъ усилій, или чего либо, что имѣетъ своимъ признакомъ это ощущеніе, такъ что существованіе этого ощущенія всегда и неизмѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи этого „чего либо“. Но теперь само предшествующее ощущеніе—назовемъ его ощущеніемъ А—уже прекратилось и могло быть замѣнено при своемъ перерывѣ какииъ угодно другимъ ощущеніемъ. Такимъ образомъ, въ періодъ перерыва между первымъ и вторымъ ощущеніями А, все, что фактически, налично дано въ сознаниіи, можетъ ровно ничѣмъ не отличаться отъ того, что дано въ подобный же перерывъ между двумя ощущеніями В или двумя ощущеніями С или D и т. д. Если же, тѣмъ не менѣе, вызовъ ощущенія послѣ перерыва, которому предшествовало ощущеніе А, оказывается строго предопредѣленнымъ фактическимъ положеніемъ дѣла, то ясно, что налично данное въ сознаниіи послѣ этого перерыва положеніе дѣла отличается отъ дѣйствительнаго положенія его, послѣднее не обнимается первымъ, и должна существовать скрытая отъ сознаниія прибавка, отличающая фактическое положеніе дѣла при второмъ появленіи А отъ положенія его при второмъ появленіи В. Какъ скоро сознаниіе пришло бы къ этой мысли, оно тѣмъ самымъ перешло бы уже собственную границу, получило бы право предполагать нѣкоторую реальность, имъ непосредственно не обнимаемую. Эта реальность, непосредственно не обнимаемая сознаниемъ, должна служить объясненіемъ того факта, что второе ощущеніе А должно быть именно ощущеніемъ А и не можетъ быть никакимъ другимъ ощущеніемъ; она должна объяснять это ощущеніе или этотъ агрегатъ ощущеній въ его различіи отъ другихъ подобныхъ, В или С и пр. п., а потому должна такъ или иначе отличаться отъ другихъ подобныхъ реальностей, полагаемыхъ въ объясненіи втораго также предусматриваемаго появленія агрегата В или С и пр. п.; при полномъ тождествѣ мускульныхъ усилій, устранивающихъ и возвращающихъ какой бы то ни было агрегатъ ощущеній, вся определенность вызываемаго вновь въ сознаниіе агрегата ощущеній должна неизбежно ставиться на счетъ не обнимаемаго сознаниемъ условія этого вызова, и полное тождество вновь вызываемыхъ ощущеній съ ощу-

ищеніями, служившими исходнымъ пунктомъ произвольныхъ усилій сознанія, рельефно подчеркиваетъ для сознанія неизбѣжность предполагать строгую и полную опредѣленность этого остающагося ему неизвѣданнымъ по своей природѣ условія. Чѣмъ несомнѣннѣ совершенный произволъ въ выборѣ момента для удаленія ощущенія А изъ сознанія и вызова его вновь въ сознаніе, тѣмъ рѣшительнѣ добавочное условіе должно ставиться во все время перерыва въ ощущеніяхъ А. Такъ мы несомнѣнно получаемъ не падающее въ сознаніе и не зависимое отъ его произвола бытіе, которое должно оказаться при ощущеніи всюду, гдѣ только сознаніе имѣетъ возможность сдѣлать внѣшнія ощущенія предметомъ своихъ произвольныхъ экспериментовъ. Этими, конечно, пріобрѣтается немного, и остается полный произволъ представлять себѣ эту реальность, какъ угодно. особенно если нѣтъ желанія иходить въ очень трудный и сложный анализъ данныхъ, которыя можетъ давать воспріятію и наука для разъясненія объекта. Но наша цѣль теперь не въ критикѣ тѣхъ или другихъ мнѣній относительно объекта, а только въ томъ, чтобы показать, что предположеніе, которое лежитъ въ глубочайшемъ основаніи „Критики чистаго разума“, именно, что наше непосредственное созерцаніе внѣшняго объекта не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно единственно хочетъ быть, констатированіемъ внѣшней дѣйствительности, что оно не можетъ сдѣлать ни одного шагу въ постановкѣ этой дѣйствительности безъ синтетическаго понятія объ объектѣ, лишаящаго эту постановку всякой возможности быть констатированіемъ внѣшней сознанію дѣйствительности, есть предположеніе во всякомъ случаѣ рискованное.

Несомнѣнно, что непосредственное сознаніе въ своемъ констатированіи объекта и его отношеній имѣетъ сторону, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ логически оправдана быть не можетъ. За ту дѣйствительность, которая неизбѣжно должна продолжаться во время перерывовъ ощущенія, оно принимаетъ самое же ощущеніе. Такая постановка, еслибы ею все дѣло и кончалось, должна бы была запутывать само непосредственное сознаніе въ противорѣчіе. Реальность, непосредственно переживаемая, существующая только, какъ состояніе самаго сознанія, должна бы была ставиться послѣ перерыва въ ея переживаніи, послѣ прекращенія ея, какъ состояніи сознанія. И требованія, которымъ должна удовлетворить постановка внѣшней дѣйствительности, вполнѣ удовлетворены бы не были. Внѣшняя дѣйствительность, составляя условіе возможныхъ въ каждый моментъ обращеній

къ ней сознанія, конечно, прежде всего составляетъ условіе дѣйствительныхъ такихъ обращеній, самихъ фактически совершающихся ощущеній въ моменты существованія этихъ ощущеній. Непосредственное сознаніе ищетъ выхода изъ этихъ затрудненій особымъ, чрезвычайнымъ способомъ, чрезъ раздвоеніе самого переживаемаго акта на два момента. Все содержаніе этого акта, на сколько оно отлчается отъ содержанія другихъ актовъ ощущенія, то-есть, все то въ немъ, что оказывается определеннымъ независимо отъ произвольныхъ мускульныхъ усилій продолжающе существовать внѣшней дѣйствительностію. оно въ особомъ созерцательномъ актѣ, происходящемъ въ самые моменты переживанія ощущеній. ставитъ какъ внѣшнюю для себя, независимую отъ самаго акта и опредѣляющую его дѣйствительность. а къ себѣ относитъ самую ея переживаемость, общую черту ощущеній, безусловно неотдѣлимую отъ сознанія. Этимъ путемъ уничтожается противорѣчіе. по крайней мѣрѣ, для самого же непосредственнаго сознанія, для котораго реальная сторона ощущеній, обособленная отъ самой переживаемости ихъ и въ особомъ созерцательномъ актѣ поставленная въ качествѣ внѣшней дѣйствительности. перестаетъ уже быть простымъ его ощущеніемъ, простымъ его состояніемъ, и, слѣдовательно, получаетъ возможность продолжаться внѣ акта сознанія, въ которомъ она ставится: созерцательная постановка содержательной стороны ощущенія въ актѣ созерцанія въ качествѣ бытія внѣшняго сознанію есть не что иное, какъ постановка ея въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ ее способною къ существованію за предѣлами акта ея переживанія. Въ то же время эта поставленная въ независимость отъ сознанія содержательная сторона ощущеній получаетъ возможность играть роль внѣшней дѣйствительности, существующей въ самые моменты переживанія ощущенія и непосредственно опредѣляющей эти моменты. Для самого непосредственнаго сознанія, такимъ образомъ, остаются затрудненія обойденными, и только самая переживаемость ощущеній, обособленная отъ самаго содержанія ихъ и остающаяся неизбежно принадлежностію субъекта, сохраняя сполу неизбежную характеристическую черту, непосредственный охватъ сознаніемъ дѣйствительности, чрезъ превращеніе этой дѣйствительности, непосредственно обнимаемой ею, въ дѣйствительность внѣшнюю, получаетъ двусмысленную роль непосредственнаго охвата сознаніемъ внѣ его находящейся, стоящей за его предѣлами дѣйствительности. Но, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рефлексіи очень не трудно от-

крыть противорѣчіе, которое остается прикрытымъ для непосредственнаго сознанія; для этого ей нужно только косвенно убѣдиться въ томъ, что все содержаніе внѣшнихъ предметовъ составляютъ и могутъ составлять только наши же собственные ощущенія. Найдти твердыя основанія для этой мысли совсѣмъ не трудно, и никакъ не новому времени принадлежитъ честь открытія этой истины: ее знали давно, уже въ досократовскій періодъ философій; и самая двусмысленность акта, который долженъ считаться непосредственнымъ сознаніемъ надлежащей внѣ сферы сознанія дѣйствительности, служить для философскаго анализа достаточно опредѣленнымъ указаніемъ на то, что непосредственное сознаніе въ своей постановкѣ внѣшней дѣйствительности идетъ далѣе того, что можетъ быть логически оправдываемо. Можно сколько угодно вертѣться вокругъ этой старой истины, но вывести изъ нея ни старому, ни новому скептицизму никогда ничего не удавалось. Да и есть ли еще въ самомъ дѣлѣ что нибудь чрезвычайно страшное и непонятное въ самой этой замѣтѣ внѣшней дѣйствительности ощущеніями въ нашемъ непосредственномъ сознаніи? Во всякомъ случаѣ непосредственное сознаніе, констатируя зависимость своихъ ощущеній отъ внѣшней дѣйствительности, которая должна объяснять эти ощущенія именно въ опредѣленности ихъ содержанія, въ различіи ихъ другъ отъ друга прямо со стороны этого содержанія, вѣдь не имѣетъ ровно никакихъ другихъ терминовъ для характеристики этой дѣйствительности, кромѣ этихъ же самыхъ ощущеній, которыя она должна объяснять собою со стороны ихъ различій другъ отъ друга. И если не представленіе объ ощущеніи, а само ощущеніе во всей жизненности состоянія, непосредственно переживаемаго, должно войти въ содержаніе этой непосредственной характеристики, то, какъ сказано было уже нами ранѣе, само характеризующее бытіе не можетъ не превратиться въ живую, стоящую передъ сознаніемъ дѣйствительность. Чего же мы могли бы требовать отъ нашего непосредственнаго сознанія для того, чтобы не происходила въ немъ эта необходимая иллюзія? Если мы задумаемся въ дѣло внимательнѣе, мы должны будемъ признать, что намъ осталось бы желать только того, чтобы сознаніе, оставляя ощущеніе при себѣ прямо и непосредственно въ качествѣ переживаемаго имъ самимъ состоянія, ограничивалось простымъ констатированіемъ мысли, что есть иѣчто внѣ его, что обуславливаетъ испытываемое имъ ощущеніе въ его различіи отъ другихъ ощущеній. Это будетъ значить, что мы потребуемъ отъ непосредственнаго сознанія, чтобы оно было не созерцающимъ,

а рефлексивною мыслию, чтобы утверждение или постановка бытія, которая не можетъ не содержаться въ созерцаніи точно такъ-же, какъ содержится она въ каждомъ актѣ рефлексивной мысли, была въ непосредственномъ сознаніи не созерцательнымъ актомъ, а простымъ сужденіемъ. Мнѣ кажется, нуженъ слишкомъ глубокой анализъ нашего непосредственнаго сознанія въ его послѣднихъ основаніяхъ для того, чтобы рѣшить попросту, возможно ли это вообще для человѣческаго сознанія и, если возможно, въ какихъ условіяхъ это было бы возможно. Взять на себя рѣшеніе этого вопроса я не могу. Но я хочу обратить вниманіе на то, что только эта созерцательность непосредственнаго сознанія и есть причина того, что наше сознаніе непосредственно чувствуетъ себя живущимъ и дѣйствующимъ среди бытія дѣйствительнаго, а не среди собственныхъ представленій, которыя служили бы ему только простыми знаками скрытой отъ него на пѣки иной дѣйствительности; только эта созерцательность непосредственнаго сознанія спасаетъ субъекта отъ безусловнаго изолированія его въ самомъ его сознаніи отъ всего остального бытія, представляетъ для него то бытіе, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, не царствомъ тѣней, а жизнью, непосредственно существующею предъ нимъ, въ самой своей наличности предстоящею предъ нимъ дѣйствительностию.

§ 26. Чтобы оправдать принятія на вѣру синтетическія положенія, Кантъ хочетъ превратить основныя понятія, которыя въ этихъ положеніяхъ приписываются объекту, въ условія постановки объекта въ сознаніи. Съ этимъ неизбѣжно соединялась мысль, что ни о какомъ постиженіи дѣйствительности при познаніи не можетъ быть и рѣчи, и что объективное познаніе есть просто синтезъ представленій, отвѣчающій извѣстнымъ необходимымъ понятіямъ мысли. Но при такомъ способѣ доказательства основоположеній одни непосредственно приведенные для оправданія ихъ доводы оказались недостаточными для того, чтобы разъяснить возможность для мысли пользоваться ими. Кантъ долженъ былъ идти далѣе. Хотя дѣйствительность и изгнана была изъ сознанія, все же при фактической постановкѣ объекта въ сознаніи нужно было положеніямъ, въ которыхъ выражаются условія этой постановки, имѣть дѣло съ явленіями, независимыми отъ нихъ; необходимъ былъ и матеріалъ, который долженъ быть обработанъ согласно этимъ условіямъ, и матеріалъ именно такой, который оказался бы пригоднымъ для этой цѣли, способнымъ подходить подъ эти условія. Пусть, напримѣръ, положеніе причинности выражаетъ собою тотъ

синтезъ представленій, который необходимъ для того, чтобы придать объективное значеніе сибѣ. Отсюда, конечно, будетъ слѣдовать, что въ нашемъ сознаніи ни одна переменна не будетъ поставлена въ качествѣ событія и не удержитъ этой постановки, если не будетъ имѣть законосообразнаго предшествующаго. Но такъ какъ это положеніе признано вполнѣ независимымъ отъ опыта сужденіемъ объ условіяхъ постановки объекта въ нашемъ сознаніи, то неизбѣжно является вопросъ: почему бы не могло случиться, что въ матеріалѣ, которымъ располагаетъ сознаніе для постановки объективности и который никакъ не есть продуктъ мыслительной самодѣятельности, а является ей пассивною способностію, не оказалось бы ровно ничего такого, что способно бы было отвѣчать этому условію, то-есть, подчиняться законамъ причинной зависимости? Какая необходимость для него сообразоваться съ условіями постановки событія въ нашей мысли? Какъ же объяснить, что этотъ матеріалъ оказывается подчиненнымъ имъ, что опытъ и знаніе оказываются вполнѣ возможными, что мы не живемъ среди призраковъ? И если признать нѣкоторую предустановленную гармонію между формами мысли и матеріаломъ знанія, въ такомъ случаѣ дѣйствительное господство синтетическихъ сужденій надъ матеріаломъ знанія окажется обеспеченнымъ только этой предустановленной гармоніей и, такимъ образомъ, всѣ доказательства синтетическихъ положеній изъ условій постановки объектовъ должны будутъ оказаться бессмысленными сами по себѣ оправдать наше познаніе объективности. И не только даже все фактическое существованіе объективности намъ пришлось бы тогда отнести насчетъ этой предустановленной гармоніи, но и самое признаніе категорій за условія постановки объективности въ сознаніи оказалось бы не возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что весь матеріалъ знанія не подчиняется синтетическимъ положеніямъ; въ такомъ случаѣ мы, оставши за категоріями значеніе критеріевъ объективности, должны бы были признать все представляющееся за призракъ. Но что такое призракъ? Призракъ есть содержаніе представленія, которое ставится въ качествѣ объекта, хотя оно не есть объектъ. Принимая за призракъ содержаніе представленія, мы все же должны признать за фактъ, что существуетъ самое представшее, содержаніе котораго ошибочно принимается за нѣчто дѣйствительное; и еслибы даже и не принималось содержаніе представленія за дѣйствительность, нужно бы было все же признать, что существуетъ нѣкоторый фактъ, самый актъ представленія. И еслибы самое это представленіе оказалось безпричиннымъ,

что же бы мы тогда стали дѣлать? Отрицая значеніе объективности за всѣмъ, что не подходитъ подъ категоріи, мы должны были бы признать, что не существовало и самаго акта представленія, а намъ только показалось, что существовалъ этотъ актъ. Но вѣдь это „показалось“ только бы и значило опять, что мы представляли или представляемъ, что было или есть представленіе, слѣдовательно намъ все-таки оказалось бы необходимымъ признать существованіе представленія, какъ факта. И такъ какъ мы не можемъ отдѣлаться отъ факта представленія, сколько бы мы ни объясняли содержаніе его призракомъ, потому что признаніе извѣстнаго содержанія призракомъ и есть только признаніе его существующимъ въ представленіи, то для насъ оказывается неминуемой дилемма: или мы должны признать, что можемъ устанавливать факты безъ тѣхъ критеріевъ, которые представляются въ категоріяхъ, или должны предположить, что матеріалъ знанія неизбѣжно подчиненъ этимъ критеріямъ, и ничего не можетъ явиться въ нашемъ сознаніи, что такъ или иначе не было бы имъ подчинено. Изъ всего этого ясно, что для оправданія синтетическихъ, принятыхъ на вѣру, предположеній объ объектѣ недостаточно признать категоріи за условія постановки объекта въ нашемъ сознаніи, а необходимо еще найти средство обезпечить господство ихъ надъ матеріаломъ знанія.

Кантъ сознаетъ эту необходимость. Въ особомъ трактатѣ „Критики чистаго разума“, который названъ трансцендентальной дедукціей категорій и который во второмъ изданіи „Критики“ былъ переложенъ имъ смысломъ, онъ ставитъ тотъ вопросъ, который здѣсь предлагается нами. „Категоріи разсудка, говоритъ онъ здѣсь (132—133),—совсѣмъ не представляютъ для насъ условій, подъ которыми предметы даются въ созерцаніи, слѣдовательно во всякомъ случаѣ могутъ явиться у насъ предметы, не нуждаясь для этого въ томъ, чтобы стоять въ необходимомъ отношеніи къ функціямъ разсудка и чтобы разсудокъ содержалъ а priori ихъ условія. Отсюда открывается здѣсь трудность, которую мы не встрѣчали въ области чувственнаго созерцанія... Вѣдь явленія во всякомъ случаѣ могли бы имѣть такія свойства, что разсудокъ совсѣмъ не нашелъ бы ихъ соотвѣтствующими условіямъ своего единства, и все въ такомъ случаѣ пришло бы въ безпорядокъ: въ ряду явленій, напиримѣръ, не оказывалось бы ничего, что представляло бы правило синтеза, и, слѣдовательно, отвѣчало бы понятію причины и дѣйствія, такъ что вслѣдствіе этого это послѣднее понятіе было бы пусто, ничтожно, лишено

всякаго значенія. Явленія, тѣмъ не менѣе, представляли бы нашему знанію предметы, такъ какъ созерцаніе никакимъ образомъ не нуждается въ функціяхъ мысли". Въ этихъ словахъ вопросъ ставится не совсѣмъ такъ, какъ онъ поставленъ былъ нами выше; здѣсь спрашивается не о томъ, почему матеріалъ знанія не могъ бы оказаться не соответствующимъ категоріямъ, а о томъ, почему въ созерцаніи не могло бы оказаться предмета, не соответствующаго категоріямъ. А поэтому трактатъ вполне точнаго и строго формулированнаго отвѣта на нашъ вопросъ и не даетъ. Поставленный Кантомъ вопросъ рѣшается имъ въ томъ смыслѣ, что подчиненность созерцанія общимъ условіямъ постановки объективности есть неизбѣжный результатъ чистаго самосознанія, лежащаго въ основаніи всѣхъ актовъ сознанія эмпирическаго. „Мыслящее самосознаніе (*das: Ich denke*) должно имѣть возможность сопровождать всѣ мои представленія, такъ какъ иначе во мнѣ представлялось бы нѣчто, что не могло бы быть мыслимо, а это значить, что представленіе или было бы невозможно или было бы для меня ничто. То представленіе, которое можетъ быть дано до всякаго мышленія, называется созерцаніемъ. Слѣдовательно, все многообразіе созерцанія имѣетъ необходимое отношеніе къ „Я мыслю“ въ томъ же субъектѣ, въ которомъ встрѣчается это многообразное... Это слѣдующее тождество апперцепціи (чистаго сознанія) даннаго въ созерцаніи многообразнаго содержитъ въ себѣ синтезъ представленій и возможно только чрезъ сознаніе этого синтеза“ (139—140). Этотъ синтезъ и есть синтезъ, дающій объективность представленіямъ. Чрезъ категоріи разсудка „многообразное представляется, какъ относящееся къ необходимому единству самосознанія“ (147). Такое разрѣшеніе поставленной задачи, очевидно, еще не заключаетъ непосредственно въ самомъ себѣ категорическаго отвѣта на поставленный нами вопросъ; оно оставляетъ нерѣшеннымъ, какъ смотрѣть на эту активность чистаго самосознанія, предполагающую синтезъ всего даннаго въ созерцаніи, выдѣляетъ ли только она изъ всей массы сыраго матеріала ощущеній (или, если угодно, представленій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ ощущенія) тѣ, которыя оказываются удовлетворяющими требованіямъ единства самосознанія и, обнимая ихъ собою, даетъ созерцаніе, отвѣчающее тому типу синтеза, который составляетъ необходимое условіе его тождества, или она свободно накладываетъ сѣти своего синтеза на этотъ сырой матеріалъ, творить самодѣтельно въ немъ тѣ соотношенія, которыя требуются необходимымъ для него синтезомъ. Однако относительно смысла, въ какомъ

эта дилемма рѣшалась и могла только рѣшаться Кантомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы уже нѣтъ случай приводить его слова, что соединеніе многообразнаго можетъ быть только актомъ произвольности силы представляющей или разсудка. Онъ рѣшительно высказывается противъ всякой мысли о такой независимой отъ самаго субъекта приспособленности познавательной силы къ предмету познанія, которая заранѣе сдѣлала бы законы познанія соответствующими законамъ познаваемаго (163), и хотя непосредственно онъ говоритъ объ этомъ, разумѣя подъ познаваемымъ внѣшнее бытіе, но тѣ же возраженія, которыя онъ дѣлаетъ противъ ученія объ этой приспособленности, конечно, оказались бы приложимыми, еслибы мы предположили независимое отъ чистаго самосознанія теченіе представленій, которое оказалось бы на столько отвѣчающимъ синтетическимъ требованіямъ единства самосознанія, что самосознаніе находило бы возможность построить изъ этого теченія міръ, соответствующій законамъ своего единства; при этомъ было бы даже совершенно непонятно, зачѣмъ тогда понадобилось бы за постановкой объекта отрицать значеніе констатированія внѣшней дѣйствительности. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что подчиненіе познаваемаго условіямъ синтеза, исходящимъ изъ самой способности познанія, только потому и возможно, что познаваемое составляютъ простыя модификаціи нашей чувственности, опредѣленія нашего тождественнаго субъекта (681); но еслибы ихъ теченіе было независимо отъ условій синтетическаго единства самосознанія, то, конечно, оказалось бы совершенно то же, что должно бы было произойти изъ томъ случаѣ, еслибы это теченіе опредѣлялось внѣшнею дѣйствительностію и объектомъ познанія была бы эта внѣшняя дѣйствительность, которой онъ противопоставляетъ предметъ, представляющій модификаціи нашей чувственности, опредѣленія нашего тождественнаго субъекта. Наконецъ, онъ прямо и опредѣленно эмпирическую смежность явленій, которая есть условіе способности ихъ ассоціроваться другъ съ другомъ и, слѣдовательно, составлять неизбѣжное условіе ихъ познаваемости, разъясняетъ изъ ихъ трансцендентальной смежности, которая должна быть результатомъ единства чистаго самосознанія (670 — 671, 676 — 677), и не менѣе рѣшительно говорить, что „именно трансцендентальное единство апперценціи дѣлаетъ изъ всѣхъ возможныхъ явленій, которыя всегда могутъ быть вмѣстѣ въ опытѣ, связь всѣхъ этихъ представленій по законамъ“ (666 — 667). Итакъ для того, чтобы оправдать принятія на вѣру синтетическія сужденія, Кантъ и необходимо дол-

женъ былъ сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ чистое самосознаніе такою активностію, которая не выдѣляется только изъ независимаго отъ него теченія представленій то, что соотвѣтствуетъ необходимому для него синтезу, а самодѣятельно производить этотъ синтезъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кантъ былъ правъ, указавъ на тождество самосознанія, какъ на такое условіе, съ которымъ неизбѣжно должна соединяться самая возможность для пассивныхъ состояній души стать матеріаломъ для знанія: что падаетъ не въ одно и то же сознаніе, то не можетъ быть поставлено ни въ какое отношеніе другъ къ другу, то, слѣдовательно, не можетъ образоватъ изъ себя знанія. Не менѣе правъ Кантъ, если не хочетъ онъ смотрѣть на тождественное сознаніе, какъ на нѣчто въ родѣ обширнаго короба, въ пустотѣ котораго можетъ свободно располагаться что угодно, не чувствуя никакой необходимости приспособлять себя къ своему помѣщенію, а признаетъ въ немъ живую силу, съ которой необходимо считаться возникающимъ въ немъ явленіямъ. Еслибы онъ задался цѣлью осторожно и внимательно всмотрѣться въ тѣ результаты, которые происходятъ дѣйствительно въ психической жизни вообще и въ знаніи въ частности благодаря этому неизбѣжному условію знанія, не навязывая ему того, чего въ немъ нѣтъ, и осторожно анализируя то, что дѣйствительно неразрывно съ нимъ связано, то было бы нисколько не удивительно, что онъ создалъ бы такое направленіе въ психологіи и гиосеологіи, которое способно бы было оказать противодѣйствіе возникшему ранѣе, но только позднѣе овладѣвшему наукой сенсуализму, и во всякомъ случаѣ сдѣлало бы невозможными тѣ крайности въ развитіи сенсуализма, которыя въ наше время выдаются за результаты самыхъ точныхъ научныхъ изслѣдованій и которыя, судя по настоящему состоянію философіи, еще не скоро будутъ оцѣнены такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ. Но Кантъ вынуждено ставить на видъ тождество самосознанія, исключительно ница въ немъ средства оправдать безусловное господство категорій надъ матеріаломъ, который чувственность даетъ для знанія. А для этого уже слишкомъ много пришлось приписать активности тождественному сознанію. Его значеніе по Канту наглядно можно представить такъ. Предположимъ, что какиихъ-то непонятнымъ для насъ образомъ мыслящее „я“ человека искони определено извѣстною массою матеріала, который можетъ созерцаться имъ только въ пространственныхъ и временныхъ формахъ и на которомъ единственно можетъ проявиться его познавательная дѣятельность; по взгляду Канта должно выходить, что все

остальное отъ непосредственно сознаваемого нами въ актахъ эмпирическаго созерцанія пространственнаго и временнаго порядка явленій до всѣхъ научныхъ разъясненій его, — все это есть результатъ активности самосознанія, результатъ приспособленія сознаніемъ явленій къ тому общему типу синтеза, который составляетъ неизбѣжное условіе сохраненія имъ своего тождества. Но Кантъ не взялъ во вниманіе, что это безусловно невозможно по той простой причинѣ, что этимъ общимъ типомъ синтеза, какимъ оказывается онъ у Канта, и массою явленій, никакой опредѣленный порядокъ и никакая опредѣленная законсообразность ихъ не предрѣшаются, а поэтому этотъ типъ, какую бы творческую силу мы ему ни придали, безсилень создать какой бы то ни было опредѣленный порядокъ и опредѣленную законсообразность. Закономъ причинности, напримѣръ, по Кантову его толкованію, требуется, чтобы каждое событіе предшествовалось другимъ, за которымъ оно слѣдуетъ по правилу, но этимъ нисколько не предрѣшается, какое же именно другое событіе, В или С, или D, или какое нибудь другое, должно оказаться правильнымъ предшествующимъ событію А. Кантъ самъ съ ясностію, не допускающему никакого перетолкованія, не разъ объясняетъ, что только опытъ, подъ руководствомъ, конечно, общаго закона причинности, можетъ указать намъ, какое событіе и съ какими другимъ связано тою неразрывною связью, какой требуетъ по его взгляду наша мысль. Но то, что такъ ясно и отчетливо примѣняется въ этомъ случаѣ къ изслѣдующему, анализирующему созерцанію мышленію, отчего же не попытаться онъ примѣнить къ мышленію, синтетически строящему самое созерцаніе? Заключение вышло бы такое, въ которомъ сомнѣваться было бы нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если для познанія дѣйствительныхъ законовъ природы мало знать законъ причинности и имѣть представленіе о какихъ угодно явленіяхъ, а нужно имѣть еще знакомство съ тѣмъ порядкомъ и послѣдовательностью, съ какими они даны или могутъ быть искусственно вызваны нами въ воспріятіи, если, слѣдовательно, изъ простаго положенія причинности въ Кантовомъ его пониманіи и изъ массы матеріала, надъ которой оно несомнѣнно господствуетъ, безъ знакомства съ теченіемъ явленій, нельзя вывести тѣхъ законовъ причинной связи этихъ явленій, которымъ слѣдуетъ ихъ теченіе, то отсюда прямо слѣдуетъ, что эти законы никакъ не могутъ быть простымъ результатомъ примѣненія этого положенія къ явленіямъ, и, слѣдовательно, синтезирующая самодѣятельность чистаго самосознанія, вооруженная этимъ синтетическимъ положеніемъ, дѣло просто невоз-

можное. Вопросъ касается, конечно, не только причинной связи. Оставьте тѣ же законы природы, но иначе распределите дѣятелей. возьмите ихъ съ мною интенсивностію, поставьте въ иномъ пространственномъ отношеніи другъ въ отношеніи къ другу, и выйдутъ другіе результаты. Предполагая Кантовъ типъ синтеза и тотъ же общій матеріалъ, представляемый пассивною, чувственною способностію, которыми владѣетъ человѣчество, мы не затруднимся вообразить себѣ, сколько угодно, замкнутыхъ въ себѣ системъ міропорядка, совсѣмъ не похожихъ одна на другую, но имѣющихъ одно и то же чувственно данное содержаніе и строго подчиненныхъ Кантовымъ основоположеніямъ. Ясно, что тождественное самосознаніе, вооруженное этимъ типомъ, чтобы созидать акты нашего эмпирическаго созерцанія, должно имѣть виѣшний, независимый отъ его самодѣятельности—нѣ томъ же смыслѣ виѣшний, въ какомъ виѣшни ему условія, опредѣляющія матеріалъ, какимъ оно должно пользоваться,—поводъ для того, чтобы своей конструирующей дѣятельности давать то, а не другое направленіе, такъ какъ, и имѣя даже общій типъ синтеза и всю массу матеріала, точно такъ-же нельзя изъ этихъ посылокъ arguere, то-есть, не опредѣляясь пассивно чѣмъ либо еще, вывести опредѣленнаго порядка и опредѣленной законосообразности, какъ нельзя изъ общаго типа синтеза вывести чувственнаго матеріала, ощущеній. Трансцендентальное единство апперцепціи, говоритъ Кантъ, изъ всѣхъ возможныхъ явленій дѣлаетъ одну связь всѣхъ этихъ представленій по законамъ. Этого, отвѣчаю я, она сдѣлать не можетъ по той простой причинѣ, что простая идея законосообразности въ смыслѣ Канта не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на то, какое явленіе съ какимъ должно быть соединено, а безъ этого никакой законъ невозможенъ. Созерцаніе для того, чтобы быть сознаннымъ,—такъ учить Кантъ,—требуетъ способности явленій ассоціироваться, слѣдовательно ихъ смежности, но эта смежность, на сколько она оказывается необходимымъ условіемъ знанія, есть результатъ тождества сознанія, требующаго одного синтеза по общему типу. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предшествующаго, этого быть не можетъ: тождество синтеза могло бы требовать только того, чтобы смежности шла послѣдовательно въ одномъ направленіи, но оно не въ силахъ опредѣлить этого направленія, а поэтому никакой опредѣленной смежности, съ которой единственно имѣетъ дѣло эмпирическое сознаніе, оно не можетъ произвести и должно ждать также этой опредѣленности отънѣ, какъ дано отънѣ содержаніе.

Если же должны быть даны отвѣтъ, то-есть, никакъ не могутъ быть опредѣлимы а priori не матеріалъ только знанія, но и указанія на его опредѣленные соотношенія, то законосообразность міра не дѣло самосознанія. Но откуда бы ни шли эти указанія, они будутъ неизбѣжно реализацией, конкретнымъ выраженіемъ общаго типа синтеза по той причинѣ, что частное не можетъ быть частнымъ, если не выражаетъ собою общаго; опредѣленная, напримѣръ, правильная послѣдовательность двухъ фактовъ необходимо будетъ проявленіемъ закона причинности въ этихъ фактахъ. Такимъ образомъ трансцендентальное сознаніе оказывается опредѣленнымъ не простой массой ощущеній, а цѣльной, хотя и разрозненной въ актахъ эмпирическаго сознанія системой, воплощающей уже въ себѣ тотъ типъ синтеза, соотвѣтственно которому должна быть опредѣлена связь явленій; и чистая продуктивность всего эмпирическаго синтеза, которая оказывалась необходимой для того, чтобы оправдать общезначимость синтетическихъ понятій, признанныхъ условіями постановки объективности въ сознаніи, должна быть отнесена къ очевиднымъ и прямо невозможнымъ иллюзіямъ.

§ 27. Чтобы обезпечить господство синтетическихъ требованій разсудка надъ матеріаломъ знанія, который первоначально данъ въ формѣ созерцанія и которому, поэтому, казалось бы, нѣтъ никакой необходимости подчиняться этимъ требованіямъ, какъ скоро они не представляютъ чего нибудь безусловно обязательнаго по самому своему содержанію, Кантъ хочетъ придать имъ внѣшнюю обязательность для этого матеріала. Для этого онъ связываетъ ихъ съ тождествомъ самосознанія, дѣлаетъ выполненіе ихъ условіемъ самой возможности сохраненія этого тождества. Чистое самосознаніе неизбѣжно должно лежать въ основаніи всѣхъ актовъ эмпирическаго созерцанія, на сколько могутъ они давать матеріалъ для знанія, а поэтому синтезъ, который требуется, какъ условіе самой возможности тождества сознанія, конечно, не можетъ не господствовать надъ всѣми актами созерцанія. Связать разсудочныя требованія, не имѣющія логическаго оправданія въ самихъ себѣ, съ общими и необходимыми условіемъ всего, относящагося къ знанію, съ единымъ и тождественнымъ самосознаніемъ,— это было очень надежнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно возможнымъ средствомъ обезпечить для матеріала знанія подчиненность тѣмъ требованіямъ, которыя простой догматизмъ навязывалъ мысли, отказываясь въ то же время понять ихъ логическую правоумѣрность. Но какъ скоро въ эти требованія введенъ даже синтезъ по категоріямъ

отношенія, отыскивать который среди явленій составляет задачу рефлексивнаго знанія, выполняемую часто лишь съ трудомъ и усиленіемъ, то постулировать значеніе этихъ требованій во имя тождества самосознанія, выставивъ синтезъ неизбѣжнымъ результатомъ этого тождества, это значило становиться въ разрѣзъ съ самыми очевидными и неоспоримыми фактами.

Тождество мыслящаго сознанія во всѣхъ актахъ созерцанія не есть, подобно, знанію объекта или нравственному совершенству, цѣль, которая должна достигаться цѣлымъ рядомъ процессовъ и которая можетъ не достигаться или достигаться не вполне, или въ достиженіи которой можно ошибаться. Тождество мыслящаго сознанія есть безусловно достовѣрный фактъ, неизбѣжно существующій и подразумеваемый при каждомъ актѣ эмпирическаго созерцанія, если этотъ актъ не долженъ безслѣдно пропасть въ психической жизни, а долженъ соотноситься съ другими фактами, ставиться въ связь съ ними, вообще дѣлаться матеріаломъ знанія. Поэтому и то, что считается для него неизбѣжнымъ условіемъ, должно быть выполнено въ каждомъ актѣ созерцанія. Неудивительно поэтому, что, желая обезпечить подчиненность всего матеріала знанія тому синтезу, который выражается въ категорияхъ, Кантъ утверждаетъ, что „слитное тождество апперцепции даннаго въ созерцаніи многообразнаго содержитъ синтезъ представленій и возможно только черезъ сознаніе этого синтеза“, и что отнесеніе къ этому тождеству „еще не совершается чрезъ то, что я каждое представленіе сопровождаю сознаніемъ“ (такъ какъ „эмпирическое сознаніе, которое сопровождаетъ различныя представленія, само по себѣ разрозненно и безъ отношенія къ тождеству субъекта“), „но чрезъ то, что я присовокупляю одно представленіе къ другому и сознаю себѣ ихъ синтезъ“ (140); онъ рѣшительно утверждаетъ: „я сознаю въ себѣ тождественный субъектъ въ отношеніи къ многообразію данныхъ въ созерцаніи представленій, потому что ихъ всѣ въ совокупности называю *моими*, которыя составляютъ *одно* представленіе“ (141). Пусть это будетъ такъ. Но если къ этому синтезу, который содержится въ тождествѣ апперцепціи, сознаніе котораго составляетъ ея неизбѣжное условіе, и который изъ всѣхъ представленій долженъ сдѣлать одно представленіе.—если къ этому синтезу для того, чтобы я сознавалъ тождество самого себя, долженъ относиться и синтезъ по категоріямъ отношенія; если въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, „понятіе причинъ есть не что иное, какъ синтезъ (того, что слѣдуетъ въ рядѣ времени, съ другими явленіями) по понятіямъ

и безъ этого единства, которое свое правило имѣть а priori и подчинять себѣ явленія, не встрѣчалось бы сплошнаго и общаго, а слѣдовательно необходимаго единства сознанія въ многообразномъ (содержаніи) воспріятій" (669), то какъ согласить съ этимъ тотъ безспорный фактъ, что между отдѣльными эмпирическими созерцаніями не оказывается по большей части никакой связи, соотвѣтствующей категоріямъ отношенія? Одно представленіе, соотвѣтствующее категоріямъ отношенія, изъ всѣхъ актовъ эмпирическаго созерцанія въ личной жизни частнаго лица, предоставленнаго однимъ своимъ усиліямъ, даже уѣшительно не можетъ образоваться вслѣдствіе неполноты, отрывочности, разрозненности этихъ актовъ, равно какъ и вслѣдствіе того, что связи, соотвѣтствующія этимъ категоріямъ, обыкновенно глубоко прикрыты случайными связями. Нельзя же утверждать, конечно, что люди живутъ безъ тождества сознанія. Кантъ видимо предупреждаетъ подобныя недоумѣнія. Тотчасъ за выписанными выраженіями относительно значенія синтеза для тождества сознанія и для сознанія этого тождества у него идутъ какъ бы въ поясненіе ихъ и другія болѣе смягченныя. „Та мысль,—говоритъ онъ,—что эти данныя въ созерцаніи представленія относятся ко мнѣ всѣ въ совокупности, значитъ тоже, что я соединяю ихъ въ одномъ самосознаніи, или по крайней мѣрѣ, могу ихъ соединить въ немъ, и хотя она сама не есть сознаніе синтеза представленій, но все же предполагаетъ возможность послѣдняго" (140—141). Оказывается такимъ образомъ, что самосознаніе вмѣсто дѣйствительнаго синтеза можетъ довольствоваться простою его возможностью. Потребовать для сознанія своего тождества сведенія представленій къ одному представленію, онъ тотчасъ затѣмъ продолжаетъ: „это то же, что я а priori сознаю собѣ ихъ необходимый синтезъ, который называется первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперценціи, подъ которой всѣ данныя мнѣ представленія должны стоять, но подъ которую также они должны быть приведены чрезъ синтезъ" (141—142). Подъ этимъ синтезомъ а priori, подъ которымъ всѣ представленія стоятъ, но подъ который также они должны быть подведены. конечно, разумѣется общій типъ синтеза, выражаемаго въ категоріяхъ, а не фактическое его осуществленіе, не присовокупленіе одного частнаго представленія къ другому согласно съ этимъ типомъ, не образованіе изъ всѣхъ представленій одного представленія. Итакъ оказывается, что для тождества сознанія и для сознанія этого тождества нужна только вѣра, что представленія должны допускать связь по извѣстному общему типу синтеза,

а въ наличности никакого подобнаго синтеза представленій можетъ и не быть, и представленіямъ образовати изъ себя одно представленіе рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей нужды. Но признать это, очевидно, значить признать, что тождество самосознанія нисколько не препятствуетъ представленіямъ, составляющимъ достояніе одного и того же сознанія, фактически оставаться разрозненными и не составлять одного представленія съ точки зрѣнія категорій отношенія. А если это такъ, то и выводитъ неизбѣжную значимость этихъ категорій для всего матеріала знанія изъ того, что тождество апперцепціи содержитъ синтезъ представленій,—нельзя. Кантъ хочетъ соединить двѣ вещи: утверждая, что тождество апперцепціи необходимо содержитъ синтезъ представленій, соответствующій категоріямъ, онъ хочетъ чрезъ то матеріалъ для знанія роковымъ образомъ подчинить категоріямъ; по онъ хочетъ въ то же время не противорѣчить факту, что не связанные одинъ съ другимъ категоріями отношенія акты созерцанія остаются, тѣмъ не менѣе, принадлежностями одного и того же сознанія, способными становиться въ соотношеніе другъ съ другомъ, подвергаться научному изслѣдованію. Изъ сожалѣнія, эти вещи не соединимы: нельзя въ одно и то же время требовать неизбѣжной подчиненности доступнаго знанія матеріала категоріямъ во имя необходимой связи этого синтеза съ тождествомъ сознанія и въ то же время допускать въ тождественномъ сознаніи созерцанія, не связанные съ этимъ синтезомъ.

Допуская отсутствіе факческаго синтеза въ разрозненныхъ эмпирическихъ созерцаніяхъ я требую только признанія субъектомъ возможности связать ихъ этимъ синтезомъ, то-есть, простаго убѣжденія, что „они стоятъ подъ апперцепціей, но должны быть приведены также подъ нее чрезъ синтезъ“, Кантъ, конечно, старается отыскать возможность представить дѣло такъ, чтобы это признаніе и это убѣжденіе не испустились на степень простой вѣры сознанія, самое существованіе которой, конечно, оказалось бы простымъ проблематическимъ предположеніемъ; онъ хочетъ найти нѣкоторое реальное выраженіе для этой способности созерцаній вступать въ синтезъ, хочетъ представить ее какъ бы отпечатѣвшию на самыхъ созерцаніяхъ. Въ представленномъ разъясненіи необходимости для многообразнаго содержанія созерцаній стоять подъ чистымъ самосознаніемъ онъ видитъ только начало дедукціи категорій, но затѣмъ „изъ того способа, какъ эмпирическое созерцаніе дается въ чувственности“, онъ надѣется показать, что „единство его не можетъ быть никакимъ инымъ, кромѣ

того единства, которое вообще предписываетъ категорія многообразію даннаго созерцанія“, и такимъ путемъ хотеть объяснить значеніе категорій для всѣхъ предметовъ нашихъ чувствъ (148). Такимъ образомъ должно оказатся, что синтезъ, хотя бы фактически и не произведенный, долженъ, тѣмъ не менѣе, фактически положить свою печать на представленія, и при томъ такую печать, которая должна объяснить существованіе ихъ въ тождественномъ сознаніи. Кантъ очевидно, хотеть сдѣлать возможнымъ нѣчто невозможное. Однако все же мы должны всмотрѣться въ этотъ способъ данности созерцаній, при которомъ синтезъ, фактически не произведенный, долженъ, тѣмъ не менѣе, оказаться отпечатлѣвшимся на самыхъ созерцаніяхъ. Сущность дѣла состоитъ здѣсь въ слѣдующемъ. Все, что даетъ намъ и можетъ дать созерцаніе, необходимо, вслѣдствіе свойствъ нашей созерцающей способности, дано въ формахъ пространства и времени. Пространство и время, будучи формами созерцательной способности, сами въ то же время суть созерцанія, которыя изъ созерцаній чистыхъ превращаются въ эмпирическія созерцанія вслѣдствіе наполненія ихъ матеріаломъ, представляемымъ ощущеніями, такъ что эмпирическое созерцаніе есть собственно пространственное и временное созерцаніе, наполненное эмпирическимъ содержаніемъ. Поэтому всякое представленіе эмпирическаго матеріала въ созерцаніи должно, такъ сказать, съ роковою необходимостью оказаться соответствующимъ чистымъ созерцаніямъ пространства и времени. Но эти созерцанія, на сколько въ качествѣ созерцаній ставятся и обнимаются единымъ сознаніемъ, представляютъ уже синтезъ (частей, изъ которыхъ они состоятъ) и, слѣдовательно предполагаютъ понятія, въ которыхъ сознается единство этого синтеза. Ясно, что и матеріалъ, который долженъ располагаться въ этихъ созерцаніяхъ, преобразуя ихъ изъ созерцаній чистыхъ въ эмпирическія, долженъ оказаться соответствующимъ познаваемому въ понятіяхъ ихъ единству. Но этимъ понятіямъ, въ которыхъ сознается чистый, независимый отъ опыта синтезъ пространственного и премежнаго созерцаній, конечно, нельзя быть ничѣмъ инымъ, какъ только чистыми понятіями или категоріями. Въ основаніи эмпирическаго созерцанія дома, напримѣръ, лежитъ необходимое единство пространства, и я „какъ бы черчу его форму“ соответственно этому синтетическому единству многообразнаго въ пространствѣ. Но именно это синтетическое единство, если я абстрагирую отъ формы пространства, имѣетъ свое сѣдалище въ разсудкѣ и есть категорія синтеза однороднаго въ созерцаніи вообще, то-есть, категорія вели-

чины". Точно также, когда я воспринимаю, шпримѣръ. замерзаніе воды и ставлю такимъ образомъ въ реляцію времени два состоянія ея, текучесть и твердость. въ основаніи эмпирическаго созерцанія также необходимо лежить синтетическое единство соотвѣтствующаго созерцанія времени; и это синтетическое единство, „если я отвлеку отъ постоянной формы моего внутренняго созерцанія, времени, есть категория причины". „И такимъ же образомъ во всѣхъ другихъ случаяхъ" (158—160).

Вотъ здѣсь-то именно опять и сослужила Канту большую службу аналитическая очевидность связи между понятіемъ величины, съ одной стороны, и представленіями пространства и времени—съ другой; ея онъ пользуется для того, чтобы придать очевидности совѣсть не аналитической связи категорій отношенія съ чистыми пространственно-временными отношеніями. Мы видѣли выше, что онъ основоположеніе количества, составляющее простое аналитическое сужденіе, ставитъ въ началѣ всѣхъ основоположеній при доказательствѣ ихъ, такъ что аналитическая очевидность этого основоположенія естественно заранѣе предрасполагаетъ читателя въ пользу убѣдительности доказательствъ остальныхъ основоположеній. Теперь мы видимъ, что та же предполагающаяся параллель между понятіемъ величины и понятіями пространства и времени, съ одной стороны, и между категоріями отношенія и различными видами пространственно-временныхъ отношеній, съ другой, пособляетъ ему въ другомъ очень трудномъ пунктѣ системы—представить въ разрозненныхъ эмпирическихъ созерцаніяхъ уже какъ бы вѣдреннымъ тотъ синтезъ, относительно котораго онъ самъ долженъ былъ косвенно сознаться, что въ эмпирическихъ созерцаніяхъ можетъ не находиться даже никакого слѣда его. Послѣ того какъ на созерцаніи дома наглядно разъяснена была неизбежность для эмпирическаго матеріала представлять изъ себя экстенсивную величину вслѣдствіе очевидной неизбежности для пространства, которое долженъ наполнить собою этотъ матеріалъ, быть величиною экстенсивною, уже можно было представить читателю въ качествѣ мысли совершенно очевидной, не требующей никакихъ доказательствъ и никакихъ разъясненій, смѣлую мысль, что въ эмпирической матеріалъ чрезъ реляцію времени уже впечатлѣны такимъ же путемъ всѣ связи, представляемыя категоріями отношенія. Эта очевидность предполагать, правда, остающуюся не доказанной мысль, что эта реляція во времени точно такъ же должна относиться къ этимъ категоріямъ, какъ пространство, въ которомъ эмпирическое созерцаніе очерчиваетъ

образъ дома, къ понятію величины экстенсивной. Но принятіе этого предположенія облегчалось счастливо выбраннымъ примѣромъ для иллюстраціи общей мысли: отношеніе между предшествовавшимъ и послѣдующимъ моментами времени несомнѣнно имѣетъ принудительность, которая все же стоитъ въ нѣкоторой, хотя и отдаленной, аналогіи съ необходимостью связи, соединяющей причину и дѣйствіе, и эта аналогія, конечно, способна дѣйствовать на воображеніе.

Однако если въ самомъ дѣлѣ эта аналогія руководила Кантомъ, когда онъ училъ, что во отвлеченіи отъ той реляціи времени, которая лежитъ въ основаніи фактической послѣдовательности событій, постоянной формы внутренняго созерцанія, времени, должна остаться категорія причинности, то нужно только удивляться, какъ такая аналогія могла обмануть серьезнаго мыслителя. Несомнѣнно, конечно, что моменты времени принудительно слѣдуютъ другъ за другомъ, и послѣдующій можетъ явиться только по истеченіи предшествовающаго; несомнѣнно имѣетъ съ тѣмъ, конечно, что и событія, располагающіеся въ нихъ, неизбежно слѣдуютъ тому же закону, и до послѣдующаго мы не можемъ достигнуть ранѣе, чѣмъ до предшествовающаго ¹⁾, если, конечно, оба они должны явиться въ нашемъ воспріятіи. Но эта обуславливаемая временемъ принудительность послѣдовательности событій не налагаетъ никакой обязанности на событіе, сходное съ событіемъ, случившимся въ опредѣленный моментъ времени, принудительно влечь за собою другое событіе, сходное съ тѣмъ, которое въ прежнемъ воспріятіи слѣдовало за первымъ. А законъ причинности требуетъ отъ событій именно этого. Само собою понятно, что въ реляціи самаго времени не только нѣтъ, но и не можетъ быть ничего подобнаго: всѣ его моменты, если разсматривать ихъ со стороны самаго содержанія, совершенно тождественны другъ съ другомъ, а не предшествующіе только тождественны съ предшествовавшими и послѣдующіе съ послѣдующими; а если разсматривать ихъ по мѣсту, ими занимаемому, то каждый изъ нихъ совершенно единиченъ, а поэтому дѣйствительнаго сходства съ причинною связью здѣсь не можетъ и быть. Каждый послѣдующій моментъ можетъ здѣсь съ такимъ же правомъ называться послѣдующимъ только этого предшествовающаго, съ какими правомъ каждый предшествующій можетъ быть признанъ предшествующимъ только этого послѣдующаго; въ причинной же связи, если и за-

¹⁾ Въ доказательствѣ закона причинности Кантъ утверждаетъ нѣчто подобное (215—216).

быть то различіе ея отъ времени, что въ ней дѣло касается не единичнаго событія, а всякаго событія, подходящаго подъ извѣстное понятіе, опять оказывается нѣчто другое; когда устанавливають причинную связь между событіями, то утверждаютъ только, что за извѣстными предшествующими можетъ идти только извѣстное послѣдующее, но никакъ не утверждаютъ наоборотъ, что извѣстное послѣдующее можетъ быть послѣдующимъ только извѣстнаго предшествующаго. Какъ далеко то понятіе, которое объединяетъ синтезъ въ реляціи самаго времени и изъ нея необходимо переносится и на событія, располагаемыя въ этой реляціи, отъ понятія причинности, это достаточно ясно уже изъ того факта, что, хотя каждое изъ событій, совершившихся въ предшествующій моментъ, принудительно можетъ быть воспринято только прежде каждаго изъ событій, совершившихся въ моментъ послѣдующій (исключенія, когда предшествовавшее по времени воспринимается нами позднѣе послѣдующаго, въ расчетъ здѣсь не берутся, такъ какъ они одинаково могутъ встрѣчаться и при событіяхъ, связанныхъ одно съ другимъ причинной связью, какъ и при событіяхъ, не стоящихъ въ такой связи), но никакъ не каждое изъ нихъ связано съ другимъ причинной связью, не каждое предшествующее обуславливаетъ собою каждое послѣдующее. Къ самому представляемому мною пространству, которое мое воспріятіе наполняетъ ощущеніями, соединяющимися въ образъ зданія, я могу въ самомъ собственномъ смыслѣ приложить понятіе экстенсивной величины, но никакъ не могу я приложить понятіе причины и дѣйствія къ двумъ слѣдующимъ другъ за другомъ моментамъ времени, если эти термины „причина и дѣйствіе“ употреблять въ томъ смыслѣ, въ какомъ прилагаются они къ событіямъ и какой единственно могъ бы оправдывать необходимость считать событія связанными причинностью, какъ скоро они поставлены въ реляцію времени. Кантъ поступаетъ несправедливо, когда, разъясняя общую мысль о необходимомъ подчиненіи явленій категориямъ чрезъ единство синтеза чистыхъ созерцаній, говоритъ, что „это единство синтеза дано уже съ ними, а не въ нихъ“. Въ представленіи пространства, въ которомъ воспринимается зданіе, понятіе экстенсивной величины дано уже въ самомъ этомъ представленіи, а не съ нимъ; въ реляціи времени понятіе причинности не дано ни съ нимъ, ни въ немъ. По моему мнѣнію, это не законная діалектика — настаивать на непринадлежности понятію извѣстнаго признака и соединить послѣдній съ этимъ понятіемъ въ какой-то неопредѣленной формѣ для того, чтобы,

руководясь очевидностію отношенія этого признака къ понятію, не потерять въ то же время всякой возможности на основаніи этой очевидности ставить въ подобное же соединеніе два другія понятія, между которыми нѣтъ никакой подобной связи. Кантъ могъ бы обратить вниманіе хотя бы на тотъ фактъ, что синтезъ, выражающійся въ понятіи экстенсивной величины, всегда и неизбѣжно данъ, то-есть, неизбѣжно фактически произведенъ уже въ каждомъ эмпирическомъ пространственномъ созерцаніи; что же касается синтеза по категориямъ отношеній, то вѣдь онъ, конечно, и вынудилъ у него тѣ ограниченія при разъясненіи синтеза и единства представленій, производимыхъ апперцепціей, которыя запутываютъ его въ противорѣчіе. Еслибы понятія причинности и другія категории отношенія стояли прямо въ томъ же отношеніи къ тѣмъ пространственно-временнымъ отношеніямъ, въ которыхъ даны явленія, подводимыя подъ эти категории, въ какомъ категорія величины экстенсивной стоитъ къ пространству и времени, то развѣ ему пришлось бы говорить, что тождество сознанія означаетъ, что „я, по крайней мѣрѣ, могу соединить представленія“, или что „я сознаю синтезъ, подъ которымъ всѣ данныя мнѣ представленія стоятъ, по подъ который они должны быть также приведены чрезъ синтезъ“? Я полагаю, что еслибы понятіе причинны и дѣйствія совершенно такъ же относились къ той реляціи времени, въ которой воспринимается послѣдовательность событій, какъ понятіе экстенсивной величины къ представленію пространства, въ которомъ воспринимается тотъ или другой протяженный предметъ, то не оказалось бы вовсе повода писать „Критику чистаго разума“.

Конечно, съ той точки зрѣнія, съ которой ведется Кантово доказательство закона причинности, необходимо признать, что относительно перемѣнъ, испытанныхъ сознаніемъ и поставленныхъ имъ въ качествѣ событій, сознаніе прямымъ или косвеннымъ путемъ убѣдилось, что онѣ подчинены причинной связи, такъ какъ самая постановка перемѣнъ въ качествѣ событій по этому доказательству опирается въ своемъ послѣднемъ основаніи на законъ причинной связи; и эту именно мысль, повидимому, желаетъ возбудить Кантъ, когда въ приведенномъ примѣрѣ воспріятія замерзанія воды говоритъ о синтетическомъ единствѣ многообразнаго, представляемомъ во времени, что безъ него эта реляція (въ которой стоятъ состоянія жидкости и твердости) не могла бы быть въ созерцаніи дана опредѣленной (въ отношеніи къ чередѣ во времени). Но принципъ, которымъ, пусть и неизбѣжно, руководится

сознаніе для того, чтобы отличить объективныя перемены от субъективныхъ и опредѣлить для первыхъ мѣсто во времени, никакъ не есть еще единство синтеза созерцанія самаго времени и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не стоитъ въ томъ же отношеніи къ самому созерцанію времени, въ какомъ экстенсивная величина въ примѣрѣ воспріятія дома стоитъ къ представленію пространства. Съ другой стороны, мы видѣли, что вся постановка событій, какъ событій въ нашемъ сознаніи, съ точки зрѣнія Кантовой философіи, неизбѣжно должна оказаться косвенной, и самъ онъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы утверждать, что вся эта постановка, особенно общій порядокъ событій, данный въ воспріятіяхъ, разрозненныхъ другъ съ другомъ, составляющихъ отдѣльные акты эмпирическаго сознанія, прямо опредѣляются усмотрѣніемъ причинной связи событій однихъ съ другими. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія порядокъ событій для сознанія долженъ остаться исключительно порядкомъ во времени и не можетъ представлять сплошнаго синтеза явленій, сплетенныхъ другъ съ другомъ причинной связью, по той причинѣ, что самыя связи между явленіями остаются совершенно неизвѣстными сознанію и даже промежуточныхъ членовъ въ одной сплошной цѣпи въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ наличности быть не можетъ, а поэтому представленіе о такой сплошной цѣпи событій, связанныхъ причинной связью, если оно и существуетъ, все же остается простой вѣрой или убѣжденіемъ сознанія въ возможности образованія такой цѣпи. И если, тѣмъ не менѣе, тождество сознанія не терпитъ отъ этого никакого ущерба, то изъ этого слѣдуетъ, что ставить это тождество въ неразрывную связь съ такого рода синтезомъ, относить его къ необходимымъ требованіямъ единаго сознанія, значить говорить противъ явныхъ и очевидныхъ фактовъ.

§ 28. Мы видѣли, что безусловную обязательность для мысли руководствоваться извѣстными сужденіями, которыя названы Кантомъ синтетическими основоположеніями разсудка, Кантъ хочетъ оправдать изъ условій, въ которыхъ поставлено мышленіе при своемъ познаніи объекта. И мы нашли, что на самомъ дѣлѣ эти основоположенія съ этой точки зрѣнія совсѣмъ не оказываются необходимыми предположеніями мысли, наоборотъ, оказываются совсѣмъ не способными играть той роли, какая имъ предназначается, то-есть, объяснять фактическіе процессы нашего знанія. Догматически принятые основоположенія остаются, такимъ образомъ, неоправданными и критическимъ изслѣдованіемъ Канта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы нашли, что при доказательствахъ важнѣй-

нихъ основоположеній отношенія подразумѣвается у Канта также ничѣмъ не оправданная и совершенно ошибочная мысль, что для человѣческаго знанія не можетъ быть и рѣчи о констатированіи и познаніи объекта въ смыслѣ, какъ внутренне переживаемой самимъ субъектомъ, такъ и вѣнней ему дѣйствительности. Эта мысль превратила объектъ въ особый, самъ по себѣ непонятный синтезъ представленій, который и не способенъ находить для себя оправданія въ фактическихъ условіяхъ познанія, понимаемаго въ смыслѣ процесса постиженія дѣйствительности, такъ какъ такой объектъ, конечно, не могъ быть признанъ за констатированіе дѣйствительности, которое вызывалось бы логическими требованіями мысли, всматривающей въ предстоящій ей матеріалъ. Отсюда догматически принятыя предположенія, оказавшіяся не оправданными изъ условій познанія, потребовали еще новаго условія для своего оправданія; они вызвали предположеніе о творческомъ синтезѣ чистаго самосознанія, и это предположеніе точно также оказалось ошибочнымъ предположеніемъ, котораго доказать не возможно. Итакъ, съ какой бы стороны ни посмотрѣли мы на ученіе Канта о синтетическихъ основоположеніяхъ разсудка, оно всюду оказывается несостоятельнымъ, и Кантова попытка оправдать эти основоположенія должна была по необходимости только вести все къ новымъ и новымъ предположеніямъ, не только не доказаннымъ, но и явно ошибочнымъ.

Выше, приступая къ критикѣ Кантова ученія о чистыхъ основоположеніяхъ, мы поставили вопросъ, должны ли мы съ точки зрѣнія самой Кантовой философіи разумѣть подъ этими основоположеніями такія предположенія мысли о бытіи, которыя признаются логически обязательными для мысли при извѣстныхъ условіяхъ ея дѣятельности, или должны разумѣть только предположенія, которыя должны составлять результатъ роковыхъ и непонятныхъ дѣйствъ ограниченій мысли. Разъяснить себѣ это, конечно, можно уже только всмотрѣвшись во внутреннюю связь всѣхъ тѣхъ концепцій, которыя развиваются для доказательства этихъ основоположеній. Теперь мы можемъ дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Тѣ понятія, которыя лежатъ въ основаніи этихъ основоположеній, въ концѣ концовъ представляются только формами синтеза, которыми должны подчиняться явленія для того, чтобы оказаться способными стать содержаніемъ одного тождественнаго сознанія. Синтезъ, требуемый ими, свое послѣднее оправданіе долженъ находить не въ томъ, что только этотъ синтезъ содержитъ въ себѣ дѣйстви-

тельное ручательство въ объективности того содержанія, которому дается объективность подъ условіемъ подведенія его подъ этотъ синтезъ, а въ томъ, что онъ необходимъ для сохраненія тождества нашего сознанія. Онъ не можетъ логически оправдывать никакой постановки объективности уже потому, что никакого предмета въ собственномъ смыслѣ, въ смыслѣ реальности, противостоящей сознанію и независимой отъ самаго постигающаго его сознанія, совсѣмъ и не предполагается, и дѣло можетъ идти только объ обманчивомъ призракѣ подобной реальности. Категоріи суть только предположенія о предметѣ, какъ явленіи въ насъ самихъ, и этотъ предметъ ничего болѣе не означаетъ кромѣ того единства, которое должно встрѣтиться въ познаваемомъ матеріалѣ, на сколько онъ относится къ необходимому единству сознанія, то-есть, предметъ есть не что иное, какъ единство синтеза представленій, произведеннаго чрезъ общія для всѣхъ представленій синтетическія формы (667—668). Итакъ, всѣ условія или требованія для постановки объективности въ сознаніи, если ихъ разсматривать, именно какъ требованія для постановки объективности, должны считаться иллюзорными требованіями, такъ какъ не на констатированіе объекта, а на сохраненіе тождества сознанія они разсчитаны, и на самомъ дѣлѣ не констатируютъ предмета для сознанія, а даютъ только призракъ предметности. А если это такъ, то какое возможно логическое оправданіе основоположеній, если оно должно развиваться изъ той общей мысли, что постановка различныхъ сторонъ объективности въ сознаніи требуетъ подведенія явленій подъ ту или другую категорію? Можно ли доказывать, что подведеніе подъ извѣстное понятіе даетъ понятное для мысли, логически очевидное право ставить то или другое отношеніе къ объективному бытію, когда то, что ставится, признается только призрачною объективностію, не имѣющею никакого логическаго права приниматься за то, чѣмъ оно ставится, и когда даже самый синтезъ, который долженъ считаться логически оправдывающимъ объективную постановку, оказывается въ концѣ концовъ только синтезомъ, необходимымъ для охраненія единства сознанія? Если, напримѣръ, доказательство причинности перевести на точный языкъ, не злоупотребляя сколькимъ терминомъ объективности, то будетъ ли оно содержать въ себѣ какую нибудь другую мысль, кромѣ слѣдующей: для того, чтобы сознаніе съ логическою необходимостію приняло совершенно ошибочную мысль, будто перемѣна произошла не въ его только представленіи, но и внѣ его, для этого необходима причинная зависимость.

этой перемѣны отъ нѣкоторой другой? Такъ какъ логическаго права для логической ошибки быть не можетъ, то ясно, что подъ разясняемою доказательствомъ логическою необходимостію можетъ разумѣться не логическое право, а роковая необходимость для мысли. Изъ этого ясно, что доказательства основоположеній могли имѣть въ виду не оправдывать ихъ логически нѣ смыслъ разясненія логическаго, понятнаго для мысли права пользоваться ими, а представить только какъ бы нѣкоторую роковую необходимость для мысли принимать ихъ. Съ другой стороны, и другая мысль, оказавшаяся Канту необходимой для оправданія синтетическихъ основоположеній, именно, что тождество сознанія требуетъ синтеза явленій по категоріямъ, должна неизбѣжно аннелировать къ той же роковой необходимости. Кантъ и не думаетъ отчетливо и раздѣльно на каждой категоріи показывать, что синтезъ, ею предполагаемый, есть синтезъ, требующійся тождествомъ сознанія. Онъ прямо изъ той мысли, что этотъ синтезъ есть общій для всѣхъ представленій и неизбѣжный при всякой постановкѣ объективности, выводитъ, что онъ долженъ быть требованіемъ единого тождественнаго мыслящаго сознанія, предполагаемаго всѣми созерцаніями. Непосредственно при дедукціи категорій Кантъ предполагаетъ только произвольный и ничего не доказывающій, какъ мы видѣли выше, выводъ категорій изъ видовъ сужденій, предшествующій этой дедукціи. Но такъ какъ единственную дѣйствительную попытку оправдать категоріи какъ понятія объ объектахъ представляютъ собственно слѣдующія у Канта уже послѣ трансцендентальной дедукціи категорій доказательства основоположеній, то на самомъ дѣлѣ возведеніе объективнаго синтеза къ тождеству сознанія, предполагающее, типъ этого синтеза уже установленнымъ и оправданнымъ, предполагаетъ необходимость руководиться извѣстными синтетическими положеніями, какъ она оправдывается доказательствами основоположеній. Изъ всего этого ясно, что догматизмъ проникаетъ насильно не постановку только вопроса о самоочевидныхъ истинахъ въ „Критикѣ чистаго разума“, а вмѣстѣ и все изслѣдованіе и рѣшеніе его.

По моему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о послѣднихъ посылкахъ знанія въ такъ называемой критической философіи относится не къ настоящему и не къ будущему философіи, а къ ея прошедшему.

И. Наринский.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Красноженъ. Толкователи канонического кодекса восточной церкви, Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва. 1892.

„Обширные по объему труды толкователей канонического кодекса греческой церкви Аристина, Зонары и Вальсамона,—говорить г. Красноженъ въ предисловіи къ своей диссертациі,—заслуживаютъ серьезнаго вниманія и изученія не только вслѣдствіе богатства и разнообразія ихъ содержанія, но также и вслѣдствіе ихъ значенія для греческой и для нашей русской церкви. Въ греческой церкви толкованія этихъ канонистовъ получили рѣшительный авторитетъ и были одобрены высшею церковною властью, которая иногда даже ссылалась на нихъ для обоснованія своихъ постановленій; тѣмъ же уваженіемъ пользуются до настоящаго времени толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона и въ нашей русской церкви; къ ихъ трудамъ перѣдко обращается св. синодъ, при разрѣшеніи восходящихъ на его разсмотрѣніе вопросовъ по дѣламъ церкви“. Не смотря на важность предмета ни въ нашей, ни въ западной литературѣ не было до сихъ поръ обстоятельнаго изслѣдованія, посвященнаго толкователямъ канонического кодекса. Этотъ пробѣлъ желаетъ восполнить своей работой М. Е. Красноженъ, принять-доцентъ Московскаго университета и ученикъ нашего извѣстнаго канониста А. С. Павлова.

Тема, избранная авторомъ, очень обширна: толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона составляютъ нѣсколько томовъ и для подробнаго и всесторонняго ихъ изслѣдованія пришлось бы, пожалуй, написать тоже нѣсколько томовъ. Г. Красноженъ еще расширялъ свою задачу тѣмъ, что занялся исторіею каноническаго синописа, но, съ другой стороны, онъ сузилъ ее, потому что работалъ исключительно надъ толкованіями греческихъ канонистовъ, оставивъ безъ вниманія

другія ихъ сочиненія, напримѣръ, очень важныя каноническіе трактаты Вальсамона о привилегіяхъ патріарховъ и о брачномъ правѣ.

Разбираемая нами книга дѣлится на двѣ части: большую, гдѣ авторъ самостоятельно изслѣдуетъ источники, и меньшую, гдѣ онъ пользуется работами другихъ ученыхъ. Наибольше цѣнными страницами самостоятельной части являются отдѣлы о древнихъ схолияхъ (стр. 34—56) и отдѣлы подъ заглавіемъ: Синописи церковныхъ правилъ и исторія его образованія (стр. 18—28).

„Такъ какъ обращеніе съ массою матеріала,—говорить г. Красножентъ,—заклучавшагося въ весьма обширныхъ по своему объему сборникахъ полнаго текста церковныхъ правилъ, было крайне неудобно, да и самая переписка ихъ была сопряжена съ большимъ трудомъ и издержками, то весьма рано въ церковной практикѣ входять въ употребленіе сокращенный кодексъ или такъ называемый синописисъ, въ которомъ церковныя каноны излагаются не въ первоначальномъ полномъ текстѣ, а въ формѣ краткихъ строго догматическихъ положеній“. Разсмотрѣвъ нѣсколько рукописныхъ синописисовъ, находящихся въ Вѣнѣ, Флоренціи и Мюнхенѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что самый краткій по объему изъ извѣстныхъ намъ синописисовъ существовалъ сборнику Іоанна Схоластика (такъ называемому сборнику въ 50 титуловъ). На этомъ основаніи г. Красножентъ говоритъ: „относительно времени происхожденія синописиса мы можемъ утверждать, что по времени близкій къ Схоластику (то-есть, во второй половинѣ VI вѣка) онъ уже напѣрно существовалъ“. Это мнѣніе высказано уже извѣстнымъ Цахаріемъ въ его изслѣдованіи: „Die Synopsis canonum“ (*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1887, стр. 1152).

Очень важное указаніе сдѣлано авторомъ въ примѣчаніи къ стр. 18: „Самымъ древнимъ образцомъ синописиса, который принадлежитъ, вѣроятно, І. Схоластику, является такъ называемый Παράσημασις ἐφ' ἁπλοῦς τῶν τε τίτλων καὶ χρόνων τῶν ἀποστόλων, напечатанный въ греческой синагигѣ Ралли съ именемъ Василія В.“. Это обстоятельство слѣдовало бы выдвинуть на первый планъ, такъ какъ тутъ заключается важное указаніе на происхожденіе синописиса, и слѣдовало бы также сказать, откуда взято рукописное заглавіе, не встрѣчающееся въ печатныхъ изданіяхъ. Несомнѣнно, что г. Красножентъ пользовался въ данномъ случаѣ работою А. С. Павлова „Замѣтки о греческихъ рукописяхъ каноническаго содержанія въ Московской синодальной библиотекѣ“, (Одесса, 1874 г. (изъ XIII т. *Записокъ Новороссійскаго*

Университета). Въ описаніи Иверской кормчей № 398, содержащей въ себѣ извѣстный каноническій сборникъ въ 50 тит. I. Схоластика, А. С. Павловъ говоритъ: „вслѣдъ за 50-ю титулами Схоластика помѣщена подъ заглавіемъ: τῶν κανόνων ἐκκλησιαστικῶν καραστηρίως ἐμφαίνουσα τὸν τε τίτλον καὶ τοὺς χρόνους τῶν ἀμαρτημάτων, та самая статья, которая въ другихъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ надписывается—Василія В. По своему положенію, надписанію и прямымъ замѣткамъ, выставленнымъ на полѣ, статья эта имѣетъ въ Иверской кормчей видъ и значеніе сокращеннаго указателя главнѣйшихъ покаянныхъ правилъ, изложенныхъ въ различныхъ титулахъ I. Схоластика. Цитаты, выставленныя на полѣ, вполне соответствуютъ указаннымъ въ нихъ титуламъ Схоластика. Значитъ между этими титулами и занимающею насъ статьею существуетъ внутренняя, такъ сказать, генетическая связь, происходящая, можетъ быть, отъ самого Схоластика“ (стр. 3—5).

Разсмотрѣвъ схолиа, напечатанныя Питрою, а также неизданныя рукописныя схолиа, г. Красноженъ приходитъ къ выводу: „на основаніи этого подробнаго сравненія дошедшихъ до насъ древнихъ схолій съ позднѣйшими толкованіями, написанными Аристиномъ, Зонарою и Вальсамономъ, мы должны прійти къ тому заключенію, что всѣ три названные канониста XII вѣка хорошо были знакомы съ толкованіями отдѣльныхъ каноническихъ правилъ, существовавшими задолго до нихъ, и въ своихъ трудахъ нерѣдко пользовались ими. Но въ то же время надо отдать справедливость нашимъ толкователямъ въ томъ, что, пользуясь этимъ уже существовавшимъ до нихъ каноническимъ матеріаломъ, они относятся къ нему критически и въ своихъ толкованіяхъ высказываютъ часто мнѣнія несогласныя и даже прямо противорѣчающія взглядамъ своихъ предшественниковъ (стр. 56)“. Работа надъ схоліями продѣлана г. Красноженомъ въ первый разъ и представляетъ новостъ въ литературѣ, но на важностъ схолій указано А. С. Павловымъ въ упомянутой работѣ о греческихъ рукописяхъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ,—что Зонара и Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ уже пользовались готовыми схоліями, нерѣдко повторилъ ихъ буквально“ (стр. 16).

По справедливому замѣчанію А. С. Павлова, трудъ г. Красножена отличается описательнымъ, а не критическимъ характеромъ. Онъ относится къ толкователямъ съ чисто внѣшней стороны, не вникая въ смыслъ ихъ толкованій. Онъ сообщаетъ, что языкъ Зонары отличается замѣчательною ясностью и простотою, что Зонара иногда на нѣсколько

однородныхъ правилъ даетъ одно общее толкованіе, что самыя правила Зонара изъясняютъ съ трехъ точекъ зрѣнія: исторической, догматической и практической, что онъ объясняетъ малопонятные юридическіе термины, что онъ указываетъ на обстоятельства, вызвавшія то или другое правило, что онъ старается примирить встрѣчающіяся въ канонахъ мишмы или дѣйствительныя противорѣчія, что онъ рѣдко обращается къ гражданскимъ законамъ. () Вальсамонъ авторъ говорить, что любимую форму рѣчи его является обращеніе къ читателю въ повелительномъ наклоненіи, что въ тѣхъ случаяхъ, когда у читателя можетъ возникнуть мысль о противорѣчій канонѣвъ, представляющихся на первый взглядъ несогласными между собою, Вальсамонъ старается доказать, что противорѣчіе это кажущееся, что онъ старается по возможности со всѣхъ сторонъ освѣтить содержаніе изъясняемыхъ правилъ, объясняетъ смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ словъ и выраженій, высказываетъ предположеніе относительно мотивовъ и обстоятельствъ, которыя могли вызвать появленіе правила, указываетъ, какое современное практическое значеніе имѣетъ изъясняемое правило, для большей наглядности иллюстрируетъ правила извѣстными ему примѣрами, приводитъ нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ случаевъ, восходившихъ на разрѣшеніе Константинопольскаго синода, и разсказываетъ случаи изъ собственной практики. Эти положенія авторъ подтверждаетъ выдержками изъ толкователей, причемъ не обращаетъ вниманія на то, какъ относились Зонара или Вальсамонъ къ тому или иному юридическому институту, и не критикуетъ ихъ, не говори—правильны или нѣтъ ихъ толкованія.

„Вальсамонъ,—говоритъ г. Красноженъ (стр. 175),—относительно взаимнаго отношенія канонѣвъ и законовъ высказываетъ слѣдующее положеніе: каноны, какъ имѣющіе двойную санкцію (отъ церкви и отъ императорѣвъ), получаютъ въ случаѣ коллизіи преимущество передъ законами (толков. на гл. 23 тит. I. т. 2, тит. VIII и др.)¹⁾. Этимъ замѣчаніемъ авторъ ограничивается, не объясняя, правилѣвъ ли выставленный Вальсамонѣвъ принципъ, и выдерживаетъ ли онъ его. На самомъ же дѣлѣ Вальсамонъ постоянно отступаетъ отъ этого принципа, отдавая предпочтеніе новелламъ византійскихъ императорѣвъ даже предъ постановленіями вселенскихъ соборѣвъ.

Сравнивая Зонару съ Вальсамонѣвъ, г. Красноженъ говоритъ:

¹⁾ Въ приведенныхъ авторѣвъ толкованіяхъ Вальсамонъ не говоритъ, что каноны имѣютъ двойную санкцію, а говоритъ онъ это въ толкованіи на гл. 2 тит. I.

„Не будучи простымъ подражателемъ своего предшественника, Вальсамонъ по нѣкоторымъ вопросамъ совершенно расходится съ нимъ во взглядахъ, такъ что нѣкоторые изъ толкованій Вальсамона являются критическимъ разборомъ толкованія Зонары. Приведемъ здѣсь эти толкованія, характеризующія Вальсамона, какъ весьма искуснаго критика и глубокаго мыслителя п знатока церковныхъ правилъ“ (стр. 138—139). Далѣе идетъ рядъ примѣровъ, долженствующихъ подкрѣпить мысль автора, но во многихъ приведенныхъ здѣсь случаяхъ предпочтеніе должно быть отдано Зонарѣ, а не Вальсамону.

Напримѣръ, Вальсамонъ въ толкованіи 12 пр. Халкидонскаго собора не высказываетъ никакого сомнѣнія относительно права императора поводить епископін въ митрополін и основываетъ это право на данной императору власти сынне. Зонара, наоборотъ, не считаетъ этого права законнымъ и въ позвожденіи посредствомъ царскихъ грамотъ епископін въ митрополін видитъ нарушеніе настоящаго правила Халкидонскаго собора (стр. 140). Правъ, конечно, Зонара.

Въ толкованіи на 28 правило того же собора, трактующее о преимуществахъ константинопольскаго патріарха и римскаго папы. Зонара, между прочимъ, говоритъ: „прочіе округи, то-есть, округи Македоніи и Фессаліи, Элады и Пелопонеса, и такъ называемаго Епира и Иллирика подвѣдомы были тогда епископу древняго Рима“. Относительно этихъ словъ Вальсамонъ замѣчаетъ слѣдующее: „хотя нѣкоторые ограничивали Фракію и простирали только до предѣловъ Македоніи, и говорили, что митрополиты Македоніи, Фессаліи, Элады и Пелопонеса были нѣкогда рукополагаемы папою римскимъ и указывали, будто это открывается изъ того, что епископу Константинополя „не дано права рукополагать и сихъ митрополитовъ, но ты не обращай вниманія на эти слова“ (стр. 141). Здѣсь противъ исторіи погрѣшилъ Вальсамонъ, а не Зонара.

Въ толкованіи на 44 пр. Трулльскаго собора: „Монахъ, обличенный въ любодѣіиіи или посягающій жену въ общеніе брака и сожитіе, да подлежитъ по правиламъ епитиміи блудодействующихъ.“—Зонара, указавъ на несогласіе относительно наказанія настоящаго правила съ другими правилами, говорящими о томъ же (16 пр. Халкид. собор., 19 пр. Акирск. соб. и 60 пр. Василія II.), отдаетъ преимущество правилу Трулльскаго собора, какъ позднѣйшему. Напротивъ того, Вальсамонъ не находитъ никакого противорѣчія между указанными правилами (стр. 142). Здѣсь опять-таки правъ Зонара, потому что противорѣчіе несомнѣнно существуетъ.

Г. Красноженъ характеризуетъ Вальсамона слѣдующимъ образомъ: „Вальсамонъ былъ не только выдающимся знаткомъ церковнаго и свѣтскаго права, но и замѣчательнымъ юристомъ мыслителемъ; въ своихъ толкованіяхъ онъ разрѣшаетъ рядъ вопросовъ по брачному, гражданскому и уголовному праву. Такая общая и неопредѣленная характеристика, не заключающая въ себѣ никакихъ индивидуальныхъ чертъ, одинаково приложима и къ Зонарѣ. Дѣйствительно, авторъ и объ этомъ толкователѣ говоритъ почти то же самое, что и о Вальсамонѣ: „мы ограничимся лишь немногими примѣрами, изъ которыхъ будетъ видно, какими глубокими и рѣзносторонними знаніями долженъ былъ обладать Зонара и какъ искусно и добросовѣстно исполнялъ онъ эту часть своей работы; по приведеннымъ здѣсь толкованіямъ Зонары можно судить, какими выдающимися способностями обладать этотъ канонистъ, умѣвшій такъ искусно разрѣшать самыя трудныя вопросы. Зонара сообщаетъ нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, изъ которыхъ можно заключить, что этотъ толкователь былъ основательно знакомъ съ дѣйствовавшимъ тогда свѣтскимъ правомъ“. Авторъ не сумѣлъ раскрыть любопытныхъ чертъ, отличающихъ толкованія Вальсамона отъ другихъ. Онъ не задавался вопросомъ, нѣтъ ли у этого толкователя какихъ нибудь тенденцій, какихъ нибудь излюбленныхъ идей, которыя онъ проводитъ, того, что мы назвали бы направленіемъ.

Еслибы г. Красноженъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть взглядъ Вальсамона на отношеніе между государствомъ и церковью и на власть константинопольскаго патріарха, онъ нашелъ бы у этого толкователя оригинальныя черты. Точно также, еслибы онъ остановился нѣсколько дольше на біографіи Вальсамона, онъ обратилъ бы вниманіе на характеръ этого канониста и замѣтилъ бы его тенденцію. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о жизни Вальсамона, но авторъ не воспользовался даже тѣмъ, что намъ извѣстно; онъ сообщаетъ только, что Вальсамонъ былъ хартофилакомъ и антиохійскимъ патріархомъ. Прежде всего слѣдовало обратить вниманіе на отношеніе къ церкви тѣхъ императоровъ, при которыхъ процвѣталъ Вальсамонъ, на Мануила Комнина, при которомъ онъ занималъ важную должность патріаршаго хартофилакса, и Исаака Ангела, при которомъ онъ былъ антиохійскимъ патріархомъ.

О Мануилѣ Комнинѣ Никита Хониатъ говоритъ: „для большей части римскихъ царей рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достоинствомъ, какъ

своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнюю обиду, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми, подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, одними словомъ—испогрѣшными судьями дѣлъ Божескихъ и человеческихъ. Поэтому-то вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное церкви ученіе, или даже предоставлять это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бывають въ одно и то же время и проповѣдниками догматовъ и ихъ судьями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ образомъ и этотъ царь, владѣвшій краснорѣчіемъ и богато надѣленный отъ природы пріятнымъ даромъ слова, не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя называютъ селенціями, и читалъ ихъ вслухъ всѣмъ. А въ послѣдствіи, продолжая идти этимъ путемъ, онъ мало-по-малу дошелъ до божественныхъ догматовъ и началъ разсуждать о Богѣ; часто прикрывался недоумѣніемъ, онъ предлагалъ вопросы изъ Писаній, доискивался ихъ рѣшенія, собиравъ и спрашивая всѣхъ, кто отличался ученостію. Но и за это его еще можно было бы похвалить, еслибы, простирая такъ далеко свою пытливость, онъ вовсе не касался непостижимыхъ догматовъ или, даже и касаясь ихъ, не былъ упоренъ въ своихъ мысляхъ и не перетолковывалъ во многихъ случаяхъ смысла Писаній примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, постановляя и привнося свои толкованія тамъ, гдѣ правильное разумѣніе определено уже отцами, какъ будто бы онъ всецѣло обнялъ своимъ умомъ Самого Христа и отъ Него Самого и истѣе и совершеннѣе наставленъ во всемъ, что до него касается* (Пикията Хоніатъ въ русскомъ переводѣ, т. I. стр. 271—272). Объ Исаакѣ Ангелѣ тотъ же византійскій историкъ разсказываетъ: „Царь даже имѣлъ дерзость обращаться священныя сосуды въ обыкновенное употребленіе и, отнимая ихъ у Божіихъ храмовъ, пользоваться ими за собственнымъ столомъ. Онъ употреблялъ также вмѣсто кубковъ для питья чашеобразныя издѣлія изъ чистаго золота и драгоценныхъ камней, висѣвшія надъ царскими гробницами, какъ благоговѣнное приношеніе почившихъ Богу, обращалъ въ рукомыльники безподобной работы водоливни, изъ которыхъ умышляются священники, приступая къ совершенію божественныхъ тайнъ, сни-

малъ съ честныхъ крестовъ драгоцѣнные оклады и дѣлалъ изъ нихъ ожерелья и цѣпи. Когда же кто нибудь рѣшался напомнить, что такіе поступки неприличны ему, боголюбивому самодержцу, наслѣдовавшему отъ предковъ славу благочестія, что это просто святотатство, то онъ сильно и горячо вооружался противъ такихъ замѣчаній, находя, что они выражаютъ явное неразуміе и самое жалкое непониманіе истины: потому что на землѣ,—говорилъ онъ,—нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и между царемъ; царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе наряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія“ (тамъ же. т. II, стр. 122—123).

Въ біографіи Вальсамона г. Красноженъ пропустилъ самый важный фактъ, сообщенный Никитою Хоніатомъ. Смѣстивъ нѣсколько патріарховъ, Исаакъ Ангелъ захотѣлъ возвести на константинопольскую кathedру іерусалимскаго патріарха Досіоея. „Зная, что церковные каноны этого не дозволяютъ, царь лукаво обратился къ занимавшему въ то время патріаршій престолъ антиохійскій Ѳеодору Вальсамону, знаменитѣйшему изъ всѣхъ тогдашнихъ законовѣдовъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ наединѣ онъ притворился горящимъ о томъ, будто церковь такъ оскудѣла въ людяхъ благочестивыхъ и разумныхъ, и монашескія доблести такъ стали рѣдки и незамѣтны, что уже нѣтъ по-прежнему такого свѣтила, которое бы, какъ солнце, имѣло постоянно въ спосѣ движеніи, или челонѣка, который бы могъ сѣсть у кормила священнаго престола и твердою рукою направлять путь всего сонма вѣрующихъ. Постановивъ на видъ и другія подобныя наблюденія, царь прибавилъ, что давно уже имѣлъ намѣреніе съ кathedры антиохійской вознестъ его на вселенскую высоту, какъ свѣтлѣйшій, сіяющій лучами законовъ, но удерживался только потому, что подобныя перемѣщенія издревле воспрещены канонами и считаются противорѣчащими церковнымъ законоположеніямъ; а еслибы Ѳеодоръ, какъ досконально изучившій законы и каноны, могъ доказать, что такое перемѣщеніе, какъ прежде когда нибудь имѣло мѣсто, такъ можетъ быть умѣстно и теперь, и сумѣлъ бы склонить на эти мысли большинство, то онъ, царь, счелъ бы такое дѣло истинной находкой для себя. Такимъ-то образомъ подступилъ царь къ Ѳеодору антиохійскому, и тотъ нашелъ, что все это очень можно уладить“ (тамъ же, стр. 67—69). Дѣйствительно, все было улажено, и Досіей сдѣланъ константинопольскимъ патріархомъ.

Какъ улаживалъ подобныя дѣла Вальсамонъ, видно изъ его толкованій. Коментируя 12 правило Халкидонскаго собора („Дошло до насъ, яко нѣкіе вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ къ властямъ, посредствомъ прагматическихъ грамотъ единую область на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего въ единой области двумъ митрополитамъ, а по сему опредѣлилъ свитой соборъ, да ничто такое въпредъ не дерзаетъ епископъ“), Вальсамонъ пишетъ: „Иной можетъ сказать: какимъ же образомъ различные императоры возвели въ митрополи разныя епископіи? Мнѣ кажется, что такія опредѣленія дѣлаются царями по данной имъ власти свыше“. Затѣмъ онъ ссылается на хрисовулу Исаака Ангела; тутъ заграждаются уста тѣмъ, которые когда нибудь будутъ пытаться изъ области царскаго усмотрѣнія изъять право по власти, данной царямъ свыше, возводить епископіи въ митрополи. Въ другомъ мѣстѣ Вальсамонъ говоритъ: „Цари могутъ возводить епископію въ достоинство митрополи, предписывая поставленія игуменомъ“ (на 17-е прп. Халкид. соб.). Въ толкованіи на 38 прп. Трулльскаго собора Вальсамонъ ссылается на повеллу Алексѣя Комнина, доказывая, что царь имѣетъ право епископіи возводить въ митрополи и дѣлать распоряженія касательно ихъ замѣненія и прочаго благоустройства ¹⁾. Вотъ случаи, когда Вальсамонъ отдаетъ предпочтеніе царскимъ новелліямъ, а не соборнымъ постановленіямъ.

Еслибы г. Красноженъ потрудился сгруппировать тѣ мѣста толкованій, гдѣ говорится о власти царя надъ церковью, онъ замѣтилъ бы, что Вальсамонъ есть представитель того направленія, которое обозначается укоротельнымъ выраженіемъ: цезаро-паннизмъ. Въ толкованіи на 69 правило Трулльскаго собора онъ говоритъ слѣдующее: „Православные цари, съ призваніемъ св. Троицы, называя патриарховъ и будучи помазанными Господомъ, немозбранно, когда захотятъ, входятъ въ святый алтарь и кадитъ и дѣлають знаменіе креста съ трикиріемъ, какъ и архіерей. Они предлагаютъ народу и катихизическое ученію, что предоставлено однимъ мѣстнымъ архіереемъ. Въ 19-мъ словѣ іудейскихъ древностей Іосифа Флавія находится слѣдующая императорская подпись: Тиверій Клавдій, кесарь Августъ, Германикъ, величайшій архіерей, консулъ, во второй разъ облеченный

¹⁾ Пользуясь русскимъ переводомъ толкованій Вальсамона, сдѣланнымъ въ Москвѣ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія—„Правила святыхъ Апостолъ, святыхъ соборовъ и св. отецъ съ толкованіями“.

трибунскою властью. А какъ царствующій императоръ есть и помазанникъ Господень по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ Богъ нашъ есть, между прочимъ, и архіерей. то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями "... Въ другомъ мѣстѣ Вальсамонъ приравниваетъ помазаніе царей къ хиротоніи архіереевъ. По его словамъ, патріархъ Поліевктъ вмѣстѣ со св. синодомъ въ состоявшемся въ то время соборномъ дѣяніи сказалъ, что какъ помазаніе св. крещенія изглаждаетъ сдѣланные прежде того грѣхи, такъ и помазаніе на царство изгладило совершенное Цимисхиемъ убійство царя Никифора Фоки... Замѣтъ, —прибавляетъ толкователь, —что хиротонія архіереевъ и помазаніе царей изглаждаютъ сдѣланные прежде хиротоніи и помазаніи грѣхи, каковы бы они ни были (на 12 пр. Анкирского собора). Вальсамонъ соглашается съ тѣмъ, кто говоритъ: царь не подлежитъ ни законамъ, ни правиламъ, почему и имѣетъ право епископію возводить въ митрополію, точно также и раздѣлять области архіереевъ и вновь поставлять епископовъ и митрополитовъ и опредѣлять, чтобы епископы безъ предосужденія священнодѣйствовали въ чужихъ областяхъ безъ вѣдома мѣстныхъ епископовъ и дѣйствовали нѣкоторыми другими архіерейскими правами. Царь не принуждается слѣдовать правиламъ, опредѣляющимъ, что избранія епископовъ должны совершаться епископами, принадлежащими къ той области, а не мірскими начальниками, и поэтому и безъ избранія назначается и патріарховъ и епископовъ (на 23 пр. Кароагенскаго собора). Вальсамонъ утверждаетъ даже, что царь имѣетъ право судить патріарха, хотя права этого не признавало большинство византійскихъ императоровъ. „Самъ патріархъ, —говоритъ онъ, —можетъ быть судимъ царемъ, какъ блюстителемъ церкви (эпископомъ), еслибы, напримѣръ, былъ обвиняемъ въ слякотатствѣ“ или неправославіи, или въ какомъ нибудь преступленіи (на 12 пр. Антиохійскаго собора).

Такимъ образомъ, Вальсамонъ старается канонически оправдать несправедливыя притязанія такихъ императоровъ, какъ Мануилъ Комнинъ и Исаакъ Ангелъ.

Хотя Вальсамонъ придерживался теоріи пяти чувствъ или равенства патріарховъ, а не теоріи восточнаго папизма, тѣмъ не менѣе онъ является ревностнымъ защитникомъ привилегій константинопольскаго патріарха, основанныхъ на обычаяхъ, а не на соборныхъ постановленіяхъ. Хотя синодъ въ Константинополѣ и не вселенскій соборъ, —говоритъ онъ, —такъ какъ на немъ не присутствуютъ прочіе

патріархи, но онъ больше всѣхъ синодовъ, и архіепископъ его называется вселенскимъ" (на 6 пр. 2-го всел. соб.). Сообщая объ одномъ постановленіи константинопольскаго синода во время своего современника патріарха Луки, Вальсамонъ какъ будто приписываетъ этому синоду непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ. „Св. синодъ,—говоритъ онъ,—разсмотрѣвъ по присущему ему божественному озаренію отъ Всевѣстнаго Духа истинный смыслъ правилъ"... (на 75 пр. Васил. В.).

Вальсамонъ защищаетъ спорное право константинопольскаго патріарха учреждать ставропигіи. „Мѣстные митрополиты и епископы,—разсказываетъ онъ,—негодуютъ противъ тѣхъ, которые домогаются учрежденія патріаршихъ ставропигій въ ихъ предѣлахъ. Посему пѣ-которые изъ нихъ и при томъ многократно обращались къ царямъ и патріархамъ съ просьбами отмѣнить дарованіе патріаршихъ ставропигій, указывая на то, что ищущіе ставропигій и подающіе о томъ просьбу вселенскому патріарху, ихъ самихъ не удостоиваютъ и слова. Но таковыя просители не были удовлетворены. А когда просившіе отмѣны ставропигій просили принести имъ правила, позволяющія выдачу такихъ ставропигій, то со стороны святѣйшей великой церкви прямо отражено было нападеніе ихъ (то-есть, митрополитовъ и епископовъ) указаніемъ на долговременный церковный неписанный обычай, который съ незапамятныхъ временъ и понынѣ имѣетъ въ церкви силу правилъ" (на 31 пр. св. Апост., ср. на 12 пр. Сардикійскаго собора). Точно также Вальсамонъ считаетъ константинопольскаго патріарха въ правѣ принимать клириковъ, ушедшихъ безъ разрѣшенія мѣстнаго епископа, хотя это вообще запрещалось. „Замѣть,—говоритъ онъ,—что одному константинопольскому патріарху предоставляется принимать чужихъ клириковъ и безъ увольнительной грамоты рукоположившаго ихъ. Почему и въ правѣ, какъ мнѣ кажется, святѣйшій патріархъ и хартофилаксъ его дозволить чужому клирику священнодѣйствовать въ царствующемъ градѣ и безъ увольнительной грамоты рукоположившаго его" (на 10 пр. 7 всел. собора, ср. на гл. 26 тит. 1 и на гл. 2 тит. VIII Номоканона). Приговоръ константинопольскаго патріарха, по мнѣнію Вальсамона, не подлежитъ аппелляціи на слѣдующемъ основаніи: „Поелику грамота св. Константина, данная св. Сильвестру, опредѣляетъ, что папа имѣетъ всѣ императорскія права, а 1-й и 4-й вселенскіе соборы дали патріарху константинопольскому преимущественно папы и опредѣлили, чтобы онъ по всемъ былъ почтенъ, подобно папѣ, то приговоръ его по необходимости не долженъ подлежать аппелляціи, какъ и императорскій приговоръ не обсуждается вновь" (на 12 пр.

Антиохійскаго собора). Вальсамонъ отстаиваетъ привилегіи патриаршихъ чиновниковъ (на гл. 2 тит. VIII Номоканона), основываясь на повелѣніи Алексѣя Комнина, и вопреки постановленію вселенскаго собора доказываетъ, что патриархій хартофилаксъ, будучи только діакономъ, все-таки имѣетъ право сидѣть выше пресвитеровъ и епископовъ (на 18 пр. 1 всел. собора).

Г. Красноженъ разсказываетъ слѣдующій случай, описанный Вальсамонъ въ толкованіи на 13 гл. VIII тит. „Какъ извѣстно, церковными канонами духовнымъ лицамъ запрещается всякое участіе въ мірскихъ дѣлахъ; на этомъ основаніи одному діакону запрещено было патриархомъ Лукою брать на себя защиту чужихъ дѣлъ. По протесту діакона на это постановленіе дѣло было перенесено на судъ императорскаго трибунала, въ которомъ присутствовали и патриархъ. Здѣсь діакономъ весьма остроумно доказывалъ, что канонами запрещается не самое веденіе дѣла, а способъ его веденія, что запрещеніе духовному лицу брать на себя защиту другихъ могло имѣть мѣсто прежде, когда адвокаты получали жалованье, были утверждаемы въ своемъ званіи свѣтскою властью, словомъ состояли на государственной службѣ, и что это запрещеніе теперь, когда адвокатура сдѣлалась свободною профессіею, потеряло значеніе. Ибо не только, говорилъ діакономъ, клирики, но даже и епископы, заступающіеся на судѣ за друзей, получаютъ прощеніе и не будутъ опозорены тѣ, которые возьмутъ на себя веденіе дѣла въ судѣ о церковномъ имуществѣ, какъ ясно учать объ этомъ и самые законы. Доводы эти были приняты во вниманіе, и діакономъ выигралъ дѣло; всѣ присутствовавшіе выразили ему при этомъ громкое одобреніе, и самъ патриархъ дозволилъ ему заниматься адвокатурой и впредь, какъ онъ дѣлалъ прежде“ (стр. 178). Вальсамонъ одобряетъ такое софистическое толкованіе церковныхъ канонѣвъ, а г. Красноженъ приводитъ его въ доказательство того, что уже тогда встрѣчались нѣкоторыя даровитыя личности, которыя вмѣстѣ съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ обладали способностью тонкаго юридическаго мышленія. Но мнѣ кажется, что, еслибы авторъ сопоставилъ этотъ случай съ другими мѣстами толкованія Вальсамона, онъ пришелъ бы къ иному выводу. Вотъ эти мѣста: „Замѣть, что дозволяется епископамъ поручать монахамъ веденіе гражданскихъ дѣлъ, а если епископамъ дано такое право, то тѣмъ болѣе оно принадлежитъ царямъ, но если епископское дозволеніе имѣетъ такую силу, то еще большую силу должна имѣть царская власть, которая производитъ и епископовъ. Ибо поэтому, вѣроятно, и занимался без-

принятственно государственными дѣлами извѣстный митрополитъ Сидскій отъ лица царя Михаила Дуки“ (на 4 пр. Халкид. собора). „Если кто по царскому усмотрѣнію приметъ на себя какую нибудь подобную службу, то это не будетъ воспрещено ему указанными правилами, и онъ не подвергается нареканію. Мнѣ кажется, что предоставлено царю возлагать отправленіе мірскихъ служеній на посвященныхъ и монаховъ на основаніи его собственнаго усмотрѣнія. Ибо если мѣстный епископъ можетъ дѣлать это, то тѣмъ болѣе царь, который не нуждается слѣдовать правиламъ“ (на 23 пр. Кареагенск. собора). „Самъ святѣйшій патріархъ Лука позволялъ монаху и свдценнику Макарію постоянно жить съ логоветомъ дрома Агіоеодоритомъ, состоять виѣстѣ съ нимъ въ службѣ и исполнять обязанности секретаря“ (на 4 пр. Конст. двукратнаго собора). Изъ приведеннаго видно, что Вальсамонъ оправдываетъ практику, хотя она расходится съ толкуемыми имъ канонами.

Также относится онъ и къ другому вопросу. 27-е правило св. Апостоловъ ясно говоритъ: „Повелѣваемъ епискона или пресвитера или діакона, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ или невѣрныхъ обидѣвшихъ, и чрезъ сіе утрашати хотящаго, извергати отъ священнаго чина. Ибо Господь отнюдь насъ сему не училъ, напротивъ того Самъ, бывъ ударемъ, не наносилъ ударовъ, укоряемъ не укорялъ взаимно, страдая не угрожалъ“. Коментируя это правило, Вальсамонъ пишетъ: „Впрочемъ умѣренно наказывать своихъ учениковъ и тѣхъ, которые согрѣшаютъ и послѣ вразумленія не исправляются, посвященнымъ дозволено“. Въ другомъ толкованіи онъ говоритъ: „наказывается нанесеніе ударовъ изъ мщенія и гнѣва, а никакъ не умѣренное вразумленіе учителя не только словомъ, но и рукою при воспитаніи и обученіи; еслибы запрещались подобные удары учителя, то и церковные клирики не должны были бы, по повелѣнію протекдика, пальцею вразумлять согрѣшающихъ рабовъ и свободныхъ, приводимыхъ къ протекдику, однакожъ это дѣлается безъ предосужденія“ (на 9 пр. Конст. двукр. собора).

Изъ этого видно, что Вальсамонъ былъ защитникомъ существующаго порядка вещей, хотя бы этотъ порядокъ противорѣчилъ соборнымъ постановленіямъ. Еслибы г. Красножонъ поглубже вникъ въ толкованіи Вальсамона, онъ несомнѣнно подмѣтилъ бы указанныя мною черты, отличающія этого канониста отъ Аристина и Зонары.

Авторъ не считалъ нужнымъ заняться источниками Вальсамона, но, говоря о юридическомъ значеніи его толкованій, высказываетъ слѣ-

думющее: „укажемъ нѣкоторые основныя юридическія положенія, приподимыя Вальсамонъ въ его толкованіяхъ и заимствованныя имъ большею частью у римскихъ классическихъ юристовъ“ (стр. 181). Авторъ выписываетъ рядъ подобныхъ положеній и дѣлаетъ три выписки изъ римскихъ юристовъ на латинскомъ языкѣ. Г. Красноженъ не объясняетъ, какъ дѣлалъ эти заимствованія Вальсамонъ; на самомъ же дѣлѣ указанныя положенія извлечены имъ изъ Василікъ, куда дѣйствительно вошли опредѣленія римскихъ юристовъ. Большую часть коротенькихъ юридическихъ положеній Вальсамонъ извлекъ изъ 3-го тит. 2-й книги Василікъ, озаглавленной въ латинскомъ переводѣ: „*De diversis regulis juris antiqui*“. Иногда на это указываетъ самъ Вальсамонъ. Такъ, напримеръ, авторъ приводитъ положеніе (изъ толкованія на 2-ю главу XIII тит. Номоканона): „что имѣетъ силу свачала, не теряетъ силы вслѣдствіе послѣ сдѣланнаго“. Тутъ у Вальсамона читается: ибо говорить законъ въ кн. 2-й, тит. 3-й. гл. 85-я, что имѣетъ силу и т. д. Въ толкованіи на 132 пр. Кароаг. собора: „свидѣтельство одного не принимается, хотя бы это былъ кто изъ синклита“. Въ другомъ толкованіи, не приведенномъ авторомъ (на 2-ю гл. IX тит.), повторено то же положеніе, и тутъ прямо указано, что оно взято изъ гл. 33-й, тит. I, кн. 21-й Василікъ.

„Въ опредѣленіи брака,—говоритъ г. Красноженъ (стр. 183).—Вальсамонъ слѣдуетъ римскому юристу Модестину: *Nuptiae sunt maris et feminae conjunctio et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio* (Трульск. 72, св. Василія В. 41 и 80). добавляя къ этому, что бракъ заключается не совокупленіемъ только, но и расположеніемъ сочетающихся“ (на 80 пр. св. Василія В.). Къ послѣднимъ словамъ сдѣлано примѣчаніе: ср. *Ulpian. lib. XXXVI ad Sabinum, nuptias non concubitus, sed consensus, facit*. Проще было бы сказать, что Вальсамонъ взялъ свое опредѣленіе изъ Василікъ, какъ самъ указываетъ на это.

Обращаясь къ самостоятельной части разбираемаго труда, надо сказать, что авторъ не отличается точностью и тѣмъ затрудняетъ критика. По цитатамъ г. Красножена не всегда и не вездѣ можно опредѣлить, гдѣ онъ самостоятельно работаетъ по источникамъ, гдѣ ограничивается извлеченіемъ изъ другихъ сочиненій.

Первый отдѣлъ введенія (сборники церковнаго права со времени Юстиніана до раздѣленія церкви, стр. 3—17) составленъ главнымъ образомъ по лекціямъ А. С. Павлова, при чемъ нѣкоторые добавленія сдѣланы изъ Бинера и Цахаріэ. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ, между про-

чимъ, опровергаетъ мнѣніе Цахаріэ фонъ-Лингенталя, что Номоканонъ, приписываемый обыкновенно Фотію, не могъ быть написанъ этимъ патриархомъ. Г. Красноженъ опровергаетъ одинъ за другимъ всѣ три довода, выставленные знаменитымъ ученымъ.

„Ни одного изъ этихъ доводовъ,—пишетъ онъ,—при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи нельзя признать основательнымъ. Противъ перваго довода можно возразить... на второе возраженіе можно отвѣтить“ и т. д. (стр. 15—16). Авторъ говоритъ отъ себя, и можно подумать, что онъ первый опровергаетъ догадку Цахаріэ. При этомъ сдѣланы двѣ ссылки на Гергенрёттера. Но Гергенрёттеръ, третій томъ котораго о Фотіѣ появился въ 1869 г., не полемизировалъ съ Цахаріэ, писавшимъ о Номоканонѣ въ 1877 году. Изъ аргументаціи г. Красножена только кое-что можно найти на указанныхъ страницахъ Гергенрёттера, между тѣмъ какъ вся эта аргументація цѣликомъ находится въ лекціяхъ А. С. Навлова. Въ данномъ случаѣ авторъ забылъ указать свой главный источникъ.

Отдѣлъ подъ заглавіемъ „Комментарій Вальсамона на Фотіевъ Номоканонъ“ (стр. 169—180), если исключить первыя страницы, извлеченныя изъ исторіи права Геймбахъ, и часть страницы 175-й (гдѣ говорится объ основныхъ принципахъ Вальсамона), могъ бы быть составленъ по книгѣ г. Нарбекова „Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія“ (Пазань, 1889). Замѣчанія, сдѣланныя г. Нарбековымъ, повторять г. Красноженъ, не прибавляя отъ себя ничего новаго, хотя цитаты его указываютъ только на комментарий Вальсамона, напечатанный въ Синагмѣ Ралли и Потлап. Переводъ отдѣльныхъ мѣстъ толкованій буквально сходится у обоихъ авторовъ, хотя печатнаго перевода не существуетъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ г. Красноженъ дѣлаетъ несправедливый упрекъ г. Нарбекову. Послѣдній, сравнивая комментарий Осодора Веста на Номоканонъ, по отрывкамъ, напечатаннымъ Пятроу въ *Austriæ (Juris ecclesiastici monumenta, t. II)*, съ толкованіями Вальсамона, пишетъ о толкованіи на 23 гл. тит. I: „Затѣмъ Вестъ передаетъ содержаніе 1, 2 и 17 пост. I тит. нов. и потомъ буквально приводитъ 47 и 48 гл. изъ Coll., 87 стр.; Вальсамонъ же приводитъ буквально изъ Василіанскія постановленія 123 и 137 нов.“. „На самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Красноженъ,—никакого различія у Веста и Вальсамона здѣсь не находимъ: все, что приведено у Вальсамона, помѣщено и у Веста на листахъ такихъ-то мюнхенской рукописи 122“ (стр. 171). Въ данномъ случаѣ г. Нарбековъ пользовался отрывкомъ, напечатаннымъ

Питрию по этой самой рукописи № 122. и вполне точно передать содержаніе изданнаго текста; г. Красножону слѣдовало (если тутъ нѣтъ какого нибудь lapsus'a) уличить Питру, напечатавшаго то, чего нѣтъ въ рукописи.

Неточность г. Красножена ставитъ иногда въ недоумѣніе читателя. На стр. 199 онъ указываетъ слѣдующее: „Комментаріемъ Вальсамона не непосредственно, а чрезъ вторыя руки, чрезъ Синтагму Матоса Властаря, воспользовались также К. Арменопулъ для 'Εκτομή των θεῶν κανόνων (составл. около половины XIV вѣка)'¹⁾ и авторъ Аюонскаго Номоканона, издаваемого у насъ при Большомъ Требникѣ (составл. въ XV в.)²⁾. Въ этихъ немногихъ строкахъ авторъ сообщаетъ нѣчто новое и маловероятное. Властарь и Арменопулъ были современниками, писали въ одно и то же время. и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи византійскаго права, мнѣ не приходилось читать, чтобы второй пользовался первымъ. Заглянувъ въ сочиненіе г. Азаревича, я убѣдился, что на страницѣ, на которую ссылается авторъ. нѣтъ того, что онъ говоритъ; не только не сказано, что Арменопулъ пользовался Властаремъ, но даже не говорится, когда писалъ Арменопулъ. Слѣдовательно, цитата г. Красножена въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла. У А. С. Паллона я нашелъ, что Аюонскій Номоканонъ составленъ въ XV вѣкѣ, и что въ немъ имѣются выдержки изъ Властаря, но нѣтъ того, что эти выдержки заимствованы изъ Вальсамона. Обратившись къ источнику, не указанному г. Красноженомъ, я нашелъ разгадку указанной странности. Въ книгѣ г. Нарбекова (на стр. 294) сказано: „Комментаріемъ Вальсамона не непосредственно, а чрезъ вторыя руки, чрезъ Синтагму М. Властаря, воспользовались К. Арменопулъ для своего ерѣотисе сапописи и авторъ Аюонскаго Номоканона, издаваемого у насъ при Большомъ Требникѣ. При этомъ нужно замѣтить, что ерѣотисе К. Арменопула, составленное около половины XIV вѣка, въ свое время пользовалось большимъ практическимъ примѣненіемъ (Азаревичъ, стр. 342); такимъ образомъ и Аюонскій Номоканонъ, составленный въ XV вѣкѣ (Паллонъ, стр. 29). пользовался въ XVI вѣкѣ уже всеобщимъ употребленіемъ“. Г. Нарбековъ сдѣлалъ ссылку на г. Азаревича, потому что у послѣдняго читается: „трудъ этотъ. т. е. Арменопула, пользовался всеобщимъ примѣненіемъ“.

¹⁾ Цитато: Азаревичъ, Исторія византійскаго права, ч. II, стр. 342.

²⁾ Цитата: Паллонъ, Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, стр. 29.

Въ отдѣлѣ о юридическомъ значеніи толкованій Вальсамона г. Красноженъ пишетъ: „пространное толкованіе Вальсамона на 2 гл. XIII тит. Помаканона представляетъ собою цѣлый трактатъ по брачному праву“ (стр. 184); въ доказательство этого приводится въ сокращеніи рядъ патріаршихъ постановленій и императорскихъ новеллъ. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ же тутъ трактатъ, если Вальсамонъ только перечисляетъ законы. На самомъ же дѣлѣ у Вальсамона нѣтъ трактата, но въ первой четверти толкованія, опущенной г. Красноженомъ. По странной случайности г. Нарбековъ, излагая это толкованіе, тоже опустилъ его первую четверть. Но г. Нарбековъ поступилъ основательно, потому что изложилъ это толкованіе изъ главъ, названной: „Систематическое обозрѣніе императорскихъ и патріаршихъ постановленій позднѣйшаго времени, приведенныхъ Вальсамономъ въ толкованіи на Помаканонъ“. Г. Красноженъ, который вообще при транскрипціи греческихъ именъ держится новогреческаго произношенія, въ данномъ случаѣ пишетъ: „Кантакузень, Діабатень“ (а не Кантакузинъ, Діаватинъ), какъ г. Нарбековъ ¹⁾. При этомъ произошло слѣдующее недоразумѣніе. На стр. 184 авторъ говоритъ о синодальномъ опредѣленіи, изданномъ въ патріаршество Луки въ 1168 году, а на слѣдующей страницѣ о постановленіи Мануила Комнина (отъ 18-го мая 1166 г.), которымъ это опредѣленіе подтверждено. Последнюю дату авторъ изаялъ у Чижмана (и она вѣрна, хотя не

¹⁾ Въ данномъ мѣстѣ замѣчается необыкновенное сходство между г. Красноженомъ и г. Нарбековымъ. „Послѣдовавшее затѣмъ постановленіе по тому же вопросу императора Мануила Комнина, которымъ было постановлено не уничтожать указаннаго опредѣленія патріарха Сисинія, но и всецѣлаго значенія ему не придавать и допускать бракъ въ 6-й степени свойства, только съ наложеніемъ соответствующихъ епитимій и съ разными уѣщаніями“ (*Красноженъ*, стр. 185). Ср. „Далѣе Вальсамонъ приводитъ новое постановленіе Мануила Комнина, которое постановляетъ не уничтожать опредѣленія Сисинія и всецѣлаго значенія вновь ему не придавать и брать въ 6-ой степени свойства, только съ наложеніемъ соответствующихъ епитимій и съ разными уѣщаніями“ (*Нарбековъ*, стр. 241). „Въ концѣ же толкованія приводитъ рѣшеніе патріарха Николая, которымъ былъ признанъ неразрывнымъ бракъ (между клирикомъ Діабатеномъ и одной женщиной Маріей) и безъ обрученія, которое, хотя и было, но признано недействительнымъ, такъ какъ заключено было прежде законнаго возраста“ (*Красноженъ*, стр. 185). Ср. „Наконецъ, по брачному вопросу Вальсамонъ приводитъ decretъ патр. Николая, которымъ былъ признанъ неразрывнымъ бракъ между клирикомъ Діабатеномъ и одной женщиной Маріей и безъ обрученія, которое, положивъ, было, но признано недействительнымъ, то-есть, заключено было прежде законнаго времени“ (*Нарбековъ*, стр. 254).

выполнѣ: нужно было сказать—18-го марта 1166 г.), а первая пишется у г. Нарбекова, не замѣтившаго, какъ и нашъ авторъ, ошибки Вальсамона.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, мы все-таки должны радоваться, что г. Красножентъ, юристъ, занялся византійскими писателями, нѣсколько сухими, но имѣющими важное значеніе до сихъ поръ, что его не испугалъ трудный византійскій языкъ, что онъ работалъ даже надъ греческими рукописями и сдѣлалъ нашъ цѣнный подарокъ, напечатавъ въ приложеніи не изданные до сихъ поръ тексты.

Ш. Безобразовъ.

Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Изслѣдованіе *Н. Потова*. Москва. 1892.

Историкъ, избравшій предметомъ своего изслѣдованія царствованіе Лева Мудраго и ограничившійся изученіемъ политическихъ дѣлъ, заслуживалъ бы упрека въ томъ, что не обратилъ вниманія на церковныя событія. Равнымъ образомъ онъ далъ бы противъ себя оружіе критикѣ и въ томъ случаѣ, еслибы отмежевалъ себѣ исключительно область церковныхъ отношеній, не изучивъ среды, въ которой развиваются и которой объясняются событія церковной исторіи. Церковно-историческое изслѣдованіе, конечно, должно имѣть свой характеръ, выражающійся въ методѣ изслѣдованія и въ композиціи: для церковнаго историка на первомъ планѣ стоятъ факты церковно-историческаго содержанія; онъ долженъ дать имъ центральное значеніе, освѣщая ихъ и комментируя всѣми средствами, доступными исторической наукѣ вообще. Чтобы исполнить эту задачу, церковному историкѣ необходимо располагать всѣмъ доступнымъ историческимъ матеріаломъ, то-есть, ему сначала нужно быть только историкомъ, а потомъ историкомъ специально церковнымъ; ему нужно заботиться не о томъ, чтобы размежевать церковный и обществено-историческій матеріалъ, а о томъ, чтобы извлечь пригодные для своихъ цѣлей выподы изъ всего наличнаго матеріала. Что таковы должны быть задачи современнаго церковнаго историка, это вытекаетъ какъ изъ общихъ требованій исторической науки, отъ которыхъ не можетъ считать себя изъятою церковная исторія, такъ изъ состоянія источниковъ и пособій, которыми можетъ располагать изслѣдователь. Въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ пахотимъ обыкновенно переплетающимися политическія и церковныя событія, свѣтскій лѣтописецъ не находитъ возможнымъ оста-

влять въ сторонѣ церковные факты, равно церковный историкъ невольно удѣляетъ въ своемъ изложеніи значительное мѣсто политической исторіи страны. Тенденція къ обособленію чистаго церковно-историческаго матеріала отъ свѣтскаго, мірскаго, правда, не была чужда и древнимъ церковнымъ историкамъ, но тѣ, которые жертвовали ею въ пользу общихъ историческихъ интересовъ, нисколько не унизили церковной исторіи, а напротивъ придали ей высокое значеніе. Возьмемъ въ примѣръ церковнаго историка Сократа, который также останавливался передъ проблемой размежеванія свѣтскаго и церковнаго матеріала въ исторіи и разрѣшилъ ее въ предисловіи къ пятой книгѣ слѣдующимъ образомъ. Обращаюсь къ тѣмъ,—говоритъ онъ,—кому случится пользоваться настоящимъ сочиненіемъ, пусть не посягаютъ на насъ, что, предполагая составить церковную исторію, мы приносимъ въ нее изложеніе фактовъ современной военной исторіи, дабы представить историческія событія въ истинномъ освѣщеніи. На это есть много причинъ: первая, чтобы выяснитъ событія; вторая, чтобы не наскучитъ читателю, не давая ему отдыха отъ епископскихъ раздоровъ и козней, которыя они стронли одинъ другому. Самая же главная—та, чтобы привести къ сознанію, какимъ образомъ политическія смуты отражаются, какъ бы по нѣкоторой симпатіи, и на церковной исторіи. Если внимательно присмотрѣться, то нельзя не замѣтить, что общественныя неурядица идутъ рука объ руку съ церковными бѣдствіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутый церковный историкъ очень вѣрно понималъ необходимую и неразрывную связь церковныхъ и политическихъ событій. Удѣливъ въ своемъ изложеніи мѣсто фактамъ политической исторіи, онъ не измѣнилъ своей цѣли и не обратилъ церковной исторіи въ свѣтскую. Фактически церковная исторіи не можетъ выдѣлиться въ особую область, ибо для этого нужно было бы создать искусственный барьеръ между исторіей вообще и церковной въ частности. Къ счастью, все ограничивается только тенденціями, на самомъ же дѣлѣ можно указать не одно церковно-историческое изслѣдованіе, захватывающее весь доступный историческій матеріалъ. Таково, на примѣръ, изслѣдованіе профессора Скабалановича: „Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ“.

Авторъ сочиненія, на которое мы желаемъ обратить вниманіе читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, частію также не чуждъ мысли отыскать такую позицію въ обработкѣ избранной имъ темы, которая бы позволила ему разграничить историческій

матеріалъ на двѣ группы: обязательную и необязательную. Для г. Попова трудности представлялись не въ томъ, чтобы выдѣлать свѣтскій матеріалъ изъ церковнаго, а въ томъ, чтобы подвести добытые посредствомъ изученія избранной эпохи факты къ выясненію церковной исторіи при Львѣ Мудромъ. Постановка темы во многихъ отношеніяхъ не можетъ быть признана удачною, и нижеслѣдующія замѣчанія прежде всего мы направляемъ въ эту сторону, въ твердомъ убѣжденіи, что именно данное изслѣдованію заглавіе помѣшало автору съ большою свободой и проникательностью отнестись къ изученнымъ имъ фактамъ весьма важной и интересной эпохи.

Если берется тема въ томъ видѣ, какъ она поставлена г. Поповымъ, то все изслѣдованіе должно сосредоточиваться около личности царя Льва. Но этимъ создавались большія неудобства, которыя для автора были чувствительны и невольно сообщаются имъ читателю. Во первыхъ, хронологически на время царствованія Льва Мудраго падаетъ жизнь и дѣятельность такихъ выдающихся патріарховъ, которые отмѣчаютъ собой цѣлое направленіе (Фотій и Николай Мистикъ), и которымъ въ церковно-историческомъ отношеніи должна быть отведена не второстепенная, а главная роль. Во вторыхъ, всматриваясь въ событія конца IX и начала X вѣка, мы находимъ, помимо громкаго дѣла о четвертомъ бракѣ Льва, другіе факты церковной исторіи, которые, имѣя мало видимой связи съ царствованіемъ Льва, всецѣло принадлежать, однако, къ этой эпохѣ: миссія славянскихъ просвѣтителей, борьба Рима и Константинополя изъ-за преобладанія въ славянскихъ земляхъ. Втретьихъ, если постановка темы вышнимъ образомъ могла освобождать автора отъ выставленія на первый планъ тѣхъ вопросовъ, которые отмѣчены выше, за то она ставила предъ нимъ обязательства совершенно особаго рода. Царствованіе Льва по преимуществу выдается своимъ законодательствомъ и, между прочимъ, новыми началами, пропеденными въ Эпанагогѣ, по отношенію къ власти царя и патріарха. Это вопросъ въ высшей степени сложный и обширный, для обработки его не достаетъ еще многихъ побочных изслѣдованій, въ которыхъ бы раскрытъ былъ смыслъ законодательства Македонской династіи.

Итакъ, выборъ темы позволяетъ намъ до нѣкоторой степени поныть, какими соображеніями руководился авторъ при изученіи данной эпохи и почему однимъ фактамъ даетъ предпочтеніе передъ другими. Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію содержанія изслѣдованія г. Попова и посмотримъ, какъ онъ относится къ своимъ источникамъ

и пособіямъ. Изслѣдованіе состоитъ изъ 12 главъ, изъ коихъ первыя девять посвящены изложенію церковныхъ событій, послѣднія три разсмотрѣнію законодательныхъ и литературныхъ памятниконъ, относящихся ко времени Льва Мудраго. Общія качества ученаго изслѣдованія г. Попова по справедливости нашли себѣ оцѣнку въ Московской духовной академіи, которая присудила ему степень магистра за этотъ трудъ. По всей вѣроятности, академія руководилась тѣмъ соображеніемъ, что несправедливо ставить въ упрекъ автору того, чего не находится въ его книгѣ, а что слѣдуетъ поощрить его именно за то, что имъ сдѣлано хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отказать автору въ похвалѣ, что онъ съ любовью и большимъ усердіемъ изучалъ источники и литературу предмета, что не обходился безъ вниманія занутированныхъ или затемненныхъ пристрастіемъ публіцистическихъ писателей и старался выяснить ихъ, что, наконецъ, живо и ясно изложилъ церковно-историческіе факты времени Льва Мудраго, показавъ ихъ взаимную связь и значеніе. Результатомъ его изученія было то, что мы имѣемъ въ настоящее время дѣльную книгу, которую съ пользою прочтутъ интересующіеся церковной исторіей и въ которой специалисты найдутъ нѣсколько оригинальныхъ главъ. Это удачное начало для молодого ученаго, выступающаго съ первыми печатными трудами. Но затѣмъ, указавъ въ общихъ чертахъ достоинства книги г. Попова, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что не относится къ достоинствамъ и что вообще должно быть сведено къ методологическимъ промахамъ.

Взявъ за исходный моментъ жизнь царя Льва Мудраго, авторъ слѣдуетъ во всей работѣ хронологическому методу, который требуетъ, какъ извѣстно, тщательнаго подбора и проверкѣ фактовъ по хронологіи, многочисленныхъ приложений или экскурсовъ. Такъ, говоря въ первой главѣ о воспитаніи и обученіи Льва, авторъ необходимо долженъ былъ затронуть вопросъ о византійской школѣ вообще, который, еслибы его изложить удовлетворительно, потребовалъ бы такого же отступленія, какое сдѣлано во второй главѣ для объясненія втораго удаленія съ каедры патріарха Фотія. Невыгоды хронологическаго способа изложенія событій по царствованіямъ въ нѣмецкой исторической наукѣ, напримѣръ, въ *Jahrbücher der Deutschen Geschichte*, устраняются обиліемъ приложений и подстрочныхъ примѣчаній, куда относятся всѣ объяснительныя и критическія статьи. Г. Поповъ внести такіа объяснительныя статьи въ текстъ, чѣмъ по необходимости нарушаетъ строй принятой имъ системы. Въ частности, относи-

тельно византійской школы конца IX вѣка, можно бы съ успѣхомъ воспользоваться статьями г. Скабалановича (*Христіанское Чтеніе*, 1884 г., май и мартъ) и изслѣдованіемъ г. Безобразова (М. Песель). Въ самое последнее время профессоръ Nicole сдѣлалъ открытіе новаго памятника (*Λέοντος τοῦ Σαφὸς τὸ ἀπαρχικὸν βιβλίον*, Genève, 1893), бросающаго нѣкоторый свѣтъ и на школу IX вѣка. Въ историческомъ отношеніи вопросъ о школахъ IX вѣка имѣетъ въ наукѣ большое значеніе по связи съ упреками, несправедливо дѣлаемыми иконоборцамъ, будто они были гонителями всякаго образованія.

Вторая глава занимается изложеніемъ вопроса о второмъ низверженіи патріарха Фотія. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь авторъ вступаетъ прямо въ ту область, которую себѣ отмежевывалъ. Вопросъ о низложеніи Фотія въ сочиненіи, трактующемъ о церковныхъ отношеніяхъ при Львѣ VI, требовалъ всесторонняго обслѣдованія. И дѣйствительно, авторъ, для объясненія этого вопроса, обращается къ разсмотрѣнію „предшествующихъ и послѣдующихъ фактовъ въ общемъ строѣ внутренней жизни Византіи“. Г. Поповъ разумѣетъ при этомъ главнымъ образомъ партіи цирка. Хотя эта мысль о значеніи партій цирка въ церковной исторіи Византіи IX вѣка поддерживается не однимъ нашимъ авторомъ, но она не можетъ быть признана удачною. Послѣ сильныхъ репрессивныхъ мѣропріятій VI вѣка, послѣ передачи всѣхъ городскихъ товариществъ подъ власть епарха города, значеніе такъ называемыхъ димовъ и партій цирка падаетъ, и въ IX вѣкѣ нельзя объяснять ни политическихъ, ни церковныхъ смутъ демократическими тенденціями. Слѣдуя автору, можно было бы и самихъ студитовъ причислить къ орудіямъ тѣхъ же партій, что, конечно, невѣроятно. Исповѣдало, что автору слѣдовало глубже вникнуть въ церковныя реформы Фотія, оцѣнить оппозицію, встрѣченную имъ въ клирѣ, вообще болѣе идти за Гергенрёттеромъ, чѣмъ за другими. Напрасно онъ также слишкомъ ограничилъ себя, боялся другихъ перспективъ, которыя невольно выступаютъ передъ изслѣдователемъ событій IX вѣка, — разумію Кирилло-Меоодіевскую миссію, которая слишкомъ глубоко затронула церковныя и политическія отношенія того времени и по самому существу не была чужда принятой на себя авторомъ задачи. Сдѣланная авторомъ на стр. 49 оговорка, которую онъ пытается объяснить причины, почему не вошелъ въ болѣе подробное изученіе дѣятельности Фотія, не можетъ насъ удовлетворить. Въ специальномъ трактатѣ по церковной исторіи IX вѣка никакъ не

слѣдуетъ оставлять безъ надлежащаго вниманія жизнь и дѣятельность Фотія.

Въ третьей и четвертой главахъ разсматривается время патріарховъ Стефана и Антонія Кавлея. Главнѣйшій интересъ сосредоточивается на сношеніяхъ съ Римомъ по вопросу о посвященныхъ Фотіемъ духовныхъ лицахъ. Благодаря недавно изданному жизнеописанію патріарха Евномія, авторъ могъ здѣсь внести нѣсколько новыхъ чертъ. Новостью также нужно признать соображенія автора, основанныя на тщательной провѣркѣ матеріаловъ, по отношенію къ хронологіи уніи между восточной и западной церковью.

Какъ вторая половина IX вѣка въ общемъ и въ частности носитъ на себѣ черты дѣятельности патріарха Фотія, такъ и первая четверть X вѣка не можетъ быть достаточно выяснена безъ оцѣнки жизни патріарха Николая Мистика. Всѣ, кто занимался исторіей этого времени, должны признать, что Н. Мистикъ есть весьма благодарный предметъ для изученія. На изученіи литературной дѣятельности этого патріарха всего лучше можно выяснитъ и богословскую производительность того времени, и идеалы высшаго кляира, и отношенія церкви къ государству. Пока не написана специальная монографія о Мистикѣ, церковная исторія того времени будетъ оставаться безъ надлежащаго фундамента. Нашъ авторъ уклонился отъ задачи, которая представлялась для него обязательной, и не платился за это тѣмъ, что лишилъ свою книгу очень важнаго достоинства. Въ глазахъ автора существенный интересъ этого времени заключается въ дѣлѣ о четвертомъ бракѣ Льва, разсмотрѣнію котораго и посвящены 6, 7, 8 и 9 главы. Но намъ кажется, что сочиненіе выиграло бы во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы авторъ взглянулъ на вопросъ о четвертомъ бракѣ Льва съ канонической, а не съ церковно-исторической точки зрѣнія. По вопросу объ отреченіи патріарха Николая въ настоящее время можно указать дополнительный текстъ, изданный профессоромъ Ламбросомъ (*Byzantinische Zeitschrift*, 1, III—IV, S. 551, Die Abdankungsurkunde des Patriarchen Nikolaos Mystikos). Для патріарха Евномія авторъ пользуется новыми данными, извлеченными изъ біографіи этого патріарха, изданной де-Вуоромъ. Дѣятельность Арсы, епископа Кесаріи Каппадокійской, въ исторіи борьбы изъ-за четвертаго брака также выяснена авторомъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. Не лишнею интереса общій выводъ о томъ, что партія Николая стояла за тѣ же принципы, которыхъ держался Фотій и его приверженцы, и что противники его (приверженцы Евномія) должны

быть сближены съ партіей Игнатія, противника Фотія. Но въ этихъ-то выводахъ о значеніи партій въ началѣ X вѣка автору и слѣдовало бы опираться на тщательное изученіе административной и литературной дѣятельности знаменитыхъ патріарховъ Фотія и Николая. Не подкрѣпленные подобнымъ изученіемъ, его выводы могутъ казаться бездоказательными.

По отношенію къ 10-й главѣ, рассматривающей законодательство Льва Мудраго, считаемъ нужнымъ замѣтить, что авторъ довольно неосторожно выражается о предметѣ, къ которому приступаетъ въ этой главѣ: церковный историкъ, изучающій царствованіе Льва Мудраго, для полноты своего изслѣдованія(!), между прочимъ(!), можетъ еще остановить свое вниманіе на законодательствѣ. Впрочемъ, въ специальномъ сочиненіи не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать для освѣщенія главнаго предмета; вонторыхъ, законодательство Льва не такой предметъ, котораго можно касаться поверхностно. Хотя г. Поповъ изучалъ и спеціальныя сочиненія, относящіяся къ занимающему его вопросу (*Zhishman*: „Das Eherecht“), но можно пожалѣть, что не замѣтно у него основательнаго знакомства съ тѣми сочиненіемъ, къ которому вообще слѣдуетъ непосредственно обращаться по вопросамъ византийскаго права: *Zachariae von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, которое въ 1892 г. вышло третьимъ изданіемъ. Только разъ встрѣтили мы у него ссылку на это сочиненіе.

Въ 11-й главѣ, рассматривающей духовную письменность въ царствованіе Льва Мудраго, г. Поповъ говоритъ: „тревожное состояніе церкви и государства при Левѣ Мудромъ никому не препятствовало предаваться научнымъ и литературнымъ занятіямъ“. Но такъ какъ тревожное состояніе въ дѣйствительности не можетъ не тормозить духовной дѣятельности, то слѣдуетъ предполагать, что возбуждающія литературную производительность условія были сильнѣе тѣхъ, которыя ей препятствовали. Въ этой главѣ авторъ указываетъ интересныя данныя къ характеристикѣ литературной дѣятельности какъ самого Льва, такъ и его современниковъ, въ особенности Ареомъ и Никиты Пафлагонскаго. Приводимое въ приложеніи посланіе Ареомъ къ дамаскому эмиру вводитъ насъ въ особый родъ литературы, который съ одной стороны, служитъ знаменіемъ времени, съ другой—выражаетъ историческую тенденцію Константинопольскаго патріархата, которую можно прослѣдить съ иконоборческаго періода. Не находимъ у автора того, что можетъ быть названо историко-литературной обстановкой для выведенныхъ имъ фактовъ. Между тѣмъ въ

этомъ заключается основное требованіе, какое можно предъявить къ специальному историко-литературному изслѣдованію.

Г. Понову хорошо извѣстно жизнеописаніе Теофанія, супруга Льва Мудраго. Въ этомъ жизнеописаніи дается, между прочимъ, общій взглядъ на литературную и умственную жизнь при Львѣ: Βασίλειῃ γὰρ μεγαλοπρεπείᾳ προσήκει μὴ ὅπλοις μόνοις, ἀλλὰ καὶ νόμοις κοσμεῖσθαι καὶ λόγοις. Τὰ μὲν γὰρ εὐδοκίμεῖ κατὰ πόλεμον, οἱ δὲ κατὰ τὴν εἰρήνην καὶ τὰ μὲν σώμασι πορίζεται τὴν ἀσφάλειαν, οἱ δὲ ψυχαῖς ὁμοῦ τε καὶ σώμασι, ὃ τοῦ προτέρου μακροῖς τισὶ κανόσι καὶ μέτροις ἀναγκαῶτερον. Сказавъ объ изданіи законѣвъ, жизнеописатель рисуетъ слѣдующую картину умственной дѣятельности при Львѣ: καὶ τὴν ὅραν ὁσίων ἀνδρῶν συναυλίας καὶ σοφῶν ῥητόρων θέατρα καὶ πᾶσαν λόγων ἀρετῆς ἐπίδειξιν ἄθροισμένων ἀπανταχόθεν πολλῶν καὶ ποιούντων ἄλλην σωκρατικὴν τε καὶ πλατωνικὴν σοφίαν καὶ ἀκαδημίαν καὶ λυкеῖον τὰ βασιλεία. Διὰ δὲ ταῦτα καὶ πολλὴν τὴν ἐπίδοσιν ἔληψε τότε καὶ ἡ τῆς τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας εὐπρέπεια: οὐ γὰρ μόνον ὁ βασιλεὺς πολλὰς τῶν ἐττιρίων ἐορτῶν καὶ πανηγύρεων οἰκείους ἐχώρησε λόγοι: καὶ ψδαῖς, ἀλλὰ καὶ πολλοστὸν τῶν τότε ἐλλογίμων τὰ ὅμοια πράττειν ἐκέλευσε, ὧν εἷς ἦν καὶ βελτίων, ὃς τὰ τε ἄλλα μετέφρασε πρὸς τὸ εὐφραδέστερον, καὶ τοὺς πλείους τῶν τῆς ἀρετῆς ἀσκητῶν καὶ ἀθλητῶν συναγρᾶψατο βίους.

Объ этомъ жизнеописаніи встрѣчаются упоминанія въ книгѣ кардинала Гергенрѣтера (*Photius patriarch, II, 317, 674*), но текстъ его напечатанъ въ другомъ изданіи того же ученаго, въ *Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, Ratisbonae, 1869, p. 72*. Можно пожалѣть, что Гергенрѣтеръ издалъ не цѣлкомъ біографію Теофанія, а съ пропусками, и не воспользовался вѣснымъ спискомъ. *Theolog. gr. 279. fol. 108*, который представляетъ нѣсколько дополненій противъ напечатаннаго текста. Рисуемая жизнеописателемъ картина умственной производительности при Львѣ выдвигается на передній планъ два предпріятія—законодательное и агіографическое. Если въ выраженіи μετέφρασε видѣть намекъ на Метافرоста, то понятно, что въ 11-й главѣ г. Понову слѣдовало хоти бы затронуть вопросъ о знаменитомъ редакторѣ житій святыхъ. Если бы онъ вступилъ на этотъ не гладкій, правда, но тернистый путь изученія, то, можетъ быть, достигъ бы болѣе важныхъ и цѣнныхъ результатовъ. Наука въ настоящее время направляется къ расширенію своего кругозора, который получается чрезъ изученіе деталей и привлеченіе въ оборотъ того, что долго считалось побочнымъ и не прямо относящимся къ изучаемому періоду или вопросу.

Оставляя въ сторонѣ довольно значительное число опечатокъ и нѣкоторыя выраженія, которыя считаемъ неумѣстными въ ученомъ сочиненіи, напримѣръ, „*писательство*“ Баронія, закончимъ настоящую замѣтку желаніемъ, чтобы авторъ не считалъ окончательно обработаннымъ интереснаго предмета своей диссертациа. Не выходя изъ круга той же темы, онъ можетъ взять нѣкоторые изъ тѣхъ побочныхъ вопросовъ, которые сама напрашивались на его вниманіе, и научная обработка которыхъ придастъ его труду больше значенія въ русской исторической литературѣ.

Ф. Успенскій.

Ближнія новости.

Ир. А. Житецкій. Очерки быта АСТРАХАНСКИХЪ КАЛЫМКОВЪ. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. (*Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ*, томъ LXXVII, вып. 1. Труды этнографическаго отдела, томъ XIII, вып. 1). Съ 12 табл. рис. и фототипій. Москва. — Въ 1885—1886 годахъ И. А. Житецкій получилъ возможность изучать калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ обитанія. Въ эти годы, по предложенію главнаго попечителя калмыцкаго народа Н. О. Осипова, авторъ проживалъ лѣтніе мѣсяцы среди калмыковъ съ специальною цѣлью собиранія этнографическихкихъ и хозяйственно-экономическихкихъ свѣдѣній о нихъ. Изъ собранныхъ матеріаловъ и сдѣланныхъ наблюденій часть, касающаяся хозяйственно-экономической жизни калмыковъ, уже напечатана въ „Сборникѣ Трудовъ членовъ Потровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края“ за 1892 годъ. Настоящее изслѣдованіе г. Житецкаго, заключающее въ себѣ 72 страницы in 4°, раздѣляется на четыре главы. Въ первой главѣ авторъ изображаетъ бытовую обстановку калмыковъ, живущихъ въ Астраханской губерніи, при чемъ разсматривается устройство кибитокъ, полукибитокъ и другихъ жилыхъ зданій, а также описываются мебель, посуда, одежда, украшенія, обувь, наиктки, кушанья, ослѣщеніе, топливо. Во второй главѣ изслѣдуется, по терминологіи автора, „обычно-обрядовая“ жизнь калмыковъ; здѣсь прежде всего, сообщаются свѣдѣнія о жизни семьи, или отдельной кибитки (напримѣръ, свадебные обряды, заботы о дѣтяхъ, леченіе болѣзней, похороны, танцы и проч.), затѣмъ описывается жизнь „дотововъ“ (группы кибитокъ), съ ихъ повседневными порядками, перекочевками, играми и забавами; наконецъ, въ той же второй главѣ приводятся данныя о сословномъ раздѣленіи калмыковъ и ихъ народныхъ праздникахъ. Третья глава занимаетъ свѣдѣніями о ламантскомъ духовенствѣ у астраханскихъ калмыковъ.

Какъ эта глава, такъ и послѣдняя, четвертая, ознакомляющая читателя съ „ламаитской религіей, наукой и искусствами среди астраханскихъ калмыковъ“, представляютъ особенный, выдающийся интересъ въ изслѣдованіи г. Житецкаго въ виду того разнообразнаго вліянія и значенія, какими пользуется ламантское духовенство среди невѣжественнаго калмыцкаго народа. Не указываемъ подробно содержанія этого отдѣла книги; замѣтимъ только, что тутъ описываются „хурулы“ (монастыри), кибитки-храмы, изображеніи „бурхановъ“ (божествъ), священные предметы, богослуженіе, жизнь духовенства. Наконецъ, какъ о представителяхъ ламантской религіи, науки и искусства, авторъ сообщаетъ свои наблюденія о калмыцкихъ модикахъ („эмчи“), астрологахъ („зурлаци“), живописцахъ („зурчи“) и объ учителяхъ вѣры („бакни“). Изслѣдованіе г. Житецкаго, конечно, не будетъ оставлено безъ вниманія русскими этнографами, специально изучающими нашихъ многочисленныхъ инородцевъ. „Очерки быта астраханскихъ калмыковъ“ важны, какъ результатъ сравнительно очно недавнихъ и при томъ добросовѣстныхъ этнографическихъ наблюденій автора; слѣдовало бы только при „Очеркахъ“ указать хотя бы главнѣйшую ученую литературу о русскихъ калмыкахъ. Для поясненія текста „Очерковъ“ приложены таблицы съ рисунками одеждъ, музыкальныхъ инструментовъ, священныхъ ламантскихъ предметовъ и храмовъ; одна таблица—съ портретами нѣкоторыхъ представителей калмыцкаго народа. Почти всѣ рисунки сдѣланы (въ видѣ скинковъ на картѣ и набросковъ съ натуры) лично самимъ авторомъ. Изложеніе сопровождается по возможности тоной калмыцкой номенклатурой, воспроизведеніе которой путемъ русской транскрипціи вызвало введеніе специальныхъ знаковъ надъ гласными.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Ученныя заведенія въ Западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго ученаго округа. 1783—1803. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб.

— М. Березковъ, Троицкая Сербіка Лавра въ Смутнокъ время Московскаго государства начала XVII вѣка. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Института кн. Безбородко и Гимназіи, 25-го сентября 1892 г., въ праздники пятивѣковой памяти преп. Сергія Радонежскаго. Кіевъ.

— Весенняя флора средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Составилъ Н. Масовскій. 2-е изданіе. Цѣна 30 коп. Москва.

— Грамматика древнѣе(церковно)-славянскаго языка. Для средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Крамѣйскій. Изданіе третье. Одесса. 1892.

— Konstantin Jireček. Poselství křesťanské Dobrovolnické k císařovně Kateřině II, V L. 1771—1775. Studie k dějinám jihoslovanským a ruským (*Rozpravu České Akademie čtete Františka Josefa pro cedy, slovesnost a umění v Praze, ročník II, třída 1, číslo 2*). V Praze.

— *А. Д. Твердохимовъ*. Столѣтіе Ахтырскаго уезднаго училища (1790—1890 г.). Отдѣльный оттискъ изъ „Харьковскаго Сборника“ за 1893 годъ. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ.

— Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. (Статьи *К. Н. Малиновскаго*, *Ир. А. Жименкаго*, *В. А. Хлыбникова*, *Н. М. Николаева*, *В. Н. Викторовскаго* и *А. Ф. Миллера*). Съ 10 табл. рис. 1 географ. картой. Астрахань. 1892.

— Московская географическая выставка 1892 г. Отчетъ о составѣ, устройствѣ, ходѣ и результатахъ первой русской географической выставки, бывшей въ Москвѣ въ 1892 году. Москва.

— — — — —

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Римские писатели въ биографияхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Часть 1. Прозанки. Составили С. Радецкий, преподаватель Лазаревского института восточныхъ языковъ и 4-й гимназій, и В. Соколовъ, преподаватель Лазаревского института восточныхъ языковъ и 5-й гимназій. М. 1893. Стр. XXX+545. Цѣна 1 р. 50 коп.

Въ предисловіи къ названной книгѣ составители указываютъ на значеніе при преподаваніи древнихъ языковъ переводовъ съ древнихъ на отечественный и на переводы à l'inverse. Общимъ видамъ этихъ упражненій новыми учебными планами отводится видное мѣсто въ гимназическомъ обученіи, и съ цѣлью дать учащимся среднихъ и старшихъ классовъ гимназій матеріалъ для указанныхъ переводовъ и составлена разбираемая книга. Гг. Радецкий и Соколовъ поставили себѣ задачей дать въ руки учащагося богатый выборъ отдѣльныхъ, цѣльныхъ и, по возможности, характерныхъ отрывковъ изъ лучшихъ произведеній классической литературы, доступныхъ пониманію учащихся. Матеріалъ, собранный изъ сочиненій лучшихъ римскихъ писателей, не только читаемыхъ въ классѣ, состоитъ изъ множества отрывковъ различной трудности, разнаго размѣра, формы и содержанія, сгруппированныхъ по писателямъ и, частію, по отдѣльнымъ ихъ произведеніямъ. Составители старались дать читателямъ образцы описаній, характеристики отдѣльныхъ эпохъ и замѣчательныхъ людей древности, изображенія картинъ военной и гражданской жизни древняго Рима, лилейшія государственнаго его строя, рѣчи, вложенныя древними историками въ уста дѣйствующихъ лицъ, письма, характеризующія или ихъ авторовъ, или настроеніе цѣлаго общества, рядъ образцовъ разсужденій и различныхъ видовъ краснорѣчія. Относи-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи вышли въ виду ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

тельно умѣстности помѣщенія въ книгѣ того или другаго отрывка можно съ составителями поспорить: можно желать, чтобы нѣкоторые, недостаточно характерные, были замѣнены другими, — что особенно слѣдуетъ сказать про выборъ изъ риторическихкихъ и философскихъ произведеній Цицерона и изъ сочиненій Тацита, — но такое желаніе можетъ быть представлено любой хрестоматіи, и мы не будемъ на немъ особенно настаивать. Гораздо болѣе важный пробѣлъ въ рассматриваемой книгѣ состоитъ въ томъ, что составители помѣстили латинскіе тексты почти безъ всякихъ примѣчаній и разъясненій; говоримъ: почти, потому что лишь нрѣдка даются указанія, необходимыя для восстановленія связи съ предшествующими, и объясненія именъ нѣкоторыхъ лицъ, играющихъ роль въ разказахъ. Въ книгѣ предназначенной для учениковъ не только старшихъ, но и среднихъ классовъ гимназій, это совершенно недостаточно. Составители сами сознавали этотъ недостатокъ, но аргументы, посредствомъ которыхъ они мотивируютъ отсутствіе примѣчаній, не представляются достаточно убѣдительными. Они говорятъ, что недостатокъ словаря и комментарія объясняется тѣмъ, что ихъ книга предполагается преимущественно для класснаго употребленія, что каждый преподаватель, сообразуясь съ уровнемъ знаній и общаго развитія своего класса, можетъ сообщить учащимся значеніе такихъ словъ, которыя оныя предполагаетъ для нихъ неизвѣстными, и дать необходимыя стилистическія и реальныя объясненія. Но это можетъ и должно быть сдѣлано и при чтеніи любого автора, а тѣмъ не менѣе учебными планами комментированныя изданія древнихъ текстовъ признаются весьма полезнымъ пособіемъ при преподаваніи. „Еще менѣе, продолжаютъ составители, считали мы себя въ правѣ давать переводъ отдѣльных оборотовъ и выраженій: не говоря уже о томъ, что здѣсь иногда нельзя точно опредѣлять мѣру требованій,—мы думаемъ, что такой переводъ могъ бы подчасъ стѣснить и учителя и ограничить самостоятельность учащихся, которымъ можетъ прийти въ голову болѣе счастливое выраженіе“. Но, думается, если подъ строкою дается имъ русскій оборотъ, по мнѣнію комментатора, наиболѣе соответствующій данному латинскому, или если указывается на то, какъ всего удобнѣе перевести извѣстную фразу, то этимъ не стѣсняется учитель и не ограничивается самостоятельность ученика: ни для того, ни для другаго примѣчанія не обязательны. Мы надѣемся, что въ слѣдующемъ выпускѣ, который будетъ заключать отрывки изъ поэтовъ, составители устранятъ указанный недостатокъ.

Краткая этимология греческого языка. Составил Я. Морз, директор С.-Пб 8-й гимназии. С.-Пб. 1893. Стр. X+208. Цѣна 1 р.

Книга упражнений по греческой этимологии. Составил Я. Морз, директор С.-Пб 8-й гимназии. С.-Пб. 1893. Стр. VII+223. Ц. 1 р. 25 коп.

I. Составленная г. Морозъ краткая этимология греческого языка заслуживаетъ названіе краткой, не смотря на то, что книга содержитъ 208 страницъ. Этотъ довольно значительный для краткаго учебника объемъ зависитъ не отъ расширенія курса и не отъ ненужной обстоятельности изложенія, но является примимъ послѣдствіемъ крупнаго шрифта, обилія таблицъ и принятаго авторомъ распредѣленія матеріала въ ученіи о спряженіи глаголовъ. Вишній видъ учебника, особенно такого, который, какъ грамматика, долженъ служить ученику въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вещь немаловажная. Если, какъ въ данномъ случаѣ, книга напечатана на хорошей бумагѣ, крупнымъ четкимъ шрифтомъ, то по такому учебнику какъ-то легче и пріятнѣе учиться, и самъ предметъ, излагаемый въ учебникѣ, отъ этого въ глазахъ учащихся получаетъ болѣе важности. Къ вишнему виду учебника слѣдуетъ отнести и разный шрифтъ и таблицы, хотя въ употребленіи и того и другаго сказывается уже и методическій пріемъ составителя. Въ правилахъ, изложенныхъ коротко, просто и ясно, тѣ слова, въ которыхъ содержитсяъ суть правила, напечатаны жирнымъ шрифтомъ, такъ что при повтореніи или при справкѣ ученику тотчасъ бросается въ глаза главное содержаніе правила, и ему даже не всегда приходится прочесть все правило. Что касается таблицъ, то онѣ устроены такимъ образомъ, что каждая занимаетъ лишь одну страницу или жѣ двѣ рядомъ, не переходя никогда на оборотъ листа. Размѣстить таблицы такимъ образомъ стоило не мало труда. Пріемъ, изображать явленія языка по возможности въ видѣ таблицъ, весьма цѣлесообразенъ, и если отъ этого увеличился нѣсколько объемъ книги, то изложеніе правилъ въ значительной степени выиграло по отношенію къ наглядности, и утвержденіе въ памяти многочисленныхъ формъ греческаго склоненія и спряженія облегчается благодаря такому изображенію ихъ въ видѣ таблицъ. Въ таблицѣ спряженія слитныхъ глаголовъ на первомъ мѣстѣ помѣщены слитныя формы, то-есть, тѣ, которыя дѣйствительно были въ употребленіи, а полныя формы, служащія лишь для объясненія нерыныхъ, помѣщены въ скобкахъ рядомъ и напечатаны болѣе мелкимъ шрифтомъ. Всякій, кому приходилось разучивать съ учениками слитные глаголы, пойметъ и оцѣнитъ удобство такого пріема. По содержанію своему

книга г. Мора представляет все необходимое изъ греческой этимологии безъ лишнихъ подробностей; къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и систематическое изложеніе словообразованія, а потому составитель поступилъ правильно и благоразумно, опустилъ эту статью, такъ какъ по его вѣрному замѣчанію: „главные правила образованія словъ могутъ быть объяснены при спрашиваніи покабultz“, то-есть, усвоены практическимъ способомъ. По распредѣленію матеріала разсматриваемый учебникъ отличается отъ принятаго порядка въ ученіи о глаголѣ въ томъ смыслѣ, что г. Моръ до нѣкоторой степени возвращается къ тому порядку, который господствовалъ до произведеннаго Курціусомъ переворота въ изложеніи этой части этимологии. Онъ располагаетъ глаголы не по временнымъ, а по глагольнымъ основамъ и предлагаетъ учащимся сперва частные глаголы во всѣхъ временахъ и формахъ, потомъ приступаетъ къ изложенію глаголовъ вѣрныхъ и уже послѣ нихъ—плавныхъ. Такое распредѣленіе имѣетъ свои несомнѣныя достоинства, особенно если, какъ это сдѣлано авторомъ разсматриваемой книги, при этомъ не упущена изъ виду и группировка глагольных формъ по временнымъ основамъ. „Принятый нами порядокъ“—говоритъ г. Моръ въ предисловіи, „несколько не исключаетъ возможности, при объясненіи отдѣльныхъ временъ и формъ, строго сохранить и принятую Курціусомъ систему основъ времени, что мы и сдѣлали съ возможною послѣдовательностію, признавъ такую систему не только вполне научною, но вѣстѣ съ тѣмъ и значительно облегчающею ученикамъ пониманіе изучаемыхъ формъ. Правда, что при такомъ стараніи соединить двѣ системы оказались необходимыми нѣкоторые повторенія, но, по нашему убѣжденію, такіе повторенія не только не могутъ повредить дѣлу, но, напротивъ, значительно должны содѣйствовать лучшему пониманію и болѣе твердому усвоенію учениками изучаемаго ими матеріала“. Впрочемъ, какъ видно изъ цитаты, помѣщенной составителемъ на стр. V предисловія, самъ Курціусъ соглашается съ тѣмъ, что при изученіи греческой этимологии въ школѣ не сомнѣно удобно строго выдерживать распредѣленіе глаголовъ по временнымъ основамъ въ виду того, что при такомъ способѣ изложенія одинъ и тотъ же глаголъ распадается на части и не представляется ученику въ видѣ законченнаго цѣлаго.

Учебникъ составленъ съ знаніемъ предмета и педагогическимъ тактомъ; авторъ приложилъ много добросовѣстнаго труда и воспользовался лучшими учеными пособіями, а потому его учебникъ займетъ почетное мѣсто среди однородныхъ изданій.

II. Книга для упражненій по греческой этимологiи состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая относится къ отдѣлу этимологiи до глаголовъ на $\mu\epsilon$, а вторая—къ спряженiю глаголовъ на $\mu\epsilon$ и неправильныхъ. Прибавлены: небольшой отдѣлъ, содержащiй необходимыя грамматическiя правила—большою частью синтаксическiя—и три словаря: постатейный къ первымъ 35 статьямъ и алфавитные греческо-русскiй и русско-греческiй.

Статьи для упражненiй и переводовъ состоятъ изъ отдѣльныхъ фразъ, греческихъ и русскихъ, и въ первой части еще изъ краткихъ связныхъ разсказовъ и описанiй, коихъ во второй части нѣтъ. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣнiе автора, выраженное по этому поводу въ предисловіи. „Странно“, говоритъ онъ, „было бы держать учениковъ среднихъ классовъ, въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, все только на переводахъ отдѣльныхъ фразъ въ то время, какъ эти же ученики на урокахъ латинскаго языка уже читаютъ автора. Но съ другой стороны, и предлагать учащимся для упражненiй такую книгу, въ которой упражненiя состоятъ исключительно изъ связныхъ статей, мы также считаемъ не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ, по нашему мнѣнiю, успѣшное усвоенiе учениками изучаемыхъ формъ греческой этимологiи вѣрнѣе достигается при помощи переводовъ отдѣльныхъ фразъ, специально для этой цѣли подобранныхъ, чѣмъ посредствомъ переводовъ связныхъ статей,—гдѣ изучаемыя формы легко могутъ теряться въ массѣ другихъ словъ и формъ“. Почему во второй части не помѣщено связныхъ статей, это составителю объясняется слѣдующимъ образомъ: „такого рода статьи (въ этой части) оказываются совершенно излишними, потому что въ то самое время, когда ученики принимаются за изученiе глаголовъ на $\mu\epsilon$, они уже обыкновенно приступаютъ къ чтенiю Ксенофонта, а одновременное чтенiе Ксенофонта и какой-либо статейки изъ христоматiи намъ представляется вполнѣ бесполезною тратою времени. Что же касается неизбѣжныхъ и въ это время, то-есть, при чтенiи Ксенофонта, устныхъ и письменныхъ упражненiй для изученiя и примѣненiя формъ глаголовъ на $\mu\epsilon$, а также неправильныхъ глаголовъ, то для этого предлагается вполнѣ достаточное количество подобранныхъ именъ съ этимъ цѣлью фразъ, при помощи которыхъ не только гораздо легче, но и съ гораздо меньшею потерей времени, чѣмъ при помощи связныхъ статей, возможно будетъ достигнуть желанной цѣли“. Число связныхъ статей довольно значительно и между ними не мало такихъ, которыя могутъ возбуждать интересъ учащихся. Одного недостатка составитель не могъ изъ-

бѣгнуть при всемъ желаніи, потому что этотъ недостатокъ присущъ самому дѣлу: мы говоримъ о томъ, что въ этихъ связанныхъ статьяхъ, приговоренныхъ къ весьма скудному въ началѣ запасу знаній учениковъ, поневолѣ пришлось ему употреблять хотя и правильныя сами себѣ, но необычныя и рѣдкія обороты и выраженія, и не всегда возможно было поставить глаголы въ тѣхъ временахъ, въ коихъ они должны стоять по смыслу даннаго мѣста. Вообще же подборъ какъ фразъ, такъ и связанныхъ статей, долженъ считаться удачнымъ; всѣ онѣ снабжены примѣчаніями и указаніями какъ на соответствующіе параграфы грамматики того же автора, такъ и на помѣщенные въ концѣ книги 54 правила, относящіеся къ главнымъ положеніямъ греческаго синтаксиса.

Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній. Составилъ П. Фроловъ. Полтава. 1891—1893. Выпускъ I. Статика, 157 стр.—Выпускъ II. Движеніе. Теплота. Звукъ, 246 стр.—Выпускъ III. Свѣтъ. Электричество, 247 стр. Итого 650 стр. Цѣна трехъ выпусковъ съ пересылкой 3 р. 50 коп. Для учебныхъ заведеній, при требованіи отъ автора не менѣе 25 экз., цѣна понижена до 2 р. 60 коп.

Съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ окончаніе труда, предпринятаго г. Фроловымъ и обогатившаго нашу небогатую по предмету физики педагогическую литературу хорошимъ учебникомъ, который, при второмъ изданіи, по всей вѣроятности, слѣдуетъ образцовымъ, если только авторъ исправитъ нѣсколько весьма неудачныхъ мѣстъ и рядъ мелкихъ неточностей и если онъ, что самое главное, освободитъ свою книгу отъ лишняго балласта, занимающаго около одной ея трети по объему.

Выдающимися качествами книги г. Фролова являются: замѣчательная ясность изложенія, точность опредѣленій и удачный выборъ матеріала, обязательнаго для прохожденія.

Большое число статей, назначенныхъ, какъ сказано въ предисловіи, для болѣе любознательныхъ учениковъ, отмѣчены тѣмъ, что ихъ заглавія напечатаны курсивомъ. Книга выиграла-бы весьма много, еслибъ этихъ статей совсѣмъ не было. Авторъ, вѣроятно, и исключитъ ихъ при второмъ изданіи или составитъ изъ нихъ особую, добавочную часть „для любознательныхъ учениковъ“.

Многія мѣста книги г. Фролова доказываютъ, что авторъ внимательно слѣдитъ за новѣйшими успѣхами физики (что не очень часто бываетъ съ преподавателями этой науки) и что онъ умѣетъ

выдѣлать то, что годно для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ на излишнее, можно указать только на гипотезу о причинахъ всемірнаго тяготѣнія, которая изложена въ § 61.

Крупныхъ промаховъ мы нашли только два:

1) На стр. 125 вып. III цѣлый рядъ ошибокъ. Прежде всего авторъ ошибочно выражаетъ потенциалъ въ эргахъ и джауляхъ; далѣе выводъ потенциала шара совершенно непонятенъ, и, наконецъ, вполнѣ невѣрный выводъ формулы $V = -\frac{e}{r}$. Потенціалъ шара, при указанныхъ условіяхъ, вовсе не равенъ $V + \frac{e}{r} - \frac{e}{r}$. Авторъ упустилъ изъ виду, что зарядъ на шарѣ, соединенномъ съ землею, не равенъ каждому изъ двухъ его зарядовъ, если онъ изолированъ, и что эти два заряда не распределены равномерно по поверхности шара.

2) Болѣе важнымъ представляется странное обстоятельство, что авторъ совсѣмъ не пользуется терминомъ „электропроводительная сила“, съ которымъ его ученики однако встрѣтятся, на какомъ языкѣ и гдѣ-бы они ни продолжали впослѣдствіи заниматься физикой. Формулируя законъ Ома, авторъ вводитъ понятіе о разности потенциаловъ на электродахъ, далеко не въ достаточной степени выяснивъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ „электроды“. Ученикъ легко можетъ подумать, что это относится, напримѣръ, къ цинку и мѣди элемента Даниэля при замкнутой цѣпи. Путаница увеличивается тѣмъ, что авторъ въ § 584 пользуется закономъ Ома для *чистой* цѣпи, индѣе не выяснивъ его приложимость въ этомъ случаѣ. Изъ мелкихъ источностей и ошибокъ отмѣтимъ слѣдующія:

§ 14. Невѣрно, что метръ сначала былъ принятъ только для научныхъ измѣреній.

§ 175. Дано весьма неудовлетворительное объясненіе дѣйствія сифона.

§ 179. Авторъ говоритъ о скорости неравномернаго движенія, между тѣмъ какъ рѣчь идетъ о *средней скорости*. Этотъ терминъ необходимо ввести.

§ 209. Опредѣленіе коэффициента расширенія не вполне точное. Его относятъ всегда къ разнѣрамъ при 0°.

§ 456. Полное внутреннее отраженіе, строго говоря, происходитъ на границѣ стекла и воздуха, а не воды и воздуха.

§ 462. Весьма излишнее фантазирваніе о расположеніи какихъ-то щелей внутри анизотропной среды.

§ 543. Вмѣсто того, чтобы строго доказать формулу, авторъ дѣ-

ласть ни на чемъ не основанное предположеніе („можно принять..., что сила есть средняя“); а строгое доказательство можетъ быть дано безъ труда. Стоитъ только внутреннюю и вѣшнюю силу разбить, каждую, на двѣ части.

§ 553. Электризація есть превращеніе всякой, а не только механической энергіи въ электрическую.

§ 568. Упоминается магнитная стрѣлка, которая рассмотрѣна только въ § 603.

§ 608. Дано совершенно невѣрное объясненіе неравномѣрнаго распредѣленія притягательныхъ силъ по поверхности магнита.

§ 627. Изобрѣтеніе микрофона неправильно приписано Эдиссону.

Редактирована книга весьма хорошо. Неудачныя выраженія встрѣчаются лишь изрѣдка. Вотъ примѣры:

§ 304. „Преобразованіе энергіи въ теплоту“.

§ 344. „Произведеніе массы и приращенія квадрата скорости“ (вмѣсто „на приращеніе“).

§ 373. Общее заглавіе „Приложенія теплоты“.

§ 453. „Показатель возвращенія луча“ — излишній терминъ.

§ 619. Законъ Ленца формулированъ мало понятно.

На стр. 182, вып. II, формулы напечатаны такъ странно, что читателю никакъ не сообразить, какой множитель куда относится.

Фигура 466, стр. 189, вып. III, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тексту.

Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніи. Часть первая. Приложенія алгебры къ геометріи. Стр. VIII+138. Цѣна 90 к.— Часть вторая. Собраніе геометрическихъ задачъ на построеніи, расположенныхъ по системѣ, свойственной алгебраическому методу рѣшенія ихъ. Стр. XVIII+220. Цѣна 1 руб. 30 коп. Л. А. Нехрасова, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. Москва. 1892.

Предлагаемая книга въ обѣихъ ея частяхъ имѣетъ, по словамъ автора, главную цѣль дать возможность расширить упражненія въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ на построеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Таковая цѣль преслѣдуется въ реальныхъ училищахъ, гдѣ для упражненій въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ на построеніе отведено шесть уроковъ; что-же касается до гимназій, то такъ на упражненія въ рѣшеніи задачъ не назначено отдѣльныхъ уроковъ, и только весьма незначительная часть числа часовъ, назначенныхъ на прохожденіе геометріи, можетъ быть посвящена вышеуказаннымъ упражненіямъ.

Первая часть названной книги представляет „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Особенности, отличающіе эту часть отъ другихъ учебниковъ по „Приложенію алгебры къ геометріи“ таковы:

1) Ученіе объ однородныхъ формулахъ и законъ однородности въ геометріи изложены подробно, чѣмъ у другихъ авторовъ, при чемъ однороднымъ формуламъ дано общее опредѣленіе.

2) Дано непосредственное доказательство общей теоремы о возможности построить линейкой и циркулемъ всякую прямую линію, опредѣляемую ирраціональной формулой, не содержащей иныхъ корней, кромѣ квадратныхъ и приводимыхъ къ квадратнымъ (§ 16, теорема VIII).

3) Въ §§ 21 и 23 обращено вниманіе на различіе въ степени простоты построенія, а въ §§ 24 и 25 указаны два самыхъ важныхъ способа упрощенія рѣшенія задачъ на построеніе: *способъ подобія и способъ геометрическихъ мѣстъ*.

4) Въ §§ 26, 27, 28 и 29 приведены въ систему вопросы, относящіеся къ изслѣдованію рѣшеній геометрическихъ задачъ, и даны удобства для учащихся правила, относящіеся къ изслѣдованію задачъ, приводимыхъ къ квадратнымъ и биквадратнымъ уравненіямъ.

Первая часть названнаго труда написана простымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне научнымъ языкомъ (мы были бы только противъ первой страницы книги, гдѣ излагаются общія соображенія, которыя не могутъ быть поняты учениками).

Упреки, которые мы могли бы сдѣлать автору, незначительны. Они заключаются въ слѣдующемъ: 1) Авторъ вездѣ говоритъ „лінія“, не условившись заранѣе, что подъ этимъ словомъ онъ будетъ понимать „прямая линія“. 2) Недостаточно рельефно указана роль отрицательныхъ рѣшеній. Иная, что авторъ не изложилъ въ своемъ учебникѣ классической задачи Паппуса, помѣщенной у Лефевра-де-Фурси. Задача эта въ высшей степени примѣчательна: на ней ученику можно & priori показать, какіе отрѣзки не должны приниматься за неизвѣстныя, дабы не прійти къ уравненіямъ высшихъ степеней.

Вторая часть содержитъ собраніе геометрическихъ задачъ на построеніе, расположенныхъ по системѣ, свойственной алгебраическому методу. Она представляетъ первую попытку охватить въ послѣдовательномъ порядкѣ по возможности всѣ отдѣлы элементарной геометріи.

Авторъ въ предисловіи совершенно справедливо говоритъ, что, прилагая алгебраическій методъ къ тѣмъ или другимъ наукамъ (къ

геометрія, физикѣ, механикѣ и проч.), мы должны выискать въ основныя свойства явленій, присущихъ этимъ наукамъ, и пользоваться ими для упрощенія способовъ рѣшенія различныхъ вопросовъ въ области этихъ наукъ.

Исходя изъ этой мысли, авторъ въ предлагаемомъ сборникѣ геометрическихъ задачъ дѣлаетъ по возможности указанія на тѣ упрощенія въ рѣшеніи ихъ, которыя вытекаютъ изъ тѣхъ или другихъ особенностей геометрическихъ формъ. Такимъ образомъ въ предлагаемомъ собраніи задачъ нашли себѣ естественное мѣсто способъ подобія, способъ геометрическихъ мѣстъ, способъ перенесенія, теорія радикальныхъ осей и способъ обратныхъ фигуръ.

Чтобы дать болѣе ясное представленіе о системѣ автора цитируемъ нѣсколько задачъ.

Задача 31-я. Построить прямоугольный треугольникъ ABC такъ, чтобы его гипотенуза BC равнялась данной линіи a , а катеты AB и AC удовлетворяли уравненіямъ:

$$\pm m. AB^2 \pm 2n. AB. AC \pm p. AC^2 = lq^2.$$

Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія по поводу этой общей задачи, авторъ даетъ цѣлый рядъ задачъ, представляющихъ частные случаи ея; напримѣръ, построить прямоугольный треугольникъ по площади q^2 и гипотенузѣ a , и т. п.

Задача 451-я. Построить треугольникъ ABC такъ, чтобы онъ имѣлъ данную медиану AA₁, равную l , и чтобы стороны его удовлетворяли уравненіямъ:

$$\begin{aligned} \pm m. BC \pm n. AC \pm p. AB &= lq, \\ \pm m. BC \pm m. AC \pm p. AB &= l_1q_1. \end{aligned}$$

и потому даетъ рядъ частныхъ задачъ того-же рода, напримѣръ: построить треугольникъ ABC такъ, чтобы онъ имѣлъ данную медиану AA₁, данную сторону BC и данный периметръ $2p$.

И вообще, трудъ г. профессора Некрасова по своей оригинальности, научности и той полнотѣ, которую онъ долженъ принести дѣлу преподаванія геометріи, представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу.

Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статей: Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Составилъ А. Киселевъ. Москва. 1892. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. VIII+298+IV

Элементарная геометрія А. Киселева составлена согласно съ воззрѣніями на изложеніе этого предмета, высказанными авторами по-

вѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ руководствъ, въ особенности первыми. Въ ней нѣтъ ничего такого, что бы обнаруживало стремленіе автора блеснуть оригинальностью, тѣмъ не менѣе она содержитъ въ себѣ много новаго, предназначеннаго для удовлетворенія существующихъ требованій, теоретическихъ и практическихъ. Что касается до измѣненій теоретическаго характера, то заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія:

1) Проведено то мнзрѣніе, что понятіе о длинѣ элементарно лишь въ примѣненіи къ прямой; а когда рѣчь идетъ о кривой, то оно становится болѣе сложнымъ и требуетъ опредѣленія. При этомъ авторъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „въ педагогическомъ отношеніи нѣкоторые пробѣлы въ доказательствѣ (не скрываемые, впрочемъ, отъ учащихся) не имѣютъ такого вреднаго значенія, какъ неопредѣленность, неясность и сбивчивость въ понятіяхъ“. Мнѣніе это, конечно, вѣрно, но здѣсь вся трудность заключается именно въ томъ, какъ уяснить эти пробѣлы учащимся. Не вполне удалось это и г. А. Киселеву при изложеніи основныхъ началъ теоріи предѣловъ (стр. 161 и 162).

2) Доказательства равенства несомнзримыхъ отношеній сводятся къ слѣдующему опредѣленію: несомнзримиыя отношенія считаются равными, если равны ихъ приближенныя значенія, вычисленные съ произвольною, но одинаковою точностью.

3) Въ ученіи о параллельныхъ линіяхъ принято за аксіому, что чрезъ одну и ту же точку нельзя провести двухъ различныхъ прямыхъ, параллельныхъ одной и той же прямой.

Но главныя достоинства учебника А. Киселева заключаются не въ этихъ теоретическихъ особенностяхъ, а въ удовлетвореніи многихъ существенныхъ практическихъ требованій. Обстоятельнѣе и подробно, чѣмъ во всѣхъ другихъ русскихъ учебникахъ, изложено у него такъ-называемый *способъ наложенія* (стр. 13), хотя все-таки нельзя сказать, чтобы авторъ извлекъ изъ этого геометрическаго способа доказательствъ все, что онъ можетъ дать.

Заслуживаетъ вниманія выдѣленіе теоремъ, не составляющихъ необходимыхъ звеньевъ въ логической цѣпи доказательствъ и отнесеніе ихъ къ упражненіямъ для самостоятельнаго доказыванія самими учениками.

Очень важно также и то, что близкіи другъ къ другу теоремы сгруппированы вмѣстѣ. Вообще авторъ стремился внести въ изложеніе элементарной геометріи болѣе связности и системы.

Хотя изложеніе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ теоремъ отличается подробностью, напримѣръ, теоремы Пифагора (стр. 183), за которой непосредственно слѣдуютъ основанныя на ней задачи; тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что одно изъ важныхъ достоинствъ этого учебника состоитъ въ соблюденіи мѣры; авторъ нигдѣ не переходитъ въ излишества (ни въ подробности, ни въ сокращенія), а стремится лишь по возможности сдѣлать учебникъ доступнымъ и полезнымъ.

Въ стереометріи г. А. Киселева заслуживаетъ вниманія изложеніе теоремы о шаровой поверхности, которое значительно облегчено введеніемъ леммы: „Боковая поверхность каждаго изъ трехъ тѣлъ: конуса, усѣченного конуса и цилиндра равна произведенію высоты тѣла на длину окружности, у которой радіусъ есть перпендикуляръ, возставленный изъ середины образующей до пересѣченія съ осью“ (стр. 279).

Въ статьѣ, относящейся къ объѣму шара и его частей, находимъ также лемму (стр. 283), помощью которой выводится теорема объ объѣмѣ шароваго сектора, а затѣмъ и всего шара.

Въ концѣ книги, въ качествѣ приложенія, указаны главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе: методъ геометрическихъ мѣстъ, методъ подобія, методъ параллельнаго перенесенія и т. д. Сверхъ того, въ концѣ каждаго отдѣла помѣщено много задачъ, отличающихся хорошимъ подборомъ и разнообразнымъ содержаніемъ.

Недостатки учебника маловажны; они большею частью относятся къ неточности языка и нѣкоторой неясности. Напримѣръ, на стр. 3-й дано слѣдующее опредѣленіе геометрическаго тѣла: „Часть пространства, занимаемая какимъ нибудь предметомъ, называется геометрическимъ тѣломъ“. На стр. 10-й доказательство теоремы: „Изъ всякой точки прямой можно, по ту и другую сторону отъ этой прямой, возставить къ ней перпендикуляръ и только одинъ“—отличается сбивчивостью, происходящею главнымъ образомъ отъ употребленія лишнихъ словъ. Всё это—легко исправимые промахи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

СРЕДНІЯ И НИЖНІЯ ШКОЛЫ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА ВЪ 1892 ГОДУ.

Всѣхъ мужскихъ гимназій и прогимназій въ отчетномъ году состояло въ Кіевскомъ округѣ 23, въ томъ числѣ 17 гимназій, 2 прогимназій шестиклассныхъ и 4 четырехклассныхъ. Общее число нормальныхъ классовъ было, такимъ образомъ, 164; общее же число параллельныхъ классовъ было къ концу отчетнаго года 43 (на 7 меньше, чѣмъ въ прошломъ). Распределение параллельныхъ классовъ таково: Кіевская 1-я, Кіевская 2-я и Житомирская гимназій имѣютъ по 8, Кіевская 3-я и Немировская—по 5, Каменецъ-Подольская—4, Кіевская 4 и Полтавская—по 2, Вѣлоцерковская—1. Общее число приготовительныхъ классовъ было къ концу года 20, изъ коихъ одинъ (въ Кіевской 3-й гимназій) открытъ въ отчетномъ году. Такимъ образомъ, общее число нормальныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ классовъ во второй половинѣ отчетнаго года было 227, то-есть, на 6 меньше, чѣмъ въ 2 предшествовавшіе года (233)

Въ фундаментальныхъ библіотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій округа состояло къ концу отчетнаго года 83.216 названій книгъ при 194.951 томѣ; въ библіотекахъ ученическихъ—19.414 названій при 40.263 томахъ. На пополненіе первыхъ было израсходовано въ 1892 году 8.328 р. 82 к. (на 1.958 р. 34 к. меньше, чѣмъ въ прошломъ); на пополненіе вторыхъ—1.994 р. 98 к. (на 797 р. 24 к. меньше прошлогодняго). Наиболее богатыми по числу книгъ остаются по прежнему фундаментальныя библіотеки гимназій: Житомирской, Новгородской, Полтавской и Вѣлоцерковской, а ученическія — Кіев-

ской 2-й, Житомирской и Нѣжинской. Наибольшіе расходы на пополненіе фундаментальныхъ библіотекъ сдѣланы были въ отчетномъ году гимназіями Кіевской 3-ей (988 р. 39 к.) и Немировской (795 р. 72 к.), а также прогимназіей Острожской — 760 р. 17 к.; наименьшіе — въ Прилукской гимназій (81 р. 45 к.). На пополненіе ученической библіотеки больше другихъ истратила Глуховская гимназія (369 р. 68 к.); Житомирская гимназія и Черкасская прогимназія совсѣмъ не пополняли своихъ ученическихъ библіотекъ. Въ физическихъ кабинетахъ гимназій и обихъ шестиклассныхъ прогимназій состояло къ концу отчетнаго года 4.999 инструментовъ и приборовъ, изъ числа коихъ 65 на сумму въ 1.282 р. 64 к. приобретены въ теченіе отчетнаго года. Наибольшее число приобретений сдѣлано было въ Острожской прогимназій (27 приборовъ на сумму 600 р. 95 к.). Изъ гимназій округа 13 имѣютъ кабинеты естественныхъ наукъ, въ коихъ къ концу 1892 г. находилось 12.725 различныхъ предметовъ и пособій. Общее число учебныхъ пособій, какъ то: географическія карты, глобусы, лексиконы и т. п., во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кіевского округа было къ концу 1892 года—13.832, въ томъ числѣ 423 вновь приобретенныхъ. Въ 6 гимназіяхъ (Кіевской 2-й, Кіевской 3-й, Прилукской, Черниговской, Житомирской и Златопольской) существуютъ библіотеки учебниковъ для недостаточныхъ учениковъ. Въ отчетномъ году былъ значительно увеличенъ составъ этой библіотеки въ Житомирской гимназій и найдено для нея соответственное помѣщеніе.

На содержаніе всѣхъ 23 гимназій и прогимназій Кіевского округа поступило въ отчетномъ году 1.119.013 р. 36½ к. на 80.616 р. 26½ к. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Изъ суммъ Государственнаго казначейства отпущено было 511.340 р. 16 к., то есть 45,6% общей суммы поступленій; затѣмъ слѣдуютъ: сумма сбора за ученіе—288.733 р. 43 к. (25%), сумма сбора за содержаніе пансіонеровъ — 121.953 р. 27 к. (10,6%), проценты съ пожертвованныхъ и иныхъ капиталовъ—38.392 р. 74½ к. (3,4%) изъ суммъ земства—27.452 р. 25 к. (2,4%), пожертвованія различныхъ обществъ и частныхъ лицъ—90.195 р. 12 к. (8%), изъ суммъ городскихъ обществъ и приказовъ общественнаго призрѣнія — 24.959 р. 8 к. (2,1%), наконецъ, изъ разныхъ источниковъ 12.279 р. 93 к. и изъ суммъ дворянства 3.706 р. 38 к. Гимназій: Лубенская, Прилукская и Глуховская и прогимназій: Черкасская, Стародубская и Суражская содержатся на средства земствъ и городскихъ обществъ съ пособіемъ отъ казны. Въ 1892 г. земства и городскія общества отпустили на эти учебныя заведенія 50.011 р. 33 к. (44%),

а Государственное казначейство—64.624 р. 10 к. (56%). Наибольшія цифры назначенія изъ суммъ Государственнаго казначейства приходятся на гимназіи: Нѣжинскую—36.925 р. 80 к., Кіевскую 2-ю—34.237 р. 60 к. и Кіевскую 1-ю—32.079 р. 80 к.; между прогимназіями—на обѣ шестиклассныя: Острожскую—19.408 р. 55 к. и Уманскую—19.183 р. 79 к. Наименьшія затраты казны приходятся на Глуховскую гимназію—7.845 р. и Черкаскую прогимназію—4.369 р. 42 к.

Общая сумма расходовъ за отчетный годъ во всѣхъ 23 гимназіяхъ и прогимназіяхъ выражается цифрой 1.035.869 р. 69½ к., то-есть на 8.541 р. 92½ к. менѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Эта сумма распределяется по слѣдующимъ рубрикамъ: содержаніе личнаго состава—564.791 р. 46 к., то-есть 54,4%; наемъ помѣщеній, ремонтъ и содержаніе зданій—119.183 р. 73 к. (11,4%); содержаніе параллельныхъ классовъ—90.904 р. 13 к. (8,7%); стипендіи и пособія учащимся—2,4%, награды и пособія служащимъ—1,9%, жалованье нижнимъ служащимъ—4,2%, жалованье письмоводителямъ и канцелярскія принадлежности—1,0%, жалованье врачамъ и расходы по санитарной части—1,1%, пополненіе библіотекъ и кабинетовъ—1,0%; различнаго рода единовременныя затраты, суммы перечисленія въ доходъ казны, министерства и учебнаго округа, а также расходы переходящихъ суммъ составили 13% общей суммы расхода. Остаткомъ къ 1-му января 1892 г. было 491.176 р. 64½ к. Больше ⅓ этой суммы составляютъ капиталы, пожертвованныя разными общественными учрежденіями и частными лицами (302.445 р. 2½ к.). Сюда же входятъ сбереженія гимназій изъ суммы сбора за ученіе (131.765 р. 49½ к.), а также и неизрасходованныя суммы изъ назначеній Государственнаго казначейства (9.865 р. 48 к.).

Средняя стоимость обученія одного воспитанника была въ отчетномъ году—117 р. 35 к., на 27 к. выше, чѣмъ въ 1891 г.; въ отдѣльности въ гимназіяхъ она равна 112 р. 40 к., а въ прогимназіяхъ—157 р. 75 к. Изъ числа гимназій самую низшую цифру средней стоимости даетъ Кіевская 2-я (81 р.), а изъ прогимназій—Житомирская (108 р. 86 к.); наоборотъ, наивысшая цифра—въ Лубенской гимназіи (196 р. 59 к.) и Суражской прогимназіи (344 р. 29 к.). Плата за ученіе возмалась въ 1892 г. въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ предшествующіе; только въ Житомирской гимназіи со втораго полугодія отчетнаго года плата повышена до 45 р. въ годъ.

Важнѣйшія пожертвованія, сдѣланныя въ отчетномъ году въ пользу гимназій и прогимназій Кіевского округа, были слѣдующія. На сред-

»*

ства Н. А. Терещенка, почетнаго попечителя Глуховской гимназіи, сооруженъ былъ при ней пансіонъ на 40 воспитанниковъ, и богато обставлена церковь для гимназій. Почетные попечители гимназій: Кіевской 2-й—О. А. Терещенко, Кіевской 3-й—А. Н. Терещенко, Кіево-Печерской—М. Ф. Мерингъ, пожертвовали по 1000 р. на нужды гимназій. Почетный попечитель Вѣлоцерковской гимназіи, графъ Браницкій пожертвовалъ на ремонтъ зданія 1.500 р. и содержалъ на свои средства, какъ и въ прежніе годы, общую квартиру, въ которой безплатно пользовались полнымъ содержаніемъ 25 учениковъ. На окончаніе сооруженія новаго зданія Златонольской гимназіи пожертвовалъ 25.000 р. Л. И. Бродскій и кромѣ того выдалъ 1.000 р. на обученіе музыкѣ учащихся въ этой гимназіи. А. Н. Терещенко пожертвовалъ въ церковь той же гимназіи иконостасъ въ 3.000 р. Въ Умани на строительныя нужды прогимназіи пожертвовало 1.000 р. правленіе Цибулевскаго сахарнаго завода. Н. А. Терещенко пожертвовалъ Кіевской 1-й гимназіи запрестольный образъ въ церковь, а Н. Г. Хряковъ 1.200 р. на стипендію для одного изъ учениковъ этой гимназіи. Въ Лубельской гимназіи генералъ-лейтенантомъ Величко пожертвовано 3.000 р. на устройство метеорологической станціи. Подтавское земство израсходовало на ремонтъ и улучшеніе зданія Полтавской гимназіи 3.300 р. и пожертвовало 6.000 р. на стипендію имени Владиміра Зеленскаго въ той же гимназіи. Общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ существуютъ почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Средства и расходы отдѣльныхъ обществъ различны. Въ 1892 г. общество, состоящее при Кіевской второй гимназіи израсходовало 1.930 р. 6 к.; общества при гимназіяхъ Кіевской 3-й, Вѣлоцерковской, Житомирской и Немировской—свыше 1.000 р. каждое; общества при остальныхъ гимназіяхъ расходовали 600—100 р. каждое.

Изъ числа 17 гимназій Кіевского округа собственнаго зданія не имѣетъ только Кіевская 4-я гимназія, которая помѣщается въ наемномъ домѣ съ платою по 5.300 р. въ годъ. Всѣ остальные гимназіи имѣютъ собственныя зданія. Въ теченіе 1892 г. произведенъ былъ большой ремонтъ зданія Кіевской 1-й гимназіи, на что затрачено было 16.700 р. изъ спеціальныхъ средствъ гимназій. Изъ того же источника былъ произведенъ капитальный ремонтъ въ Новгородсѣверской гимназіи. Помѣщеніе Житомирской гимназіи было расширено двухэтажной пристройкой для шинельной и рекреаціоннаго зала. На средства Полтавскаго земства улучшено было помѣщеніе Лубельской гим-

назіи. Наиболѣе неудобно помѣщенной оставалась Златопольская гимназія. Но уже въ 1891 г. начато было сооруженіе новаго зданія для нея, которое было почти доведено до конца въ теченіе отчетнаго года, такъ что съ 1893 — 1894 учебнаго года гимназія эта будетъ имѣть исполнѣе удовлетворительное помѣщеніе. Въ 1892 г. закончено было сооруженіе новаго зданія для Черкасской прогимназіи, которая и начала въ немъ 1892—1893 учебный годъ. Прогимназія Острожская по прежнему помѣщается въ зданіи учительской семинаріи. Остальныя 4 прогимназіи имѣютъ довольно удовлетворительныя помѣщенія.

Къ 1-му января 1893 г. число лицъ, состоявшихъ на службѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кіевскаго округа, было 549, въ томъ числѣ: почетныхъ попечителей 13, директоровъ 19, инспекторовъ 20, законоучителей 44, учителей наукъ и языковъ 277, учителей чистописанія и рисованія 23, помощниковъ класснаго наставника 50, воспитателей и надзирателей 15, другихъ должностныхъ лицъ (врачей, писмонодителей и др.) — 92. Въ теченіе 1892 года число служащихъ уменьшилось на 6. Перемѣненій служащихъ произошло 23, новыхъ назначеній 9. Вновь назначены: директоромъ Кіевской 3-й гимназіи инспекторъ Кіевской 2-й гимназіи Истоминъ, два инспектора (въ Кіевскую 2-ю и Лубенскую гимназіи), 2 законоучителя, 1 учитель русскаго языка, 3 учителя новыхъ языковъ. Изъ общаго числа 19 директоровъ 8 въ первомъ полугодіи и 9 во второмъ преподавали древніе языки во вѣрвенныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, 1 директоръ въ обоихъ полугодіяхъ соединилъ преподаваніе древнихъ языковъ съ другими предметами, 4 директора преподавали русскій языкъ въ 1-мъ полугодіи и 3 во 2-мъ, 2 — въ теченіе обоихъ полугодій исторію и географію, 2 — математику и физику также въ теченіе обоихъ полугодій. Изъ 4 инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій 3 преподавали древніе языки и 1 исторію и географію. Преподавателей, соединившихъ преподаваніе различныхъ предметовъ, было въ 1-мъ полугодіи — 142, а во 2-мъ — 135. Классными наставниками состояли всѣ 19 директоровъ, а равно и всѣ 20 инспекторовъ въ теченіе обоихъ полугодій; изъ 6 заслуженныхъ преподавателей классными наставниками были 5 въ первомъ полугодіи и всѣ 6 во второмъ. На прочихъ преподавателей пришлось 170 классныхъ наставничествъ въ 1-мъ полугодіи и 162 — во 2-мъ. Изъ этого числа 70 въ первомъ и 65 во второмъ полугодіи исправляли преподаватели древнихъ языковъ. Въ своей дѣятельности классные наставники руково-

дѣлись издаваемыми на сей предметъ инструкціями и положеніями. Съ полной похвалою о дѣятельности классныхъ наставниковъ отзываются директора гимназій: Кіевскихъ 2-й и 3-й Бѣлоцерковской, Житомирской, Повгородсьверской и Глуховской, а также прогимназій: Острожской и Уманской.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ выражается въ отчетномъ году цифрой 6.952, то-есть на 3.016 меньше, чѣмъ въ 1891 г. По болѣзни пропущено 4.922 урока, по разнымъ уважительнымъ причинамъ 1.961 и по неуважительнымъ—69. Наиболѣе уроковъ пропущено по древнимъ языкамъ, а именно 1.955, по Закону Божию пропущенъ былъ 1.131 урокъ, по русскому языку—992, по математикѣ и физикѣ—923, по исторіи и географіи—546, по новымъ языкамъ—1.125. Наибольшее количество пропущенныхъ уроковъ изъ гимназій приходится на Немировскую (901), а изъ прогимназій—на Уманскую (388); наименьшее—на Новгородсьверскую гимназію (97) и Острожскую прогимназію (63). Въ большинствѣ гимназій и прогимназій принимались мѣры къ замѣщенію пропущенныхъ уроковъ тѣмъ или другимъ способомъ. Ученики были распускаемы по домамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда пропущенный урокъ приходился послѣднимъ.

Педагогическіе совѣты всѣхъ гимназій и прогимназій Кіевского округа имѣли въ отчетномъ году 2.098 засѣданій; въ томъ числѣ было 717 засѣданій изъ полнаго состава, 77 засѣданій предметныхъ комиссій, 441—классныхъ комиссій и 863—хозяйственныхъ комитетовъ. Наибольшее число засѣданій было въ Житомирской гимназій (182), а наименьшее въ Нѣжинской (40). Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о дѣятельности учебнаго персонала слѣдуетъ упомянуть о двухъ метеорологическихъ станціяхъ, которыми завѣдуютъ преподаватели математики, а въ производствѣ наблюденій дѣятельною помощью оказываютъ учащіеся. Одна изъ станцій существуетъ уже нѣсколько лѣтъ при Златопольской гимназій, а другая открыта въ 1892 г. въ Лубенской.

Всѣхъ подавшихъ прошенія о допущеніи къ экзамену и приему въ классы во всѣхъ 23 гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кіевского округа было въ отчетномъ году 2.211, то-есть на 31 болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Не явилось на испытаніе 97 человекъ, не выдержало экзамена—284, не было принято за комплектъ или недостаткомъ помѣщенія—195; безъ экзамена на основаніи § 27 устава гимназій принято было 417, остальные 1.218 человекъ были приняты въ соответственные классы по выдержаніи испытанія. Такимъ образомъ,

всего принято было 1.635 человекъ, то-есть 73,4% общего числа подавшихъ прошенія. Общее число учащихся къ 1-му января 1893 г. было 7.352, на 142 болѣе противъ предшествующаго года; въ гимназіяхъ состояло 6.568 учениковъ, а въ прогимназіяхъ — 784. Самыми многочисленными гимназіями остаются, какъ и въ прежніе годы, Кіевская 3-я (733), Житомирская (731) и Кіевская 1-я (719). Изъ прогимназій наибольшее число учениковъ въ шестиклассной Уманьской (223) и четырехклассной Житомирской (189). Меньше другихъ имѣютъ учениковъ гимназіи: Лубевская (167) и Прилукская (184), а прогимназіи: Суражская (44) и Стародубская (73).

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ: православныхъ 4.825, то-есть 65,8%, римско-католиковъ — 1.657 (22,5%), иудеевъ — 688 (9,3%), лютеранъ — 141 (1,9%), магометанъ — 9 и прочихъ исповѣданій — 26. Изъ общего числа 1.657 римско-католиковъ только 70 приходится на гимназіи и прогимназіи Полтавской и Черниговской губерній, а остальные распределяются между учебными заведениями правобережныхъ губерній. Число римско-католиковъ превосходитъ число православныхъ въ гимназіяхъ: Бѣлоцерковской (224 католика при 114 православныхъ) и Немировской (216 при 191). Наибольшій % евреевъ имѣютъ гимназіи: Полтавская — 15,8% и Кіево-Печерская — 14,8%.

По сословіямъ учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 4.273 (58,1%), почетныхъ гражданъ и купцовъ — 275 (3,7%), духовнаго званія — 410 (5,6%), мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ — 1.793 (24,3%), крестьянъ — 353 (4,8%), казачьяго сословія — 62 (0,8%), иностранцевъ — 185 (2,5%).

Распределеніе учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу означеннаго года было таково: въ приготовительномъ классѣ — 657 (8,9%), въ I — 1.107 (15%), во II — 1.031 (14%), въ III — 974 (13,2%), въ IV — 888 (12%), въ V — 841 (11,4%), въ VI — 695 (9,4%), въ VII — 593 (8%), въ VIII — 566 (7,7%).

По окончаніи курса въ гимназіяхъ вышло въ 1892 г. 499 учениковъ, что составляетъ 7% общего числа всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій ко времени начала выпускныхъ и переводныхъ экзаменовъ (7.121). Изъ прогимназій вышло по окончаніи курса 54 ученика, то-есть 7,2% общего числа учениковъ, состоявшихъ въ прогимназіяхъ къ тому же времени (745). Соотвѣственные цифры прошлаго года были 5,9% и 10%. Число учениковъ, выбывшихъ въ 1892 г.

до окончанія курса, было 936, то-есть, 12,7%, общаго числа учащихся къ 1 января 1893 г. Больше всего выбывшихъ этой категоріи приходится на V классъ, именно 15,3%, всѣхъ выбывшихъ. Больше половины числа выбывшихъ, а именно 511, предполагали поступить въ другія учебныя заведенія; 119 учениковъ выбыло для поступленія на службу; 289 человекъ (30%) выбыло по разнымъ причинамъ; умерло 24 ученика.

Къ концу втораго полугодія 1891—92 учебнаго года переводныя отбѣтки по всѣмъ предметамъ имѣли 5.039 учениковъ, то-есть, 69,07%, общаго числа учащихся; переведено въ высшіе классы и удостоено свидѣтельствъ объ окончаніи курса прогимназій и аттестатовъ зрѣлости 5.512, то-есть, 74,4%. Въ гимназіяхъ въ отдѣльности процентъ первыхъ былъ 71,5%, вторыхъ — 78,1%; въ прогимназіяхъ — 62,8% и 71,2%. Соответственныя цифры въ 1891 г. были: въ гимназіяхъ 72,4% и 78,0%, въ прогимназіяхъ — 71,6% и 78,3%. По процентному отношенію числа учениковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы, къ общему числу учащихся въ отдѣльныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учебныя заведенія располагались въ 1892 г. въ слѣдующемъ порядкѣ. Гимназіи: 1) Каменецъ-Подольская — 84,3%, 2) Киево-Печерская — 83%, 3) Киевская 2-я — 81,89%, 4) Полтавская — 81,7%, 5) Киевская 4-я — 81,2%, 6) Глуховская — 81,1%, 7) Нѣжинская — 80%, 8) Киевская 3-я — 79,3%, 9) Златонольская — 79,2%, 10) Новгородъ-сверская — 78,9%, 11) Киевская 1-я — 78,8%, 12) Прилукская — 77,8%, 13) Житомирская — 77%, 14) Черниговская — 75,8%, 15) Бѣлоцерковская — 73,2%, 16) Немировская — 70,3%, 17) Лубенская — 59%; прогимназіи: 1) Стародубская — 77%, 2) Уманская — 75,1%. 3) Черкаска — 70%, 4) Остружская — 70%, 5) Житомирская — 67%, 6) Суражская — 62,8%. Если судить по приведеннымъ даннымъ, то процентъ успѣшности не только удовлетворителенъ, но даже высокъ. Что же касается до послѣдовательности отдѣльныхъ гимназій и прогимназій по высотѣ процента переведенныхъ, то здѣсь, по прежнему, произошло нѣсколько рѣзкихъ переимѣнъ. Такъ, гимназія Полтавская съ 15 мѣста перешла на 4, Киевская 3 — съ 16 на 8, Каменецъ-Подольская — съ 7 на 1. Понизились гимназіи: Житомирская — съ 1 на 13, Киевская 1 — съ 3 на 11, Лубенская — съ 9 на 17. Процентъ успѣшности учениковъ по отдѣльнымъ классамъ, судя на основаніи числа удостоенныхъ перевода въ высшіе классы и окончившихъ курсъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: приготовительный классъ — 81,3%, I — 78%, II — 79,8%, III — 73%, IV — 71,5%, V — 69%, VI —

74,4%, VII — 85,8%, VIII — 88,5%. Во второмъ полугодіи 1891—92 учебнаго года переводныя отѣтки по русскому языку имѣли 87,2% всѣхъ учащихся, по латинскому — 83,8%, по греческому — 85,2%, по математикѣ — 85%. На переводныхъ экзаменахъ удовлетворительныя отѣтки по Русскому языку получили 84,9%, по Латинскому — 81,7%, по греческому 81,5%, по математикѣ — 83,8%. Во второй половинѣ отчетнаго года число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отѣтки по всѣмъ предметамъ, было 4.405, то-есть, 59,8% наличнаго состава учащихся къ 1 января 1893 года. Въ отдѣльности по гимназіямъ число имѣвшихъ удовлетворительныя отѣтки составило 60,8%, въ прогимназіяхъ — 55,8% (въ предшествующемъ году — 59,2% и 57%). Число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отѣтки по главнымъ предметамъ въ теченіе втораго полугодія 1892 г., выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: по Закону Божию — 92,2%, по русскому языку — 84,8%, по латинскому — 78,2%, по греческому — 80,2%, по математикѣ — 80,8%.

Экзамены на аттестатъ зрѣлости начались въ отчетномъ году 1 мая и были закончены 10 июня. Всѣхъ учениковъ VIII класса состояло въ 17 гимназіяхъ округа къ началу экзаменовъ 563; изъ этого числа 12 не были допущены къ испытанію по малоусидчивости, 4-мъ испытаніе было отсрочено на годъ по болѣзни; такимъ образомъ, было допущено къ экзамену 547 учениковъ. Постороннихъ лицъ было допущено къ испытанію 29. Изъ этого количества признаны были выдержавшими испытаніе 499 учениковъ и 12 постороннихъ лицъ. Изъ 64 учениковъ, не кончившихъ курса, 14 выбыли изъ гимназій со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ объ испытаніи на аттестатъ зрѣлости, а 50 осталось на второй годъ въ VIII классѣ. Такимъ образомъ, аттестатовъ зрѣлости въ 1892 г. удостоено 88,8% общаго числа учениковъ, состоявшихъ въ VIII классѣ къ началу экзаменовъ, или 7% общаго числа учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій къ тому-же сроку; послѣднее отношеніе въ 1891 г. выражалось цифрой 5,8%, и возвышеніе, наблюдаемое въ отчетномъ году, объясняется тѣмъ, что двѣ гимназіи (Кіево-Печерская и Бѣлоцерковская), достигшія въ предшествующемъ году полнаго числа классовъ, содѣйствовали увеличенію количества окончивающихъ курсъ.

Признанные зрѣлыми ученики распредѣлялись по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: 17 лѣтъ — 5,4%, 18 лѣтъ — 23,2%, 19 лѣтъ — 26,8%, 20 лѣтъ — 23,2%, 21 года и болѣе — 20,7%. Изъ 12 постороннихъ лицъ троемъ было 19 лѣтъ, остальнымъ 9—21 годъ и болѣе.

Изъ числа удостоенныхъ аттестата зрѣлости учениковъ 59, то-есть 11,8% общаго числа, были награждены медалями: золотыми — 27 и серебрянными — 32. Къ поступленію въ университетъ предназначали себя 90% общаго числа удостоенныхъ аттестатовъ, къ поступленію въ высшія спеціальныя училища — 7,8%, остальные 10 человекъ изъявили желаніе поступить на службу. Изъявившіе желаніе поступить въ университетъ распредѣляются по факультетамъ такъ: на историко-филологическій — 6,8%, на физико-математическій — 23,5%, на юридическій — 36,8%, на медицинскій — 31%, и 4 человека на факультетъ восточныхъ языковъ.

Число учениковъ, обучавшихся обоимъ новымъ языкамъ, было 1.401, то-есть 25,1% общаго числа учащихся тѣхъ классовъ, въ которыхъ положено преподаваніе этихъ предметовъ. Одному нѣмецкому обучалось 2.321, то-есть 41,6%, одному французскому — 1.866, то-есть 33,3%. Рисованію обучалось 3.835 учениковъ, то-есть 52,1% общаго числа — на 927 учениковъ болѣе, чѣмъ въ 1891 г. Увеличеніе объясняется тѣмъ, что въ отчетномъ году рисованіе введено, какъ обязательный предметъ, въ курсъ III класса во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Кіевскаго округа. Изъ учениковъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ рисованіе не обязательно, ему обучаются всего 66 человекъ. Пѣнію обучалось къ концу отчетнаго года 2.737 учениковъ (37,3%) — на 480 болѣе, чѣмъ въ 1891 г. Въ большинствѣ гимназій и прогимназій пѣніе введено, какъ обязательный предметъ, въ курсы приготовительнаго, I и II классовъ. Исключеніе представляютъ гимназіи: Кіевскія 1-я и 4-я, Прилуцкая и Черниговская и прогимназія Суражская. Относительно обученія музыкѣ желающихъ учиться этому искусству учениковъ были прилагаемы по прежнему серьезныя заботы начальниковъ гимназій и прогимназій. Ученическіе оркестры продолжаютъ существовать въ гимназіяхъ: Кіевской 2-й, Кіево-Печерской, Златопольской, Прилуцкой, Лубенской, Черниговской и Глуховской, а также въ Острожской прогимназіи. Гимнастика введена въ число обязательныхъ предметовъ, и отъ занятій ею освобождаются лишь тѣ ученики, для здоровья которыхъ она могла-бы оказаться вредной по заключенію врача. Число освобожденныхъ было 606, то-есть около 8% общаго числа учениковъ.

Въ отчетномъ году всѣхъ уволенныхъ за малоуспѣшность было 140, то-есть 1,9% всѣхъ учащихся къ 1-му января 1893 г. По отдѣльнымъ классамъ число это распредѣляется въ нисходящемъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ: IV — 20,7% III — 18,5%, VI — 14,2%, I и V

по 10,7%, II—8,4%, VII—6,4%, VIII—5,7%, приготовительный—4,2%. На основаніи § 34 Устава гимназій уволено было 116 учениковъ, то-есть 1,46% общаго количества учащихся; изъ нихъ по латинскому языку не оказало успѣховъ 75 учениковъ, по греческому—63, по русскому—62, по математикѣ—61, по исторіи съ географіей—43, по Закону Божію—8.

Отмѣтки за поведеніе, выставленныя ученикамъ педагогическими совѣтами, свидѣлствуютъ, что состояніе гимназій и прогимназій въ этомъ отношеніи въ теченіе 1892 года было исполнѣ удовлетворительно. Баллъ 2 былъ выставленъ только 1 ученику Каменецъ-Подольской гимназій; баллъ 3 получили 62 ученика въ первомъ полугодіи и 48—во второмъ; 4—имѣли 8% общаго числа учениковъ въ первомъ полугодіи и 7% во второмъ. Поведенію остальныхъ свѣдѣно 90% было аттестовано отмѣткой 5. Всѣхъ взыскацій произведено было 13.498, на 4.135 меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. На учениковъ младшихъ классовъ приходится 9.798 взыскацій, остальные 3.780—на учениковъ старшихъ классовъ. Случаевъ удаленія ученика изъ гимназій съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія было 2; безъ права поступленія въ другія гимназій удалено было 2 ученика VII класса Новгородсверской гимназій. Наибольшее число взыскацій въ процентномъ отношеніи въ отчетномъ году, какъ и въ 1891, примѣнено было въ Прилуцкой гимназій (9—10 наказаній на ученика), а изъ прогимназій—въ Суражской (по 5 на ученика). Вообще, начальники гимназій и прогимназій даютъ въ своихъ отчетахъ за 1892 г. еще болѣе благопріятныя отзывы о поведеніи учащихся, чѣмъ въ прошломъ. Классные паставники въ большинствѣ гимназій и прогимназій проявляли самый бдительный надзоръ за поведеніемъ учениковъ въѣреннихъ имъ классовъ и стояли въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ родителями и родственниками учениковъ, а также и старательно посѣщали частныя ученическія квартиры.

Состояніе здоровья учащихся въ отчетномъ году было исполнѣ удовлетворительно. Посѣтившая юго-западный край холерная эпидемія отразилась на учебныхъ заведеніяхъ лишь въ томъ отношеніи, что въ гимназійхъ города Кіева и Черкасской прогимназій начало учебнаго года было отсрочено до 20-го сентября, а въ остальныхъ гимназійхъ и прогимназійхъ—до 1-го сентября. При приближеніи эпидеміи, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по распоряженію г. попечителя, произведена была тщательная дезинфекція, и приняты были прочія пре-

дохранительныя шѣры, на что и произведены были значительные расходы изъ специальныхъ средствъ.

Общее число пропущенныхъ уроковъ было въ 1892 году 304.939 (на 53.217 меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ), въ томъ числѣ ученики младшихъ классовъ пропустили 177.184 уроковъ, старшихъ—127.755. Среднимъ числомъ на каждого ученика приходится 41—42 урока (въ 1891 году—49—50). Смертныхъ случаевъ между учениками было въ отчетномъ году 24 (въ прошломъ—18); въ томъ числѣ 22 умерло отъ болѣзней, а 2 погибло отъ самоубійства.

Со втораго полугодія отчетнаго года число пансіонеровъ, состоявшихъ при гимназіяхъ, Кіевскаго округа, увеличилось двумя вновь открытыми: въ Бѣлой Церкви и въ Глуховѣ. Первый изъ нихъ открытъ при заданіи гимназіи, для втораго сооружено было особое зданіе на средства Н. Л. Терещенко, который кромѣ того озабочился о снабженіи пансіона соотвѣтствующей мебелировкой. Такимъ образомъ, со втораго полугодія пансіоны состоятъ при 6 гимназіяхъ и Житомирской прогимназіи. Кромѣ того при Кіевской 2-й гимназіи состоитъ общія квартира, а при Острожской прогимназіи—общежитіе крестьянскихъ дѣтей. Общее число воспитанниковъ пансіонеровъ и общихъ квартиръ къ началу переводныхъ экзаменовъ было 387, а къ концу отчетнаго года—474, изъ томъ числѣ 57 воспитанниковъ приходится на 2 новыхъ пансіона.

Къ началу переводныхъ экзаменовъ переводныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ имѣли 264 воспитанника (68,1^о/о), переведено было въ высшіе классы и окончило курсъ—300 (75,3^о/о). Наибольшій процентъ успѣшности былъ въ Житомирскомъ пансіонѣ—96,3^о/о, наименьшій—въ Острожскомъ общежитіи—63^о/о. Успѣшность пансіонеровъ по главнымъ предметамъ въ первой половинѣ 1892 г. стояла на томъ же уровнѣ, какъ и успѣшность всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій. Къ концу отчетнаго года число пансіонеровъ, имѣвшихъ переводныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ, было 281, то-есть 59,1^о/о, а по 4 главнымъ предметамъ успѣшность пансіонеровъ оказалась выше, нежели общія цифра объ успѣшности всѣхъ учениковъ; именно, удовлетворительныя отиѣтки по русскому языку имѣло 86,1^о/о, по латинскому—81,3^о/о, по греческому—80^о/о, по математикѣ—82,4^о/о.

Въ теченіе отчетнаго года вышло по окончаніи курса 22 пансіонера, а до окончанія—34; изъ числа послѣднихъ 16 вышло для поступленія въ другія гимназіи, 2—въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 8—на службу и 1 умеръ. Уволенныхъ за безуспѣшность было

7, то-есть 1.4%, общаго числа; на основаніи § 34 уволено было 6 воспитанниковъ. Поведеніе пансіонеровъ въ отчетномъ году, какъ и въ прошлые, было весьма удовлетворительно: баллъ 2 не былъ никому выставленъ, баллъ 3 получили въ первомъ полугодіи 4, а во второмъ—6, баллъ 4 имѣли 9%, въ первомъ полугодіи и 8%, во второмъ. Поведеніе остальныхъ было аттестовано отмѣткой 5. Всѣхъ изисканій въ 1892 г. произведено было 529; изъ этого числа 106 приходится на учениковъ старшихъ классовъ и 423—младшихъ. По свѣдѣтельству отчетовъ, представленныхъ начальниками заведеній, при коихъ состоятъ пансіоны, никакихъ особенно важныхъ проступковъ за пансіонерами замѣчено не было.

Состояніе здоровья пансіонеровъ было вообще вполне удовлетворительно. Число пропущенныхъ уроковъ было 12.892, на 1.724 меньше прошлогодняго. Среднимъ числомъ на одного воспитанника приходится 27—28 пропущенныхъ уроковъ. Смертный случай былъ 1.

Пансіоны и общая квартира Кіевской 2-й гимназій содержатся на сумми сбора съ воспитанниковъ, а Острожское общежитіе—на средства крестьянъ Острожскаго уѣзда. Въ отчетномъ году плата была повышена въ Златопольскомъ пансіонѣ съ 250 р. до 280 и въ общей квартирѣ Кіевской 2-й гимназій съ 260 до 280, при чемъ въ послѣдней и единовременный взносъ увеличенъ съ 40 р. до 50. Въ Глуховскомъ пансіонѣ плата установлена въ 280 р. и единовременно 40, а въ Вѣлюцерковскомъ—300 р. и единовременно 40. Общая сумма сборовъ за содержаніе пансіонеровъ въ 1892 г. была 121.953 р. 27 к. Израсходовано было 112.895 р. 38 к. Общая сумма сбереженій оказалась въ размѣрѣ 9.057 р. 89 к., дефицитъ былъ только въ Лубенскомъ пансіонѣ, на сумму 1.137 р. 36 к.

Пансіоны находятся въ непосредственномъ заведѣваніи директоровъ и инспекторовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, при коихъ они состоятъ. Ближайшія обязанности надзора лежатъ на воспитателяхъ.

Количество частныхъ ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году нѣсколько уменьшилось, но все же доходитъ до 300. Почти во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ нѣкоторое число учениковъ живетъ у преподавателей или лицъ, принадлежащихъ къ штату даннаго учебнаго заведенія; на такихъ квартирахъ плата доходитъ до 500 рублей въ годъ, въ Кіевѣ и большихъ городахъ, и до 400—въ меньшихъ городахъ. На прочихъ частныхъ квартирахъ размѣры платы колеблются отъ 300 до 120 рублей въ годъ. При Житомирской гимназій устроена была въ отчетномъ году образцовая частная квартира, содержащая

помощникомъ классныхъ наставниковъ Желтовскимъ. Благодаря денежному пособію предводителя дворянства г. Уварова и заботамъ г. директора гимназіи, эта квартира получила устройство и меблировку, приближающіяся къ правильно устроенному пансіону. Результаты этого мѣропріятія сказались непосредственно, такъ какъ содержатели другихъ частныхъ квартиръ стали примѣняться къ меблировкѣ и порядку, введеннымъ въ квартирѣ Желтовскаго. Плата на этой квартирѣ установлена въ размѣрѣ 240 р. въ годъ.

Частныя ученическія квартиры находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ директоровъ, инспекторовъ, классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ. Директоры гимназій Златопольской, Житомирской, Каменецъ-Подольской, Полтавской, Прилукской и Глуховской отзывались съ полною похвалою о состояніи частныхъ квартиръ, благодаря бдительному надзору членовъ педагогической корпораціи.

Къ числу особыхъ событій въ жизни мужскихъ гимназій и прогимназій Кіевского учебнаго округа въ 1892 году необходимо отнести слѣдующія.

По распоряженію его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа былъ отпразднованъ день 500-лѣтія памяти св. Сергія Радонежскаго 25-го сентября. Во многихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ отпразднованы были также юбилейные дни русскихъ поэтовъ Фонвизина и Коллцова. Въ Уманьской прогимназіи совершенно было 29-го апрѣля освященіе иконы, сооруженной на средства служащихъ въ память избавленія отъ опасности Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича во время путешествія въ Японію. Торжественнымъ событіемъ въ жизни Глуховской гимназіи было освященіе церкви и открытіе пансіона, сооруженныхъ на свои средства почетнымъ попечителемъ этой гимназіи Н. А. Терещенкомъ. Освященіе и открытіе имѣли мѣсто 14-го октября при большомъ стеченіи мѣстныхъ представителей власти и общества.

Во многихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ совершены были весною военныя прогулки. Въ гимназіяхъ Кіево-Печерской, Златопольской, Новгородѣвской и Глуховской и въ прогимназіяхъ Стародубской и Суражской устраиваемы были литературно-музыкальные вечера по утвержденной г. попечителемъ программѣ. Окончившіе курсъ ученики Кіево-Печерской гимназіи, которая въ прошломъ году достигла полнаго состава классовъ, а въ отчетномъ имѣла свой первый выпускъ, предприняли лѣтомъ по инициативѣ директора и съ участіемъ, какъ его самого, такъ и нѣкоторыхъ преподавателей, экскурсію на побе-

режье Чернаго моря, съ цѣлью посѣтить мѣста древне-греческихъ колоній на югѣ Россіи, начиная съ Порутина и до Керчи. Экскурсія продолжалась 3 недѣли, съ 15-го іюня по 8-е іюля. Приближеніе холерной эпидеміи не позволило участникамъ экспедиціи проѣхать дальше Ялты. Большая часть издержекъ, въ размѣрѣ 1.205 р., была покрита суммой, составившейся изъ пожертвованій почетнаго попечителя гимназій М. Ѳ. Меринга, Н. А. Терещенка, гг. Бродскихъ и др.; участники экскурсіи прибавили съ своей стороны 595 р., которые составились изъ добровольныхъ взносов въ размѣрѣ отъ 50 до 5 рублей.

Въ теченіе отчетнаго года г. попечителемъ посѣщены были и обрѣзаны, кромѣ Кіевскихъ гимназій, еще слѣдующія: Златопольская, Каменецъ-Подольская и Полтавская, прогимназій: Острожская и Черкасская (послѣднія два раза). Помощникъ г. попечителя посѣщалъ многократно Кіевскія гимназій, особенно во время экзаменовъ, и обрѣзывалъ Златопольскую. Директоръ департамента народнаго просвѣщенія, Н. М. Аничковъ, во время своего пребыванія въ Кіевѣ осенью 1892 г., посѣтилъ и подробно осматривалъ Кіевскія 1-ю и 2-ю гимназій, а затѣмъ посѣтилъ Острожскую прогимназію. Окружнымъ инспекторомъ обрѣзывается Златопольская гимназія. Въ Кіевскую 4-ю гимназію г. попечитель назначилъ депутатомъ отъ округа на экзамены зрѣлости профессора университета сн. Владиміра Ю. А. Кулаковского, который и представилъ г. попечителю отчетъ объ исполненіи этого порученія.

Реальныхъ училищъ къ концу отчетнаго года въ Кіевскомъ учебномъ округѣ состояло 7, въ которыхъ было 3 приготовительныхъ класса, 42 класса основнаго отдѣленія, 6 классовъ коммерческаго отдѣленія и 5 дополнительныхъ классовъ. Параллельныя отдѣленія имѣютъ училища Кіевское при первыхъ 5 классахъ основнаго отдѣленія и Кременчугское при второмъ классѣ. Всѣ училища помѣщаются въ собственныхъ домахъ, но при Винницкомъ нѣтъ квартиръ для директора и служащихъ, такъ какъ помѣщеніе для этихъ квартиръ городомъ еще не устроено.

Для фундаментальныхъ библіотекъ въ 1892 г. приобретено всѣми реальными училищами 1.388 томовъ на сумму 3.148 р. 25 к. Больше всего приобретенъ сдѣлано Ровенскимъ училищемъ (на 936 р. 94 к.), а наименѣе—Полтавскимъ (на 130 р. 50 к.). По численности книгъ первое мѣсто занимаетъ Ровенское училище (14.971 т.), а послѣднее—Винницкое (1.821 т.). Всего къ 1 января 1893 г. въ фундаментальныхъ библіотекахъ реальныхъ училищъ числилось 42.136 томовъ.

Для ученическихъ библіотекъ въ отчетномъ году приобретено 233

тома на сумму 331 р. 85 к. Болѣе другихъ пополняло свою библіотеку Ромеенское училище (109 р. 37 к.), менѣе всѣхъ израсходовало на этотъ предметъ Кременчугское училище (9 р. 60 к.). По численности книгъ первое мѣсто принадлежитъ Кіевскому училищу (2.457 т.), послѣднее—Винницкому (796 т.). Всего къ 1-му января 1893 г. въ ученическихъ библіотекахъ реальныхъ училищъ числялось 9.353 т.

На учебныя пособія по физикѣ и естественной исторіи израсходовано въ 1892 г. всѣми училищами 829 р. 20 к., и кромѣ того Ново-зыбковскимъ училищемъ на геодезическій кабинетъ и химическую лабораторію 184 р. 50 к., а всего 1.013 р. 70 к. Изъ этой цифры 778 р. 50 к. приходится на Ромеенское училище. А всего къ 1-му января 1893 г. во всѣхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ состояло 13.024 предмета. Учебныхъ пособій по черченію, рисованію, исторіи и географіи, пѣнію и музыкѣ, моделированію, технологіи и строительному искусству къ 1-му января 1893 г. состояло во всѣхъ училищахъ 6.932 предмета, въ томъ числѣ приобретено въ отчетномъ году 323 предмета на сумму 2.249 р. 79 к.

На содержаніе всѣхъ реальныхъ училищъ въ отчетномъ году имѣлась сумма 281.045 р. 97 к. Эта сумма складывалась изъ слѣдующихъ поступлений: изъ Государственнаго казначейства—120.058 р. 84 к., то-есть 42%, земствами и городскими обществами отпущено 72.478 руб. 26 коп. (26%), сборъ за ученіе—79.350 р. 16 к. (28%).

Расходовать произведено было на 247.819 р. 76 к. (на 6.897 р. $4\frac{1}{2}$ к. болѣе, чѣмъ въ 1891 г.), въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава—155.700 р. 99 к. (62%), отчисленія въ ресурсы министерства, управленія округа, перестройки квартиръ, платежи по долгамъ и т. п.—28.156 р. 40 к. (11%), наемъ и ремонтъ помѣщеній—23.573 р. 92 к. (9%), жалованье нижнимъ служителямъ—3,5%, учебныя пособія—3%, содержаніе церквей—3%, содержаніе казначействъ—2,5%, пособія ученикамъ—2%, награды служащимъ—2%, жалованья врачамъ и расходы по санитарной части—1%. Засимъ, къ 1-му января 1893 года образовался остатокъ въ 55.430 р. $12\frac{1}{2}$ к.

Средняя стоимость обученія одного ученика въ 1892 г. была 148 р. 75 к., то-есть на 3 р. 36 к. дороже, чѣмъ въ предшествующемъ. Плата за ученіе оставалась прежняя.

При большинствѣ училищъ существуютъ общества для пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ. Дѣятельность этихъ обществъ выразилась и въ отчетномъ году помощью учащимся въ платѣ за ученіе, снабженіемъ книгами, одеждой, пособиями и т. п. Кромѣ того почетный по-

печитель Кременчугскаго училища А. Ф. Дыздыревъ пожертвовалъ 100 р. для раздачи пособій нуждающимся ученикамъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

Всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ реальныхъ училищахъ, къ 1-му января 1893 г. было 146, въ томъ числѣ почетныхъ преподавателей — 5, директоровъ — 7, исполняющихъ обязанности инспектора—7, законоучителей — 13, учителей предметовъ и языковъ—66, чистописанія и рисованія — 11, помощниковъ классныхъ наставниковъ—15, врачей, письмоводителей, учителей пѣнія и гимнастики—22. Перемѣнъ въ личномъ составѣ произошло въ отчетномъ году 11: вновь назначено 5 преподавателей, перемѣщено изъ одного училища въ другое — 6. Вакантныхъ должностей было 8, изъ коихъ 7 были замѣщены въ непродолжительномъ времени, а 1 (въ Полтавскомъ училищѣ должность втораго учителя нѣмецкаго языка) осталась незамѣщенной до конца отчетнаго года. Всѣ директора и исполняющіе обязанности инспектора состояли классными наставниками, и сверхъ того въ 1-мъ полугодіи 46 преподавателей были классными наставниками, и во 2-мъ — 44. Директора въ отчетномъ году преподавали: русскій языкъ въ одномъ училищѣ, математику въ 2, физику въ 3, черченіе въ 1. Исполняющіе обязанности инспектора преподавали: математику въ 4-хъ училищахъ, и естественную исторію—въ 3.

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями было пропущено 1.811 уроковъ, въ томъ числѣ 1.148 по болѣзни и 663 по уважительнымъ обстоятельствамъ. Больше всего пропущено уроковъ въ Киевскомъ училищѣ (389), менѣе всего въ Винницкомъ (171).

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ во всѣхъ училищахъ было 190, классныхъ и предметныхъ комиссій—80, засѣданій хозяйственныхъ комитетовъ—276. Наибольшее число засѣданій совѣтовъ и ихъ отдѣленій принадлежало Ровенскому училищу (104), наименьшее—Новозыбковскому (56).

Во всѣхъ училищахъ Киевскаго округа къ 1-му января 1893 г. состояло 1.680 учениковъ, на 17 болѣе прошлагодняго. По числу учениковъ училища стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Киевское—493, Кременчугское—278, Полтавское—230, Ровенское—211, Винницкое—177, Новозыбковское—147, Ромненское—144.

По классамъ учащіеся распредѣлялись такъ: въ I — 337 (20%), во II—333 (19%), въ III—262 (15%), въ IV—223 (13%), въ VI основн. отд.—152 (9%), въ V основн. отд.—150 (9%), въ пригото-

вительномъ—92 (5⁰/), въ дополнительномъ—84 (5⁰/), въ V коммерч. отд.—27 (болѣе 1¹/₂⁰/), въ VI коммерч. отд.—20 (1¹/₂⁰/).

По кѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись такъ: православныхъ 1.053 (62,5⁰/), католиковъ 393 (23,35⁰/), лютеранъ 70 (4,3⁰/), евреевъ 145 (8,5⁰/), прочихъ исповѣданій 19 (1⁰/). Число католиковъ превышаетъ число православныхъ въ училищахъ Ровенскомъ (54⁰/, католиковъ при 34⁰/, православныхъ) и въ Винницкомъ (53⁰/, при 41⁰/). По сословіямъ учащіеся распредѣлялись такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—55⁰/, мѣщанъ, купцовъ 2 гильдіи и ремесленниковъ—32⁰/, крестьянъ—5⁰/, иностранцевъ—4⁰/, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи—менѣе 2⁰/, духовнаго званія и казачьяго сословія—по 1⁰/.

Въ теченіе 1892 года было учениковъ изъ реальныхъ училищъ всего 401, то-есть около 24⁰/, всѣхъ учащихся; въ томъ числѣ по окончаніи VI и VII классовъ было 120 (7⁰/), а до окончанія курса—281 (17⁰/). Наиболѣе выбывшихъ до окончанія курса было въ Кіевскомъ училищѣ—83. Изъ всѣхъ выбывшихъ этой категоріи болѣе 27⁰/, перешли въ другія реальные училища, 12⁰/, поступили въ другія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, 9⁰/, поступили въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, 19⁰/, поступили на службу, 29⁰/, были по разнымъ причинамъ, 3⁰/, умерли.

Всѣхъ подавшихъ прошенія о поступленіи въ реальные училища было 590; изъ нихъ не явилось на испытаніе 27, не выдержало испытаній 113, не приняты за комплектъ или неимѣніемъ помѣщенія въ классъ 23; приняты въ училища 427, то-есть 72,5⁰/, всѣхъ подавшихъ прошенія, въ томъ числѣ—340 по экзамену изъ лицъ домашняго приготопленія, 17—по экзамену изъ учениковъ гимназій и прогимназій, 70—безъ экзамена изъ другихъ училищъ (сюда причислены и ученики VI класса, поступившіе въ VII классъ того же училища). Болѣе всего вновь поступившихъ учениковъ было въ Кіевскомъ училищѣ (147) и въ Полтавскомъ (70), менѣе всего—въ Роменскомъ (42) и Винницкомъ (40).

Учениковъ, имѣвшихъ въ концѣ 1891—1892 учебнаго года переводныя отѣтки по всѣмъ предметамъ, было 980, то-есть 60,56⁰/, всѣхъ бывшихъ къ этому времени учениковъ. Удостоено перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ объ окончаніи VI и свидѣтельствъ объ окончаніи VII классовъ—1.048, то-есть 64,77⁰/, Получили аттестаты объ окончаніи шести классовъ основнаго отдѣленія—94, коммерческаго—11, свидѣтельства объ окончаніи VII классовъ—79. Та-

кимъ образомъ окончило курсъ 184 ученика, то-есть 11,45% всѣхъ учащихся. Изъ 19 постороннихъ лицъ, подвергавшихся при реальныхъ училищахъ окончательнымъ испытаніямъ изъ курса шести классовъ, выдержало экзаменъ 6, а изъ курса седьмаго класса держало 3 постороннихъ лица и выдержало 2.

По проценту успѣвшихъ (переведенныхъ и окончившихъ) училища располагаются въ такомъ порядкѣ: Кременчугское (76%), Новозыбковское (73,4%). Полтавское и Роменское (по 65%), Киевское (62,8%), Ровенское (58%), Винницкое (59%). Классы по числу успѣвшихъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дополнительные классы 73,65%, приготовительные—68%, I—68%, VI основнаго отдѣленія — 65%, V основнаго отдѣленія—63,4%, III—63%. II—61%, IV—59%, V коммерческаго отдѣленія — 56%, VI коммерческаго отдѣленія — 55%. Всѣхъ учениковъ, имѣвшихъ во второй половинѣ отчетнаго года удовлетворительныя отбѣтки по всѣмъ предметамъ, было 786, или 46,77%, а только по главнымъ предметамъ—933, или 55,53% всего числа учениковъ къ 1-му января 1893 г. При сравненіи съ прошлымъ годомъ оказывается небольшое уменьшеніе успѣшности. По проценту успѣшности по всѣмъ предметамъ въ концѣ отчетнаго года училища стоятъ въ такомъ порядкѣ: Роменское—60%, Кременчугское—59%, Киевское—50,5%, Новозыбковское—43,6%, Полтавское—41,7%, Ровенское—35,4%, Винницкое—29%.

За безуспѣшность въ 1892 году было уволено 74 ученика (на 31 болѣе прошлогодняго), то-есть 4,44% средняго числа бывшихъ въ отчетномъ году учениковъ. Наибольшее число уволенныхъ этой категоріи было въ Киевскомъ училищѣ (21), наименьшее—въ Роменскомъ (2) и въ Новозыбковскомъ (1).

Поведеніе учащихся въ 1892 году можно признать удовлетворительнымъ. Всѣхъ взысканій было 4.731 (на 1.829 меньше прошлогодняго), то-есть 2,8 взысканія на каждаго ученика; послѣдняя цифра варьируется по отдѣльнымъ училищамъ слѣдующимъ образомъ: въ Ровенскомъ училищѣ приходится на каждаго ученика 5,3 взысканія, въ Кременчугскомъ—4,4, въ Полтавскомъ—3,9, въ Роменскомъ—3,3, въ Винницкомъ—1,6, въ Киевскомъ—1,5, въ Новозыбковскомъ—0,7. Чаще другихъ назначалось взысканіе, состоящее въ оставленіи въ училищѣ на часъ послѣ окончанія уроковъ; такихъ случаевъ было 2.773, или 58,5% всѣхъ взысканій. Удаленіе изъ училища безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города было примѣнено 2 раза въ Ровенскомъ училищѣ, а то же взы-

сканіе, но съ правомъ поступленія въ учебныя заведенія того же города было произведено 1 разъ въ Полтавскомъ училищѣ. Число уроковъ, пропущенныхъ учащимися по неупамятованнымъ причинамъ, было въ отчетномъ году 738; изъ этого числа больше половины (405) приходится на Винницкое училище. Всего же учениками реальныхъ училищъ пропущено 81.990 уроковъ, то-есть болѣе 48 уроковъ на каждаго ученика. Что касается оцѣнки поведенія учениковъ на основаніи полученныхъ ими отиѣтокъ, то отиѣтки 4 и 5 въ первомъ полугодіи имѣли 1.613 учениковъ (99%), а во второмъ — 1.660 (98,8%); баллы 3 и 2 имѣли въ первомъ полугодіи 15 учениковъ, а во второмъ—17.

По болѣзни учениками было пропущено въ отчетномъ году 58.491 урокъ, среднимъ числомъ по 34 урока каждаго ученикомъ. Въ частности на каждаго ученика младшихъ классовъ приходится болѣе 28 уроковъ, а на каждаго ученика старшихъ классовъ—болѣе 54, что указываетъ на уклоненіе высшихъ классовъ отъ аккуратнаго посѣщенія уроковъ подъ предлогомъ болѣзни. Преобладающими болѣзнями въ отчетномъ году были тѣ же, что и въ предыдущихъ; смертныхъ случаевъ было 7: по 2 ученика умерли отъ воспаленія легкихъ и отъ тифа, по 1 отъ дифтерита и воспаленія мозга и 1 утонулъ.

При реальныхъ училищахъ Кіевскаго учебнаго округа пансіонеровъ нѣтъ, а ученики живутъ у родителей и родственниковъ, или на ученическихъ квартирахъ; такихъ квартиръ въ 1892 году было 72, изъ которыхъ 22 содержались преподавателями и другими служащими при училищахъ. На всѣхъ ученическихъ квартирахъ жило 313 учениковъ, въ томъ числѣ 59 у преподавателей. Въ частности болѣе всего живетъ на квартирахъ учениковъ въ училищахъ Ровенскомъ — 80, или 38%, всѣхъ учащихся, и Винницкомъ — 71, или 40%; менѣе всего въ Кіевскомъ (23 или 4,7%) и Роменскомъ (21 или 14,5%). Плата за содержаніе колеблется въ Кіевѣ отъ 300 до 700 рублей въ годъ, а въ другихъ городахъ — отъ 150 до 400. Высшая плата взимается преимущественно на квартирахъ, содержимыхъ учителями. Надзоръ за квартирами порученъ всему вообще учебно-воспитательному персоналу, чѣмъ достигается постоянный контроль за жизнью учениковъ. Въ отчетномъ году г. попечителемъ округа осмотрѣны всѣ реальные училища, за исключеніемъ Новозыбковского, помощникомъ попечителя—Кіевское училище, а окружнымъ инспекторомъ—Кременчугское, Полтавское и Винницкое. Кромѣ того, полтавскій губернаторъ и пол-

тавскій єпископъ Іларіонъ посѣтили училища Полтавское, Кременчугское и Роменское.

Особыхъ событій въ жизни реальныхъ училищъ въ 1892 году не было.

Въ отчетномъ году въ Кіевскомъ округѣ состояло 13 женскихъ гимназій, 10 прогимназій и Острожское графа Д. Н. Блудова училище. Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1893 г. въ гимназіяхъ было 3.293, въ прогимназіяхъ — 972, въ Острожскомъ училищѣ — 142, а всего 4.407 ученицъ (на 225 болѣе прошлогодняго). По отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ количество воспитанницъ было слѣдующее: въ Полтавской гимназіи—542, въ Кіевской — 494, Кременчугской—360, Черниговской—333, Нѣжинской—260, Роменской—234, Ващенко-Захарченко—202, Бѣлоцерковской—198, Новозыбковской — 157, Лубенской—156, А. А. Бейтель—153, Прилукской — 119, Повгородсьверской—85; въ прогимназіяхъ: Немировской — 141, Глуховской — 126, Зѣньковской—114, Кролевецкой — 108, Переяславской — 98, Хорольской—92, Кобелянской—91, Золотоношской—73, Златопольской — 70, Сосницькой—59.

По вѣрноповѣданіямъ учащіяся распредѣлялись такъ: православныхъ—3.430, то-есть 75%, римско-католическx — 273 (6,2%), лютеранокъ—90 (2,1%), іудеекъ—743 (16,8%), прочихъ исповѣданій—8, раскольницъ — 5. Наиболѣе значительный процентъ евреекъ падаетъ на гимназіи: Кременчугскую (30%), Бѣлоцерковскую (26%) и Новозыбковскую (22%). Что же касается до прогимназій, то только въ Переяславской (19%) и Хорольской (13%) процентъ евреекъ не достигаетъ 20, а въ остальныхъ прогимназіяхъ онъ превышаетъ эту цифру и въ Златопольской доходитъ до 30%. По сословіямъ учащіяся дѣлились такъ: потомственныхъ дворянокъ — 605 (14%), личныхъ дворянокъ—1.782 (40%), духовнаго званія—277 (5,8%), купеческаго — 567 (13%), мѣщанокъ — 898 (20%), крестьянокъ — 204 (4,6%), иностранокъ—69, (1,6%), непомнящихъ родства—5.

Въ теченіе отчетнаго года выбыло изъ всѣхъ учебныхъ женскихъ заведеній 1.051 ученица, въ томъ числѣ 476 (11% общаго числа воспитанницъ) выбыло по окончаніи курса гимназій и прогимназій. Изъ окончившихъ курсъ 47 воспитанницъ выбыло со званіемъ домашней наставницы и 189—со званіемъ домашней учительницы. До окончанія курса выбыло 579 ученицъ (13,2%). Значительный процентъ выбывшихъ этой категоріи, преимущественно изъ младшихъ классовъ, заставляетъ думать, что курсъ гимназій и прогимназій по объему и

направленію не приноровленъ ни къ способностямъ учащихъся, ни къ потребностямъ и матеріальнымъ средствамъ ихъ родителей.

Поступило въ 1892 году во всѣ учебныя заведенія 1.294 воспитанники (на 123 болѣе прошлагодняго), въ томъ числѣ 399 въ приготовительный классъ, 365—въ I и 125—во II. Въ числѣ 143 ученицъ, поступившихъ въ VIII классъ, слѣдуетъ считать какъ переведенныхъ изъ этого класса, такъ и перешедшихъ ученицъ изъ другихъ гимназій.

Число ученицъ переведенныхъ въ высшіе классы и окончившихъ курсъ достигало 3.404, то-есть 80%, всѣхъ учащихъся. По проценту переведенныхъ учебныя заведенія располагались въ слѣдующемъ порядкѣ: гимназіи: Черниговская—95,2%, г-жи Бейтель—93,4%, Ващенко-Захарченко—91%, Кіевская—87,4%, Полтавская—83,2%, Роменская—82,4%, Бѣлоцерковская—80%. Нѣжинская—79,5%. Новгородсѣвская—76%, Кременчугская—75%, Прилукская—73,1%, Повгородсѣвская—76%, Кременчугская—75%, Прилукская—73,1%, Лубенская—68%, Новозыбковская—61,1%; прогимназіи: Немировская—71,4%, Глуховская—67,4%, Кобелякская—61,8%. Златоношская—61,4%, Переяславская—61,2%. Хорольская—60,8%, Золотоношская—57,5%, Крелевецкая—52,1%, Зѣньковская—52,4%, Сосницкая—47,4%; училище гр. Блудова—66,2%. По классамъ количество переведенныхъ распредѣлялось такъ: въ VII классъ—96,8%, во II—93,4%, въ V—91,4%, въ приготовительномъ—86,1%, въ VI—83,5%, въ III—75,2%, въ IV—74,6%, въ I—69,2%; изъ VIII классъ окончило курсъ 81,6%. Средній годовой баллъ по всѣмъ предметамъ курса въ 1892 г. былъ для гимназій 3,4, для прогимназій 3,2, изъ Острожскомъ училищѣ—3,4.

Въ теченіе отчетнаго года гг. преподавателями и преподавательницами было пропущено по всѣмъ предметамъ 5.232 урока, или около 5% общаго числа назначенныхъ уроковъ (104.570). Наибольшее количество пропущенныхъ уроковъ приходится на гимназіи: Нѣжинскую (8,4%) и Полтавскую (8,6%); наименьшее—на гимназію Лубенскую (2,4%), прогимназіи: Золотоношскую (2,2%), Зѣньковскую (1,4%) и Острожское училище (1,2%).

Поведеніе воспитанницъ за отчетный годъ было весьма удовлетворительно: средній годовой баллъ за поведеніе для гимназій и прогимназій былъ 4,04, а для Острожскаго училища—5. Число взысканій, наложенныхъ на ученицъ, было 802; наибольшее число взысканій приходилось на I—V классы, наименьшее—на высшіе и приготовительные. Наиболѣе часто подвергались взысканіямъ воспитанницы

гимназій Кіевской, Роменской, Кременчугской и Полтавской и прогимназій — Глуховской и Златопольской. Главный надзоръ за воспитанницами лежитъ на классныхъ надзирательницахъ, а въ приготовительныхъ классахъ—на преподавательницахъ.

Изъ 13 женскихъ гимназій восемь помѣщались въ собственныхъ, довольно удобныхъ домахъ; прочія 3 (Кременчугская, Лубенская и Новгородѣвская) помѣщались въ частныхъ домахъ, на наемъ которыхъ въ отчетномъ году издержано 7.687 р. 50 к. Кіевская гимназія до 15-го іюля 1892 г. занимала наемное помѣщеніе, съ этого же времени перешла въ собственное зданіе, перестроенное для нея изъ флигеля, принадлежавшаго прежде Кіевской 1-й мужской гимназій. Новое помѣщеніе удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ потребностямъ учебнаго заведенія. Торжественное освященіе зданія происходило 20-го сентября въ присутствіи гг. начальника края, командующаго войсками, окружнаго начальства, представителей администраціи и городского управленія. Въ Лубенской гимназій попечительнымъ совѣтомъ было перестроено собственное двухэтажное зданіе для помѣщенія гимназій. Помѣщеніе Новгородѣвской гимназій страдаетъ по прежнему отъ тѣсноты. Зданіе Черниговской гимназій приведено въ лучшее состояніе, послѣ закрытія 3 параллельныхъ классовъ. Влоцерковская гимназія. Изъ 10 прогимназій только Хорюльская и Золотоношская помѣщались въ наемныхъ домахъ, на что издержано было въ 1892 г. 1.175 руб.

Въ библіотекахъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній къ 1-му января 1893 г. состояло 19.250 названій при 38.179 томахъ на сумму 54.811 р. 60 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 1.549 названій при 2.763 томахъ на 3.150 р. 42 к. Лучшая библіотека принадлежитъ Кіевской гимназій (1.655 названій), самой бѣдной остается по прежнему библіотека Прилукской гимназій (81 названіе).

Физическіе кабинеты были крайне небогаты и заключали въ себѣ къ 1-му января 1893 г. 1.334 предмета на сумму 12.097 р. 51 к., въ томъ числѣ вновь приобрѣтенныхъ 67 приборовъ на 440 р. 5 к. Влоцерковская гимназія совсѣмъ не имѣетъ кабинета, Новомиловская располагаетъ однимъ предметомъ, Новгородѣвская—5, Роменская—9. Больѣе благоустроены кабинеты Лубенской гимназій (247 приборовъ), Ващенко-Захарченко (206) и Кіевской (184). Коллекціи по естественной исторіи содержали къ 1-му января 1893 г. 1.914 по-

меровъ на сумму 4.692 р. 64 к., пособій по географіи было 1.769 на 6.236 р. 76 к., прочихъ учебныхъ пособій—5.083 на 10.277 р. 38 к.

Общій итогъ прихода суммъ по женскимъ учебнымъ заведеніямъ доходилъ въ 1892 г. до 469.709 р. 30 $\frac{1}{4}$ к. и составилъ изъ слѣдующихъ поступленій: изъ суммъ Государственнаго казначейства 70.471 р. 70 к. (15 $\frac{1}{2}$ %), сбора за ученіе 167.165 р. 49 к. (36 $\frac{1}{2}$ %), поступленій отъ городскихъ обществъ 34.124 р. 19 к. (7 $\frac{1}{2}$ %), отъ земства 32.605 р. 25 к. (7 $\frac{1}{2}$ %), доходовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 7.515 р. 15 к. (1 $\frac{1}{2}$ %), изъ разныхъ источниковъ 15.976 р. 4 к. (3 $\frac{1}{2}$ %), пожертвованій различныхъ лицъ 17.061 р. 69 к. (4%), отъ дворянства 8.591 р. (2%), остатковъ отъ прошлаго года 116.197 р. 80 $\frac{1}{4}$ к. (22 $\frac{1}{2}$ %). Расходы достигали 378.214 р. 5 $\frac{1}{4}$ к. Обученіе одной ученицы среднимъ числомъ въ гимназій стоило 90 р. 42 к., въ прогимназій — 58 р. 58 к., а въ Острожскомъ училищѣ содержаніе пансіонерки обощлось въ 165 р. 52 к. Въ общемъ итогѣ стоимость содержанія одной воспитанницы во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ доходила до 85 р. 82 к. (въ прошломъ году 76 р. 95 к.). Главный расходъ (56 $\frac{1}{2}$ %) шелъ на содержаніе служащихъ; на наемъ помѣщенійшло около 10%, на содержаніе помѣщеній — 9%, на учебныя пособія — 1 $\frac{1}{2}$ %, на стипендіи и пособія учащимся — 1 $\frac{1}{2}$ %, на прочія потребности 19 $\frac{1}{2}$ %.

Въ 1892 году г. попечителемъ осматрѣны были гимназій: Киевская, Вѣлоцерковская, Полтавская, Роменская и Златопольская и прогимназій: Кобелянская, Переяславская и Хорольская. Помощникомъ попечителя были посѣщаемы весьма часто гимназій: Киевская, г-жи Ващенко-Захарченко и г-жи Бейтель; затѣмъ имъ были посѣщены: Златопольская прогимназія и Острожское училище. Кромѣ того въ отчетномъ году посѣтилъ Киевскую гимназію и Острожское училище директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Н. М. Аничковъ.

Глуховскій учительскій институтъ помѣщается въ собственномъ домѣ, который первоначально назначался для другой цѣли, а потому страдаетъ многими существенными неудобствами. Состоящее при институтѣ двухклассное городское училище помѣщается въ двухъ наемныхъ домахъ, съ платою 600 р. въ годъ. Кромѣ того, за 300 р. напимается помѣщеніе для мастерской ручнаго труда при институтѣ.

Источниками содержанія института и училища въ 1892 г. служили: штатная сумма, отпускаемая изъ Государственнаго казначейства—27.806 р., плата своекоштныхъ пансіонеровъ—275 р., сборъ за

ученіе въ городскомъ училищѣ — 462 р., остатокъ отъ 1891 г. — 519 р. 89 к., другихъ источниковъ — 200 р., а всего 29.262 р. 80 к. Изъ нихъ израсходовано: на наемъ и содержаніе помѣщеній — 6.400 р., на жалованье служащимъ — 13.096 р., на содержаніе пансіонеровъ — 7.775 р., на бібліотеку, канцелярскія и другія потребности — 1.709 р. 20 к., а всего 28.980 р. 28 к. Остатокъ къ 1-му января 1893 г. составляетъ 282 р. 61 к.

Въ 1892 году институтъ продовольствовалъ пищею и одеждою въ 1-е полугодіе 52, и во 2-е — 57 воспитанниковъ. Продовольствованіе пищею обошлось въ 4.492 р. 16 к.; на одежду, обувь и бѣлье израсходовано 2.707 р. 14 к.; полное же содержаніе воспитанниковъ обошлось въ 8.221 р. 63½ к., или до 147 р. на воспитанника, между тѣмъ изъ казны отпускается 125 р. на человѣка. Пронесенный такимъ образомъ перерасходъ предполагается покрыть въ 1893 г. нѣкоторыми сбереженіями по хозяйственной части.

Къ 1-му января 1893 г. въ бібліотекѣ института и состоящаго при немъ городского училища числилось 1.904 названія при 5.847 томахъ на сумму 11.697 р. 65 к., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 133 названія при 392 томахъ на 659 р. 77 к.

Личный составъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ былъ слѣдующій: 1 директоръ, 1 законоучитель, 6 учителей наукъ, 1—чистописанія и рисованія, 2—пѣнія и гимнастики, 1 докторъ, 1 экономъ, 1 помощникъ учителя училища, а всего 14 лицъ, всѣ православные: изъ нихъ 11 штатныхъ, 1 сверхштатный и 2 по найму.

Въ началѣ отчетнаго года воспитанниковъ въ институтѣ состояло 53. Въ іюнѣ выпущено было со званіемъ учителей городского училища 12, уволено въ теченіе года 2; по экзамену въ августѣ принято по конкурсу 19, такимъ образомъ къ 1-му января 1893 года состояло 58 воспитанниковъ: 54 казеннокоштныхъ, 3 своекоштныхъ пансіонера и 1 приходящій. Воспитанники раздѣлялись: а) по происхожденію: дѣтей дворянъ 9, духовнаго званія 4, купеческаго и мѣщанскаго 19, крестьянъ и казаковъ 26; б) по образованію: уволенныхъ изъ гимназій 3, окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій и бывшихъ учителей 16, изъ городскихъ и уѣздныхъ 37, изъ сельскихъ двухклассныхъ — 1 и домашнего воспитанія 1. Средній возрастъ учащихся не много болѣе 20-ти лѣтъ. Средній баллъ за успѣхи — 4, за поведеніе всѣмъ воспитанникамъ 5.

Въ состоящемъ при институтѣ городскомъ училищѣ всѣхъ учащихся къ 1-му января 1892 года было 77, изъ нихъ окончило курсъ

9, выбыло 8 и перешелъ въ гимназію 1. Въновъ поступило по экзамену 29 мальчиковъ: въ первую группу 9, во вторую 10, въ третью 6, въ пятую и шестую—по 2. Къ 1-му января 1893 года всѣхъ учащихся было 86, и они распредѣлились: а) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 61, римско-католическаго 1, іудейскаго 24; б) по сословіямъ: дѣтей личныхъ дворянъ 18, духовныхъ 4, купцовъ 8, мѣщанъ 37, крестьянъ 18, иностранцевъ 1.

Учебно-воспитательное дѣло ведется въ институтѣ правильно и успѣшно: въ отчетномъ году изъ I класса переведено 19 воспитанниковъ изъ 21, за безусиѣшность оставленъ на повторительный курсъ 1 и по незрѣлости въ дѣтахъ 1. Изъ 18-ти учениковъ II класса переведено 17 и 1 оставленъ по физической незрѣлости. Средствами воспитанія въ институтѣ служатъ, во первыхъ, правильное методическое обученіе и, вторыхъ, нравственное вліяніе. Крупныхъ проступковъ въ отчетномъ году за воспитанниками не замѣчалось. Въ отношеніи эстетическаго, нравственнаго и религіознаго воспитанія слѣдуетъ сказать, что воспитанники съ успѣхомъ упражняются въ рисованіи, пѣніи и музыкѣ, съ любовью посѣщаютъ церкви и участвуютъ въ богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ. Физическому воспитанію много способствуютъ гимнастическія упражненія и ручной трудъ.

Въ состоящемъ при институтѣ городскомъ училищѣ въ отчетномъ году обращено было особое вниманіе на наглядность въ обученіи. Весною и осенью устраивались экскурсіи съ учениками по городу и его окрестностямъ; во время этихъ экскурсій ученики знакомились съ тѣми предметами, о которыхъ они бесѣдовали и читали на урокахъ, и занимались съемками плановъ. За чтеніемъ книгъ, которыя выдавались ученикамъ изъ бібліотеки, слѣдили учителя, каждый въ своемъ отдѣленіи. Кромѣ того, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ устраивались литературныя чтенія, на которыхъ въ цѣломъ прочитывались избранныя произведенія Пушкина, Гоголя и другихъ поэтовъ, а также статьи по исторіи, географіи и естествознанію. Проступковъ, обусловливаемыхъ нравственною испорченностью, въ ученикахъ городского училища не замѣчалось.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта въ отчетномъ году было 11. Кромѣ того, каждую субботу, съ половины октября до первой недѣли великаго поста, происходили вечеромъ конференціи изъ директора, одного изъ преподавателей училища, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ 3-го класса. На этихъ конференціяхъ обсуждались пробныя уроки воспитанниковъ въ училищѣ.

Изъ числа 2.250 уроковъ, положенныхъ по уставу, преподавателями института пропущенъ 91 урокъ, а въ городскомъ училищѣ изъ 1.804 положенныхъ уроковъ пропущено 15. Причины пропусковъ были уважительны.

Заболѣваемость среди воспитанниковъ института выразилась цифрой 12; всѣ больные въ совокупности провели въ больницѣ 55 дней, что составляетъ на каждого больного 4,6 дни.

Мастерская ручнаго труда содержится на счетъ Высочайше разрѣшеннаго дополнительнаго кредита въ 1.600 рублей. Ручной трудъ необходимъ, и мастерская находилась въ отчетномъ году 29-ю воспитанниками института, 22-мя учениками училища, 3-мя учениками жѣстной гимназіи и 2-мя—трехкласснаго городского „Федора Терещенка“ училища. Занятія въ мастерской происходили ежедневно съ 3¹/₂ до 7¹/₄ часовъ послѣ обѣда.

Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ состоитъ 2 учительскихъ семинаръ начальнымъ училищамъ при каждой изъ нихъ. Обѣ семинаріи помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ, о которыхъ нужно сказать слѣдующее: въ зданіи Коростышевской семинаріи, кромѣ крупныхъ недостатковъ, указанныхъ въ предыдущихъ отчетахъ, въ 1892 году оказался еще одинъ капитальный недостатокъ: въ главномъ зданіи, гдѣ помѣщаются классы семинаріи и училища, церковь, актовый залъ, бібліотека и кабинеты учебныхъ пособій, междуэтажные балки найдены совершенно сгнившими, такъ что церковь и 2 класса подъ нею пришлось закрыть, а большую часть бібліотеки вынести въ корридоръ возлѣ церкви, равно какъ прекратить пользованіе актовымъ заломъ. Сумма на производство капитальнаго ремонта исчислена въ 1.650 рублей и отпущена изъ строительнаго кредита учебнаго округа. Острожская семинарія помѣщается въ одномъ зданіи съ прогимназіей. Происходящіе отъ этого тѣснота и другія неудобства заставили г. попечителя округа ходатайствовать о предоставленіи подлѣ Острожскую семинарію зданій упраздненнаго католическаго монастыря въ с. Великихъ Дедекралахъ, Кременецкаго уѣзда. По всеподданнѣйшему докладу господина министра внутреннихъ дѣлъ 12-го ноября 1892 года воспомянувало Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Кіевскому генералъ-губернатору распределить зданія и угодія названнаго монастыря между министерствомъ народнаго просвѣщенія и православленнымъ духовнымъ вѣдомствомъ по ближайшему его усмотрѣнію. Графъ Игнатьевъ 18-го декабря 1892 года призналъ возможнымъ передать монастырскую усадьбу въ полномъ ея составѣ со всѣми на-

ходящимися на ней постройкими, огородами и садомъ учебному вѣдомству, всѣ же остальные угодія Дедеркальскаго монастыря предоставить въ вѣдѣніе волынскаго епархіальнаго начальства. Получивъ разрѣшеніе господина министра народнаго просвѣщенія на принятіе означенныхъ усады и построекъ, г. поочетитель сдѣлалъ распоряженіе о составленіи подробной и точной смѣты на расходы по переводу семинаріи въ с. Дедеркалы и на приспособленіе для оной зданій Дедеркальскаго монастыря.

Средствами семинаріи въ отчетномъ году служили слѣдующіе источники: остатокъ отъ 1891 года—5.567 рублей 50 копѣекъ, штатная сумма, ассигнованная изъ Государственнаго казначейства, 32.467 рублей 50 коп., $\%$ съ пожертвованныхъ капиталовъ—95 руб. 47 коп. и другіе источники 1.742 руб; 87 коп., а всего 39.873 руб. 34 коп. Въ теченіе отчетнаго года израсходовано: на содержаніе помѣщеній 3.405 руб. 86 коп., на жалованье служащимъ 16.113 руб., на содержаніе воспитанниковъ 8.815 руб. 69 коп., на учебныя пособия 1.086 руб. 64 коп. и на прочія надобности 1.776 руб. 96 коп. Затѣмъ къ 1-му января 1893 года осталось 8.675 руб. 19 коп. Въ частности, на содержаніе Коростышевской семинаріи поступило въ отчетномъ году 20.307 руб. 65 коп., израсходовано 16.333 руб. 6 к., осталось 3.974 руб. 59 коп. (въ суммѣ остатка входятъ: стипендіальный капиталъ имени Силакова—2.100 руб., наличные $\%$ съ этого капитала—45 руб. 12 коп. и 1650 руб., отпущенные изъ строительнаго кредита округа на перестройку главнаго зданія). На содержаніе Острожской семинаріи поступило 19.565 руб. 69 коп., израсходовано 14.865 руб. 9 коп., осталось 4.700 руб. 60 коп. (въ томъ числѣ 3.300 руб. въ $\%$ бумагахъ и наличными 40 руб. 60 коп., составляющихъ неприкосновенный капиталъ въ спеціальныхъ средствахъ семинаріи, и 1.350 руб. отпущенныхъ изъ строительнаго кредита округа на исправленіе половъ).

Всѣхъ книгъ въ бібліотекахъ семинарій къ 1-му января 1893 г. было 12.511 томовъ при 6.345 названіяхъ, на суммѣ 14.588 р. 72 к., въ томъ числѣ вновь приобрѣтено 368 томовъ при 153 названіяхъ на 435 р. Острожская бібліотека имѣетъ 3.191 названіе, Коростышевская—3.154. Учебныхъ пособій по естественнѣдѣнію было 855 на суммѣ 2.949 р. 84 к.; новыхъ приобрѣтеній не было, наоборотъ въ Острожской семинаріи за вѣтхостью исключено 271 предметъ на 184 р. 91 к. Засимъ въ Острожской семинаріи осталось 533 предмета, а въ Коростышевской—322. Пособій по географіи было 406 на суммѣ 835 р. 54 к.,

въ томъ числѣ 262 предмета въ Острожской семинаріи и 144 въ Коростышевской. Приборовъ и инструментовъ для ремеслъ было 918 на 1.136 р. 16 к. Острожская семинарія исключила за ветхостью 227 предметовъ и имѣла 787, а Коростышевская приобрѣла 11 номеровъ, что составляло съ прежними 129 предметовъ. Прочихъ учебныхъ пособій къ 1-му января 1893 года числилось 3.041 на сумму 4.696 р. 65 к. (2.078 предметовъ Острожской семинаріи и 963 въ Коростышевской).

Личный составъ служащихъ въ обѣихъ семинаріяхъ былъ слѣдующій: 2 директора, 2 законоучителя, 6 наставниковъ, 2 учителя начальныхъ училищъ, 2 учителя пѣнія, 1 учитель гимнастики и переплетнаго мастерства и 1 фельдшеръ. Предметами обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ были обычные вопросы учебно-воспитательнаго характера; кромѣ того совѣтъ Коростышевской семинаріи былъ занятъ устраненіемъ тѣхъ неудобствъ, которыя были порождены открывшимися въ отчетномъ году неисправностями въ главномъ зданіи. Всѣхъ положенныхъ по уставу уроковъ было 5.437; изъ коихъ пропущено, по уважительнымъ причинамъ, въ Коростышевской семинаріи 60 и въ Острожской 212, а всего 272 урока, которые были замѣнены другими наличными преподавателями.

Всѣхъ учащихся къ началу отчетнаго года состояло: въ Коростышевской семинаріи 102 (казенныхъ стипендіатовъ 40, частныхъ 5, своекоштныхъ 57) и въ Острожской 39 (всѣ казенные стипендіаты), а всего 141 человекъ. Изъ нихъ 2 умерло, а 50 окончило курсъ (37 въ Коростышевской семинаріи и 13 въ Острожской). Вновь поступило 48. Такимъ образомъ къ 1-му января 1893 года на лицо было 137 воспитанниковъ, изъ томъ числѣ въ Острожской семинаріи 40 (всѣ казенные стипендіаты) и въ Коростышевской—97 (40 казенныхъ стипендіатовъ, 5 частныхъ и 52 своекоштныхъ). Всѣ воспитанники православнаго вѣроисповѣданія и по сословіямъ распределяются такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 4, потомственныхъ гражданъ 1, духовнаго званія 13, мѣщанъ, купцовъ 2-ой гильдіи и ремесленниковъ 20, крестьянъ 74, казаковъ и солдатскихъ дѣтей 25.

Въ состоящихъ при семинаріяхъ начальныхъ училищахъ къ началу отчетнаго года было 122 учащихся (84 мальчика и 10 дѣвочекъ въ Коростышевскомъ и 28 мальчиковъ въ Острожскомъ). Изъ нихъ было до окончанія курса 31 (26 мальчиковъ и 2 дѣвочки въ Коростышевскомъ училищѣ и 3 мальчика въ Острожскомъ), окончило курсъ 11 (7 мальчиковъ и 1 дѣвочка въ Коростышевскомъ училищѣ

и 3 мальчика въ Острожскомъ), а всего вышло 42 учащихся. Вновь поступило 36 (въ Коростышевское училищѣ 24 мальчика и 4 дѣвочки и въ Острожское 8 мальчиковъ). Такимъ образомъ къ 1-му января 1893 г. состояло 116 учащихся: 75 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ въ Коростышевскомъ училищѣ и 30 мальчиковъ въ Острожскомъ.

Показателемъ успѣховъ учащихся можетъ служить средній годовой баллъ по всѣмъ предметамъ, который въ отчетномъ году=3,63. Средній баллъ по поведенію—4,93. Болѣе серьезнымъ изысканіямъ за проступки противъ дисциплины подверглись 18 воспитанниковъ (13% общаго числа учащихся).

Учительскія семинаріи, какъ заведенія, готовящія своихъ воспитанниковъ къ поприщу учительской дѣятельности въ сельской школѣ, главнымъ образомъ заботились о развитіи въ этихъ будущихъ учителяхъ силы характера и твердости убѣжденій, объ укрѣпленіи въ нихъ религіознаго и патріотическаго чувства. Главною задачею преподаванія и въ отчетномъ году было образовательное вліяніе его на развитіе въ воспитанникахъ пониманія, а также простоты и ясности въ передачѣ приобрѣтаемыхъ познаній. Вообще, въ отчетномъ году учебно-образовательная дѣятельность семинарій шла къ той же цѣли и по тѣмъ же путямъ, какъ и въ предшествовавшіе годы.

Въ отчетномъ году г. попечителемъ округа осматрѣна была Острожская семинарія; ту же семинарію посѣтилъ директоръ департамента народнаго просвѣщенія Н. М. Аничковъ въ сопровожденіи помощника попечителя графа А. А. Мусина-Пушкина.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюль 1893 года.

Иностранцы, видѣвшіе лѣтъ тридцать тому назадъ знаменитый Латинскій кварталъ (кварталъ школъ и студентовъ), конечно, не узнали бы его теперь. Широкія улицы, бульвары, скверы замѣнили собою его темныя переулки. Медицинская школа и школа правовѣденія перестроены. Зданіе Сорбонны увеличилось втрое противъ прежняго, вмѣщавшаго въ себѣ словесный и физико-математическій факультеты. Теперь, когда онъ получаетъ совсѣмъ новый видъ, ректоръ парижскаго учебнаго округа Греаръ издалъ краткую исторію Сорбонны, въ видѣ роскошнаго тома съ гравирами, подъ названіемъ „Наше прощаніе со старою Сорбонною“ (*Nos adieux à la vieille Sorbonne*, одинъ томъ въ 8-ку, у Гашетта). Въ этомъ сочиненіи Греаръ обстоятельно описалъ организацію Сорбонны въ средніе вѣка, жизнь ея студентовъ и профессоровъ. До XV вѣка Сорбонна имѣла характеръ космополитическій; съ этого же времени она стала доступною только для французовъ. Перестроенное во время кардинала Ришелье, ея зданіе получило тотъ видъ, который сохраняло въ продолженіе двухъ слишкомъ столѣтій и который нынѣ оно утратитъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ Сорбонна привлекала къ себѣ множество учащихся. Высокопоставленныя лица и даже дамы считали за честь присутствовать на ея диспутахъ на степень магистра и доктора богословія. То были поистинѣ жестокія испытанія. Въ настоящее время защита диссертациі на степень доктора словесности длится около шести часовъ, въ былое же время защита диссертациі на магистра или доктора богословія продолжалась четырнадцать часовъ. На эти праздники науки были приглашаемы иностранные государи, и почетная стража была выставлена на дворѣ Сорбонны. Греаръ старается оправдать Сорбонну отъ

тѣхъ упрековъ, которымъ она подвергалась въ XVIII столѣтіи. Вопреки общераспространенному мнѣнію, онъ доказываетъ, что прежде всего она была защитницею янсенизма и галликанства и не была враждебна терпимости. Сорбонна, какъ богословская школа, была закрыта 5-го апрѣля 1792 года. Въ 1801 году она получила новое назначеніе, стала пританеемъ, посвященнымъ искусству. Въ нее было водворено богѣста семей скульпторовъ, живописцевъ и граверовъ. Даже церковь ея, гдѣ покоятся прахъ кардинала Ришелье, была раздѣлена на нѣсколько мастерскихъ для художниковъ. Наконецъ, въ 1821 году послѣдовало возвращеніе Сорбонны къ ея прежнему назначенію: въ ней снова помѣстили богословскій факультетъ, но уже не одинъ, а вмѣстѣ со словеснымъ и физико-математическимъ. Всѣмъ извѣстно, какъ блестящи были читанныя въ стѣнахъ ея лекціи Кузена, Вильмена и Гизо. Теперь Сорбонна не имѣетъ профессоровъ, пользующихся такою популярностію, но даетъ образованіе почти по всѣмъ отраслямъ знанія; не заботясь о восторженныхъ слушателяхъ, она желаетъ имѣть студентовъ трудолюбивыхъ. Будемъ надѣяться, что и преобразованная Сорбонна приобрететъ со временемъ исторію столь же краснорѣчиваго, какъ Греаръ.

Я уже не разъ писалъ вамъ о сочиненіяхъ Лависса по исторіи Германіи вообще и преимущественно по исторіи Пруссіи. Благодаря имъ онъ удостоился въ нынѣшнемъ году избранія въ члены Французской академіи. Лависсъ далъ намъ послѣдовательно слѣдующіе труды: „Этюды о происхожденіи Прусской монархіи“, „Этюды по исторіи Пруссіи“, „Опыты о Германіи императорской“ и „Юность Фридриха Великаго“. Теперь онъ печатаетъ новый томъ: „Фридрихъ Великій до своего востшествія на престолъ“ (*Le grand Frédéric avant l'avènement*). Томъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ годы, протекшіе между жепитой Фридриха и кончиной его отца, время, въ теченіе котораго онъ упражнялся подъ руководствомъ своего отца въ командованіи войскомъ и въ управленіи. Онъ жилъ не въ Берлинѣ, а въ провинціальныхъ городахъ, въ Пей-Русинѣ и въ Рейнсбургѣ. Лависсъ знакомитъ насъ съ первыми проявленіями генія и характера Фридриха. Его книга заключаетъ въ себѣ множество характерныхъ анекдотовъ, очерки мѣстностей и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ рядъ психологическихъ этюдовъ. Къ сожалѣнію, Лависсъ не намѣренъ писать полную исторію Фридриха, считая ее достаточно извѣстною, и ограничивается періодомъ его молодости.

Артуръ Шюккъ продолжаетъ печатать свои этюды о войнахъ рево-

люции. Онъ достигъ уже восьмага тома, который озаглавленъ: „Вейсенбургъ“. Въ двухъ предшествующихъ томахъ авторъ разказалъ вторженіе генерала Кюстина въ Германію и осаду Майнца. Настоящій томъ идетъ отъ первой недѣли апрѣля до послѣднихъ дней октября 1793 года, описываетъ движеніе двухъ арій—Мозельской и Рейнской, одинаково отважныхъ, пылкихъ, восторженныхъ, но не дисциплинированныхъ и легко могшихъ подвергнуться уничтоженію, еслибы союзники умѣли лучше комбинировать свои дѣйствія. Эрудція Шюкэ по истинѣ необыкновенная. Онъ совершенно обновилъ исторію періода, казалось, всѣмъ извѣстнаго. Впрочемъ, онъ и былъ вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ: Французская академія присудила ему премію въ 10.000 франковъ, а академія нравственныхъ наукъ—премію въ 5.000 франковъ; кромѣ того, недавно Французская коллегія избрала его замѣстителемъ Гильома Гизо по кафедрѣ германскихъ языковъ и литературы.

„Иллюстрированная историческая бібліотека“ выпустила изъ свѣтъ два новые тома: „Испанія во время Фердинанда и Изабеллы“—Маріежолі, профессора словеснаго факультета въ Реннѣ (*L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle*), и „Людовикъ XVI и революція“—Суріо, профессора словеснаго факультета въ Пуатье (*Louis XVI et la Révolution*). Я уже говорилъ вамъ объ особенномъ характерѣ этой коллекціи, издаваемой фирмою Каутена подъ редакціей Зеллера и Васта. Она пользуется большимъ успѣхомъ. Послѣдніе два тома ея равняются по достоинству съ изданными прежде. Оба они вышли кстати изъ пору юбилея Христофора Колумба и революціи. Книга Маріежолі даетъ очень точное и живое изображеніе Испаніи конца XV вѣка. Авторъ хорошо знаетъ свой предметъ, хотя и не старается выставлять на показъ свою ученость. Книга Суріо научить многому даже тѣхъ, кто хорошо знаетъ XVIII вѣкъ. Иллюстраціи весьма любопытны.

Альфредъ Франкленъ продолжаетъ свои изысканія о частной жизни стараго времени (*La vie privée d'autrefois*, у Плона). Онъ выпустилъ изъ свѣтъ одинъ за другимъ два томика: одинъ—о хирургахъ, пополняющій прежде имъ сказанное объ аптекаряхъ и докторахъ, и другой—объ употребленіи кофе, чая и шоколада; послѣдній заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности не только о питаніи напитковъ отцомъ, но и объ общественной жизни.

Собраніе „Инструкцій, данныхъ французскимъ дипломатамъ со времени отъ Вестфальскаго мира“ увеличилось новымъ томомъ—каса-

тельно Неаполя и Пармы. Этотъ томъ редактированъ Жозефомъ Рейнакомъ, депутатомъ и отличнымъ публицистомъ, которому мы обязаны уже нѣсколькими трудами политическаго содержанія, между прочимъ изданіемъ рѣчей Гамбетты. Рейпакъ, кромѣ того, состоитъ редакторомъ газеты *République Française*. Къ книгѣ приложено обширное и интересное введеніе о значеніи Франціи въ исторіи Италіи.

Ученый эпиграфистъ и географъ Эрнестъ Дежарденъ, умершій въ 1886 году, началъ большой трудъ, открывшій ему доступъ въ Академію надписей: „Историческая и административная географія римской Галліи“ (*Géographie historique et administrative de la Gaule romaine*). Три тома этого сочиненія вышли въ свѣтъ при жизни автора, но смерть помѣшала ему окончить четвертый томъ. Застигнутый болѣзнію, онъ пригласилъ себѣ въ сотрудники Лоньона, одного изъ лучшихъ нашихъ географовъ, профессора Французской коллегіи и члена Института. Лоньонъ редактировалъ вторую половину четвертаго тома, появившагося (у Гамбетта) нынѣ, семь лѣтъ спустя послѣ смерти Дежардена. Онъ посвященъ изслѣдованію источниковъ сравнительной топографіи Галліи, преимущественно итинераріевъ и особенно Певтигеровой дорожной карты. Къ нему приложены фотографіи, карты и общій указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ. Лоньонъ долженъ въ скоромъ времени издать въ свѣтъ книгу о топографіи римской Галліи, которая пополнитъ книгу Дежардена; она будетъ издана въ томъ же форматѣ, какъ и сочиненіе Дежардена, и можетъ занять мѣсто рядомъ съ нимъ въ бібліотекахъ.

Другой знатокъ географіи, аббатъ Пизани, представилъ въ Парижскій словесный факультетъ диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: „Далмаціи съ 1797 по 1815 годъ“ (у Пикара). Авторъ былъ нѣсколько разъ въ Далмаціи; онъ очень хорошо знакомъ съ мѣстной литературой, а кромѣ того, онъ пользовался документами архивовъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Зарѣ, въ Рагузѣ и въ Люблянахъ (Лайбахѣ). Послѣ подробнаго введенія о географіи Далмаціи онъ описываетъ положеніе этой страны подъ владычествомъ венеціанскимъ, а потомъ подъ австрійскимъ управленіемъ съ 1801 по 1806 годъ. Въ февралѣ 1806 года вступаютъ въ Далмацію французы, и имъ предстоитъ борьба со стороны Каттаро и Рагузы съ русскими и черногорцами до той минуты, когда, въ силу Тильзитскаго договора, русскіе окончательно покинули Боску. Пизани сообщаетъ весьма любопытныя подробности объ организаціи Иллирійской провинціи и о внутренней исторіи города Рагузы. Этотъ прекрасный трудъ состав-

листь важный вкладъ въ исторію Балканскаго полуострова, а вмѣстѣ съ тѣмъ любопытенъ и для русскихъ историковъ. Къ книгѣ приложено шесть отлично выгравированныхъ картъ.

Извѣстный ученый іезуитъ Ширлингъ продолжаетъ свои изслѣдованія о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными державами въ новое время. Онъ открылъ въ архивахъ Рима и Парижа нѣсколько неизвѣстныхъ документовъ о прачѣ-дипломатѣ Лаврентіи Рингубергъ и напечаталъ ихъ вмѣстѣ со своими изысканіями въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Саксонія и Москва. Прачѣ-дипломатъ“ (Saxe et Moscou. Un médecin diplomate).

Изъ недавно выпшедшихъ въ свѣтъ сочиненій, посвященныхъ изученію иностранныхъ литературъ, самое значительное и, быть можетъ, наиболѣе интересное принадлежитъ перу Анжелю, написавшему книгу объ англійскомъ поэтѣ Робертѣ Бёрнсѣ. Это — два огромные тома въ 8-ку. Анжель — профессоръ англійской литературы на словесномъ факультетѣ въ Лиллѣ. Онъ бывалъ нѣсколько разъ въ Шотландіи и работалъ болѣе десяти лѣтъ надъ этою важною монографіей. Не довольствуясь разказомъ о жизни самого Бёрнса, онъ переноситъ читателя въ среду, въ которой жилъ поэтъ. Его книга составляетъ собою одинъ изъ наиболѣе полныхъ этюдовъ о Шотландіи XVIII вѣка. Біографія поэта, занимающая собою первый томъ, представляетъ интересъ психологическаго романа; тутъ же встрѣчаются весьма талантливыя описанія мѣстностей и картины общественной жизни; вообще это весьма почтенный трудъ. Второй томъ посвященъ разбору твореній поэта, этюду о народной поэзіи въ Шотландіи, и затѣмъ очень тонкому анализу различныхъ чувствъ, вдохновлявшихъ Бёрнса. Библиографія страницъ въ тридцать служитъ заключеніемъ книги. Очевидно, это сочиненіе написано человекомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ и способнымъ. Жаль только, что изложеніе Анжелю страдаетъ иногда недостаткомъ вкуса и напоминаетъ слогъ декадентовъ, которые, повидимому, задались цѣлью испортить нашу прекрасную французскую прозу, но Богъ дастъ, не добьются того.

Изданіе Мольера въ издаваемомъ Ганеттомъ „Собраніи великихъ писателей“ обогатилось недавно одиннадцатымъ томомъ, исключительно посвященнымъ біографіи великаго комика. Здѣсь дается не только перечень всѣхъ изданій или переводовъ, но также всѣхъ сочиненій, написанныхъ о Мольерѣ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Подъ заглавіемъ „Математика и математики“ (Mathématiques et Mathématiciens) Ребьеръ напечаталъ (у Нони) книгу, представляющую

интересъ не для однихъ специалистовъ по точнымъ наукамъ. Это — нѣчто въ родѣ математической антологіи. Сперва Ребьеръ предлагаетъ рядъ замѣчаній разныхъ писателей касательно математическихъ наукъ; затѣмъ разказываетъ анекдоты о знаменитыхъ математикахъ, говоритъ о преподаваніи математическихъ наукъ, объ ихъ исторіи и о вліяніи ихъ на языкъ и литературу. Вообще это оригинальная и интересная книга. Она имѣла огромный успѣхъ и въ непродолжительное время достигла втораго изданія. Ребьеръ состоитъ экзаменаторомъ въ военной Сень-Сирской школѣ и считается однимъ изъ лучшихъ нашихъ математиковъ.

Французская литература понесла большія утраты въ теченіе вышшняго года. Послѣ Ренана скончался Тэнъ. И тотъ, и другой, конечно, были лучшими французскими прозаиками нашего времени. Ренана замѣстилъ въ Французской академіи Шаллемель-Лакуръ, президентъ сената, одинъ изъ лучшихъ нашихъ публицистовъ и политическихъ ораторовъ. Въ Академіи надписей и во Французской коллегіи преемникомъ Ренана явился Филиппъ Берже, бібліотекаръ Института, авторъ нѣсколькихъ отличныхъ сочиненій о семитическихъ языкахъ. Французская коллегія потеряла также Гильома Гюзо, котораго замѣстилъ Шюкэ, и маркиза д'Ерве Сень-Дени, профессора китайской литературы, замѣщеннаго Шаваннемъ, молодымъ ориенталистомъ, находящимся теперь въ Китаѣ. Наконецъ, вмѣсто Россиньоля, профессора греческой литературы въ той же коллегіи, вышедшаго въ отставку, назначенъ Морисъ Круазе, братъ академика Альфреда Круазе, хорошо извѣстнаго еллиниста. Оба они трудятся надъ составленіемъ обширной исторіи древне-греческой литературы; я уже сообщалъ вамъ о выходѣ первыхъ томовъ этого замѣчательнаго сочиненія.

Смерть похитила еще одного изъ нашихъ выдающихся писателей — Шарля Бюго. Бывшій питомецъ Нормальной школы, онъ равно перенесъ на журнальное поприще, но не забывалъ, что раньше того былъ профессоромъ. Онъ написалъ, между прочимъ, прекрасный трудъ по вопросамъ среднего образованія (*Questions d'enseignement secondaire*), содѣйствовавшій у насъ многимъ преобразованіямъ по этой части.

Л. Л — ръ.

себѣ и къ другому, или въ отношеніи къ разному. Переходъ отъ изложеннаго принципа, на сколько онъ осуществляется въ мышленіи, къ тому же принципу, осуществленному въ природѣ: ни одной реальной вещи не бываетъ одновременно присуще противоположное, ибо изъ двухъ противоположностей которая-нибудь непременно есть лишеніе другой, а лишеніе есть отрицаніе. — VII. Отсутствіе чего-либо третьяго посредствующаго между двумя противоположными сужденіями объ одномъ и томъ же. Это посредствующее есть или то же, что построй между бѣлымъ и чернымъ, то-есть *смѣшанное* изъ бѣлаго и чернаго, или его совѣсть ить. Въ собственномъ смыслѣ, посредствующаго вовсе нѣтъ, ибо если бы это было въ чемъ-нибудь, оно было бы во всемъ, а его никакъ нельзя признать, напримѣръ, между четнымъ и нечетнымъ. — VIII. Всѣ теоріи, подобныя разобраннымъ выше, отличаются тою чертою, что сама себя уничтожаютъ: говоря, напримѣръ, что все истинно, онѣ тѣмъ самымъ утверждаютъ и истину отвергаемаго ими верховнаго принципа знанія, а говоря, что все ложно, утверждаютъ ложность и за своими собственными теоріями, возражающими противъ этого принципа.

I').

1. Есть какая-то наука, которая разсматриваетъ сущее какъ сущее ²⁾, а также и то, что ему само по себѣ присуще ³⁾. Она не тождественна ни съ одной изъ частныхъ (τῶν ἐν μέρει λεγομένων) наукъ, ибо ни одна изъ прочихъ [наукъ] не изучаетъ вообще сущее какъ сущее, но, отдѣляя себѣ какую-нибудь часть его, онѣ разсматриваютъ относительно ея случайное, какъ [это дѣлаютъ] напримѣръ математическія науки ⁴⁾. А такъ какъ мы ищемъ началъ и самыхъ верхнихъ причинъ, то ясно, что она должна имѣть какую-нибудь самостоятельную (καθ'αυτὴν) природу. 2. Поэтому, если и искавшіе стихій всего сущаго искали именно этихъ началъ, то и стихіи су-

¹⁾ Главы I, II и ст. 1—6 главы III-й въ настоящей книгѣ повторяютъ, но только въ другихъ словахъ, мысли, изложенныя уже въ I и во II книгахъ объ основной философіи, которая здѣсь названа „наукой о сущемъ какъ сущемъ“. Вторая часть настоящей книги, объясняя логическій законъ противорѣчія, связана съ III-й книгой, въ которой (гл. I) поставленъ уже вопросъ, должна-ли наука, изучающая начала сущаго, изучать и начала доказательства, и дано опредѣленіе закона противорѣчія (гл. II). Такимъ образомъ, первая часть этой IV-й книги оказывается какъ бы вставкой.

²⁾ Или, по принятой теперь терминологіи: „сущее какъ таковое“, то-есть въ отношеніи только къ его способности бытію, къ его существованію.

³⁾ То-есть, самые общіе предикаты его, какъ-то: единство, тождественность самому себѣ и пр.

⁴⁾ Математика изучаетъ не сущее само по себѣ, но количество, число, фигуры въ немъ и пр.

щаго необходимо должны быть не случайнымъ, во чѣмъ-то сущимъ. Значить, и намъ предстоитъ найти первыя причины [именно] сущаго какъ сущаго ¹⁾.

II.

1. [Слово] „сущее“ употребляется во многихъ значеніяхъ, но [всегда] по отношенію къ единому и къ одной неизвѣстнаго рода природѣ, и притомъ не какъ омонимъ, но такъ, напримѣръ, какъ [слово] „здоровое“, [которое] всегда [относится] къ здоровью, [означаетъ-ли] оно то, что оберегаетъ его, или то, что его производитъ, или то, что есть признакъ здоровья, или, наконецъ, что имъ пользуется ²⁾. Мы можемъ привести и другія [понятія], употребляемыя подобнымъ же образомъ. Точно также и [слово] „сущее“ употребляется во многихъ смыслахъ, но всегда по отношенію къ одному началу. 2. Ибо одно называется сущимъ потому, что оно есть сущность, другое—потому, что оно есть проявленіе сущности ³⁾, третье—потому, что есть путь къ сущности ⁴⁾, уничтоженіе или лишеніе, свойство или дѣйствующее и производящее сущности или того, что имѣетъ чисто словесное къ ней отношеніе (τὼν πρὸς τὴν οὐσίαν λεγόμενον); [наконецъ, такъ называется] и отрицаніе того или иного изъ этихъ [по-

¹⁾ Уже Александръ Афродизскій замѣтилъ не совсѣмъ правильное теченіе мыслей въ этомъ стихѣ и отсутствіе строгой связи между мыслями и заключеніемъ.

²⁾ Въ первомъ смыслѣ мы говоримъ: „здоровая пища“, „здоровый воздухъ“, „здоровый трудъ“; во второмъ значеніи по-русски не употребляется слово „здоровый“, но говорятъ: „цѣлебный“, напримѣръ тотъ или иной составъ веществъ; въ третьемъ—„здоровое дыханіе“ или „здоровый дѣтъ кожи“; въ четвертомъ—„здоровый человѣкъ“. За словомъ „здоровое“ Аристотель беретъ еще другую параллель—слово τὸ ἰατρικόν, и говоритъ, что оно всегда относится πρὸς ἰατρικὴν (къ врачебной наукѣ), означаетъ-ли, что кто-нибудь обладаетъ знаніемъ медицины, или что кто-нибудь имѣетъ природныя способности къ медицинѣ, или что то или иное есть дѣло медицины, результатъ врачеванія. Это мѣсто невозможно перевести на русскій языкъ, потому что какое бы слово въ немъ мы ни выбрали (врачебный, лекарскій, медицинскій), оно не употребительно во всѣхъ указанныхъ трехъ смыслахъ.

³⁾ То-есть, какой-нибудь существенный ея атрибутъ, какъ протяженность по отношенію къ пространству.

⁴⁾ То-есть, средство къ ея реализаціи, промежуточная фаза того пути, который она проходитъ, стремясь къ своему явному обнаруженію, напримѣръ въ области жизненныхъ явленій фаза проростанія сѣмени по отношенію къ выросшему изъ него дереву.

натиѣ] или [самой] сущности; потому что и о несущемъ мы говоримъ [какъ о дѣйствиельномъ]: „есть несущее“ (δὸς καὶ τὸ μὴ ὂν εἶναι μὴ ὂν φαινέ). 3. Какъ о всемъ, касающемся здоровья ¹⁾, вѣдаетъ одна всего наука, такъ бываетъ и въ другихъ [подобныхъ случаяхъ]. Значить не только то, что разумѣется какъ единое, но и то, что въ языкѣ относится къ одной природѣ (τὸν πρὸς μίαν λεγόμενον φύσιν), должна разсмотрѣть одна [и та же] наука ²⁾, ибо и послѣднее въ нѣкоторомъ смыслѣ принимается за единое. Итакъ ясно, что и разсмотрѣть сущее какъ сущее—дѣло одной науки. 4. А [эта] наука всюду изслѣдуетъ главнымъ образомъ первичное, отъ чего все прочее зависеть и на основаніи чего [такъ или иначе] называется. Поэтому, если это [первичное] есть сущности, то философъ долженъ обладать знаніемъ началъ и причинъ сущностей. Но относительно всякаго отдѣльнаго рода чувственныя воспріятія (αἰσθητικὰ) бываютъ однородны,—единична бываетъ и наука, какъ напримѣръ одна есть грамматика, хотя она разсматриваетъ всѣ [словесныя] звуки. Поэтому-то разсмотрѣть, сколько есть видовъ сущаго съ точки зрѣнія рода (τῆ γένει)—дѣло одной науки, а разсмотрѣть самыя виды—дѣло видовыхъ наукъ ³⁾. 5. Если сущее и единое—одно и то же и одна природа, такъ какъ разумѣются одно при другомъ какъ начало и причина ⁴⁾, а вовсе не берутся только въ одномъ значеніи, то и не будетъ никакой разницы, даже если употреблять [ихъ] не различая: это даже удобнѣе. Вѣдь одно и то же [сказать]: „единный человѣкъ“, „человѣкъ какъ сущее“ или просто „человѣкъ“; и даже болѣе распространенныя выраженія: „существуетъ человѣкъ какъ единое“ и „существуетъ человѣкъ“, означаютъ не различное что-либо. Ясно, что [сущее] не отдѣляется [отъ единого] ни по отношенію къ (ἐκ) происхожденію, ни по отношенію къ разрушенію. То же примѣнимо

¹⁾ Въ текстѣ: „всемъ здоровомъ“.

²⁾ Одна и та же наука разсматриваетъ не только существенныя свойства одного какого-нибудь рода предметовъ, но и всѣ многочисленныя отношенія этихъ предметовъ ко многимъ другимъ, все, что имѣетъ сюда какое-нибудь болѣе или менѣе близкое отношеніе.

³⁾ Въ текстѣ совсѣмъ кратко: „а виды—видовъ“, то-есть разсмотрѣть виды—это дѣло видовыхъ или частныхъ наукъ.

⁴⁾ Можно разумѣть здѣсь и то, что понятія сущаго и единого не отдѣльны другъ отъ друга (то-есть въ нашемъ мышленіи), и то, что взаимно не отдѣляемо, сливается въ одно то реальное, имѣющее существующее, что соответствуетъ этимъ понятіямъ: „единое“ и „сущее“.

и къ единому ¹⁾. Однимъ словомъ, очевидно, что указанное прибавленіе не измѣняетъ дѣла и что единое вовсе не есть нѣчто другое рядомъ съ сущимъ. Крімъ того, сущности каждой [вещи] есть единое и не зависить отъ случайнаго; то же можно сказать и о всемъ, что только индивидуально существуетъ (*ἅπαρ ὅν τι*), такъ что сколько есть видовъ единаго, столько [видовъ] и сущаго. Разсмотрѣть же съ точки зрѣнія рода ²⁾, что такое эти [виды]—я разумѣю, наприимѣръ, [попросы] о тожественномъ и подобномъ ³⁾, и о прочихъ такого рода [понятіяхъ], я равно и о противоположныхъ [нимъ]—дѣло одной и той же науки. 6. А всѣ почти противоположности сводятся къ этому началу ⁴⁾; обо всемъ этомъ смотри у насъ въ „Выборъ противоположностей“ ⁵⁾. 7. Частей философіи столько, сколько сущностей ⁶⁾; значить, необходимо, чтобы кака-нибудь изъ нихъ была первою и [другая] подчиненною. Вѣдь тотчасъ же [за сущимъ и единымъ] являются роды, обнимающіе сущее и единое (*ἕχοντα τὸ ὅν καὶ τὸ ἓν*) ⁷⁾; поэтому и науки слѣдуютъ этому [дѣленію на роды]. Философъ въ такомъ же положеніи, какъ такъ называемый математикъ ⁸⁾, ибо и эта наука имѣетъ части: и въ математикѣ есть такая-то основная ⁹⁾

¹⁾ То-есть единое такъ же не отдѣлимо отъ сущаго, какъ и сущее отъ единаго.

²⁾ Слово *τῶ γένει* здѣсь, какъ и въ концѣ ст. 4, можно отнести къ понятію „одна и та же наука“; значить, рѣчь идетъ о наукахъ въ ея родовомъ смыслѣ.

³⁾ Это какъ бы варіаціи или модусы понятія „единаго“ и въ тоже время—понятія „сущаго“.

⁴⁾ То-есть къ началу единства и множества, какъ это видно ниже въ ст. 8 и 14.

⁵⁾ Въ каталогѣ Аристотелевыхъ сочиненій у Діогена Лаэртія мы встрѣчаемъ не такое заглавіе: тамъ упоминается только „Трактатъ о противоположностяхъ“. Но Александръ Афродизскій говоритъ, что Аристотель цитуетъ еще „Выборъ противоположностей“ по 2-й кн. трактата „О благѣ“. Аристотель не разъ дѣлаетъ намекъ на этотъ „Выборъ“ (наприимѣръ Мет. IX, гл. III, ст. 7). Иногда онъ называетъ трудъ этотъ „Раздѣленіемъ противоположностей“. Не вѣроятно, что онъ просто во всѣхъ этихъ случаяхъ недоумѣиваетъ заглавіе одного и того же труда.

⁶⁾ Говорится о категоріяхъ, на которыя непосредственно распадается „единое“ или „сущее“ и которыми составляютъ предметъ изученія отдѣльныхъ вѣтвей философіи.

⁷⁾ „Сущее единое“ и открывается нашимъ способностямъ воспріятія и познанія не иначе, какъ въ родахъ сномъ: ихъ только мы и находимъ въ дѣйствительности.

⁸⁾ Изъ выраженія „такъ называемый“ видно, что слово „математикъ“ во времена Аристотеля только еще устанавливалось, начинало входить въ употребленіе.

⁹⁾ Въ текстѣ „первая“.

[наука], такая-то второстепенная ¹⁾, и т. д. по порядку ²⁾. 8. Такъ какъ разсмотрѣть противоположное—дѣло одной [известнаго рода] науки, а единому противоположается множество, то, значить, [во-прось] объ отрицаніи и лишеніи относится къ той же [наукѣ], потому что единое, къ которому [относится] отрицаніе или лишеніе, [тутъ] разсматривается съ двухъ сторонъ. Дѣйствительно, мы или просто говоримъ, что то-то не существуетъ, или [говоримъ], что то-то не присуще какому-нибудь роду. Въ послѣднемъ случаѣ помимо того, что заключается въ отрицаніи, присоединяется различіе, ибо отрицаніе есть отсутствіе того-то, а при лишеніи есть на лицо въ-которая лежащая въ основѣ природа, къ которой относится лишеніе ³⁾. Единому противоположно множество: значить, и [понятіи] противоположны высшесказаннымъ—понятія другаго, несходнаго и неравнаго и прочія всѣ, которые употребляются примѣнительно (хата) къ этимъ или къ [понятію] множества и единаго—входятъ въ область выше упомянутой науки. Въ числѣ ихъ находятся и [понятіе] противоположности, ибо противоположность есть въ-которая разница, а разница есть понятіе о чемъ-то другомъ ⁴⁾. 9. Такимъ образомъ, хотя въ силу того, что [понятіе] единаго употребляется во многихъ смыслахъ, и *только-что указанные термины* могутъ употребляться въ нѣсколькихъ значеніяхъ, однако всѣ они подлежатъ вѣдѣнію одной [науки]; потому что не тогда [подобные термины] входятъ въ область] другой науки, когда они [употребляются] во многихъ смы-

¹⁾ Въ текстѣ „вторая“.

²⁾ Можно думать, что за основную часть въ математикѣ онъ принимаетъ арифметику, за вторую—геометрію, и т. д.

³⁾ Напримеръ, глухота—это не отрицаніе чего-либо, а лишеніе; о камнѣ мы не говоримъ, что онъ глухъ: это можно сказать только о существѣ, способномъ слышать и прежде слышавшемъ.

⁴⁾ Еврѣтисъ. Разница, отличающая недостатокъ или присутствіе чего-либо въ одномъ предметѣ сравнительно (наоборотъ) съ присутствіемъ или недостаткомъ этого же въ другомъ предметѣ, обращена къ нимъ обоимъ, связуетъ ихъ отношеніемъ сходства и различія. Такимъ образомъ, по самой своей природѣ, она двойственна; и хотя признакъ, составляющій разницу, лежитъ всегда въ чемъ-либо одномъ и опредѣленно, однако именно въ силу того, что этотъ признакъ есть проводящій границу различія, онъ указываетъ на другое, содержа въ себѣ неполное опредѣленіе и его природу. На сколько между предметами или мнѣніями есть различія, на столько они являются лишь частями нѣкотораго третьяго цѣлаго; такъ что между абсолютно цѣлымъ и абсолютно не цѣлымъ нѣтъ различія, а есть лишь несоотвѣстствіе, разнородности.

слахъ, но только въ томъ случаѣ, если по своему значенію не относятся ни прямо къ одному [чему-нибудь], ни посредственно (μῆτε καὶ ἐν μῆτε πρὸς ἐν) ¹⁾.

10. А такъ какъ все возводится къ первичному (πρὸς τὸ πρῶτον) ²⁾, какъ наприимѣръ все, что называется единымъ, возводится къ первичному единому, то, значить, то же нужно сказать и о [понятіяхъ] тождественнаго и инаго, а равно и о понятіяхъ противоположныхъ. Такъ что различивъ, въ сколькихъ смыслахъ употребляется каждое [понятіе], пужно въ каждой категоріи возводить (ἀποδοτέον) его къ первичному именно такъ, какъ оно употребляется въ отношеніи къ нему; такъ одни [изъ этихъ значеній] вытекаютъ изъ того, что [данный именуемый предметъ] имѣетъ такіа-то свойства, другія [значенія] вытекаютъ изъ того, что онъ производитъ ихъ, третьи будутъ основаны на нихъ подобныхъ отношеніяхъ ³⁾.

11. Итакъ очевидно, какъ сказано [у насъ] при постановкѣ вопросовъ, что дѣло одной науки обращать вниманіе (ἀφοῦν εἶναι) на все это ⁴⁾ и на сущность: это былъ одинъ изъ [пунктовъ, обозначенныхъ нами] въ числѣ вопросовъ. Дѣло философа рассмотреть все это. Кто-же, кромѣ философа, станетъ изслѣдовать [наприимѣръ, вопроси:] одно-ли то же „Сократъ“ и „сидящій Сократъ“? противоположно-ли [такое-то] единое [другому] единому? что такое противоположное? во сколькихъ смыслахъ можно употребить [это понятіе]? и т. д. 12. А такъ какъ [все] это само по себѣ есть проявленіе единаго какъ единаго и сущаго какъ сущаго, а не какъ числа, линіи или оговъ, то очевидно, что дѣло той-же науки извѣдать, что такое [эти] термины и рассмотреть случайныя атрибуты ихъ ⁵⁾. Притомъ тѣ, кто изучаетъ ихъ, не потому ошибаются, что не по философски ихъ трактуютъ (οὐ φιλοσοφούσας), но потому, что важнѣе всего сущность, а они о ней и понятіи не имѣютъ. Но вѣдь у числа, какъ числа, есть свои собственные проявленія, наприимѣръ: нечетность, четность, соизмѣримость, равенство, излишекъ, недочетъ—и притомъ все это присуще числамъ

¹⁾ То-есть, вообще не находятся съ понятіемъ единаго ни въ какомъ соотношеніи, будучи не различны отъ него только, но совершенно разнородны; какъ наприимѣръ понятіе единаго и вкуснаго.

²⁾ Это самый общій терминъ, которому подчинены всѣ другіе.

³⁾ Текстъ неясенъ. Буквально: „одни будутъ названы по имѣнью ихъ“.

⁴⁾ То-есть, на указанное въ предшествующихъ ст. термины и понятія.

⁵⁾ Въ текстѣ опять неопредѣленно: τί ἐστι — „что такое?“ а подлежащаго не указано. Вѣроятно, рѣчь идетъ о единомъ и сущемъ.

самимъ по себѣ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ; подобнымъ-же образомъ есть свои особыя [проявленія] и у твердаго тѣла, недвижнаго или движущагося, не имѣющаго или имѣющаго тяжесть ¹⁾. Такимъ образомъ, и у сущаго какъ сущаго есть нѣкоторыя собственные [свойства],— вотъ относительно ихъ-то и долженъ философъ изслѣдовать истину. 13. А доказательство вотъ: діалектики и софисты принимаютъ на себя тотъ-же видъ, какъ и философъ. Ибо софистика есть только кажущаяся мудрость, а діалектики разсуждаютъ обо всемъ; общее-же всему, это—сущее. А разсуждаютъ они объ этомъ, очевидно, потому, что это свойственно философiи ²⁾. Значить, софистика и діалектика вращаются въ томъ-же кругу вопросовъ, какъ [и] философія, но философія отличается отъ одной [изъ нихъ] способомъ употребленія своихъ силъ (τῷ τρόπῳ τῆς δυνάμεως) ³⁾, а отъ другой—отношеніемъ къ практической жизни ⁴⁾. Діалектика пробуетъ силы (πειραστική) на томъ, что для философiи понятно, а софистика кажется философiей, а вовсе не есть философія.

14. Далѣе, лишеніе есть другая комбинація противоположностей ⁵⁾, которая вообще всѣ сводится къ сущему и несущему ⁶⁾, единому и множому, наиримѣрь инерція (στάσις) [сводится къ понятію] недвижнаго, движеніе—къ [понятію] множества ⁷⁾. А всѣ почти согласны, что все существующее и сущность (οὐσία) составлены изъ противоположностей. Всѣ по крайпей мѣрѣ признають начала противоположными, прини-

¹⁾ Здѣсь о неподвижности и отсутствіи тяжести, очевидно, говорится лишь въ значеніи относительно, такъ какъ понятія эти отнесены къ твердому и, слѣдовательно, несущественному тѣлу.

²⁾ Объ отношеніи философiи къ софистикѣ и діалектикѣ см. „Послѣдняя Аналитика“, кн. 1, гл. 2, ст. 1; „Топика“, кн. 1, гл. 1, ст. 1; „Объ опроверженіи софистическихъ доказательствъ“, гл. 2, ст. 1; „Риторика“, гл. 1, ст. 17.

³⁾ Діалектика надъ чистыми понятіями оперируетъ при помощи частныхъ же понятій, напротивъ философія не чуждается ни опыта, ни наблюденій; она, быть можетъ, не такъ строга, какъ діалектика, но разнообразіе ея и богаче содержаніемъ. Діалектика относится къ философiи какъ сущность къ цѣлому, которое сверхъ этой сущности или главнаго, заключаетъ въ себѣ и много побочнаго.

⁴⁾ Софисты мыслили только практическія цѣли и не столько стремились дѣйствительно знать истину, сколько кичиться лишь учеными.

⁵⁾ Ср. „Категоріи“, гл. X, ст. 11.

⁶⁾ Сюда сводится отрицаніе и утвержденіе.

⁷⁾ Можно было бы ожидать: къ понятію сущаго и несущаго или утвержденія и отрицанія; но Аристотель болѣе тонко и глубоко посмотрѣлъ на движеніе: онъ очевидно разлагаетъ его на моменты покоя, безконечно краткіе и безчисленно „много“,—какъ это сдѣлала и механика съ конца прошлаго вѣка.

мая один неравное и равное, другіе — теплое и холодное, третьи — ограниченное и безпредѣльное, четвертые — дружбу и раздоръ. Всѣ [эти противоположности], а равно и остальные, по видимому, сводится къ единому и множеству. Итакъ, примемъ эту возможность сведенія. А начала, припаяты прочими [нашими предшественниками], и подавно какъ-бы распадаются на эти [два] класса ¹⁾. 15. Значить, и изъ этого вытекаетъ, что разсмотрѣть сущее какъ сущее — дѣло одной науки. Ибо всѣ [вещи] или противоположны ²⁾, или [происходить] изъ противоположностей ³⁾, начала же противоположностей — единое и множество, а это составляетъ предметъ одной науки, [при чемъ все равно], употребляются-ли [оба эти понятія] съ однимъ значеніемъ, или нѣтъ, — какъ это бываетъ, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ. 16. Но если и во многихъ смыслахъ употребляется [понятіе] сущаго, все-таки всѣ прочія [значенія] сведутся къ первичному, а равно и противоположное. Поэтому даже если сущее или единое не есть нѣчто всеобщее и тождественное для всего или даже есть [нѣчто] отдѣльное — чего, вѣроятно, нѣтъ на самомъ дѣлѣ, — все-таки одни [значенія] прямо относятся къ единому, другія идутъ сряду за нимъ; поэтому не дѣло геометра разсматривать, что такое противоположность, совершенное, сущее, единое, тождественное, другое, — иначе какъ принимая эти понятія гипотетично. 17. Итакъ, ясно, что разсмотрѣть сущее какъ сущее и то, что та же самая наука должна разсмотрѣть не только сущности, но и присущія имъ свойства, и притомъ какъ указаннымъ выше, такъ и [понятія] предшествующаго и послѣдующаго, рода и вида, цѣлаго и части и т. п.

III.

1. Является вопросъ, одна-ли или различны науки [должны изучать] и то, что называется въ математикѣ аксіомами ⁴⁾, и сущность.

¹⁾ То-есть на противоположности.

²⁾ То-есть по отношенію къ каждой вещи можно найти такую другую вещь, которой она будетъ противоположна, составится лишь ея отрицаніе, напримѣръ, для свѣта—тьма, и пр.

³⁾ Говорится о внутреннемъ противорѣчіи, скрытомъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, являющихся какъ бы неустойчивымъ синтезомъ взаимно враждебныхъ началъ: напримѣръ, „происхожденіе“ есть синтезъ „бытія“ и „небытія“, — въ которомъ первое послѣдовательно преноситъ второе.

⁴⁾ Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ не объ однихъ только математическихъ аксіомахъ: о нихъ упоминается только какъ о лучшемъ примѣрѣ того, что носятъ

Очевидно, что рассмотрѣніе и аксіомъ [относится] къ одной же [нау-
кѣ], именно къ той, которою занимается философъ, ибо онѣ присущи
всѣмъ существующимъ вѣщамъ, а не [одному] какому-нибудь роду
отдѣльно отъ прочихъ. 2. Притомъ же [ими] пользуются всѣ, потому
что онѣ принадлежать сущему какъ сущему, хотя каждый изъ нихъ
выходитъ въ особый родъ. А пользуются [ими] на столько, на сколько
можно, то-есть на сколько простирается родъ, для котораго берутъ
доказательства. Коль скоро, значитъ, очевидно, что онѣ прилагаются
ко всему какъ сущему — это общее ихъ свойство — то изученіе ихъ
есть дѣло того, кто изслѣдуетъ сущее какъ сущее.

3. Поэтому-то никто изъ занимающихся изслѣдованіемъ частнаго
не пытается говорить что-либо по поводу ихъ, [напримѣръ], истинны
онѣ или нѣтъ, ни геометръ, ни арифметикъ; этимъ занимались только
нѣкоторые изъ физиковъ, и они поступали справедливо, ибо думали,
что они одни изучаютъ цѣлую природу и сущее. 4. А такъ какъ
есть нѣкто еще выше физика, ибо природа есть только одинъ част-
ный (τι) родъ сущаго ¹⁾, то изучающему всеобщее и первую сущность
конечно принадлежит и изученіе аксіомъ. И физика есть нѣкто-
раго рода философія ²⁾, во не первая. 5. Все, что пытаются иные
[явъ физиковъ] сказать по вопросу объ истинѣ, именно — какимъ
образомъ ее распознать, доказываетъ только нецѣлостность ихъ въ ана-
лизѣ (τὸν ἀναλυτικόν), ибо подходитъ къ этимъ [вопросамъ] нужно
приобрѣтши предварительное знаніе и укрѣпившись въ немъ, а не
рѣшать ихъ по-ученически. Итакъ очевидно, что философу и [чело-
вѣку] изучающему все существующее ³⁾, какъ оно есть въ природѣ,
принадлежитъ рассмотрѣніе и началъ силлогизма.

6. Въ каждомъ родѣ [знанія] самыя прочныя принципы познавае-
маго (ἀρχαί τοῦ πράγματος) способны называть тотъ, кто лучше всего

ныя аксіомы, и это сдѣлано съ цѣлью представить болѣе яснымъ общій предметъ
разсужденія. См. первое предложеніе 2-го стиха этой же главы, въ которомъ
слова: „каждая изъ нихъ входитъ въ особый родъ“ указываютъ и на математи-
ческія аксіомы въ ряду другихъ, а первымъ слогомъ, что онѣ принадлежать „сущему
какъ сущему“ — имѣютъ въ виду вообще аксіомы.

¹⁾ Есть единичное и временное проявленіе абстрактныхъ и вѣчныхъ началъ
сущаго, подобно тому какъ нарисованная фигура есть частное и разрушающееся
воплощеніе ея истиннаго и неразрушимаго понятія, которое содержится въ ея
опредѣленіи.

²⁾ Въ текстѣ „мудрость“.

³⁾ Въ текстѣ „сущность“.

знаетъ, такъ-что и изучающій сущее какъ сущее [обладаетъ] самыми прочными изъ всѣхъ [принципами]. А это — философъ. 7. Самое же прочное изъ всѣхъ началъ есть то, относительно котораго невозможно обмануться. Подобное [начало] необходимо должно быть самымъ понятнымъ, ибо обманываются всегда въ томъ, чего не понимаютъ, и [оно не должно] имѣть [въ себѣ] ничего гипотетическаго. Ибо [начало], которое необходимо имѣть для пониманія всего, что только есть сущаго, это начало не [можетъ] быть гипотезою. А что необходимо апать для познанія чего-бы то ни было, того обязательно нужно держаться и на всемъ пути изысканій ¹⁾).

8. Итакъ, ясно, что это искомое начало есть самое прочное изъ всѣхъ. Что же это такое? Выскажемъ, наконецъ, его: „невозможно, чтобы одно и то же было присущимъ и не было присущимъ одному и тому же, и притомъ въ одномъ и томъ же отношеніи“. Все, что мы прибавимъ къ этому опредѣленію, будетъ прибавлено для [устраненія] словесныхъ (λογικὰς) затрудненій. Итакъ, вотъ самое прочное изъ началъ, ибо оно имѣетъ указанный выше характеръ. Невозможно, значить, предполагать, чтобы одинъ и тотъ же, кто-бы то ни былъ, думалъ, что [нѣчто] есть и не есть, какъ это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, утверждалъ Гераклитъ ²⁾. 9. Ибо нѣтъ необходимости что говорить — то и предполагать ³⁾. 9. Если же невозможно, чтобы одному и тому же одновременно было присуще противоположное, и это положеніе будетъ подкрѣплено нами обычными соображеніями — и если мысль противоположна другой мысли, когда заключаетъ противорѣчіе, то ясно, что невозможно, чтобы одинъ и тотъ-же [человѣкъ]

¹⁾ То-есть, въ дальнѣйшемъ развитіи всякаго теоретическаго изысканія нужно держаться его исходной точки.

²⁾ Сосредоточивъ мысль свою на процессъ, генезисъ, Гераклитъ, желая выразить его сущность, говорилъ, что она состоитъ изъ нѣкотораго бытія и небытія той вещи, которая черезъ процессъ происходитъ: пока образуется вещь, она еще не существуетъ, но въ то же время и не отсутствуетъ вовсе, то-есть, она и есть и ея нѣтъ. Это очень глубокое и вѣрное мнѣніе Гераклита и вызываетъ возраженіе Аристотеля, обращающаго вниманіе лишь на форму этого мнѣнія, повидному носящаго въ себѣ нетерпимое логическое противорѣчіе.

³⁾ Аристотель хочетъ сказать, что не слѣдуетъ отождествлять слова съ мыслью: говорить можно, что одному и тому же присуще и быть и не быть, но мыслить этого нельзя. Говорящій лишь поставилъ слова въ известномъ порядкѣ, и это не встрѣчаетъ себѣ ни въ чемъ противодѣйствія; напротивъ, мыслящій связываетъ понятія и это можетъ находить себѣ непреодолимое препятствіе въ несвязуемости понятій.

одновременно полагать, что одно и то же есть и не есть, ибо допустивший эту ошибку долженъ былъ бы имѣть противоположныя мысли. Поэтому-то всѣ доказывающіе [что-нибудь] сводятъ [доказательство] въ концѣ концовъ на этотъ принципъ (ἀρχήν), ибо онъ по [самой] сущности есть начало ¹⁾ и всѣхъ прочихъ аксіомъ.

IV.

1. Иныя, какъ мы сказали, и сами утверждаютъ, что одно и то же можетъ быть и не быть, и что [будто бы] можно и думать такимъ же образомъ. То же говорятъ и многіе изучающіе природу ²⁾. Мы же теперь разъ на всегда приняли, что одновременно быть и не быть невозможно, и черезъ это признали, что начало это есть самое прочное изъ всѣхъ. 2. Кто пытается доказывать и это [начало], тотъ [поступаетъ такъ] по невѣжеству, ибо не знать, что нужно поддерживать доказательствами и что не нужно — значитъ быть невѣждою. Видѣ не все же безусловно можетъ быть доказываемо, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы идти къ безсмертности, такъ что въ этомъ случаѣ не было бы доказательства [окончательнаго и настоящаго]. Но если для нѣкоторыхъ [положеній] не нужно искать доказательства, то они не стѣснялись бы сказать, какое положеніе болѣе [даннаго] заслуживаетъ подобнаго [исключенія] ³⁾. 3. Можно, правда, и это доказывать приведеніемъ къ абсурду, если только лицо сомнѣвающееся приводить какія-нибудь возраженія ⁴⁾. Если же оно ничего [не приводитъ], то смѣшно пытаться разсуждать съ тѣмъ, кто ни о чемъ не хочетъ разсуждать, пока онъ не хочетъ. Такой [человѣкъ] пока онъ остается такимъ, все равно [для насъ], что растеніе ⁵⁾. Доказательство путемъ приведенія къ абсурду (ἀπαγωγής) отличается отъ [прямаго] доказательства, потому что доказывающій прямо какъ бы добивается того, что въ началѣ [было

¹⁾ То-есть, прототипъ аксіомъ, по образу котораго онѣ всѣ составлены, къ какой-бы сферѣ бытія ни отнеслись и для какой-бы науки исходною точкою ни служили.

²⁾ То-есть, частное въ ней, а не общее и не законы мышленія, что составляетъ предметъ изученія философовъ.

³⁾ Если нѣкоторыя начала не требуютъ доказательства, то о данномъ скорѣе всего это можно сказать.

⁴⁾ Въ текстѣ: „говорить что-нибудь“.

⁵⁾ То-есть, онъ нѣтъ и безсмысленъ, какъ растеніе.

нимъ выставлено]; если же другой [опровергающій] виновникъ этого [возвращенія къ выставленному положенію], то это будетъ приведеніе къ абсурду, а не прямое доказательство. 4. Правило ¹⁾ для всѣхъ подобныхъ [случаевъ] такое: не допускать, чтобы [противникъ] утверждалъ [отвлеченно], что есть нѣчто или вѣтъ чего-то (ибо это можно было бы принять за повтореніе выставленнаго положенія)²⁾, но [требовать], чтобы онъ указалъ себѣ и другому опредѣленный предметъ: ибо это необходимо [для разсужденія],—если только онъ что-нибудь говорить. Если же нѣтъ, то въ такомъ случаѣ не можетъ быть и разсужденія ни съ самимъ собою, ни съ другимъ. Если онъ уступить въ этомъ, то будетъ доказательство ³⁾, ибо будетъ уже нѣчто опредѣленное. Но виновникомъ [этого результата] является не тотъ, кто доказываетъ, но тотъ, кто выжидаетъ: ибо разбирая доводы, онъ [въ то же время] поддерживаетъ преніе, [вызывая новыя]. Кроме того, уступившій въ этомъ соглашается, что это въ нѣкоторомъ родѣ истинно и поимно доказательства ⁴⁾.

5. Прежде всего вполне очевидна та истина, что имя означаетъ, что то-то есть или того-то нѣтъ, такъ что не всякій [предметъ] можетъ быть и не быть. Если слово „человѣкъ“ имѣетъ одно значеніе,—положимъ это [значеніе] будетъ „двуногое животное“,—и если я говорю, что [данное] единичное означаетъ „человѣка“, то это значитъ: разъ *данное единичное* называется *человѣкомъ*—положимъ рѣчь идетъ о *человѣкѣ*—то имѣть это названіе ⁵⁾ значитъ быть [именно] *человѣкомъ*. 6. Все равно будетъ даже, если кто станетъ утверждать, что [данное слово] имѣетъ нѣсколько значеній, лишь бы они были опредѣленны [по числу], ибо [тогда] легко было бы для каждаго значенія придумать особое имя. То-есть, еслибы, напримѣръ, [кто] утверждалъ, что слово „человѣкъ“ имѣетъ не одно, а много значеній, изъ которыхъ одно, и притомъ стоящее особо (*ánós*), [указываетъ на]

¹⁾ Въ текстѣ „начало“.

²⁾ *Petitio principii*, τὸ ἀξ ἀρχῆς αἰτεῖν.

³⁾ Если противникъ назоветъ предметъ, то тѣмъ самымъ онъ укажетъ, что этотъ предметъ есть исключеніе изъ доказываемаго имъ положенія, потому что *онъ есть*, указавъ и, значитъ, не можетъ быть несуществующимъ.

⁴⁾ Это послѣднее предложеніе, начиная со слова „кроме“, соответствуетъ тексту, находящемуся только во Флорентійской рукописи „Метафизики“ и не содержащемуся ни въ одной изъ прочихъ. Онъ оначивается словами слѣдующаго 5-го ст.: „такъ что не всякій предметъ можетъ быть и не быть“.

⁵⁾ Въ текстѣ просто: „то это“.

„двушное животное“, а кромѣ него есть и нѣсколько другихъ, но въ опредѣленномъ числѣ, [то] въ такомъ случаѣ 'для каждаго изъ значеній можно было бы взять особое имя. Если же этого не дѣлать, а приписывать [одному слову] безирредѣльное число значеній, тогда, очевидно, и языкъ былъ бы невозможенъ. Ибо не означать чего-нибудь опредѣленнаго (ἐν) значить ничего не означать, а если имена [ничего] не означаютъ, то уничтожается возможность не только взаимной бесѣды, но, по правдѣ сказать, и [возможность] разсужденія съ самимъ собою, потому что вовсе невозможно думать, не думая [чего-либо] индивидуальнаго. Если же можно [о чемъ-либо думать], то можно этому предмету и дать индивидуальное имя. Примемъ, такимъ образомъ, за правило, что имя, какъ было сказано въ началѣ, [всегда] на иѣчто указываетъ, и притомъ на нѣчто индивидуальное.

7. Невозможно, чтобы „быть человѣкомъ“ означало то же, что и „не быть человѣкомъ“, если только слово „человѣкъ“ означаетъ не одинъ атрибутъ индивидуальнаго (μὴ μόνον καὶ ἐνός), но и [самое] индивидуальное—мы не хотимъ сказать, что атрибутъ индивидуальнаго означаетъ [самое] индивидуальное, ибо въ такомъ случаѣ [атрибуты] „образованное“ (μορφικός), „бѣлое“ и [существительное] „человѣкъ“ означали бы [нѣчто] единое, такъ что всѣ они стали бы чѣмъ-то однимъ, въ родѣ синонимовъ. Такимъ образомъ [слова] „быть“ и „не быть“ могли бы означать одно и то же только въ качествахъ омонимовъ, какъ это было бы, если бы того, кого мы называемъ „человѣкомъ“, другіе называли не „человѣкомъ“.

8. Но вопросъ не въ томъ, можетъ ли одно и то-же имя одновременно означать и не означать человѣка, но [въ томъ, можетъ ли одинъ и тотъ же] предметъ [одновременно быть и не быть „человѣкомъ“]. Если „человѣкъ“ и „не-человѣкъ“ означаетъ не различное нѣчто, то ясно, что и „не быть „человѣкомъ““ не отличается отъ „быть „человѣкомъ““, такъ что „быть „человѣкомъ““ будетъ значить „не быть „человѣкомъ““: будетъ, значить, [нѣчто] единое, ибо это указываетъ, что тутъ рѣчь о единомъ, какъ и слова „платье“ и „одежда“, если только здѣсь одно значеніе. Если же тутъ единое, то одно и то же означаетъ „быть „человѣкомъ““ и „не быть „человѣкомъ““ ¹⁾. Но нами уже указано, что здѣсь два различныхъ значенія.

¹⁾ То-есть, эти два выраженія, относясь къ одному и не различая ничѣмъ между собою кромѣ частицы „не“, совпадаютъ въ смыслѣ; слѣдовательно различія ихъ частицы „не“ есть звукъ безъ значенія, случайное словообразованіе въ языкѣ, не скрывающее въ себѣ никакого содержанія.

9. Итакъ, если только можно сказать что-нибудь истинное о томъ, что такое „человѣкъ“, то необходимо сказать, что [быть человѣкомъ] значить быть двуногимъ животнымъ. Ибо это только и означало слово „человѣкъ“. Если же это необходимо, то послѣ этого невозможно, чтобы то же самое и не было двуногимъ животнымъ. Ибо на это самое и указываетъ необходимость быть [человѣкомъ], то-есть, на невозможность не быть человѣкомъ. Следовательно, невозможно принять одновременно за истину, что одно и то же что-нибудь есть человѣкъ и не есть человѣкъ. 10. То же разсужденіе применимо и къ понятію „не быть человѣкомъ“. Ибо „быть человѣкомъ“ и „не быть человѣкомъ“ означаетъ нѣчто различное, если только различны по смыслу такіа выраженія, какъ „быть бѣлымъ“ и „быть человѣкомъ“. Тамъ противоположность еще гораздо сильнѣе, такъ что различія еще большіе. Если же [кто] скажетъ, что и „бѣлое“, и индивидуумъ [который бѣлъ]—имѣютъ одинаковое значеніе, то мы возразимъ то же, что и прежде было сказано, именно, что [тогда] все [смѣшается] въ одно, а не только противоположности. Если же это невозможно, то выходить то, что уже сказано, если только [противникъ] будетъ отвѣчать [прямо] на вопросы. Если же кто къ отвѣту на прямой вопросъ добавитъ и отрицанія, то это будетъ отвѣтъ не на вопросъ. Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ одному и тому же [предмету] быть и бѣлымъ, и человѣкомъ, и другимъ [чѣмъ-либо] и т. д. до безопечности. Но если насъ спрашиваютъ: „правильно ли сказать, что такой-то [предметъ] есть человѣкъ или нѣтъ?“ то нужно отвѣчать [словомъ], указывающимъ на что-нибудь одно и не добавлять, что [этотъ предметъ] бѣлъ или великъ. ибо невозможно перечислять случайныя свойства, такъ какъ они безчисленны. Поэтому ¹⁾ или все нужно перечислять, или ничего.

11. Точно также еслибы одинъ и тотъ же предметъ тысячу разъ былъ человѣкомъ и не человѣкомъ ²⁾, все-таки на вопросъ: „человѣкъ ли это?“ нельзя къ отвѣту, [что „это человѣкъ“] прибавлять, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не человѣкъ,—если только не перечис-

¹⁾ По теченію рѣчи мы ожидали бы: „и ихъ или всѣ нужно“ и т. д. Мысль здѣсь та, что разъ будетъ названъ хоть какой-нибудь признакъ, указаніе на который не составляетъ отвѣта на вопросъ, нѣтъ никакой причины не перечислять и другихъ подобныхъ признаковъ, или точнѣе есть равная причина перечислять уже безъ исключенія всѣ остальные признаки, по отсутствію какого-либо преимущества на сторонѣ какого-нибудь изъ нихъ надъ прочими.

²⁾ Разумѣется—въ различныхъ временахъ или въ различныхъ отношеніяхъ.

дать въ отвѣтъ и всѣ прочія случайныя свойства, какія только есть или какихъ только нѣтъ. Если же кто станетъ дѣлать подобное [перечисленіе], то онъ уже не разсуждаетъ ¹⁾.

12. Кто держится этого взгляда, тотъ уничтожаетъ сущность и основаніе, въ силу котораго вещь есть то, что она есть и тѣмъ была (τὸ τί ἦν εἶναι). Ибо онъ по необходимости долженъ утверждать, что все случайно и что быть человѣкомъ или животнымъ не значить быть какою-нибудь сущностью (τί ἦν εἶναι). Ибо если „быть человѣкомъ“ есть нѣчто дѣйствительное, то это не будетъ значить „быть не человѣкомъ“ или „не быть человѣкомъ“, хотя эти выраженія и суть отрицанія перваго выраженія ²⁾. Ибо это [слово] означало [нѣчто] единое, а послѣднее было сущностью чего-то. Означать же сущность—значить [указывать], что вещь есть нѣчто иное ³⁾, какъ то, что она есть. 13. Если же быть человѣкомъ для нея значить быть не человекомъ или не быть человекомъ, то она будетъ тѣмъ-то другимъ ⁴⁾. Такъ что сторонники этого взгляда необходимо должны будутъ признать, что подобное опредѣленіе (λόγος) не приложимо ни къ одному [предмету], но что все случайно, ибо этимъ самымъ отличается сущность отъ случайнаго. „Бѣлое“, напримѣръ, для человѣка есть слу-

¹⁾ То-есть, пускался въ перечисленіе, не отвѣчающее на вопросъ, онъ начинаеть дѣлать что-то особое, никакой связи съ предыдущимъ не имѣющее и никакого смысла въ себѣ не заключающее.

²⁾ Въ текстѣ „того“.

³⁾ Здѣсь указывается на отрицательное значеніе всякаго имени, и равно и всякаго утвержденія, связаннаго съ какими-нибудь именами. Ими, носимое предметомъ или явленіемъ, нисколько не раскрывая ихъ сущности, имѣетъ лишь то одно значеніе, что не даетъ имъ сближаться со всякими другими предметами и явленіями, какъ бы отталкивая ихъ всѣхъ отъ того, на что оно положено: „человѣкъ“ ничего другаго не обозначаетъ, какъ „не лошадь, не растеніе, не время... не все кромѣ какъ только человѣкъ“. По этому отрицательному значенію, которое пренятствуетъ вещамъ и явленіямъ сближаться, ими въ логическомъ отношеніи, то-есть, для познающаго и разсуждающаго человѣка, можетъ быть употреблено сущности, которая въ самой природѣ не даетъ сближаться предметамъ и явленіямъ, будучи въ каждомъ изъ нихъ нѣкоторымъ особымъ и исключительнымъ. Этими понятіями объ имени и сущности обусловлены всѣ особенности текста въ ст. 12 и 13.

⁴⁾ То-есть, какою-нибудь другой сущностью; съ тѣмъ нѣтъ и вещи, въ которой сущность измѣнчива, не можетъ сохранять тождества съ собою. А когда эта измѣнчивость сущности совмѣщается въ одномъ моментѣ времени („быть человѣкомъ“ есть нѣтъ и „не быть человѣкомъ“), то вещь не только не сохраняетъ тождества съ собою, но она и вообще не есть что-либо.

чайное, потому что человекъ есть бѣлый, а не самая бѣлизна. Если же все считается случайнымъ, то не будетъ первичнаго, чему все приписывается (τὸ καὶ ὅβ' ὅβ'), такъ какъ случайное всегда указываетъ [только] на категорію въ примѣненіи къ какому-то субстрату. 14. Необходимо, значить, идти въ безконечность. Но это невозможно, ибо тутъ невозможна комбинація больше двухъ: случайное не полагается какъ признакъ въ случайномъ же ¹⁾, если только то и другое не соединено случайно [какъ два атрибута] въ одномъ и томъ же [предметѣ]. Я говорю „бѣлое“, напримѣръ, объ „образованномъ“, и про „образованное“ [говорю], что оно бѣло, потому что оба признака могутъ быть атрибутами въ определенномъ человекѣ. Но не то будетъ съ [двойнымъ] понятіемъ: „образованный Сократъ“, потому что оба признака эти принадлежать уже третьему.

15. Такимъ образомъ, коль скоро одни атрибуты употребляются первымъ способомъ, другіе—вторымъ, то атрибуты, которые употребляются такъ, какъ при „Сократѣ“ атрибутъ „бѣлое“, не могутъ идти безгранично вверхъ, напримѣръ, бѣлизнѣ Сократа нельзя приписать еще какого-либо признака, ибо изъ всего [этого] не происходитъ ничего единаго ²⁾. И къ признаку „бѣлый“ не можетъ быть [присоединено] другаго какого-нибудь случайнаго признака, напримѣръ, „образованный“. Ибо ни первое не можетъ быть признакомъ втораго, ни второе—признакомъ перваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали ³⁾, что одни признаки такъ ⁴⁾ употребляются, а другіе какъ [признакъ] „образованный“ при [имени] Сократъ. Но въ первомъ случаѣ не признаку приписывается признакъ, но [бываетъ то же], что и во второмъ случаѣ. Такъ что не все будетъ употребляться, какъ случайное; будетъ нѣчто и означающее какъ бы сущность. Если же

¹⁾ Мысль эта, уже ранѣе высказывавшаяся Аристотелемъ, вызываетъ сомнѣніе: съ разсѣянностью, которая можетъ быть случайнымъ свойствомъ человека, соединима неудачливость въ поступкахъ, которая будетъ уже не вторымъ признакомъ, связаннымъ съ первымъ только принадлежностью одному третьему (человѣку), но будетъ въ дѣйствительности случайнымъ въ случайномъ же. Равнымъ образомъ игръ цѣтوں, наблюдаемой въ алмазѣ, еще присуща краснота; но она не присуща вовсе самому алмазу.

²⁾ То-есть, рядъ поставленныхъ одинъ при другомъ признаковъ не связуется ни во что цѣлое, за отсутствіемъ объединяющаго ихъ субстрата, которому они нѣ принадлежали бы.

³⁾ Въ ст. 14.

⁴⁾ „Бѣлый“ и „образованный“ можно относить и къ одному предмету,—но это не будетъ значить, что мы признаку приписываемъ признакъ.

такъ, то этимъ мы доказали, что невозможно одновременно приписывать [чему-либо] противорѣчивые признаки. 16. Далѣе, если всѣ противорѣчія относительно одно и того же одновременно истинны, то, очевидно, все смѣшается въ одно. И тріира (трирема), и стѣна, и человѣкъ—все будетъ одно и то же, если что-нибудь можно утверждать или отрицать относительно чего угодно, какъ это вынуждены принимать раздѣляющіе теорію Протагора. Если кому кажется, что человѣкъ не тріира, то ясно, что онъ не есть тріира. Если же противорѣчіе (ἀντίφασις) возможно, то выходитъ, что онъ и тріира, — и, значитъ, оправдывается [положеніе] Анаксагора, что всѣ вещи перемѣшаны (ἑμεισθῆναι), такъ что ничего по истинѣ не существуетъ.

17. Итакъ, они очевидно говорятъ [пѣчтѣ] неопредѣленное и думая, что говорятъ о сущемъ, [на самомъ дѣлѣ] говорятъ о несущемъ. Ибо, что существуетъ въ [скрытой] возможности, а не въ дѣйствительномъ проявленіи (ἐντελέειᾳ), то неопредѣленно. 18. Имъ нужно было бы выражать относительно всего или утвержденіе, или отрицаніе, ибо если ужъ для каждаго [предмета] будетъ отрицаніе его самого, то было бы нелѣпо полагать, что отрицанія [чего-нибудь] другаго, что ему не присуще, не будетъ ¹⁾. Я хочу сказать, что если относительно человѣка истинно сказать, что онъ не человѣкъ ²⁾, то очевидно, что онъ и не тріира ³⁾. Если, значитъ, [принять] утвержденіе ⁴⁾, то необходимо [принять] и отрицаніе ⁵⁾. Если же утвержденіе несостоятельно, то отрицаніе ⁶⁾ будетъ еще болѣе основательно, чѣмъ отрицаніе самого предмета. Если можно сказать, что человѣкъ есть то, что не есть человѣкъ ⁷⁾, то тѣмъ болѣе возможно сказать, что онъ есть и не тріира ⁸⁾.

¹⁾ Аристотель хочетъ сказать, что если съ утвержденіемъ бытія предмета совмѣстно отрицаніе этого бытія, то меньшее противорѣчіе (не столь діаметральное), заключающееся въ отрицаніи какого-нибудь мнимаго свойства, вовсе ему не присущаго,—будетъ такъ же совмѣстно съ этимъ утвержденіемъ.

²⁾ Это и есть „отрицаніе его самого“, какъ сначала въ предшествующемъ предложеніи.

³⁾ Это—„отрицаніе другаго, что ему не присуще“.

⁴⁾ То-есть, что человѣкъ есть тріира.

⁵⁾ Отрицаніе: „человѣкъ не есть человѣкъ“.

⁶⁾ То-есть, что „человѣкъ не тріира“.

⁷⁾ То-есть, напримеръ, что онъ „есть тріира“.

⁸⁾ Потому что это послѣднее будетъ лишь ничего незначащимъ, безсодержательнымъ и ненужнымъ утвержденіемъ, но все-таки не ошибочнымъ, какъ утвержденіе, что онъ есть тріира.

19. Вотъ что происходитъ съ тѣмъ, кто принимаетъ эту теорію и думаетъ, что нѣтъ необходимости [дѣлать что-нибудь одно]: или утверждать, или отрицать. Если истинно, что [то-то] есть человѣкъ и не человѣкъ, то, очевидно, не будетъ ни человѣка, ни не-человѣка, потому что для двухъ этихъ понятій существуютъ и два отрицанія. Если же изъ двухъ [положеній] получается одно отрицаніе, то и изъ противоположныхъ имъ двухъ предложеній тоже получится всего одно [утвержденіе] ¹⁾. Если изъ двухъ положеній получается одно—отрицательное, то и изъ другихъ двухъ получится тоже одно.

20. Притомъ же, это, конечно, примѣнимо или ко всему, и, значить, есть бѣлое и не бѣлое, существующее и не существующее, а равнымъ образомъ возможны и [всякіи] другія утвержденія и отрицанія; или къ однимъ случаямъ [это] примѣнимо, а къ другимъ — вѣтъ. Если не ко всѣмъ [случаямъ примѣнимо], то къ чему именно [примѣнимо]—это было бы общезвѣстно. Если же ко всѣмъ, то опять [было бы разграниченіе]: или все, что [можно] утверждать, [можно было бы] и отрицать, а все, что [можно] отрицать, [можно было бы] и утверждать, или отрицать то, что утверждаемъ—[все можно было бы], а что отрицаемъ—то не все [можно было бы утверждать]. А если такъ, то несомнѣнно было бы нѣчто не сущее ²⁾, и это положеніе имѣло бы прочную основу, а если понятіе о небытіи есть нѣчто

¹⁾ Если мы возьмемъ два сужденія:

1) „Человѣкъ есть человѣкъ“,

2) „Человѣкъ есть не человѣкъ“,

то, допуская мысль, что при всякомъ утвержденіи возможно и его отрицаніе, и также наоборотъ, къ этимъ двумъ сужденіямъ могутъ быть прибавлены еще два:

3) „Человѣкъ есть не человѣкъ“,

4) „Человѣкъ есть человекъ“.

образованными путемъ отрицанія первыхъ сужденій. Но сравнивая всѣ эти четыре сужденія, мы находимъ, что 1-е изъ нихъ—4-му, а 2-е—3-му сужденію, то-есть, всего получается два только смысла и два же сужденія, ихъ выражающія:

„Человѣкъ есть человѣкъ“,

„Человѣкъ не есть человекъ“.

Это значить, что допущеніе возможности утвержденій при отрицаніяхъ ни къ чему не приводитъ: мы получаемъ въ концѣ концовъ два сужденія, бывшія у насъ съ самаго начала.

²⁾ Говорится о томъ, что, будучи возможно для отрицанія, было бы невозможно для утвержденія.

прочное и понятное, то противоположное утверждение было бы еще болѣе понятнымъ.

21. Если же приходится утверждать одинаково ¹⁾ и то, что отрица-
ли, то нужно или говорить, разграничивая истинное, напримѣръ
[разграничивая], что было и потому что не было, или не [говорить ²⁾].
А если кто говоритъ, не разграничивая истиннаго, то онъ такового
и не говоритъ—и тогда нѣтъ ничего ³⁾. А какъ не существующее
могло бы издавать звуки или ходить? Кромѣ того, тогда все, какъ и
выше сказано, стало бы единымъ ⁴⁾: одно и то же было бы сказать
„человѣкъ“, „богъ“, „трира“ или взять понятія, противорѣчивыя
этимъ. 22. А если такъ же [разсуждать] о каждомъ [предметѣ], то
одинъ [предметъ] ничуть не будетъ отличаться отъ другаго. Вѣдь
если будетъ отличаться, то это [отличіе] будетъ истиннымъ и неотъем-
лемымъ (ίδιον). То же выходитъ и въ томъ случаѣ, если можно гово-
рить истину, разграничивая ее [отъ ложнаго]. Кромѣ того, [въ против-
номъ случаѣ] всѣ говорили бы истину и всѣ лгали бы, и самъ гово-
рящій долженъ согласиться, что онъ лжетъ. 23. Вѣстѣ съ тѣмъ оче-
видно, что съ такимъ [человѣкомъ] ни о чемъ нельзя разсуждать,
ябо онъ ничего [опредѣленнаго] не говоритъ. Вѣдь онъ не говоритъ
ни такъ, ни этакъ, [но одновременно] и такъ, и этакъ, и потому то
и другое отрицается, потому-что говорить не такъ и не этакъ. Если же
онъ иначе поступалъ бы, то оказалось бы уже нѣчто опредѣленное.
Кромѣ того, коль скоро если утверждение истинно, то отрицаніе ложно.
а если послѣднее истинно, то утверждение ложно,—значитъ, нельзя
одно и то же истинно утверждать и отрицать. Но, можетъ быть, кто
возразитъ, что это и есть поставленный въ началѣ вопросъ. 24. Кромѣ
того, неужели предполагающій, что то-то есть или что того то нѣтъ—
ошибается, а [утверждающій] то и другое [сразу]—говоритъ правду?
Если онъ говоритъ правду, то что же значитъ выраженіе: „такова
природа вещей“ ⁵⁾? Если же онъ не правду говоритъ, а больше правды

¹⁾ Разумѣется: „безъ какого-либо исключенія“.

²⁾ То-есть, ничего совсѣмъ.

³⁾ То-есть, истиннаго и, слѣдовательно, сущаго.

⁴⁾ Скорѣе—не различнымъ, смѣшаннымъ, и, слѣдовательно, слитымъ въ одно.

⁵⁾ Вопросъ, на который искала отвѣта вся философія и наука грековъ и ко-
торый не имѣетъ смысла при сомнѣніи, которое Аристотель старается разрушить.
Этимъ Аристотель хочетъ сказать, что если и на логическій законъ противорѣчій
мы будемъ простираетъ свой скептицизмъ, то должны отказаться вообще отъ вся-
каго исканія истины, отъ какихъ-либо попытокъ создать науку и философію, и

говорить [человѣкъ], думающій указаннымъ выше образомъ, то въ такомъ случаѣ появится въ нѣкоторомъ смыслѣ и сущее, и это [утвержденіе] должно быть истиннымъ, но не [можетъ] одновременно быть и не истиннымъ. Если же одинаково всё и лгутъ, и говорятъ истину, то подобному [человѣку] нельзя ни издавать звуковъ, ни говорить. Ибо это въ одно и то же время и было бы, и не было бы. Если же [человѣкъ] ничего не размышляетъ и объ немъ одинаково [можно сказать, что онъ] и думаетъ, и не думаетъ, то чѣмъ онъ отличался бы отъ растений? А больше всего это очевидно изъ того, что никто ни изъ принимавшихъ эту теорію, ни изъ прочихъ [людей] не паходится въ такомъ положеніи. Ибо почему же такой-то идетъ въ Мегару, а не остается въ покоѣ, думая, что идетъ? И не прямо съ раннего утра онъ идетъ въ колодезь или яму, если она случится [по пути], но, очевидно, принимаетъ мѣры предосторожности, не думая, что одинаково не хорошо и хорошо попасть въ яму. 25. Ясно, значитъ, что онъ одно считаетъ лучшимъ, другое худшимъ. Если же такъ, то необходимо такъ же онъ долженъ считать одно человѣкомъ, другое—не человѣкомъ, одно—сладкимъ, другое—не сладкимъ. Ибо онъ не одинаково ко всему стремится и не одинаково думаетъ, если, подумавъ, что хорошо бы выпить воды или увидѣть [такого-то] человѣка, вслѣдъ за сѣмъ стремится и выполнить это. А онъ долженъ бы былъ [одинаково ко всему стремиться], еслибы человѣкъ и не человѣкъ [для него] было бы одно и то же. И нѣтъ никого, какъ нами сказано, кто въ одномъ случаѣ не выказывалъ бы предосторожности, а въ другомъ выказывалъ бы. 26. Такимъ образомъ, всё, кажется, увѣрены, что это исполнѣ понятно, если не относительно всего, то, по крайней мѣрѣ, относительно лучшаго и худшаго. Если же кто руководствуется не знаніемъ, а только предположеніемъ, тому гораздо больше пужно заботиться объ истинѣ, какъ и больному больше здороваго [вужно заботиться] о здоровьѣ, ибо опирающійся на предположенія по сравненію съ знающимъ—не здраво относится къ истинѣ. 27. Кромѣ того, даже, если уже въ крайности примемъ, что все [бы-

должны будемъ ограничиться, подобно животнымъ, одними только ощущеніями и физическими потребностями. Впрочемъ, выше онъ замѣтилъ, что и эти ощущенія, равно какъ удовлетвореніе этихъ потребностей, также требуетъ довѣрія къ закону протипорѣчія (конечно, не сознаваемому отчетливо), который является, такимъ образомъ, высшею регулирующею нормою всего живаго, нѣкой органической природы,—быть можетъ потому, что по этому закону, въ ряду многихъ другихъ, эта органическая природа и устроена творческимъ разумомъ.

васть] такъ и не такъ,—то всетаки [различіе] между большимъ и меньшимъ лежатъ въ природѣ вещей; ибо не все равно сказать: „два—четное число“ и „три—четное число“, и не одинаково ошибается принимающій 4 за 5 и принимающій 1,000 за 5. Если же не одинаково, то ясно, что одинъ изъ нихъ меньше [ошибается] и, значитъ, больше говоритъ правду. 28. Если же есть болѣе близкое [къ истинѣ], то, значитъ, есть вѣчто [безусловно] истинное, къ чему ближайшее и есть болѣе истинное. Даже если вѣтъ этого, то всетаки есть вѣчто болѣе надежное и достоверное, чѣмъ остальное; и, значитъ, мы можемъ избавиться отъ этой теоріи, безтолковой и мѣшающей намъ разграничивать вещи при помощи разсужденія.

V.

1. На то же основаніе (δὲ) [опирается] и теорія Протагора ¹⁾, и одинаково необходимо или принять ихъ обѣ, или не принимать. Ибо если истинно все предполагаемое и кажущееся, то необходимо выходить, что все одновременно истинно и ложно. И въ самомъ дѣлѣ, многіе держатся противоположныхъ другъ другу мнѣній и тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣній, считаютъ ошибающимися, такъ что по необходимости выходитъ, что одно и то же есть и не есть. А если такъ, то все предполагаемое по необходимости и истинно, ибо вѣдь противоположныхъ другъ другу мнѣній держатся какъ ошибающіеся, такъ и говорящіе правду. Если, значитъ, все сущее находится въ такомъ положеніи, то всѣ говорятъ правду.

2. И такъ ясно, что та и другая теорія вытекаютъ изъ одного и того же соображенія. Но неодинаковъ долженъ быть способъ обращенія со всѣми. Одни уступаютъ убѣжденію, а другіе нуждаются въ силѣ тона (δένειται βία). Кто принялъ такое мнѣніе вслѣдствіе сомнѣнія, невѣжества тѣхъ можно еще излѣчить: нужно только идти на встрѣчу не словамъ ихъ, а размышленію; а средство противъ тѣхъ, которые говорятъ для того только, чтобы говорить, состоитъ въ опроверженіи смысла ихъ рѣчи и [смысла] словъ.

3. У [людей] сомнѣвающихъ все это мнѣніе—именно, что противорѣчивое и противоположное можетъ быть присущимъ одновременно—возникло изъ [созерцанія] чувственно-воспринимаемаго, такъ какъ они часто видятъ, что мнѣ одного и того же рождается противоположное.

¹⁾ Протагоръ жилъ отъ 490 до 420 г. Теорію его опровергалъ Платонъ во многихъ своихъ діалогѣхъ, главнѣе же всего въ „Теететѣ“.

Итакъ, если невозможно, чтобы [абсолютно] не сущее рождалось, то [выходить, что] предметъ предсуществовалъ одинаково будучи тѣмъ и другимъ ¹⁾, въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ Анаксгоръ и Демокритъ, именно, что все смѣшано во всемъ. Ибо послѣдній [утверждаетъ], что и пустое, и полное одинаково присуще [предмету] въ каждой его части, однако же одно изъ этихъ [свойствъ] есть, а другого нѣтъ. 4. Тѣмъ, которые приняли это мнѣніе, сейчасъ указаннымъ путемъ мы скажемъ, что съ одной стороны они правильно говорятъ, а съ другой—выказываютъ незнаніе. [Понятіе] „сущее“ употребляется двояко, такъ что въ одномъ случаѣ изъ не сущаго можетъ произойти нѣчто, а въ другомъ—нѣтъ. Одно и то же одновременно бываетъ сущимъ и не сущимъ, но не въ отношеніи къ одному и тому же существующему: именно, въ возможности одно и то же совмѣщаетъ въ себѣ противоположное, а въ дѣйствительности—нѣтъ. Впрочемъ мы думаемъ, что они предполагаютъ и какую-нибудь другую природу сущаго, которой вовсе не свойственно ни движеніе, ни уничтоженіе, ни происхожденіе. 5. Точно такъ же и [убѣжденіе] въ истинѣ всего кажущагося возникло у нихъ изъ [совершенія] чувственно-воспринимаемаго. Именно, они думаютъ, что истинное опирается не на множество или малочисленность [свидѣтельствъ], но одно и то же однимъ кажется сладкимъ на вкусъ, другимъ—горькимъ; такъ что если бы всѣ были больными, или если бы всѣ были безумными, а двое или трое были бы здоровы или имѣли бы здравый умъ, то они именно и казались бы больными или безумными ²⁾, а прочіе—нѣтъ. 6. Кромѣ того, многими изъ ос-

¹⁾ То есть, если мы наблюдаемъ, что изъ одного чего-либо, такъ и здѣсь существующаго, выходитъ различное, напримѣръ изъ воды паръ и ледъ, или изъ сѣмени—растеніе и плесень (въ которую оно обрывается, сплывая, но не проростая), и если мы не можемъ допустить предположенія, чтобы которая-нибудь изъ появляющихся противоположностей возникала абсолютно изъ ничего, то должны съ тѣмъ имѣть принятъ, что онѣ обѣ сомнѣваются, хотя и невидимо, въ одномъ и томъ же предметѣ, изъ котораго выходить.

²⁾ Здѣсь „больной“ и „безумный“ есть, очевидно, лишь примѣръ „не нормальнаго“, какъ „здоровый“ и „разумный“ есть только примѣръ „нормальнаго“,—о чемъ, собственно, одною и идетъ рѣчь. Философы, которыхъ критикуетъ Аристотель, очевидно отождествляютъ нормальное съ постояннымъ, а не нормальное съ исключительнымъ,—что, очевидно, ложно: въ самой природѣ явленія, процесса какого-либо или предмета заключены нѣкоторые законы, уклоненіе отъ которыхъ есть ненормальность и слѣдованіе которымъ есть нормальность. Такъ безуміе не нормально не потому, что оно исключительно, но потому, что въ немъ познающая способность, разумъ, дѣйствуя обратно законамъ познания, производитъ лишь фантомы, призраки и вводитъ человека въ ошибки.

тальных животных и намъ одно и то же кажется совершенно противоположнымъ, и каждому и отдѣльному [человѣку] не всегда одно и то же кажется въ области чувственныхъ воспріятій. Чтò же изъ этого кажущагося истинно и чтò ложно—неизвѣстно, ибо то-то можетъ быть не болѣе истинно, чѣмъ такое-то другое, но [совершенно] одинаково. По этому-то, конечно, Демокритъ и говорить, что или пѣть ничего истиннаго, или оно, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно. 7. Вообще говори, [эти философи] потому утверждаютъ, что кажущееся въ области чувственно-воспринимаемаго по необходимости истинно, что чувство принимаютъ за разумнѣе, а первое [обнаруживаетъ] перемѣну. Изъ этихъ же [основаній] применили къ подобнымъ теоріямъ и Эмпедоклъ, и Демокритъ, и чуть ли каждый изъ остальныхъ. 8. Именно, Эмпедоклъ утверждаетъ, что кто мѣняетъ положеніе, тотъ мѣняетъ и разумнѣе:

„Къ настоящему умъ влечется у людей“.

А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

„Насколько они перерождались другими, настолько
И мышленіе у нихъ всегда становилось другимъ“.

И Парменидъ выражается подобнымъ же образомъ:

„Какъ каждый [изъ насъ] обладаетъ соединеніемъ гибкихъ членовъ,
Такъ и умъ у людей является [гибкимъ]“,

Ибо [умъ] есть то самое,

„Что разумѣть природа членовъ у всѣхъ людей и у каждого по одиночкѣ;—
Ибо полнота существующаго—это и есть мысль“.

А отъ Анаксагора сохраняется въ памяти даже изрѣченіе, обращенное къ кому-то изъ его друзей, что у нихъ вещи (τὰ ὄντα) будутъ такими, какими они станутъ считать ихъ. 9. Говорятъ, и Гомеръ держится, по видимому, того же мнѣнія, такъ какъ онъ разказываетъ, что Гекторъ, когда лишился сознанія отъ удара, то лежалъ съ перевернувшимися ¹⁾ мыслями (ἀλλοτρονέοντα) ²⁾,—какъ-будто и лишившіеся ³⁾ сознанія мыслить, но не то же, [что сохраняющіе его]. 10. Отсюда выходитъ, что если то и другое [состояніе] есть [одинаково] разумнѣе, то, значить, и вещи (τὰ ὄντα) могутъ одновременно и быть

¹⁾ То-есть, собственно: мысли по другому, иначе, нежели какъ обыкновенно.

²⁾ Изъ томъ видѣ, какъ Илиада дошла до насъ, въ ней нѣтъ такого стиха по отношенію къ Гектору; но это выраженіе встрѣчается въ ней употребленное по отношенію къ другому воину, см. II. XXIII 698.

³⁾ У Аристотеля παραφρονέοντα, что означаетъ и „помѣшанные“.

въ извѣстномъ положеніи, и не быть въ этомъ положеніи. Но отсюда вытекаетъ и еще очень важное затрудненіе. Если ужъ люди, ближе всего усмотрѣвшіе доступную [яванію] истину (она больше всякаго другаго искали ее и любили) держатся подобныхъ взглядовъ и такъ высказываются по вопросу объ истинѣ, то какъ же не пасть духомъ тѣмъ, кто только еще начинаетъ заниматься философскими вопросами? Вѣдь въ такомъ случаѣ искать истину было бы все равно, что гнаться за [улетающей] птицей. 11. А причина [появленія] у нихъ такого взгляда та, что они хотя разсматривали истину относительно всего сущаго, но сущимъ считали только чувственно-воспринимаемое. Между тѣмъ чувственно-воспринимаемому свойственна большая неопредѣленность и [природа] сущаго такова, какъ мы сказали. Такимъ образомъ, они говорятъ правдоподобно, но не [выполнѣ] истинно. Ибо всетаки лучше сказать такъ [какъ они], чѣмъ какъ Эпихармъ ¹⁾ говорилъ, возражая Ксенофану. 12. Видя, что вся эта природа находится въ [постоянномъ] движеніи и что относительно вѣмѣняющагося невозможно знать истину, они рѣшили, что [и вообще] нельзя знать истину среди этихъ вслѣдствій переменъ. Изъ этого предположенія развилось самое крайнее изъ указанныхъ мнѣній, именно [мнѣніе] тѣхъ, которые выдають себя за послѣдователей Гераклита, а равно и то, которое имѣлъ Кратиль, пришедшій въ концѣ концовъ къ тому воззрѣнію, что ничего не нужно говорить, и двигавшій только пальцемъ ²⁾. Онъ упрекалъ Гераклита, сказавшаго, что дважды нельзя погрузиться въ одну и ту же рѣчную воду: ибо самъ онъ думалъ, что этого даже разъ [нельзя сдѣлать]. 13. И на это разсужденіе мы скажемъ, что измѣняющееся, пока измѣняется, дѣйствительно даетъ имъ нѣкоторое право думать, что оно не существуетъ ³⁾. Однако, и тутъ, есть спорный пунктъ. Ибо какъ сбрасывающее имѣетъ нѣчто сбрасываемое, такъ и для происходящаго необходимо есть нѣчто [производящее]. Вообще говоря, если что погибаетъ, то придется [предварительно]

¹⁾ Эпихармъ—комическій поэтъ, жившій въ половинѣ VI-го вѣка до Р. Х. Намъ неизвѣстно ничего о нападеніяхъ его на Ксенофана, кромѣ этого указанія Аристотеля. Объ Эпихармѣ еще упоминается въ Мет. XII гл. IX.

²⁾ Въ основѣ этого требованія лежитъ мысль, что всякое слово, равно какъ всякое сужденіе, имѣетъ общее значеніе (напримѣръ слово „человѣкъ“ есть имя всѣхъ людей, и притомъ указующее на общее въ нихъ и постоянное, съ исключеніемъ всего индивидуальнаго), тогда какъ существуетъ именно только личнаго, единичнаго.

³⁾ То-есть, какимъ-нибудь опредѣленнымъ образомъ, въ одномъ, рѣзко ограниченномъ видѣ.

предположить нѣчто сущее; точно такъ же, если что происходитъ, то, необходимо, есть то, отъ чего оно происходитъ и изъ чего рождается, и притомъ такъ, чтобы это не шло въ безконечность.

14. Но, оставивши пока въ сторонѣ эти соображенія, скажемъ только то, что не одно и то же измѣняется по количеству и по качеству. По количеству, положимъ, вещи не остаются [в неизмѣнными], по вѣдъ мы познаемъ все [не по количеству, а] по виду (хатὰ τὸ εἶδος). 15. Кромѣ того, людей, держащихся этого мнѣнія, стоить упрекнуть и въ томъ, что и въ самой сферѣ чувственно-воспринимаемаго они видятъ это въ меньшемъ только числѣ явленій, а между тѣмъ высказали свое заключеніе относительно цѣлой вселенной (τῆς οὐρανοῦ). Ибо въ постоянномъ разрушеніи и происхожденіи находится только та сфера чувственно-воспринимаемаго, которая вокругъ насъ, но вѣдъ эта сфера есть самая ничтожная, такъ сказать, частичка вселенной (τῆς παντός), такъ что справедливѣе было бы изъ-за вселенной оправдать окружающую насъ сферу ¹⁾, чѣмъ изъ-за нея обвинять ²⁾ вселенную. 16. Кромѣ того, сказанное нами раньше, очевидно, мы могли бы повторить и по отношенію къ этимъ [философамъ]. Именно, нужно было бы указать имъ и убѣдить ихъ, что существуетъ нѣкотораго рода недвижная природа. Впрочемъ, людямъ, утверждающимъ, что [вещи] одновременно и существуютъ, и не существуютъ, скорѣе слѣдовало бы говорить, что все пребываетъ въ покоѣ, чѣмъ [утверждать], что все движется. Ибо [тогда] не было бы ничего такого, во что [вещи] измѣняются, такъ какъ все было бы присуще всему. 17. Относительно же той истины, что не все кажущееся истинно, нужно замѣтить прежде всего, что [самое] чувствованіе не ложно въ себѣ самомъ (τῆς ἰδίου), но [наше] представленіе (φαντασία) не тождественно съ чувственнымъ воспріятіемъ ³⁾. Потомъ достойно удивленія, какъ

¹⁾ То-есть, обобщить, распространить наблюдаемое по вселенной (сфера неподвижныхъ звѣздъ, по предположенію древнихъ) и на кругъ земнаго существованія.

²⁾ Неподвижное существованіе, чуждое измѣненій и различій, считалось въ древности совершеннѣе и достойнѣе существованія измѣняющагося, такъ какъ сама сущность перемѣны считалась слѣдствіемъ стремленія неудовлетвореннаго, испытывающаго недостатокъ, къ полнотѣ и удовольствію.

³⁾ То-есть, ощущеніе всегда истинно, потому что тутъ нечему ошибаться; оно есть только простая связка двухъ физическихъ дѣйствій. Возможность ошибки начинается тамъ, гдѣ къ этой физической связкѣ приходитъ психическій элементъ. Тамъ, гдѣ начинается возможность истины, начинается и возможность лжи. Начало это лежитъ въ представленіи, какъ первомъ отраженіи физическаго въ сознаніи.

это они еще спрашиваютъ, таковы-ли [въ дѣйствительности] размѣры и цвѣта, какими они кажутся издали, или таковы, какими [кажутся] вблизи? такіе-ли они, какими [кажутся] здоровымъ [людямъ], или такіе, какими [кажутся] больнымъ? и далѣе: что [назвать] относительно болѣе тяжелымъ, то-ли, что [кажется такимъ] для людей безсильныхъ, или то, что [считаютъ тяжелымъ] люди сильные? Что истинно, то-ли, что [кажется таковымъ] спящимъ, или что бодрствующимъ? Неужели они еще сомнѣваются въ этомъ? Вѣдь никто, конечно, предполагая во снѣ, что онъ находится въ Афинахъ, и будучи, на самомъ дѣлѣ, въ Ливіи, не пойдетъ въ Одеонъ. 18. И относительно будущаго, какъ это говоритъ и Платонъ, мнѣніе врача и [мнѣніе человека] незнающаго [медицины], безъ сомнѣнія, неодинаково вѣски, когда идетъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, выздоровѣетъ [больной] или нѣтъ. Даже въ сферѣ самыхъ чувствъ не одинаково вѣски свидѣтельство чужаго [органа] и своего собственнаго, свидѣтельство соотвѣтствующаго данному роду ощущеній ¹⁾ органа, и свидѣтельство [другаго], сосѣдняго. Вѣдь о цвѣтѣ свидѣтельствуетъ зрѣніе, а не вкусъ, о вкусѣ языкъ, а не зрѣніе. Ни одно изъ [чувствъ] никогда не говоритъ намъ въ одно и то же время и относительно одного и того же ²⁾, что оно таково-то и въ то же время не таково. 19. Но даже и въ различныя моменты [чувство] обманывается не относительно проявленія, но относительно того, чему присуще это проявленіе ³⁾. Напримѣръ, одно и то же вино, измѣняясь само или въ силу измѣненія тѣла ⁴⁾ можетъ показаться то сладкимъ, то не сладкимъ. Но сладкій вкусъ самъ по себѣ, если только онъ есть, не измѣняется ⁵⁾, и [чувство] всегда даетъ относительно его истинное свидѣтельство, и всякое вкусовое ощущеніе, которое должно быть сладкимъ, необходимо и бываетъ такимъ именно.

¹⁾ Въ текстѣ прямо сказано „самого“, то есть того, который нуженъ для даннаго рода ощущеній: слуха для слышимаго, зрѣнія для зримаго, и т. д.

²⁾ То-есть, всякій разъ, когда возможна одновременность двухъ противорѣчивыхъ утвержденій, нарушено или единство субъекта, воспринимающаго ощущеніе и говорящаго о немъ, или единство объекта; первое можетъ произойти и въ одномъ и томъ же существѣ: потому что вѣдь истиннымъ субъектомъ ощущенія бываетъ не оно само въ его цѣломъ, но его единичныя части или органы воспріятія.

³⁾ То-есть, ошибается въ умозаключеніи, которое происходитъ въ общемъ сознаніи существа о причинѣ ощущеній, воспріятыхъ его отдѣльными органами.

⁴⁾ То-есть, органа вкусоваго.

⁵⁾ То-есть, что сладко—сладко, какъ бы ни была причина его для другаго или въ другое время.

20. Однако, всё эти теории отвергают этот [фактъ] и какъ не признаютъ ни въ чемъ сущности, такъ отрицаютъ и законъ необходимости. Ибо необходимое не можетъ быть то такимъ, то не такимъ ¹⁾; такъ что если ужъ что существуетъ по необходимости, то оно не можетъ быть и не быть такимъ-то. 21. Однимъ словомъ, если существуетъ только чувственно-воспринимаемое, то ничего не было-бы, если бы не было одушевленныхъ существъ, ибо тогда не было бы чувствованія. Пожалуй, можно было бы согласиться, что въ такомъ случаѣ не было бы ни чувственно-воспринимаемаго, ни ощущеній (ибо они суть проявленіе существа чувствующаго); но чтобы предметы, которые производятъ чувствованіе, не могли существовать безъ чувствованія, этого нельзя допустить. Ибо чувствованіе, конечно, возникаетъ не само изъ себя: есть всегда нѣчто другое, помимо чувства, что необходимо предшествуетъ чувствованію. Вѣдь движущее, напримѣръ, по самой своей природѣ предшествуетъ движимому. То же самое будетъ, если даже эти терманы употребляются взаимно одинъ по отношенію къ другому.

VI.

1. [Одинъ вопросъ] поднимаютъ и тѣ изъ [философовъ], которые убѣжденно держатся этой [теоріи], и тѣ, которые только на словахъ раздѣляютъ ее. Они спрашиваютъ, кто же судья относительно того, здоровъ-ли такой-то, и вообще относительно правильности сужденій въ каждомъ [данномъ случаѣ]. Но такіе вопросы подобны тому, какъ если бы кто затруднялся знать, спитъ ли въ данный моментъ, или бодрствуемъ? 2. Всѣ подобныя сомнѣнія имѣютъ одинаковую цѣну: эти [философы] требуютъ основаній (λόγον) для всего; они ищутъ начала и вотъ стараются найти его черезъ доказательство, такъ какъ изъ ихъ дѣйствій очевидно, что они не убѣждены въ этомъ. Но, какъ мы сказали ²⁾, они уже слишкомъ увлекаются, такъ какъ они

¹⁾ То есть, необходимое для чего-либо, изъ существованія котораго мы открываемъ и существованіе этого необходимаго. Невозможность для него быть такимъ и инымъ основывается на томъ, что черты его природы до такой степени тѣсно связаны съ даннымъ наблюдаемымъ, что по одному присутствію послѣднего мы уже съ логическою увѣренностью говоримъ, что присутствуетъ и оно. Иско, что разъ данное наблюдаемое есть, есть и всѣ внутренніе качества его необходимой причиной, и именно въ томъ видѣ, какъ они есть, а не въ какомъ-нибудь неопрѣдѣленномъ.

²⁾ См. гл. IV, ст. 2.

ищутъ основаній для того, что не имѣетъ основаній: вѣдь принципъ доказательства не можетъ быть [предметомъ] доказательства. Они легко могли бы въ этомъ убѣдиться, ибо это не трудно понять (λαβείν).

А тѣ, которые ¹⁾ ищутъ въ словесномъ преніи только силы выраженія (τῆν βίαν), ищутъ невозможнаго, ибо они требуютъ, чтобы имъ сказали [что-нибудь] напротивъ, и сами тотчасъ же опровергаютъ. 3. Если же не все [въ мірѣ] относительно, но есть нѣчто существующее и само по себѣ, то не все кажущееся истинно, ибо все кажущееся — кому-нибудь да кажется; такъ что кто говоритъ, что все кажущееся истинно, тотъ все сущее дѣлаетъ относительнымъ ²⁾. 4. Поэтому тѣмъ, кто ищетъ силы выраженія въ словесномъ преніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ поддерживать разсужденіе, не нужно упускать изъ виду, что не [вообще] кажущееся есть, но [что оно есть] только для того, кому кажется, когда кажется, и насколько, и какъ [кажется]. Если же они станутъ поддерживать пренія, но не въ такомъ видѣ, то скоро окажется, что они сами себѣ противорѣчатъ. 5. Дѣйствительно, одному и тому же лицу что-нибудь на видъ можетъ казаться медомъ, а на вкусъ не быть [медомъ], и хотя [у насъ] два глаза, но [можетъ казаться] не одно и то же тому и другому, если они не схожи.

Такимъ образомъ, тѣмъ, кто по указаннымъ выше причинамъ утверждаетъ, что [все] кажущееся истинно, и что все одинаково и истинно, и ложно (ибо, вѣдь, не всѣмъ кажется одно и то же и одному и тому [лицу] не всегда [кажется] одно и то же, но часто противоположное въ одно и то же время ³⁾), напримѣръ, прикосновеніе при сирециваніи пальцевъ свидѣтельствуешь, что [предметовъ] два, а зрѣніе — что предметъ одинъ, можно сказать: это такъ, но не для одного и того же чувства, не по отношенію къ одному и тому же [предмету], а равно и не въ одно и то же время; такое [возраженіе] было бы истиннымъ.

6. А если такъ, то тѣ, которые поддерживаютъ эту теорію не въ силу [дѣйствительнаго] затрудненія передъ вопросомъ, а только

¹⁾ См. гл. V, ст. 2.

²⁾ Кто утверждаетъ, что все кажущееся истинно, тотъ, значитъ, не различаетъ дѣйствительно кажущагося отъ существъ, которымъ оно кажется. Если же дѣлать это различіе, то нельзя будетъ утверждать, что и существа эти есть нѣчто кажущееся.

³⁾ То-есть, при раздѣльности субъекта или объекта, хотя бы раздѣльность первая и выражалась раздѣльностью только органовъ воспринимающихъ, которые соединены въ одномъ существѣ (напримѣръ, человѣкъ).

изъ-за того, чтобы говорить, необходимо должны были бы утверждать, что истинно не „то-то“, а „для того-то“. А въ такомъ случаѣ, какъ выше сказано, необходимо считать (поиῖν) все относительнымъ, зависящимъ отъ мнѣнія и чувства, такъ что если никто не думалъ предварительно [объ извѣстномъ предметѣ], то онъ и не явился, и не явится. А разъ [предметъ] явился или явится ¹⁾, то, очевидно, не все обуславливается только [нашимъ] мнѣніемъ. 7. Притомъ же если [впечатлѣніе] одно, то оно и относится къ одному или къ [чему-либо] опредѣленному. Если одно и то же есть и половина, и равное [чему-нибудь], то, конечно, оно равно не двойному [самому себѣ]. Если по отношенію къ мыслимому человекъ и мыслимое одно и то же, то человекъ будетъ не мыслящее, а мыслимое. Если же каждый [предметъ] будетъ существовать [только] по отношенію къ мыслящему, то мыслящее по виду будетъ принадлежать къ безпредѣльному.

8. Такимъ образомъ нами указано, что самый прочный изъ исѣхъ принципъ состоитъ въ томъ, что взаимно противоположныя утверждения не [могутъ] быть одновременно истинными; [и вѣдѣтъ съ тѣмъ мы указали], что выходитъ у людей, принимающихъ только что разобранное ²⁾ мнѣніе, и почему они его принимаютъ.

9. А если невозможно, чтобы противорѣчивое относительно одного и того же [предмета] одновременно было истиннымъ, то ясно, что и противоположности не могутъ одновременно быть присущими одному и тому же предмету ³⁾. Ибо изъ [двухъ] противоположностей каждая не менѣе [другой] есть лишеніе, именно лишеніе сущности ⁴⁾, а ли-

¹⁾ То-есть, безъ предварительнаго мышленія о немъ. Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду мнѣніе, что все воспринимаемое нами изъ внѣшняго міра, или хотя бы только мыслимое,—словомъ, всякій *объектъ*, въ некоторомъ особомъ видѣ уже предварительно содержится въ нашемъ мышленіи, есть часть субъекта, но только не проясненная, не выдѣлявшаяся изъ неопредѣленнаго множества подобныхъ же частей. Словомъ, между субъектомъ и объектомъ есть некоторая соотносительность, въ силу которой не все, въ насъ лежащее, можетъ стать созерцаемымъ или мыслимымъ, но только то, что хотя безсознательно, но предварительно мыслилось или созерцалось.

²⁾ То-есть, у отвергающихъ этотъ принципъ и принимающихъ, что можно утверждать одновременно противорѣчивое и все-таки истинное.

³⁾ Этими словами законъ противорѣчія изъ высшаго логическаго принципа обращается въ принципъ физическій; не мыслимое для разума не дѣйствительно и въ природѣ.

⁴⁾ Мы ожидали бы: „лишеніе изъ существъ того предмета, въ которомъ лежатъ противоположности, и лишеніе именно качества обратнаго, которое отрицается утвержденіемъ одной изъ противоположностей“; напримѣръ, „доброе“=„не злое“, и „черное“=„не бѣлое“.

шеніе есть отрицаніе того или иного [точно] опредѣленнаго вида. Итакъ, если невозможно одновременно истинно утверждать и отрицать, то невозможно и то, чтобы одновременно были присущи противоположности, если только онѣ не присущи обѣ условно (πῦ) ¹⁾, или одна условно, а другая—примо (ἀπλῶς).

VII.

1. Но и между противорѣчивыми утвержденіями (ἀντίφασις) не можетъ быть ничего [другаго] ²⁾: необходимо или утверждать, или отрицать что нибудь одно обѣ [извѣстномъ] однимъ [предметъ],—конечно, прежде всего опредѣлиши, что истинно и что ложно. Говорить о существующемъ, что его нѣтъ, или о несуществующемъ, что оно есть—[значить говорить] ложь, а говорить, что существующее есть, а несуществующаго нѣтъ—значить говорить истинное; такъ что говорящій, что „то-то есть“ или [что „того-то“] нѣтъ—говорить истину или лжетъ: ни о существующемъ не говорится, что оно существуетъ или не существуетъ, ни о несуществующемъ.

2. А среднее между противорѣчивыми утвержденіями будетъ или тѣмъ, чѣмъ бываетъ пестрое между чернымъ и бѣлымъ, или вовсе ничѣмъ, какъ [ничего нѣтъ] между человекомъ и лошадыю. А если такъ, то не можетъ быть [никакой] перемѣны (ибо измѣненіе бываетъ изъ нехорошаго въ хорошее или изъ хорошаго въ нехорошее), потому что перемѣна можетъ произойти только въ противоположное или въ посредствующее; на самомъ же дѣлѣ [перемѣны] постоянно оказываются. Если же было бы посредствующее, то возможно было бы происхожденіе блага не изъ неблага,—чего нигдѣ не выдано. 3. Кромѣ того, все доступное мысли и мыслимое наша мысль утверждаетъ или отрицаетъ. А когда [именно] она выражаетъ правду, когда—ложь, это ясно изъ [даннаго выше] опредѣленія. Когда она такимъ-то образомъ комбинируется, утверждая или отрицая [то или иное], она выражаетъ истину, а когда иначе комбинируется, то получается

¹⁾ То-есть, предпологаемо; тогда одна изъ нихъ только будетъ дѣйствительна, а другая мнимая, или даже обѣ мнимы, предположенныхъ нами о предметѣ, вовсе намъ неизвѣстномъ и дѣйствительномъ видѣ.

²⁾ Аристотель переходитъ здѣсь къ закону исключеннаго третьяго, какъ слѣдствію предыдущаго принципа: между утвержденіемъ и отрицаніемъ, изъ которыхъ одно присуще предмету, нѣтъ еще ничего другаго промежуточнаго, что ему также могло бы быть присуще.

ложь. 4. Кроме того, [если принимать посредствующее], то оно должно быть при всѣхъ противорѣчивыхъ положеніяхъ, если только не попусту толковать; такъ что [принимаящій среднее] не говоритъ истинны и не говоритъ неистиннаго ¹⁾. Далѣе, и рядомъ съ сущимъ и не сущимъ будетъ нѣчто среднее, такъ что рядомъ съ рожденіемъ и уничтоженіемъ будетъ какое-то еще другое измѣненіе. 5. Среднее будетъ даже въ такихъ рядахъ, гдѣ отрицаніе [необходимо] ведетъ за собою противоположное, напримѣръ, въ числахъ: число не будетъ ни четнымъ, ни нечетнымъ. Но это невозможно, что ясно изъ [самого] опредѣленія [числа] ²⁾. 6. Наконецъ, въ этомъ случаѣ придется идти въ безконечность, такъ какъ нельзя будетъ ограничиться [какими-то] полу-существомъ ³⁾, нужно будетъ идти далѣе. Придется опять и опять отрицать посредствующее по отношенію къ [первичному] утвержденію и отрицанію,—только тогда будетъ нѣчто [окончательное], ибо сущность ⁴⁾ есть нѣчто отличное отъ него [отъ посредствующаго]. 7. Притомъ же, если кто на вопросъ, бѣла ли такая-то вещь, скажетъ, что „нѣтъ“, то онъ вѣдь ничего другаго не отрицаетъ, кромѣ того, что она именно такая; отрицаніе же есть указаніе небытія.

8. Произошло же это мнѣніе у нѣкоторыхъ точно такъ, какъ и другіе парадоксы. Ибо когда кто не въ состояніи опровергнуть спорныя пункты, тотъ [обыкновенно], уступая противнику, соглашается, что умозаключеніе его истинно. Одни, значить, утверждаютъ это по только что указанной причинѣ, а другіе вслѣдствіе стремленія пайти для всего доказательство (λόγον).

9. Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ такихъ [людей] должно быть опредѣленіе, и [требованіе] опредѣленія получается для нихъ изъ необходимости дать точное обозначеніе [того, о чемъ думаютъ]; ибо понятіе, обозначеніемъ котораго служатъ [логическія] имена, дѣлается опредѣленіемъ.

¹⁾ То-есть, посредствующее есть какъ при утвержденіи каждаго, такъ и при его отрицаніи, какъ бы спускаясь отъ бытія съ одной стороны, такъ, съ другой, поднимаясь отъ небытія.

²⁾ Какъ совокупности единицъ, составленной изъ соединенія нѣсколькихъ, къ которымъ приближается сперва единица и получается, положимъ, нечетъ, и потомъ опять единица и уже получается непременно четъ.

³⁾ Все посредствующее есть полу-существо по отношенію къ тому, существованіе чего выражается его утвержденіемъ, или къ тому, несуществованіе чего выражается отрицаніемъ.

⁴⁾ Въ смыслѣ дѣйствительно существующаго.

Такимъ образомъ теорія Гераклита, утверждающая, что все существуетъ и не существуетъ, по видимому признаетъ все истиннымъ; а [теорія] Анаксагора признаетъ, что есть нечто посредствующее между противорѣчивыми положеніями, — такъ что все выходитъ ложнымъ.

VIII.

1. Послѣ этихъ разграниченій очевидно, что однообразно (*μονοχῶς*) говорить, и притомъ обо всемъ—невозможно, какъ это принимаютъ въкоторые, утверждающіе, что ничего нѣтъ истиннаго (ибо они говорятъ, что ничто не мѣняется всему на столько же быть [достовернымъ], какъ [недостоверное положеніе, что] діаметръ соизмѣримъ съ окружностью) или, [напротивъ, утверждающіе], что все истинно. Эти теоріи почти тождественны съ теоріей Гераклита. Ибо утверждающій ¹⁾, что все истинно или что все ложно, принимаетъ и каждую изъ этихъ теорій отдѣльно, такъ что если онѣ обѣ невозможны, то невозможна и его теорія.

2. Притомъ же [тутъ], очевидно, [два] противорѣчащихъ положенія, которыя не могутъ одновременно быть истинными. Но не всѣ [противорѣчія], конечно, и ложны; хотя, по видимому, [это самое заключеніе] можно было бы вывести изъ вышесказаннаго ²⁾.

3. При всѣхъ подобныхъ теоріяхъ нужно требовать, какъ это указано въ предшествующихъ разсужденіяхъ, не [общихъ] утверженій или отрицаній, но точныхъ указаній, такъ чтобы можно было разсуждать, опираясь на опредѣленіе, принявши въ расчетъ, что означаетъ ложное и что означаетъ истину. Если же [истина] есть не что иное, какъ утверженіе истиннаго и отрицаніе ложнаго, то невозможно, чтобы все было ложнымъ, ибо необходимо, чтобы [только] одно изъ двухъ противорѣчащихъ положеній было истиннымъ. 4. Съ другой стороны, если необходимо все утверждать или [все] отрицать, то невозможно, чтобы то и другое было ложнымъ, ибо ложно только одно изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній.

¹⁾ По видимому, относится къ Гераклиту, о которомъ, однако, въ концѣ предыдущей главы сказано лишь: „по видимому, признаетъ все истиннымъ“.

²⁾ То-есть, противорѣчія не бываютъ ложны, когда относятся къ различнымъ предметамъ, употреблены въ различныхъ смыслахъ, и пр., о чемъ всемія сказано уже было выше.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(Іюль и августъ 1893 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (17-го апрѣля 1893 года). О расходѣ на содержаніе дополни- тельного класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ	3
2. (17-го апрѣля 1893 года). О преобразованіи института сель- скаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.	4
3. (23-го апрѣля 1893 года). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей по- ложенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института.	16
4. (23-го апрѣля 1893 года). О переводѣ стипендіи имени Импе- ратора Александра II изъ Жидздринской мужской прогимназіи въ мѣст- ную женскую прогимназію.	17
5. (9-го сентября 1892 года). Объ учрежденіи при Устюжскомъ го- родскомъ училищѣ весьма стипендій имени Императоровъ Александра I и Александра II	49
6. (27-го февраля 1893 года). О приѣмѣ въ Иркутскую учительскую семинарію стипендіата изъ бурятъ буддистовъ въ качествѣ приходя- щаго ученика.	50
7. (27-го февраля 1893 года). Объ учрежденіи при Варшавской III женской гимназіи штатной должности законоучителя православнаго вѣроисповѣданія	51
8. (27-го февраля 1893 года). Объ учрежденіи должности фольд- шера при Александровскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ. Иро- славской губерніи	—

9. (26-го апрѣля 1893 года). Обь измѣненіи духовнаго завѣщанія есаула Бабича	—
10. (3-го мая 1893 года). О преобразованіи Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища и обь утвержденіи штата онаго	52
11. (3-го мая 1893 года). Обь обращеніи въ спеціальныя средства Императорскаго Томскаго университета дохода отъ полной продажи модикаментовъ клинической анатокою университета.	56
12. (10-го мая 1893 года). Обь учрежденіи при Маргеланскомъ и Самаркандскомъ Маринскихъ женскихъ училищахъ должностей почетныхъ попечительницъ	—
13. (10-го мая 1893 года). О переводѣ реальнаго училища изъ города Владивска въ городъ Калишъ	—
14. (10-го мая 1893 года). Обь учрежденіи при Валуиской Маринской женской прогимназіи стипендіи въ память двадцатипятилѣтія существованія сего учебнаго заведенія	57
15. (12-го мая 1893 года). Обь увеличеніи расхода на содержаніе Каресскаго Маринскаго женскаго училища	—
16. (12-го мая 1893 года). Обь обращенія отпущаемой изъ казны на наемъ помѣщенія для Владимірскаго уѣзднаго училища суммы на погашенію долга по приобрѣтенію собственнаго зданія для сего училища	—
17. (14-го мая 1893 года). Обь увеличеніи кредита на содержаніе Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи	58
18. (29-го мая 1893 года). О разрѣшеніи опредѣлять при Маринскихъ женскихъ училищахъ въ Маргеланѣ и Самаркандѣ врачей, съ правами медицинской службы.	59
19. (29-го мая 1893 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго землевладѣльцемъ Икономъ Тарновскимъ и обь учрежденія положенія о преміи его имени, выдаваемой за ученые труды по общей патологіи	—
20. (1-го іюня 1893 года). О преобразованіи шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій: Одесской въ гимназію и Херсонской въ четырехклассную прогимназію	62
21. (4-го іюня 1893 года). О передачѣ бывшаго зданія Строгановскаго центральнаго училища технического рисованія въ Москвѣ, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія	63
22. (4-го іюня 1893 года). Обь устройствѣ IX съѣзда русскихъ остоистовиспытателей и врачей въ городѣ Москвѣ	—

Высочайшія награды 63

Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія.

29-го мая 1893 года.	18
24-го іюля 1893 года	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

1. (20-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи имени доктора медицины статскаго совѣтника Г. Г. Циммерманъ при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. 22
2. (22-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи при Валуѣйской Маріинской женской прогимназіи, въ память двадцатипятилѣтія этого учебнаго заведенія —
3. (30-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени вдовы штабсъ-капитана Варвары Алексѣевны Лепартовичъ, по первому мужу Асехтиной 23
4. (31-го мая 1893 года). Положеніе о капиталѣ Якова Васильевича Тарновскаго, пожертвованномъ имъ университету св. Владиміра 24
5. (13-го іюня 1893 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра имени потомственнаго почетнаго гражданина Лазаря Израилевича Гродскаго 26
6. (2-го апрѣля 1893 года). Положеніе о стипендіи имени Ихъ Императорскихъ Величествъ при обществѣ братства святыхъ Кирилла и Меодіа для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи 73
7. (14-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы титулярнаго совѣтника Надежды Яковлевны Назукиной при Костромскомъ реальномъ училищѣ.
8. (14-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи имени помощника предсѣдателя архангельскаго статистическаго комитета, Г. І. Мишюко, при Архангельской мужской гимназіи. 74
9. (22-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства тайнаго совѣтника Петра Павловича Кожина при пансіонѣ Владимірской мужской гимназіи 75
10. (22-го мая 1893 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Юліана Ивановича Смоленскаго при Рыбинской мужской гимназіи. 76
11. (26-го іюня 1893 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повереннаго Франца Станиславовича Дьяковского при университетѣ Св. Владиміра
12. (29-го іюня 1893 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго областного предводителя дворянства войска Донскаго свиты Его Величества генералъ-маіора Давида Ивановича Орлова при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 78
13. (29-го іюня 1893 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго инспектора Ижорскаго городского четырехкласснаго училища Алексѣя Михайловича Монкова при означенномъ училищѣ 79
14. (12-го іюля 1893 года). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 80
15. (17-го іюля 1893 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Грибачевыхъ при Велико-Устюжской женской прогимназіи —

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го мая 1893 года
4-го іюля 1893 года.

СТРАН.

27

82

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

36 и 97

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

44 и 98

Официальныя извѣщенія 99

Открытіе училищъ 45

Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣ-
щенія о конкурсѣ въ 1893 году на преміи по составленію учебныхъ
руководствъ и пособій для промышленныхъ училищъ 99

Объявленіе отъ совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотво-
рительнаго Общества 1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ
(продолженіе) 1

В. А. Сомаровъ. Гроческій источникъ „Изреченій Исихія“. 84

В. О. Миллеръ. Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народ-
ныхъ сказаніяхъ 94

Ө. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи литовско-русскаго права
(продолженіе) 104

Л. Таллоци. Исторія сѣверо-восточной Европы и новѣйшая
мадьярская историографія 186

Ө. Ш. Кеппенъ. О нахожденіи янтаря въ предѣлахъ Россіи. 301

Ки. П. К. Имеретинскій. Дворянство Волынской губерніи 343

Илл. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 года
до настоящаго времени (продолженіе) 369

Е. О. Карскій. Два памятника стараго западнорусскаго на-
рѣчія 406

М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ (окончаніе) 431

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Дьяконовъ. II. Миллютъ. Спорные вопросы финансовой
исторіи Московскаго государства. С.-Пб. 1892 202

О. И. Успенский и А. И. Кирпичниковъ. Византийскій Журналъ, издаваемый профессоромъ <i>Крумбахеромъ</i> .	231
Е. П. Ковалевскій. Школьные сады Екатеринославской губернии съ 1890—1892 гг. Отчеты и докладъ <i>г. Лисицина</i> . Екатеринославль. 1892 .	273
Н. Н. Дебольскій. <i>И. Е. Германъ</i> . Исторія межевого законодательства отъ Уложенія до генеральнаго межеванія (1649 — 1765). М. 1893. .	277
А. И. Браудо. Новые матеріалы для исторіи русско-голландскихъ отношеній .	282
П. В. Безобразовъ. <i>М. Красножонъ</i> . Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви, Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва. 1892 .	517
О. И. Успенскій. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Изслѣдованіе <i>Н. Попова</i> . Москва. 1892 .	534
Книжныя новости	297 и 542

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ) .	. 1 и 17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Публичная Библіотека въ 1890 году .	1
К. П. Бестужевъ-Рюминъ. Яковъ Карловичъ Гротъ (<i>некрологъ</i>) .	12
Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1892 году .	19
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	40

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. П. Крашенинниковъ. Эпиграфическія этюды (<i>изданіе</i>). .	1
П. Д. Пурвовъ. { Метафизика Аристотеля (<i>продолженіе</i>). .	47 и 49
В. В. Розановъ. {	

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ позволенія Его Императорскаго Высочества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Царевичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для труда низшихъ классовъ instituted и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г. Въ первомъ изданіи одобрена Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и выписнаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛЕНЬШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое, дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. П. Просвѣщенія для класснаго и выписнаго чтенія; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Воскресеннаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкъ.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 35 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города.
